ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ивинский Александр Дмитриевич

М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760-1790 гг.

Т. 1

Специальность 5.9.1. –
Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2026

Оглавление

Т.1

Введение……4

Глава I. Муравьев и русская литература екатерининской эпохи

§1. Семейный круг и литературно-общественная среда Муравьева в его неопубликованных письмах……21

§2. Муравьев и реформа торжественной оды: «Новые лирические опыты»...121

§3. «Живописец»: история текста и проблематика……...147

§4. «Записная книга» Муравьева как источник текста его лирических стихотворений 1770 – 1790-х г……162

Глава II. Муравьев и «Собрание старающееся о переводе иностранных книг» Екатерины II. Переводы в творческой биографии Муравьева……184

§1. Муравьев и проблема идеального монарха: «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского»……..186

§2. Муравьев и Античность: неопубликованные переводы из греческих и римских поэтов……207

§3. Муравьев и европейские поэты Нового времени: неопубликованные переводы произведений Тассо, Буало, Корнеля, Расина, Вольтера и др…….309

Глава III. Муравьев и русский театр екатерининской эпохи

§1. Муравьев и Княжнин. «Дидона» Муравьева……...371

§2. Муравьев и русская комедия: «Выигранная тяжба» и «переложение на наши нравы»……393

Глава IV. «Русская идея» Екатерины II, Муравьева и Карамзина: история как идеология……..407

Глава V. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: лингвистика как идеология……..433

Заключение: Муравьев – писатель и идеолог екатерининской эпохи…….444

Список использованной литературы……..457

Т. 2

Приложения

Приложение 1. Письма Муравьева к родным 1776-1803 гг……..3
Приложение 2. Письма Ф.Н. Муравьевой к родным……...436
Приложение 3. Письма Муравьева к Д.И. Хвостову……...438
Приложение 4. Неопубликованные оды и «Перечень рассуждения об оде»……...448
Приложение 5. Стихи из «Записной книги»…….453
Приложение 6. «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестивого, герцога Саксонского»……...484
Приложение 7. Трагедия Муравьева «Федра» (фрагмент)……..519
Приложение 8. Трагедия Муравьева «Дидона»……537
Приложение 9. Комедия Муравьева «Выигранная тяжба»……..605

Введение

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) – один из крупнейших русских писателей последней трети XVIII в. Его интересы были крайне разнообразны: тонкий поэт, прозаик-экспериментатор, драматург, переводчик как древних, так и новых авторов, историк, педагог. Он был знаком со всеми ключевыми писателями своего времени: Екатериной II, М.М. Херасковым, В.И. Майковым, Д.И. Фонвизиным, Г.Р. Державиным, Н.А. Львовым, В.В. Капнистом, И.И. Хемницером, В.П. Петровым, Я.Б. Княжниным, Н.И. Новиковым, Н.М. Карамзиным, Д.И. Хвостовым и мн. др. В мир большой литературы он вошел фактически подростком, оставаясь значимой и заметной фигурой на Парнасе более 40 лет. При этом парадоксальным образом он печатался крайне неохотно: Муравьев опубликовал только шесть небольших поэтических книг, все они были напечатаны в течение двух лет — с 1773 по 1775 гг. [Муравьев 1773; Муравьев 1774a; Муравьев 1774b; Муравьев 1774c; Муравьев 1775[[1]. Как отметила Л. И. Кулакова, «последний прижизненный сборник стихотворений Муравьева вышел из печати, когда автору было 18 лет» [Муравьев 1967, с. 319]. Хотя позднее отдельные тексты выходили в крупных журналах, например, в ключевом издании эпохи – «Собеседнике любителей российского слова», соотношение напечатанного и оставшегося в рукописях явно не в пользу первого: неопубликованного на порядок больше, и в рукописях остались сотни его произведений. Кроме того, несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, не введен в научный оборот эпистолярий Муравьева. По этим причинам научная биография писателя пока не могла быть написана, она полна лакун, которые заполняются очень медленно. Главная проблема на этом этапе, с нашей точки зрения, не только и не столько в том, как сформировать новые интерпретационные модели и осмыслить творческое наследие писателя, сколько в пополнении фактической

[1] О них подробнее см.: [Топоров, 2001-2007, 2, с. 11–73].

базы. Подчас мы просто не представляем себе основной канвы жизни Муравьева.

Диссертационное исследование посвящено комплексному рассмотрению личности и творчества М.Н. Муравьева в контексте культурной политики Екатерины II и механизмов ее функционирования в последней трети XVIII века. В центре внимания – Муравьев как писатель, поэт, переводчик, драматург и участник интеллектуальных процессов, связанных с ключевыми институциями эпохи (университетская и академическая среда, литературные общества, переводческие инициативы, реформирование театра, идеологические дискурсы).

Структура и проблематика исследования охватывают ряд взаимосвязанных направлений: участие Муравьева в литературном процессе 1770–1790-х гг.; переводческую деятельность в связи с государственными культурными инициативами; вклад в развитие и преобразование русской драматургии; разработку историко-идеологических нарративов («русская идея»); осмысление лингвистических сюжетов как идеологического ресурса эпохи.

Актуальность темы обусловлена необходимостью уточнения представлений о культурной политике Екатерины II как системе институтов и практик, в которой литературный текст функционирует как средство культурного посредничества, нормирования и идеологического конструирования. Фигура М.Н. Муравьева в данном контексте позволяет реконструировать культурную «инфраструктуру» эпохи: каналы протекции, академические и литературные сети, практики перевода и театральной реформы, а также траектории карьерной и интеллектуальной социализации автора.

Проблематика, связанная с наследием Муравьева, освещалась в работах, посвященных поэтике, переводческой деятельности и эпистолярной практике писателя. Вместе с тем целостное рассмотрение Муравьева как участника культурного проекта Екатерины II, предполагающее сопоставление текстовых

и институциональных механизмов, сохраняет исследовательскую перспективность и требует систематизации источникового материала. Кроме того, принципиальная **новизна** диссертации заключается в введении в научный оборот целого корпуса рукописных текстов Муравьева.

I. Эпистолярий:

Письма М.Н. Муравьева к родным: Н.А. Муравьеву, Ф.Н. Луниной (Муравьевой), М.А. Муравьеву, С.М. Лунину, Е.Ф. Муравьевой) (485), к Д.И. Хвостову (13) и Ф.Н. Луниной к Н.А. и М.Н. Муравьевым (2).

II. Проза:

Публикация «Жизни Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» – одного из первых завершенных произведений писателя.

III. Лирика:

Публикация двух од, которые должны были быть частью «Новых лирических сочинений» Муравьева; стихотворений из рукописной «Записной книги» поэта, в т.ч. двух неизвестных ранее «редакций» сказки «Живописец» (40) и переводов из древних и новых авторов, в т.ч. из «Федры» Ж. Расина (около 100).

IV.Драматургия

Публикация трагедии «Дидона» и комедии «Выигранная тяжба» Муравьева.

Данные тексты позволяют не только приблизиться к реконструкции биографии и творчества Муравьева, но и понять его место в историко-литературном процессе 1770–1790 гг. Авторские стратегии Муравьева рассматриваются в диссертации в широком контексте культурной политики Екатерины II, считавшей, что залог эффективности государственного управления – популярность реформ среди максимально широких кругов элиты. Но что делать, если аристократия и высшая бюрократия, умело лавируя между интересами монарха и дворянства, не готовы полностью поддерживать

власть? Создать новую элиту. Этим в 1770–1790-е гг. и занималась Екатерина II. Причем речь идет не о банальном фаворитизме, напротив, появление на авансцене Орловых или Потемкина – лишь частное проявление общего процесса: императрица пересоздала двор как поле взаимодействия различных элитных групп и предложила новые правила игры – дворянскую этику и эстетику. Причем последние основывались на французских образцах, но никогда к ним не сводились и по-новому встраивались в сложный, невероятно нюансированный, очень традиционный мир русского Двора.

Уникальная особенность литературной политики Екатерины II заключается в том, что она сама была ярким и заметным автором, создала множество произведений в очень разных жанрах – от журнальных статей до комедий и трагедий. Этими текстами императрица задавала идеологическую рамку, формировала систему политических сигналов, которые должны были расшифровать как другие писатели, так и читатели при дворе. Мы постараемся показать, что именно эту рамку позднее назовут «русской идеей». Уже в 1760–1770-х гг. Екатерина II поставила само существование абсолютистского проекта в зависимость от успеха конструирования национальной идентичности. Оно опиралось на изучение и продвижение своих истории, культуры, литературы и языка. Эти идеи должны были не просто легитимировать ее власть, но сделать ее прочнее и устойчивее, так как благодаря им императрица предлагала новые принципы монархического правления. Во многом это был глубоко новаторский проект, который необходимо включить в широкий контекст национального строительства западного модерна. Отдавая себе отчет в том, что конструирование нового образа русского аристократа возможно только с опорой на богатый европейский опыт, императрица выдвинула свои журнальные проекты – «Всякую всячину» и позднее «Собеседник любителей российского слова» – как опыт своеобразного культурного трансфера философии savoir vivre и образа европейского аристократа на русскую почву. В этом контексте

ключевое значение приобретают именно те тексты императрицы, которые долгое время считались маргинальными, – многочисленные «научные» труды, в первую очередь «Записки касательно российской истории» и «Всеобщий словарь всех языков». В результате и, казалось бы, известные тексты, попадая в иной контекст, прочитываются иначе: то, что мнилось важным (спор о «сатире» с «Трутнем», борьба с «просветителями» и проч.), приходится признавать второстепенным; более того, там, где видели только отличия, теперь становятся заметнее сходства, а «принципиальные идеологические баталии» обернулись частными спорами внутри одной парадигмы.

Очевидно, проекты Екатерины II никогда бы не реализовались без поддержки ее сторонников. Один текст или даже журнал, сколь бы они ни были талантливы, не могли бы изменить культурное пространство. Возможно, главное достижение литературной политики Екатерины II – это создание пространства литературной жизни, которое выглядело как сложная сеть неформальных связей между высшей властью и элитой, где поэтам отводилась роль своего рода «посредников», «группы поддержки» политического и культурного проекта императрицы, в союзе с ней разрабатывающей новый культурный язык, необходимый для его реализации. В 1760-1790 гг. на первый план выдвинулись «посредники», «медиаторы», которыми стали талантливейшие писатели эпохи: М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков, В.П. Петров, Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Е.Р. Дашкова, Н.М. Карамзин. Одним из таких «агентов» стал и Муравьев. Система, созданная Екатериной II, была далека от ригидности, допускала разный уровень допуска: некоторые из этих писателей так и не узнали, что их труды вошли в новый идеологический «пантеон» (Ломоносов и особенно Тредиаковский, который, вопреки устоявшимся представлениям, был одним из ключевых авторов для Екатерины II, многократно обращавшейся к его трудам), другие сравниетельно быстро потеряли актуальность (Петров), третьи были выдвинуты в центр (кто-то на время, как Новиков или Фонвизин,

а кто-то навсегда, как Дашкова или Державин), четвертые стали «проводниками» проекта в новую эпоху (Муравьев и Карамзин).

Как на практике реализовывалась такая программа, легко понять, если обратиться к сохранившимся источникам. Так, один из наиболее ярких примеров – это письма Муравьева к Д.И. Хвостову, которые мы анализируем ниже. Одна из главных тем, которая обсуждалась молодыми писателями, – премьера комедии Хвостова «Легковерный». Казалось бы, частный историко-литературный сюжет дает нам ключ к пониманию механизмов действия культурной политики Екатерины II.

Императрица, как мы покажем ниже, присутствовала на спектакле, комедия ее заинтересовала, поэтому она обсудила ее с театральным цензором В.И. Бибиковым, который передал «инструкции» директору Академии наук С.Г. Домашневу, а тот, в свою очередь, использовал Муравьева как посредника для того, чтобы донести мысли императрицы до скромного автора. При этом совершенно неважно, последовал ли Хвостов этим рекомендациям; важно же то, что модель отработана, каналы связи настроены, возможности открылись. Дальше все зависело от выбора поэта: он мог следовать предложенным ему правилам, добиваясь укрепления своего статуса при дворе, мог начать собственную игру или вовсе от нее отказаться. Так, Петров, по каким-то причинам вышедший из «игры», стал помещиком, а Державин, продолжавший ее даже в сложных обстоятельствах, – министром юстиции. Следовательно, личные стратегии авторов екатерининского времени интересны именно как опыты сближения или отталкивания от двора.

При этом это далеко не единственный задокументированный случай прямого вмешательства власти в занятия писателя. Так, 4 декабря 1778 г. Муравьев писал отцу о том, как тот же Домашнев «<…> просил <…> на нынешней неделе к себе, чтоб поручить мне переводить», и подчеркивал, что «ему дала сие Комиссия от Государыни». А 5 января 1792 г. Муравьев

рассказывал Луниным: «Я полагаю, что трудами моими довольны. По крайней мере, сказывают, что обо мне вчера говорили. Надобно привести в порядок некоторые Исторические записки о России. Имели снисхождение упомянуть обо мне. Вы видите всю мою важность». Отметим, что первая мысль Муравьева после того, как он узнал, что его обсуждали члены императорской фамилии, – привести в порядок «Исторические записки о России» (о роли истории в выстраивании имперской идеологии см. Главу IV).

Мы постараемся показать, что самые значительные сочинения Муравьева существовали в «рамке» екатерининского культурного проекта. Его остроумная попытка реформировать торжественную оду – это во многом следование тем принципам, которые были сформулированы во «Всякой всячине», и она опередила державинскую революцию, которую тот совершил своей «Фелицей». Многие годы Муравьев искал ответ на вопрос о природе власти и роли просвещенного монарха в истории (от раннего перевода «Эрнеста» и оригинальной «Дидоны» до исторических трудов). Переводческая «мания» не только факт его биографии, но и следствие тех больших институциональных процессов, которые запустила Екатерина II; в первую очередь, имеем в виду «Собрание старающееся о переводе иностранных книг». При этом сами участники литературного процесса понимали, что им было предложено властью, и пытались играть по правилам; ср. показательный фрагмент из письма Муравьева к Н.А. Муравьеву от 28 ноября 1776: «Нынешний день, обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьяго дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего *Болеслава* и переводных *Елегий* Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович <Майков>, в стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Елегии мои ему очень нравятся, и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, котораго он не любит».

Цель исследования — проанализировать с опорой на вводимые в научный оборот эпистолярные и литературные тексты роль Муравьева в историко-литературном процессе 1770-1790 гг..

Из заявленной цели проистекают следующие **задачи**:

1) дополнить и описать корпус источников и определить их информативность для реконструкции культурных практик последней трети XVIII века;

2) описать формы и основные эпизоды участия Муравьева в литературной жизни 1770–1790-х гг. и реконструировать сеть его социальных и литературных контактов;

3) проанализировать переводческую деятельность Муравьева в связи с инициативами Екатерины II по институционализации перевода и формированию культурного канона;

4) рассмотреть вклад Муравьева в реформирование театра: переводы драматических текстов, взаимодействия с драматургами и практики адаптации («переложение на наши нравы»);

5) выявить функции исторических и лингвистических сюжетов в деятельности Муравьева, направленной на идеологическое конструирование «русской идеи»;

6) описать цели и механизмы взаимодействия Муравьева – писателя, идеолога и чиновника с культурной политикой Екатерины II.

Предмет исследования – деятельность М. Н. Муравьева в указанных сферах: его оригинальные и переводные тексты, эпистолярий, формы участия в институциональных инициативах, а также коммуникационные и протекционные сети.

Объект исследования – культурная политика Екатерины II и связанные с ней практики литературного производства, перевода, театральной реформы, историко-идеологического и языковедческого дискурса второй половины XVIII века. **Материалом** исследования стали тексты Муравьева (лирические стихотворения, драматургия, переводы, исторические очерки, письма и др.) и его современников, архивные материалы, составившие основу **источниковой**

базы исследования и находящиеся на хранении в крупнейших государственных архивных собраниях Москвы и Санкт-Петербурга: Отделе Письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Рукописном отделе Института русской литературы РАН, Российском государственном архиве литературы и искусств, Государственном архиве РФ, Государственном литературном музее. Существенное значение имеет эпистолярное наследие, позволяющее детально реконструировать круг общения, чтения и институциональные практики (семья, служба, академическая среда, литературные связи).

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования при написании академической биографии М.Н. Муравьева, подготовке научных изданий его сочинений и эпистолярия, а также в учебных курсах по истории русской литературы XVIII века.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении моделей описания культуры екатерининской эпохи как системы институтов и практик, в которых литературный текст выполняет функции культурного управления и идеологического конструирования.

Степень изученности материала. Значение Муравьева в истории русской культуры поняли очень рано. Не случайно К.Н. Батюшков, Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский подготовили его трехтомное Полное собрание сочинений [Муравьев, 1819-1820], которое, впрочем, было далеко от полноты и представляло собой результат своеобразного отбора, которое красноречиво свидетельствовало не столько об интересах Муравьева, сколько об эстетических представлениях карамзинистов (так, например, в нем практически отсутствовала его лирика; о работе великих поэтов над этим проектом см.: Левин, 1965). Тем не менее это издание во многом предопределило на десятилетия вперед направления изучения творческого наследия Муравьева. Не решало академических задач и издание Сочинений поэта, вышедшее в типографии А. Смирдина в 1847 (2-е изд. – 1856). Важным

событием в изучении поэзии Муравьева стала подборка его стихов во втором томе «Поэтов XVIII в.» (Л.: Советский писатель, 1958). Но настоящий прорыв случился благодаря усилиям Л.И. Кулаковой, блестящего знатока муравьевских текстов: она подготовила к печати в томе «Библиотеки поэта» сотни стихотворений Муравьева и написала яркую вступительную статью, которая до сих пор не утратила своей актуальности (Муравьев, 1967).

Биография Муравьева реконструировалась по крупицам в течение десятилетий: первые некрологи [Дмитревский; Кошанский], а также очерки жизни и творчества и воспоминания [см. особенно: Батюшков, 1814; Б...ский; Рахманов, 1855; Шевырев, 1855] напомнили о Муравьеве если не «широкому читателю», то немногим знатокам истории русской литературы. Помимо этого в печати начали появляться некоторые письма Муравьева [Карамзин, 1845; Письма, 1861]. Отдельно отметим специальные работы М.Н. Лонгинова [Лонгинов, 1870], М.И. Сухомлинова [Сухомлинов, 1878; Сухомлинов, 1885], В.И. Саитова [Саитов, 1885] и Л.Н. Майкова [Майков, 1889]. Первый опыт обобщения накопленного материала – статья Е.В. Петухова [Петухов, 1894]. Но наиболее информативная, с нашей точки зрения, биография Муравьева была написана Н.П. Жинкиным, собравшим и проанализировавшим огромный материал, который до сих пор используют исследователи [Жинкин, 1913].

«Советского» Муравьева во многом создал Г.А. Гуковский, который назвал его предшественником русского сентиментализма [Гуковский, 1938]; об этой концепции мы неоднократно будем говорить в дальнейшем. Блестящие работы о Муравьеве написала Л.И. Кулакова [Кулакова, 1939; Муравьев, 1967; Муравьев, 1980], которая внесла неоценимый вклад в его изучение.

В 1970-1990 гг. Муравьевым занимались ученые, чьи труды давно стали классикой «муравьевоведения». Отметим, в первую очередь, работы Р.М. Лазарчук, И.Ю. Фоменко и В.А. Западова. Так, Лазарчук посвятила Муравьеву и его современникам две диссертации и целый ряд ярких статей,

она исследовала его эпистолярий, круг знакомств и переводческую практику [Лазарчук, 1971; Лазарчук, 1972; Лазарчук, 1976; Лазарчук 1982; Лазарчук, 1990; Лазарчук, 1992; Лазарчук, 1994; Лазарчук, 1995; Лазарчук, 1997; Лазарчук, 1999; Лазарчук, 2000]. И.Ю. Фоменко защитила диссертацию и написала серию работ о Муравьеве, проанализировав его прозу, историчсекие взгляды, круг чтения и мн. др. [Фоменко 1981a; Фоменко 1981b; Фоменко 1983; Фоменко, 1984; Фоменко, 1997; Фоменко, 1998]. В.А. Западов продолжил труд своей матери Л.И. Кулаковой и написал несколько ярких и значимых статей о жизни и творчестве Муравьева (см. особенно: Западов, 1966; Западов, 1999).

В 1990-2020 гг. значительный вклад в изучение муравьевского наследия внесли Л. Росси, А.Н. Пашкуров и К.Ю. Лаппо-Данилевский. Каждый из этих исследователей вводил в научный оборот новые документы и тексты, а также предлагал новые интерпретации уже известных произведений. Так, отметим статьи Л. Росси, без которых современное изучение Муравьева невозможно (Росси, 1994; Росси, 1995; Росси, 2003; Росси, 2005; Росси, 2015; Росси, 2018 – на эти и др. ее работы мы неоднократно ссылаемся в данном сочинении). А.Н. Пашкуров защитил две диссертации и опубликовал ряд книг и статей о Муравьеве и русской литературе XVIII в. [Пашкуров, 1997; Пашкуров, 2011; Пашкуров, 2011; Пашкуров, 2012; Пашкуров, 2013; Пашкуров, 2015; Пашкуров, 2023; в особенности см. две монографии: Пашкуров, Мясников 2003; Пашкуров, 2019]. Кроме того, А.Н. Пашкурову и его коллегам принадлежит важнейшее достижение, которое вывело изучение Муравьева на новый уровень, – организация регулярных конференций в Казанском университете, посвященных Муравьеву, по результатам которых уже много лет выходит сборник «Михаил Муравьев и его время». К.Ю. Лаппо-Данилевский написал несколько важных работ о Муравьеве, об эпистолярной культуре его времени, о литературных кружках последней трети XVIII в. [Лаппо-Данилевский, 2002; Лаппо-Данилевский, 2013; Лаппо-Данилевский, 2024 и др.].

Главное достижение в исследовании творческого наследия Муравьева – труды В.Н. Топорова: по обилию нового материала они пока не знают себе равных [Топоров, 2001-2007, 1-3].

Опыт осмысления жизни и творчества Муравьева в рамках своей концепции «импорта эмоций» относительно недавно предпринял А.Л. Зорин [Зорин, 2018] – его работу мы подробно обсуждаем в Главе I.

Наконец, хотелось бы отметить труды М.В. Ленчиненко и А.И. Любжина, которые открыли, по сути дела, новое направление в изучении Муравьева – исследование его библиотеки, в первую очередь сочинений античных авторов, на полях которых сохранились многочисленные пометы поэта [Любжин, Ленчиненко, 2016; Ленчиненко, Любжин, 2017; Любжин, Ленчиненко, 2019; Ленчиненко, 2019; Ленчиненко, Любжин, 2024; Беликов, Ленчиненко, Любжин, 2024; Беликов, Ленчиненко, Любжин, 2025].

В настоящей диссертации мы опираемся на все перечисленные исследования и публикации, однако основное внимание уделяем текстам Муравьева, впервые вводимым нами в научный оборот. Такой подход позволяет, с одной стороны, учесть все известные факты и тексты, позволяющие с высокой степенью правдоподобия и доказательности обсуждать литературную деятельность Муравьева, его участие в дитературной жизни эпохи, его социальные стратегии, в пределе – картину мира в ее соотнесенности с историей его частной жизни, служебной и придворной карьеры; с другой же – сосредоточиться на том новом, что удалось разыскать, избегая неоправданной компилятивности.

Методологическая основа диссертации. Методология исследования

В работе применяются историко-литературный и историко-биографический методы, источниковедческий и текстологический анализ, элементы социокультурного и институционального подходов, приемы реконструкции интеллектуальных сетей. В диссертации мы опирались на классические труды

по истории русской литературы Я.К. Грота, М.И. Сухомлинова, В.И. Саитова, Я.Л. Барскова, Л.И. Кулаковой, В.Н. Топорова.

Положения, выносимые на защиту

1. Муравьев имел прямое отношение к реализации культурного проекта Екатерины II, представлявшего собой совокупность институциональных механизмов, текстовых практик и идеологических разработок; он оказался включен во все эти контексты и сыграл роль посредника между литературной и культурно-административной сферами.

2. Эпистолярий Муравьева, изученный в его доступной нам полноте, является ключевым источником, позволяющим реконструировать его социальное поле и проследить формирование устойчивых сетей контактов в их реальной сложности и постоянном взаимодействии (семья, служба, академическая среда, литературные круги).

3. Важнейший источник текстов лирических стихотворений Муравьева – его «Записная книга», которая хранится в ОР РГБ и содержит десятки не печатавшихся произведений и их редакций, раскрывающих творческие принципы Муравьева-поэта, его поэтику и характер литературного мышления.

4. В середине 1770-х гг. Муравьев, опередив Державина с его «Фелицей», предпринял попытку реформирования русской оды, опираясь на те принципы, которые были сформулированы в журналистике 1760-1770 гг., отразившей литературную политику Екатерины II.

5. Переводы Муравьева из древних и новых авторов были не только частью его личной литературной стратегии, но и отражением идеологии абсолютистского просвещения в его европейской и российской версиях.

6.Литературная позиция Муравьева может быть реконструирована в результате системного исследования не только оригинальных, но и переводных текстов: они образуют единое интеллектуальное, идеологическое, культурное пространство, оформляя целостное мировоззрение и

литературную позицию; так, переводы из Буало стали основным контекстом экспериментов поэта в одическом жанре.

7.Литературную позицию Муравьева нельзя свести исключительно и только к «сентименталистской» тенденции: как оригинальное творчество, так и переводческие практики свидетельствуют прежде всего о его «классицизме», в пределах которого постепенно оформлялись тенденции, устремленные в будущее – к «предромантизму» и «сентиментализму».

8. Драматургия Муравьева, как свидетельствуют найденные нами полные тексты трагедии «Дидона» и комедии «Выигранная тяжба», связана с реформаторскими практиками второй половины XVIII века и отражает его понимание идеи «национального театра», подразумевавшей постоянное взаимодействие с европейским.

9. Занятия историей и языкознанием, при всей их специфичности, связаны с официальной идеологией екатерининской эпохи и представляют собой важные аспекты конструирования ее ценностных и политико-культурных координат.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на 60 российских и зарубежных международных научных конференциях, в том числе в Международная научная конференция «Третьи Богомоловские чтения». К 75-летию со дня рождения Н. А. Богомолова (М., МГУ, ИМЛИ, 2025; III Международная научная онлайн-конференция «Книга в книге», посвященная памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995) (ИМЛИ РАН, 2025); Научная конференция с международным участием «Русская и европейская классика в XXI веке: текстология, комментирование и издание, в т.ч. цифровое» (М., ИМЛИ, 2025); А.М.П.—70. Международная научная конференция памяти А.М. Пескова (ИВГИ. РГГУ, 2024 г.); Белые чтения. Международная конференция (РГГУ, 2024 г.); Теории и практики литературного мастерства»: диалог с читателем (М., НИУ ВШЭ, 2024 г.); Русская литература XVIII века. Жанры и стили». Международная научная

конференция к 90-летию Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (СПб., ИРЛИ, 2024); Литература и власть в России в XVIII–XIX вв. Всероссийская научная конференция (М., ИМЛИ РАН, 2024); XXIII Всероссийская научно-практическая конференция «Карамзинские чтения» (Ульяновск, 2024); Литературное произведение сквощь призму издательских процессор 1920-1930-х годов. Судьбы российской творческой интеллигенции в первые годы советской власти и издательство «Всемирная литература Международная научная конференция (М., ИМЛИ РАН, 2023 г.); Литературный процесс в России XVIII-XIX веков. Светская и духовная словесность (ИМЛИ РАН, 2020, 2022); III Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII-XIX вв» (К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 350-летию со дня рождения Императора Петра Великого (ИМЛИ РАН, 2021), XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохе (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021), «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте. Скрещение взглядов» (ИМЛИ РАН, 2020); Il testo en abyme. Rappresentazioni della scrittura nell'Europa romantica (Università degli Studi di Verona, 2020); Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв. (ИМЛИ РАН, 2020); Международная научная конференция «А. С. Пушкин и русская литература», приуроченная к 220-летию со дня рождения поэта (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019); Документально-художественная литература в России XVIII-XIX вв. Всероссийская научная конференция (М., ИМЛИ РАН, 2019); A short history of epistolary emotions in Russia (Paris, Sorbonne Université, 2019); Литература и эпистолярная культура XVIII-XIX вв. Всероссйская научная конференция (М., ИМЛИ РАН, Государственный музей им. А.С. Пушкина, 2018); X International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia (Strasbourg, 2018); Сумароков и русская литература (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017); Вольтеровские чтения 2017. Пути Просвещения: личные библиотеки XVIII – начала XIX в. и их владельцы (РНБ, 2017); Международная научная конференция «Болдинские чтения»

(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2017); Карамзин и его эпоха (Институт Российской истории РАН, 2017); Державин в истории русской литературы (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017); Mikołaj Karamzin i jego czasy. Międzynarodowa Konferencja Naukowa (Uniwersytet Warszawski Instytut Rusycystyki, 2016); Международные Дашковские чтения (2013-2014, 2016, 2018); Наука в Польше и России — сходства и различия. Международная научная конференция (Варшава, 2015); Историческая русистика в XXI в. (Центр русистики Университета им. Лоранда Этвеша, Будапешт, 2015); II Международный научный симпозиум Славянские языки и культуры в современном мире. Международная научная конференция. (М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012); Poesie des Alltags: Russische Literatur vom 18. bis 21. Jahrhundert. Международная научная конференция (Gieβen, 2012) и др.

Исследования, отраженные в диссертации, были поддержаны Российским научным фондом (проекты «Писатели и власть во второй половине XVIII века: конструирование политического языка эпохи» (2023-2024); руководитель; «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (2024-2026); исполнитель; «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» (2024-2026); исполнитель). По теме диссертации издана монография [Ивинский, 2023] и 54 статей в коллективных трудах и научных журналах, из которых 22 входит в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» в пунктах 2 (История русской литературы XVIII века), 10 (Биография и творческий путь писателя), 11 (Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве), 12 (Индивидуально-писательское и типологическое выражения

жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии), 14 (Взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т. п.), 15 (Взаимообусловленность различных видов литературного творчества: письма, дневники, записные книжки, записи устных рассказов и т. п.), 19 (Литература и политика), 20 (Литература и социология. Институциональные аспекты литературного процесса).

Структура диссертации. Исследование состоит из Введения, пяти глав, каждая из которых включает несколько параграфов, Заключения, девяти приложений и списка использованной литературы.

Глава I. М.Н. Муравьев и русская литература екатерининской эпохи

§1. Семейный круг и литературно-общественная среда Муравьева в его неопубликованных письмах

Значение писем Муравьева для истории русской литературы XVIII в. исследователи поняли давно. Так, еще в 1913 г. вышла исключительно содержательная работа Н.П. Жинкина, которая во многом не утратила своей актуальности [Жинкин]. Примерно в это же время в Москве Г.Г. Чертков[2], по-видимому, задумал публикацию материалов, связанных с Муравьевыми. Так, в ОПИ ГИМ сохранились машинописные копии части эпистолярия Муравьева, которая, возможно, готовилась к печати; работа над комментарием, вероятно, не начиналась[3]. Впрочем, кажется, Черткова интересовал не только и не столько М.Н. Муравьев, сколько вообще все представители этой известной фамилии: так, например, в том же ОПИ ГИМ находим «Опись архиву Н.Н. Муравьева Карского в том виде, в каком он находится у Гр. Гр. Черткова, 20-го июля 1908 года»[4]; там же сохранились, например, «Виды пяти укреплений построенных за Лабой в 1855 и 1856 годах во время осады Карса. При них небольшой план»[5]. В любом случае, что бы ни задумывал Чертков, этот проект реализован не был. В советскую эпоху письма Муравьева плодотворно изучали: упомянем, в первую очередь, труды Н.Я. Эйдельмана [Эйдельман, 1970], Р.М. Лазарчук [Лазарчук, 1972 и др.] и И.Ю. Фоменко [Фоменко, 1983 и др.], которые использовали десятки отрывков из неопубликованных текстов в своих диссертациях и статьях. Наиболее значимый вклад в изучение эпистолярия Муравьева – публикация Л.И. Кулаковой и В.А. Западовым писем 1777 – начала 1778 гг. [Письма, с. 259-

[2] Чертков Григорий Григорьевич (1872-1838) – сын Григория Александровича и Софьи Николаевны Чертковых, внук библиофила А.Д. Черткова, генерал-майор, георгиевский кавалер.
[3] Письма М.Н. Муравьева к отцу и сестре. Машинописная копия, подготовленная к печати Г.Г. Чертковым. Письма за 1777-1779 гг. (ОПИ ГИМФ. 445. №349. 281 лл.); То же. Письма за 1785-1791 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 445. №350. 229 лл.).
[4] ОПИ ГИМ. Ф. 445, ед хр 350. Л. 206-227.
[5] Там же. Л. 228.

377]. В начале 2000-х свой комментарий напечатанных Кулаковой и Западовым писем предложил В.Н. Топоров [Топоров, 2001-2007, 3]. В конце 2010-х новую интерпретацию биографии Муравьева выдвинул А.Л. Зорин, опираясь на письма, которые хранятся в ГА РФ [Зорин, 2018]. Отметим также целый ряд ценных исследований Л.А. Алехиной [Алехина], Н.Д. Кочетковой [Кочеткова], Л. Росси [Росси 1994; Росси, 1995; Rossi 2002; Росси, 2003; Росси, 2018 и др.] и К.Ю. Лаппо-Данилевского [Лаппо-Данилевский 2013; Лаппо-Данилевский 2024], без учета которых анализ биографии и творчества Муравьева невозможен.

Настоящее раздел представляет собой опыт работы по сбору и публикации эпистолярного наследия Муравьева. Мы вводим в научный оборот около 500 писем поэта 1776-1803 гг., которые хранятся в пяти архивах: ОПИ ГИМ, РО ИРЛИ, РГАЛИ, ГА РФ, ГЛМ. Часть этих материалов уже была нами напечатана в научных журналах и сборниках [Ивинский 2017; Ивинский 2018a; Ивинский 2018b; Ивинский 2018c; Ивинский 2018d; Ивинский 2018e; Ивинский 2019; Ивинский 2022; Ивинский 2023; Ивинский 2024a; Ивинский 2024b]

Данные материалы не только проясняют многие аспекты жизни Муравьева (круг знакомств, в т.ч. литературных, служба, интересы, семейные взаимоотношения), но и погружают в литературный быт эпохи, уточняя некоторые представления о литературном процессе последней трети XVIII в. Не менее важно и то, что публикуемые здесь письма позволяют приблизиться к разгадке одной из главных, как нам представляется, загадок биографии Муравьева: как человек, не попавший «в случай», смог стать учителем великих князей Константина и Александра Павловичей, а затем и прямо влиять на развитие просвещения и культуры в стране?

Его жизнь неотделима от истории семьи или клана Муравьевых и пока не реконструирована в полной мере. Муравьев писал домой регулярно, часто раз в неделю, иногда и чаще, поэтому перед нами уникальный источник,

который позволяет восстановить детали его жизни иногда по часам[6]. В одном из писем к отцу Н.А. Муравьеву поэт оподчеркнул эту особенность своих посланий: «Вы не прогневаетесь бо на сей безполезной труд мой обременять вас подро<бно>стями, толь мало забавными. Они имеют покрайней мере достоинство точности и послужат составить картину моей жизни, какова она ни есть» <см. письмо 75 в Приложении>. Юный Муравьев службой тяготился, только начав взрослую жизнь, погружался в сложный мир столицы и знакомился с новыми людьми, грезил литературной славой; общение с родными — глубокая психологическая потребность. С одной стороны, он нуждался в советах или, по крайней мере, в молчаливом одобрении своих действий[7], с другой — он, будучи представителем семьи в столице, выполнял целый ряд поручений отца. При этом Петербург был наводнен Муравьевыми: близкие и дальние родственники, братья, сестры, дядюшки и тетушки — все по-разному пытались найти свое место если не при дворе, то хотя бы рядом с ним. Сам Муравьев удачно сформулмровал это в одном из своих писем: «Вчера был и братец Иван Матвеевич, и дядюшка Матвей Артамонович, и Николай Федорович и Захар Матвеевич, так Муравьевых был целый муравейник». Со всеми из них, с этим «муравейником» Муравьеву нужно было выстроить отношения. Чаще других в письмах упоминались Захар Матвеевич, Александр и Николай Федоровичи Муравьевы, Иван Матвеевич Муравьев мл. (Апостол). Но это, конечно, далеко не полный список: дядюшки Матвей Артамонович ст. и Матвей Артамонович мл., дальние и близкие родственники Алексей Минич, Николай Николаевич, Петр Семенович, Сергей Саввич, Варвара Николаевна, Любовь Федоровна и др. Муравьевы не сходили

[6] Ср.: «Батюшко, милостивой Государь, сестрица матушка, сделайте милость, сжальтесь на мое состояние. Чем горестнее ваше состояние, тем в тысячу крат пуще мое. Боже милостивой! я четыре письма, в четвертой раз пятое письмо пишу. Ни одного не получаете. Что мне делать? Ну ежели вы все печалитесь. Ну ежели вы занеможете, я всему вина, и как мне помочь? Бог меня наказал. Что ни напишу, все пропадает. Чтобы чорт меня взял! Моя жизнь мне в скуку, в досаду, в проклятие» (Письмо <5>).

[7] См., напр.: «Я мало по малу к одиночеству моему привыкаю <…> Когда я при вас был, я мог вас видеть, с вами разговаривать, и сего уж было довольно для моего удовольствия; теперь я не могу вас видеть, я лишен ваших разговоров, я не могу поцеловать руки вашей, так пусть хотя слова мои, сии отсутственные речи, будут несколько плодоноснее» (Письмо <1>); ср.: «Могуль я теперя попросить вас, батюшка, об учащении ваших писем? я их не очень часто получаю» (Письмо <19>); см. также: «Я живу очень тихо; етому свидетель Петербург, которой меня не знает» (Письмо <22>) и др.

со страниц писем Михаила Никитича. Запутаться в них легко, поэтому, публикуя тексты, мы указывали в угловых скобках, кто имелся в виду, чтобы упростить восприятие. Все они женились, выходили замуж, уходили на войну и возвращались, продвигались по службе – обо всем этом Муравьев подробно писал. При этом Муравьевы помогали друг другу, поддерживали и психологически, и материально, задействовали свои разнообразные связи.

Когда исследователи обращаются к жизни сына Муравьева, известного декабриста Никиты Муравьева, для них само собой разумеющимся является факт его принадлежности к выдающейся семье. Но ведь и Михаил Никитич, хоть и не был сыном крупного сановника, был, тем не менее, далеко не случайным гостем в Петербурге. Широкая сеть знакомств позволяла ему чувствовать себя «своим» там, где иной человек навсегда остался бы «чужаком». Один из парадоксов его жизни заключается в том, что Муравьев, хотя много времени в детстве провел в сравнительно небольших городах (Смоленске, Оренбурге, Казани, Архангельске, Вологде), провинциалом не был — ни интеллектуально, ни социально. Тем более что, несмотря на частые разъезды, Муравьев успел поучиться и в университетской гимназии, и в Московском университете. Восхождение Муравьева по карьерной лестнице, однако, не было ни простым, ни быстрым: служба давалась тяжело, письма наполнены дежурными ламентациями на несправедливость фортуны, но это-то как раз показатель серьезных амбиций. Муравьев считал, что он достоин тех чинов и позиций, которые проплывали мимо; его возмущали незаслуженные, как ему казалось, успехи тех, кто, не имея нужных качеств, использовал связи и положение. Но такое отношение не было проявлением слабости или раздражительности, напротив, это было следствием осознания собственного особого места в столичном мире, своего «права», в результате чувство собственного достоинства и терпение позволили ему дождаться и высоких должностей, и возможности оказать подлинное влияние на русскую культуру. Биография Муравьева, его успехи, как в литературе, так и на службе, неразрывно связаны с теми социальными позициями, которые занимала его

многочисленная семья. Новые материалы позволяют хотя бы до некоторой степени восстановить ту сеть знакомств, то сложно устроенное социальное поле, в котором существовал молодой поэт.

Особую роль в жизни Муравьева сыграли люди, которых, вероятно, трудно причислить к собственно семье, однако к широко понимаемому клану – вполне возможно: Василий Евдокимович Адодуров, известный филолог и историк, преподаватель, учивший Екатерину II русскому языку, был женат на Елизавете Дмитриевне Муравьевой; княгиня Анна Андреевна Урусова была не только сестрой литератора Александра Андреевича Волкова, но и первым браком женой Николая Ерофеевича Муравьева. Эти люди, видимо, и ввели Муравьева и в академический, и в литературный миры (об этом см. ниже).

Основная задача, стоящая перед исследователем эпистолярия, – восстановить круг людей, с которыми общался Муравьев. Не менее важно охарактеризовать и те социальные институты, с которыми взаимодействовал Муравьев. Важнейшие из них — это семья, служба, научные и литературные круги. В каждом из этих «миров» он играл разные роли: сына и брата (позднее мужа и отца); сержанта Измайловского полка (позднее офицера); бывшего студента Московского университета и вольнослушателя академических лекций (позднее товарища министра народного просвещения, а также самобытного филолога и историка); частого гостя Хераскова, Майкова, Карина (позднее уважаемого светского человека и большого писателя). Восстановив эти связи, мы, кажется, поймем, каким далеко не случайным стал выбор именно Муравьева на роль воспитателя венценосных внуков; постепенно он превратился из стороннего наблюдателя придворных интриг в человека, имеющего прямой выход на великого князя, а затем и вельможу, который занял место рядом с императором.

Все это до некоторой степени противоречило мироощущению Муравьева, известного своим пессимизмом и скепсисом. Неслучайно, исследователи отмечали, что он бывал часто собой недоволен, но

парадоксальным образом каждую роль он отыграл блестяще, везде добился заметного успеха.

§1.1. Семья

Муравьев писал письма отцу Никите Артамоновичу, дяде Матвею Артамоновичу Муравьеву мл., сестре Федосье Никитичне, позднее Сергею Михайловичу Лунину, который женился на Ф.Н., жене Екатерине Федоровне Муравьевой. Обычно письма 1770 – начала 1790 гг. естественным образом делились на две части: первая была обращена к отцу или зятю, к «серьезным» мужчинам, чиновникам и помещикам, которых, в первую очередь, интересовали придворные новости, сплетни, сообщения о продвижениях по службе; вторая – «легкомысленная» – к сестре Ф.Н. Муравьевой, с которой можно было обсудить литературу, театр, светские развлечения, моду, браки. Отличалась не только тематика, но и стилистика: сухой, деловой стиль, крайне информативный – для отца и Лунина, и свободный, игровой – для сестры (об этом см. ниже). Письма жене другие: во-первых, по преимуществу они писались по-французски, часто это были короткие записки, отправленные с дежурства или с дороги, а во-вторых, они отличались интонационно: более личные, интимные, проникнутые глубокой заботой о ее здоровье, а также о благополучии детей. Ответных писем практичсеки нет, за исключением двух текстов Федосьи Никитичны (см. Приложение 2).

Н.А. Муравьев (1721–1799) — чиновник, в 1776 г. — председатель Казенной палаты Твери, эта должность явно его не устраивала, он надеялся на продвижение по службе (в этом должны были помочь передачи писем, встречи с людьми, которые могли бы принять соответствующие решения)[8]. Семья

[8] См., напр.: «Вчера присылала за мной Прасковья Глебовна <Головцына>, и я там обедал. Она еще все больна: нынешний день по просьбе ее ездил я с сыном ее Дмитрием Ивановичем <Головцыным> к Григорью Александровичу Потемкину: чтоб только ввесть в покой и найти случай доложить об нем; а он бы подал письмецо. Но мы прождали за 12 часов, и сколько ни просили доложить, никто не смел; затем, что Граф пролежал на постели и не выходил в уборную» (Письмо <1>); ср.: «Письма к Наместнику <Сиверсу> и прочим я уже, тому неделя, все разнес, так как прежде о том писал. Я думаю, что писма мои доходят, так вы уже изволите знать ответ его. А именно, что теперь скоро нельзя, а разве со временем» (Письмо <38>); ср. также:

жила небогато, одна из сквозных тем писем Муравьева — деньги, которых всегда не хватало[9], приходилось занимать и самим давать в долг[10], поэтому неудивительно, что один из постоянных сюжетов 1776-1778 гг. — затянувшийся денежный конфликт с родственником М.П. Яковлевым, который едва не отразился на служебном положении самого Муравьева[11]. Однако постепенно Муравьевы укрепляли свои позиции, отец продвигался по службе, и в 1778 г. он уже действительный статский советник, вице-губернатор Тверского наместничества. Эта должность была значительным шагом вверх по карьерной лестнице, однако, кажется, по-прежнему его не удовлетворяла[12], он надеялся на повышение, что, скорее всего, означало переезд в столицы. В начале 1780-х Н.А. Муравьев уже мог претендовать на роль крупного чиновника, пусть и второго эшелона: так, например, он встречался с князем А.А. Вяземским (письмо от 11 марта 1780), «обедал у И.И. Шувалова» (письмо от 29 марта 1781), «был у руки Государыни» (письмо от 1 февраля 1781). В письме от 18 февраля 1781 г. Муравьев так резюмировал успехи отца при дворе: «Из прошедшего нашего письма вы видели, что вицгубернаторам было повещено о их приезде ко двору и батюшке было бы надобно быть у Государыни вчерась. Но утреня у ней долго продлилась, и после того тотчас должно было убираться к обедне, так она изволила выслать сказать, чтоб г. виц-губернаторы Тверской и Владимирской, взявши последующих за ними двух их товарищей, приехали завтра. Итак, сегодни

«Прошедшее воскресенье был я у Наместника <Сиверса>, он спрашивал о вашем здоровье» (Письмо <39>) и мн. др.

[9] См., напр.: «Расход мой довольно велик, и на одно сено издержали мы .13. рублей с лишком. Ето пуще всего здесь разорительно и сено очень дорого. Как вы изволите разсудить не лучшели уж мне не держать лошади» (Письмо <14>).

[10] См., напр.: «Александр Федорович <Муравьев> третьягодня поехал в отпуск на шесть месяцев. Я ему говорил о .20. рублях и он отозвался, что он не помнит, каким образом они за него зашли, что помнится, едучи в армию, он не занимал; для того просил меня, чтобы я осведомился, какие деньги вы изволили щитать» (Письмо <14>); и далее: «Вчерась по утру был у меня Красильников, которой на кануне приехал. Он говорил, что будто поздно получил писмо ваше, в котором вы его просите заплатить все денги, и что будто надеялся, что вы еще перепишете; собрал он только .200. рублей и просит вас, чтобы вы ему в том подождали. Я старался его уговорить, но он выпросил у меня, чтобы написать ему самому к вам, и так при сем писмо его к вам посылаю на другой странице. И о том, как изволите приказать: хорошо бы естьли бы ответ ваш на это не опоздал. Однако естьли я не буду иметь вашего повеления, так я .200. рубл.<ей> приму, а вексель протестую» (там же).

[11] О т. н. «деле Яковлева» см.: [Письма, с. 364; Топоров, 2007, 3, с. 131].

[12] Ср.: «В письме к дядюшке <М.А. Муравьеву ст.>, изволите вы проговаривать, что жизнь в Твери вам не нравится. Разве что-нибудь новое произошло к вашему неудовольствию?» (<>).

батюшка имел счастие говорить с Государынею и с таким успехом, как батюшка лучше не желал бы. Князю Вяземскому, которой вышел к Государыне в то время, как батюшка вышел, изволила сказать Государыня (как после пересказывал М.Ф. Полторацкой), что батюшка показался ей бодр». А 29 июля 1781 г. Михаил Никитич писал ему: «Благодарите Бога, благодарите сию Государыню, которая спешит награждать заслуги. Вы тайный советник и сенатор, вчерась пожалованы. Почувствуйте свое собственное достоинство, наше счастие и уважение Государя. Я ото всех сторон получаю поздравления, и одно мое неудовольствие на себя, что не имею слов радоваться, поздравить вас с радостию». Итак, за несколько лет, с 1776 по 1781 гг., Н.А. сделал большую карьеру и прошел путь от чиновника средней руки до тайного советника и сенатора.

После смерти отца Муравьев начал обдумывать план написания истории своей семьи. В ОПИ ГИМ сохранилась небольшая записная книжка поэта, в ней находим следы этих размышлений. Так, например, мы узнаем дату смерти матери и брата: «Матушка Сарра Петровна родилась 1732 года декабря .17. дня, скончалась в Москве 1768 года, декабря .11. д<ня>. Погребена на Пречистенке в церкви Пятницы Божедомской. Там же положен брат мой Петр Никитич скончавшийся 1768. февр. 26. шести лет двух месяцов»[13]. Там же Муравьев записал эпитафию отцу:

Блаженством озарен в последний жизни час
Сей старец с радостью спешил в объятья Бога:
Как мирно житие, был кроток смерти глас
Кончина праведных к безсмертию дорога
Н. 11.[14]

[13] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 289. Л. 1.
[14] Там же. Л. 1 об.

Далее он набросал основные моменты в истории семьи: «Фамилия Муравьевых считает себя в 1799 году .296. лет древности. Из четырех первых отраслей Григория, Ивана, Михайла, Елизария существуют только две, перваго и третьяго. От перваго Петр Семенович с братом, все прочие от последняго»[15]. Подчеркнем, что Муравьев явно не без гордости пишет о практически 300-летней истории семьи.

***

Муравьев, несмотря на юный возраст, также постепенно обрастал связями как при дворе, так и в высшей бюрократии. В письмах 1776 г. мы читаем о его первых встречах с влиятельными людьми, видно, что он чувствовал себя неуверенно в новом городе и новом статусе, об этом свидетельствует хотя бы количество писем, которые он отправлял домой: молодой человек нуждался в поддержке и руководстве. Тем не менее, он несколько раз встречался с Я.Е Сиверсом, чтобы обсудить дела отца. Постепенно тон писем Муравьева начал меняться: если в 1776 г., когда началась его самостоятельная жизнь в Петербурге, он лишь начинал изучать правила игры, то всего лишь спустя два года он чувствовал себя совершенно естественно в мире придворных сплетен и политических новостей[16]. Показательно, что если ранее он мог назвать себя «иностранцем» в столице, то в 1778 он уже «свой» в городе: «Вчерась имел я счастие получить от вас милостивое письмо, уверяющее меня предаться моему благополучию без изъятия. Так называю я дни, которыми началась жизнь моя в Петербурге. Они могут свести с ума молодого человека. Прежде казался я самому себе иностранцем, теперь только приятнейшею мечтою чувствую, что я приглашаюсь принять участие во всем что меня окружает. И виноват я сам,

[15] Там же. Л. 5.

[16] Ср.: В письме <82> Муравьев писал о слухе, которым с ним поделился В.Г. Рубан: «Здесь поговаривают о походе четвертого дня сказывал мне Рубан, что прусский король дал баталию и был побит: до 5000 тел на месте осталось. Король ушел в крепость Кениггрец. Он слышал это от Кн.<язя> Гр.<игория> Алекс.<андровича> Пот.<емкина>». Здесь все важно: и факт «доверительных» отношений совсем молодого Муравьева с известным писателем, и возможность получать известия «через одно рукопожатие» от самого Потемкина.

ежели еще не довольно могу пользоваться всеми удовольствиями, которые представляет мне случай». Разумеется, это ощущение не могло возникнуть на пустом месте: чужой город вначале превратился с место встреч и общения с многочисленными родственниками, знакомыми и приятелями, которые помогали расширять круг знакомств. Кажется, один из самых показательных примеров «возможностей» Муравьевых в Петербурге в конце 1770-х находим в письме №104; в нем описывается, казалось бы, обычный маскарад и участие в нем И.М. Муравьева мл., тогда подростка, однако среди тех, кто общался с ним, оказался вице-президент адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышев: «Так вот и суббота. Какое прекрасное препровождение целой недели! Маленькой Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> явился в маскерад с великим сиянием. Столько было любопытных спрашивать; такой кружок смотрел его. Иван Гр. Чернышев бегал за ним, сам радовался. Из него будет что нибудь? Он выезжает несколько раз в неделю кое куда, что столькож стоит, как ученье. Играет на клавесинах прекрасно и подает надежду вперед. По его охоте, если заключать... так, может быть и обманемся». Другой пример — история мытарств М.И. Афонина, который вынужден был уволиться из Московского университета и устроиться секретарем небезызвестного фаворита Зорича. Внезапно в его судьбе поучаствовали В.П. Петров и А.А. Волков, брат Анны Андреевны Волковой (в первом браке Муравьевой, во втором Урусовой), которые имели «прямой выход» на Г.А. Потемкина[17]. Волковы, кажется, и ввели молодого Муравьева в мир большой литературы.

[17] См.: «Бегаю по улицам большого города и думаю, что и сам что нибудь значишь, когда имеешь щастие быть с людьми, почтения достойными, может ее совсем поворотить. Афонин достоин всякаго сожаления. Вы может быть знаете перемены при дворе. Афонин оставлен безчеловечно от слабаго или и совсем неблагодарнаго Зорича. Давно ли уши всех нас были оглушены достоинствами сего молодаго человека? А теперь от одного Петрова слышал я приписание ему всех порочных качеств. Малейшая хула ему от него, были именования презрения, именования скота, дурака, безсмысленнаго. Он живет еще здесь и набирает толку с кем обедал и ужинал. Более ему ничего не осталось делать. Против Афонина конечно он не благодарен, клявшися ему до последних дней зделать добро: жалованья никакого не получал от него бедной <М.И.> Афонин а имеючи по нещастию надежду, вступил в долги. Человеку, не имеющему ничего собственнаго, как он, иметь долгу .1200. руб. есть отчаянное состояние. Вы знаете, милостивой Государь батюшка, дело христианства и человеколюбия, если постараетесь для него предуготовить мысли Наместника и Губернатора <Я.Е. Сиверса>. Я у него просидел часа два; я не могу вам изобразить сколько его тронуло ваше об нем попечение. По нещастью думал он заслужить себе милость Зоричеву[17] трудами. Ето изнурило его здоровье. <В.П.> Петров[17], к которому он прибегнул, за него вступается, так как я от самаго Петрова слышал. И он вместе с Апол.<лоном> Андр.<еевичем> Волковым, которой в великой силе у к.<нязя> Григор.<ия>

О Муравьеве в начале 1780-х гг., несмотря на то, что это был один из ключевых периодов в его жизни, мы знаем, на удивление, немного. Показательно, что даже лучший биограф писателя практически ничего не написал об этом времени: «22 сентября 1774 мы видим его уже сержантом гвардии, а 1 января 1782 года – уже прапорщиком»[18]; ср.: «до 1782–84 года любовная лирика Муравьева вообще очень бедна»[19]. Скороговоркой ограничился и В.А. Западов: «В 1778 М. с 10 февр. по 3 июня находился в отпуске, в 1780 он вообще почти весь год провел в отпуске» [Западов, с. 309]. Пропуская этот, на первый взгляд, бедный на события период, исследователи либо анализируют публикации Муравьева 1778 г. в «Санктпетербургском вестнике» и размышляют о его роли в т. н. «львовско-державинском кружке»[20], либо сразу переходят к середине 1780-х, когда Муравьев был назначен «в кавалеры» к Константину Павловичу, а немного позднее и учителем к обоим великим князьям[21]. Таким образом, несколько лет жизни Муравьева практически «выпали» из поля зрения ученых, и могло бы возникнуть подозрение, что это было временем «затишья», «скучной» службы, лишенной значимых событий, однако, кажется, подобное предположение будет поспешным.

Из писем 1780–1781 гг. следует, что Муравьев активно укреплял старые знакомства и делал новые; так, например, он встречался с сенатором, президентом Берг-коллегии, родственником Н.А. Львова М.Ф. Соймоновым (письмо от 18 января 1781); сенатором, прокурором Адмиралтейств-коллегии,

---

Алекс.<андровича> <Потемкина>, старается поправить состояние его» (<76>). Отметим здесь критичные нотки в адрес Петрова, что не мешало, впрочем, Муравьеву ценить творчество «карманного стихотворца» Екатерины.

[18] Жинкин Н.П. М.Н. Муравьев: По поводу истекшего столетия со времени его смерти. С. 12.

[19] Там же. С. 13.

[20] Об этом кружке см.: [Майков, 1889, с. 252]; см. также: [Росси, 2003; Лаппо-Данилевский, 2024], ср. ценные замечания В.Н. Топорова: «<…> принципы подобных объединений никогда не были строгими и едиными. Речь шла обычно о целой гамме вариаций, об интересе к разному, об эстетической терпимости в достаточно широких границах. Позиция Муравьева, который в львовско-державинском кружке был одним из самых молодых и доброжелательных участников, была, насколько об этом можно судить, благожелательной и во всяком случае терпимой, т. е. положительно-приемлющей. В самых разных поэтах и их поэтических произведениях он умел находить интересное и полезное, каким бы разным оно ни оказывалось» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 921].

[21] Жинкин Указ. Соч. С. 17; см. также: [Западов, 1999, с. 310; Кунц, 2018, с. 46].

человеком, близким князю А.А. Вяземскому, и своим будущим тестем Ф.М. Колокольцевым (письмо от 28 января 1781); братом известного поэта, масона и куратора Московского университета П.М. Херасковым (письма от 7 и 21 января 1781); известным дипломатом Я.И. Булгаковым (письмо от 21 января 1781) и др. Еще в середине 1779 г. Муравьев общался на балу с С.Г. Зоричем, бывшим фаворитом Екатерины II: «В 6 часу после обеда пошли мы в рощу, в Китайскую галерею, где вдруг наехало более ста персон и открылся бал. Тут одно намерение, одно, чем все двигалось, было веселье. Скакали, бегали. Как я рад был танцевать! Со мной говорил Зорич, который был тут из ревностнейших танцовщиков» (письмо от 19 июля 1779).

Разумеется, он был знаком и со знаменитым екатерининским «балагуром» Л.А. Нарышкиным, опекуном его двоюродного брата И.М. Муравьева (с 1801 — Муравьева-Апостола): «Упражнение Льва Ал.<ександровича> <Нарышкина> было вытаскивать из кучи зрителей, которых сбежалось множество, несколько немок и сажать их в галерее. Часу в двенадцатом пошли в покои ужинать. Я ничего не говорю об иллюминации рощи и пр.<очее>. Марина Осиповна[22] весьма много говорила об Ив.<ане> Матв.<еевиче> <Муравьеве> за ужином и хвалила его Брюсше и Марье Павловне. После стола был фейерверк. Я наслаждался тут, кажется, истинным весельем. У Васильева я был, который принял меня с обыкновенным своим добродушием, расспрашивал о вашем состоянии» (письмо от 19 июля 1779)[23]. Особо отметим, что приемы у Нарышкиных были среди лучших и наиболее известных в тогдашнем Петербурге: «Первыми аристократическими домами тогда в Петербурге признавали царские чертоги следующих сановников: графа Разумовского, князя Голицына, князя Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных, Марьи Павловны Нарышкиной. Приемы у этих

[22] Нарышкина Марина Осиповна (1741–1800) — жена Л.А. Нарышкина.

[23] Ср. в письме от 1 апреля 1781 г.: «Тут же видел я и маленького Ивана Матвеевича <Муравьева>, разряжена в прекрасном кафтане. Кланялся со Львом Александровичем <Нарышкиным>, который, кажется, что вымолвил мне что-то мимоходом» (№ 261. Л. 19 об. – 20). Об И.М. Муравьеве см., напр.: [11, с. 203–224].

вельмож бывали почти ежедневно; на вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суетилась с утра до вечера» [Пыляев, с. 220].

Молодой писатель, не без плохо скрываемого самодовольства, слабо прикрытого ритуальными эпистолярными формулами, в письме к отцу от 20 мая 1781 отмечал, что положение его в столице постепенно становилось все более устойчивым: «Без особливых стараний нравиться я нахожу с некоторого времени столько людей, ко мне снисходительных, расположенных находить во мне достоинства, которых не имею, что я имею причины остерегать свое самолюбие. Никогда, однако, не был я менее достойным благоприятия людей. Свидетельствует леность моя делать и думать. Основательнее есть для меня честолюбие; не подать вам причины оскорбления и оправдать, если можно, любовь родителя. Но к сему требуется некоторое возвышение души».

Делясь петербургскими новостями и слухами с отцом, Муравьев не раз демонстрировал возможности погружения в жизнь двора, по-видимому, для него это было знаком принадлежности к миру, закрытому для посторонних; вот, например, отрывок из письма от 29 мая 1781 г.: «На сих неделях представлена была в Сарском селе французская комедия «Le Journaliste», которая будто сочинителем имеет Государыню <Екатерину II>[24]».

В письмах рубежа 1780-1790-х мы видим заметно повзрослевшего Муравьева, особенно это заметно в общении с С.М. Луниным, мужем его сестры Ф.Н. Муравьевой. Он в это время уже близок ко двору, службой его, очевидно, удовлетворены: в первом же письме этой подборки от 2 января 1791 г. он сообщал родственникам о получении чина полковника. Впрочем, к этом он относился с изрядной долей иронии: «Полковник без полку, чтец Дон Кишота по Ишпански, ето новое дурачество, без дела, здоров, охотник до

[24] Действительно, в конце апреля 1781 г. пьеса «Le Journaliste» была поставлена в столице: «Во время высочайшего присутствия в театре представлена была французская комедия «Журналист», которая началась по пополудни с 7-го часа, кончилась балетом на исходе 9-го часа <…>» (КФЖ, 1781, с. 228). Пьеса с таким названием была опубликована в 1768 г. под псевдонимом Monsieur Sincère (Le Journaliste. Comédie en un acte et en prose, meilleure a lire qu'a être représentée, par Monsieur Sincère. Paris, Chez Jean Furet, 1768. 47 pp.). Ее автором был Ж.Ф. де Бастид (текст произведения, а также краткую информацию о сочинителе см.: Jean-Franç. De Bastide. Publication d'une comédie contemporaine inédite accompagné d'une notice par M. Frédéric Faber. Bruxelles, Fr.-J. Olivier, libraire-éditeur, 1880. 41 pp.). См. также: [Evstratov, 312].

холодной бани, ездок на гнедом, пешеход неутомимой: ежели бы сердце мое было более чувствительно, разум немножко деятельнее и приятнее…».

Разумеется, новости он получал раньше, чем живший в Тамбовской губернии Лунин. Наверное, главная тема 1791 г. — русско-турецкая война, громкие победы под Очаковым и Измаилом и долгожданный мир. При этом восторг переплетался со скорбью — многие знакомые семьи были ранены или убиты; об этом см.: «Многие из наших чиновников или убиты или ранены. Рибопиер убит, генерал-майор Кутузов, подполковник Глебов. <…> Но на одном ли одре чести умирают. Алексей Петрович Ижорин, в самой молодости, между своих, окончил жизнь свою 23 декабря. Дети – дочь Варвара 14, и сын Петр 12 лет прислали нарочного к батюшке, полагая на него всю свою надежду и прося принять их в опеку. Батюшку весьма затрудняет дочь, однако он не может отказаться от просьбы их, если московская опека на то согласится».

При этом, по крайней мере, дважды Муравьев демонстрировал свою глубокую погруженность в придворную политику. Так, он писал Лунину: «Особливо ежели мы там иметь будем, как молва идет, северного Александра или Дон Кишота, Густава»[25]. Другой пример: «Прошедшее воскресенье было прекрасное гулянье на воде и ужин в Киоске, где был и отъезжающий аглинской чрезвычайной посланник Г. Факнер. Все сомнения, кажется, кончились к славе России и твердость ее торжествовала над замыслами завистников. Осталось ожидать, чтоб Порта, лишенная своих союзников, предупредила погибель свою покорностию». «Г. Факнер» — это, конечно, У. Фоукнер, роль которого в переговорах Лондона и Санкт-Петербурга до сих пор остается не до конца проясненной; об этом см.: «Миссия Фоукнера означала важный поворот событий. Уже 18.VI <1791 г. — А.И.> от имени английского правительства Фоукнер и британский посланник Уитворта вручили ноту, в которой основанием для мира с Портой признавалась граница

[25] Екатерина II относилась к Густаву III с нескрываемой иронией и посвятила ему «Сказку о Горе-богатыре Косометовиче» (СПб., 1789). Кроме того, она прямо сравнивала его с героем романа Сервантеса: «Письмо к Императору <Иосифу II. — А.И.>, что "Шведской король, l’émule du héros de la Manche, снял маску"» [22: с. 76].

по р. Днестр. Очаков с буджацкой степью также отходил к России. Пруссия после некоторых колебаний была вынуждена присоединиться к своим союзникам-англичанам»[26].

Практически в каждом письме Муравьев писал о браках и продвижениях по службе. При этом политика и светская жизнь могли причудливо переплетаться, как в <305>: «На Дунае иначе пользуются приходом весны. Князь Сергей Федорович Голицын истребил город Мачин на той стороне Дуная, сжег пороховой Магазин, побил 2000 неверных, взял трехбунчужного Пашу. Мы имеем известия и менее жестокие. Лизавета Марковна Полторацкая сговорена за подполковника Оленина <…>. Подтверждается также, что Камер-Юнкер Бибиков женится на сестре Василья Васильевича <Ханыкова>, но сие последнее ещё не объявлено. Ни Марс, ни Гименей ничего не знают ещё о некотором полковнике, который право вас всею душею любит, желает вам всякого благополучия, просит поцаловать всю фамилию».

В 1790 гг. Муравьев искал повышения и остро переживал неудачи. Так, например, показательно письмо от 6 апреля 1797 г.: «Ежели бы мое здесь житие препровождено было приобретением какой-нибудь выгоды, еще можно бы было согласиться на дорогие мои лишения». И далее он подробно и не без горечи описал тех вельмож, которые приобрели «выгоду» во время коронационных торжеств: «Вчера после коронации вышли милости, которые я слышал только некоторые малые отрывки: Безбородко пожалован Светлейшим князем Российской империи, так как и его пожалованное Римское графство приравнено с российским, 6000 душ, у Кантемира купленных, 30000 аршин земли <…> Князя Н.В. Репнину 4000 душ. Фельдмаршалами пожалованы граф Валентин Платонович <Мусин-> Пушкин <…> Князь Алексей Борисович Куракин в Действительные тайные советники. Ему с братом 9000 душ. Николаю Петровичу Архарову – 2000 душ. Ивану Петровичу – 800 душ и Александровская лента». Сожаления о неудачах,

[26] Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997. С. 946.

очевидно, объяснялись тем, что Муравьев чувствовал себя вправе получить часть подобных «милостей».

См. также сохранившееся в одной из записных книжек рассуждение Муравьева о писателях и тех успехов, которых они смогли добиться: «Trédiacoffsky, contemporain de Lomonosoff n'a rien fait pour sa gloire personnelle et son fils est gouverneur. Mr. Teploff commencea d'abord < ?> par etre Académicien et fut Ministre d'etat. Mr. d'Adodouroff, Sénateur n'eut point à rougir d'avoir été autrefois Adjoint de l'Acad. de Sciences»[27]. Особенно бросается в глаза упоминание, в частности, Тредиаковского, который, хоть не добился личной славы, но смог обеспечить карьеру сыну. А Адодуров, человек, который был для Муравьева очень важен, «не имел оснований стыдиться» того, что свой путь он начал с позиции адъюнкта академии наук. Муравьев, очевидно, много думал о превратностях придворной жизни и пытался осмыслить пути восхождения по карьерной лестнице.

Говоря о жизни Муравьева в конце XVIII и начале XIX вв., биографы обычно ограничиваются списком значимых карьерных успехов. Так, например, уже упоминавшийся ранее В.А. Западов в «Словаре русских писателей XVIII века», следуя во многом фактам, изложенным еще Н.П. Жинкиным, писал: «18 июля 1797 М. был произведен в генерал-майоры, 3 нояб. 1798 переименован в д. ст. советники, 14 июля 1800 пожалован в т. советники и назначен сенатором. По воцарении Александра I М. сразу же получил пост статс-секретаря у принятия прошений»; и далее: «В 1803 М. был назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения и попечителем Моск. ун-та. Особенно много сделал М. для улучшения постановки дела в университете: приглашал новых профессоров, предлагал рус. ученым заняться необходимыми для образования России переводами». Отметим, что в этом изложении периоду между воцарением Александра I и 1803 г. не уделено сколько-нибудь значимого внимания: мы узнаем, что Муравьев стал статс-секретарем у принятия прошений.

[27] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 289. Л .2.

Письма, которые хранятся в Государственном литературном музее, позволяют до некоторой степени заполнить некоторые лакуны в биографии писателя[28]. В 1800-е перед нами сановник, представитель высшей элиты империи. Так, Муравьев регулярно ездил в Каменноостровский дворец – именно там собирался т.н. Негласный комитет (см. письмо №№ 458-459, 467). Он ужинал с Н.П. Румянцевым и графом Потоцким (письмо №455). Регулярно ездил в Сенат. В письмах практически не упоминались писатели, тем не менее, мы встречаем в них Державина, который благодарил Е.Ф. Муравьеву за помощь – очевидно, они тесно общались. В письме №469 он упомянул о том, что его пригласил на ужин адмирал Шишков для обсуждения дел Российской академии. Таким образом, мы видим немного другой образ Муравьева, более сложный, менее однозначный. Светский человек, член большого клана, карьерист и опытный вельможа, который умер слишком рано, так и не успев воспользоваться теми преимуществами своего положения, которого столько лет добивался. При этом он был тонким и сложным поэтом. И последнее никак не противоречило первому.

На этой черте Муравьева мы бы хотели остановиться подробнее. Относительно недавно А.Л. Зорин проанализировал письма писателя к жене 1797 г., которые хранятся в ГАРФ, и выдержки из т.н. «Московского журнала», которые цитировал М. Осоргин [Зорин, 2018, с. 114]. Обсуждая внутренний мир Муравьева, исследователь пришел к выводу о его противоречивости: «чиновник» должен был стремиться к карьере, а «сентименталист» — к внутренней гармонии: «Сложность психологического рисунка <…> определялась <…> принадлежностью к двум эмоциональным сообществам,

[28] Письма из собрания ГЛМ практически не привлекали внимания исследователей; показательно, что В.А. Западов в уже упоминавшейся неоднократно статье о Муравьеве в «Словаре русских писателей XVIII века», не упомянул его в числе архивов, в которых хранятся рукописи писателя. При этом, по-видимому, архивисты из ГЛМ планировали еще в конце 1980-х их публикацию. Так, к письмам Муравьева приложен перевод писем на русский язык, который выполнила Е.Л. Яценко, указан и год, когда эта работа была сделана: 1988 г. При этом, согласно пометам на этом переводе, порядок писем установила Нонна Александровна Марченко. В конце 2010-х С.И Панов сообщил мне, что в первой половине 1990-х статья-публикация Марченко, которая представляла собой небольшую преамбулу и публикацию переводов писем Муравьева, сделанных Яценко, планировалась к печати, но этот проект так и не был реализован по неизвестным мне причинам. Нам представляется, что публиковать надо оригиналы, и переводы не должны заменять французский текст.

диктовавшим ему противоречивые нормы чувств. Требования, основывавшиеся на сословном кодексе чести и писаных и неписаных правилах государственной службы, расходились с нормами, предлагавшимися в произведениях значимых для него западноевропейских авторов <…> Интериоризация этой ценностной системы делала карьерную неудачу для служащего дворянина психологически непереносимой, лишала его самоуважения, а его жизнь – смысла. <…> Таким образом, «социальное» эмоциональное сообщество, в котором жил Михаил Никитич, было национально и сословно ограниченным, а «текстуальное», сложившееся вокруг авторитетных для него литературных образцов, – всецело космополитичным. Письма, сохранившиеся в конволюте ГАРФа, демонстрируют напряжение между этими полюсами» [Зорин, 2018, с. 117-119].

Следующее поколение, по мнению А.Л. Зорина, обрело внутреннюю цельность, перейдя «от эмоционального режима, допускавшего сегментацию внутренней жизни человека, к императиву единства его внутреннего устройства»: «Несовместимость внутренних принципов и убеждений с долгом службы стала одной из причин, приведших Никиту Михайловича Муравьева и его младшего брата Александра в ряды заговорщиков. На противоположном конце политического спектра ученик Муравьева-старшего император Александр I так и не сумел примирить обязанности и права самодержца с сентиментальными упованиями, внушенными наставниками» [Зорин, 2018, с. 124]. И если фраза К.Н. Батюшкова «живи, как пишешь, пиши, как живешь» «стала символом веры для поколений русских романтиков», то Муравьев «писал, чувствовал и жил по-разному» [Зорин, 2018, с. 124].

Итак, «Муравьев-чиновник» противопоставлен «Муравьеву-писателю», а «сентименталист» — романтикам. Данная версия, как нам кажется, может быть дополнена. Во-первых, вопрос самоидентификации Муравьева важно рассматривать в широком контексте всего эпистолярного наследия, которое не

ограничивается «Московским журналом» или «коронационными письмами» 1797 г.

Приведем несколько показательных, с нашей точки зрения, примеров. Начнем с письма Муравьева к отцу от 17 июля 1778 г.: «Вы изволите писать, что была великая перемена; но сколько я знаю она была только при дворе. А там все управляется по некоторым ветрам вдруг восстающим и утихающимся также. Любимец становится вельможей: за ним толпа подчиненных вельможей ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум которых никогда не видали. Честной человек, которой не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности. Для него же лучше, если только бы жестокая бедность, навлекающая ему презрение от невежд, если б бедность не отягощала его чувствительного сердца. Может быть, откроются глаза мои и буду я раскаиваться, что я теперь ни очень не стараюсь; но до сих пор состояние мое не имеет ничего несносного. Правда, что это позорище переменится, если я должен буду помышлять о своем пропитании. Но какими способами найти случаи, которые никогда не представляются?…»

Ламентации на несправедливости придворной жизни, в которой честный человек не находит себе места, вроде бы говорят о «чувствительности» молодого писателя. Однако не будем спешить с выводами и обратимся к другому тексту. Вот отрывок из письма Муравьева от 14 августа 1778 г.: «Руссо говорит по крайней мере, что из драгоценного нашего времени не должны мы ничего утратить, в чем бы не можно было дать отчету отечеству, друзьям и несчастным. Имею ль я сколько-нибудь времени, которое принадлежало бы мне одному без изъятия и в котором бы не должен я был вам ответствовать. А однако ж трачу я его так безрассудно и своевольно! Сколько минут жизни пройдёт прежде нежели одумаешься, что ты их прожил. И я имею смелость произносить моё осуждение однако с тем, чтоб быть вами прощену. Авось ли буду я иметь ещё довольно твердости, чтоб стараться исполнить своё нравоучение. Никогда не должно отчаиваться быть полезным. И какая

надежда может быть прелестнее, как сия самая; хотя бы она и была только мечтою!…». Этот отрывок, казалось бы, идеально ложится в парадигму «Муравьев-сентименталист»: ссылка на Руссо, дидактические рассуждения о полезном времяпрепровождении, чувствительность, приправленная рассуждениями о vanitas в духе масонского мистицизма и Хераскова, с которым он в это время тесно общался. Тем не менее, такая трактовка будет упрощением, ведь Муравьев на самом деле был далек от идеала сентиментального героя. Большую часть своего времени он посвящал выстраиванию отношений с родственниками и столичными сановниками, параллельно решая многочисленные проблемы отца.

Еще один небольшой фрагмент из письма от 2 октября 1778 г.: «Я повергаюсь во всем вашему осуждению, выключая того, чтоб я медлил исполнением приказаний ваших из небрежения. Легкомыслие, непостоянность, упражнение в пустоте, послушание другим, вот источник всего того. Но позвольте мне сказать, что я не вижу причины унижения в том, что Полторацкие будут офицеры. Достойнее меня носят платье моё. И пожалование в офицеры не есть знак отличения. Я сам буду в своё время не иметь другого достоинства окроме череды. И что такое достоинство? Ушаков за него не жалован. Так оно должно быть, что-нибудь весьма презрительное. По аттестатам у нас не жалуют».

О чем эти три фрагмента? Это констатация вечных несовершенств жизни? Да, но не только. Очевидно, это не те вопросы, которые Муравьев мог бы обсуждать с отцом — опытным чиновником и карьеристом, постоянно использовавшим сына для того, чтобы получить продвижение по службе. Эти три пассажа, как нам представляется, говорят о принципиальном неприятии Муравьевым того, что он *слишком медленно* продвигается по службе. Служить он хочет и более того хочет быть замеченным. Это один из лейтмотивов, который пройдет через его письма 1770-1790 гг. Муравьев как тонкий человек и писатель, разумеется, видит все несовершенства придворной жизни, но он никогда не противопоставлял себя этому миру, напротив, он чувствовал себя

его неотъемлемой частью и вел себя как расчетливый прагматик, для которого «сентиментальность» – понятная, но не слишком позволительная роскошь.

Приведем характерную иллюстрацию из писем Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1791 г. Муравьев в это время был воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей, был близок ко двору, службой его, очевидно, были удовлетворены. В первом же письме этого года от 2 января он сообщал родственникам о получении чина полковника. Более того, Муравьев неоднократно возвращался к этой теме — по крайней мере, четыре раза в письмах он назовет себя полковником. Очевидно, для него это чрезвычайно важно, он был по-своему и амбициозен, и самолюбив: «Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична. Поздравляю вас с наступлением нового года и с Полковником; хотя и не водится поздравлять с самим собой. Но я ничего такова не знаю, чтоб могло вас обрадовать более, как приятное происшествие, со мною приключившееся. Граф Николай Иванович представлял о Торсукове и обо мне и наши чины вышли вместе с докладами и другими переменами, которые обыкновенно делают новый год радостным». 8 января Муравьев снова писал об этом: «Музыка, стихи аглинские, благотворительность, благоговение, здоровье, воспоминание друзей своих суть разные виды существования и счастия. Полковник, позвольте насладиться мне сим незаслуженным прозвищем, ездил сегодня на своём гнедом коне к Ханыкову, которого старая дружба производит мне всегда новые наслаждения. Он вам кланяется». См. также письмо от 17 апреля 1791 г.: «Ни Марс, ни Гименей ничего не знают ещё о некотором Полковнике, которой право вас всею душею любит, желает вам всякого благополучия, просит поцаловать всю фамилию». Впрочем, это совершенно не мешало ему относиться к этому с изрядной долей иронии, см. письмо от 5 июня 1791, которое мы уже упоминали выше: «Полковник без полку, чтец Дон Кишота по Ишпански, ето новое дурачество, без дела, здоров, охотник до холодной бани, ездок на гнедом, пешеход неутомимой: ежелибы сердце мое было более чувствительно, разум немножко деятельнее и приятнее…Но совершенство не

дано человечеству. Я щастлив ежели со всеми худобами моими любим вами, сохраняя дружбу вашу. Прощайте».

«Чувствительность» здесь, как часто бывало в письмах Муравьева, сливалась с «карьеризмом». Да, он полковник без полку, он не герой войны, предположим — о чем он, кстати, не раз сожалел в своих письмах — но все же *полковник*. Совершенство человечеству не дано, а чин все же получить можно.

Возникает новый вопрос: может быть, Муравьев действительно сознавал определенную «двусмысленность» своего мировоззрения? Как кажется, дело обстояло ровно противоположным образом.

Как все понимают, Муравьев не мог предугадать, что исследователи XX в. запишут его в «сентименталисты», а затем то, что не будет соответствовать предложенной схеме, объявят «противоречием». Между тем, «роли» литератора, офицера, дворянина никогда не были противопоставлены друг другу, они, сложно взаимодействуя, формировали идентичность европейского светского человека. Муравьев прекрасно отдавал себе в этом отчет и писал об этом прямо. Так, одна из наиболее показательных иллюстраций — статья «Благородство». В ней Муравьев говорил о том европейском контексте, который был понятен любому дворянину XVIII в.: о монархии и благородстве, о чести и учтивости: «Состояние, которое во всех Европейских Монархиях отличается под именем благородного и дворянского, почти везде имеет одинакие права, получило происхождение свое от войны и покорения, почитается необходимым в монархическом составлении и отличается особливою разборчивостию чести, не терпящею порицания и подлости. Сие предрассуждение кажется быть остатком Рыцарских нравов, которые долго царствовали в средних веках Европы и заменяли некоторым образом недостаток законов в сии времена безначалия и грабительства. Учтивость или знаменитость происхождения означается Европейским именем дворянина (gentilhomme)» [Муравьев, 1820, с. 205].

При этом, с точки зрения Муравьева, русского дворянина отличала глубинная связь с двором и монархом, честный человек в России — это

«чиновник»: «В Российском слове дворянина ясно представляется, кажется, чиновник, приверженный ко Двору и особе Государя. Все дворянспво представляет некоторым образом последование Государя, который видел в нем готовые орудия правления, по встречающимся надобностям в войне и мире. Хотя достоинство сие и было наследственно, ничто не мешало ревности, дарованиям, и заслугам снискивать возвышение сие и приближаться в звании сем к престолу» [Муравьев, 1820, с. 205-206].

Таким образом, русский дворянин по определению «офицер», его жизнь немыслима вне двора и помимо двора: «Особливо Государь ПЕТР Великий распространил право сие в пользу заслуг и объявил дворянство присоединенное ко званию Офицера. С тех пор чины военные стали общею мерою благородства и гражданская служба должна была сравниваться с военною, потому что она не доставляла несущим ее тех же выгод» [Муравьев, 1820, с. 206].

Однако наиболее афористично свой идеал Муравьев описал в статье «О Репнине». «Гражданин и вельможа» — вот его кредо. Это человек, искусно сочетающий достоинства офицера и светского человека: «Есть род душ возвышенных, которые пренебрегают спокойство праздной жизни и удовольствия роскоши и неги, которые не чувствуют никаких других наслаждений кроме тех, кои дарует нам любовь к Отечеству, сознание произведенного блага и ожидающая слава.

Таков был славной соотечественник наш Фельдмаршал Князь Николай Васильевич Репнин. Искусной полководец, важной и остроумной негоциатор, прозорливой градоправитель, человек равно сияющий при Дворе вежливостию и тонким знанием общества, как в советах мудростию и беспристрастием, наипаче отличался он разборчивым чувствованием чести и любовию к Отечеству, гражданин и вельможа, иногда несчастлив на войне , иногда увлечен пылкостию нрава, но всегда тверд, всегда готов всем жертвовать долгу службы, даже до собственной гордости, которую извиняло толикое множество заслуг. Он был живой образец благородства, добродетели,

бескорыстия, великодушия и безусловной ревности. Таков был бы Аристид, ежели бы он родился в России» [Муравьев, 1820, с. 223-224].

Итак, у нас нет фактов, которые бы подтверждали предположение о том, что Муравьев переживал глубокий кризис идентичности, напротив, кажется, он выстраивал свою жизненную и творческую стратегию, ориентируясь на французские по преимуществу модели светского поведения.

При этом своеобразным ключом к пониманию муравьевской концепции оказывается упоминание в статье «О Репнине» Аристида. Античные образы, мотивы, поэты и исторические деятели регулярно упоминались и в статьях, и в письмах, и в произведениях Муравьева. Нам уже доводилось писать о переводах Муравьева из древних авторов [Ивинский, 2020]. Кроме того, мы уже делились сомнениями в продуктивности интерпретации его наследия исключительно и только в сентименталистском ключе [Ивинский, 2019]. К уже использованным аргументам мы хотели бы добавить новые.

Античное наследие никогда не было маркером исключительно т.н. «классицизма»: древнегреческие и римские литература и история были фундаментом образования и самоидентификации европейского аристократа Нового времени. Более того, сама модель *honnête homme* восходит к античным образцам. Этому вопросу посвящена обширная исследовательская литература, мы ограничимся только несколькими цитатами. Так, например, Е. Бери связал новый тип социальности эпохи модерна с наследием Цицерона: «L’invention d’une nouvelle sociabilité à l’époque moderne n’a jamais caché ses sources antiques. Bien au contraire, l’établissement d’une sphère de vie profane, telle qu’elle a été réalisée par les Renaissances européennes, a le plus souvent fait appel aux modèles antérieurs à la société chrétienne, posés comme lieux idéaux d’une vie mondaine où comptent, au premier chef, les rapports entre les hommes. A ce titre, Cicéron fait figure de premier grand théoricien de la *vita civile*, qui situe la vie de l’homme dans et pour la cité humaine. <…> La réévaluation récente de la place de Cicéron dans les querelles esthétiques de la république des Lettres aux XVIe et XVIIe siècles nous montre bien que le grand orateur n’avait jamais quitté l’horizon intellectuel des

milieux qui, érudits ou mondains, élaborèrent l'ideal de *l'honnêteté*. <…> Maurice Magendie notait rapidement cette polyphonie des sources théoriques <…> en prenant bien soin de rappeler qu'on a pu, par example, relire Castiglione au XVIIe siècle à la lumière des théoriciens antiques. De fait, l'importance réelle du «socle» néo-latin, qui fonde toute culture jusqu'à une époque avancée du XVIIe siècle, a toujours contraint les théoriciens, même parmi les plus «mondains», à garder à l'esprit la référence latine, et tout particulièrement Cicéron» [Bury, c.19-20].

Об этом же, по сути, рассуждал и М. Фумароли: «Avec le succès de l'humanisme, la rhétorique au sense cicéronien du terme, c'est-à-dire l'articulation de tout savoir et de toute vertu à une parole qui les rendent opérantes dans la société, devient le principe unifiant de la culture» [Fumaroli, c. 42]. Кроме того, напомним мысль Д. Стентон о том, что «honnêteté must be traced to the Renaissance and ultimately to Greece and Rome <…>» [Stanton, c. 11]. И далее: «The quintessential prototype for the honnête homme was the Greek philosopher, the incarnation of virtue <…> of the golden mean, and the source of such fundamental notions as human sociability <…> seventeenth-century writers referred casually to «that Roman urbanity» as if all Latin antiquity had prized this virtue uniformly» [Stanton, c. 14-15].

Мы без труда могли бы привести еще десятки ссылок (см. в первую очередь фундаментальную монографию [Viala]), но в нашу задачу не входит подробное историографическое рассмотрение данной проблемы. Отметим, что для большинства современных исследователей связь «честного человека» XVIII в. с античностью очевидна.

Муравьев, обращаясь к античным сюжетам, решал как минимум две задачи. С одной стороны, не обладая собственным опытом петербургской жизни, он должен был влиться в сложный мир столичной аристократии. Муравьев понимал, что репутация «выскочки» может разрушить карьеру, поэтому он видел в изучении культуры средство для преодоления «пропасти», отделявшей Санкт-Петербург от России. В этом смысле показательны письма Муравьева второй половины 1770-х гг., которые были буквально наполнены

древними именами и реалиями. Ограничимся двумя примерами. Вот письмо от 21 января 1776 г.: «Впрочем я о себе объявляю, что я слава Богу, здоров и нахожу приятное упражнение, в чтении Горация особливо: так что и Гараска применился, когда я спрошу маленькую белую книжку». См. также письмо от 12 декабря 1776 г.: «Третьяго дня был я в нашем Собрании, и читал кое-что: Антон Алексеевич расписывал Материи, которые вместить должно, в четвертом томе Трудов общества. Моего тут будет напечатано, переводы и истолкование несколько Од из Горация, Эпистола о счастье, перевод из Прозаических Клейстовых записок. А может быть еще маленькой Трактат о различиях слога высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого, которой я читал в собрании, и которой, ежели печатать, так еще пересмотреть надобно. Вот о каких важностях пишу я к вам, батюшко что может быть вам и читать скучно. Я не знаю здесь ничего новенького и достойнаго уведомления. Я был в Университетской библиотеке, откуда и взял Гомерову греческую с Латинским переводом Иллиаду, Гезиода и Феокрита. Суббиблиотекарь, мой бывший учитель и нынешний профессор Чеботарев и Секретарь общества, до меня очень ласков и подарил мне Российскую Географию».

С другой стороны, Муравьев никогда не был тем, кто некритично воспроизводил те или иные схемы, он полагал, что «французскую теорию» можно и нужно не только изучать, но и модифицировать. В этом отношении он претендовал на роль идеолога, человека, который формулирует смыслы.

Своеобразной ролевой моделью для Муравьева мог быть Ф. Фенелон, писатель, философ и воспитатель внука Людовика XIV, герцога Бургундского. Параллель здесь самоочевидна: Муравьев был учителем внуков Екатерины II. В этом смысле чрезвычайно показательна его статья «Воспитание»: «Благородная душа в самом младенчестве открывает некоторые лучи будущего своего сияния. Какую славу оставил по себе Герцог Бургонской, воспитанник Фенелонов <…>» [Муравьев, 1820, с. 200].

Формулируя свои идеи, Муравьев явно учитывал культурный проект Екатерины II. Для него античность — ключевая часть модели, но далеко не единственная. В статье «Успехи человеческого разума» Муравьев, не претендуя на какую-то оригинальность, показал в очередной раз, как сложное взаимодействие Греции и Рима привело к формированию изящной словесности и культуры вежливости: «Греки сохраняют над покорителями своими сие влияние, которое дает превосходство просвещения. Их Философия и писмена распростираются по вселенной с оружием Римлян. Во время Августово человеческий разум достигал вторично высоты своего совершенства. Знаменуют то изящные творения во всех родах, и всеобщая вежливость, влиянная в народы за столпами Геркулесовыми и далее Дуная» [Муравьев, 1820, с. 181].

Далее — вполне в соответствии с традиционными представлениями своего времени — Муравьев рассказал о падении Рима и о возрождении подлинной культуры в Новое время, этот процесс он связал с «открытием» Вергилия: «Писания великих творцов Августова века были извлечены из праха, в котором сокрывались оные, и Петрарк с благоговением читал Виргилия» [Муравьев, 1820, с. 183].

Если здесь Муравьев воспроизводил общие места европейской историографии, прочерчивая более или менее очевидную линию от античности к современной Франции, то, обращаясь к русскому материалу, он явно отходил от прямолинейных трактовок. Муравьев не был готов видеть в России «ученицу» и «подражательницу» Франции или Италии.

Россия занимала особое место в истории просвещения благодаря посреднической роли Византии. Из этого делался вывод, что Русь уже в Средние века до некоторой степени приобщилась к подлинной культуре. Об этом Муравьев писал в уже упоминавшейся статье «Воспитание»: «Карл Великий основывает Академию в собственных чертогах своих и как член оной старается об исправлении языка своего. Россия никогда не была чужда письмен, по причине сообщения своего с Грециею» [Муравьев, 1820, с. 202].

Следовательно, Франция — пусть важный, но не единственный источник русского просвещения, скорее, правильнее говорить о локальной роли Парижа или Рима в сложном процессе усвоения и переосмысления базовых концептов западной культуры. В этой точке Муравьев прямо смыкается с екатерининским культурным проектом — и с ее историческими, и лингвистическими трудами (об этом см. главы IV и V).

Но ведь и Греция когда-то должна была пройти определенный путь и усвоить знания, это всегда сложный, длительный и наполненный драматизмом процесс, который лишь post factum мог казаться легким и естественным. В статье «Рождение письмен» Муравьев предложил классическую трактовку *translatio studii*: «Греция одолжена основанием первых обществ своих переселенцам из Египта. <…> Кадм принес азбуку в Грецию. Страна сия, навсегда любопытная для человеческого разума, чувствительно изникала из дикости, по мере как превосходные люди, прославленные ею под именем Героев, *Орфеи*, *Амфионы*, *Лины*, *Мусеи*, сообщали народу, посредством сладостных стихов, величественные понятия добродетели и мудрости. Первые мудрецы и богословы Еллинские были стихотворцы. Воображение было обольщаемо прежде, нежели убеждаем разум. Мудрецы замыкали в кратких стихах правила нравоучения. Притчи, иносказания, которых изобретатель Эзоп известен позднему попомству, сокрывали полезные истинны под видом вымысла. Греция ознаменовывает себя между тем блестящими предприятиями. Поход Аргонавтов и еще более война Троянская возвеличивает дух общественный. Восстает бессмертный разум Гомеров, коего слава умножается своею древностию. Гезиод, соревнователь его, дает наставления земледелию. Является в Афинах великое позорище Трагедии. Целый народ, самый просвещеннейший в Греции, приходит поучаться мудрости в творениях Эсхила, Софокла и Эврипида» [Муравьев, 1820, с. 177-179].

Но если даже Греция когда-то училась у Египта, то и Россия — по крайней мере в теории — способна пройти похожий путь. Бросаются в глаза

рассуждения Муравьева об особой роли поэтов, которые развивают общество и приводят государство к заслуженной славе.

Таким образом, *translatio studii* оказывется инструментом *translatio imperii,* или, иначе говоря, последнее оборачивалось следствием первого. Упрощая, Греция становилась символом культуры, а Рим — империи. Только соединив оба идеала, «русские Аристиды» могли построить — под мудрым руководством монарха, разумеется — новую страну. В этой точке сходятся ключевые идеи Муравьева: honnête homme и «чиновник», «гражданин» и «вельможа», savoir vivre и античная поэзия — это составляющие *одной* роли. И Муравьев явно стремился содействовать этому процессу, став человеком, который мог своими трудами продвинуть империю по пути культурного развития.

Здесь кажется необходимым еще одно замечание: советское литературоведение не без оснований, но, может быть, слишком настойчиво связывало римскую тему с «декабризмом»; см., напр., хрестоматийно известное замечание Ю.М. Лотмана: «Подчеркнутая не светскость и “бестактность” речевого поведения определялась в близких к декабристам кругах как “спартанское” или “римское” поведение. Оно противопоставлялось отрицательно оцениваемому «французскому» [Лотман 1994, с. 335]. Проблема в том, что к нарочитой брутальности и демонстративной серьезности «римское поведение» отнюдь не сводилось. В этом же ключе ученый интерпретировал поведение молодого Н.М. Муравьева: «Маленький Никитушка, будущий декабрист, на детском вечере стоит и не танцует, и, когда мать спрашивает у него о причине, мальчик осведомляется (по-французски): «Матушка, разве Аристид и Катон танцовали?» Мать на это ему отвечает, также по-французски: «Надо полагать, что танцовали, будучи в твоем возрасте». И только после этого Никитушка идет танцевать. Он еще не научился многому, но он уже знает, что будет героем, как древний римлянин» [Лотман, 1994, с. 63].

Приводя этот пример «строгости» будущего борца, Лотман, кажется, игнорировал тот факт, что перед нами классический анекдот, bon mot, из числа

тех, что преследовали цель вызвать улыбку светской публики. Суровость Аристида или Катона может, а в некоторых ситуациях должна быть на время забыта.

Также часто вспоминали реплику К.Н. Батюшкова, воспитанника Муравьева, в письме к Е.Ф. Муравьевой, матери все того же Н.М. Муравьева: «Простите, буду писать из Венеции или Флоренции к вам, а к Никите из Рима, ибо он Римлянин душою» [Кошелев, с. 125-126]. С точки зрения В.А. Кошелева, остановившегося на этом эпизоде, данная строчка Батюшкова свидетельствовала о его «ироническом отношении» к молодому человеку (Там же). Как нам представляется, данная фраза может быть понята и буквально: хорошо знавший и отца, и сына, Батюшков выделил одну из ключевых черт их характера: образованность, искреннюю преданность культуре и, конечно, светскость.

С нашей точки зрения, нет никаких оснований игнорировать это измерение римской темы. Она неразрывно была связана со светскими поведением и культурой. Светский человек, а позднее и «денди», как хорошо известно, ориентировались на Овидия [Taylor, с. 71-72, 124-131], без Горация и Вергилия были непредставимы образование и воспитание молодого аристократа (об этом см. ниже; ср.: [Любжин, 2017, с. 53-194; Horace, с. 318-333]). Другой вопрос заключается в том, что понятие «гражданственность» в первой четверти XIX в. могло уже наполняться иным идеологическим содержанием.

В любом случае, античность оказывается ключом к пониманию личности Муравьева. «Римлянин», если воспользоваться формулой Батюшкова, органично сочетал «светскость» и «имперскость», образованность и идею службы. При этом сентиментальность и чувствительность никогда принципиально не противоречили этому идеалу, а напротив, естественным образом оказывались его неотъемлемым элементом.

***

Эти идеи составляли ядро екатерининского культурного проекта, который, как нам представляется, был закреплен в целом ряде юридических документов и литературных текстов. Чтобы донести до элиты эти положения, императрица использовала, в первую очередь, журналистику.

Журналистику XVIII века в принципе некорректно анализировать с помощью того же инструментария, что и публицистику более поздних эпох. Тогда не существовало книжного рынка в его позднейшем понимании; напротив, это время довольно архаичных практик – рукописных газет, частных писем, которые, однако, изначально предполагались к распространению – разумеется, в избранном кругу. В то же самое время Россия значительно отличалась от своих западных соседей. Здесь не существовало публичной сферы – по крайней мере такой, как в англии или Франции [Хабермас, 2016]. Поэтому невозможно прямолинейно сравнивать «Всякую всячину» и другие русские журналы с английскими сатирическими изданиями начала XVIII в. Аддисон и Стил, Дефо и Свифт писали памфлеты, которые решали конкретные задачи в рамках более или менее открытой политической борьбы двух партий, заседавших в английском парламенте. Как показал Ю. Хабермас, эти тексты «обсуждаются в кофейнях и клубах, дома и на улице», они «создавали своеобразную связь между литературой и политикой» [Хабермас, 2016, с. 115]. При этом совершенно очевидно, что ничего подобного в России XVIII в. не было и не могло быть. Разумеется, авторы русских изданий обращались к считавшимся образцовыми английским текстам (не напрямую, а через французские и немецкие «посредники»), но, попадая в иной контекст, они функционировали совершенно иначе и наполнялись другим содержанием. И, очевидно, «связь» между политикой и литературой в России была иной.

Екатерина II, запуская свой журнальный проект рубежа 1760–1770-х гг., решала задачу конструирования публичной сферы в России. «Всякая всячина» была образцовым изданием, на которое должны были ориентироваться остальные. Для этих целей одного журнала было бы недостаточно, поэтому

нужно было создать журналистику как таковую. А для этого, в свою очередь, нужна была имитация борьбы издателей друг с другом, комичные полемики и гневные или одобрительные письма «читателей». Об этом было прямо написано в первом же материале «Всякой всячины»:

> Но что я говорю? Мой дух восхищен до третьего неба: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законныя и незаконныя дети: будут и уроды ея место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут (ВВ, 1769-1770, с, 2–3).

Отметим, как жестко с самого начала прописан сценарий, базировавшийся на довольно простом конфликте: будут последователи, «законные дети» (например, Рубан), будут противники, «незаконные дети», «уроды» (эту роль сыграл Н. И. Новиков – издатель «Трутня», что, естественно, совершенно не помешало ему посвятить Екатерине II свой следующий журнал, «Живописец»), но в итоге хороший вкус победит.

При этом, по сути, не так важно, инициировала ли императрица этот процесс прямым указанием, «росчерком пера» или, возможно, устной директивой в ходе закрытых консультаций, или этот посыл был «считан» опытными литераторами, такими, как Новиков, Эмин или Чулков, которые почувствовали, что это их шанс занять новые позиции в сложной культурной политике нового царствования. Важно же, что с самого начала была заявлена претензия на существенное переформатирование культурного пространства.

В публичной сфере Екатерина II видела средство для обновления того типа придворного общества, который сложился во Франции при Людовике XIV [Элиас, 2002] и активно усваивался в России в эпоху царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Императрица конструировала двор как поле перманентной статусной борьбы аристократов. Таким образом она решала одновременно две задачи. Во-первых, появлялся простой и прозрачный принцип отбора кадров: чтобы занять какую-то значительную управленческую позицию, нужно было продемонстрировать свою

«профпригодность» – способность усвоить язык актуальной политики и культуры.

Во-вторых, Екатерина II подобным способом стремилась контролировать, а отчасти и нивелировала необычайно острую в России проблему подспудного (часто и открытого) противостояния власти и высшей социальной элиты. Данный сюжет постоянно находился в поле внимания императрицы: о нем она рассуждала в письмах, записках, исторических сочинениях.

Екатерина II полагала, что усиление аристократии автоматически ведет к ослаблению монархии, а следовательно, к разрушению государства. Например, так называемая «раздробленность», нежелание или неспособность удельных князей подчиниться Киеву, по ее мнению, привели к монгольскому игу [Ивинский 2012, с. 93–97]. Богатый материал давала современная эпоха: придворные перевороты XVIII века были, с ее точки зрения, следствием типологически тех же деструктивных процессов. Один из наиболее показательных примеров – отрывок «О величии России»:

> Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности. Безрассудное намерение долгоруких, при восшествии на престол императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабление, – следственно, и распадение государства; но, к счастию, намерение это было разрушено простым здравым смыслом большинства. Не привожу примера Владимира и последствий, которые он повлек за собою: он слишком глубоко врезан в память каждого мало-мальски образованного человека (Екатерина II, 1901–1907, 12, с. 669).

Бесконтрольное усиление аристократии в ее сознании было синонимом слабости, разрушения, распада, такой режим подразумевал власть «меньшинства» и страдания «большинства».

Мысль о том, что Россия как империя могла быть только монархией, обычно связывается с «Наказом»:

> Российского государства владения простираются на тридцать два степеня широты, и на сто шестьдесят пять степеней долготы по земному шару. Государь есть самодержавный; ибо ника другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление отдаленностию мест причиняемое. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно [Наказ 1770, с. 8].

Более того, в статьях 14–15 «Наказа» Екатерина утверждала, что монархия – в принципе наиболее эффективная форма государственного правления. Любое отступление от этих принципов неминуемо приведет к крушению страны:

> Повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных своих начинаний. Начальное основание правления не только тогда повреждается, когда погасает то умоначертание государственное, законом во всяком из них впечатленное, которое можно назвать равенством предписанном законами; но и тогда еще, когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшего, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником [Наказ, 1770, с. 327–328].

Однако Екатерина и раньше обращалась к этой концепции. Так, например, приведем ее показательные в данном контексте рассуждения в замечаниях на критику Монтескье Штрубе де Пирмонта [Екатерина II 1901–1907, 12, с. 674]. Великая империя, была уверена Екатерина II, может управляться только самодержавным государем. Ту же мысль найдем в «Секретнейшем наставлении», которое императрица составила для А. А. Вяземского в 1764 г. Приведем показательный в данном контексте отрывок:

> Российская империя есть столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительнее в исполнениях и многие множество страстей в себе разных имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого рода вреда и почитая общее добро своим собственным [СбРИО 1871: 347; об этом документе см.: Омельченко 1993].

Еще один пример – реакция императрицы на замечания А. П. Шувалова, который писал, что «установление власти верховной предполагает и

некоторый род обязательств между главою общества и членами общества, то есть между государем и подданным» [Флоренский 1917, с. 4].

Екатерина, прочитав этот пассаж, просто вычеркнула его, идея общественного договора ее решительно не устраивала (об этом подробнее см.: Омельченко 1993, с. 95–96).

Таким образом, конструирование придворного общества должно было, по мысли императрицы, привести к усилению власти монарха потому, что ослабляло аристократию. Если двор – это поле «большой игры», то государь – арбитр, который то приближал к себе одних, то отдалял других. Игра становилась еще сложнее, когда сталкивались представители старой и новой элит [ср.: Элиас, 2002, с. 42]. Истории успеха Орловых или Потемкина должны были, с одной стороны, раздражать старую элиту (вспомним, например, резко негативную оценку Орлова Дашковой), а с другой – показать реальность восхождения по карьерной лестнице в России.

К слову, социальная элита прекрасно понимала, какие ставки на кону. На протяжении всех 1760-х гг. велись дискуссии о дворянском статусе, а значит, и о возможном месте аристократии в сложной придворной игре. С нашей точки зрения, это один из ключевых контекстов, учитывать который необходимо для адекватного понимания смысла екатерининского журнального проекта.

Позволим себе напомнить хрестоматийно известный сюжет. Петр III подписал Манифест о вольности дворянской, однако уже после «революции» Екатерина II тянула с решением о статусе данного документа. Это вызывало и удивление, и беспокойство в кругах высшей элиты, что проявилось по крайней мере в нескольких эпизодах. 11 февраля 1763 г. императрица учредила комиссию о вольности дворянской. К сожалению, мы мало знаем о ее работе, однако сохранилось два документа: первый был подписан А. П. Бестужевым-Рюминым, второй – М. И. Воронцовым. Бестужев предлагал

трансформировать петровскую систему, по сути, отказавшись от Табели о рангах. С его точки зрения, получение или неполучение дворянского статуса может зависеть только от монаршей воли. Таким образом, проект Бестужева мог привести к формированию герметичной группы аристократов, закрытой от «поползновений» мещан и «подлецов». Сохранились замечания Н. И. Панина на этот документ: он, полемизируя с Бестужевым, предлагал сделать акцент на «чине», службе и на продвижении по карьерной лестнице, мотивация же достигать высшие ступени была прозрачной – возможность покупать земли с крестьянами.

Воронцов составил «Пункты для обсуждения вольности дворянства». Канцлер предлагал, во-первых, сократить срок службы, а во-вторых, ввести особые привилегии для родовитого дворянства. Кроме того, Воронцов хотел прикрепить титулы к поместьям. Таким образом, и для него «старшинство» в обществе определялось происхождением (см. подробнее: Мадариага 2002: 144–151).

Екатерина II, получив доклад комиссии, как известно, промедлила с ответом и в результате предложила начать подготовку соответствующих законов. По сути, не дав какого-то конкретного ответа, императрица сняла этот вопрос, по крайней мере в данной форме, с актуальной повестки дня. Очевидно, целый ряд формулировок ее не устраивал [Мадариага 2002, с. 151–152; Омельченко 1993, с. 202–203].

Возможно, изучение этих документов навело Екатерину II на мысль о том, что вопрос о статусе дворянства должен стать одним из основных в «Наказе». Причем нужно понимать, что речь шла не просто о фиксации тех или иных правовых норм, а о формировании, конструировании русского аристократа.

Итак, в «Наказе» Екатерина II предложила альтернативный проект. XV глава трактата полностью посвящена дворянству. Оно характеризуется как высшее сословие империи. См. статьи 360–361:

Дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены. Как между людьми одни были добродетельнее других, а при том и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродетельнейших и более других служащих людей, дав им сие нарицание в чести; и установлено, чтоб они пользовались разными преимуществами основанными на сих выше сказанных начальных правилах [Наказ, 1767, с. 250–252].

При этом остановимся на понятии «добродетель», ведь оно оказывается едва ли не ключевым для легитимации особого положения дворянства в социальной системе. К нему императрица возвращается в ст. 363: «Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства» [Наказ, 1770, с. 252]. Но читаем далее, ст. 364:

Добродетель и честь должны быть оному правилами предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к Государю, и беспрестанно внушающими, не делать никогда бесчестного дела [Наказ, 1770, с. 252].

Итак, мы видим, как Екатерина II искусно сплетает в единый комплекс такие понятия, как «добродетель», «честь», «патриотизм», «служба». При этом ключевыми, с нашей точки зрения, оказываются ст. 365–368:

Мало таких случаев, которые бы более вели к получению чести, как военная служба: защищать отечество свое, победить неприятеля оного есть первое право и упражнение приличествующее дворянам.

Но хотя военное искусство есть самый древнейший способ, коим достигали до дворянского достоинства, и хотя военные добродетели необходимо нужны ко пребыванию и сохранению государства: однако ж и правосудие не меньше надобно во время мира, как и в войне; и государство разрушилось бы без оного.

А из того следует, что не только прилично дворянству, но и приобретать сие достоинство можно и гражданскими добродетелями так, как и военными [Наказ, 1770, с. 254].

Как видим, Екатерина II наносит сильнейший удар по идее дворянства как закрытой корпорации: военные заслуги важны, но это не единственный способ к получению высокого статуса, «добродетель» доступна и на гражданской службе. Из этого следовал сколь простой, столь же и обескураживающий вывод: Екатерине II, а значит, и России не нужно дворянство как клуб аристократов, который может если и не диктовать свою

волю монарху, то по крайней мере рассчитывать на то, что она будет услышана и по-своему учтена. «Добродетель» и «честь» зависят не от происхождения и не от «титула», они неразрывно связаны с «ревностью к службе». Таким образом, выстраивалась сложная система, в которой пересекались две логики: с одной стороны, перед нами, казалось бы, жесткая монархическая структура, требующая максимального подчинения, с другой – ее ригидность, а значит, уязвимость компенсировалась меритократическим принципом продвижения по Табели о рангах. Выстроенная таким образом система с уравновешивающими друг друга принципами обеспечила ряд безусловных политических достижений екатерининского времени [см. также: Омельченко, 1993, с. 204–205].

Итак, 1760-е гг. для Екатерины II – это время конструирования языка актуальной политики, а вместе с тем и время оформления ее культурной политики.

Эта ситуация дает обширный материал для сопоставлений с Францией Людовика XIV, однако было бы неверно связывать екатерининский проект только с данным контекстом. Во-первых, опыт XVII века активно и достаточно давно использовался в России: придворное общество начало формироваться уже при Петре I и достигло значительных успехов при Анне и Елизавете. Во-вторых, по-видимому, Екатерина II ориентировалась не только на Париж, но и на Берлин. Как показал Н. Элиас, Франция и Пруссия выдвинули две альтернативные модели:

> В Германии университет стал решающим инструментом образования, во Франции же он в эпоху ancien regime практически не имел живой связи с тем обществом, где люди действительно образовывались, – с придворным обществом. В Германии интеллигенция была в значительной мере интеллигенцией ученых или, во всяком случае, людей, учившихся в университете; во Франции же механизмом отбора для интеллигенции служил не университет, а придворное общество, «свет» в узком или широком смысле слова. Наконец, в Германии, несмотря на все общественные связи между людьми, принадлежавшими к интеллигенции, все же если не первостепенным, то одним из важнейших средств коммуникации между людьми всегда была книга. А во Франции, при всей любви к книге, на первом месте среди форм коммуникации между людьми стояла все-таки личная беседа [Элиас, 2002, с. 234].

«Светский человек», «дилетант» противопоставлялся «бюрократу», человеку, получившему профессиональное образование. В России же «свет» не был жестко противопоставлен «университету», напротив, начиная с Петра I, профессионализм был в почете (достаточно вспомнить хотя бы Табель о рангах), а потому именно академия стала важнейшим инструментом конструирования элиты. При Елизавете эта модель была распространена на старую столицу, в которой И. И. Шувалов открыл Московский университет.

Однако напомним, что «беседа» и «педантизм» ученых должны были – по законам светской учтивости – уравновешивать друг друга. По этой причине «университет» становился частью «света», а если так, то у нас действительно появляются серьезные основания для постановки вопроса о том, что екатерининская Россия синтезировала французскую и прусскую модели.

Прекрасно образованный дворянин, приносящий пользу Империи и остроумно шутящий в гостиной, – вот идеал управленца екатерининской эпохи. Самый яркий пример такого поведения – сама императрица, которая одновременно была «ученым» (историком и лингвистом (об этом подробнее см. ниже)) и «светским острословом» (достаточно вспомнить ее статьи во «Всякой всячине» и «Собеседнике любителей российской словесности», особенно «Были и небылицы» [см.: Ивинский, 2012]). Этот идеал должен был стать моделью, причем достаточно ясной и понятной предельно широкой аудитории (разумеется, речь шла только о дворянстве), которая смогла бы ее воспроизвести. Сознавая ее, Екатерина II использовала весь доступный ей арсенал пропагандистских средств: юридические документы, исторические и лингвистические труды, литература, в первую очередь драматургия, и, конечно, периодика. Причем – повторим – важно было не просто сделать правильный журнал, но создать журналистику, определенное смысловое поле. Именно в этом широком контексте культурной политики Екатерины II и должна быть рассмотрена «Всякая всячина».

Теперь, если вернуться к журналистике, становится понятным, что публичная сфера была нужна Екатерине для того, чтобы донести до элиты новые правила и идеи, а следовательно, сконструировать новое социальное поле. «Всякая всячина» была учебником savoir vivre, «науки жить между людьми».

Но чтобы появился новый русский *honnête homme*, нужно сформулировать на русском языке ключевые концепции того времени. Наиболее известный, влиятельный и содержательный текст, в котором они были зафиксированы, – «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера. Именно «Энциклопедия» сконструировала культурный язык эпохи. На ее страницах обсуждались ключевые проблемы современности и предлагались их «канонические» интерпретации.

Главный европейский просветительский проект XVIII века был хорошо известен в России [Штранге 1959; Berkov 1965; Ревуненкова 1978; Кучеренко 1986]. Екатерина II предлагала его вдохновителям закончить издание в Риге [Бильбасов 1884], в 1760–1770-х гг. было переведено на русский 480 статей [Кучеренко 1986, с. 203], напечатаны сборники, посвященные в первую очередь политическим и философским вопросам [О государственном правлении 1770 и др.].

Именно «Энциклопедия» сконструировала культурный язык эпохи. На ее страницах обсуждались ключевые проблемы того времени и предлагались их «канонические» интерпретации.

Екатерина II постулировала в «Наказе» «европейскость» Российской империи. Однако чтобы стать частью «западного мира», она должна была усвоить основные его смыслы и идеи. Поэтому журналистика стала важнейшим инструментом в продвижении этой идеологии в России.

При этом свою задачу императрица и ее помощники (в первую очередь Г. В. Козицкий) отнюдь не были склонны сводить к обычному переводу. Их цель была более амбициозной: опираясь на французские образцы, создать свою «энциклопедию» – компендиум знаний, необходимых русскому дворянину; неслучайно журнал получил вроде бы чисто игровое название «Всякая всячина». Одновременно решалось несколько задач: во-первых, создавался новый образ аристократа, который становился опорой просвещенного трона, а во-вторых, столичному «честному человеку» предлагали простой и эффективный инструментарий для того, чтобы отделить «своих» от «чужих», а значит, выстроить собственную идентичность. В том числе благодаря литературе и журналистике эта задача была успешно выполнена к концу века, и поколение Карамзина, а тем более Жуковского и Батюшкова, мыслило эти концепты как нечто само собой разумеющееся, «естественное», бывшее «всегда» [об этом подробнее см.: Ивинский, 2023].

***

Ф.Н. Муравьева (1760–1792) — сестра М.Н., впоследствии жена С.М. Лунина, мать декабриста М.С. Лунина (ум. 1817), статского советника, бригадира, помещика, была важным человеком в жизни брата. Они обсуждали светские новости и литературу, знакомых и моду. Сохранились два письма Ф.Н. Муравьевой, которые мы печатаем в приложении, причем исключительно важно, что это единственные сохранившиеся ответные письма. Мы уже упоминали выше, что ей Муравьев писал иначе, чем отцу или зятю, он называл свой стиль «галиматьей». Кажется, это трубует специального комментария.

«Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было», – писал П.А. Вяземский [Арзамас, 1, с. 107]. Очевидно, князь имел в виду, что возникновение «Арзамасского общества безвестных людей» лишь оформило те идеи, принципы и литературные приемы, которые существовали

в его кругу и ранее. Поэтому историко-литературная реконструкция «предарзамасского» контекста представляется целесообразной. Тот же Вяземский нашел прецеденты этого явления в истории европейской культуры: «Много тут было шалости и, пожалуй, частью и вздорного; но, пожалуй, было не мало ума и веселости. В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы» [Вяземский, 8, с. 415]; ср. сведения из истории русской литературной жизни, которые он приводит, говоря об объединении «Галера». Современные исследователи указали и на иные прецеденты; см., например, примеры т. н. «галиматьи», относящиеся к началу 1800-х гг. [Панов].

Не менее значимым, с нашей точки зрения, был культурный контекст екатерининской России: в 1760-1790-е гг. сформировался язык аристократической литературы, который развивался на протяжении нескольких последующих десятилетий, при этом «Арзамас» был одним из наиболее известных эпизодов его истории, однако далеко не единственным и, возможно, не главным. Особую роль в этом процессе сыграла императрица Екатерина II: журналы «Всякая всячина» и «Собеседник любителей российского слова» сформулировали основные идеи новой светской словесности: они культивировали игру на границе литературы и жизни, «высокого» и «низкого», строились как имитация легкого и свободного разговора, «болтовни», «бреда», «галиматьи». Излюбленный прием – пародия: так, «Общества незнающих ежедневная записка» – граничащая с издевкой ироническая насмешка над Российской академией, построенная в форме официальных записей регулярных бессмысленных заседаний – может рассматриваться как один из возможных подтекстов арзамасских протоколов [Екатерина, 1901-1907, 5, с. 198-206].

Своеобразным «посредником» между Екатериной II и ее проектами, с одной стороны, и Н.М. Карамзиным и его младшими «сочувственниками», с другой стороны, стал Муравьев. Сложно было бы найти фигуру более

неслучайную: воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, человек, который сделал Карамзина придворным историографом и непосредственно повлиял на К.Н. Батюшкова. Напомним также, что и Карамзин, и Батюшков, и В.А. Жуковский, каждый по-своему, участвовали в подготовке и издании сочинений Муравьева.

Муравьев обычно не рассматривается как литератор, выступавший в амплуа знатока правил общежития; между тем вопросы о том, как жить в свете и как должен вести себя дворянин, «честный человек», представлялись Муравьеву исключительно важными и актуальными: «Что есть сердце человеческое, чтоб угадать все его движения? А сколько еще надобно жить на свете, чтоб научиться жить благоразумно? Все возможное мое просвещение не представляет мне что должно делать; но только то чего не делаю. Не приобретаются сии действительные добродетели, твердость, постоянство, благоразумие, единым только умственным познанием их; но тесным с ними обхождением, подтвержденным трудами многих лет» (письмо №). Ср. в письме от 18.12.1778: «Искусство жить есть то самое которого я не знаю. Живучи в средине общества, отдален я от него более нежели когда-нибудь. Я здесь более тратил времени нежели употреблял его: и чтобы жить в Петербурге, мне бы надобно еще было зачинать в Твери хочу я сказываться из красного села, чтоб сделать честь своему разуму». См. также отрывок из письма Ханыкова к Муравьеву от 21 января 1779 г. на эту тему: «К томуже ежели ты ещё, не взирая на все его ошибки и недостатки, сколько нибудь интересуешься в шалуне, которой делает себе из того славу и добродетель, что больше всех тебя любит... я на минуточку видел там и вчера г. Львова. Я жалею что я не просил тебя в бытность твою здесь, чтоб ты меня с ним познакомил, но теперь прошу, чтобы ты меня ему рекомендовал. А постараюсь я ныне познакомиться чрез П.А. Сойманова... ты видишь что я устанавливаюсь на путь честнаго человека, ласкаюсь и изыскиваю знакомства радушных и честных людей — я ожидаю от тебя скоро письма»[29]. Отметим, что друзья

[29] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 1 об.

используют понятие «честный человек», оно для них связано с моделью светского поведения, которое предполагает социальную активность – умение выстраивать отношения, знакомиться с нужными людьми, «ласкаться», чтобы добиться нужных результатов. При этом важно, что Ханыков воспринимал Муравьева в начале 1779 г. как *человека со связями*.

Важнейший неопубликованный источник – письма писателя родным и В.В. Ханыкова – Муравьеву, которые хранятся в ОПИ ГИМ. Последние интересны как яркий образец дружеской литературной переписки, которая во многом предвосхитила подобную практику пушкинской эпохи (об этом см. подробнее: [Лазарчук, 1972]).

Муравьевские письма сопоставлялись с поэтикой сентиментального романа [Лазарчук, 1972; ср.: Росси, 1994]. По-видимому, это справедливо лишь отчасти, потому что при такой постановке вопроса игнорируется сложность композиции муравьевских писем. Дело в том, что, как мы уже упоминали выше, практически каждое письмо распадалось на две части – «официальное», иногда демонстративно *сентиментально-прочувствованное*, послание отцу Н.А. Муравьеву, действительно обычно состоящее из топосов европейского чувствительного романа второй половины XVIII в., и легкая свободная от любых условностей «болтовня» с сестрой Ф.Н. Муравьевой. Перед нами модель светского разговора обо всем и ни о чем одновременно, где главное – заставить даму улыбнуться. Сам Муравьев неоднократно называл эту манеру «враньем», «бредом» и «галиматьей».

Приведем несколько примеров. Вот письмо от 8 февраля 1776 г.: «Матушка Сестрица, дай бог чтоб ты была здорова, весела и довольна. Когда я увижу свою Фешиньку? Увижу большую и дай бог увидеть такую. Какая веселость? Естьли будущее не обманет, естьли случимся вместе, чем более в возрасте, тем веселее, более, более… и я заврался». О том же Муравьев писал 18 февраля 1776 г.: «Матушка Сестрица! что к тебе напишу? Когда сажусь писать, кажется написал бы бог знает что; а как перо в руки, так и заврался». Очень показательно письмо от 21 марта 1776 г.: «Простите, батюшка, моему

бреду, и естьли он вам не противен, так и бредом быть перестает». И далее – приписка к сестре: «Ну! Сударыня! вить ето к вам сестрица, а что? вы ето увидите. Не удивитесь ли вы медоточному моему слогу? нет право и не к чему. Лучшели писать? Ну! сударыня вить ето к вам... <!> Нежели à la Tverskoy Ямской; *так теперя смутна, сердита, и не знаю что такое*. Нет право! нет ничего, что ето *нет право*; не больно кстати; Татьяна Петровна, еще не позабыла Петербурщину. Ее когда письмо; так и знаешь: лист кругом, торты, мороженые и т. д. сиречь и так далее (не остроумно ли едакое играние?) в Арифметической прогрессии. Из всего етого, понялиль вы что нибудь? И! Сударыня, вить это не дар писать ясно. A propos, quelque chose de Nicolas Alexandrovitz <Львов>: Vous me conseillez de chercher son amitié! Voilà de quoi il s'agit! je le savois bien sans vous; mais de le prier, qu'il m'aimût, qu'il me confiderat, comme son ami; voilà ce qu'il vous falloit faire. Adieu, petite ingrate. Vous pourriez être mon avocat; vous ne l'avez pas été. Добро. А между тем поклон Алексею Миничу <Муравьеву>, я к нему в четверг буду писать. Voilà ce qu'il falloit faire: добро; а Авдотья Александровна <Львова> была ль в Твери? добро. Voilà, comme quoi vous m'aimez: vous ne me recommandez pas. Добро. Il faut que je vous grondée. Добро. Ce добро est ici d'une énergie toute admirable. Добро adieu. Добро, vous craignez, que je vous gronde, je vous ai grondé adieu. Faites, que N.A. <Львов> m'aime. Adieu». Уже здесь мы найдем важнейшие приемы, которые потом будут востребованы эпистолярием XIX в.: игра на границе «серьезного» и «шутливого», «высокого» и «низкого», переплетение языков.

Еще несколько иллюстраций: «К сестрице. Дай перевести дух!... Можешь ли ты удостоить малейшего внимания строки которые зачинает таким образом твой повеса братец? Однако этот переход очень натурален: никто этого столько не чувствует как я теперь... Прости маменька, мое ученичество врать. Этот зачин ни мне, ни тебе не свойственен…». Ср.: «Мне нельзя не приметить самому, что я заврался. Так лучше вдруг кончить, чтоб не иметь искушения, опять пристать к речи» (письмо <75>). Наконец, письмо от

11 декабря 1778 г.: «Простите мне вранье мой, милостивой государь батюшка. Я столько имею нужды в извинении. Но все лучше писать песни, нежели скучать и наводить другим досаду существованием своим».

Первый раз, насколько можно судить, слово «галиматья» появляется в письме Муравьева к сестре от 26 мая 1776 г. к сестре: «Pardonnez ce galimathias au frere humble rimeur которому пора, на парадное место». В письме от 30 июня 1776 г. он русифицировал это понятие: «Сочтите мой Галиматиас <так!> за что нибудь, а то худо будет… Следовательно и так далее, вы должны». Приписка от 4 августа 1776 г. была построена на смешении языков – как естественных, так и культурных: проза переплетается с поэзией, а русский – с французским:

Владычица души моей,
Тот, что полн прелестным рвеньем,
Знает душу проникать,
И кинжала мановеньем,
Слезы, трепет извлекать.
Что с Котурном Мельпомены,
Похищает от Илмены,
Князя, брата своего;
И что став совместник Власу
Уступает страсти гласу,
Взяв Нанину у него.

Si vous ne déchiffrez pas mon *Galimathias* <выделено нами. — А.И.>, tant mieux pour moi».

«Вранье» и «галиматья» возникают тогда, когда стирается грань между письмом и бытом, когда реальность вторгается в эпистолярий, и Муравьев удачно имитирует немотивированность отбора жизненного материала. Один из наиболее ярких примеров – письмо от 31.7.1778 г.: «Матушка сестрица, Федосья Никитишна! Я хочу чтоб ты всегда ко мне писала, как этот раз, то

есть: убираясь. Хотя это и отнюдь не весело и скучно; одинако ж и не скучно очень... Нет, нет: в эту минуту я передумал. Я помню combien vous coute un moment de toilette. Ну так, ни слова о туалете. Пиши в неглиже. Это одежда пишущих: это моя теперь. Но если ты вообразишь маменька, что теперь четвертой час после обеда, что, будучи страстной охотник к театру, навлекаешь на себя опасность пропустить комедию, после которой не будет их целых 15 дней; ты ведь присоветуешь мне оставить мой Неглиже. Вот что я исполню scrupuleusement. Я бы остерегся так писать, ежели бы писал к другому. Он бы невыгодно рассудил о разуме тех обществ, в которых я имею честь быть admis».

Вот еще пример игрового иронического сочетания «высокого» и «низкого», литературы и быта: «Ну! матушка сестрица! Захар Матвеевич до бесконечности меня притесняет: одно пиши да пиши, а ему спать хочется. Что ж я напишу? тогда, как говорят, ну, да ну, так ничего в голову не дойдет» (письмо <14>).

Комический эффект может возникать при соединении языков — «французского с нижегородским»: «Ma très chère sœur! Que je plains l'état, dont vous avez sû me présentez une image si éloquente! Je l'ai maintenant sous mes yeux je lis votre lettre, je la relis et je frémis. Comment? ma chere sœur! vous n'avez pas à qui vous ouvrir! Dieu puissant! Eh! quel mystère si sacré, pèse à votre sein! Ces arbres, qui sembloient sentir votre peine! permettez que je lise encore une fois cet endroit. *Bien des fois j'ai versé des larmes et je n'en savois pas la cause*. Quel style plus approchant de?.. Mais; vous pourriez... non vous m'avez assuré, que Zachar Matveevitz se trompé. Pardonnez-moi ce langage; entre vous et mois, vous savez il faut, que la sincérité regne. Eh bien! si la parole pour sa naissance, dans les sentiments du cœur, ne dois-je y reconnoitre un peu de tendresse?.. Pardonnez-moi vous dis-je encore une fois. Je vous aime; ma chere sœur, aimez-moi de même. Attirerais-je par la votre colère. Eh! non. Consolez votre âme trop foible, prenez des ferments à la soldatesque, et surtout faites, que notre cher pere ne soit pas affligé. <…> J'ai cru, que mes lettres viendront chez vous infaiblement, et malheureusement,

vous ne les recevez pas. Vois ce que c'est que cette maudite poste; on y paye très peu, et l'on-court risque de perdre la lettre. Écrivez-moi ma chere, comment est-ce que vous vous trouvez; la ville, vous plait-elle? et les habitants comment est-ce qu'ils sont faits? Покроем, рцы, каким, на бабах? Телогрея, и шапка ль архиерея, иль римской сходен шлем с кокошником тверским».

В письмах Муравьева любая «мелочь» могла стать предметом обостренной рефлексии, а переходы от, казалось бы, второстепенных проблем к вопросам, имеющим культурное или общественно-политическое значение, выглядели максимально свободными и непредсказуемыми, мотивированными только личностью автора, ее эмоционально- интеллектуальным складом и актуальными интересами; данная эпистолярная техника уже отдаленно напоминает ту, которую с большим упорством будет разрабатывать Н.М. Карамзин в 1790-е гг., придавая ей эстетическое значение.

В этой непринужденной болтовне угадываются черты того социального амплуа светского человека, литературный образ которого будет канонизирован в пушкинскую эпоху. Одна из таких черт – «лень», постоянно становящаяся предметом обсуждения, напр.: «Безрассудной молодой человек! Что я делаю, что не принимаю с жадностию первого родительского призвания вот уж вечер и, может быть, причинил я вам и сестрице скучные напоминания. Но отъезжая из Петербурга, ничто так не откладывается, как день отъезда. Я приписываю Петербургу, что только отнесть должно к лени моей. Это не лень из обыкновенных: но какая-то непроворность души, нерешимость» <107>. Ср. письмо от 9 июля 1781 г.: «Много желаний, несколько покушений трудиться и приобретать более еще неустоек в своем намерении: хорошие планы и худые исполнения – вот почти моя история. Давно хотелося мне зачать учиться по Гречески и по Аглински, я зачал, естли можно льстить себя успехом, учася без руководителя. В Маие месяце написал я маленькую комедию в одном действии. От меня бы зависело дать ее представить, но я не удосужился переписать, чтобы прочесть на Театре. Комедия сия не есть со всем тем нечто прекрасное, по признанию моему. Не ища извинения в обстоятельствах,

порицаю я за все то, что мог бы сделать и не сделал – собственные мои неразумия и слабости. Мне стоило только помнить ваши милости, попечение толь многих лет, чтобы час от часу быть вас и себя достойнее, но я еще осмеливаюсь уверять вас, что для снискания сего одобрения я еще столько сил в себе найду, чтоб превозмочь сию праздность и не жить суетно».

Взаимодействие и взаимопроникновение литературы и жизни воспринималось Муравьевым как естественное и неизбежное, ср., напр., записьм поэта на письме Ханыкова к нему от 28.2.1779: «Переписка друзей – это <…> роман, в котором мы сами были действующими лицами»[30]. Более того, «литературность» своих текстов Муравьев не только не скрывал, но и подчеркивал (см.: письмо от 23 октября 1778).

В некоторых ситуациях семейное письмо превращается в дружеское литературное; в переписке появляются стихи на случай. Вот, например, письмо от 21 января 1776: «Матушка Голубушка сестрица Фешинька! Eh bien! comment cela va? Vous Provinciale! Bon! Et mon cher Vieillard, ce nouveau Marquis, Mr. de Voltaire s'accoutume-t-il aux façons de Tver? Et son confrère Mr. Marmontel aussi? Je leur souhaiterai la barbe. Зделай милость матушка отпиши ты мне все сполна, что вы делали *presenti et futuro tempore*. Не обманись, ведь ето по Латине. C'est un trait de ma Gentilesse.

А я тебе скажу, что сделалось со мной,
Заехал я в театр, с Гараской за спиной[31],
Я вышел: мальчик мой подъехал близ другова,
И стал: вдруг скачет Паж: ты чей? я Муравьева,
Кто барин твой? Сержант. Которого полку?
Измайловской — так, так я тотчас побегу.
Туда, сюда, назад, я был у господина,

[30] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 12 об.
[31] Приписка на полях: «понеже Ванька покупал сено и прочие наши домашния потребы: вить мы очень экономы <…>».

Он был без места там, я ложу дал ему,
Он свесть меня велел к местечку вон тому,
Скок в сани, вожжи взял, и ну! ступай, скотина.

С одной стороны, латынь, Мармонтель, «gentilesse», с другой — стихи на случай, зарифмованный бытовой рассказ, наполненный просторечиями.

Неопубликованные письма Ханыкова к Муравьеву усложняют эту картину: не просто близкие друзья, но и поэты обсуждали и любовные переживания, и литературу, и службу. Главное здесь – сложная игра, соединение высокого и низкого, уже хорошо знакомое нам по письмам Муравьева.

Показательный пример – приписка Ханыкова к Ф.Н. Муравьевой от 4 февраля 1780 г., приведем ее текст: «Матушка Федосья Никитишна! виделиль вы ужасное ето писмо которое он ко мне писал? Не ужели он так нещастлив что стал нечувствителен ко внушениям вашим нежности, толико способным вперить почтение к добродетели и прекрасному, и охоту чувствовать свое щастие? Нет, матушка! не могу поверить чтоб вы не имели власти зделать сладостным существование человека, толико достойнаго быть щастливым… я заклинаю вас… но что!… колико крат имеете вы более меня нежности чувствования, и следовательно должныб былииметь сердечное в нем участие, хотяб он был не брат вам… Еслиб я мог поверить что сердце его обиталище добродетелей, могло зделаться жилище пороков: сие не меньшеб должно казаться странно в разсуждении прихотей Судьбы, как то что обетованная земля, родина преподобных Аврама, Иакова и нашего Спаса, впала в руки нечестивых и неверных Срацин, и что любимой богом народ стал нещастнейшим из всех народов, не имея пристанища. Прости, матушка, что я наскучил вам моим посланием, которое окончал я худою шуткою. В перед я буду больше воздержан, на всегда равно покорный ваш брат В.Х.»[32]. В.Н. Топоров привел первую ее половину, в которой говорится о духовном кризисе

[32] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 18.

Муравьева [Топоров, 2001-2007, 3, с. 143]. Однако вторая половина не менее интересна: серьезная часть непринужденно сменилась «худою шуткою» – как кажется, это обычный прием в этой среде.

Еще пример – письмо Ханыкова к Муравьеву от 4 апреля 1779 г. В нем особенно показательна концовка: поделившись с другом своими впечателниями от «Россияды» Хераскова (мы приводим эту цитату ниже; особенно важен вывод о том, что в поэме «нет genie» – к этому вопросу мы еще вернемся), Ханыков перешел к новостям и рассказал о том, как В.Г. Рубан совершил неудачную попытку самоубийства: «Рубан, третьяго дня, дав себе .44. раны ножем, по голове и другим членам, прислал сказать Степану Силичу <Аничкову>, у коего живет он с год, что он зделал. Он хотел застрелиться зарядил два пистолета, но потомуль что не имел сердца, или умения по себе выстрелить, он того не исполнил»[33]. Отметим не только суровую оценку Рубана, но и специфическое остроумие Ханыкова, который в одном письме, в одном абзаце сталкивает Хераскова и Рубана, и в этой перспективе недостаток «гения» у одного причудливо дополняется отсутствием «сердца» у другого.

Эта игра увлекала не только Муравьева и Ханыкова, но и других членов «муравейника»; так, в письме к Луниным от 7 ноября 1788 г. Муравьев писал: «У нас вчера целой день пробесился <В.В.> Ханыков, которой вас любит по прежнему и кланяется; назначенной советником посольства Иванушка Муравьев <мл.>, у котораго зубы болят, тудаже дурачился и учили петь сквернословныя песни нашу девицу Николая Вульфову. Вот наше похвальное препровождение времени».

Остановимся также на двух поэтических текстах Ханыкова, которые остались погребены в его письмах другу. Они важны как минимум в двух отношениях. Во-первых, Ханыков обычно описывался как поэт по преимуществу франкоязычный [Заборов; Лотман, Розенцвейг; Гречаная]. Во-вторых, это важнейший материал для реконструкции дружеской литературной

[33] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 10.

переписки рубежа 1770-1780 гг., той «домашней» словесности, которую принято было связывать с кругом Карамзина.

В письме от 21 января 1779 г. видим, как умело Ханыков строит свой текст на соединении противоположных, казалось бы, интонаций, моментально переходя от ламентаций и психологизма к грубой шутке: «В прошлой четверг разодрал я приготованное письмо мое к отцу и к тебе: я разсудил, что не должно возмущать спокойствие отсутственных друзей своих, жалобами горчайшими на самаго себя и на весь свет, и мрачнейшими размышлениями, изобразующими гнусность моего положения; писать сие к такому человеку, которой, безсумненно полагаю я, берет участие в твоей участи!.. Нет, подумал я, ежели не имеешь ты ничего сообщить ему, чтоб могло прибавить к удовольствиям, коих милая семья ему доставляет, то по крайней мере не должен ты на мгновение возмущать сия <?> ево удовольствий. Но между тем, милой мой! я нечувствительно попадаю на то, что предлагаю себе убегать:

Повсюду я встречаю беды,
Повсюду скуку нахожу,
Чтоб избежать худой беседы,
Я по блядским домам хожу.

Что ты обо мне подумаешь? Ах? братец? жаляй ты обо мне, коего сердце отказывается от ощущения чувствований... ах нет, как я лгу! Сердце моё все тоже: я все тот же любитель прекраснаго!»[34]

А 14 января 1780 г. Ханыков обошелся без эпистолярных общих место и отпраавил стихотворное послание; вот этот текст:

В театре Итальянском
Я видел Николая,
Двоюроднаго брата,

[34] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 1.

Вчера сюда прибывша
Из скучнаго жилища
Пределов новгородских:
Он правил челобитья
От милаго дитяти
Михайла Муравьева,
Давал мне полецуя
С приятным возвращеньем
Что он их посылает;
С коликим возхищеньем
Николу обнимал я,
И мыслил что объемлю
Дражайшаго Махайлу,
Котораго я взпомнил
С богами в пированье.
Возторг мой усугубил
Никола благотворной,
Прелестным увереньем
Что милости сестрицы
Меня не позабыли,
И брата недостойна
Хотели удостоить
Взпоминовеньем лучшем
Мной сладкия мгновенья
В их бытность здесь вкушенны
Предстали вображенью;
В сем сладостном забытье,
Пред мною все изчезло,
Что взору предстояло:
Я чаял то лишь видеть

Что в мыслях мне мечталось;
Я мыслил что в беседе
Тогда я находился
Сестриц моих любезных,
От коих мне осталось
Одно возпоминание.
(Минувшее блаженство!
Мученье слабой мысли!
Почто тебя лишаюсь,
Я память не утратил?)
Там близ меня сидела
Пригожая актриса
Прелестница Лавина,
И речь ко мне склоняла,
Которой я не слышал,
Она меня увидя
В задумчивости мрачной,
Знать пробудить хотела
Мне руку простирая,
Которую схватил я
С приятным возхищеньем,
И прилеплял стократно,
Задумчивость не руша,
Жарчайши поцалуи
На ету нежну руку,
Которую безумной,
Считал я заблуждаясь
Рукою не Лавины.
Разрушилось мечтанье:
Насмешливые взоры

Свидетелей нескромных
Нещастнаго безумства
Мои открыли очи:
Узрел свою погрешность,
Увидел заблужденье;
Разкаяние поздо
Обременяло сердце
Стыдом и огорченьем.

___ ____ ____

И мню что я пишу коль стопы составляю!»[35]. После этого Ханыков продолжил письмо по-французски и сделал приписку к Федосье Никитичне, вовлекая и ее в литературную игру. Как видим, перед нами сложный текст, в котором иронически преобразуется реальность, быт вторгается в литературу и становится искусством.

В письме от 16 марта встречае уже знакомый подход Ханыкова: «прозаические» новости о знакомых дамах плавно перешли в фривольную поэзию: «О Микулиной я ничего не слышал с того времени как ты от сюда уехал <…> Ты требуешь чтоб я сообщил тебе имена тех особ коих общество доставляет мне удовольствие. Военное общество есть для меня довольно безвкусно: ибо искренность Вас: Серг: Ланскова, доброжелательность <нрзб>, приязнь Катерины Ивановны, ласки Марьи Александровны Языковой, по справедливости стоят отменно. Вот тебе

Наряд

Сказка

Конечно, так, прелестной пол и нежной!
Старание чтоб милыми нам быть
Соделалось вам нуждой неизбежной,
Которую врожденной дар любить,

[35] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 15-15 об.

Любимой быть нескромно нетерпенье,
И красоту искусство украшать
До зрелых лет умеют вам вкушать
Сей истинны вам будет в уверенье
Мои стихи, от коих украшенье
Я все отверг, пусть будет простота
Единая сей сказки красота.
В пятнатцать лет прекрасная Колета
В семье своей и бедности жила;
Как весело быть девкой в ети лета!
Красавицей Колета уж слыла:
Очей ея больших и чѐрных стрелы,
Приятныя черты ея лица,
Сокровища на персях недозрелы,
Пленяли все и очи и сердца.
Ей вздумалось прелестных етих горок,
Чтоб не закрыть завистным полотном,
И в виде сем стоят перед окном,
Чтоб зрел ее Колин что столь ей дорог;
Но не взначай зашедша мать ея,
За то ее журит: что вижу я?
«Что делаешь ты девка бестолкова?
Как можешь быть ты в образе таком?
Чтоб не было безчинства впредь такова!
Поди скорей окутайся платком».
Ей дочь в ответ: должна повиноваться,
Но больше чем мне будет наряжаться?[36]

[36] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Там же. Л. 19-20.

Ханыков создавал русский вариант французской легкой поэзии, балансируя на границе приличного и неприличного, серьезного и игрового. Без сомнения, эта традиция восходит, в частности, к Вольтеру. Наконец, вернемся к отрывку из письма Ханыкова к Муравьеву, который был посвящен современной им литературе и который мы упоминали выше. Ханыков начал читать «Россиаду» М.М. Хераскова и дал ей нелестный отзыв: «Вчера я получил *Россияду*, прочитал я оной по сию пору только 3 песни. Сколько я мог из оного по понятию своему заключить: она писана с силою <?> и красотою стихов, что мало таковые по русски находится. В некоторых местах упадает мастерство писать стихи, но не поведения поемы. Черты картин часто натянутыя, мрачныя, слабыя. Нет genie. Повсюду явствует работа и труд. Со всем тем сочинение наполненное красотами, и которое считаю первым монументом российской поэзии, коей делает оно честь. Я нахожу его лучше, нежели ждал. Осмелился я сообщить тебе сие мое мнение, может быть, оно <?> только самого меня унизит»[37]. Этот текст явно предвосхищает те оценки херасковской поэмы, которые станут общим местом в 1810-е гг. Но важно не только это, как кажется, перед нами след дружеского обсуждения творений Хераскова, которые не предназначались для чужих глаз и ушей. Муравьев обычно осмыслялся как ученик Хераскова, и действительно существует немало его восхищенных отзывов об авторе «Россияды». Однако, как кажется, отношение Муравьева к Хераскову было более сложным и совсем не «партийным» (об этом см. ниже).

Таким образом, мы можем связать муравьевскую «галиматью» с арзамасским и предарзамасским контексты, которые опирались на богатую, сложную и лишь в небольшой степени изученную культуру «домашнего» и «кружкового» острословия, в пределах которого литературная проблематика оказывалась неотделима от «быта», а «легкий» и «забавный» слог выступал в функции языковой реальности, параллельной книжной, оттеняющий ее

[37] Там же. Л. 14.

автономность и одновременно намечающий возможности ее сближения со стихией разговорной речи образованного дворянства.

§1.2. Служба

Главное занятие Муравьева в Петербурге — это служба; она тяготила молодого человека, который предпочел бы литературные и академические занятия дежурствам, однако он понимал ее необходимость для будущей карьеры и примирялся с неизбежным. Отношения с начальством у Муравьева складывались удачно, отнюдь не последнюю роль в этом сыграли связи отца. Так, Н.А. Муравьев хорошо знаком и с секунд-майором Измайловского полка Ф.Я. Олсуфьевым[38], и с капитан-поручиком Измайловского полка С.А. Хотяинцевым[39]. Заинтересованность старших офицеров базировалась, кажется, не только на личной симпатии к молодому поэту, но и на более приземленных основаниях: Н.А. Муравьев помогал им решать личные проблемы: «Ввечеру был у своего майора <Ф.Я. Олсуфьева>, которой подробно пересказывал мне все происхождение ссоры моей с Яковлевым и как он сам с ним будто бранился за меня во дворце. От него имею я к вам комиссию. Могу ли я приложить мою нижайшую прозьбу ее исполнить? Первое, чтобы причислить в складку остающияся в Тверском наместничестве принадлежащия ему .48. душ. Затем что остальныя причислены к деревням его в Нижегородской Губернии, где он ставит рекрутов. О чем он и писал к предводителю своего уезда И.И. Ушакову. Если ж не можете зделать того сами попросить Тимофея Ивановича <Тутолмина>, которой обнадеживает его в письме, что он все для него зделает. Второе, приказал просить вас покорнейше, как от себя, так же и от Сергея Алекс.<андровича> Хотяинцова, которой тоже был, чтобы пожаловать присылать сюда чрез меня имена всех тех рекрут,

[38] «По приказанию вашему писма все разнесены, на первых днях праздника и вопервых к Федору Яковлевичу Олсуфьеву, которой приказал вам засвидетельствовать свое почтение и хотел к вам писать особливо» (Письмо <24>).
[39] «Сергей Александрович <Хотяинцев>, которому я сказывал от вас почтение, просил засвидетельствовать оное же вам и от себя» (Письмо <25>).

которые по вашему разсмотрению годятся, как ростом, так и лицом в Гвардию, особливо в первую роту, т.е., свыше 8 вершков и постараться как нибудь умедлить их в Твери, чтобы, между тем, ему успеть через военную коллегию их прямо истребовать. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> бы сам к вам писал, но он болен тому уж с месяц» (<99>). Очевидно, что это предопределило, пусть и не молниеносное, но последовательное продвижение Муравьева по службе. В 1778 г. Муравьев сблизился с полковником Н.В. Репниным, который отнесся к молодому человеку благосклонно и, по сути, освободил от служебных задач: «Нынешнюю неделю подал я Никол.<аю> Вас.<ильевичу> <Репнин> Опыт трудов нашего собрания; он принял их, лучше нельзя: и просил всегда сообщать мои сочинения, которыя он читает, говорит, со удовольствием. И как я принявши сей случай, благодарил его за особливую милость, которою освобожден от трудов должности; то он сказал напротив, что это ничто иное, как справедливое внимание к моим достоинствам. Я не знал, что ответствовать и залучшее счел откланявшись уйти. Все сии похвалы мне служат вместе и упреками» (<77>). Репнин же назначил Муравьева капралом Измайловского полка: «<…> должность почти только по имени. Ничто не заставляет меня вспомнить, что я не свободен. Чувствие уничижения мне не известно» (<8>).

Это не означает, что Муравьев был всем доволен: молодой человек был готов к изменению карьеры; см.: «Вы изволили писать ко мне в прошедшем писме о вояжированье; не позволите ли мне попроситься в курьеры иностранной коллегии» (письмо <32>). Мысль о «вояжированье» посетила не только Муравьева, но и его друга Ханыкова; возможно, они обсуждали такую возможность; ср. письмо Ханыкова от 21 января 1779: «Я писал к тебе, что хочу я быть при иностранной коллегии курьером, ласкаясь с переменою мест переместить свое щастие, повояжировать, понабраться ума, зделаться получше нежели я есмь»[40]. По-видимому, чтобы добиться перевода, требовались более серьезные связи, чем те, что были у Н.А. Муравьева,

[40] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Л. 2 об.

поэтому молодой поэт остался служить в Измайловском полку. Отметим также, что среди родственников Муравьева находим людей, сделавших неплохие военные карьеры: например, П.А. Костливцев, в ту пору капитан таганрогского порта, а позднее вице-адмирал, П.С. Муравьев — генерал-майор, который жил в Москве, или М.А. Муравьев ст. — генерал-майор. Насколько они повлияли на судьбу Муравьева, судить сложно, но как минимум это та среда, в которой он чувствовал себя вполне естественно.

Кроме того, относительно близкие отношения со старшими офицерами позволили Муравьеву свободное время употребить на ученые и литературные занятия[41]. Муравьев не был затворником, напротив, он увлеченный театрал, не чуждался и юношеских шалостей: «В воскресенье, то есть вчера наши жильцы сказали нам, будто комедия во дворце. Мы приехали, ан ничего не бывало. Однако мы не уныли, взобрались на верх театра и по узенькой лестнице вокруг столба вошли в театр. Рассматривали, представляли на нем, прыгали антраша, покуда разбудили часового, которой, протянувшись в оркестре, дрых во всю свою силу. С ним поговорю, походили еще взад и вперед и пошли было вниз, чтоб рассмотреть машины, двигающие кулисами и пр: когда бы на наше несчастие проснувшийся тогда, как видно, рьяной страж театральной, не попал нам навстречу и масленичными балясами не заболтал нас кругом. Ему чрезмерно хотелось пяти копеек: уж как мы ни клепали иной актером, другой знакомцем <И.А.> Дмитревскаго, третий, что он представлял благородными *Заиру*: нет, говорил нам старой пьянчуга, ни вам, государи, ни моему глупому уму не подобает исповедать все глубины: дай бог, вам быть нашими командерами, а там ни зги невидно. Таким образом, болтали, болтали, и не могши перемочь старого враля, принуждены возвратиться и прямо на горы, а оттуда домой» (Письмо <12>).

[41] Ср.: «Принуждения, что касается до службы, нет никакого. Ниже караула; разве бы сам захотел» (письмо <18>).

Служба не мешала и светским развлечениям, например, Муравьев не раз упоминал об участиях в маскарадах; см., напр.: «Все скучно: ето я без хвастовства скажу, вчера я был в маскераде: какое веселье, бродить до усталости между тысячами не знакомых лиц, и тех с харями, затем только, чтоб кто-нибудь сказал мимоходом: здравствуй? Еще кто любит танцовать: Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> в своем венециане заслуженном и которой ему по колено, так то, выфантовал, что лучше не льзя (письмо <10>). Ср.: «Третьего дня был у нас маскерад, и я с Никитой Романовичем <Рожешниковым> по милости Матрены Дмитриевны <Бастидон> в ее карете ездил» (письмо <10>). Ср. позднее письмо №316 «Каждый день новый романической план поспевает в голове моей. Столько легко позабыты, как зачаты, они последуют быстро, но постоянно друг за другом. Непременное посещение – это комедия французская. Впрочем более разночинец, нежели барин, путешествую я по всем возможным улицам города. Чтец ведомостей в кафейном доме. Обыкновенной посетитель книжных лавок, недавно втерся я в кадетской корпус, Академию художеств и Эрмитаж. Новость и, может быть, странность имеет для меня неизъяснительную прелесть. Ежели бы я был Еффенди, богатой и бездельной, я бы был равно неверен гречанке и черкашенке».

Таким образом, служба позволяла Муравьеву завязывать новые знакомства, прочнее встраиваться в столичный мир и мечтать о большой карьере. Однако даже просто по количеству имен людей, связанных с полковой жизнью, можно судить о ее сравнительно низкой значимости для Муравьева: несмотря на то, что он упоминает какие-то реалии службы в каждом письме, очевидно, она для него глубоко второстепенна, особенно на фоне научных и литературных интересов.

§1.3. Научные круги

Интерес к изучению наук у Муравьева проснулся в раннем возрасте, особенно в университетской гимназии и Московском университете. Роль проводника в этом мире сыграл еще один его родственник — знаменитый куратор Московского университета В.Е. Адодуров. Отношения с ним были близкими, Муравьев упомянул в одном из писем о совместном отмечании праздников: «В Новой год с братом Захаром Матвеевичем <Муравьевым> выезжали мы к Василью Евдокимовичу <Адодурову>, и он нас принял очень хорошо» (письмо <1>). Другой известный ученый, профессор Московского университета А.А. Барсова «обласкал» Муравьева и помог вступить в Вольное российское собрание (об этом см. ниже).

Муравьев живо интересовался естественными науками и посещал открытые лекции в Академии наук, о чем неоднократно писал отцу. Так, например, он выделял занятия по физике: «В середу по утру ходили мы с Заворотковым и еще другим Сержантом в Академию на лекцию адъюнкта Иноходцева, затем что новым директором определено говорить профессорам для публики, так что кто бы ни вошел туда, слушать может по изволению. Теперь Иноходцев проходит курс математики, а Крафт зачнет также показывать экспериментальную физику» (письмо от 1 февраля 1776 г.); ср.: «Здесь у нас учреждено в Академии, что по середам и по суботам адьюнкт Иноходцов читает для охотников Математический курс по утру, а по вторникам и четвергам после обеда Профессор Крафт проходит Експериментальную физику. В сию последнюю лекцию съежжаются очень многия. Директор <С.Г.> Домашнев сам всегда бывает: Василий Евдокимович <Адодуров> с сыном и племянником, Пав<ел> Алекс<андрович> Бибиков, очень много офицеров и несколько сухопутных кадет. Крафт читает ее на французском языке. Нынче там будет собрание, и я туда еду» (письмо от 3 марта 1776)[42].

[42] См. также: «А теперь, то есть отобедав, думаю, ехать на физическую Лекцию. В последний раз я не был за дежурством, и для того наградить ето надобно, а Крафт наш говорит там о тяжести и упругости воздуха: теперь уж дошел он может быть и до гидростатики» (письмо <19>); ср.: «…был в то время на дежурство, и отпросился у порутчика, на физическую лекцию, куда мы с Никитой Романовичем <Рожешниковым> ходили»

Публичные лекции — это место встречи не только с кабинетными учеными, но и с офицерами и сановниками. И отдельно отметим упоминание Адодурова. После одной из таких лекций Муравьев встретился с директором академии наук С.Г. Домашневым: «Я ходил нынче в физическую лекцию; однако ей не было, для того что наш Крафт, как сказывают, повредил себе руку и лице. Так я посидел у С.И. Антонова, которой и с женой вам кланяется. Крафт также в прошедший раз приказал вам кланяться. Он говорил тогда об огне, и тут делали термометр: Сергей Герасимович Домашнев подарил мне Таблицу сравнения главнейших термометров; я к нему хожу, и он довольно ласков (письмо <30>).

Итак, видимо, благодаря Адодурову Муравьев познакомился с крупнейшими учеными своего времени, в частности, с Барсовым, и чиновниками от науки, в первую очередь, с Домашневым, которые определили во многом дальнейшую траекторию жизни Муравьева: увлекающийся исследованиями молодой человек через несколько десятилетий станет товарищем министра народного просвещения. Но это будет потом, а сейчас Муравьев впервые выдвинулся на первый план и вступил в Москве в авторитетное ученое общество. Это один из главных сюжетов этого года, поэтому мы остановимся на нем подробнее.

Вольное российское собрание

3 декабря 1776 г. Муравьев был избран в члены Вольного российского собрания при Московском университете. Вот как описывает этот эпизод Н. Жинкин: «В первый раз он <Муравьев. — *А.И.*> совершил поездку в Тверь, а затем и в Москву в сентябре 1776 года и вернулся в Петербург только через 10 месяцев — 30 июля 1777 года. Первое посещение Москвы — после

(письмо <21>); ср. также: «Паралаксис солнца был моим предметом; одно слово Паралаксис довольно, чтобы дать себе ученый вид. Только то беда, что я сам чувствую, что он мне очень и очень не принадлежит. Все мои воображаемые труды терпят беспрестанной прилив и отлив: минуту метафизик, другую конечно алгебраист, а на верно прежде наступлений третей, рифмы заступят место сравнений» (письмо <45>).

поступления в Измайловский полк — осталось навсегда памятным Михаилу Никитичу: 3 декабря 1776 года н был избран членом Вольного Собрания Любителей Российского Слова, которое ценило в нем начинающего поэта и хотело поощрить его к дальнейшим трудам на литературном поприще. <…> Затем, в Москве он возобновил старые знакомства и завел новые <…>» [Жинкин, с. 10].

Этот набор фактов («отпуск — приезд в Москву — избрание в члены общества»), с небольшими вариациями, мы найдем во всех известных исследованиях, посвященных жизни и творчеству Муравьева. Так, например, Л.И. Кулакова ограничилась буквально двумя фразами для характеристики этого периода: «Не порывает он связи и с Москвой. В 1776 г. его принимают в члены Вольного российского собрания при Московском университете» [Муравьев, 1967, с. 6]. Ср.: «В сент. 1776, получив отпуск, М. поехал сначала в Тверь, а затем в Москву. Здесь 3 дек. он был принят в члены Вольного Рос. собрания при Моск. ун-те, где читал свои переводы из Горация, «Эпистолу к Н.Р.Р***» и др. [Западов, 1999, с. 308][43]. Наконец, см. недавнюю работу Е.В. Кунца: «…Михаил Никитич в сентябре 1776 г., получив отпуск, поехал в Тверь, куда еще 29 декабря 1775 г. получил назначение его отец, а затем в Москву. В Петербург Муравьев вернулся только 30 июля, спустя более чем 10 месяцев. 3 декабря 1776 г. он был принят в члены Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» [Кунц, с. 34].

Современный исследователь указал на факт встреч Муравьева с И.И. Мелиссино, В.И. Майковым и А.А. Барсовым, однако не остановился подробно на этом вопросе и процитировал опубликованное Кулаковой письмо поэта к отцу от 8 мая 1777 г. [Кунц, с. 34–35].

С нашей точки зрения, события ноября-декабря 1776 г. — один из ключевых эпизодов в творческой биографии Муравьева. Речь тогда шла не

[43] При этом отметим, что В.А. Западов сослался на письмо Муравьева к отцу от 12 декабря 1776 г. [Западов, с. 308].

просто о вступлении в то или иное ученое общество, хотя этот факт сам по себе достоин пристального внимания, ведь Муравьев, как известно, сторонился публичной деятельности, а о формировании сети интеллектуальных связей, которые во многом определили всю последующую жизнь писателя. Детально реконструировать ход событий и восстановить эту систему контактов мы можем по публикуемым ниже письмам.

22 ноября 1776 г. Муравьев — после долгого перерыва — побывал в Московском университете. Заблудившись, он не сразу нашел нужное здание, навестил старого учителя Ф. Гельтергофа, послушал лекцию профессора И.А. Роста «об архитектуре» и — что особенно важно для нашего изложения — зашел к профессору А.А. Барсову; см. письмо <>: «Убрался и пошел в Университет. Нашел его, кое-как. Какие это переулки! самая большая улица Никитская, такими кривулинами: однако все что-то придает величественной и Руской, больно русский вид, или уж потому то что Москва. Вошел в Университет, и как то мы с Ванькой попали не туда. Через большую Аудиторию, где бывают собрания, да на верх: тут какой-то Профессор читал. Вошел в классы. Мне показалось хлевы. Вот что сделал Петербург: прежде мне казался Университет примером великолепных зданий, а теперь немножко, но меньше. Учители все незнакомые: дошел до Гелтергофа; старик меня не узнал, сказался ему, он чуть, чуть помнит, говорит, что старится и забывается, сажал меня и говорил очень с великим удовольствием, хвалил, что будто я хорошо говорю по-немецки. Каково ж это от древняго учителя. Оттуда пробрался к профессору Росту в Аудиторию и слушал его лекцию до звонка. Он просил меня, естьли хочу продолжать ходить к себе. Он говорил об архитектуре. От него прошел я к Барсову. Тот было меня не узнал, а прочетши письмо, очень ласково принял и говорил очень хорошо. Я им доволен».

Итак, Муравьев установил первый контакт с Барсовым. Одновременно с этим Муравьев выстраивал отношения с другими профессорами. В этом ему, скорее всего, помогли Адодуров, родственник и куратор университета, и

В.И. Майков, ставший своего рода проводником молодого поэта в сложном мире московской интеллектуальной элиты (как Муравьев познакомился с Майковым, обсудим ниже). Автора «Елисея» Муравьев упомянул уже в первом своем письме из Москвы: «А теперь думаю ехать к Василью Ивановичу Майкову. Не знаю, застану ли» (письмо <63>). Из письма <64> мы узнаем, что он застал Майкова и провел у него вечер: «Делать, еще ничего не делал, а все разъезжаю. Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василью Ивановичу Майкову, которой приказывает вам свое почтение. Он меня принял по-прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич Волков, которые сбирались тогда в клоб, которого Василий Иванович Майков директором. Он же заводит концерт».

На следующий день Муравьев опять у Майкова, причем у него он познакомился с видными профессорами Московского университета С.Е. Десницким и М.И. Афониным: «От него к Василью Ивановичу <Майкову> обедать: у него застал Десницкаго и Афонина, профессоров, которых он заставил, одного живущаго с ним офицера, читать перевод своих превращений. Весь вчерашний день провели мы в чтении, и я читал после Василью Ивановичу несколько из своей Трагедии и он просил меня еще приехать с нею» (письмо <64>).

Этот обед стал своего рода экзаменом для молодого поэта: на суд Майкова и его гостей Муравьев представил отрывки из своей трагедии «Болеслав», которую писал годами, но так и не закончил.

Именно в это время Муравьев заручился расположением, а возможно, и поддержкой М.М. Хераскова. Схема как всегда одна и та же: визит — чтение стихов — приглашение на обед; см. письмо <>: «…поехал я к Хераскову, котораго приемом я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стишки к нему, которыя у меня видал, разспрашивал у меня, что я делаю, разговаривал и разсуждал со мною, с такою ласкою и кажется откровенностию, что я довольно благодарить не могу.

Просил меня к себе отобедать <…>». И далее см. письмо от 28 ноября 1776 г.: «Нынешний день обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьего дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего Болеслава и переводных Элегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович, о стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Элегии мои ему очень нравятся и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, которого он не любит. Завтра ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою Руссиаду <так!>, Эпическую поэму, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенадцать. Он ее четыре года уже делает».

И в том же письме мы находим важнейшее упоминание о Барсове; но теперь его тональность изменилась: скромный проситель и податель рекомендательного письма превратился в человека, который чувствует свою творческую силу и способность самому определять свою повестку: «Я уже говорил Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленькое сочинение, и он говорит, что с охотою примут». При этом Муравьев прямо писал о той роли, которую в его творческой жизни играли Майков и Херасков: «Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем <…> уже и воспользоваться силою Майкова и Хераскова» (письмо <65>).

Конец ноября – начало декабря 1776 г. — время наиболее частых встреч Муравьева с Херасковым. Вот несколько примеров из письма от 1 декабря: «Третьего дня в вечеру был у Хераскова и прочел четыре песни его *Руссиады* <…> Я взял у Михайла Матвеевича одну новую эпическую поему La Louiseide какого-то Ле Жено. Да какой вздор! Хераск<ов> говорит, что он ее для смеху читает и второй песни прочесть не мог. Я несколько стихов тебе из ней напишу, чтоб ты посмеялась».

Теперь, кратко описав круг общения Муравьева в ноябре-декабре 1776 г., перейдем к интересующему нас событию — вступлению в Вольное собрание. Поэт в письме к отцу от 4 декабря 1776 специально подчеркнул, что главную роль в этом событии сыграл именно Барсов: «Вчерашний день, паче чаяния моего, по представлению единственно Антона Алексеевича <Барсов>, которым я так доволен как больше быть нельзя, принят я членом вольного российского собрания, где я и заседал. Тут читали некоторые манускрипты и после изъясняли слова, в набираемом лексиконе. Профессор Чеботарев, так как секретарь, читал список слов, а прочие их толковали. Между тем Барсов, как бессменный секретарь, делал журнал заседания о моем определении, о прочем бывшем в присутствии».

В следующем письме от 8 декабря 1776 Муравьев снова вернулся к этому сюжету и опять отметил заслугу Барсова в его вступлении в Собрание: «На прошедшей почте послал я к вам письмо от Антона Алексеевича Барсова. Я должен признаться, что я им столько обязан и обласкан, что довольно изъяснить не могу. Его единственно представительством я и в общество принят, и кроме того, всегда меня и книгами ссужает и нынешний самый день подарил для вас слово, которое он говорил на бракосочетание».

Итак, мы видим, что несколько визитов и рекомендательных писем сделали возможным невероятно быстрое приобщение Муравьева к миру московских писателей и ученых.

Вступление в это общество, а также те связи, которые Муравьев смог завязать в Москве, в первую очередь с Херасковым, открыли для него двери в кабинеты куратора и директора Московского университета; см. письмо <>: «По утру сегодня, был я у куратора Ивана Ивановича Мелиссино и у директора Михаила Васильевича Придонского, которыми я очень доволен. Последний еще при первом случае отзывался, что вас довольно знает. Все наши профессора вам кланяются».

Познакомился Муравьев и с протоиерем московского Архангельского собора П.А. Алексеевым, который ему «подарил свой церковной словарь, Дополнение к оному и изданный с его примечаниями Катихисис» (письмо <69>). Рассказывая о работе Вольного собрания, Муравьев не без гордости отметил, что стал его членом незначительно позже самого А.П. Сумарокова (письмо <69>): «Сумароков в наше собрание только за две недели до меня принят: он при первом заведении его, вон выгнан, и долго бранился, а ныне опять просил, и в первое заседание всех переругал. Не случится ль мне его увидеть, в прошедшую субботу не был; у нас собрания по субботам. Теперь мараю кое что, для прочтения в нынешнюю субботу».

Здесь бросается в глаза желание молодого поэта подчеркнуть свою сопричастность миру большой литературы, свою «соразмерность» Сумарокову. Но в то же самое время это описание не лишено иронического отстранения от «живого классика». Муравьев и в дальнейшем занимал сложную, подчас двусмысленную позицию по отношению к автору «Хорева» (об этом см. ниже).

В том же письме (<69>) Муравьев просил отца позволить ему еще ненадолго задержаться в Москве, чтобы «еще в двух заседаниях побывать». Таким образом, мы видим, что для молодого автора вступление в Вольное собрание стало по-настоящему значительным фактом, ведь он, возможно, впервые столкнулся с глубоким интересом к своему творчеству и получил «кредит доверия» для дальнейшей работы.

Не дожидаясь ответа отца, Муравьев снова посетил заседание общества, на котором слушал Барсова и представил свои сочинения; см. письмо, которое мы уже обсуждали выше <>: «Третьего дня был я в нашем собрании, и читал кое-что: Антон Алексеевич расписывал Материи, которые вместить должно в четвертом томе Трудов общества. Моего тут будет напечатано: переводы и истолкование несколько Од из Горация, Эпистола о счастье, перевод из Прозаических Клейстовых записок. А может быть еще маленькой Трактат о

различиях слога высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого, которой я читал в собрании, и которой, ежели печатать, так еще пересмотреть надобно. Вот о каких важностях пишу я к вам, батюшко, что может быть вам и читать скучно».

Здесь же мы узнаем о встрече Муравьева с профессором Х.А. Чеботаревым, общение с которым сразу выстраивается как нельзя лучше; см. письмо <>: «Я был в Университетской библиотеке, откуда и взял Гомерову греческую с Латинским переводом Иллиаду, Гезиода и Феокрита. Суббиблиотекарь, мой бывший учитель и нынешний профессор Чеботарев и Секретарь общества, до меня очень ласков и подарил мне Российскую Географию».

Почему же Чеботарев был так «ласков»? С одной стороны, он был одним из преподавателей Муравьева, с другой — это общение могло быть организовано Херасковым. Дело в том, что как раз в 1776 г. Чеботарев стал членом-основателем ложи «Озириса», и, возможно, не только по университетским, но и по масонским «каналам» контактировали автор «Россияды» и известный историк. Херасков же, если основываться на письмах Муравьева, мог чувствовать отеческую симпатию к начинающему поэту и поэтому мог решить помочь ему завязать нужные знакомства. Отдельно заметим, что Чеботарев — как и ранее упомянутый Барсов — участвовал в работе по составлению «Записок касательно российской истории» (1783–1784). Московские профессора собирали материал, систематизировали его и отправляли Екатерине II. Муравьевские исторические сочинения, созданные для нужд преподавания великим князьям Александру и Константину Павловичам, во многом зависели от работы императрицы, а значит, косвенным образом были связаны и с наработками Чеботарева-Барсова [об этом см.: Ивинский, 2023]. В письмах мы находим очевидные свидетельства увлечения этой темой. Так, 17 ноября 1788 г. он писал: «Комедии, новые книги — вот мое главное препровождение времени. Русская история меня занимает; бог

весть с каким успехом». Через несколько месяцев, 1 марта 1789 г. Муравьев снова подчеркнул свой интерес к истории: «Я помешался теперь на учительстве, на истории, нравоучении и почти философии». Не будем забывать также, что в 1803 г. Муравьев станет попечителем Московского университета, пройдя за 27 лет путь от безвестного просителя в кабинете Барсова до вельможи, которому симпатизировал император. Напомним также, что в истории муравьевской семьи бросается в глаза своеобразная параллель: Адодуров – учитель Екатерины II, Муравьев – Александра I. Не имея фактических подтверждений, мы позволим себе, тем не менее, высказать аккуратную гипотезу, что именно куратор Московского университета мог порекомендовать своего молодого родственника на столь ответственную позицию.

Таким образом, мы видим, что всего за несколько дней в конце 1776 г. Муравьев стал частью большой и сложной интеллектуальной среды, которую составляли и поэты, и ученые, и высокопоставленные масоны, причем эти роли часто пересекались, а в некоторых случаях совпадали. При этом Муравьев почувствовал, может быть впервые, собственную уместность в этом мире. Его сочинения читались, были хорошо приняты и напечатаны. Возможно, именно «москвичи» выдвинули Муравьева на роль воспитателя великих князей и тем самым помогли ему «перезапустить» карьеру, что в итоге привело к резкому его возвышению в начале александровской эпохи, оборванному внезапной смертью в 1807 г. Вместе с тем, Муравьев никогда полностью не растворялся в этом круге, искал свой путь (см., напр.: [Ивинский, 2018]); позволим себе высказать осторожное предположение, что именно этим можно объяснить практически полный отказ от публикаций в 1780–1790 гг.: не желая довольствоваться ролью ученика, Муравьев предпочел многое писать «в стол».

§1.4. Литературные круги

Мир литературы не был отделен от академической среды: писатели увлекались науками (в первую очередь, филологией и историей), а ученые нередко были литераторами. Более того, часто это один социальный круг, представители обоих «миров» встречались не только на лекциях, но и в салонах. О функционировании последних в 1770-е гг. мы знаем сравнительно немного, и письма Муравьева приоткрывают дверь в дом Хераскова, крупнейшего писателя 1770-х гг.

Первый вопрос, который возникает при знакомстве с биографией Муравьева: как он смог познакомиться с лучшими авторами эпохи? Ключевую роль опять сыграли родственные связи, и особенно Анна Андреевна Урусова (урожденная Волкова), вдова Н.Е. Муравьева (1724–1770). Вернее, даже не столько она, сколько ее брат — Александр Андреевич Волков (1736–1783), известный переводчик и драматург. Так, он переводил Мольера и Ж.-Ж. Руссо; сочинил несколько удачных комедий, которые не без успеха шли при дворе (например, «Неудачное упрямство» и «Чадолюбие»). Их брат – Аполлон Андреевич Волков также мог играть важную роль в жизни молодого поэта, т.к. был, по словам Муравьева, был «в великой силе у к.<нязя> Григор.<ия> Алекс.<андровича> <Потемкина>» (письмо <76>). По-видимому, именно через Волковых Муравьев познакомился с В.И. Майковым[44]. Подтверждение этому находим в ОР РНБ; так, на форзаце одной из тетрадей Муравьев записал основные «вехи» своей биографии, среди которых находим указание встречу с автором «Елисея» 24 ноября 1772 г.: «1772 ноября 24. Капр<ал>. Обед с Вас.Ив. Майковым у Анны Андреевны <Муравьевой>» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. I). Таким образом, к 1776 г., когда Муравьев переехал в Петербург, он был уже четыре года знаком с Майковым. Это знакомство произвело сильное впечатление на молодого человека: «Мне очень хочется увидеть Василия Ивановича <Майкова>, и будто уж вы знаете мое желание, вы сами изволите писать, чтоб я туда ехал» (письмо <39>); отметим, кстати, совет отца

[44] Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов и Адодурова, который также мог ввести Муравьева в мир большой литературы; в любом случае, роль Волковых трудно переоценить.

развивать отношения с маститым автором; ср. также уже цитировавшееся выше письмо, в котором упоминается, что А.А. Волков «стоял» у Майкова и что Муравьев заезжал к ним.

Именно знакомство с Майковым открыло двери в дом М.М. Хераскова, Муравьев часто упоминал эти два имени вместе, это «классики», на которых он сперва смотрит снизу вверх. В упомянутой выше рукописи из ОР РНБ находим, кажется, самое раннее упоминание имени Хераскова — 1 января 1773 г.: «1773 января 1. Фуриер… В это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас.Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М<ихаила> Матв<еевича Хераскова>, коему читал перевод «Федры» <…> Мы ужинали. Майков, Фонвизин, Храпов<ицкий> Васил<ий> <…>».

Отметим, что общение с Херасковым уже совершенно неформальное, вряд ли ошибемся, если предположим, что знакомство произошло раньше, возможно, тоже в 1772 г. Кроме того, подчеркнем и стремление Муравьева к творческой независимости, проявившееся в нежелании советоваться с известными авторами, эта черта характера станет во многом определяющей в жизни писателя.

В 1776 г. «старые» отношения укреплялись. При этом, конечно, «работали» и академические связи; см. показательный отрывок из письма <64>, из которого следует, что Херасков обсуждал Муравьева с Барсовым и Афониным: «Просил меня к себе отобедать: уж в приезд мой, в самой тот же день, как я приехал, знал через Афонина, которому, видно, сказывал Антон Алексеевич <Барсов>». Муравьев несколько раз рассказывал в своих письмах о Хераскове, мнением которого он дорожил. Выше мы уже приводили отрывки из писем, в которых Муравьев описывал отцу и сестре чтение «Россиады» и обсуждение литературных вопросов.

Однако литературная жизнь Муравьева не исчерпывалась общением с Майковым и Херасковым. Не менее важным, а возможно, и гораздо более

значимым стало знакомство с Н.А. Львовым, который направлял учебу начинающего писателя, давал книги, вдохновлял на изучение нового; см., напр.: «Ник.<олай> Александрович <Львов> много принимает участия во мне <…>» (письмо <24>; также см. письмо <21>). Увлечение итальянскими языком и культурой, конечно, прямое следствие этих отношений.

Еще одно знаковое знакомство — И.А. Дмитревский. Муравьев мечтал о славе драматурга, долго и мучительно писал свою трагедию «Болеслав», которую, впрочем, так и не закончил; мнение известного литератора и актера было ему чрезвычайно важно, и Дмитревский не скупился на похвалы; см., напр.: «Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитревский хвалил мою трагедию» (<письмо <47>); ср.: «Это правда, Дмитревский ободряет меня продолжать мою трагедию; он обнадеживает, что ее представят» (письмо <50>).

Нельзя не упомянуть и о близком общении Муравьевых с семьей Бастидон. В 1778 г. Г.Р. Державин женился на Катерине Яковлевне; разумеется, это предопределило в будущем знакомство двух поэтов.

Муравьев активно занимался самообразованием, много читал на разных языках: русском, французском, немецком, итальянском, латинском. Среди упоминаемых им писателей Вольтер, Гесснер, Гольдони, Гораций, Мармонтель, Метастазио, Расин, Тассо, Цицерон (о круге чтения Муравьева см.: [Ивинский, 2019, с. 235–257]).

Разумеется, Муравьев много сочинял. Больше всего в 1770 гг. он работал над своей трагедией «Болеслав». Помимо этого он сочинял стихи, некоторые из них напечатал (об этом см. выше). Вынесем из писем, в первую очередь, несколько его шутливых стихов на случай, которые он писал сестре. Это примеры той галиматьи, как ее называл сам Муравьев, которая должна была имитировать живой и непосредственный разговор двух близких людей и которая во многом предвосхищала поэтику кружковой литературы начала

XIX в. (о галиматье Муравьева и Арзамасе см. выше). Вот, например, отрывок из письма <26>:

Теперь-то, грамоту пишу к тебе, как видишь,
О ты, которая писулек ненавидишь!
Ты, ты сударыня, от коей Аполлон
Разстроенных клавир давно внимает тон;
Ну! видишь, я пишу, а у тебя Клавиры,
сиры,
Играй брат! а не то… так будь уж без Заиры.
А без Заиры друг, вить что и говорить?..
Но что за странный блеск я зрю из-под забора?
Силанс Мессью! вить я меж чистых Муз собора,
И вижу целое явленье, из Азора[45],
За Клавикордами, о! чудо! Терпсихора,
(А Терпсихора кто? тебе сестрица быть)
Да где же Аполлон? <нрзб> бачка,
Herr Handke, антанде, василий-остров мачка,
Ну! ну! коль ето так Заире быть твоей;
Три речь сей,
Уж то-то братцы, вся орда захлопотала,

[45] Муравьев имел в виду комическую оперу-балет «Земира и Азор» (1771); музыка — А. Гретри, либретто — Ж.-Ф. Мармонтель. 15 августа 1777 г. он писал сестре Ф.Н.: «Я к вам посылаю “Луцилию”, “Гурона”, “Силвана” и “Зөмиру и Азора”, 11 pour que vous puissiez vous souvenir d’un frere qui vous aime tendrement» [Письма, с. 274].

И Муз собор ревел: калинушку ломала.

См. также следующее письмо <27>:

— чтоб бурные чада Еоловы разогнали скоряе,
хладные льды Бальтийския,
чтоб принесли скоряй Зефировы дыхания,
От Англии к Неве летающия знания,
Потом, чтоб прежде всех приплывши корабли,
Бумаги воза два, к Вейтбрехту привезли.

И здесь же далее:

Хотели здесь играть Армиду и Алцесту;
Да кашель у певиц,
Тимоша; говорят, вспрыгнул да брякнул ниц,
А мы, сударыня, горюй се, как по песту.

Всякий раз стихотворный текст встраивался в прозаический, литературная игра неразрывно связана с содержанием письма, развивает его, обыгрывает, как, например, в письме <39>: «Сестрица! Я к тебе не пишу ничего. Извини, мне некогда. Я еду в воксгалл <так! – А.И.>… Tarare! <?>. Это все равно что на Парнас.

Тверской воксгалл далек, а лондонской подавно,
А на Парнас не взлезть.
Вот то-то славно.
Не лучше ль дома сесть?
Сестрица, каково? А! Право вить не худо?
Когда не на стихи, на рифму хоть взгляни,
Затем вить и стихи, что с рифмами они,
Пусть так или не так, пожалуй не дразни
вить весь и дни…»

Еще один характерный пример из письма <40>: «Матушка сестрица! Прости мне, что я тебе солгал. Однако не вздумай, что я всегда лгу. Я бы и теперь послал к тебе *Хорева* и все что хочешь, да совесть удержала, понеже на немецкой почте:

Нельзя его послать без особливой силы,
Которой все и вся подвластно на земли,
А под землей ее, вещают, полны жилы.
да только не мой
Так погоди теперь поколь из етих краев,
Вить должно бы сказать, поколь из сих краев,
Но ежели б ломать не можно было слов,
Так где взяла ты Рифмачев?

Муравьев, как мы уже отмечали выше, печатался редко и мало, еще реже высказывал свое отношение к тем или иным современным ему литературным сюжетам. Тем важнее для нас рассеянные по письмам указания на круг его знакомств и чтения, художественные планы и замыслы. Муравьев много читал

и часто делился своими размышлениями с сестрой Ф.Н. Примеров десятки, ограничимся здесь несколькими: «Я читал швейцарского философа и стихотворца Галлера и что-то сам писал» (<78>). Ср.: «Сделай милость матушка попроси батюшку, чтоб приказал переписать *Розану* Г.<осподина> Николева. Мне ее здесь иметь очень хочется» (<79>)[46].

Муравьев был знаком едва ли не со всеми значительными писателями своего времени. Это время, когда Муравьев активно знакомился, общался, обрастал связями в литературном мире. Так, показательно письмо <76>, в котором он просто перечислил свои встречи последнего времени: «В это время успел уж я быть у Анны Андреевны <Муравьевой>, Василья Петровича <Петрова>, Ник.<олая> Ал.<ександровича> Львова, <В.В.> Ханыкова, <М.И.> Попова, <М.И.> Афонина, у Фед.<ора> Мих.<айловича> Колокольцева, с которым завтре я буду к вам писать. Третьего дня же весь вечер был я в Летнем саду, где многих видел. Петров принял меня отменнее, нежели когда-нибудь, хвалил мою *Рощу*, сказывал, что полюбилась она очень К. Григорию Александровичу <Потемкину>, которой ее читал». Кажется, это противоречит образу Муравьева-нелюдима, который нередко встречается в исследовательской литературе. Отметим здесь похвалу В.П. Петрова, а через него — и Г.А. Потемкина.

В Летнем же саду Муравьев общался с директором академии наук С.Г. Домашневым и даже заслужил его похвалу; см. письмо <85>: «Ето было в воскресенье, что встретившись в Летнем саду с <С.Г.> Домашневым вздумал я его поздравить с чином. Мне не удавалось сделать етого прежде, затем что он живет на даче. Он мне ответствовал извинением, что будучи очень занят, не успел он избрать дня просить меня к себе отобедать. Продолжение его ответа должен я сократить; затем, что рассказывать его будет все равно что хвалить самого себя. Сколько ни мало истины было в его учтивстве; однако помню я, что несколько минут спустя я опомнился и не мог воспретить себе

[46] См. также: «Большую часть его полагаю я на чтение; но не могу похвалиться чтоб сие чтение приносило мне другие плоды кроме моего удовольствия» (<>).

пройти раз через Аллею, весма гордой выступкой»[47]. Домашнев же предлагал Муравьеву заняться переводами: «<С.Г.> Домашнев, которому я столько обязан, просил меня на нынешней неделе к себе, чтоб поручить мне переводить. Если я возьмусь, что нибудь из немецкого театра. Ему дала сие комиссия от государыни <Екатерины II>» (<103>). Это очень важное свидетельство того, как работала государственная машина в екатерининскую эпоху: императрица сформулировала «запрос» на переводы, директор академии наук искал «исполнителем», одим из которых мог быть (а по-своему, и был) Муравьев.

Встречи в Летнем саду, кажется, не были случайными, возможно, в то время это было модным «литературным» местом: там же Муравьев завтракал и пил кофе с Н.А. Львовым и В.В. Капнистом: «Вчерась было очень хорошее утро и мы его препроводили с Николаем Александровичем <Львовым> и <В.В.> Капнистом, молодым человеком его приятелем, в Летнем саду, где мы завтрикали. Там заведен прекрасной кафейной дом» (<75>)[48].

Еще один заслуживающий внимания сюжет — краткое упоминание о «сообществе» с Микулиным и Хвостовым: «Я уж здесь присовокупил к своим знакомствам двух молодых людей весьма хорошего поведения. Ето г.<оспода> <Н.> Микулин и <Д.И.> Хвостов. Так мило иметь сообщество! кажется что тогда занимаемся мы более и сами собою, когда причины любить себя, усугублены» (<77>). Кажется, этот кружок распался довольно быстро (если вообще по-настоящему когда-либо существовал), тем не менее на взаимоотношениях Муравьева и Хвостова нужно остановиться подробнее.

В РО ИРЛИ сохранилось 13 писем Муравьева к Хвостову (см. Приложение в данной работе), эти материалы проливают свет не только на некоторые аспекты биографии двух поэтов, но и на литературную политику

[47] Ср. в письме <103>: «<С.Г.> Домашнев, которому я столько обязан, просил меня на нынешней неделе к себе, чтоб поручить мне переводить. Если я возьмусь, что нибудь из немецкого театра. Ему дала сие Комиссия от Государыни».

[48] Капнист упоминался еще в <81>: «Нынешнюю неделю имел я удовольствие получать у себя посещения, так как и сегодни по утру Г.<осподин> Капнист пожаловал ко мне заехал. Я почитаю себе в честь знакомство сего молодаго человека».

Екатерины II. Интерес императрицы к театру общеизвестен: она сама писала комедии и трагедии и организовывала культурную политику в этой сфере (см., напр.: [Евстратов; Ивинский, 2012] и др.). Однако мы не всегда понимаем, как именно императрица пыталась управлять ею: очевидно, что речь не может идти исключительно и только о прямых указаниях сановникам, которые как-то должны были выстроить этот сложный и противоречивый процесс или по крайней мере как-то встроиться в него. При всей значимости подобного рода действий, с самолюбивыми литераторами и даже с одаренными начинающими авторами нужно было работать деликатнее, мотивируя их, вдохновляя, приближая к двору или отдаляя от него. История литературных отношений М.Н. Муравьева и Д.И. Хвостова — яркое тому подтверждение: о них мы знаем очень мало и лишь начинаем собирать и систематизировать соответствующие материалы[49].

По-видимому, знакомство двух поэтов произошло в июне 1778 г.; см. приведенный выше отрывок из письма Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым от 12 июня 1778 г. о литературном «сообществе», быть часть которого так стремился молодой поэт. Среди писем за 1778-1779 г. находим одно, к сожалению, не датированное, но явно показывающее, что Муравьев и Хвостов довольно тесно общались в это время: «На нынешней неделе читал мне Г. Хвостов свою комедию *Легковернаго* и я хотел ее слушать как почитатель писмен. Она меня совершенно удовольствовала и как первое произведение очень молодаго человека, достойнешего примечания…». Видимо, его нужно отнести к 1778 или первой половине 1779 г.: поставлена комедия была в октябре 1779 г. [Виницкий, с. 63 и далее].

Письма, которые мы печатаем в Приложении, проясняют роли, которые играли все заявленные участники сложно устроенной придворной культуры: Екатерина II — верховный арбитр, который определяет, что и как должно ставиться на сцене; Муравьев — посредник, который должен транслировать

[49] См. ценные указания: [Муравьев, 1967, с. 347; Западов, 1999; Топоров, 2001-2007, 3, с. 81; 174-175; 178; 181; 312; 427; 435; 443; 445].

волю власти; Хвостов — автор, успех которого зависит от того, примет ли он «рекомендации» и сможет ли соответствовать чаяниям императрицы. При этом, разумеется, и Муравьев, и Хвостов обладали определенной степенью свободы, которая и отличала их от рядовых чиновников и позволяла претендовать на то, чтобы хотя бы до некоторой степени определять интеллектуальный ландшафт эпохи.

Большая часть писем Муравьева к Хвостову (10 из 13) были написаны в 1779 г. — в промежутке от 11 июля до 24 декабря. Один текст (<1>) может быть датировано приблизительно — не ранее середины 1778 г., так как в нем упоминается четвертая часть «Опыта трудов Вольного собрания при Московском университете», в которых были опубликованы произведения Муравьева[50]. Еще один (<2>) точно локализовать во времени не представляется возможным. Последнее же письмо в этой подборке датировано 10 августа 1781; также находим здесь письмо к И.М. Хвостову и приписку к нему, обращенную к Д.И. Хвостову.

Практически все эти тексты посвящены театру, его истории и современности, а также сочинениям участников переписки. Они позволяют не только приблизиться к реконструкции того интеллектуального контекста, в котором существовали молодые писатели 1770-х гг., но и скорректировать целый ряд утвердившихся в науке представлений и концепций.

Так, например, в письме <1> Муравьев, рассуждая о «первом поколении русских писателей», ожидаемо высмеивал Тредиаковского, но при этом сблизил, если не уравнял, Ломоносова и Сумарокова, которые для него являлись авторами одного порядка — безусловными классиками. Таким образом, уже в 1770-е гг. современники и ближайшие потомки видели в них не противников или даже представителей разных «школ», а союзников в деле просвещения и развития искусств.

[50] Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. 4. М., 1778.

Там же Муравьев упомянул некую «Эпитафию»[51], которую Хвостов ему «сказывал в Театре» и которую он творчески обыграл и переосмыслил: «<…> сделал я следующее, не знаю что, перевод или пародию»:

Двоих любившихся остатки здесь смесились,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар,
Заблудшись, на себя их руки покусились;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает;
Слезами чувство чтит, и разум умолкает

В «Записной книге» Муравьева сохранилось произведение, озаглавленное «Стихи для Дмитрия Ивановича Хвостова»; так как оно еще не было введено в научный оборот, приводим его здесь:

Стихи для Дмитрия Ивановича Хвостова

Двоих любившихся остатки здесь смесились,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар:
Заблудшись на себя их руки покусились;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает,
Слезами чувство чтит и разум умолкает.

Счастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет,
Кто внемлет восхищен слова из уст твоих;
Кто сладостно твоей улыбкой цепенеет:
И боги могут ли превысить счастьем их?

[51] Как справедливо указал И. Виницкий, речь идет об эпитафии Ж.Ж. Руссо, посвященной двойному самоубийству лионских любовников Терезы и Фальдони («De deux Amans qui se sont tués à St. Etienne en Forés au mois de Juin 1770»), которую перевел Хвостов [6, с. 35 и далее].

Узрю тебя, и огнь тончайший пробегает
Из жилы в жилу вдруг по телу моему;
В порывах сладостных душа изнемогает,
Я трачу глас, к лицу прильпенна твоему.

Се облак мглы очей отымет представленье,
Я слышать престаю, в приятный òмрак впад
Без цвета, задышась, во ужасе, во тленье,
Вдруг трепет пробежит, вкруг сердца станет хлад[52].

И. Виницкий в своей относительно недавней книге о Хвостове указал, что этот текст «датируется архивистами приблизительно 1775 годом» [Виницкий, с. 41], однако это не совсем верно: строго говоря, Л.А. Алехина, подготовившая обзор архивных материалов Муравьева в фондах РГБ [Алехина], на который сослался исследователь, не датировала этот текст. Недоразумение могло возникнуть из-за того, что «Стихи» находятся среди других текстов, объединённых в «Услаждение скуки. Журнал Санкт-Петербургских упражнений. 1775 год»[53]. Тем не менее, это указание не надо принимать буквально, так как Муравьев возвращался к своим текстам на протяжении десятилетий, что-то дописывая, что-то исправляя, что-то вычеркивая. Кроме того, не очень ясно, зачем Муравьев стал бы посвящать в 1775 г. стихотворение безвестному Хвостову, с которым он даже не был знаком. Теперь мы можем датировать его точнее: первая строфа была написана не ранее середины 1778 г., затем Муравьев дописал еще три строфы, возможно, в это же время, а может быть, и позже; в любом случае мы склонны относить его к 1778-1779 гг. — времени наиболее интенсивного общения молодых людей (напомним, кстати, что стихотворение Муравьева «Успех твой первый

[52] Муравьев М.Н. Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771-1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 47.
[53] Там же. Л. 40.

возвещая», посвященное Хвостову, было написано примерно в тот же период — осенью 1779 [3, с. 184]).

Письмо <2>, помимо сердечных излияний, уже содержит деловую часть: Муравьев писал, что «недели три назад, как я обещался Ив.<ану> Аф.<анасьевичу> Дмитревскому сказать от него вам, что он желает вас видеть». Таким образом, мы видим, что он с начала эпистолярного общения старался быть полезным Хвостову и заручиться его расположением, поэтому в этом же письме обещал «завтра <…> иметь удовольствие сам извиниться перед вами».

Первое датированное письмо <3>, от 11 июля 1779 г. — посвящено сразу нескольким сюжетам. Муравьев писал о Мольере и его роли в развитии французского театра, при этом он противопоставил известных писателей придворным Людовика XIV; это важно хотя бы потому, что он прозрачно намекал адресату на то, что они так же, как и Мольер или Расин, относятся к особой группе, писателям, которые могли бы претендовать на особый статус при дворе: «Мольер, который вам столько известен, был в искреннейшем союзе со всеми знатоками письмен, достойных сего имени. Он награждал опыты начинающего Расина. Буало, Шаппель и множество других писателей были для него лучшее общество, нежели все сии придворные Людовика XIV, с которыми общался он для изучения их шалостей».

Далее мы вновь видим Муравьева — посредника между Хвостовым и Дмитревским: «Чтоб исполнить приказание ваше, ходил я нарочно вчерась к Ивану Афанасьевичу <Дмитревскому>, но, по несчастию, не застал его дома. С будущей почтой буду иметь честь сообщить вам ответ его. Два дня прежде получения письма вашего говорил я с ним о вашей комедии. Он отозвался, что она уже отдана им для представления, но что череда ее будет по осени».

Отметим, что Муравьев не просто «исполнял приказание» Хвостова — это, конечно, обычная этикетная формула, но и обсуждал с Дмитревским

комедию своего приятеля (очевидно, речь идет о «Легковерном»[54]) и планы по ее постановке на сцене.

Вторая половина письма — обсуждение театральных и литературных новостей; бросаются в глаза имена М.М. Хераскова, И.И. Хемницера, Дмитревского и Д.И. Фонвизина: «Русский театр принимает новую жизнь и вот уже два вторника, что дают новые комедии: в прошедшую неделю играли комедию Михаила Матвеевича <Хераскова> *Злонравный*. Меня еще не было тогда в Петербурге, затем что дней восемь, как я приехал из Твери. Впечатление от сей комедии было столь сильно, что эдакий характер, слышал я от одного зрителя, конечно, должен существовать. Злые ненавидят стихотворцев, и вы видите, сударь, что они имеют причину. Их узнают. На нынешней неделе дана была комедия *Святочная шутка*, переложенная из Монт-Флертевой комедии *La Fille Capitaine*[55], пьеса, которой предмет смешит как бы нибудь. Вы не представите себе, сколько рукоплесканий при всякой неблагопристойности. Надобно признаться, что множество шуток в ней истинно смешных. Говорят, будто Дмитревский ее переделывал.

Денис Иванович <Фонвизин> пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич <Дмитревский>, но я не знаю еще ее содержания. Здесь вышли из печати басни Г. Хемницера, который взял в образец Геллерта: публика их удостаивает хорошего приятия».

Муравьев уже прекрасно ориентировался в литературном мире Санкт-Петербурга, ему было важно продемонстрировать своему адресату, что он хорошо разбирался в сложившихся литературных репутациях и понимал, на что именно нужно обратить внимание просвещенного собеседника. Само по себе важно указание на то, что Фонвизин летом 1779 г. уже активно работал над «Недорослем». Заслуживает комментария и «Капитанская дочка» Монфлери-младшего. С одной стороны, тот факт, что произведения второстепенного французского драматурга и великого русского писателя

[54] Об этой комедии см.: [Виницкий, с. 66-74].
[55] А.-Ж. Монфлери-мл. (1639-1685) — французский актер и драматург. Пьеса La fille de Capitaine была напечатана в 1672 г., потом многократно переиздавалась.

называются одинаково, в значительной степени случаен, с другой — можно аккуратно предположить, что Пушкин, работая над историческим романом об екатерининской эпохе, мог знать о пьесе, которая, как утверждает Муравьев, возможно, была переложена на русский Дмитревским и которая могла получить определенный резонанс при дворе. Не желая вдаваться в детали, мы, тем не менее, позволим себе напомнить, что Монфлери-младший был одним из главных врагов и критиков Мольера, не принял его реформу, был последовательным «консерватором» в искусстве и, игнорируя устоявшуюся моду, обратился к опыту домольеровской драматургии (см., например: [Монгредьен, с. 31-32]). Пушкин, создавая свою «Капитанскую дочку», «роман на старый лад», мог обыграть этот сюжет, иронически подчеркивая свой собственный консерватизм, а одновременно отсылая к литературным делам времен Екатерины II и Людовика XIV.

В письме <4> от 16 июля 1779 г. Муравьев, по поручению Дмитревского, сообщил Хвостову новость о том, что «Легковерный» готовился к премьере. Отметим при этом, что позднее Хвостов вспоминал, что Муравьев «имел поручение от автора нашего, с помощию известного актера Дмитревского, раздать роли и споспешествовать комедии его Легковерный, которая была представлена на придворном театре при Екатерине II, удостоилась внимания сей государыни и похвалы публики» [10, с. 526]. Таким образом, акценты здесь намеренно смещены: инициатива теперь принадлежит самому Хвостову, а Муравьев оказывается лишь исполнителем воли товарища.

Очевидно, не получив ответа Хвостова, Муравьев в письме <5> (от 23 июля 1779 г.) снова писал о решении поставить «Легковерного». В письме <6> (от 13 августа 1779 г.) вновь упоминался Дмитревский, на этот раз Муравьев должен был передать известному актеру письмо Хвостова. Там же Муравьев сообщал о том, что «В.В. <Ханыков> и Ал.Ал. Мик<улин> недели две тому назад, зашедши нечаянно в Театральную контору, видели, как списывали роли вашего *Легковерного*». Возможно, Муравьев хотел тем самым поддержать Хвостова, напряженно ожидавшего премьеры своей комедии.

В письме <7> (от 16 сентября 1779 г.) Муравьев пересказывал оценки комедии Хвостова, данные Дмитревским и В.И. Бибиковым: «Я вас уверяю, что Ив. Аф. <Дмитревский>, или, лучше сказать, Василий Ильич[56], самых выгоднейших мыслей о вашей комедии, что я слышал от людей посторонних. Первый вас просит через меня продолжать труды ваши и сообщать их ему по мере, как их оканчивать будете, твердо уверены, что они с радостью будут приняты».

Здесь наконец проясняется, почему Дмитревский не мог написать Хвостову *напрямую.* Дмитревский (а может быть, Бибиков через него) обращается к Хвостову *через* Муравьева, который прямо и недвусмысленно («через меня») называет себя посредником и сообщает об этом своему адресату.

Письмо <8> — подробное описание триумфа Хвостова, мы видим, как тепло «Легковерный» был принят при дворе, что пьеса стала предметом разговора императрицы и В.И. Бибикова (кстати, откуда Муравьев об этом знает? Вряд ли он мог быть участником этого разговора; скорее всего, он передавал общее впечатление зрителей, среди которых были Екатерина II, В.И. Бибиков, Г.А. Потемкин).

На следующий день в письме <9> Муравьев вновь писал Хвостову об успехе его комедии, не забыв упомянуть о «зависти» Я.Б. Княжнина.

Как видно из письма <10>, Муравьев уже был обеспокоен публикацией произведения своего приятеля и советовал обратиться в Московскую типографию: «Содержатель ее — один из лучших наших писателей и страстный любитель письмен Н.И. Новиков, и, здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении». Подчеркнем, что Новиков — такой же участник придворной литературной игры, как и императрица, и Бибиков, и Дмитревский, и сам Муравьев. Он явно не воспринимался как опасный или

[56] Видимо, речь идет о В.И. Бибикове (1740-1787) — драматурге, цензоре театральных пьес и актере-любителе.

опальный человек, напротив, публикация у него пьесы обласканного двором молодого автора вполне естественна.

Кульминация данного сюжета — письмо <11>, в котором Муравьев рассказал Хвостову о том, как он обсуждал «Легковерного» с С.Г. Домашневым, как пьеса была принята при дворе и, что особенно важно, чего теперь ждут от начинающего автора. Екатерина II присутствовала на спектакле, комедия ее, видимо, заинтересовала, поэтому она обсудила ее с театральным цензором В.И. Бибиковым, который передал «инструкции» директору Академии наук С.Г. Домашневу, а тот, в свою очередь, использовал Муравьева как посредника для того, чтобы донести мысли императрицы до скромного автора. При этом Муравьев это прекрасно понимал и прямо об этом говорил в письме от 24 декабря 1779 г.: «Вы видите, что я сделался орудием ваших знакомых, которые друг перед другом ободряют вас в пути вашем»[57].

Эта история, кажется, проливает дополнительный свет на причины возвышения Муравьева, который постепенно, шаг за шагом двигался вверх по социальной лестнице, нарабатывая нужные связи и включаясь в самые разные элитные сюжеты. Кроме того, мы со всей очевидностью видим, как двор через своих посредников влиял и часто определял культурную и литературную политику эпохи.

Муравьев, разумеется, был не только посредником, но и автором, не только следил за успехами других, но и надеялся на свой. Он искренне увлекался театром, много переводил, много лет писал свою трагедию

[57] При этом, кажется, не стоит переоценивать степень близости Муравьева и Хвостова: мы уже упоминали письмо, в котором Муравьев писал о «некотором обществе молодых людей», которые собирались «издать здесь une très petite brochure под названием своих сочинений». Он предложил Хвостову поучаствовать в этом проекте: «Если бы вы намерились сделать честь ему сообщением ваших мелких пьес нравоучительного содержания et de legere satire <…> вы бы сделали ему истинное одолжение». Однако уже из письма <7> следует, что этому предприятию не суждено было реализоваться: Муравьев сетовал, что «не имел удовольствия ни к вам писать, ни от вас получить ответа» и что Хвостов мог даже исключить его «из числа ваших приятелей» (разумеется, это просто этикетная формула). Там же он сообщал, что литературное общество, «кажется, уничтожилось». Предполагалось, что оно должно было состоять из Хвостова, который так и не ответил, самого Муравьева, а также Ханыкова и Микулина, которых служебные дела заставили временно покинуть Петербург.

«Болеслав», которую, однако, так и не закончил[58]. Тем важнее контакты с современными ему драматургами. В 1778 г. он ближе познакомился с Я.Б. Княжниным; об этом см. в <86>: «С <Я.Б.> Княжниным, которой в числе издателей <Санктпетербурсгкого вестника. — А.И.>, с некоторого времени я поболее знаком. Как тихой человек, он очень любви достоин, и как писатель много трудился…». И далее: «Мое несчастие было, что в прошедшую субботу вечером, я не знаю для чего, забежал я к дяде от Княжнина у которого я сидел». О скрытой, но принципиальной полемике Муравьева см. ниже.

Довольно часто Муравьев упоминал в своих письмах Н.И. Новикова[59]. В <87> Муравьев интересовался оценкой отца, который виделся с писателем: «Вы изволили видеть <Н.И.> Новикова: по крайней мере мне он кланялся от вас. Я бы хотел знать, понравился ли он вам?..». Из <97> узнаем, что Н.А. Муравьев участвовал по просьбе сына в распространении журнала «Утренний свет»: «Росписание подписавшихся на *Утр.<енний> Свет* тогда же отнес я Николаю Ивановичу <Новикову>, которой, как он мне сказывал, и отослал уже эксемпляры первого месяца в Тверь. Он не успел сам вам ответствовать и просил меня засвидетельствовать вам свою благодарность»[60]. В благодарность за помощь Новиков отправил Н.А. Муравьеву календарь. На Муравьева общение с Новиковым произвело, очевидно, сильное впечатление: «От ней поспешаю на Васильевской остров. Но мимо дому Н.И. Новикова не знаю, что побуждает меня к нему зайти. Минута, которую думал я провесть у него, нечувствительно задлилась. Я взял у него свой месяц *Утрен.<него> Св.<ета>* и вспомнив, что Микулина просила меня достать ей *Вечера*, прекрасное еженедельное сочинение 1772 году, выпросил их» (<100>).

[58] См.: «Правда, что я было нынешнюю неделю обратился к своей Трагедии, для того, что я был у <И.А.> Дмитревскаго, которой у меня ее спрашивает. Но охота сия, ежели опять не придет, продолжалась только несколько дней» (<14>).

[59] О взаимоотношениях Муравьева и Новикова см. ценную статью [Кулакова, 1976].

[60] Ср. в <>: «Забыть писать на почту: в то самое время видеть её отправляемую: поспешать ее, напоминанием, что ямская почта ходит ранее Немецкой: браться писать к вам, касательно подписки <«>Утренняго света<»> и в самое то время думать, что день тот не вторник а четверг: все сие заслуживает название чрезъестественнаго забвения и все сие со мной случилось».

Но все же самые теплые слова Муравьев приберег для М.М. Хераскова. Так, в <99> находим упоминание о праздновании у Новикова для рождения автора «Россияды»: «Двадцать второй год зачал столько же весело, как двадцать первой. И мечта этого первого дня продолжается еще и теперь. Я его провел у Н.И. Новикова. Мы праздновали рождение Михайла Матвеевича <Хераскова>». И самый яркий, наверное, отзыв — письмо <109>: «Я ничего не писал. Но восхищение, которое я испытываю быть в кабинете Михайла Матвеевича <Хераскова>, слушать его наставления быть всегда его мнения скрадывают от глаз моих оскорбительное воображение моей бесполезности. Мне кажется, что уже довольно сделано для моей славы, если имею слушателем ползущих стихов моих творца *Россиады*. И быть им поправлену, все равно что быть похвалену. Во всем доме все дышит любовию письмен, и я приезжаю туда, чтоб говорить о стихотворстве и молчать. Все мои выезды, до сего времени, были разделены между домов Княгини и Михайла Матвеевича <Хераскова> и если я в одном из них обедаю, то ужинаю в другом. Я разъезжаю в карете и сыплю деньги полными руками: что иногда дает мне угрызения. Накупил премножество книг, несколько музыки... Голова моя вскружена на том, чтоб быть стихотворцом».

В такой насыщенной творческими контактами и близким общением Муравьев создавал свои новые произведения: «Я нынче всклепал на себя охоту и знание в музыке, недавно был в италианской комедии. Как же после этого не сочинять песней?» (<104>).

Открывающаяся картина исключительно богата и позволяет пересмотреть многие устоявшиеся представления. Так, например, Г.А. Гуковский строил свою концепцию истории русской литературы середины — второй половины XVIII в. на антитезе «школы Сумарокова» (М.М. Херасков и его «ученики») и последователей Ломоносова (В.П. Петров), связывая литературные баталии с якобы существовавшим конфликтом «панинской группы» и Екатерины II. Муравьев же, очевидно, не догадывался о столь остром идеологическом столкновении и, вопреки научным схемам, не

противопоставлял, а, наоборот, соединял имена Хераскова и Петрова — для него они равновеликие фигуры, «классики», писатели, одинаково значимые для русской словесности. Так, Муравьев, с одной стороны, дорожил мнением Петрова, ему лестен положительный отзыв на «Рощу» (см. выше). С другой стороны, он дружен с Херасковым, проводит с ним много времени, вместе с Н.И. Новиковым отмечает его день рождения (см. выше). О неслучайности и принципиальности этой позиции говорит неопубликованное стихотворение Муравьева, которое, возможно, написано в то же время (лето 1778 г.), потому что в нем упоминается о «снисходительной» оценке «Рощи» автором оды «На карусель», и в котором Херасков и Петров были названы «певцами наших дней»:

Ты, чтитель их, Петров, участник той же мощи,
Которого они творили чудеса,
Со снизхожденьем зришь моей мечтанья *Рощи*;
Сии убежища дающи древеса,
Сии прохладны своды
Где я хочу внимать учения Природы
Ах может быть мне рок той чести не судил
Чтоб верх мой увечен был листвиемлавровым
И чтобы <нрзб> меня речи превозносил
С Певцами наших дней, Херасковым, Петровым
Представлю жребий сей
И слезы зависти катятся из очей

(Записная книга, л. 49 об.).

Здесь необходимо остановиться на вопросе об отношении Муравьева к Сумарокову. Насколько нам известно, Муравьев не публиковал при жизни текстов, посвященных «северному Расину». Более того, в муравьевском томе «Библиотеки поэта», подготовленном Кулаковой, также нет произведений о

нем. При этом стихи, обращенные к Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, без труда находим. Справедливости ради отметим, что Муравьев в своих дневниках, прозаических материалах, оставшихся в рукописях заметках, упоминал Сумарокова довольно часто и отмечал его заслуги в драматургии и эпической поэзии. Вот, например, отрывок из «Записной книги»: «Я бы любопытствовал узнать что есть наша Литтература в сравнении с собственными северными: Шведской, датской, Польской. Во всех сих народах давно учёные в Греческом и Латинском и в науках. Давно Университеты, Академии и столетия целыя как они учатся по Гомеру и Виргилию. Но естьли стихотворцы большаго разума и славы или равных с Ломоносовым, Сумароковым, Майковым, Херасковым. Есть ли у них Семира, Россиада, Чесмеской бой и сии Майковския <…> сладостныя сказочки…» [Записная книга, л. 92]. Отметим, что Сумароков здесь в числе лучших русских поэтов, сразу после Ломоносова, а его «Семира» так и вовсе названа первой в ряду образцовых сочинений. Заметки эти, впрочем, довольно поздние, точно датировать их сложно, но, по-видимому, они относятся уже к 1780–1790 гг. При этом «Семира» упоминалась в ранней переписке Муравьева. В письме от 28 ноября 1776 г. он писал сестре и рассказывал об общении с Херасковым и о его критике прославленной трагедии. К сожалению, лист сильно поврежден, что тем не менее не мешает восстановить общее содержание: «Чтож я тебя новенькое напишу? Что я завтре буду читать Руссиаду; ето я писал. Мих:<аил> Матвеевич требует, чтобы я сказал свое мнение, как он мне свое, je defere, dit-il, trop, <…> jugements des jeunes gens. Я обедал у них с Елисаветой Васильевной <Херасковой>: c’est sa femme, qui est aussi <…> et on raisonna serieusement à la table, et sur <…> donc <?> sur Semire. A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur Semire, il l’analyse, il fa<it?> voir les beautes de la Tragédie et quelques défauts. <…> Характер Оскольдов, по Волтерову не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могши спасть жизнь свою унижением <…>, лучше хочет умереть <…> а после, хочет избавление свое из темницы <…> подлости, обману и любви сестриной. Я

<…> купил последнюю Волтерову Трагедию Les Loix <так!> de Minos ou Astérie. Слабехонька! Она делана в 1773».

Таким образом, отрицательный отзыв Вольтера о сумароковском переводе здесь — это и вызов определенной эстетической программе, и завуалированный выпад против вольтеровской «копии» — Сумарокова, которого еще Тредиаковский называл «первенствующим нашим Волтером» [Пекарский, 1873: 257]. При этом отметим, что критике подвергался и сам Вольтер, последняя пьеса которого заслужила нелестный отзыв Муравьева.

Показательно, что эту аргументацию Муравьев повторил в своем стихотворении «Порицатель», оставшемся не опубликованным и, кажется, не доработанным[61]. Повод к его созданию неизвестен, а потому смысл его до конца не ясен. Насколько можно понять, Муравьев иронизирует над хулителями (или хулителем) Ломоносова и подробно высказывается (уже от своего имени) о Сумарокове:

Порицатель

Во Ломоносове стихи находим жоски,
Пренебреженье языка
И только зачаты картины излегка
Надуты те а ети плоски:
Над Сумароковым свершаем етот суд:
Трагедии его без живописи доски
Великой труд
Узнать которыя в них действующи лицы
И в чем деяния. Одно увидишь, врут
Мущины и девицы,
Таким наречием как пишут небылицы.
Без разумения, не к стати разговор

[61] Алехина ранее опубликовала только первые восемь строк данного стихотворения, она была уверена, что это «пародия» на «порицателей», при этом, с ее точки зрения, «для самого Муравьева литературные авторитеты и Ломоносова, и Сумарокова незыблемы» [Алехина, 1990, с. 16].

Не достиженное Природы ощущенье.
Не вестно что за град и что за двор
Князь влюбится в княжну, любить ей запрещенье
И в спехе заговор,
Потом прощенье:
Вот словом всех его трагедий сокращенье
В комическом пути был низкой <?> балагур
Не занимался век ни нравами ни планом
И издал наконец приданое обманом
Во притчах низок черезчур
В Еглоках <так!> одинаков
Малюет мелочи сравнения кладя
Для рифмы языку пощечины дая
Из миртов строк свия для бога хладный альков.
Послушай моего рассказа толкованье:
Какими средствами хочу
Чтобы досталось рифмачу
Любви достойнаго писателя названье

(Записная книга, л. 6 об. - 7).

Переписка и поэзия оказываются в едином контексте — напряженных и сложных размышлений о современной литературе. В данном тексте Муравьев наиболее откровенен. Но это не значит, что в прочих случаях он только лгал, подчеркивая заслуги Сумарокова: позиция Муравьева была сложнее. Сумароков всегда оставался для него литературным «собеседником», а его произведения — значимым литературным источником. И вместе с тем Муравьев не рассматривал его как в полной мере образцового автора (как, видимо, и Хераскова, поэта, ему существенно более близкого). Об этом же свидетельствуют и письма Муравьева. 1 октября 1777 г. Сумароков умер. В опубликованном Л.И. Кулаковой письме Муравьева к отцу от 30 октября 1777

г. читаем: «Не могу удержаться, чтоб не сообщить вам стишков, которые вчерась читал я Михаиле Матвеевичу на смерть Сумарокова. Он было адресовал меня к Николаю Ивановичу, чтоб их напечатать в Кадетском корпусе. Ему Тейльс друг. Он было и взялся; да читаючи их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов. Мих<айло> Матв<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой…» [Муравьев, 1980, с. 309]. Здесь много интересного: и «вольность воображения», и высказывания Новикова, и внимательное отношение Хераскова к публикации молодого поэта. Кулакова указала, что этот текст не сохранился и что Муравьев написал другие стихи в 1778 г. Это чрезвычайно странно, ведь речь вроде бы идет о произведении, написанном по горячим следам и читанном самому Хераскову. Л.И. Алехина, обратившись к «Записной книге» Муравьева, нашла «Стихи на смерть Сумарокова»; исследовательница, а вслед за ней и В.Н. Топоров, были уверены, что это те самые стихи, которые упоминаются в приведенных только что отрывках из писем [Алехина, 1990, с. 23; Топоров, 2001-2007, 1, с. 267]. По-видимому, это не так, потому что ничего «крамольного» мы в них не находим, напротив, перед нами классическая эпитафия. Скорее всего, это просто другой текст, а «крамольный» пока не найден. В письмах Муравьева к отцу обнаруживается еще одно стихотворение, посвященное Сумарокову. 26 июля 1778 г. поэт обращался к сестре: «В награждение посылаю к тебе надписи к изображению Сумарокова, которые я написал сегодня по утру.

Воспитанник богинь, любви сопутниц красных

Ко Музам юношей в общенье привлечен.
Сей первый таинства сердец похитил страстных
Любовь похитил их, их другом наречен.
И млад, надежды полн, уже творец *Хорева*,
Со Ломоносовым себя едина зрел:
Но на соперника не мог воззреть без гнева
Семиру начертал и с ним бесстрашен сел».

Данное стихотворение не менее комплиментарно, чем напечатанное Л.И. Алехиной; не исключено, что оба они были написаны под прямым влиянием Н.И. Новикова, т.е. уже после им раскритикованного и оставшегося нам неизвестным. Естественно предположить, что Муравьев не стал печатать свои поэтические комплименты Сумарокову, поскольку они не вполне соответствовали его убеждениям.

У нас нет оснований полагать, что приведенные нами источники исчерпывающим образом освещают отношение Муравьева к Сумарокову. Однако и их достаточно, чтобы убедиться в том, оно было сложным и в каких-то аспектах двусмысленным. Муравьев и ориентировался на Сумарокова, и переосмыслял его наследие, и даже критиковал его недостатки. Непросто обстояло дело и с Херасковым: Муравьев относился к нему с откровенной симпатией, дорожил общением с ним, однако никогда не идеализировал его и во всяком случае, не опускался до банальной «партийности»: восхищаясь Херасковым, Муравьев в полной мере сознавал значение творчества В.П. Петрова.

***

В 1780 гг. литературные связи Муравьева расширялись и крепли. В письмах этого периода не встречаются имена М.М. Хераскова, Н.А. Львова или Н.И. Новикова, как это было в письмах 1776–1778 гг., но это не означает,

конечно, что эти люди потеряли свое значение для Муравьева. Отбор фактов в письмах диктовался во многом самим жанром: сообщать хотелось о *новом*, а не о том, что было и так хорошо известно адресату. Поэтому, предполагаем, так часто Муравьев писал о Д.И. Хвостове, с семьей которого был знаком Н.А. Муравьев. Тогда, в конце 1778 г., Муравьева волновала мысль о том, что он мог быть принят хоть в каком-то сообществе. Теперь же все иначе: он был знаком практически со всем литературным миром, печатался в «Санктпетербургском вестнике», строил многочисленные литературные планы, о чем, в частности, свидетельствует его «Записная книга». Хвостов ему был близок хотя бы в силу возраста, он был вхож в его дом, знаком с его родителями, так что нет ничего удивительного в том, что в начале 1780-х гг. они продолжили регулярно и тепло общаться. Вот, например, отрывок из письма от 18 февраля 1781 г.: «А ко мне теперь только присылает Д.И. Хвостов, недавно сюды приехавший, чтоб я к нему пришел. Такие приключения заслуживают место в письме, затем что происходит тогда как пишешь». А в письме от 5 апреля 1781 г. Муравьев писал: «От обеду <Д.И.> Хвостова уехал, остался обедать у Ник.<олая> Львовича <Батюшкова>, в чьей карете я ездил, ибо пешком ходить нет способу. После обеда проводил у Ивана Матвеевича <Муравьева> большого и, по слову своему, ужинал у Хвостовых, куда я зван сегодни опять обедать». В письме от 22 апреля 1781 г. Муравьев снова говорил о Хвостовых: «Я не вижу дней: столь скоро проходят они посещениях моих. Не можно идти мимо Хвостовых, чтоб быть не позвану». Из письма от 17 мая 1781 мы узнаем, что «Хвостов, Карин меня отрывают часто. У сего последнего обедаю почти всякий день, quelques bel ésprits ou soi-disants tels. Комедия, клуб дополняют упражнения мои». Отметим, что Муравьев ведет вполне аристократическую жизнь, посвящая свободное время дружескому общению, театру и клубу — тяготы воинской службы, о которых регулярно он жаловался в письмах 1776 г., забыты. Письмо от 13 июля 1781 г. — яркое свидетельство близости отношений Муравьева и Хвостова: «Иван Михайлович Хвостов и Вера

Григорьевна <Хвостовы> позволили мне писать с собою к вам. Я писал прежде и со удовольствием повторяю, что во все время их пребывания был я принят в их доме и был каждый день со всеми отличениями милости, каких желать можно. Я чувствую истинную потерю в отсутствии Дмитрия Ивановича <Хвостова>, которого дружба и обхождение составляли одно из приятнейших упражнений моих. В то же почти время отъезжает Федор Григорьевич Карин, братец Веры Григорьевны, и вам уже известно участие, которое он во мне принимает».

Возможно, именно благодаря Хвостову Муравьев познакомился с Ф.Г. Кариным: автор «Легковерного» был племянником знаменитого мецената, литератора и бонвивана[62]. У Карина, в свою очередь, Муравьев получил возможность пообщаться с Н.П. Николевым: «Третьего дни обедал я у Г.<осподина> Карина, где также обедал и Николев, московский bel esprit, приехавший сюды за тяжбою с новой трагедией и комедией, двумя худыми стряпчими» <149>. Ср. письмо от 28 июня 1781 г.: «Сегодня еду я Петергоф с Федором Григорьевичем Кариным в обществе. Я не знаю, сколько времени я проживу там, повинуяся чужому расположению».

В это же время Муравьев начал общаться с Д.И. Фонвизиным — вряд ли можно говорить о сколько-нибудь близких отношениях: возраст и социальный статус явно создавали для этого серьезные препятствия. Тем не менее, если в 1780 г. Муравьев с откровенной гордостью сообщал отцу о разговоре с автором «Бригадира», то в 1781 г. он уже был гостем в его доме. Вот отрывок из письма от 11 марта 1780 г.: «Я все тот же еще маленький педант, испросивший себе привилегию лениться за скрепою муз. Вечер прошедшего понедельника имел я удовольствие слышать в клубе славный духовный концерт или песнь: Stabat mater etc, сочинения Перголезева. И другое

[62] О Карине см.: Саитов В.И. Федор Григорьевич Карин. Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII века. СПб.: Ред. журн. «Библиограф», 1893. 23 с. Отметим, что статья В.И. Саитова оказалась незаслуженно забыта, однако представляет значительный научный интерес и во многом не утратила своей актуальности: так, например, до Г.А. Гуковского именно он писал о «сумароковской школе» (не используя этого словосочетания), о влиянии творчества А.П. Сумарокова на литературную «молодежь»; он же высказал плодотворную гипотезу о лингвистической программе Карина, которая опередила будущие поиски Н.М. Карамзина.

удовольствие для моего тщеславия – разговаривал с Д.И. Фонвизиным, bel esprit des plus hupés de la ville».

А в письме от 31 мая 1781 г. он писал сестре Ф.Н. Муравьевой о том, что первый раз пришел к Фонвизину и что – лестная мысль для начинающего писателя — оказался с маститым автором по одну сторону литературных баррикад: «Вчерась был я еще в первый раз у Фонвизина, несмотря на то, что давно был знаком ему и имел его позволение ходить к себе. И говорено об Эстампах. Между Петербургских писателей междуусобная брань. К Фонвизину пишет Ал.<ександр> Сем.<енович> Хвостов послание, в котором его пародирует. Некто Арсеньев, покровительствуемый Княжниным, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где par parenthese и я буду иметь свое место. Но я, en dépit d'Arseniev, считаю себя очень счастливым, если буду честный человек, достойный тебе нравиться. Будь здорова, кланяйся сестрицам и люби меня».

Таким образом, Муравьев оказался в одном ряду с Фонвизиным, Кариным, Хвостовыми и Николевым и противопоставлен Арсеньеву, покровительствуемому Я.Б. Княжниным.

Итак, мы видим, что связи Муравьева в начале 1780-х гг. крайне разнообразны и сложны. За пять-шесть лет в столице он благодаря не только своей семье, но и личным талантам выстроил отношения в придворном, академическом и литературном мирах. При этом он стремился к выстраиванию и сохранению отношений с самыми разными людьми в диапазоне от Хераскова и Львова до Петрова и Хвостова.

Именно благодаря этой стратегии, как нам представляется, произошел подлинный прорыв если не в творчестве Муравьева, то уж точно в литературной карьере – публикация «Письма к ***» в первой части «Собеседника любителей российского слова»[63], главного литературного журнала данного периода. При этом отметим, что текст Муравьева закрывал

[63] Собеседник любителей российского слова. СПб.: Иждивением Императорской Академии наук, 1783. Ч. 1. С. 157–159.

номер, который открывался, как хорошо известно, «Фелицей» Г.Р. Державина[64]. Вряд ли подобное редакторское решение было случайным: два начинающих автора создавали своеобразную смысловую рамку номера. Выскажем предположение, что Державин и Муравьев могли выдвигаться двором на первый план, во многом символизируя ту литературную революцию, которую совершили Екатерина II и Е.Р. Дашкова (об этом подробнее см.: [Ивинский, 2012]). Разумеется, ключевую роль в этом процессе императрица оставляла за собой, но журнал мыслился как место консолидации близких, идеологически и эстетически, литературных сил, а ключевые авторы эпохи должны были выполнять на себя функцию посредников между двором и элитой. Показательно, что именно со страниц «Собеседника» началось стремительное восхождение по социальной лестнице обоих писателей. Державин, как человек более опытный, уже продемонстрировавший некоторые свои управленческие навыки во время Пугачевского восстания, двигался быстрее и последовательно занял посты правителя Олонецкого и Тамбовского наместничеств, кабинет-секретаря императрицы, сенатора, президента Коммерц-коллегии и министра юстиции. Муравьев был моложе и неопытнее, поэтому отставал, но позиция учителя внуков Екатерины II позволила ему в итоге сыграть заметную роль в истории русской культуры: бригадир Измайловского полка, сенатор, он дослужился до товарища министра народного просвещения и попечителя Московского университета и Московского учебного округа, и, возможно, если бы не ранняя смерть, поднялся бы и выше.

В истории взаимоотношений Муравьева и Державина много лакун. Недавно К.Ю. Лаппо-Данилевский снова обратился к одной из записей Муравьева, посвященной «Фелице»: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый испытал между нами персифлаж в оде к Фелице: довольно остроумно,

[64] Оде Державина предшествовало короткое «Предуведомление» (Собеседник. Ч. 1. С. 3–4), а стихотворению Муравьева — послание издателей, в котором они призывали читателей присылать в журнал свои сочинения (Там же. С. 160–161). Структурная симметрия сохраняется: внешняя «рамка» — два материала от издателей, внутри — сочинения Державина и Муравьева. Свой успех Муравьев развил во втором номере «Собеседника», напечатав стихотворение «Время» (Там же. Ч. 2. С. 129–130).

довольно счастливо и свободно. “Ода к соседу” и прочее»[65]. Исследователь полагает, что «заметка указывает на отношение Муравьева к львовско-державинскому кружку извне, на его непосвященность в предысторию публикации «Фелицы», неплохо известную нам со слов Державина (как известно, эту оду, написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решил «запереть», и она находилась год под спудом» [Лаппо-Данилевский, 2024, с. 249]. И далее: «Как нетрудно заметить, знаменитая ода, обсуждавшаяся участниками кружка еще в рукописи, стала знакома Муравьеву лишь после ее напечатания, а характеристика «Фелицы» как персифлажа не имеет аналогов в ее трактовках участниками кружка» [Лаппо-Данилевский, 2024, с. 249]. Соглашаясь в принципе с тем, что Муравьев не был членом львовско-державинского кружка, мы, тем не менее, не готовы утверждать, что реплика о персифлаже может рассматриваться как доказательство незнакомства поэта с текстом «Фелицы» или отстраненности от жизни кружка. Скорее, сильным аргументом оказываются слова самого Державина о том, что текст находился «год под спудом» после обсуждения его с Львовым и Капнистом. Означает ли это, правда, что Львов или сам Державин не могли показать текст Муравьеву или рассказать о нем? По крайней мере, у нас нет данных, чтобы делать какие-то определенные выводы[66]. Я.К. Грот, например, указывал, что друзья опасались, что ода, содержавшая многочисленные намеки на вельмож, могла повредить автору [Грот, 1880, с. 296]. Однако объяснение может быть и совершенно иного порядка: представление об особом значении «Фелицы», текста, к чтению которого могли быть допущены только посвященные, — явный анахронизм: очевидно, ни Львов, ни сам Державин не могли знать, что эта ода сыграет такую роль в литературной политике Екатерины II, поэтому они могли не показывать ее Муравьеву или другим заинтересованным лицам просто потому, что не верили

[65] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 39. Об этой записи см.: Западов В.А. Державин и Муравьев // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова. С. 245–253; [5]; критику концепции Западова см.: [Росси, 1997].

[66] Судя по имеющимся данным, с одой Державина не был ознакомлен и И.И. Хемницер, однако его «членство» в Львовско-Державинском кружке на этом основании под сомнение не ставится.

в ее успех (или, по крайней мере, в *такой* успех). Отметим также, что вокруг «Фелицы» в «Собеседнике» начала вполне сознательно конструироваться особая мифология[67], которая затем приобрела канонический вид благодаря Е.Р. Дашковой (напомним хрестоматийно известные слезы императрицы при чтении стихотворения)[68]. Возвращаясь же к вопросу о «членстве» Муравьева в львовско-державинском кружке, мы не уверены, что этот вопрос вообще имеет первостепенное значение. Если Муравьеву и пришлось испытать «болезненную застенчивость» [Лаппо-Данилевский, 2024, с. 249], то справился он с нею без особого труда, тем более, что она в какой-то мере отражала избранную им манеру поведения, в основе которой лежала сдержанность, исключавшая «бесстыдную нахальчивость», и избрал стратегию светской экспансии, постоянного расширения связей и, как следствие, возможностей, не растворяясь при этом в политике отдельных кружков или групп. Мы предполагаем, что Муравьев вполне сознательно не стал учеником ни Хераскова, ни Новикова, ни Львова, при этом регулярно поддерживая с ними связи. Так, например, близкое общение с Майковым не мешало ему дорожить оценками Петрова, а «Сатира I» Капниста не помешала его отношениям с Н.П. Николевым или Хвостовыми. Это обеспечило Муравьеву возможность лавировать между разными группами, оставаясь для

[67] Державину и его оде посвятили свои восторженные стихи В. Жуков («Сонет к сочинителю оды к Фелице» (Собеседник. Ч. 5. С. 46)), М.В. Сушкова («Письмо Китайца к татарскому мурзе» (Собеседник. Ч. 6. С. 5–8)), О.П. Козодавлев («Письмо к татарскому мурзе» (Собеседник. Ч. 8. С. 1–8)), Е.И. Костров («Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы» (Собеседник. Ч. 10. С. 25–30)), анонимных «Княгине Е.Р. Дашковой» (Собеседник. Ч. 6. С. 20) и «К другу моему» (Собеседник. Ч. 7. С. 40). Совершенно особое положение заняла статья Козодавлева «Исторические, философические и критические рассуждения о причинах возвышения и упадка книги <…> Собеседника любителей российской словесности», напечатанную в последнем номере «Собеседника». Он писал, что «лет с тридцать тому назад» российский Парнас был представлен всего двумя, хотя и великими авторами. Слава их была безгранична, но, переместившись в «вечное жилище», они не оставили здесь «законных по себе наследников». Традиционные оды стали скучны читателям, они больше не привлекают такого интереса, как прежде, и «служат пищею мышам и крысам». Все меняется в конце 1782 г., когда Державин сочиняет свою оду. Поэт читает ее «некоторому молодому россиянину» (т. е. Козодавлеву), которого она «восхитила до слез», однако она «довольно долгое время пребывала в карманах» покровителей и любителей искусства и оставалась неизвестной государыне. Лишь в начале 1783 г. «помянутый россиянин» показывает «сие сочинение начальнице Парнаса», т. е. княгине Дашковой, а она, «красоты и истины, находящиеся в сей оде, почувствовав, решилася приказать ее напечатать». Далее исчисляются основные причины успеха журнала, среди которых отмечается как талант Татарского Мурзы, так и блистательные произведения, принадлежащие императрице («Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы») (Собеседник. Ч. 16. С. 3–13; об этом подробнее см.: [Ивинский, 2012]).

[68] «На другое утро рано императрица посылает за ней. Дашкова застает ее прослезившеюся, с журналом в руках. «Кто, — спросила она, — автор «Фелицы», который меня так тонко знает?» [Грот, 1880, с. 297–298].

всех одновременно «своим» и «чужим», сохраняя независимость. История с публикациями в «Собеседнике» кажется особенно показательной. Так, мы не знаем, кто именно помог Муравьеву напечататься в журнале императрицы, претендентов на эту роль немало: это могли быть с равным успехом и Нарышкин, который, как мы указывали выше, был опекуном брата поэта, и Николев, воспитанник Е.Р. Дашковой, и Фонвизин, и Львов, и московские историки А.А. Барсов и Х.А. Чеботарев, которые, по-видимому, помогли ему в 1776 г. вступить в «Вольное российское собрание» и которые снабжали Екатерину II материалами для «Записок касательно российской истории», ключевого текста всего издания. Само количество предположений говорит, как кажется, о том, что Муравьев к этому периоду сформировал целую сеть важных знакомств, которые определили его биографию[69].

Отдельный вопрос: когда Муравьев познакомился с Державиным? Сейчас у нас на него нет определенного ответа. В.А. Западов полагал, что это могло произойти в 1781–1782 гг., впрочем, кажется, не приведя документальных подтверждений своему утверждению: «Муравьева Державин не называет в числе людей, близких ему в 1779 г. Так как в 1779–1780 гг. Муравьев большую часть времени провел в Твери, сближение между ними вероятней всего отнести к 1781–1782 гг.» [Западов, 1966, с. 248]. Мы можем, по крайней мере, с уверенностью утверждать, что Муравьев хорошо знал К.Я. Бастидон, первую жену Державина и подругу его сестры Ф.Н. Муравьевой, часто упоминал ее в письмах к родным [Топоров, 2001-2007, 2, с. 536–537]. И в дальнейшем, кажется, Державина и Муравьева объединяли не столько литературные, сколько семейные и служебные вопросы. Так, уже будучи правителем Тамбовской губернии, Державин общался с С.М. Луниным, мужем Ф.Н. Муравьевой, сестры М.Н. Муравьева. Позднее он пытался помочь попавшему в опалу Державину.

Таким образом, Муравьев и Державин были людьми одного круга, биографически их связывало многое, однако это не позволяет определенно

[69] О Муравьеве и его возможных связях с Воронцовым см.: [Лавринович, с. 58-60].

говорить о степени их расположения друг к другу. При этом человеческая близость не исключала сложных литературных игр, а иногда и полемических откликов. Так, например, В.Н. Топоров указал, что «в 1787 г. Державин по курьезному поводу, относящемуся к предыдущему году, пишет шутливое стихотворение с тем же заглавием, что и Муравьев, — «Желание зимы» (опубликовано в «Санктпетербургском Вестнике» 1778 г., 2, 403); тождество заглавий объясняется творческим соревнованием трех поэтов — Державина и Львова, как бы принявших вызов первого — Муравьева, хотя его стихотворение и заглавие его послужили лишь поводом для этого дружеского обмена своим видением зимы» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 479][70].

В подтверждение того, как мало мы по-прежнему знаем об отношениях больших русских поэтов последней трети XVIII в., приведем текст Муравьева, который, кажется, еще не привлекал внимание исследователей. В 1790 гг. Державин приятельствовал с Ф.М. Колокольцевым, тестем М.Н. Муравьева, ему он посвятил небольшую стихотворную шутку «Мельник» (1799). В «Записной книге», которая хранится в ОР РГБ, Муравьев записал своеобразный ответ на это произведение. Приведем оба текста, сначала державинский, а затем муравьевский.

Мельник

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли:
«Ведь расклюют же даром птицы;
Возьми, старинушка, смели».
Бела пшеница и румяна,
И так была полна зерном,
Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молоть всем животом.
Молол я пристально, трудился,

[70] Об этом стихотворении и поводе к его написанию см.: [Державин, 1957, с . 381-382].

Ночь целую провел без сна;
Но что ж? — как ни потел, ни бился,
Не расколол я ни зерна.
Смеясь мне девушки в назолу,
Пеняли: «Что ж не мелешь, дед?»
— «А вы», сказал я, «для помолу
Пришли, как жернов не берет»

[Державин, 1865, с. 264-265].

Ответ Мельнику[71]

Пшеницу белую, румяну
Пытался дедушка молоть:
Наделал девушкам изъяну,
Зерна не мог он расколоть.
Теперь у жорнова хлопочет:
«Извольте мельника прислать».
Ну, кто с добра ума захочет?
За дедом зерны подбирать?
А если мельник дал и промах
И не смолол пшена мешок,
В палатах знают и хоромах,
Что есть за ним такой зарок:
И кто каков был в колыбели,
Таков и в темной ров пойдет;
Хоть красны девки пожалели,
Что жорнов больше не берет
«Ведь расклюет же зерны птица
И пригодился бы помол.

[71] Пометка Муравьева: «1799 Авг<уста> 10».

А если куколь, не пшеница —
Так хорошо, что не смолол.

[Записная книга, л. 85].

Возможно, будут найдены и другие примеры прямой или скрытой, шуточной (как в данном случае) или серьезной полемики Муравьева с Державиным, и история их взаимоотношений будет написана.

Итак, Муравьев в начале 1780-х гг., как нам представляется, решил основные проблемы своей литературной и, как следствие, светской карьеры. Заручившись поддержкой своих первых менторов (Хераскова, Новикова, Львова), он, не порывая с ними, расширил сеть знакомств, сблизившись с кругом Карина и познакомившись ближе с Фонвизиным и, видимо, Державиным. Это позволило ему напечататься в «Собеседнике» и обратить на себя внимание Дашковой и Екатерины II. Без этого он, скорее всего, не смог бы занять тяжелую для него, но значимую роль воспитателя будущего императора.

Из поздних писем Муравьева (1790-1800 гг.), особенно после смерти сестры Ф.Н. Муравьевой, литература практически исчезает. Мы видим вельможу, который занимался важными государственными делами. Из этого совершенно не следует, что Муравьев отошел от сочинительства, напротив, он писал очень много: его рукописная «Записная книга» наполнена текстами. Однако обсуждать с отцом, зятем, а позднее женой эстетические вопросы было, вероятно, не очень удобно, поэтому словесность ушла на второй план. Тем не менее, читая письма, мы проходим вместе с Муравьевым все этапы его жизни: неопытная юноша превратился в энергичного молодого человека, а последний – в главу семейства, сановника и маститого автора.

Все известные нам ранее не печатавшиеся письма Муравьева см. в Приложении 1.

§2. Муравьев и реформа торжественной оды: «Новые лирические опыты»

Поэзия М. Н. Муравьева неоднократно привлекала внимание известных исследователей [Гуковский; Кулакова 1939; Кулакова 1967; Кочеткова; Топоров и др.], однако до сих пор во всей полноте она не только не проанализирована, но и не собрана и не опубликована, т. к. десятки его текстов рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга. При этом оды Муравьева нечасто становились предметом специального анализа (показательно, что даже в работе, претендовавшей на описание истории и функционирования жанра в XVIII в., его тексты не рассматривались [Алексеева]).

Данный раздел посвящен «Новым лирическим опытам» Муравьева, небольшому сборнику стихов, который поэт подготовил в 1776 г., однако так и не напечатал. Рукопись «Новых лирических опытов» хранится в ОР РНБ[72], сборник состоит из восьми од. По каким причинам издание не состоялось, мы не знаем; отметим, однако, что со второй половины 1770-х гг. Муравьев печатался крайне неохотно, тем важнее любое указание на его творческие планы, идеи и проекты. «Новые лирические опыты» — один из трех подобных опытов: также поэт составил план сборника «Мечты 1776» и сборник «Pièces fugitives» [Топоров, 2001-2007, 1, с. 73–74][73]. Таким образом, перед нами один из важнейших творческих замыслов Муравьева второй половины 1770-х гг.

В 2013 г. к судьбе «Новых лирических опытов» попыталась привлечь внимание научной общественности С. А. Сионова. В своей статье она отметила, что «сборник 1776 года практически мало изучен, мало кому известен» и поэтому необходимо «открытие» «данных произведений

[72] РНБ. Ф. 499. № 30. 1772-1801. Л. 2–6.

[73] Ср. ценные указания В.А. Западова: «Из восьми стихотворений, составляющих эту рукопись, лишь одно под названием «Желание зимы» автору удалось позднее напечатать в «СПб. Вестнике» (1778). Сохранился план сборника Муравьева «Мечты 1776 года», составленный, по-видимому, в конце 1776 или 1777 г. В сборник предполагалось включить пять стихотворений из «Новых лирических опытов» и, кроме того, элегию «Ночь», стихотворение «Око» (в позднейшей редакции «Зрение») и «Эпистолу к Н.Р.Р***», т. е. к Рожешникову. Три последних, наиболее автобиографичных, личностных стихотворения из «Новых лирических опытов», обращенных к Дмитревскому, Львову и Хемницеру, не были включены в план» [Западов, 1999, с. 308].

молодого автора» [Сионова, с. 43]. Далее С. А. Сионова кратко пересказала содержание нескольких од и привела короткие цитаты из них. При этом отметим, в списке использованной литературы мы находим только указания на рукопись, хранящуюся в ОР РНБ. По прочтении статьи могло возникнуть ощущение, что исследователи ранее не обращались к этому источнику и просто не знали о его существовании. Это, конечно же, не так: Л. И. Кулакова, много десятилетий работавшая с рукописным наследием Муравьева, назвала этот труд одним из «переломных»: с ее точки зрения, в это время поэт отступил от «классицизма», о чем свидетельствовала «ломка жанровых границ», так как «все произведения еще названы одами, хотя большею частью они выходят за пределы всех типов оды» [Муравьев, 1967, с. 29]. Кулакова напечатала шесть из восьми од в подготовленном ею собрании стихов Муравьева в томе «Библиотеки поэта» [Муравьев, 1967, с. 149-159]. Парадоксальным образом Сионова в своей статье, претендовавшей на «открытие» сборника Муравьева, подробно остановилась именно на тех текстах, которые опубликовала Кулакова. Кажется, это недоразумение объясняется тем, что в самом авторитетном на сегодняшний день собрании стихотворений Муравьева [Муравьев, 1967] мы не найдем сборника «Новые лирические опыты», потому что, во-первых, напечатаны не все оды — только шесть из восьми текстов (об этом ниже), а во-вторых, цельность сборника нарушена, причем, по-видимому, вопреки воле Л. И. Кулаковой. Дело в том, что редакция издания не стала выделять эти тексты в особый цикл, свое решение она обосновала в крайне странном примечании: «Во избежание путаницы со сб. “Оды” редакция “Библиотеки поэта” считает необходимым в заглавиях стихотворений сб. “Новые лирические опыты” порядковые номера снять» [Муравьев, 1967, с. 319]. Почему два сборника, которые назывались по-разному, должны были вызвать путаницу, остается загадкой. Стоит ли говорить, что своим решением редакторы путаницу только усугубили? Таким образом, лишь из примечаний читатель мог узнать, что Муравьев мыслил эти тексты как единый сборник. При этом третью оду Л. И. Кулакова по каким-то

причинам опустила в принципе, нигде это не оговорив, а на седьмую лишь сослалась, назвав ее первой редакцией стихотворения «Прискорбие стихотворца. К***. В 1777 году», опять же не приведя его текст.

Итак, важнейший цикл Муравьева действительно выпал из поля зрения исследователей; нам представляется необходимым сформулировать задачу по восстановлению первоначального замысла Муравьева (и, по-видимому, Л. И. Кулаковой) и напечатать тексты в том виде, в котором он считал нужным это делать. Кроме того, мы считаем, что публикация Л. И. Кулаковой должна быть дополнена двумя текстами: «Ода третья. На торжествование мира 1775 г.»[74] и «Ода седьмая. К Н. А. Львову»[75]. Только напечатав эти произведения, мы можем попытаться приблизиться к пониманию концепции Муравьева. С нашей точки зрения, «Новые лирические опыты» — своеобразная остроумная светская шутка, опыт иронического переосмысления русской одической традиции, пародийное переосмысление возможностей жанра, в основе которых лежат литературная игра и стилизация. Дело в том, что каждая ода была посвящена какому-то поэту, «классику» или современнику: писатель мог быть упомянут в заглавии или прямо назван в тексте, если же не происходило ни первое, ни второе, то обыгрывались легко узнаваемые образы и приемы, причем это делалось так нарочито, что читатель не мог не узнать адресата такой игры.

Так, первая ода была обернулась диалогом-полемикой с В. И. Майковым. См. показательную концовку стихотворения:

Вот, Майков, плод твоих советов!
Жалей питомца своего,
Преступник он своих обетов
И наставленья твоего.
Но ты мне склонным покажися

[74] РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 3-4.
[75] РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 5 об.–6.

И на того не раздражися,
Сердечно любит кто тебя;
Услышь: коль ты меня не любишь,
Так знай, что тем меня ты губишь
И ненавижу я себя

[Муравьев, 1967, с. 150].

«Питомец» оказался «преступником» своих «обетов», поэт, хоть и любил «сердечно» своего «учителя», но не следовал его принципам, декларируя собственную независимость, несмотря на показную «ненависть» к себе (об этом ниже).

Вторая ода явно обыгрывала поэтику Ломоносова: одическая строфа, высокая лексика, церковнославянизмы — все это читатель легко идентифицировал. Однако ключ к тексту — образ «любезной тишины» из последней строфы [Муравьев, 1967, с. 152], отсылающий, разумеется, к «возлюбленной тишине» из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

В третьей оде, не напечатанной, как мы указывали выше, Л. И. Кулаковой, Муравьев обыгрывал приемы и образы произведений В. П. Петрова.

Четвертая ода — вариация на нравоучительные сочинения Хераскова (и, возможно, Сумарокова): об этом свидетельствуют легко узнаваемые мотивы быстротечности жизни, «увядшего цвета», «тщеты», своеобразной мрачной элегичности, пропитанной масонскими ассоциациями:

Вотще заржавит меч и возвратится в ножны,
Вотще от яростных укроемся валов,
Вотще от непогод мы будем осторожны:
Все снидем в мрачный ров

[Муравьев, 1967, с. 152].

Ср.:

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,
Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру

[Муравьев, 1967, с. 153].

Пятая, шестая и седьмая оды посвящены И. И. Хемницеру, И. А. Дмитревскому и Н. А. Львову соответственно. При этом только последний, восьмой текст, вошедший в сборник, Муравьев в 1778 г. опубликовал в «Санкт-Петербургском вестнике» (Ч. 2. С. 403), что, очевидно, говорит о его особой значимости для поэта. Возможно, Муравьев именно его считал своеобразной литературной декларацией, открывавшей новые пути развития традиционной оды.

Почему Муравьев предпринял подобный опыт именно в 1776 г.? Дело в том, что это важнейший год в творческой биографии Муравьева. Молодой человек впервые был предоставлен самому себе, начал полноценную взрослую жизнь в столице, почувствовал себя писателем. В это время он служил в полку, хотя своими обязанностями явно тяготился, регулярно посещал академические лекции, занимаясь самообразованием, много читал, писал и общался с виднейшими авторами эпохи: М. М. Херасковым, В. И. Майковым, Н. И. Новиковым, Н. А. Львовым, С. Г. Домашневым, В. Е. Адодуровым, А. А. Барсовым, П. А. Алексеевым и др., наконец вступил в «Вольное российское собрание». Муравьев познакомился с Майковым, по-видимому, еще в 1772 г. Совсем юношу в большой литературный мир ввели родственники — А. А. Муравьева (урожденная Волкова), вдова Н. Е.

Муравьева, и ее брат А. А. Волков, известный переводчик и драматург (об этом см. выше).

Таким образом, к 1776 г., когда Муравьев начал самостоятельную жизнь в Петербурге, молодой поэт был знаком с Майковым и Херасковым более трех лет. Отметим, что общение с Херасковым уже совершенно неформальное, вряд ли ошибемся, если предположим, что знакомство произошло раньше, возможно, тоже в 1772 г. Кроме того, подчеркнем и стремление Муравьева к творческой независимости, проявившееся в нежелании советоваться с известными авторами, эта черта характера станет во многом определяющей в жизни писателя, возможно, именно она привела к отказу от печати «Новых лирических опытов».

В 1776 г. «старые» отношения укреплялись, а новые завязывались, особенно с Н.А. Львовым, И.А. Дмитревским и др. Муравьев в это время был погружен в литературную жизнь: он общался с крупнейшими авторами, надеялся на развитие собственного таланта и грезил возможными успехами. «Новые литературные опыты», как нам представляется, должны быть рассмотрены именно в этом контексте стремлений молодого поэта к обретению нового статуса в современном ему литературном мире. Этот несостоявшийся сборник — знак претензий Муравьева на свое место на Парнасе.

В 1775 г. Муравьев напечатал сборник «Оды» [Муравьев, 1775], работа над которым демонстрирует стремление молодого поэта к творческой независимости, а также показывает его сложное отношение как к прославленным классикам, так и к известным современникам, в первую очередь, отметим ушедшую в подтекст полемику с А. П. Сумароковым, М. М. Херасковым и В. И. Майковым; ср.: «Первоначально «Ода седьмая» («Восприял я лиру в длани...»), декларирующая интерес поэта к природе, была явно ориентирована на ломоносовский «Разговор с Анакреоном», но при этом звучала полемично по отношению как к Анакреону и М. В. Ломоносову, так и к Хераскову, воздействие которого ощутимо в первых стихотворениях

сборника. По каким-то причинам Муравьев вычеркнул стихотворение и сочинил новую «Оду седьмую» достаточно традиционного содержания. Возможно, он сделал это после поэтического «диалога» с В. И. Майковым в начале 1775 г. (см. «Сонет к Василию Ивановичу Майкову» и ответный «Сонет к Михаиле Никитичу Муравьеву»). Майков рекомендовал Муравьеву следовать в поэзии Сумарокову. Тем не менее, подчеркнуто вопреки совету наставника, «Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» представляет собой пейзажное стихотворение «во знак чувствительной души» [Западов, 1999, с. 307][76].

«Новые лирические опыты» развивают многие идеи «Од» 1775 г., причем, как представляется, Муравьев не мог не учитывать ни «Новых од» Хераскова [Херасков 1762], ни «Разных стихотворений» Майкова [Майков 1773].

Кризис оды оформился уже к рубежу 1760–1770 гг. Обычно решающий этап истории пересмотра статуса торжественной оды связывают с именем Г.Р. Державина. «Фелицу» называли «новым типом произведения» [Гуковский, 1999, с. 355], «неслыханным новшеством» [Серман, 1967: 56]; поэт «до неузнаваемости преобразил жанр» [Алексеева, 2005, с. 358], а «читатели должны были воспринимать [ее] как обновление поэтического языка» [Клейн, 2010, с. 304].

Эта традиционная научная схема требует уточнений. Изменение статуса оды стало возможным лишь после формирования новой концепции литературного творчества — на рубеже 1760–1770-х гг. На страницах русских литературных журналов создается и закрепляется образ «старой литературы», последовательно дискредитируемой как сфера бездарностей, готовых «за

[76] См. также статью Л.И. Кулаковой: «Не решившись открыто полемизировать с Ломоносовым и противоречить Майкову, он зачеркнул эти искренние строки, написал «Оду седьмую», потом «Оду... на замирение» и т. п. Но перелагая в рифмы военный устав, вводя в оды новые мотивы, образы, строфику, он понимал, что написанное им далеко от истинной поэзии и чуждо его дарованию. <…> Унаследовав от Хераскова склонность к морализированию, Муравьев не во всем солидарен и с этим своим учителем <…> Для ученика Ломоносова неприемлемо отрицание разума. Он не способен увидеть зло в чтении, знании» [Муравьев, 1967, с. 23, 24].

деньги» писать о чем угодно. Из журнала в журнал кочует одна и та же мысль[77] — российский Парнас оккупировали бездарности, которые за деньги готовы писать о чем угодно:

Известие сие во первых я даю,
Что авторство мое за деньги продаю.
копейка – мадригал, с полушкой – эпиграмма,
Три денежки – рондо, а пять копеек – драма,
Элегия – алтын, пять денежек – сонет,
Идиллия – хоть грош, полушка за билет…

[И то и сио, 22, с. 4][78].

Одновременно прозвучали и претензии к одам: в этих произведениях нет ни «смысла», ни «правильных стихов». Это самый «дешевый» и никчемный жанр:

Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды,
Причина такова, что оные уроды,
Ни смысла доброго, ни правильных стихов,
Ни должной похвалы, ниже завистных стров,
с начала до конца в сложеньи не имеют,

[77] На «однообразие» русской журналистики того времени указал М.Д. Чулков: «…к чему у вас заведено столько еженедельных журналов, которые я сначала покупал, но ныне уже перестал, думал я, что оных начала обещают много полезного, а как после рассмотрел, то все господа сочинители оных говорят всегда об одном, но только разными словами…» [И то и сио, 24, с. 6].

[78] Ср.: «На прошедших днях, а в которое точно время, того не упомню, приехала ко мне богатая боярыня, в великолепной карете на двор она взъехала, а на крыльцо и в горницу благоволила войти пешком. <…> говорила мне так: Государь мой, у меня умерла постельная моя собачка. <…> Приехала я к тебе, продолжала она, просить, чтоб ты сделал мне самую плачевную елегию, которая бы не только меня, но и всякого читателя тронуть могла. В ней ты опиши начальное происхождение прелестной той собачки <…>. Потом изъясни, как она прыгала, резвилась и скакала для моего увеселения, опиши все это ясными словами, а в уплату за сие обещаю тебя довольствовать весь твой век чернилами и бумагою» (И то и сио, 42: 6–7); «Я из числа желателей денег; того ради и прозою и стихами стараюся неусыпно достать оные, однако думаю, что они зареклись ни с востока, ни с запада, ни с севера, ни с юга и, словом, не идут ко мне ниоткуда. Прозаиком был я беден, попробую пожить стихо творцем» (И то и сио, 16: 1–2); «…Не имею ли я справедливой причины ненавидеть Муз, аполлона и всего Парнасса, от которых произошло все мое несчастие. Я их любил и любил бы завсегда, естьли бы они несколько были побогатее, а иногда приходит на меня и такое время, что я бы весь Парнасс с Музами и с аполлоном продал за полтину, но та моя беда, что ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки. По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская архива, но за все сие получил не больше, как на одну только провизию для утоления моего алча, следователь- но, не имею теперь ни одной копейки» [И то и сио, 48, с. 3].

И денежку давать за оных мне жалеют;

Что ж дешево мои стихи я продаю,

Так знайте все, что я без мерки их крою…

[И то и сио, 22, с. 4].

Параллельно с этим был предельно снижен образ автора. Во-первых, современный писатель – невежда, он ничего не знает и ничему не учится:

Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять также легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях, и меняют оные на лапти и яицы, но они обманываются. <…> чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки, не только у нас одних, но и в целой европе. кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель. По нещастию нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка (Пустомеля, с. 10–12)[79].

Во-вторых, он не поэт, в лучшем случае – ремесленник, «рифмач», которому чужды «приятство» и «изящество»:

Писателю стихов, не думавши, поспешно,

[79] Ср.: «…Ныне де все пишут, у кого здорова правая рука, и есть перо, чернила и бумага. да я не знаю, говорил я, ни правописания, ни составления речи. Вот какой шут, сказал он, я шесть лет мараю бумагу, а не знаю правописания, а что такое составление речи, о том и не слыхивал, однако ж было такое время, что и мои сочинения хвалили» [Смесь, 1769, с. 100]; «…кто только умеет перо в руки взять и водить им по бумаге, то и тот уже стремится выдавать маранье свое в печать» [И то и сио, 1769, 18, с. 6]; «Пегас от начала света был только один и употребляли его великие люди, то есть великие стихо творцы, но ныне умножилося слишком стихокропателей, а Пегас им не служит, того ради надлежит сделать заводы особливые для Пегасов, от чего разбогатеть можно всякому…» [И то и сио, 1769, 29, с. 7]; «Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается…» [Пустомеля, 1770, с. 19]; «ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы почитают за стыд» [Пустомеля, 1770, с. 88–89]; «Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую к Парнасу дорогу; по их мнению, надлежит только знать, что мужеской стих в 12, а женской в 13 стоп; а потом в неделю сделаться можно стихотворцем, и трагическим, и комическим…» [Трутень, 1769, с. 38–39]; «Некоторым сочинителям не знания и не науки, но одно слепое щастие доставило титул людей разумных и ученых. <…> от сея робости и раболепствия нашего набилось их столько на Парнас, что по последней ревизии оказалось более ста тысяч человек» (Парнасский щепетильник 1770: 4, 5); «Ты говоришь: вить другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне…» [Живописец, 1864, с. 7]; «…Мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных» [Живописец, 1864, с. 33].

Которые читать ни жалко, ни утешно;
Тому, кто их с такой поспешностью точет,
Как блинник на базар блины когда печет. <…>
Однако же и блин не тем одним хорош,
Что скоро испечен; но естьли он не вкусен,
Он будет нехорош и нежну вкусу гнусен.
Стихи ж не скоростью бывают хороши,
Стихи приятностью касаются души
И сердце нежное тогда воспламеняют,
Когда лабазнею и маслом не воняют;
Тут скорость не нужна, а нужен только склад.
С тобою я, рифмач, ударюсь об заклад,
Что нет в твоих стихах ни смеха, ни приятства,
Ни чистыя стопы, ни самых рифм богатства.
А ежели в них нет и этого всего,
Такие и стихи не стоят ничего.

[И то и сио, 18, с. 5][80].

В-третьих, современный автор тщеславен, горд, самовлюблен:

Другой с своими сочленами столь много превозносит свои труды, что не находит им достойной похвалы, и так самолюбив, что и Траянов панегирик не мог бы его удовольствовать [Смесь, с. 115][81].

[80] Ср.: «По моде нашего времени писать не трудно: благодаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с ребячества» [Живописец, с. 13]. см. также: [Николаев, 2006].

[81] Ср.: «со прискорбием рассуждаю о гордости некоторых людей. сие есть начало непристойных поступок, дурных стихов, витиеватого письма, которые смело выставляют обществу» [ВВ, с. 401]; «сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно, а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще они намереваются быть писателями, но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная» [Пустомеля, с. 13]; «Я слышу и вижу, как некоторые господа плетут себе похвалу, елико мочи имеют, и принуждают читателя против его воли мыслить о себе изрядно, а других без всякой причины презирать и ненавидеть. следуя такому правилу, вздумалося и мне похвалить самого себя под именем присланного ко мне письма, а оное письмо сделаю я и буду писать сам к себе, как многие то делают под разными видами» (И то и сио, 45, с. 2); «клеон, превознесенный хвалами, думает о себе, что он превосходит Пиндара, за тем что обучал риторике не знаю в каком-то монастыре и вытвердил наизусть всего Вергилия. Но не подумай, читатель, чтоб он писал согласно с здравым рассудком: он столько горд, что и рассудок презирает» [Смесь, с. 119]; «Начеркал сочинил

.

В-четвертых, он графоман:

Писать и выдавать в печать, сказывают, есть страсть, принадлежащая прямо стихотворцам и прозописателям; я, хотя не из числа ни тех, ни других, однако, также ею поразился. Видно, что эта болезнь весьма прилипчивая, да и следствия ее показывают, что она такова в самом деле, ибо она столь распространилась в здешнем городе [И то и сио, 18, с. 6].

Наконец, в-пятых, такой автор не брезгует откровенным подлогом – плагиатом:

Хотелось было мне назвать оное моим сочинением, видя, что выпала у нас такая мода, что редкое называется переводом, а всегда сочинением, но как я не совсем еще прожился совестию, то и показалось мне несколько оное неблагопристойно. Некоторые нынешние господа писатели не пекутся о бессмертной славе, но прикладывают все свое старание к получению часовой похвалы, которая, хотя сама по себе и ничего не значит, но им чрезвычайно мила. Они таскают из разных многих сочинениев и, выдавая оные под своим именем, нимало не страшатся быть уличены в похищении чужого добра. Многие иностранные писатели по смерти своей научилися говорить по-русски, и не только что чисто говорят нашим языком, но и сочиняют на оном весьма похвальные издания. Впрочем, имен своих никогда они не подписывают, но всегда видно, что позволяют под писываться другому, отчего ныне сделалася великая теснота на Парнассе, и думаю, скоро дойдет до того, что господа сочинители начнут спихивать друг друга с крутой и высокой той горы, тут то будет плач неутешный и драка не описанная [И то и сио, 41, с. 7–8].

Картина становится совсем неприглядной, если учесть, что все эти поэты и «прозописатели» постоянно «враждуют» друг с другом, нарушая нормы приличия. они «злословят» «под именем сатиры»:

вздорную пиесу и вздумал, что он может равняться со всеми славными комическими авторами. сие произошло от пристрастия и самолюбия…» [Трутень, с. 184]; «самохвал, прославляя мнимые свои достоинства, злобствовал на всех тех, кои заслужили всеобщую любовь и почтение, и, называя всех невеждами в словесных науках, не знал различия между Демосфеном и Катоном» [Вечера, с. 40–41].

Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование. Всякая всячина добрый вытерпела залп, адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия [Трутень, с. 107–108].

Напротив, настоящие писатели и ученые бедствуют:

…Все, учившиеся природные россияне, находящиеся при высокородных, гораздо нещастливы перед неучью, да еще и ненавидимы бывают за свои науки и за свое знание <…> бедный ученый чело век в презрении и без награждения за свои многотрудные подвиги, не кажущиеся важными, по той причине, что ученых не по много в одном месте бывает, и изъяснить их дел партизанов не находится [Смесь, 43–44].

Образ «новой литературы» конструируется на контрасте: «искусственности» и «лжи» противопоставляются «естественность» и «истинность». Журнальные издатели ведут непринужденную беседу с читателем, демонстративно отказываясь от «высоких и важных замыслов» и обещая «увеселять» и «шутить» [И то и сио, 1, с. 3, 5]. Писатель нового типа мыслится как дилетант, независимый от «успеха» и заказа («Я пишу то, что вижу…» — Смесь, с. 119), которому нужны «природа» и «дарование» [И то и сио, 31, с. 2–3], вдохновение и переживание «мук творчества» (Смесь, с. 137–138].

Новый поэт не пишет по заказу, ему необходимо вдохновение, он испытывает муки творчества:

Мне очень хотелось написать к вам письмо о том, что на меня рассердилась моя любовница, ибо я думал, что она, прочитав нежные мои жалобы, напечатанные в таком журнале, который она жалует, отменит свою суровость и сжалится надо мной. Для исполнения сего предприятия я заперся в своем кабинете, велел слугам сказывать всякому, кто бы ко мне ни приехал, что меня нет дома; и на крепко подтвердил всем своим домашним, чтоб никто не входил и в ту комнату, которая была перед моим кабинетом. Таким образом раздав приказы о наблюдении тишины в моем жилище, думал, что непорочные музы, коих я с младенчества много почитал, не преминут меня посетить. В сей надежде сел за стол, взял бумагу и перо и начал писать. – Но как много я в своем мнении ошибся! сколько ни ломал голову не мог написать ни одного нежного стиха, служащего к смягчению сердца моей красавицы. Можно сказать, что в моем разуме сделалось великое затмение: я рассердился сам на себя, кусал

перо, бил ногами и, брося все, бегал по горнице, но ни гнев мой, ниже досада не могли мне подать помощи, и музы, конечно, надо мною пошутили [Смесь, с. 137–138].

Так дидактизму и риторической приподнятости «старых» жанров противопоставляется идея «легкой» словесности, ориентированной на нормы светского разговора и «утонченный вкус» адресата. В таких текстах невозможна «грубость»; важнейшей категорией становится «вежливость» как модель поведения и письма, несовместимая с нарушением приличий [ВВ, с. 192, 196]. Новая литература демонстративно дистанцируется от риторики («провались красноречие, ядом льсти наполненное!» — Живописец, с. 43) и формулирует принцип «писать, как говорят» [ВВ, с. 259]. От автора требуют «приятности», «легкости», «остроты», «живости мыслей», «чистоты слога» [Пустомеля, с. 104].

Эта программа, выработанная в журнальной культуре 1760–1770-х гг., была реализована в «Собеседнике любителей российского слова», прежде всего в екатерининских «Былях и небылицах». На роль главного поэта на российском Парнасе Екатерина II и княгиня Е.Р. Дашкова выдвинули Державина, а «Фелица», по их замыслу, должна была стать образцовой «новой одой». Один за другим следуют восторженные отклики современников, которые подчеркивали «простоту», свободу и искренность стихов, их отдаленность от риторики, а также своеобразие державинского языка; в этой перспективе писать оды «по-старому» уже невозможно. Новая эпоха требует нового стиля, который и предложил державин [Ивинский, 2012, с. 86–92].

Таким образом, «Фелица» Державина предстает не изолированным «неслыханным новшеством», а практической реализацией принципов, сформулированных в журнальной среде рубежа 1760–1770-х гг. По-настоящему новая ода возникает в контексте новой литературной программы, выработка которой заняла около пятнадцати лет; важнейшую роль в этом сыграли Екатерина II и редакции ее журналов — «Всякая всячина» и «Собеседник любителей российского слова».

Муравьев же отреагировал на эти изменения еще в середине 1770-х, понимая все ограничения классической оды, искал свой путь, при этом он явно симпатизировал Ломоносову и сторонился Сумарокова; этим, по-видимому, нужно объяснить майковский «Сонет к Михаилу Никитичу Муравьеву» и «ответ» Муравьева в «Новых лирических опытах», который мы привели выше:

И бог Невы хоть нас, как мню, не позабудет,
Но более скорбеть о пении не будет,
Когда ты тщание свое употребишь,
Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
Как Сумароков всем к тому явил дорогу,
То пением своим, поверь, не согрубишь

[Майков, 1966 с. 305–306].

Логично предположить, что не надо убеждать в следовании Сумарокову сторонника или даже ученика классика; следовательно, антисумароковская позиция Муравьев беспокоила его старшего товарища (об отношении Муравьева к Сумарокову см. подробнее: [Ивинский, 2018]). При этом подчеркнем, что Муравьев, обыгрывая в «Новых лирических опытах» приемы известных авторов, во-первых, демонстрировал свое литературное мастерство и предъявлял претензию на роль большого поэта, а во-вторых, ярко раскрывал излишнюю «привычность», «шаблонность» давно всем известных образов, подчеркивая тем самым необходимость обновления жанра. Но Муравьев не «опускался» до прямой критики, как светский человек, он ограничился шуткой, поэтической шалостью, показывая друзьям и учителям, что «ученик» давно перерос своих менторов и может легко и остроумно обыгрывать их приемы.

В.Н. Топоров убедительно показал новаторство Муравьева-поэта: «Муравьев был достаточно чуток к веяньям нового и, безусловно, честен, чтобы не “подделываться” даже под великого Ломоносова. Продолжая его,

хоть и по нисходящей линии, Муравьев — и именно это нужно поставить ему в заслугу, во всяком случае с точки зрения истории русской поэзии — “расшатывал” созданный в России Ломоносовым одический канон. <…> Муравьев, возможно и не осознавая этого, работал, как тот крот, что прорывает под землей путь, который в следующем поколении выйдет наружу и, возможно, вскоре станет нормой, но новой» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 58]. Более того, как отмечал исследователь, «целый ряд од (номинальных) были далеки от всего того, что в то время связывалось со спецификой этого жанра, и даже противоречили ей» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 76]. Следует в целом согласиться с общим выводом Топорова о том, что Муравьев в 1770 гг. во многом «опередил время» и «предчувствовал» Державина. Справедливы также и рассуждения исследователя о размывании жанровых границ оды, которая теперь строилась как результат сложной контаминации образов, мотивов и приемов различных форм (идиллических, элегических) — «некиих иных — не одических — начал» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 76]. Однако при этом история русской оды не может рассматриваться линейно, ведь помимо или параллельно «новаторской» линии развития жанра вполне успешно существовала «традиционная»: ни Державин, ни Николев, ни Карамзин не отказывались от классических приемов восхваления императора. Яркий пример подобного подхода — публикуемая ниже «Ода третья. На торжествование мира 1775 г.» Муравьева, которая, очевидно, выпадает из концепции Топорова[82], так как является совершенно классической торжественной одой, которую могли бы написать и Ломоносов, и Сумароков, и Майков. Более того, как мы уже писали выше, ее поэтика напоминает тексты В. П. Петрова. Главный герой муравьевской оды — П. А. Румянцев, к нему неоднократно обращался автор:

[82] Ср. также: «<…> с принципиальным новаторством художественного метода Муравьева, очевидно, и была связана неудача с публикацией «Новых лирических опытов», равно как и последующих поэтических сборников» [Западов, 1999, с. 308].

Гремят военные раздоры,
Я там, Румянцов, зрю тебя,
Румянцов, россов предводитель,
Иль то Тифея победитель?

См также:

Румянцов, праздник сей прекрасный,
Румянцов дал нам сей покой;
Один промчался вопль согласной
Над славной Ингерской рекой.

Годом ранее, в 1775 г., Петров написал оду «Его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому»; кроме того, он тогда же напечатал свою знаменитую «Оду ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской на заключение с Оттоманскою Портою мира». Муравьев интересовался творчеством Петрова и позднее дорожил знакомством с ним (см. выше). Нет ни малейших сомнений в том, что Муравьев знал оды «карманного стихотворца» Екатерины II. Более того, в «Мыслях, замечаниях, отрывках» Муравьева Петров оказался в одном ряду с такими важными для него авторами, как А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. И. Майков: «Сказывают, что Сумароков ни о чем не говаривал чаще и лучше, как о стихах. Михайло Матвеевич говорил о стихотворстве с удовольствием <…> Василий Иванович Майков целой день бывал занят забавами общества и никогда не заговаривал сам о стихах. <…> Василий Петрович Петров, сколько я знаю, не говорит никогда о стихах. Но можно ль, делая их также множество выразительных и мастерских, об них не мыслить?» [Муравьев, 1820, с. 316–317].

Возвращаясь к концепции Топорова, мы хотели бы отметить, что дело отнюдь не только в том, что Муравьев был «реформатором», который

«прорывал» новый путь. С нашей точки зрения, остроумие Муравьева заключалось в том, чтобы показать, что внешне совершенно «традиционная» ода в духе Петрова, попадая в игровой контекст «Новых лирических опытов», могла прочитываться совершенно иначе: читатель мог воспринимать ее как демонстрацию возможностей и ограничений давно устоявшейся эстетики.

Муравьев не был первым, кто попытался приемами светского остроумия «остранить» классическую поэтику оды. Нам представляется, что он мог опираться на сочинения Вольтера 1760–1770 гг. Особенно его внимание должны были привлечь «русские» оды великого просветителя: «Galimatias Pindarique sur un carrousel donné par l'impératrice de Russie» (1766) и «Ode Pindaro-Eutraplique au sujet de la guerre présentée en Grèce, par le secrétaire du prince Dolgoruki, juin 1770». Как справедливо указала Т. И. Смолярова, «обе пиндарические оды Вольтера были напрямую связаны с российской историей и политикой, обе одновременно являлись и одами, и пародиями на оду» [Смолярова]. «Галиматья» и «Eutrapélie», т.е. остроумная шутка (подробнее см.: [Смолярова]), — приемы, которые Вольтер использовал для того, чтобы перестроить современную ему оду, а кроме того, переосмыслить известную дискуссию о Пиндаре, которая разделила Н. Буало и Ш. Перро, один из ключевых эпизодов спора о древних и новых.

Муравьев, как мы указывали выше, в 1770-е гг. активно прибегал к «галиматье» в своих письмах. Кроме того, Муравьев как образованный человек и как переводчик Буало прекрасно был осведомлен о споре древних и новых, более того, среди его рукописей, которые хранятся в ОР РНБ, находим упоминания знаменитой книги Ф. Блонделя «Comparaison de Pindare et d'Horace» [Blondel], а также сочинения Ж.-Ф. Вовилье «Essai sur Pindare» [Vauvilliers]. Написанная за год до «Поэтического искусства» Буало, работа Блонделя во многом сформировала репутацию Пиндара в конце XVII в. и предопределила многочисленные дискуссии по этому вопросу на рубеже веков [Смолярова]. Мы не знаем, как глубоко Муравьев погрузился в чтение

Блонделя: в библиотеке Муравьева эта книга отсутствует[83]. Книга Вовилье была написана практически на 100 лет позже и представляла собой не только историко-литературного эссе, но и опыт перевода произведений Пиндара. Ссылке на них в рукописи предшествует то ли выписка, то ли конспект Муравьева, озаглавленный «Перечень рассуждения об оде»[84]. Возможно, предполагался перечень рассуждений об оде, в котором сочинения Блонделя и Вовилье должны были быть не единственными. Этот замысел не реализовался, а небольшой текст (менее одной страницы), который сохранился, показывает интерес Муравьева к теоретическим проблемам современной оды: так, например, он выписал (по-своему переработал?) рассуждения об одическом восторге, о композиции и строфике. Этот «конспект», написанный, по-видимому, в промежутке между серединой-второй половиной 1770-х гг. и первой половиной 1787 г.[85], не находит прямого соответствия с текстами Блонделя и Вовилье. Возможно, это размышления самого Муравьева, навеянные чтением французских литераторов (см. ниже). С нашей точки зрения, не так важна степень оригинальности данного текста, сколько сам факт интереса Муравьева к подобным сюжетам. При этом спор о Пиндаре неминуемо подводил Муравьева к вопросу о другом классике русской литературы — В. К. Тредиаковском. Именно он в «Рассуждении об оде вообще», во многом вопреки французской традиции, «приравнял» Пиндара к Горацию: «Подлинно, Пиндар, лирический пиит на греческом языке, и Гораций, подобного ж искусства на латинском, толь совершенно писали оды, что желающий ныне в том иметь успех не может им не последовать» [Тредиаковский, с. 157][86]. И далее: «Они только одни умели сочинять столь чудесно, когда, чтоб изъявить разум свой, как будто б он был вне себя, прерывали с умысла последование своей речи и, дабы лучше войти в

[83] Благодарим за консультацию М. В. Ленчиненко.
[84] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 40.
[85] Так, например, на л. 37 об. рукописи находим пометку: «1778 года января 2» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37), на л. 40 он записал свой «конспект». А на л. 39 об. читаем заметку, помеченную 22 мая 1787 г. (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 39 об.).
[86] См. указанную выше работу Смоляровой. Другая точка зрения: [Алексеева, с. 128].

разум, выходили, буде позволено так сказать после Боало-Депрео, из самого разума, удаляясь с великим старанием от исправного порядка, который имел бы отнять всю соль, весь сок или, лучше, самую душу у лирической поэзии» [Тредиаковский, с. 157]. Муравьев относился к Горацию чрезвычайно серьезно, считал его едва ли не лучшим поэтом («<…> и сам Гораций, если бы он не был первой из Лириков» [Муравьев, 1820, с. 315]), много его переводил и воспринимал не просто как «классика», но как поэта, изучать которого необходимо, чтобы достичь успеха в современной словесности. Новатор и экспериментатор, Муравьев был «римлянином», глубоким знатоком и любителем античной культуры [Ивинский, 2021].

Вопрос об отношении Муравьева к Тредиаковскому требует изучения, однако отметим, что, несмотря на сомнительную репутацию, Тредиаковский оставался актуальным автором, к произведениям которого обращалась, например, Екатерина II [Ивинский, 2023, с. 55–65]. Если же вспомнить «антисумароковскую» позицию Муравьева, то обращение к текстам Тредиаковского не должно удивлять.

Итак, публикуемые в данной работе произведения Муравьева позволяют приблизиться к реконструкции авторского замысла «Новых лирических опытов», который, с нашей точки зрения, состоял в том, чтобы переосмыслить современную ему одическую традицию и наметить пути реформирования жанра. Каждая ода представляла собой опыт игрового, пародийного обыгрывания приемов какого-то известного автора в диапазоне от Ломоносова, Хераскова и Петрова до Хемницера и Львова; при этом молодой поэт по-своему учитывал опыт Тредиаковского, которого, по-видимому, считал до некоторой степени актуальным писателем. Так Муравьев предъявлял претензию на роль крупного современного поэта и показывал, что привычные образы и приемы устарели. Создавая свои сложные оды-пародии, Муравьев ориентировался на «русские» оды Вольтера, написанные в 1760–1770 гг. Мы не знаем, почему Муравьев не напечатал свой цикл, может быть, он не нашел понимания у своих старших друзей, может быть, он оказался не

удовлетворен результатом. В любом случае перед нами крайне любопытная страница в истории русской оды, и она позволяет усложнить наши представления о функционировании жанра в России. Полный текст известных нам од, относящихся к данному циклу, и «Рассуждения» см. в Приложении 2.

§3. «Живописец»: история текста и проблематика

В данном разделе предпринят опыт реконструкции истории текста стихотворения Муравьева «Живописец» (1778). Это произведение во многом уникально; как указал В. Н. Топоров, лишь «однажды стихотворный текст у Муравьева специфицируется как сказка — «Живописец. Сказка» (1778)» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 88]. Рукописи поэта, как мы уже неоднократно отмечали, рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга, не стали исключением и редакции данного произведения. Но прежде чем перейти к их характеристике, приведем уже известный текст (далее — <А>):

<А>

Живописец

Сказка

1778.

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
Такой, в котором сам учитель открывал
Всечасно новое, таившесь дарованье:
Во граде, коего запомнил я названье,
Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем прекрасном упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь мать свирепую любовей изъявлял,
Вкруг резвятся любови.
Там бога Фракии грядуща представлял —
Лиются токи крови.
Цари любуются зреть кисть в его руках,
Дивятся мудрецы, и знатоки толкуют,

Завистники в углу и шепча критикуют,
Богач на Гектора взираючи в очках
Едва жалеет о мешках.
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача;
Но все ль бы я сказал довод сей умолча?),
Нет девушки на этом несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Владычества того владетель,
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И может быть таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились;
Не мнил унизиться влеченью повинуясь
Предупрежденныя души своей к нему,
И кисти нежныя твореньями любуясь
Творца их пригласил к общенью своему,
В свои чертоги ввел: дал место в приближенных,
Где тысящи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его;
Уединения не руша самого.
Сначала мнил свою он душу омраченну.
Ее к самой себе возврату ожидал.
Оставив часто речь в средине пресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал;
Но дар упрямился, когда он принуждал.
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,

Что дарованья он терпел изнеможенье.
И се уж разум гас, и цвет лица поблек,
И медленно его ко гробу влек
Недвижимости сон и чувствие упадка.
В своих рисунках взор питает каждый день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды вшед к нему во храмину сей Князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременясь,
Вкушающа слезу, что вдоль ланиты тает:
Завидующего руки своей чертам.
Когда же, разлиясь, отрады упоенье
Прешло в успокоенье
И душу забавлять оставило мечтам,
Он царя[87] зрит: его колена он объемлет
И ежели твой слух несчастных стону внемлет,
Неблагодарного ты жалобы прости,
Над коим погубил ты столько даров счастья,
Не могши ничего чрез них произвести,
Как только бедного лишить его пристрастья.
Оно вся жизнь моя.
Ты дал мне злато, честь, пожаловал досугом,
Из низкой хижины извел и назвал другом.
Но в хижине писал сию картину я.
Воззри, какая разность!
Сокровища пришли и дар меня убег!
Послуша тя чресчур я роскошей и нег

[87] В журнальной версии именно так: «Он царя зрит»; Л. И. Кулакова, видимо, случайно изменила «царя» на «князя» [Муравьев, 1967, с. 175].

И к сердцу допустил отмщающую праздность.
Ах! я за то плачу!
Другим веселья, честь и общества угодны:
Мне труд, и легка кисть, и зрелища природны.
Зачем я жребия другого захочу?
Коль смею, государь, твою воспомнить нежность;
Возьми сокровища сей блеск, сию мятежность,
Возьми прочь роскоши, от коих признаюсь,
С жаленьем расстаюсь.
Отдай мне бедность ты, отдай мою прилежность.
Все пышности сии, не буди прогневлен,
Сравняются ль чертой с малейшею корыстью,
Я кои похищал из недр природы кистью?
И их вкусил ли я? был только удивлен.
Ах! есть ли кто-нибудь, кто б не был ослеплен?
Скончался разговор обоих умиленьем,
Простерты руки их друг друга обняли,
И слезы их текли.
И не поставил царь сих чувствий преступленьем.
Повествование сказует нам потом,
Что в хижине нашел художник дарованье,
Что часто царь к нему украдывался в дом
И живописец ввек не сожалел о том,
Что дара своего исполнил он призванье

[Муравьев, 1779, с. 373–378][88].

Попробуем рассмотреть творческую историю данного текста, ориентируясь на доступные нам рукописные редакции.

[88] Л. И. Кулакова напечатала «Живописца» именно по этому изданию [Муравьев, 1967, с. 173–175].

Не учтенный до сих пор автограф «Живописца» (далее — <Б>) находится в «Записной книге» Муравьева[89]. Это ранняя редакция произведения, о чем свидетельствует, во-первых, тот факт, что Муравьев, набрасывая этот текст, не определился еще с его жанром: здесь он обозначен как басня. <Б> не датирован, однако мы можем высказать гипотезу о времени его написания: этот текст — часть «журнала» «Услаждение скуки», который помечен 1775 г.[90] В целом выглядит логичным, что поэт, в 1773 г. издавший книгу басен, вновь вернулся к этой форме и продолжил работать в привычной манере. Если это так, то можно предположить, что изменение жанрового подзаголовка должно было стать маркером изменения культурного контекста и литературного окружения. Из переписки Муравьева мы знаем, что новая жизнь для поэта началась в 1776 г. — после переезда в столицу, поступления на военную службу и знакомства с ведущими поэтами эпохи, в первую очередь, с М. М. Херасковым, В. И. Майковым, В. П. Петровым и др. (об этом подробнее см. выше). С их помощью, Муравьев, возможно, обогатил свое представление и о литературной сказке, которая, как хорошо известно, была исключительно распространенной формой во второй половине XVIII в.

Во-вторых, еще одним свидетельством в пользу раннего происхождения <Б> служит ее объем. Так, «басня» обрывалась на 55 строке стихотворения, в окончательной же версии их 96. Напрашивается вывод о том, что это первая или, по крайней мере, одна из первых редакций «Живописца».

В-третьих, обратим внимание на характер правки от <Б> к <А>: Муравьев последовательно модернизировал язык своего произведения, избавляясь от устаревших или просто неудачных конструкций. Все варианты мы выделили в представленном ниже тексте курсивом, сейчас же остановимся на одном примере.

Вот вариант из <Б>:

[89] ОР РГБ. Ф. 178. № 11161.1. Л. 51

[90] «Записная книга» — сложно устроенная рукопись: Муравьев часто возвращался к ранним стихотворениям, правил их, дополнял, на полях записывал новые сочинения. Однако в данном случае никаких правок не было.

Оставя никогда он речь непресеченну
Уединялся, кисть без пользы утруждал
Но дух сей прежних черт, сих черт уж не рождал
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.

А вот итоговая редакция <А>:

Оставив часто речь в средине пресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал:
Но дар упрямился, когда он принуждал.
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.

Мы видим, что Муравьев значительно отредактировал этот кусок текста: так, например, в первой строке он в целом перестроил фразу и убрал двойное отрицание «никогда… не». В третьей строке Муравьев избавился от действительно кажущегося излишним повтора «дух сей прежних черт, сих черт…». Таким образом, эти соображения позволяют нам высказать осторожное предположение, что редакция «Живописца» в «Записной книге» была первой и могла быть написана в 1775 г. (мы выделили курсивом отличия <Б> от <А>).

<Б>

Басня Живописец

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
Такой, в котором сам учитель открывал
Великой мастер сам с восторгом дарованье,
Во граде, коего запомнил я названье,

Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем *прелестном* упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь *душ царицу* изъявлял,
Вкруг резвятся любови.
Там Марса представлял,
Лиются токи крови.
Князья любуются зреть кисть в его руках,
Богач на Гектора взираючи в очках
Не мыслит о мешках;
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача,
Но я б не всё сказал, довод сей умолча:
Не сыщешь девушки, на этом несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Того
Княжения владетель
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И, может быть, таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились,
Не мнил унизиться, влеченью повинуясь
Предупрежденныя души своей к нему
И кисти нежныя твореньями любуясь
Творца их *приобщил*
Чертоги разделил: дал место в приближенных,
Где тысящи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его,
Уединения не руша самаго.

Сначала мнил свою он душу омраченну.
И возвращения ея он долго ждал
Оставя никогда он речь непресеченну
Уединялся, кисть без пользы утруждал
Но дух сей прежних черт, сих черт уж не рождал
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
Стал гаснуть луч ума и цвет лица поблек
И медленно его ко гробу влек
Недвижимости сон и чувствие упадка
Своим рисунком взор питает каждый день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды вшед к нему во храмину сей князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременясь,
Вкушающа слезу, что вдоль ланиты тает
Завидующаго руки своей чертам[91].

Еще одну редакцию «Живописца» находим в фонде Д. И. Хвостова в РО ИРЛИ (далее — <В>). Нам представляется, что она могла быть написана позже <Б>, вероятнее всего, в 1778 г. Несмотря на то что в ней отсутствуют название и жанровый подзаголовок, объем рукописи практически совпадает с финальным вариантом: 101 строка вместо 96. Возможно, редактируя <В>, Муравьев и создал окончательную версию. Показательно, что последние 9 строк стихотворения были набросаны уже после переписывания текста набело

[91] Муравьев М. Н. Записная книга. Л. 51.

для отправки Хвостову: они написаны другими чернилами и менее четким почерком, что явно указывает на спешку автора, которого, возможно, в последний момент посетило вдохновение.

Рукопись без даты, среди бумаг Хвостова, расположена рядом с недатированным же письмом Муравьева, содержание которого, однако, позволяет понять, когда оно писалось, ср.: «Мне давно хотелось исполнить мое обещание прислать вам четвертую часть трудов нашего собрания; наконец я его исполняю. Если мне позволено говорить за то, что тут помещено моего, то я прошу вашего внимания только для IV и VI пьесы»[92]. Очевидно, речь идет об «Опыте трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете», в четвёртой части которых в 1778 г. Муравьев напечатал «Жалобы музам», «Эпистолу к Н. Р. Р.***», «Рощу», «Горациеву девятую оду книги первой к Талиарху», «Его же первую на десять оду книги первой к Левконое» и «Письмо Горациево к Виннию Азелле».

Таким образом, у нас есть косвенное свидетельство в пользу того, что <В> могла быть написана также в 1778 г. или по крайней мере непринципиально раньше.

В любом случае <В> отражает следующий этап работы над произведением: мы видим, что текст <Б> подвергся существенной стилистической правке, при этом она явно носила промежуточный характер, так как в финальную версию были также внесены корректировки (мы выделили курсивом отличия <В> от <А> и жирным шрифтом — от <Б>); кроме того, как мы уже указывали выше, <В> был расширен практически вдвое по сравнению с <Б>.

<В>

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
В котором каждой день учитель открывал

[92] Хвостов Д. И. Рукописный сборник // РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 40. Письма Муравьева к Хвостову см. ниже.

До сель и от него **таившесь** дарованье,
Во граде, коего запомнил я названье,
Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем **прекрасном** упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь душ царицу изъявлял,
Вкруг резвятся любови.
Там Марса представлял,
Лиются токи крови.
Князья любуются зреть кисть в его руках,
Дивятся щеголи **и знатоки толкуют**,
Завистники в углу и шепча критикуют,
Богач, на Гектора взираючи в очках,
Не мыслит о мешках.
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача,
Но всё ль бы я сказал, довод сей умолча?),
Девицы нет, на это несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Того
Княжения владетель,
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И, может быть, таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились,
Не мнил унизиться, влеченью повинуясь
Предупрежденныя души своей к нему
И кисти нежныя твореньями любуясь,
Творца **их пригласил к общенью своему**.

Чертоги разделил: дал место в приближенных,
Где тысящи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его,
Уединения не руша самого.
С начала мнил свою он душу омраченну.
И возвращения ея он долго ждал
Оставив часто речь свою непресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал;
Но **ум привычных** черт, сих черт уж не рождал
Покинула его сия волшебна сила,
Котора наплатно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
И се уж разум час и цвет лица поблек,
И медленно его ко гробу влек
Отчаяния сон и чувствие упадка.
В своих рисунках взор питает каждой день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды вшед к нему во храмину сей князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременясь,
Вкушающа слезу, что вдоль ланиты тает
Завидующаго руки своей чертам.
Когда же разлиясь отрады упоенье
Прешло в успокоенье
И душу забавлять оставило мечтам,
Он князя зрит; его колена он объемлет,
И ежели твой слух не втуне бедных внемлет,

Неблагодарного роптания прости,
Над коим погубил ты столько даров щастья,
Не могши ничего во мне произвести,
Как только бедного лишить его пристрастья.
Оно вся жизнь моя.
Ты дал мне злато, честь, пожаловал досугом,
Из низкой хижины извел и назвал другом.
Но в хижине писал сию картину я.
Воззри, какая разность!
Сокровища пришли и дар меня убег!
Послушался чрез чур я роскошей и нег
И к сердцу допустил отмщающую праздность.
Ах! я за то плачу!
Другим утехи, лень, сообщества угодны;
Мне труд, и легка кисть, и зрелища природны.
Зачем я жребия другого захочу?
Я смею нарицать твою мне в помочь нежность,
Возьми сокровища, оставя неизбежность;
Возьми прочь роскоши, от коих, признаюсь,
С жаленьем расстаюсь.
Отдай мне бедность ты, отдай мою прилежность.
Все пышности сии, не буди прогневлен,
Сравняются ль чертой с малейшею корыстью,
Я кои похищал из недр природы кистью?
И их вкусил ли я? был только удивлен.
Ах! есть ли кто нибудь, кто б не был ослеплен?
Пусти меня. Авось в уединенье,
Я прелести сыщу опять во упражненье.
И нравов простота и долг и нужда жить,
За мною будут бдеть и могут вкус вложить.

Скончался разговор обоих умиленьем,
***Смешенны* руки их друг друга обняли,**
И слезы их текли.
И не поставил царь сих чувствий преступленьем.
Повествование сказует нам потом,
Что в хижине нашел художник дарованье,
Что часто *Князь* к нему украдывался в дом
И живописец ввек не сожалел о том,
Что дара своего исполнил он призванье[93].

Теперь остановимся на проблематике данного произведения, которое занимало Муравьева сравнительно долгое время и оказалось одним из немногих опубликованных им текстов. Л.И. Кулакова высказала гипотезу, согласно которой «Живописец» был знаком отхода Муравьева от одической поэтики и при этом отражал его новую идеологическую позицию: «Не принял Муравьев и официальных требований воспеть “мать отечества” и благоденствие ее подданных. И ранее не любивший оды, он после 1775 года перестает писать их совсем, с возмущением говорит о “подлой лести” В. Рубана, который написал оду очередному фавориту Екатерины II, о том, что Рубан достоин презрения. “Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства”, — замечает он в дневнике. Муравьев не приходит к “омерзению стихотворства”, но через некоторое время он пишет сказку “Живописец” (1778), посвященную мысли о необходимости полной творческой свободы в искусстве. Приближаясь даже к благожелательно настроенным “великим и сильным”, художник теряет дарование» [Муравьев 1967, с. 25]. Л.И. Кулакова в данном случае явно апеллировала к построениям Г.А. Гуковского и пыталась включить Муравьева в число «фрондеров», бросивших вызов двору и Екатерине II. Дело не только в том, что биография и творчество Муравьева не дают для таких предположений никаких оснований,

[93] РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 38–39 об.

но и в том, что сам текст произведения, очевидно, им противоречит. Муравьев, прекрасно чувствовавший идеологическую конъюнктуру, создал стихотворение, которое легко вписывалось в контекст культурной политики Екатерины II (напомним в связи с этим, что всего через несколько лет Муравьев напечатает несколько текстов в ее «Собеседнике любителей российского слова», затем станет учителем великих князей Александра и Константина Павловичей и потратит много времени на усвоение и реинтерпретацию исторических и лингвистических трудов императрицы (об этом см. ниже).

Муравьев посвятил «Живописца» взаимоотношениям художника и власти; при этом сама модель меценатства нисколько не ставилась под сомнение, напротив, люди вроде Козимо Медичи назывались «благодетелями», их роль трудно переоценить, ведь «по гласу» их «науки родились». Горацианская[94] по своей природе проповедь ограниченной и спокойной жизни на лоне природы, в «хижине», не должна вводить в заблуждение: разумеется, это не «сатира», как казалось Л.И. Кулаковой, а, напротив, утверждение позиции, толерантной к придворной этике. Художник выполняет важнейшую функцию — сохранения памяти о славе царей, но его место за холстом, а не во властных коридорах. Концовка этого текста очень продуманна и политически выверена, возможно, поэтому он не сразу пришел к этой формуле, но, найдя ее, решил напечатать весь текст и остался им доволен: живописец «исполнил» свое «призванье», а царь иногда наведывался к нему, чтобы насладиться произведением искусства. Гармония восстановилась: у каждого в сложно устроенном придворном мире своя роль, и не нужно даже пытаться выходить за пределы своего социального амплуа:

Повествование сказует нам потом,
Что в хижине нашел художник дарованье,

[94] Напомним, что Гораций — один из любимейших поэтов Муравьева, которого он много переводил (см. подробнее ниже).

Что часто царь к нему украдывался в дом
И живописец ввек не сожалел о том,
Что дара своего исполнил он призванье.

Итак, «Живописец» — одно из ключевых произведений Муравьева 1770-х гг., в котором он высказал целый ряд важных для него идей и расписался в верности придворной политике Екатерины II. Благодаря материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ мы попытались реконструировать, хотя бы в первом приближении, ход работы поэта над этим текстом: приступил он к нему, скорее всего, в 1775 г., вторую редакцию написал в 1778 г., а в 1779 г. напечатал итоговый вариант в «Академических известиях».

§4. «Записная книга» Муравьева как источник текста его лирических стихотворений 1770 – 1790-х г.

Муравьев — поэт сложный, судьба его литературного наследия парадоксальна. С одной стороны, он был признан современниками и потомками, его литературная биография, обширная переписка, драматургия, переводы, в несколько меньшей степени лирика много и плодотворно изучались, с другой же — бóльшая часть обширного корпуса его стихотворений остается несобранной и неопубликованной. То же, что издано[95], выглядит случайной выборкой, лишь самым приблизительным образом раскрывающей его жанровый диапазон, его стиль, эволюцию его представлений о возможностях поэзии. Отчасти это объясняется некоторыми особенностями литературного поведения Муравьева: он печатался очень мало и избирательно[96], предпочитая кропотливую работу со словом спешке и не пытаясь самоутверждаться на литературном поприще. Существуют и внешние обстоятельства, затрудняющие работу исследователей: рукописи поэта рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга, и полное и систематическое их исследование по-прежнему остается актуальной задачей.

Один из важнейших источников для изучения поэтического наследия Муравьева давно известен. Еще в 1990 г. Л.И. Алехина подготовила профессиональное описание конволюта, который хранится в ОР РГБ [Алехина, 1990]. Он состоял из восьми «журналов», наполненных десятками стихотворений 1770-1800 гг. Как справедливо указала Алехина, «ни в одной из известных рукописей поэтическое наследие Муравьева не представлено с такой полнотой» [Алехина, 1990, с. 11]. Действительно, речь идет о сотнях

[95] В так называемое «Полное собрание сочинений» (Ч. 1-3. СПб., 1819-1820) В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков включили только 26 стихотворений. В дальнейшем это издание было дважды повторено А. Смирдиным — в 1847 и 1856 гг. (оба раза — в двух томах). До сих пор главное издание стихотворений Муравьева — это том «Библиотеки поэта», подготовленный Л.И. Кулаковой (Муравьев М.Н. Стихотворения / Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Л.И. Кулаковой. Л., 1967 [Библиотека поэта: Второе издание]).

[96] При жизни вышли следующие издания: «Басни. Книга 1» (СПб., 1773), «Переводные стихотворения» (СПб., 1773), «Петрония Арбитра «Гражданская брань» (СПб., 1774), «Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою» (СПб., 1774), «Военная песнь» (СПб., 1774), «Оды» (СПб., 1775), «Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина, приключившуюся сего генваря 14 дня» (СПб., 1791).

произведений самых разных жанров. Несмотря на то, что известна эта рукопись более 25 лет, использовали ее очень ограниченно. Показательно, что информация о данном конволюте не попала в каталог ОР РГБ и долгое время он не имел архивного шифра; сейчас ситуация улучшилась, но лишь отчасти: у рукописи есть официальное название и шифр[97], однако в каталоге она по-прежнему не значится. Впрочем, судя по листу использования, это не помешало к ней обратиться таким известным ученым, как Лаура Росси, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.И. Любжин, А.Н. Пашкуров и др. Алехина подробно описала ее состав и, хотя не ставила перед собой публикаторских задач, напечатала пять произведений Муравьева [Алехина, 1990, с. 80-85]. Затем к данной рукописи обращалась Р.М. Лазарчук, давшая общий очерк вологодского периода творчества поэта [Лазарчук, 1999] и проанализировавшая (вместе с Ю.Д. Левиным) его перевод из «Гамлета» [Лазарчук, Левин, 1999]. Сравнительно недавно Л. Росси обратилась к этим материалам и опубликовала статью, посвященную любовной лирике Муравьева [Росси, 2015].

С нашей точки зрения, данный конволют со всей неизбежностью ставит вопрос о подготовке нового собрания стихотворений Муравьева. Дело не только в том, что мы находим в нем десятки вариантов и редакций уже известных текстов, но и в огромном количестве неизвестные произведения. Этот материал еще предстоит прокомментировать и издать, но уже сейчас ясно, что его введение в научный оборот приведет к необходимости скорректировать как многие частные интерпретации муравьевских текстов, так и общую концепцию творческой эволюции поэта.

«Записная книга» исключительно сложна для анализа. В ней можно выделить несколько «пластов».

[97] Муравьев М.Н. Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771-1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. В дальнейшем ссылки на данный источник приводятся в тексте с указанием листа рукописи.

Первый – та часть этих восьми «журналов», из которых состоит «книга», которая составлялась, согласно пометам автора, с 1771 по 1780 гг. Приведем авторские заголовки: «Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года» (только в нем около 300 стихотворений), «Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год» (более 40 произведений), «Журнал на 1776 год» (около 140 текстов), «Стихотворения с 1779 года в июле в Санктпетурбурге» (40 стихотворений), «Mesetudes…helas! 1780 года», «1780 года. Покушение исправиться», «Упражнения души. Тверь 1780 года в марте», «Lesillusionsle 1 d. aout. 1780 Tver» (все 4 журнала 1780 г. исключительно небольшие по размеру — от 3 до 6 листов)[98].

Второй – поправки, дописывания, новые тексты, относящиеся к более позднему времени. Насколько можно судить, Муравьев на протяжении 1770-1790 гг. неоднократно возвращался к этим «журналам», пересматривал и редактировал включенные в них тексты, возможно, обдумывая возможность их издания.

Перед нами важнейший источник данных по истории формирования корпуса ранней лирики Муравьева, дающий возможность разграничить различные редакции и учесть варианты: на полях «журнальных» листов он записывал новые стихотворения, часто наскоро, тут же редактируя их или, напротив, оставляя их неоконченными. Так сложилась уникальная форма поэтического журнала, в которой старое переплетено с новым, юношеские опыты с решениями зрелыми, первые пробы пера с работами состоявшегося мастера.

Судя по всему, Муравьева такое соседство разновременных и разнокачественных текстов нисколько не смущало. Возможно, даже напротив: называя свои тетради «журналами», т.е. дневниками, он воспринимал их как принципиально новую и единственно адекватную своей творческой манере

[98] Об этом подробнее см.: [Алехина, 1990].

форму объединения созданных им произведений в динамическом единстве постоянно пополняемого и поправляемого сборника, форму очень личную, смыкающуюся до неразличения с дневником, фиксирующим творческую биографию[99]. Не исключено, что Муравьев не печатал своих стихов именно потому, что традиционная форма поэтического сборника его принципиально не устраивала, поскольку она не давала ему возможности так же естественно и прочно соединить свою жизнь со своей литературной деятельностью.

***

Рассмотрим некоторые тексты, опубликованные Л.И. Кулаковой и в течение нескольких десятилетий рассматривающиеся de facto как твердо установленные и вместе с тем осмысленные в контексте их творческой истории.

Вот начало стихотворения Муравьева «Слава России», которое Кулакова опубликовала по списку ОПИ ГИМ [Муравьев, 1967, с. 343]:

Воззри, вселенная, на Лавровы венцы,

Снесенны россами во все земны концы:

К Алфею с Невских струй, от Селенги до Истра —

И, меряя полет их шествованья быстра,

Познай преемников и римлян и ахей.

Россию приучись красою чтить своей.

Россия нив своих плодами изобильна,

Она народа мать великодушна, сильна,

Который чуждых уз неволю разорвал,

[99] Об этом см. подробнее: [Лазарчук, 1999].

Из зол волнения величествен восстал<…>

[Муравьев, 1967, с. 187].

В «Записной книге» находим более ранний вариант этого текста:

Стихи на победу одержанную 1770 года Июля 21 дня писанныя тогож году в городе Архангельском

Воззри вселенная на Росския венцы
Известны изкониво в земные все[100] концы:
Воззри на праотцев, на дальну Росску древность,
Познай в потомках их похвальную ту ревность,
Которою они к Монархине горят,
И все за отчество на злую смерть летят.
Познай с усердием их храбрость сопряженну.
Как грозный злобится и стонет исполин,
И в сердце, естества грозит разрушить чин,
Ревет и гор верхи великих разторгает
И мнит, что он уже Зевеса низвергает.
Так яростью своей прельщенной оттоман,
Хвалился гибель ввесть в средину Росских стран.
Подвигнул пред собой разбойников Таврийских,
И брани знак вознес во блатах Меотийских

(Л. 3).

Как видим, это произведение по-другому называлось; кроме того, Кулакова относила его ко второй половине 1770-х гг. [Муравьев, 1967, с. 189], мы же теперь можем уточнить его датировку: работа над ним началась не позднее июля 1770 г. Содержится в «Записной книге» и более поздняя редакция пьесы, написанная другими чернилами и беглым почерком. Местами чтение

[100] Первоначальный вариант: все земны<е>.

рукописи сильно затруднено, однако можно утверждать, что этот вариант максимально приближен к списку ОПИ ГИМ[101], по которому Кулакова публиковала данный текст.

Текст стихотворения «Ночь» до сих пор оставался неполным. Кулакова приводит его вариант по рукописи РНБ:

В любезной тишине погасла мысль моя,

Отринулась душа моя от бытия.

Спокойство, сон, мечты, мрак, тихость томной ночи

Со мною приседят, мои смыкая очи.

Воображение, полет свой отложив,

Мечтует тишину, со мною опочив.

Так солнце, утомясь, на западе блистает,

Умаясь, мечет луч и блеск свой отметает.

Но что я говорю? Сия овечка дремлет,

Лежа на мураве, не знаю, что-то внемлет;

Не сей ли плеск ее внимание привлек,

Иль томный ручеек отсюда недалек?

Кустарник, что при нем листы свои качает,

Повсюда образ свой в струях его встречает.

И он теперь молчит и, мнится, не течет,

Окроме как когда зефир его влечет,

Когда его струи собой отяготятся

И, зажурча, на низ друг с дружкой покатятся.

[101] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 154. Л. 4 об.-5.

И я тягчусь с волной...

[Муравьев, 1967, с. 313].

Здесь текст обрывается; в рукописи ОР РГБ находим завершающий фрагмент данной редакции:

И я тягчусь с волной… обремененный взор,

Ни сих не видит рек, ни сих не видит гор…

Но кое пение мои пронзает уши,

Здесь дремля соловьи пленяют наши души:

Все спит, лишь ты не спишь, весенний проповедник.

(Л. 25 об.).

Встречаются и более сложные случаи, когда «Записная книга» дает более пространные редакции. Вот, например, стихотворение «Несчастье», которое Кулакова печатала по варианту, опубликованному посмертно, в 1810 г., в «Вестнике Европы»:

Единым манием вселенну управляет

Источник правды, бог, всесильный, всеблагой;

Но добрых иногда несчастье оскорбляет

И злобою своей корыствуется злой.

Кто знает, может быть, в руках твоих, содетель!

Несчастье способ есть возвысить добродетель?

[Муравьев, 1967, с. 244; указание на первую публикацию: с. 353].

Вариант «Записной книги» сильно отличается, здесь больше деталей, сложнее композиция, угадывается набор перекликающихся мотивов, однако очевидно, что перед нами принципиально иная (и значительно более ранняя) редакция, дающая, в сущности, другое произведение под тем же заглавием:

Нещастие

На свете сем чия, рука судьбиной правит?

Конечно некий Бог свою всемощность славит:

Он есть, он зделал все, конечно он велик,

И должен прославлять Его всех смертных лик.

Он жизнь нам даровал и он ее отъемлет,

Но я внимаю стон и слезы человек:

Бог щедр и милосерд: а сих нещастлив век.

Бог любит всех равно и судит без пристрастья,

Печальных <?> бед, тот жертвой есть нещастной.

О мудрой суд небес! ты нам не постижим,

Хотяб могли постичь, тебя не избежим.

Одна нас пред тобой повинность оправдает,

С надеждой вера нас, в напастях утверждает,

Не тот щастливо жил, чей был преславен век,

Но тот кто был всегда честнейший человек,

Да будет, Господи! твоя святая воля,

Тебе послушну быть, моя есть только доля.

[Л. 26 об.].

Басню «Волк и лисица» Кулакова напечатала по списку ОПИ ГИМ и при этом привела вариант по печатному изданию «Басен» [Муравьев, 1967, с. 65-66, 294-295]. В «Записной книге» содержится более лаконичная и, насколько можно понять, существенно более ранняя и при этом вполне завершенная редакция:

Волк и Лисица

Лисице может ли приятелем быть волк,

О том неравный толк.

Но если зделать льзя по нравам заключенье,

Так тот кто бедных куриц бьет,

Быть может дружен с тем, кто кровь овечек пьет.

По крайней мере так случилось в похожденье,

Которо разсказал Фонтень передо мной.

В леску, поблизости спокойна сельска крова,

Волк встретился с Лисой.

Здорова, волк. — Лиса, здорова.

Каков твой промысл? — Что, я бросить уж готова

Опасности везде, а пользы никакой.

Всегда принуждена за курами скитаться.

Мне скучилось тайком в курятники входить.

Вернее моего ты можешь пропитаться[102]:

Пожалуй научи меня овец ловить,

[102] Первоначальный вариант: «И лучше и верней ты можешь пропитаться».

За милость я тебе потщуся услужить.

Наш волк согласен.

Так соглашается злокозненной Министр приводить

С вождем, которой пасть на легку добычь быстр.

[Л. 28].

«Избрание стихотворца» Кулакова печатала по рукописи РНБ:

Природа, склонности различные вселяя,

Одну имеет цель, один в виду успех:

По своенравию таланты разделяя,

Путями разными ведет ко счастью всех.

Глас трубный одному на бранном поле сроден,

Победы шумной клик и побежденных стон;

Другому сельский кров и плуг косой угоден

И близко ручейка невозмущенный сон.

Я, блеском обольщен прославившихся россов,

На лире пробуждать хвалебный глас учусь

И за кормой твоей, отважный Ломоносов,

Как малая ладья, в свирепый понт несусь.

[Муравьев, 1967, с. 143].

В «Записной книге» этот текст имел другое название, а также был длиннее на целую строфу; кроме того, третья строфа, в свою очередь, стала результатом правки (отвергнутые автором варианты здесь и далее приводим в квадратных скобках):

Ода I.

Природа склонности различны нам вливая,

И разныя дары всем нам разпределяя,

Спешит к единому предмету всех вещей,

Чтобы блаженными всех зделать тем людей.

Иному трубный глас на бранном дне угоден

Иному Тишины возлюбленной зрак сроден,

Иной среди морей проводит весь свой век

Иной испытует что то есть человек?

Меня ни трубный глас, ни суд ниже правленье[103],

Ни Океанских вод порывисто стремленье[104],

Пленить не могут так, чтоб устремить весь ум,

[И не надеясь] К познанию себя потребна твердость [моих] дум.

[103] Первоначальный вариант: Но мне ни трубный глас, ни суд ниже правленье.
[104] Первоначальный вариант: Ни Океанских мне вод бурное стремленье.

Но стихотворческим огнём дух воспаленной

Как маленькой челнок в пучине разъяренной <?>

Далеко от предел и разума брегов,

Дум вал страну несет в другую водный ров.

[Л. 7 об.].

Достаточно сложная история у давно известной «Оды на случай Кагульския битвы». Редакция «Записной книги» в целом совпадает с печатной редакцией оды, которую использовала Кулакова [Муравьев, 1967, с. 327]. Однако есть важные отличия. В «Записной книге» иначе читается первая строфа, некоторые строки которой Муравьев использовал в последней строфе печатного варианта:

Тобой мой дух воспламенился,
Премудрый храбрых вождь полков!
Я славой дел твоих пленился,
Возшедшей выше облаков.
И се священныя судьбины,
Со именем Екатерины,
Тебя гласят, великий муж!
Твои дела пребудут громки,
И нарекут тебя потомки,
В числе Иройских славных душ.

[Л. 23].

Далее идут первые пять строф, полностью совпадающих с печатной редакцией; шестая и седьмая строфы в рукописи отсутствуют, а последняя, как и первая, дает текст, не совпадающий с печатным:

Уже пошли, уже достигли,
Уже прогнали сопостат,
Уже Россияне воздвигли,
Свои знамена на раскат.
Горит победа жарка сеча,
И обезглавленные плеча,
Бегут испуганных Срацин;
Дунай с Кагулом взволновались,
Теснясь в валы их покрывались,
Бежа полки их от судьбин.

[Л. 23 об.].

Хорошо известны послания Муравьева к И.П. Тургеневу, с которым поэта связывали многолетние дружеские отношения. Кулакова опубликовала два текста: «Дружба. К Ивану Петровичу Тургеневу» и «Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу» [Муравьев, 1967, с. 83-84, 114-116][105]. В «Записной книге» находим еще два послания, что позволяет говорить о сложно организованном «тургеневском цикле» Муравьева.

Сонет к И.П. Тургеневу

Взведи на ум себе прешедши времена,
Тогдашния, со мной забавы вспоминая,
Тургенев! в свете сем нам кратка жизнь дана,
И скоро коснемся сея мы нити края.
Погибнут наконец все смертны племена,
И мы окончим век, впоследни возстоная,

[105] В.Н. Топоров перепечатал и проанализировал эти тексты: Топоров, 2001-2007, 2, с. 560-572.

И будет аки тень, или подобье сна,

Та жизнь котору мы ведем себя не зная

Судьбами сочтены дни века моего,

И ведать не дано конца нам своего,

И како бысть сей, тлен, вместилище душевно.

Презрим любезный друг! страх грядущих дней,

Да будет дружба нам отрадой жизни сей,

И будет наше нам кончанье не плачевно

[Л. 21 об.].

Второй «тургеневский» текст, вполне вероятно, остался незавершенным и был брошен автором (во всяком случае в рукописи он перечеркнут):

Ода к И.П. Тургеневу

Юных дней моих свидетель,
О Тургенев! о мой друг!
Ты которой добродетель
Паче всяких чтишь заслуг.
Что в училище быв сверстник,
Стал души моей наперстник,
И судья души моей;
Коль тебя просить я властен,
Так не будь во мне пристрастен,
Будь лишь только судией.

[Л. 29].

Другой муравьевский цикл — произведения, посвященные А.М. Брянчанинову [см. также: Топоров, 2001-2007, 2, с. 572-607]. Всего их около десяти; здесь рассмотрим три.

Во-первых, выделим «Оду вторую к А.М. Брянчанинову». Кулакова опубликовала печатный вариант этого произведения [Муравьев, 1967, с. 332] и датировала его 1775 г. «Записная книга» дает более ранний вариант, созданный в конце марта 1774 г. Есть и другие расхождения: в первой строфе рукописной редакции обнаруживаем «лишнюю» последнюю строку, дающую завершение рифмического ряда (выделена графически нами):

1774 года 25 марта

Ода к А.М. Брянчанинову

Сколько крат ни вспоминаю

Я в отсутствии тебя,

Столько крат я восстонаю,

Дни покойны погубя.

Брянчанинов! то неложно:

Мне уж боле невозможно

Муз прельщаться красотой;

Музы! вы меня прельщали,

Но в то время не смущали

Бранны громы суетой,

Брани грозной вид и строй.

Лухта! ты своей волною

Мне вселяла жар к стихам,

Как прозрачной быстриною

Вал лила по мягким мхам.

Но волна та прокатилась;

Ах! когда бы возвратилась[106]

И лилась бы паки вспять;

Льется там она, как прежде,

Но не буду я в надежде

Зреть брега [твои] ее опять.

Брянчанинов! я простился

И с стихами, и с тобой,

Богу браней посвятился

Неминуемой судьбой.

А пермесские богини[107]

Стали днесь мои врагини[108],

Коль влекут еще меня;

Пожалей меня в отсутстве

И един, не в многолюдстве,

Ты посетуй, восстеня.

---

[106] Первоначальный вариант: И здесь паки б налилась.
[107] Первоначальные варианты:
А. И Пермески нимфы край.
Б. А богини песней красны.
[108] Первоначальный вариант: Столькож мне теперь опасны.

Наша жизнь полна превратов,

Наша жизнь игра страстей:

Малоль сих нам сопостатов,

Малоль к смерти нам путей?

Или должно устремляться

Покончину утомляться

И не ведать, что покой?

К претекающему веку

Льзяль прибавить человеку

Хоть часа черты одной?

Скоро, скоро, может статься

(И кто ведает когда?),

Час приближится разстаться

Мне с тобою навсегда.

Мой любезный брат скончался

На брегах, где ополчался

На противников, возжжен;

Мы судьбы своей не знаем:

Гром метая за Дунаем,

Он пал, громом поражен

[Л. 55 об.].

Во-вторых, в «Записной книге» находим два «сонета» к Брянчанинову:

Соннет к А.М. Брянчин.<ову>

Я часто разсудив любезный Брянчинов,
Что то, что суетой мы смертны называем
Мы суетны, и то, что тщетны признаваем,
Но несмотря на то, тщета нам строит ков.

Тщету мы признаем, богатства и чинов,
Но ктож сию тщету кто зная презирает,
Скажи кто есть таков кто оных убегает?
Обычай давней есть, и к нам пришел не нов.

Сей муж что от сует был бочкой огражден
Како намеренье имел в том Диоген?
Хотел тем более, еще осуетиться.

Коль истинну сказать, сражаться с суетой,
С великой надобно б то было твердотой
Кому не страшен сам, тот может с ней сразиться.

[Л. 12 об.].

См. также:

Соннет к А.М. Брянч.<анинову>

Спокойства духа мы стараемся достигнуть,

Но оное в себе нам надобно искать,

Не можно нам его, на внешнем чем воздвигнуть,

И должно из самих его нам получать.

Вотще хотим его в другом чем мы постигнуть,

И безпокойствие другим чем изгонять.

Вотще его хотим мы из себя изрыгнуть,

Вотще <мы>все хотим другими забавлять.

Вотще себя всегда мы убежати тщимся,

Мы безпокояся везде себя боимся,

И с безпокойствием, бываем мы своим.

Вотще бы от него, хотел полями скрыться

На быстром от него коне бы удалиться

Оно позади сидит и скачет всегда с ним.

[Л. 12 об.].

***

Для обобщающего историко-литературного анализа поэтического наследия Муравьева, по нашему убеждению, время еще не пришло. Но

некоторые предварительные выводы, касающиеся наших представлений о нем, напрашиваются сами собой. Первый: имеющиеся в нашем распоряжении напечатанные тексты отражают его лишь в небольшой части и не могут рассматриваться как достаточный материал для реконструкции истории поэтической деятельности Муравьева. Второй: печатались они без учета всей полноты показаний рукописных источников относительно их творческой истории, а потому воссоздание последней остается делом будущего. Третий: ближайшей задачей является полная публикация текстов, содержащихся в «Записной книге». Четвертый: для понимания принципов работы Муравьева-поэта целесообразно фототипическое издание последней, поскольку только таким путем мы можем понять и описать его работу над лирическими текстами, подчас растягивавшуюся на годы и даже десятилетия. Пятый: отдельной проблемой, которая потребует специального обсуждения после того, как будут собраны все лирические стихотворения Муравьева во всей полноте источников их текста, остаются принятые им приемы циклизации.

В данном исследовании мы публикуем не печатавшиеся лирические стихотворения Муравьева по тексту «Записной книги», вошедшие в ранний «вологодский журнал». Мы старались отбирать тексты разностилевые и разножанровые, чтобы предварительно обозначить границы возможностей Муравьева как поэта. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в его эстетической системе понятие жанра не является строгим и во многих случаях речь может идти лишь о выделении самых общих формальных ориентиров, с которыми связываются не столько представления о «правилах», сколько стремление к созданию оригинальных или по крайней мере индивидуализированных конструкций. В нашу подборку вошли две «поэмы» (<1>, <2>), существенно отличающиеся друг от друга по тематике: первая ориентирована на античную мифологию, литературу и историю (с упоминанием отдельных деятелей истории России и персонажей французской литературы), вторая – на мифологизированную историю Пруссии VI века, в частности на предания о короле Видевуте. При этом обе они не имеют ничего

общего с каноном эпической поэмы, как он понимался в XVIII в.: перед нами лаконичные тексты, и мы не знаем, предполагал ли Муравьев продолжать работу над ними. Они интересны как сами по себе (ранние опыты в эпической форме), так и в контексте литературной эволюции Муравьева, обнаруживающей прямую зависимость от его увлечения историей – как отечественной, так и европейской, которое отразится и в его литературном творчестве (в первую очередь, в драматургии), и в научном (ряд статей по истории России). Далее мы печатаем послания (<3>– <8>), обладающие различными жанровыми признаками: здесь «эпистолы», отмеченные относительной свободой тематических ассоциаций (<3>, <7>), послания в форме иронических сонетов (<4>– <6>) и одно, тяготеющее к проблематике «литературной домашности» и ориентированное на «быт» (<8>). Проблема адресатов посланий-сонетов <4>– <6>в настоящее время вряд ли может быть удовлетворительно решена; здесь лишь рискнем осторожно предположить, что послание <4>, если его адресат не является условным, обращено к Платону Петровичу Бекетову, <5> – к А.П. Ермолову, <6> – к Н.И. Рудакову, мужу сестры Н.А. Львова Авдотьи Александровны, в которую Муравьев какое-то время был влюблен. Оды, помещенные далее, также различаются: первая, в принципе, выглядит вполне традиционной, но «выпадает» из традиции своим лаконизмом – в ней всего семь строф (<9>), вторая самым радикальным образом поддерживает эту установку (если считать, что она мыслилась завершенной) – в ней всего две децимы (<10>). После од печатаем два нравоучительных стихотворения неясной жанровой этиологии, в какой-то мере учитывающих топику духовной оды (<11>, <12>). Следом идет полноценная сатира, жанр, не характерный для «вологодского журнала» (<13>); в ней затрагивается непростая судьба поэта, стремящегося уподобиться Ювеналу в своем «дерзком слоге». За ней помещаем ряд стихотворений, тяготеющих к свободной форме «отрывка» и являющихся литературными декларациями (<14>– <22>), раскрывающими различные аспекты литературной позиции автора, настойчиво пытающегося

самоопределиться в сложных условия литературной жизни 1780-х гг. Завершают нашу подборку интересная ориентацией на разговорную речь и «низкий» быт «Повесть», судя по косвенным данным один их самых ранних стихотворческих опытов Муравьева (<23>), посвященный В.П. Петрову эпиграмматический цикл с отсылками к Вергилию, им переводившемуся (<24>), буриме, напоминающее о распространенной практике салонных и кружковых литературных развлечений (<25>), два сонета, нравоучительных и иронических (<26>, <27>), и полупародийная буколика (<28>). Отдельный дискуссионный вопрос — заглавия муравьевских текстов: в отдельных случаях сложно понять, что перед нами — заголовок или, например, эпиграф (<21>); в некоторых случаях функцию заголовка выполняли датирующие пометы; ср., однако в <16>: здесь таковая не предваряет, а завершает текст; разумеется, все это подчеркивает значимость специфических жанровых ассоциаций «Записной книги» с «журналом» / дневником. Наконец, отметим, что отдельные стихотворения не были до конца доработаны (см. зачеркивания в <1>, не восполненные новым текстом), а вместе с тем, быть может, не были завершены.

Все эти тексты помещены нами в Приложении 5.

Глава II. Муравьев и «*Собрание старающееся о переводе иностранных книг*» Екатерины II. Переводы в творческой биографии Муравьева.

*«*Собрание старающееся о переводе иностранных книг*»* – одна из важнейших культурных институций екатерининского времени. Чтобы приобщить Россию к западным идеям и формам, нужны были переводы, а работу переводчиков нужно было организовать, а самих литераторов – мотивировать. Так, в октябре 1768 г. Екатерина II назначила «из своих личных средств пять тысяч рублей ежегодно для уплаты вознаграждения переводчикам» [Семенников, с. 6]. При этом непосредственными руководителями проекта она назанчила Г.В. Козицкого, В.Г. Орлова и А.П. Шувалова. В.П. Семенников справедливо связал эту инициативу с коллективным переводом романа Мармонтеля «Велизарий».

Об учреждении «Собрании» сообщили в «Санктпетерубргских ведомостях», очевидно рассчитывая на широкий охват аудитории (СПб Ведомости, 1768, №89 от 4 ноября). Если сначала к работе привлекли академических переводчиков, то уже со второго года к переводческой работе подключились десятки литераторов; чтобы подчеркнуть масштаб происходящего, приведем выдержку из книги В.П. Семенникова: «К числу более плодовитых или более известных переводчиковъ принадлежат: И.А. Алексеев, С.С. Башилов, И.И. Богаевский, И.Ф. Богданович, П.И. Богданович, С.И. Гамалея, М.Е. Головин, С.Е. Десницкий, И.А. Дмитревскмй, И.Г. Долинский, П. Екимов, М.И. Ильинский, П.Б. Иноходцев, Я .Б. Княжнин, Я.П. Козельский, Г. В. Козицкий, А.М. Кутузов, В.А. Левшин, А.Л. Леонтьев, А.И. Лужков, Т.С. Мальгин, М. Матинский, Ф.П. Моисеенков, Н.Я . Озерецковский, М.С. Пахомов, А.Я. Поленове, М.И. Попов, А.Н. Радищев, В. Г. Рубан, С.Я . Румовский, В.Д. Санковский, В.П. Светов, Д. Семенов (Руднев), И. И. Сидоровский, И. Сичкарев, Л.И. Сичкарев, И.А. де Тейльс, В.В. Тузов, И.Ф. Туманский, Ф.О. Туманский,

А. Фрязиновский, И.Г. Харламов, А.С. Хвостов, И.П. Хмельницкий и многие другие» [Семенников, с. 9]. Был среди них и Муравьев.

Говоря о результатах деятельности Собрания, Семенников привел цифры, которые оказались крайне красноречивы: «Всего, таким образом, за все время существования Собрания переводчиков было издано 173 тома переводов; число *же* названий выпущенных сочинений равняется 112. Мы говорим о переводах изданных; но было еще много сочинений, которые, хотя и были переведены Собранием, но частью совсем не появились в печати, частью были изданы уже после 1783 года, когда Собрание переводчиков прекратило свое существование» [Семенников, с. 10].

§1. Муравьев и проблема идеального монарха: «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога саксонского» и «Велизарий». Полный текст «Жизни Эрнеста».

«Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» – по-видимому, первый литературный труд М.Н. Муравьева, оставшийся, как и многие позднейшие его произведения, неопубликованным. О «Жизни Эрнеста» мы знаем очень мало: во-первых, считается, что труд был написан в 1768–1770 гг., во-вторых, говорилось, что он был посвящен И.М. Шадену, и, в-третьих, упоминалось, что он был переведено с немецкого[109]. Каждое из этих утверждений требует уточнений.

Рукопись Муравьева хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея[110]. В ней находим точное указание автора на время и место окончания работы над трудом: «Mosquae 1769»[111]. Посвящения Шадену в ней нет.

Вопрос об источнике перевода требует отдельного обсуждения хотя бы потому, что политический миф об Эрнсте I Благочестивом (1601–1675), герцоге Саксен-Готском был широко распространён на территории современной Германии XVII–XVIII вв.: образ добродетельного монарха, проводившего реформы во славу божию и на благо народа, был чрезвычайно

[109] См., напр.: «В 1770 г. он заканчивает свой первый литературный труд, начатый в Москве и посвященный ректору университетской гимназии Шадену, – перевод с немецкого “Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского”» [Кулакова, 1967, с. 454]; ср. также: «Первым завершенным трудом был начатый в Москве в 1768 году перевод с немецкого “Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестивого, герцога саксонского”, посвященный ректору университетской гимназии профессору Шадену» [Кулакова, 1967, с. 16]; и еще: «Здесь речь идет о переводе с немецкого языка, выполненном юным Муравьевым под заглавием: “Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога саксонского”, завершенном 17 апреля 1770 г. и посвящённом его наставнику И.М. Шадену» [Кунц, с. 19]. При этом Кунц сослался на рукопись, которая хранится в ОПИ ГИМ, однако ни посвящения, ни указанной даты в ней нет. Вероятно, исследователь опирался на мнение В.Н. Топорова, который указывал, что «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» была позже посвящена И.М. Шадену, ректору гимназии [Топоров, 2001-2007, 2, с. 560]. Непонятно, на чем основывался ученый, делая этот вывод; возможно, он учитывал статью В.А. Западова в «Словаре русских писателей XVIII в.», который писал, что «в 1768 был начат перевод с нем. “Жизнь Эрнеста <…>”, по завершении посвященный ректору гимназии профессору И.М. Шадену» [Западов, 1999, с. 305]; источники Западова нам неизвестны.

[110] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83–127.

[111] Там же. Л. 126.

привлекателен как для властей предержащих, так и для литераторов и историков.

В 1704 г. в Лейпциге на латинском языке Элиас Мартин Эйринг выпустил биографию Эрнста [Eyringius]. А уже в 1707 г. Антуан Тессье (Antoine Teissier (1632–1712), писатель и историк при прусском дворе, подготовил ее сокращенную и более доступную версию на французском языке [Tessier, 1707]. Вот что об этом писал Тессье в предисловии к своей книге: «La vie d'Ernest le Pieux a été composée en Latin par Monsieur Elie Eyring, Inspecteur de la cour de Saxe-Coburg, qui s'en est acquité avec beaucoup d'exactitude & de fidélité, & qui a rempli tous les devoirs d'un Historien habile & poli. <…> on n'a pas eu dessein de faire une Traduction, mais seulement un abrégé de cette belle Vie; afin que ceux qui n'aiment pas s'attacher à de longues lectures, puissent le lire avec plaisir, ou du moins sans ennui» [Teissier, 1707, c. XI, XII–XIII.]. Из этого введения мы узнаем, во-первых, что Эйринг служил при Саксен-Кобургском дворе, а во-вторых, что Тессье ориентировался на светского читателя нового типа, который был далек от латинского «педантизма» и который, напротив, стремился к получению удовольствия от чтения.

Книга Тессье оказалась востребованной, неоднократно переиздавалась на французском языке [Teissier, 1741; Teissier, 1752; Teissier, 1761; Teissier, 1769; Teissier, 1779] и была переведена на итальянский [Teissier, 1756] и шведский [Teissier, 1784]. А вот в процессе поисков немецкого перевода данной биографии обнаружились проблемы. Несмотря на то, что сам факт существования такого издания кажется чем-то самоочевидным, у нас сейчас недостаточно фактов, чтобы делать какие-то определенные выводы. Так, в библиотеке Халле, города, в котором было напечатано в течение XVIII в. большинство изданий книги Тессье, указано лишь одно немецкоязычное – 1783 г.[112]; при этом, например, итальянское 1756 г. мы здесь находим[113];

[112] Это же издание указано в каталоге дрезденской библиотеки [Teissier, 1783], т. е. оно вышло в свет через 13 лет после окончания Муравьевым своего перевода. См.: https://halit.bibliothek.uni-halle.de/search?q=id%3A248601024&v=248601024 Обращение к ресурсу – 27.11.2025.

[113] https://halit.bibliothek.uni-halle.de/search?q=id%3A23360037X&v=23360037X Обращение к ресурсу – 27.11.2025.

известный ресурс bibliotek.dk указывает на немецкоязычное издание 1752 г.[114], а worldcat.org – 1769 г.[115], однако в обоих случаях названия этих книг даны на французском языке, а по другим источникам существование этих изданий как немецкоязычных нам не удалось подтвердить. Разумеется, более ранние немецкоязычные издания могут быть обнаружены со временем более изощренными исследователями.

Но сколько бы ни было немецких изданий книги Тессье, важнее то, что он был французом, и что по этой причине первоначальный авторский вариант книги был написан на французском и, соответственно, получил наибольшее распространение. Муравьев владел и немецким, и французским языками, и по этой причине вряд ли стал бы переводить французский текст с немецкого перевода, к тому же существенно более редкого, чем издания французского оригинала.

Приведем несколько параллельных мест из последнего и из муравьевского перевода – как для того, чтобы показать, что муравьевский «Эрнест» – это перевод именно из Тессье (наши предшественники на этот источник не указывали), так и для того, чтобы читатель мог оценить близость русского текста именно к французскому оригиналу; дополнительные аргументы в пользу нашей версии мы приведем ниже.

Вот начало биографии Эрнста.

Тессье: «Comme les exemples agissent plus éficement sur l’esprit des hommes, que les exhortations & les enseignemens, il importe extrêmement au public que l’on fasse passer à la postérité la mémoire des glorieuses actions des Grands Princes, afin que ceux qui sont élevés à cette sublime Dignité s’éforcent de les imiter. Dans cette vue j’ai résolu d’écrire la vie d’Ernest Duc de Saxe, Prince qu’on ne saurait assez louer, puis qu’il étoit également illustre par la Prudence, par la Sagesse,

[114] https://bibliotek.dk/eng/search/work?search_block_form=%28rec.id%3D800010-katalog%3A99121960126905763%29%20or%20%28rec.id%3D810010-katalog%3A005392328%29&ref=worldcat#content. Обращение к ресурсу – 17.02.2020.

[115] https://www.worldcat.org/title/vie-dernest-le-pieux-duc-de-saxe/oclc/245859929/editions?editionsView=true&referer=br. Обращение к ресурсу – 17.02.2020.

par la Valeur, par la Libéralité , & surtout par la Piété, qui lui a merité le nom de Pieux» [Tessier, 1707, c. 1-2].

Ср. перевод Муравьева: «Когда самые примеры над человеческими сердцами действуют сильнее, нежели увещевания и наставления, то и общество имеет в том великую нужду, чтобы сообщать потомкам повести о славных действиях великих Государей, дабы те, которые воспитываются к сему высокому достоинству, поощрялись им подражать. В таком рассуждении я вознамерился писать жизнь Ернеста, герцога саксонскаго, такого государя, котораго и довольно выхвалить не можно, потому что ОН был равно славен как своим разумом, остроумием, так и мужеством, щедростию, а что всего более, своим благочестием, которое ему заслужило имя *благочестиваго*»[116]. Как видим, Муравьев аккуратно, практически пословно перевел рассуждение Тессье.

Второй пример.

Тессье: «Ernest, qui étoitleneuvièmedesesfrères, nâquit à Altenbourg, le 25 Décembre 1601. Il était fils de Jean IV Duc de Saxe, Langrave de Thuringue, Margrave de Misnie, & de Dorothée Marie, Princesse d'Anhalt. Son Aïeul paternel s'appelait Jean Guillaume, & son Bisaïeul, Jean Fréderic. Celui-ci étoit revêtu de la dignité Electorale, dont il fut dépouillé par l'Empereur Charles-Quint, parce qu'il avait défendu avec zèle & avec vigueur la cause des Protestants d'Allemagne» [Tessier, 1707, c. 2].

Перевод Муравьева: «Ернест, девятый из своих братьев, родился в Алтенбурге, 25 дня Декабря 1601 году. Он был сын Иоанна IV, Герцога саксонскаго, Ландграфа Турингскаго, Маркграфа Миснийскаго, и Доротеи Марии, Принцессы Ангальтской. Дед его с родительской стороны был Иоанн Вильгельм. Прадед его оной Иоанн Фридрих, которой курфиршскаго достоинства лишён был Императором Карлом пятым, затем что он с ревностию и силою защищал дело протестантов в Германии. И опять

[116] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83.

возстановлен в оном»[117]. Перед нами практически подстрочник, с одним исключением: Муравьев добавил последнюю фразу – в оригинале ее нет.

Третий пример приведем из другой части биографии, в которой рассказывалось о военных кампаниях молодого герцога. Здесь мы также найдем прямые текстуальные совпадения.

Вот как Тессье описал эти события: «Comme Ernest étoit doüé d'une sincére piété, il avait beaucoup d'aversion pour la guerre, qu'il regardait comme un fléau dont Dieu se servait pour châtier lès hommes. Ainsi il croyait qu'on devait relâcher une partie de son droit pour obtenir une bonne paix, étant persuadé qu'elle était préférable à la guerre, quelque juste qu'elle fut.

Cependant il jugoit que lors que la Republique étoit ataquée par les ennemis, ceux qui avoient intérêt à sa conservation, étaient obligez de prendre les armes pour la defendre; et c'est ce qu'il fit lors que l'Allemagne étant agitée de troubles intestins, les Etats de l'Empire, étoient menacez de perdre leur liberté.

Pendant cette guerre, Ernest se signala dans l'attaque de plusieurs places fortes savoir de Konigshof, de Schwinfurt, du Château de Fiesse sur les confins du Tirol, & dans la bataille qui fut donnée proche du Lect, contre Tilly, ce vaillant & expérimenté Capitaine»[Tessier, 1707, c. 11-12].

Муравьевский перевод: «А как Эрнест был одарен искренним благочестием, то и великое отвращение к войне имел он, которую он почитал так, как наказание, которым Бог наказывает людей. И так думал он, что должно успокоить отечество своим правом, чтоб удержать хороший мир; будучи уверен, что оной преимущественнее войны, как бы она справедлива ни была.

Однако он рассуждал, что когда Государство окружено своими неприятелями, то те, которые имеют участие в ее сохранении, обязаны взять оружия для защищения оной. Что он самое и делал, как Германия была колеблема междуусобной войной, и Имперские области угрожаемы были потерять свою вольность во время сея войны. Ернест показал себя в многих атоковании крепких мест, а именно при Кенигсфоре, швейнфурта и замке

[117] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83-83 об.

Фиесса на границах Тирольских, и на сражении произходившее близ Лехт против Тилли сего храбраго и искуснаго предводителя»[118].

И последний, но, естественно, далеко не единственный возможный, пример: Тессье рассуждал здесь о достоинствах монарха, его благочестии, с одной стороны, и храбрости — с другой: «L'example d'Ernest fait voir combien est injuste & impie le sentiment de ceux qui foûtiennent que le valeur est incompatible avec la pieté; car du consentement de tous ceux qui le connaissaient, il passa pour un Prince également devoir & intrepide.

Comme avant que de s'engager dans les périls de la guerre, il adressait toujours ses prières à Dieu, pour l'heureux succès de ses entreprises, il reçut en diverses rencontres des marques extraordinaires de sa protection, qui le garantit de plusieurs dangers. Cela parut particulièrement un jour qu'il était sur une colline, où avec des lunettes de longue vuë, il observait le Camp des ennemis; car ils pointèrent contre le lieu où il était deux pièces de Canon; mais dans le temps qu'on y mit le feu, Ernest ayant reculé quelques pas, il ne fut pas endommagé des boulets, qui ne firent autre chose que de couvrir ses habits de terre» [Tessier, 1707, c. 14-15].

Перевод Муравьева: «Сей пример Эрнеста показывает, сколь несправедливо и худо мнение тех, которые подтверждают, что будто бы храбрость не может быть соединена с благочестием: ибо по согласием всех тех, которые его знали, почитался он за такого государя, которой как благочестив, так и храбр был.

Ибо как он всегда прежде, нежели впуститься в воинския опасности, возсылал свои молитвы к Богу, о щастливом успехе его предприятии, то и получал он в различных случаях чрезвычайные знаки его покровительства, которые его сберегали от многих опасностей, а особливо оказывается то, как он некогда был на одном холме, с котораго он в зрительную трубку глядел и осматривал положение неприятельского войска. Ибо они поставили против его две пушки: то Ернест, как скоро приложили фитили, отступил несколько

[118] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 86–86 об.

шагов в сторону и не был поврежден ядрами, которые, ударившись по земле, посыпали с платья Ернестово»[119].

Как представляется, этих примеров достаточно, чтобы читатель убедился и в том, что муравьевский «Эрнест» – это перевод книги Тессье, и в том, что наша версия о том, что Муравьев переводил с французского оригинала книги Тессье, является достаточно обоснованной.

Можно было бы высказать возражение на основе печатающейся ниже рукописи «Жизни Эрнеста»: дело в том, что Муравьев в нескольких местах привел немецкоязычные стихи. Первый подобный пример:

> Hierhey errinnert euch, daß wegen eurer Sünden
> Ihr Gott Frieden macht, so wird fuh Friede sinden:
> Und die Ihr kommt nach uns, was bös begangen, flieht,
> Damit dem Untergang ihr euch hierdurch entzieht[120].

Ср.:

> Gott den Herren loht und ehrt
> Der den Frieden hat bescheert.
> Fördert seine Furcht und Ehr,
> Sonst besteht er nimmermehr[121].

См. также:

> Und wenn mir gleich das Herz zubricht
> So bist du doch mein Zuversicht.

И далее:

[119] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 87–87 об.
[120] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 118.
[121] Там же. Л. 119.

Nun bin ich Frey von Sünd und Pein
Gesund mein Leib, die Seele mein.
Nun sehau ich Gott von Angesicht
In seinem Hauß mit vollem Licht.
Nun feyr ich mit der Heilgen Schaar
Das ewge seelge Jubeljahr[122].

И наконец:

Regenten sind gemacht auf Erden,
Regieren auf Erden,
Und müssen zur Erden werden[123].

Казалось бы, эти факты должны были бы говорить о немецком источнике перевода, однако, тем не менее, этот аргумент можно отвести указанием на то, что Тессье в своей книге напечатал тексты на немецком, а затем дал их перевод на французский [Tessier, 1707, c. 79, 81, 82, 83]. Таким образом, Муравьеву не нужно было обращаться к другой книге, чтобы использовать эти произведения.

Не менее важно, что Муравьев перевел эти короткие стихотворения; таким образом, перед нами одни из первых его поэтических опытов. Он сначала решил дать прозаический подстрочник, но затем отказался от идеи, вычеркнул его и написал стихи в самом конце рукописи, вот они:

Попомните при сем, что ради преступлений
Поставили на век с Всевышним вы завет,

[122] Там же.
[123] Там же.

А вы, что придете, чтоб отвратить навет[124],

Вы Бога сердцем почитайте,
Он мир по брани положил,
И честь и страх в Нем сохраняйте,
Чтоб с вами вечно Он пребыл[125].

Се ныне от греха, от мук свободен я,
Жив бренным телом днесь, жива душа моя;
Тебя, что зришь меня, бесхитростным языком,
В несданном доме, я хочу о боге петь,
Я веселюсь, что ты, с своим священным ликом,
Сподобил, Господи, меня твой праздник зреть[126].

Мы не знаем, какое именно издание было в распоряжении Муравьева. Языки он учил с детства: «В восьмилетнем возрасте начались его занятия нем. языком, затем лат. и фр. <…>» [Западов, 1999, с. 305]. Итальянским, насколько мы можем судить, он занялся в середине 1770-х гг., во многом под влиянием Н.А. Львова; см. его письмо от 18 февраля 1775 г.[127]: «А хожу часто к Николаю Александровичу и беру у него читать Италианския книги. И теперь читаю Гольдониевы Комедии»[128]. Следовательно, Муравьев пользовался либо французским, либо немецким изданием. Для дополнительного обоснования первой точки зрения приведем несколько косвенных доказательств.

---

[124] Л. 127. Муравьев сделал пометку: «Pag. 73». Напрашивается предположение, что речь идет о номере страницы, номер указывает на соответствующее место в рукописи Муравьева. Действительно, всего в ней 88 страниц, и в указанных точках находим немецкие оригиналы.

[125] Авторская пометка: «Pag. 75». В тексте рукописи находим первый вариант этого перевода, который Муравьев вычеркнул:
Хвалите Господа навсегда,
Которой нам дарует мир.
Посвящайтесь вы Ему,
Дабы Он вашею подпорою был (Там же. Л. 119).

[126] Авторская пометка: «Pag. 76». Там же. Л. 127.

[127] Возможно, 1775 г. указан ошибочно, этот текст находится среди писем 1776 г.

[128] Муравьев М.Н. Письма к отцу М.А. Муравьеву 1776 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 30 об.

Во-первых, рукопись наполнена поправками Муравьева, и одно из направлений его стилистической редактуры – борьба с галлицизмами.

Вот примеры. Исходный текст Тессье: «Cependant il jugoit que lors que la Republique étoit ataquée par les ennemis <…>» [Tessier, 1707, c. 12]. Первоначальный перевод Муравьева: «Однако он рассуждал, что когда Государство *аттаковано* <курсив наш. — А.И.> своими неприятелями <…>»[129]. Затем слово «аттаковано» он вычеркнул и заменила на «окружено»: «Однако он рассуждал, что когда Государство окружено своими неприятелями»[130].

Второй пример. Тессье: «<…> ceux qui avoient intérêt à sa conservation <…>» [Tessier, 1707, c. 12]. Сначала Муравьев перевел так, видимо, слишком буквально, с его точки зрения: «<…> те, которые имеют *интеррес* <курсив наш. — А.И.> в ее сохранении<…>»[131], но затем он вычеркнул слово «интеррес» и заменил его на «участие».

Число подобных примеров без труда можно увеличить, тенденция совершенно очевидна: Муравьев опирался на французский текст, боялся впечатления слишком буквального, «школьного» перевода и, редактируя текст, старался убирать наиболее заметные подобные черты, своеобразные маркеры французского.

Во-вторых, мы можем привести французские пометки Муравьева на рукописи. Находим их в самом конце текста, где молодой поэт записал несколько слов – не связанных с его переводом очевидным образом, но, возможно, отражавших его продолжавшиеся размышления об Эрнсте Саксонском: «Tout ce qui // Je vous fais duc // Et pair, et pair // Eh bien et pair»[132]. Запись эта сделана сразу после указания места и времени окончания работы над рукописью.

[129] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 86 об.
[130] Там же.
[131] Там же.
[132] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 126.

Как кажется, эти факты если не убеждают в том, что Муравьев работал *только* с французским текстом, то показывают со всей очевидностью, что и с ним *тоже*. Следовательно, теперь нужны какие-то аргументы в пользу «немецкой» версии; нам не удалось найти их.

Но зачем Муравьев переводил Тессье?

Эрнст Саксонский считался государственным деятелем, который способствовал развитию тех идей, которые уже в XVIII в. ассоциировались с галльским пиетизмом. Так, он провел ряд политических реформ, гуманизировав социальную сферу. При этом Эрнст стремился к сближению Государства и Церкви. Как справедливо отметил Р. Готроп, «In certain areas of Lutheran Germany, moreover, church leaders sought to build on the already existing church-state collaboration in the enforcing of socio-religious norms. The civil authorities frequently responded to such demands for "reform" by issuing decrees on church discipline, promoting catechization campaigns, declaring special days of repentance, and even mandating a strict observance of the Sabbath. <…> The most innovative reform program of this type was carried out in the small state of Saxe-Gotha under Duke Ernest the Pious (d. 1675), whose administration went well beyond the standards of the day in aiding widows and orphans, providing scholarships for university students, and seeking comprehensive improvements in public health» [Gawthrop, c. 94-95].

Возникает вопрос, насколько глубоко совсем юный Муравьев мог быть погружен в немецкую религиозно-политическую повестку второй половины XVII в. Напрашивается гипотеза о влиянии кого-то из его учителей в гимназии, а затем в Московском университете. Разумеется, первая очевидная кандидатура – уже упоминавшийся И.М. Шаден. Ректор университетских гимназий отличался, как хорошо известно, «сентиментальным пиетизмом» [см., напр.: Стричек, с. 34]. Муравьев, в свою очередь, высоко ценил своего преподавателя. Так, например, он тепло отозвался о нем в «Эпистоле к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу»:

Ты, юность подвигам военным посвятив,
В училище трудов дни нежны проводив,
Приятны старости готовишь вспоминанья.
С тобою почерпать мы прежде тщились знанья:
Счастливы отроки, в возлюбленных местах,
Где, виючись, Москва в кичливых берегах
Изображает Кремль в сребре своих кристаллов,
Где музам храм воздвиг любимец их Шувалов,
Где, Ломоносова преемля лирный звон,
Поповский новый путь открыл на Геликон,
Где Барсов стал по нем ревнитель росска слова
И Шаден истину являет без покрова, —
Там дружбы сладостной услышали мы глас;
Пускай и в сединах обрадует он нас.

[Муравьев, 1967, с. 115–116]

Образ «истины без покрова» может быть интерпретирован в пиетистском контексте: Шаден срывал завесы тайны и открывал своим ученикам подлинное измерение человеческой жизни. Если это так, то Эрнест Саксонский мог представляться Шадену примером идеального правителя.

И действительно, «Жизнь Эрнеста» наполнена рассуждениями об идеальном монархе. Эрнест – христианский политик, который соединяет современные принципы управления с глубоким религиозным чувством: «Он следовал в своем правлении правилам закона Божия и учениям христианской политики.

Ясно видно повелениями его, что он совершенно знал должности государя и показал всеми своими поступками, что он исполнял с попечением все оного должности.

“Как начальник семейства, – говорит он в одном из своих повелений, – только должен снабдить детей своих в нуждах временной жизни, но наставить

еще их в науке, до спасения нашего принадлежащей; так и государь должен не только стараться о исходатайствовании безопасности и счастия временного своего народа, но и вспомоществовании, как возможно, в успехе их благочестия и в познании небесной науки, для распространения славы Божией". И для сего-то самого в Священном Писании должность государей так изъяснена: они должны судить свой народ в справедливости, защищать обиженного, помогать бедному и избавлять оных от рук нечестивого, награждать добрых людей и наказывать злых. И как зеленые древеса довольствуют скотов тению своею и снабжают их пищею, так и государь должен помогать в пропитании и нуждах своему народу, а что всего более – снабжать его своим наставлением и исправлением»[133].

Одно из общих мест текстов, посвященных анализу поведения «правильного» монарха, – это акцент на выборе советников. С одной стороны, Эрнест «выбирал в советники свои превосходных мужей, верностью их и искусством в правлении дел государственных, и давал чины сии управляющим все действия свои по закону божию, и когда не находил он таковых в своих областях, призывал он от нужды мужей сих»[134]. С другой стороны, Эрнест, как опытный государь, не допускал, что сановники могут хотя бы до некоторой степени перехватить контроль над двором и государством, поэтому «не позволял он, чтобы, прежде знания его о том, распечатывали они к нему присыланные письма»[135]. Более того, как об этом многократно писали и до Тессье, и после, главная опасность для правителя – коварные «прельстители»: «Не слушай также он тех прельстителей государей, кои говорят, что государь должен положиться в правлении своем на разумных и искусных советников, об оном ответствовать долженствующих, а что касается до него, то это еще не можно почесть в вину ему, когда он препроводит свое время в увеселениях, оставив другим беспокойство и бремя дел»[136]. Напротив, идеал – это труженик

[133] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 107 об.
[134] Там же. Л. 108 об.
[135] Там же. Л. 108 об. – 109.
[136] Там же. Л. 109 об.

на троне. Под эти принципы должен был подстраиваться и весь двор: «Двор его был весьма порядочен. Он был поистине мал, но довольно многочислен к деланию добра общенародного и к наполнению чинов своего государства. Никто там не жил в праздности, никто в оном не был содержан только для одного великолепия и виду. Принц определил всякому своему придворному дело по приличеству и сам никогда не был он в праздности»[137].

Муравьев работал над переводом в то время, когда был издан «Наказ» и начался новый этап развития русской литературной журналистики, он не мог не видеть параллелей Эрнеста с Екатериной II, а Готы – с Россией, поэтому так актуально звучали рассуждения о необходимости исправлять нравы подданных: «В правлении первое попечение Эрнестово было исправлять нравы своих подданных и стараться, чтоб они жили по законам природы и правосудия, или, лучше сказать, дабы привить их к тому, чтобы показывали они своими делами, что они истинные христиане и веруют в заповедания Всевечного»[138].

Еще один сюжет, который активно обсуждался в России XVIII в., – это использование принципа меритократии при формировании новой элиты. С этой же проблемой столкнулся и Эрнест: «Он не возвышал до первых достоинств самых могущих дворян самой древней фамилии, но тех, кои превзошли других знанием, искусностью и достоинством, рассуждая, что добродетель происходит из душевных качеств, а не от роду, от которого происходят. Он говаривал, что всякий день родятся благородные, изо которых меньшая часть благородна дарованиями. Но когда видал он дворян, кои к благородству крови соединяли благородство сердца, то он им оказывал знаки своей чрезвычайной благосклонности <…>»[139].

Отсюда мысль о том, что образование и просвещение – важнейшие задачи для любого монарха: «Эрнест не менее имел попечение о училищах, как о церквях, потому что училища суть сады добродетели, хороших нравов,

[137] Там же. Л. 113.
[138] Там же. Л. 109.
[139] Там же. Л. 112 об.

благочестия и наук. И выбрав искусных и благочестивых учителей, и учредив их во всяком месте своих областей, приказал он, чтобы всякий простой человек туды отсылал детей своих, как им пять лет минет, и чтоб не отговаривались они незнанием главных правил Закона или бы не умели читать и писать, знать числа и несколько музыки, если они были к тому способны»[140]. Ср. также: «Бог благосклонствовал тогда видимо попечениям, Эрнестом учреждаемых <так!>, о наставлении подданных, что мужики его области были гораздо знающие, нежели как и дворяне других областей. Между народов в городах и деревнях находилось много таких людей, которые знали столько арифметики, геометрии, статики и математики, сколько было им потребно к общему употреблению жизни…

Везде учили безденежно и давали бедным книги, которые были им потребны.

Когда государь примечал в оных училищах ребенка, имеющего превосходный разум, то приказывал учителям иметь об оном особое попечение и ничего не пренебрегать, чтоб служить к исправлению нрава и к большему успеху в свободных науках. И когда он ответствовал надежде, об нем имевшейся, то давал он награждение, чтобы поощрялся показывать новые успехи в науках»[141].

Следование этим идеям и принципам обеспечили Эрнесту любовь современников и уважение потомков: «Итак, заслужил он по справедливости имя ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, итак он приобрёл сердца народные, что они всегда были в готовности отдать ему все свое имение и пролить всю свою кровь, чтоб его избавить от опасностей, в которых он может находиться»[142]. Отец отечества, император изгонял тьму невежества и открывал своему народу свет истины: «Кто не удивится сему великому Государю, естьли когда рассудит, с какою неутомимою прилежностию изгнал он из своего государства ужасное варварство, которое повсюду распространяло неистовую тьму, и что в малое

[140] Там же. Л. 94.
[141] Там же. Л. 94 об.
[142] Там же. Л. 115.

время изгнал он оную небесною свещею истины»[143]. Римские ассоциации периодически проговаривались недвусмысленно, и Эрнест прямо сопоставлялся с Августом: «В 1645 году пожар опустошил большую часть города Готы, и он не хотел, чтобы новые домы строили опять деревянные, но пожаловал гражданам денег на построение каменных, они бы были изрядной высоты и чтобы всякими тремя домами сделана была стена высотою с кровлю, дабы пожар впредь не мог сделать столь опустошений великих в Готе. Итак, из деревянного города сделал он каменный, как то Август о Риме говаривал, что из кирпичного города сделал мраморный»[144].

Тессье, а вслед за ним и Муравьев, прекрасно отдавал себе отчет в том, что биография Эрнеста вписывалась в широкий контекст политической литературы, восходящей к античности: «Дворы государей обыкновенно наполнены злыми людьми и своевольными; однако в Эрнестова дворе не находилось людей сего свойства. Славный Беклер в книге “Музеум” уверяет, что хорошие нравы и честность в оном владычествовали, и он бы подумал, что Ксенофонтов “Кир” есть описание вымышленное для начертания похвальных качеств, кои государь кто-либо должен иметь, и что Плиниево Похвальное слово более витийственно, нежели сходно с исторической правдой. Если б не видал он в особе Эрнестовой всех тех добродетелей, кои представлены сими двумя превосходными писателями»[145].

Еще один важнейший контекст, который Муравьев не мог не учитывать, -- роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велисарий» [Marmontel, с. 1767], который вышел в свет в 1767 г. Успех был чрезвычайным, чему немало способствовал французский скандал: обвинительный приговор Сорбонны и запрет на продажу стали для «просветительского» романа идеальной рекламой. До вступления запрета в силу книга разошлась тиражом около девяти тысяч экземпляров [Marmontel, 2008, с. 434–440]. Екатерина и ее ближайший круг

[143] Там же. Л. 90 об.
[144] Там же. Л. 117.
[145] Там же. Л. 112.

занялись переводом во время путешествия по Волге 1767 года [Велизер, с. 1768].

В русском «Велизере» проводится уже знакомая екатерининскому дискурсу мысль о практической пользе самодержавия: «Умножать начальников в правлении — умножать тем пороки во оном: каждый правитель с собою свои приносит» [Велизер, 1768, с. 85]. Принципиально важно и противопоставление истинного монарха тирану, восходящее к аристотелевской традиции: монарх опирается на законы и стремится к единению с народом, тогда как тиран, подчиняясь «вельможам», утрачивает свободу и становится зависимым от тех, кто его «подкрепляет». Власть же аристократии, основанная на «лести» и лжи, ведет к «междуусобицам» и подрыву государственности: «<…> нет самовластия, кроме власти законов, и <…> тот, кто по своей воле царствовать хочет, есть невольник… Оттуда междуусобные брани <…>» [Велизер, 1768, с. 104]. Недобросовестное дворянство сравнивается с тиграми, убивающими хозяина, если тот не делится добычей: «…поколику власть клонится к тиранству, потолику она ослабевает и подвергается зависимости своих подкрепителей» [Велизер, 1768, с. 105–106].

Залог прочности монархического правления формулируется как «союз» государя с народом: когда власть «сходствует с законами», она основана «на воле и силе целого народа», а внутренний раскол исчезает, и государь «в соединении с своим народом богат и силен» [Велизер, 1768, с. 106–107]. Не случайность этой темы для Екатерины подтверждает ее переписка с Мармонтелем: в письме от 7 мая 1767 года она подчеркивает, что книга «заслуживает быть переведенную на все языки», и признается, что «Велисарий утвердил меня в мнении, что истинная слава исходит только из начал, поддерживаемых Велисарием столь же приятно, сколь и основательно» [СбРИО, 10, с. 187]. В письме русского посланника в Париже Д. А. Голицына к Мармонтелю приводятся и ее слова о задаче издания: императрица

предполагает распространить книгу в России «с тем, чтоб мои подданные узнали, какие узы нас соединяют с ними» [Щебальский, 1869, с. 46]. Мармонтель явно уловил смысл этого акцента и в письме от 12 сентября специально возвращается к главе 9: государю «должен заботиться всего об одном союзе — о союзе с народом своим», ибо «связь их составляет силу государя»; именно эту главу, по его словам, Екатерина как бы «освящает собственноручным переводом», чтобы подданные «узнали, какие узы соединяют вас с ними» [Щебальский, 1869, с. 47].

Таким образом, «Велизер» обосновывает важнейшую для Екатерины концепцию: ослабление самодержавия открывает путь диктатуре аристократии, а разобщенность, корыстолюбие и безнравственность «вельмож» ведут к распаду политического целого.

В следующем году М. М. Херасков напечатал роман «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». При всех различиях екатерининской монархической идеи и масонских представлений (их значимость подчеркнута эпиграфом: «Да памятуют все человеки, что они суть братья»), сходство заметно на уровне жанра и фабулы: это политический роман о «философе на троне». Херасков формулирует ту же «анти-плюралистическую» модель власти: «Рим… не имея ни единого начальства погибает… Риму потребен один государь!» [Херасков, 1768, с. 18]. И столь же жестко описывает «произвол» вельмож при междуцарствии после Ромула: «вместо единого начальника появилось двести тиранов… Вельможи… только собственное щастие утвердить старались… Вот правление Вельможей и вот источник всех непорядков <…>» [Херасков, 1768, с. 36].

Херасков явно работал внутри екатерининского идеологического поля — это видно, в частности, по «Стихам от издателя», помещенным под одной обложкой с «Нумой». Знаменитая строка «ПЕТР Россам дал тела, ЕКАТЕРИНА душу» представляет собой почти буквальную кальку из

вольтеровского «Lettre sur les Panegyriques» (1767): «…on pourra dire que Catherine II a formé leurs ames» [Voltaire, 1894, 104–105]. Вольтер в эти годы был впечатлен просветительскими проектами императрицы (д'Аламбер, «Энциклопедия», Дидро, м-м Жофрен) и публично поддерживал ее начинания; в 1765 году он посвятил Екатерине «Философию истории», а в 1767-м — на фоне «Наказа» и работы Комиссии — счел нужным вновь закрепить одобрение ее курса. Херасков, тщательно продумывавший литературно-общественную стратегию, таким образом своевременно демонстрирует лояльность (ср. также указание на знакомство двора с текстом: Переписка 1882, 20).

Эта тема была для Муравьева исключительно важной: на протяжении всей своей жизни он рефлексировал о предназначении монарха, его роли в политической и нравственной жизни народа. Об этом говорят как литературные, так и исторические сочинения Муравьева. Назовем хотя бы подробно обсуждавшуюся В.Н. Топоровым незавершенную трагедию Муравьева «Болеслав», в интересующем нас здесь отношении предварившую проблематику его позднейших исторических опытов, ср.: «В "Болеславе" автор обращается к польской истории в тех ее событиях, которые легко находят себе аналогии и в русской истории, и которые, в той или иной степени, затрагивал Муравьев в своих более поздних собственно исторических работах» [Топоров, 2001-2007, 1, с. 129].

В 1785 г., когда Муравьев стал воспитателем Александра и Константина Павловичей, этот вопрос из теоретического превратился в практический: как и чему учить наследников престола. Насколько мы можем судить, к сюжету об Эрнесте он больше не возвращался. «Чувствительный» монарх не мог быть образцом для внуков Екатерины II, они должны были воспринимать политику в сложном контексте перманентной борьбы политических и культурных проектов. Поэтому ключевую роль в их образовании играла история: императрица написала «Записки касательно Российской истории», а Муравьев

использовал их для создания своих педагогических текстов, в чем-то упрощая, а в чем-то дополняя оригинал [об этом см.: Ивинский, 2023, с. 225-251].

Впрочем, с нашей точки зрения, это не означает, что «сентиментальности» в принципе нет места в этой интеллектуальной конструкции. Как кажется, данный сюжет ставит вопрос о соотношении «чувствительности» (пиетизма, шире – мистики) и «рационализма», «сентиментализма» и «классицизма» в эстетике Муравьева [(см., напр., тонкие наблюдения Н.Д. Кочетковой [Кочеткова]). С нашей точки зрения, его творчество нельзя полностью свести к предромантической поэтике[146]; напротив, Муравьев был во многом «продуктом» французского XVII в. с его элитарной образованностью, кодексом светского поведения, предвосхищавшим пушкинскую эпоху [об этом подробнее см.: Ивинский, 2018; Ивинский, 2019; см. также: Росси, 2015], а вместе с тем «унаследовал» от него рациональный взгляд на реальную политику, и взгляд этот с годами только укреплялся.

Соответствующим образом, отработав еще в юности сюжет о правителе-мистике, оценив глубину его внутренних поисков и переживаний, Муравьев потерял к нему интерес в зрелости. В 1780–1790 гг. его занимала именно реальная политика в ее актуальных, сложных и подчас неочевидных связях с историей и культурой, а книга Тессье в этот контекст включалась неочевидным способом, или просто никак. Вместе с тем, и эта книга, и сама тема мистика на троне сформировала политическое мировоззрение Муравьева, и оставалась до конца его жизни неотменяемым «фоном» его литературной и общественной деятельности.

***

В Приложении 6 печатается по рукописи полный текст «Жизни Эрнеста», сохраниышийся в ОПИ ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83–

[146] Ср. справедливое наблюдение Р. Нойхаузера: «Although the sensualist approach is obvious, Murav'ev still clung to the rationalistic basis. Reason and logic were of equal weight in the process of cognition» [Neuhäuser, c. 15].

127.). Она испещрена правкой Муравьева, здесь мы ее – кроме нескольких оговоренных случаев – не воспроизводим. Орфография и пунктуация приближены к современным: так, мы отказались от передачи некоторых букв (еръ, ерь, фита и др.); форм множественного числа на -ыя, -ия; устаревших написаний вроде: «естьли», «есть ли», «сево дни», «щастье» и т. п.; приставок, оканчивающихся на «з» в позиции перед глухим согласным и др. При этом в целях упрощения восприятия текста мы ставим пробелы между словами и частицами «ли» или «ж»; «е» заменили на «э» (например, вместо «ето» печатаем «это» и вместо «Ернест» -- «Эрнест»); «не» с глаголами пишем раздельно. Кроме того, мы сочли необходимым упростить и привести к современным принципам пунктуацию Муравьева, которая подчас настолько непоследовательна, что чрезвычайно затрудняет чтение: так, мы выделяем запятыми обращения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, а также ставим запятые в сложных предложениях; убираем лишние запятые, особенно те, которые отделяют подлежащее и сказуемое; прямую речь выделяем курсивом. В угловые скобки заключены предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов.

§2. Муравьев и Античность: неопубликованные переводы из греческих и римских поэтов.

«Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на Российский язык», созданное по инициативе Екатерины II (об этом см. выше), внесло огромный вклад в приобщение руссской аудитории к древним текстам, образам и сюжетам. Знание античности стало обязательным требованием для образованного дворянина того времени. За короткий срок были переведены десятки текстов; приведем выдержку из уже цитировавшейся выше книги В.П. Семенникова: «Под смотрением Собрания переводчиков были переведены разныя сочинения следующихъ классических авторов, которых мы располагаем в хронологическом порядке по времени издания переводов: Валерий Максим (Изречений и дел достопамятных книг девять), Гомер (Ватрахиомахия; Илиада; Одиссея — не издана), Овидий (Превращения; Две ироиды), Тацит (О положениях, обычаях и народах Германии), Феофраст (О свойстве нравов человеческих), Элиан (Различныя повести), Теренций (Комедии), Веллей Патеркул (Сокращение греческой и римской истории), Диодор Сицилийскій (Историческая библиотека), Геродиан (История о римских государях), Цезарь (Записки о походах въ Галлию), Цицерон (Размышления о совершенном добре и крайнем зле; О утешении; О естестве богов), Виргилий (Энеида), Лукиан Самосатский (Разговоры), Шесть писателей истории о Августах, Светоний (Жизнь двенадцати первых цесарей римских), Гезиодъ (Творения), Иосиф Флавий (Древности Иудейския; О войне Иудейской), Платон (Творения), Клавдиан (Творения), Авл Геллий (Афинских ночей записки), Павсаний (Описание Эллады), Плутарх (Нравственныя и философическия сочинения). Были переведены, но в печати не появились, еще Лукан (Фарсальская брань) и Страбон. Из этого перечня видно, какой вклад из сочинений древних авторов внесло в нашу литературу Собрание переводчиков» [Семенников, с. 14]. Ср. известные слова М.Н. Лонгинова: «Греки и римляне, вечные учителя и образователи человечества, были лучше

знакомы нашим дедам, чем нам. Они могли уже тогда читать в русских переводах Гомера, Гезиода, Анакреона, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Виргилия, Горация, Овидия, Цицерона, Тацита, Саллюстия и других древних авторов. Так как сочинения их раскупались, то нет сомнения, что пишущая братия того времени была просвещена и что не только она, но и вообще люди, имевшие наклонность к образованию, читали иногда древних. Итак, XVIII век имел в этом отношении немалое преимущество перед нынешним временем» [Лонгинов, 1867, с. 18]. Екатерина II придавала этому, казалось бы, частному литературному сюжету политическое и идеологическое значения: так, она подробно писала об этом проекте к Вольтеру, рассчитывая, очевидно, на широкое распространение ее слов в европейском интеллектуальном мире: «Я действительно одних с вами мыслей, что мне скоро надобно будет учиться греческому языку в каком нибудь Университете; между тем переводят уже Гомера на Российский язык. Для начала и этого будет довольно. Мы увидим по обстоятельствам, будет ли надобность в дальнейших успехах» [Екатерина, 1803, с. 122]. В этом фрагменте из письма от 7/18 октября 1770 г. все неслучайно: во-первых, императрица втягивает Вольтера в свои политические проекты, подчеркивая, что они с маститым автором «одних мыслей»; во-вторых, переводы Гомера оказываются в одном контексте с военными победами над Турцией; в-третьих, она писала, что изучение греческого напрямую зависит от успехов на фронтах, прозрачно намекая на возможность распада Оттоманской порты.

При этом важно не только то, что в сравнительно широкий оборот вводились десятки текстов, но и то, что давалась интеллектуальная рамка для их интерпретации. В этом отношении особенного внимания заслуживает перевод небольшой книги И.Г. Зульцера «О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение» (СПб., 1774). В компактном (всего 46 страниц) и доходчивом сочинении объяснялись основные положения екатерининской «культурной революции». Так, изучении культурного наследия древности – важнейшее условие воспитания нового поколения:

«Часто уже примечено, что юношество не могло бы иным образом быть лучше воспитано, как чрез безпрестанное обхождение с благоразумными людьми. Они своими разговорами поправляли бы и удобряли юношеской вкус и множество бы еще полезных истин нечувствительно им сообщали; примером же своим поощряли бы их к доородители. Но такое воспитание бывает редко возможным. Того ради надобно молодых людей приучать к обхождению с умершими и читать с ними прилежно самых лучших древних писателей. Классическая сочинения древних Греков и римлян суть к тому весьма способны» [О чтении древних, с. 3]. Изучая эти тексты, молодые люди не только совершенствовались в древних языках, но и «поправляли вкус», а также приобретали знания в истории и философии [О чтении древних, с. 6]. Зульцер писал о том, что совершенствование в языках – необходимое условие интеллектуального развития; более того, комплекс гуманитарных наук и знаний – это то, что отличает европейца от «варвара»: «Истинно есть то, хотя не везде еще по всецелому своему пространству известно, что с ограниченным и скудным языком необходимо сопряжены ограниченныя и скудныя мысли, как напротив обильной и совершенной язык чрезвычайно изъясняет и разпространяет помышления. Живописец натурою в пещаных Африканских местах обученной, никогда бы таких урочищ живописью не представил, которыя бы сравнится должны были с красивыми картинами преизрядных немецких и нидерландских мастеров» [О чтении древних, с. 7]. Таким образом, сама идея «европейскости» (напомним, какое значение ей уделяла императрица в «Наказе» и «Всякой всячине») ставилась в зависимость от способности юношей усвоить «европейские» идеи и образы. Муравьев усвоил и пронес через всю жизнь эти принципы екатерининского культурного проекта.

«Я бы любопытствовал узнать что есть наша Литтература в сравнении с собственными северными: Шведской, датской, Польской. Во всех сих народах давно учёные в Греческом и Латинском и в науках. Давно Университеты,

Академии и столетия целыя как они учатся по Гомеру и Виргилию <…>», — писал М.Н. Муравьев в своей «Записной книге», которая хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и о которой мы уже не раз говорили выше [Записная книга, л. 92]. По-видимому, русский поэт видел одну из основных своих задач именно в том, чтобы античные авторы стали неотъемлемой частью отечественного культурного поля, чтобы придворное общество прошло правильное обучение в «университетах» и «академиях». Для этого он годами переводил греческие и римские произведения, а также насыщал античной топикой свои оригинальные тексты. Большинство таких опытов так и осталось неопубликованным.

Современники отмечали увлечение Муравьева античной культурой; ср. некролог поэта, написанный Н.Ф. Кошанским: «Тут душа его носилась в различных веках и народах, и собирала вечные истины. Тогда узнал он все изящество великих умов древности, узнал их словесность, и страстно полюбил их философов, друзей человечества. Он знал языки древние так хорошо, что Латинскими стихами перевел Ломоносова Петриаду. Она в рукописи, и я имел счастие читать ее. Виргилия и Гомера знал почти наизусть, и так любил Греческий язык, что никогда не расставался с любимым философом своим Платоном и с Димосфеном — и по множеству занятий уделял им то время, когда ездил во Дворец» [Кошанский, 1807, с. 189–196][147].

С нашей точки зрения, сохранившиеся в «Записной книге» тексты позволят приблизить нас к тому, чтобы реконструировать литературную позицию писателя, а также пролить дополнительный свет на сложную

[147] Ср.: «Разнообразие занятий и интересов Муравьева поражает. Конечно, прежде всего он писатель, а в его писательстве главное — сфера художественного. Здесь он успел сделать очень многое, хотя часто пренебрегал доведением результатов до читателя. Муравьев писал стихи и прозу, большое внимание уделял драматургии и переводам с древнегреческого и латинского <…>. Более шестидесяти авторов (только из числа установленных) были переведены им, не говоря уже о неустановленных. Среди них Гомер, Сафо, Анакреон, Софокл, Еврипид, Федр, Феокрит, Каллимах; — Вергилий, Гораций, Овидий, Катулл, Марциал, Проперций, Теренций, Лукреций, Сенека, Лукан <…>» [Топоров, 2001-2007, 1, с. 17].

историю рецепции античной культуры в России (об этом см., напр.: [Любжин, 2007]).

Мы попытались представить «античное» наследие Муравьева во всем его многообразии — поэтическом и прозаическом, лирическом (оды) и лиро-эпическом (басни), «высоком» (поэмы) и «низком» (эпиграммы). При этом часто сложно, а возможно, и не нужно резко противопоставлять «оригиналы» и «стилизации». Напротив, как кажется, продуктивнее сопоставить и столкнуть такие тексты: так мы приближаемся к муравьевскому образу Античности.

С нашей точки зрения, Муравьев не пытался ограничиться ролью переводчика или культуртрегера, напротив, свою задачу он видел в том, чтобы предложить определенный вариант «синтеза» русской и древней культур, открыть пути развития «своей» словесности, которая должна была усвоить и абсорбировать поэтику и топику «чужой». Кажется, один из наиболее ярких примеров подобного рода — это «Эмилиевы письма» Муравьева: «Здесь я наслаждаюсь рассматриванием оной, размышлением и чтением. Я сравниваю зрелище природы с теми восхитительными списками оной, которые оставили нам древние. Гомер, Вергилий, Гораций препровождают меня на возвышенный холм или в приятную долину, по которой сверкает студеной источник. Картины певцов восхищают мое воображение. Я стараюсь разбирать красоты их. Записываю примечания мои. Осмеливаюсь перелагать по-русски места, которые более поражают меня <…>» [Муравьев, 1847, 1, с. 121–122]. И далее: «Никем не видим под тенью дерева, читал я своего Гомера. Воображению моему, обольщенному волшебством кисти его, казалася вся природа кругом меня одушевленною: леса обитаемы Дриадами, чистые струи без сомнения льются из сосуда какого-нибудь речного бога, увенчанного камышем. Но более всего сии нравы героических времен, чувствования сильные, великодушные, но неумягченные просвещением, грубые начала общежития, которым творения Гомеровы служат Историею, мечтаются мне

столь живо, как будто бы я сам был гражданином великолепных Микин или богатого Коринфа и стоял между Греческими ратниками, по рядам которых величественно шествует Агамемнон, очами и главой Юпитеру подобный…» [Муравьев, 1847, 1, с. 126][148].

Античность, по мнению Муравьева, предложила определенную культурную парадигму, которой пытались по-своему овладеть все просвещенные государства. В этом смысле показателен его труд «Опыты истории», которые он писал для великих князей Александра и Константина Павловичей. Остановимся на главе «Противоположение дикости и просвещения» и приведем несколько иллюстраций: «Период, в которой письмена процветают, означает высокую степень просвещения, которой какой-либо народ достигнул. От обитателя Огненной Земли до Европейца расстояние безмерно; однако от сей точки устремился последний. Первые шаги сокрыты непроницаемое темнотою: ближайшие к нам переходы из дикости в гражданскую жизнь сохранены преданием и Историею. Мы видим Греков, еще рассеянных в лесах и питающихся желудьми. <…> Какая разность между сими Греками и Греками Периклова времени! Когда Фидий оживил мрамор, Парразий заставлял дышать полотно волшебством кисти, Платон возвышал души красотою добродетели, бессмертные драмы Софокла и Еврипида представляли слияние философии, музыки и стихотворства. Что был тогда остаток Европы? — скудные и слабые племена диких занятые единственно существованием настоящего мгновения, скитались по непроходимым лесам ее и болотам. Никакого общества, никаких преданий. Для них Истории нет, или она состоит вся в том, что повествуют современные наших путешественники о диких Американцах» [Муравьев, 1847, 1, с. 316–317].

[148] Об этом см. подробнее: [Жилякова].

Итак, идея культуры оказывается у Муравьева неразрывно связанной с идеей истории, а значит, развития, отсутствие которого — признак «дикости». Соответствующим образом, способность племени (и, естественно предположить, индивидуума) усвоить идею истории — значит сделать решительный шаг к преодолению «тьмы», скрытой в бездне времени, а уровень развития определяется уровнем владения традицией. Читаем далее: «Возмужав в сильном варварстве, Галлы ужасали звероподобным видом тел своих победоносный Рим. Две тысячи лет спустя, потомки их, в сияющий век Людовика XIV, стали образцами вежливости, красноречия и искусств. <…> Явились великие дарования в стихотворстве и заимствовали все приятности и тонкости учтивейшего двора. Невежество перестало быть преимуществом. Язык сделался предметом общественного соревнования. Стыдно было благородному человеку не уметь говорить и писать с особливою чистотой. Неслыханные успехи драматического искусства распространили в обществе любовь просвещения и вкуса. Приметно нравы публики становились чище и строже» [Муравьев, 1847, 1, с. 317–318].

Мысль Муравьева очевидна: русские, как и ранее французы, могут пройти путь от варварства к цивилизации, от «тьмы» к «свету». Результатом этой культурной работы станет подлинно просвещенная страна, управляемая правильно воспитанной элитой, способной развивать вкус к изящному и вместе с тем к «просвещению». Во всем этом позиция Муравьева смыкалась с культурной политикой Екатерины II и с идеологией русского имперского проекта, окончательно оформленной именно ею.

Эталонным автором Муравьев признал Расина. Именно он оказался тем писателем, который воплотил идеал соединения «старого» и «нового»: «Но никто не соединил столько чистоты вкуса с волшебством слога, столько знания сердца с искусством расположения, как <…> Расин. Поражен с младенчества красотами древних, он сообщил языку своему все их величие и приятность. <…>» [Муравьев, 1847, 1, с. 318]. Итак, язык Расина — это язык,

вобравший в себя возможности «древних», т. е. греков и римлян. В этом именно Муравьев (как и многие его современники и предшественники) усматривал смысл «классицизма», призванного обеспечить культурную преемственность если не в пределах истории человечества, то в пределах европейской истории. По этой причине именно «классицизм» неизбежно оказывался фундаментом любой ответственной литературной деятельности, а все прочие «направления», «школы», индивидуальные творческие поиски приобретали смысл лишь в отнесенности к нему.

Попадая в контекст «Записной книги», «Античность» становилась не просто «своей», но «привычной», «уютной», «домашней»: для истинного классицизма не существовало границ, он должен был пронизывать все уровни культурной жизни независимо от того, насколько «общественными» или «частными», интимными, они могли мыслиться. Поэтому кажется естественным, что имена и цитаты из древних авторов перекочевывали, например, в письма родным: греческая и римская словесность становились неотъемлемой частью «жизни», которая, в свою очередь, преобразовывалась в стиль культурного мышления и в новую «литературу».

Не случайно поэтому, что М.Н. Муравьев начал свою писательскую карьеру со сборника «Переводные стихотворения» (СПб., 1773), в котором, как верно отметил В.Н. Топоров, «особо выделяются Анакреон и Гораций» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 22] (об этих текстах см.: [Топоров, 2001-2007, 2, с. 22–36]). М.Н. Муравьев опубликовал тогда два перевода из Анакреона («На старость» и «Необходимость пить») и четыре из Горация («Ода Carminum IV Liber I Из Горация к Люцию Сексту Консулярному», «Ода Carminum IX Liber III Из Горация», «Ода Carminum XVIII Liber III Из Горация. К Фавну», «Ода Carminum IV Liber IV Из Горация»). «Записная книга» предлагает картину гораздо более сложную: не претендуя на исчерпание темы, мы кратко обозначим основные направления и сюжеты переводческой деятельности Муравьева

Древняя Греция

Анакреон

Муравьев, как и многие его современники (А.П. Сумароков, М.М. Херасков и многие другие), обратился к так называемым «анакреонтическим одам». Об их формальных особенностях, степени их устойчивости / обязательности и о том, являются ли вообще оды такого типа отдельным жанром — дискуссии продолжаются до сих пор (см.: [Гуковский, 2001, с. 103-150]; ср.: [Лаппо-Данилевский, 2018, с. 384-402]). Не исключено, что именно вследствие отсутствия внятного ответа на эти вопросы М.Н. Муравьев быстро охладел к «анакреонтической оде».

В «Записной книге» находим только три перевода из Анакреонта: «Ода из Анакреонта» («Водою чернозем…») уже была напечатана [Муравьев, 1967, с. 251–252], «Из Анакреонта первая ода» («Я хотел бы петь Атридов…») и «Перевод Анакреоновой 30 оды» («Цветочными цепями…»), насколько нам известно, еще не вводились в научный оборот.

Из Анакреонта первая ода

Я хотел бы петь Атридов,
Я хотел бы Кадма пети
Но мои упрямы струны
Лишь хотят Ерота пети
Я нароком новы струны
Натянул намнясь на Лиру;
Но едва коснулся перстом,
Об Ероте забряцали,
Так прощайте в век Герои!
Петь я буду впредь Ерота

[Л. 61 об.].

Этот перевод сопоставим с текстом, который Н.А. Львов опубликовал в «Стихотворениях Анакреона Тийского» (СПб., 1794; об этом сборнике см.: [Лаппо-Данилевский, 2015, с. 177-234]) и который вошел в современное издание [Львов, 1994, с. 113]. Если публикуемый нами перевод действительно принадлежит М.Н. Муравьеву, а не является ранней редакцией львовского (что возможно, однако за отсутствием доказательств считаем его автором именно М.Н. Муравьева), придется зафиксировать факт несомненной близости литературных интересов М.Н. Муравьева и Н.А. Львова, чей интерес к классицизму общеизвестен. Даже если мы ошибаемся и М.Н. Муравьев только записал раннюю редакцию перевода Н.А. Львова, придется признать, что он это сделал потому, что текст этот соответствовал его собственной переводческой практике, а вместе с тем не исключено, что он планировал с ним в дальнейшем работать, с тем чтобы предложить свой вариант и тем самым вступить в творческое соревнование с Н.А. Львовым, а быть может, не только с ним, но и с М.В. Ломоносовым, «Разговор с Анакреоном» которого и М.Н. Муравьев, и Н.А. Львов могли или даже должны были (разумеется, каждый по-своему) учитывать. Так появляются некоторые основания для сближения литературных позиций поэтов. Напомним, что они были хорошо знакомы, довольно тесно общались, М.Н. Муравьев регулярно брал у Н.А. Львова книги, в первую очередь итальянские; ср. письмо М.Н. Муравьева к отцу, отправленное 18 февраля 1776 г.

О возможном «соревновании» М.Н. Муравьева и Н.А. Львова в переводе может говорить история тридцатой оды Анакреона:

Перевод Анакреоновой 30 оды

Цветочными цепями
Связав Ерота Мусы
В плен дали Красоте

Теперя Киферия
Несуща выкуп, просит
Ерота развязать.
И если б развязал кто,
Не выдет и пребудет.
Служити научился

[Л. 73 об.].

Если сравнить два текста, то бросается в глаза, что муравьевский вариант, во-первых, короче, во-вторых, у него нет названия, а в-третьих, он более архаичен по языку: «теперя», «несуща», «служити»; ср. перевод Львова: [Львов, 1994, с. 135]. «Перевод Анакреоновой 30 оды» датировать сложно: он также записан в «Журнале на 1776 год», однако, в отличие от первого, — на полях; что может свидетельствовать о его более позднем происхождении; кроме того, под ним, на полях того же листа, мы видим стихотворение «Любовь Грации простите…» — оно датировано 1786 г. и написано, как кажется, теми же чернилами. Сознавая зыбкость таких косвенных свидетельств, рискнем лишь высказать осторожную гипотезу о том, что данный перевод из Анакреонта можно также отнести к 1786 г. или более позднему времени. Планировал ли М.Н. Муравьев печатать его, неизвестно. Но теперь мы вправе утверждать, несмотря на ограниченный круг текстов, нам доступных, что М.Н. Муравьев, по крайней мере в 1770–1780 гг., интересовался Анакреонтом, его переводами на русский язык (по крайней мере, львовскими) и сам пробовал его переводить.

Гомер

Муравьев внимательно читал и изучал Гомера [см.: Ленчиненко, Любжин, 2019]. Отношение к нему, как и к другим великим поэтам древности, Муравьева было восторженным; ср.: «Питомец живописи прежде нежели дерзнет испытать кисть свою в писании с природы долго упражняет ее над

списыванием образцов и изучением древности. Такой же путь предначертан и спихотворцу. Не достает ли сему последнему изобилия образцов? И против Рафаелев, Тицианов и Коррежиев, разве не имеет стихотворство поставить Гомеров, Виргилиев и Анакреонов? Кажется, что юная природа истощила все свои силы и хитрости на образование разумов и дарований. Каких б она имела любимцов и наперсников в первых зрителях ея прелести! Нет, скажу я (подобно Гомерову Нестору), нынешний век не увидит мужей, равняющихся с богоподобным певцом Ахиллесовым, ни с пастухом Мантуанским, которой не имел только тех дарований, которых не испытал, ниже с величественным сыном Софиловым, учинившим себе соперника из ученика своего и ученика Сократова. Природа сияла тогда собственными красотами и не обременялася украшениями, которыя думают ныне придать ей люди. Люди воспипаны были в лоне ея и не гнушались тем, что представляла им с младенчества любящая их воспитательница. Вкус их не был изнежен. Красоты природныя преимуществовали над красотами условными» [Муравьев, 1819-1820, 3, с. 295-296]. Размышления Муравьева позднее привлекли внимание Н.И. Гнедича, который отозвался о них крайне сочувственно и в целом солидаризовался с их автором: «Для дополнения понятий о Гомере, едва ли найдет читатель, даже на языках иностранных, что либо лучшее и столь верное, как мысли о нем Муравьева, писателя, который так хорошо был знаком с Древними, и в творениях своих оставил прекрасную душу и богатые плоды познаний» [Илиада, 1829, с. XIII][149]. Муравьев, разумеется, переводил его тексты:

Ответ Ахиллеса Уликсу в аде.

Одисс: Я лучше бы стократ, хотел быть в заключенье,

Последних человек примая изреченье,

[149] См. также: [Фоменко, 1997, с. 107].

Как нежель мертвых царь, во мраке пребывать,

Мечтуя честь себе, теньми повелевать

[Л. 16 об.].

Еантово восклицание в Гомере.

О Боже! прогони, от наших мрак очес,

И против нас воюй, при светлости небес

[Там же].

И в Оддиссее <так!>

Там храбрый пал Еант, Ахилл непобедимой,

Там лет своих Патрокл, конец необходимой,

Мой сын, любезной сын, там дни свои скончал

[Там же].

Ср. также несколько известных эпиграмм, посвященных Гомеру:

Древняя епиграмма

Гомера седмь градов приемлют в гражданина,

Ким, Смирна, Колофон, Хий, Пил, Аргос, Афины

[Л. 21].

Загадка Гомеру от рыбаков

Когда поймаем их, так в тот же час и бросим,

А что не поймано, так то с собою носим

[Л. 21].

В Гомере естество всю хитрость изнуряло

И млат сломило тот, которым сотворяло

[Л. 27 об.].

Эсхил, Софокл, Еврипид

Особую роль в жизни Муравьева играл театр. Не мог он пройти мимо классиков западной драматургии. Несмотря на то что теме «Муравьев и Античность» сравнительно недавно была посвящена специальная работа, автор которой опиралась только на опубликованные сочинения Муравьева [Прокопьева, 2010], выводы обобщающего характера были бы преждевременны.

Подход к переводу классических текстов, как хорошо известно, принципиально изменился на рубеже XVII-XVIII вв. Труды мадам Дасье, которая перевела Анакреона, Сапфо, Аристофана, Плавта, Гомера и которая пыталась передать дух «живой Античности», оживили интерес к древнегреческим авторам [об этом см., напр.: Пахсарьян, 2015]. При этом одним из ключевых событий в этом сложном процессе стало легендарное издание Пьера Брюмуа «Le Théâtre des Grecs» [Brumoy], которое вышло в 1730 г. и затем многократно переиздавалось на протяжении всего XVIII в. и которое было известно в России (так, например, оно было в библиотеке И.И. Шувалова [Любжин, 2010, с. 167]).

Муравьев, как следует из его писем родным, учил древнегреческий; см., напр. письмо от 9 июля 1781 г.: «Давно хотелося мне зачать учиться по-гречески и по-аглински, я зачал, если можно льстить себя успехом, учася без руководителя». Ср. письмо от 31 марта 1793 г.: «Мне останется читать погречески, учить азбуке и разъезжать верхом». Из «Записной книги» мы

узнаем, что он планировал переводить Эсхила, Софокла и Еврипида. Чаще всего работа не продвинулась дальше названия: «Из Есхила. Промифея узника. Явление первое» [Л. 44 об.], «Из Еврипидовой Федры» [Л. 81 об.]. Но были и значимые исключения: отрывок из 15 строк «Из Софокла (Мне жалостно, что он в сем общем оставленье...) [Л., 108 об.], а также начало трагедии Еврипида «Орест»; приведем текст последнего:

Из Еврипида. Начало Ореста

Електра

Нет бедствий таковых, нет лютаго страданья,
Ниже ниспосланна от неба наказанья,
Которых перенесть не мог бы человек.
Так щастлив некогда, (не буди то в упрек!)
Зевесов сын, Тантал, зрит камень пасть готовой
И в воздухе висящ, сей терпит рок суровой.
Затем что в общий пир богами приглашен
Не возбранил своих нескромности устен.
Рожденной им Пелопс, родитель был Атрея,
Котораго судьба на трон возвесть радея,
Меж брата и его посеяла вражду
Готовя лютую Фиестову беду

[Л. 49].

В.П. Семенников указал, что «Собрание» планировало переводить и Эсхила, и Софокла, и Еврипида, однако эти планы не были реализованы [Семенников, с. 89], однако сейчас у нас недостаточно данных, чтобы высказывать какие-либо предположения о возможном участии в этом проекте Муравьева.

Каллимах

Каллимах – известнейший александрийский ученый поэт, представитель блестящего поколения, к которому также относился, например, Феокрит; его высоко ценили в поздней Античности[150], но в России, кажется, знали плохо [о Каллимахе см., напр.: Грабарь-Пассек, Гаспаров, с. 408-419]. Тем показательнее, что Муравьев обратился к его наследию.

Епитафия девице из Каллимаха

Взыскует суетно Самийския девицы
Их собеседницы, всех игор мастерицы,
Крифиды. Глас ея был сладок; тягость сна,
Которым все заснут, сомкнула ей уста

[Л. 87 об.].

Римская литература

Гораций

В соответствии с европейскими представлениями, Муравьев считал Горация одним из наиболее значимых европейских поэтов (об этом см.: [Топоров, 2001-2007; Фоменко и др.]) и включал его в следующий ряд: «законодатели вкуса суть Аристотель, Лонгин, Гораций, Буало» [Муравьев, 1847, т. 2, с. 239]. При этом в России ценили Горация не только поэта, но и теоретика: так, Г.Н. Теплов в «Рассуждениях о качествах стихотворца» писал, что «Во времена Августовы первый был Гораций, который последуя Аристотелю правила лучшие написал Римлянам к стихотворству»[151].

[150] Приведем только один пример: Овидий, которого так ценил Муравьев, в Любовной элегии I, 15: «Будет весь мир прославлять постоянно Баттова сына» (Баттов сын – Калимах) [Овидий, с. 48].
[151] Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Май, 1755 года. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, с. 374 [см.: Любжин, 2007, с. 21].

При этом восприятие Горация было сложным, направленным как в прошлое, к традиции Античной культуры, так и в будущее, в мир придворного остроумия Старого порядка. В этом смысле показателен один из муравьевских текстов — «разговор мертвых», в котором «участвовали» Гораций и А.Д. Кантемир; в уста русского поэта он вложил следующие слова: «Лестнейшие мои желания исполнены: беседую с Горацием. Я могу сказать тебе изустно, сколько пленяли меня стихи твои, снисходительная мудрость, тонкое остроумие придворного и величественный дух стихотворца, соревнователя греческой лиры. <…> Творец нового рода стихотворства, ты дал нам полную систему нравоучения самого здравого в посланиях остроумных и естественных» [Муравьев, 1847, 1, с. 297]. Муравьев неслучайно здесь повторил понятие «остроумие», возможно, это один из ключей к его восприятию поэзии древних. Таким образом он актуализировал наследие прославленных авторов и включал его в широкий контекст современных дискуссий о культуре, который был не представим вне придворной темы. Не менее показателен и следующий отрывок из того же текста: «Законодатель вкуса, ты останешься вождем стихотворцев всех веков и народов. Чувствовать красоты твои было мое достоинство; перенести их в мой отечественный язык, — покушение раннее и ожидающее успеха от позднейших писателей» [Муравьев, 1847, 1, с. 297]. Одним из этих «позднейших писателей» и стал Муравьев, который на протяжении всей своей жизни возвращался к стихам Горация и «переносил» красоты латинского стиха в «отечественный язык». Из этого следует, что самого себя Муравьев относил к тем отечественным авторам, которые сознательно ориентировались на роль знатока древности и «посредника» между нею и современностью, которая должна была быть оформлена и осмыслена в категориях этой древности и только после этого могла претендовать на собственное значение. В ряду механизмов такого оформления особая роль принадлежала переводам и переложениям древних авторов.

Вернемся к муравьевской «Записной книге». Во втором «журнале» («Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775») М.Н. Муравьев записал перевод восьмой оды Горация «К Лидии». «Журнал» на следующий, 1776, год наполнен переводами из античных авторов. Его название, однако, может ввести в заблуждение: на самом деле он состоит из более 100 стихотворений, написанных более чем за 30 лет — с 1772 по 1803 г. Разумеется, Гораций здесь представлен очень широко. Здесь находятся переводы и его од, и эпистол. Эти переводы важны не только сами по себе, но и в силу того, что они способствовали оригинальным творческим поискам Муравьева, который не только переводил Горация, но и подражал ему.

Осмая Горациева Ода кн: 1. К Лидии

Скажи мне Лидия (всех именем богов
Тебя я заклинаю)
Почто ты отрока во твой ушедша кров
Чтоб узничество несть твоих оков
Спешит привлечь погибели ко краю?
Почто он в поприще являться не радит
Дабы вмешатися ко юношам во стаю
Когда ни прах ему ни солнце не вредит?

[Л. 48 об.].

Еше один:

Горация книги первой Ода вторая

Довольно ты на нас наш отче раздражался,
На выи нам снега и бурный град, метал,
Твой храм твоей десной палящей поражал
И град сей трепетал.
И трепетал весь мир, той ужасом годины,

Как Пирра зреть чудищ была устрашена,
И стадо гнал свое Протей со дна пучины,
На горны рамена.
Как рыбы на ходу в древах остановляли,
Пищалась горлица знакомаго гнезда
И бегающих коз, что на горы цепляли
Вздымали уж вода

[Л. 57].

См. также:

Горациева XXXVIII ода книги первой

Убранство пышное меня не привлекает,
Не нравны мне венцы сплетены бахрамой:
И Роза где поздяй пучок свой разпускает
На что нам, мальчик мой!
Прекрасна Мирта ты спрошу со попеченьем
Чужой прикрасою отнюдь не бремени
Тебе приличен он и мне он украшением
Пиящему в сени

[Л. 70].

Из Горация Книги II Ода IX к Валгию

Не всегда тьмы тучи полны,

Дождь на мрачно поле льют,

Не всегда в Каспийски волны,

Раздраженны бури бьют.

Снег не кроет годы целы,

Арменийские пределы,

Валгий, мой любезной друг!

Утихает ветр суровый,

Что Гарганския дубровы

Облетает с ревом вдруг

[Л. 52].

А вот ода Горация, обращенная к Вергилию:

Горация книги первой Ода XXIV к Виргилию

Кто в нас зазрит сожаленье,

И о друге скорбный глас,

Ах! и вырвет вожделенье

И к нему склоняет нас?

Ты вдохни мне песни сиры,

Муза! коей с гласом лиры,

Ах! так сталось!.. так конечно,

И Квинтилия уж вечно

Бременит железный сон.

Добродетели сурова

Оскорбила часть его,

Не найдут оне другова

Для сожитья своего:

В сей душе оне живали;

В лоно искренней скрывали

Все сокровища свои.

Безразсудны что пленились

Коей скоро изменились

Насладясь немного дни[152].

Ты прекрасна непорочность

Чувство нежное добра:

Ты устен и сердца точность,

Честь, Астреена сестра.

Все обмануты вы роком!

Не стыдимся слезным током

Омрачить лица черты:

[152] На полях напротив второй строфы читаем:
Где прибегнут быв от крова
Отчужденны своего?

Долго мнили жить они
Безразсудны, обознались
Той, с которой вы свыкались
Суждены немноги дни.

Скорби кто уйдет насилий?

Но никто, никто Виргилий!

Так не сетовал, как ты.

Всуе сердца расточаешь

Томну нежность своего

И богов ты огорчаешь

Попрекая смерть его

Он не с тем тебе дарован

Чтобы в век к земле прикован

Для любви твоей дышал;

Пусть бы глас твоей свирели

Сами дубы разумели

Ты бы жалость в них внушал…

Но затем ко слабой тени

Не приидет дух опять

Кою раз во мрачны сени

Снизходил Меркурий взять.

Тщетно смертной умоляет

Он единым преселяет

Мановением жезла.

Сердце платит скорби данью

Но терпенье сильной дланью

Подпирает бремя зла

[Л. 58].

Третий текст — перевод оды IX книги III:

Гораций и Лидия

Гораций

Доколе страсть твоя моею вспламенялась,

И выи твоея,

Ничья кроме моей рука не прикасалась

И трон презрел бы я.

Лидия

Доколь ты мною тлел и Хлоя не вманила

Чтоб в сеть тебя поймать,

Любовницы твоей я б имя не сменила

На Ромулову мать.

Гораций

Владеет Хлоя мной и не хочу из плену,

Отстать от милых струн;

И если дни мои, ей примет рок в замену

Умру с охотой юн.

Лидия

Взаимной страстью к Орнитову я сыну,

К Калаису дышу.

И если умолю для юноши судбину

Два раза смерть вкушу.

Гораций

Но если мать любвина гнев наш улыбнется

Нас в узы возвратит

Твоя злодейка прочь от персей сих возмется

Так Лидия… простит?

Прекрасней солнца тот ты легче корки древа,

Сердитей волн морских

Но жить и умереть тобой прельщенна дева

Хочу с лукавством

[Л. 61 об.].

Четвертый текст — XI ода I книги:

Горац:<ий> Ода XI. Кн:<ига> 1

Брегись впреки людской судьбины,

Предел испытывать кончины,

И о предь будущих гадать;

Пусть проживешь ты годы многи

Иль днесь твой век скончают боги,

Умей терпеть и ожидать.

Меж тем вина исполни чашу

И, видя жизнь толь кратку нашу,

Надежду горду пресекай;

Мы говорим, а время мчится,

Что было, то не прилучится,

Что есть, того не упускай

[27 об.].

Л.И. Кулакова опубликовала другую редакцию данного текста:

Его же первая на десять одна книги первой К Левконое

Брегись, впреки людской судьбины,

Предел испытывать кончины

И о предбудущем гадать;

Пусть проживешь ты годы многи

Иль днесь твои скосятся ноги —

Умей терпеть и ожидать.

Меж тем вина исполни чашу

И, видя жизнь толь кратку нашу,

Надежду горду пресекай;

Мы говорим, а время мчится,

Что было — то не прилучится,

Что есть — того не упускай

[Муравьев, 1967, с. 265][153].

Приведем также текст эпиграммы на Горация:

Гораций прежде сам до сыта наедался,

Когда с Пермесскими сестрами он видался;

Какую лезя узреть в стихах тех красоту,

Которы сложены на тощем животу.

[153] Помимо пунктуации и отсутствия заглавия — см. отличия в 5 строчке.

В безсонницу и бред восторг весь превратится,

Когда на зуб зуб напрасно суетится

[Л. 26].

Итак, не подлежит сомнению, что Муравьев много читал и переводил Горация, при этом, очевидно, относился к этой работе исключительно серьезно. Имя Горация мы найдем в частных посланиях к родственникам — отцу и сестре; вот, например, письмо от 21 января 1776 г.: «Впрочем я о себе объявляю, что я слава Богу, здоров и нахожу приятное упражнение, в чтении Горация особливо: так что и Гараска применился, когда я спрошу маленькую белую книшку». Отметим также письмо от 23 октября 1778 г.: «Самой слог мой заимствует от недвижимости жизни моей. Сия недвижимость одушевляла столько щастливых ленивцов, Горациев и Анакреонов. А она погружает меня в полное бездействие. Тех мудрая леность превосходит многодельность такова множества безславных имян, которыя ценою безпокойствия целой жизни не могли исхитить себя от безизвестности. Вот разность: сии ленивцы были духи особливых дарований и не всяк употребляется им со стороны разума, кто превосходит их в лености». Это признание свидетельствует о том, что древние авторы осмысляются молодым поэтом как безусловно актуальные, и не только потому, что их произведения осмысляются в контексте современного литературного развития, но и потому, что с их именами связаны своеобразные модели литературного поведения, на которые можно было ориентироваться. Эти факты позволяют поставить вопрос о литературной позиции Муравьева. Г.А. Гуковский в 1930-е гг. назвал Муравьева в ряду «основателей» русского сентиментализма [Гуковский, 1938]; затем к этой мысли неоднократно возвращались исследователи, связывая его творчество с новыми идеями и принципами «предромантизма». Но не менее важно видеть связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии. Поэтому, например, Муравьев так много переводил Н. Буало, хотя, казалось бы, один из теоретиков т. н.

«классицизма» должен был бы потерять актуальность в последней четверти XVIII в. (об этом см. ниже).

Так или иначе, подражания Горацию, сочинявшиеся Муравьевым, к «предромантизму» имеют косвенное отношение, если имеют вообще; перед нами образцы его «классицизма», который он культивировал целенаправленно, рассматривая его как как фундаментальную основу европейской литературной традиции. Например:

Подражание Горациевой Епистолы, книги первой

К стихам своим.

О свиток, в коем я стихи те начертал,
Которы в сладостны мгновенья соплетал,
Тщеславен только тем что сам я наслаждался:
Ах если мыслил так, творец твой заблуждался,
Я зрю, что ищешь ты на стогн себе тропы,
Что хощешь наконец быть зрелищем толпы.
Какая честь тебе предстать пред очи Яна,
Стоять Вертумнова в соседстве истукана!
В убранство книг себя одеянна узреть;
То стоит, чтоб купца невольником умреть.
Уединение тебе уж ненавистно,
И собственна доброт признанье безкорыстно.
Не ети склонности хотел я влить в тебя.
Оставь дом отческий, стыдливость погубя
Затворятся тебе пути ко возвращенью.
Тогда; но поздно уж разкаявшись к смущенью
Ты горько возопишь: что зделал я с собой?
Меж тем не тронутой ни стоном, ни мольбой.
Нежалостный твой чтец отмстить тебе презорством

Те взоры милости, что принял ты с покорством.
Но коль прискорбие дать всуе свой совет
Грядущаго от глаз пророка не измет.
Под сими жизнь твоя чертами мною зрима:
Прекрасен юностью, любимцем будешь Рима.
Сиянье новизны утратится потом
И бывши выгодно с вельможами знаком
Меж черни будешь ты изыскивать знакомых,
Иль станешь пищею ленивых насекомых

[Л. 57 об.].

А на следующем шаге поэзия Горация превращалась в средство для решения актуальных литературных задач и даже формой непрямолинейного обсуждения истории русской литературы. В «Записной книге» находим пародию на оду Горация:

Примирение. Пародия оды IX книги I из Горация.

Бавий

Доколь моими ты стихами возхищался

И токмо мне венцы лавровы соплетал;

Тогда мой пышной слух в вселенной не вмещался,

Я Ломоносова превыше возлетал.

Мевий

Доколь в твоих очах никто мне не был равен,

Штивелия со мной еще ты не ровнял;

По Типографиям и я тогда был славен,

И Сумарокова с степени я сгонял.

Бавий

Теперь Штивелием одним я веселюся,

Он бранною трубой ведет пастушью речь;

И раз в Елегии, затем я заколюся,

Чтоб одами его Конфет не стали печь.

Мевий

Подобно и мою Херил прельщает душу,

Он Епиграммами поет Геройску Страсть;

Я дважды умереть в Елегии не струшу,

Чтобы стихам его в обвертки не попасть.

Бавий

А естьли Муз собор сплетает наши Лиры,

Коль в одах я своих Штивелья почерню,

Оттуда почернив, перенесу в Сатиры,

И с солнцом Мевия в Сонете я сравню.

Мевий

Хоть тот мне кажется плавняй Расина в слоге,

А ты нескладняе, чем самой Шапелен;

С тобой хочу стоять я вместе в Каталоге

И на рогожке быть с тобой совокуплен

[Л. 61 об.].

Античные персонажи обсуждали здесь русскую литературу, восхваляя Ломоносова и Сумарокова и традиционно издеваясь над Тредиаковским. Вместе с тем эти издевки, имевшие во времена Муравьева уже только исторический интерес, помогали ему оформить универсальную матрицу осмысления конфликта поэтического дарования и бездарности независимо от времени и контекста литературной жизни. Так «классицизм» Муравьева оказывался фундаментальной основой его литературного мировоззрения.

Еще один текст, возникший на границе оригинального творчества и подражания — «Ямбы». С одной стороны, ямбы в культурном сознании образованного человека XVIII в. ассоциировались с Архилохом, а с другой — с Горацием, который, как известно, учитывал традицию, восходящую к древнегреческому классику[154]. При этом в произведении Муравьева находим и римский, и греческий контексты; причем с упоминанием имени Архилоха:

Ямбы.

Питомец тихия Виргилиевой Музы

Хотел я на берегах стыдливой Аретузы

Незлобия любви, пастушьи пляски петь,

Но сердце злобою заставленно кипеть.

[154] Ср.: «<…> Архилоха размер лишь и страстность // Брал я, не темы его, не слова, что травили Ликамба. // Ты же не должен венчать меня листьями мельче за то, что // Я убоялся менять размеры и строй его песен. // Властная муза Сапфо соблюдала размер Архилоха <…>» [Квинт Гораций Флакк, с. 361–362].

Не учит нежности вообразить картину

Поколь стрелы в него вонзенной я не выну.

И кистью сильною тех лиц не омрачу

От коих уязвлен, я горку желчь точу.

На бреге чистых вод я жил с Атисой нежной

Любуяся ея душею безмятежной.

Не тщася вкруг себя глаз гордых низводить

На души, по земле рожденныя бродить,

Которым жизнь дая, природа погрешила

И их самих к себе почтения лишила.

Злотворна Фея их царицею была

Котору черна Злость с Сатиром родила

Родителей ея все злобы в ней стекались

Из уст, как из забрал, язвленья извлекались

И радость зло творить, разтерзывать сердца,

Писалась каждый день в движениях лица.

Атиса не могла, хотя бы и хотела

Чтоб подлость из нее малейша улетела

И с прочею толпой перед большим углом

Не вознамерилась ударить ей челом.

Жезлом волшебница начертывает круги

Преображаются в чертей ея подруги

Со раскаленными очами под бровьми,

И с закривленными и черными когтьми

От женских дьяволов спасла мою Атису

Стыдливость нежная, щитом из кипарису

Слетевши с небеси, смиренье, кротость с ней

И дружественных сонм девических идей.

При их явлении оцепенели черти

И толко злоба их исхитила от смерти.

Хлад Фею пробежал: хотела хохотать,

Но хохоты унес страх, вшедший в сердце тать.

Он ночи в сердце жил, их муча без отдоху

А я последовал Пииту Архилоху,

И огласил в народ гнев сердца своего,

Как пел веселия: глас лиры для всего

Для радостей любви, для яростного гнева

Чтоб мстити за тебя Атиса, нежна дева!

[Л. 87 об.].

Перед нами своего рода литературная декларация, в которую инкрустированы внятные немногим современникам указания на литературную биографию уже не Горация, а самого Муравьева: упоминание о жизни «на берегах стыдливой Аретузы» прочитывается как отсылка к вологодскому переиоду его жизни.

Вергилий

Наряду с Горацием, Муравьев внимательно изучал Вергилия [Росси, 2005], ср.: «Вергилий был из числа самых любимых им <Муравьевым. — А.И.> авторов <…> есть достаточно оснований говорить об известном “равнении” на римского поэта в его “буколико-георгических” текстах» [Топоров, 2001-2007, 2, с. 530]. В ОР РНБ сохранилась запись, которую Муравьев сделал после прочтения «Энеиды»: «Нынешнего года (1779?) прочел я «Энеиду», хотя с небреженисм, в продолжение десяти дней от 28 мая до 6 июня. Или ничего не останется в голове моей от сего божественного творения? Какая свежесть смешения красок! Какие подобия, разверзающие сердце, из сельской жизни столь изобильно заимствованные! Столь нежно дышит любовь в четвертой: столь священно преподаются таинства закона в шестой! столько корыствуемся любовию отечества и Трои во второй, кипящей с краю до другого ужасами ночи и сражений! Но волнение последних книг не имеет ли своего превосходства? Хладно ли прейдут то в Вергилии, чему удивляются в Гомере? Омрачен величеством здания, взор мой не может видеть слабостей в оном. Все мое тщание должно только в том быть, чтоб истинно влюбиться в красоты его... Читать Вергилия мимоходом есть оскорбление стихотворства и чувствительности. С ним надобно познакомиться и никогда не отчуждаться его: всегда питать чувство любви к нему. Эпопея есть верх превосходства в поэзии. Все опыты в оной требуют нашего почтения. Творцы «Илиады», «Энеиды», «Фарсалы», «Иерусалима», «Потерянного рая», «Мессиады», «Генриады», «Россиады» суть умы другого чина, нежели

Марциал, Катулл, Шольє, Проперций, Уц и сам Гораций, если бы он не был первый из лириков» [Фоменко, 1997, с. 124]. Отметим, что Муравьев, во многом согласно представлениям своего времени, поэму ставил выше лирики и выстроил ряд знаковых поэтов от Вергилия до Хераскова.

В поздней статье «Вергилий» Муравьев писал: «Какое неподражаемое совершенство искусства! Какое стихосложение сладостное, величественное, прекрасное! Какая живопись! Никто из поздних последователей Виргилия не постиг сего образца красоты <…> Глава Римских стихотворцев не довольствовался быть только стихотворцем. По примеру предшественника своего Гомера, но в другое просвещеннейшее время, он располагал всеми сокровищами человеческих знаний: глубокие сведения в древности, в Истории, Философии, градостроительстве, в природе, в искусствах сияют в божественных стихах его и производят чистейшее наслаждение разума» [Муравьев, 1819-1820, 3, с. 153]. Подобный универсализм, «энциклопедизм» отличал и самого М.Н. Муравьева, поэтому в этих строках можно видеть не только историчекий текст, но и определенную программу для любого современного поэта, который хотел бы добиться статуса классика.

В третьем журнале «Записной книги» содержатся переводы фрагментов двух важнейших текстов Вергилия — «Энеиды» и «Георгиков». Первый, возможно, связан не только с кабинетными занятиями Муравьева, но и с актуальными литературными сюжетами: поэт был знаком с В.П. Петровым, который, как хорошо известно, осуществил перевод главной римской поэмы в 1781–1786 гг. Может быть, этот факт объясняет, почему М.Н. Муравьев не продолжил своей работы. При этом, если перевод из 6-й книги «Энеиды» давно известен (ср.: [Прокопьева, 2007]), отрывок из 4-й книги, кажется, еще не привлекал внимания исследователей и не был введен в научный оборот — как и публикующийся ниже отрывок из «Георгик».

Виргилиевой Енейды Книга IV

Царица уж давно, любовью уязвленна,

Хранит ея в крови, тем болей вспламененна,
Большой Еннеев дух, велика рода честь,
Ей представляют вдруг, все что они ни есть,
Взор и слова его, в уме напечатленны
Спокойства члены, им угоднаго лишенны,
Светило Фебово, вводило в мир уж день,
Зарю прохладную, уж прогоняла тень,
Как в безпокойстве так сестре та говорила:
Какая страшна нощь, сомненнумя страшила,
Кто новый сей пришлец на наших что брегах,
Каков осанкою! как мужеством в боях!
Он верно от Богов, не всуе, произходит,
И самозванцов лишь, всех совесть в страх приводит,
Но он в каких, увы! нещастьях не бывал,
Какия брани нам свои повествовал,
Коль бы не твердо мне было и неподвижно,
Чтоб в мужнене вступать, соединенье ближно
Как обманула смерть уж первую любовь,
И тем мя отвлекла, к вступленью в оный вновь,
Един в оковы <?> вновь погрешностью мя сею
Возмог он учинить, по бедственным Сихею,
Противным толь судьбам, един мог наклонить,
Все чувства и меня любовью заразить
Потушшаго огня я следы признаваю,
Но прежде пусть земля разверзется желаю,
Иль пусть всемощный Зевс, низринет мя стрелой,
В места, наполненны, глубокой, мрачной тьмой,
Как нежель преступлю о стыд! перед тобою,
Тот всю мою любовь унес во гроб с собою
С кем сердцем я была, досель сопряженна,

Пусть он ея хранит, пусть будет с ним она!
Рекла: и очи в друг наполнились слезами
Драгая! говорит так Анна ей словами
Иль хощешь ты года младыя погубить,
Не хощешь ощущать ты сладости любить,
Иль мнишь что хладный прах, любови есть причастен,
И хотя бы было то: Иарб тобою страстен,
И в Тире преж сего и в Ливии презрен

[Л. 32].

См. также опыт перевода из «Георгик»:

Из Виргилия Георгиков книга III 219 ст.

Ходит пастися в дремучем лесу прекрасна телица:
Тогда вкруг волы с великой буйностью бьются.
Черныя раны для; тела кровь мрачная моет:
Пронзаются обращенныяроги со стоном
Злостным: стону леса и небо ответствуют ревом.
И враждуя не могут вместе пастись и единой,
Побежденной отходит и долго живет в заточенье

[Л. 62].

Планировал ли Муравьев возвращаться к «Георгикам», неизвестно. Однако и этот небольшой фрагмент свидетельствует по крайней мере о неслучайности муравьевского интереса к Вергилию и его «Георгикам», а высокий уровень перевода — о серьезности и напряженности поисков.

Овидий

Овидий – один из важнейших античных писателей для русской литературы XVIII в. Уже Феофан Прокопович отнес его к числу образцовых авторов, которым следовало подражать: «Так, приступая к сочинению героической

поэмы, сначала читай Виргилия; собираясь писать трагедию, посмотри Сенеку; в комедии подражай Плавту и Теренцию; в элегических стихах — Проперцию и Овидию; в сатирах — Персию, Ювеналу и Горацию; в лирическом жанре — одному только Горацию; в эпиграммах следуй только Марциалу» [Феофан, с. 382; ср.: Любжин, 2007, с. 127]. Идеи и образы произведений Овидия использовал А.Д. Кантемир в своих сатирах [об этом см.: Щеглов, с. 40, 62, 73, 85, 88, 147, 152 и др.]. Тредиаковский использовал стихи Овидия в качестве эпиграфа к своему «Новому и краткому способу» [Тредиаковский, 1963, с. 365]. В «Эпистоле от российския поэзии к Аполлину» Овидий среди лучших поэтов древности:

Уж Эней описан там, сердца добронравна,
Чрез Вергилия в стихах князя толь преславна;
И Горациева всем есть люба уж лира,
С Ювеналовой притом колюща сатира.
Где Овидий уж не чтен радостно пресладкий?

[Тредиаковский, 1963, с. 391].

Тредиаковский прямо соотносил свое собственное творчество с овидиевским наследием; так, он специально подчеркнул, что его «приятели» находили «дух Овидиевых Элегий» в его пьесах: «Никогда б, поистине, сие на меня искушение не могло прийти, чтоб издать в народе оные две элегии , ежели б некоторые мои приятели не нашли в них, не знаю какого, духа Овидиевых элегий. Сия их ласкательная и излишняя ко мне милость, даром что меня, по нескольку во всех нас с природы пребывающему самолюбию, на сие ободрила, токмо будучи сведом о подлом разуме, малом искусстве и слабых моих силах в стихотворстве, сам признаваюсь, что еще больше я отстою от красоты слога, тонкости мыслей и способно текущего стиха Овидиева, нежели сам Овидий отстоит от меня древностию времени, в которое он свои элегии писал» [Тредиаковский, 1963, с. 396]. Муравьев, русский «римлянин», также

мог стремиться к тому, чтоюы сохранить и передать дух сочинений классика. В 1760 гг. получил распространение жанр превращений, очевидно, отсылающий к Овидию [см., напр.: Богданович, 1957, с. 129 (кроме того, он упоминал римского классика в «Душеньке»); о Хераскове и Овидии см.: Любжин, 2007, с. 128-129]. В 1774 г. перевод «Ироид» Овидия выпустил В.Г. Рубан [Рубан, 1774], к которому Муравьев относился, по-видимому, иронически (см. выше), что могло мотивировать его создать «своего Овидия». В 1781 г. Муравьев написал свою героиду – «Андромаху к Пирру. Героида», которая сохранилась в «Записной книге». По-видимому, Муравьев обработал «Письмо восьмое. Гермиона — Оресту» из «Героид» римского классика. При этом важно, что Муравьев свою «версию» перевел стихами, в то время как Рубан предложил опыт прозаического перевода

Андромаха к Пирру

Героида

1781 г.

Ко Пирру пленница, Екторова жена,

Пишу прощения, писать принуждена.

Без оскорбления священну мужню праху,

Ты унижающусь услышишь Андромаху.

В первый, в последния, в единственной вине,

Которая могла прошений стоить мне:

За жизнь, которой я спасти не уповаю

За жизнь младенцову я длани воздеваю.

За сына вопию. Он многих сын царей

Рожден в величии, для Греческих цепей.

Пускай судьбы его сие изображенье,

Сиянья, бедности противуположенье.

На милосердие и Пирров склонит дух:

Коль смертных бедствие приходит в Пирров слух.

Затем что о тебе судя по поведенью,

Которым ты меня приводишь к преступленью

Иль сына моего на убиенье дать,

Иль Ектора забыв, твоей супругой стать:

Жесточее тебя не видано тирана.

Со Ектором была я в жизни сочетана

И сердце ах! сие горело им одним.

Все нежности мои легли во гробе с ним.

Сей Ектор и меня во гроб свой призывает;

Но Андромаха путь желанный прерывает,

Чтоб клятвы на тебя безсмертным возгласить

Астианаксу жизнь печальну испросить.

И мене гневнаго оставить властелина

Для Андромахина, для Екторова сына

[Л. 46].

Можно предположить, что и перевод «Метаморфоз», сделанный В.И. Майковым в 1775 г. [Майков, 1775], был своеобразным «ответом» Рубану; важно также, что маститый сочинитель поручил предисловие к книге написать совсем юному Муравьеву.

Об Овидии Муравьев писал и позже, в своем «Рассуждении о различии слогов»: для него Овидий, прежде всего, поэт остроумный, без сожаления расточающий многообразные плоды воображения, и в этом отношении противоположный Вергилию: «Виргилий не употребялет к своей Энеиде почти никаких фигур <…> Напротив того Овидий, сей чрезвычайной любитель своего разума, не мог наслаждаться совкровищами оного, как только их расточая. Остроумие его повсюду новые цветы рассыпает и по своенравию его воображения кажется, что и слог его льется» [Муравьев, 1783, с. 9]. При этом Муравьев относился к Овидию сложно, позволяя себе легкую критику класссика [об этом см.: Ленчиненко, 2011].

В «Записной книге» находим несколько муравьевских переводов из Овидия. Первые два — из «Метаморфоз»:

Железо вредное является изъято:

Железа самаго еще вреднейше злато

И брань, воююща посредством обоих.

Ов.<идий> Превр.<ащения>

[Л. 31 об.].

См. также:

Из Овидиевых Превращений.

Кн. XIII. ст. 899.

Перестала от своей беседы Галатея.

Кружок разрушимся и влага Нимф лелея

На мягких раменах подъемлет и несет.

Отходит Скилла прочь, за тем что сердца нет

Предатися морским стремленьям безпокойным.

И то, без платия, песком гуляет знойным

То утомленная, где найдет острану

В своем исходище клубящуюсь волну

Свои включенныя в ней члены охлаждают

[Л. 118 об.].

Перед нами отрывки, написанные в разное время. Первый был написан на полях — верный признак позднего обращения Муравьева к этому сюжету. Собирался ли поэт продолжить работу, неизвестно. Мыслил ли он эти опыты как опыт скрытой полемики с Майковым, мы не можем утверждать со всей определенностью, однако, очевидно, он видел пространство для уточнения некоторых нюансов, которые были для него значимы. Третий текст — перевод элегии Овидия:

Овидиевых печалей

Елегия X кн. I-я.

Творенья кои ты в сей книге прочитал,

Во трудном странствии своем я начертал:

В Декемврии, во мраз и сердце полно горя

Ходящии на зыбях Адриатийска моря

Или предгорие Коринфско перешед,

Для бегства в ладию другую пересед.

Что я стихи слагал меж тем как волны тьмились

Егейски, мню, тому Циклады изумились.

Теперь я сам дивлюсь что в смуте таковой

Меня еще не весь оставил разум мой.

Безчувством этот труд, безумием назовите

Мой дух успокоился сей склонности в защите.

Восходом козлищ вся кипела глубина,

Была влиянием Стеропы надмена.

День меркнул, если страж медведицы казался,

В созвездье Иад свод неба отверзался,

Вал ярый корабля пещеры наводнял;

Я трепетен стиховов страницы наполнял

[Л. 128 об.].

Наконец, последний овидиевский текст в данной подборке — элегия на смерть Тибулла:

Овидиева елегия на смерть Тибулла

Коль правда что богинь юнейшая, Аврора

Смеющась своего лишала землю взора

Как Мемнона по ней Пилеев сын простер,

И сына, в очередь Пилеева костер,

Прекрасной дщерию оплакан был Дрозды

Что сердцу и богинь наносит смерть обиды;

Что медлишь и власов своих не разбиешь,

Ты кая, право днесь Елегией слывешь?

Или не ведаешь? Кто юноша священной

Под тайной сению тобою возвращенной,

О горесть! Протяжен и мертв лежит Тибулл.

Се отрок Пафии несет уж праздный тул

Преломлен лук, свещу утративш

[Л. 77].

Отметим, что Муравьев планировал переводить и самого Тибулла. Так, в его «Записной книге» находим заголовок «Из Тибулла» и начало первой строки: «Не будет женщины» (Л. 125).

Среди рукописей Муравьева находим также заголовок «Дидона к Енею. Героида» [Л. 123], однако дальше него дело не пошло. Тем не менее, очевидно, что речь шла о возможном переводе «Письма седьмого. Дидона — Энею» «Героид» Овидия.

Катулл

Катулла отлично знали в России: его стихи использовали или обыгрывали Стефан Яворский, Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир [Любжин, 2007, с. 60-61]. Муравьев относился к Катуллу сложно: признавая заслуги римского поэта, он отказывался видеть в нем «образец» для подражания и противопоставлял Вергилию, Тассу, Расину, Клопштоку и Виланду: «Мои образцы Виргилий, Тасс, Расин, Клопшток и Виланд, существа высшия, имеют своими почитателями, почипателей добродетели. А Марини и Катулл под знаменами своими ведут только тех юношей, коим для исправления должно читать Ювенала. ... Да будет безумное ревнование сие в сокровенности! да будет оно мне только полезно» [Муравьев, 1819-1820, 3, с. 310]. Тем не менее, Муравьев переводил Катулла. Его могла заинтересовать литературную позиция известного неотерика: смелый экспериментатор, базировавшийся на глубоком «ученом» знании словесности.

Из Катулла

Станем жить, любиться станем

Дорогая, но суды

Сплетников <соперников?> переговоры

Не поставим ни в копейку

Закатиться, возвратиться

Могут солнцы: нам однажды

Если краткой день затмится;

Уснем ночь, едину, вечно

Будет спать ночь долгу веку

Будет спати ночь сплошную

Тысячу мне поцалуев

Подари да сто в добавок

После тысячу другую

И с добавочною сотней

А наделавший тьму тысяч

Помешается во счете:

Не завидовал бы злобный

Зная столько поцалуев

[Л. 65].

Перед нами стихотворение Катулла «К Лесбии». Ср. более поздний перевод:

К Лесбии

Будем жить и любить, моя подруга!

Воркотню стариков ожесточённых

Будем в ломанный грош с тобою ставить!

В небе солнце зайдёт и снова вспыхнет,

А для нас, лишь погаснет свет мгновенный,

Непробудная наступает полночь.

Так целуй же меня, раз сто и двести,

Больше, тысячу раз и снова сотню,

Снова тысячу раз и сотню снова.

Много сотен и тысяч насчитаем,

Всё смешаем потом и счёт забудем,

Чтобы злобой завистников не мучить,

Подглядевших так много поцелуев!

[Мастера, 2, с. 247].

Марциал

Марциал – мастер эпиграммы. В России его знали и ценили, по крайней мере, с начала XVIII в. Так, например, Феофан Прокопович неоднократно ссылался на него в трактате «О поэтическом искусстве». Более того, в главе V «О частях и особых достоинствах эпиграммы» он советовал подражать в этом жанре именно ему: «Главных достоинств эпиграммы три: краткость, приятность и остроумие; их число описал Марциал в очень изящном двустишии, сравнивая эпиграмму с пчелой:

Пусть всякая эпиграмма будет словно пчела: пусть у нее будет жало, свой мед, и пусть она будет незначительных размеров.

Незначительными размерами тела пчелы Марциал намекает на краткость, медом — на сладостность, жалом — на остроумие или остроту.

Краткость неопределенна; бывает даже одностишие; как например знаменитая Марциалова:

Бедным хочет Цинна казаться; и точно — он беден» [Феофан, с. 444; ср.: Любжин, 2007, с. 163]. И далее: «Итак, сладостность порождают те слова, которые сами являются сладостными, созвучны предметам по быстроте или медленности, это не слова обыденные, а отобранные и звучные, так что сдается, будто они не проникают, а прямо текут в уши. Таких много у Марциала» [Феофан, с. 445]. Переделывал эпиграмму Марциала В.К. Тредиаковский [Тредиаковский, 1963, с. 415]. Муравьев перевел несколко его текстов Марциала. Вот первый:

Из Марциала

Как жив Виргилий был, Рим Енния читал,
Гомеров век, на смех Гомера подымал.

[Л. 16 об.].

Второй:

Епиграмма из Марциала

Ты всякой день, когда я в гости еду
Зовешь Албин! к обеду,
А нынче, сколько я о том и не тужу,
Но не погневайся, я дома просижу

[Л. 33].

Наконец, третий:

Heu! nescis nostrae[155]

[155] Видимо, Муравьев отсылал к эпиграмме I, 3 Марциала: «nescis, heu, nescis dominae fastidia Romae».

Не знаешь Городской, ты гордости примера,
И мальчики у нас, носатей Риноцера

[Л. 26 об.].

Как и в случае с Горацием, Муравьев не просто переводил этих поэтов, но и, по крайней мере в отдельных случаях, рассматривал их произведения как материал для собственного творчества. Так, он пробовал подражать Марциалу:

Епиграмма в подражание Марциаловой

Причетник был Софрон, теперя стал он врач;
А разность только та; работав над могилой,
Он тоже непотач!
Теперь тащит к ней силой.

[Л. 31 об.].

Лукреций

Муравьев, анализируя категорию величественности, приводил в качестве примеров поистине высокого стиля Гомера и вслед за ним Лукреция; см.: «Величественность воображения состоит в том, чтобы видеть во всем их округе орудия природы и возможностей и заставлять их действовать дял произведения поражающих явлений. Таково есть изображение Гомеровых Богов и разные составы чудесностей, употребленные в Эпических поемах. <…> Иногда самая необъятность и неопределенность картины составляют ее величество. Лукреций говорит об Эпикуре:

… Далеко он промчался
За пламенеющий вселенныя предел
И неизмеримость душею прелетел.

Здесь-то находят свое место выше приведенные строфы из нашего великого лирика, так как и множество прелестных картин, которые беспрестанно друг другу последуют в его неподражаемых одах» [Муравьев, 1783, с. 18, 19]. Отметим, что в этом контексте Ломоносов оказывался

наследником Гомера и Лукреция, а Муравьев – Ломоносова. Отметим также и еще один русский историко-литературный контекст, который мог быть значимым для Муравьева: с Лукрецием сложно полемизировал Херасков в своей поэме «Плоды наук» [Любжин, 2007, с. 58].

Из Лукреция, о естестве вещей.
Книги шестой,
О Магните

Теперь скажу, каким союзом естества,
Тот камень, что земля Магнезска изсекает,
Тяжелое, к себе железо привлекает.
По отчеству, его зовет Магнитом Грек.
Не редко, зря его, чудится человек,
Как он из колец, цепь без связи, составляет,
И пять и боле, их в одно совокупляет.
Тут тихий ветерок вдруг станет повевать,
Поклонет их вперёд и клонет тот час вспять.
Взаимно кольца все влекут себя в союзы,
Друг друга тронут лишь; и вступят сами в узы

[Л. 59].

Возможно, обращение к Лукрецию и выбор именно этого отрывка объясняется интересом Муравьева в 1770-е гг. к естественным наукам. Из его переписки мы знаем, что он посещал лекции и пытался самостоятельно изучать физику и математику; см., например, письма Муравьева к отцу от 1 февраля 1776 и от 3 марта 1776.

Лукан

Муравьев чрезвычайно ценил Лукана и не только переводил из него, но и использовал его приемы в собственном творчестве, например, в «Фарсальской битве» (об этом см.: [Любжин, 2007, с. 145]). Возможно, в этом сказалось и положительное отношение к римскому поэту М.М. Хераскова; ср. предисловие к «Россияде» [Херасков, 1807, с. XVI]. В «Записной книге» обнаруживаем еще одну «Героиду», на этот раз это перевод из «Ферсалии, или поэмы о гражданской войне» Лукана. Муравьев сделал две пометки в тексте: рядом с заголовком он поставил дату «1778 г.», а приблизительно в середине отрывка — «1795». Таким образом, над этим переводом Муравьев работа без малого двадцать лет.

Героида Корнелии к Помпею, по Ферсальской битве. 1778

Сразили небеса нещастную меня!
Как буду я писать потоки слез лия?
Слова, что во устах теснятся умолкают,
Рыдания мя рвут и душу замыкают.
Супруг! котораго могла я полюбить,
Затем, чтобы своей любовью погубить.
Безумная! когда тебя я поражаю,
Я варварка! тебя гублю и обожаю;
И странствуют вокруг возторженной души,
Ферсальския поля и Кесарски мечи.
Ударьте молнии в Помпеева злодея
Не Кесарь враг… я враг великого Помпея.
Я, я с собой везде нещастье приношу,
Что жизнь свою терплю пред отчеством грешу.
Отечество! Когда злодейку ты рождало
Почто себя любить изверга побуждало?
От вреднаго еще не чуждо существа,

Присутство есть твое присутство божества.
Я чувствую его: я жизнию б своею,
Летела спасть тебя: но ты погибло ею
Не может жертва быть сия принесена
Она погибелью твоей осквернена.
Бежит надежда прочь кончины столь отрадной,
Отчаянье меня рукой объемлет хладной.
Я все вкушу беды, которых я виной
Вкушу лишь только б быть Помпеевой женой
И есмь: напрасно ты ревнуя возникаешь,
И мне Июлия супруга попрекаешь,
Что хищница во одр твой дерзостно вошла,
В сокровище раздор и брани принела.
Умела оправдать свои ты предсказанья
и над соперницей отмстить твои терзанья.
Безсильна злость твоя того лишь приключит,
Чтоб от супружняго мя сердца отлучить.
Зри грамоту, что брань протисну описует,
Где лучший вождь позор … судьбины повествует:
К Корнелье, пишет он, к возлюбленной моей.
О муж божественной! достойной алтарей
Един сияние поддерживавший Рима,
Против стремления судьбы необорима
Помпей! единожды послушай слов жены,
Что нежной в сердце к ней болезнью вложены.

1795 Боязнью иль души движеньем отчужденной,
Спеши к Корнелии, в сей остров удаленной
Тобой оставлена, где слезы я лию:
Оставь падущий Рим, спасай главу свою.

Не в робких войсках Рим, не в изгнанном Сенате;
Рим тамо весь, где ты. В одном твоем возврате
Хранится таинство спасения его.
Явись, и в Риме ты не найдешь никого
Кто б не был важностью твоей обезоружен,
Кому не знаем ты и Кесарь был бы нужен.
Коль Кесарь победил, угодно то судьбе;
Но ты не побежден, коль равен сам себе,
Когда присутственно тебе изображенье
Великих дел твоих. Что значит пораженье?
Виновной стороне рок служит иногда;
Но и успех ея исполнен есть стыда.
Служа отечеству, ты назван был Великим:
Ты служишь и теперь по подвигам толиким;
Другие думают его поработить.
Врагам отечества твой славной жребий мстить.
Кто други Кесаря? Антонии, Лепиды,
Которых цела жизнь распутства и обиды.
Тебе последует, страж истины, Катон.
(Когда б ты был неправ, сказал бы смело он.)
И Туллий, некогда отечества спаситель,
Витийством страшной злым и твой превозноситель
И с ними юный Брут, соревенователь их,
Что в Риме знатнаго, все в воинствах твоих.
Хоть рок их удивил, повсюду их разсея;
Со всех сторон они сберутся вкруг Помпея.
Их силой крепок, Рим виновной потряси,
Далеко Греции войну перенеси.
Боюсь сей Греции, где щастьем ты обманут.
И боги за тебя близ храмов их возстанут

Победа быстрая и Веста и Квирин:
Квирин, что так как ты, был первый гражданин.
Твоими попраны почувствуют стопами
Присутствие твое пути и стогны сами,
По коим торжество свое ты совершал,
Когда плененный Понт то шество украшал.
Тому ль убежища искать от сопостата,
Кто Рим освободил от страху Митридата?
Где Царь, которой бы покровом был твоим?
Вселенная дрожит, где ты неустрашим?
Всех держит Кесарь днесь ко рабству приклоненных:
Гостеприимству ты не верь иноплеменных.
Корысти преданы единственно своей
Не знают варвары великих чтить людей
Не дай им поводу сделать преступленье
Спеши к Корнелии: вот все мое моленье

[Л. 69–69 об.].

К этому тексту тяготеет еще один отрывок из «Ферсалии»:

Из Лукана Книга III. Сон Помпеев

Уж Австрапарусы дыханьем полны стали,
И моря корабли средину прелетали,
Всяк дале в Понт пловец, смотрел и проникал,
Един лишь глаз Помпей, с Итальи не спускал,
Поколь пристанища, поколь брега любезны,
Мог видеть вдалече и различати взор,
Вершины в облаках скрывающихся гор.
Се сладкий сон его смыкает томны очи,
Ужасная мечта, спокойство рушит ночи.

Зрит Юлию свою встающу от теней
Над пламенеющей гробницею своей,
Увы! я из полей влекуся Елисейских,
Ко Стиксу, вопиет в жилище душ злодейских,
С тех пор как в Риме брань гражданская кипит.
Я зрела пламенник держащих Евменид

[Л. 42 об.].

Перевод «Ферсалии», пусть и сравнительно небольших отрывков (из девятой и третьей книги соответственно), один из которых «преобразован» в «Героиду», — явление для русской культуры той эпохи уникальное. Дело в том, что первый полный прозаический перевод на русский язык поэмы Лукана был осуществлен в 1819 г. С. Филатовым, а стихотворный — только в XX в. Известны опыты П.И. Голенищева-Кутузова, который также обращался к наследию Лукана, однако вряд ли раньше Муравьева. Это свидетельствует одновременно и о глубине знаний Муравьева, и об уровне его амбиций; впрочем, этот проект так же, как и многие другие, остался не реализован.

Федр

Басни — один из любимых жанров Муравьева. Один из немногих опубликованных при жизни его поэтических сборников — именно «Басни» (СПб., 1773). В нем он напечатал 19 текстов. В «Записной книге» находим несколько произведений, избежавших печати.

Баснь IV. Фед<р>

Теряет тот свое чужаго кто желает,

Собака плывучи добычу ртом несла,

Свои образ там в воде она увидела,

И мнит что на другой она кусок взирает

Пустивши изо рту тот что дотоль несла,

Чего хотела та достигнуть не могла

[Л. 19 об.].

Муравьев, кажется, стремился в этом случае к точности. Вот филологически адекватный перевод данного произведения, сделанный в XX в.:

Собака и ее отражение

Льстясь на чужое, своего лишаешься.

Собака, с мясом через реку плывшая,

Свой образ в зеркале воды заметила.

Решив, что это пес с другой добычею,

Отбить хотела; но просчиталась жадная:

И упустила свой кусок, что в пасти был,

И не нашла того, на который зарилась

[Федр, с. 9].

Эта басня Федра была хорошо известна в России. Ср., например, перевод И.С. Баркова 1764 г.:

Плывущая собака через реку

Кто гнаться за чужим охоч, своё теряет,

Как подлинно о том нас басня уверяет.

Собака мяса часть через реку несла,

И, тень свою узрев в воде, когда плыла,

Подумала, что пёс такую ж мчит находку,

И, чтобы вырвать, вдруг хотела взять за глотку.

Завистливый кобель как рак на мель попал,

Свой упустил кусок, другого не достал

[Мастера, с. 90].

Приведем еще два перевода Муравьева из Федра:

Баснь. Человек и змея.

Кто вспомогает злым, тому впредь будет жаль.

Замерзшую змею шед мимо некто взял,

И в пазухе огрел. Змея ожив явила,

Мзду милости его, и тотчас умертвила,

Спрошенна будучи, кто повод тому дал:

Ответствовала чтоб, кто злым не помогал

[Л. 8 об.].

Ср.:

Замерзшая змея и крестьянин

Кто помогает злым, потом раскается.

Змею, совсем застывшую от холода,

Себе на горе кто-то пригрел за пазухой,

А она, ожив, тотчас его ужалила,

И на вопрос, зачем она это сделала,

Сказала: «Чтобы впредь не помогали злым»

[Федр, с. 46].

Баснь. Змея и пила

Не равным зубом кто, острейшаго кусает

Пусть в басни сей себя описанна познает.

Пришедши некогда в столярну лавку змей,

Искал, чтобы поесть, нашёл пилу он в ней,

И стал ее кусать. Пила на то сказала

Что хочешь ты кусать железо что кусала

[Л. 8 об.].

Ср.:

Змея в кузнице

Вострящий гнусные зубы на сильнейшего

Пускай себя увидит здесь описанным.

Змея однажды забралася в кузницу

И, пробуя, нет ли здесь чего съедобного,

Куснула напильник. Тот, не поддаваясь ей:

«Тебе ль зубами, дура, уязвить меня,

Привыкшего и самое железо грызть?»

[Федр, с. 42].

Другой, уже не связанный с Федром, текст, который находится в «Записной книге», — «Феб и Борей»:

Баснь. Феб и Борей

С Бореем Феб узрел прохожаго в пути,

Которой запасся по щастью

Хорошей епанчей к ненастью.

Потребно епанча, кто хочет в путь итти,

Борей на то так рек:

Сей человек,

Конечно, шумен

Иль паче был безумен,

Он мнит нельзя мне дуть

И епанчу стянуть

И в едакой надежде

Не знал он прежде,

Что естли захочу

Так к черту я могу послать епанчу.

Посмотрим Феб, сказал, и я б весьма был рад,

Когда бы ты со мной ударил об заклад,

Кто прежде епанчу с прохожаго то стянет,

И правее из нас в словах своих кто станет.

Изволь, сказал Борей.

А Феб Борею дал затмить красу лучей

Борей мои силится и щеки надувает,

Шумит, стучит, свистит, все силы собирает

А все для епанчи одной,

Шум, стук и свист везде, везде ужасной вой,

А мой прохожей

Окутался во епанчу и с рожей

А время перестать пришло Борею дуть

Хотя и епанчи не мог с него стянуть

Вдруг солнце показалось

И ведро привело опять

Погоды уж совсем нельзя было узнать

В природе что ни есть тогда все улыбалось

Прохожей мой спотел

И епанчу уже сам скинуть захотел

Приятность боне всегда производила

Как нежель сила

[Л. 31].

Источники, на которые мог опереться Муравьев, создавая данный текст, восходят к басне Эзопа, ср.:

БОРЕЙ И СОЛНЦЕ.

Борей и Солнце спорили, кто сильней; и решили они, что тот из них победит в споре, кто заставит раздеться человека в дороге. Начал Борей и сильно подул, а человек запахнул на себе одежду. Стал Борей еще сильнее дуть, а человек, замерзая, все плотнее кутался в одежду. Наконец, устал Борей и уступил человека Солнцу. И Солнце сперва стало слегка пригревать, а человек понемногу принялся снимать с себя все лишнее. Тогда Солнце припекло посильнее: и кончилось тем, что человек не в силах был вынести жары, разделся и побежал купаться в ближайшую речку.

Басня показывает, что часто убеждение бывает действеннее, чем сила [Эзоп, с. 77].

К данному сюжету обращался, как известно, Бабрий:

Борей и солнце

Преданье есть, что как-то раз Борей с Солнцем

Пустились спорить: кто из них двоих раньше

Заставит пешехода свой кожух сбросить?

И вот фракийским холодом Борей дунул,

Сорвать желая с путника кожух силой,

Но тот, хоть и продрог, не уступил ветру

И, запахнув покрепче вкруг себя полы,

Сел под скалой и стал пережидать бурю.

Тогда сквозь тучу бросило свой луч Солнце

И, ветреную стужу разогнав, стало

Сильнее и сильнее припекать с неба.

И до того крестьянину пришлось жарко,

Что сам он со своей спины кожух скинул.

(Так Ветер оказался побежден в споре.

Тебе, дитя, урок: всегда люби мягкость.

Порою убеждение важней силы.)

[Федр, с. 98].

В России, по-видимому, самый известный опыт переложения этой басни — «Феб и Борей» А.П. Сумарокова:

Феб и Борей

С Бореем был у Феба Разговор,

Иль паче спор,

Кто больше сил из них имеет,

И больше властвовать умеет.

Проезжий на коне: холодноват был час;

Накинул епанчу проезжий; крышка греет,

И есть у нас

Указ,

Во время холода тепляй прикрыться,

И никогда пред стужей не бодриться;

Ее не победиш,

Себя лишь только повредишь;

Противу холода не можно умудриться.

Сказал Борей: смотри, с проезжева хочу

Я здернуть епанчу,

И лишек на седле я в когти ухвачу.

А Солнце говорит: во тщетной ты надежде,

А есть ли я хочу,

Так ету епанчу

Сниму я прежде;

Однако потрудися ты,

И зделай истину из бреда и мечты.

Борей мой дует,

Борей мой плюет,

И сильно под бока проезжева он сует,

Борей орет,

И в когти епанчу берет,

И с плеч ее дерет:

Толчки проезжий чует,

И в нос, и в рыло, и в бока

Однако епанча гораздо жестока:

Хлопочет,

И с плеч ийти не хочет.

Устал Борей,

И поклонился ей!

Вдруг Солнце возсияло,

И естество другой порядок восприяло;

Нигде не видно туч,

Везде златой играет луч:

Куда ни возведешь ты взоры,

Ликуют реки, лес, луга, поля и горы:

Проезжий епанчу долой с себя сложил,

И сняв о епанче проезжий не тужил.

Репейник хуже Райска крина.

О чем я в притче сей, читатель, говорю?

Щедрота лютости потребняе Царю.

Борей Калигула, а Феб ЕКАТЕРИНА.

Сходство переводов двух русских писателей бросается в глаза. Муравьев не мог не знать об опыте Сумарокова, сочинения которого он внимательно изучал. Следовательно, мы вправе высказать осторожное предположение, что перед нами своеобразное соревнование с маститым классиком. Отметим также, что Сумароков не просто переводил, но и «перекладывал на наши нравы»: его текст в какой-то мере политизировался благодаря упоминанию Екатерины II. Муравьев же отказался от этого пути и остался верен «оригиналу».

Этот сюжет позволяет поставить вопрос о понимании Муравьевым возможностей басенного жанра. Кулакова выделила две линии в его развитии — «сатирическую» и «дидактическую»: «Ближайшие учителя Муравьева — Майков и Херасков — стояли на разных позициях. Майков последовательно

развивал намеченное Сумароковым: сатиру, простонародность, бытовизм. Херасков переносил центр тяжести на вопросы морали, стремился к литературной сглаженности языка» [Муравьев, 1967, с. 17–18]. При этом Муравьев признавался наследником Сумарокова и Майкова, более того, в рассуждениях исследовательницы находим один из ключевых топосов советского литературоведения — «поучение царей»: «В баснях Муравьева остается сатира. В некоторых из них он решается поучать “сильных мира сего” <…> Непосредственное напоминание царям о необходимости не забывать “страшну истину” раскрывает и так ясный смысл басни, резкость которой не снимается приносимым под конец авторским извинением. Об ответственности верховной власти за зло, причиняемое мелкой сошке, и гневе обездоленных напоминает басня “Пес” <…> “Надменным горделивцам” посвящена и более слабая басня “Половица”. Народ — корень, кормилец и поилец управляющей им верхушки. Если он взбунтуется и перестанет слать ей “питательную воду”, верхушка погибнет. Это Муравьев понимает. Но с гибелью верхушки погибнет и корень, превратившись в мертвую колоду, утверждает Муравьев нормы дворянской государственности (“Верхушка и Корень”). Остальные басни посвящены непритязательной житейской морали» [Муравьев, 1967, с. 18–19].

Здесь, как кажется, Кулакова заочно полемизировала с Н.Л. Степановым, который предложил несколько иную концепцию развития русской басни второй половины XVIII в. Так, исследователь, как и позднее Кулакова, подчеркивал сатирический характер данного жанра: «Расцвет русской басни начинается с середины XVIII века, когда выступают со сборниками басен А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков и др., не говоря уже о множестве басен, печатавшихся в журналах» [Русская басня, с. XXV]. При этом сразу отметим, что он не противопоставлял Хераскова и Майкова — с его точки зрения, они работали в рамках единой идеологической парадигмы. Возможно, таким образом, Степанов солидаризировался с идеей «дворянской

фронды» Г.А. Гуковского. Вместе с тем, об авторе «Россияды» Степанов практически не говорил, сконцентрировавшись на текстах Майкова, которого он назвал «продолжателем басенных принципов Сумарокова» [Русская басня, с. XXVII]. Наиболее интересна в данном контексте интерпретация Степановым «пост-майковской» эпохи в развитии басни: «После басен Сумарокова и Василия Майкова сатирический элемент, социальная заостренность басни постепенно понижается. Сохраняя общие жанровые принципы сумароковской басни, его продолжатели смягчают ее сатирическую заостренность, превращая ее в бытовой фельетон, в “быль”, в поучительный рассказ о человеческих слабостях и недостатках» [Русская басня, с. XXIX]. При этом Муравьев оказался в числе таких «смягчителей»: «Басни Н. Леонтьева, М. Муравьева, В. Левшина и других баснописцев этой поры знаменуют не преодоление, а разложение сумароковской традиции, ее спад, устраняя наиболее смелые реалистические ее тенденции» [Русская басня, с. XXIX].

С нашей точки зрения, обе концепции страдают односторонностью. Дело в том, что Муравьев не должен резко и принципиально противопоставляться сумароковской и майковской традиции. Конечно же, он находился под определенным влиянием известных писателей, и в этом Кулакова права. Позволим себе напомнить также, что Муравьев в 1773 г., когда напечатал маленькую книжечку своих переводов, был 18-летним молодым человеком. Но в то же самое время, несмотря на давно морально устаревшие социологические схемы, Степанов был прав в том, что творчество Муравьева не укладывалось в схему «сумароковской школы» (что бы под ней ни понимать).

Позиция Муравьева в этом случае, как и в целом ряде подобных (о некоторых из них нам уже приходилось писать: [Ивинский, 2018; Ивинский, 2019]), была сложной и неоднозначной: «сближение» всегда сопровождалось «отталкиванием», а осторожная дискуссия могла перерастать в полемику.

Басня «Феб и Борей» — яркое свидетельство такого противоречивого взаимодействия.

«Записная книга» дает не только новые произведения, но и новые редакции произведений давно известных, позволяющих уточнить отношения Муравьева к проблеме «древность и современность», а в некоторых случаях проследить динамику работы с материалом первой в пределах творческих историй отдельных произведений.

Так, в частности, мы можем проследить творческую историю басни «Волк и лисица». Это перевод басни Лафонтена. Однако он показателен тем, что мы видим, как последовательно Муравьев «архаизировал» свой текст. Если в первой, как нам представляется, рукописной редакции примет Античности нет, то уже в напечатанном варианте появляются Ахиллес, Патрокл и дарданцы. Сначала приведем вариант по «Записной книге»:

Басня I Волк и лисица

Лисице может ли приятелем быть волк,

О том неравный толк.

Но если зделать льзя по нравам заключенье,

Так тот кто бедных куриц бьет,

Быть может дружен с тем, кто кровь овечек пьет.

По крайней мере так случилось в похожденье,

Которо разсказал Фонтень передо мной.

В леску, поблизости спокойна сельска крова,

Волк встретился с лисой.

Здорова, волк — Лиса, здорова.

Каков твой промысл? — Что, я бросить уж готова:

Опасности везде, а пользы никакой:

Всегда принуждена за курами скитаться.

Мне скучилось тайком в курятники входить.

Вернее моего ты можешь пропитаться:

Пожалуй научи меня овец ловить,

За милость я тебе потщуся услужить.

Моления ея глас не был и напрасен.

Наш волк согласен.

Так соглашается злокозненной министр

С вождем, которой пасть на легку добычь быстр

[Л. 28].

Теперь сравним его с редакцией, которую Муравьев напечатал в сборнике «Басни» в 1773 г.:

Волк и лисица

Лисице может ли приятелем быть волк,

О том неравный толк.

Но есть ли бы пришло сказать мое вам мненье,

Так басенное вам привел бы приключенье.

Сказал я, как еще в робячестве мой ум

Был старушенцыным подвержен всем разсказам,

Что тако по другим лиса своим балясам

Сказала волку: кум!

Вить ты мне сватушко, а я любезна сватья,

Я знаю, что к тому мне не оспорим след,

За тем что прадед твой и мой покойный дед

Праправнучетные суть меж собою братья;

По крови ты своей, по сродству своему,

Склонись к прошению, о волче! моему.

Всегда принуждена, за курами скитаться.

Мне скучилось уже, бродить и изнуряться;

И лучше, и всегда ты можешь пропитаться:

Так научи меня, как мне овец ловить?

За милость ту тебе потщуся отслужить.

Моления ея глас не был и напрасен:

Наш волк согласен.

Так соглашается с Министром воин там,

Чтоб более нанесть нещастия людям.

Се на себя лиса взимает волчью кожу,

И яко волк она воротит горду рожу,

И в перву ноченку на стадо пырь лиса.

Пастушка и пастух от Волка испугались

И кто куда лишь мог, по полю разбежались.

И не осталося ни пастуха, ни пса:

Сокрылись все кто есть, в глуше дремуча леса.

Не так в оружье Ахиллеса

Патрокл в злосчастный день страшил Дарданский полк,

Как стадо наш притворный волк.

Одна овечка лишь, воспитанна пастушкой,

Превратныя судьбы осталась быть игрушкой.

Она не ведала убийцыных затей.

Злодей!

Что сделаешь ты с ней?

Но что? стоит она, стоит с ней и лисица!

И стало быть она пречестная девица;

Лиса попала в цель желанья своего,

Лишь не могла с овечкой сделать ничего.

За тем что силы в том лисице не достало,

Так и злодейское желание отпало.

Учитесь, смертные, желанья в том иметь,

В чем можете успеть;

Брегитеся ж к таким вещам вы прилепляться,

Которыми никак нельзя вам наслаждаться

[Муравьев, 1773, с. 18–19].

Наконец, обратимся к тому стихотворений Муравьева, подготовленному Л.И. Кулаковой. Данный текст исследовательница печатала по списку ГИМ [Муравьев, 1967, с. 326]. Речь идет о рукописи «Собрание стихотворений М.Н. Муравьева. Писарская рукопись с карандашными поправками автора» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 154; интересующий нас текст — Л. 13–13 об.), которую исследовательница датировала «временем не позднее 1802 г.» [Муравьев, 1967, с. 319].

Волк и лисица

Лисице может ли приятелем быть Волк,

О том неравный толк.

Но если сделать льзя по нравам заключенье:

Так тот, кто бедных куриц бьет,

Быть может дружен с тем, кто кровь овечек пьет.

По крайней мере так случилось в похожденье,

Которое Фонтень сказал передо мной.

В леску, поблизости спокойна сельска крова,

Волк встретился с Лисой.

«Здорово, Волк». — «Лиса, здорово.

Каков твой промысл?» — «Что! я бросить уж готова:

Опасности везде, а пользы никакой:

Всегда принуждена за курами скитаться.

Мне скучилось тайкам в курятники входить.

Вернее моего ты можешь пропитаться:

Пожалуй, научи меня овец ловить,

За милость я тебе потщуся услужить».

На просьбу Волк согласен.

Метóд преподавать порядочен и ясен:

Всегда лисиц согласье и волков,

Невинность слабая, тебе готовит ков.

Не знаю, где в лесу находят волчью кожу:

Обнова делает Лису на Волка схожу.

И в перву ноченьку на стадо пырь Лиса.

Пастушка и пастух от Волка испужались

И кто куда лишь мог по полю разбежались.

Все скрылись, даже и до пса,

В глуши дремуча леса.

Не так в оружье Ахиллеса

Патрокл в злосчастный день страшил дарданский полк,

Как стадо наш притворный Волк.

Одна Овечка лишь, воспитанна пастушкой,

Нежалостной судьбы осталася игрушкой.

Она не ведала убийцыных когтей.

Злодей!

Что сделаешь ты с ней?

Но что? стоит она, стоит с ней и Лисица!

Неужто сжалился над бедною убийца?

Лиса достигнула желанья своего,

Да то беда: с Овцой не сделать ничего.

Затем что сил Лисе по злобе недостало,

Так и злодейское желание отпало.

Такие тщитеся желания иметь,

В которых можете успеть;

Но бойтесь суетно к предмету прилепляться,

Которым не судил нам жребий наслаждаться

[Муравьев, 1967, с. 65–66].

Редакция «Записной книги» самая короткая; видимо, речь должна идти о первоначальном варианте, который, очевидно, был сделан до 1773 г. и который позднее был доработан для печатного сборника «Басни» (СПб., 1773).

Приведем еще несколько басен Муравьева, далеко отстоящих от античных претекстов, но стилистически практически неотличимых от его переводов-переложений. При этом, кажется, и в них Муравьев отталкивался от мотивов хорошо известных русским поэтам XVIII в. текстов Бабрия: в первом случае это «Осел и его хозяева», а во втором — «Дуб и тростник».

Баснь. Ишак и пастух.

Ишак, что некогда служил у Архерея

Взмурзился в стойле прея,

И с час не пробыл без речей,

О кляче, матери своей.

Она вот там была и сделала вот ето,

И должно быть ея достоинство возпето,

В историю включа.

За подлость бы почел служить он у врача.

А как состарился, стал мельничей служитель,

И вспомнился ему осел его родитель.

Как не водилось бы нещастья ни к чему,

Как только чтоб глупца наставити к уму

Так можно б и тогда сказать со правдой сходно

Что и нещастие к чему нибудь да годно

[Л. 34].

См. также:

Баснь

Дуб некогда стоял; теперя нет ево.

Послушайте: и все на свете таково.

Но дело не о том. Дуб спесью надувался,

За тем, что верх его, ни вись куда вдавался.

Все сиречь в небеса; в Зевесов пышный дом.

Там жить, как пиво пить, да только близок гром.

Гром грянул, молньи пых, о! горе! дуб пылает,

Пошел по дубу треск, дуб на земь разстилает.

На что мне толковать? то рай, как чин высок,

И лучше и того, как свой се щей горшок

[Л. 48].

Наконец, третья — также без названия; кроме того, этот текст явно не закончен, собирался ли поэт к нему возвращаться, неизвестно; приводим его здесь как стилистически примыкающий к переводам-переложениям Муравьева:

Басня

Общественна напасть зверей отягощала

И в воздухе разсыпанная смерть

Туманы адския гоня в небесную твердь.

Размахом тысяч истинных похищала

Тучнейши пажити, потоки тихих вод

Вы этих прелести утратили и стали

Обителью печали,

Где все стремилося окончить свой живот.

Одно из чувствий всех осталось

Которым сердце угнеталось

[Л. 117].

Датировать эту басню сложно. Косвенным аргументом может послужить расположение текста в «Записной книге». Он находится в конце рукописи — среди более поздних текстов Муравьева. Тем не менее, на основе тех фактов, которыми мы сейчас располагаем, утверждать что-то определенное не представляется возможным.

Плиний младший

Плиний младший для Муравьева в первую очередь автор «Панегирика». При этом он, на первый взгляд, внезапно включил Плиния в русский контекст и противопоставил ему Ломоносова: так, приведя выдержку из «Похвального слова Петру I», он писал: «Плиний младший, который повод подал к сему величественному воображению в своем Панегирике гл. IV не умел облечь его сим блистанием, в котором видим его у Ломоносова, затем что он искал только остроумных мыслей, и сию тотчас оставил, как исчерпал блеск оной» [Муравьев, 1783, с. 20].

Однако среди бумаг Муравьева находим начало перевода письма Плиния младшего. Муравьев любил и умел писать письма. Его эпистолярное наследие значительно. Поэтому обращение к одному из ключевых европейских мастеров просвещенного письма не вызывает удивления. Остается неизвестно, почему он в итоге отказался от своего замысла. Так или иначе приведем этот отрывок:

Из Плиния младшего. Книги шестой письмо XXVI.

Плиний Тациту здравия желает.

Тебе угодно, чтоб я описал тебе дяди моего кончину. Тем истиннее, говоришь ты, предам ее потомству [Л. 95].

Сенека

Муравьев хорошо знал творчество Сенеки, в своем «Рассуждении» он противопоставил его, как и Лукана, Ломоносову и Корнелю как авторов, у которых высокий слог выродился в «надутый»: «Великие умы сами собою и нечувствительно к величественному побуждаются. Дял чего видим мы его так много в Корнелии и Ломоносове? Неотменно для того, что они сами были одарены великим духом. Все Трагедии, доставшиеся нам под именем Сенеки, составлены, так сказать, из сияющих и величественных мыслей, но в целом суть чудовища. Сие самое было пороком Лукановым, и жалеть должно, что

толь мужественной и великой ум, произведши прямо величественные мысли, еще и ими не был насыщен и предавался излишеству» [Муравьев, 1783, с. 14]. Он полагал, что писатель должен избегать крайностей и стремиться к «золотой середине», к балансу, как опытный художник: «Искусство писателя здесь должно быть тоже самое, что и живописца, которой светлыя краски ограничивает легкими тенями. Как есть степени возводящия до величественнаго, так есть подобно и другия, по которым можно и нисходить, однако не унижаясь» [Муравьев, 1783, 14-15]. Тем не менее, Муравьев начал переводить трагедию Сенеки «Геркулес в безумье» (написана на основе пьесы Еврипида «Геракл»), хотя и ограничился четырьми строчками:

Первое действие Сенекиной трагедии

Неистовый Иракл

Юнона

Сестра гремящаго в превыспренней стране,
(Едино имя то осталося уж мне)
На век отчуждена и брата и супруга
Оставила я днесь чертог ефирна круга

[Л. 81].

Античные темы и образы

Однако речь здесь должна идти не только о переводах из древних, но и о широко понимаемом античном контексте. Муравьев использовал греческие и римские сюжеты для создания оригинальных пьес. Один из наиболее ранних подобных опытов – трагедия «Дидона» (о ней см. ниже).

В «Записной книге» сохранились два явления драмы «Амфион». Муравьев выбрал известнейший сюжет древнегреческой мифологии. Амфион – сын Зевса и Антиопы – не знал о своем происхождении, воспитывался пастухом, однако прославился как музыкант, лиру которому подарил сам Гермес. Когда вырос, он вместе с братом-близнецом Зефом отомстил преследователям своей матери. Опираясь на этот сюжет, Еврипид написал

трагедию «Антиопа», текст которой был утрачен. Однако сохранилось подробное его изложение в составе «Мифов», которые приписываются Гаю Юлию Гигину. Особенную популярность этот миф приобрел в XVII–XVIII вв., когда к нему обратились К. Гросси (кантата «Амфион», 1675), П. Маньи (опера «Амфион», 1698), Ж.-Б. Делаборд (балет-пастораль «Амфион», 1767), И.Г. Науман (опера «Амфион», 1778) (см.: [Молок, 2017]). Преобладание итальянских источников неудивительно: Муравьев учил итальянский и внимательно изучал как античных классиков, так и современных авторов (об этом мы уже говорили выше). Тем не менее, данный отрывок по причине своей краткости не позволяет сделать однозначного вывода о степени его оригинальности:

Амфион. Драмма

Действующие лица:

Амфион,

Антиопа,

Вождь диких,

Вождь пленников,

Хоры Диких

Пленников

Провождающих Амфиона

Пляшущие лицы

Дикие с их женами

Народы Греческия

Пастухи и пастушки

Театр спереди по обеим сторонам представляет рощу; в дали, камни, ключи, песчаные горы; в средине ж жертвенник из дикаго камня, в половину обросший мхом.

Явление первое

Антиопа одна

Ужасна степь, дремучий лес,
Где странников толпа, дни мрачны препроводит
Мне ваш прискорбный вид и етих мрак древес,
Один лишь страх наводит.
Привыкнувши к пустой обители моей,
Охотней было мне зреть камней сих громады;
И слух мой находил и чувствовал отрады,
Внимая шум глухой сих бьющихся ключей.
С тех пор, как Амфион согласьем превращает
Угрюмость сей страны,
Душа моя в себе не то уж ощющает,
И мнит что новыя ей чувствия даны.
Ужасна, и по:[156]

Явление второе

Антиопа, вождь диких.

Вождь

О! дева сих лесов! гор наших украшенье!
Здесь наших полк мужей, великой чтя сей день,
И прежде, чем еще покроет небо тень,
Вонзит кинжалы в грудь плененным на сраженье.
При жертвеннике сем пребуди ты со мной
И стань моей женой
Белизна твоя блистает,
Паче снега самого,
Взор твой прытче проницает,
Стрел колчана моего

[Л. 89].

[156] На этом месте текст в рукописи обрывается.

По-видимому, в это же время Муравьев работал над драмой «Ерисия, или Вестфальская дева». По-видимому, это перевод пьесы Ж.Г. Дюбу-а-Фонтанеля («Éricie, ou la Vestale», 1768). В 1783 г. ее перевела М.В. Сушкова. Возможно, поэтому Муравьев ограничился первым явлением:

Первое явление

Из драммы Ерисия или Вестальская дева

Театр представляет храм Весты; священный огнь возжен на жертвеннике; уже ночь и сей единый огнь освещает храм. Вестали лежат простершись на земли. Первосвященница Арелия держась единою рукою за жертвенник.

Защитница Римлян, священна дева, Веста,
Богиня, на всегда ты нам споспешествуй;
Да огнь сей уст твоих дыханьем воспаленный,
Не гаснет век, горя на олтаре твоем.
Да Ивера меж тем и Тага победитель,
Орлов перенесет, в раскаты Карфагена,
И Сципион ярем, на Ливию наложит:
В средине наших стен, ты вольность содержи;
Возри на нас: тебя твоя в том жрица просит,
И чтущих тя, тебе моления приносит.
(обращаясь к встающим весталям<:>)
О дщери небеси, которых чисты души,
Ко добродетелям и к долгу посвященны,
Для коих боги, в сем убежище безмолвном,
Далече от сует, рок тихий низпослали.
Благодарения вы Весте возсылайте,
И только ей служить, в невинности желайте.
(Ерисия воздыхает)
Уж мрачный свой покров, ночь всюда простирает,

И в завтрее заря рассыпав мрак ночной,
Тот день, к нам приведет в которой мудрый Нума,
Богине под покров свой Трон препоручил.
Безсмертная в сей день от дев ей посвященных,
Желает в дар сердец, от скверны упраздненных.
(Ерисия смущается)
Готовтися к тому, напомните те клятвы,
От коих ига вас ничто неразрешит.
(новыя знаки смущения Ерисии)
Воспомните сей гроб, Вестале той сужденной,
Котора принесет соблазн в сей храм священной;
Воспомните, что нет простительных вам вин,
Что Веста зрит и чтет все таинства сердец.
Ея на весь сей мир всегда отверзто око,
Не знает ни времян, ни места, ни пределов.
И равной быстротой взирая проницает
В превыспренни страны и в хлябии подземны.
(вестали выходят)
Идите отдыхать. Ерисия пребуди,
Да бдишь ты в ночь сию, так жребий быть судил.
(она ей показывает священный огнь)
Храни ты сей залог: воспомни что Богиня,
При жертвеннике сем твои внимала клятвы;
Нескромной ропот здесь безсмертной неугоден,
Покорствуй, трепещи и будь ея достойна

[Л. 41].

Разумеется, у Муравьева немало других примеров целенаправленного «присвоения» Античности. В «Записной книге» мы находим две редакции поэмы Муравьева «Земледелие». «Сельская жизнь», «делание нив», «консул»,

«Вергилий» — все эти слова должны были воскресить в памяти топику «Буколик» Вергилия, а через них актуализировать греческую традицию — Феокрита и, конечно, Гесиода, пусть и в ином интеллектуальном контексте. Однако Муравьев резко нарушал читательское ожидание, когда обращался к своему вологодскому знакомому А.В. Олешеву[157]. Более того, в мир «блаженной тишины» и «любимцев Кесаря» врывался кружок Ермолова:

Земледелие

О делании нив я в сих стихах вещаю;

И Олешев! мой труд тебе я посвящаю

Склоняяся под кров ты хижин тех со мной

Где сметные живут блаженны тишиной,

Польсти меня, хоть тем, что будто ты забылся

И власно как о томи впрямь разговорился:

Что будто вечерком, в Ермолове, в кружку,

Я с Графом и с тобой сидим на бугорку.

О Муза, что досель Виргилия внушала,

Как песнью Кесарска любимца утешала,

Услышь моленья глас, и с Тибровых брегов,

Приди и пой со мной средь тучных сих лугов.

Опять днесь Олешев к тебе я обращаюсь,

[157] О нем см. подробнее: [Лазарчук, 1999].

Смотри, смотри, каким восторгом я прельщаюсь.

И естьли ты когда внял гласу моему,

Внимай приникня слух к вещанию сему,

Ты любишь сельску жизнь: тебе сей стих пристоен,

И должен быти лес в нем Консула достоин.

Воспляшет сельких сонм богов в стихах моих;

В пастушеску свирель взыграет ратай их,

И естьли я себя ласкаю не напрасно,

Пред Музами сие на век пребудет ясно,

Что юн быв не вотще я в граде вашем жил,

И некогда твое вниманье заслужил

[Л. 74].

Сохранилась вторая, также недатированная редакция того же текста:

Земледелие. Поема. К его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву[158].

О делании нив в стихах моих вещаю;

И Олешев тебе сей опыт посвящаю.

[158] Весь текст перечеркнут.

К высоким слаб еще картинам восходить,

Днесь тихие черты учуся проводить.

Поникнув над платном со кистию труждаюсь,

И славы будущей предчувством возбуждаюсь.

Проникни Олешев, во хижины со мной,

Где смертные живут блаженны тишиной.

Ты любишь сельску жизнь: тебе сей стих пристоен,

И должен в оном быть лес Консула достоин.

Воспляшет сельких сонм богов в стихах моих;

В пастушеску свирель взыграет ратай их,

И если я себя ласкаю не напрасно,

Пред Музами сие на век пребудет ясно,

Что юн быв не вотще я в граде вашем жил,

И некогда твое вниманье заслужил

[Л. 84 об.].

Таким образом, мы в очередной раз видим, как быт переплетался с литературой, а Античные сюжеты — с современными. Вторая, сокращенная, редакция отличается от первой, в частности, отсутствием упоминания о Вергилии и «тибровых брегах», неизбежно ассоциирующихся с «Энеидой», герой которой, пристав к берегу в устье Тибра, восхищался обретенной после долгих поисков землей. Вероятно, в какой-то момент работы над текстом

Муравьев пришел к выводу, что «Энеида» не слишком хорошо сочетается с буколической темой, звучание которой во второй краткой редакции только усилено.

Если «Земледелие» — текст, в первую очередь, игровой, то «Раздраженный Ахиллес», напротив, пишется как сверхсерьезный и при этом последовательно выдержанный в высоком стиле, который один, как думал, конечно, не только Муравьев, достоин Гомера:

Раздраженной Ахиллес. Поема.

Внимайте, юноши! что сверстник ваш поет,

Дух бранный мне греметь охоту подает.

Хотя шелом мое чело днесь покрывает,

Любезна страсть меня ко Лире призывает;

Я Муз клялся забыть: но клятвы те почто?

Мне Музы петь велят, я музам повинуюсь[159]

И яростью трубы Гомеровой волнуюсь[160]

Лечу в сражения, в которы Ахиллес[161]

Победу от Троян ко Грекам перенес[162].

Хризей, что дочери позором оскорблялся,

[159] Зачеркнутый вариант: «я Муз днесь уважаю».
[160] Зачеркнутый вариант: «Я ими днесь внушен Гомеру подражаю».
[161] Зачеркнутый вариант: «Пою тот гнев, что стал виной премногих слез».
[162] Зачеркнутый вариант: «Когда был раздражен Атридом Ахиллес».

С дарами ко брегам Фригийским устремлялся;

Из плену дщерь свою сей старец исторгал;

На плач, не на дары надежду полагал.

Не ведал он того, что страсть Агамемнона,

Ручательство жрецу готовит Аполлона.

В десной его руке сияет жезл златой,

И купно Фебов он несет венец святой.

«Атриды, он гласит[163], и вы послушны Греки,

Да льет ваш острый меч кровей Троянских реки!

Да гибнет Иллион, и вы скончав войну,

Да возвратитеся в отеческу страну!

Лишь дщери мое оковы разрешите,

Примите вы дары и слезы осушите».

Он рек; и жалкий стон скорбящего отца,

Проник до глубины воинския сердца.

Приятная молва разносится в народе,

Все старческой, судят, быть дочери в свободе,

Священнический сан, хотят его почтить,

[163] Зачеркнутый вариант: «речет».

Сокровища принять и пленну возвратить.

Не тако мнит Атрид: души его кичливость,

Презорство множит в нем и рушит справедливость.

«О старец, он гласит, беги отселе прочь,

Не узрит весь свой век твоя свободы дочь,

Трудами рабскими, она отягощенна,

Состарится в стране, чуждей порабощенна.

Твой взор противен мне, оставь скоряй сей стан,

Пред яростью моей, не постоит твой сан».

Он рек, и жрец умолк, по брегу утекая,

Болезнь свою, в своей утробе замыкая.

Меж тем, уж старческа колеблющась нога,

От Греков скрытыя преходит берега;

Где Понт угрюмой вал на камнях разсекает,

Печальный тамо жрец, ко богу притекает.

Нагбен пред ним, кропит слезами муравы,

Терзает седины поруганной главы.

Возстав ко Фебу скиптр с венцом его возносит,

И клятвы на царя и Греков произносит.

Вздыхания его, как тучная роса,

В отверзтые мольбам возходят небеса.

Низходит Аполлон, как ризой, мглой одеян,

Колчан по разменам и лук к бедам содеян;

Спешит; дрожит колчан, биются стрелы в нем.

И рвется бог, вспален, внутрь яростна[164] огнем.

Едва до тех брегов[165] стопы его достигли,

Где Греки корабли свои на сушу вздвигли;

Летают стрелы вкруг: Лук стонет с тетивой,

В мгновение кругом стрел слышен только вой.

И первые падут стада им умерщвленны;

Се Греки после их, не медля уязвленны

Сподвижникам, скорбя, копают рати ров,

И взходит к небу дым, от тысячи костров.

Чрез целых девять дней Феб стрелы истощает,

И девять дней уже стан язвы ощущает.

В десятой Ахиллес велит народы влечь[166]

---

[164] Зачеркнутый вариант: «ярости».
[165] Зачеркнутый вариант: «Лишь только тех брегов».
[166] Зачеркнутый вариант: «народ на сонм влечет».

И обращает он сию к Атриду речь[167]:

«Что в том, что Трои мы паденья ожидаем,

Ты видишь, Государь, мы гибнем, мы страдаем,

Стоит Приамов град[168], а мы клянем сей брег,

И только будет нам отрадою побег.

Щастливы, коль и тем остаток сил избавим,

И другов под ярем Троянам не оставим,

Сего для вопроси гадателя судеб,

Пусть он нам проречет, почто озлоблен Феб.

Какого жертвой Грек злодейства погибает,

И коей Феб смягчен быть требой подобает».

Он рек: се древний муж восколебался вдруг.

Священное чело увито Лавром вкруг,

Таков как должен быть наперсник Аполлонов[169]

Калхант[170] таинственных поведать законов.

[167] Зачеркнутый вариант: «Сбирает их важдей, и так царю речет».
[168] Зачеркнутый вариант: «Приамов».
[169] Эта строка была зачеркнута, на полях находим другую: «Слывет Калхантом он:». Однако, видимо, Муравьев в итоге вернулся к первоначальному варианту.
[170] Примечание Муравьева: «Калхант, которой честь безоблачно умеет что есть и что прошло и то что быть имеет».

«Ты хочешь знать, Ахилл, и мой смущенный зрак,

Вдается в глубину и проницает мрак

Но как я изреку? я те подвергнусь гневом

И сильну раздражу безвинно мощь цареву.

Мне страшен царский гнев, хотя и укрощен,

И чтоб узнать клянись да буду защищен.

Вещай, гласит Герой Ахилл тебе залогом,

Ахилл клянется днесь, тебя внушившим богом

Пусть весь взбунтует стан, возстанет сам Атрид,

Вещай и ни рука тебя не оскорбит».

Сказал: уже пророк превыше смертных блещет,

И тяжко возстонав горящи взоры мещет

«Не жертвы, не мольбы, не презренной обет,

О Греки! он гласит, виною[171] ваших бед.

Содеян вами грех. Хризей, Хризей нещастной,

Отмщает вам за дщерь и злобствует ужасно.

Услышал Аполлон, отца нещастна глас,

И горестны его взимает слезы с вас

[171] Зачеркнутый вариант: «причиной».

Не мните, что его вы стрелы воспятите,

Доколе девы сей отцу не возвратите,

Смиренно, с почестью, без всякия цены,

И всесожженья с ней не будут посланы».

Он сел. Агамемнон встает и зло рыкает,

И спертый в сердце гнев очами утекает

Взирает на жреца: в устах теснится глас,

И искры в ярости посыпались из глаз.

«Гадатель пагубный[172]! какое рек ты слово?

И буйство прейдет ли твоей души сурово?

Едина злая весть из уст твоих быстра,

И слова от тебя не слышал я добра.

Нет: я напрасно льщусь, я зрю что мне готовишь

Не радуйся; моей души ты не изловишь

Без сраму я могу к суду народа стать,

И свет свой отложу; но чтобы возблистать,

Внимайте Греки все иль вы внимайте боле,

Вожди их и моей еще ревнуйте доле.

[172] Зачеркнутый вариант: «О пагубный вещец!».

Я Фебову жрецу девицу отказал;

И с Фебом бы о ней я дратися дерзал

Дщерь Леды не такой в день брака мне предстала,

Какою предо мной Хризейда возблистала.

Всех выше чтил даров я пленницу свою:

Но ваши терпят дни; ее вам предаю.

Против сам себя я с вами соглашаюсь:

Но вспомните ж и вы чего для вас лишаюсь?

Вам мыслить, чем мою потерю заплатить.

Меж тем вы ладию спешите в Понт спустить

Имайте сто волов, немедленно идите

И к жертве посвятив в корабль их возведите

Да дастся вождь ладье единый из Князей,

Аиакс ли будет то Улисс, Идоменей,

Иль может быть, ты сам Ахилл богам подобной!»

Какою оскорбил меня ты речью злобной[173]

Атрид! воспрянувши вещает Ахиллес,

Какое вкупе ты признанье произнес?

[173] Первоначальный вариант строки: «Какой ты оскорбил меня днесь речью злобной».

Ты сана своего отвергшись достоянья,

Низходишь[174] со чреды и просишь воздаянья!

Но вздумай, что сии возмездия войны,

Сокровища давно по Грекам разданы.

Меж тем как корабли твои сокровищ полны[175],

Нас те же понесут со скудной частью волны[176]:

Ты хощешь, чтобы вновь не праведный раздел

Единому тебе их корысть приобрел!

Так втуне их струи пролиты потовыя

Пусть терпят; лишь твоя неслась бы гордовыя.

Безсилен на врагов, ужасен дял своих,

Людьми владеешь ты, чтоб поглощати их.

И позабывшися забываяся в поступках дерзновенных,

Вождей поносишь ты, с тобою несравненных»

[Л. 43–44].

Это произведение Муравьев, по обыкновению, не закончил, но по количеству поправок можно судить о серьезности его намерений. Возможно, он надеялся создать свою героическую поэму как своеобразный «ответ» М.М. Хераскову, с которым много общался во второй половине 1770-х гг. . Во

[174] Зачеркнутый вариант: «Ты сходишь».
[175] Зачеркнутый вариант: «Скупой! Когда уж всяк принял свое стяжанье».
[176] Зачеркнутый вариант: «И сердца ощутил к нему уж обдержанье».

всяком случае перед нами опыт разработки собственной версии «высокого» стиля, в какой-то мере откликающийся и на «Тилемахиду» Тредиаковского: Муравьев, в отличие от него, не упивается «архаикой», ищет возможности ограничить ее, но принципиально не отказывается от нее.

Еще один опыт обращения к античной проблематике — отрывок перевода поэмы Д. Боккаччо «Тезеида». Как известно, автор «Декамерона» опирался на «Фиваиду» Стация. Его «Тезеида» должна была начаться с того места, на котором закончил римский поэт. Как кажется, этот сюжет — невероятно показателен для творческих опытов Муравьева. С одной стороны, он оставался верен своему увлечению Античностью, с другой — обращение к Боккаччо — знак глубокой заинтересованности в итальянской культуре. Здесь, очевидно, не обошлось без влияния его приятеля Н.А. Львова, у которого он брал итальянские книги (об этом см. выше).

Тезейда. Геройческая поема

Пою сражения и Мужа, что создал

Афины славный град, злодеев что смирял;

Пою сражения, и храбраго Героя,

Что за Алкидом вслед не устрашился боя,

Без пользы путь ему злодеи возвещали,

Под остротой меча багроваго все пали

Напомни Муза мне

[Л. 19].

В «Записной книге» этот отрывок был зачеркнут. Видимо, Муравьев не планировал к нему возвращаться. Может быть, он остался недоволен качеством перевода, а может быть, потерял интерес к данному сюжету.

Своеобразным ключом к подходу Муравьева оказывается текст, который, кажется, еще не привлекал внимание исследователей, — «Ефесская вдова». Это отрывок «сказки», в свою очередь оставшейся незавершенной:

Ефесская вдова.

Сказка.

Однажды видел вран, что с высоты небес

Низринувшись орел барашика унес.

Вран тоже испытал: но вместо, что питался

Надеждой добычи, сам добычью остался.

Ребятам дал его в посмешище пастух,

Которые ему повыщипали пух.

Со мною быть тому ж. Чтецы наложат пеню

За оскорбление отцу Дела Фонтеню

И сказочкам его. Во что мешаюсь я,

Останок древности по своему кроя;

Обезображивать не бережной обрезской

Его историю о барыне Ефезской?

Начальной етого издатель бытия

был Неронов придворной

Петроний, щегольства и вкуса судия.

А Лафонтень ему дал образ стихотворной:

А я,

Обоих сих особ слуга весьма покорной.

Вот повесть: госпожа

Которой Грации лице творили сами

Осталась овдовев на погребальном храме

Не исходить оттуда положа

И умереть от яду иль ножа.

Служанка умереть уговорила глазом.

Говеют обе день; уж ночь. С гробницей рядом

[Л. 126 об.].

Муравьев, по сути, описал свою технику работы с классическими текстами: он действительно «кроил» древних авторов; в результате его собственные произведения становились результатом сложного синтеза «Петрония» и «Лафонтеня». В частности, речь шла о том, чтобы сделать античных авторов актуальными для современного придворного контекста, а это предполагало способность поэта (и его искушенных читателей) к своеобразному остроумию, опиравшемуся на способность играть с классической традицией, сочетая фрагменты принадлежащих к ней текстов (а

в какой-то мере и соответствующие стили) и предлагая желающим разгадать литературные «ребусы».

Наконец приведем «Эпистолу» Муравьева. Этот текст, с нашей точки зрения, интересен не просто обилием античной топики и образности, он во многом вобрал в себя те особенности идеи культурного синтеза древней и новой литератур, о которой мы уже говорили:

Епистола

Уж Флора при конце, Помоне уступая

Из наших нынь садов, со времянем бежит,

Дыханьем бурным, ветр, вселенну наполняя,

Уже траву в полях и в нивах плод сушит.

Светило дневное, трепещущим уж светом,

Днесь освещает луг, поля, леса и град

И утрення заря поздее нежель летом

Является изшед из Олимпийских врат.

Колин, Ликант, Алень, весельем возхищенны,

Богату жатву уж приносят с наших нив.

Покоят члены нынь, толь летом удрученны,

Все попечение и труд весь отложив,

Блаженны те стократ, сует мирских не зная,

И принуждением свой ум не бременя

Веселостьми себя, простыми забавляя,

Вспевают песенки, сидя вкруг у огня,

Хотя в простых словах, но Бога прославляют.

Велик господь наш Бог, что милость в нас излил

Воздевши длани в верх, в усердьи возглашают

И что нас за грехи еще не погубил,

Для пищи дневной он трудится своеручно,

Но прибыль не его единый лишь предмет

Не тщится он себе снискати имя звучно,

Кроме того что нам лишь чесность подает,

Спокойны мыслями, не много помышляют

Желудок пищу их порядочно варит

Труд, трезвость в здравье их поруками бывает

И доктор никогда у них не уморит.

Крестьянин николи не будет в тщи трудится

Стоит ли солнце там, на месте лишь одном

Или то всякой день вокруг оси вертится

В чем нужды нет ему, не мыслит в век о том.

Коль смертной тот блажен кого никто не знает

Доволен сам собой, в углу каком живет,

Тщетою никогда его не напояет,

Почтенно всем ничто, что честью свет зовет.

В чертогах царских лесть жилище основала,

За ней последуют коварство и обман

Оттоле истинна на веки убежала

И предков нрав простой на веки с ней изгнан

В крестьянских хижинах не знают хитрой лести,

Все равенство одно, свой век из них большой

Нет сребролюбья в них, в них нет жестокой мести,

И ненависти нет, ни зависти какой

[Л. 18 об.].

Текст не датирован; апология крестьянской жизни, опиравшаяся на противопоставление «хижин» и «дворца» (иногда ассоциирующееся с литературой романтизма) в сочетании с идиллической топикой, тяготела к «руссоистскому» смысловому полю русской поэзии, а ярко выраженный «античный колорит» был призван, судя по всему, подчеркнуть универсальный и вневременной характер провозглашаемых истин.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, переводы Муравьева из древних авторов намечают границы его «классицизма», почти совпадающие с переводческой практикой XVIII в.

Во-вторых, эти переводы — свидетельство как «ученичества» Муравьева у древних, так и, в гораздо большей степени, его стремления творить в рамках соответствующей литературной традиции, испытывать ее возможности, но ни в коем случае от нее не отказываться.

В-третьих, выясняется, что отнюдь не всегда возможно настаивать на существовании четкой границы между стилем переводов и переложений Муравьева из древних авторов и его оригинальных (в той мере, с какой вообще можно говорить об оригинальности поэта, в литературном сознании которого древние поэты постоянно перекликаются-взаимодействуют с новыми, а собственные литературно-эстетические поиски осуществляются «по старой канве», причем основной смысл этих поисков — именно усвоение-открытие оптимальных форм подключения к традиции) сочинений; во всяком случае на примере басенного жанра это выясняется с достаточной определенностью.

В-четвертых, при всем том, что по-прежнему остро стоит задача собирания и публикации наследия Муравьева, рассеянного по архивам Москвы и Санкт-Петербурга, опубликованных в последнее время материалов достаточно для того, чтобы отказаться от бесплодных обсуждений «литературного направления» Муравьева.

Более того, можно с полной определенностью заявить о том, что его «классицизм», явным образом преобладающий в его творчестве над другими тенденциями, не только не может ставиться под сомнение, но и должен рассматриваться как доминанта его творчества.

§3. Муравьев и европейские поэты Нового времени: неопубликованные переводы произведений Тассо, Буало, Корнеля, Расина, Вольтера и др.

Муравьев – поэт энциклопедический, свободно читавший и переводивший с основных европейских языков: мы находим в «Записной книге» переводы с французского, немецкого, английского, итальянского, испанского. Задача данного раздела не столько в том, чтобы исчерпать тему, сколько уточнить муравьевский литературный «диапазон».

Итальянская литература

Тассо

В 1776 г. поэт начал системно учить итальянский — очевидно, не без влияния Н.А. Львова (об этом см. выше); это время, когда он внимательно читал Т. Тассо, Д. Триссино, К. Гольдони и др. итальянских писателей [см.: Гардзонио, 1999; Киселев, 2018]

«Журнал на 1776 год» открывался текстом «Начало Освобожденнаго Иерусалима». С творчеством Тассо в России были знакомы как минимум с конца XVII в. [Перетц, 1928]. Однако совершенно особбый статус его «Освобожденный Иерусалим» получил благодаря Вольтеру, который в «Essai sur la poésie épique» поставил его поэму в один ряд с античными шедеврами: «La *Jérusalem* paraît à quelques égards être copiée d'après *l'Iliade ;* mais si c'est imiter que de choisir dans l'histoire un sujet qui a des ressemblances avec la fable de la guerre de Troie ; si Renaud est une copie d'Achille, et Godefroi d'Agamemnon, j'ose dire que le Tasse a été bien au delà de son modèle. Il a autant de feu qu'Homère dans ses batailles, avec plus de variété. Ses héros ont tous des caractères différents comme ceux de *l'Iliade ;* mais ses caractères sont mieux annoncés, plus fortement décrits, et mieux soutenus ; car il n'y en a presque pas un seul qui ne se démente dans le poëte grec, et pas un qui ne soit invariable dans l'italien.

Il a peint ce qu'Homère crayonnait ; il a perfectionné l'art de nuancer les couleurs, et de distinguer les différentes espèces de vertus, de vices, et de passions, qui ailleurs semblent être les mêmes. Ainsi Godefroi est prudent et modéré ; l'inquiet Aladin a une politique cruelle ; la généreuse valeur de Tancrède est opposée à la fureur d'Argant ; l'amour, dans Armide, est un mélange de coquetterie et d'emportement ; dans Herminie, c'est une tendresse douce et aimable. Il n'y a pas jusqu'à l'ermite Pierre qui ne fasse un personnage dans le tableau, et un beau contraste avec l'enchanteur Ismeno ; et ces deux figures sont assurément au-dessus de Calchas et de Talthybius. Renaud est une imitation d'Achille : mais ses fautes sont plus excusables ; son caractère est plus aimable, son loisir est mieux employé. Achille éblouit, et Renaud intéresse» [Voltaire, 1877, 7, p. 340]. Тредиаковский в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» упоминал Тассо среди образцовых авторов:

В сытость напился воды так же касталийски,
Что писал разумно Тасс и по-италийски.

[Тредиаковский, 1963, с. 392].

Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» помещал Тассо на Геликон среди великих поэтов:

Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо
<…>
Там Тасс и Ариост, там Камоенс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп

[Сумароков, 1957, с. 117].

Но, кажется, именно Херасков создал Тассо в России репутацию безусловного классика; «Освобожденный Иерусалим» -- один из источников «Россияды» [Горохова; Любжин, 2005]. Муравьев, много общавшийся с Херасковым, все это знал и по-своему учитывал; так, показательна запись в одной из

рукописных тетрадей от 27 июля 1779, которая хранится в ОР РНБ: «Прочти Расина, Корнеля, Вольтера, Сумарокова, Софокла, Метастазия. Не пропускай ни одной по случаю попадающейся тебе трагедии, не прочитав се.

Оставь в бумагах своих свидетельство, что ты ее читал, размышления. Сделай более: ескесируй несколько явлений из лучших трагедий. Прочти Епопеи; ибо в сих сокровищах часто любовь, ужас, жалось также описуются как в трагедии. Неужто Гомер, Вергилий, Ариост, Тасс, Херасков, Данте, Вольтер, Лукиан ничем не обогатят твое сердце?» [Фоменко, 1997, с. 109]. Отметим два момента: во-первых, Тасс идет сразу после Гомера, Вергилия и, несколько неожиданно, Ариоста; во-вторых, Херасков оказался между Тассом и Данте – возможно, именно влиянием бесед с автором «Россияды» объясняется и этот список, и интерпетация большой литературной традиции. Это культурный фон, на котором создавался муравьевский перевод Тасса, по обыкновению не завершенный; однако поэт оставил свободное место на листе, видимо, рассчитывая вернуться к тексту в будущем:

Начало Освобожденнаго Иерусалима

1

Благочестиву брань и вождя воспеваю,
Что гроб освободил спасителя Христа,
Рукой он и умом приобретал ту ваию
И много претерпел святыя брав места.
Вотще коварный ад дерзнул с ним препираться,
И Азии велел со Ливией собраться;
Он Небом предводим, от тьмы кромешной дна,
Блудящю рать свою, собрал под знамяна.

2

О Муза! коей есть глава не увенчанна,
От тленных Лавров тех, что Еликон растит,

Но кая в небесах, меж Ангел взвеличанна,
И коей верх лучем бессмертных звезд блестит.
Вдохни, ты в перси мне, вдохни ты жар священной,
Устрой ты песнь мою и быв душе прельщенной
Прости, коль к правде где приложатся цветы
И инны, чем твои, найдутся красоты.

3

Ты знаешь: свет таков; в нем боле привлекает,
Согласием своим прельщающий Парнас,
И в самыя сердца слабейшия вникает,
Со сладостью стихов, священной правды глас.
Так отроку даем, недугом сокрушенну,
Мы чашу с врачеством, но сотом орошенну.
Пелынно питие, обманут отрок пьет,
И возвращая жизнь обманом, восстает.

4

Великодушной Князь! что злой судьбой разима,
От ярости покрыл и в пристань ввел меня;
Меня пришельца здесь и между волн носима
Биема бурями и уж почти тоня

[Л. 56].

Отметим, что Л.И. Кулакова опубликовала третий отрывок как отдельный текст и датировала его второй половиной 1780-х гг. (Муравьев,

1967, с. 278). При этом есть и небольшое расхождение в тексте: шестая строка у нее читается так: «Мы чашу с врачеством, но *медом* орошенну».

Триссино

В «Журнале на 1776 год» находим начало перевода «Италии, освобожденной от готов» («L'Italia liberata dai Gothi» [1548]).

Начало Триссиновой Поэмы, Италия избавленная от Готфов

О красный Дила бог и вы небесны мусы,
Вы, кои во своем сокровище храните
Изящныя дела и мысли человеков,
Благоволите петь изо устен моих
Какими образы законодатель царь
С Итальи бремя сверг тяжело и жестоко
Под коим целое столетье воздыхала,
В унижении, во узничестве Готфов
За вольность оныя велася многа брань
И черна кровь текла: и много храбрых душ
До роковаго дня увидела жизнь ону,
За попущением божественный воли
Но прежде рцыте мне намеренья вину
Склонившую царя ко подвигу преславну

[Л. 72 об.].

Хотя Триссино и считался важным поэтом, автором первой «правильной» трагедии на национальном языке, предсказавшим многие находки поздних сочинителей, репутация его была неоднозначной. Так, например, Вольтер в своем «Essai sur la poésie épique», признавая заслуги Триссино, указал и на некоторые недостатки: «Son plan est sage et régulier ; mais la poésie y est faible» [Voltaire, 1877, 8, p. 330]. Вольтер отметил в поэме правильную композицию, но отказал ей в собственно поэтической силе. И далее еще резче: «Il s'appuie sur Homère pour marcher, et tombe en voulant le

suivre ; il cueille les fleurs du poëte grec, mais elles se flétrissent dans les mains de l'imitateur» [Voltaire, 1877, 8, p. 330]. И финальный вывод, свидетельствующий, скорее, об историческом значении поэмы Триссино: «Le Trissin semble n'avoir copié Homère que dans les détails des descriptions : il est très-exact à peindre les habillements et les meubles de ses héros ; mais il oublie leurs caractères. Je ne prétends pas parler de lui pour remarquer seulement ses fautes, mais pour lui donner l'éloge qu'il mérite d'avoir été le premier moderne en Europe qui ait fait un poëme épique régulier et sensé, quoique faible, et qui ait osé secouer le joug de la rime : de plus, il est le seul des poëtes italiens dans lequel il n'y ait ni jeux de mots ni pointes, et celui de tous qui a le moins introduit d'enchanteurs et de héros enchantés dans ses ouvrages ; ce qui n'était pas un petit mérite» [Voltaire, 1877, 8, p. 331-332]. Самый известный пример обращения русских писателей к «Италии» Триссино – «В похвалу наук» А.Д. Кантемира, который обыграл в своем тексте начальные строфы итальянского произведения [Русско-европейские литератруные связи, с. 109]. Кантемир актуализирорвал в России концепцию *translatio studii*: после крушения античного мира и победы варваров Мудрость была изгнана из этого мира, и после многих мытарств нашла пристанице в Италии, благодаря покровительству Медичи, откуда уже распространилась на другие страны Западной и Восточной Европы [см.: Щеглов, с. 78]. Для Муравьева эта тема была исключительно важной (см., в частности, его исторические труды), поэтому перевод из Триссино – это опыт приобщения России к итальянской, а через нее и к Античной культурам. В этом контексте Россия включалась в бесконечный процесс «переноса знаний», а следовательно, и *translatio imperii* – высказывала свои претензии на положение равного игрока на поле имперской конкуренции.

Делла Каза

Муравьев перевел также произведение младшего современника Триссино — Д. делла Каза. По-видимому, этот текст также относится к 1776 г.:

Соннет <так!> Г. Де Ла Каза к Тициану

Красавицы моей зрю образ начертан:
В твоей картине он, живет и ощущает,
И между тем, увы! как очи обращает
Дрожу и сладкий яд вкушаю, Тициан.
Но сердцу моему сколь дорог сей обман,
Что вдвое зрю лицо которо мя прельщает
И разделен стою между обеих стран.
Бывать <!> ли, чтоб твоей соперница искуства,
Явила кисть моя ее душевны чувства?
Художник не рожден равнятися с тобой.
Ты Феб (коль и тебя любовь днесь приглашает)
Склонись и дай вещать что мне она внушает,
Чтоб страсть моя была твоею похвальбой

[Л. 70 об.].

Делла Каза был видным церковным деятелем, благодаря покровительству Алессандро Фарнезе стал апостольским нунцием в Венеции, боролся с Реформацией и составил Индекс запрещенных книг. При этом он был тонким знатоком и ценителем литературы и сам сочинял. Однако прославился он не столько как поэт (хотя и в поэзии он оставил свой особый след, полемизируя с традицией Петрарки и разрабатывая новый стиль), сколько как писатель, автор знаменитого трактата «Галатео, или О нравах» (1558). Следуя традиции Кастильоне, делла Каза написал классическое руководство по хорошим манерам в форме наставления воспитателя своему питомцу. Книга приобрела евроейскую известность. Его сонеты были заметным явлением в итальянской литературе своего времени. Муравьев выбрал текст, обращенный к Тициану, отмечая, таким образом, известный эпизод из истории западного Ренессанса: великий художник пользовался покровительством той же семьи Фарнезе, что и делла Каза; кажется, одна из тициановских «Данай» была написана если не по заказу влиятельного клана, то, по крайней мере, при живейшей его заинтересованности. Делла Каза

дружил с Тицианом и, видимо, помог ему заручиться поддержкой Фарнезе. Таким образом, это стихотворение не только о силе творчества и великом художнике, но и о сложно устроенном поле искусства, которое формируется системой связей и патрон-клиентских отношений. Муравьев много об этом писал (причем не только в художественных текстах, но и в эпистолярных), можно высказать аккуратное предположение, что этот перевод – своеобразный фон для его «Живописца» (об этом см. выше).

Метастазио

Другой итальянец, чье творчество интересовало Муравьева, — П. Метастазио (о Метастазио в Росии см.: Топоров, 2001-2007, 2, с. 764-800; о Метастазио и Княжнине см. ниже). В «Записной книге» три перевода его произведений. Приведем их все:

Перевод Метастазиева Соннета которой написал он, сочиняя Олимпияду

Желанья тщетныя и басни вымышляю:
Однакоже когда над ними я тружусь,
Безсмысленной! свое столь сердце прилепляю,
Что бедством, кое сплел заемлюсь и сержусь!
Но может быть ума всю власть я возставляю
Когда от прелестей искуства откажусь;
И после бури, вред пристрастий исцеляю
Подвержен менее, хоть вновь и поражусь.
Ах! чтож коль не одне мои писанья тщетны
Но и движения души моей несчетны,
И если в суетах всю жизнь я разточал?
Я долгий сон влеку доколе не увяну;
Но Господи ты даждь, чтоб в день когда возстану,
На лоне истинны я сладко опочил

[Л. 56 об.]

«Олимпиада» -- одно из самых знаменитых либретто Метастазио: более 30 композиторов создали свои оперы на этом материале. Современный исследователь так пересказывает содержание этого произведения: «Сюжет вкратце таков: Ликид (критский царевич) любит Аристею (дочь царя Клистена), но мужем Аристеи может быть только победитель олимпийских игр. Мегакл (друг Ликида) выступает на олимпийских играх под именем Ликида. Аристея влюблена в Мегакла, но ее отец против их брака. В состязании побеждает Мегакл, но долг дружбы превыше всего, и объявляют о победе Ликида. Между тем Аристея узнает о подмене и отвергает Ликида, но Ликид оказывается братом Аристеи, а якобы умерший ранее Мегакл в итоге спасен. Любовь вознаграждена, при этом восхваляются дружба и долг» [Галатенко, с. 167]. Сонет, который перевел Муравьев, непосредственно связан с этим либретто и, главное, с эстетическими открытиями XVIII в.: в одном из писем 1732 г. к Булгарелли Метастазио привел текст своего произведения и объяснил, что оно было вдохновлено «патетическим эпизодом» «Олимпиады», которая его крайне растрогала [об этом см.: De Gubernatis, p. 216-218]. Таким образом, перед нами во многом программный текст поэта, посвященный силе театральной иллюзии, вымысла, которые воздействуют на мир человесеких эмоций и переживаний. Этот мотив станет крайне востребованным в европейской литературе, и, возможно, А.С. Пушкин, писавший в своей «Элегии»: «Порой опять гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь», – учитывал до некоторой степени этот метастазиевски-муравьевской контекст.

Следующий текст – четыре строчки из первого явления третьего действия «Милсоердия Титова»:

Метастазий. Милосердие Титово

Действия третьяго

Явление первое.

Тит и Публий

Публ.: Уж час, о государь, преходит игр священных.
Ты знаешь, что прейти нельзя им дня сего;
Сбежавшись весь народ стоит в толпах сгущенных,
И все лишь только ждут присутства твоего

[Л. 60].

«Милосердие Титово» -- известнейшая опера Метастазио, которая неоднократно переводилась на русский язык. В ней была подняты ключевыe для эпохи проблемы правильного поведения монарха, власти и милосердия, долга и дружеского чувства. Третье действие во многом ключевое: в нем раскрывается образ великодушного монарха. Так, уже в первом явлении Тит говорит:

Можешь ли ты верить, что Секстус мне неверене,
Он уже в сердце моем конечно измерен,
Кажется немочно, что, ппредать меня, смеет

[Милосердие Титово, 1742, с. 35].

Исключительно важно здесь упоминание «сердца» -- чувства государя, который пытался не мстить изменникам, а простить, найти баланс между справедливым судом и милосердием к другу. В том же третьем действии находим известнейшие строки о природе власти: государь, в отличие от простолюдинов, которые счатсливы в своей «простой» жизни, каждый день должен делать сложный моральный выбор:

Подлым щастье делают, а властем противны.
В лесах бедной мужичок прикрыт лоскутками,
И век проживет свой, скудный шалашами,
Незнающий ничего, и неприкрыт сущий,
На пространном воздухе всю нужду несущий,
И тот спокойно себе в нощи почивает,

И доволен дни свои мирно провождает.
Знает, кто ненавидит, и кто любит, знает,
С ними ли кто или один, и то угодает,
Проходит леса, горы, ничего бояся,
Вид сердечный всякого знает не сумняся;
А мы в сих величествах преживаем властны:
Всегда подлежим часам, быть небезопасны,
Надеждали или страх пред очми являет,
Что в сердце у кого есть, всякой закрывает,
Кто бы думал такова друга опасаться?
А теперь ах тот мой друг, неверным остаться

[Милосердие Титово, 1742, с. 38].

И далее, в седьмом явлении третьего действии эта мысль развивается: чувствам, в том числе мести, подчиняется простолюдин, монарх же, как и бог, может даровать жизнь:

Надобно стить ах Титус! твое ли то дело?
Впасти в страсти слабыя? подожди не смело,
Равно с поругателем поруганный буду ,
Правда, всякой рад бы мстить, приходит сткуду?
С воли нашей, и просшак отнять живот может,
Кромж богов, Монархов, никто не поможет

[Милосердие Титово, 1742, с. 43].

Третье действие оперы в целом и именно эту сцену отметил и Вольтер, который в «Dissertation sur la tragédie» писал о том, что стихи Метастазио – «урок королям»: «Que ceux qui sont au fait de la vraie littérature des autres nations, et qui ne bornent pas leur science aux airs de nos ballets, songent à cette admirable scène dans la Clemenza di Tito, entre Titus et son favori qui a conspiré contre lui ; je veux parler de cette scène où Titus dit à Sextus ces paroles :

Siam soli :

il tuo sovrano Non è présente.

Apri il tuo core à Tito,

Confidati ail'amico ;

io ti prometto

Che Auguste nol sapra.

Qu'ils relisent le monologue suivant, où Titus dit ces autres paroles, qui doivent être l'éternelle leçon de tous les rois, et le charme de tous les hommes :

<…> Il terre altrui la vita

È facoltà comune

Al più vil della terra ; il darla è solo

De'numi, e de'régnanti»

[Voltaire, 4, 1878, p. 491].

Таким образом, Муравьев начал переводить ключевое, третье, действие оперы Метастазио, в котором была сосредоточены и кульминация сюжета, и ключевые идеи Метастазио.

Наконец, третий текст – фрагмент перевода из «Catone in Utica». Это либретто было положено на музыку более 30 раз [Семкин, Сусидко, с. 12]. «Катон в утике» -- одно из немногих либретто, наряду с «Покинутой Дидоной», имеющих трагическую развязку. Метастазио, по-видимому, учитывал ранние опыты Д.Б. Нери, написавший либретто «Катона младшего» и М. Нориса, автора «Катона Утического» (1701). Последнюю видел в Венеции в 1701 г. Д. Аддисон, который в 1713 г. создал своего Катона [Семкин, Сусидко, с. 15-16]. Однако трагедия Метастазио принципиально отличалась от предшественников: «Если пьесы Нориса и Аддисона завершаются lieto fine — любящие воссоединяются, то tragedia Метастазио не

дает никаких положительных результатов — несчастны все. Цезарь и Марция не могут быть вместе под страхом отцовского проклятия, благородный Арбак так и не получил руки Марции, Фульвию не дано быть с любимой Эмилией, так и не отомстившей Цезарю за смерть своего супруга, поборника республики, последние лучи которой померкли вместе с жизнью Катона» [Семкин, Сусидко, с. 19]. При этом конфликт Цезаря и Катона, империи и республики не мог не интересовать Муравьева, который обращался к этой теме на разном материале. Планировал ли он заврешить перевод, мы не знаем, но в любом случае это знак глубокого интереса к Метастазио и европейскому театру.

Смерть Катонова. Из Метастазия.

Уже десницею невольника презренна
Помпеева глава была усекновенна
И мощь, которая незапностьми войны
Колеблема была в две вражески страны,
В щастливом Кесаре одном совокупилась.
Ему Британия свободой поступилась:
Звучащу длань к нему свирепый Афр простер
И слух его идет от Парфов до Ивер

[Л. 127].

Таким образом, выбор итальянских текстов только на первый взгляд может показаться случайным. Перед нами яркие и прославленные авторы Ренессанса и Просвещения, которые поднимали ключевые проблемы современности: природа власти, милосердие и справделивость, ревность и дружба, сила и предназначение искусства

Французская литература

Разумеется, больше всего Муравьев читал и переводил французскую литературу. Рукописного материала исключительно много: П. Корнель, Ж. Расин, Лафонтен, Вольтер, Ж.Б. Руссо — Муравьев обращался к трудам всех прославленных классиков, изучая приемы их острословия и обдумывая детали. При этом он, кажется, ценил небольшие объемы, позволявшие сказать многое в немногих словах. Вот, например, четыре стиха из Малерба:

Что скажите грядущи роды
Коли правдива речь когда
Разскажет вам перевороты
Случившись в наши злы года.
Малгерб

[Л. 31].

По-видимому, Муравьев перевел начало Ode IV Sur l’attentat commis en la personne de Henry le grand le 19 décembre 1605 (1606):

Que direz-vous, races futures,
Si quelquefois un vrai discours
Vous récite les aventures
De nos abominables jours ?

[Malherbe, p. 17].

Буало

Один из ключевых сюжетов в данном контексте – переводы из Буало, которыми Муравьев занимался много и тщательно. Именно Буало Муравьев переводил чаще, чем других авторов. Один из теоретиков т.н. «классицизма», как мы покажем далее, нисколько не потерял актуальности в последней четверти XVIII в. Очевидно, Буало для Муравьева — один из важнейших для него европейских классиков.

Известны пять переводов М. Н. Муравьева из Буало, в сборник «Переводные стихотворения» (1773) он включил следующие тексты: «Епистола г. Буало к аббату де Рош», «Епиграмма г. Буало Депрео» («К чему, Котень! твои усилья, плач и крики…»), «Епиграмма того ж» («Мне сделалась премена…»), «Епиграмма на Гомера» и «Соннет на смерть родственницы г. Буало Депрео» [Муравьев, 1773, с. 7, 19–20, 25–26]. В 1967 г. Л. И. Кулакова перепечатала вторую, третью и пятую пьесы из этого перечня [Муравьев, 1967, с. 281–282]. Она же дала общую характеристику этих первых переводов Муравьева: «Переводы выполнены еще в Архангельске, Вологде, а может быть, и в Москве. Подбор стихотворений пестр и отражает вкусы не только самого Муравьева, но и его учителей. Здесь и явно начатые под руководством моралиста Шадена религиозные размышления немецкого поэта Брокеса, и анакреонтические оды Брентшена, и направленная против деспотизма ода Вольтера Фридриху II, отрывок из «Цинны» Корнеля, альбомные стихи Мадлены Скюдери, обязательный Буало и действительно интересовавший Муравьева Гораций. Качество переводов невысокое. Они представляют интерес лишь как первая проба пера» [Муравьев, 1967, с. 18].

Оставим в стороне оценочные суждения исследовательницы и остановимся на формулировке «обязательный Буало», подразумевающей ученический характер этих переводов: Буало включался в ряд тех поэтов, работа с которыми необходима начинающим авторам — как один из первых шагов в постижении науки поэзии. Вместе с тем выходило, что Буало оказывался менее важен, чем Гораций, интерес Муравьева к которому признавался более серьезным и в этом смысле противопоставлялся его буалоизму. При этом Муравьев «распределил» классиков по жанрам: «Эпопея: Вергилий, Тасс, Мильтон; Эклога: Вергилий; Трагедия: Софокл, Расин, Вольтер, Сумароков, Княжнин; Комедия: Мольер, Теренций; Романы: Телемак, Нума, Киропедня; Ода: Гораций; Сатира: Буало; Эпистола: Вольтер» [Фоменко, 1997, с. 136]. Так, Гораций и Буало до некоторой степени «примирялись» в сознании Муравьева.

Однако материалы, сохранившиеся в его рукописной «Записной книге» говорят о том, что в литературном сознании Муравьева Буало был вполне соизмерим с Горацием в качестве одного из важнейших образцовых авторов, и уже по этой причине обращение к нему не может быть объяснено только «школьными» задачами. Муравьев. Как отметил В. Н. Топоров, «Муравьев уже в юношеском (по сути дела) возрасте довольно основательно познакомился с произведениями Буало в разных жанрах и сделал <…> около трех десятков проб в их переводах. Некоторые из них вполне на уровне тогдашних переводов» [Топоров, 2001-2007, 1, с. 55][177]. Однако публикуемые нами тексты, за одним исключением, не имеют дат, а единственный датированный автором относится к 1781 г. («Жалоба на Тюльери…»). Это с очевидностью означает, что интерес Муравьева к творчеству Буало не может быть ограничен только «ученическим» периодом его творчества. В данном случае к Буало обращается уже зрелый мастер.

В «Записной книге» осталось еще девять неопубликованных муравьевских переводов из Буало, которые мы помещаем ниже, полагая, что они красноречиво свидетельствуют о стремлении Муравьева творчески освоить значительную часть корпуса текстов французского классика. При этом эти тексты тяготели к циклизации: так, помимо перевода из «Налоя» мы находим два панегирика, две элегии и четыре эпиграммы.

Перед нами не всегда просто переводы, французские стихи были «переложены на наши нравы» или, по крайней мере, адаптированы к ним; для того чтобы читатель мог в этом убедиться, мы во всех случаях поместили под строкой оригинальные тексты. Наиболее показательный пример — стихотворение «Епиграмма Г:<осподина> Буало на Акад:<емию>франц:<узскую>». Очевидно, что «вотяки» и «мордва» — герои именно русского перевода, а не французского источника.

[177] В.Н. Топоров знал о “Записной книге” по описанию Л.И. Алехиной, но сам с данной рукописью не работал.

Своими переводами Муравьев включался в традицию русских переводов Буало. Так, «Начало Буаловой речи к королю» может быть интерпретирован как отклик на перевод А. Д. Кантемира [Кантемир, с. 335–339]. А перевод «Из Налоя», возможно, объясняется тесными контактами Муравьева с В. И. Майковым: последний, как известно, сам переводил «Налой» [Песков, с. 144–153].

В муравьевских переводах из Буало преобладает эпиграмма — жанр, переживавший в XVII–XVIII вв. период расцвета[178]. Обращение к литературной «мелочи», рассчитанной одновременно на тонкий вкус, светское остроумие и эрудицию, много говорит о культурной позиции Муравьева. Своим образованием и воспитанием он был человеком «классической словесности», о чем часто забывают, когда пытаются подчеркнуть предромантические тенденции его творчества.

В этом отношении, как кажется, наиболее показателен «Епиграмма против абб:<ата>Котеня». Буало, как известно, высмеивал аббата Ш. Котена не только в данной эпиграмме, но и в «Поэтическом искусстве». Мольер же вывел его в образе поэта Трисотена в «Ученых женщинах» [Михайлов, с. 360]. Соответствующим образом, перевод данной эпиграммы свидетельствует о понимании ее значения в истории «французского классицизма», а вместе с тем и о его восприятии как сохраняющего актуальность.

Муравьев перевел фрагмент из второй песни «Налоя», причем специально указал на ее 126 стих. Вторая песня исключительно важна для понимания замысла Буало, в частности, потому, что в ней автор продемонстрировал свои гланые приемы, пародируя высокий эпический стиль (показательно, что сделал ссылки на «Энеиду», чтобы у читателя не осталось

[178] Как справедливо отметил А. Михайлов, «хотя считается, что в “великое” столетие эпиграмма пребывала в “хаотическом состоянии”, переживая если не прямой упадок, то несомненное измельчание и расшатывание формы, на деле все было совсем иначе: эпиграмма пышно расцвела, оттачивала свои приемы, привлекла внимание таких значительных поэтов, как Пьер Корнель, Поль Скаррон, Франсуа Менар, Жан де Лафонтен. Недаром Буало сердито констатировал в “Поэтическом искусстве” неудержимое проникновение стихии шутки, каламбура, вообще эпиграмматичности в другие жанры» [Михайлов, с. 17–18].

сомнений в смысле литературной игры [Boileau, 1872, p. 369]). Интересующая же нас строка – «Laissoient leur sceptre aux mains ou d’un maire ou d’un comte» [Boileau, 1872, p. 367]. Она часть знаменитой речи Моллессы:

Hélas ! qu’est devenu ce temps, cet heureux temps,
Où les rois s’honoroient du nom de fainéans,
S’endormoient sur le trône, et, me servant sans honte,
Laissoient leur sceptre aux mains ou d’un maire ou d’un comte ?

[Boileau, 1872, p. 367]

Это один из ключевых моментов всей поэмы: Буало иронически вспоминал эпоху так называемых *rois fainéants* — «ленивых королей», которые спали на троне, то есть поздних Меровингов, при которых реальная власть переходила к помощникам. Это превращает Лень в псевдоисторическую силу, будто бы правившую целыми эпохами. Буало издевательски вывернул логику оценки власти: Молесса (т.е., собственно, Лень) жалуется на исчезновение столь дорогого ей старого, ленивого мира. Комизм строился на том, что монархическая пассивность была изображена как золотой век. Наконец героиня возмутилась деятельностью неутомимого короля – таким образом, издевка превратилась в прозрачный комплимент Людовику XIV, а героикомическая поэма – в панегирик.

Из Налоя Пес.<ня>: II. Ст.<их>: 126[179]

Увы! что сталося с тем времянем щастливым;

Как ставил в честь себе, владыко быть ленивым,

[Прошел сей милой век: сердитых рок небес,

Неутомимаго царя, на Трон вознес]

На Троне засыпал, и принося мне дар,

[179] Оригинал: “Hélas! qu’est devenu ce temps…” [Boileau, vol. 2, p. 212–213].

Давал свой править скиптр <!>, рукам своих бояр?

Заботы век к его двору не приступали;

Покоились всю ночь, день целой просыпали,

Лишь только раз весной, как нежных былий мать,

Погодам запретит в долинах бушевать.

Четыре в ряд вола, долгопротяжным ходом,

Лениваго царя возили пред народом.

Прошел сей милой век: сердитых рок небес,

Неутомимаго царя, на Трон вознес.

Он презирает мя, он мне не угождает,

И всякой день, своих дел слухом разбуждает.

[Л. 25.].

Панегирическая тема раскрывается в двух следующих текстах. Начнем с «Discours au Roi».

Начало Буаловой речи к Королю[180]

Младый и храбрый царь! в ком разум просвещенной,
Не поздных лет есть плод, во старости рожденной,
Что без наперстника, подав след небесам,
Все сам собой творишь; и зришь собою сам,

[180] Перевод начала произведения Буало “Discours au Roi”: “Jeune et vaillant héros, dont la haute sagesse / N'est point le fruit tardif d'une lente vieillesse, / Et qui seul, sans ministre, à l'exemple des dieux, / Soutiens tout par toimême, et vois tout par tes yeux, / GRAND ROI, si jusqu'ici, par un trait de prudence, / J'ai demeuré pour toi dans un humble silence” [Boileau, vol. 1, p. 3].

Когда я, Государь! советом боязливым,
До селе о Тебе, быть мнился молчаливым

[Л. 36 об.].

«Discours au Roi» -- ключ к пониманию одической проблематика как во Франции, так и в России. Буало писал не просто панегирик, а программный текст, в котором объяснял, что такое *настоящий* высокий слог, что такое *лесть* и каковы границы жанра. Слабые авторы надоедали королю своими банальными похвалами, грубой лестью, они не могли справиться с поставленной задачей, потому что были слишком далеки от понимания природы как власти, так и искусства. Буало же подчеркивал, что «Pour chanter un Auguste, il faut être un Virgile». Но далее он усложнил свою концепцию: пока монарх карает зло и борется за справделивость, поэт бичует пороки – так, ода и сатира оказываются двумя сторонами одной медали, а государь и сочинитель связаны единой целью. Таким образом, сатира не просто легитимируется при дворе, но признается естественным элементом монархической идеологии. По-видимому, первым на русский язык перевел «Discours au Roi» А.Д. Кантемир [Кантемир, 1956, с. 335-339]. Он крайне точно расставил основные акценты и задал инерцию восприятия этого текста:

Виргилием быть нужно, коли петь Августа.
<…>
Когда твоя десница, правяща народы
Стрелами, уставляет закон для свободы,
И, держа злых в неволи, казни даешь правы,
Тогда я пером смелым укоряю нравы

[Кантемир, 1956, с. 336, 337]

Позднее отсылки к «Речи к королю» найдем в произведениях В.И. Майкова, В.П. Петрова и др. [Русско-европейские связи, с. 37]. Именно буалоистский контекст ключевой для интерпретации той революции в оде, которая началась в литературной журналистике 1769 г., в первую очередь во «Всякой всячине»,

продолжилась в 1770 гг. экспериментами Муравьева (об этом см. выше) и завершилась «Фелицей» Державина и в 1783 г.

Эту тему Буало развил в «Epitre I. Au Roi. Contre les conquêtes» (1669): вместо обычного панегирика королю-победителю он убеждает его, что истинная слава государя не в бесконечных завоеваниях, а в мире, порядке, правосудии и попечении о подданных. Очевидно, русский читатель сразу вспоминал хрестоматийную оду Ломоносова. Эпистола Буало начиналась с признания, что хвалить короля трудно, потому что для такой похвалы нужна не «простонародная стезя», как сформулировал это Муравьев, не банальный придворный стих, а новый, достойный способ говорить о власти. Таким образом, это опять текст о границах монархической славы и о поэте и власти. Буало снова отказывался от пошлой лести и утверждал, что настоящая поэзия должна говорить правду даже государю. Отсюда напряжение между панегириком и моральной критикой, с одной стороны, и, что более важно, расширение привычных границ оды.

Епистола к королю. Госп.<одина> Буало[181]

Вотще я, Государь! с Сатирою прощался,

И впредь лишь для тебя, писати обещался,

Едва приму перо: се Феб, испужан весь,

Кричит: безумец! стой, куда стремишся днесь?

Изведал ли ты пасть, куда твой бег направлен?

[181] Перевод начала “Epitre I. Au Roi. Contre les conquêtes: «Grand roi, c’est vainement qu’abjurant la satire, / Pour toi seul désormais j’avois fait vœu d’écrire, / Dés que je prends la plume, Apollon éperdu, / Semble me dire : Arrête, insensé ; que faistu? / Saistu dans quels périls aujourd’hui tu t’engages? / Cette mer où tu cours est célèbre en naufrages! / Ce n’est pas qu’aisément, comme un autre, à ton char, / Je ne pusse attacher Alexandre et César, / Qu’aisément je ne pusse, en quelque ode insipide, / T’exalter aux dépens et de Mars et d’Alcide, / Te livrer le Bosphore, et d’un vers incivil, / Proposer au sultan de te céder le Nil: / Mais, pour te bien louer, une raison sévère, / Me dit qu’il faut sortir de la route vulgaire; / Qu’après avoir joué tant d’auteurs différens, / Phébus même auroit peur s’il entroit sur les rangs» [Boileau, vol. 1, p. 265–267].

Кончиною пловцев сей бурный понт прославлен.

Легко б мне как другим льзя было в пышну речь,

И Кесаря в полон и Александра влечь.

Тебя превыше взнесть и Марса и Алкида.

Вручить тебе Босфор и не жалев чернил,

Султану предложить, чтоб он оставил Нил.

Но в похвале твоей, мне замысл благородной

Гласит, чтоб я не шел стезей простонародной.

Что всем почти творцам ручаясь по чреде,

И Феб бы трепетал, стать с ними на среде.

[Л. 28].

Приведем две элегии Буало – редкие примеры его интимной лирики. Обычно французский классик не ассоциируется с этим жанром – тем интереснее, что Муравьев отобрал именно эти тексты

Блажен. Из Буало[182]

Се прекрасныя места,
Где душа моя прельщалась,
И все частно воображались
Мне Сильвии красота

[182] Оригинал – “Vers à mettre en Chant”: “Voici les lieux charmants où mon âme ravie / Passait à contempler Sylvie. / Les tranquilles moments si doucement perdus! / Que je l'aimais alors! Que je la trouvais belle! / Mon coeur, vous soupirez au nom de l'infidèle! / Avezvous oublié que vous ne l'aimez plus? / C'est ici que souvent errant dans les prairies, / Ma main des fleurs les plus chéries / Lui faisait des présents si tendrement reçus. / Que je l'aimais alors et comme elle était belle! / Mon coeur, vous soupirez au nom de l'infidèle! / Avezvous oublié que vous ne l'aimez plus? [Boileau, vol. 2, p. 314].

Как она была прекрасна!
И дума моя ей страстна!
Ты при имени ея,
Сердце нежно воздыхаешь,
Или ты позабываешь,
Что она уж не твоя?

[Л. 38].

«Vers à mettre en Chant» -- любовная песня, отсылающей к элегической традиции с ее мотивами утраченного счастья, тоски, воспоминаний. При этом стихотворение Буало стало популярным, было положено на музыку и начало новую жизнь.

Жалоба на Тюльери из Соч.<инений> Буаловых[183]

Приятные сады, где шествие Авроры

Зефиры празднуют, где ликованье флоры[184]

Места прекрасныя, которых тайна сень

---

[183] Перевод стихотворения Буало «Plaintes Contre Les Tuileries»: Agréables jardins où les Zéphyrs et Flore / Se trouvent tous les jours au lever de l'Aurore; / Lieux charmants qui pouvez dans vos sombres réduits, / Des plus tristes amants adoucir les ennuis, / Cessez de rappeler, dans mon âme insensée, / De mon premier bonheur la gloire enfin passée. / Ce fut, je m'en souviens, dans cet antique bois / Que Philis m'apparut pour la première fois. / C'est ici que souvent, dissipant mes alarmes, / Elle arrêtait d'un mot mes soupirs et mes larmes. / Et que me regardant d'un oeil si gracieux, / Elle m'offrait le ciel, ouvert dans ses beaux yeux. / Aujourd'hui cependant, injustes que vous êtes, / Je sais qu'à mes rivaux vous prêtez vos retraites, / Et qu'avec elle assis sur vos tapis de fleurs, / Ils triomphent contents de mes vaines douleurs. / Allez, jardins dressés par une main fatale, / Tristes enfants de l'art du malheureux Dédale, / Vos bois, jadis pour moi si charmants et si beaux; / Ne sont plus qu'un désert, refuge des corbeaux; / Qu'un séjour infernal où cent mille vipères, / Tous les jours, en naissant, assassinent leurs mères" [Boileau, vol. 2, p. 434–435]. Пометка Муравьева: «1781. Ф.<евраля> 19».

[184] Зачеркнутый вариант: "Зефиры резвятся летая подле Флоры".

Приялищем была толь часто нежных пень.

Престаньте вспоминать душе ума отставшей

Минуты радости толь быстро пробежавшей.

Здесь было то, ах! здесь, при древней роще той,

Филиса в первой раз предстала предо мной.

Здесь часто зря меня смущатися готова,

Давала свет узреть, произнесеньем слова.

Толь кроткий взор ко мне из глаз ея сиял.

Ах етот взор один мне небо отверзал[185].

А ныне, знаю я, участники измены!

Что в вашу сень мои злодеи сокровены

На ваших муравах и сидя подле ней

Печалью суетной возносятся моей.

Та бедственна рука вас коя насаждала,

Творенья хитрости нещастнаго Дедала!

Леса которы вкруг толь гордо востают,

Пустыней зрятся мне, где враны гнезды вьют.

И адскою страной, где тысящами видны

[185] Зачеркнутый вариант: “Сей взор безмрачное”.

В рожденье, матерей язвящия ехидны.

[Л. 28 об.].

«Plaintes Contre Les Tuileries» -- любовная элегия, посвящена утраченным чувствам и построена на воспоминании. Лирический герой обращается к садам Тюильри как к месту, которое напоминает ему о прежнем счастье и о потерянной любви.

Наконец, приведем тексты переводов эпиграмм Буало, о которых мы говорили выше.

Епиграмма Г:<осподина> Буало[186]

Ты говоришь что врач твой дядя чрез леченье,

Дало мне в скорби облегченье

Но сей твой вымысл лжив,

Я и теперя жив

(Л. 15 об.).

Епиграмма против абб:<ата> Котеня[187]

Вотще враги мои, мне тысящу гонений,

Своих посредством сочинений,

Старались пред очьми вселенной возбудить;

[186] Перевод эпиграммы Буало «Au mesme»: Ton oncle, dis-tu, l'assassin, / M'a guéri d'une maladie. / La preuve qu'il ne fut jamais mon médecin, / C'est que je suis encore en vie [Boileau, vol. 2, p. 379].

[187] Перевод эпиграммы Буало «Sur une satire très-mauvaise que l'ábbé Cotin avait faite, et qu'il faisait courir sous mon nom»: En vain par mille et mille outrages / Mes ennemis, dans leurs ouvrages, / Ont cru me rendre affreux aux yeux de l'univers. / Cotin, pour décrier mon style, / A pris un chemin plus facile. / C'est de m'attribuer ses vers [Boileau, vol. 2, p. 384–385].

Котень, чтоб лучше мне вредить,

Опаснейший мне ков состроил,

Он мне стихи свои присвоил

(Л. 15об.).

Епиграмма Г:<осподина> Буало на Акад:<емию> франц:<узскую>[188]

Я назвал всех тех вотяками,

Не ложно, те мои слова,

Которые вещей не зная существа,

Над древними теперь ругаются творцами,

И Академия меж нами,

Имея дело с дураками,

Быть мнится сущая Мордва.

[Л. 16.].

Епиграмма с латинского оригинала Г.<осподина> Буало[189]

Когда суд говорит, сын сельскаго пристава,

На площади ж отец стоит сего глупца,

Не знаешь ты, зачем молчит людей орава,

[188] Перевод эпиграммы Буало “Au sujet de l’Epigramme XIII…”: “J’ai traité de Topinamboux, / Tous ces beaux censeurs, je l’avoue, / Qui, de l’antiquité si follement jaloux, / Aiment tout ce qu’on hait, blâment tout ce qu’on loue, / Et l’Académie, entre nous, / Souffrant chez soi de si grands fous, / Me semble un peu Topinamboue” [7, 2, p. 410]. Ср.: эпиграмму Буало “Sur ce qu’on avait lu à l’Académie française…” [Boileau, vol. 2, p. 380].

[189] Перевод латинской эпиграммы Буало – “Epigramma In novum Caussidicum rustici pectoris Filium”: “Dum puer iste fero natus lictore perorat, / Et clamat medio, stante parente, foro; Quaeris quid sileat circumfusa undique turba? / Non stupet ob natum, sed timet illa Pattrem” [Boileau, vol. 2, p. 468].

Не сын ее дивит, боится лишь отца

[Л. 33 об.].

Приведем также перевод стихотворения Ж.-Б. Руссо «Стихи к портрету г. Буало», свидетельствующий уже не только об интересе Муравьева к самому Буало, но и к его литературной репутации; вместе с тем, выбрав для перевода стихи, написанные о Буало одним из его почитателей, Муравьев красноречиво обозначил свое к нему отношение, как минимум не противоречащее принципиально позиции Руссо.

Стихи к Портрету Г:<господина> Буало, соч. Г.<осподина> Руссо[190]

Он мужем был навет разрушен лести злой,

В твореniях его ложь всюда изъязвленна,

И почесть завсегда достоинству явленна;

Отменный стих его порока был хулой,

Чем добродетели хвалой

[Л. 52].

В «Записной книге» мы находим не только новые тексты, но и новые редакции произведений, давно известных. Так, одно из наиболее важных для нашей темы произведений — «Опыт о стихотворстве». А. М. Песков указал, что «Опыт о стихотворстве» Муравьева «является едва ли не самым тщательным после епистолы “О стихотворстве” подражанием “Поэтическому искусству” Буало» [Песков, с. 34]; анализ данного произведения см.: [Песков,

[190] Оригинал – “Vers pour mettre au bas du Portrait de M. Despréaux”: “La vêrité par lui démasqua l’artifice; / Le faux dans ses écrits partout fut combattu: / Mais toujours au mérite il sut rendre justice; / Et ses vers furent moins a satire du vice / Que l’éloge de la vertu” [Rousseau, p. 234–235].

с. 34–41]. Л. И. Кулакова опубликовала его с пометами «1775, 1780» [Муравьев, 1967, с. 131–136]. Количество расхождений между опубликованной ею редакцией и текстом в «Записной книге» столь велико, что считаем необходимым привести его полностью:

Опыт о стихотворстве

О! вы, чей пылкий дух и несозрелы лета,

Пленяются мечтой и званием Поета!

Которых к Музам страсть есть страсть души моей,

Позвольте, юноши! мне к вам гласить об ней.

Как жаждуща земля, что влажности желает,

Горящая душа по всякий час пылает.

Коль чувствуешь восторг, дух рвением возжен,

Дерзай петь: Аполлон не будет раздражен.

Но прежде недель ты возьмешь какой бремя,

Способности свои изследуй долго время.

Природою к тому поставлен всем предел,

И сила склонностей, причиной наших дел.

Представьте вы себе прославившихся Россов:

Военною трубой Петра пел Ломоносов,

Безсмертным гласом он Героев прославлял,

А Сумароков стон Ильменин изъявлял,

Тирсиса пел в свирель, творя пастушке пеню,

И в притчах стал своих соперник Лафонтеню.

Херасков возглашал морской Чесмесской бой,

Прославлен Лирою, Котурном и трубой.

Елесю Майков пел, красясь издевкой слога,

И с пленной сродницей стонал Палеолога.

Один любовну страсть умеет изъяснить,

Другой сердца мужей ко брани воспламенить.

Каких красот искать и убегать пороков,

С Горацьем скажут вам Депро и Сумароков.

В учениях вы их старайтесь почерпать,

Как должно с похвалой по их стезям ступать.

Любите здравый смысл: пленяйтесь простотою,

Она должна стихов быть ваших красотою.

Не надобно, чтоб стих был пышен и надут:

Излишества отнюдь красы не придают.

Садовничья рука, корнь древа орошает,

Но безполезнаго верх листвия лишает.

Брегитеся сверх мер в подробности вникать,

Что сказано чрез чур, не может привлекать.

Творец, что не умел границ себе поставить,

Не мог себя во век писмом своим прославить.

Но прежде нежель что предпримешь воспевать,

С предметом должно мысль и слог согласовать…

Хотя любимец Муз все вымышлять свободен,

Но вымысл сей всегда быть должен с правдой сходен.

Не представляй мне брань, как представляют мир,

Чтобы я не почел Борей твой за Зефир.

Умей разполагать: одной доволен целью,

Коль зачал ты трубой, не окончай свирелью.

Всему свою чреду и чин определи,

Из всех частей одно составь и не дели.

Слог должен быть всегда сердца тронуть удобен,

Быстр, плавен и реке прозрачнейшей подобен.

Без пользы будет речь кудряво сложена,

Когда не свойствен склад; иль мысль ея темна;

Догадкой все постичь, чтецу не будет мочи,

Пусть мысль разит умы, как солнце наши очи

(Л. 78).

Перед нами ранняя редакция «Опыта о стихотворстве». Об этом со всей очевидностью говорит язык стихотворения. Если сравнить текст, напечатанный Л. И. Кулаковой, с приведенным выше, выяснится, что основная тенденция переработки последнего — упрощение языка: Муравьев убирал ненужные архаизмы («верх листвия», «корнь», «садовничья» — «вершину листвия», «корень», «садовник» и др.), устаревшие синтаксические конструкции («прежде нежель что»). Но к этому специфика публикуемого нами текста не сводится: наряду со стилистической Муравьев осуществлял смысловую правку. Так, в варианте из «Записной книги» упоминаются Херасков и Майков, а в тексте, опубликованном Л. И. Кулаковой, их нет. Почему? Получается, что в 1780 г. Муравьев снял упоминания о тех, на кого он, как отмечал в письмах к родным (см. выше), возлагал столько надежд. Естественно предположить, что в его отношениях с ними наметился какой-то внутренний конфликт или как минимум разлад[191]. Об этом же косвенно свидетельствует письмо В.В. Ханыкова к Муравьеву, в котором он достаточно критично оценил «Россияду» Хераскова (см. выше).

Об отношениях Муравьева с Майковым в это время мы почти ничего не знаем. Однако вряд ли ошибемся, если предположим, что Майков в 1780-е гг. казался Муравьеву автором, потерявшим свою актуальность.

Все это вместе взятое, т. е. и переводы из Буало, и сложная история отношений Муравьева с Херасковым и Майковым, развивавшаяся в направлении от первоначального сближения к последующему охлаждению (вряд ли слишком резкому), неминуемо обращает нас к вопросу о

[191] Ср.: «Мягкий добросердечный Муравьев всегда оказывал вроде бы пассивное, но упорное сопротивление тому, что не приходилось ему по душе. Близость к Хераскову и Новикову сказалась в постановке Муравьевым морально-этических проблем, и только…» [2, с. 20].

литературной позиции Муравьева. Мы уже анализировали концепцию Гуковского, не будем повторяться, отметим, правда, что в смысловом поле «сентиментализма» творчество Муравьева неизбежно сближается с Херасковым и с Карамзиным. Но, очевидно, не менее важной является связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии. Казалось бы, один из теоретиков так называемого «классицизма» должен был бы потерять актуальность в последней четверти XVIII в. (см.: [Песков, с. 6–10]). Однако этого не происходит. Наоборот, Муравьев много его переводит, и уже из этого факта следует, что в его литературном сознании авторитет Буало, одного из важнейших для него европейских классиков, остается непоколебленным.

Корнель

Обращался Муравьев и к наследию Корнеля. Правда, без особого успеха. От перевода “Родогуны” (1644) осталось всего две строки:

Из Родогуны, действие V. Явл.<ение> IV

Венчайся, будь Тиран: се зришь царем себя,
Повергла я отца и брата и себя

(Л. 66).

Возможно, Муравьев прервал работу над своим переводом потому, что в первой половине 1770-х гг. академическая комиссия приняла решение издать в переводах на русский язык трагедии Корнеля. Их отбором и переводом занялся Княжнин, который перевел шесть пьес, среди которых была и «Родогуна», изданная, правда, только в 1788 г. Однако можно высказать осторожное предположение, что она была известна в списках. На протяжении 1770-х гг. Муравьев сознает себя остающимся «в тени» Княжнина, обращаясь к тем же текстам и сюжетам, что и он, и всегда бросая начатое.

Расин

Особое место в драматургическом наследии Муравьева занимало творчество Расина. Это тем более интересно, что в России XVIII в., как показал Г.А. Гуковский, вопреки сложившемуся заблуждению, слабо интересовались творчеством французского классика и обращались к его трагедиям крайне редко [Гуковский, 2013, с. 440–446][192]. И действительно, в XVIII в., насколько нам известно, «Федра», одна из самых известных трагедий Расина, полностью не переводилась (ср.: [Демин, 2011, с. 241]). Муравьев же, во многом вопреки данной тенденции, на протяжении всей своей жизни работал над созданием «настоящей» трагедии[193]. Таким образом, его переводы («Федра» и др.) и оригинальное творчество («Дидона» или «Болеслав») должны рассматриваться в едином контексте.

Муравьев несколько раз начинал переводить произведения Расина.

Муравьев переводил пьесу Расина «Фиваида, или Братья-враги» (1664). В «Записной книге» сохранилось несколько строк. «Фиваида, или Братья-враги» — это первая трагедия Расина, поставленная в 1664 году; именно она помогла ему закрепиться в придворно-театральной среде, хотя позднейшая критика почти всегда считала ее еще не зрелым, «ученическим» опытом (ср.: «On a dit que, dans la Thébaïde, Racine subissait l’influence de Corneille. Fort peu, je vous assure. Elle ne se fait sentir que rarement, dans quelques vers emphatiques et à antithèses. En réalité, cet exercice d’écolier, qui n’est pas éclatant, est déjà secrètement original» [Lemaître, p. 95]). Возможно, Муравьев каким-то образом соотносил свой путь и свою главную, так и не законченную трагедию «Болеслав», с расиновским контекстом, лелея надежду в будущем добиться

[192] Значимое исключение — опыты А.П. Сумарокова [Сумароков, 1756; Сумароков, 1779; Сумароков, 178]. Отметим относительно недавнюю оценку: «Русский театр того времени не проявлял интереса к трагическому репертуару западно-европейского классицизма. Напротив, несомненное внимание привлекала формировавшаяся на Западе так называемая мещанская трагедия, обратившаяся к изображению третьего сословия, буржуазно-мещанских кругов с присущими им драматическими конфликтами морального и социально-бытового характера <…>» [История русской переводной литературы, 2, с. 50]. Ср. замечания А.О. Демина к переведенной им статье Гуковского: [Гуковский, 2013, с. 434–439].

[193] См., напр., в письме Муравьева к отцу и сестре от 24 июля 1778 г.: «Правда, что я было нынешнюю неделю обратился к своей Трагедии («Болеславу». — А.И.), для того, что я был у <И.А.> Дмитревскаго, которой у меня ее спрашивает»; см. подробнее: [Топоров, 2001-2007, 1, с. 27–380].

схожих успехов. Сюжет был взят из фиванского мифа о Этеокле и Полинике, сыновьях Эдипа, которые гибнут в борьбе друг с другом.

Явление I Расиновой Фивайды.

Пошли они? я рвусь Олимпа, злой тоскою,
Сколь много будет слез мне стоить час покою?
Шесть месяцов томлюсь, пускаю горький стон,
И слезныя глаза еще смыкает сон?
Ах! еслиб смерть скоряй сомкнуть их упредила,
И видеть страшное злодейство пощадила,
Но бьются уж они?

Олимпа.

Я зрела с верху стен
Их строй, с обеих стран к битве разположен
Я видела мечи из ножен их изъяты,
И чтоб тебе сказать оставила раскаты

[Л. 31 об.].

Кроме того, сохранился заголовок, свидетельствующий о том, что Муравьев планировал переводить «Ифигению» [Л. 59]. Это одна из самых важных его трагедий зрелого периода. Она была впервые поставлена в Версале 18 августа 1674 г. и знаменовала его возвращение к мифологическому сюжету после ряда исторических трагедий. Источником послужила прежде всего «Ифигения в Авлиде» Еврипида, но Расин переработал материал весьма свободно

Находим в «Записной книге» и несколько стихотворений, в которых упоминается «бесподобный» Расин и в которых выражено почти восторженное отношение Муравьева к французскому трагику. Так, например, в одном из предположительно ранних текстов он писал:

<…> Небедной разум мой! Ты льстился почерпать

В Виргилии, в Шолью, в Расине безподобном,

Зачем не пребывать в обмане сем беззлобном,

В надежде сладостной зачем не утопать <…>

[Л. 31 об.].

Еще один пример — «Для стихотворства не надобен ум», набросок, сохранившийся на полях одного из листов «Записной книги». Обычно факт записи какого-то текста на полях — свидетельство его позднего происхождения: Муравьев через несколько лет или даже десятилетий, просматривая свои сочинения, дополнял «Записную книгу» новыми текстами. Перед нами своеобразная литературная декларация поэта, который, с одной стороны, сознает ограниченность своих талантов (очевидно, это общее место подобного рода произведений), а с другой — заявляет о том, что не бросит литературу и будет ориентироваться на образцовых авторов, в т. ч. и на Расина:

Я знаю, признаю сие чистосердечно

Что по Виргильеву не писывать мне вечно,

Что от Расина я, как от Олимпа ад,

Что мне не попадать на Лафонтеньев лад.

Однако вот мое намеренье какое:

Без честолюбия, со всех сторон в покое,

Безсилие ума — и сердца призная

Стихи, иль рифмы тож, писати стану я

[Л. 19].

Наконец, еще один рукописный набросок Муравьева на эту тему — «Пииту ль мало упражненья», он датирован автором 27 февраля 1781 г.:

Пииту ль мало упражненья,

Пусть он свой праздной взор лениво возведет

На существующи, в сем роде, сочиненья:

Какую б тех предметов тьму найдет!

Пути представлены и средства и препятства,

Степени всех достоинств сочтены,

И страсти в глубине сердечной зазжены.

Ты видишь разума разсыпаны богатства,

Когда не жаждешь их, не для тебя они,

И провождай в другом искустве дни.

Не будь Дорат, не чувствуя Дората,

Херасковым не будь,

Коль зависти твоя не ощущает грудь

При взоре скрытаго во <«>Россиаде <»> злата.

Но ты желаешь быть, конечно, стихотворцом,

Се путь ристалища открыт,

И ждут тебя своим единотворцом

[Л. 18].

Расин, как видим, снова в ряду эталонных авторов: Гомера, Феокрита, Лафонтена. Этот контекст был необходим для того, чтобы продемонстрировать неслучайность обращения Муравьева к Расину, напротив, он глубоко интересовался творчеством французского классика, ориентировался на него как на своеобразный образец в литературе.

Так, в «Записной книге» находим отрывки из «Федры»:

Из Федры Расиновой

Едва лишь вышли мы из за Трезенских врат,
Он в колеснице был. Печальны стражи в ряд,
Поставленны, его молчанью подражали,
И в путь задумчивы, Микенский поспешали,
Он вожди по коням, из рук своих пускал,
Те кони, коих огнь, кичливый ободрял,
Нахмурили чело и выи наклонили
И мнилось, с ним свои поступки применили,
Ужасный вопль изшед из водной глубины,
Смутил тогда покой, воздушной тишины,
И глас из земныя утробы проникая
Ответствовал на вопль, стенанья испуская.
Сердец до глубины замерзла кровь у нас,
Внимающих коней, поднялся гривный влас.
Меж тем на раменах, струящейся долины,
Вздымаяся гора кипит среди пучины,
Вал на берег спешит, разится и в тот час,
Меж пены вержет вдруг чудовище пред нас.
Чело его рога, прегрозныя имело,

Блестящей чешуей, его покрыто тело,
Неукротимой вол, неистовейший змей,
Извился в сгибы хвост, согбен влачась землей.
Его предлинной рев, во трепет брег приводит,
Гнушаясь небо им, взор на него низводит,
Им движется земля; им воздух заражен,
Его принесший вал, вспять льется, ужасен.
Все врозь бегу: уж их не держит бегства срам,
Всяк скрыться предприял в стоящий близко храм.
Един лишь Ипполит, достойной сын Герою,
Становит конской бег, берет копье рукою.
Метнул в чудовище, не дрогнула рука,
И рана зверю в бок, далася глубока.
Он мечется боля, неистовством алкая,
И падает сражен к ногам коней рыкая.
Катается и пасть вспаленну кажет им,
Из пасти в них летят и кровь и огнь и дым.
Их ужас вдруг помчал, ударились с размаху,
Ни гласа, ни узды, не ведают со страху.
Безплодно мышцы Князь, к усилию подвиг,
Багровят уделы, кровавы рылы их.
И зрился некий бог меж нас сраженных страхом,
Что конски уязвлял покрыты ребры прахом.
По каменным буграм боязнь их спешно мчит,
Ось рушится, падет, безстрашной Ипполит,
Летящу зрит в куски разбиту колесницу,
И сам падет, вождьми запутавши десницу.
Оставь моя болезнь. Увы мечта сия
Слез вечный, Государь, источник для меня

[Л. 32 об.].

Но самый значительный перевод из Расина обнаружился не в ОР РГБ, а в ОР РНБ: Муравьев перевел три первых явления первого действия «Федры»[194]. Для поэта, который часто начинал и бросал свои замыслы и который редко шел дальше заголовков, это очень много, и говорит о том, что к данному проекту он отнесся серьезно. Датировать текст сложно: пока мы не можем установить, когда Муравьев начал работу, однако неопубликованные материалы позволяют нам ответить, по крайней мере, на вопрос, когда он ее закончил. Так, Муравьев писал, что 1 января 1773 г. читал свой перевод М.М. Хераскову: «1773 янв. 1 <…> один вечер был я с батюшкой у М.<ихаила> Матв.<еевича Хераскова>, коему читал перев.<од> <«>Федры<»> <…>»[195]. Мы не знаем, о каком именно фрагменте идет речь в этой записи, возможно, это уже весь известный нам текст, а может быть, только какая-то его часть. Еще одно важное свидетельство — неопубликованные письма писателя к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой: так, 5 мая 1776 г. он обратился к сестре: «А чтоб вас поцыганить: вы ко мне из <«>Федры<»>. Я к вам из ней же:

Увидела его, уже стыдилась зря

И ах! бледнела вдруг, стыдом еще горя.

Возстал мятеж в моей душе оторопленной,

Не стали очи зреть, язык в устах был пленной

Почувствовала жар и вкупе трепет я,

Познала мать любви, познала зной ея.

Не избежимый ков семье котору гонит и пр.».

[194] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 53. Л. 1–11. Каким изданием пользовался Муравьев, мы не знаем: в семейной библиотеке сохранился только один из томов, изданных в 1808 г. (благодарим за консультацию М.В. Ленчиненко).
[195] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. [1].

Процитированный фрагмент взят из третьего явления первого действия «Федры», и он дословно совпадает с рукописью, которую мы публикуем ниже. Таким образом, текст был готов не позднее мая 1776 г., а скорее всего, и раньше, ведь, обращаясь к сестре, Муравьев явно рассчитывал на узнавание цитаты. Следовательно, он показывал свой перевод семье, однако в сохранившихся письмах его нет, значит, он был готов до отъезда в Санкт-Петербург, т. е. до начала 1776 г. Отметим также, что «Федра» оказывается «домашним», «семейным» текстом Муравьевых, что очередной раз свидетельствует об особом отношении поэта к Расину.

В том же 1776 г. Муравьев написал «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого», которое было напечатано только в 1783 г. [Муравьев, 1967, с. 344]. Здесь, как и в других текстах 1770-х гг. (например, «Похвальном слове Михаиле Васильевичу Ломоносову», 1774; «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова», 1777; «Дщицах для записывания», 1778), Муравьев, по сути, отвергал претензии Сумарокова на звание главного русского трагика, выдвигая на первый план творчество М.В. Ломоносова (об этом см. подробнее: [Кочеткова, 1994, с. 110–112]).

Находим в «Рассуждении» и следы прямой полемики с Сумароковым. Во «Мнении во сновидении о французских трагедиях» Сумароков «разбирал» трагедии Расина, оценивал как отдельные строки и строфы, так и произведения в целом. Не мог он пройти и мимо «Федры»: так, он отметил, что «рассказ Фераменов достоин Расина: жаль только, что не перехвачен так, как у Еврипида; а здесь того больше требовалось» [Сумароков, 1781, с. 344]. Сумароков имел в виду монолог Терамена из шестого явления пятого действия «Федры»[196]. Муравьев в «Рассуждении» обратился к этому же самому фрагменту, «рассказу Терамена», однако выбрал другой монолог персонажа и оценил его прямо противоположным образом: «Нет ничего прекраснее сих

[196] Еще Гуковский, разбирая в том числе и этот пассаж, убедительно показал, что Сумароков не только хвалил Расина, но и критиковал классика [Гуковский, 2013, с. 442].

стихов повествования Терaменова; но все соглашаются, что они не имеют вероятности, приличной изъявлению страсти» [Муравьев, 1783, с. 8]. Далее он привел четыре особенно впечатлявших его строки и приложил свой перевод:

Чело его рога прегрозные имело,

Блестящей чешуей покрыто всюду тело.

Свирепого вола, змия лютейша смесь,

Извился хвост его в слоисты сгибы весь [Муравьев, 1783, с. 8].

Таким образом, Муравьев восхищался тем, что критиковал Сумароков[197]. В «Записной книге» поэта сохранился перевод монолога Терамена «Из Федры Расиновой» из того же шестого явления пятого действия трагедии (см. выше), здесь воспроизведем еще раз только те же четыре строки, потому что в них есть существенные отличия от предыдущего варианта:

Чело его рога, прегрозныя имело,

Блестящей чешуей, его покрыто тело,

Неукротимой вол, неистовейший змей,

Извился в сгибы хвост, согбен влачась землей.

Мы не знаем, какой вариант был написан раньше; напрашивается, тем не менее, предположение, что Муравьев специально выбрал тот самый «рассказ Ферамена», который не полностью «устроил» Сумарокова, чтобы подчеркнуть достоинства оригинала. Против этой гипотезы можно высказать соображение, что неизвестно, когда был написан текст Сумарокова: при жизни «северного Расина», насколько нам известно, он опубликован не был, даже название, скорее всего, принадлежит Н.И. Новикову, который готовил его

[197] См. другую точку зрения: [Гуковский, 2013, с. 442].

собрание сочинений. Новиков же высказал предположение, что «сие мнение, кажется, писано покойным Сочинителем к г. Волтеру» [Сумароков, 1781, с. 327]. В недавней статье А. Эвингтон указала на то, что Сумароков во многом основывался на «Commentaires sur Corneille» («Комментариях к Корнелю») Вольтера. Она же предположила, что «“Мнение…”, вероятно, написано <…> в середине 1770-х гг. Датировка основывается на ощутимом влиянии вольтеровских «Комментариев к Корнелю» (Commentaries sur Corneille) редакции 1774 г., предполагаемому времени написания соответствует элегическое настроение произведения, характерное для позднего Сумарокова» [Эвингтон, 2020, с. 165]. Не решаясь судить об «элегическом настроении <…> позднего Сумарокова», отметим, что в 1774 г. Муравьев еще мог работать над своей «Федрой», а к 1775–1776 гг., времени написания «Рассуждения», он точно перевел вышеуказанный монолог Терамена. Кроме того, можно высказать предположение, что Муравьев имел все шансы ознакомиться с «Мнением» Сумарокова именно в 1776 г., когда он писал свой «трактат»: дело в том, что Муравьев в 1776 г. близко общался с ключевыми авторами эпохи: Новиковым (об этом см. подробнее: [Кулакова, 1939]), М.М. Херасковым, В.И. Майковым, И.А. Дмитревским, С.Г. Домашневым, В.П. Петровым и мн. др. В письмах Муравьева к отцу и сестре находим указания на обсуждения Сумарокова и Вольтера в доме Хераскова. Так, 28 ноября 1776 г. он рассказывал Ф.Н. Муравьевой об общении с Херасковым и о его критике трагедии Сумарокова «Семира». К сожалению, лист сильно поврежден, что тем не менее не мешает восстановить общее содержание: «Что ж я тебя новенькое напишу? Что я завтре буду читать «Руссиаду» (так! — А.И.); это я писал. Мих:<аил> Матвеевич (Херасков. — А.И.) требует, чтобы я сказал свое мнение, как он мне свое <…>. A propos (так! — А.И.) Voltaire a donné des remarques critiques sur <«>Semire<»>, il l’analyse, il fa<ut?> voir les beautes de la Tragédie et quelques défauts. <нрзб>. <…> Характер Оскольдов, по Волтерову (так! — А.И.), не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могши спасть жизнь свою унижением перед <нрзб>, лучше хочет умереть

нежели пасть перед <…> а после, хочет избавление свое из темницы <…> подлости, обману и любви сестриной. Я <…> купил последнюю Волтерову Трагедию «Les Loix (так! — А.И.) de Minos ou Astérie». Слабехонька! Она делана в 1773».

Таким образом, отрицательный отзыв Вольтера о сумароковском переводе здесь — это и вызов определенной эстетической программе, и завуалированный выпад против «вольтеровской копии» — Сумарокова. При этом отметим, что критике подвергался и сам Вольтер, последняя пьеса которого заслужила нелестный отзыв Муравьева. Таким образом, данный эпизод не может быть назван случайностью, а напротив, должен рассматриваться как проявление общей тенденции: Муравьев, как, видимо, и Херасков, вопреки распространенному мнению, не считали себя учениками Сумарокова и относились к нему хоть и с почтением, но без священного трепета16. При этом Муравьев, знаток и ценитель классического искусства, Вольтеру и Сумарокову, которые оказались причудливо связаны в русском историко-литературном контексте, противопоставил Расина и Ломоносова, наследником которых он себя и мыслил (о сложном отношении Муравьева к Сумарокову см. выше).

В середине 1770-х гг. Муравьев не бросил работу над «Федрой». В рукописи находим следы правки и редактуры, которые воспроизводим при публикации. Мы не знаем точно, когда он это делал и планировал ли публикацию произведения. Находим, однако, косвенные указания на возможное время такой работы. Так, на полях последнего листа рукописи «Федры» Муравьев оставил такие пометки: «1774 — 1.17 / 1775 — 2.18 / 1776 — 3.19 / 1777 — 4.20 / 1778 — 5.21 / 1779 — 6.22 / 7.23» (Л. 11). Смысл их до конца не ясен, бросается в глаза некоторая системность в этих числах: если перед нами даты, то очень странные: сначала указан год, потом месяц и день, и каждый год прибавляется по одному числу — от 17 января 1774 г. до 23 июля 1779 г. Возможно, эта запись не имеет прямого отношения к «Федре», однако,

очевидно, что в 1770-е гг. он, по крайней мере, держал в руках рукопись, может быть, пересматривал свой текст. Еще один аргумент в пользу предположения о том, что поэт обращался к своей «Федре» позднее, — небольшой список стихотворений, который он оставил на полях того же последнего листа рукописи (Л. 11), среди них оказались как известные тексты, так и те, которые остались в «Записной книге», в том числе «Алина» (скорее всего, речь идет о стихотворении «Надпись к изображению Алины», написанном в 1784 г. [Муравьев, 1967, с. 350]); «Сила гения» (сочинена в 1785 г., напечатана в «Аонидах» в 1797 г. [Муравьев, 1967, с. 351]); «Изгн.<ание> Апол.<лона>», 1786 [Муравьев, 1967, с. 327]; «Отъезд Нины» (написано предположительно в 1782 г. [Муравьев, 1967, с. 349]); «<Стихи> На конч.<ину> <Якова Борисовича> Княжнина» (датируются началом 1791 г. [Муравьев, 1967, с. 352]); стихотворение «Вчера крас.<авица, сегодни Ангел света>» (не опубликовано, см. л. 64 об., авторская датировка — 3 июля 1795 г.). Таким образом, Муравьев снова обратился к своему раннему труду не позднее июля 1795 г., а значит, даже четверть века спустя поэт размышлял о «своей» «Федре» и, возможно, рассчитывал ее закончить.

Полный текст сохранившегося фрагмента «Федры» см. в Приложении.

Вольтер

В «Записной книге» всего два перевода из Вольтера: фрагмент из первой песни «Генриады» и «К госпоже Люллень в 100 лет»; приведем первый:

Из Генриады

Там меж двух камней где с ревом кипяща в ярости море,

Былыя пены влекущую волну свою разсекает,

Дьеп представляет героиским очам свою тихую пристань

Радостны тако с размаху в корабль спешат мореходцы

[Л. 70].

Муравьев высоко ценил Вольтера и хорошо знал «Генриаду». Об этом свидетельствует, в частности, его эпистолярий. Так, в письме от 2 октября 1777 г. он советовал сестре: «Прощай, матушка. Играй на клавирах и <читай> «Генриаду», Буало et caetera» [Письма, 1980, с. 300]. 4 января 1778 г. он просил сестру помочь вернуть ему экземпляр «Генриады»: «Сделай милость, матушка, достань Буало и Сум<ароковы> оды у этого сукина сына де ла Тура, которого нахальнее я ничего не знаю в свете. Как! не отдавать книг хозяину! Я не могу умерить себя и удержать от гневу. Да «Генриаду», матушка, и Сум<ароковы> комедии у Варвары Алексеевны» [Письма, 1980, с. 335-336]. Наконец, 18 января 1778: «Моих напоминаний не надобно, ежели у тебя теперь Буало и «Генриада», что они заслуживают чтение» [Письма, 1980, с. 339]. Очевидно, Муравьев имел в виду перевод Я.Б. Княжнина, который вышел в 1777 г. [Генриада, 1777]. Опыт перевода Муравьева – возможно, еще один пример скрытой полемики с Княжниным (об этом см. ниже). Вольтер стремился подражать Вергилию и создать новую «Энеиду», что не могло не заинтересовать Муравьева, страстного поклонника римского классика. Он выбрал для перевода первую песню, потому что в ней уже намечен основной конфликт поэмы: союз Генриха III с Генрихом Наваррским против Лиги, тайная миссия Генриха к Елизавете Английской, пророчество о его будущем воцарении и описание Англии и ее государственного устройства. А описание бури оказывается переходным моментом. Таким образом, первая песня не просто «начинала действие», а задавала всю идеологическую рамку поэмы: Генрих IV представал как будущий миротворец и законный государь, а религиозная вражда — как источник национальной катастрофы.

Немецкая литература

Гагедорн

Особую роль в творчестве Муравьева играла немецкая литература. 21 апреля 1776 г. он писал отцу: «Что мне теперь не по нутру, так то, что в Академическую библиотеку сходить некогда. Нынче я батюшко, и в немецких

книгах великой резака: вчера заснул с Геллертом». В «Записной книге» находим переводы из десяти немецких авторов. Приведем два из Фридриха фон Гагедорна. Его творчество ознаменовало поворот немецкой литературы к эстетике рококо; работал в самых разных жанрах, но особый успех имел его «Опыт шуточных песен» [История немецкой литературы, 2014, с. 211]. Кроме того, писал басни (Versuch in poetischen Fabeln und Erzählungen Versuch in poetischen Fabeln und Erzählungen (1738)), оды (Oden und Lieder, в 3 томах (1742-1752). Был хорошо известен своими подражаниями древним – особенно Анакреону и Горацию (Виланд называл Гагедорна «l'Horace de l'Allemagne»). Все это – и поиски новой поэтики, и увлечение Анакреоном и особенно Горацием, опыты в басенном и одическом жанрах – не могло не заинтересовать Муравьева.

Из Гагедорна. Анакреон

И в Тете, и в Самосе
И в граде Афиней
Я легкою рукою
Согласья издавая
Прелестны без искуства <так!>,
Гласил любовные тайны
И радости лиея
И Роз приятно время
И пляски в тихий вечер.
Но я при касанье
Ни коим дерьским словом
Ниже богов безсмертных
Ниже богам служащих
Ниже им храмов зданных
И можноль чтоб иначе
Я мудрым назывался?

Вы чувствующи юность
И чувствующи живо,
Вселяющи в писанья;
Ея и жар и прелесть.
Младые стихотворцы,
Хотитель восхищенны
Объяты тайной сенью
Предаться сочиненью
Анакреонских песен?
Так пойте виноградны
Склоняющияся кисти
Как сота изобильем
Прозрачны, тяготятся,
И Розою дышащий,
Таящеюся в лоне
Младеющий кустарник
И вешни хороводы,
И дружбы и любови…
Но в песнях заблуждаясь
Блюдитеся забыться
И божество озлобить
Иль божеству служащих
Или сооруженных
Ему жилищ угодных
И к играм унижаясь
И в играх удостойтесь
Назваться мудрецами

[Л. 73 об.].

Еще один текст:

Из Гагедорна. Ода

О вы которых нежна страсть
Неосторожну ловит младость,
В какую вас влечет напасть
Любови сладость!

Вас мучит рабство, грусть, боязнь
Не светлы дни, и мрачны ночи
Доколе вкрадется приязнь
Любезной в очи.

Сколь быть должна велика мзда
Творяща малы эти муки,
Коль в узах сих звучат всегда
И гордых руки?

[Л. 63 об.].

Клейст

Другой старший современник – Э.Х. фон Клейст. Муравьев перевел несколько его произведений, приведем здесь два – относительно большое и сложное стихотворение «Арист» и короткую эпиграмму.

Арист. Из сочин:<ения> Г. Клейста

Во продолжение Аристова пути
Скрывалось солнце, в недрах мрака
То буря скорбный луг лишала нежна злака,
То, если гнев ея успеет перейти,
Ужасной, сильной дождь летит к земле мгновенно,
Как бремя некое с небес низриновенно.
Аристова душа во тьме погребена,
С печалию небес была соглашена

Напрасно

С возвратом льстится дня увидеть солнце ясно
Безсолнечныя дни преемлют страх ночей.
Не постигаемо от ищущих очей,
Во тверди кроется лице его прекрасно.
Арист от ярости небес преодолен
Дрожа, как падший лист: усильем утомлен
Во персях подавлять, всечасно востающе
Роптанье вопиюще,
Падет под бременем собравшагося зла…
Едва лишь жалоба его проистекла
Вдруг в землю перед ним вонзается стрела

[Л. 126].

Клейст указал, что заимствовал сюжет у Геллерта: Арист едет в долгом путешествии, погода все время ужасная: солнце скрылось, началась буря, на землю обрушился проливной дождь, словно море воды льется на горы и долины. Клейст использует психологический параллелизм, соотнося ненастье с внутренним состоянием героя: душа Ариста так же мрачна, как небо. Он напрасно надеется снова увидеть солнце и начинает нетерпеливо жаловаться на небо, роптать на устройство мира и на Божий промысел. И тут происходит резкий поворот: перед ним в землю внезапно вонзается стрела. Сразу после этого раздается голос Тора, который обращается к нему почти обличительно: зачем он жалуется? Эта стрела поразила бы его, если бы тетива не ослабла от дождя. Иначе говоря, именно та самая плохая погода, которую он проклинал, на деле спасла ему жизнь. Таким образом, смертные, не понимающие высшего замысла, не должны жаловаться на мелкие неприятности. «Арист» представляется классическим примером пиетисткой или, упрощая, религиозной нравоучительной поэзии. Связь с пиетизмом и с набравшим популярность масонством очевидна: человек ропщет на зло, не понимая, что именно это «зло» и есть средство его спасения. «Тайное знание», недоступное

пониманию простого смертного, открывает герою бог Тор, а поэт – своим наивным читателям.

Перевел Муравьев и небольшую эпиграмму Клейста. Этот текст недавно привлек внимание В.И. Симанкова, который анализировал «Новые ежемесячные сочинения» и высказал предположение, что его перевел А.А. Кондратович[198] – кажется, можно смело атрибутировать эпиграмму Муравьеву:

Епиграмма из Клейста

Ты кажешься млада: но кто не зрит того,
Что старе ты лица, Ветулла! своего!

О том, что Муравьев анонимно печатался в этом журнале, известно; вероятно, надо поставить вопрос о необходимости поиска и других его текстов в данном издании.

Виланд

Муравьев очень ценил К.М. Виланда. В его рукописных тетрадях и письмах находим множество упоминаний немецкого писателя. Так, например, сохранилась такая запись: «Я было против развращения сердца сделал себе щит из Клейста, Руссо и Виланда, и присвоивал себе, льстился присвоивать, их язык, их чувствования» (Фоменко, 1997, с. 104). Ср. в другом месте: «Что мешает быть хорошим офицером гвардии или добрым судью в палате и не менее в обществе людей достойным человском, знаюшим благоустройства, сияния света, добрым другом, добрым человском, улютребляющим время свое без хвастовства полезно, или и для славы, ежели он столько счастлив, читавши Виланда или Ксенофонта, Робертсона или Монтескье» [Фоменко, 1997, с. 108]. Еще пример: «Способ по-моему делать записки есть чтение, но чтение

[198] Симанков В.И. Д.И. Фонвизин как «Российский Боало»: к истокам одной номинации в сатирических журналах Н.И. Новикова. С. 10. См.: https://www.academia.edu/41122351/Д_И_ФОНВИЗИН_КАК_РОССИЙСКИЙ_БОАЛО_К_истокам_одной_номинации_в_сатирических_журналах_Н_И_Новикова_2019. В печатной версии этой статьи часть, посвященная аттрибуции анонимных текстов, опущена; см.: Симанков В.И. Д.И. Фонвизин как «Российский Боало»: к истокам одной номинации в сатирических журналах Н.И. Новикова // Русская литература.№2. 2020. С. 25-34.

уваженное и размышляемое, такого древнего, каков Вергилий или Цицерон, и такого нового писателя, каков Мармонтель и Виланд. Ибо сие есть свойство великих писателей давать много рассуждать читателю. Они легко и без усилий производят всликие мысли» [Фоменко, 1997, с. 113]. Обращает на себя внимание упоминание Виланда среди не только современных, но и древних авторов, с точки зрения Муравьева, он занял прочное место на Парнасе рядом с Ксенофонтом, Монтескье или Мармонтелем. Муравьев перевел несколько фрагментов из произведений Виланда. Укажем, в частности, на начало поэмы «Искушение Авраамово». Этот текст Виланд, по-видимому, написал в Швейцарии в начале 1750-х под интеллектуальным влиянием И.Я. Бодмера. Виланд «благочестивого» периода размышлял вполне в пиетистском духе об испытаниях Авраама, который должен был выбрать между богом и сыном, и написал поэму о вере, послушании, верности и промысле.

Искушение Авраамово

Поема г. Виланда

Опыт

О небесная дщерь, в рай воспитанье приявша,
В юности мира, во время вящее, нежель златое,
Ты, Елиу любившая, ты в осененьях древесных
Сивовых дщерей во обществе жившая, в саде невинных.
Муса небес, певица Всевышняго, благости мати
Буди мне расказуя опыт отца Авраама,
Кроткаго подвиг его послушанья: будь поучая
Петь преподобнаго, онаго кой по слову Господню
Сердце изул родителя и на мории любимца,
Чресл единаго сына вознес тому на закланье.
Пети божественной подвиг, ты глас сотвори мне божествен

Се на восточных горах воспрянуло ясное утро

[96 об.]

Поэма Виланда была переведена на русский в 1780 г., но прозой, причем, как указано на титуле, с французского, а не немецкого [Виланд, 1780], так что вполне понятна идея Муравьева: познакомить русскую публику с настоящим Виландом – тонким поэтом, но рукопись обрываается на первой строчке второй строфы.

Шлегель

Перевод из Шлегеля оказались неразрывно связаны с историей главной трагедии Мураьева – «Болеславом». Она писалась долгие годы, к ней поэт возвращался неоднократно (см.: [Топоров, с. 31–303]). Сюжет для нее он нашел в ходе изучения истории: «Первое действие “Болеслава” записано на листке, сложенном вчетверо, с указанием: “… приключение почерпнуто в Солиньяке в Мине т. II, стр 277” (имеется в виду “История польская” Солиньяка, переведенная Ф.А. Эминым и изданная в 1766 г.). На свободной части листа в 1779 г. Муравьев сделал запись, рассказывающую о работе над этим произведением, начало которой отнсится к 1775 г. и связано с чтением трагедии Вольтера: “В январе, я думаю, 1775 года, ежели не в 74, попалась мне в руки “Аделаида” Вольтерова. Ея чтение внушило мне сильное желание подражать. Тогда же в Емине, ища содержание трагедий, нашел я сие…”» [Алехина, с. 32].

В «Записной книге» находим несколько материалов, с ней связанных. Первый – краткий план пьесы:

План Болеслава начатой 1775 года, разположенной 1776. Авг.11

Действие I. Явл.<ение> 1. Болеслав и Мечест. По двумесячном отсутствии от Государя своего, Мечест находит его изменившагося печалию. Болеслав открывает любовь свою к волынской княжне Сияне, обрученной невесте Сбигнеевой. Мечест представляет ему следствия сей нещастной слабости, столь невместной с междуусобною войною, раззоряющею Польшу. Болеслав <нрзб> тронутой открывает ему к большему смущению, что Сияна им прежде

отосланная, по приказанию его возвращается сей самой день в Воллин. Мечест пользуется правом дружбы, настоя у него на отмене сего повеления. В самое то время… Явл.<ение> 2. Теже и военачальник: возвещает прибытие Саяны, Болеслав увлеченной чувствованием велит представить Сияну. Явл.<ение> 3. Бол.<еслав>Сияна. Меч. Сияна является во всем выражении нещастной Княжны и любовницы, ожидающей смерти от мучителя, которой в одном сердце соединяет любовь, <нрзб> своего состояния. Признание любви едва не улетело из уст его. Явл.<ение> 4. Сияна и… Исчисление нещастии, жалобы. Явл.<ение> 5. Теже и Мечест, которой приносит повеление Болеславово препроводить Сияну к Сбигневу. Действие II. Явл.<ение> 1. [Л. 100 об.].

В целом ряде деталей этот текст перекликается с “Отрывком с замечаниями автора о работе над этим произведением”, который опубликовал В.Н. Топоров по рукописи из собрания Н.С. Тихонравова [Топоров, 2001-2007, 3, с. 63–66]. Однако есть и важные отличия: во-первых, вариант «Записной книги» короче, а во-вторых, здесь несколько иной набор персонажей.

В этой же рукописи должно было быть продолжение данного плана: «Подробное разположение втораго действия Болеслава”» (Л. 94 об.). Однако дальше заголовка дело не пошло.

Второй материал – «Монолог Болеслава зачинающий второе действие. Писан 1777. Декаб.<ря> 31» (Л. 109–113). Это указание существенно: у В.Н. Топорова данный текст составляет часть Рукописи А [Топоров, с. 40–55], точно им не датировавшейся.

Третий – отрывок перевода трагедии Шлегеля «Германн», тесно связанный, как показал В.Н. Топоров, с замыслом “Болеслава”: «…она <трагедия “Германн”. – А.И.> сложнее “Болеслава”, более многопланова и заметно отклоняется от классицистического канона в сторону новых веяний. Тем не менее некая общность обеих трагедий, разделенных тремя десятилетиями, определенно ощутима. Конечно, обе они разрабатывают национально-историческую тему, хотя и “национальное” (впрочем, у Муравьева оно инонациональное, польское), и “историческое” у Шлегеля

более органично и тоньше разработано в деталях» [Топоров, с. 145]. В.Н. Топоров знал о муравьевском переводе по описанию Л.И. Алехиной [Алехина, с. 290], но рукопись он не видел. Вот этот фрагмент из «Записной книги»:

Из Германа. Трагедии Госп.<одина> Шлегеля.
Действие II. Явление первое.
Туснельда. Сигмунд.

Сигм.<унд>: Туснельда, поклонись отеческому богу,
Хвала его, хулой в устах моих явится,
Дерзну ли я, сестра, пред взор его ступить
В сем жреческом свитке, которой чужд ему?
Туснел.<ьда>: Чрез нас отечество, о боги! нерадиво,
Чрез нас единожды пред Римом уклонилось,
Ах! в рабство вечно вы ему недайте впасть,
Отдайте с нами вы назад его свободу.
Сигм.<унд>: Так Август ныне бог и я его священник?
Кто дышит так как я, тому жгу фимиам?
И хитростью и лжей, граждан своих убийством,
Богов, которых чтет, достойной общник стал!
Услышьте боги! мя и дайте мне решенье:
Молю: вещайте мне и рцыте: что есте?
Скажите: от Германа или вы утаились?
Скажите: иль досель вы нам одним открылись?
Иль древне отчества ученье справедливо,
Что бога нам нельзя ни зреть, ни вобразить?
Иль может во плоти безсмертной быть одеян,
И властью лишь своей различен от людей?

[Л. 61].

«Hermann» — пятиактной пьесе об Арминии/Германе, победителе римлян. Шлегель написал ее в 1741 году; напечатана была в готшедовской Deutsche Schaubühne в 1743 г. При этом она долго считалась одной из важнейших национально-исторических трагедий: вождь, победивший Рим, оказывался символом свободы, независимости и «древнегерманской» доблести.

На том же листе рукописи находим стихотворение, посвященное Шлегелю. Муравьев сравнил немецкого драматурга с Корнелем:

Надпись под изображение Иог:<анна> Илии Шлегеля
По скорби смешанной с величеством лица,
Познайте Шлегеля, Трагедии творца
Сей в младости душей Софокла наполнялся
Германских Мус, стеня в Кануте прослезил;
Но рок лишь показал и в цвете поразил
Того, которой бы с Корнелием сравнялся

[Л. 61].

«Canut» -- это трагедия Шлегеля, одна из его двух его самых известных драм наряду с «Hermann». Она была впервые опубликована в Копенгагене в 1746 г., посвящена Фредерику V Датскому и написана как историческая трагедия в стихах. В центре внимания Шлегеля не просто борьба за власть, а конфликт между государственным долгом, личной лояльностью, семейной связью и подозрением. Разумеется, как и полагается «правильной» трагедии, не обошлось без анализа политических страстей и нравственного выбора.

Наконец, в «Записной книге» обнаруживается фрагмент из трагедии «Сумбек», который должен быть рассмотрен в контексте работы Муравьева над трагедией – как оригинальной, так и переводной. Текст этот показателен в нескольких отношениях. Во-первых, это ранний опыт Муравьева (отрывок писался через год после «Дидоны» -- о ней см. ниже). Во-вторых, очевидно, что Муравьев еще в 1772 г. мыслил трагедию как жанр, неразрывно связанный

с национальной историей, искал в ней сюжеты для своих произведений (в этом отношении параллели с Шлегелем очевидны). В-третьих, писатель обратился к истории покорения Иваном IV Казани задолго до М.М. Хераскова и, по-видимому, независимо от него.

Отрывок из перваго явления Трагедии Сумбек предприниманной в Вологде 1772 года в Июне

Сумбек. Затима

Сей час, сомненный час решит Затима, бранью
Алею ли иль мне державствовать Казанью.
Скончалась наконец опасна тишина
Под коею Казань была удручена.
На Арском поле Росс. Что нужды? сим походом
Спрягает он меня опять с моим народом.
Вельможей ропот слаб; молчит большая часть,
С упадком общества растет Сумбека власть.
Какая сладость быть Царицей отомщенной,
Из уст любовника народу возвещенной!
Ты знаешь мил ли мне сей Князь, сей юной Князь,
Которой мщением со мной соединясь
Иль сладостней познав другое ощущенье
Щастливой предприял Сумбек и защищенье.
Кащак! И кто другой мне может жизнь отдать?..
Но ежели судьба захочет нас предать;
Драгой! на Троне сем умрем непостоянном.
Сафакирей по гроб низринут Иоанном

[Л. 84].

Кроме того, Муравьев переводил произведения Брентшена, Б.Г. Брокеса, А. фон Галлера, Кельгрена, И.П. Уца, П. Флеминга. Отметим, что Муравьева

интересовали авторы XVII – первой половины XVIII в. Вкусы Муравьева по преимуществу были «классические», однако очевидна и религиозная тенденция, объясняющаяся, возможно, сильным влиянием Хераскова, а может быть, и собственным интересом к пиетизму и масонству. Очевидно, эта тема требует специального исследования.

Английская литература

Муравьев много читал как классических, так и современных ему английских авторов. Он начал изучать язык, по-видимому, случайно: сестра, вышедшая замуж за С.М. Лунина, скучала в Тамбовской губернии; ей решили выписать английскую компаньонку. Ф.Н. Муравьева языка не знала, и, чтобы ее мотивировать, Муравьев стал учить его сам, довольно быстро добившись заметных успехов. В письмах 1789-1793 гг. он регулярно использовал английские обороты и фразы, а после смерти сестры писал племяннику, будущему декабристу М.С. Лунину. Постепенно Муравьев втянулся в чтение английских писателей. Приведем несколько примеров из писем этого периода. 10 октября 1790 г. он писал С.М. и Ф.Н. Луниным: «Разность в том, что здесь есть книжныя лавки и Мис Фразер, которая выписала мне книги из Англии. в том числе два Романа дев. Бурней назначены в библиотеку Никольскаго. Я надеюсь наперёд отправить Евелину, а после Сесилию». Ср. 8 января 1791 г.: «Музыка, стихи Аглинские, благотворительность, благоговение, здоровье, воспоминание друзей своих суть разные виды существования и щастия». В письме к Луниным же от 30 января 1791 г.: «Англинской язык имеет нечто сходственное с сельскою жизнью. По крайней мере она трогающа в их романах. И для чего не терпеть чего нибудь Романическаго в настоящей жизни. Наши надежды намерения не тот ли же Роман <…> Но вы думаете, что я брежу и не обманываетесь. До сих економия моя в худом состоянии и в противность ваксыильдскаго священника, и тем доволен, что проповедую женитьбу. <…> Дружба и родство лучше знатности и великолепия. В етом я согласен совершенно с вакефильским священником и чувствую щастье мое

вдвое, когда получаю приятныя повторения вашей дружбы и уверяю вас, что моя никогда не кончится». Муравьев был явно впечатлен романом О. Голдсмита «Векфельдский священник», потому что в следующем письме — от 6 февраля 1791 г. он снова его упомянул: «Желаю, чтоб маленькое хозяйственное приключение награждено было всеми успехами трудолюбия и чтоб рига, лучше прежней, истребила сожаление старой. Ето философия вакефильдского доброго Священника, которой получил право гражданства в Никольском».

В «Записной книге» сохранились переводы из Мильтона, Томсона, Поупа, Шеридана, Шекспира. Здесь приведем два. Первый — из Мильтона:

Из Потерянаго рая. Книга III, в начале

Благословлю тебя сретая Свет святой!
О первородное исчадие небес
И присносущаго со присносущий луч!
Могули выразить тебя не дерзновенно?
Занеже Бог есть свет и в свете неприступном
Живет от вечности, живет в тебе о Свет
Незданна существа пресветло излиянье
Иль чистою словет Ефирною рекой
Ея же кто исток возможет исповесть?
Давнее небеси, давнее солнца был — Ты
И по Господнему ты гласу, яко риза
Одеял в высоту подъемлющийся мир
Водами тяготен и мрака полн еще
Изъят из пустоты безвидной, безконечной
Я паки зрю тебя, надежнейшим пареньем
От балата вынесен Стигийскаго; хотя
И долго медливший во мрачном месте том:
Меж тем как во своем летании носимый
В пространстве средняга и преисподня мрака

Бряцаньми чуждыми Орфеевым струнам
О древнем хаосе и вечной нощи пел;
Наставлен Мусою Небесной предприяти
Снизшествие во мрак и взытие на гору
Тяжело, дивное. Безвреден, зрю Тя паки
И ощущаю твой светильник живоносный,
Но паки сих очей не посещаешь ты
Которы суетно трудятся обрести
Пронзающий твой луч и блеску не находят

[Л. 62 об.].

Мы не знаем, планировал ли Муравьев продолжать эту работу. Возможно, его остановило то, что свой перевод закончил В.П. Петров. Может быть, напротив, Муравьев думал вступить в заочную дискуссию с «карманным стихотворцем» Екатерины II. Так или иначе дело дальше не пошло.

Второй — из А. Поупа:

Из Попа, заключ. Опыта о челов:<еке>

Придиже о мой друг, о Гений наставитель,
О вкупе и творца и песни наставитель!
И между тем как мой падет иль всходит стих,
Ко суетным страстям, ко славной цели их.
Учи меня, как ты, стезей обоей равно,
Сходить с пристойностью и возставати плавно.
Тобою создаясь, переводить мой слог,
Из важнаго в живой, в чреду и резв и строг;
С душею правилен, красноречив свободно,
Равно, хоть умствовать, хоть нравиться угодно.
Ах! между тем как вдоль разлития времен
Твой веет громкой слух, молвою разнесен;

Скажи, возможноли ладье моей смиренной
Стремиться за тобой, тем ветром восперенной?
Когда цари, вожди, вельможи снидут в ров,
Чьим будем сыновьям стыдиться за отцов
Разскажет ли мой стих, другому поколенью,
Что песнью твоему я должен наставленью?

[Л. 65].

Выбор Поупа, конечно, случайным не был: один из наиболее значительных и обсуждаемых текстов эпохи привлекал внимание многих русских писателей. Вероятно, Муравьев вступал в творческое соревнование с Н.Н. Поповским, перевод которого, напечатанный еще в 1757 г. и переиздававшийся в 1763 и 1787, рассматривался современниками как образцовый.

Испанская литература

Муравьев постоянно находился в поисках новых образов, сюжетов, форм, культурных традиций. Отсюда, в частности, попытки изучения испанского языка. 27 сентября 1789 г. он писал сестре и ее мужу С.М. Лунину: «Я зачинаю новыя приобретения или новыя дурачества, учиться по Ишпански. Ездя по полям и лугам, как дон-Кишот, справедливо, чтоб я читал Историю моего подлинника на природном языке <…>».

В рукописях, однако, остался только маленький отрывок перевода из «Пустынника» Ф. де Кеведо:

Пустынник из Дон Франциска Кеведо

О ты что дерзскими стопами попираешь,
Священныя горы высокое чело
Ея молчанье нарушаешь
Которое до сель седое время чло

[Л. 64].

***

Подведем некоторые итоги. Мы уже не раз упоминали Г.А. Гуковского, который в 1930-е гг. записал Муравьева в «основатели» русского сентиментализма; затем к этой мысли неоднократно возвращались исследователи, связывая его творчество с новыми идеями и принципами «предромантизма». Тем не менее, кажется, не менее важно видеть связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии. Круг его чтения, литературные вкусы говорят в первую очередь об ориентации на «классицизм». При этом, по-видимому, специфика муравьевского наследия — в рукописях осталось текстов больше, чем было напечатано — исказила исследовательскую оптику. Дело в том, что если основываться только на напечатанных текстах, кажется очевидной «предромантическая» установка. Если же обратиться к рукописным материалам, то мы увидим, что соотношение было иным, система функционировала по-другому: эксперименты и поиски нового буквально тонули в безбрежном море переводов из Горация или Буало. То, что представляется обычно наиболее характерным, на деле оказывается чем-то маргинальным или, во всяком случае, менее представительным.

Если Муравьев, как мы уже старались показать выше, ориентировался на модель поведения «аристократ постигает науку savoir vivre», что представляется очевидным, то именно она обусловила его культурные поиски вообще и круг чтения, в частности.

Светский человек, конечно, максимально далек от «скучного» «педантизма», он хочет быть занимательным в разговоре, он демонстрирует «легкость в мыслях», свободно взаимодействуя с пространством европейской культуры.

Но чтобы иметь возможность осуществить это взаимодействие на минимально допустимом (тем более, на высоком) уровне, он это пространство должен знать, а потому должен усвоить наиболее значительные тексты и смыслы европейской культуры, т.е. в первую очередь именно «классицизм».

Естественно, это только часть того «воспитания», которое он должен получить — завершается оно в «свете». Но не будет этой первоначальной части – нечему будет завершаться.

Таким образом, «энциклопедизм» Муравьева, с одной стороны, естественен для образованного европейского аристократа, а с другой — уникален для русского дворянства, которое только усваивала тот культурный стиль, одновременно «легкий» и глубокий, который в полной мере раскроется как очевидный и необходимый только в пушкинскую эпоху и будет зафиксирован в романе «Евгений Онегин». А пока Муравьев пытается создать свою «энциклопедию культуры», с неизбежным многообразием языков, авторов и текстов, и выдвигает на первый план базовые для нее классические тексты.

Глава III. Муравьев и русский театр екатерининской эпохи

§1. Муравьев и Княжнин. «Дидона» Муравьева

Муравьев работал над основным текстом «Дидоны» [199] около трех лет: первое действие было начато в 1771 г.[200], а завершено 12 марта 1772[201], второе было закончено 26 июля 1772[202], а третье и последнее — 3 мая 1774 г.[203] Трагедия не была опубликована. Таким образом, это одно из наиболее ранних завершенных произведений поэта, публикация которого позволит приблизиться к реконструкции литературной позиции писателя 1770-х гг.

Представляется важным, что и позднее этот сюжет интересовал писателя: так, например, среди бумаг, хранящихся в ОР РНБ, находим такую недатированную запись: «<…> в четвертой книге «Энейды» кажется, что уступает Эней первое место: во всей ней царствует душа Дидоны и рассыпает на нее нежность и пристрастие чувствий, которых только способна женщина. Может быть, и не ошибся Виргилий, когда не в герое показал нам все прелести и бешенства любови, а в нежнейшем поле…»[204].

В 1780 г. Муравьев сочинил прозаическую героиду «Дидона к Энею», по-видимому, оставшуюся незавершенной. Приводим весь известный нам текст: «Героида Дидона к Енею. В 1780 г. в Твери. Заботы исчезают из сердец смертных со снисхождением знойного дня и чистый вечер отдаляет звуки работ. Эхо молчит, разве одни тайные кусты еще внимают повторения его. А еще не приходит Эней разделить светлые часы вечера с Дидоною, томящеюся целый долгий день попечениями царства, которые становятся мне дед ото дня более чужды. Ах! Эней, слабо занимают нас упражнения, где не участвует сердце. Мое толь тяжко, толь удивлено новыми своими чувствиями!

[199] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1-20 об.
[200] Муравьев указал эту дату на первом листе рукописи (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).
[201] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 9 об.
[202] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 14 об.
[203] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 20 об. Об этом см.: [Кочеткова, с. 80; Лазарчук, с. 21].
[204] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. 3 об.

Неведомое умиление проистекает из него каждое мгновение. Тобою подкрепляема, тобою… столь ясны вижу мгновения свои. Но… возвращаясь в себя, некий туман… Отдалим от себя сие преследующее воображение. Я вся предаюся щастию благотворения, дружбы. Обхождение твое, Эней, твои понятия, исправляющие мои, присовокупляют каждый день к благородству души моей. Заставляя почитать себя, ты совершаешь существование мое. Что бы было, боги! если бы жизни моей суждено было кончиться, не видя тебя? Один только светлый день, и я бы не имела и понятия о щастия тебя знать, наслаждаться нежностию сердца твоего, внимати мудрость, проистекающую из уст твоих! ты уже видел Италию: буря, благоприятствующая буря, отнесла тебя от берегов ея…»[205].

В «Записной книге» Муравьева, которая хранится в ОР РГБ, находим стихотворный перевод из той же четвертой книги «Энеиды», посвященный «царице», которая «любовью уязвленна» (подробнее об этом, а также текст перевода см.: [Ивинский, 2021, с. 374–375]).

Вернемся к тексту трагедии. В центре внимания Муравьева здесь Дидона, именно она произносит самые яркие монологи. Эней отошел несколько на второй план, «уступил первое место», он метался, страдал, пытаясь выбрать между «разумом» и «сердцем», но довольно быстро определился со своей судьбой. Таким образом, фокус внимания читателя смещался с тем предназначения Энея, будущего Рима, имперской мифологии, которые сохраняли свою принципиальную важность в тексте, на психологические страдания героини. Характерно, что о грядущей славе троян больше говорил Ахат, наперсник и друг Энея. Вот, например, его показательный монолог:

Богинин сын! тебе ль прилично воздыхать?

Попомни, ты рожден сражаться, побеждать,

[205] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 132.

Оставь другим, мой Князь, в любви иметь успехи

И презирать учись душ слабых ты утехи,

В геройских ты играх веселье полагай

И огнь любовной, Князья, в рожденьи угасай,

Любовь ль не знаешь ты? Любовью Троя пала,

Любовь чрез десять лет Фригию разоряла,

Иль может и по сем любовь тебя пленить,

Иль хочешь ты троян остаток погубить?

Хоть для младых судьбин ты юного Асканья,

Исполнься прежнего к любови презиранья,

Для отческих богов, для бедных сих Троян,

Для жен и для детей, своих лишенных стран,

Для сирых стариков, чьих многими годами

Главы покрылися снежными сединами.

Лаомедонтовых еще попомни чад,

Спасенных от меча жестоких сопостат,

Иль, Князь, забыл ты гнев злопамятной Юноны?

Не знаешь ли, ее тут царствуют законы?

Кто знает, не она ль ту бурю подняла,

Которая тебя на брег сей привела,

Чтобы в владычестве своем тебя пленити

И вместе и с тобой твоих всех погубити?

И коль не может все то тронуть уж тебя,

Попомни ты не нас, попомни лишь себя,

Что скажут будущи потомки об Энее,

Когда на сем брегу он, сделавшись слабее,

Презрит все божески заветы что ни есть,

И узы греческих царей не могши несть,

Под игом будет он и сила вся Троянска,

Лишенной отчества сестры Царя Тирянска.

Беги сих мест, беги скорее, Государь,

И прежней славы ты не измени, мой Царь![206]

Муравьев внимательно изучал Вергилия [Росси, с. 73–79; Любжин, 2007; Прокопьева; Любжин, Ленчиненко], ср.: «Вергилий был из числа самых любимых им <Муравьевым. — А.И.> авторов <…> есть достаточно оснований говорить об известном “равнении” на римского поэта в его “буколико-георгических” текстах» [Топоров, 2, с. 530]. В своем дневнике он писал: «Нынешнего года [1779?] прочел я «Энеиду», хотя с небрежением, в продолжение десяти дней от 28 мая до 6 июня. Или ничего не останется в голове моей от сего божественного творения? Какая свежесть смешения красок! Какие подобия, разверзающие сердце, из сельской жизни столь изобильно заимствованные! Столь нежно дышит любовь в четвертой: столь священно преподаются таинства закона в шестой! столько корыствуемся

[206] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 8 об.-9.

любовию отечества и Трои во второй, кипящей с краю до друго го ужасами ночи и сражений! Но волнение последних книг не имеет ли своего превосходства? Хладно ли прейдут то в Вергилии, чему удивляются в Гомере? <...> Читать Вергилия мимоходом есть оскорбление стихотворства и чувствительности. <...> Творцы «Илиады», «Энеиды», «Фарсалы», «Иерусалима», «Потерянного рая», «Мессиады», «Генриады», «Россиады» суть умы другого чина, нежели Марциал, Катулл, Шолье, Проперций, Уц и сам Гораций, если бы он не был первый из лириков» [Фоменко, с. 124]. В статье «Вергилий» М.Н. Муравьев писал: «Какое неподражаемое совершенство искусства! Какое стихосложение сладостное, величественное, прекрасное! Какая живопись! Никто из поздних последователей Виргилия не постиг сего образца красоты <…> Глава Римских стихотворцев не довольствовался быть только стихотворцом. По примеру предшественника своего Гомера, но в другое просвещеннейшее время, он располагал всеми сокровищами человеческих знаний: глубокие сведения в древности, в Истории, Философии, градостроительстве, в природе, в искусствах сияют в божественных стихах его и производит чистейшее наслаждение разума» [Муравьев, 1819-1820, 3, с. 153]. Подобный универсализм, «энциклопедизм» отличал и самого М.Н. Муравьева, поэтому в этих строках можно видеть не только исторический текст, но и определенную программу для любого современного поэта, который хотел бы добиться статуса классика.

Л.И. Кулакова полагала, что «замысел <«Дидоны». — А.И.> не соответствовал силам автора», при этом отметив, что «незрелая трагедия не удовлетворила его, а позднее он написал на нее уничтожающий автоотзыв и автоэпиграмму:

Кто эту написал «Дидону»,
Не должен попрекать погрешности Прадону» [Муравьев, 1967, с. 17-18].

Действительно, на полях первого листа рукописи Муравьев записал эту эпиграмму[207], но, во-первых, она, кажется, создана позже[208] и, возможно, отражает зрелую оценку собственных юношеских опытов, которая нередко бывает излишне резкой. Муравьев явно не раз обращался к этому тексту, может быть, размышляя о его публикации; об этом свидетельствуют крайне противоречивые отзывы писателя о своем творении. Так, на первом же листе рукописи он записал: «Произведения отроческих лет Вольтера, Попа, Метастазия <…> отмечаются чертами разума выше возраста, и их издавать позволено. Моя «Дидона» показывает, что я натурально не из числа сих умов и мне хвалиться ею не можно. Надобно приметить, что я не имел того учиться способов, какие имели Вольтер и Поп»[209]. После своеобразного введения, о котором мы будем говорить дальше, Муравьев сделал оставшуюся незавершенной пометку: «Если бы вместо того, чтоб писать без искусства и дарования чудовищную трагедию, учился я музыке, математике, живописи, искусству общежития <…>»[210]. В конце первого действия еще одна характерная запись: «Трагедия Як.<ова> Борисовича есть картина, в которой действие выведено: все шествует, друг другу следует. Я ничего не говорю о выражении картины. Моя трагедия, естьли можно назвать так гордо декламацию ребенка, есть кусок картины, где едва одна ситуация изъяснена, на крепко колорированной. Краски не приятны без виду и дики. Но зачин ее грубости свой обещал более, нежели что я»[211]. Казалось бы, все говорит в пользу гипотезы Кулаковой («не из числа сих умов», «хвалиться ею не можно», «без искусства и дарования» «декламация ребенка», «краски дики»), однако в конце второго действия читаем противоположное: «Лучше ли моя трагедия «Траяна и Лиды» или ей равна? «Дидона» – ученичество тринадцатилетнего ребенка и мне стыда не приносит»[212]. Так, нечем хвалиться

[207] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1.
[208] Так, Кулакова, печатая этот текст в «Библиотеке поэта», отнесла его к 1780-м гг. [Муравьев, 1967, с. 233].
[209] ОР РНФ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 3.
[210] Там же. Л. 2 об.
[211] Там же. Л. 9 об.
[212] Там же. Л. 14 об.

или все же «стыда не приносит»? Если мы принимаем одни оценки Муравьева, то почему игнорируем другие, тем более если они могли быть зафиксированы в разное время? Кажется, нужно сформулировать аккуратнее: отношение Муравьева к своему тексту менялось, в разные периоды жизни он отмечал ошибки и сожалел о них, а в другие, напротив, мог взглянуть на трагедию спокойнее, отметив некоторые несомненные достижения. Крайне важно упоминание «Траяна и Лиды» – трагедии В.В. Лазаревича, которая была напечатана в Санкт-Петербурге в 1780 г. (как указал Ю.В. Стенник, сведений о постановке не сохранилось [Стенник, с. 165]) и которую Муравьев упоминал с явной иронией: очевидно, преимущества юного сочинителя над второстепенным драматургом – похвала невеликая, но все же похвала. Очевидно, Муравьев вернулся к своей трагедии в начале 1780-х гг., тогда же, возможно, он и редактировал свой текст. В пользу этого предположения можно привести еще один факт: в конце рукописи трагедии Муравьев оставил такой комментарий, который, к счастью, сам же датировал: «Я бы почел бы за великое искусство, если бы я разобрал критически все грубые места сей дикой трагедии, ученичества в искусстве благородном чувствительности и сотворения. Если бы я заменил, исправил все полые места разговора (если разговор в ней есть), развернул шествие страсти, нарисовал интригу, которой нет и пр. По крайней мере, я бы увидел, приобрел ли я в десять лет несколько знания сердца, языка, драматического искусства. 1781 ф.<евраля> 26»[213]. Таким образом, мы можем предположить, что работа над «Дидоной» продолжалась практически десять лет, пусть и с большими перерывами: в 1771 г. трагедия была начата, в 1772 и 1774 гг. дописана, а в 1781 – отредактирована. Напрашивается предположение, что обращение к своему старому тексту в начале 1780-х было спровоцировано успехом «Дидоны» Княжнина (об этом см. ниже).

[213] Там же. Л. 20 об.

Вернемся, однако, к эпиграмме, о которой писала Кулакова. Первым нашим контраргументом было указание на позднее создание текста. Второй представляется нам даже более существенным: строго говоря, мы не знаем точно, что это была именно *автоэпиграмма*. Дело в том, что, как верно указала Кулакова, тексту трагедии предшествует «предисловие», которое «обнаруживает недюжинную начитанность четырнадцатилетнего автора и полемический задор» [Муравьев, 1967, с. 17]. С нашей точки зрения, эпиграмму можно отнести не столько к юному Муравьеву, сколько к Лефрану де Помпиньяну и др., кому автор и посвятил свой критический разбор[214]. Именно в нем молодой поэт бичевал «прадонов», обвиняя их в непонимании Вергилия, а значит, «естественности» и «природы»: «Повесть страсти Дидоновой, столь прекрасно описанной и, может быть, вымышленной Виргилием, подала повод к сочинению Трагедии, сколько мне известно, господам Скюдери, Буа-Роберту, аббату Метастазию, маркизу Ле Фран де Помпиньян, Шлегелю, Як.Б. Княжнину. Всякой имеющий чувствительное сердце должен сожалеть, что не предприял ее писать Расин, один, которой бы мог вслед идти Виргилию или с ним бороться. Нравственно невозможно, чтоб великому Корнелию пришло когда-нибудь в ум посвятить бдения свои на начертанье сей повести в трагедии. Его соперник и товарищ на трагическом поприще — творец *Аталии* — многие красоты Виргилиевы оживил чувствиями своей души и прелестями стихосложения разделил, так сказать, между Андромахи и Федры стыдливость, сражения любови и ее неистовства. Я не хочу видеть Дидоны в убранстве, данном ей в займы Ле Франом после того, как я видел ее в одеяниях прекрасных и естественных, в которые облек ее Виргилий или — лучше — природа»[215]. Подчеркнем в этом тексте слово *один*: только Расин сравним с Вергилием, для Муравьева, человека, страстно увлеченного античностью, это было, наверное, высшей из возможных

[214] При этом возможна и двойная апелляция эпиграммы зрелого Муравьева, который видел недостатки и свои, и других авторов.
[215] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 2.

похвал[216]. Отметим, что Муравьев прямо ориентировался на Расина во время написания своей трагедии. Так, в первом явлении второго действия на полях монолога Энея, в котором герой рассуждал о своей нелегкой судтье, поэт дал ссылку на Расина: «Racine Iphig. A. I. Sc. II: Ne sont d'Achille oisif que les amusements»[217]. Действительно, это строка из второй сцены первого акта «Ифигении в Авлиде» Расина, в которой Агамемнон обращался к Ахиллу:

Quoi! seigneur, se peut-il que d'un cours si rapide
La victoire vous ait ramené dans l'Aulide?
D'un courage naissant sont-ce là les essais?
Quels triomphes suivront de si nobles succès!
La Thessalie entière, ou vaincue ou calmée,
Lesbos même conquise en attendant l'armée,
De toute autre valeur éternels monuments,
Ne sont d'Achille oisif que les amusements[218].

Как хорошо известно, действие трагедии предшествовало началу Троянской войны, Агамемнон собрал флот, но боги наслали на море штиль. Это явно пересекается с содержанием диалога Энея и Агата, более того, «amusements» из цитаты, приведенной Муравьевым, явно «рифмуется» со словами Энея: «Народы праздности моей, увеселенья»[219].

Но если отношение Муравьева к Вергилию и Расину было столь серьезным, то, очевидно, все остальные упомянутые авторы, и особенно Лефран[220], в той или иной степени отошли от идеала. Если Вергилий — это

[216] Ср. замечания Н.Д. Кочетковой о том, что «образцом <для Муравьева. — А.И.>, достойным подражания, становится не только древний автор — Вергилий, но и новый — Расин, понятый, правда, уже не традиционно» [Кочеткова, с. 81].
[217] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 7 об.
[218] Œuvres de Jean Racine, précédées des Mémoires sur sa vie, par Louis Racine. Paris, Didot, 1854. P. 220.
[219] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 7.
[220] На первом листе рукописи находим такой заголовок: «План Дидоны Г. Ле Фран де Помпиньяна». Муравьев свой замысел не реализовал, видимо, он планировал проанализировать структуру французской трагедии (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 1).

«природа», «естественность» и «простота», то Лефран и др., очевидно, что-то прямо противоположное[221].

Жан-Жак Лефран де Помпиньян (1709-1784) — французский драматург, в 1734 г. он напечатал «Дидону», имевшую, наряду с его одами, настолько шумный успех, что он получил место во Французской академии. Его трагедия была играна 18 раз в течение первого года, а в репертуаре оставалась до 1818 г. [Braun, pp. 11-20]. В России она впервые, кажется, была поставлена 23 июля 1749 г.: «<…> пополудни, вместо куртага, отправлялась французская трагедия «Еней и Дидона», в присутствии Их Императорских высочеств» [Камер-фурьерский журнал, с. 33]. Кроме того, в конце 1750-х гг. «Дидона покинутая» ставилась первой русской придворной труппой под руководством Сумарокова [Демин, с. 175].

Чем же Лефран мог так разражить юного Муравьева? Французский драматург в предисловии к своей трагедии не только отказался признать безусловное величие Вергилия, но и резко раскритиковал его. С точки зрения Лефрана, Вергилий уступал Гомеру в искусстве создания героев, которые у римского автора были «посредственными и презренными» (это «mauvais modele»). Соверменный автор должен исправить «ошибки» древних и создать персонажей, которые соответсвовали бы универсальным принципам «чести»: «Je respecte Virgile, & je fais gloire d’être son admirateur; mais je ne connois pas de plus mauvais modele que lui pour les caractères. Je prie les adorateurs de l’antiquité de ne me point confondre avec ceux qui la décrient. Je sais combien il est injuste de faire un crime à Homere, à Sophocle, à Euripide, à Virgile & à tous les Poëtes célèbres de la Grece, & de Rome d’avoir emploié des pensées, des images, & des expressions qui paroissent souvent contraires aux moeurs, & au goût des François. Chaque pais a ses moeurs, ses costumes, son langage qui doivent servir de règle pour décider du mérite de ses auteurs, & non le système particulier d’une seule

[221] Ср. справедливые замечания Р.М. Лазарчук: «Муравьев попытался снять с сюжета Вергилия позднейшие напластования. Он обращается к античности, минуя опыты Ж. Скюдери, Ф. Буа-Роберта, П. А. Метастазио Ж.-Ж. Ле Франа де Помпиньяна» [Лазарчук, с. 24].

nation. Mais il est des choses indépendantes du goût, & des usages des différents peuples. Telles sont des loix de l'honneur, de la droiture, de la valeur, de l'amitié: c'est sur ces principes immuables & communs à toutes les nations du monde, que doit être établi le caractère des héros qu'on introduit sur la scène, & l'on peut condamner sans rémérité tout auteur qui s'en écarte, fût-il Grec, Romain, ou François. Or il est certain que Virgile en cela bien inférieur à Homere nous a présenté des héros toujours médiocres, & le plus souvent méprisables. C'est une vérité généralement reconnue, & je doute que ses partisans les plus outrez me faissent un crime d'avoir tâché de le rectifier en cette partie» [Le Franc, 1774, p. 6].

И действительно, Лефран значительно отошел от источника, ввел новых персонажей и сместил, таким образом, акценты, реинтерпетировав источник — четвертую главу «Энеиды». Это предисловие не прошло незамеченным. Так, Вольтер в письме к М. Тьеро от 28 марта 1738 г. назвал его «наглым»: «<…> mais sa *Didon*, toute médiocre qu'elle est, lui tourna la tête, et lui fit faire une préface impertinente *au possible*, qui mérite mieux l'exil que tout discours à une cour des aides» [Voltaire, 1880, p. 445]. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Муравьев, боготворивший Вергилия, оценил текст Лефрана схожим образом.

Полемика Вольтера с Лефраном продолжалась несколько десятилетий, то затухая на время, то разгораясь с новой силой вновь. Так, Вольтер, несмотря на теплый прием «Дидоны» Лефрана публикой, раскритиковал не только предисловие, но и всю пьесу, назвав ее «скучной». Более того, он обвинял автора в плагиате, т.к. тот якобы скрыл тот «факт», что его трагедия — «лишь перевод» оперы П. Метастазио (см. подробнее: [Braun][222]). Кажется, эти обвинения были несправедливы, хотя, разумеется, Лефран не мог не учитывать произведение Местастазио: «Didone abbandonata» (1724) была крайне популярна, и уже в 1766 г., как указано на титуле издания, «по всевысочайшему ее императорского величества государыни императрицы

[222] Другое мнение: «<…> спектакль по трагедии Ж.Ж. Лефрана де Помпиньян «Дидона», написанной по мотивам поэмы Вергилия и высоко ценимой современниками и среди них — Вольтером, чье мнение и творчество было для Сумарокова авторитетным» [Демин, с. 174-175].

Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской поведению», ее перевели на русский язык [Метастазио]. Тексты Лефрана и Метастазио использовал, как известно, «переимчивый» Я.Б. Княжнин, когда сочинял свою «Дидону» (об этом подробнее см.: [Княжнин, с. 725]). Таким образом, в восприятии современников «Дидона» оказалась неразрывно связана с темой заимствований, влияний и даже плагиата (причем не так важно, насколько справедливы были подобные претензии).

Впрочем, Лефран не побоялся вступить в открытую полемику с Вольтером и попытался «отыграться» на всех т.н. «философах», просветителях, забывших, по его мнению, подлинную мораль («morale corrompue») и создававших безнравственные произведения («litérature dépravée») [Le Franc, 1760, pp. 4–5; см. подробнее: Ferret, pp. 429-449].

Вольтер не остался в долгу и, по крайней мере, три года, с 1760 по 1763, преследовал Лефрана своими иронией, насмешками и издевками[223]. Кстати, не забыл Вольтер и «Дидону» и посвятил ей специальное сочинение «Fragment d'une lettre sur *Didon*», в котором разобрал многочисленные «несовершенства» отдельных монологов героев, отказав Лефрану в писательском таланте [Voltaire, 1879, pp. 231-232].

Ключевой текст Вольтера в этом ряду — «Le Russe à Paris» (1760). Это очередная мистификация: авторство текста приписано секретарю русского посольства Ивану Алетову[224], который выучил французский в Архангельске и сочинял изящные стихи. Очевидно, что «поэт из Архангельска» отсылал к М.В. Ломоносову. И, разумеется, Алетов, «Правдин», не выносил сочинений Лефрана: «<…> un discours du sieur Lefranc de Pompignan, le mirent dans une telle colère qu il en eut une fluxion de poitrine» [Voltaire, 1877, p. 129]. Следуя во

[223] Ср.: «In this series of pamphlets, Voltaire presents his enemy in a whole series of different guises, usually as grotesque as possible and always liable to damage his reputation, using polemical strategies deriving from what Simon-
Nicolas-Henri Linguet calls 'the art of fruitful slander' ('l'art de calomnier avec fruit'). Pompignan's style is, in Voltaire's hands, ridiculous, his arguments absurd and his principles odious: in short, Voltaire, not shy of making ad hominem attacks, knowingly makes Pompignan's life the reflection of his works, and vice versa» [Ferret, p. 171].

[224] Возможно, фамилия говорящая: «Алетов» восходит к греческой «aletheia» («правда, истина»).

многом схеме «Персидских писем» Монтескье, Вольтер описывал Париж глазами русского, который поражался «падением» современной французской культуры. Вольтеровский текст — издевка над Лефраном-ханжой, критиком «философов»[225]. Таким образом, интересующий нас сюжет неожиданным образом оказался включен в русский контекст: Ломоносов противопоставлен Лефрану, а «преображенная» Россия — погрязшей в ханжестве Франции. При этом, очевидно, «Дидона» такого автора воспринималась как знак, проявление этого всеобъемлющего упадка.

Ломоносов также переводил из четвертой книги «Энеиды», при этом он, в отличие от Лефрана, высоко ценил талант Вергилия. Так, в «Кратком руководстве к красноречию» писатель отметил, что «весьма возвышается слово смешением страстей: и для того славные Авторы не редко представляют одного человека двумя разными, или и противными страстьми объятого. Так Виргилий изображает Дидону Королеву Карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием, при отъезде Енея Генерала Троянского в 4 книге своея Енеиды» [Ломоносов, с. 131]. И далее он напечатал фрагмент своего перевода, который Муравьев не мог не знать:

Уже всходя заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тритонова одра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матрозов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
О, боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню

[225] Ср.: «Наделенный трезвым и критическим умом, русский путешественник сразу же убеждается в том, что ему нечего делать в Париже:культура великого народа померкла от засилья ханжей и иезуитов; свободная мысль преследуется. Чувство восхищения французской культурой сменяется у русского путешественника чувством сострадания. Он покидает Францию, обещая вернуться тогда, «когда французы станут иными» [Прийма, с. 179].

И карфагенский флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынь рок постиг, несчастлива Дидона!
Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Не можно ль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить,
И члены бы его отцу поставить в снедь?
Но счастье на бою сомнительно.
Да пусть бы. Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них.
О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышьте днесь мольбу:
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
Достигнул до земли и до брегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить не можно:
То пусть хотя его жестока мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другое.
И как уж заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвременно падет
И будет посреди песку не погребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю? [Ломоносов, с. 131-132].

Муравьев, во многом следуя принципам, описанным Ломоносовым, создал сложный психологический портрет Дидоны, которая металась между надеждой и отчаянием, страстью и принятием своей судьбы; вот несколько примеров из второго действия пьесы:

Жестокой! он бежит, бежит, не озираясь,

И страхом одолен, себе сам изменяясь,

Взор смутной потупя, спокойства отлучен,

Свирепствует в своем злодействе убежден,

Дидона! Ах! Почто злодея полюбила…

Но кая льется вдруг не знаема внутрь сила?

Нет, ах! Я чувствую, что мною он любим,

Я с ним готова жить и умерети с ним,

Пленилася я им и век хочу быть пленна,

И с ним одним по гроб хочу быть съединенна,

И чтоб и хладный прах с Енеевым смешен,

Во тленности еще пребыл не разлучен,

Но что я говорю? Дидона, заблуждаешь

И в кои пропасти себя ты не ввергаешь?

Ах! легковерная престань себя ласкать,

Тебе уж помощи не можно ожидать.

Навек, навек уж ты оставлена терзаться,

Готовься к жалостям, готовься волноваться,

Исчезни из ума меня толь льстивша мысль,

И утешаться ты в любви уже не числь.

<…>

О боги, коли так, что нам повелевают

То самое, что нам другие запрещают,

Могли ли столько к нам вы лютости иметь?

Несчастна смертных жизнь наука зло терпеть.

<…>

Ах! Нет, тому не быть, не льсти меня уж тем,

На век уж мне, на век остаться в горе сем,

А ты еще его флот море не поглотишь,

И упований злых его не поворотишь!

И ветры что его на сей прибили брег,

Его, чтоб не сгубить, свой остановит бег!

И ты, что все то зришь, громовым Зевс ударом

Не поразишь еще его во гневе гром,

А он на кораблях, гордяся, по вол<н>ам

Пойдет, напрягши снасти, к Авзонским берегам,

И парус к высоте дымится непомерной,

И весла там шумят… остановись, неверной!

Кого оставил здесь? Возьми меня с собой[226].

«Le Russe à Paris» мог привлечь внимание Муравьева еще и потому, что он в 1770-е гг. в целом ряде своих сочинений («Похвальном слове Михаиле Васильевичу Ломоносову» (1774), «Рассуждении о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого» (1776; напечатано в 1783), «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова» (1777), «Дщицах для записывания» (1778)) выдвинул на первый план творчество М.В. Ломоносова, по сути, отвергая претензии Сумарокова на звание главного русского поэта и трагика (об этом см. подробнее: [Кочеткова, с. 110-112]). При этом Муравьев, в это время переводивший «Федру» Расина, полемизировал с Сумароковым в своем «Рассуждении» по поводу монолога Терамена (об этом см.: [Ивинский, 2024]; см. также: [Ивинский, 2018]). Мы не знаем, был ли знаком Муравьев с сумароковским опытом перевода отрывка из четвертой книги «Энеиды» — «О знаки нежности, явленной прежде мне…» [Сумароков, с. 308][227], однако кажется очевидным, что именно Ломоносов представлялся ему образцовым автором. Таким образом, полемика о «Дидоне» приобретала новое измерение и проецировалась на русский литературный контекст: ломоносовская линия оказалась противопоставлена линии «Сумароков-Княжнин»[228].

Что мог знать об этой сложной и многоаспектной полемике вокруг «Дидоны» молодой Муравьев? С начала 1770-х гг., как мы уже отмечали выше, он близко общался с Херасковым и Майковым; ср.: «1773 января 1 <…>

[226] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 12 об., 13.
[227] Об этом тексте подробнее см.: [Демин, с. 170-183].
[228] Эти соображения очередной раз выводят на разговор об адекватности историко-литературной концепции Г.А. Гуковского, согласно которой Муравьев, якобы один из создателей «сентиментализма», должен был быть последователем т.н. «школы Сумарокова», представителем ее третьего «поколения», однако, как видим, Ломоносов ему был гораздо ближе; кроме того, есть все основания сомневаться в существовании в действительности школы как таковой. Таким образом, литературная биография Муравьева может и должна рассматриваться вне наукообразной схемы Гуковского.

в это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас. Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М.<ихаила> Матв.<еевича Хераскова>, коему читал перев. *Федры* <…> Мы ужинали. Майк.<ов>, Фонвизин, Храпов.<ицкий> Вас., княжна…»[229]. Письма второй половины 1770-х гг.[230] наполнены указаниями на встречи с лучшими авторами эпохи (не только с Херасковым и Майковым, но и с Новиковым и В.П. Петровым), каждый из которых мог поделиться с молодым поэтом информацией и о «Дидоне», и о Метастазио[231], и о Лефране, и о Вольтере. Они же могли рассказать Муравьеву об опыте Сумарокова и о пьесе Княжнина, единственного русском авторе, которого упомянул в своем предисловии Муравьев.

Когда Княжнин написал свою «Дидону», до сих пор доподлинно неизвестно: «Первая трагедия К. «Дидона» создана, по одним сведениям, в 1767, по другим — в 1769» [Западов]; при этом Новиков в 1772 г. писал, что «она еще в свет не издана» [Новиков, с. 114]. В 1773 г. Княжнин был арестован, приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имения, лишением дворянства и чинов, разжалованием в солдаты, только в 1777 г. его восстановили в правах и вернули чин капитана, в 1778 г. он стал секретарем И.И. Бецкого [Письма, с. 369]. 8 февраля 1778 г. Муравьев писал сестре Ф.Н. Муравьевой: «Я был вчерась на представлении «Дидоны» Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитревский играл Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитревском в шлеме по Дмитревскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков

[229] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. Л. [1].
[230] Мы подготовили к печати письма Муравьева 1776, 1778-1779 гг. и надеемся, что в ближайшее время они выйдут.
[231] Муравьев в 1770-е гг. живо интересовался творчеством Метастазио. Так, 11 августа 1776 г. он писал сестре: «а нынче перебираю Метастазия, которого завтре мне надобно отнесть» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 98 об.); см. также письмо от 27 ноября 1778 г.: «сегодня опера Ахилес <опера Метастазио «Ахилл во Сцире». — А.И. >, на которой и я думал быть» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 7 об.)

актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувствия должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил «Дидону», видел он первое ее представление» [Письма, с. 348]. Этому событию Муравьев посвятил стихотворение, сохранившееся в его «Записной книге»:

Ст.<ихи>на представление Дидоны Як.<ова> Бор.<исовича> Княжнина 1778 Февр.<аля> 7

О сколько должен я творцу моих утех,
Что нежность возбудил в моем он сердце спящу
Творцу явившему Дидону, смерть носящу,
Зря нежностей своих обманутой успех,
И унижающусь и пасть пред тем готову
Кто хочет… Можно ль быть толико к ней сурову?
Кто хочет бедную, любовью погубя,
К любови приучив, оставить без себя.
О варварство!.. но в нем слух боги заградили
Кто сей другой идет? кто злобой искошен
И мнится фурии кого препроводили
Се Ярб твой: зритель твой Дм…<итревским> устрашен.
Свершилось: Именей в слезах бежит с царицей,
Падуший Карфаген Дидоне стал гробницей[232].

Итак, Муравьев утверждал, что любительский спектакль у П.В. Бакунина, который состоялся 7 февраля 1778 г., был первой постановкой «Дидоны» Княжнина. При этом отметим, что он указывал 1769-1770 гг. («в восемь лет, как он сочинил «Дидону») временем написания текста. Означает ли это, что именно в тот вечер Муравьев познакомился с этим произведением и что «предисловие» с критикой, в частности, Княжнина было написано в 1778 г.?

[232] ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 56 об.

Это возможно, но, кажется, такой вывод будет поспешным, ведь Муравьев мог прочитать список произведения, который мог получить если не от самого Княжнина, то от своих многочисленных литературных покровителей. Относительно близко Муравьев сошелся с Княжниным только в августе 1778 г. (об этом см. выше). Однако Муравьев плотно общался с И.А. Дмитревским, который часто упоминался в его письмах уже 1776 г.; так, например, 21 июля он писал отцу Н.А. Муравьеву: «Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитревской хвалил мою трагедию»[233] (о сравнительно близких отношениях с Херасковым и Майковым см. выше). Любой из них мог передать Муравьеву рукопись княжнинского текста.

Второе действие «Дидоны» Муравьев, как мы указывали выше, написал позже, в 1772 г., причем дал трагедии новое название: «Дидона умирающая»[234]. Возможно, изменение заглавия (или как минимум размышления о возможности его изменения) было связано с чтением Метастазио. Так или иначе в конце первого явления второго действия находим еще один небольшой историко-литературный комментарий Муравьева, в котором он сравнивал свой текст с княжнинским и который мы привели выше. В данном случае нас интересует не столько авторская оценка своего труда, сколько очередное появление имен Княжнина и Метастазио в одном контексте.

Это тем более интересно, что история литературных взаимоотношений Муравьева и Княжнина исключительно сложна и наполнена целым рядом скрытых пересечений. Так, показателен в этом контексте перевод Муравьева из «Милосердия Титова» Метастазио. В.Н. Топоров указал, что этот текст также связывал поэта с Княжниным: «Княжнин, как известно, написал первую русскую музыкальную трагедию “Титово милосердие” (1778), созданную на основе трагедии П.-Л. Бюирета де Беллуа “Тит” и оперы Метастазио “Титово милосердие”, шедшей в России в переводе Ф.Г. Волкова уже с 50-х годов»

[233] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 90.
[234] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 8.

[Топоров, 2, с. 177–178]. Имена Княжнина и Метастазио переплетутся еще раз – в произведении Муравьева «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазио» [Алехина, с. 83–85]. Следовательно, можно аккуратно предположить, что «Дидона» была одним из эпизодов долгой внутренней полемики Муравьева с Княжниным.

Этот контекст позволяет понять, чем Муравьева мог привлечь сюжет с лефрановой «Дидоной»: начинающий автор тем самым солидаризовался с лучшими сочинителями эпохи, продемонстрировал, что он знаком с ключевыми литературными конфликтами своего времени и попытался предложить себя в роли своеобразного посредника между французской и русской культурами.

Таким образом, выстраивается сложная линия литературной преемственности: Вергилий — Расин — Вольтер — Муравьев: столь серьезным уровень претензий 14-летнего поэта. Вернемся к Княжнину: хотя прямо против него не сказано ничего, мы можем аккуратно предположить, что он — в концепции Муравьева — оказался среди тех, кто противопоставлен Вергилию, а значит, находится вне магистральной линии развития западной культуры. При этом мы не можем утверждать с абсолютной уверенностью, что, помещая имя Княжнина в один ряд с Лефраном, Муравьев намекал на его «переемчивость», на зависимость от французского драматурга, которого Вольтер, в свою очередь, обвинял в плагиате у Метастазио[235]. В любом случае необходимо признать Княжнина одним из ключевых авторов, с которыми прямо или скрыто полемизировал Муравьев. Естественно, это не означает, что между ними не могло быть точек соприкосновения по каким-то другим вопросам или даже взаимного интереса, хотя бы и умеренного. Так или иначе, первый опыт Муравьева в этом сложном историко-литературном контексте

[235] Если это так, то Муравьев опередил И.А. Крылова, который в 1788 г. написал комедию «Проказники», «злой и грубый памфлет против <…> Я.Б. Княжнина», который был «изображен под именем Рифмокрада», при этом он «поэт-драматург, самовлюбленный дурак, произведения которого — плагиат, компиляция отрывков из французских драматургов» [Гуковский, с. 142].

перестает казаться случайным упражнением начинающего поэта, а напротив, представляется важнейшей частью его литературной биографии.

Тем не менее, возникает еще один вопрос: почему Муравьев не напечатал свою «Дидону»? Наверное, по той же причине, по которой он в целом очень мало публиковался. Муравьев, насколько можно судить, был человеком, склонным к перфекционизму, он часто возвращался к своим текстам, чтобы улучшить или переделать их; по всей вероятности, главным для него оставался вопрос о «побежденной трудности»: как только он убеждался в том, что способен реализовать свой замысел, дальнейшая работа отчасти теряла смысл. Впрочем, он болезненно относился к возможным неудачам, а единственный способ их предотвратить – воздержаться от публикации. Конечно, сыграл свою роль и успех «Дидоны» Княжнина. Что-то подобное произошло и с надеждами переводить «Энеиду». Муравьев, увлечённый читатель и знаток Вергилия, отказался от своего замысла, когда начал печататься перевод В.П. Петрова. Поэтому можно констатировать, что со многими своими проектами он просто опоздал. Тем не менее, не публиковавшиеся ранее материалы, которые мы здесь процитировали, как кажется, позволяют приблизиться к реконструкции самого раннего периода творчества Муравьева. Текст «Дидоны» см. в Приложении.

§2. Муравьев и русская комедия: «Выигранная тяжба» и «переложение на наши нравы»

С самого начала своего царствования Екатерина активно интересовалась театральными вопросами [Арапов, 1861, с. 80][236]. Так, уже 9 октября 1762 г. она «именным своего Императорского Величества указом изволила указать будущею весною выписать ко двору Ее Императорского Величества компанию достойных французских комедиантов, как оные прежде, прошлого 1743 года с марта месяца по нынешний 1762 год, находились и на той же сумме, какою они прежде содержаны были, 15.000 руб. в год, и в том с ними на надлежащих кондициях заключить контракт и в том, куда надлежит, от придворной конторы писать» [Варнеке, 1914, с. 156]; см. также: Арапов 1861, 81–82). Довольно скоро встает вопрос о выстраивании новой системы функционирования театра в России[237].

1766 год — важнейшая для истории русского театра дата: Екатерина подписывает указ о создании «Дирекции императорских театров» под руководством И. П. Елагина. Театры выводились из ведения Придворной конторы, новое ведомство получало отдельное финансирование, а начальник «Дирекции» получил право на непосредственные доклады императрице [Погожев, 1906, с. 42–44]. Елагин составил специальный документ — «Стат всем к театрам и к камер, и к бальной музыке принадлежащим людям». Здесь были четко прописаны состав трупп, штат, зарплаты актеров. Как известно, просчеты в управлении, в первую очередь в вопросах финансирования,

[236] Для общей характеристики екатерининского театр мы используем материалы и выводы, изложенные в нашей работе [Ивинский, 2012].

[237] История русского театра екатерининского периода изучена довольно хорошо. Укажем здесь только несколько наиболее содержательных исследований: [Лонгинов 1873; Геннади 1858, 498–508; Арапов 1861; Щебальский 1871, 105–168; Архив 1892; Погожев 1906, 20–78; Фон-Берг 1912; История 1914; Всеволодский-Гернгросс 2003; Всеволодский-Гернгросс 1929, с. 25–34; Сиповский 1917; Бродский 1923; Гуковский 1936; Берков 1947, 7–108; Берков 1977; Евреинов 1955, с. 167–200; Серман 1973; Стенник 1982, с. 109–162; Лебедева 1996; Зорин 2006, с. 91–110; O'Malley 2006; Евстратов 2009; Клейн 2010, с. 241–281; Одесский, 2011, с. 263-274].

привели к тому, что в 1779 году Елагин прекратил заниматься театром [Архив, 1892, с. 5–6].

Следующий этап реформирования театральной системы относится к 1783 году. 12 июля Екатерина повелела «для управления различными зрелищами и музыкою со всеми потребными людьми составить особый комитет или собрание». Председателем его был назначен действительный тайный советник А. В. Олсуфьев, а в состав Комитета вошли: генерал-поручик Мелиссино, камергеры Дивов и Голицын, генерал-майор Соймонов и камер-юнкер Мятлев, причем последний был назначен директором театров. Идея реформы принадлежала статс-секретарю императрицы А. А. Безбородко и кабинет-секретарю А. В. Храповицкому [Погожев 1906, с. 47; см. также: Арапов, 1861, с. 86].

Поставленный теперь во главе театральной жизни, Комитет 1 января 1784 года издал особое «Узаконение для принадлежащих к придворному театру», в котором описаны все элементы внутреннего театрального распорядка. Оно устанавливало порядок раздачи ролей и срок их изучения, при этом запрещалось под страхом штрафа отказываться от назначенной начальством роли. Был строго определен состав отдельных трупп. Определенное число актеров подбиралось на каждое положенное по «стату» амплуа, в зависимости от которого определялось и годичное жалованье каждому актеру [Варнеке, 1914, с. 160–163; см. также: Погожев, 1906, с. 48–54]. Новая система вводила жесткий контроль на всех уровнях управления театром. Так, за всю внутреннюю администрацию театра отвечал директор, управление труппами было поручено особому инспектору или надзирателю: например, балетмейстеру или капельмейстеру [Погожев, 1906, с. 52].

Екатерина внимательно следила за жизнью театра: здесь для нее не существовало мелочей. Показателен, например, такой ее указ: «На придворном театре наблюдать и исполнять нижеследующее: 1) чтобы

передовые плошки были из белого воску, каждая о четырех светильнях, по сделанному образцу, 2) задние плошки между кулис из желтого воску с шестью светильнями по образцу же» [Варнеке, 1914, с. 166]. Для упорядочения репертуара Екатерина составила специальное «Назначение зрелищ для играния при Дворе». Согласно этим правилам, директор «старается наблюдать в том черед, дабы одним родом зрелищ вместо забав не наскучить». Екатерина сама часто вмешивалась в составление репертуара [Варнеке, 1914, с. 181].

Кроме того, она составила своего рода трактат о театре ([Собственноручные заметки Екатерины II о театральных пьесах] // РГАДА. Ф. 10 Кабинет Екатерины II. Опись 1, дело № 321. Л. 1–9.). Она пишет об особенностях драматических жанров, пытается выявить их специфику. Так, с ее точки зрения, «трагедия представляет человека добродетельнее, нежели обыкновенно есть. Комедия представляет человека порочнее, нежели обыкновенно есть» (Л. 1). В центре ее внимания — именно комедия. Здесь мы находим уже знакомую нам мысль о том, что смешить не значит оскорблять: «La comedie doit etre rieuse, mais non pas injurieuse» (Л. 6). Екатерина выделила несколько основных, по ее мнению, комедийных композиционных схем: «Les premiers sont d’incidens, intrigues ou evenemens, lorsque d’Acte en acte et presque de scene en scene il arrive quelque chose de nouveau qui change la face des affaires du Theatre; quand presque tous les acteurs ont divers desseins, et que tous les moiens qu’ils inventent pour les faire reussir, s’embarrassent, de choquent, et produissent des accidens imprevus; ce qui donne une merveilleuse satisfaction aux spectateurs, une attente agreable, et un divertissement continuel. Les autres sont mixtes, c’est a dire, melés d’incidens et de passions, lorsque par des evenemens inopinés, mais illustres, les acteurs eclatent en des passions differentes, ce qui contente infinement les spectateurs» (Л. 6). Описывает она и «правильную» композицию отдельного драматического текста: «Le premier acte sert a faire l’exposition du sujet ou a porter a la connoissance du spectateur le sujet de la piece et le caractere des

personages. Le Second acte est la continuation de l’exposition de la piece des caracteres des personages et le commencement de l’action. Le troisieme acte est la continuation de l’action et le commencement de l’ embrouille. Le quatrieme acte est l’ embrouille et sert a preparer le denouement. Le cinquieme acte contient le denouement et la catastrophe avec la quelle la piece doit finir et qui sert a recompenser la vertu et punir le vice» (Л. 8). С одной стороны, эти заметки совершенно не оригинальны, все это — набор общих мест, но с другой стороны, они — яркое свидетельство серьезного интереса императрицы к театру, причем на уровне теоретической рефлексии. Наконец, ее перу также принадлежат несколько десятков драматических произведений (комедий, трагедий, комических опер).

Чтение книг, музыка, театр — все это развлечения новой эпохи, эпохи, которая не желает знать о «буйственных удовольствиях» прошлого, ср.: «Благородное Российское дворянство, вошедшее во вкус благородным воспитанием, пользуясь просвещением нынешнего времени, Премудрой Обладательницы нашей, к добру на разуме законов всех ведущей, приохотившись к наукам, ищущего полезного с приятным, находят свою забаву вместо отдохновения в чтении книг, музыке, в зрении театра и в прочих безбуйственных удовольствиях. Кто же похвалит веселия прежних веков? Они дирались со зверьми, боролись сами между собою до убивства, почитая то геройством; кулачные бои бывали лучшим позорищем, важивали детей своих оным забавляться <…> даже благородные женщины в недавнем времени были зрительницами сих позорищей. К счастью нашему время оное переменилось; просвещение торжествует, благонравие и нежность в обхождении; жестокость исчезает, забавы буйственные оставлены везде, даже в отдаленных Российских провинциях невежества не видно» [Драматический словарь, 1880, [2–4] [в оригинале пагинация отсутствует]. Итак, благодаря Екатерине восторжествовало «просвещение, благонравие и нежность в обхождении» и центральной фигурой в культуре стала благородная и просвещенная женщина.

На вкус последней и должна ориентироваться новая драматургия и в первую очередь комедия.

Новую парадигму восприятия этого жанра задала сама Екатерина. В заключительной статье «Барышка Всякой Всячины» она сообщала о том, что собирается сочинять комедии и, в частности, отмечала: «Я думаю, что не в одних книгах должно держаться сего третьего правила, чтоб Русским представлять Русские умоначертания, но и в позорищах. Ибо Маркиз на русском феатре уши дерет, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязывает. Она хочет видеть то, что ее ежечасно окружает, и чем она привыкла забавляться: не знакомые же гости не столь забавны, как знакомые. Я нахожу вкус тетушкин со здравым рассудком схожий, и для того с нею согласен. <…> и сию («Всякую всячину» — А. И.) оканчивая, объявлю вам, что я приемлю другое ремесло, где достанутся от меня многим щедрые милости» [ВВ, 1769, 552].

Таким образом, журналистика и театр объявляются тесно связанными: они устремлены к решению одной и той же задачи — к созданию новой салонной культуры галантного типа и при этом одинаково злободневны и оперативны в откликах на актуальные вопросы; ср. замечания П. И. Сумарокова о екатерининских комедиях: «Театральные пиесы суть произведения одного, двух дней, для шутки, своего общества, однако ж приметны в некоторых из оных замысловатость, острота, и они служат доказательством, что Музы не отлучались от трона» [Сумароков, 1819, с. 354].

В 1760-е гг. остро встал вопрос формирования репертуара национального театра: именно эту задачу поставили перед собой представители т. н. «прелагательного направления»; едва ли не главную роль в этом деле сыграл В. И. Лукин.

Еще Л. И. Кулакова отметила близость позиции Лукина екатерининской идеологической программе («партизан официальной народности»). А.Г.

Евстратов указал на малоизвестный вариант предисловия Лукина к «Моту любовию исправленного», из которого следует, что именно императрица инспирировала появление на придворной сцене комедии в русских нравах: «Назад тому более года, удалось мне нечаянно услышать, что Ея Величество желает видеть на Российском Театре Комедии прямо Российския, то есть, сочиненныя в наших нравах и осуждающия главные наши пороки. Сия Государская воля объявлена была придворными господами некоторым молодым людям, в письмена вступающим, из коих двумя сочинены комедии, Г. Князем Козловским в одном действии, которая и на позорище была представлена <…> и Г. Нарышкиным в пяти действиях, которая на театре еще не показалася. Они, как я слышал, к тому поощрены Глава 5. Театр 35 были своими благодетелями, кои о их достоинствах ведали; а я хотя сего побуждения ни от кого и не имел; однако чувствуя великую к Театру склонность, которая знание и искусство мое превосходит, вознамерился испытать сил своих, и думал, что не учиню я преступления, естьли без приказу угодное зделаю; в чем и не обманулся. Следуя сему мнению написал я Мота; он на Придворном Театре представлен, и удостоился благоволения Всемилостивейшей Государыни, что для меня всего драгоценнее» [Лукин, 1765, с. III–IV; Евстратов, 2009, с. 15].

Установка на национальное в противовес «европейскому», казалось бы, должна была порадовать императрицу. Традиционно считается, что драматурги «прелагательного направления» (Лукин, Ельчанинов, Фонвизин, Екатерина) не могли или не умели в полной мере освободиться от влияния со стороны своих западноевропейских прототипов [см., например: Пыпин, 1868, с. LXV; Веселовский, 1916, с. 86; Лебедева, 1996, с. 95]. Однако вопрос должен быть поставлен в иной плоскости: они не хотели скрывать следы этого влияния, поскольку придавали ему исключительно важное значение.

Основная цель «лукинского проекта» Екатерины заключалась не только (может быть, и не столько) в создании национального театра, сколько в

желании ориентировать русскую драматургию на актуальные «сюжеты» европейского театра, но сделать это так, чтобы эти сюжеты на русской почве и сцене представали как органичные. Манифестация «русского», «национального» для Екатерины II имела смысл только в широко понимаемом европейском контексте, неотъемлемой частью которого, как полагала императрица, являлась Россия [см. также: Былинин, Одесский, с. 16-17].

Одним из важнейших текстов для окончательного оформления концепции нового театра стал «Бригадир» Д. И. Фонвизина. Потомки, восхищаясь отдельными сценами и репликами, с сожалением отмечали и некоторые недостатки, прежде всего отсутствие действия [Пигарев, с. 1954, 101; Благой, с. 1955, 287; Макогоненко, 1961, с. 115]; современников обычно занимало другое, в первую очередь новый комический слог, ориентированный на разговорную культуру аристократического сообщества. Отзывы Н. И. Новикова и самого Фонвизина подчеркивают остроумие автора, которое по достоинству было оценено в столичных салонах. Как справедливо отметил П. А. Вяземский, Фонвизин стал первым модным русским автором: «Начиная от Государыни и молодого Наследника, все первейшие лица в Петербурге наперерыв приглашали автора и слушали чтение комедии его. Может быть, не в первый ли раз случилось тогда Русскому автору быть в моде» [Вяземский, 1848, с. 48]. По сути дела, в «Бригадире» Фонвизин расписался в верности культурной программе императрицы. «Бригадир» — это обличение пороков, облеченное в форму «остроумных разговоров». Таким образом, «Всякая всячина», «Бригадир», а также екатерининские комедии 1772 года задали парадигму новой русской драматургии на десятилетия вперед.

***

Среди муравьевских бумаг в этом архиве находим комедию «Выигранная тяжба» [ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 232. Ч. 483б. Л. 105–120 об.][238].

[238] Комедии Муравьева практически не привлекали внимания исследователей и изучены крайне слабо; важнейшее исключение – статья Л. Росси [Росси 1996: 257–266].

К папке, в которой она хранится, неоднократно обращались специалисты: согласно листу пользования документами их держали в руках такие исследователи, как Л.И. Кулакова, Р.М. Лазарчук, И.Ю. Фоменко, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.И. Серков, Л. Росси и др., однако, насколько нам известно, о «Выигранной тяжбе» не писали и текст произведения остается непубликованным. Ссылки же на бумаги из этой папки в трудах, посвященных Муравьеву, имеются. Так, В.А. Западов отметил: «<…> переводил он (Муравьев. – *А.И.*) и комедию «Формион» Публия Теренция Акра (пометка на рукописи: “Начата мной переводить в Вологде 1772 года 25 апреля”)» [Западов, 1999]. Это указание имеет существенное значение: «Выигранная тяжба» написана теми же чернилами и на такой же бумаге, что и «Формион». Более того, как кажется, можно высказать осторожное предположение, что эти листы когда-то были частью единого целого, одного и того же авторского рукописного сборника, а следовательно, могли быть созданы в одно и то же время.

Более важный источник датировки – сам текст Муравьева:

Кривод.<елов:>
Вот сударь, вашему высокородию, и вексель готов.
Новос.<ветов:>
Читай-ка.
Кривод.<елов:>
«1771 года, 16 марта, на 10000 рублёв. В год от сего 16 марта 1771 году по сему одинакому векселю, повинен я заплатить Г. Новосветову десять тысяч рублев ходячею серебряною монетою» (Л. 115 об.).

Естественно предположить, что текст комедии создавался на протяжении 1771 и был закончен не позднее 1772 г. Сложно придумать дату более неслучайную в истории русской драматургии XVIII в., ведь именно тогда вышли комедии Екатерины II и А.П. Сумарокова (об этом подробнее см.:

[Берков 1977: 134–135; Костина 1993; O'Malley 2006]. Вполне вероятно, что появление этих пьес вдохновило Муравьева на сочинение или, по крайней мере, завершение своей. При этом, как мы увидим далее, в муравьевском тексте использованы многие мотивы произведений его старших современников.

Л. Росси указывала, что «в своих мемуарных заметках Муравьев связывал начало своей самостоятельной деятельности <…> с трагедией Дидона, начатой в Вологде в 1771 г.» [Росси, 1996, с. 257]. Если «Выигранная тяжба» создается в это же время или немного позднее, оказываясь одним из первых завершенных литературных опытов Муравьева, мы получаем дополнительные основания для суждений о широте жанрового диапазона и вместе с тем о мере литературных претензий начинающего автора.

Несколько слов о содержании произведения. «Выигранная тяжба» – одноактная комедия; очень небольшая по объему, «камерная» – 15 рукописных листов. В ней всего пять персонажей: судья Обиралов, его сын Новосветов, Ябедников, его дочь Нравовида и секретарь Обиралова Криводелов. Новосветов влюблен в Нравовиду, однако на пути влюбленных встал ее отец. Ябедников держит дочь взаперти, и, как говорит Новосветов, она «не видит более, никого, как подъячих, секретарей, канцелярских сторожей» (Л. 106). Ябедников – человек тяжелый, жадный, хитрый, крючкотвор; вот что о нем говорит Криводелов: «Не тот ли в.в. которой бил челом на своего повара, якобы оной, его милости повар, не наварны щи зделал, и дабы соблаговолено было исследовать по какой точно причине он выше помянутой то учинил. <…> Он же подавал челобитну на башмашника, что он башмашник зделал ему один башмак узко что и засвидетельствовано, тогда прилучившимися у него свидетелями, и утверждено, им истцом присягою, чего ради приказано бы было заплатить ему башмашнику иск простирающийся, по верной выкладки, на 11 копеек 3/4 денги и 18/29 доль полушки. Суд говорен по форме, и продолжался два года невступно. Четырёх стряпчих переменяв, он, что всему рублев в двести стало дватцать с лишком

челобитен подавано было с его стороны, не упоминая других разходов все дело стало ему в пятсот, доехало бы и до тысячи если б мы хотели прижилить его» (Л. 105–106). Новосветов понимал, что только хитростью можно «выманить» Нравовиду. И вот что он придумал. Его отец, судья Обиралов, решил заняться винокурением, Ябедников же ему был нужен для организации доставки напитков в город и их продажи. Чтобы избежать «неустроек» с обеих сторон, они решили подписать контракт. Это ключевой момент всего сюжета: Новосветов с помощью секретаря Криводелова придумал контракт подменить и дать на подпись Ябедникову другой документ – вексель на 10 тыс. руб., которые он якобы занял у Новосветова. Этот-то вексель Новосветов ко всеобщему удовольствию и «обменял» на Нравовиду.

Основные образы и мотивы комедии Муравьева – проворовавшийся судья, ханжа, изобретательный слуга, жадность, невежество, глупость – были хорошо знакомы читателям 1760–1770 гг. и восходят к французской драматургии XVII–XVIII вв. Возможно, обратиться к этой традиции молодому Муравьеву подсказал его родственник и видный литератор А.А. Волков, о котором мы уже говорили выше. Он был крайне плодовитым переводчиком и интерпретатором европейских драматических текстов. Так, например, его перу принадлежат переводы пьес Ф.К. Данкура «Опекун обманут, бит и доволен» (1758), Ж.-Б. Руссо «Обвороженный пояс» (1779), «Криспин слуга, драгун и нотариус» (1759), Ж.-Б. Молбера «Сицилианец, или любовь живописец» (1758), Ж.-Ф. Реньяра «Нечаянное возвращение» (1764) и мн. др.

В России французские комедии никогда не теряли популярности, но оказались по-новому реактуализированы в 1760-е гг. Новое царствование предложило новую идеологию: Екатерина II решала задачу создания нового образа русского аристократа – воспитанного, образованного дворянина, верного «сына отечества». Для реализации данного проекта использовались разные инструменты, в том числе литература. Ключевой в этом отношении эпизод – журнал «Всякая всячина», который мыслился как учебник «науки жить», savoir vivre. Как хорошо известно, екатерининская журналистика

напрямую связана с ее драматургией, и комедии императрицы 1772 г. развивали те же идеи, но решали их по-своему: здесь важно было высмеять ложные принципы и идеалы, показать их ущербность и неприемлемость в новой реальности; здесь на первый план выходили «антигерои», которые демонстрировали, как не нужно вести себя в обществе (об этом подробнее см.: [Ивинский 2015a, Ивинский 2015b, Ивинский 2016]). По-видимому, в рамках этого проекта должна рассматриваться и комедия Муравьева. Муравьев создавал образ Новосветова с явной оглядкой на екатерининского «аристократа». Во-первых, он образован: «Да что ж мне батюшка и дома то делать, читать книги, я их и читаю <…>». При этом, однако, он как светский человек понимал, что одними книгами невозможно получить нужного воспитания: «<…>да надобно в обществе быть полезно, общество всесветная школа» (Л. 107). Новосветов явно противопоставлен невежде Ябедникову, который даже не знает, кто такой Ломоносов:

Ябед.<ников:>
А какая ето книжица ваше высокородие?
Новос.<ветов:>
Я думаю не Ломоносовы ль ето сочинения.
Ябед.<ников:>
Ето великий-сте муж был.
Новос.<ветов:>
То конечно правда; чем более будет отдаляться от нас то время в которое он жил, тем громчае будет его слава.
Ябед.<ников:>
Он-сте прославился, в.в. сочинением книжицы о челобитных, да и в своё время был он первой деловец.
Новос.<ветов:>
Вот ето я не знаю, какое б ето было сочинение. (В сторону) какой же он вздор несёт.
(Ябед:) он сочинял стихи а не челобитны (Л. 109–110).

Во-вторых, для Новосветова главное – честь; при этом его отец Обиралов решительно не понимал мотивации сына, он полагал, что важнее всего материальное благополучие:

Обир.<алов:>
Вот тебе раз! ек он наветренился; Капитан Государев, а ума ни на полушку! уж пора думать о себе, как бы пристроиться к месту, скопить домов, вить в отставку так ты и Маиор. Можешь быть в приписном городу воеводой. Теперь бы ты к делам навыкал, благо отец то у тебя сам деловец, начитывался бы уложения, Регламента, приказов.
Новос.<ветов:>
Ещё годы мои не ушли батюшка, может быть и то время будет что я сам к делам захочу; а теперь я человек молодой, тем потеряю у себя очень много, естли в нынечнее военное время пойду в отставку; етаковых случаев очень мало да и не дай Бог чтоб их много было. Извольте посмотреть вы знаете Храбросердова, он пошёл в поход Капитаном а теперь дослужился до Полковников.
Обир.<алов:>
С вами не сговоришь; ето уж я наперёд знал, все честь да честь. А что нужды, как наш брат малочиновной хоть и сержант да деревень то побольше и многочиновного имеет, да тысяч пяток другой в процентах ходит.
Новос.<ветов:>
Одного веселит то, другого другое. И всякая вещь имеет свои выгоды.
Обир.<алов:>
<…> именье, богатства имеют свои выгоды, а в чести то я бы хотел спросить какие? титулы, ну так ето все вздор, пожалуй наставь себе имен сколько хочешь. Власть так я ей больше имею, нежели иной, фельдмаршал без команды (Л. 107 об. –108).

В-третьих, он решительный противник любых злоупотреблений, взяточничества, корысти:

Вот куда, батюшка меня зовёт, я слышал етот полковник (Винолюбов. – *А.И.*) великой пьяница, он секретарской какой то сын да попался к графу Пышнолюбову и был у него шутом, да после как то Граф вывел его в Полковники, теперь живёт себе в деревнях, которых покойной, блаженной памяти его батюшка, понаворовал душ пять сто. Такая беда! неужели никогда правда и честность не могут торжествовать над обманом и хищением. Я,

пусть буду беден, но беден будучи, буду добродетелен, чтоб заслужил наконец любовь прекрасной Нравовиды. (Л. 108 об. –109)

В-четвертых, Новосветов – человек нового времени – его имя прозрачный намёк на эту мысль – которому смешны предрассудки «темного прошлого». Муравьев противопоставлял ему того же Ябедникова, который не только глупый человек, но и ханжа:

Ябед.<ников:>
Я многогрешный, как скоро встану от ложа моего, пойду к заутрене, стоя на молитве, читаю Библию и Новый Завет. Потом пойду на обедню, прочее время употребляю на дела житейские, схожу к вечерне, и так то весь день проходит. (Л. 109)

Обманщик и «ябедник», который постоянно рассуждает о молитве и постах, – один из устойчивых мотивов русской литературы XVIII в.; достаточно вспомнить госпожу Ханжахину из комедии Екатерины II «О время». В четырнадцатом явлении находится монолог Ябедникова, в котором он формулирует свое отношение к жизни:

Вот самое то молодоумье-сте, живёт в праздности и ничего не делает, как он может быть полезен обществу? Я не понимаю, как ети люди живут на свете и какая приятность в жизни их, когда они ни с кем не тягаются, ни на кого не бьют челом? Чем же мы рознимся и от безловесных скотов, когда и в приказ не ходим? То то развращенные нравы! Дадут те Праведному Судие, Господеви Боги отчёт на Страшном и не лицемернем его судилище, которые талант свой зарыли в земле. И совесть едаких людей так заглушена, что они не чувствуют ни малого угрызения; в том что они идут против узаконений Господних. Для чегож и люди сотворены на свет? ты думаешь, есть да пить, да спать, куды больно нежен! Нет, сам работай в поте лица твоего снеси хлеб твой, пиши челобитны, справки, доношенья, выписки, кланяйся в пояс судье, проси секретаря, задобривай повытчика, приноси свою униженность копеисту, своди знакомство с сторожем, три кафтаном приказную пыль, тогда ты не праздной будешь человек. Благодарю моего Бога, с юности моей воспитан был я блаженной памяти покойным моим родителем в страсе Божием и судейском. Я и молод ветрeником отнюдь не бывал, посещал Канпании честныя, ходил к секретарям,

Архивариусам, регистраторам, протоколистам, канцеляристам, копеистам, сторожам и... Почасту ходил я к его высокородию покойному советнику Крючкотворову, к ассесору Прицепову, то то были, помяни их Господь в Царствии небесном, искусные люди, каких мало людей, все к нам простофиль присылают. (Л. 118 об. –119)

Другая «вечная тема» русской журналистики и драматургии – насмешки над судьями. Найдём мы ее и здесь:

Кривод.<елов:>
И нет, сударь. Я ему искусненько подсуну, положитесь на меня, не в первой раз учуся я судей обманывать, а особливо для такова честнаго человека, как вы. Какой секретаришка, когда судью своего за нос не водит! в секретари удостаиваются люди искусные, а судей жалуют для подписки дел. Они у нас всегда у безспорных дел сидят.
Новос.<ветов:>
Так для чегож и судьям быть, когда они ничего не делают? Государь их для того жалует что б он наблюдали во всем закон его и были так сказать орудиями государскими.
Кривод.<елов:>
И сударь, простите, мне вы еще молодчик молоденькой, вы не знаете, что ето за зверь судья; послушайте меня старика, которой взрос в приказе и вскормлен в протоколе, судьи для того на свет произведены, чтоб им сидеть на стуле, зажмуривши, и брать полными руками с челобитчика и ответчика, и ко всему, что ему ни подаст наш брат секретарь подписываться. Вот прямое дело судейское. (Л. 117–117 об.)

Итак, комедия Муравьева вписывается как в общий контекст русской комедиографии конца 1760–1770 гг., так и в контекст нравоописательной журналистики этого времени. Муравьев обсуждает те же вопросы, что и «Всякая всячина» и комедии Екатерины II: в центре его внимания – «честный человек», оказавшийся в мире дикости и невежества, но сумевший выйти сухим из воды, перехитрить крючкотворов и ханжей, оказавшихся жертвой собственного неблагонравия, и завоевать прекрасную Нравовиду.

Глава IV. «Русская идея» Екатерины II, Муравьева и Карамзина: история как идеология

В.М. Живов назвал Карамзина одним из «отцов русского национализма» и высказал предположение, что, в частности, к его трудам восходит знаменитая формула «православие – самодержавие – народность»: обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, то есть, говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности [Живов, 2008, с. 134; см. также: Летников, 2016].

Исследователь связал эту идеологию с текстами Ж.-Ж. Руссо: «сентиментализм Карамзина напрямую связан с Руссо, и именно Руссо формулирует доктрину национального суверенитета и тем самым в определенном смысле стоит у истоков французского национализма» [Живов 2008, с. 114]. Более того, он подчеркивал, что «национальная легитимация – это результат кризиса просвещенческих идей» [Живов, 2008, с. 115].

Как представляется, данная схема может быть пересмотрена. Если продолжать поиски истоков уваровской триады (об этом см., в частности: Зорин, 2001, с. 337–374), то необходимо значительно расширить хронологические рамки: основные положения карамзинской исторической концепции, в частности идея «православие – самодержавие – народность», восходят к трудам М.Н. Муравьева, который воспринимается обычно как один из наиболее значимых предшественников Карамзина, и Екатерины II. При этом речь идет и о целом ряде частных пересечений – вплоть до использования одних и тех же формул для интерпретации тех или иных исторических сюжетов. Следовательно, придется выбрать одно из двух: либо «национализм» в России начал формироваться в 1760-е гг., либо Карамзин с ним не связан или по крайней мере связан не только с ним. С нашей точки зрения, «История государства Российского» должна быть рассмотрена в контексте имперского,

а не националистического дискурса. Кроме того, столь жесткая «спайка» Карамзина с Руссо скрывает иные, альтернативные контексты, которые, как представляется, были для Карамзина не менее, а возможно, и более значимыми. В первую очередь, мы имеем в виду, конечно, Вольтера. Прославленный писатель, историк, собеседник просвещенных монархов – все эти роли были для Карамзина исключительно актуальными. Поэтому в данном контексте, как кажется, преждевременно говорить не только об отказе Карамзина от «просвещенческой парадигмы», но и о том, что он воспринимал ее состояние как «кризисное».

Напротив, именно идеи, восходящие к «просветителям», были центральными и для Екатерины II, и для Муравьева, и для Карамзина. «Монархический проект» базировался на идее «внешнего воздействия» на человека, погрязшего в заблуждениях и пороках[239]. Наиболее последовательно и полно эта идеология была реализована в русских литературных журналах 1760–1770-х гг., и особенно в екатерининской «Всякой всячине». Человек без правильного воспитания – «животное», которому нет места в обществе, а его жизнь – это путь развития. При этом, как мы писали выше, самодержавие – это инструмент реализации данного проекта. В данном контексте рассматривалась и история России. Она мыслилась как путь от «тьмы» к «свету», от варварства к цивилизации, от анархии к монархии. А те или иные события прошлого

[239] См., напр.: «Нет ничего столь блестящего и превосходного, как жребий Государя, составляющаго блаженство народа своего просвещением, законами, умягочением нравов, возвышением сердец и разума» [Муравьёв,1847, 1, с. 260). Ср.: «<...> нас не удивит тот факт, что искомый политический идеал оказался неограниченной монархией. В отличие от Кутузова и его единомышленников, Карамзин в эти годы видит выход не в утверждении бессмертия души, а в требовании сильной монархической власти, заменяющей необходимость внутреннего морального императива внешним императивом силы, “которая, – как писал Карамзин, – должна все соглашать и все устремлять к общей цели”. <...> Отрицательное отношение Карамзина к политическим объединениям являлось <…> следствием убеждения в невозможности “быть соучастником в благоденствии себе подобных”. По мнению Карамзина, человек не может представлять интересов определенного круга людей, – все его побуждения диктуются личной корыстью. Это определило отношение Карамзина к возможным общественным переменам в России. Представительное правление объявляется фикцией, парламентская республика – олигархией, при которой тирания “единого” заменяется еще более гибельной тиранией многих. <…> Монархия объявлялась необходимой лишь как печальное следствие господства “необразованного” эгоизма. Всеобщее просвещение и образование людей (в том числе и крестьян), приучив членов общества к “самоограничению” и добродетели, сделало бы, по мнению Карамзина, излишней необходимость насильственного “обуздания”, подготовило бы возможность “отмены” самодержавия и крепостного права и установления блаженной “республики мудрецов”» [Лотман, 1997, с. 333, 335].

трактовались в зависимости от того, приближали ли они страну к этому идеалу или, напротив, отдаляли от него. При этом, как правило, подчеркивалось, что подлинное самодержавие невозможно без «любви народа» и истинной веры.

Екатерина II

Обычно окончательное оформление «славянской идеи» относят к XIX в. (см., например: [Пыпин, 1913]) и рассматривают в связи со становлением славистики как академической дисциплины [Кацис, Одесский, 2011]. Это во многом справедливо, однако, как нам представляется, можно проследить более сложную генеалогию данных тенденций: так, «спайка» идеологии и науки произошла еще в XVIII в., а ключевую роль в этом процессе сыграла Екатерина II.

В 1760-е гг. Екатерина II целенаправленно трудилась над оформлением идеологии своего царствования. Наиболее полным и содержательным источником данных о ней является «Наказ», в котором императрица, как мы уже постарались показать выше, опиралась на труды Монтескье, Беккариа и др. философов и ученых, одновременно пересматривая принципиальные для них представления о деспотическом правлении. Собственно говоря, главной задачей, которую она решала, было обоснование точки зрения, что империя не является деспотией. Отказываясь признавать, что в ее обширном государстве царствовал «страх», она писала о «воспитании граждан» и подчеркивала, что «Россия есть европейская держава» [Наказ, 1770, с. 6]. Для доказательства этого тезиса она апеллировала к истории русского европеизма, понимая, что только таким образом можно обосновать абсолютистскую идею:

> Доказательство сему (тому, что Россия – европейская держава. – А.И.) следующее: перемены, которые предпринял в России Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и

обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал [Наказ, 1770, с. 6].

Итак, имперский проект оказывался инструментом европеизации. В 1760–1790-е гг. Екатерина II инициировала и успешно воплотила в жизнь амбициозный проект изучения истории России, который был развернут сразу на нескольких уровнях. Во-первых, академические ученые издавали старые и новые истории России (Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др.), работали в архивах (Миллер и мн. др.), публиковали первоисточники; открывались специализированные журналы («Древняя российская вивлиофика» и др.). Во-вторых, писатели создавали популярные изложения русской истории (ключевую роль в этом процессе сыграли «Записки касательно Российской истории» Екатерины II; см. также труды Эмина [Эмин 1767–1769] и Елагина [Елагин 1803]). В-третьих, литераторы и журналисты пропагандировали и разъясняли элите базовые основания как исторического проекта, так и имперской идеологии (в первую очередь, речь здесь должна идти о «Всякой всячине» и «Собеседнике любителей российского слова»). В результате геополитические претензии Российской империи получили историческое и историко-культурное обоснование: фактически было заявлено, что права России на участие в делах Европы вплоть до военного вмешательства базируются на том факте, что Россия – неотъемлемая часть Европы, у них одна культура, одни обычаи и близкие или по крайней мере сопоставимые законы; при этом ее история так же богата, как французская или немецкая.

Однако здесь неизбежно возникала почва для сомнений и полемики: европейцы апеллировали к античному наследию и таким образом предъявляли права на многотысячелетнюю историю. Россия же в этом контексте оказывалась государством «молодым», играющим роль «несмышленого ребенка» в «семье» европейских народов, и в силу этого не могла претендовать на «равноправие».

Свести на нет возможности такого рода возражений и была призвана «русская идея». Во-первых, история России «приравнивалась» к истории древних славян, что позволяло «продлить» ее сразу на несколько столетий. Во-вторых, история и политика поддерживались филологией, в частности «этимологией», которой много занималась Екатерина II, – в результате русский («славянский») язык представал европейским праязыком. Таким образом, история России автоматически уходила в далекое прошлое, в собственную, славянскую «античность». Рассмотрим этот тройственный союз истории, филологии и политики чуть более обстоятельно.

«Записки касательно Российской истории» Екатерины II были посвящены наследникам престола Александру и Константину и выполняли в первую очередь воспитательную функцию:

Сии записки касательно российской истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем «Истории российской», кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными; ибо каждый лист свидетельством служит, с какою ненавистью писан, каждое обстоятельство в превратном виде не токмо представлено, но к оным не стыдилися прибавить злобные толки. Писатели те хотя высказываются, что имели российских летописцев и историков пред глазами, но или оных не читали, или язык русский худо знали, или же перо их слепою страстию водимо было. Беспристрастный читатель да возьмет труд сравнить эпоху российской истории со историями современников великих князей российских каждого века, усмотрит ясно умоначертания всякого века, и что род человеческий везде и по вселенной единакие имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко единакие способы. Все европейские народы до святого крещения, быв погружены в суеверие, в идолопоклонство, имели правила и права иные; получив просвещение евангельское, получили правила до того им неизвестные, кои не инако могли переменить обычай, мнение и мысли людей, стариной занятые, как мало-помалу [Собеседник 1783–1784, 1, с. 104–105].

Особенно показательно примечание Екатерины, в котором она изобличает Н.-Г. Леклерка:

Собиратель сих записок касательно российской истории – не в числе змей, вскормленных за пазухой: он век свой чтился выполнить долг благодарного сердца. Он думает, что похвальное не останется без хвалы; непохвальное без опорочения, доброго же умалять доброту или порочного умножать дурноту, и тем подобиться неискусному врачу либо невежеством наполненному детскому учителю, не есть дело его [Собеседник, 1783–1784, 1, с. 105–106].

Этот пассаж перекликается с тем, что она писала Гримму 20–28 апреля 1783 года:

Эта вторая эпоха начинается с 862 г. и кончается в половине XII столетия; все это было закончено в три месяца или около того; это будет антидотом против негодяев, которые унижают историю России, как лекарь Леклерк и учитель Левек, которые, с вашего позволения, глупцы, и притом скучные или отталкивающие (Екатерина, 1901–1907, 11, с. 18).

Но, конечно, Леклерк и Левек не были единственными объектами полемики. Императрица построила свои «Записки», отталкиваясь от трудов А.Л. Шлёцера. В первую очередь, она предложила иную периодизацию русской истории. О сути этой, казалось бы, сугубо научной дискуссии позднее писал Карамзин:

Муж ученый и славный, Шлёцер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа рождающеюся, от Ярослава до Монголов разделенную, от Батыя до Иоанна III угнетенною, от Иоанна до Петра Великаго победоносною, от Петра до Екатерины II процветающею. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения (Карамзин, 1816–1817, 1, с. XXVI).

Екатерину II, как и Карамзина, такая постановка вопроса устроить не могла. Императрица подчеркивала, что даже самый древний период славянской истории отмечен величием – военными походами и победами:

Новгородский летописец сказует следующее. Един князь славян с братом скифом, имея многие войны на востоке, пошли к западу, многие земли около Черного моря и Дуная себе покорили [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 75–76].

Отметим примечание, сделанное к этому месту: «Что славяне и скифы имели многие войны на востоке и западе, и многие земли покорили – о том сомнения нету» [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 76]. Успехи на поле боя – это то, что сближало славян и скифов, культура – то, что разделяло: «славян князь оставил по Дунаю сына Бастарда, пошел к полуночи, град великий создал, во имя свое назвал славянск» [Собеседник, 1783–1784, 2, 76]. Примечание Екатерины к этому месту: «славяне везде, куда ходили, созидали грады» [Собеседник 1783–1784, 2, с. 76]. Об этом же Екатерина II писала в письме к Гримму: «…Везде куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало быть, это был народ не пастушеский, не кочевой? Славяне были народ свободный и любили свободу. Рабами были у них только военнопленные» [СбРИО, 1878, с. 325]. Скифы же «не имели селений» [СбРИО, 1878, с. 325]. Культурная гегемония в регионе обеспечила политическую: «Потом был князь Вандал, который, владея славянами, ходил войною на север, восток и запад морем и сухим путем, и возвратился во град великий, покоряя народы многие» [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 76–77]. В другом месте читаем:

славяне более к воинской службе прилежали, нежели к наукам и художествам, и потому не диво, буде красноречивых дееписателей между ими не случилось; однако же по сказаниям Нестеровым и иных видно, что они древние истории письменные имели, да оные утрачены или еще не отысканы, и потому до нас не дошли. славяне задолго до Рождества Христова письмо имели; они своим соседям известны были под своим именем, иногда же и под другими многими именами. Распространением и умножением славянского языка доказывается распространение славянского народа. до времен Рюрика почти вся Россия уже славянским языком говорила. Многие народы в свете завоеваниями теряли свой язык, но славянский язык перенимали побежденные славянами народы. <…> славяне на востоке, юге, западе и севере обладали толикими областьми, что в Европе едва осталась ли землица,

до которой не касались. Где же побывали, тут строили города, коим многим славянские имена до днесь остались [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 81–82].

В подтверждение этой мысли приводится «этимологический» аргумент – побед было так много, что они были известны, «славны» повсюду, отсюда и происхождение этнонима:

Примечается, что славянский народ любил везде употреблять слово «слава». князи и вожди того народа имели имена от славы, как-то: Святослав, Ярослав, Изяслав, Мстислав, Мечеслав, Судислав, Ростислав, Радислав, Болеслав, Владислав, Венцеслав, Вышеслав, Славомир, Преслава, Возмислава, Будислава, Подражислава, Сбыслава и проч.; даже и в народных песнях припев всегда был и есть «слава». самое имя славянского народа писатели производят от славных дел славян [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 80–81].

Здесь же выяснятся, что сравнение России и Европы – один из важнейших полемических приемов, которыми пользовалась императрица. Несмотря на то что Русь находилась еще в «младенческом» состоянии, она и тогда была больше иных современных европейских государств:

Выше писанное, касательно первой эпохи российской истории пределов северных, представляет Русь и Русию до 480 года по Рождестве Христове, противу нынешнего состояния яко во младенчестве. Пределы русские, однако же, простираются уже на девять степеней широты и на двадцать восемь степеней долготы и, следовательно, обширнее суть некоторых царств европейских нынешнего века [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 97].

И далее:

славяне те, коих имя писатели производят от славных дел того народа. славянская пехота та, коя на Востоке, Юге, Западе и севере овладала толикими областьми, что в Европе едва осталась ли землица, до которой не дошли [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 98].

О более поздних периодах русской истории Екатерина II писала в «Антидоте»:

Знайте же, невежа, что <…> Римские законы были введены у нас вместе с христианством, ибо они входили в состав законов церковных; что великий князь Ярослав, отец святого Александра Невского велел изложить письменно составленные им законы, которым

служили образцом древние законы Новгородские; эти же последние не отличались ничем от тех, которым следовал почти весь север. Царь Иван Васильевич велел составить новое уложение; царь Алексей Михайлович другое. Земские судьи с незапамятных времен назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору без предварительного суда. Все дела вершились приказами, для этого назначенными. <…> Мне кажется, что вот правительство, устроенное как почти все прочие в Европе того времени, и даже лучше некоторых из них. страсть аббата состоит в том, чтобы приводить весьма пространно все, что он может откопать худшего, или то, чему можно дать ненавистный оборот [Антидот, 1869, с. 290].

Более того, вплоть до конца XVI века Россия шла «ровным шагом со всеми прочими нациями Европы, за исключением, быть может, Италии, и лишь смуты, последовавшие за смертию этого государя, замедлили наше развитие» [Антидот, 1869, с. 424–425]. Россия никогда не была изолирована от Европы, напротив, постоянно с нею взаимодействовала:

Что касается для сообщений Русских с чужими краями, они существовали всегда, и вот каким образом. Русские с древнейших времен делали частые завоевания. Оставляю в стороне времена самые древние, когда с берегов Борисфена они доходили до Константинополя, и когда великий князь Святослав перенес свою резиденцию на берега Дуная <…> начинаю лишь со времени построения города Москвы. И что же? сколько завоеваний, оружием и политикою, сделал народ, заселивший губернию этого имени? I. Новгород со всей его областью, заключающею ладожское озеро, Псков, Зубцов, Тверь и часть архангельской губернии. II. Царство казанское. III. Царство астраханское. IV. Всю Сибирь. V. Смоленск. VI. Украйну. VII. Ингерманландию. VIII. Финляндию. IX. Ливонию. X. Эстляндию. <…> внутри Империи были целые города, выстроенные и населенные иностранцами. Англичане, Немцы, Поляки, Шведы жили среди нас. <…> кроме того, торговля способствовала этим сообщениям [Антидот, 1869, с. 386–387].

Между тем своеобразие этой эпохи российской истории состояло в постоянных культурных контактах Руси и европейских стран, и она тем драгоценнее, что <…> содержит в себе много еще начального основания, полученного от славян и от них не токмо России, но многим землям и царствам сообщенного, именно же всем тем областям, где славянам быть случалось, как

то: Польше, Богемии, Венгрии, Далмации, Иллирии, Германии, Саксонии, Боврии или Баварии, Дании, Швеции, Англии, Франции, Испании и Италии. Неудивительно, что тогда Россия имела со всеми сими областями не только многие связи и родство, но даже и одинакие обычаи [СбРИО, 1875, с. 615].

В итоге Екатерина сделала вывод о культурном единстве славян и европейских народов, законы которых были проникнуты духом свободы. Единство это было разрушено только монгольским нашествием:

когда вы приедете ко мне, я расскажу вам много других вещей, как например, что законы саксонцев и славян были проникнуты духом свободы; что эта свобода проявляется во всем во вторую эпоху нашей истории; что ею не пользовались только пленные; что этим последним сохраняли жизнь, для того, чтобы населять ими колонии, эта неволя и рабство подарок и умок татарский, которого получа в третьей эпохе, наипаче чувствителен везде в четвертой эпохе [СбРИО, 1875, с. 615].

Неизбежно возникал вопрос о том, как русские связаны со славянами. Ответ Екатерины II – это один народ, у которого общие история, культура, язык. Таким образом, чуткий к дополнительным смыслам исторических текстов читатель понимал, что описание подвигов древних племен – это не дань истории, а вполне актуальный панегирик Российской империи, наследнице «князя славяна»:

славяне, пришед, русами овладели. <…> Русы, со славяны смешався, за един народ почитаются, и язык славянской перенимали. <…> славяне-русь соединились со Варяга-Русь, которые жили по берегам Варяжского моря, и над оным господствовали [Собеседник, 1783–1784, 2, с. 98–99].

Игнорирование значительной роли славян в мировой истории, с точки зрения Екатерины, являлось следствием многовековой политики европейских государств:

славянскому языку были главнейшие неприятели римские или латинские монахи. они старались не токмо истреблять славянский язык везде, где его нашли, но, быв наполнены

предубеждениями, все выводить и приводить к латинскому основанию, затмевая славянские начала [СбРИО, 1875, с. 614].

Однако славяне в концепции Екатерины были связаны не только с европейскими странами, но и буквально со всем миром: «Америки, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названиями» [СбРИО, 1875, с. 615]. В собственноручной записке 1784 года она писала о схожести религиозных обрядов в Египте и Сибири, в Индии, Астрахани и Бухарии, в Китае и среди «тунгузцев» и монголов:

Во всей вселенной три идолопоклоннические суеверия:

1. египетских магов, сие и поныне в Сибири, под именем шаманской толк, у сих видимое и невидимое наполнено богами и богинями. NB. Шаманы значит мудрецы; то же самое и маги.
2. Брамин индейских; они огню или солнцу поклоняются, в Астрахани и Бухарии и поныне есть, но многие перешли к магометову учению.
3. далай-ламы: сему держится Китай и наши к Китаю прилегшие народы, как то: Тунгузцы, Братские, Монголы и др. народы [СбРИО, 1875, с. 615].

По мнению императрицы, эти «факты» доказывали не просто древность русской цивилизации, но и высокий уровень влияния славян на остальной мир:

Эти вещи (найденные в Сибири. – А.И.), выделанные с большим искусством и тонким вкусом, доказывают еще, что они могут быть изготовлены не иначе, как в городах и что искусство извлекать из земли металлы и проч. было известно. Я послала графу Бюффону и подарила Петербургской академии Наук золотую цепочку, найденную в Сибири, в земле, которую возделывали в первый раз: ни в Петербурге, ни в Париже не в состоянии были сделать что-нибудь подобное; в Сибири же такой работы в настоящее время не производят и ни один из обитающих ее народов не имеет таких драгоценных вещей. Мнение графа Бюффона в его «Эпохи природы» и г. Балльи, автора «древней истории астрономии», весьма близко подходят к тому, что из Сибири и России вышло несравненно более народностей и вещей, чем обыкновенно предполагают [СбРИО, 1875, с. 616].

При этом исключительно важно, что история, с точки зрения императрицы, – это не безличный процесс; «двигатель прогресса» – государь. Самый показательный пример – княгиня Ольга:

Блаженная Ольга, будучи сама от рода князей славянских, паки народ славянский возвысила. При ней всюды имена славянские в начальниках и правителях оказываются. Ольга и язык славянский во употребление общее привела. Известно, что народы и языки народов мудростию и тщанием вышних правителей умножаются и распространяются. каков государь благоразумен, о чести своего народа и языка прилежен, по тому и язык того народа процветет. Многие народные языки исчезли от противного сему. Великая княгиня Ольга приятием святого крещения и книгами церковными, переведенными с греческого языка на славянский язык, наипаче утвердила язык славянский [Собеседник 1783–1784, 3, с. 101–102].

Как видим, идея «чести народа» неотделима от идеи абсолютизма, а эта последняя связывается и с религией, и с языком как фундаментальными основами народного бытия. Это центральное положение всей концепции, очевидным образом предвосхищающее и «уваровскую триаду». Поэтому «началом» русской империи признавалось самодержавие. Об этом Екатерина подробно писала в «Антидоте»:

Вы <…> называете всех Государей России тиранами. Но кроме того, что вы оказываете неуважение к их памяти, вы лжете. доказательством тому, что они не были таковыми, служит то обстоятельство, что их род царствовал около осьмисот лет. <…> опыт показывает, что в течение семисот лет слишком, Россия была довольна их (Рюриковичей. – А.И.) правлением, росла в могуществе и силе, что все это время подданные не жаловались на форму правления, и действительно, это единственная, которая могла бы существовать в России вследствие обширности этой Империи [Антидот, 1869, с. 289].

Залог многовекового процветания монархии в России – это единство государя и народа: «Нет в Европе народа, который бы более любил своего Государя, был бы искреннее к нему привязан» [Антидот, 1869, с. 301].

То, какую роль играла филология, или, как это называла Екатерина II, «этимология», в этом проекте, мы проанализируем в следующей главе. Здесь же отметим, что екатерининская «этимология» – это не случайный эпизод в ее биографии и вместе с тем не околонаучный «курьез». Занятия сравнительно-историческим языкознанием были частью продуманной деятельности, направленной на идеологическое оформление имперского проекта (не говорим уже о том, что они при этом как минимум вполне соответствовали европейскому уровню развития филологической науки того периода).

Во время третьего раздела Польши Екатерина использовала свои познания в древней истории Руси для доказательства положения о том, что в ходе этого раздела Россия не захватывала чужих территорий, а всего лишь получила свои исконные земли. Приведем отрывок из письма от 5 апреля 1795 г.:

…Cette pécore de Hertzberg seule mérite d' etre tapée d'importance: il n'a pas plus de connaissances en fait d'histoire que ma perruche. Il ose dire que la Russie n'avait point de titre à produire en prenant possession de Polotsk; il pouvait dire que la Russie ne faisait aucun cas de titres surannés. Car Polotsk avait été donné par Vladimir I à son fils ainé Iziaslav; or, il était l'aine des douze fils de Vladimir I, entre lesquels le pere partagea ses états lorsqu'il épousa Anne, fille d'un empereur grec, et qu'il se fit chrétien et renvoya ses six femmes et lturs enfants dans les états qu'il leur assigna. Or, de se fils ainé de Vladimir descendaient les princes de Polotsk; puis, grand duc de Lithuanie, Vladimir I donna la Lithuanie à son fils Sviatoslav, qui n'eut pas de postérité. Le cinquieme fils d'Olgerd, en 1386, Jagellon ou Jacob, devint roi de Pologne et se fit du rite latin, sous le nom de Vladislav, en épousant Hedwige, reine et héritiere de la Pologne. C'est lui qui joignit donc la Lithuanie à la Pologne… [СбРИО, 1875, с. 620].

К польскому вопросу императрица вернулась еще раз через неделю, 13 апреля 1795 г. Она снова подчеркнула, что необходимо отличать Литву, многим связанную с Россией, от Польши:

…Je demanderais qu'on ne dit pas Польша, mais qu'à Польша on substituat литва, et alors cela serait correct, et l'article de cette lettre où l'ignorance du grand Hertzberg est fouettée, prouve cela

suffisamment. Mais la Pologne, dont anciennement Cracovie était la capitale, est un pays à part, peut-etre aussi peuplé par les Slaves, comme leur langue peut le prouver [СбРИО, 1875, с. 636].

Самое развернутое высказывание императрицы по этому вопросу мы находим в письме от 16 сентября 1795 г.:

Ecoutez sur la Pologne l'évangile historique que je prouverai, papier sur table. La Pologne, au commencement et jusqu'à 1386, était composée du palatinat de Cracovie, de selui de Sandomir, de la Masovie et de ce qu'on nomme la Grande Pologne qu-delà de la Vistule. En 1386 Hedvige, reine de Pologne, épousa Jagellon, grand-duc de Lithuanie, descendant, en droite ligne, de Vladimir I, grand-duc de Russie, qui avait donné à son fils ainé, Iziaslav, Polotsk, et à un autre la Lithuanie, qui était tombée par succession à la ligne d'Iziaslav. Or, dans le portage j'ai eu pour ma part pas un pouce de la Pologne, mais ce que les Polonais eux-memes n'ont pas discontinué d'appeler la Russie Rouge, le Palatinat de Kiovie, la Podolie, la Volynie, dont la ville de Vladimir était la capitalle; celle-ci fut datie par Vladimir I, l'an 992, la Lithuanie n'ayant jamais fait corps de la Pologne, de meme que la Samogitie. Or donc, n'ayant pas pris un pouce de la Pologne, je ne puis aussi prendre le titre de reine de Pologne. Outre cela, si cette nation avait perdu jusqu'à son nom, il me parait qu'elle pourrait bien l'avoir mérité, ayant rompu tous les traités elle-meme qui assuraient son existance, n'ayant jamais voulu entendre à aucune raison, et ayant perdu tout mot de ralliement; deux individus n'étant jamais d'accord sur rien. Vénaux, corrompus, légérs, verbeux, oppresseurs, projecteurs, laissant régir leurs économie particuliers par les juifs, qui suçaient leurs sujets et leur donnaient tres peu: voilà en un mot les Polonais tout crachés. Ils ignorent meme que je n'ai pas un pouce de la Pologne en ma possession, et me proposent d'etre reine de Pologne! [СбРИО, 1875, с. 647].

Число примеров без труда можно было бы увеличить, но и приведенных вполне достаточно для того, чтобы понять, как история и лингвистика становились для Екатерины II средством легитимации ее политики.

Итак, Екатерина II опровергала мнение о России как об «отсталой», «варварской» стране, которой чужды ценности просвещенной Европы. При этом она предложила оригинальную концепцию русской культуры, важную роль в формировании которой сыграли исторические изыскания, поиск корней слов, сравнительный анализ языков, позволивший ей выдвинуть на первый план идею «славянства». Более того, она пришла к выводу, что славянский

язык является «материнским языком» всех других европейских языков. Так филология смыкалась с историей и политикой, причем образу истории, базировавшемуся на «этимологии», приписывалось важное общественное значение: он должен был служить двум взаимосвязанным целям – патриотическому воспитанию юношества и прославлению государства.

При этом «славянская идея» никогда не представлялась Екатерине II самодостаточной и самоценной: она рассматривалась как часть русского имперского проекта, вобравшего идеологию «петровского» европеизма. Как держава, стремящаяся продлить свое существование в истории, Россия вела идеологическую и политическую борьбу за то, чтобы занять место в «европейской семье народов», а поэтому в екатерининской концепции она признавалась одновременно и неотъемлемой частью «Запада», и «особым миром» с древними языком и культурой. Подобная постановка вопроса оказалась востребована русской литературой; один из наиболее ярких примеров реализации этой концепции – «Клеветникам России» А.С. Пушкина (1831).

Муравьев

Исторические труды Муравьева не претендовали на оригинальность, как научную, так и идеологическую, поэтому, видимо, и не публиковались[240]. При этом сам Муравьев придавал им большое значение, так, в письме к С.М. и Ф.Н. Луниным он писал: «Руская история меня занимает; бог весть с каким успехом. Проекты быть когда нибудь в хорошем обществе, никогда не исполняются. Не нахожу в себе довольно решительности и разума». А в своей поздней записной книжке, которая хранится в ОПИ ГИМ, он отметил: «Я бы мог заняться привидением в порядок моих исторических тетрадей и прочих опытов и отрывков, во время моего учительства писанных, <нрзб>

[240] Об этом см.: [Фоменко, 1981, с. 167-184; Топоров, 2001-2007, 1, с. 747-778; Фоменко, 2011, с. 97-112; Пашкуров, 2019, с. 88-100].

составляющихся в одну систему. Ежели не для кого другаго, они могут служить для Никитиньки и Фединьки с .14. или .15. лет, а может быть и прежде»[241].

В 1785 г. Екатерина II назначила его воспитателем Александра и Константина. Выбор оказался удачным: Муравьев создал очень ясный «реферат» «Записок касательно Российской истории», стилистически обработав и дополнив их теми деталями, которые ему казались необходимыми[242]. Мы найдем у него все основные положения екатерининского «монархического проекта»[243]. Муравьев так же, как и императрица, много рассуждал о древности и богатстве русской истории. Он тоже писал о том, что славяне «созидали грады»:

<…> около того же времени (V в. н.э. – А.И.) славяне, уступая превозмогающей силе Римлян, от берегов Дуная, на которых искали себе убежища от Уннов, возвратились на север, к развалинам отеческаго града славенска, дважды войною и язвою опустошеннаго. Но, разделясь в походе своем, в разных удобных местах оставляли поселения и созидали грады… [Муравьев, 1847, 2, с. 5].

Не менее важной для него была мысль и о многовековой «дорюриковой» истории славян:

Четыре столетия процветал новый славенский град успехами военными и спокойными выгодами земледелия и торговли, так, что достиг уже многочисленнаго населения и отменной знаменитости. Обитатели крайняго севера, Шведы, Нормандцы, смотрели на него

[241] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 289. Л. 3.

[242] Ср.: «С 1787 г. выходили “Записки касательно Российской истории” Екатерины II, предназначавшиеся ею для юношеского чтения (это тоже говорит о большой и осознанной потребности в такого рода курсах). <...> Итак, в XVIII в. авторы пособий для детей и юношества еще не пытались ни дать беллетризованное описание событий, ни научить своих читателей философскому осмыслению исторического прошлого, а именно эти задачи считал необходимым решить Муравьёв» [Фоменко, 1983, с. 139–140]. Здесь, конечно, ошибка: «Записки касательно Российской истории» печатались в журнале «Собеседник любителей российского слова» в 1783–1784 гг.

[243] И.Ю. Фоменко указывала уже на связь литературных произведений Муравьёва и императрицы: «Но был и источник, который описывал, как благородный Рюрик, “отказавшись судить Вадима «по закону прародителя своего Одина» <…> отпускает мятежника вместе с Оскольдом”. Этот источник – “Подражание Шекспиру, историческое представление <…> из жизни Рюрика” (1786) Екатерины II. Сюжетно муравьёвский “Оскольд” примыкает к пьесе Екатерины II, – Муравьёв начинает с того, чем Екатерина II заканчивает» [Фоменко, 1983, с. 126–127].

с почтением и завистью. Варяги, оставившие имя свое Балтийскому Морю и составлявшие более воинство разноплеменное, нежели единый народ, известные, может быть, в других странах Европы под именем Норманцов, начали тревожить владения сего богатаго града [Муравьев 1847, 2, с. 5–6].

В «Письмах к молодому человеку» Муравьев рассуждал даже о конкуренции славян с Византией, о богатстве Новгорода и величии Киева:

<…> Мы изобразили быстрыми чертами первые успехи, которыми ознаменовал себя на позорище вселенной народ славянский, одержавший исключительную верховность над всеми племенами, населявшими север. Будучи, по свидетельству Истории, просвещеннее окружавших его пастырских народов, он имел уже гражданские установления и угрожал войною, или соревновал в сиянии упадающей державе Константина. В периоде безотрадном и темном, в котором томилась Европа, Новгород привлекал сокровища севера и Востока, поражал славою своею отдаленные народы и полагал основания буйственной вольности своей, между тем как Киев, возвеличенный Олегом, Святославом, Владимиром, служил к Просвещению России присвоением святой и кроткой Веры [Муравьев 1847, 1, с. 378].

В этом же тексте находим и важную для Екатерины II мысль о «равноправии» современной ей России и Европы:

Бодрая юность Российскаго народа, побеждая вне пределов своих, испытала внутри себя несчастия разделения и междуусобия. Иго варваров не могло уничтожить выи его и он возник величественнее под мудрым правлением Иоаннов. С тех пор составляя одно и не разделенное политическое тело, и уже владыка народов, которые поработить его мечтали, народ российский должен был только явиться в Европе, чтобы стать наравне с другими просвещенными ея нациями… [Муравьев 1847, 1, с. 378–379].

При этом возникает вопрос, почему Россия раньше не «явилась в Европе». Муравьев, как и Екатерина, видел причину этого в монгольском нашествии:

<…> общее разорение постигло целое государство. Пылали расхищаемые грады. Сильный и славный народ, победитель других, уничижен, объят ужасом, и мечтая себя жертвою гнева Божия, низпал в неволю варваров. Таким образом безумная воля единаго завоевателя

может низринуть целый народ на столетия в невежество и уничижение, и замедлить шествие человеческаго рода к просвещению и благополучию [Муравьев,1847, 2, с. 21][244].

Но почему оказалась возможной монгольская катастрофа? Ответ очевиден: в силу того, что Русь предпочла раздробленность единству. Вослед Екатерине II Муравьев противопоставил республику монархии, как хаос – порядку:

В недре его (Новгорода. – А.И.) самого таились вредныя начала разорения: безначалие буйной черни и алчность сильных. Не оставалось Республике для исцеления зол ея другого средства, кроме подвержения себя власти единой особы [Муравьев, 1847, 2, с. 6].

Ср.:

Безполезно являются между разделениями счастливые промежутки единоначалия княжения Владимира Великаго и мудраго Ярослава; чадолюбивые родители, увлекаемые обычаями времени своего, почитают себя обязанными раздроблять отечество. Властолюбивые сыны не гнушаются обагрять рук своих в крови единоутробных (Муравьев, 1847, 1, с. 367].

Более того, разделение государства Муравьев признавал заблуждением, роковой ошибкой:

<…> обыкновения столь сильно обладают человеческим родом, что два столетия пагубных следствий не в состоянии побудить к отменению вредных правил, освященных древностию. Из числа таковых есть разделение государства, известное в прочих странах Европы под именем феодальнаго или поместнаго владения. Россия была жертвою сего политическаго заблуждения около пяти столетий, от времен Святослава Игоревича до славнаго царствования Великаго князя Иоанна Васильевича. Раздираемая честолюбием родственных князей, вместо того, чтобы в недре своем основать счастие, искусства, просвещение, и вне приобрести уважение, она изнуряла силы в междуусобных бранях и в самых победах; но безсильная в разделении, была страхом окружающих ее врагов, Печенегов, Половцев, когда покоилась под управлением единаго государя и составляла одно народное тело [Муравьев 1847, 2, с. 8–9].

[244] Впрочем, в противостоянии с монголами Муравьёв увидел «миссию» России: «<…> Народ Российский издали готовился быть оплотом Европы от разлияния варварских народов, последователей Магомета. Ратуя с Печенегами и Половцами, он приучался к ратованию против Татар и Турок» [Там же, с. 22].

Только в единстве страны залог победы над врагом:

То же зло, коим она была низвержена в узы, междоусобие, перешед в орды завоевателей ея, было поводом к освобождению. Счастливым слиянием случаев свержено иго неволи в то же самое время, когда истребилось и бедственное раздробление государства. Великие уделы присоединились к Великому княжеству Московскому. Многочисленные потомки Рюриковы, низшедшие безпрестанным разделением на степень маловажных владельцев, искали места в воинствах или в совете великаго князя [Муравьев 1847, 2, с. 36].

Нет единой власти – нет порядка. Русь погрязла в междуусобных войнах:

Междоусобие, первое из злодеяний, приводит с собою все другия, и государство близко к погибели, когда правление его, не будучи основано на мудрых и твердых законах, зависит от внезапностей войны. Спорное право владения, которое переходило от брата к другому в многочисленном потомстве Рюрика, становилось источником бедствий России [Муравьев 1847, 2, с. 14–15].

И чуть ниже:

<…> князья, которых лучшее звание состоит в том, чтоб устроить благополучие государства, губили оное междоусобиями. <…> ложное разсуждение политики составило, кажется, несчастие России. Воображали, что трудное преимущество управлять народами, подобно личному имению государя, может и долженствует по справедливости быть разделяемо равно между детей его. Опыты и здравый разум свидетельствуют, напротив того, что сан государя, как отца народа, есть в государстве один и неразделим; государствование есть не только право владения, но и долг превосходной благотворительности. Разрушив единство России, умалили силу ея. Удельные князья, зная свое общее происхождение от Владимира и Ярослава, требовали себе равныя власти и устремлялись к независимости. Достоинство великаго князя было завидуемо и не уважено. Не доставало политическаго права, которое утверждало бы наследие и связывало взаимными обязанностями удельных князей с главою государства (Муравьев, 1847, 2, с. 23).

См. также: «…страсти, личная корысть и междоусобие князей обращаются безпрестанно в погибель России» (Муравьев 1847, 2: 28). Не случайно, конечно, что Муравьев, как и Карамзин, обратил внимание на Марфу

Борецкую, которая стала одним из символов антимонархического направления русской истории:

<…> составляется сильная крамола, которою начальствует женщина, именем Марфа, вдова главнаго посадника Борецкаго, подкрепляемая сыновьями, столь же дерзновенными, и возмутительным красноречием чернеца Пимена и сношениями с Литвою [Муравьев 1847, 2, с. 43].

В данном контексте становится понятным, почему такую значительную роль в исторической концепции Муравьева играл Иван III, – он рассеял тьму раздробленности и повернул Русь к свету монархии:

<…> со времени восшествия его (Иоанна Васильевича I. – А.И.) на отеческий престол московский, новый свет разсеевает тму, которая носилась столетия над пространством России; соединяются раздробленныя части ея во единое политическое тело; престает междоусобие; позорныя узы неволи на выю утеснителей низвергаются; своевольный Новгород признает сообщество свое с Россиею, и сильное государство вступает на первую степень будущаго своего величия [Муравьев 1847, 2, с. 41].

Однако не каждый самодержец заслуживает власти. Муравьев, как и ранее Екатерина II, подчеркивал значение «любви подданных»:

Но к исполнению намерений Всеволоду не доставало сильнейшаго орудия: любви подданных. Сие испытал несчастный брат его, Игорь: ужасный пример народнаго мщения! едва на престоле, уже ненавистен жестокостью собственною и наглостью любимцев, низвержен Изяславом II Мстиславичем, влачим в темницу, пострижен, и при первом слухе, что князья черниговские вооружаются в его пользу, убиен неистовством народным [Муравьев, 1847, 2, с. 14].

Ср.:

Недовольно еще Государю самых блестящих дарований, ежели не приобрел он любви народа неусыпным попечением о благе онаго <…>. любовь народа есть превосходнейшее наслаждение Государей. Торжества, рукоплескания, безмолвие рабства повелеваются страхом; любовь заслушивается одною добродетелию [Муравьев 1847, 1, с. 277, 288].

При этом исключительно важно, что Муравьев, как и Екатерина, не рассматривал историю в отрыве от геополитических претензий[245]:

Не менее и на запад распространилась сила росийская. Владимир Волынский, Червен, Бельз, Перемышль, Теребовль, удел несчастнаго и храбраго Василька, Галич, сильное княжество, основанное потомством его у подошвы гор Венгерских, и котораго князья Владимирко, Роман и Мстислав имели толь сильное влияние на дела российския, – все сии области принадлежали к составу России, приобретенныя победами Владимира и Ярослава [Муравьев 1847, 2, с. 22].

Карамзин

Карамзин – придворный историограф, свой главный исторический труд он посвятил Александру I. При этом заняться научной работой он смог только благодаря ходатайству Муравьева[246]. Император не стал отказывать своему наставнику, и Карамзин получил чаемую должность.

Ситуация, впрочем, не была идиллической: как известно, Карамзин воспринимал планы реформ, предложенные Александром I и его соратниками, с изрядной долей скепсиса[247]. Свой идеал он видел в Екатерине II, которой

[245] См. также: «И еще две важные черты работ Муравьёва, особенно по истории России, – его острый интерес к геополитической ситуации, к тому пространству (и в общих чертах и в чертах и особенностях, его дифференцирующих), в котором развертывается эта история, и к ее центрам, будь то Киев или Новгород, Москва или Петербург (во-первых), и (во-вторых, как расширительное следствие первого) постоянный учет более широкого контекста, частью которого является Россия в разные эпохи ее существования, контекста государственно-политического, этноязыкового, культурно-исторического (народы степи, татары, греки и др. в ранний период; Литва, Польша, Швеция и др. – в более позднее время)» [Топоров, 2001-2007, 1, с. 749].

[246] В.Н. Топоров писал, что «известны полтора десятка писем Карамзина к Муравьёву», но что «письма Муравьёва к Карамзину, кажется, неизвестны» [Топоров, с. 760]. В ОПИ ГИМ тем не менее находим черновик письма Муравьёва к Карамзину. В нем он благодарил Карамзина за то, что тот любезно обошелся с Н.Н. Муравьёвым: «Милостивой Государь мой! Николай Михайлович! Напрасно стал бы я скрывать чрезвычайное удоволь-ствие, которое мне приносит каждое письмо ваше. Вы не можете сомневаться, чтоб я не умел ценить достоинств ваших и дружбы, которою мне оказывать изволили. Лестное для меня изъявление оной нахожу я в благополучнейшем приеме Николая Назарьевича. Он не может вспомнить без особливаго чувствования тех минут которыя препрововодил он в обществе вашем» (Черновое письмо-автограф Михаила Никитича Муравьёва к Николаю Мих. Карамзину // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Ч. 483 б. Л. 33). Кроме того, Муравьёв обещал «наведаться <...> о требуемой вам книге» (Там же. Л. 33 об.).

[247] Ср.: «Замысел “Истории” созрел в недрах “Вестника Европы”. Об этом свиде-тельствует все возрастающее на страницах этого журнала количество материалов по русской истории. Но “Вестник Европы” был изданием отчетливо публицистического свойства: он противостоял планам реформ, о которых платонически мечтали Александр I и его “молодые друзья”, и отстаивал программу сильной власти, твердого законодательства и народного просве-щения <...> В понятие самодержавия, которым, по мнению Карамзина, создалась и укрепилась Россия, для него не включались механизмы управления или

посвятил восторженный панегирик – «Историческое похвальное слово»[248]. О ней же он размышлял и в «Записке о древней и новой России». Для него екатерининская Россия – истинный и непреходящий образец для подражания[249].

Карамзин обратился к тем же идеологемам, что и Екатерина и Муравьев. Он тоже писал о древности русской истории

<…> славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы, – и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря [Карамзин 1816–1817, 1, с. 19].

По Карамзину, славяне жили на территории современной России «еще за несколько веков до Рождества Христова» [Карамзин, 1816–1817, 1, с. 31]. Он так же, как и Екатерина II с Муравьевым, рассуждал о древних славянских городах [Карамзин, 1816–1817, 1, с. 33–38].

Вослед Муравьеву и Екатерине Карамзин нарисовал идиллическую картину домонгольской русской жизни. Это время, когда государь, вельможи и народ жили в согласии друг с другом, когда процветали христианство и искусства, когда развивались города:

В XI в. Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною

борьба общественных сил. <…> Замысел “Истории” должен был показать, как Россия, пройдя через века раздробленности и бедствий, единством и силой вознеслась к силе и могуществу» [Лотман, 1997, с. 576-577].

[248] «Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами и благодетельными учреждениями. По этому простому и ясному чертежу Карамзин на нескольких страницах представляет полное обозрение ее царствования в картине, истинно великолепной» [Погодин, 1866, 1, с. 327].

[249] Ср.: «Вместо того чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденного опытом 34 лет и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени, вместо того чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом, исправлять по основательному рассмотрению, – советники Александровы захотели новости в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правила мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости, ибо одно время дает надлежащую твердость уставам <…>» [Булич, 1902, 1, с. 288].

дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать, и движением перста указывали ей путь к Воспору Фракийскому, или к городам карпатским. В счастливом отдохновении мира, Государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верю Христианскою, на берегах Днепра и Волхова явились искусства Византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними Немецкими. одним словом, Россия была не только обширным, но в сравнении с другими, и самым образованным Государством [Карамзин, 1861, с. 5].

Однако идеал остался в прошлом в тот момент, когда Россия разделилась:

<…> к несчастию, она (Россия. – А.И.) в сей бодрой юности не предохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы Германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. счастие и характер Владимира, счастие и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась [Карамзин, с. 1861, с. 5–6].

Разделение привело к междоусобицам. Так, например, Карамзин писал о том, что славяне могли бы захватить большую часть Европы, если бы были едины:

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием [Карамзин, 1861, с. 32].

И далее:

<…> до времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении, и даже изнуряли их войнами междуусобными [Карамзин, 1861, с. 44].

Об этом же шла речь в «Марфе Посаднице»:

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых

соседов или еще лютейших внутренних междоусобий <…>. Граждане новогородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду <…>. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого [Карамзин, 1803, с. 295–296].

Ср.:

Исчезло все могущество и благоденствие народа. открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу [Карамзин 1861, с. 6].

Поражение от монголов тоже было следствием раздробленности Руси:

<…> сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева [Карамзин, 1816–1817, 4, с. 16–17].

Как и Муравьев, Карамзин полагал, что особую роль в становлении русского государства сыграл Иван III. Именно он восстановил единовластие, а следовательно, привел страну к процветанию:

Россия около трех веков находилась вне круга европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия князей Московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги Ханского. Великодушный Димитрий победил Мамая, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюл единственно целость Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в Ханах; а внук не мог противиться горсти хищников Татарских, испил

всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением Уделов подвергнул Великое княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недре сокровенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной орды, подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорам, ни гордым султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целость России, губя Царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая Уделы, расширяя владения Московские до пустынь сибирских и Норвежской лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и Царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних [Карамзин, 1816–1817, 6, с. 324–326].

При этом исключительную роль в «воскрешении» Руси, по мнению Карамзина, сыграло православие:

<…> если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем Христиан и любили отечество как страну Православия [Карамзин, 1816–1817, 5, с. 361].

В результате Карамзин пришел к тому же выводу, что и Екатерина, и Муравьев: «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья…» [Карамзин 1861, с. 143].

Итак, историческая концепция Карамзина базировалась на трудах Екатерины II и Муравьева. Причем речь идет не только о целом ряде частных совпадений в интерпретации тех или иных сюжетов, но и о единой идеологической концепции, созданной на основе интерпретации исторического материала, опиравшейся на «триаду» православия, самодержавия, народности.

Глава V. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: лингвистика как идеология

Фридрих II – один из крупнейших политиков европейского Просвещения, влияние его на культуру Германии, а косвенно и других стран, трудно переоценить. За его проектами внимательно следили в Петербурге: Екатерина II, познакомившаяся с королем Пруссии еще в юности, на протяжении всей жизни конкурировала с ним за звание «главного просветителя» на троне и не раз с ним полемизировала.

История этого противостояния пока не написана, однако некоторые, как нам представляется, центральные сюжеты конкуренции монархов в культурном поле мы уже наметили в прежних работах. Так, нам приходилось писать о том, что, создавая свой знаменитый «Наказ», императрица оппонировала, в частности, Фридриху II (Ивинский 2023). Программа журнала «Собеседник любителей российского слова» (1783–1784), который должен был, по замыслу императрицы, перестроить придворную словесность, строилась во многом на отталкивании от галломании Фридриха II. король, как известно, даже собственные сочинения – конечно, не без помощи Вольтера – писал по-французски, немецкий же он третировал как язык «варварский», недостойный развитого человека. Екатерина II же, напротив, выдвинула идею литературы, которая, с одной стороны, впитывала бы ключевые идеи современности, а с другой – не забывала бы о национальных корнях – истории и языке, поэтому в «Собеседнике» декларировался отказ от публикации переводных сочинений. Таким образом, Екатерина II свой «национальный» проект развития культуры противопоставила «космополитизму» прусского короля, что, повторим, не означало отказа от достижений французских или немецких писателей и философов (об этом подробнее см.: Ивинский 2012).

В центре данного проекта Екатерины II – языковая программа, представлявшая собой сложный синтез тех идей, которые впоследствии

повлияли и на Шишкова, и на Карамзина, а позднее ассоциировались со славянофилами и западниками (Ивинский 2012).

Если история екатерининских лингвистических штудий в общих чертах известна, то до сих пор оставалось неясным, каким образом ее проект эволюционировал и в каком виде он «перешел» в XIX в. В данной работе мы остановимся на одном специальном сюжете.

В центре нашего внимания будет М.Н. Муравьев, оказавшийся своеобразным посредником между двумя поколениями русских писателей и филологов. Насколько мы можем судить, если бы не внешние обстоятельства, Муравьев не обратился бы к этим сюжетам. Изначально он должен был решить вполне прагматическую задачу – выстроить преподавание языка и словесности для великих князей Александра и Константина Павловичей. для этого он написал серию статей, которая практически не привлекала внимания исследователей. Возможно, их отталкивала «вторичность» сочинений Муравьева – даже В.Н. Топоров в большом исследовании, посвященном Муравьеву, ограничился самыми краткими характеристиками его филологического наследия и пространными цитатами из заметок писателя (Топоров 2001–2007, 1: 778–790). однако именно эта «вторичность», с нашей точки зрения, заслуживает самого пристального внимания. Не претендуя на оригинальность, Муравьев в своих «педагогических текстах» структурировал разрозненный материал екатерининских трудов, дополнил их собственными примерами и в итоге способствовал интеллектуальному оформлению лингвистической концепции императрицы, а следовательно, и всего ее культурного проекта. Отметим, что одновременно с этим Муравьев, по сути, сходным образом работал с историческими трудами Екатерины II. Обратившись к ее «Запискам касательно российской истории», он сократил и структурировал данный текст таким образом, чтобы его легко могли усвоить венценосные ученики. Вместе с тем он не стремился к упрощению или сглаживанию противоречий: исторические заметки Муравьева могут и, по-видимому, должны оцениваться как самостоятельные работы, которые, в свою

очередь, в ключевых – идеологических – моментах повлияли на Н.М. Карамзина, в этой перспективе оказавшегося наследником императрицы и Муравьева (об этом подробнее см. выше).

Таким образом, муравьевские лингвистические и исторические сочинения, с одной стороны, ретроспективно помогают выявить важнейшие черты екатерининского имперского проекта, а с другой – прочерчивают линию идеологической преемственности от Екатерины II к Карамзину, а через него и к В. А. Жуковскому и К.Н. Батюшкову. О значимости данных текстов свидетельствуют по крайней мере два факта. Во-первых, Муравьев, как хорошо известно, практически не публиковался, исключение же он сделал в 1796 г. именно для своих «педагогических» произведений [Муравьев, 1796]. Во-вторых, не случайно Карамзин уже после смерти Муравьева подготовил к печати не лирику или драматургию своего старшего современника и отчасти покровителя, а исторические и филологические заметки, собрав их в два тома «опытов истории, словесности и нравоучения» [Муравьев, 1810]. Приведем небольшую цитату из предисловия к данному изданию:

> Говорить ли о редких знаниях покойника? Все главные произведения разума человеческого, древние и новые языки, науки исторические, умозрительные и естественные были ему известны. В последние годы жизни, пользуясь справедливою доверенностию Монарха, им обожаемого, и будучи обременен делами по Государственной службе, он не оставлял без внимания ни одной хорошей книги, выходившей в свет на каком-нибудь языке европейском. страсть к учению равнялась в нем только с страстию к добродетели [Муравьев, 1810, 1, с. 2–3].

Затем Карамзин, Жуковский и Батюшков выпустили собрание сочинений Муравьева в трех томах [Муравьев 1819–1820], в этом издании также проза безусловно доминирует над поэзией, а «дидактика» – над изящной словесностью. Таким образом, ближайшие соратники и ученики создавали в первую очередь образ Муравьева-учителя и «теоретика», в меньшей степени – «чувствительного» прозаика, поэт же оказался вытеснен на периферию.

Проблеме литературного языка вообще и русского языка в частности посвящен целый ряд сочинений Муравьева. Ключевой текст, с нашей точки зрения, – «Предпочтение природного языка». В данной заметке он анализировал немецкий опыт культурного развития и вослед Екатерине II критиковал Фридриха II за «вредное предрассуждение», за то, что тот предпочитал родному языку чужой:

Перемена в рассуждении Немецкого языка была столь быстра и внезапна, что великий Фридрих, воспитанный во вредном предрассуждении против своего природного языка, не мог быть переуверен в том что современные с ним стихотворцы и писатели Немецкие не имеют уже ничего общего с педантами, которые им предшествовали. Напрасно славный Министр его Герцберг, с которым он иногда забавлялся от Государственных дел снисходить к предметам вкуса и умствования, старался ему доказать доводами, что презрение его к отечественному языку несправедливо: Фридрих Великий предпочитал французский язык своему природному [Муравьев, 1796, с. 36–37].

Отметим несколько деталей. Во-первых, равнодушие Фридриха II к своему языку здесь объяснялось презрением к «педантам», к тем писателям, которые оказались вне утонченной придворной культуры, строившейся по французским моделям. Во-вторых, такое отношение к национальной культуре признавалось предрассудком, человеку же, который выбирал подобный путь, отказывали в способности слышать «голос разума», чьим носителем в данном случае оказался министр Герцберг (об отношении к нему Екатерины II см. выше).

С точки зрения Муравьева, главная ошибка Фридриха II заключалась в том, что он не понял или проигнорировал «механизм» конструирования литературного поля. Прусский король был противопоставлен Людовику XIV, который, напротив, отдавал себе отчет в том, что великая литература возникает тогда, когда власть покровительствует писателям. Последние же, став «частью» двора, и должны были создать блестящий литературный язык. Таким образом, Муравьев воспроизвел в данной заметке классическую

концепцию придворной словесности, где монарх – ключевой игрок, а одновременно и арбитр, который, покровительствуя поэтам, то приближая одних, то отталкивая других, создавал ту достаточно гибкую модель, что обеспечила обновление литературного языка и привела к культурной гегемонии Франции: он (Фридрих II. – А.И.) не принимал во уважение, что и французский язык достиг сего сияния в столетие Лудвига <sic> XIV по большой части помощию сильного покровительства, которым Монарх сей удостоивал великих писателей. Расин и Буало, приняты в отборное его общество, последовали ему в сияющих его походах или увеселительных поездках. корнелий, на одре смерти, испытывал доказательства благоволения его. Часто Мольер читывал ему еще не оконченные свои комедии и между тем как лицемерие и безрассудное мщение хотели похитить торжество его, запрещением играть Тартюфа, оскорбленный живописец сердца, отряжал одного из товарищей своих во Фландрию, в лагерь Лудвига Великого, с прошением защитить бессмертное его произведение. Победитель Монса и Намюра не почел ниже себя попечение покровительствовать дарованию, которое делало честь веку его и может быть будущим [Муравьев, 1796, с. 37–38].

В трактовке сложных взаимоотношений Людовика XIV и Мольера Муравьев также следовал концепции Екатерины II, сформулированной в «Собеседнике»: власть покровительствует поэтам, которые затем прославляют монарха и сохраняют его имя в вечности [Ивинский 2012].

При этом Муравьев подчеркивал диалектическую природу этого процесса. Литература, созданная двором, в результате изменила сам высший свет – «приятность» и «легкость» общения стали обязательными свойствами «честного человека»: кроме сих великих писателей, не было придворного человека, благородной женщины, которые не умели бы изъясняться с приятностию и не полагали в числе отличений своих преимущество хорошо говорить и писать на природном языке своем. Многия дамы, украшение пола своего, перенесли природные и неподражаемые приятности разума своего в

сочинения повидимому легкие и нетщательные, но к которым не может подделаться ни какое искуство. Госпожа севинье лафаиет и другие оставили образцы писания. Уединенной ученой не может охватить сии нежные обороты языка, которое употребление общества посвещает. Прилежание и рассеяние попеременно способствовали к обогащению языка толь многими приятностями, что он внесен почти в число классических языков европы, прежде нежели перестал быть, равно с древними, ежедневным употреблением народа [Муравьев 1796, с. 38].

Итак, Муравьев полагал, что Фридрих II совершил двойную ошибку: с одной стороны, предпочитая чужой язык, он тормозил развитие своего, а с другой – и на самом деле это гораздо более серьезная проблема – прусский король поставил под сомнение саму возможность эволюции придворного общества, а следовательно, и всей национальной культуры. Напомним, кстати, что Муравьев тоже печатался в «собеседнике» (Собеседник, 1783-1784, 1: 157; 2: 130). Ели же это так, то имплицитно высказывалось сомнение в обоснованности претензий Фридриха II на звание просвещенного государя. В подтексте же – очевидная мысль, что Екатерина II, в отличие от Фридриха II, усвоила опыт Людовика XIV и последовательно обновляла русскую культуру, учитывая и корректируя французскую модель. При этом нам приходилось уже писать о том, что именно императрица в «Собеседнике» противопоставляла «педантам» придворных писателей, которых отличали «при ятство» и «легкость», она же ориентировалась на дамскую аудиторию; таким образом, смягчение нравов и развитие словесности оказались в едином контексте конструирования монархом подлинной светской культуры (об этом мы подробно говорили в Ивинский 2012).

Свою аргументацию Муравьев развил в статье «Взгляд на историю писмен». он писал о том, что вопрос о литературном языке выходит далеко за рамки изящной словесности и прямо характеризует уровень развития государства:

Язык сообразуется всегда со степению просвещения, которой достиг народ его упопребляющий. Недостаточен, груб, без красоты и согласия у диких, он заключает столько слов, сколько народ знает нужд и ощущений. Медлительное последование времени расширяет округ понятий и обогащает язык новыми выражениями. одни сильные и знаменитые народы говорили прекрасными и обильными языками, которые пережили и падение своих народов, увековеченные в книгах великих писателей. Таковы суть языки Греческой и латинской, которые составляют услаждение людей изящного вкуса и дарований и сохраняют образцы писания для всех языков и столетий
[Муравьев, 1819–1820, 3, с. 169].

Как и Екатерина II ранее, Муравьев связывал язык и репутацию национальной культуры на международной арене, проще говоря, без изящных «писмен» монарх не может рассчитывать на место в когорте подлинно просвещенных государей. Во «Взгляде на историю письмен» Муравьев, в частности, писал, что цветущее состояние письмен всегда встречается с знаменитейшими периодами Государственного могущества. Язык только тогда приемлет на себя знамение прекрасного и выработанного языка, когда разум и вкус народа достигли вышней степени изящества, тогдао статусе литературного языка же становится он и предметом Государственного внимания. Приобретая более гибкости и выражения, слово наполняется всеми оттениваниями мысли. Изображаемая чувствительными и последовательными знаками, мысль выражается сильнее и богатее. Взаимным слиянием слово и разум достигают вместе последней черты совершенства [Муравьев 1819–1820, 3, с. 170–171].

Муравьев в данном случае переформулировал ту мысль, которую мы уже разбирали выше: состояние национальной литературы говорит в первую очередь об уровне развития страны. Чем больше писателей и чем ярче их сочинения, тем выше престиж монархии. литература и власть оказались объединены едиными целями в рамках имперского проекта.

При этом «французская модель» не предполагала слепого копирования: и Муравьев, и екатерина II описывали русский имперский проект в контексте

translatio studii. Муравьев отказывался видеть в античности исключительно и только притягательный и, по определению, недостижимый идеал «златого века». Напротив, для него история человечества – это опыт борьбы с «невежеством» и «грубостью», поэтому даже древняя Греция должна была пройти определенный путь культурной эволюции, который только со временем привел греков к литературным шедеврам. об этом Муравьев подробно написал в заметке «Рождение писем»:

Кадм принес азбуку в Грецию. страна сия, навсегда любопытная для человеческого разума, чувствительно изникала из дикости, по мере как превосходные люди, прославленные ею под именем Героев, Орфеи, Амфионы, Лины, Мусеи, сообщали народу, посредством сладостных стихов, величественные понятия мудрости. Первые мудрецы и богословы еллинские были стихотворцы. Прежде было обольщаемо воображение, нежели убеждаем разум. Мудрецы замыкали в кратких стихах правила нравоучения. Притчи, иносказания которых изобретатель Есоп известен поздному потомству, сокрывали полезные истины под видом вымысла. Греция ознаменовывает себя между тем блестящими предприятиями. Поход аргонавтов и еще более война Троянская возвеличивает дух общественной. Восстает бессмертный разум Гомеров, коего слава умножается своею древностию. Гезиод, соревнователь его, дает наставления земледелию. Является в Афинах великое позорище Трагедии. Целый народ, самый просвещеннейший в Греции, приходит поучаться мудрости в творениях Есхила, Софокла и Еврипида [Муравьев 1796, с. 43–44].

Кадм – один из важнейших героев исторической концепции Муравьева, именно с ним тот сопоставил Владимира. киевский князь в культуре России сыграл ту же роль, что и Кадм – в греческой:

Кадм, один из героев пришельцов, просветивших дикую Грецию, принес из Финикии первые письмена в оную. Тридцать веков спустя, Владимир святой и великий заимствовав от Греков православную веру, присвоил и начертания письмен их Российскому языку. Таким образом изобретения разума преемлются столетиями и путешествуя по вселенной с одного края на другой с торговлею, войною, переселениями народными, служат целому человеческому роду [Муравьев 1819–1820, 3, с. 172].

Но если «изобретения» «путешествуют» «по вселенной с одного края на другой», то Россия оказывается «равной» Франции или любой другой державе, ведь все они когда-то получили первичный импульс к культурному развитию, заимствовали что-то у соседей, а значит, не имеют права на сколько-нибудь уникальный статус. очевидно, этот вывод мог экстраполироваться на большую политику, в которой «равноправие» на международной арене открывало перспективы для самой широкой экспансии. При этом сразу отметим, что русский язык в этой специфической перспективе оказывался «наследником» финикийского, а следовательно, по определению, должен был признаваться если не более древним, чем современные европейские, то по крайней мере столь же древним. Эта мысль очевидным образом восходила к «имперской этимологии» Екатерины II (об этом см. выше).

Муравьев исходил в своих построениях из классической идеи неразрывной связи translatio studii и translatio imperii, поэтому история культуры для него – это во многом история империи. В статье «Успехи человеческого разума» он набросал краткий ее очерк. Важнейший этап в развитии западной культуры – экспансия Рима:

Просвещение возрастало всегда с успехами народных обществ и служило к соединению и возвеличению человеческого рода, так, что не можно совершенно отлучить перемены гражданские от судьбы Наук. <…> Греки сохраняют над покорителями своими сие влияние, которое дает превосходство просвещения. Их Философия и писмена распростираются по вселенной с оружием Римлян. Во время Августово человеческий разум достигал вторично высоты своего совершенства [Муравьев, 1819–1820, 3, с. 180–181].

Падение Империи привело к торжеству варварства, «дикости» и «свирепства», перед нами традиционная картина «темных веков»:

Империя Римская рушилась огромностию и веками развращения. Северные варвары ниспровергли ее и раздробили области. Готфы, Алане и Гунны, принесли из пещер и пустынь своих дикость и свирепство. Просвещение было везде подавлено, разум ожесточен

и презрен. Всеобщее нещастие, соединяющее все ужаснейшие бедствия, опечалило землю. Медлительно утихали сии громления, преставали взаимные нашествия, векам должно было уврачевать приключенное зло [Муравьев 1819–1820, 3, с. 181].

Возрождение империи и античной культуры произошло в «итальянских областях», важнейший признак ренессанса – «открытие» Вергилия:

Между тем торговля Италиянских областей, возбужденная предприятиями благочестивых завоевателей, ввела некоторый вкус роскоши, который отменно благоприятен искуствам. около того же времени, открытие Римских прав в Амалфи обратило к ним любопытство ученых, и подало Государям новый способ ограничить власть сильных Вассалов: ибо важнейшие судебные дела были с того времени решимы в Государственных судилищах, составленных не из военных людей, но из гражданских законоведцов. В сем спокойствии, которое следует за долговременным волнением, нравы приобрели некоторую степень возвышения, и усыпленный разум человеческого рода стал чувствительно пробуждаться. Писания великих творцов Августова века были извлечены из праха, в котором сокрывались оные, и Петрарк с благоговением читал Виргилия ([Муравьев, 1819–1820, 3, с. 183]; об отношении Муравьева к Вергилию см. выше).

Таким образом, классическая филологическая эрудиция, с точки зрения Муравьева, – знак принадлежности страны к великой культуре: условно говоря, без Вергилия невозможны ни подлинное развитие, ни сильная империя. однако изучение «писаний» «великих творцов Августова века» требует серьезной подготовки. Поэтому не случайно, что Петр I, создавая Российскую империю, понял, что военные или экономические успехи невозможны без реформы образования. В статье «Воспитание» Муравьев, с одной стороны, связал петровский, а значит и екатерининский, проект с карлом Великим, а с другой – показал, какой сложный путь прошла Россия от первых училищ и академии наук до Московского университета, от Миниха до Шувалова:

Карл Великий основывает академию в собственных чертогах своих и как член оной старается об исправлении языка своего. Россия никогда не была чужда письмен, по причине сообщения своего с Грециею. Петр Великой призвал в пределы ее искуства и науки. По его слову, юные дворяне Российские рассыпались по всем странам Европы для перенесения, по примеру Государя своего, какого нибудь знания в Россию. от предводителя воинств до ремесленника все были сотворение его. открылись училища в полках; Академия наук от него приняла устав свой; Морская академия давала ему мореходцов. В 1732 году славной Миних основал кадетской корпус. Елизавета Петровна по предстательству И.И. Шувалова учредила Московской университет в 1754 году [Муравьев 1819–1820, 3, с. 202].

При этом, как видим, Муравьев снова вернулся к мысли, которая нам уже хорошо знакома: Петр I, как и карл Великий, старался «об исправлении языка своего». Более того, Россия обязана своей культурой Греции, а значит, претендует на особое место на карте европы, ей не нужны «посредники» в постижении ключевых культурных смыслов, она их получила напрямую.

Итак, языковая концепция Муравьева в ключевых положениях обнаруживает прямую зависимость от трудов Екатерины II и сводится к следующему. Во-первых, просвещенная империя обязана заниматься развитием национального языка и культуры, опыт Фридриха II признан ошибочным и тупиковым. Во-вторых, русский язык и русская культура могут строиться только при покровительстве монарха и в рамках придворного общества, которое должно тонко балансировать на грани «своего» и «чужого», «светского» и «ученого». В-третьих, русская культура была названа наследницей и преемницей Финикии, Греции и империи карла Великого, а следовательно, она входит в ограниченное число великих держав, которым, по определению, суждено вершить судьбы мира. В этой связи особое значение приобретает изучение языков – не только «своих», но и вообще всех: идеология империи требует всей полноты знания о мировой культуре. В данном контексте обретает подлинный смысл работа по созданию «Всеобщего словаря всех языков».

Заключение. Муравьев – писатель и идеолог екатерининской эпохи

Проведенное исследование было направлено на реконструкцию и интерпретацию культурно-исторической роли М.Н. Муравьева в системе екатерининского культурного проекта, а также на описание механизмов, посредством которых литература, как оригинальная, так и переводная, а также драматургия, исторические и лингвистические тексты включались в практики культурной политики последней трети XVIII века. Итоговая логика работы опиралась на принцип «тексты – институты – коммуникации»: анализировались художественные и переводные сочинения, эпистолярные комплексы и рукописные материалы, а также социальные и административные контуры, в которых Муравьев действовал как автор, посредник и идеолог.

Сформулированная в диссертации проблематика требовала преодоления нескольких устойчивых ограничений историографии. Во-первых, Муравьев традиционно рассматривался либо в узколитературном ключе (поэтика, жанровые опыты, перевод), либо как «биографический эпизод» в сюжетах о Карамзине, Львове, Державине, университетской среде и т.д. Во-вторых, источниковая база по Муравьеву на протяжении длительного времени оставалась ограниченной: рукописи и письма рассредоточены по архивохранилищам, как следствие, многие контексты оставались непроясненными. В-третьих, институты екатерининской эпохи — журнальная среда, переводческие инициативы, театральная реформа, академическая публичность, придворные механизмы протекции – нередко описывались изолированно, тогда как в реальности они образуют связанную инфраструктуру культуры. Именно на уровне этой инфраструктуры и выявляется специфическая роль Муравьева как своего рода «точки сборки» различных линий культурной политики.

Главным итогом исследования стало уточнение концепции Муравьева как фигуры, одновременно принадлежащей литературному полю и государственно-административной среде и действующей на стыке нескольких культурных практик: эстетической (поэт, переводчик, автор драматургических

произведений), институциональной (участник и адресат университетских и академических инициатив, посредник между авторами и учреждениями), идеологической (создатель и транслятор историко-политических и лингвистических нарративов). Рассмотрение Муравьева в этой трехмерной перспективе позволило не только уточнить некоторые детали его биографии, но и реконструировать устойчивые практики – выбор жанров, модели письма, стратегии самоописания, принципы чтения и перевода, формы коммуникации, типы «служения» культуре, – которые делают его показательным представителем екатерининского проекта модернизации.

Первая глава посвящена нескольким большим сюжетам. Во-первых, мы проанализировали письма Муравьева к родным. Литературная деятельность Муравьева, теснейшим образом связанная с литературной политикой Екатерины II, осуществлялась им в постоянной соотнесенности с несколькими сферами его жизни, которым он придавал исключительное значение: семейной, дружеской, литературной, служебной. «Домашняя» переписка Муравьева воссоздает историю его взаимодействия со всеми этими контекстами и при этом позволяет различить множество лиц, в той или иной степени влиявших на его жизнь.

Представители клана Муравьевых, помимо отца Н.А., сестры Ф.Н. и ее мужа С.М. Лунина, это в первую очередь Захар Матвеевич, Александр и Николай Федоровичи Муравьевы, Иван Матвеевич Муравьев мл. (Апостол), дядюшки Матвей Артамонович ст. и Матвей Артамонович мл.; из дальних родственников – тесть Муравьева Ф.М. Колокольцев, приятель Державина, и др. Дружеский круг: в особенности В.В. Ханыков, и Н.Р. Рожешников. Литературные, театральные и ученые круги: В.Е. Адодуров, П.А. Алексеев, С.И. Антонов, М.И. Афонин, А.А. Барсов, И.Ф. Богданович, А.А. Волков, Г.Р. Державин, С.Е. Десницкий, И.А. Дмитревский, С.Г. Домашнев, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, Я.Б. Княжнин, В.И. Майков, Н.А. Львов, Н.П. Николев, Н.И. Новиков, В.П. Петров, М.И. Попов, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков и П.М. Херасков, Д.И. Хвостов, Х.А. Чеботарев. Служебный и придворный круг,

отчасти пересекавшийся с литературным: великие князья Александр и Константин Павловичи, Я.И. Булгаков, И.И. Мелиссино, Л.А. Нарышкин, Я.Е. Сиверс, М.Ф. Соймонов, И.Г. Чернышев и мн. др.

Публикуемые в приложениях более 500 писем Муравьева к родным (Приложение 1) и к Д.И. Хвостову (Приложение 3) позволяют (с учетом писем, напечатанных нашими предшественниками) достаточно полно воссоздать его среду, интересы, историю формирования литературных, общественных и служебных, отчасти придворных связей и в этом смысле могут рассматриваться как основа для его научной биографии. Возможность обнаружения еще неизвестных писем, разумеется, не исключена, однако вряд ли их количество будет столь значительным.

Лакуна, которую нам не удалось заполнить – это ответные письма родных к Муравьеву; в настоящее время нам известны только два письма его сестры (Приложение 2). Их поиски должны быть продолжены.

Литературная позиция Муравьева отличалась удивительной сложностью. Ее становление происходило в ситуации конкуренции культурных моделей. С одной стороны, сохранялся нормативный статус высокой риторической культуры (торжественная ода, поэма, трагедия), с другой — росло значение «разговора», светской беседы и частной коммуникации, в которой возникла новая публичность: репутация создавалась через сеть знакомств, отзывов и рекомендаций, круг чтения и эпистолярные практики. При этом Муравьев стремился к полноте освоения европейской и русской литературной традиции, а не к избирательности, к примирению, там где это возможно и к избеганию крайностей, а не к борьбе, к новаторству, но не к демонстративному и страстному, а к последовательному, спокойному, чуждому «наружного шума». Муравьев внимательный и доброжелательный читатель, готовый восхищаться красотами чужих произведений, но при этом умевший сохранить собственное лицо и никогда не подчинявший собственные искания чужим программам и мнениям. Он прежде всего классик, но открытый экспериментам и способный заглядывать в будущее, блестящий

знаток ломоносовской одической техники и несомненный поклонник Ломоносова, но при этом способный выходить за пределы его системы, осуществляя игровую переработку классической одической поэтики. Выдающийся знаток Горация, Овидия, Вергилия, он был открыт влиянию Вольтера, но не подражал ему, а учитывал его произведения, создавая собственные, не сводимые к вольтеровским слогу и даже тематике.

Основная особенность его литературной деятельности – привычка многократно возвращаться к уже завершенным или только начатым сочинениям, дописывать, переписывать, править и при этом не торопиться их печатать. В результате в рукописях осталась бОльшая часть его произведений; наши разыскания с очевидностью свидетельствуют о необходимости подготовки нового собрания стихотворений Муравьева, в которое войдут не только неизвестные редакции уже напечатанных текстов, но и множество новых. Важнейший источник последних – «Записная книга» Муравьева (ОР РГБ), которая содержит десятки только неизвестных произведений поэта, без учета которых заниматься обсуждением общих концепций творческой эволюции Муравьева невозможно. В общей сложности речь идет более чем о 500 текстах, относящихся к раннему периоду литературной деятельности Муравьева (1771-1780) и о позднейшей правке, дающей часто не только варианты, но и новые редакции ранних произведений, причем по большей части не датированные, что усложняет анализ. Обращение к данному источнику позволило нам, в частности, выстроить циклы стихотворений, обращенных к И.П. Тургеневу (к двум ранее известным текстам мы добавили еще два) и к А.М. Брянчанинову (в т.ч. обнаружены два обращенные к нему «сонеета»). Эта «Книга» должна быть опубликована фототипическим способом: с учетом всего сказанного мы вправе рассматривать ее как уникальный опыт поэтического «журнала»: именно так Муравьев называл свои рукописные тетради.

Та часть литературного наследия Муравьева, которая введена в научный оборот в настоящей диссертации и размещена в приложениях, позволяет сделать следующие выводы.

«Новые лирические опыты» строились как опыт иронического (но не дискредитирующего) переосмысления русской одической традиции, пародийное переосмысление возможностей жанра, в основе которых лежат литературная игра и стилизация, тяготеющие к широко понимаемой культуре светского острословия. Каждая ода была посвящена какому-то поэту, «классику» или современнику; он мог быть упомянут в заглавии или указан в тексте, а мог остаться неназванным, но в этом случае обыгрывались легко узнаваемые приемы его стиля и особенности образности; делалось это вполне прямолинейно и даже нарочито – настолько, что минимально подготовленный читатель не мог не узнать адресата такой игры. Первая ода была посвящена В.И. Майкову, вторая затрагивала Ломоносова, третья (ранее не печатавшаяся) – В.П. Петрова, четвертая – М.М. Хераскова, пятая была посвящена И.И. Хемницеру, шестая – И.А. Дмитревскому, седьмая (также не публиковавшаяся до сих пор) – Н.А. Львову.

Разрешение кризиса оды, оформившегося к рубежу 1760–1770 гг., обычно связывают с именем Г.Р. Державина, «Фелицу» которого называли «новым типом произведения» (Гуковский,1999, с. 355), «неслыханным новшеством» (Серман 1967: 56), «до неузнаваемости преобразившем жанр» (Алексеева 2005, с. 358), а «читатели должны были воспринимать [ее] как обновление поэтического языка» (Клейн 2010, с. 304). Как представляется, эта точка зрения требует уточнений. Дело в том, что изменение статуса оды стало возможным лишь после формирования новой концепции литературного творчества, а в этом контексте «Фелица» Державина предстает не изолированным «неслыханным новшеством», а практической реализацией принципов, широко обсуждавшихся в журналах именно рубежа 1760–1770-х гг. Новая ода возникла на основе новой литературной программы, выработка которой заняла около пятнадцати лет; важнейшую роль в этом сыграли

Екатерина II и редакции ее журналов «Всякая всячина» и, много позже и уже подводя итоги, «Собеседник любителей российского слова». Муравьев отреагировал на эти изменения еще в середине 1770-х, понимая все ограничения классической оды, искал свой путь. Своеобразие этого пути заключалось в том, что он явно симпатизировал Ломоносову и сторонился Сумарокова; этим, по-видимому, нужно объяснить майковский «Сонет к Михаилу Никитичу Муравьеву» и «ответ» Муравьева в «Новых лирических опытах». Обыгрывая в «Новых лирических опытах» приемы известных авторов, Муравьев, вообще говоря, демонстрировал свое литературное мастерство и предъявлял претензию на роль большого поэта, а вместе с тем подчеркивал необходимость обновления жанра за счет отказа от шаблонов, опираясь, как мы пытались показать, на «русские оды» Вольтера. Но до прямой критики он не снисходил, ориентируясь на амплуа светского человека, чуждающегося педантства и потому ограничивающегося шуткой, поэтической шалостью.

Одно из ключевых мест в ряду тех произведений Муравьева, которые раскрывают его литературную позицию, занимает стихотворение «Живописец» (1778). Мы вводим в научный оборот новые источники текста, сопоставляем их с уже известной редакцией и приходим к выводу о возможности датировки новых 1775 (ОР РГБ) и 1778 (ОР ИРЛИ) г. В результате мы получили возможность, опираясь на три автографа (третий был опубликован Л.И. Кулаковой), реконструировать смысл пьесы. В «Живописце» рассматривается проблема «художник и власть»; модель покровительства обсуждается как благодетельная и при этом не противоречащая горацианскому идеалу спокойной жизни на лоне природы. Перед нами не «сатира», как считала Л. И. Кулакова, а программный текст, обосновывающий толерантность к придворной этике. Художник сохраняет память о славе царей, но его место за холстом, а не во властных коридорах. Гармония понимается в соответствии с этой позицией: у каждого в придворном мире своя роль, и нет необходимости выходить за пределы своего

социального амплуа, обладающего собственными достоинствами и возможностями.

Во второй главе мы показываем, что переводческая деятельность Муравьева – ключ к пониманию его участия в культурной политике эпохи. Перевод выступает двояко: как эстетическая школа и как институт. Если в эстетической перспективе перевод позволяет Муравьеву «настроить» собственное письмо на европейские образцы (античность, французская и немецкая поэзия, итальянская традиция), то в институциональной перспективе перевод встраивает автора в государственные и академические инициативы, связанные с производством канона.

В диссертации показано, что выбор переводимых авторов и сюжетов у Муравьева мотивирован не только личным вкусом, но и «идеологической полезностью» материала: идеальный государь, гражданская добродетель, моральный выбор, образец поведения – вот сюжеты, которые его волновали. В этой связи ключевое значение приобретает впервые рассмотренный нами и полностью опубликованный в настоящей диссертации (см. Приложение) труд Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» (ОПИ ГИМ), созданный им, вероятно, в 1768-1770 г. Этот труд, как мы пытаемся показать, представляет с собой перевод, выполненный с одного из французских издания биографии Эрнста Саксонского, написанной Антуаном Тессье. В число мотиваций Муравьева входило стремление откликнуться на современные ему политические процессы в России, синхронизированные с литературными: издание «Наказа», начало работы «Уложенной комиссии» сопровождалось формированием широкого поля русской литературной журналистики. Соответствующим образом, параллели между Эрнестом и Екатериной II не только не могли бы никого удивить, но и оказывались в высшей степени уместными. В частности, это относилось к теме образования и просвещения (их значение Муравьев подчеркивал вслед за Ломоносовым), а также к теме принципов формирования политической и культурной элиты (меритократия). Мы полагаем, что Муравьев учитывал и

интерес Екатерины II и части ее Двора к роману Мармонтеля «Велизарий», по многим отношениям перекликавшийся с книгой Тессье об Эрнесте.

Это позволяет интерпретировать перевод как технологию культурной педагогики, характерную для просветительской монархии. При этом перевод сохраняет эстетическую автономию: он не сводится исключительно и только к дидактике, а задает формы чувствования и художественной убедительности.

Особое место в творческом наследии Муравьева занимают его переводы из древних и новых авторов. Данный материал должен обсуждаться во всей его полноте и многообразии: здесь представлены поэзия и проза, лирика (оды) и лиро-эпика (басни), «высокие» жанры (поэмы) и «низкие» (эпиграммы). Муравьевский образ Античности прихотливо соотносился с его пониманием особенностей истории русской литературной культуры: условием развития последней оказывалась ее готовность и способность творчески адаптировать наследие европейской Древности. Муравьев переводил из Анакреона, Бабрия, Гомера, Горация (в особенности), Вергилия, Каллимаха, Катулла, Лукана, Лукреция, Марциала, Овидия (видимо, для Муравьева второй по значению древний поэт после Горация), Федра (мы публикуем около 30 не печатавшихся ранее переводов Муравьева разной степени завершенности).

Выяснилось, что переводы Муравьева из древних авторов в полной мере очерчивают границы и возможности его «классицизма», что эти переводы свидетельствуют не только о попытках Муравьева учиться у древних, но и о его стремлении творить в заданной ими великой культурной парадигме, непреходящее значение которой он, конечно, никогда не ставил под сомнение: даже испытывая ее возможности, он не собирался от нее отказываться. Далеко не всегда разумно настаивать на существовании четкой границы между стилем переводов и переложений Муравьева и его оригинальных сочинений. Более того, вопрос о его оригинальности может быть поставлен только условно: речь идет о сочинителе, в литературном сознании которого древние поэты постоянно присутствовали и постоянно же перекликались с новыми, а эти новые в свою очередь «оглядывались» на древних, и по отношению к этим

«оглядкам» Муравьеву также нужно было самоопределиться. Итак, его собственные литературно-эстетические поиски осуществлялись «по старой канве», а их содержанием становилось усвоение оптимальных или по крайней мере возможных форм подключения к традиции.

Поэты Нового времени всегда воспринимались Муравьевым на фоне Древности; в их литературной деятельности спектр возможностей собственного творческого самоопределения. Из итальянских поэтов внимание Муравьева привлекли Тассо, Триссино, де ла Каз, Метастазио, из немецких – Гагедорн, Э. фон Клейст, Брентшен, Брокес, К.М. Виланд, А. фон Галлер, Кельгрен, Уц, П. Флеминг, И.Э. Шлегель, из английских – Мильтон, Томсон, Поуп, Шеридан, Шекспир, из испанских – Кеведо. На первом плане всегда оставалась французская литература, в т.ч. Буало (соотносимый и совместимый с Горацием), Корнель, Расин (мы приводим переведенное Муравьевым начало «Федры»), Вольтер, а также Малерб и Ж.Б. Руссо. Связь Муравьева с традицией классической европейской поэзии осталась непоколебленной до конца его жизни, а авторитет Буало, которого Муравьев много и постоянно переводит, – незыблемым.

В сущности, Муравьев создает своего рода многоязыковую и многожанровую «энциклопедию» европейской литературной культуры, единство которой обеспечивается ее «классицизмом», отказ от которого был бы равнозначен ее рассыпанию или во всяком случае необратимой деградации. Муравьев знает, что высшая образованность подразумевает способность светского человека, далекого от «педантства», но не желающего прослыть невеждой, способность к свободному взаимодействию с пространством европейской культуры хотя бы на минимально допустимом уровне. Из этого вытекает необходимость погружения в это пространство, его изучения и развитие способности понимания его высших достижений, что за пределами «классицизма» невозможно. По этой причине переводы мыслятся Муравьевым не как более или менее необязательное «дополнение» к

собственному оригинальному творчеству, а как его фундамент, незыблемое основание или даже просто как его важнейшая часть.

Перевод в екатерининскую эпоху являлся практикой социального различения: владение языками и способность работать с каноном маркируют принадлежность к образованной элите. Муравьев выстраивает свою позицию через многозначный жест: перевод – это и служение культуре, и демонстрация компетентности, и средство включения в «правильные» сети. Письма и рукописные материалы фиксировали эту многослойность: обмен книгами, просьбы о литературном совете, чтение и обсуждение переводов в кругу «старших».

Итак, Муравьев осваивал перевод как форму культурного посредничества, где эстетическое (внутренняя школа письма) и институциональное (участие в проекте канонизации) образуют единый механизм. Эта модель важна для более общего понимания перевода в XVIII веке: перевод не вторичен, напротив, он формирует и литературную норму, и культурную иерархию.

Третья глава посвящена изучению драматургиии Муравьева, которая возникла на пересечении европейских и русских влияний возникает драматургия Муравьева. Его трагедия «Дидона», полный текст которой впервые публикуется в Приложении, откликается на многие русские и европейские тексты; в основе этой системы линия преемственности *Вергилий — Расин — Вольтер — Муравьев*, но выстраивая эту линию, Муравьев учитывает тексты Лефрана де Помпиньяна (с которым активно полемизировал Вольтер) и Метастазио, Ломоносова и Сумарокова; отдельный и непростой вопрос – место муравьевской «Дидоны» в истории его литературных отношений с Княжниным, Майковым, Петровым и Херасковым. Театр в екатерининскую эпоху – институт публичной морали и сцена символической политики: через репертуар и сценические формы транслировались нормы поведения, модели чувствования, образцы гражданской добродетели и лояльности.

Но драматургия Муравьева не в последнюю очередь была связана и с вкусами екатерининского двора и с культурным проектом русской императрицы. Так, впервые публикуемая (см. Приложение 9) комедия Муравьева «Выигранная тяжба» ориентирована на особое понимание тесной связи театра и журналистики, заданное Екатериной II: они равно злободневны и в равной мере устремлены к решению задачи создания новой салонной культуры нового для России галантного типа. Адаптация драматургии («переложение на наши нравы») понимается нами как культурная технология: она предполагает учет социальных сценариев, культурных ожиданий аудитории, моральных и политических конвенций. В этой логике перевод и театр оказываются двумя сторонами одного явления — институционализированного культурного перевода. При этом споры о «национальном» содержании русского театра, затронувшие, в частности, Сумарокова, вполне совместимые с требованием оперативного отклика на актуальные сюжеты театра западноевропейского, мыслились главным образом как способ оформить единое русско-европейское смысловое пространство: манифестация «русского», «национального» для Екатерины II имела смысл только в широко понимаемом европейском контексте. Муравьев хорошо понимал это: действующие лица и тематика его комедии – проворовавшийся судья, ханжа, изобретательный слуга, жадность, невежество, глупость – были хорошо знакомы читателям 1760–1770 гг. и восходят к французской драматургии XVII–XVIII вв.; вместе с тем муравьевский Новосветов должен был предстать перед зрителями как русский европеец, а его образ целенаправленно вписывался и общий контекст русской комедиографии конца 1760–1770 гг., и в контекст нравоописательной журналистики этого времени. Муравьев обсуждает те же вопросы, что и «Всякая всячина» и комедии Екатерины II: в центре его внимания – «честный человек», оказавшийся в мире дикости и невежества, но сумевший одержать победу над злом, поскольку зло оказалось жертвой собственных расчетов, не затронувших героя нового типа

Таким образом, в Главе III мы попытались уточнить литературно-историческую функцию драматургических опытов Муравьева: они включены в его диалог с авторитетными авторами эпохи и в попытку сформировать «линию преемственности» от античности и французской трагедии к русской сцене. Театральная работа становится инструментом самоописания: поэт демонстрирует принадлежность к европейскому канону и одновременно заявляет о возможности отечественной модернизации репертуара. Так театральные практики Муравьева фиксируют пересечение эстетической и институциональной логики екатерининской культуры. Муравьев использовал драматургию для участия в «публичной педагогике», а через перевод и адаптацию – в формировании культурного канона эпохи.

Четвертая глава, рассматривая «русскую идею» как продукт культурной политики, обосновала, что исторический дискурс в эпоху Екатерины II функционирует в качестве идеологического инструмента. История превращается в язык легитимации, в педагогический ресурс и в средство позиционирования России в европейском культурном пространстве. В диссертации показано, что этот дискурс создается на пересечении литературы, филологии и административной культуры: исторический текст не просто сообщает факты, но формирует нормативные модели.

Мы показываем, что историческая концепция Карамзина, нашедшая выражение в «Истории государства Российского», в частности идея «православие – самодержавие – народность», восходит к трудам М.Н. Муравьева, причем вплоть до использования одних и тех же формул для интерпретации частных исторических сюжетов. Все это не случайно: идеи, восходящие к «просветителям», были центральными и для Екатерины II, и для Муравьева, и для Карамзина, но не в «республиканской» и не в «националистической», а в имперской парадигме, опиравшуюся на идею нового человека (и новой элиты), достаточно полно оформленную в русских литературных журналах 1760–1770-х гг., и особенно в екатерининской «Всякой всячине». Ее суть: человек без правильного воспитания –

«животное», которому нет места в обществе, правильная жизнь – это путь развития, а самодержавие – инструмент, обеспечивающий его возможность.

В данном контексте получает смысл и значение языковая концепция Муравьева, в своей основе ориентированная на «этимологические» и «словарные» труды Екатерины II. Он уверен в том, что просвещенная империя, выдвигающая идею прогресса культуры, с неизбежность должна способствовать изучению и развитию национального языка, литературы, культуры в целом, опыт венценосного галломана Фридриха II признается ошибочным. Но осуществлять развитие русский язык и русская культура могут только в абсолютистском государстве и только при покровительстве монарха, обеспечивающего возможность консолидации придворного общества, способного адекватно соотносить «свое» с «чужим», «светское» с «ученым». Адекватность же подобных соотнесений мыслится достижимой лишь на основе понимания того, что культура российской империи наследует Финикии, Греции и империи Карла Великого, а следовательно, она входит в ограниченное число великих держав, которым, по определению, суждено вершить судьбы мира. По этой причине особое значение Муравьев, вслед за Екатериной II придает изучению языков – не только «своих», но и вообще всех: идеология империи требует всей полноты знания о мировой культуре. В данном контексте обретает подлинный смысл работа по созданию «Всеобщего словаря всех языков».

Список использованной литературы

Архивы

ГА РФ – Государственный архив РФ

ГЛМ – Государственный литературный музей

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музей

ОР РГБ -- Отдел рукописей Российское государственной библиотеки

ОР РНБ – Отдел рукописей Российское национальной библиотеки

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусств

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

Литература

Источники

1. Алехина Л.И. Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1990. Вып. 49. С. 4–87.
2. Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II-й, или Разбор книги аббата Шаппа д’Отероша о России // Осмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П.И. Бартеневым. М., 1869. Кн. 4.
3. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.
4. «Арзамас»: Сборник. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 1. 606 с.
5. Архив Дирекции императорских театров. Вып. 1 (1746–1801 гг.). СПб., 1892.

6. [Батюшков К. Н.] Письмо к И. М. М. А. [И. М. Муравьеву- Апостолу] о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине // Сын отечества. 1814, № 35, с. 87-116.
7. Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957.
8. Варнеке Б.В. Театр при Екатерине II // История русского театра. Т. 1. СПб., 1914. С. 155–211.
9. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. 552 с.
10. Вечера: Еженедельное издание на 1772 г. М., 1772.
11. Велизер, сочинение Господина Мармонтеля, члена французской академии, переведен на Волге. М., 1768.
12. Виланд К.М. Искушение Авраамово. Поэма в трех песнях. Переведена с немецкого на французской, а с оного на российской язык. СПб., печатано в вольной типографии Вейтбрехта и Шнора, 1780.
13. Вольтера сочинения: Генриада, героическая поэма, перевел белыми стихами Яков Княжнин, Санкт-Петербург, 1777 г.
14. Всякая всячина. СПб., 1769-1770.
15. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб.: Типография А.А. Стасюлевича, 1883. Т. 8.
16. Гете И.В. Страдания юного Вертера. СПб.: Наука, 2001. 254 с.
17. Греческая эпиграмма. СПб.: Наука, 1993. 448 с.
18. Две Ироиды, или два письма Древних Ироинь, сочиненные Публием Овидием Насоном, с приобщением Авторовой жизни, содержаний и нужнейших на каждое письмо изъяснений. Перевел с Латинского на Российский язык Василий Рубан. СПб.: при ИАН, 1774.
19. Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957.
20. Державин Г.Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1865. Т. 2: Стихотворения. Ч. II.
21. Дмитриевский М. На кончину М. Н. Муравьева // Весенний цветок, 1807, № 3, с. 54-59.

22. Драмматический словарь, или показания по алфавиту всех Российских театральных сочинений и переводов,с означением имен известных сочи нителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, и где и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления: словарь. Точное воспроизведение изд. 1787 г. СПб.: Издание кн. маг. «Нового времени», 1880. 166 с.
23. Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818). М.: Трутень, 2002. 505 с.
24. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. лит., 1970. 480 с.
25. Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791. М.: Наука, 1997. 989 с.
26. Елагин И.П. Опыт повествования о России. СПб., 1803.
27. Живописец Н.И. Новикова. СПб., 1864.
28. Зульцер И.Г. О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение. СПб., 1774.
29. Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем. СПб.: в типографии императорской Российской академии, 1829. Ч. 1.
30. И то и сио. СПб., 1769.
31. Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1695-1817, СПб.-Пг., 1853-1916.
32. Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 546 с.
33. Карамзин Н.М. Марфа Посадница // Карамзин Н.М. Сочинения. Т. 6. М., 1803. с. 291-416.
34. Карамзин Н.М. История государства российского: в 8 т. СПб., 1816–1817.
35. Карамзин Н.М. Письма к М. Н. Муравьеву // Москвитянин, 1845, № 1, отд. VI, с. 1-16.

36. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Берлин, 1861.
37. Княжнин Я.Б. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. 774 с.
38. Кошанский Н.Ф. На кончину Михаила Никитича Муравьева // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXV. № 19. С. 189–196.
39. Левин В.Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии: сб. ст. к семидесятилетию акад. В.В. Виноградова. М. : Наука, 1965. С. 189–190.
40. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию: Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии. СПб.: при Императорской Академии наук, 1748. 323 с.
41. Лонгинов М. Н. А. В. Олешев // Русская старина, 1870, № 5, с. 463-465.
42. Лукин В. Сочинения и переводы. Ч. 1. СПб., 1765.
43. Львов Н.А. Избранные сочинения / Издание подготовлено К.Ю. Лаппо-Данилевским. Кельн; Веймар; Вена; Белау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский дом; Русский христианский гуманитарный ин-т; Акрополь, 1994. 422 с.
44. Майков В.И. Разные стихотворения. СПб., 1773. Ч. 1-2.
45. Майков В.И. Избранные произведения. М.-Л.: Советский писатель, 1966. 509 с.
46. Майков Л.Н. В. И. Майков // Майков Л.Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, с. 279-282.
47. Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 349 с.
48. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. СПб.: Комплект, 1994. 448 с.
49. Мастера русского стихотворного перевода. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1968. Т. 2. 467 с.
50. Метастазио П. Милосердие Титово. Опера с прологом, представленная во время высокоторжественного днякоронации Ея Императорскаго

Величества Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской. М.: в типографии Императорской академии наук, 1742. 52 с.

51. Метастазио П. Нитета. Опера, представленная на придворном Ея Императорскаго Величества Театре. СПб.: при Императорской академии наук, 1777. 80 с.
52. Метастазио П. Оставленная Дидона. СПб.: при Императорской Академии наук, 1766. 61 с.
53. Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. Том I: XVIII век. Книга 2 (К - П). СПб.: Композитор, 2000. 504 с.
54. Муравьев М.Н. Басни. Книга 1. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773. 33 с.
55. Муравьев М.Н. Военная песнь. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1774. 26 с.
56. Муравьев М.Н. Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою. СПб.: [Печ. при Имп. Моск. ун-те], 1774. 10 с.
57. Муравьев М.Н. Оды. СПб.: [б.и.], 1775. 35 с.
58. Муравьев М.Н. Переводные стихотворения. СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. 32 с.
59. Муравьев М.Н. Петрония Арбитра «Гражданская брань». СПб.: [Тип. Акад. наук], 1774. 15 с.
60. Муравьев М.Н. Полн. собр. соч. СПб.: Тип. Российской академии, 1819–1820. Ч. 1–3.
61. Муравьев М.Н. Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М.: В Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. С. 1–24.
62. Муравьев М.Н. Сочинения. СПб.: Тип. Имп. академии, 1847. Т. 1–2.
63. Муравьев М.Н. Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина, приключившуюся сего генваря 14 дня. СПб.: [б.и.], 1791. 11 с.

64. Муравьев М.Н. Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, Ленинградское отделение, 1967. 387 с. (Б-ка поэта: Большая серия. Издание второе).
65. Муравьев М.Н. Письма // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 259–354.
66. Наказ ее императорского величества Екатерины Вторыя, Самодержцы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1770.
67. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщений, известий и словесных преданий. СПб., 1772. 278 с.
68. О государственном правлении и разных родах оного, из енциклопедии. СПб., 1770.
69. Овидий Назон Публий Превращения. СПб.: Сенатская типография, 1775.
70. Овидий Элегии и малые поэмы. М.: Художественная литература, 1973.
71. Овидий Метаморфозы / пер. С.В. Шервинского. М.–Л.: Academia, 1977. 358 с.
72. Овидий Собрание сочинений СПб.: Студиа Биографика, 1994. Т. 1. 512 с.
73. Огаркова Н.М. Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII – начало XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.
74. Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. 4. М., 1778.
75. Петров В. П. Ода ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской на заключение с Оттоманскою Портою мира. М.: Печатана при Императорском Московском ун-те, 1775. 21 с.
76. Петухов Е.В. М.Н. Муравьев. Очерк его жизни и деятельности // Журнал Министерства народного просвещения, 1894, № 8, с. 265-296.
77. Письма Н.И. Новикова. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 1994. 384 с.

78. Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 472 с.
79. Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 1-2.
80. Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 504 с.
81. Пустомеля: сатирический журнал [1770]. М., 1858.
82. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887.
83. Н.Р. [Рахманов Н. Р.] Письмо к Е. Ф. Муравьевой. Б. д. // Москвитянин, 1855, № 7, с. 168-170.
84. Русская басня XVIII и XIX века. Л.: Советский писатель, 1949. 528 с.
85. Русский биографический словарь. СПб., 1896-1913. Т. 1-25.
86. Русская литература на французском языке. Тексты русских писателей XVIII-XIX века – La littérature russe d'expression française. Textes français d'écrivains russes XVIIIe-XIXe siècles. Wiener Slawischticher Almanach. Sonderband 36. Wien, 1994.
87. Руссо Ж. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. 729 с.
88. В. С. [Саитов В. И.] М. Н. Муравьев // Батюшков К.Н. Сочинения, т. II. СПб, 1885, с. 417-423.
89. Сборники Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867-1916. Т. 1-148.
90. Священная история Ветхаго и Новаго завета: Для употребления юношества. Переведена с латинскаго языка п.с.М.С. [придворным священником Михаилом Самуйловым]. [Ч. 1–2]. СПб.: В тип. Академии наук, 1778.
91. Секст Проперций. Элегии: в 4 кн. М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2004. 271 с.
92. Смесь. СПб., 1769.
93. Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783–1784.

94. Сочинения императрицы Екатерины II: На основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 1–5, 7–12. СПб., 1901–1907.
95. Сумароков А.П. Из Федры, Расиновой Трагедии Действия IV. Явление VI // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. СПб.: Печ. в вольной Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779. Ч. 1. Февраль. С. 103–106.
96. Сумароков А.П. Перевод повествования Терамена Тезею о смерти Ипполита, из Федры Расиновой и Стансы // Ежемесячные сочинения. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1756. Май. С. 422–425.
97. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. М.: Унив. тип., у Новикова, 1781. Ч. VII. 377 с.
98. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957.
99. Сухомлинов М.И. М.Н. Муравьев // Сухомлинов М.И. История Российской академии, т. IV. СПб, 1878, с. 166-167, 218; т. VII. СПб, 1885, с. 262-267.
100. Тассо Т. Освобожденный Иерусалим. СПб.: Наука, 2007. 716 с.
101. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.
102. Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.;Л.: Сов. писатель, 1963.
103. Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. 672 с.
104. Трутень. СПб., 1769-1770.
105. Федр, Бабрий. Басни / изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 263 с.
106. Херасков М.М. Новыя оды. М.: Университетская типография, 1762. 74 с.
107. Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М., 1768.

108. Херасков М.М. Россиада. М., 1807.
109. <Храповицкий А.В.> Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Унив. тип., 1862. 294 с.
110. Шевырев С.П. М.Н. Муравьев, попечитель университета // Шевырев С.П. История имп. Московского университета. М , 1855, с. 321-384.
111. Эзоп. Басни. М.: Наука, 1968. 324 с.
112. Эзоп. Лафонтен. Крылов. Полное собрание басен в одном томе / пер. с греч., с фр. М. Гаспарова, С. Головы. М.: Альфа-книга, 2011. 1135 с.
113. Эмин Ф.А. История России. Ч. 1–3. СПб., 1767–1769.
114. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1890-1907. Т. 1-86.
115. Bastide Jean-Franç. De. Publication d'une comédie contemporaine inédite accompagné d'une notice par M. Frédéric Faber. Bruxelles, Fr.-J. Olivier, libraire-éditeur, 1880. 41 p.
116. Blondel F. Comparaison de Pindare et d'Horace. Paris: Chez Claude Bardin, 1673. 291 p.
117. Boileau N. Œuvres. T. 1–5. Paris, 1747.
118. Boileau N. Le Lutrin. P., Imprimerie générale, 1872.
119. Brumoy P. Le theatre des grecs. Paris, Rollin, 1730. Vol. 1-3.
120. Dalayrac M. La Soirée orageuse. Paris, chez Le Duc, 1790. 144 p.
121. Diderot D. Oevres completes. Paris, Garnier frères, 1875, vol. 8. 534 p.
122. Dorat C.-J. Le Célibataire, comédie en cinq actes et en vers, par Dorat. Représentée pour la première fois par les Comédiens François le 20 Septembre 1775. Paris, chez Delalain, libraire, 1776. 122 p.
123. Dumaniant M. Guerre ouverte, ou Ruse contre ruse. Paris, Cailleau, 1787. 112 p.
124. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1751-1772. Vol. 1-17.

125. Eyringius Elias Martinus Vita Ernesti Pii, Ducis Saxoniae. Lipsiae, Gleditsch, 1704. 260 c.
126. Le Franc Didon. Tragedie. Paris: chez Chaubert, 1774. 73 pp.
127. Lefranc de Pompignan J.-J. Discours de réception prononcé devant l'Académie française, le 10 mars 1760. Paris: Brunet, 1760. 33 pp.
128. Malherbe F. de Œuvres poétiques. P., 1897.
129. Marmontel J.F. Belisaire. Paris, 1767.
130. Petits poètes français. Paris, Auguste Desrez, 1839. t. II.
131. Rousseau J.J. Oevres completes. Paris, Poinçot, 1791, vol. 15. 488 p.
132. Rousseau J. B. Œuvres. Paris, 1820. T. 1.
133. Rousseau, J.J. Rousseau, Judge of Jean-Jacques : Dialogues. Dartmouth College Press, 1990. 278 p.
134. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Berlin, 1707. 161 c.
135. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe.Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1741. 201 c.
136. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe.Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle: à la Maison des Orphelins, 1752. 95 c.
137. Teissier A. La Vita d'Ernesto, il pio duca di Sassonia. 1756.
138. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe.Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle: à la Maison des Orphelins, 1761. 95 c.
139. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe.Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle: à la Maison des Orphelins, 1769. 95 c.
140. Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe.Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle: : à la Maison des Orphelins, 1779. 95 c.
141. Teissier A. Biographie Ernst des Frommen, Herzogs zu Sachsen: Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des siebzehnten Jahhunderts. Quedlinburg, 1783.
142. Teissier A., Leonhard Ekebom Hertigen af Saxen Gotha Ernesti den frommes lefwerne. Stockholm: B.P. Holmen, 1784.

143. Thompson J. The Four Seasons and Other Poems. London, Printed for J. Millan, 1735.
144. Teteni M. Письма родным М.Н. Муравьева (1778–1779) и их роль в становлении его литературного творчества // Russica. In memoriam E. Baleczky. Budapest: ELTE, 1983. P. 215–231.
145. Traduction de l'Enéide de Virgile. Traduction par Jean Regnault de Segrais. Lyon : Chez A. Degoin, 1719.
146. Vauvilliers J-F. Essai sur Pindare, contenant une traduction de quelques odes de ce poëte, avec une analyse raisonné & des notes historiques, poétiques & grammaticales. Paris: Chez Paul-Denis Brocas, 1772. 343 p.
147. Les œuvres de Virgile, traduites en français, par l'abbé Des Fontaines, avec des notes tirées des meilleurs auteurs. Paris: Avec approbation at privilège du Roy, 1743.
148. Voltaire Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1877-1883, vol. 1-50.

Исследования

149. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005
150. Беликов А.Е., Ленчиненко М.В., Любжин А.И. М. Н. Муравьев — читатель Энеиды // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28, № 1. С. 92–114.
151. Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель Энеиды (продолжение) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 29, № 2. С. 688–699.
152. Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура // Русские классики и театр. М.;Л., 1947. С. 7–108.
153. Берков П. Н. История русской комедии. Л., 1977.
154. Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884.
155. Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1955.

156. Бродский Н.Л. История стиля русской комедии XVIII века // Искусство. Журнал Российской Академии художественных наук. 1923. № 1. С. 172–184.

157. Бруханский А.Н. М.Н. Муравьев и «легкое стихотворство» // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 157–171.

158. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в.: В 2 т. Т. I. СПб., 1902.

159. Былинин В.К., Одесский М.П. Екатерина II: Человек, государственный деятель, писатель // Екатерина II. Сочинения. М.: Современник, 1990. С. 3-21.

160. Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. М., 1916.

161. Виницкий И. Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2016. 352 с.

162. Волков А.В. П.И. Голенищев-Кутузов — переводчик древнегреческой поэзии // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: сб. ст. и материалов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 127–143.

163. Всеволодский-Гернгросс В. Н. История русского театра. Т. 1. М.—Л., 1929.

164. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне. СПб., 2003.

165. Вяземский П. А. Фонвизин. СПб., 1848.

166. Галатенко Ю.Н. Пьетро Метастазио — гений итальянской либреттистики // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2012. №3. С. 159–170.

167. Гардзонио С. Метастазио в русской поэзии XVIII – начала XIX в. // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. к 70-летию Вяч. Всев. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 102–114.

168. Геннади Г.Н. Еще о драматических сочинениях Екатерины II (Библиографические заметки) // Библиографические записки. 1858. № 16. С. 498–508.

169. Глинка Н.И., Лаппо-Данилевский К.Ю. Львов Николай Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К – П). СПб.: Наука, 1999. С. 242-249.

170. Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII века (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 148-55.

171. Грабарь-Пассек М.Е., Гаспаров М.Л.: Эллинистическая литература III—II вв. до н. э. // История всемирной литературы: В 8 томах.. М.: Наука, 1983-1994. Т. 1. 1983. С. 408-419.

172. Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010. 383 с.

173. Григорович Н.И. Канцлер Александр Александрович Безбородко в связи с событиями его времени. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1881. Т. 2. 1788-1799 гг.

174. Грот Я. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по исторических документам. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1880.

175. Грот Я.К. Жизнь Державина. М., 1997.

176. Гуковский Г. А. Очерки русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л.: Художественная литература, 1938. С. 252-298.

177. Гуковский Г.А. Расин в России в XVIII веке // XVIII век. СПб.: Наука, 2013.Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480.

178. Гуковский Г.А. Заметки о Крылове // XVIII век: Статьи и материалы. Сб. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 142-165.

179. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1999.

180. Демин А.О. Державин — переводчик «Федры» Расина // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. С. 238–253.

181. Дружинин П.А. Предисловие // Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818)

182. Евреинов Н. Н. История русского театра с древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк, 1955.

183. Евстратов А.Г . Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-е – начале 1770-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

184. Ермакова М.Е. Циклы библейских иллюстраций в русской книге второй половины XVIII века // Новое искусствознание. 2024. №3. С. 125-138.

185. Живов В.М. Чувствительный национализм: карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. с. 114–140.

186. Жилякова Э.М. Художественное наследие М.Н. Муравьева в восприятии К.Н. Батюшкова («Обитатель предместия», «Эмилиевы письма» и «Опыты в прозе») // К.Н. Батюшков. Исследования и материалы: сб. науч. трудов. Череповец: ЧГУ, 2002. С. 20–38.

187. Жинкин Н. П. М.Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 1-80.

188. Заборов П.Р. Русско-французские поэты XVIII века // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 66-105.

189. Западов В. А. Державин и Муравьев // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7. С. 245-253.

190. Западов В.А. Яков Борисович Княжнин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999. С. 70-81.

191. Западов В.А. Михаил Никитич Муравьев // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305-313.

192. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла…: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

193. Зорин А.Л. «Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

194. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». М.: Либроком, 2012. 120 с.

195. Ивинский А.Д. Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах «Истории государства российского» // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН, 2016. № 40. С. 146–167.

196. Ивинский А.Д. О комедии М.Н. Муравьева «Выигранная тяжба» (по материалам ОПИ ГИМ) // Stephanos. 2017. № 1. С. 163–169.

197. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в письмах к отцу 1778-1779 гг. (По материалам ОПИ ГИМ) // Карамзин и его эпоха. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С. 173–181.

198. Ивинский А.Д. Частная переписка XVIII в.: письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным // Екатерина II и княгиня Дашкова: взгляд из XXI века. М.: Ленанд, 2018. С. 352–369.

199. Ивинский А.Д. О драматургии М.Н. Муравьева (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 3. С. 62–71.

200. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.

201. Ивинский А.Д. Журнал Екатерины II «Всякая всячина» и Энциклопедия Дидро и Д’Аламбера // Литературный процесс в России

XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 155–180.

202. Ивинский А.Д. Круг чтения М.Н. Муравьева в 1770-1790 годах (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. РНБ, 2019. Т. 5. С. 235–257.

203. Ивинский А.Д. Литературная жизнь 1770-х гг. в письмах М. Н. Муравьева (по материалам ОПИ ГИМ) // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 124–154.

204. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Буало (по материалам отдела рукописей РГБ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 2. С. 33–40.

205. Ивинский А.Д. Поэтическое наследие М.Н. Муравьева: к истории текста ранних стихотворений. По материалам ОР РГБ // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 2. С. 9–51.

206. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 358–385.

207. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 2. С. 30–37.

208. Ивинский А.Д. Муравьев как римлянин: к вопросу о литературной позиции писателя (по материалам писем к отцу и сестре) // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa (Padova, Italia). 2021. Т. 10. С. 81–100.

209. Ивинский А.Д. О первом переводе М.Н. Муравьева: Жизнь Эрнеста, герцога Саксонского, по прозванию благочестиваго // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 122–134.

210. Ивинский А.Д. О стихотворении М. Н. Муравьева «Живописец» (по материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 168–185.

211. Ивинский А.Д. Переводы М.Н. Муравьева из античных авторов (по материалам ОР РГБ) // Документально-художественная литература в России XVIII-XIX вв. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2022. С. 83-129.

212. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева к С.М. И Ф.Н. Луниным 1791 Г. (По материалам ОПИ ГИМ) // Документально-художественная литература в России XVIII-XIX вв. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2022. С. 130–172.

213. Ивинский А.Д. “Фелица” Г.Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины ii // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2022. Т. 81, № 1. С. 74–81.

214. Ивинский А.Д. Из писем М.Н. Муравьева 1776 г.: А.А. Барсов, В.И. Майков, М.М. Херасков и «Вольное российское собрание» // Литературный факт. 2023. No 2 (28). С. 25–51.

215. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Д.И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2023. Т. 82. №4. С. 43-54.

216. Ивинский А.Д. Русская литература XVIII в. и культурный проект Екатерины II. М.: «Водолей», 2023. 400 с.

217. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в письмах к отцу и сестре 1778-1779 гг. // Екатерина II и русская литература. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 172–267.

218. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым 1776 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // Православие. Наука. Культура. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря / отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 104–296.

219. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2024. Т. 83. №5. С. 85-95.

220. Ивинский А.Д. О «Новых лирических опытах» М. Н. Муравьева» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 6–29.

221. Ивинский А.Д. «Федра» Расина в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 8–31.

222. Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев в начале 1780-х гг. (по материалам РО ИРЛИ) // Литературный факт. 2025. № 4(38). С. 52–78.

223. Ивинский А.Д. Трагедия М.Н. Муравьева «Дидона»: опыт комментария // Мультилингвизм и обратный перевод / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева и М.В. Черкашина. М.: ИМЛИ, 2025. С. 379–453.

224. История немецкой литературы: Новое и новейшее время. М.: РГГУ, 2014.

225. История русского театра. Т. 1. СПб., 1914.

226. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 2. 269 с.

227. Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1899. 297 с.

228. Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. М., 2011.

229. Киселев В.С. Италия в историософских представлениях и творчестве М.Н. Муравьева // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 93-108.

230. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010.

231. Костина Е.Л. К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век. Вып. 18. СПб., 1993. С. 299–312.

232. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 279 с.

233. Кочеткова Н.Д. Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 344-361.

234. Кошелев В.А. К.Н. Батюшков и Муравьевы: К проблеме формирования «декабристского» сознания // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро, под ред. Сергея Панова. М.: Новое Литературное Обозрение, 1995.

235. Кулакова Л.И. М.Н. Муравьев // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42.

236. Кулакова Л.И. Муравьев // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. Л., 1947.

237. Кулакова Л.И. Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967. С. 5-52.

238. Кунц Е.В. М.Н. Муравьев — реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый Хронограф, 2018. 328 с.

239. Кучеренко Г.С. Д. Дидро и Д.А. Голицын // Французский ежегодник 1984. М., 1986. с. 203-218.

240. Лавринович М. Жизнь между службой и поместьем: покровительство, дружба и амбиции в частной переписке 1780-х годов // «…душевно к вам привязан»: Переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Льяконова (1780-е годы). М.: ВШЭ, 2022. 304 с.

241. Лазарчук Р.М. О соотношении эпистолярной практики и художественного творчества М.Н. Муравьева // Первая карагандинская конференция молодых учёных. Тезисы и доклады. Караганда: КГУ, 1969. С. 323-324.

242. Лазарчук Р.М. М.Н.Муравьев-критик (по материалам переписки поэта) // Русская и зарубежная литература. Алма-Ата, 1971. Вып. П. С. 3-8

243. Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1971. 328 с.

244. Лазарчук Р.М. Письма Г.П.Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Д., 1976. Вып. 2. С. 74-84.

245. Лазарчук Р.М. Русские писатели XVIII в. и Вологодский край // II-я научно-практическая конференция. Проблемы и задачи краеведческой и природоохранительной работы в учебных заведениях Вологодской обл. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1982. С. 15.

246. Лазарчук Р.М. Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусствоми наукой. Л., 1986. XVIII век. Сб. 15. С. 52-69

247. Лазарчук Р.М. О соотношении жанрового мышления и лирического начала в лирике М.Н.Муравьева // Проблема автора в художественной литературе. Тезисы докладов региональной межвузовской конференции. Ижевск, 1990. С. 49-50.

248. Лазарчук Р.М. Ханыков В.В. (опыт реконструкции биографии и творчества) // Тезисы докладов XXX научной конференции. Череповец, 1992. С. 69-70.

249. Лазарчук Р.М. Стихотворение МЛ.Муравьева «Богине Невы» и письма поэта (роль биографических реалии в интерпретации текста) // Кормановские чтения. Ижевск, 1994. Вып. I. С. 37-42ю

250. Лазарчук Р.М. «...С латинского языка переведены в Вологде» (Кто был первым переводчиком "Георгик" Вергилия?) // Послужить Северу...: Историко--художественный и краеведческий сборник. Вологда. 1995. С. 99-107.

251. Лазарчук Р.М. М.Н.Муравьев и Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 149-180.

252. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: (Из архивных разысканий). Вологда: Легия, 1999. 238 с.

253. Лазарчук Р. М., Левин Ю.Д. «Гамлетов монолог» в переводе М.Н. Муравьева // XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). СПб.: Наука, 1999. С. 303–317.

254. Лазарчук Р.М. Литературная культура последней трети XVIII века (Диалог столицы и провинции). Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2000.

255. Лаппо-Данилевский К.Ю. О литературном наследии Н.А. Львова // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена; Бёлау; СПб.: Пушкинский дом, РХГИ, Акрополь, 1994.

256. Лаппо-Данилевский К.Ю., Мозговая Е.Б. Идеи И. И. Винкельмана и петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 155–179.

257. Лаппо-Данилевский К.Ю. Отрывки об искусствах М. Н. Муравьева // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 347-357.

258. Лаппо-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // «XVIII век». СПб.: Наука, 2013. Ч. XXVII. С. 121-153.

259. Лаппо-Данилевский К.Ю. «Анакреонтические оды» и «анакреонтичсекие стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 384–402.

260. Лаппо-Данилевский К.Ю. «Стихотворение Анакреонта Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. М.; СПб.: Наука, 2015. Сб. 28. С. 177–234.

261. Лаппо-Данилевский К.Ю. Львовско-державинский литературный кружок (участники, хронология) // XVIII век. Сборник 31. СПб., 2024. С. 228-264.

262. Лебедева О. Б. Русская высокая комедия XVIII века: Генезис и поэтика жанра. Томск, 1996.

263. Ленчиненко М.В. И лиры нежный глас еще не онемел… М.Н. Муравьев — читатель Овидия // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XV: материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 20–22 июня 2011 г. СПб.: Наука, 2011. С. 331–339.

264. Ленчиненко М.В. М.Н. Муравьев: от самообразования к просвещению. Маргиналии на книгах личной библиотеки // Вольтеровские чтения. Сборник научных трудов. СПб.: РНБ, 2019. Т. 5. С. 203–234.

265. Ленчиненко М.В., Любжин А.И. Михаил Никитич Муравьев в работе над Тускуланскими беседами Цицерона // Труды Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Науч. б-ка МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. Т. 3. С. 162–331.

266. Ленчиненко М.В., Любжин А.И. Под сенью крыл мантуанского лебедя: М.Н. Муравьев — читатель Вергилия // Екатерина II и русская литература. М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2024. С. 151–171.

267. Лепехин М.П. Комов Григорий // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 114-115.

268. Летников Э.Д. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. с. 72–86.

269. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Типография Грачева, 1867.

270. Лонгинов М.Н. Русский театр в Петербурге и в Москве (1749–1774). СПб., 1873.

271. Лотман Ю.М.. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.

272. Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство, 1997.

273. Любжин А. И. Христианские источники «Россиады» М. М. Хераскова // Проблемы исторической поэтики. 2005. Т. 7. С. 87-94.

274. Любжин А.И. Римская литература в России в XVIII–начале XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007.

275. Любжин А.И. Античные интересы Ивана Ивановича Шувалова (Заметки к каталогу его библиотеки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIV. 21–23 июня 2010 г. Часть II. СПб., Наука, 2010. С. 164–175.

276. Любжин А. И., Ленчиненко М. В. Издания Гомера в библиотеке М. Н. и Н. М. Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб: Наука, 2016. Т. 20. С. 634–644.

277. Любжин А. И., Ленчиненко М. В. Издания древнегреческих историков в семейной библиотеке Муравьевых // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. Т. 2. С. 705–727.

278. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

279. Майков Л.Н. О жизни и сочинениях В.И. Майкова: Исследование Л. Майкова. Санкт-Петербург: Типография И.И. Глазунова, 1867.

280. Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.-Л., 1961.

281. Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2022. 314 с.

282. Михайлов А. Три века французской эпиграммы // Французская классическая эпиграмма. М.: Художественная литература, 1979. С. 4–37.

283. Молок Н. Летающий архитектор. Дедал и Амфион в XVIII веке // Искусствознание. 2017. № 2. С. 42-83.

284. Монгредьен Ж. Жизнь комедиантов во времена Мольера. М.: Молодая гвардия, 2008. 272 с.

285. Николаев С.И. Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. с. 82–95.

286. Одесский М.П. Об «откровенном» и «прикровенном». София в комедиях В.И. Лукина // Одесский М.П. Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М.: РГГУ, 2011. 522 с.

287. Омельченко О.А. «Законная монархия» екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993

288. Панов С. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. №1-2. С. 179-198.

289. Пахсарьян Н. Т. Этапы истории перевода во Франции (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2015. № 2. С. 90–98.

290. Пашкуров А.Н. Жанровые особенности поэзии М. Н. Муравьева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 1997.

291. Пашкуров А.Н., Мясников О.В. М.Н. Муравьев: Вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2003. 128 с.

292. Пашкуров А.Н. Драматургия М.Н. Муравьева как система // Михаил Мравьев и его время. Сборник статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-летию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2011.

293. Пашкуров А.Н. Драматургия М.Н. Муравьева: "Пятилогия" о добродетели // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию профессора Олега Михайловича Буранка и 30-летию его научной деятельности. СПб., 2011. С. 193-206.

294. Пашкуров А.Н. Пьеса М.Н. Муравьева «Доброй барин» в контексте комической оперы своего времени, или вернется ли добрый барин?.. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская илология. М., 2012. №4. С. 40-44.

295. Пашкуров А.Н. Миф М.Н. Муравьева в русской литературной культуре: истоки // Михаил Муравьева и его время. Сборник статей и материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2013. С. 61-71.

296. Пашкуров А.Н. Муравьев возрожденный: исследовательская интерпретация Г.А.Гуковского // Михаил Муравьева и его время. Сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 23-28.

297. Пашкуров А.Н. Муравьев и литературная культура: диалог восприятий. Казань, 2019. 198 с.

298. Пашкуров А.Н. Идея наставничества в «Мыслях, замечаниях, отрывках» М.Н. Муравьева // Михаил Муравьева и его время. Сборник статей и материалов Восьмой Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 33-38.

299. Перетц В.Н. «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе конца XVII — начала XVIII в. // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1928.

300. Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 1989. 176 с.

301. Петровский Ф.А. Марк Анней Лукан и его Поэма о гражданской войне // Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.–Л.: АН УССР, 1951. С. 251–300.

302. Пигарев К.В. Творчество Фонвизина. М.: Издание Академии наук СССР, 1954.

303. Погодин М. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. СПб., 1866. Т. 1.

304. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

305. Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. Вып. 3. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 170-186.

306. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев и Античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010. 26 с.

307. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев — переводчик Вергилия (стихи 870–875 из 6 книги «Энеиды») // Язык и культура: сб. статей XIX Международной научной конференции, посвященной 130-летию Томского государственного университета. Томск: Томский гос. ун-т, 2007. Т. 1. С. 112–121.

308. Погожев В.П. Столетие организации императорских московских театров (Опыт исторического обзора). Вып. I. Кн. I. СПб., 1906.

309. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887.

310. Пыпин А. Н. В. И. Лукин // Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. СПб., 1868. С. I-LXXII.

311. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

312. Ревуненкова Н.В. О переводах Энциклопедии на русский язык // История в Энциклопедии Дидро и Д’аламбера. Л., 1978. с. 256-259.

313. Росси Л. К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. Trieste: Lint, 1994. №2. С. 91-115.

314. Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 114–146.

315. Росси Л. Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 284–286.

316. Росси Л. М.Н. Муравьев и Н.А. Львов в 1770-е гг.: К характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII века // Гений вкуса. Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 287-298.

317. Росси Л. «Вергилий» Муравьева: к проблеме Гуманизма в России // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2005. № 33. С. 73–79.

318. Росси Л. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиция французского Просвещения // Михаил Муравьев и его время. К., 2015. С. 9-14.

319. Росси Л. Утаенная любовь М.Н. Муравьева // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). СПб., 2015. С. 100-106.

320. Росси Л. Н.М. Карамзин и Н.М. Муравьев // Карамзин-писатель. СПб., 2018. С. 213-227.

321. Русская литература на французском языке. Тексты русских писателей XVIII-XIX века. Вступ. ст. Ю.М. Лотмана и В.Ю. Розенцвейга. Wiener Slawisticher Almanach. Wien, 1994. Sonderband 36. 545 p.

322. Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

323. Серков А.И., Рейзин М.В. От издательства // Письма Н.И. Новикова. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 1994. С. 267-268.

324. Серман И.З. Державин. Л., 1967.

325. Серман И.З. Смех и нравоучение в комедии // Серман И.З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 226–246.

326. Сионова С. А. «Новые лирические опыты» Михаила Никитича Муравьева на страницах архива поэта // Михаил Муравьев и его время.

Посвящение Союзу трех Поэтов: Гаврилы Державина, Николая Львова и Михаила Муравьева. Казань: РИЦ, 2013. С. 45–53.

327. Сиповский В.В. Из истории русской мысли XVIII столетия (Идейное содержание русской бытовой комедии XVIII в.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3-4. С. 78–117.

328. Смирнов А. В., Сербин П. Г. Иоганн Готфрид Вильгельм Пальшау: реконструируя биографию композитора // Музыкальная академия. 2021. № 3. С. 90–105.

329. Смолярова Т. И. Миф о поэте мифа. Пиндар в России и во Франции. Код доступа: [https://textarchive.ru/c-1916933-pall.html]. Дата обращения: 23.03.2026

330. Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л.: Наука, 1981. 168 с.

331. Стенник Ю.В. Драматургия русского классицизма. Комедия // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX в. Л., 1982.

332. Степанов В.П. Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204-229.

333. Степанов В.П. Храповицкий Александр Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 370-373.

334. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. М.: Прометей, 1994. 510 с.

335. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 453 с.

336. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 648 с.

337. Топоров В.Н. Из истории русской литературы Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1–3. М.: Языки русской культуры, 2001–2007.

338. Флоренский А.В. Два произведения императрицы Екатерины II для законодательной комиссии 1767–1774 гг. // Русский архив. 1917. кн. 2/3. с. 4.

339. Фоменко И. Ю. Из прозаического наследия М. Н. Муравьева // Русская литература. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. № 3. С. 116-130.

340. Фоменко И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьёва // XVIII век. Л.: Наука, 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX в.). С. 132–161.

341. Фоменко И.Ю. Проза М.Н. Муравьёва. Из истории русской прозы последней трети XVIII века: автореферат диссертации … канд. филол. наук. Л., 1983. 23 с.

342. Фоменко И. Ю. М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 52-70.

343. Фоменко И.Ю. М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770-начала 1780-х годов // Рукописи, редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М.: Археографический центр, 1997. 316 с.

344. Фоменко И.Ю. М.Н. Муравьёв и стилистика докарамзинской историографии // Чтения по истории и культуре древней и новой России: материалы конференции (Ярославль, 7–9 окт. 1998 г.). Ярославль: Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. С. 162–165.

345. Фон-Берг Э. П. Русская комедия до появления А. Н. Островского. Варшава, 1912.

346. Хабермас Ю. структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

347. Чекмарев В.М. Русско-английские связи в садово-парковом искусстве. М.: Либроком, 2019. Т. 1–2.

348. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 535 с.

349. Штранге М.М. «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики // Французский ежегодник 1959. М., 1960. С. 76-88.

350. Щебальский П.К. Екатерина II как писательница // Заря. № 5. СПб., 1869. С. 31–50.

351. Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 720 с.

352. Эйдельман Н. Лунин. М.: Молодая гвардия, 1970. 351 с.

353. Эйсмонт Н.М., Эйсмонт П.М. «Солиман II, или Три султанши»: могут ли вариации Бетховена рассказать содержание оперы Зюсмайера // MUSICUS: Вестник Санкт-Петербургской Государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. СПб., 2020. С. 44-48.

354. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

355. Berkov P. N. Histoire de l’Encyclopedie dans la Russie du XVIII siècle // Revue des études slaves. Paris, 1965. T. 4. P. 47-58.

356. Braun, T. Voltaire, Metastasio and Le Franc de Pompignan’s Didon // The King’s Crown: Essays on XVIIIth Century Culture and Literature Honoring Basil Guy. Louvain: Peeters, 2005. Pp. 11-20.

357. Bury E. ‘Savoir-vivre ou savoir parler. Les ambiguïtés du modèle cicéronien de l’honnêteté’ in L’honnête homme et le dandy, éd. par Alain Montandon. Tübingen: Gunter Narr Vlg, 1993, pp. 19–34.

358. The Cambridge Companion to Horace. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

359. Gubernatis Angelo De Pietro Metastasio: corso di lezioni fatte nell’Università di Roma nell’anno scolastico 1909–1910. Firenze, Successori Le Monnier, 1910.

360. Evstratov, A. Les Spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796): L'invention d'une société. Oxford: Voltaire Foundation, University of Oxford, 2016, 390 pp.

361. Ferret O. Les paradoxes d'un anti-philosophe. L'Éloge historique de Monseigneur le Duc de Bourgogne, par J.-J. Lefranc de Pompignan // Dix-Huitième Siècle. Paris: PUF, 1999, №. 31, pp. 429-449.

362. Ferret O. Voltaire: Pamphlets and Polemic // The Cambridge Companion to Voltaire. New York: Cambridge University Press, 2009, pp. 167-178.

363. Fumaroli, M. L'âge de l'éloquence: rhétorique et "res literaria" de la Renaissance au seuil de l'époque classique. Genève, Droz, 2002.

364. Fumaroli, M. L'âge de l'éloquence: rhétorique et "res literaria" de la Renaissance au seuil de l'époque Classique. Genève: Droz, 2002.

365. Gawthrop R. Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 305 c.

366. Lemaître J. Jean Racine. P., Calmann-Lévy, 1908.

367. Malakhova I. G., Bryanchanibova N. I. The route to Freiberg as the main milestone in the history of geosciences in Russia // Mineralogische Konnotationen im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, Gondolat Verlag, 2023, p. 85-100.

368. Neuhäuser R. Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. Hague, Springer Netherlands, 1974. 250 c.

369. O'Malley L.D. The Dramatic Works of Catherine the Great: Theatre and Politics in the Eighteenth-century Russia. Ashgate, 2006. 277 p.

370. Rossi L. De F.N. Muravyeva à Théone: Réalité et mythe littéraire dans le sentimentalisme russe // Revues des études slaves, vol. 74, №4, pp. 777-792.

371. Stanton, D. The aristocrat as art: a study of the honnête homme and the dandy in Seventeenth- and Nineteenth- Century French Literature. New York: Columbia University Press, 1980.

372. Taylor H. The Lives of Ovid in Seventeenth-Century French Culture. Oxford: Oxford University Press, 2017.

373. Viala A. La France galante: Essai historique sur une catégorie de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris: Presses Universitaires de France, 2008.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ивинский Александр Дмитриевич

М.Н. Муравьев и русский литературный процесс 1760-1790 гг.

Т. 2. Приложения

Специальность 5.9.1. –
Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2026

Оглавление Т. 2

Приложения

Приложение 1. Письма Муравьева к родным 1776-1803 гг……..3
Приложение 2. Письма Ф.Н. Муравьевой к родным……...436
Приложение 3. Письма Муравьева к Д.И. Хвостову……...438
Приложение 4. Неопубликованные оды и «Перечень рассуждения об оде»……...448
Приложение 5. Стихи из «Записной книги»…….453
Приложение 6. «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестивого, герцога Саксонского»……...484
Приложение 7. Трагедия Муравьева «Федра» (фрагмент)……..519
Приложение 8. Трагедия Муравьева «Дидона»……537
Приложение 9. Комедия Муравьева «Выигранная тяжба»……..605

Приложение 1.Письма М.Н. Муравьева к родным 1776-1803 гг.

При подготовке писем Муравьева к печати мы ориентировались на принципы, зафиксированные известным руководством по эдиционной археографии: “При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии” [Правила издания 1990, с. 24]; ср.: «Общим принципом при передаче текста *документов до конца XVIII в.* является сохранение: языковых, в том числе лексических, орфографических, синтаксических и других особенностей, являющихся как нормой, так и отклонением от принятых в свое время (времени составления документа) языковых норм; стилистических особенностей» [Правила, 2022, с. 69; см. также: Серков, Рейзин 1994, с. 267; Дружинин 2002, с. 6]. Вышедшие из употребления буквы заменены на современные. Сохранены черты орфографии поэта, позволяющие судить о современной ему письменной культуре и приблизиться к пониманию его собственных орфографических навыков: формы множественного числа на -ыя, -ия; устаревшие написания вроде: «сево дни», «щастье», «вить» и т. п.; приставки, оканчивающиеся на ‘з’ в позиции перед глухим согласным; авторское деление текста на слова (например, частицы «ли» и «же» не отделяются от слов других частей речи); употребление твердого и мягкого знаков (например, "писма" вместо "письма"); буквы «и» и «е» вместо современных «й» и «э» соответственно (например, «маиор» вместо «майор» и «ето» вместо «это»); случаи непоследовательного написания слов со строчной (например, «Граф», «Князь», "Губернатор" вместо «граф», «князь», "губернатор") унифицируются в соответствии с обычной практикой Муравьева, который в целом ориентировался на современную ему норму; кроме того, строчные буквы заменяются на прописные в именах, фамилиях, топонимах. Пунктуация сохраняется, кроме тех случаев, когда она мешает пониманию текста. В угловых скобках раскрыты сокращения. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Орфография и пунктуация иноязычных текстов не модернизируется.

Часть этих материалов была впервые напечатана нами в следующих изданиях: [Ивинский, 2017; Ивинский, 2018; Ивинский, 2019; Ивинский, 2021; Ивинский, 2022; Ивинский, 2023a; Ивинский, 2023b; Ивинский, 2023c; Ивинский, 2024a; Ивинский, 2024b; Ивинский, 2025].

1776 г.

<1>

<5.1.1776>[1] ++
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

За все ваши ко мне отменныя милости проношу мою нижайшую благодарность. Я, слава Богу, жив и здоров. С нетерпеливостию желаю знать, доехалиль вы до места и всель благополучно; здоровыль вы, батюшка, и какова сестрица? Я мало по малу, к одиначеству моему привыкаю. Вас, нижайше прошу, не оставьте меня в памяти вашей; ето мне всего дороже. Не знаю, чем вас утешить, чтобы такое написать, чем бы и я был доволен и что бы вам было угодно; воображения мои смутны, и все что ни скажу, остается ниже того, что хотел бы сказать. Все что я ни есмь, чем вперед быть могу, всем обязан я вам: воспитание, мысли, состояние, все сие имею я от вас; какою ж услугою могу я заплатить все сие? никакою. Одно чистосердечное признание ваших отеческих благодеяний, нижайшая покорность и сыновняя любовь; вот все то, что состоит в возможности моей и что я стараюсь оказывать в совершеннейшей степени. Простите, батюшко, сии несколько излишныя подробности: я к ним увлекаюсь каким-то внутренним побуждением. Когда я при вас был, я мог вас видеть, с вами разговаривать, и сего уж было довольно, для моего удовольствия; теперь я не могу вас видеть, я лишен ваших разговоров, я не могу поцеловать руки вашей, так пусть хотя слова мои, сии отсутственныя речи, будут несколько плодоноснее. Они свидетели моих чувствий; они изтекая из души; и волнение ее с собою увлекают. На другой день после вашего отъезду по утру был я у капитана <С.А. Хотяинцева>[2], который и дал мне в компанию приехавшаго Унтер-Офицера Сновидова[3] из отпуску. Итак, он и с меньшим братом[4], с .31. дек<абря> и стал жить в маленьких двух покойцах, где сестрица жила. День спустя прибавился мне еще другой стоялец, также Унтер-Офицер Хитров. Он расположился в угловой горнице, что еще двумя окошками на улицу. Как кажется, так оба люди добрые. В Новой год с братом Захаром Матвеевичем <Муравьевым> выезжали мы к Василью Евдокимовичу <Адодурову>[5], и он нас принял очень хорошо; Анны Андреевны <Урусовой>[6] не застали дома. После обеда заходил к нам капитан <С.А. Хотяинцев>: он также мне советует взять к себе детей Семена Сергеевича <Муравьева>. Вчера присылала за мной Прасковья Глебовна <Головцына>[7], и я там обедал. Она еще все больна: нынешний день по прозьбе ея ездил я с сыном ее

---

[1] Пометка Н.А. Муравьева: «Получено Генваря .12. д.<ня> 1776 года».
[2] Хотяинцев С.А. — капитан-поручик Измайловского полка.

[3] Возможно, Г.А. Сновидов — подпоручик Семеновского полка.

[4] Возможно, с Т. Сновидовым.

[5] Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — русский ученый и писатель, с 1762 г. куратор Московского университета; дальний родственник М.Н. Муравьева: был женат на Е.Д. Муравьевой (ум. 1770), дочери поручика лейб-гвардии Преображенского полка Д.Г. Муравьева.

[6] Урусова Анна Андреевна (урожденная Волкова; ум. 1804) — сестра А.А. Волкова, родственница Муравьевых, вдова Н.Е. Муравьева (1724–1770); с 1778 г. — жена князя А.В. Урусова (см. также: [Топоров, 2007, 3, с. 128–129]).

[7] Головцына Прасковья Глебовна — жена И.А. Головцына, знакомая Муравьевых <1; 19; 46; 59–60> (см. также: [Письма, с. 366; Топоров, 2007, 3, с. 243]).

Дмитрием Ивановичем <Головцыным> к Григорью Александровичу Потемкину[8]: чтоб только ввесть в покой и найти случай доложить об нем; а он бы подал письмецо. Но мы прождали за .12. часов, и, сколько ни просили доложить, никто не смел; затем, что Граф <Потемкин> пролежал на постели и не выходил в уборную. Вчера был я также у Федора Михайловича <Колокольцева>: я его милостью чрезмерно обязан; он просит, чтоб я всегда к нему ходил, и запросто. Тут я ужинал. Он приказывал извинить себя перед вами, что не пишет к вам, затем что у них в Коллегии и до обеда, и после обеда присутствие; хотя и в праздники приказал вас уведомить, что Вас<илий> Яковл<евич> Чичагов[9] подал челобитну в отставку. Также сказывал, что он говорил об вас во дворце с <Я.Е.> Сиверсом[10], что вы в угодность его уже отправились и что определение свое приписываете его милости, на что <Я.Е.> Сиверс весьма хорошо о вас отзывался и проговаривал, что он с охотою вам бы лучше сего место хотел дать, однако и ето де на первой случай уж пускай так будет, а вперед может быть и переменится. У него же сидючи, видел я и Аполлона Андреевича[11], которой приезжал к ним вечером. Также приказал отписать Федор Михайлович <Колокольцев>[12], что книжка новых уставов еще здесь не вышла, а как скоро выйдет, так к вам перешлет[13]. За сим не имею, что более писать, как пожелав вам здравия и благополучия, препоручить себя в вашу родительскую милость и испросить вашего благословения,

ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Милостивая Государыня моя Сестрица Федосья Никитична, каково вы приехалии ли приедите, да нет уж вы приехали. Скажите нам или отпишите весточку. Eh! bien, Voltaire, est-il deja cytoyen de Twer? Я не знаю, что писать: да, Прасковья Глебовна <Головцына>, Марья Ивановна[14], Офросинья Емельяновна, Устинья Роговна, Федосья Ивановна приказали кланяться. Всю Географию Твери должны вы к нам прислать, а Захар Матвеевич <Муравьев> хотел вам всю Историю нашу сообщить. Прощайте, я и сам похож на Географию, вкупе же и на Историю. Никита Романович <Рожешников>[15] приказывает свой покорнейший поклон.

1776. года
Генваря .5. дня.

---

[8] Потемкин Г.А. (1739–1791) — князь, государственный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит и, по-видимому, муж Екатерины II.

[9] Чичагов Василий Яковлевич (1726–1809) — флотоводец эпохи Екатерины II, адмирал (1782).

[10] Сиверс Яков Ефимович (1731-1808) — русский государственный деятель; с 1764 г. — генерал-губернатор Новгородского наместничества.

[11] Возможно, ошибка, и речь идет об А.А. Волкове (1739–1806), брате А.А. Волкова и А.А. Муравьевой.

[12] Колокольцев Федор Михайлович (1732–1818) — прокурор Адмиралтейской коллегии. Отец Екатерины Федоровны Колокольцевой, будущей жены М.Н. Муравьева.

[13] Вероятно, имеется в виду: Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатася повелением ея императорскаго величества. 4-м тиснением.СПб.: При Императорской Академии наук, 1776 г. 120 с.

[14] Неустановленное лицо; упоминается также: [Письма, с. 290].

[15] Рожешников Никита Романович (1754–?) — друг М.Н. Муравьева по Московскому университету (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 188; РБС 16, с. 334–335]).

С<анкт->Петербург[16]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 4–5 об.).

<2>[17] ++
<12.1.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Приношу мою искреннюю благодарность, за приятнейшее писмо, которым я обрадован в моей скуке: оно писано из Новгорода, а других я по сие время еще не получал. Вот уж тому третья неделя, как уж вы поехали; я давно вас считаю в Твери. Сделайте мне ету милость, отпишите к оставленному здесь, а я уж на прошедшей почте к вам писал, не знаю дошлоль мое писмо. Я только, что сменился с дежурства. Признаюсь вам, не много я наделал без вас. Ваше дражайшее присутствие, ваши полезнейшие наставления учреждали мою волю и старания: всего етого лишен я теперя. Однако всею моею силою потщусь не оскорбить вашей надежды обо мне. Вас нижайше прошу, сохраните мне ваши милости: не забудьте меня. Из Устреки[18] на сих днях приходил Данило Дмитриев и принес оброку тридцать семь рублей, десять копеек. Я их по приказанию вашему принял: за что свидетельствую мою нижайшую благодарность. У меня теперь около .98. рубл.<ей> за всеми расходами, из которых те и наибольшие что заплатил в Казну за принятые вещи, да за переворотку мундира. На караул я еще не ходил и Сергей Александрович <Хотяинцев> не очень здоров, а сколько льщу себе, так думаю, что с ним вместе в первой раз пойду. Вы ето изволите, знать что в нашей пристройке стоят со мной двое Кадетских Унтер-Офицеров Хитров и Снавидов. На одной почте с вашим писмом получил я также писанное еще к вам писмо от Ивана Петровича Вульфа[19], в котором он просит, заехать к себе по дороге. Прежде того, пришло еще писмо от Агафоклеи Александровны <Полторацкой>. Но я разсудил за благо не пересылать сих писем к вам, как такие которые уже тщетны. Записная книжка Авдотьи Александровны <Львовой> скоро поспеет: как изволите приказать ее к вам или в Торжок? От мужиков, которые работают в Кронштате, приходил третьева дни один, для принятия куля муки; но как мы не знали, каким образом его свесть туда и как ямщики очень дорого просили, то уж положили, чтоб им в Кронштате муку покупать. Как впредь изволите приказать? Я ныне думаю обедать у Федора Михайловича <Колокольцева>: милостью его я весма доволен и очень видно усердие, которое он к вам имеет. Я к вам писал на прошедшей почте, о том что он говорил с <Я.Е.> Сиверсом. Меня уж то безпокоит, получили ли вы мое писмо или нет. Василий Евдокимович <Адодуров> приказывает вам кланяться. Вы изволили здесь позабыть писмо, которое писал Мозовской[20] к <Я.Е.> Сиверсу. Устрецкие мужики пишут, что от них не принимают подушнаго, за купленных от <М.П.> Яковлева рекрут, прежде нежели Яковлев подаст о том доношение,

---

[16] Далее приписка З.М. Муравьева: «При сем и я, милостивой государь дядюшка, засвидетельствую мое почтение. Впрочем, остаюсь и навсегда ваш покорный слуга. Захар Муравьев».

[17] Адрес: «Милостивому государю батюшке, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству Муравьеву, в Твери. От Сержанта Муравьева».

[18] Деревня в Новгородской губернии.

[19] Вульф Иван Петрович (1741–1814) — родственник М.Н. Муравьева, был женат на Анне Федоровне Муравьевой (ум. 1793), владелец имения Берново в Тверской губернии, в котором часто жили Муравьевы и их друзья и знакомые, позднее Орловский губернатор (1798–1800).

[20] Видимо, имеется в виду Н.Н. Мозовский (1756–1807) — генерал-майор, шеф Павловского гренадерского полка, в 1776 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку.

что они уж не его. Также Данило Дмитриев просит еще, чтобы приказано было выдать дочь свою за его брата. Он о том вас прежде просил, и вы изволили писать, отдая то на рассуждение Матвея Артемоновича <Муравьева>[21]; но Иван Игнатьев почел сие писмо, будто за подложное и разодрал его, так как Данило Дмитриев, показывал мне его. Староста пишет, что некоторые мужики продавали рожь и овес в земле, так как те, которые пошли сюда работать; да еще Иван Степанов продал всю свою пашню под Яровину, Давыду Игнатьеву. Я не знаю: мне хотелось бы более писать, но не нахожу что такое и боюсь вас утрудить пустотою материи. Одно чего я желаю есть то, чтоб вы совершенно были уверены, с каким глубочайшим почтением, с какою благодарностью, воспоминаю о ваших милостях. Признаю себя недостойным оных; но по вашему великодушию, прошу вас покорнейше, чтобы беспрерывным их продолжением мог я наслаждаться. Я весь ваш; молитвами вашими живу здоров и весел и вашим отеческим благословением, хочу навсегда утешаться.

Ваш покорнейший и послушнейший
сын и слуга
Михайло Муравьев.

Любезная сестрица Федосья Никитична! с каким полным удовольствием читал я те милые строки, которыми ты удостоиваешь отсутственнаго брата! Верь, что я тебя люблю; но мнель тебя уверять? Жизнь твоя будет моим свидетелем. Твои приказания исполнены: Фавинька <фасинка?> самым ротиком <?> почтение тебе приказывает. А корова, сударыня, как корова, молока дает, сколько прикажете. А продаем мы вот как: Унтер-Офицеры которые у нас стоят берут всякий Божей день, аще что от Бога не зайдет и сливки и снимки и все что угодно, и того на полтину. А Елегия, сударыня, между нами будь сказано, она и пр. <так!>. Захара Матвеевича <Муравьева> теперь нет, а одно бы он наврал; четвертаго дня примчал ко мне Ноты Французских Опера Комик переписывать для вас, да чтобы к завтрему; а тетрати такие большие, что и ужесть. Ну мы переписывать; марали целой вечер: по странице написали. Хотели реку выпить; слава Богу, не выпили. Татьяне Петровне[22] свидетельствую мое почтение. Жагон приписывает чувствительнейшую благодарность. Прощайте. Нынче никак Театр загнется. Adieu ma chère. Будь здорова и отпиши что здорова.

1776. года
Генв<аря> .12. дня
С<анкт->Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 6–7).

<3>[23] ++
<14.1.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Сколько я нещастлив, что мои писма, которыя я давно считал у вас, не дошли к вам, и что я может быть чрез то всякую минуту, которой ето писмо медлит вас уведомить, огорчаю вас невозвратно. Вот это уж третье писмо, которое я к вам пишу: ну! ежели и ето не дойдет! я не знаю что и думать. Сделайте милость, батюшко, не печальтеся отнюдь обо мне: я здоров, спокоен, весел, и как мне быть иначе, когда вашими милостьми, неусыпным обо мне попечением я выведен уж из того, чтобы чего нибудь желать, окроме вашего

[21] Возможно, М.А. Муравьев ст.

[22] Неустановленное лицо; ср.: «Татьяна Петровна — родственница Муравьевых, жившая в их семье в качестве “компаньонки” Федосьи Никитишны» [Письма, с. 364].

[23] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, Милостивому государю, в Твери, в доме купца Соболева».

присутства. К несчастию моему писал я к вам все по вторникам, на Ямской почте, и, спокоен будучи, полагался, что они непременно дойдут. Одно писано в сочельник Крещенья, в котором и Захар Матвеевич <Муравьев> множество написал и целую историю вседневную сообщил. Другое писано третьяго дня, где я вам обстоятельно описывал кое што довольной важности; так как то, что я принял Устрецкой оброк, тритцать семь рублей десять копеек, с которым приходил сюда Данило Дмитриев. Некоторые надобности крестьянские, которые упоминаются в Устрецком писме, были также там включены. Да того всего мне отнюдь не жаль, что можно в другой раз переписать; но безпокойство, которое вам чрез то всечасно приключается, поверьте, что меня в ужас приводит, когда я об нем подумаю. Возможноли, чтоб я так был неблагодарен, так чужд всякой жалости и честности, чтобы едва лишь вы оставили меня, ниже единою строкою не хотел бы вас утешить? Да и мое собственное сердце, потеряло ли оно все свои чувствия, даже до той крайности, чтобы позабыть того, кому оно посвятило первыя свои ощущения? Убей меня Бог после того! Никогда на Ямской почте писать не стану. А на теперешней случай, прошу нижайше прощения, естли приключил вам оскорбление без всякаго моего ведения и умыслу. Я из писма вашего вижу, сколько ваша квартера мала и безпокойна: ето меня весма трогает. Притом же труд и тряска дорогою претерпенная, когда соединится с худобою жилища, думаю, приносит великую скуку. Разделен пятьюстами верст, зачем я не могу ее разделить с вами. Теперь весь дом ваш на легке; ваша милость ко мне хотела лучше лишить себя нужнаго, нежели мне не оставить чего нибудь надобнаго. Вместо того чтобы мне терпеть нужду, вы сами ее несть захотели. Ето меня чрез мерно сокрушает. А особливо бедной Фешинки; дай Бог! чтобы она нашла какое нибудь сообщество, которое бы разгоняло несколько скуку ее. К повару ходил нынче по утру Ванька, но он нейдет уже жить; приводя причиною свое семейство, что жена его много набрала платья мыть и пр., однако он обещается прислать к нам какого нибудь места ищущаго повара. Матрионе Дмитриевне <Бастидон> писмо отослано, и ответ на оное при сем посылается; и она обещала также приискивать его. Повары Федора Михайловича <Колокольцева> сказывают, что случается ходят какие повара и спрашивают места; как скоро де нам попадется едакой, так мы пришлем. Уж не лучшели, батюшко, Ульяну взять изволите; а корову бы можно продать. Вот и в лошадях вы терпите недостаток; отпишите ко мне батюшка, каким образом пробавляетесь вы во всем етом. Здоровыль вы? Здороваль Фешинка? Я нынче отдал Войцехову переписывать ноты некоторых арий из французских опер, которыя достал Захар Матвеевич <Муравьев>, и которыя было мы уже зачали переписывать: может быть к воскресенью они и поспеют. Третьяго дни вышла из переплету книжка записная Авдотьи Александровны <Львовой>[24], куда ее прикажете переслать? Полтарацкой заходил ко мне нынче и сказывает, будто приехал Николай Александрович Львов. На сих днях дано Графу Гр<игорию> Алекс<андровичу> Потемкину .16000. душ в Белоруссии. По моему щету должно притти писмо сие около .20. числа. Сколько ето меня беспокоит, что прежде того никаким образом не могу вас уведомить. Нынче отправил я человека Льва Андреевича <Батюшкова>[25], вступилили уже вы в правление и каким образом. Кто ваши товарищи, уведомьте батюшко меня. А со мной стоят двое унтер-офицеров кадетских — Сновидов и Хитров; я уж много раз к вам ето писал. На караул я еще не ходил, а с дежурства как сменился тому третий день. У Федора Михайловича <Колокольцева> раза два обедал: Прасковьи Глебовны <Головцыной> сына возил к Гр<афу> Потемкину, чтобы от ней

---

[24] Рудакова Авдотья Александровна (урожд. Львова) — сестра Н.А. Львова (см.: [Письма, с. 375; Топоров, 2007, 3, с. 252[24]]).

[25] Батюшков Лев Андреевич — муж тети М.Н. Муравьева (сестры С.П. Ижориной), дед поэта К.Н. Батюшкова (см. также: [Топоров, 2007, 3, с. 131–132, 237]).

подать писмо; но Графа не дождались. Вчера сидел я у Крафта[26], и он мне дал Вольфов Дифференциальной счет[27] и просил, чтобы я по нем у него спрашивался. Будьте только вы веселы и здоровы, а я уж вашими молитвами и стараниями, и милостями и здоров и весел. Что поделает бедная Фешинька? Дай Бог, чтобы хотя она вас утешала, чтобы была здорова, ето пуще всего. Какия у вас веселья? а здесь зачались комедии, только я еще не был. Писмо, вами писанное из Нова города, я в свое время получил и ответствовал на оное. Федор Михайлович <Колокольцев> говорил о вас во дворце с Губернатором[28], которой отзывался всегда в вашу пользу, и как мне пересказывано, так из речей Губернаторских надеяться вам можно и лучшаго места. Впрочем не имею что писать, как просить Бога о вашем здравии и благополучии. С искреннейшею моею благодарностию, ревностию и усердием к вам ожидаю вашего благословения, ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.
1776. года Генв<аря> .14. дня
С<анкт->Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 8–9).

<4>[29] ++
<18.1.1776>
Батюшко милостивой Государь Никита Артемонович!

Вот четвертое писмо которое я пишу. Я Богом наказан за все мои грехи, когда писма мои к вам не доходят. Что я зачну делать? Чем я заплачу то сокрушение, которое вам приятнее. Я плачу, да воротить не могу. Сделайте милость, уверьтесь, что я здоров, не сокрушайтесь; мое нещастие, того хотело, чтоб все мои писма остались тщетны. На Ямской почте от .5. Генваря писал я к вам первое писмо, от .12. числа писал другое, от .14. числа писал третие, нынче после обеда прислано ко мне от Федора Михайловича <Колокольцева> ваше писмо, в котором я вижу судьбу свою написану. Фешинька плачет. Боже милостивой! Каким образом я помогу. Нынче .18. число. Ето писмецо: дай Бог, чтоб вы получили. Я вот теперь же на этой же почте пишу к вам и другое. Испытайте мое щастье: дойдет ли оно, так как это? Я пишу безпорядочно для того, что моя душа погружена в глубочайшую печаль. Алекс<андр> Федорович <Муравьев>[30] поехал третьяго дня. Прощайте. Я прошу на коленях прощения и благословения.

Покорнейший и нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776 .18. Ген<варя>
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 16).

<5>[31] ++
<18.1.1776>

---

[26] Крафт В.Л. (Логин Юрьевич, 1743–1814) — известный математик, академик, преподавал в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Артиллерийском корпусе (см.: [Письма, с. 371]).

[27] Видимо, Муравьев имел в виду следующее издание: [Волф].

[28] Видимо, с Я.Е. Сиверсом.

[29] Адрес: «Милостивому государю моему батюшке Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[30] Муравьев Александр Федорович (ум. около 1792) — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[31] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Что мне писать? Я нещастной плачу, а может быть мне и больше слез будет. Какую вам нанес печаль? Вот теперь только присылал ко мне Федор Михайлович <Колокольцев> с вашим писмом: вот теперь же я написал маленькое писмецо, чтоб Федор Михайлович <Колокольцев> к вам его переслал. А между тем пробую еще свое щастье: дойдет ли мое? Ну! ежели не дойдет. Так что мне делать? Батюшко, милостивой Государь, сестрица матушка, сделайте милость, сжальтесь на мое состояние. Чем горестнее ваше состояние, тем в тысячу крат пуще мое. Боже милостивой! я четыре писма, в четвертой раз пятое писмо пишу. Ни одного неполучаете. Что мне делать? Ну ежели вы все печалитесь. Ну ежели вы занеможете, я всему вина и как мне помочь? Бог меня наказал. Что ни напишу, все пропадает. Чтобы чорт меня взял! Моя жизнь мне в скуку, в досаду, в проклятие. Я беден да так, что и вам того изъяснить не могу. Что в том, что я думаю будто с вами говорю? Неправда. Я пишу понапрасну и думаю твердо, что и это письмо не дойдет. Как я вас могу утешить? вам не об чем печалиться. Я здоров, да и того, что здоров сказать вам не могу. Вы хотели писать ко мне, и более да вы не знаете, к кому вы пишете. Каково мне ето? Вы просите Матвея Артемоновича <Муравьева>[32], чтобы он вас уведомил об сыне вашем. Что я после этого скажу? Пятое, пятое писмо пишу. Во всех отчаявшись, отчаяваясь найти какой нибудь способ доставить свои уведомления вам. Я сам приеду, ежели послезавтра получу от вас еще мне горестнейшее известие, что вы ни одного от меня писма не получали. Утешьтесь, батюшко, ежели я это с вами говорю, утешьтесь ради Христа и ежели получите хоть ето писмо, хоть то маленькое, что чрез Федора Михайловича <Колокольцева> послано, зделайте милость отпишите, что вы его получили. Обрадуйте меня беднаго. Я тот нещастной, котораго Бог сам наказывает; какое могу иметь обрадование, когда вы всякаго лишены и когда я ето знаю; бедная сестра, не плачь матушка, ежели хочешь, чтоб я не плакал, отпиши мне, что ты не печалишься. В едаком ужасном состоянии, каково мое, что мне пойдет в голову? Брат Александр Федорович <Муравьев>, которой третьяго дня приехал сюда и нынче только до обеда от меня на квартеру перебрался, звал меня завтра обедать к себе, чтоб вместе ехать в Комедию, в которой я еще не бывал; но в горестях я только нынче вечером ето отвезу писмо на почту и до середы запрусь и стану сидеть дома. Не понимаю, каким образом доставить вам мои писма и слезно молю Бога, чтоб хоть ето дошло. Генваря .5. числа, то есть в сочельник Крещения, писал я первое писмо на Ямской почте. Второе также на Ямской почте писал я .12. числа. 13. в вечеру получил я ваше писмо из Твери, в котором я увидел, что вы моих не получали: для того на другой день, т. е .14., в четверг писал я на Немецкой почте, на которой и Матрионы Дмитриевны <Бастидон>[33] писмо вместе с своим послал. Ето все не доходило! Боже мой, я столько перед тобою винен, что я ето заслуживаю. Ежели только ето писмо дойдет, я вас через него прошу на коленях, зделайте милость, пишите писма на мое имя. Ваши писма все дошли до меня. Первое из Новагорода получил в вечеру в Крещенье, второе из Твери в прошедшую середу .13. число. Нынче, т. е. 18 числа в понедельник уж через Федора Михайловича <Колокольцева> получил. Зделайте милость, удостойте меня самого етим. Я заклинаю вас вашею любовью и милостью ко мне, любите меня, но не сокрушайте самих себя. А ты матушка сестрица утешай батюшку вместо того, чтобы самой предаваться печали. Какая причина думать,

---

[32] Муравьев Матвей Артамонович ст. — генерал-майор, брат Никиты Артамоновича Муравьева, дядя М.Н. Муравьева (см. также: [Письма, с. 365]). Возможно, имелся в виду его тезка Муравьев Матвей Артамонович мл., тоже дядя М.Н. Муравьева, в 1777 г. — полковник, суздальский воевода (см. подробнее: [Топоров, 2007, 3, с. 123–124]).

[33] Бастидон Матрена Дмитриевна (1734–1805) — мать К.Я. Бастидон, первой жены Г.Р. Державина.

чтобы я был нездоров? Не уж то как скоро вы приехали; так уж и можно бояться здоров ли я. Мое нещастье только то, что писма мои не дошли до вас. Я так здоров, что даже не угорел ни разу. Батюшко! каким образом я могу вам благодарить? Естьли бы не такия смутныя обстоятельства, так бы вы могли чувствовать изо всякой строки моей, что я милостей ваших не могу довольно изъяснить; а ежели вы и теперь сокрушаетесь, так вы хотите отнять у меня все то, чем вы меня пожаловали. Хоть у вас нет ли каких ездаков, с которыми бы я мог писать вернее, нежели через почту. Я принял Устрецкой оброк .37. рубл.<ей> и .10. копеек, за что мое нижайшее благодарение приношу. Я хотел бы сам лучше прилететь и при ваших ногах изъявить мою нижайшую преданность, с которою навсегда пребуду прося вашего отеческаго благословения.

Покорнейший и нижайший сын ваш и слуга
Михайло Муравьев.

1776. год. Ген<варя> .18. д<ня>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 12–13).

<6>[34] ++
<21.1.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

С истинным восторгом получаю я ваше драгоценное писмо: я нижайше прошу прощенья, естьли моими последними писмами, сколько нибудь вас огорчил. Я признаюсь, что виноват, не умев умягчить несколько дерзских моих движений. Молю Бога, чтоб он укрепил ваше сердце против сих мелких оскорблений. Уверьтесь батюшко, что я щастлив буду вашим спокойством и удовольствием. Для меня, для сестры, сделайте милость и отдаляйте от себя всякия печали. Увеселяйте себя по возможности: я тем ласкаю себя, естьли вам не скучно. Какое чувствие буду я иметь, когда вы безпокоитесь? Я здоров, изобилен, спокоен и вы печалитесь! Какову же надлежало б по сему мне быть, когда я знаю, что для меня вы терпите всякую нужду? Марья Ивановна[35] уверяет, что сестре найдутся сообщества: жена г.<осподина> Тутолмина[36], Свечина[37] и пр., сказывает она, барыни молодыя и веселыя. Г. .<осподин> Чадаев[38] также никак отправился в Тверь: сколько можно надеяться, так в числе знакомств недостатка не будет; только б можно было найти людей добрых и по своему нраву. Одно затруднение в худобе квартеры. Повеление ваше, чтоб поговорить с Федором Михайловичем <Колокольцевым> о Сердюковом доме[39] я уповаю

[34] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[35] Неустановленное лицо; упоминается в [Письма, с. 290].

[36] Тутолмина Варвара Алексеевна (урожд. Вердеревская; ум. 1808) — вторая жена Тимофея Ивановича Тутолмина (1740–1809), русского военного и государственного деятеля; в 1776 г. — тверской вице-губернатор, с 1777 г. — правитель Тверского наместничества.

[37] Возможно, жена А.Г. Свечина (1727–1797), надворного советника.

[38] Чаадаев Иван Петрович (1732 или 1733–1786) — тверской помещик, сослуживец Н.А. Муравьева, переводчик (см.: [Кулакова, Западов 1980, с. 370]).

[39] Вероятно, речь идет о доме М.И. Сердюкова (1678–1754), купца и гидротехника, с которым был знаком М.А. Муравьев ст., так как в 1749 г. он входил в состав комиссии, назначенной для ревизии его работ на Боровицких порогах; см. подробнее: [*Муравьев*, 1994]; [*Виргинский, Либерман*]. Скорее всего, в 1776 г. дом

скоро исполнить. Ето писмо ваше, получил я уж нынешний день, т.е., в четверг после обеда, чего ради и не успел етого исправить; а на будущей почте, конечно ответ сообщу. На прошедшей неделе в суботу, т. е. .17. числа Александр и Николай Федоровичи <Муравьевы>[40] приехали из деревни: они заезжали к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву ст.>, которой с ними прислал сюда учителя для пересрочки паспорта Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.> и стараться о его пожаловании. Сам будет уж разве к осени на барке. Братья переночевали две ночи у меня и приискали квартеру себе на Сергиевской, куда вместе, и Ивана Матвеевича <Муравьева мл.> приговорили жить. Итак, они все трое по .10. рублей на месяц плотят. Николай Федорович <Муравьев> пожалован Подпорутчиком и переведен в Канонерский второй. А Алекс<андр> Федорович <Муравьев> остался первым Порутчиком и хочет в годовой отпуск ехать. Они оба уж по две почты собираются к вам писать, да я уж с тех пор, как уехали на Литейную, и не видал их. У меня теперь живет крестьянин с Полос и две лошади, на которых приехал учитель. Дядюшка <М.А. Муравьев> пишет, чтоб я его отсюда прогнал поскоряе, и мужик просится в деревню, да только он все с день на день отлагает. Третьяго дня ездил я к Маиору <Ф.Я. Олсуфьеву[41]> с писмом от дядюшки <М.А. Муравьева>. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> был болен, однако по прочтении писма призвал меня и приказал отписать к дядюшке <М.А. Муравьеву>, что паспорт он отсрочивает еще на год, а переменить его не может для того, что он переведен из Артиллерии, и что в действительной службе еще никогда не был. От него поехал я к Талызину[42]: дома его не застал и для того поехал во дворец, где ему доложили обо мне, и он взял от меня писмо, спросив наперед: *не от батюшки ль*? После етого просил, чтоб я ходил к нему. О человеке Льва Андреевича <Батюшкова> я уж к вам прежде писал; Николаю Львовичу <Батюшкову> отсрочка дана, и чай наш с человеком отправлен. Впрочем я о себе объявляю, что я слава Богу, здоров и нахожу приятное упражнение, в чтении Горация[43] особливо: так что и Гараска применился, когда я спрошу

(как и другое имущество) принадлежал одному из потомков М.И. Сердюкова: сын И.М. Сердюков (1721–1761) утонул, у него остались дети М.И., П.И. и Е.И. Сердюковы; дочь М.И. — Е.М. Сердюкова вышла замуж за генерала-майора В.И. Храповицкого.

[40] Муравьев Николай Федорович — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[41] Олсуфьев Федор Яковлевич (ум. 1783) — секунд-майор Измайловского полка.

[42] Талызин Александр Федорович (1734–1787) — тайный советник, сенатор, участник переворота 1762 г.

[43] Гораций – один из важнейших для Муравьева поэтов: его произведения он читал и переводил многие годы и включал его в ряд «законодателей вкуса», которые «суть Аристотель, Лонгин, Гораций, Буало» [Муравьев 1819-1820, ч. 2, с. 239]. Так, в [Муравьев 1773] поэт напечатал «Оду Carminum IV Liber I Из Горация к Люцию Сексту Консулярному», «Ода Carminum IX Liber III Из Горация», «Ода Carminum XVIII Liber III Из Горация. К Фавну», «Ода Carminum IV Liber IV Из Горация» [см.: Топоров, 2, с. 22; Прокопьева]. Л.И Кулакова перепечатала 11 текстов Муравьева [Муравьев, 1967, с. 255-267]. При этом восприятие Горация было сложным, направленным как в прошлое, к традиции античной культуры, так и в будущее, в мир придворного остроумия Старого порядка. В этом отношении показателен один из муравьевских текстов — «Разговор мертвых», в котором «участвовали» Гораций и А.Д. Кантемир; в уста русского поэта он вложил следующие слова: «Лестнейшие мои желания исполнены: беседую с Горацием. Я могу сказать тебе изустно, сколько пленяли меня стихи твои, снисходительная мудрость, тонкое остроумие придворного и величественный дух стихотворца, соревнователя греческой лиры. <…> Творец нового рода стихотворства, ты дал нам полную систему нравоучения самого здравого в посланиях остроумных и естественных» [Муравьев 1819-1820, ч. 1, с.

маленькую белую книшку. Василий Евдокимович <Адодуров> приказывает кланяться: он ко мне присылал осведомляться, и хотел к вам писать, не знаю, что его удержало. На сих днях виделся я с Никол<аем> Алекс<андровичем> Львовым[44]: он живет у Михаила Федоровича <Соймонова>[45]. Захар Матвеевич <Муравьев>[46] и Никита Романович <Рожешников>[47] приносят свое нижайшее почтение. Они весма сожалеют, что не могут писать, затем, что в почтовые дни, они в Корпусах своих. Книшку Авдотьи Александровны <Львовой> на будущей почте перешлю. За всем сим препоручаю себя в вашу отеческую милость и прошу нижайше вашего благословения

Покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка Голубушка сестрица Фешинька! Eh bien! comment cela va? Vous Provinciale! Bon! Et mon cher Vieillard, ce nouveau Marquis, Mr. de Voltaire s'accoutume-t-il aux façons de Tver? Et son confrère Mr. Marmontel aussi? Je leur souhaiterai la barbe[48]. Зделай милость матушка отпиши ты мне все сполна, что вы делали *pr<a>esenti et futuro tempore*[49]. Не обманись, ведь ето по Латине. C'est un trait de ma Gentilesse[50].

297]. М.Н. Муравьев не случайно здесь повторил понятие «остроумие», возможно, это один из ключей к его восприятию поэзии древних. Таким образом он актуализировал наследие прославленных авторов и включал его в широкий контекст современных дискуссий о культуре, который был не представим вне придворной темы. Не менее показателен и следующий отрывок из того же текста: «Законодатель вкуса, ты останешься вождем стихотворцев всех веков и народов. Чувствовать красоты твои было мое достоинство; перенести их в мой отечественный язык, — покушение раннее и ожидающее успеха от позднейших писателей» [Муравьев 1819-1820, ч. 1, с. 297]. Одним из этих «позднейших писателей» и стал сам М.Н. Муравьев, который на протяжении всей своей жизни возвращался к стихам Горация и «переносил» красоты латинского стиха в «отечественный язык». В «Записной книге» поэта, хранящейся в ОР РГБ (ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1.), сохранились следующие переводы из латинского классика: «Осмая Горациева Ода кн. I. К Лидии», «Горация книги первой Ода вторая», «Горациева XXXVIII ода книги первой», «Гораций и Лидия», Горация книги первой Ода XXIV к Виргилию» (Эти тексты напечатаны нами; см.: [Ивинский 2021, с. 370-374].)

[44] Львов Николай Александрович (1751–1803) — известный поэт, драматург, переводчик, деятель Просвещения. Он сыграл важнейшую роль в жизни Муравьева. В 1770 г. они много общались, обменивались идеями и книгами. Под влиянием Львова Муравьев увлекся изучением итальянского языка и литературы (см. особенно: Росси, 2003). Несмотря на близость эстетических представлений, в науке не решен вопрос о том, был ли Муравьев членом т.н. львовско-державинского кружка (см. важные замечания [Лаппо-Данилевский, 2024]; ср.: Ивинский, 2025).

[45] Соймонов Михаил Федорович (1730–1804) — сенатор, директор Берг-коллегии, старший сын Ф.И. Соймонова, сенатора и известного гидрографа (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 259–260]).

[46] Муравьев Захар Матвеевич (1759–1832) — артиллерийский офицер, сын М.А. Муравьева мл., двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[47] Рожешников Никита Романович (1754–?) — друг М.Н. Муравьева по Московскому университету (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 188; РБС 16, с. 334–335]).

[48] Перевод: «Ну что, как поживаете? Вы, провинциалка! Прекрасно! А мой дорогой Старик, этот новоявленный маркиз, господин де Вольтер, привыкает к тверским нравам? А его собрат, господин Мармонтель, тоже? Пожелаю-ка я им бороды».

[49] Перевод: «В настоящем и будущем времени», т.е. «ныне и впредь».

[50] Перевод: «Это знак моей любезности».

А я тебе скажу, что сделалось со мной,
Заехал я в Театр, с Гараской за спиной[51],
Я вышел: мальчик мой подъехал близ другова,
И стал: вдруг скачет Паж: ты чей? я Муравьева,
Кто барин твой? Сержант. Котораго полку?
Измайловской — так, так я тотчас побегу.
Туда, сюда, назад, я был у господина,
Он был без места там, я ложу дал ему,
Он свесть меня велел к местечку вон тому,
Скок в сани, вожжи взял, ну! ступай, скотина.

Вот, сударыня чтоб тебя повеселить! Покрайней мере я того хотел, затем что стишки не очень веселы: однако ж кто на почту стихи делает; так... Прощай. Ульяна кланяется. У нас уж с рубль накоплено. А сено очень дорого. Прощай. Татьяне Петровне кланяюсь. Писмо ее давно отдано, да нет ответу.

1776. года генв<аря> .21. д<ня>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 14–15).

<7>[52] ++
<28.1.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Ваше любезнейшее от .19. числа писание получил я .24. исправно, будучи в сутках во дворце. Сия самая причина сделала и то, что я к вам не успел писать последнюю почту. Здесь время стояло очень хорошее, даже что теперь и снег с кровель сошел и улицы черны, как в Великой пост. А етот раз ходил Сергей Александрович <Хотяинцев> и для того с собой на весь фрунт взял унтер-Офицеров и Капралов Кадетских. Я был за пикетнаго[53] Сержанта: за адьюнтаже <так! – А.И.> был наш Фельдфебель Львов. Из Офицеров были следующие: Капитан-Поручик, граф <А.> Головин[54], при Гранодерах <Е.Ф.> Кудрявцов[55], за Порутчика подпорутчик Князь <И.> Щербатов[56], Подпорутчиком <Е.С.> Шумаков[57], Прапорщиком Мажуров. На другой день нашего караула, то есть в понедельник, затем, что вышли в воскресенье, Сергей Александрович <Хотяинцев>[58] приказал быть Пикетным вместо меня Сержанту Гордину, а мне вместо его в Уборных, чтобы таким образом мы оба, будучи в первой раз на карауле, обе должности узнали и притом бы с облегчением. С Караулу взял меня Сергей Александрович <Хотяинцев> в карету, и мы вместе приехали домой. Естли мои караулы всегда будут отходить так, как етот; то я весьма доволен, и вы, я думаю, изволите увидеть, что лучше быть нельзя. Я весьма радуюсь, естьли вам будет

[51] Сноска Муравьева: «Понеже Ванька покупал сено и прочие наши домашния управы: вить мы очень экономы, а ножниц еще нет».

[52] Адрес: «Милостивому государю моему, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству, Муравьеву, в Твери».

[53] Пикет — пост, караул.

[54] Головин А. — поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

[55] Кудрявцев Е.Ф. — капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

[56] Щербатов И. — князь, офицер, позднее капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

[57] Шумаков Е.С. — капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

[58] Хотяинцев Сергей Александрович — капитан-поручик Измайловского полка.

весело и впрям в Твери: и более того желаю быть здоровым. Мое ожидание основано только на том. Нынешнюю середу я письма от вас не получил, так должно ждать в воскресенье. Не покиньте меня батюшко вашим уведомлением… в самую сию минуту получаю наряд в Школу. Видите какой я нужной человек, батюшко сударь, будьте вы только веселы и здоровы и с сестрицой. Когда все ето будет, так уж я конечно уверен, что милость ваша будет ко мне не изчерпаема. Дай Бог! чтоб я мог сколько нибудь достойнее соответствовать вашим отеческим попечениям. Сколько приятств воображаю себе, естьли заслужу то, чтоб вы не раскаялись никогда в ваших милостях ко мне; естьли ето отсутствие будет причиною лестнаго мне свидания; естли я наконец заставлю себя ждать. Дай Бог, чтоб я в етом не обманулся! Федор Михайлович <Колокольцев> обещался говорить с Сердюковым[59]; но как он всякой вечер ездит в Коллегию, то и в клоп не всегда заезжает. Марья Ивановна кланяется: она несколько слаба, да притом с недели полторы только девка ее Анна, подговорена Беклемишева человеком, убежала и снесла перстень лучший, подвязку к серьгам и .120. рублей. Ето все такое, что служит умножать безпокойства, человека и так уж больнаго. Наша Лисавет Христофоровна советует, не лучше ли Ульяне к вам ехать, а здесь для меня нанять кухарку, рубли по .2. на месяц, для того, что очень трудно сыскать таких, которые бы поехали в города. И правда, что были повара, которые только затем не соглашаются, что ехать из Петербурга. Она же говорит, что Ульяна вам выгоднее нежели и повар: так как в стряпанье бережливее мущины; так и для других мелких должностей поваренных и домашних, как то: мытья белья, чищенья посуды. Я с моей стороны отдаю справедливость, что я всеми моими людьми весьма доволен; во всех случаях, вот и в последний раз как шел на караул, Ульяна огнивник доставала, отдавала белить подсумок портупею, покуда Ванька чистил ружье, так заржавленное, что должно было все разбирать. Одним словом, не только в чем пожаловаться, ниже лучше чего требовать от них не имею. Я писал к вам что Алекс<андр> Федорович <Муравьев> с братцом здесь и живут вместе с Иваном Матвеевичем <Муравьевым мл.>[60] на Сергиевской улице. Здесь был учитель дядюшкин и уж уехал. Впрочем, нижайше себя в вашу отеческую милость препоручая, остаюсь навсегда прося вашего благословения

Ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Татьяне Петровне мой поклон. Писмо ее отдано и обещан ответ.

Quel art est-ce que j'ai employé dans mes derniers lettres qu'elles vous ont si plû, ma chere sœur ? Est-il bien vrai, que vous y trouvez de l'Éloquence? Eh ! ma chere! me flatteriez vous, m'aimeriez vous à ce point? Oui, vous m'aimez. Prévenue en ma faveur, vous trouvez des beautés, où tout autre que vous n'en trouveroit pas. Quel charme pour moi? Trompez-vous toujours comme-ça, trompez moi toujours de même. Imaginez-vous ces soldats ronflans, imaginez vous moi, votre lettre à la main dans une pelisse, prodiguant de croquignoles au néz des Guerriers, et riez-en. Ce que je vous prie très humblement et <je suis?> très obéissant[61].

Michel M.<uravyev>

1776 года
Генв<аря> .28. д<ня>

---

[59] С каким из Сердюковым, неясно; см. примечание № 29.

[60] Муравьев Иван Матвеевич (1762–1851) — писатель и дипломат, принял фамилию «Муравьев-Апостол», сын М.А. Муравьева ст., двоюродный брат М.Н. Муравьева, отец известных декабристов.

[61] Перевод: «Какое же искусство я применил в своих последних письмах, что они вам так понравились, моя дорогая сестра? Правда ли, что вы находите в них красноречие? Ах, моя дорогая! Неужели вы мне льстите? Неужели вы любите меня до такой степени? Да, вы меня любите. Предубеждённая в мою пользу, вы находите красоты там, где никто другой, кроме вас, их бы не нашёл. Какая прелесть для меня! Ошибайтесь так всегда, ошибайтесь относительно меня всегда одинаково. Представьте себе этих храпящих солдат; представьте меня — с вашим письмом в руке, в тёплой пелиссе, — как я щедро раздаю щелчки по носу воинам, и смейтесь над этим. Об этом я вас самым смиренным образом прошу и остаюсь вашим покорнейшим слугой».

С<анкт->Петерб<ург>

Милостивому государю моему Ивану Петровичу <Вульфу> приношу мое нижайшее благодарение, и свидетельствую чистосердечное почтение.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 17–18).

<8>[62] ++
<1.2.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Щастье мое несравненно и естлибы оно продолжилось, то не осталось бы моим желаниям места. Я имею теперь в руках два ваши писма, из коих одно вчера вечеру, другое нынче, только что из Школы пришедши, получаю. Что вы изволите писать в последнем, наполняет меня с ужасом смешенным почтением к нему. Я почитаю вашу нежность, я удивляюсь действиям оной и, воображая ее таковою нахожу ее выше всего того, куда бы возвысилась душа моя: одно совершенное отчаяние заслужить ее, кажется мне, довольно изъяснит оную. Сделайте милость, отдайте справедливость моей искренности: она вам свидетелем моего смущения. Что лестняе, как получать и от вас и такия чувствий изображения, которыми и собственное самолюбие побеждается? Однакож не будут ли ониж самыя служить мне безпрестанными упреками? Как я могу им ответствовать? Одним чистосердечным признанием сильнейших ваших милостей, одними горячими мольбами о здравии вашем. Открылось бы тут сердце мое, открылись бы все его движения, когда бы не трудняе было изъяснять чувствия, нежели ощущать их, когдаб не боялся я, чтоб проходя устами, не потеряли они природной их безпритворности. Я заблуждаю. Напрасно бы учился я складно говорить: никогда может быть не представлялося более ощущений душе моей, как в самое сие время. Чтож ето пользует? Я ощющаю и словами боюсь ослабить то, что чувствую. Малейшее искуство уже требует притворства, а я желаю, я стараюсь любить вас безпритворно, любить вас так, как вы меня. Что скажу я, о поручении мне Устреки? Оно меня удивляет, приводит в смешение и я не знаю, что сказать. Неужели вы меня отлучаете от себя? Или вам показалося, что я того требовал? Удержите, батюшко, удержите ето дарование: оно обременяет мою слабость. Мне совестно при вас, разполагать вашим. Вы господин вашего имения, вы мой господин: и мне ли прилично пользоваться вашим правом. Я писма ваши все получаю, почта может мне доставлять все ваши повеления, а я их могу посылать в Устреку. Сим способом и мужики привычные останутся в своих пределах, и я могу видеть внутренность их устройства. Впрочем все предаю на ваше разсуждение. Писма завтра развезу куда должно: так как и присланное сюда с мужиком от дядюшки Матвея Артемоновича <Муравьева> писмо подам Марье Павловне[63]. На сих днях получил я от Петрекаева[64] писмо на ваше имя, в котором он уведомляет о Буренине, упоминая, что он писал к вам о том прежде: о денгах пишет, что готовы. Третьяго дня в .3. часа ночью, поехал Сергей Александрович <Хотяинцев>, на .29. дней в Псков, и перед отъездом так был весел, что и в Школе велел мне по разсмотрению отпускать самому, а напоследок я выпросил и класы распустить. Теперь правит Кадетской ротой Егор Федорович <Кудрявцев>, и я им доволен. Нынче, я последний день свой отдневал. Что касается до книшки моей, так естли изволите и удержать можете. С Ганнибалами говорил Иван Матвеевич <Муравьев мл.>, они

[62] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[63] Балк-Полева Мария Павловна (в замужестве Нарышкина, 1728–1793) — дочь П.Ф. Балка-Полева, жена С.К. Нарышкина.

[64] Возможно, С. Патрикеев, заседатель Верхней расправы II департамента Петербургской губернии [Газета, с. 1292].

к сестре писать обещались: и я завтра с ними увижусь. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, на веки заключаю себя в вашу драгоценную милость и прошу бога продолжить и сохранить ваше здравие.

Ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! и ето не заунывноль?... Право нет: кто *Евгению*[65] на Тверском публичном театре видел, тот, по нас слово! *аиа*, *эге* и *ха-ха* и пр.: Татьяна Петровна была ль тут? Кто у вас <И.А.> Дмитревской? бьют ли в ладоши? Сколько много вопросов! Ето конечно целой вопросительный: да так и должно вить ето Пети-пьес? К тебя сестрица по Пети-пьесам: а ты ко мне, по Гранпьесам. Мои вести только те: за молоко рубль и с лишком ста да етак накоплено... А за намерение шить рубахи, иначе сорочки, аршина три четыре поклонов самых новейших, и так свежих, как соленые алимоны, как барштапельския яблоки у Василья Кузмича, и т. д. Что бишь? Пора на почту. Ну! как опоздают: что зделать – прощай. С Жагоном наш Харза, поклонов три десятка, Ульяна тако ж де... да Ванька: где печатка. Сложи писмо сперва, печатка не уйдет. И впрямь так вот конец. Ступай на почту вот. Прощай. Покорное брат и слуга

Михайло Муравьев.

1776. года
Февр<аля> .1. дня
<Санкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 23–24).

<9>[66] ++
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Вот еще писмо: я того только желаю, чтоб оно вас нашло и в здравии, и в удовольствии. Я думаю, что вы делаете теперь: но безплодныя мысли не могут того решить. Пусть мое желание будет мне вместо известности вашего состояния. Я слава Богу! здоров. Во вторник был у Василья Евдокимовича <Ададурова> и там обедал: он хотел на ваши писма ответствовать и согласен с вашим мнением, чтоб лучше продать келью; для того и с Настасьей Федоровной <Муравьевой> переговорить хочет. В тот вечер был я в театре, представляли *Альзиру* французские актеры, после чего следовал балет и Опера-Комик, именуемая *Одноминутная ошибка* (*L'erreur d'un moment*)[67]. По утру подал я Марье Павловне Нарышкиной от дядюшки <М.А. Муравьева ст.> писмо, на которое ответствовала

[65] «Евгения» (1767) — драма П.-О. Карона (Бомарше).

[66] Датируется приблизительно концом января – началом февраля 1776 г.: в приписке к сестре Муравьев писал, что «вот уж тому месяц с лишком, как я тебя не видал». Как указал В.А. Западов, Н.А. Муравьев получил назначение в Тверь 29 декабря 1775 г. и уехал туда с дочерью [Западов, с. 307]. Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[67] Boutet de Monvel J.-M L'erreur d'un moment, ou la suite de Julie. Comédie mêlée d'ariettes et en un acte. Représentée pour la première fois le 14 juin 1773. Paris, Chez la Veuve Duchesne, Libraire, 1773. 70 p. Муравьев, скорее всего, говорит о постановке, состоявшейся 26 января или, что менее вероятно, 2 февраля или же, наконец, 9 или 10 или даже 12 февраля, что теоретически возможно, но требует отнесения даты письма к более позднему времени, что проблематично (см.: КФЖ 1776, с. 51, 63, 78, 81). А.Г. Евстратов указал в своей недавней работе на одну постановку данной пьесы – 6 декабря 1775 [Evstratov, p. 306].

она и наперед, так как и бывший у ней Алекс.<андр> Федорович Талызин: дело сделано, он уж Подпрапорщик и пашпорт послан к нему. А последний примолвил: *отпиши дядюшке, чтоб овса присылал*. Таким образом Иван Матвеевич <Муравьев мл.>, может быть, скоро будет и Сержантом: и она обещает стараться. Федор Михайлович <Колокольцев> говорил с Сердюковым о доме, и он ответствовал, что может быть дом и продаст, только ему наперед иметь согласие брата своего на то; для того, что у них он общий. Фед<ор> Мих<айлович> <Колокольцев> продолжал спрашивать между тем, чего он стоит, на что тот ответствовал, что их с Боровицких порогов, и для того тысяч около семи. Как етот ответ удивил Федора Михайловича <Колокольцева>, то Сердюков отозвался, что не смотря на ето, цена его дому не так дорога и что он может о том к вам написать, так как они с своей стороны, к Свечину, которой в нем стоит. За всем сим, как бы ни дешев дом сей был, кажется, что, зачиная, уменьшат от .7000. уж все дорого будет и вам несходно купить. В середу по утру ходили мы с Заворотковым[68] и еще другим Сержантом в Академию на лекцию Адъюнкта Иноходцова[69]; затем что новым Директором определено говорить профессорам для публики, так, что кто бы ни вошел туда, слушать может по изволению. Теперь Иноходцов проходит курс математики, а Крафт зачнет также показывать экспериментальную физику[70]. Тут был Алекс<андр> Афанас<ьевич> Дьяков[71] и многие другие. От дядюшки живет здесь приехавший пиловальщик <?>; пил не могут найти. От Семена Савича <Муравьева>[72] также приехал человек с писмом, к вам еще писанным, содержащим только то, что сын пожалован и отпущен до Генв.<аря>, так что Семен Савич <Муравьев> намерен только к осени быть сюда. Человек его поедет в воскресенье, и путь его лежит через Тверь: итак я с ним и книшку Авдотьи Александровны <Львовой>, и ноты, которые давно у меня лежат, перешлю вместе. Впрочем какия благодарения должен я воздать отменным и незаслуженным мною вашим милостям, на то вся жизнь не будет мне довольна. Я чувствую, сколько они велики и ограничиваю все свои помышления одною униженнейшею, чистосерденейшею моею вашим повелениям, преданностию. Сколько бы раз ни засвидетельствовал я мою должность, никогда того не будет, чтоб не должен я был засвидетельствовать то ж самое тысячу и тысячу раз непрестанно. Всепокорнейше прошу вашего отеческого благословения и желая вам невридимаго здравия навсегда остаюсь,

Ваш нижайший, покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! здравствуй! вот уж тому месяц с лишком, как я тебя не видал. Вспоминаешь ли ты меня или уж и позабыла? Нечем меня и вспоминать, только, чтоб не лихом! Твои слезы почтили нашу первую разлуку; так скоро меня не позабудешь. Да дай

---

[68] Возможно, Д.М. Заворотков — сержант Измайловского полка [Письма, с. 366].

[69] Иноходцев П.Б. (1742–1806) — русский ученый, академик; о нем см.: [Сухомлинов, 3, с. 168-264].

[70] См. сообщение в Санктпетербурсгких ведомостях от 8 января 1776 г.: «Императорская Академия наук желая споспешествовать во всем том, что может служить к приобретению успехов в науках и к распространению полезных и нужных знаний в обществе, приняла намерение, преподавать на сей конец всенародно Физические и Математические лекции. Излишное было бы дело упоминать здесь о пользе известной уже нашему веку вещи, то есть, сколь достойны сведений, для всякого состояния людей, о действиях естества, равно как и о точности, которая ознаменяет науки Математические; по чему Академия, не объясняясь боль о намерении своем в выборе оных лекций, имеет честь чрез сие объявить публике только об учрежденном при оной преподаваний сих двух наук, в пользу их любителей. В следствие того, г. Адъюнкть Иноходцов начнеть с 20 числа сего Генваря *Курс Математической*, проходить будет оный, по сокращению первых оснований Математики Г. Барона Вольфа на Российском языке, по средам и субботам, по утру от 10 до 12 часов. Преподаваемы будут сии лекции в аудитории Академической гимназии: и для того все любители, желающие оные слушать, чрез сие почтеннейше к тому приглашаются. В скоромь же времени за сим следовать имеет и Курс физических лекций, о которых, когда оные начнутся, и по которым именно дням продолжаться будут, сообщено будет публике в надлежащее время особливым известием» (СПб Ведомости, 1776, с. 18).

[71] Дьяков А.А. (1721—1791) — обер-прокурор Сената см.: [Топоров, 3, с. 244-245].

[72] Муравьев Семен Савич (1736/1737 – 1790-е гг.) — подпоручик, родственник М.Н. Муравьева

Бог, чтоб и было чем забыть. Веселись, матушка, веселяся, вспомнишь меня, и вздохнешь, вспомня меня. А я тебя не позабуду: напиши здорова ли ты. Прощай. Милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Вульфу> прошу объявить мое покорнейшее почтение, и также естьли увидишь сестрицу Анну Федоровну <Вульф> и Любовь Федоровну <Муравьеву>[73]. Татьяне Петровне поклон. Et si j'ose enfin, tachez de faire agréer mes respects à Mlle[74]…

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 25–26).

<10>[75] ++
<8.2.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Целую неделю не получаю от вас писем: здоровы ли вы или уж на меня прогневались? Я всякую почту пишу и видел к своему удовольствию, что писма к вам доходят. Так что мне заключить теперь? Может быть я своими писмами наскучил; но мое намерение было безвинно. Вот каково отсутствие: оно много дает и тщетных может быть, безпокойств, и действительного смущения. Я тотчас буду весел по прежнему, естли строчку получу от вас. Я слышу, что из Твери приехал Г. Свечин: мне хотелось бы его увидеть, да может быть он и уехал. Я стараюсь, сколько возможно, отдалить от себя все неприятныя воображения, чтобы пустым смущением не нанесть вам скуки: однако признаюсь, что ето меня трогает. Естли вы здоровы, веселы и милостивы ко мне, так этому хоть посмеетесь с сестрою. А естли что нибудь... я прошу Бога, чтоб он отвратил всякое зло. Вы легко представите, что все мои веселья, слышать о вашем здоровье, не потерять к себе вашу милость и льститься когда нибудь увидеться с вами. Все скучно: ето я без хвастовства скажу, вчера я был в Маскераде[76]: какое веселье, бродить до усталости между тысячами не знакомых лиц и тех с харями затем только, чтоб кто нибудь сказал мимоходом: *здравствуй*? Еще кто любит танцовать: Зах<ар> Матвеевич <Муравьев>, в своем венециане заслуженом и которой ему по колено, так то выфантовал, что лучше нельзя. Братья Алекс<андр> и Ник<олай> Федоровичи <Муравьевы> и Иван Матвеевич <Муравьев мл.> приписывают свое почтение: они сказывают, что писали к вам особливо. Вчерась я обедал у отца маленького Щербинина[77]: он приехавши сюда был у меня и нарочно звал обедать. Последнее мое писмо служит епохою его приезда: для того, что я его не успел дописать и оставил, как помнится, не совершенным по причине его приезду. Нынешнее число, срок

---

[73] Вульф Анна Федоровна (урожд. Муравьева; 1744-1811) – дочь Федора Артамоновича и Евдокии Михайловны Муравьевых, жена Ивана Петровича Вульфа, двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

[74] Перевод: «И если я наконец осмелюсь, постарайтесь передать мое почтение мадемуазель…».

[75] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, милостивому государю, в Твери».

[76] О маскараде 7 февраля 1776 г. см.: «Пополудни, в исходе 5-го часа, в силу учиненных повесток, имели приезд ко Двору знатные обоего пола персоны, знатное дворянство, тако ж господа чужестранные министры, российское и иностранное знатное купечество с фамилиями в маскарадном платье и собирались в галерее и в парадных комнатах, и, по собрании довольного числа масок, начался маскарад с музыкою. В половине 7-го часа, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с Их Императорскими Высочествами изволила прибыть в маскарад, а потом в Статс-Дамской комнат с кавалерами изволила забавляться в карты; в 9-мъ часу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, а в 10-м часу Их Императорские Высочества изволили отбыть в свои апартаменты; а для знатных обоего пола персон и придворных кавалеров вечерний стол приуготовлен быль в столовой комнате на 45-ть кувертах. Маскарад продолжался до 4-го часа пополуночи; масок во оном находилось дворянских 1625-ть, купеческих 278, а всех 1903» [КФЖ, 1776, с. 71-72].

[77] Видимо, А.Е. Щербинин — офицер и помещик, с 1775 г. был женат на А.М. Щербининой (Дашковой), дочери Е.Р. Дашковой.

векселя Елисавет Абрамовны <Ганнибал>[78]: прежде Ган<н>ибалы хотели к ней писать, а нынче они все и разъехались, большой к своей команде, а Осип Абр<амович>[79] в отставку и теперь поехал в Сюйду[80]: я думаю завтре съездить к Десятникову. Вчера чрез Нарманских <?> получил я писмо от Петра Антоновича <Костливцева>[81] к вам, которое при сем и прилагаю; сделайте милость, отпишите, порадуйте меня, дай Бог! чтоб вы в здоровье, удовольствии спокойныя дни препровождали. Я в том мое благополучие, мою утеху полагаю; не отвергните меня от себя и зделайте, чтоб я с вами разделял все, что вам случится. Я незнаю чтобы написать к вашему удовольствию, примите хоть намерение мое: оно только в том, чтоб изъявить мою преданность, я хотел бы от всего сердца, чтоб оно вас повеселило; но я в том отчаяваюсь. Напишу тысячу раз, сколько вам должен, сколько мил мне этот святой долг, и, забываясь, пишу еще тысячу раз то ж самое. Щастлив! Когдаб я мог очистить довольно душу мою, чтобы сделать ее достойною сих ощущений. Пусть продолжу я до бесконечности писмо мое, пускай я его в малых словах окончаю, все одно будет оно, все только в том, чтоб вообразить вам мою нижайшую благодарность и никогда не могу ее изчерпнуть. Целую ручку вашу и боюсь чтоб вас не позабыть. Тронитесь моим чистосердечием: я ето чувствую и хочу более чувствовать! Дай Бог, чтоб вы были здоровы, чтоб мне это услышать и удостоиться вашего благословения.

Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица, дай бог чтоб ты была здорова, весела и довольна. Когда я увижу свою Фешиньку? Увижу большую и дай Бог увидеть такую. Какая веселость? Естли будущее не обманет, естли случимся вместе, чем более в возрасте, тем веселее, более, более.. и я заврался. Ето простительно. Нынче масленица очень грязна, так можно посклизнуться. Прощай. Марья Андреевна вчера в маскераде мне поклонилась, затем что я было ее с ног сшиб. Прощай. Вить ето великая честь. Татьяне Петровне мой поклон, да чур! же мой. Милостивому государю моему Ивану Петровичу <Вульфу> мое покорнейшее почтение, также и от братьев. Можноль? Алекс<андр> Федор<ович> <Муравьев> говорит: *Ех! жаль, что я не в Твери*. *Прощай, сударыня Феша*.

1776. года
Февр<аля> .8. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л 27–28).

<11>[82] ++
<после 28 января 1776 г.>

---

[78] Пушкина Елизавета Абрамовна (урожд. Ганнибал; 1737–1815) — дочь А. Ганнибала, жена А.П. Пушкина (1728–1800).

[79] Ганнибал Осип Абрамович (1744–1806) — русский военный деятель, дед А.С. Пушкина.

[80] Суйда — деревня в Санкт-Петербургской губернии, в 1759 г. ее купил А.П. Ганнибал.

[81] Костливцев Петр Антонович (1724–1786) — капитан таганрогского порта, позднее — вице-адмирал, родственник М.Н. Муравьева (см.: [Письма, с. 376]).

[82] Датировка предположительна: скорее всего, после 28 января 1776 г.: во-первых, здесь упоминаются ноты для Ф.Н. Муравьевой, ср. также <2, 3>, что позволяет осторожно предположить, что и это письмо было написано в январе-феврале 1776 г.; во-вторых, Муравьев говорит о письме Татьяны Петровны, которое отправил, при этом оно же упоминается в <8>, что, видимо, свидетельствует о том, что данное письмо было написано после 28 января 1776 г.

Так то моя матушка, моя голубушка сестрица, как ты поживаешь; мы живем потихоньку. Жагон очень очень тебе благодарит, что ты его напомнила. Захар Матвеевич <Муравьев> приносит низкой поклон, да оба теперь во своясях и для того ручки своей не могут показать проворства. Будь весела, матушка; мы тебе пришлем скоро ноты. Как ты настроишь клавиры, у меня спроси, хорошоли. Отпиши, сударыня, что делаешь, чем забавляешься. Волтер, я думаю, с одной доски до другой перефелльютирован. Ma mere n'a point tort; je sais bien qu'en ce monde; il faut pour réussir une adresse profonde![83] У Анны Андреевны <Муравьевой> я хотя и был, ни один раз лицезрения не удостоился. А Васил<ий> Евдок<имович> <Адодуров> весьма пренизкие поклоны приказывает, еще ниже тех, которые отвешивает Захар Матвеевич <Муравьев>, Анны Андреевны <Муравьевой>, как огня боится; как собирались мы к ней, так целой день вохрил камзол, белил портупею и пр. Татьяне Петровне низкой поклон. Писмо ее я отослал; на то сказано: я после буду писать. Извини, душа моя сестрица, что я так к тебе пишу. Боюсь не опоздать на почту. Прощай. Vale <?>. Adieu.

<нрзб>

Покорнейший слуга и брат
Михайло Муравьев.

Ma très chère sœur ! Que je plains l'état, dont vous avez sû me présentez une image si éloquente ! Je l'ai maintenant sous mes yeux je lis votre lettre, je la relis et je frémis. Comment? ma chere sœur ! vous n'avez pas à qui vous ouvrir! Dieu puissant ! Eh ! quel mystère si sacré, pèse à votre sein ! Ces arbres, qui sembloient sentir votre peine! permettez que je lise encore une fois cet endroit. *Bien des fois j'ai versé des larmes et je n'en savois pas la cause*. Quel style plus approchant de?.. Mais; vous pourriez... non vous m'avez assuré, que Zachar Matveevitz se trompé. Pardonnez-moi ce langage; entre vous et moi, vous savez il faut, que la sincérité regne. Eh bien! si la parole prend <?> sa naissance, dans les sentiments du cœur, ne dois-je y reconnoitre un peu de tendresse?.. Pardonnez-moi vous dis-je encore une fois. Je vous aime; ma chere sœur, aimez-moi de même. Attirerais-je par la votre colère <?>. Eh! non. Consolez votre âme trop foible <?>, prenez des ferments à la soldatesque, et surtout faites, que notre cher pere ne soit pas affligé. Ah! je suis peut être très coupable, d'avoir mis ma confiance sur la poste des jamschiks. J'ai cru, que mes lettres viendront chez vous infailliblement <?>, et malheureusement, vous ne les recevez pas. Vois ce que c'est que cette maudite poste; on y paye très peu, et l'on court le <?> risque de perdre la lettre. Écrivez-moi ma chere, comment est-ce que vous vous trouvez; la ville, vous plait-elle? et les habitants comment est-ce qu'ils sont faits?[84] Покроем, рцы, каким, на бабах? Телогрея, и шапка ль архиерея, иль римской сходен шлем с кокошником тверским.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 29–29 об.).

---

[83] Муравьев здесь цитирует слова Дамиса, героя известной комедии Вольтера «Нескромный» (Voltaire L'Indiscret. Paris, chez Noel Pissot et François Flahault, 1725, p. 10).

[84] Перевод: «Моя самая дорогая сестра! Как мне жаль того состояния, образ которого вы сумели представить мне так красноречиво! Теперь он у меня перед глазами: я читаю ваше письмо, перечитываю его и дрожу. Как? дорогая сестра! вам некому открыться! Боже всемогущий! Ах, какая же святая тайна лежит у вас на сердце! Эти деревья, которые, казалось, чувствовали вашу боль! Позвольте мне ещё раз перечитать это место. Много раз я проливал слёзы и не знал причины. Какой слог, столь близкий к…? Но вы могли бы… нет: вы уверяли меня, что Захар Матвеевич ошибся. Простите мне эти слова; между нами, вы знаете, должна царить искренность. Ну что ж! если слово рождается из чувств сердца, разве не должен я распознать в нём хоть немного нежности?.. Простите меня, повторяю ещё раз. Я люблю вас, моя дорогая сестра; любите меня так же. Разве этим я навлеку на себя ваш гнев?.. Ах, нет. Утешьте вашу слишком слабую душу, наберитесь (по-солдатски) отваги и прежде всего сделайте так, чтобы наш дорогой отец не огорчался. Ах! я, может быть, очень виноват, что доверился ямщицкой почте. Я думал, что мои письма непременно будут доходить до вас, а между тем вы их, к несчастью, не получаете. Видите, что это за проклятая почта: платят там очень мало, а рискуешь потерять письмо. Напишите мне, дорогая: как вы себя чувствуете? нравится ли вам город? а жители – какие они?».

<12>[85] ++
<15.2.1776>[86]
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Простите меня, что я пропустил почту: в то самое время, получил я писмо ваше через Ивана Петровича Чаадаева, ездил к нему и имел в памяти писать вам тогдаже и по нещастью пропустил время. Так уж я пишу нынче, то есть в чистой понедельник. А у нас масленица была довольно хорошо препровождена: Иван Петрович <Вульф> вам о том расскажет подробно. Во-первых, был у нас в воскресенье на масляницу Маскерад[87], где я присутствовал со всеми братьями, у коих я и ночевал. После того в пятницу был также Маскерад[88], куда я особо приехал с Ник.<итой> Романовичем <Рожешниковым>, которой свидетельствует вам нижайшее почтение, и одевались в караульне. Мы сии дни, и дома сидючи, и выезжаючи кое куда, повеселились. В воскресенье, то есть вчера наши жильцы сказали нам, будто комедия во дворце. Мы приехали, ан ничего не бывало. Однако мы не уныли, взобрались на верх театра и по узенькой лестнице вокруг столба вошли в театр. Разсматривали, представляли на нем, прыгали антраша, покуда разбудили часоваго, которой протянувшись в оркестре дрых во всю свою силу. С ним поговоря, походили еще в зад и вперед и пошли было в низ, чтоб разсмотреть машины, двигающие кулисами и пр., когда бы, на наше нещастие, проснувшийся тогда, как видно, рьяной страж театральной, не попал нам навстречу и масленичными балясами, не заболтал нас кругом. Ему чрезмерно хотелось пяти копеек: уж как мы ни клепали иной актером, другой знакомцем <И.А.> Дмитревскаго[89], третий, что он представлял благородными *Заиру*[90]: нет, говорил нам старой пьянчуга, ни вам, государи, ни моему глупому уму, не подобает исповедать все глубины: дай Бог, вам быть нашими Командерами, а там ни зги не видно. Таким образом болтали, болтали и не могши перемочь стараго враля, принуждены возвратиться, и прямо на горы, а оттуда домой. Нынешний же день ездил я к Нотариусу, котораго наконец застал в железном ряду, и отдал протестовать вексель Елис.<аветы> Абрамовны Пушкиной, что он и обещал сделать к завтрему. Оттуда заехал я к Николаю Александровичу <Львову>, а он живет в доме Юрья Федоровича Соймонова[91]. Тут я застал Михайла Федоровича

[85] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[86] Описка Муравьева: масленица, которая упоминается в тексте, пришлась в 1776 г. на 8-14 февраля, поэтому мы датируем это письмо 15 февраля, а не января; кроме того, он прямо указывает, что писал в чистый понедельник, т.е. в первый день поста.

[87] Т.е. 7 февраля. Об этом маскараде см. выше.

[88] См. о маскараде 12 февраля 1776 г.: «Ввечеру, в 6-ть часов, ЕЯ ИМПЕТАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Императорские Высочества в маскарадном платье изволили проходить в Оперный дом смотреть представленной французской трагедии, бывшие ж зрители в Оперном доме были в маскарадном же платье. В Оперном же доме были воспитывающиеся в девичьем монастыре благородные девицы, которые сидели в баннах с приходу в Оперный дом на правой стороне, в первых четырех лавках. Театральное представление кончилось в 8-м часу. После театрального представления, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Императорские Высочества изволили проходить в маскарад, который был для всего дворянства российского и иностранного, знатного купечества в аванзалах, в галерее и в прочих парадных покоях по билетам. В маскараде ж были вышеописанные воспитывающиеся в девичьем монастыре благородные девицы. Для знатных обоего пола персон и придворных кавалеров вечерний стол был в столовой комнате. Маскарад продолжался по полуночи до 4-го часа. В маскараде дворянских масок было 2350, купеческих — — 470. <Всего: > 2820» [КМЖ 1776, с. 81-82].

[89] Дмитревский Иван Афанасьевич (1734-1821) – актер, переводчик, драматург.

[90] «Заира» (1732) — трагедия Вольтера. Ср.: [Evstratov, p. 320].

[91] Соймонов Ю.Ф. (1733 – после 1800) — статский советник, второй сын Ф.И. Соймонова, сенатора и известного гидрографа.

<Соймонова>, которой вскоре и пошлет к Ник<олаю> Александровичу <Львову>, чтоб он меня унял обедать, и таким образом хотя и не был хорошо одет, однако не смел отказаться и там обедал. Он изволил спрашивать про вас, про сестрицу. И я довольно немогу изъяснить, сколько он милостив был ко мне и просил, чтоб я вперед к нему ходил. Об вас, батюшко я не знаю; в пути ли вы или в Твери; дай только Бог, чтоб путешествие ваше благополучно окончилося и не нанесло бы вам никакого безпокойствия. Впрочем я может быть завтра буду писать и с Петром Ивановичем надеюсь еще и более доношу вам о себе, так как изволили видеть из предыдущего, что я здоров и весел. Желаю только того, чтоб и от вас иметь подобное уверение. Я нынче читаю италиянскаго стихотворца Тасса[92] и точно так разумею, как мой Гараска[93] Ломоносова. Поздравляю вас заговевшись: щастливо желаю доехать до разговенья. Впрочем препоручая себя в ваши дражайшие ко мне милости, свидетельствую мое нижайшее благодарение за полученные и прошу их навсегда ко мне иметь.

Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! где ты? Я, вить, право, не знаю. Здравствуй же, где ты ни есть. Желаю тебе здоровья пуще всего, а после, веселья, что с здоровьем всегда не худо. У нас, сударыня, были веселья, какие? Маскерады. Потом? в последний Маскерад, съезжались в театр в харях <?> и сарафанах[94], а представляли французские актеры *Трех султани*[95]. Сказывают, что прежде благородные господа представляли ее же у Великаго Князя <Павла Петровича>, а вчерась никак там же маленькие играли *Алзиру*[96], чего я, однако, не утверждаю. Масляница на первых пяти днях была всмятку: так мокра, как больше быть нельзя, а последние два так хорошо подмерзло, что лучше желать не надо. Прощай, говей хорошенько[97], а меня не позабывай и за меня молись. Всем поклон. Да слышь, по поклону же.
1776. года Февраля .15. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 10–11).

---

[92] Тассо Т. (1544–1595) — итальянский поэт позднего Возрождения. Сохранился перевод Муравьева «Начало Освобожденного Иерусалима»; мы напечатали этот текст в [Ивинский, 2021, с. 363-364].

[93] Гараска — возница М.Н. Муравьева.

[94] Т.е. во время маскарада 12 февраля (см. выше).

[95] «Солиман II, или Три султанши» (1761) — пьеса Ш.С. Фавара (1710–1792), французского драматурга, либреттиста, композитора. Она основывалась на одной истории из «Нравоучительных сказок» Ж.-Ф. Мармонтеля, которая в свою очередь опиралась на «Персидские письма» Ш.-Л. Монтескье. Пьеса Фавара послужила основой для нескольких опер: «Так, например, в 1770 году в Королевском театре Копенгагена была поставлена опера Джузеппе Сарти (1729–1802) «Солиман II». В 1789 году шведский композитор Йозеф Мартин Краус (1756–1792) написал одноименную оперу, поставленную в Королевском театре Стокгольма. Опера Франца Ксавьера Зюсмайера (1766–1803), для которой пьеса Фавара была переработана Францем Ксавьером Хубером (1755–1814), была написана, как уже упоминалось ранее, в 1799 и шла с успехом в Вене до 1836 года, а сама пьеса Фавара шла в «Комеди франсез» вплоть до 20-х годов XX века. Она пользовалась таким успехом, что в 1810 году, когда уже не было в живых ни Фавара, ни Зюсмайера, была написана комедия в стихах «Замужняя Роксолана, или Продолжение трех султанш», которую приписывают Пиго-Лебрену» [Эйсмонт, Эйсмонт, с. 46].

[96] «Альзира, или Американцы» (1736) — трагедия Вольтера.

[97] Великий пост в 1776 г. начался 15 февраля.

<13>[98] ++
<18.2.1776>
Милостивой Государь батюшко!
Никита Артемонович!

Любезное ваше милостивое ко мне писание от .10. Февраля получил я с моей радостию вчерашний день, и писма к Александр Федоровичу <Муравьеву> отосланы. Вексель Елис<аветы> Абрамовны <Ганнибал> уже тому четвертой день, как у Нотариуса, для того, что вчерась только вышел .10. дневной срок: а нынче, правду сказать, послать за ним или сам съездить не успел, потому что Ванька ходил в Ямскую и под Невской, для приискания сена и проведывания приезду Красильникова[99]. Вчерась, сказывают, емщики его приехали с товарами, и его самаго скоро ждут. Сена купили мы нынче два воза по .22. пуда в каждом, дали .5.70. коп.<еек>. Дорого здесь держать лошадь, да и от дядюшки, случается, приезжают кое кто, так что не чувствительно его много исходит. Корова еще не телилась; однако уж очень мало дает молока. Я думаю, что вы еще не изволили возвратиться из вашего путешествия. Дай бог! чтоб оно не приключило вам никакого безпокойствия и скуки, а послужило бы скольконибудь к увеселению. Мне ето скучно, что я не знаю теперь, где определить ваше пребывание: разлучены, разсеянны, когда приведет нас Бог собраться вместе. Естьли я молюсь когда Богу, мои молитвы наполнены только тем, чтоб я мог вас увидеть здоровых, чтоб вы могли меня увидеть, достойным еще вас. И дай Бог! чтоб ето все збылось! Чем я могу оправдать ваши милости? чем воздать вашим попечениям? Нет вышний справедлив, и он не может не наградить вашу добродетель.

Оставили ли где сестрицу? или она с вами? Я ничего не знаю. Живу здесь, как будто Мелхиседек[100], и Фавушку унесла Ульяна мыть. А хожу часто к Николаю Александровичу <Львову> и беру у него читать италианския книги. И теперь читаю Гольдониевы[101] комедии. Я уже писал к вам, думаю, в прошедшем письме, что я обедал у Михаила Федоровича Соймонова. Полк наш около недели как пришел, и на сих днях ожидают Федора Яковлевича <Олсуфьева>, и Сергей Александрович <Хотяинцев> скоро будет. Думаю, что в следующий понедельник достанется мне на дежурство. От Василья Евдокимовича <Адодурова> есть у меня к вам писмо; но я хочу его к вам переслать через Ивана Петровича Чадаева, которой воскресенье в ночь отсюда отправится. Как вы будете, батюшко, поститься? а мы своим домом положили говеть на последней недели. Мы здесь износились обувью, а люди и рубашками; как изволите приказать, здесь ли изкупить нам или как вы прикажете: сказывает Ванька, что между товарами, привезенными Красильниковым, и холсты также есть. Впрочем прося вашего родительского благословения, с нижайшею моею преданностью цалую мысленно ваши ручки и на век остаюсь

Ваш покорнейший слуга и сын
Мих<айло> Муравьев.

---

[98] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[99] Красильников С. — купец; см.: [Письма, с. 369].

[100] Мельхиседек — библейский персонаж, царь Салимский; в переносном значении — «праведник»; несколько десятилетий спустя ему посвятит свое последнее стихотворение («Ты знаешь, что изрек») воспитанник Муравьева К.Н. Батюшков.

[101] К. Гольдони (1707–1793) — венецианский драматург и либреттист.

Матушка Сестрица! что к тебе напишу? Когда сажусь писать, кажется написал бы Бог знает что; а как перо в руки, так и заврался. Voglio spiegarvi il mio dolce contento e i tenerissimi sensi della mia anima, commincio <?>, e subito sento la mia gioia oppressa: taccio[102]. Ne suis-je pas un bon Italien? du moins, un passable: comme-ça, bon... На! кстати, в голову впало. Зах<ар> Матв<еевич> готовится к выпуску. На сей неделе был он в числе несколько избранных кадет на смотру у своего генерала, и он им сказал: *Ну! други, готовьтесь*. Однако не мешайте его спокойствия: он говеет. Monsieur Jagon будет офицером к Петрову дню. А кулику, то есть мне грешному, до Петрова дня далеко. Addio; не иначе как по Итальянски. Веселись по Тверски, будь здорова по Русски. Vi prego di portare le mie profondissime riverenzie alla mia chiarissima Donna Tatiana Petrovna. Resto pien d'una perfetta affezione[103] <?>.

Umilissimo Vostro servo e fratello
Mich. Muravieff

1775. года[104]
Февр<аля> .18. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 30–31).

<14> ++
<20.2.1776>
Милостивой Государь батюшко!
Никита Артемонович!

Наконец дождался я до того, что могу через Ивана Петровича <Вульфа> переслать вам кое что, в чем я уже давно виноват. Ноты, которыя я сестрице обещал, книшка записная Авдотьи Александровны <Львовой>, думаю, уж давно ожидаются и я отчаяваюсь в извинении. Тому около недели, как Василий Евдокимович <Адодуров> прислал ко мне писмо, которое мне показалось довольно толсто, чтобы его отложить для общей отсылки к Ивану Петровичу <Вульфу>. Захар Матвеевич <Муравьев> по щастью пришел ко мне нынче, и он с нетерпеливостью писать к вам хочет: он назначен к выпуску артиллерийскому, но как скоро он будет, того еще неизвестно. Я слава Богу жив и здоров: от вас уж давно не имею известия, дай Бог! чтоб они были приятны; я того опасаюсь, чтоб ваше путешествие не было вам беспокойно. Кончили вы оное или нет, я совсем не знаю. Где сестрица, и осталась ли, или с вами, также не ведаю. А надеюсь на будущей недели получить что нибудь от вас. Мы ожидаем Сергея Александровича <Хотяинцева> также около этого времени, а Федора Яковлевича <Олсуфьева> ежели не нынче, то завтре. Мне послезавтре на дежурство и, может быть, при моем начальстве распустят классы, вот наши новости: они очень сухи, но всякого то трогает, что ближе. Я позабыл к вам писать на прошедших почтах, что князь Григ<орий> Орлов недели с две назад сюда приехал[105], а

[102] Перевод: «Я хочу объяснить вам мои сладкую радость и самые нежные чувства моей души, начинаю <?> и тотчас чувствую, что радость моя сдавлена: я умолкаю». Возможно, Муравьев здесь отсылал к каким-то текстам Гольдони, которого он упомянул выше; например, некоторые параллели находим в третьем акте, в предпоследней сцене комедии «L'amore paterno o sia La serva riconoscente» (1762), в которой Камилла говорит: «Ah sì, io non posso bastantemente spiegarvi la mia contentezza» (Goldoni C. Commedie. Venezia, Municipio di Venezia, 1915, p. 321).

[103] Перевод: «Прошу вас передать мое глубочайшее почтение моей светлейшей госпоже Татьяне Петровне. Остаюсь, исполненный совершенной привязанностью».

[104] Очевидно, описка, письмо датируется 1776 г.

[105] Действительно, Г.Г. Орлов приехал в Петербург в начале февраля 1776 г.: «В САНКТПЕТЕРБУРГЕ, ФЕВРАЛЯ 12 ДНЯ. На сей неделе во вторник прибыл сюда Его Светлость Господин Генерал-

теперь уж вы изволите, может быть, ето знать. Естьли правда, что иные говорят, будто он в Москву поехал; то ему надобно неотменно и в Твери быть, хотя мимоездом, так как здесь, будучи в маскераде, говорил, что он инкогнито[106]. Расход мой довольно велик, и на одно сено издержали мы .13. рублей с лишком. Это пуще всего здесь разорительно, и сено очень дорого. Как вы изволите рассудить, не лучшели уж мне не держать лошади. Корова еще не телилась, и Ульяна сказывает, что она молока дает не более, как по чайной чашке и то по однова. Вексель с протестом еще у нотариуса для того, что я не успел к нему съездить. Я много бы писал и ничего бы не пропустил по своему обыкновению; да гость теперь зашел из наших постояльцов и надобно оставить место Захару Матвеевичу <Муравьеву>. Итак, препоручая себя в ваши родительския милости, с преданнейшим моим почтением остаюсь навсегда

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев[107]

1776 года
Февр<аля> 20 ч<исла>
С<анкт->Петерб<ург>

Ну! матушка сестрица! Захар Матвеевич <Муравьев> до безконечности меня притесняет: одно пиши да пиши, а ему спать хочется. Что ж я напишу? тогда, как говорят, ну, да ну, так ничего в голову не дойдет. Прощай. Однако я бишь запнулся. Вот вам ноты; а Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> говорит: *Напиши, что я уж офицер, селедки шпашка*[108]*.*

<нрзб>
Mich. von Muravioff
По совету Захара Матвеевича

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 32–33 об.).

<15>[109]
<25.2.1776>[110]
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Я имел счастье нынешний день, получить от вас два писма вместе, из коих одно еще писано из Твери, в чистой понедельник, а другое из Вышнего Волочка; за что приношу мою искреннейшую благодарность. О себе докладываю, что я по сей час, для ваших молитв и милостей ко мне, жив, и здоров, и весел, можно будет, тогда прибавить, когда узнаю, что и вы нескучно, это время препроводить изволили. Я только что вчера отстоял свои три дни дежурства в школе. У нас ни Капитан <Хотяинцев>, ни Маиор <Олсуфьев> еще не приехали, а и обоих ждут с часу на час. Вексель Елис<аветы> Абр<амовны> <Пушкиной (Ганнибал)> протестован и для всякого случая, кажется, обнадежен, а Красильников еще не бывал по вчерашний день для того, что по утру Ванька ходил под Невской. В каретном ряду

Фельдцейхмейстер Князь Григорий Григорьевич Орлов, и на другой день представлен был Ея Императорскому ВЕЛИЧЕСТВУ и Их Императорским Высочествам» (СПб Ведомости, 1776, с. 110).

[106] Если Муравьев имел в виду маскарад 12 февраля, то информация об Орлове, который хотел сохранить инкогнито, не подтверждается, т.к. он указан в Камер-фурьерском журнале среди гостей и участников обеда [КФЖ, 1776, с. 86].

[107] Далее приписка и письмо З.М. Муравьева.

[108] Известная в военных кругах шутка; ср. в черновиках «Войны и мира»: «Точно так же офицеры в мундирах, шарфах, знаках, [в болтающи]хся по ногам шпажках, шутливо называемых селедками, молодые и очень старые, похаживали перед своими командами <…>» [Толстой, 13, с. 423].

[109] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[110] Опубликовано: Лазарчук, 1971, с. 58–59.

заказали, приходить к себе для смотру карет, однако еще никто не приходил. На нынешней неделе, в понедельник поехал в Тверь Иван Петрович Чадаев, и с ним послал я ноты, записную книжку Авдотьи Александровны <Львовой> и писмо от Василья Евдокимовича <Ададурова>. Дай Бог! чтоб все это нашло уж вас в Твери, благополучно возвратившихся. Александр Федорович <Муравьев> приказал вам засвидетельствовать свою благодарность за присылку писем. Он просил меня послать в моем свое к Ивану Петровичу <Вульфу>. Я ему еще не говорил о деньгах и не знаю, как начать, а он хочет на сих днях ехать в деревню; затем что уж у него пашпорт на шесть месяцев в отпуск изготовлен. Николай Александрович Львов также в начале будущей недели в отпуск поедет, и близко вас[111]. Впрочем, препоручаю себя совершенно в вашу родительскую милость и прошу вашего благословения.

Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! здорова ли ты! Отпиши, сударыня, а то я право не знаю. Радуюсь, что потанцовали, как я слышу, в Твери как надобно; и желаю танцовать еще и более, естьли только вам это нравно. Поклонись от меня милостивому государю моему Ивану Петровичу и милостивой государыне сестрице Анне Федоровне <Вульфам>. А я col umile <?> rispetto a voi m'inchino <?>, et e resto, per un tempo infinito, affetuosissimo e umilissimo fratello et servidore[112]

Mich.<ail> Muravieff

1776. года
Февр<аля> .25. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 19–19 об.).

<16>[113]
<29.2.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Я думаю, что теперь вы изволили окончать свое путешествие и надеюсь, что это писмо найдет вас с Фешинкой; дай Бог! чтоб вы имели всякое удовольствие и увеселение, которое боле вам удобно. О себе доношу, что я слава Богу здоров и весел. Вчерась по утру приехал из Москвы наш Маиор Федор Яковлевич <Олсуфьев>, и я был у него. Он узнал меня и спрашивал про вас и также, не поеду ли я к вам. Кажется, всех принимает очень ласково, и сколько было офицеров и унтер-офицеров, ко всякому подходил и спрашивал. Александр Федорович <Муравьев> третьяго дня поехал в отпуск на шесть месяцев. Я ему говорил о .20. рублях, и он отозвался, что он не помнит, каким образом они за него зашли, что, помнится, едучи в армию, он не занимал; для того просил меня, чтобы я осведомился, какие деньги вы изволили считать. А между тем, он увидится, и вы извольте ему поговорить, батюшко. Я уж неделю не получаю от вас писем, но теперь, когда приехать изволили в Тверь, покорно прошу меня не оставить вспоминанием. Вексель Елис<аветы> Абр<амовны> <Ганнибал> протестован и с протестом у меня. Вчерась по утру был у меня Красильников, которой накануне приехал. Он говорил, что будто поздно получил письмо

[111] См.: «Март 1776 Л. провел в родовом имении Черенчицы; проезжая через Тверь, он познакомился с родителями и сестрой *М. Н. Муравьева*» [Глинка, Лаппо-Данилевский, с. 242].

[112] Перевод: «И с самым смиренным почтением кланяюсь вам и навечно остаюсь вашим нежнейшим и смиреннейшим братом и слугой».

[113] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

ваше, в котором вы его просите заплатить все деньги, и что будто надеялся, что вы еще перепишете, собрал он только 200 рублей и просит вас, чтобы вы ему в том подождали. Я старался его уговорить, но он выпросил у меня, чтобы написать ему самому к вам, и так при сем письмо его к вам посылаю на другой странице. И о том, как изволите приказать: хорошо бы, естьли бы ответ ваш на это не опоздал. Однако естьли я не буду иметь вашего повеления, так я .200. рубл.<ей> приму, а вексель протестую. Вчерась приходила сюда Офимья Ивановна, бабушка Татьяны Петровны, которая просила отписать, чтобы не печалилась об ней Татьяна Петровна, что она здорова и выправляет ей поместье. Она обстоятельно рассказывала все дело; но я всего упомнить не могу. Простите, батюшко, что я нынче так худо писал, перья негодныя и меня ожидает <И.И.> Хемнитцер[114], так я и спешу и худо пишу. Вчера поехал Николай Александрович Львов на четыре недели в отпуск. Я думаю, что вы изволили получить мои писма через Ивана Петровича Чадаева. Впрочем, препоручив себя в вашу всегдашнюю родительскую милость, прошу вашего благословения и навсегда остаюсь

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! здорова ли ты: я и не запомню, когда ты ко мне писывала, прости мне, что я тебе мало пишу. Я нынче все хотел переделать, все зачал и ни в чем не успел

1776. года
Февр<аля> .29. дня
С<анкт-> Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 21–21 об.).

<17>[115]
<3.3.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы? я не имею давно от вас известия. Получилили вы мои писма или нет? И как вы изволите теперь жить, с нетерпеливостью ведать желаю. Я к вам уже писал, что вексель Ел<изаветы> Абр<амовны> <Ганнибал> протестован: Красильников также приехал и был у меня. Он просит, чтобы принять у него .200. рублей и подождать в остальных ста рублях. Сколько я ни говорил ему; однако он выпросил у меня, чтоб написать о том к вам. Писмо его вместе с моим последним послал я на прошедшей почте к вам. Хорошобы, естьлибы вы изволили поспешить ответом на то. А впрочем я напишу на векселе получение денег .200. руб. и протестую его сполна. Как вы изволите приказать, тому я и последую. У нас здесь, слава Богу все хорошо и тихо или потому так, что мне кажется. Маиор наш Фед.<ор> Яковл.<евич> Олсуфьев приехал на нынешней неделе в воскресенье, и я у него был тогдаже со всем множеством, так как я уже и писал о том к вам. Капитан наш <Хотяинцев> просрочил и еще не бывал. Федор Михайлович <Колокольцев>, тому уж с две недели, как переехал с того двора, в дом княгини Юсуповой, насупротив кормилицы, по Сенной[116]. Марья Ивановна[117] все больна; стало было ей полегче на масленице, и прогуливаться зачинала, но нынче опять больна, и шпанския мухи прикладывают к спине. Она приказала извинить себя, что не пишет за своим нездоровьем.

---

[114] Хемницер И.И. (1745–1784) — русский поэт и переводчик, дипломат.

[115] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[116] Имеется в виду усадьба Юсуповых на Садовой улице.

[117] Колокольцева Мария Ивановна – жена Федора Михайловича Колокольцева.

Я был также в воскресенье у Никиты Сергеевича Ярцова[118]: он сказывал, что вас видел в Твери.

Здесь у нас учреждено в Академии, что по середам и по субботам адъюнкт Иноходцев читает для охотников математический курс по утру, а по вторникам и четвергам после обеда профессор Крафт проходит экспериментальную физику. В сию последнюю лекцию съезжаются очень многие. Директор <С.Г.> Домашнев[119] сам всегда бывает, Василий Евдокимович <Адодуров> с сыном[120] и племянником[121], Пав<ел> Алекс<андрович> Бибиков[122], очень много Офицеров и несколько сухопутных кадет. Крафт читает ее на французском языке. Нынче там будет собрание, и я туда еду. Корова наша до сих пор уменшала молоко, а нынче дни с три зачала прибавлять, и Ульяна подтверждает, так как и другие, которые видели, что она не стельна. Устрецкие мужики пришли вчера и внесли свой оброк из заработанных денег .18. рублев. Я было, по вашему приказанию заставил их ломать барку, однако, как ни принимались и ни осматривали, ломать ее никак невозможно. Во время оттепели на масленице, которая была здесь очень велика, весь снег, которым была наполнена барка, превратился в воду, а как морозы опять возвратились и усилились, весь нутр барки сделался льдом, так что более половины ей в оном. Ето сделало, что я вознамерился их завтре отпустить, а уж примемся, естьли Бог даст, весною. Вот, батюшко, содержание нашего жития, у нас день оттепели, день морозу. Я к вам пишу, почитая вас в Твери а истинны не знаю. Сделайте милость, батюшка, и уведомьте меня в этом. Александр Федорович <Муравьев> уехал в отпуск, а о денгах говорит, что он не помнит, когда у вас занимал. Николай Алекс<андрович> Львов также поехал в отпуск в воскресенье. <М.Е.> Головин[123] пожалован Адъюнктом <академии наук> и заседает в Академической конференции. Впрочем писать к вам кажется более не имею, а прошу только с чистосердечнейшею преданностью и покорностью вашего отеческого благословения и с глубочайшим почтением остаюсь на век,

ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! me voilà venu à vous. Quel chemin à faire?[124] Ну! все ли ты здорова, а не то худо. А Фавинка, не знаю от чего, дни три хромлет. Устинья Савельевна[125] приказывает писать, зачем вы не держите своего слова: хотели писать, а не пишете! Ne voudriez vous <pas me?> voir à présent?.. mais bon. Vous n'avez peut-être que faire[126]. Прощайте. Да знаете ли вы это, что я с месяц другой беру дрова и свечи государевы? Каково вам то кажется? Семь свеч на месяц. Офимья Ивановна, бабушка Татьяны Петровны, просила меня отписать к ней, что она жива и здорова и что она ей поместье выправляет. Добро не хочу больше писать: сестрица ко мне не пишет, а я уж разум прописал, знай черкаю вместо *ко мне*, так написал *больше*. И на том просим не прогневаться... Да, да, ведь

---

[118] Ярцев Никита Сергеевич (1736-1819) -- государственный деятель, директор Петербургского горного училища; он был женат на Надежде Александровне Львовой, сестре Н.А. Львова..

[119] Домашнев Сергей Герасимович (1743–1795) — писатель, поэт, директор Петербургской Академии наук (1775–1783).

[120] Адодуров Василий Васильевич (1765-1845) – русский офицер, участник русско-шведской войны и Отечественной войны 1812 г., генерал-майор.

[121] Лицо не установлено.

[122] Бибиков П.А. (1764–1784) — сын А.И. Бибикова, русского государственного и военного деятеля.

[123] Головин М.Е. (1756–1790) — русский физик и математик, с 1776 г. — адъюнкт Академии наук.

[124] Перевод: «Вот я и добрался до вас. Какой путь пришлось проделать!».

[125] Неустановленное лицо.

[126] Перевод: «Не хотели бы вы увидеть меня сейчас?.. Но ладно. Возможно, вам до этого нет дела».

вы, сестрица, видели московских актеров, уведомьте, каково они играют? Какой это Иван Иванов? пришлите ему аттестат и сравнение с <И.А.> Дмитревским[127]. Да чур долгое писмо написать ко мне, о всех тверских веселостях и как и что и прощай.

М. Муравьев.

1776. года
Март.<а> 3. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 34–35).

<18>[128] ++
<7.3.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Что ето? целыя две недели не имею щастия получать ваших писем. Не гневаетесь ли вы на меня? здоровы ли вы? Боже сохрани меня и от того, и от другаго. По моему щету, так кажется, чтобы уж надобно было вам возвратиться в Тверь. В понедельник на второй недели получил я от вас два писма вдруг, одно еще из Твери, в самой день отправления вашего, другое из Вышняго Волочка. И вот все то, что я имею. Я стараюсь утешиться причиной вашей отлучки, однако это утешение слабо. Все от меня сокрыто, и я не могу вас представить прямо ни в путешествии, ни возвратившихся в Тверь. При всяком шаге должен я обманываться, не имеючи никакого известия ни от вас, ни от сестрицы. Чтож, естьли я обманусь в догадках? Бог етого не попустит, естьли не захочет меня погубить. Жалею, но уж без пользы, то время, которое я был при вас... в самое сие время, получаю я ваше писмо, которое вы изволили писать из Твери. Простите мне лишния строки. Я письма, которое изволите писать, что послали из Вышняго Волочка, о векселе Елис<аветы> Абр<амовны> <Ганнибал>, отнюдь не получал. Я будущую почту буду писать в Новгород: я бы писал и нынче, да только поздно, для того, что я на дежурстве и пишу вечером. У нас Капитан <С.А. Хотяинцев> просрочил и долго уж тому времени. Мы с Порутчиком ждали к себе в школу Маиора Федора Яковлевича Олсуфьева, и для того такие строгости учреждали, однако майор не был. Впрочем, докладываю о себе, что я здоров и поделываю кое-что. Захар Матвеевич <Муравьев> скоро будет Офицер. У них около Христова дни выпуск, и он в шести человеках назначенных в артиллерию. Никита Романович <Рожешников> также ожидает себе перемены к Петрову дню. А у нас сказывают лагерь будет. Я живу тихо: а веселье всяко бывает. Принуждения, что касается до службы, нет никакого. Ниже караула; разве бы сам захотел. Каково-то будет в лагере? Я столько написал в намеренье мало писать, что и остановиться где не знаю. Не смыслю положить предел моему писму, а Ван<ь>ка <И.М. Муравьев?>, которой говорит, что на почту пора. Вы изволите мне оказывать свое удовольствие, что я по Италиански марокую, а я того к вам не писал, что я купил Тасса и дал две монеты. Это не по безжалованью. Сказывают, что Государыня пожаловала .50000. рубл.<ей> Князю Григ<орию> Григорьевичу Орлову. Впрочем, препоручая себя, в вашу родительскую милость, прошу вашего благословения и с сердцем наполненным, нежнейшим чувствием, остаюся навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

---

[127] Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821) — актер, переводчик, драматург.

[128] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

Матушка Сестрица! я было позабыл сказать *здравствуй*: писмо без *здравствуй*, все равно, что ученье ружейное без: *слушай*. Digression très utile, à ceux qui ne sont pas bien intentionnés envers l'Italien. Mais écoutez, как легко провиниться! Une chimère après que un rien, vous sait si bien, mettre en colère! Ну! сударыня, plus d'italien avec vous[129]: так боле Рускаго, пусть будет с вашей стороны. A propos, вы знаете, что у нас какой то Лолли[130], славной музыкант, изобращающий на скрыпке всякую всячину... Прощай, Ван<ь>ка не хочет прежде чаю дать, покуда писма не кончу, а с Г. Гандке <?> увижусь, поговорю и достану. Venit, vidit, vicit. Это не по Италиански. Т<атьяне> Петр<овне> поклон: писма будут разосланы. Чаю-то хочется.

Пришедши же на гроб, где место заключенья,
Живой его душе всевышний предписал
Весь бледен, хладен, нем, и будто без движенья,
Ко мрамору глаза смущенны приковал
Вдруг ручей слез потек, и близ изнеможенья
В рыданиях едва, сии слова сказал.
и прочее. Тасс. Пес<ня> XII. Ст<рофа> 96.

1776. года Март<а> .7. д<ня>
С<анкт->П<етер>бург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 36–37).

<19>[131] ++
<10.3.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Имею честь, батюшко! поздравить вас с весною: ето первой ее день, покрайней мере, что называется по истинному гражданскому изчислению. Вчерась был праздник у жаворонков, а нынче у астрономов[132]. А у нас день прекрасной, и солнце прямо в окна. Около Пскова, сказывают и реки разошлись, а наш Капитан <С.А. Хотяинцев> еще не приехал: я вчера только с дежурства и для того-то видно зарепортовался. Вчерась Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> был на вахтпараде: мы было его ждали и в школу, однако дело и так прошло. Третьяго дня Красильников обещался на завтре, то есть вчера, как срок векселя, принесть денег .200. рублей, однако не бывал, как думаю, для того, что я его просил, отдать деньги ассигнациями: нынче по утру также не бывал. А теперь, то есть, отобедав, думаю, ехать на физическую лекцию: в последний раз я не был за дежурством, и для того наградить ето надобно, а Крафт наш говорит там о тяжести и упругости воздуха: теперь уж дошел он может быть, и до гидростатики. О каретах несколько раз мы возвещали: но все не впрок. Вчерась приходил некто, и, как мы попросили за карету Петра Антоновича <Костливцева> .80. рубл.<ей>, так он отошел прочь, не зная, что и подать, как он говорит. Однако за дядюшкину карету подал он 8 рубл.<ей>. Из етого видно, сколько трудно будет их и с рук

[129] Перевод: «Отступление очень полезное для тех, кто не слишком доброжелательно настроен к итальянскому языку. Но послушайте… Химера! И всё же – какой-нибудь пустяк так легко выводит вас из себя!.. еще по-итальянски с вами».
[130] Лолли А. (1725–1802) — итальянский музыкант и композитор; в 1774 г. был приглашен на русскую службу как камер-музыкант Екатерины II.

[131] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».
[132] Вероятно, Муравьев имел в виду день весеннего равноденствия (в народе его называли жаворонками или сороками).

сжить. Я отослал уж мужиков в Устреку, так как я уж об етом и к вам писал. Они мне принесли .18. рубл.<ей>.

Простите, что я писмо свое прерываю. Часа два тому назад, я его оставил и теперь приехав из Академии опять за него принимаюсь. Я нашел у себя Красильникова, которой принес .200. рублей ко мне ассигнациями, и я их принял, надписав оное на векселе во ожидании вашего ответа: для того, что назад тому, почты три, писал к вам, о прозьбе Красильникова и послал ее вместе с письмом моим. Пожалуйте, естьли изволили получить, пришлите на то поскорее приказание: он просит именно, чтоб взять с него только .200. рублей, так как они и взяты уж мною; а впрочем бы подождать. С моей стороны, я не мог никак отговориться, чтобы покрайней мере, не позволить ему попросить самому вас об етом. Как мне кажется, так отсрочить никак нельзя в рассуждении нашего долга. И я просил его, чтоб он, на всякой случай, собирал между тем и остальные деньги: так как он и обещал. Я думаю завтре съездить к Кургановскому[133], дабы осведомиться и поговорить о условии платежа: дай бог! чтобы это мог я сделать порядочно. Могуль я теперя попросить вас батюшка, об учащении ваших писем? я их не очень часто получаю; хоть для того, чтоб я знал, доходятли к вам мои писма. Я желаю чрезмерно знать, каково было ваше путешествие: когда вам недосуг в этом уведомить, так я прошу хоть сестрицу, чтоб она взяла на себя ему скуку. Я здоров, доволен и празден: дай бог! чтоб только вы были здоровы, чтобы сестрица простуд не знала и находила бы свои веселья и общество! Я позабыл было нечто: вчера по утру Прасковья Глебовна <Головцына> прислала ко мне проведать об вас: она была у Наумова[134], и слух разнесся там, будто бы вы, проехавши по уезду, где надлежало, прибыли наконец сюда с какими-то депутатами. Егор Александрович для того прислал записку о двух книшках, которыя нам продал летом наш переплетчик, именно *Молодой геодет*[135], и *Журнал Прусской войны*[136]: они украдены с большей частью библиотеки князя Петра Никитича Трубецкаго[137]. Вот какое вылилось чудо! я посылал к переплетчику: тот говорит, что он в том не отвечает, что он купил по незнанию: была де и у меня одна, из числа тех книг, и я был принужден отдать! Мы за их обеих отдали рубль; однако все жаль едаких хлопот. Как вы изволите приказать, отдавать ли их или нет? воры етой библиотеки пойманы и с ними лавочник, которой их распродавал.

Впрочем, все мое желание, чтоб Бог сохранил ваше здоровье, чтобы я еще пользовался счастием вас увидеть. Ваши милости со мной пойдут в гроб и может быть, еще останутся после меня. Я с глубочайшим моим почтением прошу вашего родительского благословения и на век мой остаюся,

Милостивой Государь мой батюшко
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица! ну! так ты меня помнишь, как же вспоминаешь? или нет, помнить брата, пусть помнить; а вспоминать на что? Ведь ты уже велика, я думаю: покрайней мере, все ты мне покажешь более, естьли даст Бог свидеться с тобою. Слушай! естьли хочешь ужиться в мире со мной, вот договор: будь здорова, не хворай никогда, ешь, пей, веселись для себя, а играй для меня на клавирах. Вить ноты то кто взгораздил? Посмотри начало в *Violino primo*, где рука, ан и узнаешь, что та ж самая, которая теперь же начеркает. Прощай.

---

[133] Видимо, Кургановский А.Е. (даты жизни неизвестны) — лейтенант флота, с 1785 г. — генерал-майор.

[134] Возможно, Наумов С.А. (ок. 1724 – не ранее 1779) — капитан, предводитель дворян Крымского уезда.

[135] [Котельников].

[136] По-видимому, речь идет об издании: [Журнал о военных действиях].

[137] Трубецкой Петр Никитич (1724–1791) — сенатор и литератор, старший сын князя Никиты Юрьевича Трубецкого.

1776. года
Март<а> .10. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 38–39).

<20> ++
<после 10 марта 1776>[138]
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Простите мне: я опоздал и для того уж прямо пишу, как ни попало. Теперь только Сеньке отдал я .20. рублей, и тотчас остальные четыре рубли. Мальчик чешет хорошо. Вы изволите писать об ассигнации: я ее получил в свое время исправно. Писма ваши розданы. Красильникову принужден я был отсрочить на полгода. А Коретников приходил ко мне также об переписке векселя. Я чрезмерно виноват, что не успел написать по вашему приказанию, к Алекс<андру> Алекс<еевичу> Вяземскому[139]: намерение мое было избрать время праздное и написать получше: но не знаю как, случилось, что до сих пор не написал. Писмо другое, как вы изволите знать, будет произведено в дело. Однако немножко подождать. Мы здесь все слава Богу здоровы: лагерь будет, и я уже считаю, что через .4. месяца мне можно будет, если вам угодно будет, приехать в Тверь; но ето только лестное воображение. А Николай Федорович <Муравьев> может быть и скоро хочет у вас побывать. Захар Матвеевич <Муравьев> пришел теперь из Корпуса и приписал бы, но время отнюдь не позволяет. Я был нынче на физической лекции и зашел на часок к <М.Е.> Головину. В другой раз постараюсь быть пообстоятельнее. Сделайте милость, батюшко, и меня не оставьте своим отеческим напоминанием, я с нижайшею преданностью, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко
ваш покорнейший слуга
Михайло Муравьев.

Милостивой государь мой! Алексей Минич <Муравьев>!

Покорнейше приношу благодарение, за напоминовение, которое меня весма польстило. С своей стороны, уверяю вас, что не менее, и мое к вам усердие и почтение. Очень я доволен, что вы сестрицу журите: и как вы мне, так я вам жалуюсь. Возмите мое место в Твери, и в мое имя, пощгоняйте ее всякой раз, когда клавикорды, целой день простоят без игранья.

Я остаюсь на всегда
ваш покорнейший брат и слуга
Мих.<айло> Муравьев.

Сестрица, слушай: Захар Матв<еевич> <Муравьев> не дает к тебе писать. Ты, сударыня, к Кат.<ерине> Яковл.<евне> <Бастидон>[140] не пишешь. Ты на клавикорд<ах> не играешь. Ага! vous me craignez: je suis donc ni plus, ni moins, qu'un censeur romain[141]. Вот каково! Ей! большие братья учитесь у меня, учить меньших сестер.

---

[138] В предыдущем письме упоминается просьба Красильникова, это дает основание предположить, что данное письмо было написано после 10 марта 1776 г.

[139] Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793) — князь, государственный деятель, генерал-прокурор Сената.

[140] Бастидон Катерина Яковлевна (ум. 1794) — первая жена Г.Р. Державина.

[141] Перевод: «Вы меня боитесь: значит, я не больше и не меньше, как римский цензор».

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 40–40 об.).

<21>[142] ++
<21.3.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Нынешний день получил я ваше, от .14. ч<исла> нынешнего месяца, писмо. Из прежних моих писем, изволите увидеть, что с Елис<аветы> Абрамовны <Ганнибал> денги взяты: с ними нарочно присылал Семен Степанович Неелов[143]. Я прежде было писал о том и к Дмитрию Васильеву[144], однако ето теперь напрасно. Чтож касается до Красильникова, то я никак не мог отговориться, чтобы не позволить переписать еще на полгода ста рублей остальных. Он вычел шесть рублей данных Лукашке, и еще какие-то пять рублей на нас считает, будто бы им извозчику заплаченных. Я пропустил одну почту и вину свою признаваю: был в то время на дежурство и отпросился у порутчика на физическую лекцию, куда мы с Никитой Романовичем <Рожешниковым> ходили. Сей последний просил вас отписать, у вас ли медаль его или здесь оставлена; мы ее не находим. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> поехал в отпуск на 29 дней в деревню. Теперь следуют наши известия: Капитан <С.А. Хотяинцев> наш еще не бывал, и мы уж и ждать перестали. Извольте представить: Генваря в последних числах поехал он в отпуск на .29. дней, и вот теперь .21. марта. Ни писем к кому, ни в полку об отсрочке, ниже известия: нет ничего. Порутчик хочет, естьли он не подъедет, зачать с Фоминой ружьем учить. А у нас поговаривают о кампании: одиннадцать полков получили приказания собраться под Красное село. И наша Гвардия, вышед наперед, в обыкновенныя свои Лагери в половине Майя к назначенному сроку еволюции, поступит тудаже, и вообразить можно, что мы наделаем: а уж наверно, шуму, шуму. Генриха[145] ожидают; ета новизна уж очень стара; однако должно думать сбудется. У нас заряжены пушки для радости <?>, про то говорят те, которые знают; а которые ждут, тем кажутся всякой час залпы. Третьяго дня целая Школа, слышала пушечныя выстрелы; а далее спросишь, окроме Школы, никто не слыхал. Я живу очень тихо; етому свидетель Петербург, которой меня не знает. Мих<аил> Федорович Соймонов не здоров: вот кажется все, что знаю. А Тверь сказывают не по нашему: мне ж лучше, что приеду, туда, где и Петербурга получше. А правду сказать, Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> очень и очень сбирается в Тверь; Николай Федорович <Муравьев> тудаже хочет ехать. А я про себя молчу. Простите, батюшка, моему бреду, и естьли он вам не противен, так и бредом быть перестает. У меня ныне Ульяна говеет, а с остальной семьей на страшной буду. Сенька теперь просит .24. рублей. Я вам прежде писал, что корова не стельна; нынче опять мы передумали, и быть ей стельной. Вот сколько начеркала моя кружная голова. Как ни пиши; писмо не речи. Я теперь щастием почитаю, дождаться того времени, когда руки своей в разговоре мешать не буду, а теперь бы и хотел, да нельзя. Впрочем с искреннею моею преданностию, прошу вашего отеческаго благословения. Я буду тогда и собою доволен, когда вам не противен, и прошу Бога, чтобы мне можно было, пользоваться вашими любезными наставлениями.

---

[142] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[143] Неелов С.С. (1714–1781) — инженер-полковник, занимался починкой морских гаваней и крепостей в Кронштадте, с 1774 — генерал-майор в отставке, муж А.А. Ганнибал (1741–1788).

[144] Видимо, Камынин Дмитрий Васильевич (1740–1807) — чиновник верхнего земского суда [Письма, с. 370].

[145] Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726–1802) — принц и военачальник Прусского королевства, младший брат Фридриха II. В 1776 г. приезжал в Россию: «В сей вечер <2 апреля. – А.И.>, в 8-мь часов, Его Королевское Высочество Принц Прусский Генрих, изволил прибыть в Санкт-Петербург, в приуготовленный для Его пребывания, в Канцлерский дом» (КФЖ, 1776, с. 148); см. подробнее: [Шарф].

Ваш милостивой Государь батюшко
нижайший слуга
Михайло Муравьев.

Ну! Сударыня! вить ето к вам сестрица, а что? вы ето увидите. Не удивитесь ли вы медоточному моему слогу? нет право и не к чему. Лучшели писать? Ну! сударыня вить ето к вам... <!> Нежели à la Tverskoy Ямской; *так теперя смутна, сердита, и не знаю что такое*. Нет право! нет ничего, что ето *нет право*; не больно кстати; Татьяна Петровна, еще не позабыла Петербурщину. Ее когда письмо; так и знаешь: лист кругом, торты, мороженые и т. д. сиречь и так далее (не остроумно ли едакое играние?) в Арифметической прогрессии. Из всего етого, понялиль вы что нибудь? И! Сударыня, вить это не дар писать ясно. A propos, quelque chose de Nicolas Alexandrovitz <Львов>: Vous me conseillez de chercher son amitié! Voilà de quoi il s'agit! je le savois bien sans vous; mais de le prier, qu'il m'aimût, qu'il me confiderat, comme son ami; voilà ce qu'il vous falloit faire. Adieu, petite ingrate. Vous pourriez être mon avocat; vous ne l'avez pas été. Добро. А между тем поклон Алексею Миничу <Муравьеву>, я к нему в четверг буду писать. Voilà ce qu'il falloit faire: добро; а Авдотья Александровна <Львова> была ль в Твери? добро. Voilà, comme quoi vous m'aimez: vous ne me recommandez pas. Добро. Il faut que je vous grondée. Добро. Ce добро est ici d'une énergie toute admirable. Добро adieu. Добро, vous craignez, que je vous gronde, je vous ai grondé adieu. Faites, que N.A. <Львов> m'aime. Adieu[146].

1776. года
Марта .21. дня
С<анкт->Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 42–43).

<22>[147] ++
<28.3.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Ваше любезное, от .21. нынешнего месяца пущенное писмо, получил я с радостию. Нынче, понедельник Страшной недели, и я говею; так как и про вас думаю. У нас все слава богу хорошо, и после продолжавшейся стужи, как и у вас, около недели оттепель, а от ней великая грязь, пуще же в полку. Захар Матвееевич <Муравьев> у меня, а что изволили упоминать про него, о том будет он к вам сам писать. Никита Романович <Рожешников>, приносит свое почтение: он около Петрова дни ожидает перемены. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> в отпуску на .29. дней. Наш Капитан <Хотяинцев> еще не бывал. Вот какой порядок в новостях! Третьяго дня, пришел сюда Устрецкой староста Гавр<иил> Ульянов, и его думаю сегодни отправить. Вы изволите легко себе представить, какое ето упражнение, хотеть делать то, чего не знаешь; и в этом-то я теперь случае пишу приказания, счеты долгов и все эдакое. С Красильникова, так как я вам писал и прежде, взял я только .200. рублей: и в добавок .24. рубли, вычитая те шесть, которые задержал Лукашка. Сенькину мастеру заплатил я .20. рублей; а за остальными четвертью <?> хотел после притти. Простите мне,

[146] Перевод: «Кстати, кое-что насчёт Николая Александровича <Львова>. Вы советуете мне добиться его дружбы! Вот в чём дело! Я и без вас это прекрасно знал; но попросить его, чтобы он меня полюбил, чтобы доверялся мне как своему другу, — вот что вам следовало сделать. Прощай, маленькая неблагодарная. Вы могли бы быть моим адвокатом — и не стали. <…> Вот что надо было сделать <…> Вот как вы меня любите: вы меня не рекомендуете <…> Мне надо вас побранить <…> Это «добро» здесь – с поразительной, прямо-таки восхитительной силой. Добро, прощайте. Добро, вы боитесь, что я вас побраню; я вас уже побранил. Прощайте. Сделайте так, чтобы Н.А. <Львов> меня полюбил. Прощайте».

[147] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

что я позабыл ваше приказание о деле Татьяны Петровны. Я его сделаю; и как скоро успею, к вам отпишу. Что ж касается, по нашему долгу, то я не премину в Апреле об нем стараться. Зделайте милость, батюшко, и не оставьте меня никогда. Я прошу бога, чтоб он дал вам совершенное здравие и удовольствие. Мое только в том, чтоб быть сколько ни будь достойну, не заслужимой в веки, вашей милости. Василий Евдокимович <Адодуров>, свидетельствует свою благодарность и почтение. У нас говорят будто Гр<аф> Григор<ий> Александр<ович> <Потемкин> пожалован Князем, я не знаю каким[148]. Впрочем, прося вашего родительского благословения, по гроб мой остаюсь,

Нижайшим слугою и сыном
Михайло Муравьев.

Матушка Сестрица! желаю тебе говеть благополучно, удовольствий дождаться праздника. Когда дождешься его, вспомнишь и меня. Покрайней мере вот так я думаю. Я здесь говею: брат Захар Матвеевич <Муравьев> у меня читает Житие мученицы Варвары[149]. Это очень intéressant; а вот что еще и более: Христос воскресе. Дай красненькое яичко. Вить ето писмо, уж конечно, придет к Светлому воскресенью; а кто знает может быть, и в самой праздник. Так кто столуется <?>, а я нет; вить и моя копейка не щербата. Ну теперь с Татьяной Петровной, будто я не знаю, где раки зимуют. Ну теперя прощай.

1776. года
Марта .28. дня
С<анкт->Петерб<ург>[150]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 44–44 об.).

<23>[151] ++
<4.4.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Поздравляю вас, с Светлым Христовым воскресеньем и приношу мою истинную благодарность, за драгоценныя мне знаки вашей милости. Я получил вчерась ваше по почте посланное писмо, и для того нынче по утру был на Васильевском острову, у Ивана Петровича Чадаева, которой и вручил мне вашу посылку. Он занемог на дороге лихорадкою, которая и теперь продолжается, и для того думаю, что приехал он позже, нежели намерялся; ибо самый день приезда его сюда, был Страшной недели субота. Из сего изволите заключить, что писем разнесть на Страшной неделе было мне не можно; а разнесу я их завтра. Простите мне, что я пропустил прошедшую почту: ето был Страшной четверг, в которой я сподобился причаститься Святых тайн. Я имею некоторое право догадываться,

---

[148] См. сообщение «Санктпетербургских ведомостей» от 26 марта 1776 г.: «Сего Марта 22, Правительствующему Сенату, Господин Действительный Тайный Советник, Генерал-Прокурор и Кавалер, Его Сиятельство Князь Александр Алексеевич Вяземской, предложил в подлиннике в собственноручное ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА к Господину Генералу Аншефу, Генералу Губернатору и Кавалеру Князю Григорью Александровичу Потемкину Всемилостивейшее повеление, о Высочайшем ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА дозволении, принять от Римского Цесаря присланный к нему на сие Княжеское Достоинство *Римской* Империи Диплом, и впредь ему именоваться повсюду, по силе оного Диплома, Римской Империи Князем; при чем предложил и подлинный присланный на сие Достоинство от Его Величества Римского Цесаря Диплом. В следствие того Высочайшего ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения, Правительствующий Сенат, об оном для сведения разослал во всей Российской Империи Присутственные Места Указы» (СПб Ведомости, с. 272).

[149] Очевидно, речь о Житии и страдании святой великомученицы Варвары.

[150] Далее приписка З.М. Муравьева.

[151] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

что и вы тогда с сестрицей причащались; покрайней мере подумал я это тогда. Я слышу от Ивана Петровича <Чадаева>; что вы, слава Богу, здоровы; дай Бог! чтоб и ни которое писмо мое не застало вас нездоровыми. Я отнюдь милостей ваших достоин быть не могу; однако я все тот же, которого вы любили сердечно. Правда, что и ленив, и легкомыслен; однако чувствующий добродетель, хотя и не исполняющий. Робок, уединен; я таков был всегда. Резов, говорун; но только с такими, которых не стыжуся. Сколько таких, перед которыми молчу? Вот начертание моего жития; а в нем найдете вы много знакомого. Не обмануться в своем характере очень трудно, и сколько бы ни хотел его разсматривать чистосердечно; все останется такое, что скрывается, а ежели и откроется, так признаться не хочется. Но я вдвое согрешу, естьли укрываться буду перед вами; ведая и милости ваши, и знание сердца человеческаго. Я хочу лучше предстать перед вами со всеми моими слабостями, нежели оскорбить ваше отеческое снизхождение. Нет батюшка, разточение не мой порок; разве же недостает, что не умею разполагать с бережливостию. Я знаю наше состояние: каково вам тяжело видеть изнеможение свое, ето я очень знаю. Равнодушие, с которым вы смотрели, на ежечасное разорение наших бедных пожитников (позвольте ли сказать отсутственному) было мне всегда удивительно. Жалость, которую я от того чувствовал, должна меня научить довольно, каковыя следствия быть могут, мотовства и пышности. Я лучше бы захотел, лишиться чего нибудь нужнаго, нежели докуками моими оскорбить ваши попечения. Не извольте думать, чтобы у меня чего не доставало. Писма ваши получаю я все исправно: нынче же виделся с Николаем Александровичем Львовым, которой недавно приехал. С Юдиных надеюсь я скоро взять денги: также и с Г. Кургановским снесться о том обстоятельно. У нас на самой праздник такой шел снег и мятель, потом мороз, наконец сущая зима. В прошедшую середу приехал наш капитан <С.А. Хотяинцев>. С Фоминой зачнем ружьем учиться. Зах<ар> Матвеев<ич> <Муравьев> и Никита Ром<анович> <Рожешников> приносят вам покорнейшее почтение и благодарность за напоминание об них. Окончевая писмо сие, желаю вам всякого благополучия и здравия: прошу вас милость свою отеческую, никогда не отнимать у меня. Я тем утешаюсь в своем уединении, что вы всегда мою сторону возьмете и что любовь ваша не раздражится какими нибудь слабостями моими или неумышленными неосторожностями. Родительское ваше благословение составляет всегда и надеяние и утешение мое: я по гроб мой буду

ваш покорнейший слуга и сын
Михайло Муравьев.

Ну!. Матушка, не дивись моим начертаниям, они довольно под твои подходят. Я теперь спешу: а ты, видно, и всегда спешишь. Avec Ivan Petrovitz <Чадаев>, je vous enverrai le livre <?>, detachée[152]. А я что нибудь и про себя знаю; а тебе что нужды. Никита Романович <Рожешников> любит такие писма, в которых бы были загадки, и теперь обещается ко мне загадками нагружать свои послания из Сибири. А загадки вот какия: он пришлет ко мне описание Сибири[153]. Так ето и загадки. J'etois aujourd'hui chez NB. et j'ai reçu votre baiser. Каково было у вас на сердце vous séparer de la fille de Lusignan[154]! Никита Романович <Рожешников> смотрит теперь в письмо мое, и в <нрзб> хохочет, что то внеслось в мое писмо, что он теперь говорил... *Михайло Никитич! пожалуй.. и пошел гулять по горнице*. Прощай. Татьяне Петровне поклон в три сажени.

1776. года Апреля .4. дня

---

[152] Перевод: «С Иваном Петровичем <Вульфом> я отдельно пришлю вам книгу».
[153] Очевидно, [Миллер].

[154] Перевод: «Сегодня я был у N. B. и получил ваш поцелуй <…> что вы чувствовали, когда расставались с дочерью Люзиньяна?». *La fille de Lusignan* – это Заира, таким образом, Муравьев отсылал здесь к одноименной трагедии Вольтера.

С<анкт->П<етер>б<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 46–47).

<24>[155] ++
<7.4.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

По приказанию вашему писма все разнесены, на первых днях праздника и вопервых к Федору Яковлевичу Олсуфьеву, которой приказал вам засвидетельствовать свое почтение и хотел к вам писать особливо. Меняже уверял, что он всегда и во всем помогать мне не отречется и чтобы *адресовался к нему на дружеской ноге*, как он говорит, во всем чтобы могло мне понадобиться. Князь Петр Алексеевич[156] приказал также отписать свою благодарность, а что по писму вашему отдан долг меня не оставлять. Князь Александр Алексеевич Вяземской приказал вас благодарить. Михайло Федорович Соймонов был во все ето время болен, и так я отдал писмо ваше для вручения, Николаю Александровичу <Львову>. На другой день взял меня к нему Ник<олай> Алекс<андрович> <Львов> и он чувствительнейшими мне словами просил всегда к себе ходить. Я довольно не могу изъяснить, сколько он поступал со мною милостиво: тут я ужинал. Ник<олай> Александрович <Львов> много принимает участия во мне, а Михайло Федорович <Соймонов> хочет, чтоб все его друзья и знакомые, были и ему друзьями. Василий Евдокимович <Адодуров> приказал засвидетельствовать свое почтение и звал меня на другой день обедать: где я нынче и обедал. Тут были Алекс<андр> Иванович Нарышкин[157], Милославской[158], Ст<епан> Фед<орович> Ушаков[159] и проч. Анна Андреевна <Муравьева>, Александр Андреевич[160] приказали кланяться: также и Александр Федорович Талызин[161]. Федор Михайлович <Колокольцев> приказал кланяться и благодарить за писмо. У нас первый день праздника была великая мятель и снег, а нынче дни получше и улицы, а особливо к солнцу, высушиваются. У нас Капитан <С.А. Хотяинцев> .28. числа приехал, и с Фоминой зачнется ученье ружьем. Вы уж может быть знаете, что Генрих на другой день праздника приехал: Григ<орий> Алекс<андрович> <Потемкин> пожалован Римским Князем и прусским орденом. Во вторник, сказывают, будет здесь на театре опера *Армида*, соч.<инение> здешнего Кол<ь>тел<л>ина[162].

---

[155] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[156] Голицын Петр Алексеевич (1731–1810) — князь, генерал-поручик, секунд-майор Измайловского полка.

[157] Нарышкин А.И. (1735–1782) — государственный деятель, тайный советник.

[158] Милославский Ф.С. (1709–1783) — вице-адмирал, сенатор.

[159] Ушаков С.Ф. (1705 – после 1780) — военный, чиновник, агроном, автор работ по экономическим вопросам, адресат стихотворения А.П. Сумарокова «Ко Степану Федоровичу Ушакову».

[160] Волков Александр Андреевич (1736–1783) — брат Анны Андреевны Муравьевой, известный переводчик и драматург; в 1762 г. — член комиссии по коронации Екатерины II, в 1767 г. — депутат Комиссии нового Уложения, с 1773 г. — статский советник, директор Императорского фарфорового завода.

[161] Талызин Александр Федорович (1734-1787) – вельможа, участник переворота 1762 г., тайный советник, сенатор.

[162] Кольтеллини Марко (1724–1777) — итальянский тенор, либреттист и издатель. С 1772 г. служил в Императорском театре в Санкт-Петербурге. Речь о сочинении: [Армида]. Переводчиком был И.А. Дмитревский.

Впрочем препоручив себя в неотменную вашу родительскую милость, с нижайшею моей преданностью по гроб мой остаюся,

Милостивой Государь мой батюшко
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Апреля .7. дня
С<анкт->П<етер>бург

Матушка Сестрица! дай бог, чтоб ты веселехонька была и поскакивала: я пишу без чинов для того, что дело праздничное. Из за Сенаторскаго стола, presque assommé de trentre mets, les uns plus exquis, que les autres; cela fait, que l'on est je ne sais quoi. Faites, ma chere, que notre cher pere ne s'ennye pas, ni vous non plus. An<na> Andreevna <Muravyeva> m'a prié de vous conseiller, que vous tachiez de ne pas oublier votre Clavecin. Adieu. Ne m'oubliez pas ma chere! Nic. Alex. <Lvov> m'oblige infiniment: son amitié est ce qui me flatte le plus du monde. Vous savez s'il est aimable, et avec quelle ardeur il m'introduit chez M. Fed.[163]. Adieu. Je verrai *Armide* ou non du moins, Nic. Alex. <Lvov> m'a fait présent de l'original italien <нрзб> opéra: je l'ai lu plus d'une fois et c'est un opéra des meilleurs[164]. Да не скучай; а то я не буду писать. *Заиру*[165] я к тебе пришлю: *Алзира*[166] есть у тебя: зделай, душинька, реестр книжкам, какие бы ты иметь хотела. Мармонтель[167] есть у тебя, читай его. Étudiez-le, pour l'élégance de la langue: elle est vous nécessaire: c'est peu de l'éntendre, il faut s'y connoitre et avec de la délicatesse. Vous savez bien plus que moi, que cette lecture, ne servira moins à former dans la langue que dans le goût de la société. C'est un auteur qui vous guide; cependant, vous vous souviendrez de ceci.

Un tort quelque fois ouvre, un conseil salutaire[168]. Adieu. Татьяне Петровне поклон с полупоклоном. P.S. батюшко сударь! завтра будет, ко мне от Каретникова[169] приказчик; а Юдиных[170], ни самих, ни приказчиков здесь нет.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 48–49).

<25>[171] ++
<11.4.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

---

[163] Возможно, речь идет о М.Ф. Соймонове.

[164] Перевод: «Почти оглушён тридцатью блюдами, одно изысканнее другого; от этого становишься сам не свой – не знаю какой. Сделай, дорогая, так, чтобы наш дорогой отец не скучал, да и ты тоже. Анна Андреевна <Муравьёва> просила меня посоветовать тебе постараться не забыть свой клавесин. Прощай. Не забывай меня, дорогая! Ник. Алекс. <Львов> бесконечно меня обязывает: его дружба — то, что льстит мне больше всего на свете. Ты знаешь, как он любезен, и с каким жаром он вводит меня к М. Фёд. <нрзб>. Прощай. Я увижу «Армиду», или, по крайней мере, постараюсь. Ник. Алекс. <Львов> подарил мне итальянский оригинал <нрзб> этой оперы: я прочёл его не раз, и это одна из лучших опер».

[165] «Заира» – трагедия Вольтера (1732). О ее постановках в России см.: Evstratov, p. 320.

[166] «Альзира» – трагедия Вольтера (1736). О ее постановках в России см.: Evstratov, p. 297.

[167] Мармонтель Ж.-Ф. (1723-1799) – французский писатель, просветитель, драматург.

[168] Перевод: «Изучайте это ради изящества языка: оно вам необходимо. Мало просто понимать, нужно ещё разбираться в нём, и с тонкостью. Вы и сами лучше меня знаете, что это чтение послужит вам не меньше для языка, чем для формирования вкуса в обществе. Это автор, который вас ведёт, однако вы запомните вот что: иной раз ошибка открывает путь к спасительному совету. Прощайте»

[169] Возможно, А. Каретников — московский купец

[170] Возможно, речь о петербургских купцах Юдиных.

[171] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

С истинной моею радостью имел я щастие получить ваше последнее писмо, вчерась, то есть в Фомино воскресенье, при котором также и Афанасья Матвеевича[172] приписку, которую изволили ко мне переслать. Ето все послужило мне к великому обрадованию. Сергей Александрович <Хотяинцев>, которому я сказывал от вас почтение, просил засвидетельствовать оное же вам и от себя. Нынешний день у нас, день ротоизчисления и измерения: вразумительнее сказать, по утру нынче происходила у нас ранжировка; а в .4. часа после обеда, выдадут ружья. А завтре, естьли не обманемся, зачнется ученье: и можноли? что я не увижу оперы *Армиды*, нашего петербургскаго стихотворца Г.<осподина> Колтелиния. Николай Александрович <Львов> подарил мне ее Италианский подлинник, и я бы очень искушаем был ее посмотреть, хотя только для того, что сколько нибудь разумею. Но чего хочется, того не сбудется: и великое утешение выжебрачить <?> у лакея, потереться около дверей партерных. До етих пор можно разсудить из писма моего; что я не неприятель порядку и зачав с оперы, кончу грязью. Уж ето конечно <?> так, что надобно ввернуть словцо другое о моем росте: извольте себе представить, не должно ли радоваться, когда кто успел? до двух аршин, пяти вершков и семи осмых, так как я? Етого ни топором не выскоблишь, для того только, что Головков наш записал. Оставив все ети скучныя подробности, уведомляю вас, что Каретникова переписанной на другия шесть месяцов вексель, вручен уже мне его прикащиком, которой обещался, по моей прозьбе прислать ко мне своего хозяина по приезде немедленно. А ежели он и замешкается, то я просил между тем прикащика подумать о скоплении .150. рублей. К Юдиным давно их здесь нет; а только жена старшаго брата. Для того посылал я Ваньку нынче по утру к Десятильникову, но его дома не застали и для того, посылаю еще и после обеда. Денги, извольте надеяться, что безопасны, лежат у меня в целости. Что ж касается до того, кто как принял из господ ваши писма, об етом уведомлял я вас писмом прежде етого писанным. Надобно сказать вообще, что все отзывались очень хорошо: но никто лучше и благосклоннее Михайла Федоровича <Соймонова>, у котораго я вчера и обедал. Он выздоровливает, и зачинает проезжаться; однако не одет. Маиоры оба, ответствовали весма благосклонно; а Федор Яковлевич <Олсуфьев> и отменно. Я признаюсь, что по моему роду жизни, иное в службе, то есть, такой как наша, кажется, и дико; но что делать, привыкать надобно, и никто в другаго не родился. Впрочем я жив, здоров и весел и скажу счастлив, естьли вы прикажете, естьли милостей ваших от меня не отымите. Я хотел писать; но никак теперь четыре бьет; я вручаю себя в ваше вспоминовение и прошу родительского благословения.

Ваш покорной сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Апреля. 11 дня
С<анкт->Петербург

Сестрица! il est quatre heures: votre montre va-t-il bien: la mienne retarde mais[173]

l'heure à present m'appelle au conseil, qui j'assemble
Le Cid. Scene 1. Acte 1[174].
ваш très humble brat MM

---

[172] Брянчанинов Афанасий Матвеевич (ум. 1786) — вологодский помещик, родственник Муравьева, поэт [см.: Алехина, с. 12-13].

[173] Перевод: «Четыре часа: ваши часы идут верно? Мои отстают, но…»

[174] Перевод: «Сейчас время зовёт меня на совет, который я созываю». Таким образом, Муравьев иронично соединил бытовую фразу с цитатой из хрестоматийной трагедии П. Корнеля «Сид» (1636).

Вот сударыня! каково, и сложивши грамотку развернешь: било-то не четыре; а било три; так я и домой прибежал и теперь прочел Вольтерову *Пандору*[175]. А прочетши к вам еще попишу: а налив ведро, слово молвила: *Уж ты и пр.* Отпиши сударыня ко мне грамотку с чужой дольной стороны: да обстоятельную, об чем я вас давно прошу! Что вы делаете, какия мысли, какия разсуждения составляют вашу мораль. Каково вы наторели, сиречь dans les manieres de la société, quels sont vos amusements, et avec quelle disposition et quel gout, vous les digerez, pour ainsi, dire[176]. Добро, добро вить я заврусь. Прощай же, сестрица.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 50–51).

<26>

<18.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшко!
Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы и благополучны? Отдален будучи столь далеко, мысли мои должны иногда безпокоиться. Вчерась письма от вас я не получил, и нынче не несут ко мне. Боже сохрани, естьли вы и не здоровы или иначе как-нибудь опечалены. О себе доношу, что я слава богу, жив и здоров. У нас в роте ученье ружьем во всю Фомину неделю уже продолжалося. Сергей Александрович <Хотяинцев> приказал мне приватно учиться у Завороткова[177]; что я и делаю. А куда меня определят, того я не знаю; плутоножных[178] кажется довольно, разве, что переменится, а в шеренгу я не поставлен, и не без оснований подумать можно, что я буду во все лето волонтером, присматриваться к строю. Нева наша прошла здесь .14. числа в .10. часу вечера[179]. А .15. в шестом часу случилось наше несчастье, что великая княгиня <Наталья Алексеевна>, как вы уж может быть и слышали, преставилась в родах. Того ж дня или, лучше сказать, и часа, государыня с <великим князем> Павлом Петровичем изволили отъехать в Сарское село. И нынче в школе видел я Манифест от .16. числа о смерти великой Княгини[180]. Вчерась в обедни и поминали. Федор

---

[175] «Пандора» (1740) — опера Вольтера.

[176] Перевод: «В том, что касается светских манер: каковы ваши развлечения и с каким настроением и каким вкусом вы их «перевариваете», так сказать?»

[177] Заворотков – сержант Измайловского полка.

[178] Плутоножный — отн. к плутонгу; плутонг — соответствующее взводу низшее подразделение в строю и в боевом порядке русской пехоты в XVIII в., введенное Петром I.

[179] Ср. сообщение «Санктпетербургских ведомостей» от 17 апреля 1776 г.: «В пятницу на прошедшей неделе, то есть 15 Апреля, в Санктпепербурге вскрылась Нева Река; и думают, что ныне лед не долго будет препятствовать свободному сообщению разделенных рекою частей города» (СПб Ведомости, 1776, с. 304).

[180] Великая Княгиня Наталья Алексеевна, урожденная принцесса Августа Вильгельмина Луиза Гессен-Дармштадтская (1755–1776) — первая жена великого князя Павла Петровича; 15 апреля 1776 г. умерла при родах. См. сообщение в «Санктпетербургских ведомостях» от 17 апреля 1776 г.: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ и проч. Всемогущему Богу угодно было положить Своими неиспытанными судьбами, чтоб час вожделенного разрешения от бремени Ея Императорского Высочества Великой Княгини НАТАЛЬИ АЛЕКСЬЕВНЫ был концом Ея жизни и младенца из утробы не исшедшего, а для нашего Императорского Дома источником грустнейшей печали; ибо в таком состоянии, когда уже всякое употребленное искусство не было спасительно, Ея Императорское Высочество, приуготовясь по Христианскому закону исповедью, приобщением Святым Божественным тайнам, и, быв маслом соборована, с удивительною твердостию духа в присутствии НАШЕМ, настоящего месяца в 15 день в шестом часу по полудни, в Санктпетербурге преставилась от Мира сего в вечное блаженство, причинив тяжкое сожальние сердцам, НАШЕМУ Матернему и супруга Ея любезного НАШЕГО Сына Цесаревича Великого Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, горячей к Ней любви и признания к Ея

Яковлевич <Олсуфьев> приказал вчерась засвидетельствовать вам свое почтение; так как и Михайло Федорович Соймонов, у которого я вчерась ужинал. Должно признаться, что нынешнее мое упражнение с ружьем отвлекает меня несколько от моих надобностей так, что в прошедший четверг не успел и к вам писать. О муке своей сказывали мы и в лавках, и в лабазнях; но оттуда продают по .3. 50 к.<опеек> или около; а от нас хотят взять по .2. руб. по 50 коп. Наконец посылал я проведывать о бревнах: за четыре саженые пятивершковые просят по тритцати копеек за бревно; за шестивершковые той же длины по .40. к. Они хотят принять от нас и мукою естьли угодно нам; принимая куль за .3. рубли ровно.

Я теперь принимаюсь писать в другой раз; затем, что после обеда был в школе, где я учился ружьем и наконец учил маршировать, хотя и сам не мастер, одного чухонского недоросля, аршина в три, Г. фон Фиттенгофа. Тут то я получил ваше писмо: простите мне батюшка, что я уж было и жаловался о неполучении. Я очень нещастлив, что остался виноват я. Ваши милостивыя наставления в оном драгоценны; и я думаю, что они тронут и не меня. Мне осталось просить бога, что он мне дал сил сделаться их достойными. Берегу ли я ваши письма? Без сомнения. И когда вы изволите собирать мои несвязные письма, мало достойные той чести, как по причине их содержания, так и меня самого; можно ли чтоб я был так дерзок и бесчувствен, чтобы не сохранять ваших. Единое средство, которое еще удостаивает меня ваших разговоров, уж и тем одним драгоценных, а наставлениями своими и свидетельствами милости уж и ни с чем не сравнительных я радуюсь, что вы здоровы и естьли веселы, то я и во всем доволен. Сохрани, великий Боже! чтобы когда мое письмо, застало вас, иначе как я желаю. О всем, что вы изволите спрашивать сим письмом, отвечал я прежде. Наконец, прося ревностнейше бога, о вашем здравии и благополучии, навеки препоручаю себя в ваши отеческие милости и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко
ваш покорный сын и слуга Михайло Муравьев.
1776. Апрел<я> .18. д<ня>
С<анкт->Петербург

Теперь-то, грамоту пишу к тебе, как видишь,
О ты, которая писулек ненавидишь!
Ты, ты сударыня от коей Аполлон,
Расстроенных клавир давно внимает тон;
Ну! видишь, я пишу, а у тебя клавиры,
сиры,
Играй брат! а не то… так будь уж без Заиры.
А без Заиры, друг… вить что и говорить?..
Но что за странный блеск я зрю из-под забора?
Силанс, мессью! вить я меж чистых Муз собора,
И вижу целое явленье из *Азора*[181],
За клавикордами, о! чудо! Терпсихора,

добродетелям преисполненным. Объявляя всем НАШИМ верноподданным о сем печальнейшем приключении, по власти Всевышнего произшедшем, и моля его о упокоении души усопшей, пребываем удостоверены, что и каждый из них о том же свои молитвы к Нему пролиет: наипаче же да учинить се повсюду достодолжным образом Духовный чин. Дан 16 Апреля 1776 года» [СПб Ведомости, 1776, с. 304].

[181] Муравьев имел в виду комическую оперу-балет «Земира и Азор» (1771); музыка — А. Гретри, либретто — Ж.-Ф. Мармонтель. 15 августа 1777 г. он писал сестре Ф.Н.: «Я к вам посылаю «Луцилию», «Гурона», «Силвана» и «Замиру и Азора», 11 pour que vous puissiez vous souvenir d’un frere qui vous aime tendrement» [Письма, с. 274].

(А Терпсихора кто? тебе сестрица быть)
Да где же Аполлон? <нрзб> бачка,
Herr Handke, антанде, Василий-остров мачка,
Ну! ну! коль это так Заире быть твоей;
При речи сей,
Уж то-то братцы, вся орда захлопотала,
И Муз собор ревел, калинушку ломала.

Вот, сестрица, чтобы говорить с тобой немножко здравее, вот путалица[182] служивого, для того чтобы занять бумагу и избежать вашего нарицания, будто я к вам писать не имею. Я загадываю, когда я пишу: это ваши слова. А вы отгадываете, когда пишете. Так мы и квиты: вы зачинаете ко мне, votre lettre… позвольте мне оказать пробу моего остроумия, и весьма холодно пошутить над этим. Не так ли Вольтер к Сумар<окову>[183] пишет: Votre lettre et vos ouvrages[184]… Так вы отдаете честь моей скромности, что поверите мне, будто я закраснелся, когда увидел Votre lettre, думая, что последует, конечно, vos ouvrages, что, к стыду моему, не последовало. Я боюсь, чтоб вам не показалось, будто я наказывать бумагу умею безвинно: но я не тиран, для того что я ваш препрениж.<айший> слуга, mais un frere qui vous aime.

M. Mouravieff.

Татьяне Петровне поклон, пусть сама его разберет, а не увидит, сама виновата.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 52–53).

<27>
<21.4.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Любезное ваше писмо от .14. ч.<исла> сего месяца получил я исправно вчера и теперь на него ответствую. Нынешний день праздник, однако праздник печальный. Я недавно пришел от Михайла Федоровича <Соймонова>, где я обедал: тут я видел объявление о переносе тела Великой Княгини, что сделалось вчера, как сказывают, ночью. Траур будут носить обыкновенной, а не глубокой, и то до пяти классов, в котором числе военные камзол и нижнее платье черные, на рукав флер и темляк траурный. Государыня и с великим Князем <Павлом Петровичем> изволит жить в Сарском селе: и будут при погребении, того не известно, иные думают, что нет. Несчастное сие приключение огорчевает все вообще своим влиянием. Многие из знатных господ приехали сюда из деревень или из Москвы, где они жили, для того только, чтоб быть при случае ожиданного радости; и нечаянно сделались свидетелями горести. Выпуск монастырских девиц, долженствовавший быть великим украшением сего праздника, на время отложен, и нечаятельно, чтоб был уже так великолепно отправлен, как намеревались[185]. Мне сказывал

[182] Видимо, от *пута, путала* — кто путается в речах, запутано говорит; путляка [Даль, 3, с. 1422.].

[183] Сумароков Александр Петрович (1717–1777) — поэт, писатель, драматург; об отношении к нему Муравьева см.: [Ивинский, 2018].

[184] Муравьев имел в виду письмо Вольтера к А.П. Сумарокову от 26 февраля 1769 г.: “Monsieur, votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le goût sont de tout pays”. О нем см.: [Люблинский, с. 40, 180, 195].

[185] См. подробный материал в Прибавлениях к «Санктпетербургским ведомостям» от 17 мая 1776: «Доставленное нам описание, производимого выпуска из Воспитательного Общества Благородных Девиц, чрез сообщенное от одного к другому приятельское письмо, мы издаем здесь к удовольствию Публики, как то в прежних ведомотях было обещано» (СПб Ведомости, 1776, с. 383-388).

Игн<атий> Ант<онович> Тейлс[186], что у них положено было завтрашней день обедать и быть на бале у Кн<язя> Григ<ория> Григ<орьевича> Орлова, на другой день у Кн<язя> Григ<ория> Алекс<андровича> Потемкина, на третий день, то есть в воскресенье, ехать во дворе для благодарения Государыни. Но все уж не так пошло. Выпуск кадетов подобным образом: однако ж другие говорят, что Ив<ан> Ив<анович> Бецкой[187] хочет произвесть его в будущий четверг, то есть спустя неделю. Нет ничего утешнее, сказывают, как видеть прискорбие кадет третьяго возраста, которым должно бы было нынешний самый день надеть мундиры.

Наш Петр Макарыч Мармылев[188] привез сына записать в корпус и для него-то ходил к Тейлсу. Не ведаю, каким побытом геральдия не известна о Мармылевых; и Тейлсу кажется, будто он уже наскучил своими беспрестанными рассказами о дальней езде, убытках и пр., чем он думает ускорить выпуск. У нас в полку, несмотря на сие несчастье, была нынче большая перемена унтер-офицерская. Да сказывают, что Государыня изволила вспомнить и о докладах офицерских и будто они скоро выдут. В роте нашей продолжается екзерциция, и я ни вись какия штуки выметаю: естьли б я себя не похвалил, так было бы накладно. Едак точно хвалю я себя в италианском языке как ни пришло, ломаю как попало: не далеко, вчерашний вечер пришедши из школы, Тасса[189] в руки и ну читать, покуда целую книгу промахал. Что мне теперь не по нутру, так то, что в Академическую библиотеку сходить некогда. Нынче я, батюшко, и в немецких книгах великой резака: вчера заснул с Геллертом[190]. Это уж великое достоинство! Сколько видал я таких в своей школе зимою, которые за арифметиками спали. Однако здесь пора бы перестать хвастать, чтоб зачать дело, так я его и зачинаю. На нынешней неделе, в начале, ездил я к Десятильникову[191] и отдал ему протестовать вексель на Юдиных. Он, кажется, что имеет всякую добрую склонность служить вам, и сказывал, что он еще при отъезде вашем писал к ним о том и в многие другие обстоятельства. Они многократно хотели ехать сюда, однако путь их откладывался: наконец писали они, что в десять дней привезут сюда деньги к своему поверенному. Между тем вексель протестуется, и в субботу велел он присылать за ним. Я ж с моей стороны, прося бога, о неоцененном вашем здравии, заключаю себя, в неотменную вашу отеческую милость и остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшко!
ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Апреля .21. дня
С<анкт->Петербург

---

[186] Тейлс Игнатий Антонович (1744–1815) — поэт, переводчик, государственный деятель, президент камер-коллегии. В 1770-е гг. — секретарь Совета при Сухопутном кадетском корпусе; член ложи «Девяти муз».

[187] Бецкой Иван Иванович (1704–1795) — русский государственный деятель, личный секретарь Екатерины II (1762–1779), президент Императорской Академии художеств (1763–1794), один из создателей Смольного института и Воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге

[188] Мармылев Петр Макарович – подпоручик Казанского пехотного полка.

[189] Тассо Т. (1544-1595) – великий итальяеский поэт, автор, в частности, «Освобожденного Иерусалима» (1581); Муравьев ценил классика и пробовал переводить его сочинения.

[190] Геллерт Х.Ф. (1715–1769) — немецкий писатель и философ.

[191] Речь идет либо о В. Десятильникове, петербургском купце и фабриканте, либо о А.В. Десятильникове, также петербургском купце.

Матушка сестрица! теперь напишу я к тебе очень мало, затем, что в последнем письме написал много, много для того, что все вздор. А теперь я не в духе вздорить. Затем что ищу *Заиры* и сыскать не могу. И для того желай, о Государыня,

Чтоб бурные чада Еоловы разогнали скоряе,
Хладные льды Бальтийския,
Чтоб принесли скоряй Зефировы дыхания,
От Англии к Неве летающия знания,
Потом, чтоб прежде всех приплывши корабли,
Бумаги воза два, к Вейтбрехту[192] привезли.

Я хорошохонько поживаю; и чуть было не позабыл уведомить, что вчера корову с рук сжили. Семнадцать рублей взяли. Представь, прежде масленицы молока в рот взять нельзя, сено предорогое, а она же не стельна. За всем тем, как выше поминается, публичною ей продажу в мясном ряду учинили.

Хотели здесь играть Армиду и Алцесту[193];
Да кашель у певиц,
Тимоша; говорят, вспрыгнул да брякнул ниц,
А мы, сударыня, горюй се, как по песту[194].

Мое почтение Алексею Миничу <Муравьеву>, ежели он у вас. Восемьдесят две сажени поклонов большой руки, первого нумеру[195] Татьяне Петровне и пр. и пр. и пр.

и по обычном отпуске: челом бью
Уведомляя вас, что слышал соловьев,
Покорной ваш слуга Михайло Муравьев.
Это уж так разумно, что из рук вон,
L'esprit qu'on veut avoir, chasse celui qu'on a[196].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 56–57).

<28>[197]
<25.4.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешняя почта не обрадовала еще меня: так я пишу к вам в половину весел. Дай Бог! чтоб это происходило от лености почтаря. Я так привык всякое воскресенье ждать ваших писем, что теперя будто и не так что-то. Естьли это от того, что ваше время может

[192] Вейтбрехт И.Я. (1744–1803) — немецкий и российский издатель, с 1765 г. — управляющий делами книжного магазина при Российской академии наук, с 1768 г. — владелец собственной типографии и книжной лавки на Невском проспекте, с 1775 г. — поставщик двора его императорского величества.

[193] «Альцеста» – опера К.В. Глюка (1767), либретто которой было написано по одноименной трагедии Еврипида.

[194] Пест — моровая язва, чума.

[195] Данное слово залито сургучом, чтение предположительное.

[196] Перевод: «Ум, которым хочешь казаться, вытесняет тот, который у тебя есть».

[197] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

быть занято, так я еще не был несчастлив. А естьли вы не здоровы… Но, может быть, не заменяете ли вы того письма в счет, которое я после прошедшего воскресенья получил. Так я виноват. И очень виноват, что безперестанным повторением, может быть, и скучу. Мои писма, либо одинаково зачинаются, либо кончаются одинаково. Нет, я думаю, такой нелепости, которой бы они не заделали. Однако вы их простите, вы, в котором даровал мне бог лучшего отца в свете. Никто меня так не любил и не будет любить, как вы. Вы всех меня более знаете; вы принимали участие, когда я был ребенок, в ребяческих подробностях: когда я был ученик, вы такое принимали старание, будто вам было ответствовать, а не мне. Слезы должны покатиться, когда представятся мне переводы, писанные вашею рукою. И когда это вспомню, так ничего более не ощущаю, как только негодование на себя, для чего я не лучше. Бог справедлив, и ежели не мной, так, конечно, другим чем наградит вас. Дай Бог! чтоб сестра вам послужила утешением. Я не имею никакого достоинства, окроме сердца простого и которое может любить, и, естьли б я и похвалиться им мог, оно ваше. Вы имели то снисхождение, что я видел в вас отца, только по нежности. Никогда строгость не имела участия в ваших повелениях. Вы имели снисхождение, любя нас, принимать веселой вид, когда горестное состояние сокрушало ваше сердце. Вы старались утешать нас. Милость ваша была столь велика, что всегда слушали мое болтанье, как нечто разумное. Самые мои глупые упрямства поставляли вы за дело. Вы изволите знать, что я не лгал. Может быть, письмо мое не связно и смешно; однако ощущения истинны. Не отрекитесь, по крайней мере, от этого и уверьтесь, что я вас прямо люблю. Я хотел бы здесь говорить за себя и тронуть вашу нежность: но душа моя нема. Ея умиления остаются внутри ее.

Вчерась был я в Невском Монастыре у руки великой Княгини <Натальи Алексеевны>. Она лежит там в большей зале, увитой кругом черным. Кругом потолка увешены черные фестоны. Парадная постеля, золотая парчевая такая же сверх балдахин. У ног иеромонах читает Евангелие. Офицер гвардии стоит на первой ступени у ручки, положенной на подушке. Ступени увиты малиновым бархатом. Генерал поручики дежурят. Завтра будет погребенье.

Вексель Юдиных еще у Нотариуса.

Впрочем, прося бога о вашем драгоценном здравии, прошу родительского благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Апреля .25. дня
С<анкт->Петербург

<нрзб> Здравствуй, каково ты поживаешь? А я живу здорово. Будь весела: мне очень к стати тебя увещевать. A propos

Vous ne soupirez plus, pour ces lieux, si celebres,
Où l’on ne voit, n’entend, que des pompes funèbres.
Ne m’envierez vous plus, qu’étant à Petersbourg,
J’entendrai resonner les cloches à l’entour?
Et puis demandez-moi, comme quoi je me porte;
A-t-on le cerveau sain pour rimer de la forte?[198]
<нрзб>

[198] Перевод: «Вы больше не вздыхаете по тем столь знаменитым местам, / Где не видишь и не слышишь ничего, кроме погребальной пышности. / Уж не станете ли вы больше завидовать мне оттого, что, будучи в Петербурге, / я услышу, как вокруг раздаются колокола? / А потом ещё спросите меня, как я поживаю… / Да в здравом ли уме — так рифмовать?»

Ну! писал довольно: хоть и все вздор.

Le secret d'ennye, n'a pas toujours, qui veut[199]

А ты, о государыня, прощай

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 54–55).

<29>[200]

<28.4.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Во вторник на нынешней неделе, то есть третьяго дня, приехал сюда присланной вами Дементий. Новой знак вашего милостивого попечения о мне, за которое довольно вознаградить вас не умею. Признаюсь, что я был этим удивлен. Лишь только иду из школы, люди моих товарищей уведомляют меня на двор, что приехал ко мне человек из дому. Я только что мог дойти до крыльца и остановился. Какой человек? зачем приехал? вот были первые мои мысли. Мне бы можно было добежать до избы и решить свое любопытство вместо того, как стал на место, так и стою. Я был в тех мыслях, что это Лукашка. Между тем, мальчишка отворяет дверь, которая в отсутствие мое замыкается; я его не спрашиваю: он мне не сказывает. Наконец род задумчивости, в котором я был, видно так был велик, что Гараска вкруг меня спрашивает: *конечно, вы очень устали*? С другой стороны, вслушался я в голос и в радости закричал: *не уж то это Демка*? а он еще только шел по двору, где с заднего крыльца не видно. Вот что делает разлука? Сколько я буду так щастлив, чтоб подать причину к такому же свиданью в Твери? однако уж и теперь стал я, кажется, ближе к вам, что и из вашей земли имею выходца. Сперва я должен был питаться воображениями; а теперь, когда захочу, имею полные повествования. Нет ничего, что я не был у вас, уж я знаю, на которое крыльцо к вам входят: я могу распорядить разположение горниц, расскажу, как перегорожено, и вдали, как будто мечтаются уже, палати в девичей. Ето шутка: однако чувствительнейшая моя благодарность ничего не потеряет от своей истинны. Нет ничего приятнее, как видеть, что помнят. Мы обязываемся благодарностью нашим знакомым за одно пустое напоминание. Мы радуемся сердечно, когда получачаем письма от друзей. Кольми паче, когда я ощущаю благодеяния нежнейшего родителя. Естьли бы простительно было и при них еще роптать; так это только в рассуждение малого наблюдения собственных выгод. Я охотно бы хотел убавить вам от своих людей; а вы, между тем, убавляете их у себя. Правда, что Демка поможет мне здесь в стройке, однако лучше бы было мне терпеть нужду в чем нибудь, нежели вам.

Барку у нас разломали, и мы теперь ее перевозили. Демка говорит, что лесу на все будет мало, а барки дороги. Так не лучше ли купить сруб? однако мы еще ко всему применимся. На сих днях приходил один подрядчик и торговал у нас головы наших кокор[201]: десяток давал наконец по 180 к. И его бы помогло нам: но он с тех пор не бывал. Вексель Юдиных уже протестован, и с протестом у меня, к Сеньке посылал я Демку и велел ему притти к себе: он уж чешет хорошо. А харчевые деньги как бы, кажется, не взять? Впрочем ето еще не ушло, и на будущей почте может быть, обстоятельнее уведомлю. Сейчас чрез Федора Михайловича <Колокольцева> получил я письмо к вам от Петра Антоновича[202]; но как оно только содержит поздравление с новым годом, так я и не рассудил его к вам присылать. У нас в роте учатся, и я туда же. Капитан <С.А. Хотяинцев>

---

[199] Перевод: «Секрет наскучить — не всякому дан».

[200] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[201] Кокор — бревно или брус с корневищем [Даль, т. 2, с. 340].

[202] Костливцев Петр Антонович (1724–1786) — капитан таганрогского порта, позднее — вице-адмирал, родственник М.Н. Муравьева.

хочет, чтоб я приватно выучился, и после бы видно остался. Дни у нас с три такая хорошая погода, что лучше нельзя.

Впрочем, засвидетельствовав, вам милостивой государь мой батюшка, искреннейшее мое почтение, прошу продолжить навсегда ваши отеческие милости и остаюсь на век

Милостивой Государь мой батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Апреля .28. дня
С<анкт->Петербург

Ca venez à votre tour, сестрица! le debut est déjà fait et c'est déjà beaucoup; половина дел начало. Si je vous dis a present, un petit mot d'adieu, la lettre est faite. Da capo.

* * *

Первые три недели кавалеры носить должны черные суконные кафтаны с стамедною[203] *подкладкою и четырьмя тем же сукном обшитыми пуговицами и петлями, а именно: по одной в верху и по три у самого пояса, обшлага и карманы без пуговиц, манжеты батистовые или кисейные с широким рубцом, шпаги и пряжки черные или вороненые, чулки гарусные. А дамам носить русское платье или из гладкого черного сукна, на голове уборы черные, манжеты камортуковые с широким рубцом, пудриться никому не запрещается*[204].

Ну! сударыня! воля твоя, переписывать скучно[205]. А и весь то он будет три месяца. Глубокого .3. недели, .3. недели полегче, .6. недель и гораздо полегче. Да я думаю, уж вы теперь и знаете. Однако ослушаться было нельзя.

Наконец там много говорено: а кончится вот чем: *Сие учреждение касается до первых пяти классов обоего пола персон. Впрочем, всем, кто б какого звания ни был, кроме военнослужащих, во время онаго траура в обыкновенном черном платье ходить дозволяется*.

Когда пройдут 3 недели; так мущины 5-ти классов носят сукон<ные> кафтаны с стамедною подкладкою, с шелк<овыми> или гарусн<ыми> пуговицами и петлями до поясу. Манжеты кисейные с бахромой, шпаги и пряжки синие, чулки черные шелковые. Когда эти три недели пройдут, так в последние 6 недель мужчины носят шелковыя подкладки. Первые 3 недели черные шелков<ые> чулки, пряжки шпаги обыкновенные, а в последние 3 недели чулки белые, кафтаны шелковые, а камзолы парчовые серебрян<ые>: буде кто хочет[206].

---

[203] Стамед или стамет — грубая шерстяная ткань [Стамет].

[204] Это выписка из [Объявление].

[205] Следующая фраза зачеркнута: «Это траур вить для придворных».

[206] Выписка из [Объявление]; см. сообщение в «Санктпетербургских ведомостях» от 23 апреля 1776 г.: «В САНКТПЕТЕРБУРГУ, Апреля 23 го дня. Объявление о троуре, по кончине Ея Императорского Высочества Государыни Великия Княгини НАТАЛЬИ АЛЕКСБЕВНЫ, на три месяца, считая с 15 Апреля 1776 года. Первые три недели, Кавалерш носить должны черные суконные кафтаны с стамедною подкладкою и четырьмя тем же сукном обшитыми пуговицами и петлями, а именно: по одной во верху и по три у самого пояса , обшлага и карманы без пуговиц, манжеты батистовые, или кисейные с широким рубцом, шпаги и пряжки чёрные, или вороненые, чулки гарусные. А дамам носить руское платье, или рабронды из черного гладкого сукна, на голове уборы черные, манжеты камортуховые с широким рубцомь, пудриться всем не запрещается.

Последующие три недели Кавалеры носят суконные кафтаны с стамедною ж подкладкою и обыкновенными шелковыми или гарусными пуговицами и петлями до пояса, манжеты кисейные с бахрамою,

А о дамах вздумалось мне написать потому, что все принадлежит до пяти классных дам, а полковницы шестого класса, а я тринатцатого. Ваш покорный брат М. Муравьев.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 58–59).

<30>[207]

<5.5.1776>

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерась получил я ваше исполненное милости писмо: оно меня обрадовало, оно мне подало более, нежели радость. В них я нахожу неизменные ваши милые разговоры, всегда с собой влекущие ту же нежность, то же благоразумие, толь украшающие человечество. Сердце ваше не исчерпается: одно письмо кажется наполнено его чувствиями, другое за ним следует, толь же утешающее, такою же кротостию текущее и тогда наставляющее, когда кажется, что беседует. Не отвратитеся, батюшка, от этих строк: не всякие похвалы возмущают смирение. А эти вам принадлежат затем, что и я вам принадлежу. Не только чтоб я стыдился воздать толь умеренные; я прочел бы себе за добродетель самое их излишество. Но могут ли они быть во мне излишны? Бога, государя и отца, никому не можно восхвалить довольно. Сколь же более такого отца, как вы, которой сам снисходит до дружества, из благоразумия извиняет и более имеет попечение о сыне, нежели он сам о себе. Я заговорился: да полно, вы знаете, что это мой обычай. Я ходил нынче в физическую лекцию; однако ей не было для того, что наш Крафт, как сказывают, повредил себе руку и лице. Так я посидел у С.И. Антонова, которой и с женой вам кланяется. Крафт также в прошедший раз приказал вам кланяться. Он говорил тогда об огне и тут делали термометр: Сергей Герасимович Домашнев подарил мне Таблицу сравнения главнейших термометров; я к нему хожу, и он довольно ласков. Простите мне, батюшка, что я не успел перебрать ваших старых писем: но будущую почту неотменно вас уведомлю. Мы сказывали о Картах и приходили кое-кто; один дает восемь, другой десять, более пятнатцати рублей никто еще не давал. Как изволите приказать? Завтре наконец <?> перевозимся мы с баркою; теперь

шпаги и пряжки синие, чулки черные шелковые. Дамы носят шерстяное гладкое или камлотовое платье, чепчики белые, манжеты кисейные или флеровые с бахрамою, ленты черные и серьги троурные.

В последних шести неделях Кавалеры носят шелковые подкладки под кафтаном, чулки черные шелковые , манжеты кружевные с бахрамою, шпаги и пряжки обыкновенные, а последние три недели чулки белые, кафтаны шелковые и камзолы парчевые серебреные, буде кто сам пожелает. А дамы платье черное шелковое, первые три недели ленты белые, а последние три недели ленты цветные, и чрез все шесть недель манжеты и прочие уборы кружевные и серьги обыкновенные.

Военнослужащие первых пяти классов могут носить первые три недели при обыкновенных их мундирах камзолы и нижнее платье черное суконное, чулки черные гарусные, а по мундиру левую руку близ обшлага перевязывать черным флером, а в день погребения могут иметь шпагу и шляпу перевязанные черным флером. Протчие ж девять недель носить только на левой руке черной флер, как выше сего сказано.

В день погребения Ея Императорского Высочества первых пяти классов обоего пола персоны могут иметь плерезы: первого и второго класса, шириною в полтора вершка, а третьего, четвертого и пятого классов в один вершок сь широкими рубцами.

Сие учреждение касается до первых пяти классов обоего пола персон. В прочем всем, кто б какого звания ни был, кроме военнослужащих, во время оного троура в обыкновенном черном платье ходить дозволяется.

Тело Ея Императорского Высочества Государыни Великия Княгини НАТАЛЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ пренесено и поставлено в Троицкомь Александро-Невском монастыре в приуготовленной кв тому зале. Кому из Кавалеров и Дам второго, третьего и четвертого классов при оном дежурить, о том наряжено от церемониальных дел. Желавшие всякого звания люди опочивающее тело по долгу видеть, в пристойном платье свободно допускаемы были сего Апреля 22 дня с в трех часов по полудни до осьмого часа вечера, а в прочие дни с девятого часа утра до двенатцати, а по полудни с третьего по осьмой час до самого дня погребения, которое сего дни будет отправлено» (СПб Ведомости, 1776, с. 322-323).

[207] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

днище возим. Приходили и подрядчики для строения: да просят дорого, уж полно и строится ли: в первом слове 60 руб. после 55. Как изволите приказать.

Я писал бы, да боюсь опоздать на почту. Желаю здравия и благополучия вам и сестрице и бог мое желанье знает. Прося вашего благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшко!

ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .5. чис<ла>
С<анкт->Петербург

Сестрица! вы жалуетесь, что я пишу мало; и чтоб вас удовольствовать, нынешний раз пишу меньше всех. Поздравляю с рожденьем в запас будущую почту, не то будет: а что?

Il n'en sort souvent
Que du vent.

А чтоб вас поцыганить: вы ко мне из *Федры*[208]. Я к вам из ней же:

Увидела его, уже стыдилась зря
И ах! бледнела вдруг, стыдом еще горя.
Восстал мятеж в моей душе оторопленной,
Не стали очи зреть, язык в устах был пленной
Почувствовала жар и вкупе трепет я,
Познала мать любви, познала зной ея.
Не избежимый ход семье, котору гонит и пр.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 60–61).

<31>
<8.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшко!

Это писмо писал я еще в прошедший четверг, да по нещастию послано было поздно; и для того прошедшую почту и писем не было от меня; в чем покорно прошу меня простить. Я все, слава богу, жив и здоров. Хожу всякой день в школу свою, что, я думаю, недолго продолжаться еще будет. Барку свою мы почти перевезли. Сен<ь>ка убирал меня вчерась, то есть 1 мая: убирает он хорошо. Да только сшить шиньону, локонов говорит, что не умеет, и для того дал я ему времени на неделю. Хорошо бы естьли б сестрица прислала образец волос, естьли надобен ей шиньон, локоны, так он бы вместо ученья их и сделал. Впрочем, я перегожу эту неделю, а после к вам и пошлю. Я хотел бы и много писать, да время итти в свою школу, куда хотя меня и не обязывают ходить, однако, как уж другие ходят, так кажется и мне надобно. Я желаю всегдашнего продолжения вашего драгоценного здравия и, прося родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой государь батюшко!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .8. ч<исла>
С<анкт->Петербург

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 62 об.).

[208] «Федра» — трагедия Ж. Расина, премьера состоялась в 1677 г.

<32>[209]
<9.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Желаю от сердца моего вам здравствовать; я жив и здоров. Поздравляю усерднейше с рождением сестрицы, которое уж не застанет письмо сие. В благополучии желаю вам его препроводить, а я приготовляюсь с лучшею радостью его дождаться и праздновать один. У нас уж поговаривают, будто и театр скоро будет: однако Государыня еще в Сарском селе. Челобитну нашел я в бумагах только ту, которою Петр Петрович подал о разделе с матушкою и тетушкой Елисаветой Петровной, вообще, впрочем, поищу я еще. Нынче часа три разбирал я, однако еще не очень вникнул. Вы изволили писать ко мне в прошедшем письме о вояжированье; не позволите ли мне попроситься в курьеры иностранной коллегии. А это делается через Остермана[210]: он берет без всякого разбора, только бы просьба шла из хороших рук. Естьли вам это угодно, так бы я посоветовался с капитаном <С.А. Хотяинцевым>. госп<одина> майора Шица[211] видел я, покорно благодарствую за записочку. У Мих<аила> Фед<оровича> Соймонова теперь печаль: Настасья Федоровна <Муравьева> при смерти и не надеется, чтоб она прожила нынешнюю ночь. Дай Господи, чтоб только вы и сестрица совершенно были здоровы. Это моя радость и утешение, и, естьли он на меня не прогневается, так вас сохранит. Я препоручаю себя навеки в вашу отеческую милость и остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .9. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! здравствуй в новой год! будь здорова, веселись и вспомни меня, когда будешь весела, а помни всегда; так не будешь скучна. Consolez-vous, consolez notre cher pere. On est content, quand on est sage. Nicol.<ay> Alex.<androvich> <Львов> нынче именинник. Я только что от него. Видишь, матушка, что я слова своего не очень господин. Писать обещал горы: вышла мышь.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 63–63 об.).

<33>[212]
<16.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы и здорова ли сестрица? Я от вас эту почту не получил писем. Дай бог! чтоб вы были здоровы всегда и чтоб я был всегда достоин сей вести. Сколько я счастлив, естьли письма мои вами ожидаются! Признаюся, что я прошедшую почту сам

[209] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».
[210] Остерман И.А. (1725–1811) — русский государственный деятель, с 1775 г. — второй член Коллегии иностранных дел и вице-канцлер.
[211] Возможно, Шиц И.И. (ум. 1828) — русский офицер, герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор.
[212] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

писать не успел; но это было рождение сестрицыно. Каким образом изволили вы его проводить? весело ли было у вас? Мы кое как праздновали. Вчера был я у советницы Анны Петровны[213] с братом и с Никитой Романовичем <Рожешниковым>. Она меня недели две просила, и я счел за надобное посетить ее. Вся ее нужда в том, чтоб уведомиться об вас и чтоб взял я у ней письмо к вам. Это еще отложено на будущий понедельник. Она очень желает знать о сестрице. Я, помнится, и об отъезде Елис<аветы> Христофор<овны> к вам не писал: она нарочно заходила ко мне проститься и вам свой поклон отписать просила. Она это время служила у Федора Михайловича Колокольцова. В доме Михайла Федоровича <Соймонова> совершилось наконец это нещастие, что в понедельник на ночь Настасья Федоровна <Муравьева> скончалась и в пятницу погребена в Невском. Мих<аил> Федор<ович Соймонов> на три месяца взял увольнение и будет жить на Мызе; он любил покойницу очень, как вы изволите сами знать, и будучи еще сам не очень здоров этим весьма трогается. Никому не дано прожить века без печали: но естьли б это было в моей воле, я бы желал от сердца лучшего счастья толь доброму человеку. Ник<ита> Ром<анович> <Рожешников> думает, что через этот отпуск и их выпуск умедлится, чего еще, однако, угадать невозможно. От Петра Антоновича <Костливцева> получил я письмо на ваше имя через Василья Яковлевича <Чичагова>; но как оно содержит одно только обычное, то я не разсудил его посылать. Он еще не знает, что вы в Твери, и спрашивает у вас, получали ли вы провиант из Адмиралтейства, которой будто Прасковья Матвеевна[214], отъезжаючи, вам поручила принимать. О Юдине посылал я еще справливаться, и нотариус уверяет, что он перевел сюда 1500 рублей, в котором числе и уплата по нашему векселю включена. Он обещался сам в скорости приехать ко мне с подробным известием, однако еще не был. Я нынче посылаю еще к нему. Что касается до строенья, мы еще строиться не зачали: так дорого, как изволили сами видеть из моего письма, за работу только просят 60 рублей. Барка наша уж давно перевезена; однако ее на все не станет. А под Невским Демка всправлялся, там тес очень дорог: сотня пять рублев с полтиной. А драни[215] тысяча 3 рубли с полтиной. Демка думает, что из барки, и с подмогою старого, все бани не выдет; а лесу пригонного еще нет; следовательно, и приценяться нельзя. О каретах что изволите приказать? последний раз давали нам 15 рублей за обе. Нынче и почти только теперя был у меня Жуков и просил меня вам засвидетельствовать свое почтение. О себе доношу, что я, слава богу, жив и здоров и желаю только знать о вашем здравии.

Впрочем, прося вас нижайше, не лишить меня вашей драгоценной милости, остаюсь по гроб мой

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .16. д<ня>
С<анкт->Петербург

Ну, матушка сестрица! прости мне, что я зачал с лошадинаго слова. Вить ты знаешь каков я неуклюж. Напиши матушка, строчку, здорова ли ты: да не так через чур прытко, мне по тише, обстоятельно, подробно, что ты делала. А мне писать некогда, как ты хочешь. Здравствуй. 16–17 Figure mystique. Hieroglyphe, ce que vous voulez. Mais prenez vous à coeur, mon interet; faites que je puisse voyager un peu, comme ça un mois en Allemagne et c’est assez

---

[213] Видимо, Шеншина А.П. (в замужестве Охотникова) — жена Я.А. Охотникова.

[214] Костливцева (Муравьева) П.М. (1746-1810) — дочь М.А. Муравьева мл., двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

[215] «Дрань — колотые сосновые дощечки в сажень длины, для кровель; они прочнее и дешевле теса <…>» [Даль, т. 1, стлб. 1220.].

pour moi, je reviendrai, chez vous vous raconter mille choses, que j'ai vu, y-joint les choses que je n'ai pas vu, cela s'entend. Je lis a present, les auteurs Allemands, Guesner[216], un auteur admirable. Que je voudrois, que vous liriez aussi. Adieu.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 65–66).

<34>[217]
<19.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Ваше любезное и сладчайшими знаками милости наполненное писмо от .11. сего месяца получил я исправно. Естьли я в глазах ваших остаюся тот же, каковым воображала меня ваши снисходительная нежность, так мое удовольствие совершенно. Я с несказанною радостию приму на себя те достоинства, которых я в себе не примечаю, но которые вам угодно видеть во мне. Потому что первое мое достоинство быть вам угодну. Мое бытие оживляется этим тщеславием: всегдашнее воспоминание вашего отсутствия, оно приводит мне всегда ваши последние слова, ваш отъезд, и когда я это вздумаю — я вижу с негодованием на себя, сколько мне остается заслужить милости столь редкие и столь истинную нежность. Я нынешний день с восьмого часа не был дома, только что успел заехать отобедать. Петр Макар<ович> Мармылев уехал в деревню по своим нуждам и просил меня представить сына своего в приеме в корпус. Для того прохлопотал я нынче об этом. По утру, хоть и прождали до первого часу, однако не успели и для того ездили вдругоредь во втором часу туда же и наконец по долгих церемониях приняли по счастью. Очень много хорошен<ь>ких мальчиков не принимали: между прочими проводили одного унтер-офицера нашего полку. Семен Степанович Неелов[218] также отдал своего сына. За кареты, как и прежде, так и самый нынешний день, все <?> дают .15. рубл.<ей>, как будто сговорившись. Они покупают в лом: так карета дядюшкина еще более стоит, потому что более имеет железа. Вчерась купили мы корову за 4 рубли с четвертью. Нам показалось, что на молоко более издержим по мелочи, нежели вдруг: это ж и столу моему сделает подмогу. О Юдине нотариус говорит, что деньги присланы, однако все хочет поговорить с купцом, к кому прислано, и не говорит, все завтра велит приходить. Из этого не выльется ничего более, как приступить к делу; что я думаю и зачать завтра! В физике проходят у нас о электрической силе; столь основательно, как и приятно. Из библиотеки Академ<ии> продолжаю я брать книги, как и прежде. Естьли можно, батюшка, так извольте подумать, о том, что я прежде к вам писал, не могу ль я до августа месяца, от иностранной коллегии куда-нибудь съездить. Впрочем, все предаю на вашу волю. О Татьяне Петровне справка к вам прежде послана. Наконец, перепоручая себя в ваши родительския милости, с истиною любовию, остаюсь навек

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .19. дня
С<анкт->Петербург

---

[216] Видимо, Гесснер С. (1730–1788) — швейцарский поэт, автор знаменитых идиллий.

[217] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[218] Неелов С.С. (1714–1781) — генерал-майор, инженер, занимался, в частности, межеванием земель в Новгородской губернии, постройкой морских гаваней и крепостей в Кронштадте. У Неелова было два сына — Павел (1767–1818) и Петр (р. 1770), о ком из них далее говорит Муравьев, неясно.

То-то хорошо, сестрица! в доброй час, погоняй, не стой: нет ничего лучше, как ездить, а особливо в гости, а пуще к кому хочешь. У меня и бог знает когда лежит и в переплете *Principes du Clavecin* par Marpourg[219], скажи как переслать? а я весьма важную особу отправлял днесь avec toute l'authorité, dont je suis capable. Не знаю где я слыхал, что à peu pres можно изъяснить эдак:

Ecrivez amplement, si vous savez le faire
Si non; hâtes-vous de vous faire,

И мы так сделаем: но наш поклон заране,

Об ручку домовне,
Татьяне
Петровне

Список с Патента.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Никиту Муравьева, которой нам, Статским Советником служил, за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность в наши действительные статские Советники, в ранг сухопутного генерал-майора 1768 года генваря 29 дня всемилостивейше пожалован и проч.

дан Апр.<еля> .10. дня 1774 года

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 67–68).

<35>[220]
<23.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Простите мне, что я нынче мало напишу: я етому виною. У нас праздник: так я позазевался. Я слава Богу жив и здоров и желаю одних ваших писем. Вчерась продали мы карету дядюшкину за семь рублей с полтиной. Деньги взял Захар Матвеевич <Муравьев>. Дело Юдина я не знаю, как пойдет: нотариус делал нам надежду, однако, кажется, напрасно. Когда бы присланы были деньги, не долг ли бы велел комиссионеру самому меня сыскать? Последнее его слово есть то: делайте, что хотите. Стряпчий Марк<а> Федоровича[221] справлялся об нем. Здесь их никого нет: а они в Москве с вином. Дом на пять лет в наймах, и он советует просить в Москве, а здесь будет медленно. Хорошо бы было, по его мнению, попросить Графа Толстова[222]. Федор Яковлевич Олсуфьев спрашивал нынче об вас и приказал кланяться. С сим писмом присылаю я письмо от советницы Анны Петровны. У меня еще есть одно от неизвестнаго к Татьяне Петровне, но его на будущей почте пришлю. Я нынче не получал ваших писем, и я сумневаюсь, здоровы ли вы.

Сделайте милость и для вашего родительского обо мне попечения, не для меня, любите меня и позвольте мне всегда с нижайшею моею преданностью истинно быть

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга

---

[219] См.: [Marpurg].

[220] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[221] Полторацкий Марк Федорович (1727 или 1729–1795) — управляющий придворной капеллой (см.: [Топоров, 2007, 3, с. 232–234]).

[222] Толстой В.И. (ум. 1785) — граф, до 1771 г. — московский обер-полицмейстер [Письма, с. 208].

Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .23. дня
С<анкт->Петербург

Ma chere! Excusez, je ne vous écrivez, que ce que <?> je suis votre fidèle frère etc… mais m'aimez vous etes vous en bonne sante? vous ne m'écrivez pas; du moins je n'ai pas reçu de vos nouvelles. Adieu… Прости сударыня! что я письмо Татьяны Петровны вкорнал только для того, чтоб привесть в свой формат. А оно было d'une grosseur <?> à faire peur, avec une signature de plus épaisse avec une inscription, que… mais je ne suis pas болтун. Assurez des respects, ma très aimable nièce. Car comment voudriez-vous; que j'achève <нрзб>[223]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 69–69 об.).

<36>[224]
<26.5.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчера получил ваше любезное писмо от .19. ч<исла> сего месяца. Из него вижу я, что долго не получу ваших писем; это меня оскорбляет. Не буду более уведомлен о вашем здоровье и буду кажется еще далее отлучен. Обо мне не извольте беспокоится: я слава Богу жив и здоров. Наша рота вышла на Парадное место, а моя должность есть насматриваться. Наконец имею вас уведомить, что с вчерашнего числа зачал я строиться. Весь план нашей перестройки состоит только в том, что изба перенесется на улицу в линию; что может годиться из стараго, то тут положится, прочее из барочного лесу. Кухня к ней подвинется; место, которое останется между кухней и конюшней, займется погребом. Крышка на всех службах перекроется, что можно из старого, что ж не достанет, то и прикупится. Сарай починится. За это все, каково они ни есть, подрядили мы .30. рублей и куль муки. Вчерашний день употреблен был на ломку; нынче заложено основание. Ал<ексей> Вас<ильевич> Казначеев[225], по милости своей, ссудил ломом и лопаткой. Таким образом думаем, что с неделю места, в этом прохлопочем. Что ж касается до векселя Юдиных; то ето опять наше несчастие. Все советует лучше просить в Москве; отсюда из Магистрата хотя и пошлют туда, однако, как место подчиненное, понуждать не может. Не худо бы, когда б хоть Лукашка это мог сделать, нотариус обнадеживает; авось либо сами будут сюда, недавно де были деньги пересланы для заплаты долгу; так может быть и на этот пришлет. Он уверяет, что к ним об этом часто пишет; но ответу нет. И сам удивляется: да как и не дивиться эдакому поступку?

Я не знаю, застанет ли вас ето писмо в Твери. Я бы стал писать и не в Тверь, да не знаю куда. Писем разных для раздачи, между которыми и к Наместнику <Сиверсу>, я еще не получил; но для того нынче посылаю Ваньку справиться на Ямскую почту об них и к Якову Ефимовичу <Сиверсу> на двор об приезде его[226]. В городе у нас ничего не слышно, потому что я ничего не слышу.

---

[223] Перевод: «Моя дорогая! Простите: я только и писал вам, что я ваш верный брат и так далее. Но любите ли вы меня? Здоровы ли вы? Вы мне не пишете; по крайней мере, я не получал от вас вестей. Прощайте <…> Ах, оно было такой толщины, что прямо страшно, с жирнейшей подписью и с такой надписью, что… но я не болтун. Передайте моё почтение моей прелюбезной племяннице. Ведь как же вы хотите, чтобы я это закончил?».

[224] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[225] Казначеев Алексей Васильевич — во второй половине 1770-х гг. капитан-поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

[226] 31 мая 1776 г. Сиверс, среди прочих, присутствовал на обеде у императрицы [КФЖ, 1776, с. 301].

Впрочем, принося мое нижайшее благодарение за ваши ко мне отеческие милости, прошу вашего родительскаго благословения и остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Маия .26. дня
С<анкт->Петербург

Матушка, душенька сестрица! видишь, как я ласков. Я хочу нынче писать к вам благоразумно. Vous partez; je pars aussi, mais на Парадное место. A propos de *mais* vous y excellent; je veux dire ce *mais* avec des points etc p. ex. comme-ca (je copie d'après votre original) qu'y[227] manque quelque chose (теперь remarquez) mais … ну и так etc. Or à ce propos, il est bon que vous sachiez que Virgile a été un grand maitre en cette figure, qu'on appelle …eclipse, omission, reticence etc. C'est ainsi, qu'il introduit Neptune, qui gronde les vents pour d'avoir osé douleur les flots, dans la tempête qu'essaye Enée. Liv. I. u. 3 g. Voulez-vous que je cite le latin?

Malheureux! qui vous fit espérer cette audace?
Croyez-vous donc troubler et la terre et les cieux,
Et soulevez les flots, malgré moi, soys mes yeux.
Il faut donc, que je vous… mais doutons la tempête.

Pardonnez ce galimathias au frer humble rimeur которому пора, на парадное место, чтобы капитан не закричал[228]:

То я вас… только дай мне волны успокоить

Вот, сударыня, как я нынче благоразумно и для того не дивитесь, что я нарочно подтверждаю, что это благоразумно. Jamais cette precaution n'etait mieux de saison

Запросы

1. Поймете ли этот вздор?
2. Поминут ли меня?
3. Играете ли на клавирах?
4. Читаете ли Мармонтеля?
5. Всегда ли веселы?

---

[227] Под этим словом Муравьев добавил: «*y* вместо *il*».

[228] Перевод: «Вы уезжаете; я тоже ухожу, но на парадное место. Кстати о «но»: в этом вы превосходны; я хочу сказать, в этом «но» с точками и т. д., например, вот так: я списываю с вашего оригинала: «Что здесь чего-то недостаёт»; теперь заметьте: «но…»ну и так далее. Так вот, по этому поводу хорошо, чтобы вы знали: Вергилий был великим мастером этой фигуры, которая называется… эллипсис, опущение, умолчание и т. д. Так он выводит Нептуна, который бранит ветры за то, что они осмелились возмутить волны во время бури, которую терпит Эней. Книга I, стих 135. Хотите, чтобы я процитировал латинский текст?

Несчастные! Кто внушил вам надежду на такую дерзость? / Неужели вы думаете возмущать и землю, и небеса, / И вздымать волны вопреки мне, у меня на глазах? / Надо же мне вас… но сперва укротим бурю.

Простите эту галиматью смиренному брату-рифмачу, которому пора на парадное место, чтобы капитан не закричал». Муравьев, по-видимому, перевел на французский строки 132-135 из первой песни «Энеиды» (см. в переводе М.Л. Гаспарова: «Вот до чего вы дошли, возгордившись родом высоким, / Ветры! Как смеете вы, моего не спросив изволенья, / Небо с землею смешать и поднять такие громады? / Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны» [Вергилий, 1979, с. 140]); наличие французского источника возможно, но, по крайней мере, с известными переводами [Segrais; Des Fontaines] муравьевский текст не совпадает.

6. Кланяетесь ли Татьяне Петровне, к которой здесь и письмо, от братца или от сестрицы, а может быть и от сватьи, купно прилагаю. Но при конце письма публично заявляю, что с именинами усердно поздравляю.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 71–72).

<37>++
<конец мая 1776 г.>[229]
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерась получил я ваше любезное писмо; от .8. сего месяца, вы изволите писать, чтоб я старался здесь по Юдинскому векселю; но я и при подаче векселя в Магистрат просил, чтоб приступили к взысканию. Секретарь ответствовал, что не можно, потому что он в Москве. Итак, я по прежнему вашему приказанию прилагаю при сем промеморию в Московской Магистрат. Вы ее хотели послать, к Анисиму Титовичу[230]. Ето бы, кажется, могло иметь свой успех. Ник<ита> Борис<ович> Пучков[231] в Магистрат не ездит. А запрещение на имение Юдина послано в Юстиц Контору. Сеньку намерились было мы нынешний день отправить, подводы готовы, час полужён; да не знаю, как то разошлось. Так теперь уж он будет завтре в четвертом часу, вместе с Курбатовым, человеком, которой едет в Москву. С ямщика и задаток взят: сговорились за три рубли и осьмину овса. Я в прежнем письме писал, что вексель от Попова и Конева[232] принес ко мне Докучаев[233], и я ему выдал прежний. Новой написан в .465, .84. к.<опеек>, на двенадцать месяцев. Они уже зачли .7. рублей, которые даны Лукашке. Вы изволите писать, чтоб прислал список с Патента, мне очень дивно, что вы не изволили прежде получить[234]. Как скоро вы изволили отписать ко мне в первой раз; так я на первой же почте списал. Однако и здесь сообщаю.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Никиту Муравьева, которой нам, Статским Советником служил, за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность в Наши действительныя Советники, в ранг сухопутнаго Генерал Маиора .1768. года Генваря .29. дня всемилостивейше пожаловали и учредили; проч.

Мне кажется, что тут списывать не нужно.

Дан в Санкт<->Петербурге Апреля .10. дня 1774 года.

Что касается, до цыдулки, присланной из *Енциклопедии*[235], то я написал перевод ее на другой стороне.

Простите мне батюшка! мне теперь писать некогда потому, что надобно пашпорт готовить Веньке. Я препоручаю себя родительской вашей милости и на век остаюсь

ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года

---

[229] Датируется приблизительно концом мая 1776 г., в письме упоминается «патент», который ранее приводился в <34>, следовательно, письмо было написано не ранее 19 мая 1776 г.

[230] Князев А.Т. (1722–1798) — русский геральдист и генеалог.

[231] Пучков Н.Б. — петербургский купец.

[232] См.: Письма, с. 281, 288.

[233] Возможно, Докучаев М.Р. — петербургский купец [Письма, с. 366].

[234] См. письмо <34>.

[235] «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел» – французская энциклопедия в 35 т., составленная лучшими писателями и учеными XVIII в.; печаталась с 1751 по 1772 гг., под ред. Д. Дидро, Ж.Л. Д'Аламбера и Л. де Жокура.

Зах<ару> Матвеевичу <Муравьеву> теперь известно от Генерал Аудитора, что он будет к Петрову дню офицером; только, что он не знает, где денег взять: а денег нет ничего.

Сестрица, я бы право писал, да по <нрзб> моего писма заключить удобно, что право мне писать теперя не способно.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 73–73 об.).

<38>[236] ++
<6.6.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерашний день получил я ваше любезное писмо от .31. числа прошедшего месяца. Радуюсь, что вы, слава Богу, здоровы и веселы были. Я никак еще не щитал вас возвратившихся. О себе доношу, что я, по божьей милости, жив и здоров. Перестройка приходит почти к концу: крышка покрыта, и нынешний день становят забор. Она стояла чего нибудь: за одни печки просят у нас 5 рубл.<ей> с лишком, и это не в первом слове, для того, что запросили семи. Тес один стоил .660. к.<опеек>, кокоры все перевели, одни головы остались. Письма к наместнику <Сиверсу> и прочим я уже тому неделю все разнес, так как прежде о том писал. Я думаю, что писма мои доходят, так вы уже изволите знать ответ его. А имянно, что теперь скоро нельзя, а разве со времянем. Что касается до вояжированья, ето дурачество было, на котором было дни с два, чуть что не спятил. Просить сурьиозно я не вижу довольно пути. Что касается до Юдинскаго векселя, так я нынешний день виноват, что пропустил. Я думаю, что надобно челобитная, и для того посылал за стряпчим М.Ф. Полтарацкаго, а он не прежде пришел, как только теперя, и рассказал мне, что тут только судом выиграть стоит, а Президент, сказывают, был болен и теперь еще не выезжает, да и совсем хочет далее от Магистрату[237]. Дай бог! чтоб это дело мог я свершить благополучно. В начале августа прикажите мне к себе приехать? А Сеньку, естьли изволите, так в начале будущей недели пошлю. Он делал ток, я еще не знаю какия то, которыя он к сестрице привезет. Все мое желание в том, чтоб вы были здоровы и благополучны: я уверен, что милости ваши родительския всегда на мне останутся. Я прошу, чтоб быть скорей у вас.

Впрочем прося вашего родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .6. дня
С<анкт->Петербург

Ma chere soeur! c’est votre place ordinaire ici. De quoi, voudriez-vous, que je vous ecrive? Dites donc. Je vous satisferai. Est-ce des promenades? Hier j’ai fait quinze tours complets dans le jardin d’ Été, parmi des legions des anges noirs. Y voudriez-vous être? Bon, est ce la peine de demander? Voulez-vous entendre parler des Comédies. Pardonnez: il n’y en a pas, si non au carousel et au theatre allemand. Par malheur je n’ai pas visité ni l’un, ni l’autre. Faut-il que je vous

[236] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».
[237] По-видимому, речь о Главном магистрате; его президентом в 1776 г. был Н.Б. Самойлов (1718–1791), позднее сенатор и обер-прокурор Сената; был женат на сестре Г.А. Потемкина.

parle des demoiselles de l'Academie? Ah! мадам Ла Фон[238] приказала нам любить наших родных. En voila tout ce que je sais. Voulez-vous, que je vous fasse voir la Theorie de l'Electricité? Oh! n'en foi <?>! j'en ai des nouvelles, et des plus nouvelles. Quel sujet à briller pour moi: vous entendrez des choses. Oh! prerarez-vous: l'équilibre de l'Éther, le feu élémentaire, le tonnerre, l'éclair, le célèbre Euler[239]: tout enfin c'est beaucoup: c'est pourquoi.

Pren<d>s la foudre. Louis est va comme Lion, par pitié pour vous, je ne ferai pas tant de traces. Je dirai, je dirai seulement, que par respect… je me sais etc.

La Mollesse a ces mots sent sa langue glacer[240]. Ежели не обманываюсь, так завтрашнего числа, отправится в Тверь курьером, брат его светлости Кил <?> с Берлинским музыкантом Марпур<г>ом[241]; так я думаю с ними писать.

Татьяне Петровне una grandissima riverenza poi tutti.

Ahi! fra pagana gente,
Il giovinetto errante or si ritrova[242].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 74–75).

<39>[243] ++
<7.6.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Я прошедшую почту не успел к вам писать, а между тем получил много писем от вас. Я очень удивляюсь, что Сенька еще не приехал; человек Семена Савича <Муравьева>, едучи сюда, повстречался с ним за Новгородом. Я не знаю, ведаете ль вы теперь о том, что я дал .11. рублей с лишком Захару Матвеевичу <Муравьеву>, и покажется ль вам сие. Мне очень было известно, сколько мы недостаточны, но его сущая нужда принудила меня к этой смелости. Покрайней мере я обещаюсь до возвращения моего достать сии деньги. Прошедшее воскресенье был я у наместника <Сиверса>, он спрашивал о вашем здоровье и сказывал еще тогда, что в Твери траура не побоялись, и был .28. маскорад в Магистратском доме. Помнится, после того, как я пошел, он обратился ко мне и просил вам и сестрице засвидетельствовать свое почтение. Писма, которые изволили прислать, для подачи Маиорам <Ф.Я. Олсуфьеву> и Капитану <С.Я. Хотяинцеву>, я еще не отдавал и думаю, естьли позволите, подать их за несколько времяни перед моим отъездом. Сколько благодарю я вас, батюшка, за ваше милостивое попечение обо мне. Ето будущее путешествие в Москву, зделало меня вне себя от радости. За целую неделю перед этим вселилось в меня сие самое желание. Мне очень хочется увидеть Василья Ивановича

---

[238] Видимо, Лафон С.И. де (1717–1797) — начальница Смольного института благородных девиц (1764–1797), статс-дама императорского двора.

[239] Эйлер Л. (1707–1783) — известный физик и математик, с 1766 г. — академик Российской академии наук.

[240] Перевод: «Моя дорогая сестра! Здесь ваше обычное место. О чём же мне вам писать? Скажите – я исполню ваше желание. О прогулках? Вчера я пятнадцать раз обошёл Летний сад, среди целых легионов чёрных ангелов. Хотели бы вы там оказаться? Ну да, разве стоит спрашивать! Хотите услышать о комедиях? Увы: их нет, кроме как в Каруселе да в немецком театре; а я, на беду, не был ни там ни там. Может быть, рассказать вам о девицах Академии? Ах! мадам Ла Фон велела нам любить родных. Вот и всё, что мне известно. Хотите, я изложу вам теорию электричества? О! у меня есть новости, да ещё самые свежие. Вот где я мог бы блеснуть! Вы услышали бы такие вещи! Готовьтесь: равновесие эфира, элементарный огонь, гром, молния, знаменитый Эйлер – словом, всего слишком много; поэтому…
Возьми молнию. Луи идет, как Лев. Из жалости к вам я не стану оставлять столько следов. Скажу, скажу только, что из уважения… умолкаю и проч. Нега от этих слов чувствует, как у неё язык леденеет».

[241] См. письмо <34>.

[242] Цитата из восьмой песни «Освобожденного Иерусалима» T. Tasso [Tasso, 287].

[243] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

<Майкова>, и будто уж вы знаете мое желание, вы сами изволите писать, чтоб я туда ехал. Дай бог! чтоб вы были здоровы и так же милостивы ко мне; я с моей стороны здоров и весел. Для чего я здесь ничего не выдал. На ето я безсловен: видно, что обленился, однако кажется, что сделаю, но так как вы изволите знать, то то, то другое, так и ничего не видно. Также и чтение мне мешает. А особливо, чтоб самому что нибудь писать, конечно надобно знание; однако больше что нибудь природное. Без етого все писмо будет труд, да и такой, который в глаза метаться будет. Нынче по случаю, зашел я в Академию художеств, и там невзначайно увиделся с Вейдемейером[244], которой, семь лет не видавшись, сам узнал меня, что черезчур меня удивило. Мне казалось, что кто меня знавал в Москве, тому никак узнать меня теперь не можно; однако етому вижу противное. Тут пристал к нам один из воспитанников, которой водил нас по Академии и просил нас к себе на верх. И там где нас не водил! Все их жилища, Залы, где кушают, кухни, хлебенные. Во всем такой особливой порядок, котораго не можно лучше желать. В кухне проведенная нарочно вода. Где живут они, особливыя уборныя, где умываться, где пудриться. Тут и хлебом нас подчивали. В Академии наук продолжаются Лекции физическия, и нынче проходят Диоптрику. Однако завтре будет последняя Диоптрическая лекция, после которой две недели будет праздник, в которое время зделаются Гидростатическия машины, которыя необходимы в будущих лекциях. И ето происходит уже в Кунсткамере, в особливо приготовленном покое. Здесь также продолжаются и Комедии, и Театр слабым светом освещается. Вексель Юдинской у меня, а Нотариус только надежду подает, когда только не пошлю, говорит, что вот скоро пришлет; уж и послали было, да на почту поздно принесли, и едакия бредни. Теперь только пришел от него Ванька; обещает еще сходить к какому-то их Корреспонденту. Впрочем желая ревностнейше вашего драгоценнаго здравия, прошу вашего родительскаго благословения и остаюсь на век

Милостивой Государь батюшка
ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .7. дня
С<анкт->Петербург

Сестрица! Я к тебе не пишу ничего. Извини, мне некогда. Я еду в воксгалл <так! – А.И.>… Tarare![245]. Это все равно что на Парнас.

Тверской воксгалл далек, а лондонской подавно,
А на Парнас не взлезть.
Вот то-то славно.
Не лучше ль дома сесть?
Сестрица, каково? А! Право вить не худо?
Когда не на стихи, на рифму хоть взгляни,
Затем вить и стихи, что с рифмами они,
Пусть так или не так, пожалуй не дразни
вить весь и дни…

Ба! что ж, здесь рифмы нет. Вот это чудо! Все рифмы, да рифмы! Зачем, братец, не пишешь без рифм? Mademoiselle! eh pourquoi s'il vous plait, voulez-vous, qu'etant sans raison, je joue aussi sans rime?

Votre intime

[244] Ведемейер Иоганн Георг (Иван Егорович) (1730–1797) — преподватель.

[245] Перевод: «Чепуха!»

Sophronime[246]

Татьяны Петровны письма я разослал. Un poklon, s'il vous plait[247].

Теперь пришел подпрапорщик Полторацкой с тросточкой, которая ему в проценты досталась.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 76–77).

<40>[248] ++
<8.6.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

В начале сей недели имел я удовольствие получить от вас два писма: по оным старался я делать исполнение. Юдинской вексель с протестом подал судьям в Магистрате, которыя потом отдали Секретарю. Он спросил мое желание и приказал повытчику исполнять по нем. Таким образом написали содержание моей прозьбы на протесты, как изволите сами увидеть, а имянно чтобы представить доношением Московскому Магистрату о взыскании денег и процентов с Юдиных. Между тем послал в Юстиц Коллегию о запрещении писать крепости на его имя. Я дал на гербовую бумагу, и мне обещали, что нынешнюю почту поспеет. Однако я льстился напрасно, что пошлю нынче к вам все ето; ибо как я нынче по утру пришел туда, то сказали мне, что определение на столе еще лежит, повытчик уверял меня, что нынче подпишут и для того приказал мне приходить завтре. Ну! естли ето только по обычаю! Однако я полагаюсь на себя, что верно будущую почту к вам перешлю. Я очень сожалею, что в делах етих я не так проворен, как хотел бы и как бы должно, чтоб помочь сколько нибудь всему етому. Что касается до строенья, оно уже кончилось, и теперь кладут очаг. Во что оно стало, действительно, сказать не могу, для того что еще и теперь мелочи кое какия делаются, напр.<имер> переправка стекол, петли к ставням и пр., а валовой суммой уж кажется рублей за сорок. Погреб теперь новый, в две стены веден и не очень мал. Между стеной и наверху земля, напогребица и над ним в чердаке с дверями чулан. Перегородка, которая была в горнице большая, перенесена в избу. Одно нещастие наше то, что в избе на улицу окошек нет, об етом писал я прежде, что на улице прямо спуститься было нельзя, и так подвинулись мы, уступя лишь столько, чтоб забор мог занестись. Сияет во весь проспект, из Семеновскаго полка, не обманываясь, указать можно нашу пристройку. Вчерась Капитан наш <С.Я. Хотиянцев> был на карауле. В Инженерном корпусе опять надеятся, что выпуск будет к Петрову дню. А я думаю, ежели не обманываюсь, что за .31. число Июля недолго здесь задержусь. Дай бог! чтобы мог я и вы бы изволили так приказать! Как радостно полечу я! Я уж боюсь, чтобы не позабыть к вам прежде писать об этом, и для того зачинаю из задолга. На сколько времени мне проситься прикажете? Мне кажется, только бы позволили, чем дольше, тем лучше, впрочем, все учредит ваше соизволение.

Моя всегдашняя мысль есть только то, чтоб вы были здоровы и веселы. Мое щастие через чур соединено с этим. Как я весело жил при вас в Вологде! Еслиб ето время

[246] Перевод: «Сударыня! Да почему же, позвольте, вы хотите, чтобы я, будучи уже без рассудка, играл ещё и без рифмы?

Ваш преданный, / Софроним».

[247] Перевод: «Поклон, пожалуйста».

[248] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

возвратилось для меня в Твери! Оно возвратится, естьли только вы не отнимите от меня дражайшей вашей милости. И можетель вы, батюшка, перемениться для меня столько? Я весь вручаюсь в ваше соизволение и прошу усерднейше вашего родительского благословения

ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .8. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Прости мне, что я тебе солгал. Однако не вздумай, что я всегда лгу. Я бы и теперь послал к тебе *Хорева*[249] и все что хочешь, да совесть удержала, понеже на немецкой почте:

Нельзя его послать без особливой силы,
Которой все и вся подвластно на земли,
А под землей ее, вещают, полны жилы.
да только не мои
Так погоди теперь поколь из этих краев,
Вить должно бы сказать, поколь из сих краев,
Но ежели б ломать не можно было слов,
Так где взяла ты Рифмачев?

Ну! словом, как отсель поедем к вам часом. Прости матушка, будь весела и здорова и батюшку забавляй, а я, o fratello tuo, o amico, ma caro amico sempre tuo[250] Михайло Муравьев.

Татьяне Петровне мое почтение. Я очень сожалею ее горести. Я не ожидал этого, чтоб Офимью Ивановну видеть и впервые и впоследние.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 78–79).

<41>[251] ++
<20.06.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Все ли вы здоровы, батюшка, и веселы ли? Как бы я хотел слышать ваш ответ на ето! Етого то и не слышу. Я должен ждать шесть дней, чтоб узнать о вашем состоянии в ето мгновение. Часто впадает мне на ум странное сравнение, оно будет здесь очень не уместа учено, однако я разболтаюсь, хоть только, для того, чтоб только разутешить. Крафт изчисляя путь, которым притекает к нам свет от самой ближней не подвижной звезды, которой совершается в шесть лет, присовокупил положение, что естьлибы намерился творец уничтожить все звезды, в одно мгновение, то несмотря на то шесть лет, после уничтожения, все бы видели мы их на небесах, как прежде, и Астрономы бы продолжали делать наблюдения их движений, столь же стройных и порядочных, как и всегда; затем что луч изображающий их нашим глазам во всяком своем мгновении, соответствует другому мгновению за шесть лет.

[249] «Хорев» — трагедия А.П. Сумарокова, написанная в 1747 г.

[250] Перевод: «а я, о брат твой, о друг, но дорогой друг, всегда твой».

[251] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

После едакого прекраснаго начала должно ждать колеса с уксусом. Однако постойте, батюшка, вот я не престану врать. Мои писма, наполнены будучи известиями с головы до ног, так сухи, что мне самому несносны. Мне хотелось бы, чтоб они были не так скучны, да то беда, что не умею. Я очень уверен, что вы не спросите на мне етого.

Изволили ли вы получить Промеморию из здешняго Магистрата, в Москву, по Юдинскому векселю? Я ее к вам послал, на прошедшей почте. Еремеев хочет заплатить на срок: хоть бы уж ето сбылось! Федор Михайлович <Колокольцев> просил меня отписать свой поклон и извинить, что он давно к вам не писал, для того что ему не досуг, по причине отъезда Великаго Князя <Павла Петровича> принужден он был часто ездить в Сарское Село. Государыня изволит там еще жить, и говорят, что не будет в Петергофе; по крайней мере, от Гвардии Команд не отправлено, да и наряду не слышно. В пятницу прошедшую отправил я Сеньку к вам в Тверь с обозом вяземских мужиков и вместе с Курбатовым человека. Я ему дал полтину на дорогу; да для извозчика рубль, ежели попросит вперед. А подряжен извозчик за три рубля. Пристройка моя окончалась и мы уже переселились. Ульяне было очень не хотелось, чтобы и постояльцев наших люди туда же переселились; извольте представить, у них шесть человек, да кабы люди домовые! а то все такие, что привыкли скитаться по Полкам. А обыкновенное их житье, чтобы все как ни попало, чистоты не спрашивай, да и притом же не свое. Пятьдесят рублев или более издержали на строенье, да и откажись от него. Вообще сказать, мне очень велик дом, и я не знаю, как будет им жить, когда я уеду; ежели они останутся тут хозяевами, так зачем же покупали и работали? У бар самих зимою вместо нужника были сени, за дверью. Им ето отнюдь не дико, а нашим людям, которые привыкли домом жить, через чур странно. Поваришко их сущий скот, хвалился, когда еще строили, что все будет по прежнему и утки будут плавать в Кухне. Так мы было и заартачились, я кухню запер на замок; однако в избу нельзя было не пустить. Баре <?> приступили ко мне, что Сергей Александрович <Хотяинцев> бранится, зачем у них загромощено, затем что по причине перестройки они варили кушанье, так как мы в горнице. Я с ним отнюдь не бранюсь; досажется кроме этого и не за что. Однако все, как свое. Простите мне батюшка, что я вам докучаю едакими дурачествами, но вы мне приказали писать чистосердечну. Я с нетерпением желаю к вам. Дай бог, чтоб я еще мог вас увидеть здоровых и благополучных. Ваши неоцененныя милости составляют мое щастие и желание. Не отнимите их от меня, я буду вечно щастлив. Благословите меня еще и так навеки, а я умру

вашим нижайшим слугою и сыном
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .20. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Куда как я виноват против тебя! Когда все мои писма вместе сложишь, так из всех выйдет ни однаго. Всегда хочу тебе писать целое послание, стану писать: смешная мысль родится. Ну! Сударыня, верь честному слову, напишу к тебе писмо, что, ой ли полно. А когда?

Стократно только тем наш щастлив горькой век,
Что будущего знать не может человек.

Нет ничего обыкновеннее, как эти рифмы на *человек — век*, однако не прогневайся, за денежку немного. А продолжение несомненно вперед будет. Извинение мое принесет вам *Хорев*, которому я приказал кланяться Тат<яне> Петровне.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 80–81).

<42> ++

<27.06.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

На прошедшей неделе получил я ваше последнее писмо, а завтре ожидаю новаго для того, что вчерась не было. По приказанию вашему, чтоб съездить к Наместнику <Сиверсу> я еще зделать не успел, а завтра, думаю, что поедет в Петергоф для того, что Государыня изволит взять не здесь, как мы думали Петров день, а в Петергофе, и Команды Гвардейския под командой нашего Федора Яковлевича <Олсуфьева> третьяго дня пошли туда. Государь Великий Князь <Павел Петрович> изволил никак приехать в Ригу .24. числа. На нынешней неделе объявили выпуск, уже подписанной Фельд-цейгмейстером <Г.Г. Орловым>[252] в Кадетском Корпусе. Захар Матвеевич <Муравьев> приведен был почти в отчаяние, на все свои писма не получил он никакого ответа от батюшки. Денги его давно изошли, а Иван Матвеевич <Муравьев мл.> месяца два тому назад как уехал в отпуск. Одним словом, совет и помощь остался ему я один. Легко изволите разсудить, что я очень мало в етом знаю, а он, может быть и меня меньше. Сколько ни говорили, наконец намерились идти кое-куда по купцам, которых хоть имена я сколько нибудь знаю. Пошли наперед к Солодовникову: Семен Абрамыч уехал в Тулу; Мих.<аил> Семеныч живет в Москве, тут остался только меньшой брат Емельян[253], и тот по нещастью дома не случился. Оттуда к Докучаеву[254]; ето был праздник и по нещастью случись у него именины. Первой вопрос его был нам: *льзяль поцаловаться*? И по долгим обниманиям, прослушав чудную Мораль о Ивановской церкви, что в улице Рощенья на Вологде. Как скоро приступили к вопросу о деньгах, так совсем другое и все старанье, что мы прилагали было безпутно. От него ездил я к Михайле Прокофьевичу Яковлеву, его просил. Он обещал, однако денег не тут то было, для того что он их сам ищет. Он сказывал мне, что вышли учреждения новых губерний или наместничеств[255]. В Новгородскую пожалован, вы изволите может быть уже знать, ето Генерал Маиор Кличка[256]. Другия ж Губернии суть Калужская, Тульская и Белогородская. Наконец, что касается до нашего займу, так я оттуда обратился к Федору Михайловичу Колокольцеву. Мне стоило только сказать. *Жалею*, говорит он, *что ста рублей у меня нет*; я стал его просить, чтоб хоть уже и меньше, он тотчас взял Записную книшку и из нее Ассигнации, которые у него были, дал мне одну в пятьдесят. *Вот,* сказал он*, все что у меня в доме есть, ето даю я, одолжен дружбою вашего батюшки и вашею*, ето произнесено было с видом толь истинной чувствительности, что моя благодарность была больше немым разговором или усилением говорить, нежели настоящими речами. К етому ж провожая меня, присоединил он одни ласки и чистосердечныя уверения к вам, так что это меня поразило. Федор Михайлович <Колокольцев> прямо честный человек и ваш истинный друг. На ети деньги купил Захар Матвеевич <Муравьев> сукно, стамет, пуговицы, плис и весь приклад к мундиру, за шитье полотна на рубахи, шпагу, шляпу, темляк, галстук для того, что, как вы сами знать изволите, у него, кроме мундира, ничего надеть нет, а носить его всегда также убыточно; притом же чулки, прочее белье, надобно где нибудь нанять покой, человека, кто убирал, нет у него. Словом, все его богатство он один. По нещастью же, он сверх компле<к>та теперь остался должен, хотя и первым по Канонерскому полку, в который он

---

[252] Орлов Г.Г. (1734–1783) — фаворит Екатерины II, с 1765 г. — генерал-фельдцейхмейстер Российской империи.

[253] Солодовниковы – тульские купцы; Михаил и Емельян Семеновичи – сыновья Семена Абрамовича; Емельян упоминался в «Санктпетербурсгких ведомостях» 10 декабря 1779 г. (см.: https://vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=46052).

[254] Докучаевы – известные московские купцы и крупные промышленники; упоминается в [Письма, с. 266].

[255] [Учреждения].

[256] Кличка Ф.Н. (ок. 1730 – 1786 г.) — русский военный и государственный деятель, участник Семилетней и русско-турецкой войн, с 1775 г. — генерал-майор, с 1777 г. — правитель Новгородской губернии.

написан. Для того просил он у меня двадцати пяти рублев. Простите мне, батюшка, я виноват в етом, что осмелился без вашего приказания отдать ему оные. Мы обо полагаемся на вашу к нам обоим родительскую милость. Он просит вас, чтобы вы изволили отписать к батюшке его, чтоб он вам прислал их и сюда бы те .50. руб.<лей>, которые должен он Федору Михайловичу <Колокольцеву>. Ни он, ни я не знали, что больше делать. Никита Романович <Рожешников> также завтре ожидает своего щастия; у них был вчерашний день екзамен при предстательстве Семена Васильевича Нарышкина[257], и он их разхвалил так, что меры нет, обнадежил их в офицерстве, жалел, что никому неизвестно, сколь они хорошо знают. Все ваши приказания думаю я исполнить прежде, нежели уйдет другая почта после етой. Сенька, другая неделя назад, как в дороге, и я щитаю его в нынешний день у вас.

Впрочем прося нижайше прощения в моей смелости и желая здравия ваших драгоценнейших лет, отдаюсь на ваше милостивое соизволение и остаюсь по гроб мой

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .27. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица, естьли бог меня любит и я смогу осмелиться подумать, что он мой голос услышит, то ты здорова и весела. Que je meure plûtot que j'entende le contraire de cela. У нас здесь l'inimitable[258] <?> Дмитревский, играл ревниваго[259]. Вчера в гостином ряду виделся я с Анной Петр<овной> Советницей. Она спрашивала: *разве писем я не получал*? Я говорил, что сестрица вас благодарит, кланяется; дошло ль à propos к тебе письмо Иоганны Петровны? А она на ето — *я думала, что сестрица будет ко мне писать*. — *Сударыня, она была в деревне недавно, как приехали, она, конечно, отпишется*.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 82–83).

<43>[260] ++
<30.06.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас писмо на почте и также другое с суздальским купцом <А.И.> Вихревым, причем кисы[261] и замочки вы изволите писать, что мне купить на .300. рубл.<ей> Расходы очень много, а я осмелился отдать Захару Матвеевичу <Муравьеву> .25. руб., еще не получивши етих писем, следовательно и не знавши точно вашего мнения, что касается до етого. Я нижайше прошу прощения. Он издержался уже из етих денег .13. р.<ублей> 20 к.<опеек>, остальные 11 р. 80 к.<опеек> у меня, и я узнавши ваше приказание их удержал. Захар Матв<еевич> <Муравьев> получил писмо от батюшки, которое писмо вместе и к Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>; об нем ни слова, из чего мы наивероятнейше заключили, что он еще выпуску не знает. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> писал дядюшке и прежде раз пять, да видно писма не доходят. Итак он просил

[257] Нарышкин Семен Васильевич (1731-1789) – чиновник и литератор, брат писателя и дипломата А.В. Нарышкина; вице-президент Берг-коллегии (1775-1778), директор Петербургского горного училища (1776-1777), статский советник.

[258] Перевод: «Лучше мне умереть, чем услышать обратное. У нас здесь несравненный Дмитревский».
[259] Видимо, речь о роли в пьесе Ж. Кампистрона «Ревнивый, из заблуждения выведенный» (1764).

[260] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».
[261] Кожаный или суконный мешок.

вас батюшка чрез сие покорнейше, чтоб изволили принять на себя труд отписать повернее с его батюшки. Нынче их Михайло Иванович Мордвинов[262] из Петергофа приехал и с ним их выпуск, подписанной со всем: так как уж им и объявлено, Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> не в Канонерской, а в бомбардирской написан, однако сверх комплекту, хотя и первой. Оделите, милостивой государь батюшка, для нас обеих ваше отеческое снисхождение и простите нам нашу смелость. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> ходил к знакомому купцу Шуляйкину и говорил с ним о Юдине. Етот купец делает нам надежду через два дни денги выручать. Нынче было приказывал к себе приходить, чтобы получить наставление, как в етом поступить; однако его мы дома не застали, так пойдем завтре поутру. Кису я отнес к Сергею Александровичу <Хотяинцеву>, он вас очень благодарит и, как вы изволите знать, как он забавен, так легко представите, что происходило с кисой. Она у него в спальне висит на стене. При сем прилагается к вам от него, к вам писмо, которое он прислал ко мне нынче поутру. Обедал я нынешний день у Федора Михайловича <Колокольцева>, где и Никита Сергеевич с Надеждою Александровною обедал. Он кланяться приказывает, как вам, так и сестрице; а Марья Ивановна <Колокольцева> благодарит за замочек. Вчерась, то есть в Петров день, был в Петергофе только бал и пожалован Мусин Пушкин[263], что чрезвычайным послом в Англию, в Камергеры. От Петра Антоновича <Костливцева> получил я писмо, он жалеет, что не имеет никакого об вас известия, просит продать свои вещи, что у Кургановскаго, и пишет, что он живет благополучно, окроме что имеет дело с вздорным Комендантом, который там всеми ненавидим. У нас тут готовят, какия то морские еволюции за Кронштадтом двадцатью линейными кораблями и одним фрегатом, представляющие Чесмесское сражение. Ето будет очень скоро и проговаривают, что .1.е или .2. июля. Государыня будет присутствовать[264]. У Наместника <Сиверса> я еще не был, а поеду в ето воскресенье; след<овательно> и буду поступать по вашему последнему приказанию. У нас также доклад, сказывают выходит, состоящий человеках в .20. или более, так я попаду в восьмидесятые. Что вы изволите писать, что есть ли могу сыскать человека, комубы поверил взыскание с

---

[262] Мордвинов М.И. (1730–1782) — государственный деятель, генерал-майор.

[263] Мусин-Пушкин А.С. (1730–1817) — русский государственный деятель и дипломат, с 1765 г. — посланник в Великобритании.

[264] Екатерина II действительно присутствовала, но 7 июля 1776 г.; см.: «*В Четверток,* день назначеннаго ВЫСОЧАЙШАГО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА присутствия во флоте, лежащий близ Кронштадта на рейде, 15-ти линейных кораблей и 7-ми фрегатов.

По утру сего числа, в 10-ть часов, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, с находящимися в свите обоего пола персонами, також и чужестранными Министрами и с Его Сиятельствомъ Графом Алексеем Григорьвичем Орловым Чесменским, изволила из Ораниенбаума шествовать в шлюпке к помянутому флоту, и как шлюпка ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА из Ораниенбаумской гавани выступила на взморье, то с лежащаго посреди взморья фрегата дан был сигнал пушечным выстрелом, по которому уведомлен флот о ВЫСОЧАЙШЕМ шествии.

По приближении к Кронштадтской крепости, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО встречена Главнокомандующим Его Сиятельством Графом Иваном Григорьевичем Чернышевым и с ним флота Генералитет на разных шлюпках, из коих на некоторых выставлены были флаги, и препровождали ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО на корабль, имянуемый Ростислав, а на всех кораблях и фрегатах играла музыка битьём в литавры; с мимоследующих же кораблей, отдаваема от фронтов честь с барабанным боем, а от матросов восклицаемо 11-ть раз ура, а с шлюпки ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА каждому мимоследующему кораблю соответствовано по три раза, а после сего с кораблей же повторено по семи раз.

По приближении ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА к кораблю Ростислав, встали на фальберах четыре офицера, а на корабле встречена ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Вице-Адмиралом Господином Грейхтом и того корабля капитаном Аклеемъ; на корабле же находилось не малое число приглашенных из Санктпетербурга Его Сиятельством Графом Иваном Григорьевичем Чернышевым знатных персон.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО прибыть изволила в 15-ть минут 12-го часа и следовала в капитанскую каюту, в которой разсматривала планы и продолжала разговоры. Когда же вся свита взошла на корабль, то ВЫСОЧАЙШЕ повелеть изволила поднять Императорский штандарт и как скоро поднят был, то со всех кораблей и фрегатов началась пушечная пальба, а потом с крепостей из всех стоящих пушек пальба же производилась» [КФЖ, 1776, с. 407-409].

векселем и сам бы поехал, так уж етому быть теперь не можно. И я останусь, покуда окончу все. Я нижайше прошу прислать писма к Маиору <Олсуфьеву> и к Капитану <Хотяинцеву>, когда приблизится время к отпуску. Впрочем, желая беспрерывно продолжающагося вашего здравия и прося вашего родительскаго благословения пребуду навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Июня .30. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Здравствуй! Dites-moi, que j'ecris la lettre, la plus gueuse, à la plus digne soeur, à la plus ennuyeuse, dont Twer a vu déjà maint et maint entrechat, dites, que je n'ecris que par le droit d'achat, je dirai que dans l'ancre envain je m'evertue, que ma plume écrivait et qu'enfin elle s'est tue[265]. Сочтите мой Галиматиас <так!> за что нибудь, а то худо будет. Что вы его не разумеете, ето не чудо и писец его не разумеет, да то жаль, что в последнем полустишии одна стопа de plus.

Verum ubi multa nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis

Horat. Art. Poet[266].

Следовательно и так далее, вы должны удивляться отнюдь <?> не менее этому галиматиасу, на которой к вам пришлю на будущей почте ученой комментарий. Ainsi soit-il[267]. Поклон мой, сестрица, скажи ты Татьяне Петровне. Я разсудил не учтив поклон будет ей, когда не гексаметром.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 84–85).

<44>[268] ++
<2.7.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Наконец уже и то время близско, что писма мои будут ненадобные, и я думаю сбираться к вам. На нынешней неделе приступим к покупкам и надеюсь, что ето долго не задержит. Прошу покорно отписать, как вы изволите разположить в разсуждении дома: остаться ли в нем человеку или нет, когда найдем постояльца, и кому? При том же у нас теперь дорожная коляска: так как изволите приказать, мне ли в ней приехать или ее здесь продать. Только я думаю, что продать убыточно. Здесь все покупают в лом: карета Прасковьи Матвеевны <Муравьевой> осталась на наших руках. Не знаем, как и быть, сперва давали десять рублей, а теперь восемь. Вы ето изволите знать, что Петр Антонович

---

[265] Пример муравьевской галиматьи: письмо к сестре превращается в стихотворную импровизацию – эти строки можно записать в столбик, тогда станут заметны и ритм, и рифмы: «Dites-moi que j'écris la lettre la plus gueuse / À la plus digne sœur, à la plus ennuyeuse, / Dont Tver a vu déjà maint et maint entrechat; / Dites que je n'écris que par le droit d'achat, / Je dirai que dans l'encre en vain je m'évertue, / Que ma plume écrivait, et qu'enfin elle s'est tue». Перевод: «Скажите мне, что я пишу самое жалкое письмо / Самой достойной сестре — и самой несносной, / Той, чьи антраша Тверь уже не раз видала; / Скажите, что я пишу лишь по купленному праву, / А я скажу: напрасно я мучаюсь в чернилах, / Перо моё писало – и наконец замолкло».

[266] Перевод Ф.А. Петровского: «Если поэма полна красотою обильной и блеском, // То извинительны ей те пятна, которых небрежность // Или бессилье натуры людской не умели избегнуть <…>» [Гораций, с. 350].

[267] Перевод: «Да будет так».

[268] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

<Костливцев> подтвержден Капитаном над Портом в Таганроге[269], и, как мне показалось, в газетах между вновь поставленными бригадирами поставлен. Вчерась был я в Летнем саду, где и Монастырския девицы[270] были, также воспитанники из Академии художеств, великое множество людей было и наша Егерская музыка. Оттуда пошел я вместе с Вейдемейером, у котораго я и ужинал и встретились с Котти[271]. Он здесь и через две недели отправится через Тверь в Ярополец. Он был в Москве, в Воспитательном доме ценсором и опять в какие-то несчастия попал. Иван Ив<анович> Князев[272] пожалован Инженерным Капитаном и отправляется в Выборг. Вот мои новости. Завтре ожидаю известий от вас. Дай бог! чтобы вы были веселы и здоровы: все мое удовольствие будет и действительнее и живее, когда я в этом уверен буду. Впрочем предая себя навеки в ваши милости, прошу покорнейше вашего отеческого благословения и остаюсь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Июля .2. дня
С<анкт->Петербург

Матушка Сестрица! Вот какой краюшек остался et je vous le consacre. Si vous ne m'ecrivez pas une douceur dans la lettre de demain[273], посмотрите, что будет. Я вам и целой лист напишу. Прошедшую пятницу была petite piece из Belise Мармонтелевой[274]. У нас своя капуста, бобы, огурцы. Татьяне Петровне окроме поклона ничего.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 86).

<45>[275] ++
<11.7.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Мне кажется, или покрайней мере хочется вообразить, что вы теперь или в деревне, или из деревни приезжаете. У нас теперь такие жары, что о деревне и не хотя вспомнишь. Ежели вам угодно удостоить хотя маленьким взором меня; то вам представится моя маленькая горница, заставленная четырьмя маленькими столами и толиким же числом стульев, на которых весма порядочно разбросаны тетради и книги. Разумеется, порядок по моему: другие говорят будто не очень порядочно. Я должен благодарить Ваньку, что он вздумал утвердить на вилках занавесу у моего окошка. Теперь только окончил я великое упражнение: весь ум мой углублен был в то, чего я не знаю. Паралаксис солнца был моим предметом; одно слово *паралаксис* довольно, чтобы дать себе ученый вид. Только то беда, что я сам чувствую, что он мне очень и очень не принадлежит. Все мои воображаемыя

[269] Упоминается в [Письма, с. 376].
[270] Смольный институт благородных девиц располагался при Воскресенском Смольном женском монастыре.
[271] Котти И. — итальянский чиновник, работавший в Воспитательном доме, из которого был уволен в 1775 г. [Фруменкова, с. 158].
[272] Князев И.И. (1754-1829) — русский государственный деятель, статский советник, Рязанский губернатор (1815).
[273] Перевод: «И я посвящаю это вам. Но если вы не пришлёте мне хоть одно ласковое слово в завтрашнем письме».
[274] Видимо, речь идет о произведении Ф. Мармонтеля Le Scrupule, входящее в Contes Moraux [Marmontel, p. 57–86].
[275] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

труды терпят безперестанной прилив и отлив: минуту Метафизик, другую конечно Алгебраист, а на верно прежде наступлений третей, рифмы заступят место сравнений. Ето немножко через чур, однако что-то на правду очень похожее.

Дядюшка Лев Андреевич <Батюшков> в прошедший четверг изволил сюда приехать и требовал у меня кареты, я ее и достал было, однако он ее не употреблял. Я просил его также, чтобы он изволил стать у меня: он и согласился, но прежде хотел видеться с Иваном Семеновичем[276], поехал туда и видно остановился у него. Вчерась обедал я у <В.В.> Ханыкова, а нынче поутру было маленькое дело; так и некогда было к нему съездить. Он проговаривал мне, что долго не отдает долгу, по своим недосугам. А Николай Львович <Батюшков> в деревне и все еще болен. Выпуск Захара Матвеевича <Муравьева> не множко продлится, но нынче пишет он ко мне, что завтре на верно обещают. У них на етих днях случилось маленькое нещастье. Один кадет, из назначенных к выпуску, Трубников, утонул. Он и других четверо переезжали в бурю с Петербургскаго на Крестовской остров; челнок переворотило, прочие схватились за борт, а он пошел на дно. Ето было причиною маленкаго замешательства в корпусе, но теперь уж утихло. Никита Романович <Рожешников> также с часу на час дожидает ексамены, определения, разсуждения коллегии все было, день назначен, и члены собрались. Г. Фоминцев, которой и прежде не давал было своего согласия, остановился также не зная на чем; однако и естьли не самой нынешний день, то нынешнюю неделю верно решится. Зах<ар> Матвеевич <Муравьев> приносит свою нижайшую благодарность за ваш совет и нынче писал к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву>; он просит и вас, батюшка, естьли можно подкрепить его прозьбу. Впрочем, у нас все хорошо и для меня ничего нет новаго; затем что я живу и без дела, и без любопытства. Великаго Князя <Павла Петровича> ожидают вскорости, и ямщиков погнали на станции; однако не известно для чего. Князь Григ<орий> Алекс<андрович> <Потемкин> живет теперь в Новгороде и поедет в Ладогу для инспекторского смотру. В Кронштате, сказывают, сожгли старые корабли. В городе Комедии и великолепные балеты[277]: один предлинной новой дансер г.<осподин> Лефевр[278] выступает как журавль. В академии прошли Диоптрику, и в сентябре месяце будут торжествовать пятидесятилетний праздник и надеются увидеть у себя Государыню для того, что она уж изволила и суммы определить на торжество. В Академию художеств приехал недавно из Италии их бывший пенсионер, некто Архипов, и привез большой барельеф из белаго мрамора своей работы, представляющий принятие веры Велик<ой>

---

[276] Караулов И.С. (1739–1812) — тверской помещик, зять Л.А. Батюшкова, был женат на А.Л. Батюшковой (1758–1819) (см.: [Письма, с. 375]).

[277] См. сообщение от 11 июля 1776 г.: «По полудни, в исходе 6-го часа, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО со всеми персонами изволила следовать в оперный дом и смотреть представленной французской комедии с пиесой» [КФЖ, 1776, с. 417]; ср. сообщение в Прибавлении к №48 Санктпетербурсгких ведомостей , от 14 июня 1776 г.: «Г. Мронек объявляет всем любителям изрядных наук и художеств, что он здесь в Санктпетербурге по новому и никогда еще невиданному образцу зделал небольшой комедиальной театр. Всякой знаток признается , что дело сие не малаго стоило труда и рачения. На оном будут представлены две небольшия компании танцовщиков и танцовщиц. Первая представляет изрядной сельской балет крестьян и крестьянок. А театр изображает приятную и веселую деревню. По окончании первого балета вдруг превращается в богатую залу, в которой видна будет вторая кампания состоящая из Турок и Турчанок. Музыка сочинена Италианскими балетмейстерами и капельмейстерами. Живопись и резба сделаны так же все славными мастерами. Да вообще можно быть уверену, что при зрении сих представлений почувствует всяк увеселение и удовольствие. Театр сей в доме Графа Ягушинскаго, состоящем в Новой Исаакиевской улице, и будет в день по 4 раза после полудни отворяем , а именно в 2, 4, и наконец в 8 часов, а поелику комедант сей скоро отсюда отъезжает, то представляема будет комедия з дней сряду, начивая с 10 июня по 15 число. за первое место платить каждой по 50, а за второе 25 коп.» [СПб Ведомости, 1776, с. 985].

[278] Лефевр Д. (ум. 1812) — французский артист и балетмейстер; начал выступать в Петербурге и преподавать в пансионе Гибеля в 1775 г.

Княгини Ольги[279]. Как я нынче заговорился! Вы мне ето простите, батюшка! Сколько бы я был утешен, когда б я мог безопасно положиться, что в сие самое мгновение вы мне сохраняете прежния милости! Покрайней мере, я етого прошу всегда у Бога и еще ласкаться не перестаю. Я навеки себя заключаю в ваши родительския милости и остаюсь

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

1776. года
Июля .11. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Знаешь ли, для чего я так много писал к батюшке? Это только для того, чтоб из учтивости, не написать к вам ничего… Нет, сестрица! лучше этого не думай, а думай лучше, que je vous aime, Dieu! cette amitié ferais mon bonheur[280]!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 87–88).

<46>[281] ++
<14.7.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Ваше милостивое писание от .6. июля имел шастие получить исправно и несказанно благодарю за новыя знаки вашего благословения. О себе доношу, что я слава Богу, здоров. Вчерашний день, то есть .13. числа Никита Романович <Рожешников> пожалован Шихт-Мейстером, еще двенатцать человек из их кадетов с ним, и все учители получили чины. Захар Матвеевич <Муравьев> зделан Шихт-Юнкером. К дядюшке Матвею Артемоновичу большому <Муравьеву ст.> мы писали прошедшую почту, но ответу еще некогда было получить. Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> сказывает, что им велят хотя сверх комплектным в Лагере стоять. Он приносит вам свою нижайшую благодарность, мы оба ничем не можем оправданы быть против милостей ваших. Ник<ита> Романович <Рожешников> льстится быть послан за море; четверых уже объявлено, что пошлют; а шестеро объявили желания. Они все через чур обязаны своему Виц Президенту <С.В. Нарышкину>, которой с величайшей горячностью старается за них, как за себя. Матрена Дмитриевна <Бастидон> и Катерина Яковлевна <Бастидон> охотно берутся за покупки и приискание всего, что требуется. При сем прилагается от них письмо, также писмо от Прасковьи Глебовны <Головцыной> и вексель Юдинской. У Марка Федоровича <Полторацкого> здесь одна старинная четырехместная карета и визави другая, за которую просит .130. руб.<лей>. Четвероместной и цены нет за тем, что разве кто в лом купит. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, желая вам навсегда здравия и благополучия, остаюсь на век

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Июля .14. дня
С<анкт->Петербург

---

[279] Ошибка Муравьева; речь идет об Архипе Ивановиче Иванове (1749-1829), скульпторе, который в 1770 г. создал мраморный барельеф «Крещение великой княгини Ольги в Константинополе под именем Елены», за который получил большую золотую медаль и право на заграничное пенсионерство от Академии художеств.

[280] Перевод: «Как же я вас люблю! Боже, эта дружба сделала бы меня счастливым».

[281] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

О сестрица! Сестрица! Позволеноль едак играться добрыми людьми? Осыпать похвалами мое красноречие, сравнять с Цицероном и заставить наконец закраснеться самой величайшей слабости. Я признаюсь, читаю ваши строки, trop уверен du contraire, on est tenté de se croire, je ne sais que des airs de pruderie s'y mêlent, comme d'eux mêmes; on projette sérieusement la défense pour ne pas возгордиться, enfin on est à peu près comme une femme que l'on loue sur sa beauté, on se défend, on rougit, mais pourquoi? C'est pour être plus louée. Я вру, я не помню, чтоб за красноглаголание вместил я в писмо свое, а что касается до того, так ето истинная правда и ни слова лжи нет, да поместим, не отвяжитесь. Oh! la friponne! Ma vengeance est dans ma main. La lettre à Cath. Jac. <Катерина Яковлевна Бастидон> est-ce que je ne l'ai pas lû ? bon ! Je serais un bien et la lettre encore de Cath. Jac. <Катерина Яковлевна Бастидон>, entre nous… St!.. Ce n'ai pas moi, Mlle! c'est Zachar Matv. <Муравьев> qui l'a décachetée malgré moi.. Et moi… et moi… je n'ai rien fait… si non, que, mot à mot… pour vous dire la verité un peu… oui comme ça… peut être toute entière… eh bien que-ce que cela fait? s'il vous le faut: oui, Mlle, je l'ai lû <?> pardon. Voila de l'eloquence, Mlle, et, de celle ci, que parlé au coeur, j'en ai été touché. J'y connais un eu il m'a ravi. Вспомни ту прекрас… Voulez-vous que je baise cela? Il y a encore un sur la fin de la lettre et j'y glose malignement et cependant je ne sais ce que[282]… да я позабыл, отпиши, матушка, какой атлас, какого цвета? вить и Атласы разные. Есть в .3. р.<ублей>, в 3 50, в .2. р. <ублей>, в 1.80. А у Матрены Дмитриевны <Бастидон>, что и образчик послан, 10.5 к.<опеек> Прощай же матушка. Je baise votre petite main[283].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 89–89 об.).

<47>[284] ++
<21.7.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Прошедшую почту, я не успел к вам писать, замешкавши немножко поздно у Федора Михайловича <Колокольцева>. А между тем имел удовольствие все ваши писма получить исправно, и в последнем Ассигнацию в .25. рублев. Вексель Юдинской послал я, кажется довольно верно на немецкой почте в четверг. Все что вы изволите приказывать, в точности будет мной исправлено. Лев Андреевич <Батюшков>, которой поехал отсюда в прошедший вторник, просит извинения, что он к вам за недосугами особливо писать не успел: его люди теперь по делу в Твери, так он их вам поручает и во всем на вас надеется. Прежде отъезду своего, за день, изволил он быть у меня и привез мне долгу .84. рубля, с включением денег за чай. Что, как я думаю, приведет меня в лучшее состояние исправить покупки. Си<те>ц конечно, и в скорости куплю. Прежде сего, вместе с векселем отправлено писмо от Катерины Яковлевны <Бастидон>, которое я уж теперя у вас считаю: она хочет знать, в какую цену и какого цвету должен быть атлас. Вексель Еремеева, конечно, не выходит из моего попечения, и заплата Кургановскому, думаю, что меня не задержит. Теперь остается

[282] Перевод: «Я признаюсь: читаю ваши строки, слишком уверенный в противоположном; человека тянет поверить в себя; не знаю, какие ужимки жеманной скромности примешиваются сюда как бы сами собой; всерьёз придумываешь защиту, чтобы не возгордиться; наконец, оказываешься почти как женщина, которую хвалят за её красоту: она отбивается, краснеет; но почему? Чтобы её хвалили ещё больше. Я вру: я не помню, чтобы ради красноглаголания поместил это в своё письмо; а что касается того, так это истинная правда, и ни слова лжи нет; да поместим же – не отвяжетесь. О, плутовка! Моё мщение у меня в руках. Письмо к Cath. Jac. <Катерине Яковлевне Бастидон> – разве я его не прочёл? Хорошо! Я был бы большим глупцом. Простите. Вот это красноречие, мадемуазель, и притом такое, которое говорит сердцу; я был им тронут. Я узнаю в нём огонь ближе к концу письма, и я его лукаво толкую; и, однако, я не знаю что…».

[283] Перевод: «Целую вашу ручку».

[284] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

приискивание серег и перстня. Матрена Дмитриевна <Бастидон> за это берется: следовательно, и это авось либо зделаем. Захар Матвеевич <Муравьев> и Никита Романович <Рожешников> приносят свое почтение. Я слава Богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитревской хвалил мою трагедию[285]. Самолюбие везде находит место, хотяб было и не у места, но ежели вы всегда тот же милостивой и снисходительной родитель мой, как несомненно ласкаюсь; так думаю, что простите во мне этому. Между тем я принуждаю себя порабатывать сколько нибудь над переводом Тускуланских вопросов[286]. Вот мои упражнения. Физических лекций теперь на время нет. Что ж касается до печатки, о которой вы хотите знать, где она: ето правда, не знаю как то, по нещастью, едучи верхом к Василию Евдокимовичу <Адодурову>, потерялся, хоть после и искали, но не нашли. Здесь у нас стояли жары и громы были, которые после себя следы оставили. Последний зажег морские бойни, которые и сгорели.

Впрочем препоручаю себя в вашу неотменную родительскую милость и с нижайшим моим почтением прошу вашего благословения,

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Июля .21. дня
С<анкт->Петербург

Ma chere soeur! la nuit d'hier, il y eut une éclipse de lune. Voila de nos nouvelles! Здравствуй. J'ai déjà oubliée comment est-ce que vous parlez avec moi; j'essaye quelque fois de parler moi-même avec vous, et, par malheur, je ne sais trop comment je parle moi-même avec vous. Parlez, je vous prie. Je suis ici, de très longs jours à n'entendre personne: cela n'est pas consolant; ayez la bonté de m'envoyer un peu de vos discours mais tout frai, du sortir de la bouche, afin que je ce puisse entendre. Mais la chose à ne point mentir ne peut se nicher, que dans une cervelle tournée. Et voulez vous que j'en aie une toute saine? не па пассибь! же лие конесанс; да какой конесанс? Форт этруат. Rassudi sebi, matoushka sestriza, rasboltalsia[287]. Kogda nibud so mnoi, da po bolsche: ia pravo posabil, kak ti govorisch, chot povest! No u na to tebe… Proshay.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 90–91).

<48>++
<1.8. 1776 г.>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Я виноват, что прошедшую почту не успел к вам писать. Сим доношу вам, что, я слава богу, здоров. У нас нынче первой день посту, так я кушаю ботвинью с домашними огурцами. Еремеев обещал мне быть нынче ко мне, однако еще нет. Я его просил всячески, чтоб он меня не задержал и поскорее бы собрал деньги. Ето ему не очень приятно было,

[285] Речь о трагедии «Болеслав», которую Муравьев писал годами, но так и не закончил [см.: Топоров, 2, с. 29-240].
[286] «Тускуланские беседы» (45 г. до н. э.) — философский трактат Цицерона.

[287] Перевод: «Моя дорогая сестра! Прошлой ночью было лунное затмение. Вот наши новости! Здравствуй. Я уже забыл, как вы со мной разговариваете; я иногда пробую сам говорить с вами и, к несчастью, не слишком понимаю, как я сам с вами говорю. Говорите, прошу вас. Я здесь провожу очень долгие дни, никого не слыша: это не слишком утешительно; будьте добры прислать мне немного ваших речей, но совсем свежих, прямо из уст, чтобы я мог их услышать. Но такая вещь, если не лгать, может поместиться только в перевёрнутом мозгу. И хотите ли вы, чтобы у меня была совершенно здоровая голова? Невозможно! Я имею знакомство; да какое знакомство? Очень тесное». Последняя фраза дана русской фонетической записью французского: «ne pas possible ! j'ai les connaissances ; mais quelles connaissances ? fort étroites» («Невозможно! У меня есть знакомства; но какие знакомства? Очень тесные»).

однако он уверял, что он конечно исправится и просил не безпокоиться: он чувствует, милость вашу, что изволили поверить без порук и конечно не зделается не благодарным. Я сам думаю, что он человек очень смирной: у него здесь два дома, однако завтре что свет у меня пойдет к нему человек. Я очень чувствую справедливость гнева, которой я заслуживаю и боюся извиниться: от одной милости вашей ожидаю прощения моей дерзости. Вы уже изволите знать, что Захар Матвеевич <Муравьев> пожалован: он меня уговорил, что батюшка его не замедлит отдать сии деньги. Вчерась получил я с почты писмо на ваше имя, от Анисия Титовича[288], которое при сем посылаю. Сахар на Поповой фабрике, по осми рублей пуд: в нынешнюю середу приказали приходить. К двадесятому числу ожидают сюда Великаго Князя <Павла Петровича> и через три дни после Великую Княжну: чего уж я может быть и не дождусь. Государыня изволила отправиться в Сарское село. У нас в полку ожидают скоро Князя Николая Васильевича[289], что делает маленькую тревогу. Завтре ожидаю я ваших писем и ежели успею, стану еще к вам писать по ямской почте. Впрочем прошу отеческаго прощения, моей глупости, в которой чистосердечно признаюся. Мое сокрушение, будет безмерно, когда вы отвергнете мою прозьбу.

Один, смущен, когда вы отъимете свои милости от меня, так я не знаю, что делать. Простите, батюшка, моим словам: они смутны, так как я. С нижайшей моей, преданностью, остаюсь навсегда

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Августа .1. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! что я стану писать к тебе. Un éclair a frappé mes yeux, ce moment, il pleut, il tonne. Voila de nos nouvelles. Quand est-ce que je vous verrai mon cher Panegyriste ? Quand est-ce que je parlerai avec vous ? mais, à propos, est-il permis d'exalter si fort ma < ?> pretendue eloquence, aux depens de mon cœur ? Je suis apresent, ne <нрзб> douché. Прощай. Preparez-vous à des confidences, je vous extorquerez touts les secrets possible. Pardonnez : je m'imagine, que vous etes grandie, que de plaisir de voir ma sœur, déjà grande ! Je ne vous donne < ?> que des soumissions < ?>. Ma sœur, une barine ! Que j'ai suis ravi ! Je me promenarai à Twer avec une dame, je ferai donc quelque chose : il faut mettre mes uniformes sous les clefs. Adieu ma petite, mais priez de ma part mon cher père, de grâce, qi'il me pardonne cette lettre, qui ne se chagrine pas. Faites, que mon cher père, soit toujours gai[290]. Матушка прощай, ну! Прощай!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 92-92 об.).

---

[288] Князев Анисим Титыч — чиновник в Московской губернской канцелярии; см.: [Письма, с. 365].

[289] Репнин Николай Васильевич (1734-1801) — князь, русский военный и государственный деятель, фактический руководитель Измайловского полка.

[290] Перевод: «Молния ударила мне в глаза; в эту минуту идёт дождь, гремит гром. Вот наши новости. Когда же я вас увижу, мой дорогой Панегирист? Когда же я буду говорить с вами? Но, кстати, позволительно ли так сильно превозносить моё <…> мнимое красноречие за счёт моего сердца? Я теперь, не <нрзб> облит<?>. Прощайте. Готовьтесь к доверительным признаниям: я вырву у вас все возможные тайны. Простите: я воображаю, что вы выросли; какая радость – видеть мою сестру уже взрослой! Я не даю вам <…> ничего, кроме покорнейших почтений <…>. Моя сестра – барыня! Как я этому рад! Я буду гулять в Твери с дамой; стало быть, я всё-таки что-то сделаю: надо запереть мои мундиры на ключ. Прощай, моя маленькая; но попросите от моего имени дорогого батюшку, ради Бога, чтобы он простил мне это письмо и чтобы он не огорчался. Сделайте так, чтобы дорогой батюшка всегда был весел».

<49> ++
<4.8.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Что я должен заключить из вашего молчания? здоровы ли вы, батюшка? Я нынешнюю неделю не имею от вас писем. Или я буду обманут в моей надежде, что вы на меня не гневаетесь? Я равно опасаюсь и того и другаго и боюсь, своим напоминанием, более наскучить. Мне бы уж время было в путь сбираться, когдаб не останавливал меня, своими медлениями Еремеев. Всякой день, человек, к нему ходит и всякой день обещается быть. Сей самой час ждал я его: теперя дождь идет, и, по нещастью, ето послужит извинением. Иногда худая погода, в другой раз гости останавливают его; что принудит, по неволе протестовать вексель. Вчерашний день Матрена Дмитревна <Бастидон>, по своей милости, ездила со мной на гостиной двор, где мы кое что изкупили, как, я думаю, из писма ее изволите увидеть: а имянно ситцу, хотя и изволили писать .30. аршин, взяли мы .39 1/2., ценою по .70. к.; что зделает .27. 60. к. Ежели будет лишек и хозяин не возьмет, так Матрена Дмитревна <Бастидон> думает, что и вы можете его взять или на Шлафор себе, или сестрице на домашнее платье. Атласу голубаго, такого, как и образчик был присылан, взято .16. аршин по .1. руб.<лю> 5. к.<опеек>, что зделает .16. руб:<лей> .80. к:<опеек> бархату, сестрица не пишет на что, какого и сколько, взято косматого два аршина с половиной по белой земле с голубыми клеточками, по 180 к, что сделает 4 р.<ублей> 50 к.<опеек> Матрена Дмитревна <Бастидон> просит, чтобы вперед означать обстоятельно, ежели что купить надобно, на какую потребу, сколько, какого цвету, или что подобное. На пример вы изволили писать о батисте, так Матрена Дмитревна <Бастидон>, говорит, что есть разные батисты, на манжеты ли, на наволочки ли или простыни: почему и разные цены в лавках просят за батист, последняя и крайняя цена .8.½. за штуку; так мы было и взяли на уговоре; но у Матрены Дмитревны <Бастидон> случились принесенныя к ней две штуки батисту той же меры, немножко чем поплотняе, которыя она уступала; так мне разсудилось взять их, потому что они по .7. руб.<лей> штука. Она же достала камертуху[291] штуку, за .8½., которую я уже и взял. В лавках сахар, последняя цена по .8. р.<ублей> 20. к.<опеек>; в заводе по 8 р.<ублей> ровно. Итак шестнадцать пуд сделает .128. рублей: А у меня всех денег за издержанными, как выше написано, на ситц, атлас, бархат, батист и камертух всего на .71. р. 40. к.; останется .228. р. 60. к., за моих мелких .33. руб., всего ..261 р. .60. к. на мелкие фрукты, как то миндаль, чернослив. Прованское масло, оливки, каперсы, кофе и пр.: надобно .26. 70. к. Притом надобно еще на покупку табаков и для заплаты Федору Михайловичу <Колокольцеву>; так я покуда не спешу покупкою сахара, чтоб между тем, оставить довольно денег на полотна. Матрена Дмитриевна <Бастидон> заказала своим знакомым искать их, для того, что из лавок дороже. Как бы то ни было, все уже рублей полтораста, на ето оставить должно, брилианты обещается, также изкупить Матрена Дмитриевна, уж и к ней приносили перстень, которой и я видел; в 350 р. Зделайте милость, ощастливьте меня, батюшка, писмом вашим и что вам угодно, приказать на сие: я с нетерпеливостью ожидаю вашего милостиваго ответа. У нас здесь, иные к двадесятому, другие к десятому числу ожидают Великаго Князя. Третьяго дня, Государыня изволила приехать в Зимний дворец на несколько часов, как видно, посмотреть строение. Как мне быть здесь с двором? Я хотя и не отчаяиваюсь иметь постояльца; однако все трудно сыскать. К нещастью, очень давно в народе слух, будто двор поедет в Москву. Оставить ли человека, ежели сыщется постоялец и кого? Впрочем, желая вашего драгоценнаго здравия, прошу родительскаго благословения и поручаю себя в вашу милость навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
Ваш нижайший сын и слуга

[291] Камертух — тонкое голландское полотно.

1776 года
Августа .4. дня
С<анкт->Петербург

Матушка сестрица! Здорова ли ты? Quand j'y pense, pardonnez, ma chere ! les larmes me montent aux yeux. Je vous baise les mains. Adieu ma chere. Je suis à peu près à m'ennuyer ici. Je vais quelque fois, chez l'auteur de *Владелица души моей*[292]

Тот, что полн прелестным рвеньем,
Знает душу проникать,
И кинжала мановеньем,
Слезы, трепет извлекать
Что с Котурном Мельпомены,
Похищает от Илмены,
Князя, брата своего;
И что став совместник Власу[293]

---

[292] Перевод: «Когда я об этом думаю, простите, моя дорогая, слёзы подступают мне к глазам. Целую ваши руки. Прощайте, моя дорогая. Я здесь почти начинаю скучать. Я иногда хожу к автору "Владелицы души моей"». «Владычица души моей» (видимо, «владелица» -- аберрация Муравьева) – песня, которая была очень популярна в 1770 гг.; так, например, она была использована в переводе на русский язык комедии К. Гольдони «Лжец»; на это указано в «Драматическом словаре» [Драмматический словарь, с. 72]; ср. позднее замечание П.Н. Беркова: «Далее в пьесе <Лжец. – А.И.>, как пишет «Драматический словарь», «театр представляет серенаду на реке с приятною музыкою, и поют песню, известную всем, — „Владычица души моей". Представление сей комедии приносило удовольствие любящим театр». Из примечания «Драматического Словаря» неясно, стала ли песня «Владычица души моей» популярной после представления «Лжеца», или, наоборот, в комедию была введена известная песня» [Берков, 1977, с. 172]. О том, что песня была широко распространена в последней трети века, свидетельствует, например, то, что в 1796 г., Ю.А. Нелединский-Мелецкий использовал именно эту строку в своем стихотворении «Прости мне дерзкое роптанье» (1796 г.): «Прости мне дерзкое роптанье, / Владычица души моей!» [Поэты XVIII века, 2, с. 289]. Автор песни неизвестен, однако важно указание Муравьева на то, что он был с ним близко знаком и иногда его навещал, при этом он не назвал имени – предполагая, очевидно, что сестра его знает, значит, это человек, близкий семье Муравьева. Учитывая это, а также тот факт, что Муравьев учил итальянский и брал комедии Гольдони у Львова (см. выше), можно предположить, что именно последний мог либо перевести всю комедию «Лжец», либо написать «Владычицу» вне всякой связи с Гольдони, которую анонимный переводчик использовал в своем издании (см. ценное соображение П.Н. Беркова, приведенное выше, о том, что мы не знаем, когда именно был написан текст песни: возможно, она уже была крайне популярна к моменту перевода «Лжеца», а может быть, напротив, стала известной после выхода перевода). Другая версия: упоминаемый автор – это И.А. Дмитревский, ведь именно о нем далее говорится в стихотворении, которое написал Муравьев (об этом см. ниже). К тому же Муравьев именно в это время тесно с ним общался, часто упоминал его в письмах к родным, Дмитревский хвалил его трагедию «Болеслав» и мотивировал заниматься литературой (см. выше).

[293] Примечание Муравьева: «Blaise si vous vous souvenez le jardinier du Comte d'Olban». Это отсылка к комедии Вольтера «Nanine, ou le Préjugé vaincu» (1749). Блез, один из персонажей пьесы, действительно садовник графа д'Олбана.

Уступает страсти гласу,
Взяв Нанину у него[294].
Si vous ne dechiffrez pas mon Galimathias, tant mieux pour moi[295]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 94–95).

<50>[296] ++
<8.8.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерашний день имел я удовольствие получить от вас два писма вместе, из коих одно писано из деревни Прасковьи Федоровны; я не могу довольно изъяснить радости, которую получение оных во мне произвело. Я в них признаю возвращение тех лестных милостей, к которым я приобыкнул. То выгодное мнение обо мне, которое идучи от вас, делается мне самому священным законом и увещанием более, нежели похвалою. Когда бы я всегда ее заслужить мог от вас: тщеславие мое не имело бы чего больше желать. Ето правда, Дмитревский ободряет меня продолжать мою Трагедию[297]; он обнадеживает, что ее представят. С величайшей радостью теперь вижу я, что ето вам не непротивно, и труды свою усугублю. Что касается до полуситцу, то я ошибся, назвав его ситцом; он полуси<те>ц, как изволите увидеть, однако так хороший, что подходит к ситцу. Матрена Дмитриевна <Бастидон>, кажется, торговалась, однако за .60. к. не могли сторговать, а дали по .70. к. Еремеев все медлит, однако вексель нынче отдам для протесту. Нотариус недоволен тем, что мы отдали в Магистрат Юдинский вексель, что будто денги он и без того уже пересылал. Впрочем желая вашего драгоценного здравия, прошу меня вашими отеческими милостями не оставить, и пребываю на век

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг<уста> .8. дня
С<анкт->Петербург

Прасковья Глебовна <Головцына> ради Бога просит ответствовать на ее просьбу к вам. У них в Торжке все земли отходят: она в жалостном состоянии.

Матушка сестрица! Когда бы ты все так весела была, как была и как я теперь. Зделай милость, будь. J'etois le matin aujourd'hui chez Mr. Dmitr:<evskiy> il m'a preté, les operas de

[294] Возможно, речь идет о И.А. Дмитревском, с которым Муравьев в это время много общался и мнением которого очень дорожил. Можно предположить, что текст, который Муравьев привел в этом письме, – стихотворная перифраза его же стихотворения «Сожаление младости»: в нем он также писал об известном актере и переводчике: «Я слезы чувства лил, как первый только раз / Дмитревский моего похитил сердца глас. / Какое молнии подобно ощущенье / Он мещет в зрителей, произнося отмщенье, / Но нежен и к ногам Илмены унижен, / Он кажется толпой любовей окружен» [Муравьев, 1967, с. 314]. В обоих текстах связаны мотивы слез и драматического искусства, кроме того, возникает образ Ильмены, героини трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», игрой в которой прославился Дмитревский.

[295] Перевод: «Если вы не поймете моей галиматьи, то тем лучше для меня».

[296] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[297] «Болеслав».

Metastaze[298], et je lis avec la plus grande satisfaction, comme vous pouvez vous l'imaginez. Faites-moi ce devoir, ma chère, d'écrire à moi et Avd<otia> Alexandr<ovna> <Львова> ce que je sens de reconnaissance, pour la complaisance, dont elle m'a honorée, et que… Vous ne vous imaginez pas. Mais, ma chère, si vous ne savez, dont et plus que elle… Mais n'oubliez pas[299].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 96–96 об.).

<51>[300] ++
<11.8.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

На нынешней получил я по Ямской почте еще от вас писмо, в котором включено было писмо Татьяны Петровны к Василью Лаврентьевичу; но его в городе нет, а он уехал в деревню. Вексель на Еремеева протестован; он был вчерась у меня и, как видно, в великих хлопотах и не знает, как собрать; просит всевозможно, чтобы подождать хотя в одной тысяче; однако я отказал. Не знаю, долголи меня продержит; но верно надеяться нельзя, чтоб скоро. Захар Матвеевич <Муравьев> просит, чтобы вместе со мной ехать и хочет нанять отсюда до Суздали, тамошних мужиков. Как изволите приказать? Дядюшка Матвей Артемонович <Муравьев> изволил писать будто с суздальским поверенным Пчелкиным послал он .25. рублев, однако етого Пчелкина здесь и не бывало. У Анны Андреевны <Муравьевой> дочь[301] при смерти больна и не знаю, живали уже. Коляску свою зачинаю чинить; за нее дают десять рублев. Теперь не знаю, как разпорядить свои повозки: много будет кое-чего, следовательно и подвод не мало. Не изволители вы в Твери с какими нибудь знакомыми купцами поговорить, которые бы приказали при своем обозе отсюда взять у меня сахар и прочие покупки? Чтобы тем хоть людей меньше употребить. Прасковья Глебовна <Головцына> просит напомнить о своем деле: у них все земли отмежеваны прочь и отходят к монастырским; они к вам нарочно человека послали. Государь Великий Князь <Павел Петрович> к .16. числу никак сюда будет; а свадьба будто инкогнито сделана будет[302]. Завтре зачнутся физическия лекции. Впрочем желая усерднейше вашего драгоценнаго здравия, прошу родительскаго благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг<уста> .11. дня
Санкт-Петерб<ург>

---

[298] Метастазио П. (1698–1782) — итальянский драматург и либреттист.

[299] Перевод: «Сегодня утром я был у господина Дмитр<евского>; он одолжил мне оперы Метастазио, и я читаю их с величайшим удовольствием, как вы можете себе представить. Окажите мне эту услугу, моя дорогая: напишите от моего имени Авд<отье> Александр<овне> <Львовой>, какую благодарность я чувствую за любезность, которой она меня удостоила, и что… Вы себе не представляете. Но, моя дорогая, если вы не знаете чем, и знаете больше, чем она… Но не забудьте».

[300] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[301] Речь о Варваре Николаевне Муравьевой, дочери Н.Е. Муравьева и Анны Андреевны Волковой (в первом браке Муравьевой). В <52> говорится о том, что она здорова.

[302] Речь о венчании Павла Петровича и Марии Федоровны, которое состоялось 26 сентября 1776 г.

Sur quel ton, ma chere soeur! dois-je vous haranguer? Ежели ты весела; ну так ты весела: cela fait peu d'honneur à ma penetration… И впрямь: поправлюсь. Когда один раз собьешься с толку; так уж… однако, мне самому, так к себе благосклонну быти… Разумеешьли хоть слово сестрица? Я ручаюсь, что нет. Вчерась читал я *Le Siege de Calais*, une fameuse tragedie de Mr. Belloy[303], а нынче перебираю Метастазия, которого завтра мне надобно отнесть! Que des nouvelles intéressants. Pardonnez, je n'en fais d'autres, si non, que comme vous voyez j'écris sans rime et sans raison. Réjouissez vous en et riez. Adieu, je vous aime, ma chère, et je vole pour vous aimer plus encore s'il est possible. Du moins j'attends tout de vous… Paisible et vous admirant, je me figure placé dans un coin, et ma chère soeur près de moi habillant à qui mieux, mieux[304]… Ето уж не простительно так долго врать: и дело говорить не надобно больно много. Я думаю, что Алексея Минича <Муравьева> теперь в деревне нет: естьли вы к нему в Торжок пишете, прошу засвидетельствовать мою чувствительную благодарность…

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 98–98 об.).

<52>[305] ++
<16.08.1776 г.>
Милостивой государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешний день получил я ваше от .10. числа пущенное писмо, за которое приношу мою нижайшую благодарность. Простите мне, батюшка, что я вам скучал о писмах, не знавши вашего отсутствия из Твери: я уже давно известен, что вы изволили ездить, и имел величайшее удовольствие получить все ваши писма. Напрасно изволите сомневаться, чтоб ваши писма еще не застали меня здесь: Еремеев меня держит, то он, то Нотариус, оба делают обещания, но что касается до векселя, то он уже протестован. Я нарочно буду к вам писать, когда буду в готовности и положу намерение выехать. Штаны лосинные не достанешь, я думаю, меньше рубля: Гараске куплены у меня, не большие и по рублю. По осмотру заказать старых калетов[306], как вы изволите писать. Здесь у нас были дожди и грязно: каков то будет сентябрь. Никита Романович <Рожешников> приносит свое почтение, ему еще не известно ни определение на Заводе, ни посылка за море; но в скором времяне все решится. Я слышал нынче, однако не могу уверить заподлинно, что Великий Князь <Павел Петрович> третьего дня приехал в Сарское село. Нынче, как думаю, будет театр. Анна Андреевна <Муравьева> свидетельствует свой поклон: Варвара Никол<аевна> <Муравьева> не больна. Эту неделю Ванька у меня занемог лихорадкой через день и не знаю, как то скоро его минует. Вчерась подлекарь дал траву для питья и порошки, видно с ревенем, которые в нем производят рвоту. Захар Матвеевич <Муравьев> кланяется: он теперь здесь. Впрочем желая здравия вашего навсегда, прошу родительскаго благословения и остаюсь на веки

Милостивой Государь батюшко!

---

[303] Речь идет о трагедии [Belloy]. Беллуа (1727–1775) был не только драматургом, но и актером, много путешествовал, несколько лет прожил в Санкт-Петербурге.

[304] Перевод: «Каким тоном, моя дорогая сестра, должен я к вам обратиться с речью? Ежели ты весела, ну так ты весела: это делает мало чести моей проницательности… И впрямь: поправлюсь. Когда один раз собьёшься с толку, так уж… однако мне самому так благосклонну к себе быть… Разумеешь ли хоть слово, сестрица? Ручаюсь, что нет. Вчерась я читал «Le Siège de Calais», знаменитую трагедию г-на де Беллуа, а нынче перебираю Метастазио, которого завтра мне нужно отнести! Какие интересные новости! Простите, других я не сообщаю, кроме того, что, как видите, пишу без рифмы и без разума. Радуйтесь этому и смейтесь. Прощайте, я люблю вас, моя дорогая, и лечу, чтобы любить вас ещё больше, если это возможно. По крайней мере, я всего жду от вас… Спокойный и восхищённый вами, я представляю себя помещённым в уголке, а мою дорогую сестру – возле меня, наряжающуюся вовсю».

[305] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[306] Мешок, сумка.

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг<уста> .16. дня
Санкт-Петерб<ург>

Сестрица! как бы я хотел писать к тебе с *началом*: не знаю, что такое бедственное приводит меня в робость, поставить это название à la tête de ma missive. A propos, Mr. Zachar <Матвеевич Муравьев> a interrompu mon occupation, il veut absolument lire votre lettre: il sait très bien jouer *le ballet de Bacchus et d'Adrianne*[307], que l'on donne, il y a déjà un sens immémoriel. Et voila ce qu'il voulait, que vous sachiez. Il rit a present. Ecrivez, dit-il, que je lui apperserai <?> (pendant que j'écris il fait des éclats de rire) le Ballet Chinois[308]. En recompense de ma fidelité, il me donne a présent le très glorieux nom: o, que vous êtes fou. Cela s'entends en Russe. Ou pardonnez, что я вру. Que je voudrais voir tous mes voeux <?>[309] accomplis! Je ne bâtirais point de maison à Tver, qu' a <…> vous, si vous me le permettez. Et comment puis-je exprimer <?>, cette impression de joie, si douce, que vos lettres me font < ?> gouter: quels remerciments, ma chère! Mais ils feraient foibles <?>. Je sens, que mes expressions, perdraient beaucoup aupres des votres. Remerciez donc, a vous même, pour avoir fait les consolations d'un frère, qui vous aime. Votre gout <?> trop délicat, ne s'accommodera peut être de <…>: mais vous voyez vous même, si je réussis à… Enfin vous avez trop de complaisance, a me faire reussis. Votre conseil, ma chère, quelle bonté pour moi! Allons, que je voudrais vous parler: je ne sais, si vous feriez mieux d'être mon frère. Je vous souhaite toujours pour soeur. Adieu me tiendrez-vous parole d'être finiere, de m'aimer de…

Mais le coeur de ma soeur ne sauroit pas mentir.
Vous m'aimez, je vous aime: Adieu. Je vais sortir[310].

Татьяне Петровне по Петербургски не кланяйтесь.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 100–100 об.).

---

[307] Очевидно, имеется в виду балет «Ариадна и Тезей», поставленный в 1776 г. в Санкт-Петербурге известным итальянским балетмейстером и композитором Д.М.Г. Анджолини (1731–1803).

[308] Возможно, балет Анджолини «Китайский сирота» (1774).

[309] Прочтению мешает загиб страницы, далее подобные места в этом письме отмечаем угловыми скобками с многоточием.

[310] Перевод: «Сестрица! как бы я хотел писать к тебе с началом: не знаю, что такое бедственное приводит меня в робость – поставить это название во главе моего послания. Кстати, господин Захар <Матвеевич Муравьёв> прервал моё занятие, он непременно хочет прочесть ваше письмо: он очень хорошо умеет танцевать из балета «Вакх и Адрианна», который дают уже с незапамятных времён. И вот что он хотел, чтобы вы знали. Он теперь смеётся. "Напишите, – говорит он, – что я ее научу <?> (пока я пишу, он разражается смехом) китайскому балеут. В награду за мою верность он теперь даёт мне весьма славное имя: «О, какой вы сумасшедший». Это, разумеется, по-русски. Или простите, что я вру. Как хотел бы я увидеть все мои желания исполненными! Я не стал бы строить дома в Твери иначе как возле вас <?>, если вы мне это позволите. И как могу я выразить это впечатление радости, столь сладкой, которую ваши письма дают мне <…> вкусить: какие благодарности, моя дорогая! Но они были бы слабыми <?>. Я чувствую, что мои выражения много потеряли бы рядом с вашими. Поблагодарите же саму себя за то, что вы сделали утешения брату, который вас любит. Ваш вкус слишком тонкий, может быть, не примирится: но вы сами видите, удаётся ли мне… Наконец, у вас слишком много любезной снисходительности, чтобы заставить меня преуспеть. Ваш совет, моя дорогая, какая доброта ко мне! Ну, как бы я хотел говорить с вами: не знаю, лучше ли было бы вам быть моим братом. Я всегда желаю вас себе сестрой. Прощайте, сдержите ли вы слово быть <?>, любить меня… Но сердце моей сестры не может лгать. / Вы меня любите, я вас люблю: прощайте. Я выхожу».

<53>[311]
<18.8.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Я слава богу здоров; чтож до отправления, то я еще не могу сказать почти ничего. Еремеев и вчерась у меня был: но ето не утешно. Всякой раз свое изнеможение, прозьбы, откладыванья. Наконец просил меня сказать, кому должны, и как я сказал, что Чекрыгину; то он хотел с ним повидаться и перевесть на себя наш долг с вычетом процентов, за достальныя месяцы, а другую тысячу хотел привесть нынче, однако солгал. Нынешний день еще просил Нотариус хотя немного подождать. После етого уж нечего ждать. Полотна голандскаго две штуки изволила приискать Матрена Дмитриевна <Бастидон>: у ней было два сорта полотен, за один .95. руб.<лей> за две штуки; другаго, за такие же две штуки .75. р.<ублей>, которое мы и предпочли первому, потому что она его еще и поплотнее, а то только немножко побеляе. Марья Ивановна[312] его очень хвалит и сама хочет взять такова тоже. Что касается до валлендорфскаго; так его во всех рядах нет. Есть, да только ненастоящее валлендорфское, а швабское, и то худое. Так Матр<ена> Дмитриевна <Бастидон> просит вашего согласья, не лучшели уже, естли изволите, другия две штуки етого же галанского купить, нежели для сбережения, не более как пяти рублей, купить худое швабское. Правду сказать, денег у меня, уж на то не станет. Впрочем прося вашего родительского благословения остаюсь на веки

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776 года
Авг<уста> .18. дня
Санкт-Петерб<ург>

Ma chère soeur! vous ne regardez pas les adresses de vos lettres; dans celle de Катерина Яковл.<евна> <Бастидон> il y avait: Кат. Петров.[313] Adieu ma chere: dites suis-je toujours votre ami? Dieu! si je le suis![314]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 102).

<54>[315] +++
<22.8.1776 г.>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Доношу о себе, что я слава Богу, кое как поживаю, во ожидании, когда меня отпустит Еремеев. Завтре, кажется, не будет мочи более терпеть: подам в Магистрат вексель, когда до того доводит. Нынче посланному человеку, ответствует, что нынче будет с известием; а естьли не успеет, конечно, завтра с деньгами приедет; показывал денег ему ассигнациями триста рублей, да медными с четыреста, и товару проданного на достальную сумму. Не

[311] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».
[312] Неустановленное лицо; также см.: [Письма, с. 290.].

[313] Неустановленное лицо.

[314] Перевод: «Моя дорогая сестра! Вы не смотрите на адреса своих писем; в письме к Катерине Яковл.<евне> <Бастидон> было написано: Кат. Петров. Прощайте, моя дорогая: скажите, всё ли я ещё ваш друг? Боже! Конечно, я им являюсь!» Далее приписка Н. Рожешникова.
[315] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

знаю, что выйдет. К Чекрыгину он ездил: тот говорит, что денги не его, а Кургановскаго, которому уже и вексель давно выдан. У нас сказывают, что подполковник <Репнин> приехал, однако в полк еще не вступил. Сергей Александрович <Хотяинцев> болен. <Великая> Княгиня еще не приехала и слышно, будто зубами не здорова, что ее в дороге удерживает. В городе Театр зачался: а когда Государыня изволит приехать, не известно[316]. Матрена Дмитриевна <Бастидон> призывала Ювелира, чтобы посоветоваться о брилиантах. Он ей сказал, что достать их теперь нельзя, потому, что все, которые были в городе, забраны во дворец. Она заказала ему сделать новые с договором, что когда вам непокажутся, взять ему обратно, присланныя из Твери. Присем посылается от Катерины Яковлевны <Бастидон> писмо. Молю бога, чтоб он вам даровал всегда продолжающееся здоровье и удовольствие; чтоб я имел счастие увидеть опять в вас милостиваго и дражайшаго родителя. Предаю себя с простосердечнейшим послушанием в ваши милостивея повеления и остаюсь на век

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг.<уста> 22 дня
С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица! Demain on joue l'honnete criminel[317], demain *Mlle* j'entends de vos nouvelles mais qu'elles soyent ce qu'elles ont été, naïves, enjouées charmants. Ah! Si vous manquez pour cette fois ! Aujourd'hui, avec Nic. Rom. <Никита Романович Рожешников> nous etions tous deux dans la Bibliothèque, d'où nous avons eu le plaisir de voir une Conference des nos Academiciens. Demain ce n'est pas cela: vous voyez bien, quelle difference d'entendre parler Euler, ou Dmitr.<evskiy>… Où vais-je m'engager? Je parle avec ma chere soeur, et de quoi? Non c'est perdre le tems, je n'en ai assez que pour dire, combien je vous aime. Adieu[318].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 103–103 об.).

<55>[319]
<27.08.1776>
Милостивой Государь дядюшка!
Матвей Артамонович!

Любезное ваше писмо от батюшки в свое время имел я честь получить исправно и за милостивую ко мне доверенность вашу приношу мою нижайшую благодарность. Ничто не может быть лестнее для меня того благоволения, которое льстился я в вас приметить. За

[316] Ср. сообщение КФЖ от 22 августа 1776 г.: «По полудни в 6-м часу, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, с Его Императорским Высочеством и со всеми персонами изволила следовать чрез сад в Оперный дом (что в оранжерее) и смотреть представленную французскую комедию» [КФЖ, 1776, с. 491].

[317] C.G.F. de Falbaire de Quingey L'honnete criminel. Yverdon, 1767 г. — драма, популярная в последней трети века; сначала была запрещена к постановке в Париже, но после большого успеха в Европе и положительного отзыва о ней Вольтера была замечена при французском дворе.

[318] Перевод: «Матушка сестрица! Завтра играют «Честного преступника»; завтра, мадемуазель, я услышу от вас новости; но пусть они будут такими, какими были: простодушными, весёлыми, очаровательными. Ах, если вы на этот раз подведёте и не напишете! Сегодня мы с Ник.<итой> Ром.<ановичем> <Рожешниковым> были вдвоём в Библиотеке, откуда имели удовольствие видеть конференцию наших академиков. Завтра – совсем не то: вы ведь хорошо видите, какая разница – слушать Эйлера или Дмитр<евского>… Куда это я ввязываюсь? Я говорю с моей дорогой сестрой – и о чём? Нет, это потеря времени; у меня его хватает только на то, чтобы сказать, как я вас люблю. Прощайте».

[319] Печатаем для полноты в этой подборке письмо Муравьева к дяде М.А. Муравьеву ст., потому что оно связано с теми денежными вопросами, которые обсуждались в письмах поэта к отцу.

долг мой почитаю и впредь по силам моим оное заслуживать. Позвольте мне теперь испросить вашего внимания на донесение порученного мне дела. Сейчас пожаловал, был у меня г.<осподин> Пчелкин, которого я, хотя уже и давно преж сим, однако без пользы искал. Он мне показывал ваше писмо, а по желанию его посылаю я к нему теперь человека за Ассигнацией. По отъезде батюшкином, осталось у меня денег Захара Матвеевича <Муравьева> .5. р. 37 к. которые от декабря прошедшего года, февраля по .28. число нынешнего издержаны; на что я имею собственноручную Захара Матвеевича <Муравьева> записку. С тех пор писал он к вам, милостивой государь дядюшко! но по дальнему разстоянию писем ни денег от вас не мог получить. По претерпению многих нужд, принужден он был обратиться ко мне, и с тех пор держаны были мои деньги. Разходы необходимые: денег было взять не откуда. И хотя белье у нас мылось; однако вы изволите легко представить, сколько мелочей еще осталось; из кафтана вырос, должно было кое-как переправлять, починивать, в фортификационном классе чертили книги Мане<в>ров, надобно была бумага, переплет и мало ли чего? наконец слуге, которой за ним ходит, пришло заплатить вдруг .15. рубл.<ей> за то, что прежде не брал. Где было взять? Я сколько ни старался как можно меньше держать денег, самая невозможность приневолила нас, и вы изволите сами рассудить, захотел ли бы я свои деньги напрасно тратить и так долгое время их лишаться? Не один раз случалось, что в худой обуви выйти было нельзя. Всем моим держанным деньгам есть у меня подробная роспись, коих в последнее число июня вышло .19. руб. с копейками. Наконец уже неоднократно Захару Матвеевичу <Муравьеву> принуждено было лишаться и тех .12. копеек, которые вы сами изволили ему положить на неделю. В июне последних днях и немножко прежде сделалось назначение к выпуску. Надобно было обмундироваться: чем? этого не было. Многократно и прежде, и после, и по почте, и чрез другие случаи писал он к вам. Надобно сказать, что выпуск все откладывали по сентябрь, а вышел в июле. Он ждал ваших писем, но им скоро и притти было не можно. Выпуск уже наступал: в чем ехать к Фельц Цейхмейстеру[320], в полк явиться? Нечего сказать: он отчаивался. Я был тот, которой его ободрил, я принудил его искать денег, сам ходил с ним по три целые дни. Куда не ходили? К купцам, к знакомым, иного не заставали, иной прямо отказывал; лучше сказать, никого не было, на кого бы понадеяться. Я осмелился просить у Федора Михайловича Колокольцева, который Захара Матвеевича <Муравьева> и не знает. Он по своей честности, милости и дружбы для батюшки, он дал мне 50 руб., дал бы больше, когда бы было. Из этого должно было все сделать. Вы знаете, сколько надобно, не имевши ничего, выйти офицеру. Ему должно было, покуда аттестатов не дано было из Корпуса, стоять на Петербургской стороне, потом, как в полк явился на Литейной, человека у него нет. Наконец, могу ль я припомнить все надобности? Моих денег сверх .50. рублей заемных издержал он .19. рублей. Где было занимать? К Федору Михайловичу <Колокольцеву> стыдно было еще с тем же итти. Я уже, я осмелился ему дать сии деньги и без позволения батюшкина затем, что описываться было долго, а он между тем терпел нужду. Я просил Захара Матвеевича <Муравьева>, чтоб он утруждал вас и сам старался бы о заплате Федору Михайловичу <Колокольцеву>. По несчастью, я остался теперь один должен и из батюшкиных денег принужден был заплатить 50 руб. Вы знаете наше богатство: дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву ст.> должны мы .2000., здесь отдаем купцу .1000., и я бессловен перед батюшкой в сих деньгах, что я издержал на Захара Матвеевича <Муравьева>. Мне было должно закупить здесь кое-что и взять с собою в Тверь, затем что я скоро еду в отпуск: но батюшка полагался, что у меня эти деньги целы, а их нет. И для того полученные от Г. Пчелкина .25. рублев осмеливаюсь я взять себе и зачесть в издержанные .88. рубл. моих на Захара Матвеевича <Муравьева>, которых счет сам Захар Матвеевич <Муравьев>, думаю, что скоро, к вам привезет. Я жалею, что он теперь сам подписать не может, затем что он на Литейной, и я поспешаю писмо сие отослать

[320] Возможно, речь идет о Г.Г. Орлове, фаворите Екатерины II, который с 1765 г. был генерал-фельдцейхмейстером Российской империи.

к Г. Пчелкину. Однако завтре пошлю я к нему с известием, и он, конечно, с сим случаем сам писать не преминет. Нижайше прошу, милостивой государь дядюшко! естьли можно, поскорее переслать к батюшке деньги, издержанные Захаром Матвеевичем <Муравьевым> в Тверь. Я, препоручая себя в вашу драгоценную милость и прося бога о продолжении вашего здравия, за счастие почитаю пребывать навсегда

Милостивой Государь дядюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг<уста> .27. дня
Санкт-Петерб<ург>

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 19–20).

<56>[321]
<31.8.1776 г.> ++
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешний день имел я щастие получить ваше милостивое писмо от .24. авг.<уста>, за что и приношу мою нижайшую благодарность. Я должен прилагать старание сам для себя, чтобы поскоряе с Еремеевым разделаться и ехать в Тверь. На сих днях получил я от Суздальскаго Повереннаго Пчелкина присланныя дядюшкой <М.А. Муравьевым мл.> .25. рубл.<ей>, которыя я и зачел в долг Захара Матвеевича <Муравьева>[322]. Анна Андреевна <Муравьева>, у которой я вчерась обедал, приказывает свой поклон: также и Катерина Даниловна <Волкова>. Варваре Николаевне <Муравьевой> уж гораздо по легче, и она за столом была. Наша Великая Княжна <Мария Федоровна> сказывают, что скоро изволит быть и будто Великий Князь <Павел Петрович> вчерась ей на встречу поехал[323].

---

[321] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[322] См. об этом подробнее <55>. ПРОВЕРИТЬ

[323] Ср. сообщение КФЖ от 31 августа 1776 г.: «<…> от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отправлен был господин Камер-юнкер Князь Николай Алексеевич Голицын в село Царское для поздравления именем ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о благополучном шествии Его Императорскаго Высочества и Ея Светлости Принцессы.

По полудни в 6 часов, Его Императорское Высочество с Ея Светлостью Принцессою Виртембергскою Софиею Доротеею изволил прибыть в село Царское, и прибыв к крыльцу, которое близь церкви, на крыльце встретили господа дежурный Генерал-адъютант Граф Яков Александрович Брюс, Обер-Шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, Гофмаршал Григорий Никитич Орлов, причем и других не малое число кавалеров находилось, и все поздравляли Его Высочество и Ея Светлость с благополучным прибытием, а Принцесса, под руку из кареты, принята господином Обер-Шталмейстром. Его Императорское Высочество с Ея Светлостью, в препровождении встретивших персон, изволил следовать в назначенные для пребывания Ея Светлости покои, откуда провождающие персоны возвратились в картинную залу, а Его Императорское Высочество изволил следовать к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в уборную комнату, откуда возвратясь в скорости и изволил с Ея Светлостью Принцессою прибыть к ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ в опочивальную комнату, где Ея Светлость и принята ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ.

По известиям тех, в провождении которых она едет, будем мы иметь в ней княжну особых достоинств. Очень хороша собой, снизходительна, умна: разпрашивает, что угодно Государыне, что она отменно жалует, и как ей предстать перед нее, учится по руски и когда Курьер приедет, первое, чтобы спросить по-русски: *все ль в добром здоровье*? Потом зачнет по французки, извиняясь, что она столько говорит, сколько знает. Нынешний день, говорили, что Церемонии в Александровском монастыре не будет: не знаю точно была ли. Что касается до меня, уже .25. числа в приказе было отдано, что я отпущен августа по первое 1777. Мне стоило только слово Петру Алексеевичу <Голицыну>: он столько милостив, должно признаться, что его снизходительность заслуживает всякую благодарность. К Наместнику <Сиверсу> я давно собираюсь; но по нещастью все еще не удавалось: на нынешней неделе конечно съезжу. К Вагину я нередко посылаю, и он обещает выискивать ездаков; думаю, что не замедлю через ето. Впрочем принося мою нижайшую благодарность за ваше милостивое попечение и прося его продолжать ко мне во всю мою жизнь, ласкаюсь вашим родительским благословением и остаюсь на всегда

Милостивой государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Авг<уста> .31. дня
С<анкт->Петерб<ург>

О! чистая душа, которой нравлюсь я, сестра моя и днесь соперница моя! должник твой, пред тобой стыдиться начинаю, что песни для тебя достойной я не знаю. За тем о Muses, днесь вселился на Парнас. Я здесь его ищу, а он в Твери у вас. Прости, ma chere, ces petites rimes prosaiques. C'est votre Muse qui m'a piqué: j'ai essayé peut etre, de me mesurer avec elle, j'ai perdu. Voila ce que l'on gagne avec vous. Je vous felicite, ma chere, je m'en felicite d'autant plus. Les vers sont les interprètes du coeur, des sentiments: ils ne déshonorent pas une âme noble, qui peint quelques transports heureux. Votre gout me promet beaucoup: un coeur sensible n'est point un ennemi de la Poesie. Je connais le votre pour tel. Vous oserais-je demander une gratification: voyez quel impertinence <?> c'est ma chere! de… faites-moi cette bonté, traduisez-moi une petite scene, une tirade d'Alzire, par ex: Acte IV. Sc. IV, dix ou douze vers, pas plus, par ex. *Esclave d'un barbare* ce que Zamore lui parle[324]. Je ne vous le demande qu'a condition, de ne pas vous gêner. Et non pas mot à mot. Une imitation, vos propres sentiments: faites moi cette bonte. Je vous suis très obligé pour les chansons, que vous m'avez envoyer. Il fallait, que je vous entende chanter. Allons, cela ne tardera pas. Adieu ma chere.

à Tatiana Petrovna

Mademoiselle!

Quels remerciements ne vous dois-je point pour la bonté de vous souvenir de votre pauvre oncle. Je voudrais écrire вот столько-то, сажени три, да некогда: прощайте. И впрямь строчки-то дороги[325].

По сем, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, с Его Императорским Высочеством и с Ея Светлостью Принцессою, изволила продолжать разговоры более получаса» [КФЖ, 1776, с. 508-510].

[324] Esclave d'un barbare – так начинается монолог Замора из 4 сцены 4 акта «Альзиры»: «Esclave d'un Barbare, Epouse d'un Chrétien…» (Voltaire Alzire, ou les Américains. Amsterdam, chez Jaques Desbordes, 1736. P. 69).

[325] Перевод: «Прости, моя дорогая, эти маленькие прозаические рифмы. Это ваша Муза меня уколола: я, может быть, попробовал помериться с нею силами – и проиграл. Вот что выигрывают с вами. Я поздравляю вас, моя дорогая, и тем более поздравляю с этим себя. Стихи – истолкователи сердца, чувств: они не бесчестят благородную душу, которая изображает счастливые порывы. Ваш вкус многое мне обещает: чувствительное сердце вовсе не враг Поэзии. Я знаю ваше именно как такое. Осмелюсь ли я просить у вас одной милости:

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 105–106).

<57>[326]
<5.9.1776 г.> ++
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Прошедшую почту не успел я писать к вам: в тот день возвратился я поздно от Анны Андреевны <Муравьевой> и остальное время дня, принужден был прохлопотать с Еремеевым: он и Нотариус приезжали меня уговаривать, чтобы я принял четыреста пятьдесят рублей, а по остальным бы не тревожил его на неделе через Магистрат. Мне казалось ето несносно, чтоб уже подавши в Магистрат, давать термины; я отказал им, наконец еще долго хлопотавши хотел подумать и прислать к нему. Между тем я позвал к себе Николая, стряпчаго Марка Федоровича <Полторацкого>, чтобы посоветоваться об етом: он меня обнадежил, что лучшее, денег, сколько есть принять, а по делу по обещанию с неделю не ходить. Я уверился и послал на другой день по утру к Еремееву с вестью о том, чтобы принес денги. Еремеев сказал, *вот тотчас приеду,* и до сих пор не бывал. Я не знаю что делать: я уже довольно ждал и все не впрок. Нынешний день хотел справиться в Магистрате по делу и просить, чтобы не медлили в течении; однако Иван Андреевич Харламов[327] ко мне зашел и во все время просидел. Он принят управителем от Князя Г.А. Потемкина и едет на два месяца в Польшу для учреждения деревень его там. Семьсот рублей с лишком жалованья по чину, квартера, дрова и пр., четыре лошади. Он просит вас, батюшка, приложить старание свое по делу его в Твери и прилагает при сем писмо. Государыня, как говорят, изволит быть завтрашний день в город. А Великая Княжна <Мария Федоровна> еще в начале прошедшей недели приехать изволила в Сарское село. Сентябрь начался у нас довольно светлыми днями, однако уж все непостоянными, да и иначе и быть не можно. Напротив того, почти в весь август месяц дождь лило. К .15. Сентября приготовляется городок на Выборгской стороне, гораздо прежнего больший. Он давно построен, и были уже примерные взятья в присутствии князя. Захар Матвеевич <Муравьев> при нем, он просился в отпуск, но прежде .15. числа не позволяют. На сих днях приехал наш подполковник <Репнин> и стал на дворе у Панина: отказал полковой караул и просил Петра Алексеевича <Голицына>, чтоб господа офицеры покуда не трудились к нему

видите, какая это дерзость <?>, моя дорогая! De… окажите мне эту доброту: переведите мне маленькую сцену, тираду из «Альзиры», например: акт IV, сцена IV, десять или двенадцать стихов, не больше; например: «Рабыня варвара…» – то, что Замор говорит ей. Я прошу вас об этом только при условии, чтобы вы не стесняли себя. И не слово в слово. Подражание, ваши собственные чувства: окажите мне эту доброту. Я вам очень обязан за песни, которые вы мне прислали. Надо было бы мне услышать, как вы поёте. Ну что ж, это не замедлит случиться. Прощай, моя дорогая.

К Татьяне Петровне

Мадемуазель! Каких благодарностей я только не должен вам за доброту помнить о вашем бедном дядюшке. Я хотел бы написать…».

[326] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[327] Возможно, Иван Харламов – в начале 1790 гг. -- коллежский ассессор, чиновник казенной палаты в Вологде (Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1886. С. 218).

быть, для того что ему нет времени их принять. Слышно, что он в Сарском селе. Никита Романович <Рожешников> приносит свое почтение: он живет теперь со мною, а в скором времени может быть и откомандируется. Их четверг поедут наперед в Олонец, и, пробывши четыре месяца там, отправятся в Екатеринбург, оттуда в Нерчинск. Возвратясь, поедут на море на два года и будут странствовать по саксонским и венгерским заводам. Впрочем, моля искреннейше бога о вашем для нас драгоценном здравии и прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Сентября .5. дня
Санкт-Петерб<ург>

Сколько я нещастлив, что не могу вас поздравить изустно с днем вашего рождения! Так хотя уже писмом сим нижайше мое приношу поздравление. Желаю вам здравия, благополучия и удовольствия к новому году, и бог свидетель моих желаний. Милость ваша есть то, чем я наиболее льщусь после сего. Я уверен, что в четверг и я буду у вас между <…>[328] хотя впоминовением присутствен.

Матушка сестрица! давно я хочу к тебе писать, вот <…> Votre clavessin comment se porte-t-il? L'autre <jour ?> Md. Mouravieff j'ai entendu jouer vos pièces par Mademoiselle: c'est Handke, qui lui donne des leçons. J'étais ravi de les entendre; il y a voit a peu près huit mois. Si je comte bien, que je n'en ai pas entendu guère. Elle ne peut pas comme vous, ma chere, et cependant on s'extasie quand elle joue. Que seroit-ce, si l'on vous entendai <…>. C'est affreux, si vous ne jouez plus. Non, je vous <offense?>. On m'a promis aujourd'hui la musique de *Владелица души*… On ne m'a pas tenu parole. Aussi tôt que je l'aurai je vous l'enverrai. Ma chere soeur si vous m'aimez, vous ne m'envierez pas le plaisir de vous entendre jouer vos pièces, aussi bien, comme vous l'avez joué. Vous jouerez, n'est-ce pas? Mais peut-être, êtes-vous déjà plus avancée, que je ne croyois. Dans peu, vous receviez, et peut-être vous recevez déjà, une mienne lettre avec un dessin poétique: il est terrible, l'accepterez-vous? Voila!.. nous vous verrons. Adieu ma chere. Vous n'êtes pas cruelle… сердца женщин чувствительны… c'est Andrée, qui parlait, vendredi passé (vous ressouviendrez vous du pauvre Andrée… вот сударыня денги, которые я собрал тяжкою моею работою на этом берегу). Or vous n'étes donc pas cruelle. Donc, vous m'aimez. A tibi, carissima Tatiana Petrovna, salutem et benedictimem patruelem largior: писмо есть из деревни, да завтре пошлю[329].

---

[328] Лист поврежден. Здесь и далее в угловых скобках отмечаем места, которые не удалось прочитать.

[329] Перевод: «Как поживает ваш клавесин? На днях <?> у г-жи Муравьёвой я слышал, как мадемуазель играла ваши пьесы: это Гандке, который даёт ей уроки. Я был в восторге, слушая их; если я правильно считаю, вот уже около восьми месяцев я почти ничего подобного не слышал. Она не может так, как вы, моя дорогая, и, однако, все приходят в восторг, когда она играет. Что же было бы, если бы услышали вас <…>. Это ужасно, если вы больше не играете. Нет, я вас оскорбляю <?>. Мне сегодня обещали ноты «Владелицы души…». Мне не сдержали слова. Как только они у меня будут, я вам их пришлю. Моя дорогая сестра, если вы меня любите, вы не будете завидовать мне удовольствию услышать, как вы играете свои пьесы, так же хорошо, как вы это сыграли. Вы ведь будете играть, не правда ли? Но, может быть, вы уже продвинулись дальше, чем я думал. Скоро вы получите, а может быть, уже и получаете, моё письмо с поэтическим рисунком: оно ужасно, примете ли вы его? Вот!.. мы вас увидим. Прощайте, моя дорогая. Вы не жестоки… сердца женщин чувствительны… это говорил Андре в прошлую пятницу (вспомните ли вы бедного Андре… вот, сударыня, деньги, которые я

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 119–120).

<58>[330]
<8.9.1776 г.> ++
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

С каким прискорбием должен я иметь перед собою изображение вашей печали! И в день, в которой должно радоваться, я и уговорить себя, чтобы вы не предавались скуке, я пишу в день вашего рождения. Зачем я не в Твери? Но мое щастие, такое, что оно все случаи, сколько нибудь лучшее обещавшее, нарочно перерывает. Поздравляю вас, милостивой Государь батюшка! с сим днем, всегда почтенным, всегда любезным. Но поздравляя вас, прошу нижайше, не предавайтесь вашей печали. Мы чувствуем ваши родительския милости: оне более, нежели мы требовать можем, более, нежели бы наши попечения могли предвидеть; но совсем тем, они будут несовершенны, ежели вы себя не побережете. Я не могу вас ни разговорить, ни утешить, и мое короткое и неважное писание недостойно заслужить ваше внимание; так покрайней мере, хотя сестрица с вами, не откажите ей себя сколько нибудь, развеселить. Одно ваше великодушие уже довольно вас утешить: более трех лет бытия вашего здесь, мне позволено будет сказать, добродетель ваша была вашим утешителем. Сколь спокойно вы их проводили! Самое завистное щастье не могло бы быть лучше препровождено. Нрав ваш, лучшее ваше щастье; и когда я ето вспомяну, тихия, нелестныя, восхитительныя слезы текут из глаз моих. Мне не стыдно то говорить, что чувствую, и похвалы только тогда хулы достойны, когда оне ласкательства. Милостивой Государь батюшка! вас хвалить, почитаю я себе за добродетель, ежели я какой нибудь способен. Ради бога! не дайте преодолеть себя печалям. Все переменяется: все перетерпевается, лишь только то нет; чего мы терпеть не хочем. Я не смею вам припомнить, что Бог все видит и обо всем печется, вы знаете ето более меня. Мне осталось только просить вас нижайше, чтобы вы для нас бедных не печалились. Третьяго дня, то есть .6. числа[331] изволила Государыня иметь въезд свой в город. Не доезжая полку, пересаживались в нарочно вывезенные парадныя кареты, которых числом было .13. Народом были все улицы полны: кареты тихим шагом шли и вокруг бежали люди. Прямо в Казанскую[332]. А между тем у театра с самого полудня уставлено было каретами: Великий

собрал тяжкою моею работою на этом берегу). Итак, вы, стало быть, не жестоки. Следовательно, вы меня любите. А тебе, дражайшая Татьяна Петровна, шлю привет и дядино благословение: письмо есть из деревни, да завтра пошлю».

[330] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

[331] 6 сентября 1776.

[332] См.: «В 4 часа по полудни из села Царскаго изволили предпринять отсутствие в Санктпетербург. *Прибытие в Санктпетербург.* По полудни, в исходе 7-го часа, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, с Его Императорским Высочеством и с Ея Светлостью Принцессою, також с находящимися в свите обоего пола персонами, изволила прибыть в Зимний каменный Дворец, в парадном экипаже, который за несколько времени до ВЫСОЧАЙШАГО прибытия, с Дворцовой конюшни пришел за Обухов мост и располагался в порядке близь гвардии Семеновскаго полка, по Царскосельской перспективой. По ВЫСОЧАЙШЕМ прибытии к помянутому экипажу, изволила ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, с Его Императорским Высочеством и с Ея Светлостью Принцессою сесть в карету о восьми стеклах, заложенную цугом. Подле кареты ехал за Шталмейстера Генерал-Майор и кавалер Иван Михайлович Ребиндер, впереди **ка**реты ехали

Князь <Павел Петрович> уж поздно к вечеру изволил провести Великую Княжну <Марию Федоровну> в театр[333]. Представляли русские *Нанину*[334] и петит-пьесу *Говоруна*[335]. Большей балет новоприезжаго балетмейстера Анжиолини[336] и очень хорошая музыка. Вчера, как сказывают, был бал[337], а нынче должно бы брать городок, но с самого утра сильной дождь и пасмурная погода. Великая Княжна очень пригожа и пригожее, кажется, Натальи Алексеевны. Еремеев мой меня водит, как больше быть нельзя: теперь только был у меня подьячий, которой завтра пойдет к нему с инструкцией. Я посылал за ним еще Демку. Ванька по утру нынче был у него и дождаться ответу не мог. Молчит, как бесстыдная статуя, что ему ни говори. И за Николаем стряпчим посылал уже я, но он в Кронштате. К Вагину часто ходит Демка, скоро обещает и говорит уж, что нашел, но будто

верхом 12-ть человек Лейб-Гусаров, с одним их офицером, за ними Унтер-Шталмейстер и 6-ть человек ездовых конюхов, во вседневной ливрее. При въезде на Обухов мост, от котораго дан был сигнал пущенною ракетою, по которому, как с Адмиралтейской, так и с Санктпетербургской крепостей, учинена пушечная пальба, 101 выстрел, и как ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО изволила прибыть ко Дворцу, то изволила иметь въезд внутрь двора к парадному большому крыльцу, где и встречены дежурными госпожами Фрейлинами и господами придворными кавалерами и прочим генералитетом. По выступлении из кареты, от онаго подъезда, по постланному в сенях и по парадной лестнице красному сукну, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, а позади, не много уступя, Его Императорское В ы с о ч е с т в о с Ея Светлостью Принцессою, В предшествии на переди Камер-Фурьера и Гоф-Штаб Квартермейстера, а за ним шел Церемониймейстер, с своим знаком, за которым шли господа придворные кавалеры, и изволили шествовать через парадные покои, и прибыли в придворную церковь, в которую при входе, придворными певчими воспет был стих: *«Благословен грядый во имя Господне».* Между тем, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Е г о В ы с о ч е с т в о изволили подходить к Святому и Животворяшему Кресту, с которым встретил ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Духовник, а потом изволили прикладываться Святым Иконам; в тоже время придворным Протодьяконом возглашено многолетие. Ея же Светлость Принцесса, по входе в церковь, изволила стать близь дверей с знатными персонами» (КФЖ, 1776, С. 545-547).

[333] См.: «<…> Его Высочества и изволили смотреть представленную русскую комедию. По сем, в непродолжительном времени и ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО из Своих внутренних комнат прибыть изволила в Оперный же дом, куда следовала чрез обыкновенные Его Высочества покои и села в свою ложу. Театральное представление кончилось в исходе 10-го часа и изволила ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО отбыть в Свои внутренние покои, також Его Императорское Высочество отбыл с Ея Светлостью в Ея покои, где был и вечерний стол <…>» (КФЖ, 1776, С. 548-549).

[334] «Нанина, или побежденный предрассудок» (1749) — пьеса Вольтера. В 1765 г. ее перевел на русский язык И.Ф. Богданович.

[335] Речь о пьесе Л. Де Буасси «Le Babillard» («Болтун»). В 1765 г. ее «переложил» В.И. Лукин («Пустомеля»).

[336] Анджолини Д.М. Г. (1731–1803) — итальянский балетмейстер, хореограф и композитор; с 1766 г. — руководитель Императорского театра (см. также выше).

[337] См. сообщение КФЖ от 8 сентября 1776 г.: «По полудни, в 6-м часу, в силу учиненных повесток, приезд имели ко Двору, на бал, знатныя обоего пола персоны, також чужестранные Министры, знатное шляхетство и собирались в галлерею, господа же Министры, також и некоторые дамы, проходили в покои Ея Светлости Принцессы для принесения своих поздравлений, которые и представляемы Ея Светлости госпожею Статс-Дамою Ея Сиятельством Графинею Катериною Михайловною Румянцевою, при чем для Министров находился и господин Вице-Канцлер Граф Остерман; по принесении поздравлений, помянутыя персоны проходили в галлерею же» [КФЖ, 1776, с. 558-559].

работы ищут. Завтре пойдут от меня и к Вагину еще, и я попрошу его, не может ли он переслать ситц. Впрочем нижайше прося вас батюшка не отвергать мои просьбы, и желая здравия, остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776 года
Сент.<ября> .8. дня
С<анкт->Петерб<ург>

Извини, матушка сестрица! что писать к тебе некогда. Ah! l'image de votre douleur m'afflige infinement: vous êtes très sensible et qui ne l'est pas? mais il ne faut pas succomber au malheur, à l'abbattentent. Toute jeune, que vous etes, la tristesse usera les forces de votre ame. Une fleur épanouie, ouverte à un vent impétueux, se fane et tombe[338].

К Татьяне Петровне послано от меня письмо братца ее на Ямской почте. Не знаю ли, получили ли?

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 109–110).

<59>[339]
<13.9.1776 г.>++
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Здоровы ли вы батюшка? я еще не получаю вашего писма нынешней недели: но ожидаю сегодня. На прошедшей почте вы изволили упоминать о писме к наместнику <Сиверсу>, посланным с Курьером. Я его не получал и не знаю. С кем вы изволили послать и куда? для того, что я мог бы справиться. Вот уж день, а еще не еду: пашпорт в руках, должен буду ждать, покуда Еремееву угодно. Посылки уже были и по инструкции ходили три раза. В последний и кафтан в котором выезжает, и парик нашил дома. Рапорт вот уж с пятницы, как не подают: подьячий, которому дана инструкция, великой бездельник, перебрал у меня рубль денег и пришел, не доволен тем, с обманами будто кто то из его знакомых берется поймать Еремеева, живучи возле его близко, только бы я дал ему наперед денег. А мне известно, что подьячий сам живет под Невским и может еще вечером дал ему знать убираться, когда ходил к нему с инструкцией. Какое же безстыдство в прозбах? Даже что получается, за етого своего знакомаго обещает дать писмо и заговаривает, что к томуж де скоро нам жалованье выдадут. Можноль открытняе напрашиваться? В другой раз, прежде того, пришел не знаю с какими лясами и обещавши мне горы золотые, мня было еще, говорит, *была нуждица до вас, да грех так и быть; скажу человеку вашему*. Что ж? нуждица в том, чтобы я рубль дал. Я едакого нахальства и не видывал. Призывал и Николая Стряпчаго: спрашивался у него и просил, чтобы он ходил по Магистрату; говорит, что некогда, дела своего много в Адмиралтействе и инде. Нынче просил я и судей, чтоб публиковать через Полицию и припечатать в газетах, при том же послать к нему еще с командой эксекутора обещали, да секретаря, у котораго дело наше, нынче в магистрате не

[338] Перевод: «Ах! Образ вашей боли бесконечно меня печалит: вы очень чувствительны – а кто не таков? Но нельзя поддаваться несчастью, унынию. Как бы вы ни были молоды, печаль изнурит силы вашей души. Расцветший цветок, раскрытый навстречу яростному ветру, вянет и падает».

[339] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

было, а завтре праздник, так отложено до четверга. Третьягодня был у нас маскерад[340], и я с Никитой Романовичем <Рожешниковым> по милости Матрены Дмитриевны <Бастидон> в ее карете ездил. С четыре тысячи билетов выдано было. На канун того брали городок; но Государыня не изволила присутствовать, ниже Великий Князь <Павел Петрович>, а только смотрел князь Григорий Григорьевич <Орлов>. На той неделе во вторник был бал при дворе[341]: Государь открыл его с Герцогиней Курландской[342], которая живет уже в Петербурге, по приказанию Государыни, и Великая Княжна с Князем Александром Алексеевичем Вяземский, потом с Иваном Григорьевичем Чернышевым[343]. Как вы изволите провождать время в Твери? не печальтесь батюшка, и не скучайте, я не знаю, имеетели вы компанию, но дома сидеть еще пуще скука. Я прошу бога усерднейше, чтоб он сохранил ваше драгоценное здравие. Все желание мое, увидеть вас в добром здоровье и удовольствии: естьлиж нельзя так скоро увидеть, хоть услышать. Я прошу вашего родительскаго благословения и с почтеннейшею преданностию остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776 года
Сентября .13. числа
С<анкт->Петербург

Имею честь поздравить вас батюшка с наступающим днем ангела вашего и желаю преп<р>оводить в веселье и удовольствии.

Матушка! сестрица! что ето я от вас нынче и писма не получаю. Etes-vous en bonne santé? où peut-être en colere contre moi? Ah! ma chere soeur! que le ciel propice m'en préserve. Vous m'avez assuré, que vous m'aimez, pourrais-je m'avais trompé? Non: je dois plutôt craindre, que vous ne soyez plongée dans la tristesse. Au nom de Dieu! Faites de votre mieux la consolation de notre cher père: je crains trop pour lui. Demain je vais chez le gouverneur. N'en tirerois je point un mot? Mais quand je vous verrai? C'est ce que je ne sais pas et un chacun, qui me demande, quand est-ce je pars, je réponds, que me voila tout prêt, mais Dieu sait quand. On a apporté de

---

[340] См. сообщение КФЖ от 11 сентября 1776 г.: «В начале седьмаго часа, Его Императорское Высочество с Ея Светлостью Принцессою изволили прибыть к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ во внутренние покои, в маскарадном платье, и побыв несколько следовали в галлерею где и начался маскарад. В 8-мъ часу и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в маскарад прибыть изволила, а потом, в Статс-дамской комнате, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО изволила играть в карты с их Сиятельствами киязем Александром Михайловичем Голицыным и князем Александром Алексеевичем Вяземским <…> Для бывших в маскарад знатных обоего пола персон и придворных кавалеров в столовой комнате был ужин, маскарад продолжался до 4-го часа по полуночи, масок взошло: дворянских 2600, купеческих 600» [КФЖ, 1776, с.571-572].

[341] См. сообщение КФЖ от 10 сентября 1776 г.: «По полудни, в 6-м часу, Его Императорское Высочество с Ея Светлостью Принцессою изволил прибыть к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ во внутренние покои. По сем, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО с Его Высочеством изволила следовать в Эрмитаж, куда приглашены были все госпожи Фрейлины, господа придворные кавалеры, где и начался и бал и продолжался до половины 9-го часа, а потом в Эрмитаже ж был вечерний стол; при столе играла духовая музыка <…>» [КФЖ, 1776, с. 566-567].

[342] Бирон Е.Б. (1743–1780) — дочь князя Б.Г. Юсупова и И.М. Зиновьевой, вторая жена курлядского герцога П. Бирона.

[343] Чернышев И.Г. (1717(1726?)—1797) — генерал-фельдмаршал, в 1769-1797 гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

Mad. de Bastidone une bague pour trois cent Roubles. On travaille déjà les pendants, et même à condition, que s'ils ne vous plairont pas, vous aurez tout droit de les renvoyer <?>. Vendredi passé, les acteurs français ont joué *le Glorieux*[344]. Mes compliments à Tatiane Petrovne. Favori, s'il pouvait parler, vous assurerait avec combien de… C'est assez, il faut que ce soit moi qui vous assure, qu'il voudrait partir pour Twer, s'il est vrai, qu'il est des mes amis. C'est bien dommage, que je ne connais point Bijou, pour lui rendre mes respects. Mais, si je m'en crois; j'ai trop parlé des chiens, en écrivant à ma soeur. Vous me pardonnez si je suis digne du pardon: m'en aimeriez vous moins? Je ne le sais pas. Ma chere soeur[345].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 107–108).

<60>[346]
<15.9.1776 г.>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Имею честь поздравить усерднейше с вашим праздником и желаю препроводить его благополучно и весело; вы изволите писать ко мне, чтоб я, поручивши дело Николаю, под смотрением Федора Михайловича <Колокольцева>, сам ехал в Тверь. Я прежде уведомлял вас, что Николай занят, однако я еще за ним пошел. Я нынче был в Магистрате: Секретарь говорит, что я де слышал партикулярно, что Еремеев сбирает и занимает деньги, чтобы вам заплатить. Етого, кажется, недовольно, я просил, чтобы послать ексекутора, говорит, что не можно. А судья мне обещал прежде. Нотариус, естьли не найдем, кому поручить, обещается сам взять с Еремеева и заплатить наш долг. Сам пятьсот рублей своих хочет покуда дать и остальные перевесть. Не знаю, что делать: уверяет, что у него уж полтары тясячи собрано. Я просил его послать и нынче к нему, он обещал. Так я посмотрю еще и съезжу хоть завтре кое к кому к судье. Вагин уж и дома иногда не показывается. Теперь только Демка пришел с биржи: мы сами ищем, с кем послать. Есть извощики, да из городни, Массальския и прочие соседственные. Вчерашний день было миропомазание величественное, а нынче

[344] «Le Glorieux» – комедия Ф.Н. Детуша, написанная в 1732 г. (Destouches P.N. Le Glorieux. Paris, chez François le Breton, 1732. 118 p.).

[345] Перевод: «Здоровы ли вы? Или, может быть, сердитесь на меня? Ах, моя дорогая сестра! Да избавит меня от этого благосклонное небо. Вы уверяли меня, что любите меня, мог ли я ошибиться? Нет, скорее, я должен бояться, что вы погружены в печаль. Ради Бога! Постарайтесь изо всех сил быть утешением нашему дорогому отцу: я слишком боюсь за него. Завтра я еду к губернатору. Не выужу ли я оттуда хоть словечка? Но когда же я вас увижу? Вот чего я не знаю, и всякому, кто спрашивает меня, когда я уезжаю, я отвечаю, что вот я уже совсем готов, но Бог знает когда. От мадам Бастидон привезли кольцо за триста рублей. Над подвесками уже работают, причём даже с условием, что если они вам не понравятся, у вас будет полное право отослать их обратно <?>. В прошлую пятницу французские актёры играли "Le Glorieux". Мои поклоны Татьяне Петровне. Фавори, если бы он мог говорить, уверил бы вас, с каким… Довольно, пусть уж лучше я сам уверю вас, что он хотел бы отправиться в Тверь, если правда, что он из числа моих друзей. Очень жаль, что я совсем не знаю Бижу, чтобы засвидетельствовать ему моё почтение. Но, если верить самому себе, я слишком много говорил о собаках, когда пишу моей сестре. Вы простите меня, если я достоин прощения: стали бы вы от этого любить меня меньше? Я этого не знаю. Моя дорогая сестра…».

[346] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

в вечеру, в .7. часу обручение[347]. По воскресеньям, сказывают, будут маскерады. Вчерась был я и у Наместника <Сиверса>, спрашивал о вас, скороль я поеду, сказывал, что и сам всякой день сбирается ехать. Я не успел говорить подробно, затем что были люди, и он с женой сбирался во дворец. Михайло Федорович Соймонов едет недели через две в Москву и потом в чужие краи. Я еще на неделю здесь остаюсь и ежели увижу, что мои усилия тщетны, так лучше отправлюсь в дорогу. Я слышал здесь весть, основательную или нет, будто подполковник <Репнин> хочет отчислить сто Сержантов и их оставить при полку, прочих выпустить в армию в Прапорщики. Впрочем желая, милостивой государь батюшко, здоровья и благополучия и прося вашего родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Сентября .15. дня
Санкт-Петерб<ург>

Матушка сестрица! покорно благодарствую за твое послушание: я его не стоил. Я рад и очень рад, что мои желания находят в тебе столь скорого их исполнителя. Одно меня печалит, что ты не весела, естьли хочешь меня уверить, что ты и впрямь меня слушаешься, так ты должна быть весела и утешать батюшку. Я льщусь, что покрайней мере сегодня что нибудь и кто нибудь у вас есть: но ежели ето не так? ета мысль делает во мне уныние. Ты меня упрекаешь, что будто я тебя лишь хвалю. Прости, сударыня, une ame délicate, il est vrai ne sent, que, trop la mesure de la louange et du blame, mais j'ose avancer, que dans le cas où nous en sommes, elle ne se parait assez franche <?>. L'essai de votre traduction, ne manque, que par le peu de patience. Les deux vers du commencement, sont d'une tournure exquise. Je voudrais entrer en lice avec vous, mais le temps me presse < ?> et… jusqu'au revoir. Vous verrez beau jeu[348].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 111–112).

<61>[349] ++
<18.9.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Наконец отправляю я свой обоз, мы уж устали ждать, покуда Вагин сыщет и приискивали сами. Вчерашний день наняли Клинскаго уезда крестьянина Ивана Антропова, которой при пивном обозе, идущем в Москву, отправляется на своей паре в двух розпусках. Мы уговорились с ним за семнатцать рублей с четвертью. Отправлено на одном возу бочка с сахаром, где десять пуд его, коробка с книгами, ящик письменной, в нем книги, а наверху две штуки батисту, одна штука камертуху и ситц. В перегородке тут, в

[347] См. сообщения КФЖ от 14 и 15 сентября 1776 г.: *«В Среду,* день Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста, в который над Ея Светлостью Принцессою совершалось Святое Миропомазание. <…> День обручения Его Императорскаго Высочества с Благоверною Княжною» [КФЖ, 1776, с. 578].

[348] Перевод: «Прости, сударыня: тонкая душа, это правда, слишком хорошо чувствует меру похвалы и порицания; но я осмелюсь сказать, что в нашем положении она кажется мне ещё недостаточно откровенной. Ваш опыт перевода грешит только недостатком терпения. Первые два стиха построены с редким изяществом. Я хотел бы потягаться с вами, но время меня торопит — до свидания. Вы ещё увидите хорошую игру».

[349] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

нижнем ящичке, ключи от серебряного сундука, от сундука большаго с книгами, а от него ключ в ящичке Камеры обскура в углу под картинами. Ящик же сам обернут в мешок и сзади бочки с сахаром привязан. На другом возу серебряный сундук, от котораго ключ, как прежде упомянуто, в письменном сундучке, сундук большой с книгами, от которого ключ также в письменном сундучке, потом ящик с кофем, миндалем и русским черносливом и еще другой ящичек с французским черносливом. В большом сундуке с книгами, поставлен маленькой дощаной ящичек, где масло прованское, каперсы, оливки и баночка анчоусов. Притом же моя кровать, лукашкин ящик, пашпорт извощиков прилагается при сем писме. А для предосторожности взял я при обозе отставного солдата Афанасья Разторгуева, которой отпущен к своему барину Марку Федоровичу Полторацкому и которой будет подателем сего писма. Ему бы надобно было только до Торжка, Николай нам его представил, и мы обещали, что вы изволите его отправить на его место. Нынешний четверг было при дворе обручение Великой Княжны <Марии Федоровны> и ввечеру бал[350]. Впрочем прося вашего родительскаго благословения и желая здравия и благополучия, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Сентября .18. дня
Санкт-Петерб<ург>

Матушка сестрица! Желаю тебя увидеть в добром здоровье поскорее и вот задаток своего приезду. Как то будешь ты разбираться в моих книгах. Ты разсердишься, что ненайдешь еще всех книг, которых бы хотела. Прости сударыня, у меня еще их осталось десятков шесть.

Розпись

отправляющагося с клинским крестьянином, извощиком Иваном Антроповым в город Тверь екипажу действительнаго Статскаго советника и Тверскаго Наместничества Палаты гражданских дел Председателя, Никиты Артемоновича Муравьева, с отставным солдатом Афанасьем Разторгуевым

1. Сундук большой с книгами,
2. Сундук окованой с домовою посудою,
3. Сундучок с книгами и писменными делами,
4. Бочка с сахаром,
5. Коробка с книгами,
6. Ящик с черносливом и кофеем долгой
7. Еще ящик с черносливом
8. Ящик с платьем,
9. Ящичек маленкой с зеркалом,

---

[350] См. сообщения КФЖ от 17 сентября 1776 г.: «По полудни в 6-мъ часу, Их Императорския Высочества изволили прибыть к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ во| внутренние покои, откуда ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО с Их Высочествами изволила проходить в Эрмитаж, куда приглашены были вс госпожи Фрейлины, також из Девичьяго монастыря Некоторыя Девицы, а господа кавалеры, которые обыкновенно приезд имеют и собираются в кавалерскую комнату, то и

проходили в Эрмитаж.

По ВЫСОЧАЙШЕМЪ прибытии в Эрмитаж <…> начался бал» [КФЖ, 1776, с. 579-580].

10. Железная кровать

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 113–114).

<62> ++
<20.9.1776 г.>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешний день получил я с величайшим удовольствием ваше милостивое от .14. числа писмо. С начала онаго изъясняться изволите, что ваше огорчение вас менее трогает, я это слышу с величайшею радостью, естьли прямо так. Но к чему хотеть, чтоб я его незнал или, как вы изволите говорить, что сожалеете, что напрасно ко мне писали? Может ли быть ето напрасно и должен ли я не брать живейшего участия во всем том, что вас и следовательно нас касается? Мое желание есть, как можно скорее вас увидеть и иметь щастие говорить изустно. Я думаю, что я и не замедлюсь. Писмо к Федору Михайловичу <Колокольцеву> отнесу я завтре, чтобы слышать наперед его отзыв. Он уж и прежде хотел поговорить с Секретарем. Естьли уж возьмется, так я не знаю, надобноль будет относить другое писмо к Сергею Александровичу <Хотяинцеву> потому, что они оба равносильны и одинаковы. Сергей Александрович <Хотяинцев> во все время, недели с четыре, был нездоров. Подполковник наш <Репнин> вчера был в Школе, а Сергей Александрович <Хотяинцев> не выходил, вместо котораго был <Е.Ф.> Кудрявцов. У меня брался было Нотариус Десятильников справить с Еремеева и давал наперед своих денег .500. рублей, которые бы взнесть в число нашего долга Кургановскому. Я не знаю не сомнительно ли ето, а то можно было и так сделать. Обо всем этом поговорю я с Федором Михайловичем <Колокольцевым>. Бракосочетание великого Князя <Павла Петровича>, как слышно, будет 26 числа, что уже, как думаю, вам известно. Миропомазание было 14 числа, а обручение 15. Никита Романович <Рожешников> на нынешней неделе едет в Олонец, а оттуда в Сибирь и в конце мая месяца будущаго года в Немецкую землю. Ныне при дворе бал[351]. Николай Александрович <Львов> на сих днях поедет в Париж, Мадрид и Лондон[352]. Впрочем с усерднейшею моею преданностью прося вашего родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшко!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года

---

[351] См. сообщения КФЖ от 20 сентября 1776 г.: «По полудни, в обыкновенное время, имели приезд ко Двору знатныя обоего пола персоны, тако-ж чужестранные Министры, знатное шляхетство, на бал, и собирались в галлерею» [КФЖ, 1776, с. 595].

[352] См. об этом: «Не менее влиятельным был другой родственник юного поэта — Петр Васильевич Бакунин Меньшой, занимавший видное положение в Коллегии иностранных дел. По его протекции Н. А. Львов состоял с 29 марта 1773 года курьером при этом ведомстве, известно о доставлении им пакетов в Германию, Данию, Польшу. 12 июня 1775 года Н. А. Львов покидает службу в гвардии в чине армии капитана и через год поступает в Коллегию иностранных дел, как значилось в аттестате, «в рассуждении знания его италианского, французского и немецкого языков... для употребления его на оных языках в переводах и других делах». В конце октября 1776 года поэт был послан с депешами в Лондон, Мадрид и Париж. На обратном пути во французской столице в феврале 1777 года он встретился с М. Ф. Соймоновым, отправленным Екатериной II за границу на лечение, и сопровождавшим его И. И. Хемницером» [Лаппо-Данилевский, 1994. С. 9].

Сентября .20. дня
Санкт-Петерб<ург>

Обоз с серебром, с книгами, с сахаром, кофеем, черносливом и пр., также ситц, батист, камертух отправил я .17. числа с клинским извощиком Иваном Антроповым. Для лучшей безопасности взял я отставного солдата, которой отпущен к своему барину Марку Федоровичу Полторацкому, имянем Афанасья Разторгуева. Уговоренность у нас было прежде за .17. рубл. с четвертью, но как все положили на возы, таку сказал, что он не поедет, ежели не дадим .18. руб. Мы хотя и торговались, однако цены не сбавили.

Матушка сестрица! ты что-то такое написала, что меня frappe d'effroi. Il faut que je relise votre écriture: *Je ne prévois rien dans l'avenir, qui me puisse flatter <?>. Voila quel est mon état! Je ne puis me persuader même que je vous revoie Dieu! est état est affreux. Vous portez vous bien?* — Je ne désire rien autant, que de vous revoir le plus vite, que je puis, et après cela vous me pouvez dire: не печалься, ежели ты меня любишь. Adieu, ma chere! Quand pourrois-je dire: здравствуй. Je vous souhaitez de me voir, ayez soin de votre santé, de celle de notre cher père, de la tranquillité commune. Adieu ma chere[353]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 117–118).

<63>[354] +
<22.11.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Здоровы ли вы батюшка и веселы ли; а я, слава Богу, и здоров и весел и в Москве: я приехал сюда нынешний день по утру, то есть во вторник: а не так, как думали в понедельник. Стал теперь у Петра Семеновича <Муравьева>, которым я чрез чур доволен. Приехал я по утру в шестом часу в исходе и стал в Тверской Ямской на постоялом дворе; там немножко обогрелся, причесался и послал Ваньку на двор, проведать встал <ли> Петр Семенович <Муравьев>. Туда ко мне пришел и Ванька долгой, и я со всем домом поднялся. Приехал: Петр Семенович <Муравьев> убирался ехать в собор на Панихиде царской и принял меня так ласково, как больше быть не льзя: отвел мне маленькую горницу, где у него Кабинет был; не ту где я жил, а ту, что прямо из столовой. Я послал между тем к священнику Божедомскому Ваньку Долгаго. Священника дома не было и обедню не служили: через то был я принужден, отложить сие до завтряго. Убрался и пошел в Университет. Нашел его, кое-как. Какие ето переулки! самая большая улица Никитская, такими кривулинами: однако все что то придает величественной и Руской, больно руской вид или уж потому, то что Москва. Вошел в Университет, и как то мы с Ванькой попали не туда. Через большую Аудиторию, где бывают собрания, да на верх: тут какой то Профессор читал. Вошел в классы. Мне показалось, хлевы. Вот что зделал Петербург: прежде мне казался Университет примером великолепных зданий, а теперь не множко, но меньше.

---

[353] Перевод: «Матушка сестрица! Ты написала что-то такое, что меня пугает до ужаса. Мне нужно ещё раз перечитать твоё письмо: я не вижу впереди ничего, что могло бы меня обнадёжить. Вот в каком я состоянии! Я даже не могу убедить себя, что снова тебя увижу. Боже, это ужасное состояние. Здорова ли ты? Ничего я так не желаю, как увидеть тебя снова как можно скорее; и тогда ты сможешь сказать мне: «Не печалься, ежели ты меня любишь». Прощай, моя дорогая! Когда же я смогу сказать: «Здравствуй»? Я только и желаю, чтобы ты меня увидела; береги своё здоровье, здоровье нашего дорогого отца и общий покой. Прощай, моя дорогая».

[354] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

Учители все незнакомые: дошел до <Ф.> Гелтергофа[355]; старик меня не узнал, сказался ему, он чуть чуть помнит, говорит, что старится и забывается, сажал меня и говорил очень с великим удовольствием, хвалил, что будто я хорошо говорю по Немецки. Каково ж ето от древняго учителя. Оттуда пробрался к Профессору Росту[356] в Аудиторию и слушал его лекцию до звонка. Он просил меня, естли хочу продолжать ходить к себе. Он говорил об архитектуре. От него прошел я к Барсову[357]. Тот было меня не узнал, а прочетши писмо, очень ласково принял и говорил очень хорошо. Я им доволен. Посидевши у него с час, да на Астоженку <так. – А.И.>. Там я не застал Федосьи Алекс.[358]: она в деревне. Оттуда к Анисиму Титовичу <Князеву>: его дома не было; так я остался у Арины Афонасьевны[359], и та, было, не узнала. У ней обедал. А теперь думаю ехать к Василью Ивановичу Майкову. Не знаю, застану ли. Здесь извощики, не как в Петербурге. Естьли мало, так для ради Христа просят. Я прошу вас, милостивой государь батюшка не скучать и не печалиться: естьли мне все дни будут таковы, как и нынче так я очень весел.

Сестрица матушка, голубушка пожалуй не скучай и веселись, затем, что я весел. Я не знаю разберете ли вы сие писмо: у меня в горнице столика нет, так пишу на постеле.

Татьяна Петровна голубушка будь весела и других весели.

Я прошу бога, чтоб дал вам всем здравие и благополучие, как мне и более и заключаю, прося, батюшка, вашего отеческого благословения

ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Нояб<ря> .22. ч.<исла>

На место Лунина[360] президентом в вотчинную Коллегию Михайло Михайлович Салтыков[361].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 1–2).

<64>[362] +
<24.11.1776>
Милостивой государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Нижайше благодарствую за ваше милостивое писание которое я получил вчерашний день исправно. Я слава Богу здоров. Делать, еще ничего не делал, а все разъезжаю. Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василью Ивановичу Майкову, которой приказывает вам свое почтение. Он меня принял по прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич

---

[355] Гельтергоф Ф. (1711-1805) – экстраординарный профессор немецкого языка и словесности в Императорском Московском университете (с 1763 г.). До этого работал в казанской гимназии, где одним из его учеников был Г.Р. Державин.

[356] Рост И.А. (1726–1791) — профессор Московского университета, специалист по математике и физике.

[357] Барсов Антон Алексеевич (1730–1792) — ученый, лингвист, переводчик, профессор Московского университета.

[358] Федосья Алексеевна — родственница Муравьевых (см.: [Письма, с. 363]).

[359] Московская знакомая Муравьевых (см.: [Письма, с. 352]).

[360] Лунин М.К. (1712–1776) — русский государственный деятель, тайный советник, в 1760–1776 гг. — президент Вотчинной коллегии

[361] Приписка на адресе: Иван Петрович будет стоять за Яузой рекой в доме Князя <нрзб>.

[362] Адрес: «Его Превосходительству, действительному Статскому советнику и Тверского наместничества палаты гражданских дел председателю, Никите Артемоновичу Муравьеву, в Твери».

Волков[363], которые сбирались тогда в Клоб, котораго Василий Иванович Майков директором. Он же заводит Концерт. Ночью, так уж, перед утром, я сплю, стучатся, говорят Захар Матвеевич <Муравьев> приехал. Он из Суздали, батюшкою своим <М.А. Муравьевым мл.>, для некоторых покупок, на неделю места сюда отправлен и с неделю, а может быть и более, здесь проживает. Стать со мною вместе, показалось мне, что будет много требовать от Петра Семеновича <Муравьева>, да и он же от батюшки к одному знакомому адресован, где он и стал. То утро был я на гробе у матушки и служил обедню. Священник приказывает вам свой поклон. Спрашивал, где вы теперь и как живете. Оттуда поехал было я к Петру Алексеевичу Протопоп<ов>у за Москву реку; да его дома не застал. От него к Василью Ивановичу <Майкову> обедать: у него застал Десницкого[364] и Афонина[365], профессоров, которых он заставил, одного живущаго с ним офицера, читать перевод своих *Превращений*[366]. Весь вчерашний день провели мы в чтении, и я читал после Василью Ивановичу <Майкову> несколько из своей трагедии <«Болеслав»>, и он просил меня еще приехать с нею. По утру нынче ето праздник. Я пошел к Владыкину Алексею Алексеевичу[367], у котораго дочь имянинница, а он не здоров. Он был очень рад: вы его изволите знать, так и представить можете его разсуждения. Он советует дом продать, для того, что много земли отходит: а починить дескать кровлю, только стоит, что-нибудь сунуть капитану полицейскому. Он всю полицию честит и бог знает как! От него поехал я к <М.М.> Хераскову, котораго приемом я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стишки к нему[368], которые у меня видал, разспрашивал у меня, что я делаю, разговаривал и разсуждал со мною с такою ласкою и кажется откровенностию, что я довольно благодарить не могу. Просил меня к себе отобедать: уж в приезд мой, в самой тот же день, как я приехал, знал через Афонина, которому, видно, сказывал Антон Алексеевич <Барсов>. Обедал я нынче у хозяина. Вот моя история: простите меня, что я не успел искупить блесток. Завтре неотменно. Сестрица будет на меня гневаться, признаться, я не забыл, однако заездился. Купца, нашего соседа призывал, он приходил и разсказывал цены, как блесток, так и канители, но сам покупать, за недостатком времяни, отказался. Блестки по 40 коп. золотн. а канители по 37 к. Мату он совсем не знает и не слыхал. Не крученое ли золото? Фол<ь>ги также он, почему покупается, не знает. Маскерады здесь не начались, а театр закрыт. Нынче <М.М.> Херасков сказывал, что он откроется .11. числа декабря его оперетою, и после представят *Мстислава*[369] и закроют опять. Я покорно прошу, батюшко, быть веселыми, а я, слава богу, весел, я спешу на почту. Дмитрию Васильевичу свидетельствую почтение. Впрочем, желаю здравия и благополучия вам остаюсь на всегда

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года

---

[363] Волков Аполлон Андреевич (1739–1806) — военный и государственный деятель, генерал-поручик, сенатор, брат Александра Андреевича Волкова и Анны Андреевны Муравьевой (урожд. Волковой).

[364] Десницкий С.Е. (1740–1789) — профессор Московского университета, юрист.

[365] Афонин Матвей Иванович (1739-1810) — профессор натуральной истории и земледелия Московского университета; в 1777 г. вынужден был из-за слабого здоровья оставить преподавание и поступить на службу секретарем Зорича; подробнее см.: [Письма, с. 372].

[366] [Овидий].

[367] Владыкин А.А. (1718–1788) — помещик, учился в Шляхетском сухопутном кадетском корпусе (1732–1740), известен по переписке с А.Т. Болотовым.

[368] Возможно, имеется в виду стихотворение Муравьева «На «Чесмесский бой» [Муравьев, 1967, с. 129].

[369] «Мстислав» — последняя трагедия А.П. Сумарокова, премьера которой состоялась в 1774 г.

Ноября .24. дня
Москва

Матушка сестрица! будь, пожалуй, весела, когда ты меня любишь. Я думаю, что нынче же буду у Ридигера[370] и о твоем переводе уговорюсь с ним[371]. Голубушка, ты меня любишь, так, что я тебя еще более люблю. Матушка будь весела и не столько чувствительна или будь. Я не должен тебя учить: aimez-moi seulement et me corrigez. Je suis toujours un freluquet, я шалун, а ты уж нет[372]. Матушка прощай. Татьяна Петровна, благодарствую за твое, голубушка, приписание: Шорт здесь. Будь весела. Фавушке, Судьбинскому сыну Таратурушки <?>. Я завтре буду обедать у <В.И.> Майкова, а послезавтре у <М.М.> Хераскова, а блестки пожалуйте погодите.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 3–4).

<65> +
<28.11.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Нижайше благодарствую за ваше милостивое писание, которое я нынешний день получил от Ивана Петровича Чадаева: я не успел еще с ним видеться, завтре <…>[373] у него буду. Он живет за Яузой у брата: с ним отправлю я блестки и прочее, которое хотел было нынче послать на почте. Нынешний день, обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьяго дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего *Болеслава*[374] и переводных *Елегий* Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович <Майков>, в стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Елегии мои ему очень нравятся, и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, котораго он не любит. Завтре ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою *Руссиаду* <так! – А.И.>, Епическую поему, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенатцать. Он ее четыре года уже делает. А недели через две последует в Петербург. Нашего Петербургскаго поверенного зовут Григорьем Кирилловичем Травинкиным; он Капитан при учрежденной при дворце Коммиссии о Коммерции, в должности ексекутора. К Лукашке в Суздаль и Макурово уже я писал: думаю, что Макуровския будут будущее воскресенье: вчерась Ванька долгой и Гараска выходили в Таганку, но наших мужиков не было, а были их соседы, что с ними через поле. Я уже говорил <А.А.> Барсову с начала, чтобы мне хотелось представить их обществу маленкое сочинение, и он говорит, что с охотою примут. Я выжидаю времени, покуда мой опыт более возрастет, чтобы предложить и о прочем[375] уже и возпользоваться силою <В.И.> Майкова и <М.М.> Хераскова. Впрочем и <А.А.> Барсов ко мне очень благосклонен. Я думаю, где напечатать маленькое собрание од и пр. К дядюшке Дмитрию Васильевичу[376] я ездил, и он

[370] Видимо, речь идет о Христиане Ридигере, переплетчике и книгопродавце книжной лавки при Московском университете.

[371] О каком переводе идет речь, пока не ясно. Возможно, Ф.Н. Муравьева последовала совету брата и попробовала перевести какие-то сцены из «Альзиры» Вольтера (см. письмо <56>).

[372] Перевод: «Не мне тебя учить: люби меня только и поправляй. Я всё ещё мальчишка и шалун, а ты уже нет».

[373] Край листа поврежден.

[374] Неоконченная трагедия М.Н. Муравьева (о ней см. выше).

[375] Край листа надорван: не ясно, есть ли слово в начале строки, видимо, нет.

[376] Камынин Дмитрий Васильевич (1740-1807) – чиновник тверского земского суда [Письма, с. 370].

разспрашивал меня о Тверских обстоятельствах; проговаривал, *не лучше бы было Дмитрию Васильевичу поехать в Калугу, а не то де, так уж и я стар, чтобы и в отставку итти*. Вот что я от Василья Дмитриевича[377] слышал, я к нему еще заеду с писмами. Михайло Никитич очень ласково со мной поговорил и приказал мне еще перед отъездом побывать, чтобы поговорить о вас. Он готовит фейерверк: при открытии будет театр и <нрзб>, <нрзб>. Петр Семенович <Муравьев> проговаривал, *не продадите ли вы дому и за сколько*. *Батюшка*, говорил он, *изволил ко мне писать о том, да я спрашивал у него цены, а он на меня полагался*. Таким де образом я и не мог подробно знать. Когда изволите приказать, батюшка, чтобы я был: я всегда готов. Покорно прошу вас батюшка, чтоб вы не изволили скучать, а естли вам скучно, прикажите, чтобы я был. Впрочем, желаю от сердца моего вам здравия и благополучия, прошу вашего родительскаго благословения и остаюсь навсегда

Милостивой государь батюшка
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Ноября .28. дня
Москва

Матушка, голубушка сестрица! голубушка, je baise ta main, je prens ta lettre, car je mets la plume à côté <?>[378] sur la table... je la baise, ta lettre. C'est toi qui <…> et je t'aime матушка. Что ж я тебя новенькое напишу? Что я завтре буду читать *Руссиаду*; это я писал. Мих<аил> Матвеевич <Херасков> требует, чтобы я сказал свое мнение, как он мне свое, je defere, dit-il, trop aux <?> jugements des jeunes gens. Я обедал у них с Елисаветой Васильевной[379]: c'est sa femme, qui est aussi <нрзб> et on raisonna serieusement à la table, et sur quoi < ?> donc? sur *Semire*[380]. A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur Semire, il l'analyse, il faut <?> voir les beautes de la Tragédie et quelques défauts[381]. <нрзб> Характер Оскольдов, по Волтерову не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могши спасть жизнь свою унижением перед <нрзб>, лучше хочет умереть нежели пасть перед <…> а после, хочет избавление свое из темницы <…>, подлости, обману и любви сестриной. Я не <…> но купил последнюю Волтерову Трагедию *Les Loix de Minos ou Asterie*. Слабехонька! Она делана в 1773. Я тебе купил блесток № 3 <нрзб> по 110 к. лот[382], еще блесток №2 два лота, потомуж, бить два золотника 60 к. фолги, такой как знаешь, пять

---

[377] Вероятно, Камынин Василий Дмитриевич (1713-1797) – отец Д.В. Камынина.

[378] Лист надорван. Чтения предположительные; далее подобные пропуски указываем в тексте в угловых скобках.

[379] Хераскова Е.В. (1737–1809) — русская поэтесса, жена М.М. Хераскова.

[380] «Семира» — трагедия А.П. Сумарокова (представлена в 1751 г.).

[381] Перевод: «Матушка, голубушка сестрица! Голубушка, целую твою руку, беру твое письмо, кладу перо в сторону на стол… и целую его, твое письмо. Это ты, которая <…>, и я люблю тебя, матушка. Что же новенького мне тебе написать? То, что завтра я буду читать «Россиаду», – это я уже писал. Михаил Матвеевич Херасков требует, чтобы я высказал свое мнение, как и он мне свое; «я, – говорит он, – слишком считаюсь с суждениями молодых людей». Я обедал у них с Елизаветой Васильевной <Херасковой>, его женой, которая тоже <нрзб>; и за столом мы серьезно рассуждали – о чем же? о «Семире». Кстати, Вольтер сделал критические замечания к «Семире», разбирает ее; надо видеть красоты этой трагедии и некоторые ее недостатки».

[382] Лот – вес, составляющий 3 золотника, 12,79725 г.

листов по 120 к. лист. Мату[383] 2 золотн.<ика>[384] по 110 к. и канители тож золотн.<ик> Du tard еще не купил, а куплю я тюк сена и овса и дров и <…>. Mais ne vous ennuyez pas[385]. Татьяне Петровне поклон, Зах<ар> Матв<еевич> <Муравьев> хочет прискакать в Тверь вас катать. У него лошадей тьма.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 5–6).

<66>+
<1.12.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Как вы изволите жить и весело ли вам? Я с приезду моего получил от вас токмо два писма. Одно по почте, другое с Иваном Петровичем Чаадаевым, котораго вчерашний день я обедал. Захар Матвеевич <Муравьев>, нынешний день, поехал в Суздаль. А я нынче весь день сбираюсь и никуда не еду. Третьягодня в вечеру был у <М.М.> Хераскова и прочел четыре песни его *Руссиады*. Вот моя история. Лукашка еще небывал, и мужики также: как изволите приказать, дожидаться ли их или нет? Сестрице я уже все искупил, блестки, канитель, мат, фольгу, бить[386], всего на .19. руб. 34 к. Следовательно для покупки медвежат останется не много. А я сколько справлялся о них, так вот что знаю: самыя малыя, то есть такия, у которых уж ось есть по три и по четыре рубли, но собрать их вдруг негде, а разве порознь и по маленьку. А муравлят[387] таких которые по больше, рублей по пяти или и больше так те тяжеле. Не отменно рублей пятьдесят надобно. Зделайте милость, батюшка, и уведомьте меня о себе: я здесь новаго ничего не знаю и хотел бы поскоряе вас увидеть. При сем свидетельствую мое почтение милостивому государю моему Дмитрию Васильевичу <Камынину>. Сестрицын перевод отдал Ридигеру, которой он взял печатать: ему также хочу я отдать и свое маленькое собрание. Милостивой государь батюшка, я хотел бы что нибудь такое написать, чтобы засвидетельствовало вам мое нижайшее почтение и любовь, но я столько полагаюсь на вашу милость, что и сомневаться в оной боюся: не отнимите от меня вашей драгоценной милости. Я не знаю, чем бы я мог вам угодить и нахожу себя не зная что то не полезным. Напишите мне долг мой. Я с нетерпеливостию ожидаю писма вашего. Для меня Москва пуста. Никаких публичных увеселений здесь нет: покрайней мере я нигде не слыхал. Клоп здесь есть: да в него впускаются только записные[388], также и Концерт. Театр откроется .11. числа. Впрочем прося вашего отеческаго благословения, желаю вам сердцем моим здравия и благополучия, остаюсь на век мой

Милостивой Государь батюшка
Ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев.

1776. года
Декабря .1. дня
Москва

[383] Мат — мутная гладь, затих, туск в работе, особой золотой и серебряной [Даль, т. 2, стлб. 799].

[384] Золотник — мера веса.

[385] Перевод: «Но не скучайте».

[386] Бить — тонкая расплющенная золотая или серебряная проволока, употребляемая в золотошвейном производстве.

[387] Муравлять, муравить, муравиться — покрывать муравою, глазурью.

[388] Члены престижного московского Английского клуба, о котором здесь идет речь, избирались голосованием.

Ето место[389] принадлежит Татьяне Петровне. Здраствуй, матушка. Шорт тебе кланяется: представь, что он едет теперь и трясется на кибитке. Хочет приехать в Тверь из подтишка на бегунах. У него лошадей пропасть: и всякой лошади по имяни. Хочет тебя катать по реке. Ето он написать приказал, а что вывалит, того писать не приказал. Прощай

Матушка сестрица: я хотел бы с тобою теперь поговорить, а ты не знаю, хочешь ли. Я знаю, что ты меня любишь. Твое чувствительное сердце провожало слезами брата твоего; так конечно оно его и дождется. J'ai donné un rouble et demi pour une tabatière <?> du rouge. Je ne sais s'il est bon ou non. J'ai oublié le quel est le meilleur celui dans les tabatières, ou dans les pots. Le marchand du moins m'a assuré, que la tabatière est d'yvoire qu'il la fait venir de France. Je n'en sais rien[390]. Десертныя ножи мне велено купить: какие? ведь не серебро, у меня теперь всех денег .11. roubl. с копейки. Ужасно хочется купить кое-какие книжки; да не на что. Ну! сударыня, я читал *Руссиаду*. Сюжет ее, завоевание Казани Иоанном Вторым, писано очень хорошо; но я еще ее не дочитал, мы с ним попеременно читали. C'est un homme de grand merite: je lui fais obligé infinement. Je sais, que vous vous vegonierez, ma chere soeur, quand vous saurez quelque chose, qui me rejouisse… Теперь со мной говорит Ермила, так не удивись, что я колоброжу. Просится домой и рассказывает, как он с бабой шел дорогой, с Полькой, и будто она его принудила за муж себя взять. Я взял у Михайла Матвеевича <Хераскова> одну новую епическую поему La Louiseide какого-то Ле Жено[391]. Да какой вздор! <М.М.> Хераск<ов> говорит, что он ее для смеху читает и второй песни прочесть не мог. Я несколько стихов тебе из ней напишу, чтоб ты посмеялась. Вот как он зачинает:

Je chante un Roi pieux, qui voulant affranchir
Le sol, que de son sang, un Dieu daigna rougir
Alla braver, d'un coeur saintement héroïque,
La rigeur des tyrans et le <!> ciel d'Afrique.
On trembla sous son bras, son bras porta des fers;
Le barbare, interdit, respecta ses revers;
Sa vertu subjugua les ames inhumaines,
Des mortels assez vils, pour le charger de chaines.
Descends, guide ma main, saint objet de mes chants!
Tout don nous vient du ciel, dont tu parcours les champs.

– –

Dans l'art de s'égorger, quoique ses noirs progrès
Lui fassent mépriser, l'antique effet des traits;
Assez d'horreur, pourtant, des batailles navales
Accompagnoit dès lors les couronnes fatales.
A travers la noirceur de fumeux tourbillons
Que la flamme en furie ouvre en rouges sillons,
Sans doute on n'eut point vu deux vastes forts mobiles,

[389] Рукой Муравьева очерчен прямоугольник.

[390] Перевод: «Я заплатил полтора рубля за одну табатерку <?> с румянами. Не знаю, хороши они или нет. Я забыл, что лучше: те, что в табатерках, или те, что в горшочках. Но торговец уверял меня, что эта табатерка из слоновой кости и что он привозит её из Франции. Я ничего об этом не знаю». «Табатерка» – форма, которая была распространена в XVIII-XIX вв., означала то же, что и «табакерка»: небольшая коробочка, преимущественно для табака.

[391] Клод Младший (Claude Le Jeune, 1528–1600) — французский поэт и композитор.

De tonnerres d’airain battre leurs flancs débiles[392].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 7–8).

<67>+
<2.12.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Вот я и еще пишу к вам на етой неделе: я не знаю, не поздноли писмо ето придет следующаго моего; но я думаю, что нет. Ети мужики везут к вам в Тверь девку и встретились на дороге с теми, которым отдано писмо от меня в Макурово для собрания оброка. Вчерась или третьяго дня конечно ужо оно получено. Нынешний день был я у Михайла Никитича Кречетникова[393]. Тут никак проговаривали, что к 14 числу нынешнего месяца поедет в Калугу. Там видел и Василья Васильевича Рогачева, которой мне от вас кланялся. При мне приносили трон, которой еще делают, замки покупают, разчерчивают Театр. Николай Сергеевич Титов[394] из Калуги прискакал вчерась. У них там соляной магазин преобращается в театр и разположен на пятнатцати саженях. Мих.<аил> Ник.<олаевич Кречетников> просил отписать к вам, что будто ему самому неловко отписать, что он чрезмерно сожалеет, не будучи в состоянии вам зделать помочь. *Естьли бы да не было это в наместничестве Якова Ефимовича <Сиверса>: так бы еще другое дело. <нрзб> де батюшкин такой, что мне надобно докладывать Государыне; а Государыня изволит, чтоб мы сносились друг с другом и по общему согласью, а я де и так слышу, что Як<ов> Еф<имович> <Сиверс> на меня негодует, что я так много перевожу к себе. С моей стороны советую, де, батюшке, под каким нибудь предтекстом съездить в Петербург и мимоездом, что уже последнее дело, еще поговорить с Як<овом> Еф<имовичем> <Сиверсом>. А теперь де открываться будет Псковское Наместничество, где Виц Губернатора нет еще*. Вот что я упомню, собственные слова Михайла Никитича <Кречетникова>. Петр Семенович <Муравьев> приносит вам свое почтение. Татьяна Никитишна Нащокина кланяется Дмитрию Васильевичу <Камынину>. Вы, батюшка сударь, здоровы ли и веселы ли: я уж давненько писем от вас не имею: кроме двух, одно по почте, другое с Иваном Петровичем <Чаадаевым>, других не получал.

Впрочем желая от всего моего сердца здравия и благополучия и прося вашего родительскаго благословения, остаюсь навсегда

Милостивой Государь мой батюшка
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Декаб<ря> .2. Дня
Москва

---

[392] Строки из поэмы «La Louiseide. Ou, Le Héros Chrétien» [Claude Le Jeune, vol. 1, p. 3, 65].

[393] Кречетников М.Н. (1723-1793) — русский военный и государственный деятель, в 1778 г. — генерал-губернатор Калужского, Тульского и Рязанского наместничеств; см. также: [Топоров, 3, с. 251-252].

[394] Титов Николай Сергеевич – офицер (служил в Семеновском полку, в 1766 г. вышел в отставку полковником) и поэт. В 1765 г. организовал театр на Яузе в Москве, однако просуществовал он недолго и из-за долгов прекратил свое существование уже в 1769 г. В 1775 г. Титов был назначен советником в Уголовную палату Тверского наместничества, а в 1776 г. был переведен на ту же должность в Калужское наместничество [Кукушкина, Сазонова].

Матушка Сестрица! Я виноват, блесток не посылаю с мужиком. Я думаю, что он проедет медлительно. Да уж при том я просил Ивана Петровича <Чаадаева>, так показалось не кстати послать с другими. А Иван Петр<ович> <Чаадаев> едет в воскресенье. Будь весела, матушка, и своим весельем делай веселыми других.

Татьяна Петровна, здравствуй. Мы теперь спрашиваем у Гараски, узнала ли его племянница его, которую он называет сестрой, *нет ничего*, говорит, *что и племянница*. *Почему я знаю?* – ответствует Гараска. Как же? — *да она не говорит, потупивши главу, глазами нос свой зрит*. У Гараски бурого мерина только выпустили на старости в поле, так и сломал медведь. А коняшка, по-нашему жеребчик, умер. Пегую лошадь, как продавали, повели с двора, так заплакала. А как брата его в солдаты повели, так игрень[395] три раза чихнул и заметили, что не примут: так и сбылось.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 9–10).

<68>+
<4.12.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Я только что хотел приносить мои жалобы, что вы изволили меня оставить уведомлением, как вдруг получил от вас писмо, которое меня наполнило радости и отдало спокойствие. Как могу я возблагодарить за ваше более нежели отеческое обо мне попечение? С Петром Семеновичем <Муравьевым> о доме говорить не премину. Его теперь дома нет и дома во весь день не будет, я поехал по Варварам[396]. Я думаю, что не ошибусь, когда воображу, что сестрица покрайней мере теперь только или поехала к Варваре Алексеевне, или окончила свой туалет. Вот уж первой час в начале, а я еще не еду обедать, а хочется быть у Михайлы Матвеевича <Хераскова>. При сем вы изволите получить мои покупки или, лучше сказать, при них писмо. У тетушки Дмитрия Васильевича <Камынина> я уж был, и к нему привезу писмо. Третьяго дня поехали отсюда два Макуровския мужика с девкою: с ними мне покупок послать не вздумалось, за тем что уж просил Ивана Петровича <Чаадаева>. Сколько чего куплено, вы уж прежде знать изволите. А именно блесток по больше 3-го № куплено, .4. лота, а лот по 110 к., блесток № 8 взято .2. лота, та ж цена, мату золотого .2. лота цена та ж. Канители лот. Также нити золотой .2. золотника .14. к. Серебряной две ж 60 к. да Александре Алексеевне Бахмеевой на рубль целой лот золотой нити. Фольги пять листов по .120. к. лист и того .6. руб. Также сестрице румяны, Татьяне Петровне ножницы. Вот и все. Вчерашний день, паче чаяния моего, по представлению единственно Антона Алексеевича <Барсова>, которым я так доволен как больше быть нельзя, принят я членом Вольного российского собрания, где я и заседал. Тут читали некоторые манускрипты и после изъясняли слова в набираемом лексиконе. Профессор Чеботарев, так как секретарь, читал список слов, а прочие их толковали. Между тем <А.А.> Барсов, как безсменный секретарь, делал журнал заседания о моем определении, о прочем бывшем в присутствии. Мне теперь некогда писать, а завтре ж почта. С искреннейшею моею преданностию, прошу вашего родительскаго благословения, остаюсь на век мой

Милостивой Государь мой батюшка
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

---

[395] Игрений — конская масть; рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана [Даль, т. 2, стлб. 9].

[396] 4 (17 н. ст.) декабря — день памяти великомученицы Варвары, возможно, с этим связаны помещения Муравьевым знакомых Варвар, среди которые, наверное, была и упомянутая в других письмах В.Н. Муравьева.

1776. года
Декаб<ря> .4. Дня
Москва

Сестрица матушка! Здравствуй. Вот уж я тебя. Едак меня цыганит! Голубушка, будь весела. Я желал быть тебе сытой или биш у вас поздно обедают. Видно, что мне хочется есть, что ум мой следует наставлению желудка, и воображение мечтает запах пищи. И Татьяне Петровне кушать советую, но мне хотя бы и телятину. За Фавушку, пуще всего, телятиной <…>[397] то, чем попало, накормит. И уставьте за зеленым сукном, белой бумаги лист, на стуле спокойно разлегшись… и… бред.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 11–12).

<69>+
<8.12.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Прошедший понедельник я пропустил и не писал к вам, затем что прежде того, случилось мне не один раз писать; да я же думал, что и Иван Петрович <Чаадаев>, с которым я отпустил блестки и прочее, к тому времени подъедет. Нынешний же день слышу от приехавших из Твери Макуровских крестьян, что он еще не приехал, и разкаиваюсь, что с ними прежде не послал; так бы уж давно и было. Но неужто и теперя не приехал еще Иван Петрович <Чаадаев>? Он еще в воскресенье хотел отправиться в вечеру. Я с ним писал к вам, что я принят в здешнее собрание: так для етого, милостивой государь батюшка, я принимаю смелость по первому вашему позволению еще здесь пробыть несколько. На прошедшей почте послал я к вам писмо от Антона Алексеевича Барсова. Я должен признаться, что я им столько обязан и обласкан, что довольно изъяснить не могу. Его единственно представительством я и в Общество принят, и кроме того, всегда меня и книгами ссужает и нынешний самый день, подарил для вас, слово которое он говорил на бракосочетание[398]. По утру сегодня, был я у Куратора Ивана Ивановича Мелиссино и у Директора Михаила Васильевича Приклонского[399], которыми я очень доволен. Последний еще при первом случае отзывался, что вас довольно знает. Все наши профессора вам кланяются. Петр Алексеевич[400] нарочно для меня заезжал к Петру Семеновичу <Муравьеву>. Вчерась по утру я у него был, и он мне подарил свой Церковной словарь[401], Дополнение к оному[402] и изданный с его примечаниями *Катихисис*[403]. <А.П.> Сумароков в наше собрание только за две недели до меня принят: он при первом заведении его вон выгнан, и долго бранился, а ныне опять просил, и в первое заседание всех переругал. Не случится ль мне его увидеть, в прошедшую субботу не был; у нас собрания по субботам. Теперь мараю кое что для прочтения в нынешнюю субботу. Здесь, тому уже четыре дня, как Макуровския мужики выпросили у меня к себе Гараску с тем, чтобы поставить его сюда,

---

[397] Край рукописи надорван.

[398] Барсов произнес «Слово на бракосочетание государя Павла Петровича с государыней Марией Феодоровной» 15 октября 1776 г. [Энциклопедический словарь, 1890-1907, 3, с. 103].

[399] Приклонский М.В. (1728–1794) — директор Московского университета в 1771–1784 гг.

[400] Алексеев П.А. (1731–1801) — протоиерей московского Архангельского собора, лексикограф, член Российской академии.

[401] [Алексеев, 1773].

[402] [Алексеев, 1776].

[403] Возможно, имеется в виду [Алексеев, 1759]; «Сокращенный катехизис» Алексеева опубликован не был, т. к. не прошел духовной цензуры.

в 18 число, для того, что им скорее не можно. Так я уж покорно прошу, позволить мне остаться до тех пор, чтобы мне еще в двух заседаниях побывать. Покупки постараюсь исправить все: Петр Семенович <Муравьев> свидетельствует свою благодарность и почтение; что касается до денег, так когда я хочу и сколько мне понадобится, говорит, чтобы я брал, а денги готовы. О доме говорил я с ним прежде получения писма в понедельник, но он что то и на ту цену не согласен, для того что какое то место порожнее уступить ему хотят, и еще какой то дом на Дмитровке ему дешев кажется. Вы изволите писать просто дезертные ножи, так я куплю в деревянных черенках, а с меня уж и просили за дюжину .3. руб.<ля> 10 к.<опеек> Если ж не в деревянных, так покорно прошу отписать поскоряе. В ето воскресенье будет здесь никак, оперетта. Здесь театр я очень дивлюсь, что не в великой чести. Зделайте милость, батюшка, и будьте веселы, я нижайше вас прошу. Я желаю от всего моего сердца, чтоб вы были здоровы и благополучны. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, с глубочайшею моею преданностию, остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Декаб<ря> .8. Дня
Москва

Матушка Сестрица! Ты на меня разсердишся, что я еще остаюся. Если ты очень хочешь, так я и приеду. Однако послушай: так то вить еще не куплен, так уж дай время, чтобы купить. А тут пойдут сборы, да переходы, дело торговое. Ты ко мне, сударыня, и не отпишешь, что вы делаете, как у вас что: а маскерады то сказывают же, что хромают. Где Алексей Минич <Муравьев>? и что он делает? Где Александр Федорович <Муравьев>? Дмитрию Васильевичу <Камынину> прошу засвидетельствовать мое почтение. А чтобы вас или развеселить или скучить, прилагаю список со стихов А.П. Сумарокова, ежели у вас их нет, на бракосочетание

Сион Московский озарился
Возводит очи, видит чад,
От всех сторон велики сонмы,
В веселии к себе идущих.
Недавно плакала Россия;
Россия ныне ликовствует;
Воскресла Павлова супруга:
Гласят Московския народы,
И плеском воздух проницают,
А ехо тоже повторяет.
Сион огнями украшенный
Внимает радостны слова
Да здравствует Екатерина
Со Павлом и его супругой;
Мария прежнюю надежду
России ныне возвратила.
Завидуют Московски реки
Быстротекущей днесь Неве
Глася: ты нову зришь богиню
А мы о ней здесь только слышим;
Но слава много воображает
И похвалу разумножает

Вещая нам о красоте;
Но качества и хвальняй те,
Мария нам надежда тверда
Она умна и милосерда[404].

А<лександр> С<умароков>

Пусть ето разбирает со сна Татьяна Петровна, которой я вседомовне кланяюсь.

Надпись
Вчера красавица, севодни Ангел света,
Прах чистый, почивай легко Елисавета.
Горда для радостей единого часа,
Ты только зрела их, спеша на небеса.
Не держит смерть тебя в уединенье строгом:
Жила с невинностью; живешь конечно с Богом[405].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 13–15).

<70> +
<12.12.1776>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Нижайшую мою приношу благодарность, за милостивое ваше поздравление и писмо, которое я вчерашний день, по утру еще, получил от Гаврила Федоровича Гурьева[406]. Вчерась был еще первой Маскерад в Москве и я был там. В нем виделся с Тверскими бывшими, между прочим и Гаврилой Федоровичем, с Небольсиным[407], Бахметьевым[408] и пр. Третьяго дня был я в нашем Собрании и читал кое что: Антон Алексеевич <Барсов> разписывал материи, которые вместить должно в четвертом томе *Трудов общества*[409]. Моего тут будет напечатано, переводы и изтолкование несколько *Од из Горация, Епистола о счастье, перевод из Прозаических Клейстовых записок*. А может быть, еще маленькой

[404] [Сумароков, с. 172].

[405] Данный текст, помещённый на отдельном листе (л. 14), известен в печати как «Надгробная Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшейся Июля 1-го 1795 года» [Муравьев 1967, 236; Топоров, 2, 80; впервые – под заглавием «Надгробие» и с несколько иной пунктуацией: Аониды, или Собрание разных новых Стихотворений. Кн. 2. М.: В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1797. С. 134]. Судя по всему, в 1795 г. эпитафия была переадресована новой покойнице.

[406] Гурьев Г.Ф. (род. ок. 1732) — офицер, с 1770 г. — капитан в отставке, в конце 1770-х гг. — прокурор Калужского губернского магистрата, в начале 1780-х гг. — советник уголовного суда Тульского наместнического правления, надворный советник. Подробнее см.: Гурьев Гавриил Федорович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Гурьев_Гавриил_Федорович (дата обращения: 27.06.2024).

[407] Скорее всего, А.Ф. Небольсин (род. до 1742) — тверской дворянин.

[408] Возможно, Г.П. Бахметьев (1739–1797) — сын калужского помещика П.С. Бахметьева; но, может быть, речь идет о Г.И. Бахметьеве (1727 – после 1790), капитане Семеновского полка и помещике.

[409] Речь об издании: Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. М.: Печатан при императорском Московском университете, 1778. Ч. 4. 324 с.

Трактат о различиях слога высокаго, великолепнаго, величественнаго, громкаго и надутаго, которой я читал в Собрании и которой, ежели печатать, так еще пересмотреть надобно[410]. Вот о каких важностях пишу я к вам, батюшко, что, может быть, вам и читать скучно. Я не знаю здесь ничего новенкаго и достойнаго уведомления. Я был в Университетской библиотеке, откуда и взял Гомерову Греческую с Латинским переводом Иллиаду, Гезиода и Феокрита. Суббиблиотекарь, мой бывший учитель и нынешний профессор Чеботарев[411] и Секретарь Общества, до меня очень ласков и подарил мне *Российскую Географию*[412]. Михайло Матвеевич Херасков дни через два едет в Москву. Он на етой неделе ездил в Ростов. Некто Пономарев, которой учился со мною по-французски у Котти, нынче наместником в Троицкой лавре и скоро, может быть, будет Архиерей[413]. Как у меня все кстати приходит! как прочел, так удивился, нелепости своего писма. Простите мне, батюшка сударь, ето и, ежели я вас смею просить, не скучайте. Естли бы я мог быть в етом прямо уверен, так я бы был спокоен. Впрочем прося вашего родительскаго благословения и желая вам здравия и благополучия, остаюсь на всегда

Милостивой Государь батюшка
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776 года
Декаб<ря> .12. Дня
Москва

Матушка Сестрица! Так ты скучаешь, et c'est ainsi, que cela va chez vous! Mais, on m'a dit, que vous vouliez aller à la campagne. Est-ce vrai? Я точно в эту субботу или воскресенье выеду. Прости меня матушка, я знаю что тебе скучно. А я еще остаюся. Отпиши голубушка ко мне, mais sincerement est-ce que vous allez quelque part en visite, ou bien à la M. <нрзб>[414]. Дмитрию Васильевичу <Камынину> прошу засвидетельствовать от меня почтение и благодарность за приписание; так как и Ивану Ивановичу[415]. А Татьяне Петровне поклон.

[ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 16–16 об.].

<71>
<18.12.1776>

---

[410] Муравьев напечатал здесь шесть произведений: «Горациеву десятую оду книги первой. К Талиарху», «Его же первуюнадесять Оду книги первой. К Левконое», «Письмо Горациево к Виннию Азелле», «Жалобы музам», «Епистолу к Н. Р. Р. ***», «Рощу» [Опыт трудов, с. 287-298]. «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» и «Перевод из прозаических записок г. Клейста» были опубликованы позднее (Опыт тр. Вольного Рос. собрания. М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1783. Ч. 6. С. 1-27).

[411] Чеботарев Х.А. (1745 или 1746 – 1815) — ученый, профессор и ректор Московского университета, первый председатель Московского общества истории и древностей российских.

[412] [Чеботарев].

[413] Архиепископ Павел (Петр Николаевич Пономарев) (1745-1806) был назначен наместником Троице-Сергиевой лавры 29 августа 1775; архиереем стал только в 1794 г.

[414] Перевод: «Так ты скучаешь, вот, значит, как у вас там дела! Но мне сказали, что вы собирались ехать в деревню. Правда ли это? Я наверняка выеду в эту субботу или воскресенье. Прости меня, матушка, я знаю, что тебе скучно. А я всё еще остаюсь. Напиши мне, голубушка, только откровенно: собираетесь ли вы куда-нибудь с визитом или же в М. <нрзб>».

[415] Неустановленное лицо.

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артамонович!

Желаю вам всякаго щастья и удовольствия, а я слава Богу здоров, так как вам и Алексей Минич <Муравьев> скажет, у котораго я теперь писмо сие пишу. Нынешнее утро отвозил я писма ваши к Петру Алексеевичу <Алексееву> и Антону Алексеевичу <Барсову>, которые вам свидетельствуют свою благодарность и почтение. Нынешний день ожидают сюда Платона Архиерея[416]. А я в воскресенье конечно поеду в Тверь. Дмитрий Васильевич <Камынин> пишет ко мне, чтобы я от тетушки его, взял с собою мальчика. Что касается до покупок; так я еще их не исправил, а в ети дни конечно исправлю. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, с нижайшею моею преданностию остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

1776. года
Декаб<ря> .18. дня
Москва

Сестрица! Здравствуй, я скоро сам к тебе приеду: а шелку, право, еще не купил.

[ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 17].

[416] Левшин П.Г. (1737–1812) — митрополит Московский; с 1761 г. — ректор Троицкой лаврской семинарии, с 1763 г. — придворный проповедник и законоучитель великого князя Павла Петровича, с 1766 г. — настоятель Троице-Сергиевой лавры, с 1768 г. — член Святейшего Синода, с 1775 г. — архиепископ Московский и Калужский.

1778

<72>[417] ++
<конец 1777 — первая половина 1778>

К сестрице. Ты еще все также любви достойная, столько ж нежности присоединяющая к чувствиям, когда уходят сии столь естественныя чувствия из души твоей, ими преисполнившейся! Нет: ты между тем научилась красноречию сердца. Никогда не получал я от тебя писем прекраснейших, как два последния. Более всего, вчерашнее. Я понял то удовольствие, которое пиша его ты чувствовала. Люби меня, друг мой, чтоб знать чувствие любви, столь облегчающее сердце человека, столь естественное женщине и тебе. Как укрощается в глазах наших все что мы ни знаем свирепаго в свете: когда мы наслаждаемся умилением сердца! Как тогда легко жить со всеми, с собою! Как ясно видим мы тогда, что все мы рождены братьями! Глазами человеколюбия пробегаем мы разныя явления жизни. Живем вдруг советами: чувствуем, что благополучие их касается нашему. Благоделательность пробуждается в нашем сердце: тогда бы я желал владеть сокровищами, чтобы оживить ими скорбнаго, нищаго, стыдящагося просить моей помощи. Сими мгновениями научаемся мы жить добрую жизнь и получаем сердце и чувствуем счастие иметь сердце. Сим мгновениям одолжен будет земледелатель, которого пощажу я во время брани. Судия, заступлю я за человека слабаго, вовлеченнаго в ров злодейства, прежде нежели он приметил, и еще доставлю ему щастие быть человеком. Горе тому! которой ни за что почитает прелести добродетели! К ней приучаемся наслаждением сердца. Посели в человека угрюмость: он и у других отнимет удовольствия, он будет щастлив, если не будет злодей… Удовольствие чувствовать заблуждает ток моего писма. Не можно любезная сестра чтоб мущина, сие чувствующее силы свои бытие, столько мог быть щастлив сердцем, как женщина. Его дружества похваляются только постоянством. Он столько отвлечен от себя своим нравом, должностями... Какое преимущество для тебя иметь более способности любить добродетель, более иметь жалости к людям, сострадать их нещастиям! Малоли ето упражнения стараться быть лучше? Продолжай, маменька, любить чтение: оно будет награждать пустоту, к которой приучает нас принуждение общества. Сколько я щастлив, что ты меня любишь, если к сему привязываешь ты необходимость быть доброю. Но можешь ли ты быть злою?... Маленькия несовершенства, суть необходимости, знаменующия человека. Надобно уметь их употреблять в пользу. Более всего стараться содержать в себе ясность нрава и прощать их, если находим в других стропотность[418], я так называю сии легковесныя досады, омрачают сердце, делают мучение из жизни. Ты уже чувствовала, что хотение быть собою довольною, есть уже часть удовольствия. Дай мне в том тебя уверить. Ты хочешь, чтоб я писал к тебе; но позволишь ли, чтоб я делал нравоучение? *Вертера*[419] пришлю я к тебе на будущей почте, затем что на этой посылаю волосы, которые были куплены уже более недели.

---

[417] Точно датировать этот текст сложно; возможно, помогут некоторые детали: Муравьев обещал в ближайшее время выслать сестре «Вертера», а в письме от 16.10. 1778 г. отсылал Ф.Н. к содержанию этого романа: «Ты знаешь, что Вертер не позволил бы танцовать Алман Шарлоте с другим, нежели с собой». Следовательно, его нужно датировать ранее этой даты, при этом стиль письма и «зрелый» характер поучения позволяют предварительно датировать письмо 1777 — первой половиной 1778 г.

[418] Стропота — упорство, строптивость, сопротивность [Даль, 4, стлб. 583].

[419] «Страдания юного Вертера» – знаменитый роман И. Гете (1774).

Я щажу тебя повествованиями моих похождений. Оно бы было безконечно. На нынешней неделе представляли во вторник *Le sylvain*[420] et *Les deux chasseurs*[421], в пятницу *Le Negociant de Lyon ou les deux Amis*[422], драмма трогающая и Le legs[423]. Ну! прости, маминька, будь здорова surtout.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 74-75 об.).

<73>[424] ++
<первая половина 1778>

Матушка, душа моя, Федосья Никитишна! что я напишу к тебе? Живейшее выражение моих чувствований останется далеко ниже твоих. На двух бумажках, драгоценных для меня бумажках, умела ты излиять сокровище твоего сердца. Наслаждайся упражнением его способностей; но не отяготи его под бременем ощущений. Не предавайся прелести часто уединяться в сердце твое. Приучено тревожиться, скоро спокойство его будет ему несносно. Ты прибавишь нужду к своей жизни, может быть досаду, когда чувствования твои не будут достигать до образца совершенства, которое ты поняла... Далеко от того, чтоб я не знал цены чувствительности; но я знаю меру твоей. Ты должна быть ею довольна. Нежное чувствие добродетели оживляет все что ты чувствуешь. Дружба, любовь творца, человечества, высокия чувствия невинного человека: все они вещают в глубине твоего сердца. Позорище его тебе есть наслаждение... Прости грубости моих чувствований, прости мне, достойная всей моей нежности сестра, что я может быть востревожил спокойное щастие твоего сердца, осмеливаясь давать ему правила. Я только

---

[420] Возможно, речь идет об опере A. Grétry «Sylvain» (1770), либретто Ж.-Ф. Мармонтеля; о постаровках в России см.: [Evstratov, p. 319].

[421] Видимо, речь идет о комической опере L. Anseaume «Les deux Chasseurs et la Latiere» (1763). Пьеса явно пользовалась определенным успехом в Петербурге [Evstratov, p. 304]; ср. сообщение в «Санктпетербургских ведомостях» от 2 февраля 1776 г.: «Сего дня в Императорском Сухопутном Шляжетном Кадетском Корпусе, Господа Кадеты представляли на их театре Комедию, Генрих четвертый на охоте (la Partie de chasse de Henri IV;) за тем представлена была Комическая Опера, *Два охотника* (Les deux Chasseurs,) и обе пьесы заключены Балетом называемым, *Садовник* (le jardinier)» (СПб Ведомости, 1776, с. 79).

[422] Пьеса П. Бомарше «Les Deux Amis, ou le Négociant de Lyon» (1770); о постаровках в России см.: [Evstratov, p. 304].

[423] «Le legs» – одноактная комедия в прозе П. де Мариво, впервые поставленная в 1736 г.; о постаровках в России см.: [Evstratov, p. 312].

[424] Данный отрывок — возможно, это пространная приписка к письму к отцу, может быть, отдельное письмо именно сестре. С нашей точки зрения, его можно датировать 1777 г.: в нем упоминается, во-первых, комедия Д.И. Хвостова «Легковерный» («К этому времени относятся и первые стихотворные опыты Хв. 1777 — первое выступление в печати с трагедией ‘Легковерный’» [Амелин, с.. 13]), во-вторых, — отъезд за границу князя А.А. Прозоровского («В 1777-м году кн. П. опасно заболел и не мог дольше нести своих служебных обязанностей. Уволенный в отпуск, он уехал за границу на два года, на минеральныя воды <…>» [Алексеевский, с. 7]). В то же время очевидно, что оно написано позже письма №1, потому что в нем Муравьев отсылает сестру к содержанию «Вертера» (см. примечание 20). Кроме того, еще одно основание для того, чтобы поместить данное письмо после <1>, — упоминание «правил», которые Муравьев давал сестре («<…> я может быть востревожил спокойное щастие твоего сердца, осмеливаясь давать ему правила») и которыми переполнено предыдущее письмо.

хотел просить тебя, чтоб ты приучала себя к веселости. Я опасаюсь, чтоб чтение *Вертера*[425] не воспитало склонности к печали в твоем сердце: чтоб явления радости не скоро изчезли от твоей юности и прежде, нежели ты ими обманывалась. Ты знаешь, что иногда самой обман составляет наслаждение. Но я должен все сие оставить твоему собственному просвещению. Все мое старание произведет только несколько черт кисти хладных и не оживленных и кои может быть не существуют в природе. Жизнь человеческая наполнена печалей: их так легко чувствовать. Но есть в ней и удовольствия. И виновен тот которой себе сделал безполезными благодеяния ждущие человека. Я позавидовал щастию твоего сердца (мое изъяснение еще слабо), когда я читал и перечитывал сию трогающую картину ночи, начертанную его чувствованиями. Ими-то должны быть оживлены стихотворец и живописец, когда оба приемлют кисть... Не огорчись маммнька писмом моим. Я ненавижу себя, ежели я способен тебя разсердить. Я не отнимаю у тебя удовольствования чувствовать: ето бы значило уничтожить сердце. Я хочу, чтоб ты берегла его силы и позволяла бы себе более веселья. Мне бы надобно прибавить чувствований: ты так обо мне хорошо думаешь. А я постыждаюсь, когда читаю твои выгодныя обо мне воображения. Нет ничего менее прелестнаго, как мое состояние. Я наслаждаюсь спокойствием, столь ненавистным для человека, нет ничего, что мудрецы в нем полагают его блаженство. Ты поймешь, что мое спокойство есть усыпление души и что мудрецы не называют благополучным сонного. Ежели я добр, так это по минутам. Но я твой друг; могули быть зол? Я сообщу тебе своенравие своей чувствительности: твое отсутствие из Твери меня здесь опечаливало, как будто бы оно прибавляло что нибудь к нашей разлуке. На нынешней неделе читал мне г. Хвостов[426] свою комедию *Легковернаго*[427], и я хотел ее слушать как почитатель писмен. Она меня совершенно удовольствовала и как первое произведение очень молодаго человека, достойнейшаго примечания... Я считаю тебя сестрица в Твери; так прошу тебя, когда будешь писать в Берново принесть мою благодарность за приписание сестрицы Любови Федоровны <Муравьевой>. Я знаю, как ты ее любишь и как ты ею любима: ето меня обнадеживает, что то участие между вас не пропадет. А Любовь Федоровна <Муравьева> знает, что у ней нет брата, которой бы ее не любил. Я ли заслуживаю исключения? Тебе ж маминька, все твои братья кланяются. Дядюшка <М.А. Муравьев мл.> всегда спрашивает о тебе известий. И о Любови Федоровне <Муравьевой> никогда не говорит он, не сожалея что он ничем ей не служил... А я здесь видаюсь иногда

---

[425] «Страдания молодого Вертера» (1774) — известный роман И.В. Гете. Обычно увлечение «Вертером» относят к 1780 гг. (первый перевод на русский – 1781 г.); см. замечание В.М. Жирмунского: «Русские писатели сентиментальной эпохи хорошо знали «Вертера». Без «Вертера», вероятно, не была бы написана «Бедная Лиза» Карамзина (1792). <…> Об интересе русского читателя к «Вертеру» свидетельствует переводная «вертериана». Первый перевод Ф. Галченкова появился уже в 1781 г., через семь лет после выхода в свет немецкого оригинала, под заглавием «Страсти молодого Вертера», без обозначения фамилии переводчика. Перевод этот был переиздан два раза: в 1794 и 1796 гг.» [Жирмунский, с. 33, 35]; ср.: «Примечательно, что Карамзин тогда (1789) предпочел старших писателей Гёте, который лишь постепенно оттеснял на второй план в русском восприятии таких авторов, как Геснер и Виланд, хотя «Вертер» был уже переведен (1-е изд. 1781) и вызвал, как и на Западе, целую серию лит. пер. и подражаний — русскую «вертериану»» [Русско-европейские литературные связи, с. 54]; однако, как видим, и Муравьев, и Ф.Н. Муравьева читали роман практически сразу после публикации, следовательно, историю русской «вертерианы» следует отсчитывать, по крайней мере, со вторйо половины 1770-х гг.

[426] Хвостов Дмитрий Иванович (1757 — 1835) — известный русский писатель и государственный деятель.

[427] Об этой комедии см.: [Виницкий, с. 66-74]; о взаимоотношениях Муравьева и Хвостова см.: [Ивинский, 2023, с. 43-54].

со старыми моими приятелями училища. <И.П.> Тургенев[428] на сих неделях едет в чужие краи с кн. Прозоровским[429]. Ник.<ита> Ром.<анович> Рожешников теперь в Дрездене, и недавно получены Коллегиею журналы их наблюдений, которых определено напечатать... Дней пять стояли здесь такие жары… что я не знал, что делать. Все почти живут на дачах, и Театр я думаю будет затворен на несколько времени. В Москве представляли *Магомета*, переведенного в стихи Павл.<ом> Серг.<еевичем> Потемкиным[430]. Вот какия интересные новости! Прости

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 72-73 об.).

<74>[431] ++
<первая половина 1778>

К сестрице. Дай перевести дух!... Можешь ли ты удостоить малейшего внимания строки которыя зачинает таким образом твой повеса братец? Однако етот переход очень натурален: никто етого столько не чувствует как я теперь... Прости маминька, мое ученичество врать. Етот зачин ни мне, ни тебе не свойственен... Я еще прошу прощения в том, что я тебя столько етурдировал своим Петербургом: что я может быть поколебал твое спокойствие, столь достойное быть почтенно. Не оскорбляйся жизнью своей в Твери: умы и души наши не ограничиваются местами нас содержащими, поверь моему малому проницанию, покрайней мере искренности: ты не принадлежишь к Твери. Раз должен был я ето сказать тебе. И я думаю, что я ето говорю только тебе. Сколько здесь живет повес и дураков! Здесь только для того бы побывать тебе было должно, чтоб спокойнее возвратиться в Тверь. Поверь свидетельству со<бствен>ной души своей, в благородстве[432] она лгать сама себе не может... Здесь ежели я не обманываюсь, общество было бы для тебя тысячу раз свободнее и легче. Тверь имеет нещастие быть очень близкой к Москве. Здесь, в простых <нрзб> домах, все жеманства, умничанье, pruderie[433], выдумки, bon mots[434] почитаются тем, что есть смешнее. Chez les Diakoffs p. ex., tout respire la candeur: on s'aime là de tout son coeur: on parle de tout indifferement: la malice est inconnue si l'on se moque l'un de l'autre c'est de vive voix. On n'a pas la folie de trancher du grand seigneur. Point des grands

---

[428] Тургенев Иван Петрович (1752-1807) – офицер, писатель и государственный деятель, масон, был близок к Н.И. Новикову, в 1796-1803 – директор Московского университета, друг М.Н. Муравьева, отец знаменитых братьев Тургеневых (Андрея, Александра и Николая); во второй половине 1770-х – адъютант кн. А.А. Прозоровского.

[429] Прозоровский А.А. (1733-1809) — русский военный и государственный деятель. В 1777 г. он получил двухлетний отпуск для прохождения лечения за границей; вернувшись в Россию осенью 1778 г., поступил под начало П.А. Румянуева; затем возглавил войско, которое подавило восстание Батыр-Гирея в Крыму.

[430] «Фанатизм, или Пророк Магомет» (Le Fanatisme ou Mahomet le Prophète) — трагедия Вольтера (1741). П.Р. Заборов указывал, что перевод Потемкина вышел в 1798 и ставился на «рус. сцене до кон. 1820-х гг.» [Заборов, с. 485].

[431] Фрагмент датируется предположительно: Муравьев упоминает Виланда как неизвестного ему писателя, однако в письме от 26.6.1778 г. он писал к сестре: «Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающияся разсматриванием друг друга…». Следовательно, это письмо написано до 1778 г., возможно, в 1777 г.

[432] Лист надорван.

[433] Перевод: «Жеманство, кокетство».

[434] Перевод: «Остроты».

airs. On saute, on rit: point des secrets. La fureur de bel esprit n'y est pas même connue. Tout est simplicité, nature. Le pere et la mere semblent etre de freres ainés. L'aînée est toute ame: je n'ai jamais rien vu de plus sensible, de plus noble. Aussi est-elle adorée chez elle. Pardon ma chere amie que je vous ai entretenu en un langage barbare[435]. Я теперь читаю Виланда[436]: что ето за писатель?

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 77-77 об.)

<75> ++
<июнь 1778>

Однако я спешил на Остров, где подал в Вотчинную кантору сообщение Новгородской Гражданской Палаты; по которому до сих пор еще не докладывали, однако же обещая всякой день. Оттуда пошел я к Алексею Афанасьевичу <Дьякову>, где и обедал. Тот день была комедия, которой не пропустил и я... Однако я позабываю свое намерение писать только сокращение моей повести. Ето сказывают утешение старости наслаждаться прошедшим. Субботу делал я и принимал свои маленькия визиты. В воскресенье после визитов моих командирам, из которых Федор Яковлевич <Олсуфьев> приказал вам засвидетельствовать почтение; из своенравия не пошел я никуда обедать: затем что Ванька попрекнул мне справедливо, что я безперестанно бегаю. Но после обеда не мог удержаться от искушения бегать по улицам не смотря на ветер. К кому заходил, никого не застал дома, и имел редкое удовольствие ни с кем не повстречаться. В Летнем саду ходил долее, нежели Великопольской, и зделал все, кроме того, что было надобно делать. Вы не прогневаетесь бо на сей безполезной труд мой обременять вас подро<бно>стями, толь мало забавными. Они имеют покрайней мере достоинство точности и послужат составить картину моей жизни, какова она ни есть. Вчерась было очень хорошее утро и мы его препроводили с Николаем Александровичем <Львовым> и <В.В.> Капнистом[437], молодым человеком его приятелем, в Летнем саду, где мы завтрикали. Там заведен прекрасной кафейной дом. Где между прочими был с нами и Гофмаршал[438]. Вам уже известно, я думаю, что Корсаков, которой уж нынче Римской-Корсаков, пожалован Флигель-Адъютантом и Камер-Юнкером[439]... Мне нельзя не приметить самому, что я заврался. Так лучше вдруг кончить,

---

[435] Перевод: «У Дьяковых, например, всё дышит чистосердечием: там любят друг друга от всего сердца; говорят обо всём просто, без церемоний; лукавство там неизвестно; если и подшучивают друг над другом, то прямо в глаза. Там не имеют глупости разыгрывать из себя большого барина. Никаких важных манер. Прыгают, смеются; никаких секретов. Там даже не знают бешенства остроумничанья. Всё – простота и природа. Отец и мать кажутся скорее старшими братьями. Старшая дочь – сама душа; я никогда не видел ничего более чувствительного, более благородного. Поэтому дома её и обожают. Простите, моя дорогая подруга, что я говорил с вами на варварском языке».

[436] Виланд К.М. (1733-1813) — немецкий поэт, писатель и журналист. Как и в случае с Гете (см. выше), Муравьев оказался очень чуток к современной немецкой литературе: он одним из первых в России прочитал Виланда; ср.: «Первые русские пер. соч. В. появились в 1778 в журнале «С.-Петербургский вестник» (ч. 1, переводчик-ред. журнала Г. Л. Брайко) и в «Утреннем свете» Н. И. Новикова. Почитателем В. был М. Н. Муравьев (см. его «Дщицы для записывания» // Утренний свет. 1778. Ч. 4)» [Русско-европейские литературные связи, с. 39].

[437] Капнист В.В. (1758-1823) — поэт и драматург, близкий к Н.А. Львову, И.И. Хемницеру и Г.Р. Державину.

[438] Вероятно, Федор Сергеевич Барятинский (1742-1814) – русский государственный деятель, участник переворота 1762 г., с 1778 г. – гофмаршал.

[439] Римский-Корсаков И.Н. (1754-1831) — генерал-адъютант, фаворит Екатерины II.

чтоб не иметь искушения опять пристать к речи. Все ето, что я так ветрен, что я отдаюсь моим весельям, на том основано, что вы не совсем их отвергнете, что вы продолжаете мне вашу родительскую милость, которыя прося всеусерднейше, и желаю вам здравия и благополучия, по жизнь мою остаюсь

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 76-76 об.)

<76>++
1778. года. Июня .5. дня. С.<анкт->Петерб.<ург>[440]
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

С самаго перваго часа моего пребывания в Петербурге желал я нетерпеливо, уведомить вас, если можно, о каждом шаге моем здесь. Ни когда не желаешь нетерпеливее, разсказывать, как когда имеешь разсказывать о себе нечто лестное. Два дни что я здесь провел были для меня состоянием волшебства. Ничто еще не представилось мне, чтоб меня не порадовало. Везде чувствую я оказания отличности, которой я не заслуживаю. Я уж опасаюсь, чтоб сие последование друг за другом щастливых приключений меня не избаловало и не привадило ожидать их всегда, что конечно, не возможно. О моей просрочке не слыхал я ни слова. Федор Яковлевич <Олсуфьев> поступает с каждым из нас так, как все говорят, как с товарищами, с которыми он служил и с людьми, ему надобными, а не так как с подчиненными. У меня спрашивает, меня увидев явиться ли я приехал? Сергей Александрович <Хотяинцев> ко мне таков, как старой приятель. Он крепко настоял, чтоб поворотя оглобли, по его словам, ехал я назад. Благо, теперь один Федор Яковлевич <Олсуфьев> и отсрочить может на год. Никогда я не был довольнее Николаем Васильевичем <Репниным>. На прозьбу вашу, сказал он, что будет стараться. До вчерашняго дня в Школе нашей были класы. Вчерась объявлено учение ружьям, был разбор кадетов и ранжировал. Николай Васильевич <Репнин> столько ко мне снизходителен: ето приводит меня в стыд, что имея всякое право требовать от меня службы и даже поставить в шеренгу, оказывает мне столько уважения, чтоб меня ни чем не тревожить. Фельдфебель наш[441], родня его особливо ко мне ласкается, дая мне знать намерение Ник.<олая> Вас.<ильевича> <Репнина> обо мне. Князь <А.И.> Лобанов-Ростовской, наш Капитан[442] принял меня с учтивостью, какую бы можно было ожидать от посторонняго даже до того, что рекомендовал мне брата своего, Семеновскаго полку Сержанта[443]. В ето время успел уж я быть у Анны Андреевны <Муравьевой>, Василья Петровича <Петрова>, Ник.<олая> Ал.<ександровича> Львова, <В.В.> Ханыкова, <М.И.> Попова[444], <М.И.> Афонина, у Фед.<ора> Мих.<айловича> Колокольцова, с которым завтре я буду к вам писать.

[440] Адрес: «Его Превосходительству Действительному Статскому Советнику и Тверского наместничества Г. виц-Губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву. В Тверь».

[441] Вероятно, Львов – см. письмо №7.

[442] Лобанов-Ростовский Александр Иванович (1752 – 1830) – князь, государственный деятель; в 1778 г. – капитан Измайловского полка; позднее — генерал от инфантерии, министр юстиции Российской империи (1817-1827), член Государственного совета).

[443] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758 – 1838) – князь, русский государственный деятель; в 1770 гг. сержант Измайловского полка, позднее генерал от инфантерии, министр юстиции Российской империи (1817-1827, член Государственного совета).

[444] Попов Михаил Иванович (1742 — ок. 1790) — поэт, писатель, драматург.

Третьягодня же весь вечер был я в Летнем саду, где многих видел. Петров принял меня отменнее, нежели когда нибудь, хвалил мою *Рощу*[445], сказывал, что полюбилась она очень К.<нязю> Григорию Александровичу <Потемкину>, которой ее читал. Я пленен всем, что я здесь вижу: ето дурачество молодости. Может быть зделал я непростительную вину, что отъездом моим из Твери, огорчил безполезно вас и сестрицу, которых слез не могу я выносить, чтобы не чувствовать разбиваний моего сердца. Вот от чего зависит голова молодаго человека! Бегаю по улицам большого города и думаю, что и сам что нибудь значишь, когда имеешь щастие быть с людьми, почтения достойными, может ее совсем поворотить. Афонин достоин всякаго сожаления. Вы может быть знаете перемены при дворе. Афонин оставлен безчеловечно от слабаго или и совсем неблагодарнаго <С.Г.> Зорича[446]. Давно ли уши всех нас были оглушены достоинствами сего молодаго человека? А теперь от одного Петрова слышал я приписание ему всех порочных качеств. Малейшая хула ему от него, были именования презрения, именования скота, дурака, безсмысленнаго. Он живет еще здесь и набирает толку с кем обедал и ужинал. Более ему ничего не осталось делать. Против Афонина конечно он не благодарен, клявшися ему до последних дней[447] зделать добро: жалованья никакого не получал от него бедной <М.И.> Афонин а имеючи по нещастию надежду, вступил в долги. Человеку, не имеющему ничего собственнаго, как он, иметь долгу .1200. руб. есть отчаянное состояние. Вы знаете, милостивой Государь батюшка, дело христианства и человеколюбия, если постараетесь для него предуготовить мысли Наместника и Губернатора <Я.Е. Сиверса>. Я у него просидел часа два; я не могу вам изобразить сколько его тронуло ваше об нем попечение. По нещастью думал он заслужить себе милость Зоричеву трудами. Ето изнурило его здоровье. <В.П.> Петров[448], к которому он прибегнул, за него вступается, так как я от самаго Петрова слышал. И он вместе с Апол.<лоном> Андр.<еевичем> Волковым, которой в великой силе у к.<нязя> Григор.<ия> Алекс.<андровича> <Потемкина>, старается поправить состояние его. Но теперь еще оно безпомощно. <А.А.> Саблуков[449] на сих днях пожалован Бригадиром и славят ему по городу место Обер-Полицмейстера. Князь П.<етру> Ал.<ексеевичу> Голицыну[450] четвертаго дни Государыня пожаловала .5000. р. Недавно пожалован Флигель Адъютантом Государыни <И.Н.> <Римский-> Корсак<ов>, Преображенскаго полку прапорщик. Я не перестал бы писать, если бы хотел все то писать, чтобы хотелось. Но я бы тем вам наскучил. Дядюшка Матв.<ей> Арт.<амонович> <Муравьев ст.> большой пишет к сыну <Ивану Матвеевичу Муравьеву мл.>, что он сюда быть хочет. От всего моего сердца желаю, чтоб я услышал от вас, что нибудь такое о вашем состоянии, чтоб к радостям моего могло прибавить. Впрочем прося вашего родительского благословения, навсегда пребываю

Милостивой Государь мой батюшка!

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев

---

[445] Речь о стихотворении М.Н. Муравьева «Роща» (1777).

[446] Зорич С.Г. (1743-1799) — русский военный, фаворит Екатерины II.

[447] Здесь Муравьев или кто-то из членов его семьи поставил сноску, чтобы отметить разрыв письма, его продолжение находим в конце конволюта.

[448] Петров Василий Петрович (1736-1799) — поэт, переводчик; «карманный стихотворец» Екатерины II, автор многочисленных од и перевода «Энеиды» Вергилия. Муравьев относился к нему с большим интересом и ценил его творчество.

[449] Саблуков А.А. (1746-1828) – член Государственного совета, президент Мануфактур-коллегии.

[450] Голицын П.А. (1731-1810) — русский государственный деятель, сенатор, действительный тайный советник, камергер; в 1778 г. пожалован в егермейстеры; в 1770-е гг. секунд-майор Измайловского полка; ему Муравьев посвятил книгу «Басен» (1773).

Матушка сестрица Федосья Никитишна. Ты должна довольствоваться писмом к батюшке, чтобы узнать мое состояние. Право, рука моя устала, как видно из почерка. У меня перьев нет. А которые есть, так худы. Еслиб я хотел изобразить тебе мои чувствия к тебе, одно, о чем я не устану к тебе писать: я бы всегда <оставался?>[451] ниже того, что чувствую. Я не хочу ждать <?> тех минут, от которых бы чувствия изменились. Сколько я виноват, что не могши <?> делать твое удовольствие, поскакал как безрассудной в Питер. Прости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 58-59 об., 78-78 об.).

<77>++
1778 года. Июня 12 дня. С.<анкт->П.<етер>бург
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерась имел я щастие получить от вас милостивое писмо, уверяющее меня предаться моему благополучию без изъятия. Так называю я дни, которыми началась жизнь моя в Петербурге. Они могут свести с ума молодаго человека. Прежде казался я самому себе иностранцом: теперь только, приятнейшею мечтою, чувствую, что я приглашаюсь принять участие во всем что меня окружает. И виноват я сам, ежели еще не довольно могу пользоваться всеми удовольствиями, которыя представляет мне случай. История моей недели не заключает в себе важных приключений; но вся она была наполнена. По большой части встаю я по утру в седьмом часу и иногда возвращаюсь с берегу, где у нас прекрасныя гулянья, часу во втором ночи. В Твери ето непонятно, чтоб заполночь можно было пользоваться сумерками; однакож здесь ето так точно. Вы изволите видеть, что меня не надобно увещевать, сколько движение полезно здоровью. Я ето исполняю так чистосердечно. Мне вить ето приметно, что дурачества и безделки меня занимают; но ето тот возраст, что еще безделки занимать могут. Может быть будут те годы и для меня, что я буду искать чести и чинов, что честолюбие будет обладать мною. Не вдруг надобно истощить все причины обманов и мечтаний… Но жертвовать особенными пользами добродетели, оставить прелестнейшее гулянье для совершения добраго дела: ето долг всякой минуты и всякаго возраста. Что еще меня заставляет сомневаться, ещели я в моей молодости, ето только недостаток сего дарования, которое внушает стихотворца. Благодарен еще гордости, которая запрещает мне быть стихослагателем. Однако любовь писмен кончится с моей жизнью: я столько ей благодарен. Праздность, которою я теперь наслаждаюсь, способность чувствовать мои удовольствии, все сие, может быть, должен я относить ей. Она мне доставила щастие почитать достоинства в других: она мне доставила удовольствие наслаждаться почтением других. Я уж здесь присовокупил к своим знакомствам двух молодых людей весьма хорошаго поведения. Ето Г.<оспода> <Н.> Микулин[452] и <Д.И.> Хвостов. Так мило иметь сообщество! кажется что тогда занимаемся мы более и сами собою, когда причины любить себя, усугублены. Николай Васильевич <Репнин> так добр ко мне, что я уже стыжусь, вспомня, что я его боялся. Его молчаливость истолковывал я суровостью. Но теперь нечего бояться. Еще вчерась сказал я себе: все в свете так, что лучше быть нельзя. Третьяго дня получил он мне капральство: должность почти только по имени. Ничто не заставляет меня вспомнить, что я не свободен. Чувствие уничижения мне неизвестно. Кажется, что ежели есть счастье, так оно со мной. Вексель на

[451] Лист надорван. Далее подобные случаи будут отмечаться в тексте многоточием в угловых скобках.

[452] Микулин Н. — поэт, автор торжественных од <8> (о нем см.: [Степанов]).

Конева[453] и Попова[454] теперь у Г.<осподина> Десятильникова[455], которой вчерась был у меня... В сей самой час пришел из Новагорода Ванька долгой с сообщением из Гражданской Палаты в Вотчинную Контору. Он был и у дядюшки <М.А. Муравьева ст.>, которой хотя еще и слаб; однако уж сам о себе ходит в саду. Он себе готовит полубарок ехать сюда; а здесь уже Ив.<ан> Матв.<еевич> <Муравьев мл.> его и ожидает. Пеняет вам, что вы не изволите никогда к нему отписать. Ему очень хочется с вами увидеться. Неручев[456] еще теперь в Новегороде. Я думаю, что чтение всего мною написаннаго столь мало важнаго содержащее конечно вам наскучит. Я прошу нижайше извинения. За особливой знак милости почту родительския увещания зделаться чем нибудь полезным, достойным примечания людей. Щастлив, если вы не совсем опорочите мое прошедшее препровождение времени, но с тем что я даю обещание препроводить его вперед полезнее. Дай бог! чтоб продлилось ненарушимо ваше здравие для совершения щастия сестрицы и моего. Я прошу нижайше родительскаго благословения и остаюсь навсегда с глубочайшим почтением

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 52-53 об.)

<77>[457] ++
<между 17 июня и 10 июля 1778>

<…> один оставлен и некому ни ему помочь, ни подать, ни принять. Я ходил от него с писмом к Лейб-Медику Крузу[458], которой тогда только что приехал из Сарскаго села: и обещался было он приехать. Не знаю какая нужда позвала его опять в Сарское село. Анна Андреевна <Муравьева> и не советует лечиться; затем что електризация, приводя в насильное движение кровь, может наконец ослабить разум. Она утверждает собственным опытом. *Николай Ерофеевич <Муравьев>*, говорит она, *будучи весь век свой очень важен, под конец так хохотал и о таких безделицах, что приводил в удивление*. Дядюшка <М.А. Муравьев-ст.> ходит в горнице один о костыле: и иногда выходит в сад. Неручев здесь: сам зачал он мне говорить о денгах, и только что отдал ему писмо ваше, то он и вручил мне ассигнацию в .50. рублей. А ста вдруг де он не имел. Нынешнюю неделю подал я Никол.<аю> Вас.<ильевичу> <Репнину> Опыт трудов нашего собрания; он принял их лучше нельзя: и просил всегда сообщать мои сочинения, которые он читает, говорит, со удовольствием. И как я, принявши сей случай, благодарил его за особливую милость, которою освобождаюсь от трудов должности, то он сказал напротив, что ето ничто иное, как справедливое внимание к моим достоинствам. Я не знал, что ответствовать и за лучшее

---

[453] Конев П.С. — вологодский купец [Топоров, 3, с. 251].

[454] Попов П.Ф. — купец [Топоров, 3, с. 256].

[455] Возможно, речь о А.В. Десятильникове — петербургском купце.

[456] Неручев М. Я. — орловский купец [Письма, с. 372].

[457] Этот сохранившийся в конволюте недатированный отрывок должен быть предположительно отнесен к июню 1778 г., так как в нем упоминается о смерти В.И. Майкова (ум. 17.6.1778). При этом в <12>, которое было написано 10 июля, Муравьев говорил о смерти поэта как о достоверном факте. О взаимоотношениях Муравьева и Майкова см.: [Топоров, 3, с. 147-151].

[458] Крузе К.Ф. (1727-1799) — немецкий врач, улился в Лейдене; в России был назначен старшим доктором в адмиралтейский генеральный госпиталь и профессором в училище при госпитале, с 1761 г. — лейб-медик с чином действительного статского советника, лечил, в частности, императрицу Елизавету Петровну в 1761 г.

счел откланявшись уйти. Все сии похвалы мне служат вместе и упреками... <В.П.> Петров, у котораго я также был недавно, подарил мне свою четвертую песнь *Енейды*[459]. По всему кажется он знаком при дворе и знающ об обычаях земли, где он живет. Видно что все любимцы Кн.<язя> Гр.<игория> Ал.<ександровича> <Потемкина> стараются наперерыв его забавлять, доказательство, что ему очень скучно. В вечеру в су<б>боту, будучи на берегу, случилось мне слышать от Вейдемейра[460], что к Вице Канцлеру брат, его Губернатор пишет о смерти Василья Ивановича Майкова. Ето время был он очень болен: ето было здесь известно. Но дай бог! чтоб пролгалось известие о смерти. Палец в ету болезнь был уж у него отнят. Какой доброй человек умер! Петр Матвеевич Херасков[461], которому я ето сказывал, слышал, что он был отчаян. В воскресенье я обедал и ужинал у Микулиной. Но после обеда препровел в Летнем саду, где Великий Князь <Павел Петрович> и Великая Княгиня <Мария Федоровна>, приехав с Каменнаго острова, где было освещение церкви, долго ходить изволили. Дни у нас после несколько хороших опять етаки пасмурные. Из Англии напротив того пишут, что никогда не запомнится лучше и изобильнее лето, как нынешнее

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 57-57 об.).

<78> ++
1778 года. 19. д.<ня> Июня. С.<анкт->Петерб.<ург>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Полученное мною вчерась ваше милостивое писание пришло чтоб продолжить мои удовольствия. Сколько я рад, что они находя щастие вам нравиться, делаются вашими собственными! И дай бог! чтоб я не имел никаких, которых бы вам менее нравились. К легкой и приятной жизни хотел бы я присоединить внутреннее утешение, не без заслуг ею пользоваться: чтоб она была составлена из взаимных перемен трудов и удовольствий. Вам милостивой Государь батюшка, управлять мой слабой разум и еще слабейшее сердце, если я етого достоин. Какова щастия делает нас удобным чувствие собственнаго сердца, что мы добрые люди: сохрани боже от противнаго!

Подобным повествованием моей недели могу я только утомить вас. Так мне осталось из ней выбрать что нибудь попримечательнее. Какой был ето прекрасной день для меня, в которой я писал к вам последний раз! Я его провел весь у Марка Федоровича <Полторацкого>. Я был одушевлен чувствием самаго себя, чувствием своего мнимаго преимущества перед прочими. Все мои движения были так к стати: так непринужденны. Для чего ети дни не чаще возвращаются? Тогда бы кажется был я способен какова нибудь важнаго предприятия. Вот какое смешное воображение! Но в етот день произошло сие нещастное приключение дуеля между Кастагарова и Горича, о котором первой застрелен. Весь город сожалеет Кастагарова и вопиет на сего казака, его убийцу, которой также как и он полковник. Сказывают что Кн.<язь> П<отемкин> сказал Кастагорову, что он ему не даст полк, ежели он не пойдет с Горичем на дуель. Горич сам ранен и живет здесь; однако за ним послан курьер, чтоб его возвратить. Вас.<илий> Петр.<ович> Петров был Секундантом Кастагорова. По городу ходит писмо сего последняго к его жене и согражданам[462].

---

[459] Еней. Героическая поэма Публия Вергилия Марона. Переведена с латинского Васильем Петровым. СПб., 1770. Песня 1-6.

[460] Вейдемейер И.А. (1752—1820) — чиновник Коллегии иностранных дел; см.: [Письма, с. 369].

[461] Херасков П.М. (1731 — после 1780) — брат М.М. Хераскова, чиновник, статский советник, с 1766 г. управлял Петербургской банковой конторой для дворянства.

[462] Речь идет об И.П. Гориче-Бенесевском (об этой истории см. подробнее: [Екатерина II и Потемкин, с. 695]).

На другой день относил я писмо к Петру Николаевичу[463] и обедал у Алексея Афанасьевича <Дьякова>, где я был принят как старой знакомой. Я не знаю дому, где бы более простоты было, от которой столько удаляются в Твери и где бы щастливее было семейство взаимной любовью и согласием. Ето был день в которой Петербургская чернь ожидала преставление света; затем что было затмение солнца. Я умалчиваю все смешные явления произведенныя сим страхом и которыя только тогда и смешны. После етого следовал кажется день моего уединения, в которой кроме посещения моего Капральства не выходил я никуда. Я читал швейцарскаго философа и стихотворца Галлера[464] и что-то сам писал. В самом деле иначе тогдашнего произведения моего назвать не можно, как *что-то*. В етот вечер уехал в Польшу Зорич. Ето узнал я следующее утро у Анны Андреевны <Муравьевой>, которая присылала за мной, чтоб вместе видеть одного рекомендованнаго ей, в Гувернеры к сыну <Н.Н. Муравьеву>, французскаго офицера. Я ей прежде разсказывал о том, с которым я в Москве обедал у Мих.<аила> Матв.<еевича> <Хераскова>. Обстоятельства того и другаго сходствовали: так ей думалось, не тот ли самой приехал из Москвы. Ето не был он, и выбор ея не остановился на нем. При случае сего и как она была ко мне очень ласкова, зделала она мне поверенность, в которой говорит она, участны только мать, брат ее и дети; но которая, кажется не может быть мне поверена, в другом намерении, как чтоб она была известна вам. И думаю, что я не преступлю своего обещания... *Я намерена*, говорит она, п*еременить свое состояние и еду в будущем месяце в Москву. Мне разсудилось, что я неделаю вреда детям моим, за тем, что он в пять раз меня богаче. Уверена притом, что он имеет превосходное сердце*... Я не мог утаить своего оскорбления, что мое самолюбие терпит, когда я вижу даму, которая столько зделала чести нашему имени, оставляющую его, чтоб принять другое[465]. Я просил прощения в етой вольности. Мы разстались тронуты друг другом и она уверяла, что это не разрешит ея привязанностей к ея родне и что я ей собственно родня. Умна ета барыня!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 60-61 об.)

<79>++
Санкт<->Петербург .1778. года Июня .26. дня.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Надобно иметь сердце нарочно уклоняющееся от ищющих его удовольствий, чтобы не узнать мне своих. Одного осталось желать, чтоб щастие сего мгновения остановилось разпространить свое влияние на всю мою жизнь: чтобы я чувствовал цену благодеяний, которыя тратятся на меня. Затем что без уничижения сказать, заслуг моих нет. Может быть выпускаю я из виду то, что я должен быть и определения своего не исполню. Чтож бы кажется мешало, если я узнаю недостаток сего рачения? Того может быть, чтоб я чаще об этом размышлял и старался себя уверить в важности сего размышления. Однако не столько позабыл я себя, чтоб не слышать гласу природы. И если бы я забылся, напомнило бы мне сердце ваше должность моего. Сколь приятно мне быть сыном!.. видимый образ милостей Божиих вижу я в вас. Кто более любил меня! Мои чувствия не удовольствуются выражением. Я ими наслаждаюсь в глубине моего сердца, их истинном жилище. Дай бог! чтоб помогли они мне исполнить всякое доброе дело, всякое ваше предписание! Чтоб они меня сделали угоднее вам! Сие есть покрайней мере, совершенство, которое я от себя

[463] Возможно, П.Н. Львов, дядя Н.А. Львова; показательно, что Львов и Дьяков встречались в переписке Муравьева ранее: «Возвратясь оттуда опять к дяде, поехали к Алексею Афанасьевичу. Там Николай Александрович, Петр Николаевич. Еще множество знакомых» [Письма, с. 349].

[464] Галлер А. фон (1708-1777) — швейцарский ученый и поэт.

[465] В 1778 г. А.А. Муравьева вышла замуж за А.В. Урусова.

требую. Сколь же уничижительно состояние, когда мы сами удаляемся от своего начертания, известны в своей подлости, неспособны никакого благороднаго понятия, никакой надежды быть щастливы. Таковы будут те минуты, когда я менее вспомню вас. Сколько я одолжен Николаю Васильевичу <Репнину>! Он мне приобретает ваши милости. Может быть, писмо его возвратит меня к воинскому состоянию.

Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> еще в начале прошедшей недели приехал сюда водою. Его упреки недолго продолжались: он и тем, говорит, безпокоился, что я не уведомил его о приезде в Тверь. Он почитает себя сожаления достойным, что домашние, которым он столько зделал добра, мало его чувствуют. Мамка округ его не ходит и просится на волю. Марья[466] с мужем своим целой день проводит в своей горнице и в таком состоянии, каково его, сидит. Ник.<олай> Ив.<анович> Новиков[467], которой поехал отсюда на месяц в Москву, живет теперь в Подмосковной у Михаила Матвеевича <Хераскова>, где также и <И.П.> Тургенев... Нижайше благодарю за сообщение речи Г.<осподина> Карманова, которую может быть удастся мне здесь напечатать[468]. В Вотчинной Канторе весь успех дела еще в том, что послали запрос в Архиву. Повытчик жалуется на сообщение Новгородской палаты, что оно не понятно. Но я несколько понадежнее теперь, потому что дядюшкин <М.А. Муравьева ст.> человек Яким, которой ходил за делами во Гдове сюда приехал. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> приказал просить вас, чтоб вы позволили поговорить с Агеем Логиновичем[469], чтоб он отдал ему в наем свои пустоши, которые теперь у Завалишина[470]. Впрочем только того желая, чтоб вы пользовались непрерывным здоровьем, прошу совершения моего счастия подтверждением вашей родительской милости и остаюсь навсегда с глубочайшим почтением

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Воспоминаю все твои попечения, сии маленькие попечения; но зделанныя для того чтоб прельщать нас, когда женщинам внушает их собственная сердца их нежность. Любви достойная! наслаждайся сокровищем сего сердца. Не подозревай его добродетель; но старайся занять его действовательность разсуждениями, достойными бессмертнаго и духовнаго существа, тебя одушевляющего. Не одиножды для тебя переменяется картина света? Но добродетель, но любовь человечества и Творца его не должны последовать непостоянности сих перемен? Помысли краткость жизни: минуты, которыя ты отсекаешь своевольно от жизни своей, не с тем к тебе приходили, чтоб тебе потерять их. Сколько упражнений сердцу: видно по всему, что мы родились гражданами целаго мира. Какая необходимость любить целой род человеческой! в Париже также чувствовать, как в Петербурге, и в Петербурге, как в Твери. Везде есть место явления для разсматривающаго. И край вселенной может подать нам знание о целом. Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственныя души, наслаждающияся разсматриванием друг друга... Мое писмо прочтешь ты конечно за писмо к сродственной душе: ты так хотела. И если оно тебе скучило, тем хуже для тебя. Нет, тем хуже для меня, что я не знал зделать любопытными сие малое число с<т>рок. В награждение посылаю к тебе надписи к изображению Сумарокова, которые я написал сегодня по утру.

---

[466] Возможно, речь идет о побочной дочери М.А. Муравьева ст. [Письма, с. 374].

[467] Новиков Николай Иванович (1744-1818) — русский журналист, писатель, издатель, масон.

[468] Имеется в виду произведении Д.И. Карманова «Речь императрице Екатерине II благодарительная от тверского купечества и мещанства, говоренная в магистратском зале 10 июня 1778 г.».

[469] Возможно, А.Г. Свечин (1727-1797) – надворный советник.

[470] Возможно, А.С. Завалишин (1726-1790) – помещик.

Воспитанник богинь, Любви сопутниц красных
Ко Музам юношей в общенье привлечен.
Сей первый таинства сердец похитил страстных
Любовь похитил их, их другом наречен.
И млад, надежды полн, уже творец Хорева,
Со Ломоносовым себя едина зрел:
Но на соперника не мог воззреть без гнева
Семиру начертал и с ним безстрашен сел.

Зделай милость матушка попроси батюшку, чтоб приказал переписать *Розану* г.<осподина> Николева[471]. Мне ее здесь иметь очень хочется. Будь здорова и весела ты исполнишь оба мои желания; за тем, что я не требую уверений в твоей любви. Прости

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 54-56 об.)

<80>++
Санкт<->Петербург 1778 года Июля .3. д.<ня>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Сестрица уведомляет меня в прошедшем писме, что на нынешнюю неделю вы намерены были ехать в деревню: я приготовлен сей раз лишаться вашего милостиваго писания: уверен что для того я ничего не теряю в вашем напоминовении. К кому я более принадлежу, как вам? Все мое существование напоминает мне союз, богом и природою заключенной, ручающийся за безопасность всех моих удовольствий, делающий наслаждение их драгоценнейшим, потерю их сносною. Так рачительно призирает природа на нужды чад ея. Малейшее хладнокровие, в котором бы я был виновен против вас, была бы неблагодарность, долженствующая помрачить все добрыя качества еслибы я их имел... Но к чему сие? Мое сердце должно быть внутренне убеждено силою и истиною сих чувствий и должно ограничиться их чувствованием. Мне самому, мне должно показать достоин ли я сих понятий. Нет обыкновеннее для человека, как действовать против своих правил. Где занять мне сие изящество нрава, не делающее изъятий для себя в общем нравоучении? Сие добродушие, требующее от себя перваго, что хочет видеть в других... Как бы то ни было, вы должны зделать мое щастие, зделать меня лучшим. Творец не отвергает своего дела и если к первым чертам его, другия руки прибавили черты менее с красотою согласующиеся, теряет ли он еще всю привязанность к предмету своей любви... Но я примечаю, что слог мой становится от часу сходнее с моим чтением. Он также разбросан и безпорядочен, как оно. Никто не знал меньше меня, что надобно сказать. Я еще щастлив, если сие наводнение слов и разсуждений не у места, не заставит кинуть без прочтения другой половины писма. Разсудить только по нем; то я не вижу здесь никого, кроме Агличан и сумасшедших. Нет ничего несправедливее сего заключения. Но вот что неизвинительно: вместо того, чтоб зачать писать мое писмо с самаго утра, большую часть его провел я его откладывая и читая между тем некоторыя книги, отданныя мне под сохранение. Я пользуюсь имением Никиты Романовича <Рожешникова> и Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>. С сим последним почти два дни препроводил я у дядюшки <М.А. Муравьева ст.>. Нынешнюю неделю отворена Академия художеств, не было дня (я нечто прибавил), в которой бы не пробыл я там покрайней мере до двух часов. Я не могу удержаться от слабости радоваться тому, что сей вкус мною владычествует. Не без тогож, чтобы я не чувствовал пустоту его? Но что ж не пустота в свете?.. Сегодня разположился я

[471] Николев Н.П. (1758-1815) — поэт и драматург; «Розана и Любим» — комическая опера, поставленная в 1778 г. в Москве.

было дома, вместо того Агафоклея Александровна[472] присылала меня звать обедать. Вы простите, милостивой Государь батюшка, что я письмо кончу, прежде нежели бы хотелось, обещаний держаться надобно. В Петров день обедал я у Алексея Афанасьевича <Дьякова> по случаю, будучи завезен. А в Петергофе не был от лени. Человека три обещали мне место в их каретах: я был етако сонен, чтобы не объявить их обещания к сроку. В восшествие на престол была при дворе перемена, которой всей я не знаю. Полковников восмнатцать произведено в Бригадиры. Много в Камергеры между которыми и <И.Н.> <Римский->Корсаков. <С.Г.> Домашнев также в Камер-Юнкеры. Кн.<язя> Путятина[473] и Льва Алекс.<андровича> Нарышк<ина>[474] тоже. Многим даны ленты... но теперь бу<д>ет двенадцать. Я сержусь на себя ужасно; но ето не помогает. Дай бог, чтоб первое ваше писмо меня обрадовало: но чтоб и всегда такие только письма мог я получать от вас, какия ваше сердце ко мне писало. Я по гроб мой

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица. Любя столь нежно, как ты меня, сердце твое будет оскорблено, увидев небольшия строки, которыя я тебе написать успел. Сколько ето меня пронзает! но, матушка... верь, что я тебя люблю душею, или сама научи, влей в меня чувствия более тебя любить. Ты умножишь мое щастие. Будь здорова.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 64-65 об.)

<81> ++
Санкт<->Петербург .1778. года Июля .10. дня.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Сегодня по утру получил я ваше милостивое писмо от .4. числа. Щастие мое более нежели я заслуживаю: вы изволите принимать столь нежное участие в моем существовании, что оно меня понуждает зделать жизнь мою, хотя бы я и менее хотел, столько выгодною, сколько можно. В писме к дядюшке <М.А. Муравьеву ст.>, изволите вы проговаривать, что жизнь в Твери вам не нравится. Разве что нибудь новое произошло к вашему неудовольствию?.. Ростисл.<ав> Евгр.<афович> Татищев[475] скоро сюда быть намерен и с фамилиею. Следовательно от Твери прочь. Второе число нынешняго месяца Анна Андреевна <Муравьева> вышла замуж за Князя Александра Вас.<ильевича> Урусова[476] на фарфоровых заводах. Он не будучи здесь ожидаем приехал сюда; но в городе не был ни разу, я полагаю, что вы с ним прежде увидеться изволите, нежели получите сие писмо, затем что княгиня <Анна Андреевна Урусова> хотела к вам заехать. Я довольно часто был у ней в последния дни ея отъезда. Может быть я должен уважить услугу исполнением наложенной на меня комиссии дать пропуск ее обозу... Здесь стоят очень жаркия дни: однако ни один не проходит, чтоб я не выходил куданибудь. Иныя мои путешествия, как напр:<имер> на Выборгскую сторону заслуживают примечание. Нынешнюю неделю имел

[472] Полторацкая Агафоклея Александровна (1737 – 1822) – жена М.Ф. Полторацкого.

[473] Возможно, князь Н.А. Путятин (1749-1830).

[474] Очевидно, ошибка: речь идет об А.Л Нарышкине (1760-1826), сыне Л.А. Нарышкина, государственном деятеле, обер-камергере, директоре Императорских театров.

[475] Татищев Ростислав Евграфович (1742-1820) – статский советник, крупный помещик, внук историка В.Н. Татищева.

[476] Об этом сюжете см.: [Топоров, 3, с. 128-129].

я удовольствие получать у себя посещения, так как и сегодни по утру Г.<осподин> Капнист пожаловал ко мне заехал. Я почитаю себе в честь знакомство сего молодаго человека. Матв.<ей> Ив.<анович> Афонин приказывает свое почтение и искреннюю благодарность. Он весьма чувствительно тронут, тем что вы изволите вступаться в его состояние. Вы не только что будете иметь утешение обязать честнаго человека, вы изволите оказать важную услугу общему благу; так мне кажется, доставши нужнаго человека, к такому заведению, каково должно быть Воспитательное училище дворянства. Мих.<аил> Матв.<еевич> Херасков пожалован Куратором университета: покрайней мере должность сию будет он отправлять в отсутствие г.<осподина> Мелиссино[477]. Ив.<ан> Ив.<анович> Шувалов[478] поставил на своем; хотя Михайлу Матвеевичу <Хераскову> и очень того не хочется. На покойном Василье Ивановиче <Майкове>, сказывают, осталось .20000. руб.<лей> долгу. Теперь-то должны показать его приятели, которых в жизни свою имел он столь много и всякаго рода, прямо ль они его любили. Покрайней мере от Аполлона Андреевича[479] с которым я на нынешней неделе обедал у Алекс.<андра> Алекс.<андровича> Саблукова не слыхал я об нем ничего. А он бы теперь был в состоянии. Дядюшка <М.А. Муравьеву ст.> в субботу кушал у <митрополита> Гавриила[480]... Я бы прочил если можно, меня уведомить, как долго сестрица пробудет в деревне. Мне жаль, что она не будет видеться с княгиней... Никогда не писал я несвязнее и маловажнее писма, как нынешнее может быть для того, что я не имел ничего сказать примечания достойнаго. Вообще моя жизнь, если не прекрасная и не самая полезнейшая; то однако такая, которая заслуживает имя спокойной и приятной. Ее щастие подтвердится, если я буду извещен, что состояние ваше и сестрицыно согласно с вашими желаниями. Я прошу вашего родительскаго благословения и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 50-51 об.)

<82> ++
Санкт<->Петербург 1778 года .17. июл.<я>
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

По повелению писма вашего от .11. Июля вексель на Конева и Попова[481] с адресом на Твердышева[482] при сем посылаю. Я думал было подождать до Немецкой почты; но, как он скоро надобен, отважился послать на Ямской. Кажется что писма все верно доходят.

[477] Мелиссино И.И. (1718-1795) – с 1771 по 1795 гг. куратор Московского университета. Херасков был назначен куратором Московского университета 28 июня 1778 г. – по-видимому, в награду за «Россияду», рукопись которой автор поднес Екатерине II [Кочеткова, 2010, с. 352].

[478] Шувалов И.И. (1727-1797) – государственный и общественный деятель.

[479] Возможно, ошибка, и речь идет об А.Н. Фролове-Багрееве, знакомом Муравьевых. Тем более, что в следующем письме упоминается Т.М. Фролова-Багреева. Впрочем, возможно, имеется в виду А.А. Волков, брат Александра Андреевича и Анны Андреевны Волковых (последняя, как уже указывалось, вышла замуж за Н.Е. Мураьвева, а после его смерти — за князя Урусова, о чем Муравьев рассказывает в этом письме).

[480] Митрополит Гавриил (1730 – 1801) – в 1770-1783 гг. архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский.

[481] П.Ф. Попов и П.С. Конев – вологодские купцы [Топоров, 3, с. 88].

[482] Твердышев — приказчик [Топоров, 3, с. 260].

Татьяна Михайловна Фролова-Багреева[483] послала к вам сегодня для пересылки к Анне Яковлевне[484] важныя писма; так приказала просить, чтоб вы их, не умедля, доставить ей изволили. Дядюшка Матв.<ей> Арт.<амонович> <Муравьев ст.> свидетельствует свою благодарность за писмо и приказал вам напомнить, чтоб поговорить с Аг.<еем> Лог.<иновичем> Свечиным[485] о пожнях[486]. Вы изволите спрашивать у дядюшки, может ли он надеяться на Кн.<язя А.А.> Вяземскаго. Во все ето время он у него не был и быть не может в разсуждение своей болезни; но думает, что он может на него положиться, заключая из того, что ему помог при отставке. Так что и теперь бы дядюшка мог адресоваться к нему писмом, еслибы знал ваши намерения и нужду. Вы изволите писать, что была великая перемена; но сколько я знаю, она была только при дворе[487]. А там все управляется по некоторым ветрам, вдруг возстающим и утихающимся также. Любимец становится велможей: за ним толпа подчиненных велмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честной человек, которой не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности. Для негоже лучше, если только бы жестокая бедность, навлекающая ему презрение от невежд, еслиб бедность не отягощала его чувствительного сердца. Может быть откроются глаза мои и буду я раскаиваться, что я теперь ни очень не стараюсь; но до сих пор состояние мое не имеет ничего несноснаго. Правда, что ето позорище переменится, если я должен буду помышлять о своем пропитании. Но какими способами найти случаи, которые никогда не представляются?.. Здесь поговаривают о походе, четвертаго дня сказывал мне Рубан, что прусской король <Фридрих II> дал баталию и был побит: до 5000 тел на месте осталось. Король ушел в крепость Кениггрец[488]. Он слышал ето от Кн.<язя> Гр.<игория> Алекс.<андровича> Пот.<емкина>. Вчерась получил я писмо от дядюшки Льва Андреевича <Батюшкова>[489], в котором он приказывает засвидетельствовать вам свое почтение. Николай Львович <Батюшков>[490] в Москве; а Павел Львович <Батюшков>[491] пожалован Сержантом. Впрочем прося усерднейше вашей родительской милости, навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 46-47).

<83> ++
Санкт<->Петербург .1778. года Июля .24. дня

---

[483] Фролова-Багреева Татьяна Михайловна (ум. 1789) — мать А.Н. Фролова-Багреева, знакомого Муравьевых, сестра Ф.М. Колокольцева.

[484] Возможно, А.Я. Олсуфьева — сестра Ф.Я. Олсуфьева.

[485] Свечин А.Г. (1727-1797) – надворный советник.

[486] Пожня — покос, сенокос, пажить, луг [Даль, 3, стр. 203].

[487] Муравьев имел в виду смену фаворита: С.Г. Зорич потерял расположение императрицы, и его место занял И.Н. Римский-Корсаков. Такие события всегда привлекали внимание придворных и дипломатов, так как новый человек в окружении Екатерины II неизбежно влиял на политику вообще и на расстановку сил при доре, в частности.

[488] Речь идет о событиях т.н. войны за баварское наследство.

[489] Батюшков Лев Андреевич — муж тети М.Н. Муравьева (сестры С.П. Ижориной), дед К.Н. Батюшкова.

[490] Батюшков Николай Львович (1755 – 1817) – помещик, чиновник, коллежский советник, отец К.Н. Батюшкова.

[491] Батюшков Павел Львович (1765–1848) – сенатор, генерал-майор, действительный тайный советник.

Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

С какою горячностью должен я принимать знаки ваших стараний и милостей, изображаемых в ваших писмах, если я сколько нибудь хочу дать себе удовольствие благодарности! Я наслаждаюсь спокойнейшею жизнию, вкушаю иногда ея приятности: все чем наслаждаюсь, есть ваше. Опечаливает меня то, что я столь мало присовокупляю своего к стараниям вашим: чувствую каким подвергаюсь я упрекам, что не могу никакого принесть вам утешения, за столько ваших на мое младенчество, юношество, всю жизнь мою потраченных благодеяний, попечений, за скуки и иждивение. Но утешает меня одно воспоминание вашей отеческой нежности, залоги милостей, которыми я впредь себя ласкаю. Может ли что нибудь лишить меня вашей любови, пристанища в котором я не боюсь никакой бури? Но для самой ее, начертайте вы сами границы должностей моих, чего от меня требовать должно и какими способами могу я делать приобретения. Время мое проходит для меня нечувствительно. Большую часть его полагаю я на чтение; но не могу похвалиться, чтоб сие чтение приносило мне другие плоды кроме моего удовольствия. Правда, что я было нынешнюю неделю обратился к своей трагедии[492], для того, что я был у <И.А.> Дмитревскаго, которой у меня ее спрашивает. Но охота сия, ежели опять не придет, продолжалась только несколько дней. Сей человек имеет особливую прелесть обхождения: он может уговорить все что захочет. В ету неделю обедал я два раза у дядюшки <М.А. Муравьева ст.>: он слава богу здоров, кроме маленькаго безпокойства руки и ноги, которое однако не мешает ему самому о себе ходить. Иван Матвеевич <Муравьев> большой, у которого я вчерась был, приносит вам свое нижайшее почтение. Они теперь в самых трудных упражнениях и всякой день в строю. Николай Федорович <Муравьев> с своими Греками в лагере. У Мих.<аила> Фед.<оровича> Соймонова хотелось бы мне очень побывать; но он живет не в городе, а на даче; так ето странствование немножко далеко. В воскресенье был в Петергофе маскарад, в котором я не был[493]. Всякое воскресенье положено у меня побывать у Николая Васильевича <Репнина>, которым я доволен больше быть нельзя. Я догадываюсь, что он столько же любит спокойствие, как я. Извинительнее меня без сомнения, что я тогда люблю спокойствие, когда им пользоваться мне не можно. Но етого уже много писать толь маловажные вещи, не вспомня ничего сказать нужнаго. Я прошу бога от всего моего сердца, чтоб вы были столько благополучны, сколько мне быть

---

[492] Речь о трагедии М.Н. Муравьева «Болеслав».

[493] См. сообщение КФЖ от 22 июля 1778 г.: «В 6-м часу, по полудни, в силу учиненных повесток, имели приезд в покои верхняго Дворца, в маскарадном платье, знатныя Российския обоего пола персоны и прочее Дворянство, тако-ж господа чужестранные Министры и Российское и иностранное купечество и проходили парадною лестницею; вход был без билетов <…> В 7-м часу, Их Императорския Высочества из Своих покоев изволили прибыть в залу и началась музыка, как в зале, так и в галлерее. Танцовать начал Гофмаршал Князь Федор Сергеевич Барятинской с Графинею Софьею Дмитриевною Матюшкиною.

По сем, в непродолжительном времени и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила из Своих покоев выдти в маскарад же, а потом, в картинной комнате изволила играть в карты, в макао <…> Для бывших в маскарад персон были ужины:

1. На галлерее, что к гербу под ставкою, для знатных обоего пола персон, придворных кавалеров и чужестранных Министров, на 40 приборов

2. Стол в галерее, что у церкви, для Генералитета и всего Дворянства.

3. Стол в галерее, что у герба, для иностраннаго и Российскаго купечества.

Маскарад продолжался до 3-х часов по полуночи» [КФЖ, 1778, с. 452-454].

желаете; чтоб я всегда имел щастие… но я никогда не сомневался, чтоб я не был вами любим. Щастлив только, если б умел всегда утвердить сие право. С глубочайшим почтением навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица, Федосья Никитишна! Теперь покрайней мере не обманусь я, что ты уже в Тверь приехала. Какое ты найдешь там ожидающее тебя меланхолическое письмо или справедливее сказать рапсодию темными разсуждениями, еще темнейшими чувствованиями наполненную, не достойную быть к тебе прислану. Извини, маминька, для намерения: оно шло от души, тебя любящей. Но что скажешь ты, увидя малость сих строк? Я разскажу тебе истину. Обыкновенно употребляю я на писма к вам целое утро вторника. Вчерась легши в постелю долго прочитал я; так встал по утру не рано. День был прекрасной. Я вздумал итти прогуливаться. Возвратившись нашел я у себя <В.В.> Ханыкова, которой только передо мной взошел на двор. Ничто не может быть точнее сего повествования. Но должноли бы оно быть внесено в писмо мое: ето ты разсудишь. Теперь надобно мне итти в Комедию. Сегодня представляют *Колонию*[494]. Отпиши мне, маминька, по первой почте: ты разорвала со мной переписку... Да я было позабыл тебе сообщить прозьбу Зах.<ара> Матв.<еевича> <Муравьева>… Алексей Минич <Муравьев> увез у него печатку с вензелем его. Он просит ето ему напомнить и попросить его, если можно, его печатку... Пишут, что Руссо[495] скончался. Какой год для философов!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 44-45 об.).

<84>[496]++
Санкт<->Петербург 1778 года Июля .31. дня.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я два писма ваши: и первое наполнило меня радостью, ето мало изъясняет то, что я чувствовал. Умиление объяло все силы души моей: я предстоял пред вами. Я исчитал каждую милость божию, при каждом взоре которой обращал я на жизнь мою. Везде видел я вас пекущагося сделать существо мое приятным. Сие мгновение чувствия возвращаются ко мне всякой день, и я могу начертать его по воспоминанию, которое мне всякой день остается. И если бы виновный хлад окружил мое неблагодарное сердце, вы умеете возвратить ему прежнюю живость чувствования. Что может быть нежнее попечений, которыя вы принимаете обо мне? Сии попечения останутся вечно упреками для меня. Что должен я делать, чтобы угождения мои могли сравняться со всеми милостями, которыя внушает в вас родительская любовь? Я имел нескромность желать присутствия сестрицы в Твери: вы изволите писать ко мне, что вы поспешите ея возвращение только для того, чтоб я мог получать ея писма. Последнее уведомляет меня, что она уже приехала. Ето далеко простирать ваше снизхождение. Я должен умолчать свои чувствия: нежнейшия черты их покажутся грубы в сравнении образца, которой бы должно было в них узнать. Природа у себя оставляет свои кисти. Я сам может быть послушался искушения изобразить

[494] Вероятно, речь идет о комической опере Н.Э. Фрамери «Колония, или Новое селение» [Письма, с. 375]; о постановках в России см.: [Evstratov, p. 302]. В 1790 г. ее перевел на русский А.В. Храповицкий [Степанов, 2010, с. 372]

[495] Ж.-Ж. Руссо умер 2.7.1778; как видим, новость до Петербурга дошла быстро.

[496] Адрес: «Его Превосходительству действительному Статскому Советнику и Тверскаго Наместничества Господину Виц-Губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву. В Твери. Пожаловать отдать без умедления от Гвардии Сержанта Муравьева».

ее действие и сказал уже много, не попавши на то, что сказать было надобно. Обыкновенная моя ошибка и которая заставит отказаться писать... Между тем, умедлил я просить вашего уведомления, изволили вы получить посланный мною за три почты перед сим вексель? Я опасаюсь, чтоб он не затерялся, будучи послан на ямской почте. Господин Андреев[497] еще не доставил покуда, посылки, которую с ним вы отправить изволили. Но ето не мешает, чтоб я не принес уже моей нижайшей благодарности. Вы изволите знать, что я еще здесь имею стеганое малиновое одеяло, совсем новое и котораго я не употреблял. Иван Долгой здесь позажился: нельзя иначе. В Вотчинной Канторе нет такова маленького дела, которого бы они протянуть не умели. Сем.<ен> Серг.<еевич> Муравьев за таким же отказом жил целую зиму. Теперь в Архиве выпись дач набело переписывают. Не изволите ли вы отписать к кому нибудь из судей, чтоб делу придать сколько нибудь скорости. На етой неделе Иван Абрамович[498] едет в Крым. Ему поручила Государыня там особливое дело. Чтонибудь в разсуждении пристаней и заведения там флота. Мерку обшивок моих рубашек при сем посылаю. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, с истинным почтением навсегда пребуду

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я хочу чтоб ты всегда ко мне писала, как етот раз, то есть: убираясь. Хотя ето и отнюдь не весело и скучно; однакож и не скучно очень... Нет, нет: в ету минуту я передумал. Я помню combien vous coute un moment de toilette[499]. Ну так, ни слова о туалете. Пиши в неглиже. Ето одежда пишущих: ето моя теперь. Но если ты вообразишь маминька, что теперь четвертой час после обеда, что будучи страстной охотник к театру, навлекаешь на себя опасность пропустить комедию, после которой не будет их целых .15. дней; ты вить присоветуешь мне оставить мой неглиже. Вот что я исполню scrupuleusement[500]. Я бы остерегся так писать, ежели бы писал к другому. Он бы невыгодно разсудил о разуме тех обществ, в которых я имею честь быть admis. Но ты обо мне не можешь заключить иначе, как выгодно. Тебе бы надобно было зделать себе усилие, которого ты не способна. Я же с тобою самой видаюсь всякую неделю. Разве ето не разговоры? Твои требования суть для меня повеления: особливое мое утешение их исполнить... Милостивой Государыне сестрице Любови Федоровне <Муравьевой>, если письмо мое застанет ее в Твери, свидетельствую мое искреннейшее почтение и прошу ее оставить мне место, между теми, которых она не ненавидит. Я достоин пощечин за последнее.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 48-49 об.)

<85> ++
Санкт<->Петербург .1778. года Августа .7. д<ня>.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

В один вчерашний день получил я от вас три писма вдруг: то которое с Г.<осподином> Андреевым послать изволили; то что сестрица ко мне писала с Ростиславом Евграфовичем <Татищевым>. Я считаю его словно как от вас; тем более что я изустно слышал от очевидца, все что я бы только мог пожелать слышать о вашем состоянии. Он

[497] Возможно, А.А. Андреев (1762 – после 1812) – художник [РБС, 2, 1900, с. 122].

[498] Ганнибал Иван Абрамович (1735-1801) — генерал-аншеф, главнокомандующий Черноморским флотом.

[499] Перевод: «Сколько у вас уходит на туалет».

[500] Перевод: «С величайшей точностью».

изъясняется о вас в выражениях, полных почтения. И присовокупляет, что ето выражения целаго города. Мило слышать свидетельства любови и уважения о тех, которых почитаем частию собственнаго существования. Жребий етого дня был мне столько благосклонен, что не один случай представил о вас разговаривать. Г.<осподин> Андреев с час пожаловал посидел у меня. Вы легко себе вообразите что ето время употребили мы, разговаривая о Твери или лучше сказать о том, что делает меня внимательным к Твери, о вас... Давно не налагал я столько труда ногам моим, после первых дней моего приезда, как вчерась. Труд не обременительной; если он повелевается своим собственным удовольствием. Таков был мой вчерашний. Если бы я немного не предостерегся; я бы впустился описывать прекраснейшее утро, которое мне случалось видать. И я бы наскучил. Таково человеческое своенравие, что оно не прежде отдает справедливость и красотам природы, как когда оно само, так сказать, обласкано щастливым стечением обстоятельств. Щастливое сердце чувствует прохладу каждаго утра; между тем как в глазах недовольного Майская заря выводит только пасмурные дни. Я видел вчерась Государыню <Екатерину II>; затем что она изволила сюда приехать для Преображенскаго праздника. Несколько Ишпанских морских офицеров, пришедших сюда на королевском фрегате, было ей представлено. Давно не видал я столько Кавалеров праздношатающихся и барабанщиков[501]. Разсуждение не очень умное, но которое должно остаться, когда оно один раз написано. Когда множество предметов быстро проходят мимо глаз, то случается, что видя через чур много, ничего не видишь. Так-то я имея много разсказывать, не успею ничего сказать. Очень мудрено жить, чтоб подать содержание посредственнаго романа. Однако одно из моих похождений через чур лестно моему самолюбию, чтобы оставить его без повествования. Ето было в воскресенье, что встретившись в Летнем саду с <С.Г.> Домашневым вздумал я его поздравить с чином. Мне не удавалось зделать етого прежде, затем что он живет на даче. Он мне ответствовал извинением, что будучи очень занят, не успел он избрать дня просить меня к себе отобедать. Продолжение его ответа должен я сократить; затем, что разсказывать его будет все равно, что хвалить самого себя. Сколько ни мало истины было в его учтивстве; однако помню я, что несколько минут спустя я опомнился и не мог воспретить себе пройти раз через аллею весьма гордой выступкой… О Ваньке долгом не знаю, могу ли я сказать что нибудь верное. Подьячий, которому третьяго дня принужден был я дать .20. коп.<еек> затем, что он на двор пришел за ними, уверял меня, что дело кончится в неделю. Но етот безсовестной не бывал сегодня в контору; для того, что вчерась был праздник. Вы изволите писать, чтоб я уведомил о моих деньгах. Но я в ето время продал обе кибитки, хотя гораздо с уступкою и старой плисовой кафтан. Ети деньги были причиною, что я не починал .50.-ти рублей, которые занял я у Неручева[502]; но думаю, что скоро их зачну. Дядюшка М.<атвей>Арт.<амонович> <Муравьев ст.> поручил мне написать от него писмо к кн. <А.А.> Вяземскому о деле с М.Пр. Яковлевым. М.И. Мордвинов[503] берется подать его.

---

[501] Ср.: «В понедельник <6 августа. – А.И.>, в день праздника Преображения Господня, в Летнем дворце, происходило следующее: По утру, в комнате отпраляема была утреня. В половине 11-го часа, пред полуднем, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила предприять шествие в карете, от параднаго большаго крыльца церемониею, Лейб-Гвардии в Преображенский полк, в полковую церковь во имя Преображения Господня, к Божественной литургии. <…> По прибытии к помянутой церкви, при выходе из кареты, у ограды, встрчена ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО того полка Подполковником Его Светлостью Князем Григорьем Александровичем Потемкиным и Маиором Федором Матвеевичем Толстым, тако-же и Обер-Офицерами. <…>» [КФЖ, 1778, с. 487-488].

[502] Неручев М.Я. – орловский купец [Топоров, 2001-2007, 3, с. 269].

[503] Мордвинов М.И. (1730-1782) — государственный деятель, генерал-майор.

Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> лечится у полицейского Штаб-Лекаря Нилуса[504]. Его сложение столь крепко, что само себе помогает. Прежде леченья на вертлуге[505] больной ноги открылась фистула. А теперь Штаб-Лекарь положил костик в локть, чтоб зделать такую же на руке.... Я опасаюсь заслужить справедливую упреку, что я много пишу и утомляю безполезным. Вперед постараюсь прежде думать нежели писать. Сколько бы я щастлив был, если бы какое нибудь произведение здешней моей праздности могло вам засвидетельствовать, что я знаю цену родительской милости и стараюсь заслужить ее вперед. Но заслужу ли я ее или нет, вообще сердце должно решить, откажете ли вы ее мне.

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 36-37 об.)

<86>[506] ++
Санкт<->петербург .1778. года Августа .14. д.<ня>.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас одно писмо чрез г. Глейниха[507]; с которым бы мне надобно было сегодня видеться, затем что он сегодня отъежжает, но не знаю каким образом не удалось. Я прошу извинения за сие небрежение. С четверга по воскресенье был я у дяди Матв.<ея> Арт.<амоновича> <Муравьева> затем, что он находил все новыя причины удерживать меня. Нас было там трое Ник.<олай> Федорович <Муравьев> и Зах.<ар> Матвеевич <Муравьев>. Мы были на смотру в Кадетском корпусе. Нечаянно случилось, что я играл два дни в виск с дядюшкой. Вы изволите видеть, что уж и ето довольно быть заняту, чтоб еще думать о чем нибудь другом. Мое состояние очень спокойно; но может быть не мне бы его иметь было надобно. Конечно я не заслужил его. <Ж.Ж.> Руссо говорит покрайней мере, что из драгоценнаго нашего времени не должны мы ничего утратить, в чем бы не можно было дать отчету отечеству, друзьям и нещастным[508]. Имеюль я сколько нибудь времени, которое принадлежало бы мне одному без изъятия и в котором бы не должен я был вам ответствовать. А однако ж трачу я его так безрассудно и своевольно! Сколько минут жизни пройдет прежде нежели одумаешься, что ты их прожил. И я имею смелость произносить мое осуждение однако с тем, чтоб быть вами прощену. Авосли буду я иметь еще довольно твердости, чтоб стараться исполнить свое нравоучение. Никогда не должно отчаяваться быть полезным. И какая надежда может быть прелестнее, как сия самая, хотя бы она и была только мечтою!.. В июле месяце *Вестника*, я думаю что

---

[504] Нилус Х. – с 1773 г. штаб-лекарь, позднее – главный врач Санкт-Петербургской полиции; см.: [Каменский, 11-12].

[505] «Сустав, на котором обращается ляшка» [Даль, 1, стр. 161].

[506] Адрес: «Его Превосходительству действительному Статскому Советнику и Тверскаго Наместничества Г. Виц-Губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву. В Твери. Пожаловать отослать без замедления. От Сержанта Гвардии Муравьева».

[507] О каком именно Глейнихе – Вилиме или Вильгельме – идет речь, неясно; см.: [Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764-1795). Сост. Степанов В.П. СПб.: Академический проект, 2003. С. 153].

[508] Муравьев отсылал к известному сочинению Ж.-Ж. Руссо «Discours sur les sciences et les arts» (1750): «Qui voudroit en un mot passer sa vie à de stériles contemplations, si chacun, ne consultant que les devoirs de l'homme et les besoins de la nature, n'avoit de temps que pour la patrie, pour les malheureux et pour ses amis» [Rousseau J.J. Oevres completes. Paris, Poinçot, 1791, vol. 15, p. 45].

вы уж и изволили видеть напечатанную речь Карманова[509]. Какую крепкую вылазку претерпели бедные издатели Вестника, в писме, напечатанном в недавнишних газетах, от озлобленнаго ими Автора. Сами виноваты! Надобно было знать, кого можно ссилить и кого нет[510]. С <Я.Б.> Княжниным[511], которой в числе издателей, с некоторого времени я поболее знаком. Как тихой человек, он очень любви достоин, и как писатель много трудился... Я посылаю при сем зубочистные спички, которые на нынешней неделе мне подарили, которые, если можно, покорно прошу употреблять. А я знаю, что вы иногда изволите их употреблять. Я сержусь на себя, что, имея только один случай писать к вам в целую неделю, собрался я написать такое вздорное и беспорядочное письмо; но этот раз только буду я в этом просить прощения. Мои желания в том, чтобы вы не отменили своих милостей и моего счастия. А я по гроб мой пребываю с совершеннейшим повиновением

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица, Федосья Никитишна! Тот кто не исполняет обещаний своих так долго, достоин ли получить внимание, хотя бы он его требовал? Нет: кроме тебя. Я не могу так преступить пред тобой, чтоб еще не надеяться потачки или покрайней мере пощады. Однако знай, что я не могу обмануть: порука Николай Федорович <Муравьев>, которой меня не допустит быть подлым. Он так мил, как больше быть нельзя. Перья конечно будешь ты иметь на будущей почте. Ты ко мне когда пишешь, пишешь прекрасно, но никогда не пишешь своего состояния, так как бы мне хотелось его знать. Милая! разве ты думаешь, что оно меня не трогает? Если бы я имел вместо сердца камень, по благодарности бы я любил тебя. Но тебе сие средство не надобно. Ты приглашаешь любить себя: ты любишь так, что не любить тебя невозможно. Я радуюсь, что ты имеешь теперь удовольствие жить с Любовью Федоровной <Муравьевой>. Если б оно продлилось более. Зделай мое щастие, не забудь меня любить. Я не спорю, достоин ли я? Но ежели нет, ты должна совершить мою душу, ты меня должна зделать достойным любви своей. Я прошу тебя матушка взять попечение о дочери Ульяниной. Она как натурально матери ужасно безпокоится, слыша ото всех, что она дура и ни к чему не употребляется.

Милостивая Государыня матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Мы недавно препроводили два дня вместе с Николаем Федоровичем <Муравьевым> то у него, то у дяди М.<атвея Артамоновича> <Муравьева ст.>… Вы легко разсудите, было ли говорено о вас. Я знаю, что вы уверены о нем, но мне сударыня вы зделаете обиду, ежели откажете тоже уверение. Я пребываю навсегда с искреннейшим почтением

Ваш покорнейший слуга и брат

---

[509] Карманов Д.И. Благодарственная речь Ея Императорскому Величеству, Всеавгустейшей Великой Государыне Императрице ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ Самодержице Всероссийской, от Тверскаго купечества и мещанства по случаю оказанных к сему городу высочайших щедрот, говоренная в магистратском зале в присутствии Его Превосходительства Господина Генерал Маиора, Тверскаго наместничества правителя и кавалера Тимофея Ивановича Тутольмина <…> Июня 10 1778 года // Санктпетербургский вестник. СПб., 1778. Ч. 2. С. 64-70.

[510] Возможно, Муравьев имел в виду сдержанный отзыв на «Историческое изображение России» И.Ф. Богдановича, который был напечатан как раз во второй части «Санктпетербургского вестника» (Там же, с. 55-60). Богданович напечатал ответ в редактируемых им «Санктпетербургских ведомостях»; об этом см. подробнее: [Берков, с. 352].

[511] Княжнин Я.Б. (1740 (?)—1791) — известный русский писатель и драматург.

Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 42-43 об.)

<87> ++
Санкт-Петербург. Августа .21. д.<ня> 1778. года[512]
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Как ответствовать мне на писмо нежнейшаго отца, чтоб живейшия чувствования любви и благодарности не остались ниже попечений отеческой горячности? Какую бы хотел я иметь душу, чтоб только быть способну той благодарности, того возврату любви, которыя начертавает мне ваша? Но детям не суждено заплатить родителям, того что они на них издержали. Кто более имел удовольствие делать щастливыми своих, как вы. Кто менее чувствует себя в состоянии зделать взаимно наслаждение милостей, как я? Глубокое чувствие моего достоинства, вашей горячности, которая находит утешение делать мне жизнь мою приятною, занимает все пространство души моей. Я ощущаю сие сладостное болезнование, причиняемое излишеством удовольствия. Я, которой редко наслаждаюсь слезами умиления, не удержался от них вчерась при чтении писма сего, которое мне объявляет столь много нового. Уединен, спешил я пасть пред богом, чтоб в мгновение ревности принесть ему чувствования радости, благодарности, которыя он один вселяет в сердце человека. Если бы я мог, не преступив почтения, оговорить чтонибудь, что вам было угодно, то бы я представил, сколько превышают ваши милости мое малое достоинство. Я не имею нужды в таких больших денгах; а я знаю что они вам надобны каждой день в Твери. Покупки сестрицыны надеялся я искупить оставшимся у меня. Медленность же моя в том совсем не от недостатку денег происходила; а от того, что я не умел к тому приступить. Денги я еще не получил с почты; но за ними сходить не замедлю. Они мне будут попрекать, сколько я мало пекуся их заслужить. Ничто не может и не должно меня более тронуть, как изъявление отеческаго удовольствия похвалы, которыя тем лучше любит вкушать самолюбие, чем более уверяет себя, что происхождение их священно, запечатлено будучи природою. Никогда не прощу я себе, что сие снизхождение употребил я во зло, жалуясь на отсутствие сестрицы в Бернове. Я дал себя далеко вести слепому чувствию. Ваше нежное сердце унизилось, чтоб приять совет от моего. И сие меня посрамляет. Возьмите назад сию милость, чтоб примирить меня самого с собой. Вам не должно знать, чего я хочу. Мне должно знать вашу волю, чтоб повиноваться. Я уверен что сестра меня любит более, нежели я могу требовать, и нежнее, нежели я знаю. Я доволен, где бы ни была она, лишь бы было по ея желанию. Вы простите, милостивой Государь батюшка, сие изъяснение, которым я был должен сам себе. Камень вместо сердца должен я иметь, если не колеблется оно

[512] Возможно, ошибка датировки: если в этом письме Муравьев сообщал, что «он <М.А. Муравьев ст.> *на сих днях подает вексель* <курсив мой. — А.И.> Яковлева в магистрат», то в письме <88>, которое датируется 18 августа, т.е. *тремя днями ранее*, он писал следующее: «22 числа подал от дядюшки <М.А. Муравьева ст.> в Магистрат вексель ко взысканию с Яковлева». Возможно, письмо от 18 августа написано на самом деле позднее, а дата указана ошибочно. Другое объяснение: Муравьев мог *начать* писать 18 августа, поэтому указал эту дату на листе, но отправил его позже, когда скандал с Яковлевыми разгорелся. Если это так, то можно понять появление несколько хаотичных и обрывочных текстов, которые могли последовательно писаться и отправляться отцу или быть частью одного большого письма. В любом случае мы приняли решение поставить формально более позднее письмо от 21 августа *раньше*, исходя из содержания: о столкновении с родственниками здесь ни слова, а из письма <88> со всей очевидностью следует, что эта история произвела большое впечатление на Муравьева и могла негативно повлиять на его карьеру.

сладостно при каждом вашем вспоминовении. Проклят день, в которой я буду менее любить вас, и день тот да будет день последний... но я надеюсь его не дожить.

Дядюшка Матв.<ей> Арт.<амонович> <Муравьев ст.>, которой теперь почивает в самой сей горнице, в которой я пишу писмо сие, приказал вам свидетельствовать свое почтение и благодарность. Он на сих днях подает вексель Яковлева в магистрат. Писмо к К.<нязю> <А.А.> Вяземскому, о котором я вас уведомлял, было написано и подавать отдумано. И не для чего было. Иван Матв.<еевич> <Муравьев мл.> взят от Эйлера[513] и приговорены ходить учители на дом. Нет ничего мудренее, как воспитание младенца.

Ростислав Евграфович <Татищев>, как я думаю, и сам уведомил вас, оставлен здесь; он говорит нечаянно. Но думаю, что это ему отнюдь не противно. Ник.<олай> Вас.<ильевич> Леонтьев[514] спрашивает всякой раз об вас. Не можно быть довольнее, как я, его ласкою. Вы изволили видеть <Н.И.> Новикова: покрайней мере, мне он кланялся от вас. Я бы хотел знать, понравился ли он вам?.. Я не вспомню ничего нужнаго более писать к вам. С глубочайшим почтением целую руки ваши и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга

Матушка сестрица, Федосья Никитишна! Нет, я не имею довольно твердости, чтоб воспротивиться умилению, которые причиняют мне ваши любезныя писма. Я совсем ему предаюся. Достоин ли я сего повиновения сего отрицания самой себя: *Je ferai tout ce qu'il vous plaira*? Мое величайшее удовольствие, знать вас всех щастливых и удовольствованных. Qu'à Dieu ne plaise, que je vous impose une gêne odieuse! Malheureux! Si j'abuse de la facilité et de la tendre <tendresse ?> d'un père cheri et d'un amour si peu merité d'une soeur adorable. Partez ma chere. Je rougis de l'air de permission, qu'il y a dans mes paroles. Mais vous me pardonnez. Письма твои хоть нынче раздавать: намерение мое рушилось, прождавши его у <М.Н.> Кречетникова. Я был сегодня и у <Н.И.> Новикова. Ты ко мне не пишешь, как он тебе кажется. Pourriez vous me instruire ma chere, puisque vous parlez de Mr. G. dans votre dernière lettre, en quel etat cette affaire est elle restée? J'en ai parlé avec notre cousin Colas[515]: il est des tiens et même ton partisan outré. Je crains irriter ton pauvre coeur, en entamant avec lui des discours, dont il n'est que très mécontent. Je vous embrasse de tout mon coeur. В пятницу представляли у нас *Аделаиду* Вольтерову[516]. Ты знаешь que je suis fou de cette tragedie[517].

---

[513] Вероятно, от Эйлера Ивана Леонтьевича (Иоганна Альбрехта) (1734-1800), ученого, физика и математика, секретаря Петербургской академии наук, сына знаменитого математика Леонарда Эйлера.

[514] Леонтьев Николай Васильевич (1739-1824) — поэт, капитан Измайловского полка.

[515] Николай Федорович Муравьев.

[516] Речь о трагедии Вольтера «Adélaïde du Guesclin» (1734).

[517] Перевод: «Я сделаю всё, что вам будет угодно. Моё величайшее удовольствие — знать вас всех счастливыми и довольными. Боже сохрани, чтобы я налагал на вас тягостное стеснение! Несчастен я, если злоупотребляю уступчивостью и нежностью дорогого отца и столь мало заслуженной любовью обожаемой сестры. Поезжайте, моя дорогая. Я краснею от того оттенка дозволения, который есть в моих словах. Но вы меня простите. Твои письма хоть нынче раздавай: моё намерение рухнуло, пока я дожидался его у Кречетникова. Я был сегодня и у Новикова. Ты мне не пишешь, каким он тебе кажется. Не могли бы вы меня осведомить, моя дорогая, поскольку вы говорите о господине G. в вашем последнем письме, в каком положении осталось это дело? Я говорил об этом с нашим кузеном Николаем <Федоровичем Муравьевым>: он на твоей стороне и даже твой пылкий приверженец. Я боюсь раздражить твоё бедное сердце, заводя с ним

Милостивая государыня сестрица Любовь Федоровна. Я стараюсь как можно меньше быть теперь вами виноват. Писмо ваше, надеюсь, сегодня вручить, если не здесь, так в Театре, Николаю Федоровичу <Муравьеву>. Мне уж не можно более требовать от вас одолжений, как любить меня в сестре и вместе с нею. Она вас так любит и столько имеет нужды быть вами любимой! С истинным почтением навсегда остаюсь

Милостивая Государыня сестрица
Ваш покорнейший брат и слуга
Михайло Муравьев.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 38-39).

<88>[518]
Санкт<->петербург .1778. года Августа .18. д.<ня>.
Милостивой Государь мой батюшка!
Никита Артемонович!

Какая перемена состояния произошла после того, в котором я находился, пиша к вам последнее писмо мое? Из спокойнейшаго человека, котораго собственное его благополучие заставляло желать всем добра, стал я участником ссоры, котораго грозят оклеветать перед судом и что меня более огорчает, перед вами. Моя надежда в том, что родительская любовь ваша, всего прежде приимет мое защищение и увидит не без удовольствия, что она согласуется с истиною произшествия и безпристрастнейшею справедливостию. Но меня печалит то, что спокойствие ваше будет нарушено во все то время, которое протечет от получения письма г. Яковлева до того, как придет мое. Ибо я не ласкаю себя чтоб он пощадил мне дать все те именования в писме, которые слышал я от него в его собственном доме. Сего довольно чтоб возмутить нежность ваших чувствований и мою. Затем что милости ваши и образ поступать с сыном увеличивают мои обязательства; так что уж и ето для меня род вины, чтоб быть обвиняему перед вами. Но чтоб представить вам яснее оправдания мои, вот повествование сего произшествия, так порядочно, как я могу от себя требовать. 22. числа подал от дядюшки <М.А. Муравьева ст.> в магистрат вексель ко взысканию с Яковлева. Надобно знать, что побудило его к тому: он проведал, что к Яковлеву пригнана целая лодка крестьян на продажу. Сие он узнал через мальчика своего Кореляка подареннаго ему от Яковлева и которой ходил нарочно видеться с своими родственниками. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> писал к члену Юстиц-Конторы г. Пестрикову, своему знакомому, об остановлении крепостей. Узнав сие Яковлев писал к дядюшке весьма холодное и глупое писмецо, которое если я упомню, состояло в следующих словах: *Для удовольствования долгов моих банку и вам, то есть Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>* (а надобно приметить, что вексель написан на имя дядюшки, а не брата: обстоятельство очень нужное. Ибо они хотят доказать теперь, что денги сии принадлежат тетке Олене Петровне <Яковлевой>[519] и что дядюшка <М.А. Муравьев ст.>, как лишившийся разума, должен быть отставлен от имения), *так как вы со мною уговорилися*, продолжает он, *намерен я продать несколько душ порознь. Так чтоб вы не подумали, паче чаяния, какова нибудь худаго поступка, я надеюсь что вы уверены в моей*

разговоры, которыми он очень недоволен. Я обнимаю вас от всего сердца. В пятницу у нас ставили Вольтерову «Аделаиду». Ты знаешь, что я без ума от этой трагедии».

[518] Письмо, по-видимому, состоит из трех частей, которые оказались неверно соединены в данном конволюте; они логически связаны и посвящены столкновению с Яковлевыми. Кажется, третьем отрывке также нарушена хронология и логика рассуждения: лист 71 об. должен предшествовать листу 71, поэтому мы поменяли их местами.

[519] Яковлева О.Л. — жена М.П. Яковлева.

дружбе и преданности и проч.. Яковлев уже знал тот самой час, как подан вексель в Магистрат, затем, что дядюшка выежжал к Нотариусу Волкову, чтоб скрепить объявление и за ним в след был посылан от него человек на лошади. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> надписал на векселе: *По сему верю изыскание учинить Г. Маиору Рябову*[520]. Может быть неосторожность с его стороны, но вы знаете, что дядюшка <М.А. Муравьев ст.> был всегда таков. С етого-то однако г<осподин> и госпожа Яковлевы предпринимают доказать его сумашествие. Мое нещастие было, что в прошедшую суботу вечером я, незнаю для чего, забежал я к дяде <М.А. Муравьеву ст.> от <Я.Б.> Княжнина у котораго я сидел. Дядюшка показывает мне писмо от Яковлева с каким то прапорщиком Поповым, которой у дядюшки был прежде в команде к нему присланное; целой лист исписан кругом. Признаюсь, что как молодой человек не мог я читать его хладнокровно и позабывшись, что я читал при дяде <М.А. Муравьеве ст.>, которому малейшее движение гнева может быть пагубно, не удержал ни одного выражения, которыя естественны обиженному. Я присоветовал дяде поставить приворотника, которой бы провожал вон каждаго, кто бы ни пришел с Яковлева двора. Умалчиваю другия глупости молодаго человека. Но ето уже и прошло: мы были довольно спокойно, и Захар Матв.<еевич> <Муравьев> пришел умножить нашу беседу. Я собирался домой: входит офицер в артиллерийском мундире. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> обознался и потому, что ето было в сумерках, и потому, что он еще и теперь недовидит правым глазом. Он его обнял: тот отвечает, что он не имеет чести быть знаком. Сказывается нам, что он Зюртковской, штата его высочества Аудитор. После первых разговоров, ничего не значащих, подает дядюшке писмо от Елены Петровны Яковлевой и требует на него ответу, затем что она посылает сейчас Курьера к Апостолу[521]. Мы все сперва поудержались его разпечатывать, я сам спросил у дядюшки, давноль к нему писал Апостол и имеет ли он полно к нему нужду писать? Однако Зюртковской повторил свою прозьбу дядюшке, чтоб читать писмо. Зах<ар> Матв.<еевич>, которой возле меня стоял, подал мне писмо, чтоб разпечатать. Я прочел первой отдел и кончивши говорю дяде из етого уже все видно, в чем оно состоит. Оно такое же как прежнее, так я не думаю, чтоб надобно было читать ругательства. Потом, сложивши писмо, сунул в пакет. Зюртковской говорит мне, что он не ко мне пришел, а к его превосх.<одительству> и требует ответу. Я ему на ето сказываюсь, что я родной племянник его превосх.<одительства> и говорю с ним с его позволения. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> спросил у него, какое он имеет право, будучи посторонний, говорить с ним о его деле, между тем, как его родным племянникам не позволено бы было за него заступаться? Зах<ар> Матв.<еевич> <Муравьев> взявши между тем писмо в другую горницу и прочетши про себя, приходит к нам и говорит, что нам не о чем кричать. *Тут доказывают, что вы дядюшка с ума сошли и требуют опекуна*. Я вскричал: *разве мой отец и твой также с ума сошли, чтоб искать опекунов*. Тут Зюртковской стал доказывать, что Ол.<ена> Петр.<овна> <Яковлева> самой ближайший опекун, потом Апостол[522], потом графиня Витгенштейн[523], четвертой кн.<язь> Петр Петрович Долгорукой[524], что все ето разберет Сенат. Все ето говорил он холодно и самым безстыдным образом. Я признаюсь,

---

[520] Муж побочной дочери М.А. Муравьева [Письма, с. 322].

[521] Видимо, речь об И.М. Муравьеве мл., сыне М.А. Муравьева ст., с 1800 г. называл себя Муравьевым-Апостолом [Письма, с. 365].

[522] Вероятно, речь идет о Михаиле Даниловиче Апостоле (ум. 1816), родственнике Елены Петровны Апостол (1731-1767), жены Матвея Артамоновича Муравьева ст., матери Иван Матвеевича Муравьева мл., который в 1801 г. принял двойную фамилию Муравьев-Апостол.

[523] Анна Петровна Витгенштейн (Долгорукова) (1742-1789) – вторая жена Х.Л.К. Витгенштейна, дочь Петра Сергеевича Долгорукова (1721-1773) и Софии Апостол (1713-1777).

[524] По-видимому, П.П. Долгоруков (1744-1815) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии.

что я говорил все более и вспыльчивее; но столько я должен отдать себе справедливости, что все мои выражения в разсуждении Зюрткoвскаго были измерены

Он сказал мне, между прочим, что он пришел сюда по прозьбе Олены Петровны <Яковлевой>, никак меня не зная и что я его засыпал словами. Я на ето ему ответствовал, что я его извиняю быть так холодну, не видавши писма, которое мы прежде получали; но что я уверен, что увидевши его, переменил бы он сам свои речи. На ето сказал ему дядюшка <М.А. Мураьвев ст.>, что он будет за него просить у Ник.<олая> Ив.<ановича> Салтыкова[525] в том, что он сам писал это писмо. Зюрткoвской вставши говорит: *Чтобы я стал писать пасквили! А вы их носите!* — закричали мы. *Вы признаетесь, что ето пасквили!* Дядюшка говорит ему: *Попов мне сказывал, что Артилерийской Аудитор пишет у Яковлева писмо. Ето вы были*… Он замолчал. Сим кончилось наше свиданье. На другой день по утру ходил опять Попов: его выпроводили у ворот. В понедельник по утру присылает ко мне Маиор мой <Ф.Я. Олсуфьев> сержанта, чтоб я повидался с Яковлевым. Я пошел к Федору Яковлевичу <Олсуфьеву> и бывши у него около часа, наконец дождался, что он со мной стал говорить: *Пожалуй, душа моя, сходи к Яковлеву, он хочет с тобой видеться?* Я ответствовал, что я не имею никакова дела с Яковлевым, а дядя мой имеет на нем вексельной иск в 10000 руб. *Я знаю* ответствует он мне: *да видишь он к тебе посылал, да не заставал тебя дома*. Мне должно было послушаться. Первое что представилось мне у Яковлева, был офицер Сенатской роты, котораго вид не предвещает ничего худаго. Я успел с ним выговорить слово, другое; отворились две боковые двери почти в одно время. Из одних вышла Олена Петровна <Яковлева> с причесанными волосами в шлафоре: из других Яковлев, небритой, подвязан и в тулупе. Поклонившись барыне, подошел я к нему и сказал, что Маиор мой прислал меня к нему... *Нет, батюшка, не ко мне, с ней, вот с ней ты будешь говорить*. Я ответствовал ему: *Когда так, то я не имею здесь дела: я прислан был от Маиора только к вам* и пошел было вон. *Постой сударь, постой* кричит та. *Как ты осмелился мешать читать писмо мое твоему дяде <М.А. Муравьеву ст.> и обижать Зюрткoвскаго которой послан в моем лице, а чтоб не сказал ты, что здесь все делается на крючках*, так оборотившись к офицеру, *ваше сиятельство, будьте у нас свидетелем*…Время не позволяет мне описать подробно явление, в котором Олена Петровна <Яковлева> раскричалась вне благопристойности. Я уведомил ее, чтоб она не говорила мне *ты*. Такое ж уведомление ее сожителю. Она прочла мне свою породу, чин, знатность, что я *робенок*, *сержантишка*. *Сержант, сударыня*, ответствовал я холодно. *Последнее о чем я вас просить буду, чтоб вы искали на мне не так, как на робенке, а как на совершенном человеке*. И пошел. Она вослед закричала: *Робенок, робенок, робенок*. Я остановился и отдал ей несколько поклонов, покуда она заперла.

Яковлев, будто помня вас как своего благодетеля, грозил мне к вам писать. Она просит на мне, я думаю, у Государыни, чтоб зделали из меня пример. Вперед опишу я сие пообстоятельнее.

Нижайше прошу прощения у вас, милостивой Государь батюшка, что я ввязался в едакое дело. Не думайте, чтоб моя молодость меня ослепила. Я знаю, что нет ничего безчестнее, как трогать честь кого бы то ни было. Я просил наших молодых Муравьевых, чтоб они разобрали безпристрастно мой проступок. Они не так хулили во мне горячность, как то, что я пошел к Яковлеву и вытерпел едакое явление. Как же было нейти, когда почти просил Маиор <Ф.Я. Олсуфьев>, которой бы мог повелеть?

Мне очень жаль, что я посылаю к вам только одно первое Яковлево писмо, то есть копию с него, затем что от дяди <М.А. Мураьвева ст.> только его мне прислали. На будущей почте сообщу и другое. Они не для моего только оправдания нужны, но чтоб принять меры и для беднаго вашего брата, которой в старости терпит всяческое поношение.

---

[525] Салтыков Н.И. (1736-1816) — русский государственный деятель, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

За присланные .75. рубл.<ей> нижайшую благодарность. Нынешний мой проступок налагает на меня еще обязательство употреблять их осторожно, доказавши мне, что я их недостоин.

Государыня к обеденному столу сюда изволила приехать сегодня, чтоб пожить здесь.

Я буду неизвестен в прощении ему до получения милостивого писма вашего. С совершенным повиновением целую руки ваши и остаюсь

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Приложенное при сем писмо от Аграфены Ильиничны Толстой[526], нижайше прошу доставить Авдотье Никитишне Шишковой[527], бабушке ее в Торжок. Сестрице не успел ничего писать, кроме моего желания, чтоб здоровой и веселой, чего нет ничего и в деревне и у любимых

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 40-41 об., 71-71 об., 79-79 об.).

<89>[528] ++
Санкт<->петербург .1778. года Сент.<ября> .11. дня.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

В прошедшем писме моем позабыл я засвидетельствовать мое усерднейшее поздравление со днем вашего рождения: забвение виновное, если бы поспешность, с которою я писал его, не представляла мне оправдания, в котором вы не имеете нужды. В сей день все, сколько есть в городе Муравьевых: их очень не много, были вместе у дядюшки <М.А. Мураьвева ст.>; откуда и теперь отправляю писмо сие. Вы изволите уже знать, что мы учимся у Бубликова[529]: сие учащает наши свидания. Не можно сыскать учителя любви достойнее, точнее и искуснее истолковывать, как он. Всякой раз ожидаем мы его с нетерпением и всякой раз провожаем его, более полюбя нежели прежде. Надобно похвастать что и он нами не недоволен; разумеется, нашею послушностью. Я ласкаю себе, что его уведомления исправят мой стан. Но мы все просим вас и сестрицу, чтоб сие осталось между нами и не было известно в Твери.... В самое сие время принесли ко мне ваши писма, полныя наставлений, которые внушало родительское сердце. Я читал его не один раз с братьями, и единыя чувствования обладали нами: чувствования почтения и облегчения сердечного. Какие же были мои? Сколько бы я щастлив был, еслибы никогда не нанес я оскорблении сему любящему и чувствительному сердцу! Я худо сделал, что соблюдя мою точность уведомлять вас в моих произшествиях, оставил вас несколько дней в неизвестности. Все сие нещастное дело прекращено что касается до меня. И нынешнюю неделю будучи на дежурстве в школе слышал я от одного из бывших в то время у Маиора <Ф.Я. Олсуфьева>, когда <М.П.> Яковлев присылал на меня жаловаться; ничего не слыхал

---

[526] Толстая Аграфена Ильинична (Бибикова) (1729-1784) – дочь генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова, жена Ивана Матвеевича Толстого (1746-1808).

[527] Возможно, Шишкова Авдотья Никитична – жена Никиты Семеновича Шишкова (1682-1746), мать Варвары Никитичны Шишковой, в первом браке Ларионовой (1719-1773), на которой женился И.А. Бибиков (дальняя родственница адмирала А.С. Шишкова).

[528] Адрес: «Его Превосходительству действительному Статскому Советнику и Тверскаго Наместничества Г. Виц-Губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву. В Твери. Отдать без умедления. От Гвардии Сержанта Муравьева».

[529] Бубликов Т.С. (1748-1815) — русский артист, педагог и балетмейстер.

я лестнее до меня. Все из присутствовавших тут были одного мнения обо мне с Маиором <Олсуфьевым>. А он оправдал меня, прежде нежели принужден я был оправдаться. Ето не мешает, чтоб не помнил я вперед, чего стоила мне минута забвения и горячности. В четверговую почту уведомлю я вас о раздаче писем.

На сих днях получил я писмо от Никиты Романовича <Рожешникова> из Фрейберга, что в Верхней Саксонии от .15. августа. Его состояние не из лучших. Он слушал с своими товарищами наставления минералогии, металлургии и заводскаго дела вновь. Коллегия их зделала им за сие преужасной выговор, однако согласилась платить учителям. Жалованье свое они получают девять месяцов после сроку. Вы изволите представить все затруднения и безпокойства, которые с того происходят. Я бы хотел зделаться достойным его надежды на меня; но какие способы имею я помочь?[530] Однако будущую почту вы позволите мне продолжить о сем разговор мой.

На прошедшей неделе скончалась Прасковья Глебовна <Головцына>.

Впрочем с чистосердечным послушанием и преданностью навсегда пребуду

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Я столько тронут нежными твоими обо мне попечениями, столько опечален, что я тебя опечалил; что мои изъяснения останутся ниже того, что чувствую. Позабудь ето. Твой брат спокоен, весел: ему недостает только того известия, что и ты не печальна. Мы едем всею бандою смотреть нашего учителя танцующего <Бубликова> и иметь удовольствие ему аплодировать: вчера аплодировал он нам. Maman! par quel malentendu crois-tu, que la lettre, que tu ramenes si souvent sur la scene, ne soit pas reçue de moi et rendue à... Il y a deja bien longtems, an contraire[531]. Прощай[532].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 28-29).

<90>++
Санкт<->Петербург .1778. года Сент.<ября> .13. д.<ня>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Какое раскаяние навлекает мне скорость моя встревожить вас безполезным уведомлением безпокойств, которыя кончились ничем! Какое умиление, смешанное с

---

[530] Ср. в работе современных исследователей: «1777 was a productive year for Russian students in Freiberg. The best graduating students of the Mining School left Saint Petersburg for Freiburg to train at the Mining Academy, among them, for example Afanasii Vasilievich Kolegov (1750–?), Petr Fedorovich Il'man (1754–1818?), S. Podshivalov (his firstname is unknow). A member of the Imperial Free Economic Society (founded in 1765), Nikita Romanovich Rozheshnikov (1754–?) was known as a translator. The monograph of a Danish naturalist, Sören Abilgaard (1718–1791) entitled Abhandlung vom Torf (1765) was translated by him in 1776. It was the first work on peat in Russia. Rozheshnikov participated in the collective translation of Franz Ludwig von Cancrin's (1738–1816) treatise entitled Erste Gruende der Berg- und Salzwerks-kunde (1773–1791). Cancrin was in Russian service as the director of the Stara Russa Salt Works (Nizhny Novgorod region) between 1783 and 1813. His monograph (17 volumes) was published in Russian in 1785–1791» [Malakhova, Bryanchaninova, p. 89].

[531] Перевод: «Маменька! С чего ты, по какому недоразумению, думаешь, будто письмо, к которому ты так часто снова возвращаешься, не было мною получено и отдано…? Напротив, это было уже очень давно».

[532] Дальше идёт приписка З.М. Муравьева к Ф.Н. Муравьевой, которую здесь не приводим.

печалию, должен я чувствовать, видя вас утомляющагося усугублять нежныя и боязливыя попечения о моей безопасности в самое то время, когда не недостает ничего к моему спокойству! Что может более зделать добродетель любви достойною и умягчить полезнее для ней самой то, что она имеет суроваго и неуклоннаго, чувствием человечества и изволения прощать слабости человечества, как ваши милостивыя ко мне писания? Их сказывали вместе опытность и благоразумие и обеих управляющая любовь родительская. Сколько они должны быть драгоценны сердцу моему, ежели оно не совсем затворено чувствованиям природы и прекраснаго? Оне возвращают мне прелесть жития, сии надежды, живописующия нам в недрах будущего картины благополучия и радостей, предвкушения настоящаго, которыя нам иногда приятнее нежели самое наслаждение. Если бы только скорее пришли к вам извещения мои, что я уже давно вне опасности и что все заглажено даже до следов ее. Еслиб вы недолго были в неизвестности, я бы не причитал сея незапности с несчастным случаям. И для чего умножать их роспись и так уже длинную для человеков. Конечно не будут наложены на меня досады, не соразмерныя с моими силами. Кто виновен, если я не хочу один несть бремени, которое обще со мною все носят? Нет, я не буду роптать на то, чего я не разумею. Доли нещастия и неудовольствий равно разделены между человеками. Ето жизнь наша. Щастливец, сколько бы он ни был приучен к ласкательствам и уважениям счастия, почувствует его обороты. Добросердечной разумной не избежит измены его. И где обитает мудрец? Многие сказываются таким, но их тщание отпираться от природы, их скучное и принужденное хладокровие и строгость, сообразующаяся со слабым существом человека, менее стоят в глазах моих, нежели одна слеза чувствия и раскаяния, текущая по распаленным ланитам обманутого добродушием своим ветреного юноши. Боже мой! Не слышал ли я самое сегоднишное утро из уст молодаго человека, котораго никого не знаю я достойнее щастливым, какия бедствия в тайне должен он съедать в своем сердце? Я имеюли право исключения? Для чегож столь малодушно встретил я единое приближение неудовольствия.

Но я теряю время писания, не говоря о нужном. Сие нужное состоит только в той прозьбе, чтобы вы отложить изволили совершенно всякое обо мне безпокойство. Я спокоен, я имею удовольствие чувствовать все, что вы изволите для меня делать. Имел ли бы я его, если бы я не был в состоянии, какова только желать можно? У дядюшки <М.А. Муравьева ст.> живу почти по неделе, иногда затем, что после танцования поленюсь домой итти; а танцуем мы понедельник середу и суботу по вечерам, я иногда и для того что дядюшка не пустит. Сегодня затем я дома, что с Зах.<аром> Матв.<еевичем> <Муравьевым> ездили к <А.И.> Васильеву поздравить от дядюшки с пожалованием в статские советники и попросить к нему, что он и обещал. Дядюшке <М.А. Муравьеву ст.> скоро и на сих днях исполнится полгода, как он разбит параличем. И может быть от простуды или и от досады получил он сильной кашель, что его лишает сна. Никита Романович <Рожешников> просит, чтоб я занял на его имя .100. рублей и переслал к нему. Я нижайше прошу утвердить меня вашим милостивым советом, что я должен в сем случае делать, чтоб обязать его. Я не вижу возможности, чтоб кто нибудь поверил отсутствующему человеку. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, навсегда с сыновнею послушностию остаюсь

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Виноват сестрица et à plus d'un titre[533]. Чем я должен тебе заплатить твои безпокойства, твоя нежные страхи? Ето для тебя, голубушка, что мои дурачества мне щастливо сходят. Будь здорова и весела. Прости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 30-31).

[533] Перевод: «И притом во многом».

<91>+
Санкт<->Петербург .1778. года Сентября .18. дня
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я не могу перестать упрекать себе, что безполезным уведомлением досады, которую претерпевал я несколько минут, чтоб позабыть ее навсегда, навлек я вам и сестре меня нежно любящей, истинное прискорбие; тем для меня чувствительнейшее, что предмет его есть только суетная тень. Может быть вместе с сим писмом, получить изволите и от Федора Михайловича <Колокольцев> писмо, то же подтверждающее. Сим случаем, как тысячью другими, испытал я от сколь легкаго призрака опасности может восколебаться, ваше родительское сердце, присвоивающее себе все случаи чувствовать. Я имею очень много причин, чтоб почитать его спокойство. Так я прошу вас нижайше, милостивой Государь мой батюшка! отписать мне что нибудь такое, чтобы уверило меня, что безпокойства ваши кончились. До сих пор ласкаю я себя сим; но только для того, что надеюсь. Ваше последнее писмо не уведомляет меня ни о чем. Из слов сестрицы, кажется она еще не сведующею в состоянии моем. А оно столь просто, столь мало подвержено переменам, что на всякой час удобно угадать можно. Половина времени дома и половина у дядюшки; несколько минут только отрываю я на мои небольшие посещения. Ученичество у Бубликова занимает столько праздности, что все время только праздность. Ето не самое лучшее, но один из переходов к лучшему. Столько ж бы пользы было учиться Химии. Покрайней мере, после этого будут дивиться, зачем я не хорошо танцую. Все четверо, столько мы слепы к нашему учителю, что повторять его уловки в поправлении нас, его привычки, всегда он скажет нового, составляет одно из наших упражнений. Из этого начертания, видя, что если в нашем обществе есть место благоразумию, то сколько можно меньше. Однако ж и не так мало, затем что в сем начертании есть нечто лишнее. Вчерась бы должно было нам танцовать с музыкою; но музыканты наши не сдержали слово и, когда хотели их сыскать, не могли. Мы выдали уж шесть билетов. Я не воображал себе, чтоб можно было так весело учиться танцовать, как мы. Столько неприметно умел нас ввести Бубликов. Но ето уже через чур долго остановляться над танцованием. Дело по вотчинной Конторе. Теперь у Секретаря: и в том еще должно благодарить Егора Васильевича, которой приказал всегда себе сказывать о состоянии дела. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> на сих днях приведен был в великую слабость преужасным кашлем и катарною лихорадкою. Вчерашний день особливо. Может быть и досады служили к етому. Во все сие время не упускают присылать к нему миротворцов. До сих пор дело положено на том, чтоб Яковлеву взнести .2000. руб., а остальную сумму .10ю тыс.<яч> расписать на три срока по три процента. И сегодня был у дядюшки Ламп[534], чтоб изъяснить некоторые недоразумения. Дядюшка нещастлив, равно в своих приятелях, обязанных и домашних. И Рябов не без того то, чтоб не безпокоил дядюшки. Его Яковлевы настращали: а он в свою очереду безпокоит дядюшке. Требует за его же благодеяния, чтоб он неотменно в Юстиц-Коллегию справил рядную. А Яковлевы из етого возьмут случай доказывать его безумным. Мария выдана за Рябова, под именем племянницы. Впрочем цалуя ваши родительские ручки, остаюсь навсегда

Милостивой государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько виноват я, не жалею дорогих слез твоих! Заплати мне что твоим милым весельем. Я воображаю себе, что ты препроводила лучше два дни на етой неделе: ты знаешь какие. Я ожидаю что ты скажешь о моем танцование: похвалишь ли меня или нет; только не очень. Ето намерение было предприято

[534] Возможно, И.В. Ламб (ум. 1801) — русский военный и государственный деятель; в 1778 г. — бригадир.

в множестве за чайным столом, где обыкновенно совершаются все наши советы. Предложение было Николая Фед.<оровича> <Муравьева>. Я с Зах.<аром> Матв.<еевичем> <Муравьевым> его исполнили. Сими двумя наиболее доволен Бубликов. Какой ето учитель! Анна Ив.<ановна> Чаад.<аева>[535], я думаю, у него училась. Слыхала ли ты что нибудь об ней, или мы одни на нем с ума сошли? Милостивым государыням моим сестрицам Анне Федоровне и Любови Федоровне <Муравьевым> приношу мое нижайшее почтение.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 26-27).

<94>+
Санкт<->Петербург .1778. года Сент.<ября> .25. д.<ня>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Писмецо сие пишу из Школы, где я дежурю. Я зачинал было другое, будучи дома; но оторван к нещастью нашими ротными хлопотами, оставил его неокончаннаго. Раза три, сие после обеда, ходил уже я к полковнику <Н.В. Репнину>, несмотря на ужасную грозу. Множество резвецов меня окружает пишущаго. Так вы извините несвязность писма моего: нет способу. Наш Капитан Кн.<язь> <А.И.> Лобанов Ростовской приежжал сегоднишное утро к нам в первой раз, я думаю от роду. И приежжал для того, чтоб найти случай посадить под караул нашего фельдфебеля <Львова>, которой дежурил со мною за офицера. И зделал. Наш полковник <Н.В. Репнин> принял сие весма чувствительно. Что я буду ответствовать на писмо ваше? Ни слова: оно очень истинно изображает все мои вины против вас и против меня самого. Сие забвение себя, знак слабыя души очень является в моих писмах, чтобы я мог с видом некотораго вероподобия от него отрицаться. Я не имею здесь никого столько меня любящаго или столько имеющаго благоразумия, чтоб показать мне все то, что я теряю, погружением себя в безчувственность... безпокойства моей должности не один раз заставляют меня перервать продолжение моего разговора. Теперь только принужден я был поставить на колени одного маленькаго. На вопрос ваш буду я подробно ответствовать после завтра. У Наместника <Я.Е. Сиверса> я был. Он только что оправился от лихорадки. Полчаса, что мы у него были насказал он нам все, что только просвещенное снизхождение вельможи может ему внушить, он хотел сам приехать к дядюшке <М.А. Муравьеву ст.>. И когда я ему объяснил, что не имею его безпокоить подачею писма без вас, после того, как он просил у вас позволения прочесть писмо дядюшкино <М.А. Муравьева ст.> на досуге: он обратился ко мне весьма ласково и говоря по французски: *Все что угодно,* сказал мне, *можете вручить. Мне все получать от батюшки очень приятно. Я уж и сегодни читал три писма его и писал на них ответы*. Дядюшка ето время был в весма худом состоянии, кажется нарочно, все соединились, чтоб оскорблять его. Доктор Пекен ездил к нему. Теперь... Милостивому государю моему Василью Алексеевичу[536] прошу засвидетельствовать мое усерднейшее почтение. Впрочем прося вашего родительского благословения, с сыновним послушанием пребуду

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

---

[535] Возможно, дочь И.П. Чаадаева (1732 или 1733-1786), тверского помещика, сослуживца Н.А. Муравьева, переводчика; см.: [Письма, с. 370].

[536] Возможно, речь идет о В.А. Вяземском, который сменил М.А. Муравьева мл. в должности суздальского воеводы; см.: [Письма, с. 363].

Матушка сестрица Федосья Никитишна! De ceux que l'on trahit, l'aspect est un reproche. Несмотря на это я писал бы к тебе и не делал бы да... Чтоб учить танцовать addresser nous a quelqu'un de ta troupe, qui ne soit pas moi[537].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 24-25 об.)

<95>+
Санкт<->Петербург 1778 года октября 2 дня
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешнюю неделю не имел я еще удовольствия получить от вас милостиваго и желаемаго мною писания. Мое успеет притти в свое время и не принесет вам требуемаго утешения; изобилуя токмо чувствованиями и словами, единым, что я имею во власти своей... Не всегда обладает нами истинное поревнование ко всему тому, что есть прекраснаго в жизни нашей, и величественное размышление самого себя заемлет только некоторыя уединенныя мгновения: остальные часы протекают не исчислены. Какой отчет дам я в жизни почти не чувствуемой? Каким образом но ето все заведёт меня в околичности. Удовольствуемся рассказать то малое, что случилось со мною. Вам уже известно употребление прошедшей недели. Я дежурил в Школе. Между тем был у Авдотьи Ивановны Татищевой, от которой при сем посылаю писма к сестрице. Он ней же имею я купленной ею вейер; но я не знаю, как его переслать... в самую сию минуту получил я писмо от Никиты Романовича <Рожешникова> и другое от вас, за которое приношу мое нижайшее благодарение. Я повергаюсь во всем вашему осуждению, выключая того, чтоб я медлил изполнением приказаний ваших из небрежения. Легкомыслие, непостоянность, упражнение в пустоте, послушание другим, вот источник всего того. Но позвольте мне сказать, что я не вижу причины унижения в том, что Полторацкие будут офицеры. Достойнее меня носят платье мое. И пожалование в офицеры не есть знак отличения. Я сам буду в свое время не иметь другого достоинства окроме череды. И что такое достоинство? Ушаков за него не жалован. Так оно должно быть что нибудь весма презрительное. По Атестатам у нас не жалуют. Думаю, что мне достанется через доклад... Самому же того доискиваться не имею довольно надеяния на себя. У <Я.Е. > Сиверса был я на нынешней неделе два раза от дядюшки <М.А. Муравьева ст.>. Первый раз к нему не допускали, затем что он был болен. В другой, ето было вчерась, говорил он с нами долго, ласково... но вот и все. Ничего кроме советов не безпокоиться. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> приказал было мне нынче о всем этом уведомить пообстоятельнее вас; но я чувствую, что я исполнил сие в нынешний раз худо, недоволен будучи сам собою, имею себе столько попреков и против вас, и против сестрицы: вопервых против себя. Писмо к Сиверсу завтра же изготовлено будет. А если бы я что нибудь мог зделать в угодность вашу; я бедной и недостойной! Нет времени, а какое есть, употребляю во зло. Я не имею твердости отказать: а по дядюшкиному надобно, чтоб я был все у него. Он просил уже вас, чтоб вы его не оставили. Не прогревайтесь батюшка на сии печальные строки и на меня. Все мое утешение будет, если получу от вас и от сестрицы что нибудь повеселее... Атлас в прошедшую пятницу куплен. Зделайте милость, отпишите мне каким образом должен я его переслать. Денги заплачены от меня. Неручева здесь нет. Дядюшка <М.А. Муравьева ст.>, если понадобится, дал обещание… Я пойду нынешний вечер, почти против себя, в Маскарад[538]. Я ничего там не

[537] Перевод: «Один вид тех, кому изменяют, – уже укор. Несмотря на это, я бы всё-таки писал тебе и не делал бы да… А чтобы учить танцам, обратись к кому-нибудь из твоей труппы, только не ко мне».

[538] См. сообщение КФЖ от 2 октября 1778 г.: «После полудня, в 5-м часу, приезд имели ко Двору знатныя обоего пола особы и чужестранные Министры, такоже здешнее дворянство, Российское и иностранное купечество с фамилиями, в маскарадном платье, в маскарад. До начатая онаго все вышеписанныя маски

увижу, чтобы разогнало мою скуку. Приписание ко мне Преосвященнаго[539] мне весьма ласкательно: я не заслуживаю, чтоб разумные люди унижались меня помнить. В четверг постараюсь я известить повнятнее состояние дядюшкино. Дай боже! чтоб здоровье ваше, ваше благополучие и спокойствие были от вас неразлучны; а я по гроб мой буду с унижением и послушанием

Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Тысячу раз виноват перед тобой, недостоин того, чтоб ты обо мне сокрушалась; слезы мои отомщают тебе с глубины моего сердца. Тебя позабыл!.. Прости моим писмам. Ton etat me navre le coeur. Qu'est-ce que c'est que cette vie courte et passagere, empoisonnée del' amertume du malheur et de l'ennui? Il en est une encore soyons-en dignes...[540] Я тебе посылаю писмо другое Ник.<олая>Ром.<ановича> <Рожешникова> и разсуди, что я ни к чему неполезен. Твой Атлас покупал Ник.<олай> Фед.<орович> <Муравьев>. Он белоголубой. Обращики присем посылаемыя, суть от Марьи Ивановны[541]. Она приказала у тебя просить извинения, что не пишет: не имеет довольно сил. Прости, матушка. Rends moi ton amitié[542].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 14-15 об.).

<96>+
1778. года Октября .9. дня Санкт<->Пет.<ербург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я должен быть в смятении, чтоб писать после такого писма, какое писал к вам в последний раз. Приведен в замешательство справедливыми обвинениями, укрепленными еще собственным моим признанием, составлял я более осуждение и жалобы на себя, нежели писмо к вам. Что есть сердце человеческое, чтоб угадать все его движения? А сколько еще надобно жить на свете, чтоб научиться жить благоразумно? Все возможное мое просвещение не представляет мне, что должно делать; но только то чего не делаю. Не приобретаются сии действительные добродетели: твердость, постоянство, благоразумие, единым только умственным познанием их; но тесным с ними обхождением, подтверждённым трудами многих лет. Прошедшую неделю прожил я почти всю дома; затем что братцы, один был на карауле, другой на дежурстве. Бубликова уведомили мы не приежжать к нам целую неделю. Я не похвалюсь что был очень прилежен дома; хотя бы

проходили в оперный дом, где, в присутствии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Их Императорских Высочеств, представлена была французская комедия с балетом. <…> Их Императорские Высочества из оперного дому отсутствовали по окончании всего театральнаго представления в исход того ж часу, и проходить изволили в Свои апартаменты, а потом вскоре прибыли в маскарад, быв, как ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, так и Их Высочества, в маскарадном платье, присутствовать изволили в маскараде ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Высочества до 9-ти часов и отбыли в Свои внутренние апартаменты. <…> Маскарад продолжался до 2-х часов по полуночи» [КФЖ, 1778, с. 632-633].

[539] Возможно, Муравьев писал о митрополите Гаврииле (см. письмо №83).

[540] Перевод: «Твоё состояние терзает мне сердце. Что это за жизнь – краткая и мимолётная, отравленная горечью несчастья и скуки? Есть и другая; будем же её достойны…».

[541] Мария Ивановна Колокольцева (Аничкова; 1747-1806) – жена Ф.М. Колокольцева и мать будущей жены М.Н. Муравьева Е.Ф. Колокольцевой.

[542] Перевод: «Верни мне твое расположение».

мне и хотелось етого через чур. Праздность моя не произвела ничего примечания достойнаго, кроме собственнаго удовольствия. Сие повествование покажется немножко невероятным, когда я прибавлю, что я был с неделю два раза на зрелище. В маскараде во вторник[543], где против всякой совести, помогал смеяться на щет тех, которые пришли пешком туда, и в опере в пятницу[544]. Между тем, по приказанию вашему, отправил я Ивана Долгого в Тверь, может быть, немножко поздно. Я не осмелился послать с ним Атлас. Я еще и теперь не надумаюсь, как мне переслать его. Зделайте милость, назначьте способы. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.>, у котораго я теперь в доме, гораздо против прежнего поправился и возвратил прежнюю веселость: он был очень задумчив будучи похуже. Теперь его упражнение и забавы в том, что сыскивает учителей Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.> и видит успехи его ученья. В самое сие время у нас Г. Комов[545], человек столько искусной, сколько нещастливой. Вчерашний целой вечер любовался он танцованьем нашим. Он любит чрезвычайно Бубликова. Признаться, что ничего не щадит для наученья сына. Он только и делает, что имеет попечение отвозить нас в театр. Сколько нибудь благодарности примешивается к сему начертанию. Сегодни пожаловал он мне в займы пять рубл.<ей>, чтоб купить несколько книг у Параши, его соседки. Такова моя слабость покупать его в состоянии меня развеселить. Киреевский[546], муж Марьи Григорьевны Тимирязевой, отправляется директором таможни в Беженск: ему нужда в .300. или .500. руб. Дядюшка <М.А. Муравьев ст.> хочет обязать его ими под вексель с тем, чтобы я подписался порукою и чтоб после надписать самому, что деньги он получил с поруки. Чрез сие хочет он заставить Киреевского продать вам в Устрее то, что придет ему по наследству от Агафьи Степановны. Я ничего етого не знаю, но сообщаю сие вам по его приказанию. Впрочем прося вашего родительского благословения, с ненарушимым послушанием пребуду

Милостивый Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я чувствую все мои вины против тебя: всякая из них оскорбляет сердце, каково твое, не находящее ничего достойнее своего внимания, как то что привлекает его чувствительность. Чего нибудь стоит и мне мое извинение. Я бы умер со стыда, дабы ето было прежде. Ветреность, забвение самого себя... какие оправдания? Нынче в моде цветы коришневый и ореховый. Блестками вышивают только нижнее платье: хорошо, если и по борду всего платья. Носят здесь руския платья. Ето уведомление Николая Федоровича <Муравьева>. У меня еще куплено двое горшочков румян. Прости, маминька.

---

[543] См. выше сообщение КФЖ от 2 октября 1778 г.

[544] См. сообщение КФЖ от 5 октября 1778 г.: «После полудня, в 6 м часу, в апартаменты ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА прибыть изволили Их Императорския Высочества и пробыв несколько времени изволили следовать в оперный дом, где в присутствии Их Высочеств представлена была итальянская опера Нитета» [КФЖ, 1778, с. 639]. «Нитета» – пьеса П. Метастазио, написанная в 1756 г. Она была переведена на русский язык в 1777 г. и переиздана в 1780 г. [Метастазио, 1777; Метастазио, 1780].

[545] Комов Григорий (1749-после 1779) – литератор, переводчик, преподаватель; в 1757-1765 гг. учился сначала в гимназии при Московском университете, а затем в Московском университете; с 1767 г. преподавал историю в Казанской гимназии; «несчастье», о котором Муравьев упомянул в письме, вероятно, связано с болезнью, которая помешала ему сделать карьеру; участвовал в деятельности Собрания, старающегося о переводе книг, в 1779 г. перевел с латинского «О естестве богов» Цицерона [Лепехин, с. 114-115].

[546] Возможно, имеется в виду майор А.Н. Киреевский (1745-1812); см.: [Письма, с. 363].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 12-13 об.)

<97>+
Санкт<->Петербург .1778. года Окт.<ября> .16. дня.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

На прошедшей неделе получил я от вас более одного письма. Росписание подписавшихся на *Утр.<енний> Свет*[547] тогда же отнес я Николаю Ивановичу <Новикову>, которой, как он мне сказывал, и отослал уже экземпляры первого месяца в Тверь. Он не успел сам вам ответствовать и просил меня засвидетельствовать вам свою благодарность. Несколько дней спустя вручил я ему полученные между тем .75. рублей и прибавление подписавшихся. Вчерась через слуг г. Хитрова[548] получил я посылку к Татьяне Михайловне[549]. Мария Ивановна <Колокольцева>, которая недавно родила дочь, прилагает при сем к сестрице новыя обращики, со извинением что писать не в состоянии. Г. Антонов ответствовал, что он бы поверил сто рублей, но не знает руки вашей. Однако назначил, чтоб сегодня побывал я у него, в городе идет молва, что Кн.<язь> Николай Васильевич <Репнин> пойдет со вспомогательным войском к Прусскому королю <Фридриху II>. Случай, может быть, для другого, кто попроворнее меня, быть употребленным с выгодой. Сегодня слышал я от Булыгина, котораго может быть изволите вспомнить, что определялся комиссаром в Астрахань и жил у дядюшки Матвея Артемоновича меньшого <Муравьева мл.>, будто бы сестрица Христина Матвеевна <Ганнибал>[550] скончалась. А он слышал это от Тульских купцов. Я позабыл вам отписать на прошедшей почте, что дело дядюшкино с Яковлевым приняло другой вид. Ему заплачены налично .2000. рубл.<ей> и остальная сумма .11271, если я не обманываюсь в числе, разписана в трех векселях на три срока, из которых самой большой три года. Под векселями подписались и поруки. Уверяют миротворцы, что они надежны. На прошедшей неделе подавал я по приказанию присланном бланкете написанное писмо к Наместнику <Я.Е. Сиверсу>. Я впущен был в кабинет его, где, прервав свои чтения, спросил у меня по французски, не имею ли я что подать ему, извиняясь, что он очень занят. В самом деле два секретаря окружали его. Прочетши очень быстро все писмо встал он и подошел ко мне, *вы знаете содержание писма*, сказал мне. И как я ему изъявил, что знаю, продолжал он, выходя со мною в другую горницу. *Я сожалею, что не мог сим служить вашему батюшке: я делал все что я мог. Оба места заняты*. И зачиная тоже уверение несколько раз сряду; *уверьте его в своем ответе, что я всегда его друг и буду стараться в перед. Отпишите, что не смотря на мое слабое здоровье, как вы меня видите, поеду я по первому пути к ним и проживу у них полгода. И вас прошу туда же*, прибавил он... Вот несколько произшествий, снесенных в кучу, и сколько я мог упомнить. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, желаю от всего моего сердца поцаловать как можно скорее ваши руки; я пребываю навсегда с глубочайшим почтением

Милостивый Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! с некотораго времени ты мне отомщаешь, хотя менее нежели я заслуживаю. Писма твои сокращаются. Вот уж недели с четыре, что Атлас твой лежит у меня. Отяжелевший твой братец не придумает, как переслать. По почте?

---

[547] «Утренний свет» — журнал, который издавал Н.И. Новиков в 1777-1780 гг.

[548] Лицо не установлено.

[549] Фролова-Багреева Татьяна Михайловна (см. выше).

[550] Ганнибал Христина Матвеевна (урожд. Шеберг; 1717-1781) – жена Абрама Петровича Ганнибала.

Боюсь, что потеряют или изомнут. Нет, я не накопил себе довольно разуму, чтоб жить на свете. Ник.<олай> Фед.<орович> <Муравьев> всякой раз, что увидит меня, не упустит спросить, отослал ли я? Это мне пуще ножа вострого. Можно было бы и не покупать. Вчерась окончился наш месяц танцования. По разсуждениям Бубликова, танцуем мы хорошохонько меновет и упражняемся теперь в алмане. Ты знаешь, что Вертер не позволил бы танцовать Алман[551] Шарлоте с другим, нежели с собой[552].

Милостивой Государыне сестрице Любови Федоровне <Муравьевой> свидетельствую мое нижайшее почтение и благодарю за напамитование. Что бы это было, если б нас трое или четверо Муравьевых прилетело на зиму в Тверь. Отпишите, матушка сестрица, об этом к Николаю Федоровичу <Муравьеву>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 16-17 об.).

<98>+
Санкт<->Петербург .1778. года Окт.<ября> .23. дня.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Вместо того, чтобы писма мои из Петербурга становились час от часу полнее и достойнее внимания; пустеют оне приметно. Самой слог мой заимствует от недвижимости жизни моей. Сия недвижимость одушевляла столько шастливых ленивцов, Горациев и Анакреонов. А она погружает меня в полное бездействие. Тех мудрая леность превосходит многодельность такова множества безславных имян, которыя ценою безпокойствия целой жизни не могли исхитить себя от безизвестности. Вот разность: сии ленивцы были духи особливых дарований, и не всяк употребляется им со стороны разума, кто превосходит их в лености. К сим принадлежит сей <В.И.> Майков, котораго достоинства не довольно узнаны; но может быть оплакиваемы будут не тем столетием, в котором он жил. Со всем тем самая лучшая жизнь стоит ли того, чтоб о ней безпокоиться. Жить в памяти людей не все ли равно, что слышать повествование сновидения? Столько ж сбивчиво и мечтательно

---

[551] Алман, Альман, Алеман, Аллеман (от франц. Allemand, немецкий) – бальный танец, «вальс втроем» (исполняется двумя кавалерами и одной дамой).

[552] Муравьев отсылал к эпизоду из первой книги «Страданий юного Вертера», к письму от 16 июня, в котором описан танец главного героя с возлюбленной; см.: «Я попросил у нее второй контрданс; она обещала мне третий и с очаровательной откровенностью призналась, что до страсти любит танцевать немецкий вальс. «Тут у нас принято, — продолжала она, — чтобы дама танцевала вальс со своим постоянным кавалером. Но мой кавалер прескверно вальсирует и будет мне признателен, если я избавлю его от этого труда. Ваша дама тоже не охотница и не мастерица танцевать вальс, а я заметила еще в англезе, что вы вальсируете превосходно. Так вот, если вам хочется танцевать со мной, ступайте попросите разрешения у моего кавалера, а я пойду к вашей даме». Я согласился, и мы решили, что ее танцор будет между тем занимать мою танцорку.

Танец начался, и мы некоторое время с увлечением выделывали разнообразные фигуры. Как изящно, как легко скользила она! Когда же все пары закружились в вальсе, поднялась сутолока, потому что мало кто умеет вальсировать. Мы благоразумно подождали, чтобы наплясались остальные, и когда самые неумелые очистили место, вступили мы еще с одной парой, с Одраном и его дамой, и не посрамили себя. Никогда еще не двигался я так свободно. Я не чувствовал собственного тела. Подумай, Вильгельм, — держать в своих объятиях прелестнейшую девушку, точно вихрь носиться с ней, ничего не видя вокруг и... Однако сознаюсь тебе, я поклялся мысленно, что никогда, ни закакие блага в мире не позволил бы своей любимой, своей невесте, вальсировать с другим мужчиной. Ты меня, конечно, поймешь!» [Гете, с. 34-35].

воспоминание того и другого. В славе каждого человека нет ничего неоспореннаго: даже до славы честнаго человека, столь мало изысканной. Сократа именуют добродетельнейшим: и Сократу попрекают пороки. Столько сомнительно двоесмысленно существо человеческое. О если бы всегда можно было быть надежну на свое сердце! О если бы можно было сказывать нравоучения, не краснеясь! Но к чему все сие? Ласкаю ль я себя, что сие безполезное размышление может нравиться родителю, желающему знать что нибудь обо мне лучшее, более изъявляющее мое состояние? Нет; но оно служит ему спровождением, с которым он может достойнее явиться. Дни мои последуют друг другу не различенны. Надобно чем нибудь и польстить себя и вообразить жизнь свою лучше, нежели она есть. Я писал уж на прежней почте, если не ошибусь, что Атлас, веер и румяны посланы с Иваном Ивановичем Князевым. Здесь слышно; но еще заподлинно неизвестно, будто бы наместник <Сиверс> наш разводится с женою. Вы изволили, может быть, видеть в газетах объявление о напечатании Библии в лицах[553]. Хорошо бы было, если бы изволили прислать сюда подписной билет. Впрочем с глубочайшим почтением цалую ваши ручки и остаюсь навсегда

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я не получал от вас писма на нынешней почте; но довольно имею надеяния на свое доброе щастие, что оно не изменит мне. И более тогда, когда я стараюсь чем нибудь заслужить его. Ибо ты должна ведать, что имея тысячу вещей попрекать себе, таково самолюбие человеческое, еще не перестаешь себе быть любви достойным. Авд.<отья> Ив.<ановна> Татищева делает такое прекрасное описание ваших тверских маскерадов, что иной бы покусился их посмотреть. Етот *иной* должно, чтоб никогда их не видывал. К здешним театрам прибавился италианская опера-буфера, которую дают на кадетском театре. Я прошу тебя матушка не считать меня малоприемлющим участия в твоих обстоятельствах. Сей упрек, если горестен, то основан на том, что ты уже не пишешь ко мне, чем ты занимаешься. Ты столько меня любила. Я буду прежде недостоин любви целаго света нежели лишусь твоей. Отдай мне свою милость.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 18-19 об.).

<99>.
Санкт<->Петербург .1778. года Окт.<ября> .30. дня.
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я имею к вам столько писать. Должность моя в Школе ограничивает меня. Едва имею теперь свободныя полчаса. Простите меня милостивой Государь батюшка, что я не принес нижайшей, от всего сердца моего происходящей благодарности за великодушное намерение ваше помочь бедному Никите Романовичу <Рожешникову>. Только что, нынешнюю суботу, получил я писмо то, в котором вы изъясняетесь о сем, пущенное от 9 октября. Прежде того, получал я писма, которые вы после писали. Я не знал употребления

[553] По-видимому, Муравьев имел в виду издание [Священная история, 1778]; см. о нем в современном исследовании: «С 1770-х гг. книжные иллюстрации на библейские сюжеты появляются в популярных изложениях Библии, предназначенных, в том числе для детского и юношеского чтения. Первой книгой с подобными иллюстрациями стала «Священная история Ветхаго и Новаго завета. Для употребления юношества. Переведена с латинскаго языка П.С.М.С. [придворным священником Михаилом Самуйловым]», изданная в Академии наук в 1778 г.» [Ермакова, с. 125].

ста рублей, которые вы занять позволяете. Антонов отвел меня на Дураковского[554], которой при наместнике <Я.Е. Сиверсе>. Он соглашается одолжить меня сими денгами. Прикажете вы взять у него? Сколько прежде того был я собою недоволен, столько весел сию последнюю неделю. Дватцать второй год зачал столько же весело, как дватцать первой. И мечта етого первого дня продолжается еще и теперь. Я его провел у Н.И. Новикова. Мы праздновали рождение Михайла Матвеевича <Хераскова>[555]. В вечеру был у своего Маиора <Ф.Я. Олсуфьева>, которой подробно пересказывал мне все происхождение ссоры моей с Яковлевым и как он сам с ним будто бранился за меня во дворце. От него имею я к вам коммисию. Могу ли я приложить мою нижайшую просьбу ее исполнить? Первое, чтобы причислить в складку остающияся в Тверском наместничестве принадлежащия ему .48. душ. Затем что остальныя причислены к деревням его в Нижегородской Губернии, где он ставит рекрутов. О чем он и писал к предводителю своего уезда И.И. Ушакову. Если ж не можете сделать того сами попросить Тимофея Ивановича <Тутолмина>, которой обнадеживает его в писме, что он все для него зделает. Второе, приказал просить вас покорнейше, как от себя, так же и от Сергея Алекс.<андровича> Хотяинцова, которой тоже был, чтобы пожаловать присылать сюда чрез меня имена всех тех рекрут, которые по вашему разсмотрению годятся, как ростом, так и лицом в Гвардию, особливо в первую роту; т.е. свыше .8. вершков и постараться как нибудь умедлить их в Твери, чтобы, между тем, ему успеть через военную коллегию их прямо изтребовать. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> бы сам к вам писал; но он болен; тому уж с месяц. Я чувствую, как все сии коммисии скучны особливо вам; но если, что сходно с здравым смыслом и можно исполнить, не повредя правости, нижайше прошу вас, милостивой Государь батюшка, взять на себя сию скуку. Несколько дней, охота моя к стихотворству кажется возобновляется не без успеху и наполняет мое уединение. Правда, что наместник <Я.Е. Сиверс> развелся[556]. Причина — ссора, предложение ехать в Тверь. Я дежурю с поручиком Ив.<аном> Вас.<ильевичем> Скорятиным[557], человеком весьма любезным. Наш подполковник <Н.В. Репнин> на сих днях отправляется в Пруссию. Пав.<ел> Серг.<еевич> Потемкин[558], которой прежде его поедет, на сих днях откланялся у двора. Мост, сказывают, снят. Впрочем с глубочайшим почтением навсегда пребываю, прося вашего родительскаго благословения.

Милостивой Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я отбираю назад свои угрюмые упреки: ты ко мне писала и писала прекрасно. Да я не видал еще писма того. Теперь наше танцование перемежилось. Брат Ник.<олай> Фед.<орович> <Муравьев> и я на дежурстве. А наш сговорчивой и милой Бубликов ищет во всем наших удовольствий. Мы пляшем алман, très scandaleusement[559]. Моя пара Зах.<ар> Матв.<еевич> <Муравьев>. Будь здорова, матушка, люби себя и тех, которые с твоего согласия тебя любят.

---

[554] Возможно, Дураковский Андрей – провинциальный секретарь (см.: https://forum.vgd.ru/post/252/60399/p1744577.htm).

[555] Муравьев и Херасков родились в один день, 25 октября, первый 1757, второй 1733 г.

[556] Причина развода – любовные отношения Елизаветы Карловны Сиверс, жены Я.Е. Сиверса, и Н.А. Путятина, о которых стало известно в 1778 г.

[557] Скорятин Иван Васильевич – подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка (см.: https://vedomosti1728.ru/mobile/card.cgi?r=82&id=45294).

[558] Потемкин П.С. (1743-1796) — русский военный и государственный деятель, поэт

[559] Перевод: «Возмутительно».

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>, вы не умеете сердиться. Вить когда вы мне пеняете, так вы прощаете мне. Я видел, что вы говорите на щет наших танцов; добро...

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 20-21 об.).

<100>+
1778. года Ноября .8. дня. С.<анкт->Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Никто не наслаждался большим и менее заслуженым щастием, как я, кто менее стараний употребляет сохранить его и зделаться достойным? Но покрайней мере последняя вина моя выходит из обыкновеннаго. Ето меня оправдывает: сколь слабо!.. Забыть писать на почту: в то самое время видеть ее отправляемую, поспешать ее напоминанием, что ямская почта ходит ранее немецкой, браться писать к вам касательно подписки *Утренняго света* и в самое то время думать, что день тот не вторник а четверг: все сие заслуживает название чрез естественнаго забвения, и все сие со мной случилось. Чем же заслужил я тогда сие нещастие? Я был столько употреблением дня того доволен. Я спешил с Васильевскаго острова на Литейную посетить моего приятеля больнаго. Ему жертвовал я пропущением театра, в котором, отвлечен должностью, не был я три раза с ряду; презрительное пожертвование для другаго, для человека, которой видит людей сколь можно реже и является в них не весма с выгодой, становится оно дороже. Я знал, что в четыре часа обещался быть Бубликов. Около того времени барыня, которой я очень обласкан, узнав что я в ее соседстве, посылает по меня. Вот уже сколько потерял я времени. От ней поспешаю на Васильевской остров. Но мимо дому Н.И. Новикова не знаю что побуждает меня к нему зайти. Минута, которую думал я провесть у него, нечувствительно задлилась. Я взял у него свой месяц *Утрен.<него> Св.<ета>* и вспомнив, что Микулина просила меня достать ей *Вечера*, прекрасное еженедельное сочинение 1772 году[560], выпросил их. К дядюшке <М.А. Муравьеву ст.> вхожу тогда, когда выходит Бубликов. Вечер весь занимаюсь чтением *Вечеров*. Те ж *Вечера* все утро; когда наконец Гараска приносит ко мне писмо от вас, напоминает о вчерашней почте и сказывает, что присылал ко мне Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> дважды. Я скачу, неодевшись в полк. Мундир на себя, иду к Маиору <Ф.Я. Олсуфьеву>. Сказывают, что запрещено пускать. Ето меня не остановило сыскать способ доложить ему. Он принужден был вытти и меня удовольствовать. Я не знаю имени моему действу: нахальство ли ето или робость, покрайней мере чрез мерная исправность. Дело только в том состояло, чтоб увериться, что сына Тимофея Ивановича <Тутолмина>, точно зовут Алексеем <Тутолминым>[561], как я сказывал ему в день моего рождения. Он пожалован к нам Сержантом. Сегодня успел я быть у моего соседа и Маиора <Ф.Я. Олсуфьева>, и вот уж два раза с ряду что он спрашивает у меня, получил ли я ответ от вас. Я иду обедать к дядюшке <М.А. Муравьеву ст.>. Он так приказал. Наш подполковник <Н.В. Репнин> сегоднишное утро в осьмом часу поехал и бысть радость по всему полку. Нижайше прошу прощения за безпокойство, которое нанес я может быть пропущением почты. И если впредь случится, нижайше прошу дождаться ближайшей немецкой почты. Я столько виноват, сколько тронут сим нещастием. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, навсегда с сыновним послушанием пребываю

Милостивый Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

[560] «Вечера» — литературный журнал, издававшийся в 1772-1773 гг.

[561] Тутолмин А.Т. (1770-1823) — сын Т.И. Тутолмина.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Видно, что жребий мой мне перед тобою остаться в вине. Но для того, чтоб лучше тебя уметь любить, осмелюсь вообразить себя, будто не виноватым. Ты ето первая вообразить должна. Есть ли более нещастие, как оскорбить тебя? Ето тебя не любить. И не любить... Кому? Давно ли прошел тот день, что я узрел свет, что быть в нем столько близску тебе. А нынешний... и он...

Матушке сестрице Любови Федоровне <Муравьевой> кланяюсь нижайше <…> Михайло

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 10-11 об.).

<101>.

1778. году Ноября .13. г.<ода> Санкт<->П.<етербург>[562].

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Не известно мне, успело ли во время четверговое писмо мое исправить неизвинительное мое забвение. Но я еще повторяю прозьбу мою не безпокоиться никогда обо мне, не известясь прямо. Мое теперишнее состояние гораздо сносно. Ежели не всегда умею я приобресть себе удовольствия; то покрайней мере лишение всяких забот стоит того, чтоб что нибудь заменить. Разум и сердце мое давно уже привыкли к одинакому положению. Самолюбие мое терпит. Я становлюсь похож на тех, которые, не имея места ни доходов, живут тем, что сберегли они от прежних годов. Ассигнации получил я исправно и приношу мою нижайшую благодарность, что вы не преминули вспомнить меня. Ето поприумножило мою економию. Сегодня получил я другое писмо ваше от .7. Ноября и пересказал уже дядюшке <М.А. Муравьеву ст.> все, что до него касалось. Вчерашний день праздновал он свое рождение. И кое кто были. Между прочим и Алексей Афанасьевич Дьяков. Приключения реки нашей, думаю что уж известны вам по ведомостям. Етого не помнят, чтоб в Ноябре снова мосты наводили. Но ходят безопасно и по льду. Будущую

---

[562] Здесь Муравьев поставил сноску; приписка на полях: «Когда дескать уж то тут, говорит Зах.<ар> Матв.<еевич> <Муравьев> ничто не заслуживает быть названо *cher*. Aujourd'hui moi et touts les cousins nous avons lû, une jolie comedie de Dorat le Celebataire. Nous avons gouté une jolie moment. Lundi, le plaisir de s'occupper de l'intrige d'un Mr Terville et Md. la Comtesse de Verseuil? Adieu. Поклонись от меня, пожалуйста. S'est un spectateur qui me dit cela Mr. La charmant. Матушке сестрице Любови Федоровне <Муравьевой> наше нижайшее почтение». Перевод: «Когда уж, дескать, дело дошло до этого, – говорит Захар Матвеевич Муравьёв, – ничто уже не заслуживает называться милым. Сегодня я и все кузены читали прелестную комедию Дора «Холостяк». Мы очень приятно провели время. В понедельник – удовольствие разбирать интригу некоего господина Тервиля и графини де Версей». К.-Ж. Дора (1734-1780) — французский писатель и драматург; комедия в пяти актах «Le celibataire» была поставлена впервые 20 сентября 1775 и издана в Париже в 1776 г. [Dorat, 1776]. Творчество Дора хорошо знали в России: так, например, И.И. Хемницер в 1774 г. перевел его героиду «Письмо Барнвеля к Труману из темницы» и посвятил ее Н.А. Львову [Топоров, 2001-2007, 3, с. 37]; Муравьев писал о нем сестре 14 августа 1777 г.: «У Хераскова сстольжо новых книг, брошюр. Г. Дорат выдал комедию «Les pröneurs», где всех писателей

портреты руга<тельные>» [Письма, с. 272]; кроме того, он упоминал французского писателя в своем послании «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину» [Топоров, 2001-2007, 3, с. 177]; ср. замечание Л.И. Кулаковой: «В 1782 году в стихотворении «Общественные стихи» (очевидно, буквальный перевод «vers de societé») Муравьев с восторгом говорит о Дора и о

«порхающих приятных стишках» «большого света» [Муравьев, 1967, с. 42].

неделю буду я опять на дежурстве. Итак остальныя дни с той недели хочется употребить на исполнение того, что вы мне в разное время приказывать изволите. Кто бы подумал, чтобы и мне извиняться можно было недосугом? Впрочем с сыновним послушанием, прося вашего родительскаго благословения

Милостивый Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ты видела из писма к батюшке, что у нас вчера был пир... Я пишу ето из послушания. Кому? Может быть, мне самому. Нет ничего менее справедливого. Как бы то ни было. Mar. Al.[563] a daigné d'y ajouter le lustre de sa presence. Je ne sais s'il a eté en etat de dissiper les sombres nuages, qui couvroient ce sot festin. La Folie seconoit sur la table les sottises de son sein. A peine nous respirions. Colas <Н.Ф. Муравьев>, tapis dans un coin, feignoit de n'entendre rien. Le cousin rouge craignoit de toucher à un mets, crainte de reprimande. Et moi je voudrois etre à deux cent werst d'ici. Mais garde-toi de prendre tout cela à la lettre. Il y a voit du beau. Le petit cousin <И.М. Муравьев мл.?> en domino, et le plus ga <…>[564] Domino a dansé un menuet avec elle sous les yeux de notre <нрзб> maitre <Бубликов>. Adieu. Passe-moi для того что все суть люди, que je me suis arreté, comme sur une chose tres remarquable[565].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 8-9 об.).

<102>+
1778. Ноября .27. дня С.<анкт->Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Столько милостей, столько внимания сделать меня щастливым должны бы были вложить в меня чувствительность, если б я ее не имел. Сколько должен я благодарить Бога! Он дал мне необходимость быть добрым. Мера благ моих исполнена. Нет ничего добродетельнаго, ничего нежнаго, чтоб не чувствовало сердце ваше. Все чувствования, благодарности истощаются в моем. Вы знаете величественной образ любить: без собственнаго корыстолюбия. Если б только душа моя всегда чувствовала себя равно достойною сей горячности! Но сие самое есть побуждение быть лучшим. И подумать о себе хорошо, хотя бы то было заблуждение, есть уже щастие.

В разстоянии сей недели получил я от вас два писма. То, которое с денгами, должно мне самому взять с почты? Ето здесь обыкновение. Я показывал вчерась Маиору <Ф.Я.

[563] Возможно, Мария Алексеевна Дьякова (ум. 1807) – дочь обер-прокурора Сената А.А. Дьякова; с 1780 г. – жена поэта Н.А. Львова.

[564] Лист испорчен красной печатью.

[565] Перевод: «Мар. Ал. <Дьякова?> соблаговолила добавить к этому блеск своего присутствия. Не знаю, сумел ли он рассеять мрачные тучи, покрывавшие этот дурацкий пир. Безумие за столом только поддерживало всю эту нелепость. Мы едва дышали. Коля <Н.Ф. Муравьев>, забившись в угол, притворялся, что ничего не слышит. Рыжий кузен боялся дотронуться до блюда – как бы не получить выговора. А я хотел бы быть отсюда за двести вёрст. Но не вздумай принимать всё это буквально. И всё же было и нечто хорошее. Маленький кузен <И.М. Муравьев мл.?> в домино и самый <…> домино станцевал с нею менуэт на глазах у нашего <нрзб> наставника <Бубликова>. Прощай. Передай мне для того что все суть люди – я остановился на этом как на вещи очень примечательной». Домино – это, очевидно, плащ с капюшоном, который надевали на маскараде.

Олуфьеву> вашу записочку, и он отягчил меня новыми благодарениями вам. До него дошло, что по делам его все по желанию исполнено. *Высшая Коллегия*, говорил он, *уже отдала ему двух первых рекрутов, которых он одних и желает*. Между тем прошу вас взять их в покровительство ваше. А Богучаров на сих днях в Московскую команду отправляется и ему приказано будет к вам заехать и их отправить. Также рассказывал мне своё удовольствие, что Тимофей Иванович <Тутолмин> пишет к нему весма обязательное писмо, в котором предпринимает на себя все, что бы в пользу его было.... Составляю все, что он лишь сказывал. Самолюбие действует равно от Сержантов и до майоров. В .24. число брата Ив.<ана> Матв.<еевича> <Муравьева мл.> пожаловал он Каптенармусом. У нас было слух прошел, что в тот же день пожалован к нам будет Самойлов сын[566] Пример Маиором. Слава богу, пролгалось. Не знаю для чего, но я ненавижу, которых сулят мне в командиры. Может быть, это отвращение природы быть унижену и ужас кланяться. В воскресенье был в городе какой-то пир народной. Вить весело же смотрел на травлю медвежью. Я на этой не был и думаю, что ничего не потерял. Пьяные падали грудами. На другой день считали мертвых до трехсот. Как обыкновенно на другой день лгут, десять тысяч ведр вина выпили. В тридцать тысяч, сказывают, что стал сей праздник. В чанах пунша тонули. И еще теперь

[566] Вероятно, Александр Николаевич Самойлов (1744-1814), русский государственный деятель, племянник Г.А. Потемкина; в 1778 г. – правитель дел Совета при Высочайшем дворе.

шагают те по улицам, которые напились третьего дни[567]; сегодня опера *Ахилес*[568], на которой и я думал быть. Виноват, что не ответствую на то, что вы мне велите писать об

---

[567] См.: «Летний сад и позднее был местом различных гуляний. Уильям Кокс, посетивший Петербург в 1778 году, описывает одно своеобразное пиршество, которое давал откупщик, наживший в четыре года огромное состояние (вероятно, он намекал здесь на Лонгинова). Сдавая откуп, он счел нужным в виде благодарности устроить праздник народу, обогатившему его; праздник, по обыкновению, дан был в Летнем саду, о чем заранее по всему городу были разосланы афиши; вот что гласила эта любопытная афиша: «В честь высочайшего дня тезоименитства ее императорского величества представляется от усердия благодарности, от здешнего гражданина, народный пир и увеселение в разных забавах с музыкою на Царицыном лугу и в Летнем саду сего ноября 25-го дня, пополудни во 2-м часу, где представлены будут столы с яствами, угощение вином, пивом, медом и проч., которое будет происходить для порядка по данным сигналам ракетами:

1-е к чарке вина,

2-е к столам,

3-е к ренским винам, пиву, полпиву и прочего.

Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками; представлены будут разные забавы для увеселения, горы, качели, места, где на коньках кататься, места для плясок: все ж сие будет происходить по порядку от определенных хозяином для подчивания особливых людей, кои должны довольствоваться всем, напоминая только тишину и благопристойность; “ссоры ж и забиячества” от приставленных военных людей допущены быть не могут; ибо оное торжество происходит от усердия к народу и от благодарности к правительству; следовательно, и желается только то, чтоб были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминается хранить тихость и благочиние; в заключение же всего представлена будет великолепная иллюминация».

Гости собрались около двух часов, как говорит Кокс; огромный полукруглый стол был завален всякого рода яствами, сложенными самым разнообразным способом: высокие пирамиды из ломтей хлеба с икрой, вяленой осетриной, карпов и другой рыбы, украшались раками, луковицами, огурцами. В различных местах сада стояли рядами бочки и бочонки с водкой, пивом и квасом. В числе других диковин был огромный картонный кит, начиненный сушеной рыбой и другими съестными припасами и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчой. Кроме того, были устроены различные игры и увеселения: ледяные горы, каруселли и т. п.; два шеста, около 20 футов высоты, виднелись своими флагами, и на верхушке была положена монета, в виде приза. Праздник вышел очень оживленным, в нем было участвующих до 40 000 душ обоего пола. Праздник этот, впрочем, ознаменовался довольно печальными последствиями. Многие из валявшихся на земле пьяных замерзли; немало людей погибло в драке; другие, возвращаясь по домам позднею порою, были ограблены и убиты в уединенных кварталах города. Число таких жертв, по наведенным справкам, доходило до 400 человек.

По поводу этого праздника написана императрицею Екатериною II записка к генерал-полицеймейстеру С.-Петербурга Д. В. Волкову. Государыня упоминает в ней о 370 лицах, погибших от пьянства» [Пыляев, с. 67-69]

[568] См. сообщение КФЖ от 27 ноября 1778 г.: «В половине 6-го часа, в вечеру, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с Их Императорскими Высочествами изволила шествовать в оперный дом, **где в**

отпуске. Ето без намерения. Я живу здесь, не примечаю, что я зажился, без цели, так как и без дела столько я вижу, что здесь бы можно было хорошо жить, но что же я так живу и что я вижу. Только где же можно хорошо жить? Вы только имеете приказать, чтоб я приехал. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев>, думаю, отпустит, а полковник <Репнин>... что ему нужды? Иногда располагаю я прекрасной план своей жизни: первейшее из преимуществ его невозможность. Чтоб омерзить его, стоило только исполнить. В мыслях учусь я живописи, музыке. Все и книги мне драгоценны, которых у меня нет... А едак не живут. С глубочайшим почтением прошу вашего родительскаго благословения

Милостивый Государь батюшка!
Ваш покорнейший слуга и сын
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Не разсердись за местечко. Ето проклятой *Ахиллес*. Недавно писал я стишки: хочешь, пришлю их к тебе? Сколько я щастлив!... не скажу. Сестрице Любови Федоровне нижайший поклон.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 6-7 об.).

<103> +
1778. года Декабря .4. дня С.<анкт>Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Простите необходимости: писать теперь мне некогда, препроводив целой день то ленясь, то бродя. А теперь приехал к нам Бубликов, не бывав у нас с две недели. Я, слава Богу, кое как поживаю; бывает, что и хорошохонько. Подробности моей жизни очень просты. Я уже столько раз их описывал, что они должны вам наскучить так, как и мне. Время уже чтобы вы изволили разсудить собственными глазами, таков ли я еще, как был, чтоб вы поправили начертание моей будущей жизни. Тогда я буду просить, чтоб вы не совсем отказались в вашем творении и еще признали что нибудь ваше. Мое писмо чувствую, что глупо. Но я никогда с таким спехом не писывал. <С.Г.> Домашнев, которому я столько обязан, просил меня на нынешней неделе к себе, чтоб поручить мне переводить. Если я возьмусь, что нибудь из немецкого театра. Ему дала сие Комиссия от Государыни[569]. В четверг писать буду более с сыновним почтением
навсегда пребываю

Милостивый Государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Здравствуй.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 4-4 об.).

<104>+
1778. года Декабря .11. д.<ня> С.<анкт->П.<етер>бург.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии представлена была итальянская опера „Аххил"» [КФЖ, 1778, с. 742]. Скорее всего, речь идет об опере П. Метастазио «Ахилл во Сцире» (музыка Дж. Паизиелло) [Метастазио].

[569] Екатерина II в 1768 г. учредила Собрание старающееся о переводе иностранных книг, которое просуществовало 15 лет — до 1783 г.; см. подробнее: [Семенников].

Я было думал наградить короткость вторничнаго писма моего четверговою почтой. В четверг был праздник[570]. Да ето бы и ничего. Алексей Ив. Нагаев[571] своим приездом к дядюшке <М.А. Муравьев>, где было наше сборище, возпрепятствовал моему намерению. Надо было с ним быть и говорить об оптике. Он же был навеселе. Ето было зрелище, когда дошло до песен и он плясать пошел. В пятницу был при дворе Маскерад[572]. Ето для молодых людей что то прелестное и после котораго бывает похмелье, как после пьянства; так что надобно отложить день ничего не думать и не делать. Так вот и суботa. Какое прекрасное препровождение целой недели! Маленькой Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> явился в Маскерад с великим сиянием. Столько было любопытных спрашивать; такой кружок смотрел его. Иван Гр. Чернышев[573] бегал за ним, сам радовался. Из него будет что нибудь? Он выежжает несколько раз в неделю кое куда, что столько ж стоит, как ученье. Играет на клавесинах прекрасно и подает надежду вперед. По его охоте, если заключать... так, может быть и обманемся. Ето что то похоже на рекомендацию; вот так-то мы все его любим... в самой сей час у нас Бубликов. И я принужден употреблять два раза одну причину. Н.И. Новиков посылает к вам приложенной при сем Календарь. К завтрешнему числу, сказывают, что выйдут гвардейские доклады. И я подвинусь. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> приказал просить, чтоб вы изволили оставить последнего рекрута до приезду Боучарова. Я нынче всклепал на себя охоту и знание в музыке, недавно был в италианской комедии. Как же после етого не сочинять песней? Простите мне вранье мой, милостивой Государь батюшка. Я столько имею нужды в извинении. Но все лучше писать песни, нежели скучать и наводить другим досаду существованием своим. Я прошу усерднейше родительскаго благословения вашего и навсегда пребуду

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна, здравствуй.
Где может начертаться
След зраку твоего
Не должно там остаться
Дурнова ничего

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 69-70 об).

<105>+
1778. года Дек.<абря> 16. д.<ня> С.<анкт->П.<етер>Бург.
Милостивой Государь мой батюшка!

---

[570] 6 декабря 1778 г. отмечался день Святого Николая Чудотворца [КФЖ, 1778, с. 760].

[571] Нагаев А.И. (1704-1781) — русский военный деятель, адмирал (с 1769), гидрограф и картограф.

[572] См. сообщение КФЖ от 7 декабря 1778 г.: «В 7-мь часов, к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ во внутренние апартаменты Их Императорския Высочества прибыть изволили в маскарадном платье.

По сем, изволили Их Высочества в непродолжительном времени следовать в маскарад. А в половине 8-го часа, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в маскарад же изволила следовать и прибыв в кавалергардскую комнату села играть в карты, с знатными особами, в макао. <…>

А в столовой комнате, для знатных и придворных обоего пола особ был ужин. Маскарад кончился по полуночи в 3-м часу» [КФЖ, 1778, с. 762].

[573] И.Г. Чернышев (1717 или 1726-1797) — государственный деятель и военачальник.

Никита Артемонович!

Николай Михайлович Лунин[574], об отправлении котораго в Тверь я уже вас уведомил, присылал ко мне в сие мгновение с тем, что я могу с ним писать к вам. Его учтивство прибавило к тому прозьбу рекомендовать его вам и попросить о вспомоществовании по порученному ему делу. Я удовольствовался пересказать вам все ето простыми словами, думая что ето лучше поможет моего прошения. Не мое ето дело. Уважение которое он имел ко мне, открывает только глаза мои, чтоб увидеть мою неспособность рекоммендовать кого нибудь, кольми паче тех, которые должны меня рекоммендовать. В сей час иду я к нему с писмом, прельщен случаем моего знакомства. Вы, милостивой Государь батюшка! можете его утвердить. Я пребываю навсегда с совершенным послушанием

Милостивой Государь батюшка
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! О если бы я имел рисовщика, какой я имел случай прислать тебе целое собрание калифских мод. Прекрасное желание, чтоб лишать тебя петербургских. Сегодня при дворе Маскерад[575]. Прости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Ч. 74а. Л. 2-3).

<106>+
1778. года Декабря .18. д.<ня> С.<анкт->П.<етер>бург.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Сегодня я подучил ваше коротенькое писмо, заключающее столько важнаго для моих намерений. Оне приняты: завтре вручу я писмо от вас, завтре же может быть отпущен буду. Я вообразил себе щастие жить у тех, которыя наиболее корыствуются жизнию моею, у тех, которым я ею должен. Щастие мое представилось мне под чертами самыми трогающими. Я ничего не желаю, как возобновиться, как восприять с усугубленною ревностию мои чувствования, мои приятные упражнения. Как иностранец, опять возвращуся я в ваше семейство, которое есть мое собственное. Может быть не столько еще найдуся чужд, как я кажуся. Во все сие отсутствие, сие признание не должно радовать меня, никакой новой степени совершенства не присовокуплен моим разумом, никакое доброе семя не прозябло в душе моей. Мое самолюбие, мое спокойствие имеет нужду в прощении вашем, как в некоем охранительном писме. Оно бы хотело само подтвердить его, если бы столько же свойственно было не видать своих пороков, сколько быть склонну прощать их себе. Неупражнение разума привлекло за собой совершенную его неспособность. Искусство жить есть то самое, котораго я не знаю. Живучи в средине общества, отдален я от него более, нежели когда нибудь. Я здесь более тратил времени, нежели употреблял его: и чтобы жить в Петербурге, мне бы надобно еще было зачинать в Твери, хочу я сказываться из Краснаго села, чтоб зделать честь своему разуму. Я хотел бы, чтоб сие изображение было лучше мечтательною картиною, нежели портретом. Покрайней мере приложил бы я все

[574] Лунин Николай Михайлович (ум. 1789) — дворянин, сын М.К. Лунина и А.И. Неплюевой, брат Сергея Михайловича Лунина, будущего мужа Ф.Н. Муравьевой, сестры М.Н. Муравьева.

[575] См. сообщение КФЖ от 16 декабря 1778 г.: «По полудни, в половине 6-го часа, в силу учиненных повесток, имели приезд ко Двору Российския обоего пола персоны, знатное дворянство, чужестранные Министры, тако ж российское и иностранное купечество с фамилиями, в маскарад, и собирались в галлерею, в большую залу и в аван-залы. <…> Маскарад продолжался до 2-х часов по полуночи» [КФЖ, 1778, с. 780, 781].

старания зделать его несходным. Отеческая милость и более еще собственная приятность вашего сердца умерять оного мрачность. Я пребываю, прося усерднейше родительского благословения,

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна. Чувствуй истинную мою благодарность за твое желание меня видеть. Сбереги его к моему приезду вить ето будет жестоко, если ты любить меня будешь только отсутствующаго… Ето говорю я не по знанию твоего сердца, а только моего так это не у <…>[576]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. Л. 68-68 об.)

<107>+
1778. года Декабря .25. дня. С<анкт->П-<етер>бург.
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Вот уж и ето мне упрек и такой, которой еще вчерась я сам себе делал: я пишу только писмо в тот праздник, в которой должно мне было самому быть в Твери. Никто в етом невиноват кроме меня. Безрассудной молодой человек! Что я делаю, что не принимаю с жадностию перваго родительскаго призвания; вот уж вечер, и может быть причинил я вам и сестрице скучныя напоминания. Но отъезжая из Петербурга, ничто так не откладывается, как день отъезда. Я приписываю Петербургу, что только отнесть должно к лени моей. Ето не лень из обыкновенных, но какая-то непроворность души, нерешимость. Сегодня имел я удовольствие получить два писма ваши: одно с офицером, где вложена Ассигнация, другое по почте. Я столько в нынешний день щастлив, что, начиная его получил знак милостивых попечений ваших. Я бы не осмелился требовать более, если бы и имел щастие заслуживать пропитание свое собственными трудами. Денги, к которым бы в другом случае сам я боялся быть через чур привязан, становятся мне дороги, приходя от ваших рук. Они мне не стоили пожелания. Не уведомлены, имею ль я нужды, вы не могли снести одной мысли, чтоб я терпел. Так печется общий отец... утомляется ль он посылать влагу жадной земле и пищу птицам? Но величественной сей пример, которой представляю вам с боязнью быть отвергнут, стоит усилий для слабых человеков, когда хотят они подражать ему. Вы столько нашли легкости исполнять его в разсуждении меня. Обвиняя странность слога моего, может быть, не совсем отвергнете чувствований, которые в нем запутаны. Наслаждение их отводил меня так далеко с пути... Я отпущен буду, когда захочу и насколько хочу. То есть у меня нет только паспорта в руках. Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> спрашивал у меня, когда я еду. Я назначил срок Новой год. Причина: я заказал себе сшить кафтан, а он не поспеет прежде, вот время, что и я зачинаю мотать. Кафтан мне делает Гейдеман[577] и в долг за тем, что, как я заказывал, денег у меня не было. Простите ли вы мне это? Сии .25. рубл.<ей> употреблю на почту. У Маиора <Олсуфьева> был я уж два раза с тех пор, как подал писмо об отпуске. Вчерась поздно прислал он ко мне записочку, чтобы попросил вас о удержании трех рекрут Афан.<асия> Никифорова, Ульяна Никитина, Никиты Михеева. Либо я помогаю сам себя обманывать, Маиор ко мне ласков: он прельщает, что обходится так просто... Дядюшка <М.А. Муравьев ст.>, у которого я нынче обедаю, попрекает, что вы к нему не пишете. Впрочем препоручая себя родительской вашей милости, навек пребываю

Милостивый Государь батюшка
Ваш нижайший сын и слуга

[576] Обрыв письма.

[577] Гейдеман Карл Фридерик – портной (см.: https://www.vedomosti1728.ru/mobile/card.cgi?r=82&id=11586).

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Возьми терпения на неделе, много на две, не предайся чувствительному сердцу своему без супротивления. Я буду. Вить ето искусство заставить себя делать. В прошедший четверг по немецкой почте посланы к тебе матушка перья с Атласом Ан.<ны> Федоровны <Муравьевой> в ящике. Отпиши, получила ли? Пюсового пера не случилось? Прощай.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. Л. 2-3).

<108>+
1779. 10. Января. С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я столько виноват перед вами и еще писать осмеливаюсь! Все ваши милости призываю вам на память собирать все для моего защищения. И все кажется не довольно. Нещастливой человек преобращает в погибель себе все старания, которые внушает ему желание спасения. Я боюсь и конечно справедливо, чтоб последнее писмо мое не заслужило гневу вашего. Воспоминание, что я мог его писать, преследует за мною. Етого довольно, чтоб отравить жизнь мою. Знаю, что не могу требовать прощения. Но для мученицы сердца сего, которое все радости свои от вас получило, соблюдите мне, я дерзаю просить вас со слезами родительския объятии, которых я не достоин. Завтре надеюсь я отъехать на Ямских.

Нежной родитель! Вы не зря того хотели меня видеть, чтоб зделать мое нещастие. Свято чту повеления ваши. От вас ожидаю щастия моего. Пред ногами вашими уверю вас, что я не могу преступить воли вашей.

Оживите меня единым словом, что вы признаете своего сына. Примирите меня с самим собою. Я не позабуду преступлений своих.

Я оставляю говорить за меня сердцу вашему, я льщусь, что я не потерял еще, в нем есть мои права.

Принося мои раскаяния облегчаю я свое собственное. Воспомните ваши милости, чтоб принять их. Я пребываю по гроб мой

Милостивой государь батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Если я имел нешастие оскорбить писмом моим сердце ваше, я не менее оскорбил свое. Чужд в целом свете, ежели у вас не найду своего убежища, куда я скроюсь. И неблагодарность, злое жестокосердие пойдут со мною в заточение мое, муча меня.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 93-94).

<109>+
1779. Марта .7. д.<ня> Москва.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Получение приятного писма вашего было одно из живейших удовольствий, которые занимают меня здесь. Все мгновения, которые я здесь провожу так наполнены, хотя я не мог ни одним пользоваться, чтоб употребить его на размышление. Я ничего не писал. Но восхищение, которое я испытываю быть в кабинете Михайла Матвеевича <Хераскова>, слушать его наставления, быть всегда его мнения скрадывают от глаз моих оскорбительное воображение моей безполезности. Мне кажется, что уже довольно зделано для моей славы, если имею слушателем ползущих стихов моих творца *Россиады*. И быть им поправлену все равно что быть похвалену. Во всем доме, все дышит любовию писмен, и я приезжаю туда, чтоб говорить о стихотворстве и молчать. Все мои выезды до сего времени были разделены между домов Княгини <Анны Андреевны Урусовой (Муравьевой)> и Михайла Матвеевича <Хераскова>, и если я в одном из них обедаю, то ужинаю в другом. Я разъезжаю в карете и сыплю деньги полными руками, что иногда дает мне угрызения. Накупил премножество

книг, несколько музыки... Голова моя вскружена на том, чтоб быть стихотворцом; но лень… лень учиться и чувствовать. Я не намерен презирать более души своей. Мои усилия, если не успехи, заявят, что я любил добродетель, и дарования. Приятно жить с надеждою. И которая может быть превосходнее, как та, которою мы льстимся быть лучшими, исполнить должности жизни, любить и существовать?

Почувствуйте в сердце вашем все щастие благодетельствующего. Какая радость более, как давать ее другим?

Ник. Волод.[578] здесь не был или покрайней мере денег не отдавал. А .33. руб.<ля> Алексея Минича <Муравьева> давно у меня.

Мое остроумие так мало, так слабы чувствования, что я представил худое начертание здешней моей жизни тогда, как подавала она повод прекрасной картине. Мне кажется, что при каждой черте оной, у которой я не изображаю, украдываю я у вас удовольствие. И ето меня сердит.

Прося вашего родительского благословения, с глубочайшим почтением пребываю,

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна. Кого не тронут строки, проистекшия из сердца, в котором не может явиться печаль, не разтерзав его? Все должно прейти радость, как печаль. Должноль истратить чувствительность, прилепляясь к минутным ощущениям? Из пути нашей жизни выбирать единые терния и проходить розы, не насладяся ими? Добродетель, вера, философия, природа, дружество, науки... сколько утешений?

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 86-87).

<110>
1779. года Июля .23. дня Санкт<->Пет<ербург>

Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Приношу мою благодарность за ваше милостивое писание. Я им очень тронут. К моему щастию, если оно так продлится, ничего недостает. Дай Бог, чтобы вы были щастливы! Моя жизнь очень спокойна, очень легка. Иногда обвиняю себя, что, ограничивая малым свои желания, слагаю с себя и попечения. Иногда и етого не чувствую. С высокими предприятиями и с малыми день равно проходит. Можноль спать лучше меня? Когда будут с меня меньше требовать, нежели теперь? Сии размышления происходят от щастливаго человека и видно что в эту минуту я таков. Никогда не предвижу я определения дней моих. Иногда выхожу без намерения и брожу целой день по городу. Потом сижу не одеваясь и один дома. Пишу разсуждения, в которых нет здравого смысла и нравоучения то строгия, то умягченныя, и нахожу препроведши день, что я ничего не делал, как бродя, так и сидя дома. В <В.В.> Ханыкове имею друга, которые оказывает мне всевозможныя угодности. На сих дня думал было он отправиться в Константинополь, но сие отменилось, и он поедет в другую посылку. Прошедшую среду, то есть .15. число[579], день, в который именинница Марина Осиповна[580], препровел я до полуночи на даче[581]. Лев Алекс.<андрович>

[578] Лицо не установлено.

[579] Кажется, ошибка: 15 июля – это понедельник.

[580] Нарышкина Марина Осиповна (1741–1800) — жена Л.А. Нарышкина.

[581] Вероятно, речь идет о знаменитой даче «Левенталь», которую Л.А. Нарышкин в конце 1760 гг. купил у графа А.И. Шувалова. Это было место встреч не только придворных, но и августейших особ: так, в 1777 г.

<Нарышкин> благодарит вас за писмо и свидетельствует почтение. У них к обеду никого не было званых, кроме Ив.<ана> Матв.<еевича Муравьева мл.> и его соученика, в те же годы, как он, Скоропадскаго[582]. В .6. часу после обеда пошли мы в рощу, в Китайскую галерею[583], где вдруг наехало более ста персон и открылся бал[584]. Тут одно намерение, одно, чем все двигалось, было веселье. Скакали, бегали. Как я рад был танцевать! Со мной говорил <С.Г.> Зорич, который был тут из ревностнейших танцовщиков. Упражнение Льва Ал.<ександровича> <Нарышкина> было вытаскивать из кучи зрителей, которых сбежалось множество, несколько немок и сажать их в Галерее. Часу в двенатцатом пошли в покои ужинать. Я ничего не говорю об иллюминации рощи и пр.<очее>. Марина Осиповна <Нарышкина> весьма много говорила об Ив.<ане> Матв.<еевиче> <Муравьеве мл.> за ужином и хвалила его Брюсше[585] и Марье Павловне[586]. После стола был фейерверк. Я наслаждался тут, кажется, истинным весельем. У Васильева[587] я был, который принял меня с обыкновенным своим добродушием, разспрашивал о вашем состоянии. Все затруднение, говорил он, состоит в том, что еще не привыкли. Впрочем, де предписано ето учреждениями, что Наместничество имеет право получать щет и налагать пени. Просил, чтоб я ходил к нему обедать и был покороче. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, навсегда пребываю с усерднейшею преданностию

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Que je serais heureux, ma chère soeur, si je pouvais espérer, que cette tranquillité, ce bonheur, que vous annoncez dans votre lettre, ne vous quittent jamais! Un coeur où la vertu se plait, car tel est le votre, n'est point coupable, si on ne le connait pas. Attendez-vous à votre bonheur. Le sort s'il en dispose autrement, le sort est injuste. Il ne vous manque qu'un bonheur certain, des amis et des plaisirs. Sachez vous estimer, vous même. De la vivacité, de la joye: voila ce qu'il vous faut. Pour moi je ne fais rien, si je fais quelque chose, ce sont de petits vers, où je crois être tendre, n'étant que fade. Il n'y a pas longtemps que je vous ai écrit une épître. Adieu.

Екатерина II посетила ее вместе с королем Швеции Густавом III, а в 1780 г. – вместе с императором Священной Римской империи Иосифом II.

[582] Вероятно, Скоропадский Михаил Яковлевич (1764-1810) – офицер, учился в Императорском Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе, секунд-майор.

[583] По-видимому, речь о Китайском театре (или оперном доме) в Царском селе; он был построен в 1778-1779 гг. архитектором И.В. Нееловым по проекту А. Ринальди.

[584] Если описываемые события происходили на следующий день после поездки Муравьева на дачу к Нарышкиным, то «бал» (скорее, придворное гулянье) открылся 16 июля; см. сообщение КФЖ: «После полудня, в 6-м часу, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соблаговолила предприять шествие с фрейлинами и кавалерами в фаэтоне и таратайках, с сокольею охотою, до Стрельной мызы, куда по прибытии изволила следовать в нижний сад, и гуляя в оном, потом изволила иметь вечернее холодное кушанье в саду-ж, под деревом; после стола, предприять изволила обратный путь до Петергофа, а по прибытии к оному, в вечеру, в половине 10-го часа, шествовала во внутренние апартаменты» [КФЖ, 1779, с. 324].

[585] Брюс Прасковья Александровна (1729–1786) — жена Я.А. Брюса, сестра П.А. Румянцева.

[586] Нарышкина Мария Павловна (1728–1793) — вдова С.К. Нарышкина, дочь П.Ф. Балк-Полева, статс-дама императрицы Елизаветы Петровны.

[587] Вероятно, Васильев Алексей Ивановия (1742–1807) — русский государственный деятель; в 1770-е гг. работал в Экспедиции о государственных доходах.

Faites mes compliments ma chère à Messieurs Verevkin[588] et Oserov[589] et parlez leur un peu de moi[590]

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 1-2 об.)

<111>.
1779. года Сентября .17. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Ваши милостивыя и утешительныя писма востановляют каждой раз мое спокойствие, делают жизнь мою живее, не отягчая ее обязанностей. Я вам обещаюсь, что все мои намерения будут направлены заслужить сию милость. Сколько должен я благодарить, ежели я сохраняю какое нибудь чувствие! Сколько имею нужды в извинении!

Анисима Титовича <Князева> видел я еще летом в Саду. Он просил меня к себе и спрашивал о вас. Но я до сих пор не был. Сию леность конечно поправлю.

Недавно я слышал, что будто Государыня в мае поедет через Новгород и псковские города в Белорусския губернии, оттуда изволит проехать в Москву и посетить прочия Наместничества[591].

У нас говорят в полку и, как я думаю, безо всякого основания, что .22. числа несколько наших Капитанов введут в Полковники. Так легко верить тому, что нам полезно. Может быть бы етим и я подвинусь.

Кн. Анна Андреевна <Муравьева> недели две, как родила дочь Княжну Софию[592].

В прошедший четверг был я зван обедать к учителю Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>, чтоб видеть его успехи и описать их дядюшке <М.А. Муравьеву ст.>. Марина Осиповна <Нарышкина> отрицает несколько сот четвертей овса и пуд сена, которые дядюшка уговорился ему ставить. Вот побуждение.

Впрочем прося вашего родительскаго благословения, навсегда с глубочайшим почтением пребываю

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга

---

[588] Веревкин Михаил Иванович (1732-1795) — писатель и переводчик.

[589] Озеров Александр Иринархович (1736 – дата смерти неизвестна) – чиновник, статский советник, директор Петербургского лесного департамента министерства финансов (см. письмо №121).

[590] Перевод: «Как был бы я счастлив, моя дорогая сестра, если бы мог надеяться, что это спокойствие, это счастье, о котором вы сообщаете в своём письме, никогда вас не покинут! Сердце, в котором обитает добродетель, а таково именно ваше, не может быть виновным оттого, что его не знают. Ожидайте своего счастья. Если судьба распорядится иначе, то судьба несправедлива. Вам недостаёт только прочного счастья, друзей и удовольствий. Умейте ценить себя сами. Живости, радости – вот что вам нужно. Что до меня, я ничего не делаю; если же и делаю что-нибудь, то это маленькие стихи, в которых мне кажется, будто я бываю нежным, будучи на деле лишь пресным. Не так давно я писал вам послание. Прощайте. Передайте, моя дорогая, мои поклоны господам Веревкину и Озерову и немного поговорите им обо мне».

[591] 9 мая 1780 г. Екатерина II отправилась в Белоруссию, в Могилеве она встретилась с императором Иосифом II; 12 июня императрица вернулась в Царское село.

[592] Строганова София Александровна (урожд. Урусова; 1779-1801) – дочь князя Александра Васильевича Урусова и княгини Анны Андреевны Урусовой (урожд. Волковой, в первом браке Муравьевой), жена барона Александра Сергеевича Строганова.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Приношу чувствительную благодарность за советы твоей дружбы, прошу усерднейше давать их мне столько часто, как можешь, чтоб я мог тебе доказывать исполнением, что я свято почитаю моих друзей и их волю. Я намерен было был послать тебе начало моей оперы, да поленился списать. Будь ко мне так добра, как ты была и есть: давай мне пример добродетели и шастия любить. Тот благороднее, кто умеет более любить. Прости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 88-88 об.).

<112>+
1779. года Сентября .30. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Какое сердце может остаться недвижимо, видя беспокойства, которыми ваше терзается! Сколько я стою вам! Какия мучения испытываете вы во все сие время, покуда я успею уведомить вас, что страх сей неимел никакова основания! Я должен принять сие наказанием небесным, ко мне устремленным, когда я опечаливаю, сам не зная, все то что имею драгоценнейшаго на земле. Сколько отцов, которых подобная причина не тронет! Надобно было иметь сердце такое, как ваше, сию степень чувствительности и милосердия к детям, чтобы войти в толь трогающее безпокойство о малейшей неизвестности. Как я нещастлив, что придая себе всевозможные выгоды, не нахожу себя в состоянии оправдать сию чувствительность!

Успокойте, милостивой батюшка, вашу нежную и оскорбленную душу. Если Бог вас во мне милует или карает, то он сохранит меня всегда цела. В разсуждении меня вы ничего упрекнуть себе не можете, кроме добродетелей. Какой великой и неоплатимой долг для меня, и которой вы каждой день увеличиваете, сии попечении, сии безпокойства!

Почта, которую вы не изволили получить, пошла отсюду .17. числа. С писмом своим послал я речь Г. Карманова[593] и книжку в бумажном переплете к сестрице: *Письма одной Перувианки*[594]. Сие писмо, как я справлялся сегодни в книге почтмейстера, отправлено его ошибкою в Москву. Вы изволите видеть, как легко можно не получить моего писма, и я бы никогда и не узнал етого, если бы вы ко мне не изволили отписать. Прошу вас нижайше, милостивой Государь батюшка, вперед не отдаваться печали. Что по немецкой почте я не писал, происходило от моего уверения, что вы получили по ямской.

В пятницу в Маскераде[595] говорил мне Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> попросить вас о рекрутах, когда явятся годные в наборе. Я себе зделал маскерадное платье очень хорошее и

---

[593] См. примечание ??.

[594] Речь о романе Ф. де Графиньи «Письма одной перуанки» («Lettres d'une Péruvienne», 1747). Этот текст был хорошо известен в России: его экземпляры были в Эрмитажной библиотеке Екатерины II; на русский он был переведен в 1791 г. [Русско-европейские литературные связи, с. 67].

[595] См. сообщение КФЖ от 27 сентября 1779 г.: «До окончания ж маскарада, вышеписанныя персоны в маскарадном платье собирались в Оперный доме, где потом, в присутствии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Их Императорских Высочеств представлена была Италианская комическая Опера: Мнимый Астроном.

В 7 часов вечера, в галерее, в антикамерах и в круглом зале начался при обыкновенной музыке маскарад <…> В продолжении ж маскарада, в 9-ть часов, знатный Генералитет и прочия знатныя и

новый мундир. Я бегал по городу и находил удовольствия, между тем как вы отчаявались в моей жизни.

Я не знаю, чем могу я заплатить печали, которые приключил я. Какими унижениями, какими стараниями. Я чувствую, что вся моя заплата в приобретении достоинств и добродетелей. Ежелиб ето не так трудно было! Впрочем цалуя родительские руки с нижайшим послушанием и преданностию пребуду,

Милостивой Государь мой батюшка!
Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Твои чувствования должно заплатить мне, но им нет цены. Я отнял у тебя столько времени, которое бы ты хорошо препроводила. Я опечалил тебя, заставил тебя ощутить горести скуки, мрачнейших воображений. Enfin c'est un fardeau, que d'aimer[596]. За сии дни печалей, отчаяния не уж то справедливой Бог, которой муки жизни награждает удовольствиями, не уж то он не благоволит утешить, увеселить твое сердце? Будь здорова. Прощай.

Я посылаю вместе с этим писмом писмо от дядюшки Матвея Артемоновича меньшова <Муравьева мл.>, а М.<атвей> А.<ртамонович> большой <Муравьев ст.> был на сих днях в Новегороде.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 89-90 об.).

<113>
1779. года Октября .8. дня. С.<анкт->Петерб.<ург>.
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я имею удовольствие еще писать, хотя настоящим образом и не имею, чем наполнить, кроме моих желаний, чтоб вы были благополучны и продолжали ко мне родительскую милость. Кажется, что я бы был ее достойнее, если бы помнил ето чаще и живее. Но немногим людям дано повиноваться их разуму. Напоминать хотя из дали величие добродетельного человека есть утешение в скуках жизни. Надежда уговаривает нас, что сии картины щастия, которыя мы изобразить себе можем, могут быть и исполнены нами. Но я довольствуюсь только мечтать иногда о полезном употреблении времени, о прелестях учения, чувствований, о твердом намерении трудиться, размышлять, быть равну во все минуты жизни и никогда не зачинаю исполнять свои мечтания. Тысячу побочных слабостей, которых я не полагал в изчисление, опаздывают и искажают мои прекрасные планы. Наконец скука не видать удачи ни одного заставит меня отказаться от удовольствия мечтать. Ето будет жалко.

Устрецкой крестьянин не пришел еще. Наше дело совсем готово и лежит на судейском столе ожидая их подписания, после чего мне отдастся для пересылки. А я думаю вручить крестьянину.

Я иду теперь в комедию. Не помню я, писал ли к вам ответ М.Н. Кречетникова о том, что Антон Иванович уж пожалован.

Впрочем прося вас, чтоб вы старались о нашем щастии, ожидая повелений ваших, наставлений, благословения, навсегда пребуду

Милостивой Государь батюшка!

придворныя обоего пола персоны, в столовой комнате кушали вечернее кушанье на 50-ти кувертах. Маскарад продолжался до половины 3-го часа по полуночи <…>» [КФЖ, 1779, с. 494, 495].

[596] Перевод: «В конце концов, любовь – это тяжкая ноша».

Ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Как бы я щастлив был, если бы я нашел способ тебе нравиться, доказать тебе, что я люблю тебя, сколько мое сердце ещё умеет. Helas! Сие обворожающее чувствие не удостаивает являться ему в своём божеском виде. Je suis ramené à aimes vulgairement[597]. С тех пор нет у меня ни музы, ни кистей.

Parmi ces peupliers paisibles,
Repose Jean-Jacques Rousseau.
Rassemblez-vous coeurs sensibles,
Votre ami dort sous ce tombeau
Ducis[598]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Л. 91-92).

[597] Перевод: «Я вновь низведён до обыкновенной любви».

[598] Муравьев, видимо, по памяти воспроизвёл эпитафию Ж.-Ж. Руссо, которую написал Ж.-Ф. Дюси (1733-1817), французский драматург и поэт, член французской академии, оставивший своими адаптациями Шекспира заметный след в развитии французского театра. При этом Муравьев привел текст с ошибками; см.: «Entre ces peupliers paisibles / Repose Jean-Jacques Rousseau. / Approchez, cœurs droits et sensibles, / Votre ami dort sous ce tombeau» [Petits poètes, p. 87].

1780

<114>+
1780. года Марта .11. дня С<анкт->Петер<бург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! В прошедший понедельник писал я довольно по кавалерски. Если бы я продолжал, легко бы заключить было можно, что я упоен восторгом военной науки и буду скоро иметь роту драгун. Ничего не бывало. Я все тот же еще маленькой педант, испросивший себе привилегию лениться за скрепою муз. Вечер прошедшаго понедельника имел я удовольствие слышать в Клубе славный духовный концерт или песнь: *Stabat mater etc*, сочинения Перголезева[599]. И другое удовольствие для моего тщеславия — разговаривал с Д.И. Фонвизиным, bel esprit de plus hupés de la ville[600]. Вторник препроводил я в гостях, а батюшка у К.<нязя> <А.А.> Вяземскаго. Вчерась у нас обедал маленький Иван Матвеевич <Муравьев мл.>. Сегодни обедал также у нас Николай Ф.<едорович> <Муравьев>, которой упражнялся весь день в покупке двух аглинских сервизов, самых полных, для Твери и для Бернова. Покупка около сотни рублей. Положите, что что нибудь и прихвастано. Сенька представлял стряпчаго, когда по росписи какую нибудь штуку хотели отставить. Теперь идет укладка сервизов. Я два дни как читаю сочинение г. Palissot de Montenoy[601], великаго гонителя на нынешних философов, и не принимаю на себя труда разсуждать о том, что читаю. Я не помню, уведомлял ли я тебя матинька, что Вас. Андр. Приклонский[602] здесь, и недели две три он должен, как он говорит, видеть отъезд своего шурина в Константинополь, чтоб после вступить в управление всей его экономии[603]. Вчерась приехала Александра Григорьевна Батюшкова[604], но мы еще ее не видали. Павел Львович <Батюшков> в отпуску. Все наши здоровы. Дай Бог, чтоб к подтверждению щастия нашего ты была здорова и весела. Пора сударыня вам приехать, я цалую ручку твою. Прощай. Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Если прошлый раз списание мое к вам было немножко ветрено, так этому позвольте быть очень важну. Я составляю усердныя желания вашего благополучия. Но я, не имея теперь довольно красноречия, чтоб благодарить вас как надобно за удовольствия, которыя вкушает сестра моя в вашей приятной дружбе. Сказывают, что Московский знатный клуб претерпел некоторые бедствия и наша Княгиня, которая в числе директрис, замешена в раздорах. Милостивому государю моему Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне[605] приношу нижайшее почтение[606].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 1-2).

---

[599] Перголезе Д.Б. (1710–1736) — итальянский композитор и музыкант; самое известное сочинение — кантата Stabat Mater.

[600] «Одним из самых плодовитых остроумцев в столице» (перевод В.П. Степанова [Степанов, 1986, с. 207]).

[601] Палиссо Ш. де Монтенуа (1730–1814) — французский писатель, известный противник Д. Дидро и энциклопедистов. Вероятно, сочинение, которое читал М.Н. Муравьев, — «Petites lettres sur de grands philosophes» (1757).

[602] Приклонский Василий Андреевич (1746–1789) — выпускник Московского университета (1762), служил в Измайловском полку (1762–1767), первый директор Тверского дворянского училища (1779–1781).

[603] Шурин Приклонского – Яков Иванович Булгаков (1743-1809), известный русский дипломат; в мае 1781 г. Екатерина II назначила его чрезвычайным посланником и полномочным министром в Оттоманской порте.

[604] Батюшкова Александра Григорьевна (1750–1795) — жена Н.Л. Батюшкова, мать К.Н. Батюшкова.

[605] Анна Федоровна Вульф (урожд. Муравьева; даты жизни неизвестны) — дочь Ф.А. Муравьева, двоюродная сестра М.Н. Муравьева и жена И.П. Вульфа.

[606] Далее приписка отца Н.А. Муравьева.

<115>+
1780. года Декабря .31. дня С.<анкт->Петерб.<ург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Мне доводится писать нынешний .1780. в последний <раз>, и хотя сие важное примечание могло бы служить источником не менее важных и скучных размышлений, однако я удовольствуюсь теперешний раз мыслить по простонародному и принесть вам добрые мои желания, чувствуемыя в глубине сердца, на новый год. Я и себе желаю всякаго добра, чтоб некоторым образом споспешествовать моим желаниям вашего благополучия. Етого бы не надобно сказывать: по образу моих мыслей и выражения довольно видно, что я себе нравлюсь.

Александр Федорович <Муравьев> и Николай Федорович <Муравьев>, с которыми я сегодня виделся, просили меня засвидетельствовать вам свое почтение и поздравление с праздниками, то же и Николай Львович <Батюшков> и Павел Львович <Батюшков>, с которыми я довольно часто вижусь. Иван Матвеевич[607] прислал ко мне для разнесения писма, которыми он зовет к себе на свадьбу всех нас вообще. Она будет, я думаю, на другой день Крещенья.

Во вторник на нынешней неделе Катерина Дан. Волкова[608] родила дочь Марью[609]… В воскресенье, сказывают, что Маскерад будет придворный.

Прошу нижайше извинить сухость моих писем. Я сам не нахожу им оправдания, кроме глупости. Может быть и извинение принадлежит к ней же. Мне теперь ничто так не нравится, как разъезжать по улицам. Сие упражнение не делает размышление основательным: разве пользует поучая, что все есть суета.

Впрочем прося вашего родительскаго благословения, наполнен чувствований моего долга, со всем усердием пребуду

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна и матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>, прикажите, чтоб я совокупил вас в моем писме: не в образец вперед, но для того, чтоб письма мои не все были в одинаком виде. Не думайте, чтоб вы только были недовольны моими письмами. Увы! сам сочинитель мнения своей публики. Увы! писма мои никуда не годятся. Но ежели вам угодно ведать об нас, избрания нет: или терпите мои путанья, или не распечатывайте моих писем. С головы до ног вранье. И важное, и шутка, все вранье. Ето полоса на меня в наказание, устыжайте вы меня чем чаще своими дорогими письмами. Благородное сердце способно соревнования и во мне не должно отчаиваться, если вы только не лишите меня своего сообщения. Не сомневайтесь в честности моей. Я ожидаю возвращения нескольки вторников, чтоб исполнить мои обещания. Тогда, не имея ничего себе попрекать, вы увидите, щажу ли я бумагу. Прощай, Фешинька, прощай, Любашинька. Все в тоне восприятой глупости. Я было позабыл, что обещал Н.<иколаю>

---

[607] Вероятно, имеется в виду Иван Матвеевич Муравьев ст. (1740-1813), майор, сын Матвея Артамоновича Муравьева мл. (1714-1799), женился на Пелагее Григорьевне Муравьевой (урожд. Базанина; 1754-1809) [см.: Муравьевы (Родословная). Ревель: Печатано в типографии «Ревельских известий», 1893. С. 13].

[608] Екатерина Даниловна Волкова (урожд. Конищева; 1746-1816) – жена Александра Андреевича Волкова.

[609] Мария Александровна Озерова (урожд. Волкова; 1781-1823) – дочь Александра Андреевича Волкова и Екатерины Даниловны Волковой, жена Петра Ивановича Озерова (1776-1843).

Ф.<едоровичу> <Муравьеву>, у коего сегодня обедал, написать за него целую защитительную речь… даже <?> до времени.

Милостивой государыне сестрице Анне Федоровне <Вульф> поклон, почтение, поздравление и многая лета, и просим нас не забывать.

Михайло Львович Муравьев[610], который живет у Николая Федоровича <Муравьева>, приносит также свое почтение.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 3-4 об.)

[610] Муравьев Михаил Львович (между 1743 и 1803) – сын Льва Еремеевича Муравьева (1738, дата смерти неизвестна), дальний родственник М.Н. Муравьева.

<116>[611]+
1781. года Генв.<аря> .7. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я было опоздал писать сегодня, хорошо еще, ежели не опоздаю. В прошедшем письме своем позабыл я писать о самом важном: о наших докладах, которыя вышли в самый новый год. Наших Сержантов вышло только трое в офицеры, и я остался попрежнему, двенатцатой. Также позабыл тогда уведомить, что посылку отослал в то же время к <Ф.Я.> Олсуфьеву, с которым я сегодня обедал вместе у П.М. Хераскова. В движении я не имею здесь недостатка. Выиграло ли общество приобретением такова собеседника, как я, не знаю; но я не опасаюсь быть обнесенным, что его убегаю… для меня ето не достоинство, и я сие рассказываю в должности любителя истины. Сие письмо, полагаю, что придет в Тверь незадолго перед тем, как вы сюды отправитесь. А я еще имею признаться в дерзости и глупости, не имея привесть в пользу свою никакого похвального действия. Я осмелился предупредить просимое мною позволение употребить Ассигнацию для записки в клоп[612] <так! – А.И.>. Если ваше нежное снизхождение тем и не оскорбится; покрайней мере я должен стыдиться своего легкомыслия и дерзости, ежели к тому сердце мое довольно благородно. Со всеми чувствованиями благодарности, почтения и послушания прошу вашего родительскаго благословения и пребуду,

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Теперь приходит время твоего разставания с батюшкою, и я не могу вообразить себе положение твоего сердца. Но я ему желаю всей твердости, которая в нем соединяется так согласно с нежностию, с невинностью. Я хочу, чтоб ты продолжала быть собою и находила щастие в своем сердце, разуме, друзьях своих. Брат твой, как ты видишь, не имеет теперь и того достоинства, чтоб анализировать чувствование. Однако исключая несколько и благоразумия, он не сделался хуже. Время меня уносит. Твой Тасс, твой Детуш[613], твоя Стефания[614] в переплете. Люби меня. Прощай. Сегодня я обедал с <нрзб>.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! не разсердися, матушка, что я писал к тебе по дурацки прошедший раз. Я пишу скоро или… я глуп. Последнее повернее. Люби меня свет мой, люби мою голубушку Фешиньку. Братец Н.<иколай> Ф.<едорович> <Муравьев>, котораго я имею честь быть почтенным сочленом в Музыкальном Клобе[615],

---

[611] Адрес: «Милостивому Государю батюшке, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству, Господину вице-Губернатору, Муравьеву, в Твери».

[612] Вероятно, для записи в «Новое музыкальное общество» (см. ниже).

[613] Детуш Ф. (1680-1754) – французский драматург, член Французской академии (1723), автор многочисленных пьес, в первую очередь комедий. Он был очень популярен в России: его комедии еще в 1760 гг. перевели А.А Нартов, И.П. Елагин, Н.Н. Трубецкой [Русско-европейские литературные связи, с. 74].

[614] Возможно, имелась в виду Стефани-Фелисите Брюлар, графиня де Жанлис, маркиза де Силлери (1746-1830), известная французская писательница, автор популярных романов.

[615] Музыкальный клуб работал в Санкт-Петербурге в 1772-1777 гг.; некоторое время его возглавлял Я. Штелин; основная задача – организация концертов и постановка оперных спектаклей [см. статью в Музыкальной энциклопедии: https://www.musenc.ru/html/m/muz3kal5n3y-klub.html]. «Новое музыкальное

общество» было учреждено в 1778 г.: «Задачей его, так же как и *Музыкального клуба,* ему предшествовавшего, служило объединение граждан СПБ для общения и получения новых муз. впечатлений. "Регламент" Н. м. о. был разрешен 9 сект, и утвержден 11 сент. 1778 генерал-полицмейстером Д. В. Волковым. Первое собрание его членов состоялось 9 дек. 1778, и эта дата считается днем основания Н. м. о. В числе организаторов были барон П. Г. Демидов, статский советник Стиксель, виноторговец Бландо и др. В "Регламенте" клуба указывалось, что для муз. мероприятий отводится только большая зала, в к-рой "концерт будут играть два раза в неделю по средам и субботам, и начнется в 6 пополудни, а кончится в 9 часов". Однако в дополнительной инструкции кол-во *концертов* было ограничено до одного раза в неделю по понедельникам. Раз в неделю каждый член об-ва мог приводить с собой одну даму из своей фамилии. Кроме посещения концертов, *балов* и *маскарадов,* члены об-ва могли ежеднев. развлекаться играми в бильярд и в карты, свободно общаться. По данным 1792, Н. м. о. находилось в доме Куракина на Невском пр., у Полицейского моста (ныне д. 15). Членский взнос был установлен при вступлении — 15 р. для основателей, 25 р. для остальных членов, ежегод. взнос для всех — 17 р. Официально Н. м. о. правили 5 старшин: (А.Я.Шредер, А.Пильс, Г.Жерве, двое неизвестны). В первые 2 года существования число членов Н. м. о. доходило до 601 чел., среди них были лица разных национальностей, профессий, сословий. Из высокопоставленных сановников членами Н. м. о. были В. Н. Головин, А. С. *Строганов,* меценат барон А. А. Раль; в списках Н. м. о. за разные годы присутствуют муз-ты: композитор и пианист И.В.Ф.Пальшау, певец *Комаскино,* композитор Д. С. *Бортнянский,* скрипач *А.М.Ярнович,* исследователь рус. нар. Музыки и нар. инструментов *М. Гатри,* композитор-дилетант П. И. Лакост, инстр. мастер

Киршник, Членами Н. м. о. состояли знаменитый рус. актер И. *А.Дмитревский* и драматург Д. И. Фонвизин. <…> После 1793 сведений о деятельности Н. м. о. не имеется. Можно предположить, что его активность снизилась в русле общих тенденций муз. жизни эпохи *Павла I*» [Музыкальный Петербург, 2, с. 263-264] При этом современные исследователи указывают, со ссылкой на Я. Штелина, что «Новое музыкальное общество» с 1779 г. находилось «в доме графа Бутурлина на Мойке [ныне — Набережная реки Мойки, д. 54]» [Смирнов, Сербин]. И далее они привели важные детали из воспоминаний Штелина: «Хозяйство вел уволенный из старого Музыкального клуба эконом, который отвлек из старого клуба и привлек в новый разных хороших музыкантов и много членов. Среди прочих также господина Балшау, который сделался постоянным музыкальным директором в этом новом клубе. Только один день в неделю, а именно по понедельникам, исполнялась музыка. К тому же каждый член мог привести даму. Без музыки клуб ежедневно посещается по желанию. В чине выше бригадира никто не принимается в члены. В это же время сюда приехал из Берлина очень искусный скрипач со вкусом мосье Рабе и по требованию Балшау был принят на службу в Музыкальный клуб”» [Смирнов, Сербин].

приносит вам свое почтение. Последний Маскарад при дворе[616] окончил он, танцуя с какоймто бедняшкою шлюшкой[617] ходя в одну сторону с нею, приводя еще после комплименту назад на место и пр. Однако ето я не скромничаю.

Милостивой государыне сестрице Анне Федоровне <Вульф> мое нижайшее почтение и милостивому государю Ивану Петровичу <Вульф>.

Детушкам низкий поклон и челобитье от дядюшки, которой более их ребенок.

Сегодня, я думаю, свадьба нашего Ив.<ана> Матв.<еевича> <Муравьева ст.>

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 5-6 об.)

<117>[618] +
1781. года Генваря .11. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я пишу к вам сегодни наудачу, может быть письмо сие вас еще застанет в Твери. Сегодни, как я думаю, поехал также и Курочкин, с которым я писал вчерась. С ним послал я несколько книг к сестрице. Дай Бог, чтобы вы были здоровы, веселы, спокойны и справили сие путешествие! Сестрица останется без удовольствия, покрайней мере не будет иметь того, чтоб пользоваться вместе с вами (я не упоминаю о себе из кротости) случаем переменить свое ежедневное зрелище. Но в подкрепление, хотя хвалы в глаза могут счесться и ласкательствами, она имеет великодушие добродетели, разум прямой и просвещенной, достоинства, которых нельзя купить в самом лучшем обществе, если природа не одарила ими душу. Мне позволено иметь своенравие, исключительное желание быть щастливу на иждивении сердца и разума. Но истина всегда будет наверху. Самолюбие мое никогда не будет удовольствовано более как сохранением неоцененной любви родителя, такого любящего, благодетельствующаго, как вы, и сестры толь достойной любви и почтения, сколько благодарности и платы дружбы и чувствования самых приятнейших от меня. Я не имел ваших милостивых писем давно. Приучен к вашему поступку со мною, столь наполненному неограниченнаго снисхождения, я не опечаливал себя наперед, чтоб сие происходило, может быть от неприятного чувствования, моими неблагоразумиями произведеннаго. Впрочем прося с совершеннейшим почтения родительскаго вашего благословения, навсегда пребуду

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

---

[616] См. сообщение КФЖ от 3 января 1781 г.: «В половине 7-го часа, в галлерее и в прочих местах где следовало, началась музыка, а потом, в 7 часов, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Императорскія Высочества Государь Цесаревич и Государыня Великая Княгиня изволили прибытие иметь в маскарад и благоволили проходить чрез Галерею и антикаморы в круглый зал, а по возвращении обратно, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО следовать изволила во внутренние Свои апартаменты, а Их Высочества, прибыв въ Статс-Дамскую комнату, изволили во оной, с знатным Генералитетом, играть в карты, до 9-го часа, а потом отбыли в пребывающие Свои покои, где и изволили иметь вечернее кушанье, после ж стола вторично благоволили присутствовать в маскараде до половины 10-го часа вечера. <…> Маскарад продолжался до половины 3-го часа полуночи» [КФЖ, 1781, с. 16, 17].

[617] Неряха.

[618] Адрес: «Милостивому Государю батюшке, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству, Господину вице-Губернатору, Муравьеву, в Твери».

Матушка сестрица Федосья Никитишна! На что удивляться, что щастие дары свои без разсуждения мечет, на что приводит столько посторонних примеров сей истины, когда я сам в себе вижу поражающее изображение? Какими достоинствами приобрел я право быть твоим первым другом, попечительницею иметь тебя, наслаждаться добрым мнением особы, тысячу раз меня превосходящей. Если трудно сие признание, тем более истинно… я виноват, что не уведомлял тебя подробно о моих времяпревождениях. И сие вспоминаю в минуту, когда хотел требовать от тебя сего снизхождения. Просьба останется прозьбой. Прощай, моя душа, наслаждайся всем добреньким, что тебе бог пошлет. Буль умна, чтоб быть спокойной. Спокойство щастие. У нас сегодни Концерт в Клубе[619], и я надеюсь увидеть Николушку <Николая Федоровича Мураьвева> там. Он вас любит и просит извинения, что пишет редко.

Любовь Федоровна <Муравьева>, голубушка, желаю тебе такое хорошенькое счастие, какое ты имеешь хорошенькое сердце. Позволяю тебе смеяться, сколько хочешь, под уговором не плакать. Прошу тебя поцаловать мою Фешиньку, поцеловать ручку у Анны Федоровны <Вульф>, у матушки, когда ее увидишь. Не иметь против меня худых мыслей и помнить, что я ваш без границ верный брат и друг

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 7-8 об.)

<118>+
1781. года Генваря .12. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я хотел еще себе раз доставить удовольствие писать к вам, хотя и не имею ничего нужного сказать. Вы изволите, конечно, получить сие письмо по переменившимся обстоятельствам вашего отъезда. Если он имеет и неприятности, то я одного только того желаю, чтоб ваше здоровье было столько сильно, сколько надобно для перенесения трудов дороги. Позвольте мне напомнить о доставлении себе всех выгод в дороге. Позвольте просить вас, батюшка, не позабыть ничего, чтоб служило к облегчению оной, к предупреждению беспокойств, которые могут случиться, хороший возок и теплый, дорожное платье, сапоги, одеяла. Я не знаю, как в других местах, у нас зима и с морозами, и с вьюгами. Снегов очень много. Не менее надобно иметь проворных людей в дороге, особливо солдат. Я не видал, как мы приехали нынешний раз из Новагорода в Петербург. Ето было дело одной ночи. Хорошия перины иметь надобно и если можно, сундуки поставить в другой повозке. Вы так чувствительны к простуде, что я не думаю, чтоб можно было ехать в открытой коляске. Но главное дело, и в чем состоит моя величайшая просьба, есть то, чтоб быть веселого духу. Чтоб поспеть во Псков .25. числа, я полагаю, что вы изволите выехать около .21-го. из Твери. В три дни можно проехать две или более верст, два дни во Пскове и два дни на дороге из Пскова, ежели счисление верно, то вы изволите сюды приехать 30 числа рано. Я прошу нижайше простить моему неразумию все сии советы и, прося родительскаго благословения, пребуду с ненарушимыми чувствованиями природы и благодарности

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Может быть и похвалы твои причиною, что я прилежностию своею писать… не делаю ничего доброго. Но как бы я худо ни писал и ни изъяснял того еще хуже, я вижу, что худой мой разум не победит твоего добраго сердца.

[619] В «Новом музыкальном обществе» (см. выше).

Существует слог чувствования, и кто его не имеет, не должен в глупости отрицать доброе и прекрасное. Оно есть… et caetera… будь здорова моя матушка и весела с сим разумом, которой я люблю в тебе. Любу люби и будь добра. Я тебе бы говорил о философии и добродетели по прежнему, ибо ето только и есть, что мне нравится. Но неведомо как, это ушло из головы моей. Нечто выправляется?.. Ник.<олай> Фед. <едорович> <Муравьев> писмом Ив.<ана> Петр.<овича> <Вульфа> приведен в размышление и не знает vous vous souscriviez autre fois sa fidele amie: vous vous nommez humblement <?> servante dans la dernière lettre. Il m'a prié de vous en faire ses reproches[620]. Вчерась в клубе у нас Пал<ь>шау[621] играли. Матушку Любовь Федоровну <Муравьеву> не любить мне невозможно, хотя бы не писала, только бы помнила и не почитала меня недостойным своей дружбы, была бы мне друг верной. Прощайте

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 9-10 об.)

<119>+
1781. года Генваря .13. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Для того что есть случай писать, пишу я из дому отца Александра Федоровича[622], принося вам, милостивый Государь батюшка, нижайшее почтение и всеусерднейшие желания благополучия и здоровья. Устрецкие крепости в 1712. году оставлены были дядюшкою Матвеем Артемоновичем <Муравьевым ст.> у дворника, запечатаны в пакет, но мне их позабыли показать нынешняго дни. Также я видел несколько раз одного из наших Устрецких дворян Ив. Серг. Пустошкина[623], которой надеется быть у вас в феврале, чтоб разсказать общия его и наши утешения по межеванию от одного тамошняго помещика Александра Ив. Татаринова[624], про котораго он сказывает, будто хочет у вас торговать Устрецких крестьян. На сей неделе скончался Ал. Ив. Нагаев[625]. Множество перемен в новый год я к вам не описывал, и вы их изволите знать теперь, я думаю. Между прочим устраивается Сосковское Наместничество. Вчерась или третьяго дни поехал тамошний Губернатор Архаров[626]. Впрочем прося вашего родительскаго благословения, навсегда пребуду

Милостивой Государь батюшка!

---

[620] Перевод: «Раньше вы подписывались "его верной подругой", а в последнем письме уже смиренно называете себя "скромной служанкой". Он просил меня сделать вам за это выговор».

[621] Пальшау И.Г.В. (1741-1815) – немецкий и датский композитор, пианист и клавесинист. Пальшау впервые приехал в Россиию в 1769 г., а в 1777 г., при содействии Г.А. Потемкина, поступил на придворную службу, в 1778 г. он стал членом «Нового музыкального общества». Его творчество было востребовано при дворе, он был известен и популярен, И.И. Хемницер посвятил ему две эпиграммы и перевел их на русский [см. подробнее: Смирнов, Сербин].

[622] Муравьев Федор Артамонович (1710-1764) – полковник, сын Артамона Захарьевича Муравьева, брат Н.А. Муравьева, отец Анны Федоровны Вульф, Николая, Александра Федоровичей, Любови, Анастасии и Ольги Федоровн, дядя М.Н. Муравьева.

[623] Пустошкин Иван Сергеевич – прапорщик (см.: https://vedomosti1728.ru/mobile/card.cgi?r=82&id=40599)

[624] Татаринов Александр Иванович (даты жизни неизвестны) – подпоручик, коллежский ассесор (см.: https://vedomosti1728.ru/mobile/card.cgi?r=82&id=47854)

[625] О нем см. выше.

[626] Архаров Николай Петрович (1742-1814) – государственный деятель; в 1781 г. – Московский губернатор.

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Если ты всегда сохранишь то же сердце, участвующее во всем, что есть благородно, великодушно, нежно; так ты украсишь свое уединение, снесешь терпеливо разлучение с батюшкою. Ибо уединение есть la pierre de touche des coeurs[627]. Воображение богатое и свежее дает более наслаждений, нежели толико чувствуемая действительность. Вот изречение школьнаго учителя вместо выражений сердца. Поклонись от меня моя матушка Михайле Ивановичу <Веревкину> и Александру Иринарховичу <Озеров>, затем что я вам кланяюсь от Надежды Ал. Ярцевой[628] и Марии Ал. Львовой, Алины Ив. Апрелевой. Прощай. Матушка Любовь Федоровна! Я неотменно хочу и требую, чтоб вы ко мне писали ежели не чаще, покрайней мере обстоятельнее. Например в Бернове проснувшись после обеда. Я вижу празднаго времени целую четверть часа, в которую вы если хотите можете написать десять строк в Питер к вашим покорным слугам, их коих последний я. М. Муравьев.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 11-12 об.)

<120>+
1781. года Генваря .14. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Нынешнюю неделю я довольно писал, чтобы наскучить. И после етого письма я не знаю куда должен адресовать свои письма. Прямоли сестрица поедет в Берново, с вами разставшись, или на некоторое время в городе останется? Должноли мне писать к сестрице в Торжок, Старицу или Тверь? Что касается до меня, я нахожу всякой день за нужно делать новыя посещения, без должности, без нужды. И есть столько благомыслящих обо мне людей, которые хотят их принимать. Сегодни был я в многочисленной толпе зрителей поминовения Римской Императрицы[629] в Католицкой <так! – А.И.> церкви, отправленного со всем великолепием и приличностию. Богатой катафалк или погребальный одр, украшенной коронами, гербами, стоял посреди церкви, увешенной черным. Придворная музыка и очень хорошая. Сегодня я думаю и траур кончится. Здесь говорят о некоторых ссорах между нашим двором и Портою, но ето дело газетчиков, а не мое[630]. Мое состоит в

[627] Перевод: «Вернейшее испытание сердец».

[628] Ярцева Надежда Александровна (урожд. Львова; 1747-1822) – дочь Александра Петровича Львова и Прасковьи Федоровны Львовой, сестра Н.А. Львова, жена Никиты Сергеевича Ярцева.

[629] Мария Терезия (1717-1780) – императрица Священно Римской империи.

[630] Действительно, в 1780-1781 гг. нарастал дипломатический конфликт России и Оттоманской порты. Главный источник напряжения – Крымский вопрос: после Кючук-Кайнарджийского мира Петербург формально обязался не вмешиваться в дела полуострова, но фактически продолжать влиять на политику Шахин-Гирея и готовиться к захвату территории. Не менее важный сюжет – Молдавия и Валахия: Россия после 1774 г. добилась права вмешиваться в дела дунайских княжеств и использовала это для расширения своего влияния. Третий и, вероятно, самый значимый, фактор – сближение России и Австрии, кульминацией которого стала встреча Екатерины II и Иосифа II в Могилеве в 1780 г., результатом которой стал союзный договор, подписанный в 1781 г. Екатерина II сознательно играла на опасениях Стамбула, используя т.н. «греческий проект» как инструмент информационной и идеологической войн. Турция рассматривала этот

том, что желать вам от всего моего сердца благополучнаго и приятнаго путешествия, с нижайшею просьбою продолжать обо мне родительские ваши попечения. Покуда я буду чувствителен к благополучию, до тех пор не забуду всего того, что вы изволили делать для моего. И пребуду со всею преданностию и почтением

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

У матушки Анны Федоровны <Вульф> поцаловать ручку и поклониться М.<илостивому> Г. <осударю> Ивану Петровичу <Вульфу>. Матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько различествуют по временам системы творимыя нами, слабыми человеками, для достижения щастья! Предложение весма удобное чтоб войти в материю. Способности, чувствования, сия мера разума и добродетели, которая в одном человеке бывает неодинакова, все что нас окружает, образует страсти наши, а они нас. Но доброе намерение всегда останется лучшим. Сюда! что добрыя разумы или являющияся такими не согласны друг с другом в некоторых важных статьях. Поди же да соглашай их!.. Если мне надобно было сказать, что я кажусь не глупым, на что было столько околичностей?.. Разум имеет свою походку, свои худыя обыкновения. В дружбе должно безперестанно нравиться. Мне надобно доставить себе такой образ мыслить и чувствовать, такой слог для моих писем, чтоб не отвратить твоей склонности любить меня. En attendant voilà des essais d'une tête ingrate[631]. Прощай. Буди здорова, счастлива и весела и люби меня более нежели я стою. Алекс.<андр> Ф.<едорович> <Муравьев> говорит, что воеводинское строение так же, как при нем и без него, совершиться может. Что он просил о том матушку и не отрицается все сделать, что угодно Любовь Федоровне <Муравьевой>. Но ехать надолго в отпуск есть лишиться жалованья, которое для него важно.

Матушка Любовь Федоровна! Вас он просит об атласном одеяле, если можно прислать к нему с батюшкой или с артиллерийским офицером Турнером, которой привезет к вам письма наши, когда он назад поедет.

Я желаю вам, сестрица, всякаго добраго, веселья со изобилием и просим поделиться, если можно. И многим поделиться например я бы хотел у вас занять добросердечия, ласки, незлобия и прочие благи, которыми мы нижайшие убоги.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 13-14 об.)

<121>[632]
1781. года Января .18. дня С<анкт->Петер<бург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Только теперь получил я твое дружеское, милое, прекрасное письмо, в котором ты просишь, чтоб я к тебе писал. Ето удовольствие невелико, и удобно могу его доставить. Но ни малейшаго попечения о твоих удовольствиях; щастие твое либо вне моей власти, либо твой холодной, нечувствительной брат не доставил сам себе способ стараться об нем и думать. Он еще ничего не зделал из своей особы, кроме безсильнаго и глупаго шалуна. Может быть в самое ето время, как я пишу, с тобою совершается сие печальное разлучение с батюшкою, которое будет столько стоить твоей

союз как непосредственную угрозу своему положению, во многом он сделал будущую войну Петербурга и Стамбула неизбежной.

631 Перевод: «А пока вот несколько опытов моей неблагодарной головы».

632 Адрес: «Отдать в доме его Превосходительства Господина виц-Губернатора Никиты Артемоновича Муравьева. Нижайше прошу милостивого Государя моего Василья Александровича Сверчкова доставить письмо сие поскорее в Берново».

чувствительности. Я надеюсь на твоих приятельниц и милостивиц, которые дружбою своею доставят тебе минуты приятностей и легкой жизни. Надеюсь на твой постоянной и великодушной характер, который утешит тебя необходимостию и силою надежды. Сегодни я обедал у М.Ф. Соймонова и,домой пришед нашел у себя возвратившагося из деревни Захара Матвеевича <Муравьева>. Свадьба играна .8. число, и они завеселились: есть о чем. Я никогда столько щастлив не буду моя Фешинька, друг мой и первой мой друг не доставляет мне благополучия едакова. Но нет благополучия, которыя не от судьбы зависят. 16 число, т.е. в суботу, был в клобе нашем прекрасный Маскерад за .2. часа ночи. И я видел ясно, чувствовал, что скакать очень хорошо, очень премудро радоваться, кому бог велит радоваться. Николушка <Н.Ф. Муравьев> всех вас очень любит. То же я скажу и об Ал.<ександре> Фед.<оровиче> <Муравьеве>. Я его пропозировал в клоб. <В.В.> Ханыков час от часу более своею привязанностию ко мне меня одолжает. Я прошу Бога со всем благоговением, чтоб он тебя сохранил, утешил. Впрочем… прощайте. Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Я не сомневаюсь в том, чтобы ты меня не любила, желаю тебе всевозможного щастия в свете, как своему другу. Прошу тебя не оставить моей сестрицы, прошу также поцаловать ручку у матушки и у Анны Федоровны <Вульф>, всех детушек перецаловать, засвидетельствовать покорнейшее почтение милостивому государю Ивану Петровичу <Вульфу>. Будь здорова и весела. Прощай[633].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 3-4).

<122>[634]+

1781. года Генваря .19. дня С<анкт->Петер<бург>

Я хотел, чтобы писма мои испытали новаторской путь: однако принимаюсь худо исполнить волю мою, ибо теперь уж поздно. Я потерял целой день, не писавши, о человеческия намерения! И теперь убираюсь спехом в комедию. Захар Матвеевич <Муравьев> переходит в Греческую гимназию[635] по прозьбе Николая Федоровича <Муравьева>. И Михайло Ив.<анович> Мордв.<инов> всем прочим отказал в их исканиях. Я полагал по моему счету, что ты получишь посланныя книги прежде отъезду из Твери. Прошу тебя моя голубушка, сносить свое уединение спокойно и весело для исполнения желаний батюшки и если я осмеливаюсь положить себя, моих. Не можно быть более уверену, как я, что ты заслуживаешь всю мою привязанность, все почтение своими достоинствами, своею любовию нежной и просвещенной ко мне; но кто меня уверит, что я не совсем недостоин быть тобою любимым? Ты совсем разлучена со мною, кроме сообщений, столь маловажного, какое позволяет переписка сия. Не я участвую в твоих удовольствиях, во оскорблениях твоих. Воспоминаючи дни сии, ничто тебе не напомнит меня. Однако я спокоен зная тебя с особами, которых присутствие тебе приятно, которыя тебя любят. Я прошу Бога только о твоем здоровье. Я тебя прошу не иметь нетерпеливости в разсуждении разлуки с батюшкою. Прощай.

Матушка Любовь Федоровна, будь весела и здорова, люби мою Фешиньку и не оставь меня своим писаньем. Засвидетельствуй матушка мое нижайшее почтение матушке Авдотье Михайловне, милостивой государыне Анне Федоровне <Вульф>, милостивому государю Ивану Петровичу <Вульфу> и поцалуй детушек. Прощай.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 5-6).

---

[633] Далее приписки З.М., А.Ф. и Н.Ф. Муравьевых.

[634] Адрес: «Государю моему Прокофью Андревеичу, почтенному господину купцу Новоторжскому, Жулину. А его прошу покорнейше отослать письмо сие поскорее в Берново к сестре моей Федосье Никитишне Муравьевой в Торжку».

[635] Греческая гимназия – Корпус чужестранных единоверцев, кадетский корпус, учрежденный Екатериной II в 1775 г. в Санкт-Петербурге при Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе.

<123>[636]+
1781. года Генваря .21. дня С<анкт->Петер<бург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я буду так писать, как спех позволит. Теперь уж девять часов вечера, Николай Львович <Батюшков> своим посещением отнял у меня время писать. Теперь только написал я несколько строк во Псков к батюшке, которыя вероятно его не застанут. Сегодни обедал я у Петра Матв.<еевича> Хераскова, где также обедал и Яков Иванович Булгаков, три дни назад приехавший сюды по зову <?>. Ему дана Польская кавалерия св. Станислава и на сих днях пожалован чрезвычайным посланником и полномочным Министром к Турецкому двору[637]. Его поздравляют с Едикулем. Ибо по объявлении войны, ежели война, как иныя думают, вскроется, первая церемония у турков разбросать красное знамя и повести в процессии посла в Едикуль.

Отпиши, моя матушка, доходили ли к тебе мои писма или нет через Жулина[638], а я их всегда буду адресовать на него. Будь здорова, спокойна и весела: вот чего я желаю всеми силами сердца моего, без меланхолии, довольна собою и тебя окружающими, занята каким нибудь времяпровождающим упражнением, книжкою или работою, живи столь хорошо, сколько можешь. Будь уверена что ежели есть щастие на земле, так оно в сердце честнаго человека. Ето последнее, кажется, не мое. Я цалую тебя мысленно. Прощай.

Матушка сестрица Любовь Федоровна! Доношу вам сударыня что писма ваше отнял у меня прошедший вторник в Театре братец ваш Николай Федорович <Муравьев>, что он к вам недавно писал писмо, адресованное в Тверь на имя Ивана Петровича <Чаадаева>, которое вы чаятельно не получите… будьте изъявительницею моих усерднейших почтений милостивой Государыне тетушке Авдотье Михайловне, милостивой Государыне сестрице Анне Федоровне <Вульф> и милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу>, также поцалуйте сударыня за меня детушек

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 7-8).

<124>[639]+
1781. года Генваря .21. дня С.<анкт->Пет.<ербург>

---

[636] Адрес: «Государю моему Прокофью Андревеичу, почтенному господину купцу Новоторжскому, Жулину. А его прошу покорнейше отослать письмо сие поскорее в Берново к сестре моей Федосье Никитишне Муравьевой в Торжку».

[637] См.: «<…> Булгаков участвовал в качестве полномочного комиссара вместе с камер-юнкером М. С. Потемкиным в комиссии по разграничению Новороссийской губернии с Подольскою украйною и подписал 5 (16) января 1781 г. акт сего разграничения. Вскоре после этого Булгаков в 1781 г., по ходатайству князя Потемкина и гр. Панина, был назначен на очень трудный в то время пост чрезвычайного посланника нашего и полномочного министра в Константинополь. Булгаков все время пребывания в столице турок стремился к тому, чтобы осуществить на деле слова, сказанные ему Фонвизиным: «у нас ребят пугают все турками; это надо переменить и сделать так, чтобы сам султан дрожал от имени русского». Булгаков твердостью своих требований и непреклонностью скоро достиг того, что Екатерина II почти что царствовала в Константинополе. После очень бурного переезда из г. Херсона Черным морем, Булгаков прибыл в Константинополь 27 июля 1781 г., когда там была язва (т. е. чума)» [РБС, 3, с. 468-473].

[638] Жулин Прокофий Андреевич – новоторжский купец (см. адрес письма).

[639] Адрес: «Государю моему Прокофью Андревеичу, почтенному господину купцу Новоторжскому, Жулину. А его прошу покорнейше отослать письмо сие поскорее в Берново к сестре моей Федосье Никитишне Муравьевой в Торжку».

Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Хотя и то время близско, что я буду иметь щастие вас видеть, однако мне вздумалось испытать случая, послать письмо вам во Псков. Вчерась взял я с немецкой почты деньги .175. рублей, которые вы изволили прислать для покупки кареты. Сегодни приценялся я. Лучшия дву<х>местные кареты у немецких мастеров стоят .400. руб.<лей>, следовательно мне едакия не по деньгам. Русския на рессорах .280. р.<ублей>. Одну между прочими я заметил и торговался, в последнем слове просят .175. рублей с железными осями, без рессоров и без железных дрог. Завтра попрошу я братьев посоветовать. Сегодни Ф.Я. Олсуфьев поехал в Москву. Сегодни обедал я у Петра Матвеевича Хераскова, где также был и Яков Иванович Булгаков, в Польской красной ленте[640], призванной сюда нарочно и пожалованный чрезвычайным посланником и полномочным Министром к Турецкому двору, откуда бывший Министр Стахеев[641] сменяется. Говорят, будто скоро ли, поздно ли, но война у нас откроется. Ежели .16. число вы изволили из Твери выехать и не на Новгород, так вы должны уж быть в Пскове. Я прошу бога о сохранении вашего драгоценнаго нам здоровья, вас прошу о родительском благословении и с ненарушимым сыновним высокопочитанием пребуду

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев
(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 15-15 об.)

<125>+
1781. года Января .25. дня С<анкт->Петер<бург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Сегоднишную ночь, во втором часу, против всякаго моего упования, батюшка изволил приехать сюда в добром здоровье. Я отлагал покрайней мере до .29.го его прибытие. Мы обедали и препроводим день семейно, Александр Федорович <Муравьев>, Николай Федорович <Муравьев> и Захар Матвеевич <Муравьев>. Теперь сидит у батюшки Тимофей Иванович Чонжин[642]. Наместник был очень ласков к батюшке и отнюдь не удержал его. Дал ему письма от себя к Князю <А.А.> Вяземскому и рекомендательное к <Князю А.А.> Безбородке. Карету до приезду батюшкину я не купил из великой точности купить без ошибки. Между многим прочими, карета А.Н. Нефедьева[643] останавливает наш выбор. Он сам выпущен в Гусарския Подполковники и за карету просит .150. Я полагаю, что вы во время, как я пишу писмо сие дней пять как в деревне; но более десяти пройдет, когда писмо сие получите. Не можно человеку быть более удовольствовану приятною перепискою, более обязану ласками, от сердца происходящими, как я вашими. Дай бог, чтоб вы были столько здоровы, сколько мы желаем того. Прощайте. Милостивой Государыни Анны Федоровны <Вульф> приказание исполнено будет в самой скорости.

Матушка сестрица Любовь Федоровна! Брат Захар Матвеевич <Муравьев> причиною, что я пишу к вам так не чинно и поздно. Он вырвал у меня перо, перебил порядок. Я прошу у вас прощения в этом. Желаю вам всех благ, здоровья, веселья. Прошу

[640] Вероятно, орден Святого Станислава – польская государственная награда, существоавашая с 1765 по 1831 гг. Орденским знаком стал рыцарский крест, подвешенный на красной орденской ленте с белыми краями.

[641] Стахиев Александр Стахиевич (1724-1794) – русский дипломат, в 1775-1781 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе.

[642] Чонжин Тимофей Иванович (1722—1803) – советник тверской казенной палаты.

[643] Лицо не установлено.

не оставить мою голубушку сестрицу, уговори ее не быть скучною понапрасну, мы здесь очень веселы. Мое нижайшее почтение милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу>. Прошу поцаловать детушек[644].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 9-9 об.).

<126>+
1781. года Января .28. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вот уж четвертой день, что я имею щастие жить с батюшкою. Я еще не имел дня в ето время, которой бы не был отличен весельем, удовольствием. Батюшка, слава Богу, все в добром здоровье, каждой день в движении, с лучшими надеждами. Вчерашний день явился к Князю <А.А.> Вяземскому, где также нашел некоторых из своих товарищей, приехавших около того времени. Вяземской не принимает еще их рапортов, как начальник, не имея на то воли Государыниной; но он доложил наперед о их прибытии. Не известно время представления Государыне. Все братцы часто у нас бывают, правда, что Николай Федорович <Муравьев> по гимназии, а Захар Матвеевич <Муравьев> по роте своей занят до завтрева дежурством. О последнем представлено в их канцелярию, чтоб был переведен в Греческую гимназию. Вчерась у нас обедал маленький Иван Матвеевич <Муравьев мл.> с братцами Батюшковыми. А сегодни мы обедали у Федора Михайловича К.<олокольцева>. Будущий понедельник батюшка будет у нас в Клубе гостем на концерте. А суботу нынешнюю в клубе будет Маскерад, но по нещастию в нем не может быть иному, кроме члена. Вот важныя ведомости! Карета у нас своя, куплена у Нефедова за .150. Теперь испытываем мы немножко вашу прилежность писать: в воскресенье неотменно писмо! Но прилежны или ленивы, будьте только здоровы, довольны, находите у вас благополучие. Прощайте.

Матушка сестрица Любовь Федоровна! Я бы должен был ответствовать на слова два-три ссоры, которую вы за мной заводите, если бы я не предпочитал тишину выгоде оправдаться. Мои вины не таковы, чтоб вы отняли у меня щастия быть вашим добрым другом. Поклонитесь, матушка, милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу> и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульф> и уверьте их, что я покуда не умру буду их обязаннейший и нижайший слуга. Прощайте[645].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 11-12).

<127>+
1781. года Февраля .1. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась получено у нас первое письмо твое из Бернова в присутствии братьев Николая Федоровича и Захара Матвеевича <Муравьевых>. Еще прибавь брата Павла Львовича <Батюшкова>. Письмо сие занято отчасти выражением чувствований, мною не всегда равно заслуживаемых. Но быть их достойну было бы для меня совершением желаний. Твое сердце будет во всякое положение занято чувствованиями ко мне. Добродетельной умеет разделять свое бытие. Я не предписываю тебе образа меня любить, почитать меня. Естьли почтение сие и выше моих достоинств, оно равно твоему образу чувствовать и мыслить. Мои письма были бы примерами нежности, ежели бы я имел слог дела. Когда не имеешь способности сердца и ума, пишешь как можешь. Сим прошу я у тебя извинения письмам, которыя ты мне дала на перед, не просившему: ты не должна иметь неизвестности о батюшке sur ma parole. Он,

[644] Далее приписки братьев и, возможно, отца Н.А. Муравьева (Л. 9 об.-10 об.).

[645] Далее приписка Н.А. Муравьева.

слава богу, здоров и разположен опытом жизни жить pian piane[646] не делая себе огорчений из химер, полагаясь во всем на провидение, мудрое, всесильное, прощая слабости людям. При нем я испытываю каждый день сердце отца. Его же сохраняет он тебе, но без пристрастия. Ты должна им наслаждаться по достоинству. Ето все, что тебе заменяет недостаток щастия. Вчерась батюшка был у руки Государыни. Сегодни целое утро был он в Експедиции о доходах, что при Сенате[647], и зачал сдавать свои ведомости… батюшка перерывает меня приказанием отписать к тебе, чтоб ты уведомила его о Лукашке, жив ли он?.. Третьяго дни был я в Маскераде клубном. А сегодни буду иметь удовольствие ехать туда с батюшкою на Концерт. Я льщу себя знать различие веселий и радости и разсуждаю, что последнее живет в добром сердце и непрепятственном вкушении жития. Великолепие увеличит ли орудие чувствовать? Во вчерашнем письме Александра Иринарховича <Озерова> вмещена тверская ане<к>дота <так. – А.И.> Губернаторша[648] сказала публике, что она бы рада была, если бы с родильными визитами не застала она никого дома, или бы не сказались, а приняли бы карточки от ее ливрейнаго лакея. Я тебе прошу от Бога всякаго благополучия, цалую тебя, прошу любить меня. Прощай. Матушка Любовь Федоровна! Я приемлю на себя, не только за себя, но и за братцев ваших поручиться у вас, что мы люди добрыя и следовательно имеем к вам всю привязанность, которую от нас должно требовать. Александр Ф.<едорович Муравьев> суриозно думает о вашем воеводинском строении. Я недавно был в кружке, где танцовал с Реслеиншею[649]. Ник.<олая> Ф. <едоровича Муравьева> Но я вам жалуюсь на сего последнего, что он меня не познакомил ни с какою дамою, не так как Алек.<андр> Ф.<едорович Муравьев>. Прошу вас матушка засвидетельствовать мое нижайшее почтение милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу> и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульф>, так же и матушке Авдотье Михайловне, ежели она приехала в Берново. Поцаловать детушек[650].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 13-14 об).

<128>+
1781. года Февраля .4. дня С<анкт->Петерб<ург>[651]

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я не имею довольно силы чувствования довольно возвышенной и благородной души, чтобы достойно ответствовать на ласки невиннаго и прекраснаго твоего сердца. Батюшка нежнейшим образом тронут ими и ничего бы не желал более, если бы щастие наградило в тебе достоинства. Он столько прельщается дружбою, которою ты наслаждаешься у своих милых хозяев <Вульфов>, что он почитает жизнь твою у них столь же для тебя спокойною и приятною, как при себе. Твое слабое

[646] Перевод: «Тихо, медленно» (ит.)

[647] Экспедиция о государственных доходах была образована при первом департаменте Сената указом Екатерины II от 25 февраля 1773 г. и должна была собирать информацию о доходах и на ее основе составлять государственную роспись; с 1773 по 1780 гг. возглавлялась А.И. Васильевым; с 1781 г. отчеты (по территориальному принципу) стали регулярными.

[648] Скорее всего, Елизавета Карловна Сиверс, жена Тверского генерал-губернатора Я.Е. Сиверса, однако супруги развелись (об этом см. выше), и Я.Е. Сиверс потерял свой пост именно в 1781 г., поэтому, возможно, речь идет о Елизавете Михайловне Тутолминой, жене Тимофея Ивановича Тутолмина, который в 1777-1784 гг. был правителем Тверского наместничества.

[649] Вероятно, жена Ивана Федоровича Реслейна (1718-1784), известного придворного хирурга.

[650] Далее приписки братьев (Л. 14 об.).

[651] Сначала идет письмо отца Н.А. Муравьева (Л. 15).

сложение мешает ему предаться совершенно радости, которую ты даешь ему чувствовать. Пускай любовь и чувствование исправят то, что есть недостаточного в похвалах сих. Сегодни именинница Анна Федоровна <Вульф>, и батюшка поздравляет ее заочно. У нас был нынче Александр Федорович <Муравьев>, но я не видал его ушедши в Школу, где я сегодни дежурил. А возвратясь имел я удовольствие видеть Николая Федоровича <Муравьева>, которой велел вам кланяться и со своей стороны на вас приносит жалобы, что вы к нему не пишете. Описание жизни твоей, столь истинное в самом выражении своем, всегда будет делать честь и уединению, и тому, кто им так умеет наслаждаться. Кондильяка и сочинение его[652] знаю я только по имени, но с самой выгоднейшей стороны. Мудрец и политик, которому Руссо поверялся[653]. Он умер прошедшею весною или летом, в бумагах его найдены сочинения Руссовы, определенные в свет выйти 1800 году[654].

Письмо сие пролежало со вчерашняго дни до нынешняго, не приобретши через то никакой выгоды. Сегодни в Монастыре какое то собрание, в которое Ник.<олай> Ф.<едорович> <Муравьев> препровождает свою Генеральшу, по сказанию Захара М.<атвеевича Муравьева>, которой теперь только отобедал с нами. Завтре будет при дворе Маскерад[655], где и Захар Матвеевич <Муравьев> будет танцовать. <приписка на полях:> Захар Матвеевич сегодни начал учиться по италиански. Прощайте[656].

---

[652] Кондильяк Э.Б. де (1714-1780) – известный французский философ; скорее всего, Муравьев имел в виду самое известное сочинение просветителя – «Опыт о происхождении человеческих знаний» (1746).

[653] Ж.-Ж. Руссо высоко оценивал Кондильяка; см. хотя бы отзыв в «Исповеди»: «Я близко сошелся также с аббатом де Кондильяком; как и я, он ничего не представлял собою в литературе, но создан был для того, чтобы стать тем, чем стал теперь. Я первый, может быть, увидел его одаренность и оценил его по достоинству. Ему, кажется, тоже было приятно мое общество» [Руссо, с. 70].

[654] По-видимому, Муравьев имел в виду историю публикации «Диалогов» Руссо: великий французский писатель не решился опубликовать этот текст, поэтому, боясь преследований, отдал одну из его копий Кондильяку; ср.: «Rousseau's fears of a universal plot against him led to frantic attempts to transmit the manuscript *of the Dialogues* to future generations. On February 24, 1776, his desperation was such that he tried to leave a copy on the altar of the Cathedral of Notre Dame in Paris, only to find the wrought-iron gate to the choir locked. He then gave a copy to the French philosopher Condillac, and – when panic convinced him that this was unlikely to succeed – Rousseau gave another manuscript to an English acquaintance, Brooke Boothby. These tormented efforts are described in detail in the "History of the Preceding Writing"» [Rousseau, 1990, p. 261]. Первый из диалогов был опубликован после смерти Руссо в 1780 г., несмотря на сопротивление близких автора, второй – в 1782 г., с купюрами; впервые произведение было напечатано только в XX в. [Rousseau, 1990, p. XXIX-XXX].

[655] См. сообщение КФЖ от 5 февраля 1781 г.: «<…> потом, бывшия в театре персоны проходили чрез покои Их Императорских Высочеств в те покои, где был маскарад, а прочие собирались в оный с парадной большой лестницы. Во время театральнаго представления в оперный дом прибытие иметь изволили Их Императорския Высочества Государь Цесаревич и Государыня Великая Княгиня и присутствовали когда продолжался балет, а потом благоволили шествовать в маскарад, который начат был в галерее в 7 часов вечера <…> По прибытии в маскарад Их Императорских Высочеств, во первых изволили проходить в оном чрез галлерею в круглой зале, а потом, прибыв в статс-дамскую комнату, изволили в оной с знатным Генералитетом играть в карты. В половине 9-го часа въ столовой комнате кушали вечернее кушанье госпожи статсдамы, фрейлины и прочия знатные обоего пола персоны до 40 кувертов. Маскарад продолжался до исхода 3-го часа по полуночи» [КФЖ, 1781, с. 68, 69].

[656] Далее приписка З.М. Муравьева, после которой Муравьев продолжил свое письмо.

Матушка сестрица Любовь Федоровна! Окажите мне благодеяние и поцалуйте за меня у себя ручку. Уверьте себя, что я очень помню ваши милости, что я очень желаю не быть позабыту вами. Будьте здоровы и веселы. Прощайте. Приношу мое нижайшее почтение милостивому государю Ивану Петровичу <Вульфу> и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульф>. Также и матушке Анне Федоровне <Вульф> желаю усерднейше всякого благополучия и веселья. Прошу покорнейше о содержании меня в вашей милости. Прошу меня напомнить детушкам.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 15-16 об).

<129>+
1781. года Февраля .8. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерашний день мы ожидали письма твоего и ожидали напрасно. Батюшка весма о неполучении его безпокоится, сомневается о твоем здоровье, хотя в утешение и то приходит в ум, что будучи отдалены от города письма ваши могут не застать почты. Дай бог, чтоб наши утешительные чаяния были истинны! Дай Бог, чтоб между тем мы были обрадованы письмом твоим! Если ты только здорова и весела, так нашими безпокойствами ты не должна огорчать себя. Мы просим тебя продолжать быть спокойною и довольной. Ето только и желаний и безпокойства нашего причиной. Сегодни первой день масленицы. Сия неделя и следующая будут праздны, а батюшка не совсем еще сдал свои ведомости в учрежденныя експедиции доходов. Но праздныя люди будут в великих трудах. Зрелища, маскарады, катанья будут упражнять их, утруждать. Мы уж зделали начало прошедшую пятницу Маскарадом при дворе, где я видел, как другия веселились иные гораздо без причины. Вчерась по утру поехал в Тверь Александр Иванович Тыртов[657] и хотел быть близско вас в деревне. С ним батюшка отправил шнурованье Катерины Ивановны[658], зделанное у госпожи Вале. У ttой Вале учится портной Полторацкой, которой, по приказанию губернаторши[659], будет жить в Твери. На второй неделе думаем мы увидеть братца, молодого с молодою, возвратившихся из деревни. Захар Матвеевич <Муравьев>, который у нас ночевал, теперь уже совершенно переведен в Греческую Гимназию, не смотря на гнев Толстова, и оставляет нас спешно, чтоб бежать к Капитану своему Апрелеву[660] и Апрелевой капитанше[661], по приказанию, дабы успеть быть приглашену ими на бал в середу. Александр Федорович <Муравьев> почитает себя вами, жителями берновскими, оставленным. Николай Ф.< едорович Муравьев> не менее жалуется на ваше молчание. Дай Бог, чтоб мы сами не имели причины столько же жаловаться! Будь спокойна, здорова, довольна собою, весела. Прощай. Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Я вам доношу, сударыня, что, зачиная с меня, все ваши братцы, слава богу, здоровы и в житейских волнах, кто менее, кто более запутаны. Не смотря на то, они не позабыли, что имеют щастие быть братьями доброй, любви достойной сестрицы, которая их любит изо всей своей силы. Веселитесь хорошенько, но более всего будьте здоровы, как камень. Прощайте. Приношу мое нижайшее и усерднейшее почтение милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Вульфу> и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульф>, прося их покорнейше содержать в дружбе своей любимую ими

[657] Тыртов Александр Иванович (1745-1834) – тверской помещик, титулярный советник.

[658] Возможно, речь идет о Е.И. Вульф (1773–1832), дочери И.П. Вульфа и Анны Федоровны Муравьевой, позднее жене П.М. Полторацкого и матери А.П. Керн.

[659] Сиверс или Тутолмина.

[660] Возможно, Апрелев Иван Федорович (1733-1790) – офицер.

[661] Возможно, Апрелева Екатерина Семеновна (ум. 1794) – жена И.Ф. Апрелева.

гостью. Сие будет милостию для троих. Матушке тетушке Авдотье Михайловне свидетельствую нижайшее почтение. Кланяюсь детушкам[662].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 17-18 об).

<130>+
1781. года .11. Февр.<аля> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Прости мне писанное пред етим письмо. Действие его невозвратимо, ежели оно служило вас опечалить. Напротив того твои два милыя, прекрасныя письма, которыя вчерась мы получили вдруг, писаны в таком разположении, такою душою, которое щастие свое, светлость, доброту знает сообщать другим. Я ничего не имею противоположить нежным выражениям любви твоей, кроме совершеннаго, внутренно чувствуемаго отрицания похвал твоих, недостоинством моим отображаемых. Щастлив, кто получая такие одобрения, не воспящается своею совестью принять их! Сколько я радуюсь этому постоянству, с которым прилепилась ты к учению италианского языка! Праздность тем приятнее чувствуется, ежели есть промежутки труда, должности, которыя исполнить должно, некоторыя степени совершенства, к которым достигнуть надобно. На всяком языке мысль и чувствование имеют некоторую особливую физиономию. И нашему самолюбию приятно иметь ближайшия сведения о образе мыслить разных народов. Ты можешь быть учительницею Катерины Ивановны <Вульф?>. Тем лучше, ежели говорит по италиански Г. Масмежан. Голдония должно читать, так как ты говоришь, матинька, для запасения большаго изобилия слов, фраз, употребляемых в обыкновенном разговоре. У Метастазия, как он к натуре ни близок, все говорит герой. Твое об нем разсуждение, я думаю, решение вкуса. Италия забавляется шутами и пренебрегает истинную Комедию, учительницу нравов. Гольдони написал тьму комедий из нужды, по контракту, а когда автор какой написал тысячу комедий, говорит Вольтер, так можно уверять заподлинно, что он не написал ни одной хорошей[663]. Пороки Голдониевы должно приписать худому вкусу Италии, к которому он применялся. Ибо ему не отрицают комическаго духа. Может быть общество в Италии не таково, как оно во Франции. Другия нравы, другия предразсуждения, иное правление и природа. Так и картины оного не могут походить друг на друга[664]. Но мое лучшее звание не есть педанта, когда я говорю с тобою.

---

[662] Далее приписка отца.

[663] Это цитата из статьи Вольтера «Dissertation du traducteur»: «Il est sûr qu'un homme qui a fait mille comédies n'en a pas fait une bonne» [Voltaire, 7, p. 538].

[664] Комедии Гольдони хорошо знали в России, первые переводы появились уже в конце 1750-х гг., пик популярности пришелся на 1770 гг., когда были опубликованы «Домашние несогласия» (1773), «Лжец» (1774), «Хитрая вдова»; см. сравнительно недавнюю оценку рецепции его творчества: «Соч. Г. переводились многими значительными представителями

русской комедиографии и сатирической лит. XVIII в. — Княжниным, Матинским, Копьевым, Левшиным и пр. Созданные ими переработки итальянских пьес встали в ряд русских комедий демократического толка, пропагандирующих идеи Просвещения» [Русско-европейские связи, с. 65]. Тем интереснее на этом фоне резкая оценка Муравьева: он не просто критиковал Гольдони, но и пренебрежительно отозвался о «худом вкусе» итальянцев. Возможный источник такого пассажа – статья де Жокура «Comédie» в знаменитой «Эницклопедии»: «Les Italiens en firent une regle essentielle de leur théatre, & la *comédie* s'y vit par-là condamnée à la grossiere uniformité qu'elle avoit eue dans son origine. Aussi dans le recueil immense de leurs pieces, n'en trouve-t-on pas une seule dont un homme de goût soûtienne la lecture. Les Italiens ont eux-mêmes reconnu la supériorité du comique François ; & tandis que leurs histrions se soûtiennent dans le centre des beaux arts, Florence les a proscrits

Будь спокойна, здорова, весела, уверена, что тебя любят и чувствуют твое доброе сердце. Прощай. Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Я воображаю довольно живо щастие, которое я имел в обхождении вашем. С большим бы еще удовольствием говорил я с вами, нежели теперь пишу, если бы вы сидели возле етого столика, на канапе, как сиживали в Твери. Однако не с меньшею правдою я осмеливаюсь уверять вас в дружбе моей и просить вашей. Николушка <Н.Ф. Муравьев> вчерась у Апрелева, сегодни у Мордвинова на балах и с Зах.<ар> М.<атвеевич> <Муравьев>[665]. И я приношу всепокорнеейшее почтение и благодарность милостивому Государю моему Ивану Петровичу <Вульфу> и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульф>. Кланяйтесь детушкам.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 19-20 об).

<131>[666]

1781. года Февраля .15. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась у нас получено милое письмо твое, наполненное доказательством внимания, привязанности, которое ты имеешь к батюшке и вместе того чувствования, которым составляешь мое щастие и устыжение мое[667]. Батюшка прервал письмо мое своею подпискою, затем что ему надобно было ехать к <А.И> Васильеву, а возвратясь не думал застать почты. Сегодни получил батюшка от него письмо, так как и все виц-Губернаторы, которым объявлено им повеление Государыни зачать свой въезд ко Двору с завтрашнего дня по старшинству приезда в Петербург. Итак поэтому батюшке назначено послезавтра, в середу быть у двора в .10. часу утра вместе с виц-губернатором Владимирским[668]. Батюшка продолжает, между тем, сдавать ведомости свои в Експедиции. Сегодни ночевали у нас братцы Николай Федорович и Захар М.<атвеевич Муравьевы>, так как и на вчерашний день. В суботу масленицы был у нас Маскерад в клубе, в котором пробыли мы с Николаем Ф.<едоровичем Муравьевым> до четвертаго часу ночи. Едакое препровождение времени немножко разнствует с тем, которое тебе столько нравится и гораздо справедливее, нежели наше нам. Общество людей, друг другу милых, не связывающих себя принуждениями, конечно, приятнее, нежели толпа людей, по большей части себе не знаемых, странствующих без намерения и утруждающихся в намерении забавляться. Неумные люди и не ищут там того, чего где не находится. Для наслаждения чувствованиями сделано недро друга, уединение, чтобы чувствовать в молчании страстей сладость существования и пр. Одним словом щастие не в том состоит, чтобы в большой зале ты толкал и тебя толкали. Батюшка тебе, матушка, ничего не ответствовал в разсуждении переводу в полк, о котором ты говоришь, для того, что он не застал здесь Маиора Олсуфьева: он прежде его в Москву отправился на .29. дня. Однако на етой же может быть неделе возвратится. Тогда батюшка и будет стараться и что зделает уведомит. Прости, матушка, что я так худо пишу. Желаю тебе, душа моя, вечнаго благополучия, не могу довольно возблагодарить здесь драгоценныя чувствования дружбы, которыя ко мне имеешь. Имей их. Будь здорова, спокойна и весела. Прощай. Братцы тебе

---

dans son théatre, & a substitué à leurs farces les meilleures *comédies* de Moliere traduites en Italien» [L'Encyclopédie, 3, p. 668]. Отметим также насмешливую оценку Д. Дидро комедий Гольдони, которые он называл фарсами: «Charles Goldoni, dit-il, a écrit en italien une comédie ou plutôt une farce en trois actes… Et dans un autre endroit : Charles Goldoni a composé une soixantaine de farces» [Diderot, p. 175].

[665] Далее приписка отца. После нее еще несколько слов Муравьева.

[666] Адрес: «В Торжку. Его благородию Ивану Марковичу, Господину Почтмейстеру, Голодовичу. А его прошу покорно отослать поскорее в село Берново».

[667] Далее небольшая приписка Н.А. Муравьева.

[668] Ярцев Никита Сергеевич (о нем см. примечание №).

кланяются все. Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Я из Измайловскаго полку, из такой же тишины и уединения, как у вас, пишу, матушка, к вам в Берново челобитье. Но может быть пустынница побогомольняе пустынника. Будьте трезвы, как хотите, только будьте веселы и здоровы. Прощайте. Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу усерднейшее почтение и поздравляю с великим постом.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 21-22 об).

<132>

1781. года Февраля .18. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Из прошедшаго нашего письма вы видели, что виц-губернаторам было повещено о их приезде ко двору и батюшке было бы надобно быть у Государыни вчерась. Но утреня у ней долго продлилась, и после того тотчас должно было убираться к обедне, так она изволила выслать сказать, чтоб г. виц-Губернаторы Тверской и Владимирской, взявши последующих за ними двух их товарищей, приехали завтра. Итак сегодни батюшка имел счастие говорить с Государынею и с таким успехом, как батюшка лучше не желал бы. Князю Вяземскому, которой вышел к Государыне в то время, как батюшка вышел, изволила сказать Государыня (как после пересказывал М.Ф. Полторацкой), что батюшка показался ей бодр. Я не могу вам ничего сказать точного об отъезде батюшкином отсюда, затем что он и ему самому неизвестен, однако ж он, может статься, после второй недели. Батюшка немеряется возвращаться тихо и спокойно и через Берново. Алекс.<андр> Ф.<едорович Муравьев> поговаривает также о путешествии в ваш край. Я не знаю, что-то они об этом с Ник. Фед.<оровичем Муравьевым> толковали ли вчерась. Надобно знать, что он ищет между тем перейти в армейские подполковники. Я приношу искреннейшее почтение и благодарность милостивому государю моему Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам>, желая им усерднейше всякого благополучия[669]. Батюшка изволит теперь ехать к Петру В. Хитрову[670] советоваться о соли, затем что Государыня изволила приказывать.

Матушка душа моя Федосья Никитишна! Какой я худой, нечувствительный брат, столько мало приемлю участия в существовании твоем! Но если мое почтение, признание всех благодеяний твоих и самого счастия этого, что я брат твой, может служить в нежном сердце твоем некоторою заменою, <нрзб> должностей, не исполняемых мною, то я уверяю тебя, что ты почитаема, любима, предмет дружбы моей и всей моей чувствительности.

А ко мне теперь только присылает Д.И. Хвостов, недавно сюды приехавший, чтоб я к нему пришел. Такия приключения заслуживают место в письме, затем что происходит тогда как пишешь.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Дай бог вам здоровья, здоровья и здоровья. По маленькому знанию, которое я об вас имею, вас не надобно увещевать быть спокойною и веселою. Вы видите, сколько почт прошло, что я вас и о том не прошу, чтоб любить мою Фешиньку, бояся обидеть сердчишко немножко чувствительное, которое вы имеете, хотя во всей строгости на нынешней неделе и неприлично говорить о сердце. О здоровье надобно в разсуждении кашицы <?>. Прощайте[671].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 23-24 об).

---

[669] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[670] Хитрово Петр Васильевич (1727-1793) – сенатор, президент коллегии экономии, с 1780 г. заведовал соляной конторой и присутствовал в шестом департаменте Сената, в 1781 г. был вызван в Петербург для участия в трудах комиссии по составлению нового соляного положения.

[671] Пометка Муравьева на полях: «Сенька учится опять у парукмахера <так. – А.И.> Герцогинина».

<133>++
1781. года Февр.<аля> 20. С. <анкт>-Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович <Лунин> и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы постничаете, когда получите писмо ето: а мы еще катаемся, покрайней мере в то время, когда пишу ето. Вчера, в середу на маслянице, было при дворе катанье на саласках и обед в Чесме. Почти каждой день видит новое веселье. Правда, что касается до меня, и то, что я дежурю каждой день, оставшись один с Тутолминым. Я пишу ето с дежурства; батюшка хотел ехать вечером к Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>, которой еще в уединении с своею Анною Семеновною[672]. Здесь и большой Иван Матвеевич <Муравьев ст.>, котораго мы вчерась видели у Прасковьи Матвеевны <Муравьевой>. У ней часто бывает заслуженой Адмирал наш Василий Яковлевич Чичагов, столько же почтенной в дружбе, как полезной на войне. Государыня приказала зделать бюст его из мрамора, которой и поставлен в Ермитаже, насупротив Графа Алексея Гр.<игорьевича> Орлова. Сюда ожидают Князя <Г.А.> Потемкина. Известие о взятии Измаила произвело, сказывают, величайшее безпокойство в Константинополе и не удивительно, если турки, унизив гордость свою будут просить мира. Я очень радуюсь, что *Евелина*[673] занимает внимание помещицы Никольскаго. В *Зрителе*[674] недостает .6. тома, я ето знаю, во время отправления я не мог найти его между книг моих. Они уж не только отягощают полки шкапов моих, но и пол покрывают. Здесь сегодни был старой друг наш М.И. Веревкин и принес Великим Князьям книги перевода своего. Он каждой год приезжает с новыми. Мысленно цалую друзей моих и прошу не отменить ко мне тех чувствований, которыя составляют благополучие жизни моей. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Ч. 74е. Л. 4-5 об.).

<134>+
1781. года Февр.<аля> .22. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась полученным у нас, приятнейшим письмом твоим извещены мы о вашем предприемлемом путешествии в Нилову пустынь, которое, если вами не оставлено, так теперь уже и в исполнении. Мы желаем, чтоб вы чувствовали, если можно, одни удовольствия дороги, а не беспокойства, чтоб это письмо застало вас всех здоровых, удовольствованных по возвращении в Берново. С нашей стороны будет та трата, что мы не получим, может быть, письма от вас. Но маленькия выгоды пусть уступят большим. Батюшка продолжает ездить в Сенатские Експедиции для объяснения сдаваемых ведомостей каждой день два раза. Возвращаясь, заедет к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву мл.>. Но о сроке возвращения ничего еще вернаго. Третьяго дни приехал к нам из деревни екипаж Ивана Матвеевича <Муравьева ст.>. Он отправил его, сам поехавши к тестю[675]. И ожидать его должно если не сегодни, так на етих днях. Я нынче на дежурстве. Ты пишешь, матинька, так, как и Иван Петрович <Чаадаев>,

---

[672] Муравьева-Апостол Анна Семеновна (урожд. Черноевич; около 1770-1810) – писательница, с 1790 – жена И.М. Муравьева мл. (Апостола), мать декабристов Матвея, Сергея и Ипполита Муравьевых-Апостолов.

[673] Вероятно, речь об английском романе *Evelina, or the History of a Young Lady's Entrance into the World, написанный F. Burney и напечатанный анонимно в 1778 г. (London, Printed for T. Lowndes, 1778).*

[674] «Зритель» – The Spectator, журнал Д. Аддисона и Р. Стила, издававшийся в Лондоне в 1711-1714 гг.; одно из самых влиятельных периодических изданий Европы XVIII в.

[675] Базанин Григорий Фомич (1735-1783) – офицер, помещик, отец Пелагеи Григорьевны Муравьевой, жены Ивана Матвеевича Муравьева ст.

какое действие здесь произвел Тверской мундир. Ето точно определить трудно. Большия люди пропустили без примечания, а впрочем, иным хорош, другим кажется дурен. Никто не удивляется. Сам наместник[676] говорил батюшке во Пскове, что губернатор[677] писал к нему о своем намерении сделать мундир Наместничества, а какой сделает, о том его не уведомил. Вчерась, сказывают, приехал сюда Наместник. А Маиор Измайловский <Ф.Я. Олсуфьев> около того воскресенья будет. Ну, матушка, мне пора в Школу. Езди здорово и весело, люби меня. Прости.

Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу усерднейшее почтение и благодарность за приписку.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Вы не очень хорошо препроводите свое время в ету минуту, как я пишу. Вы лежите в возке, кутаетесь, чувствуете безпокойство движения, молчите, только бы не плакали. Наконец вы возвращаетесь, нежели читать будете ето письмо, то я прошу вас быть уверены, что я весьма чистосердечно, с ревностию и усердием был, есмь и пребуду ваш последний раб. Земно кланяюсь.

Свидетельствую нижайшее почтение матушке Авдотье Михайловне[678]. Николай Ф.<едорович Муравьев> и Александр Ф.<едорович Муравьев> здоровы и веселы. Детушкам Петру Ивановичу, Николаю Ивановичу, Катерине Ивановне, Федору Ивановичу, Павлу Ивановичу, Ивану Ивановичу и Никите Ивановичу кланяюсь и желаю сердечно всякого благополучия.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 25-26 об).

<135>[679]+
1781. года Февраля .25. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Твое последнее письмо содержит выражения печальной чувствительности. Дай Бог! чтобы они проистекали единственно от склонности к мечтаниям такого рода, как ты говоришь, чтоб ты имела право только на сердце свое жаловаться. Я не должен говорить о выгодах и нещастиях чувствительности, не зная их. Человек не зделан для излишеств: может быть и сей способности чрезмерное упражнение утомляет. Руссо, если наслаждался ею, так напротив того и имел свое участие, как можно думать, в страданиях, ею же причиняемых. Страдания почтенные, достойныя добродетельного мудреца. Та чувствительность похвальна, которая знаменуется деяниями в пользу человечества. Та только непорочна, которая творит фантасии. Но окончим проповедь. Сегодни четверг, и можно почитать, что вы в пустыне. Вы половина скучны, половина набожны. Пускай только бы не были обезпокоены дорогою… Сердце есть такое орудие, которое долго напряжено быть не может. Сколько бы человек был щастлив, если бы не было ему нужды каяться! Без непорядочных восхищений, без вреднаго охлаждения вся бы жизнь его была и безпорочною и вместе веселою. Я осмеливаюсь любить тебя (ежели ето любить) что ты ни сделала и чаятельно не зделаешь злодейства. Для чего печаль? Оставь печалиться зло содеявшим.

Третьяго дни <Я.Е.> Сиверс приехал в вечеру в город, а батюшка был у него в первой раз сегодни. Он теперь кушает у Чонжина. Вчерась приехал к нам к обеду Иван Матвеевич

---

[676] Правитель Псковского наместничества в 1781 г. – Кожин Алексей Никитич (1737-1805), государственный деятель, сенатор, президент Камер-коллегии.

[677] Я.Е. Сиверс.

[678] Далее приписка отца.

[679] Адрес: «В Торжку. Его благородию Ивану Марковичу, Господину Почтмейстеру, Голодовичу. А его прошу покорно отослать поскорее в село Берново».

с Пелагеею Григорьевной <Муравьевы>. Теперь они у Петра Абр. Ганнибала[680]. Ночь они ночевали у нас и ночуют другую, а завтре переедут на свою квартеру. Все наши Муравьевы вчерась и сегодни у нас были. C'est une damme très douce, jeune, brune[681]. Прощай[682].

У нас в Клубе продолжаются по понедельникам и четвергам <?> концерты.

Ето приписание писано в доме Чонжина, откуда теперь только принесено. Зделай милость, матушка, запасися терпением и не увеличивай еще тягости, которую все люди носят, мало или много. Собственный твой внутренний суд будет лучшее твое одобрение. Из сердца происходит удовольствие. И я прошу тебя быть веселой, ты етим не согрешишь. Батюшка тебя любит, я тебя почитаю. Дай Бог! чтоб сие утешение было действенно. Мое упражнение в том, чтоб делать арии, которые З.<ахар> М.<атвеевич Муравьев> перекладывает на музыку. Мне жаль, Н.<иколай> Ф.<едорович Муравьев> унес с собой сочиненныя ноты, которые я хотел к тебе послать сегодня.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Побраните меня хорошенько, что я вас оставил и предпочел дружеству нежной сестры какой то Петербург, в котором меня не видно и не слышно. А между тем сестра сия отдается своим прискорбным разсуждениям. Зделайте милость, отпишите ко мне, что ей сделалось. Будьте здоровы, спокойны и любите Фешиньку. Простите.

Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу нижайшее почтение. Также и милостивой Государыне тетушке Авдотье Михайловне.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 27-28 об).

<136>[683]+
1781 года марта 1 д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! В последнем письме своем ты говоришь о снизхождении моем: разве ето приличное слово, когда ты обо мне говоришь? Я почитаю себя довольно зделавшим, если имею чувствования, которыя тебе не неугодны. Но впрочем я самый простонародной человек, котораго вся добродетель в том состоит, чтоб желать ее. Как то ни есть, быть тебе другом заменяет мне достоинства. И кто же истиннее, кто безкорыстнее во мне участвует, как ты? Дай Бог! чтоб только возмездие сей чистой любви, благодарное мое дружество было тебе столько приятно, сколько я того желаю. Батюшка приказывает писати, что не прямо уверяя, но может статься, что выедет отсюду на будущей неделе. Вчерась вместе с твоим письмом получил батюшка от губернатора <Я.Е. Сиверса> преучтивейшее письмо, в котором он ответствует на уведомление батюшкино о бытии его у Государыни. Государыня говорила батюшке, что по случаю неявляющихся душ в трех наместничествах, составлявших прежде одну Новгородскую Губернию, надобно бы было приказать объехать границы Тверскаго Наместничества и поставить знаки. Губернатор уведомляет, что он на сие разослал уже указы и наставления в нижние земские суды. Завтре будет собрание виц Губернаторов у Генерал-Прокурора <А.А. Вяземского> и советование о соли. Вчерась приехал сюды А.В. Сухотин по делу, которое он в Сенате имеет. Недавно

---

[680] Ганнибал Петр Абрамович (1742-1826) – генерал-майор, предводитель дворянства Пскова, сын Абрама Петровича Ганнибала и Христины Матвеевны фон Шеберг.

[681] Перевод: «Это очень милая, молодая брюнетка».

[682] Далее приписка отца.

[683] Адрес: «В Торжку. Его благородию Ивану Марковичу, Господину Почтмейстеру, Голодовичу. А его прошу покорно отослать поскорее в село Берново».

батюшка слышал от А.А. Волкова, а тот от одной камер-юнгферы[684], знакомой Саблуковым и приближенной у Государыни, что она изволит говорить о батюшке с похвалою. Вчерась был у <В.В.> Ханыкова, ето было его рождение. Он продолжает быть ко мне таким же и не оставляет иногда посещать нас. Но он в безперестанном движении и должно разделяться между приятелеями. Завтре итти мне на дежурство, а сегодни еду к Пелагее Григорьевне <Муравьевой> на остров, чтоб ехать вместе с нею на Концерт в Клубе. Как то я ето исправлю? Иван Матвеевич <Муравьев ст.> думает итти в штатскую службу и ищет места. Николай Ф. <Муравьев> с суботы на дежурстве. Дай Бог, чтоб вы были здоровы и веселы. Прощайте.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Пожелайте мне здравого разума, а я желаю вам за то более здоровья, нежели толстоты, более удовольствия, нежели веселья, столько же движения, сколько покою, и менее… едакова вранья, которым просим не скучить. Ваш покорнейший слуга.

Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу нижайшее почтение[685].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 29-30 об).

<137>+
1781. года Марта .4. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась получили мы письмо от тебя. А сегодни, вить я на дежурстве, так пришедши после обеда из Школы, батюшки дома не застаю. К нему, сказывают, приезжал А. Евл. Лукин[686], и вместе поехали оба к арх<и>ерею <Гавриилу>. А едучи туда, батюшка оставил письмецо к тебе для вмещения в моем письме, которое и посылаю. Все виц Губернаторы целые два дни, третьягодни и вчерась, препроводили у К. <А.А.> Вяземскаго: по утру советованье, потом обед, потом играли в карты и заключали еще советованьем. Ал. Вас. Храповицкий[687] держал перо. Предмет собраний новое установление соли. И дело еще тем не кончено. Сегодни Генерал-Прокурор <А.А. Вяземский> оставил себе день для донесения Государыне о успехе сего собрания. Завтре обыкновенный день общаго собрания в Сенате, а по суботам отъезжает он на дачу свою. Итак виц Губернаторы поедут к нему в понедельник. Я не знаю, матушка, для чего бы слово Государынино о батюшке казалось тебе подверженным толкованию. Оно не может быть иначе сказано, как с хорошей стороны. Неизвестно, кто мог сказать, что батюшке семдесят лет. *А я*, изволила она сказать, *нахожу его так бодра, как человека в пятдесят лет*. Притом же ея милостивый прием и разговор разрушил бы всякое сомнение. Первый из виц Губернаторов представлен был Государыне Смоленский, г. Жуков[688], кавалер Станиславской ленты, для того только, что он свойственник К.<нязя Г.А.> Потемкина. Первой вопрос от Государыни состоял в том, получил ли он какое наставление от Князя Александра Алексеевича <Вяземского>. Жуков не мог на него ответствовать, и Государыня дала ему знак, чтоб вышел. Она и после изъяснялась об нем неприятным образом. Ты пишешь, матинька, о покупке шиньона. Шиньон давно уже куплен. Семен

---

[684] Камер-юнгфера – девушка, присутствующая при одевании государыни, великих княжон и прислуживающая им.

[685] Далее приписка отца.

[686] Лукин Алексей Евлампиевич – коллежский советник (см.: https://vedomosti1728.ru/mobile/card.cgi?r=82&id=29633).

[687] Храповицкий Александр Васильевич (1749-1801) – сенатор, кабинет-секретарь Екатерины II, автор записок.

[688] Жуков Михаил Михайлович (1728-1803) – государственный деятель, сенатор, в 1777-1781 гг. – смоленский виц-губернатор.

окончил курс науки своей и знает накалывать цветы. Покупка кисеи и бумаги будет изправлена. А матушку Анну Федоровну <Вульф> попроси, чтоб присланную мною ручку тамбурную поскорее изломала. Что в ней, что сама шьет? Scusatemi cara questo che vi piace di chiamare il *costume nostro*; ché questo appunto è il mio per noi, il merto nostro confirmando le abitudine mie. Vi bacio le mani. Addio[689].

Кабы Анна Федоровна <Вульф> не отписала, мы бы и не знали, что у вас спор об уме Анны Андреевны Олсуфьевой[690]. И! что об этом споривать.

Милостивому государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу нижайшее почтение и благодарность за приятнейшее приписание. Алекс.<андр> Ф.<едорович Муравьев> вчерась у меня обедал у одного, и в то время пришли ваши письма. Он кланяется, божится, что пишет часто и что вина не с его стороны.

Матушка Любовь Федоровна <Муравьева>, добрая сестрица и милостивая государыня! Вы изволите видеть, что я не невежа. Я бы обрадовался, если бы узнал, что вы меня почитаете столько же честным человеком и благодарным. Да полно, вы столько меня зделали себе обязанным, что и поневоле будешь неблагодарным. Какую я ету <нрзб – чухуневу?>? Чтоб лучше зделать? Прощайте.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 31-32 об).

<138>

1781 года марта 8 д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! В середу вы к нам писали той недели, в субботу которой выехать хотели. Письма мы от вас не получали, следовательно путешествие ваше исполнилось. А в дороге всего навсе<го> намерены вы были пробыть неделю: так вам уж это время надобно быть в Бернове. Однако кто уговаривался с дорогою и будущим. В войне и в политике выходят неверные счеты: что помешает быть им в своем домашнем быту, в которому никому не должно отдавать отчету? Итак по долгим и зрелым разсуждениям, напоследок могу я заключить, что вы возвратились в Берново либо нет. Мое условие, не во дни другом или третьем, но в том, чтоб ты была здорова и весела, так, как и милое общество, ты живешь. Батюшка не извещен еще о сроке своего отъезда, и во вторник опять конференция о соли у К.<нязя А.А.> Вяземскаго. Батюшка продолжает между тем выежжать каждое утро, хотя уже дела по Експедиции близко окончания. Вчерась изволил он кушать и целой день провел у Ханыкова, затем что это были именины Василья Васильевича, где также обедал и Николай Федорович <Муравьев>, который ночевал у нас и в сию минуту, передо мной сидя и читая Расина убирается в концерт, куда и я с ним еду. Изволите знать, если вам угодно, что вчерась при дворе были сговоры великого гетмана польскаго Графа Браницкого и Александры Васильевны Энгельгардши[691], которая очищает

---

[689] Перевод: «Простите мне, дорогая, то, что вам угодно называть обыкновением нашим. Эти обычаи свойственны мне и нашему кругу и вполне соответствуют моему привычному образу жизни. Целую ручки ваши. Прощайте».

[690] Возможно, Олсуфьева Анна Андреевна (урожд. Вельяшева-Волынцева; даты жизни не установлены) – дочь Андрея Матвеевича Вельяшева и Афимьи Алексеевны Вельяшевой, жена Михаила Михайловича Олсуфьева; родственница Ф.Я. Олсуфьева, майора Измайловского полка.

[691] Браницкий Франциск Ксаверий (1731-1819) – военный и государственный деятель Речи Посполитой, в 1774-1793 гг. – гетман; в 12 ноября 1781 г. он женился на Энгельгардт Александре Васильевне (1754-1838), племяннице Г.А. Потемкина.

место Камер-Фрейлины. Что конной гвардии майор Давыдов[692] пошел в отставку, и на его место пожалован Михельсон[693]. Что к нам, измайловцам, обещают какого-то Ингельштрома, Генерал Поручика[694]. Прощай, матушка-сестрица, будь здорова, щастлива и весела. И не забудь своего шалуна братца. Матушка-сестрица Любовь Федоровна! Много вам дела, ежели вы молитесь за всех своих братцев родных и двоюродных, да и нам не без труда, затем что мы грешим и веселимся за вас. Впрочем мы весма честные люди. Прощайте. Милостивому государю Ивану Петровичу и милостивой государыне сестрице Анне Федоровне <Вульфам> приношу нижайшее почтение[695]. Также при сем случае батюшка приносит свое почтение особливо Ивану Петровичу и Анне Федоровне <Вульфам> и тетушке Авдотье Михайловне и Любови Федоровне <Муравьевой>. Николай Федорович <Муравьев> не пишет к вам, ни к кому, затем что хотел бы писать ко всем, а теперь и негде и некогда, ибо мы спешим видеть Бенедетту[696].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 33-34 об).

<139>+

1781. года Марта .15. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ето уже давно, сударыня, что мы не получаем ваших писем. Трех почт много. Должно полагать, что езда ваша поболее продолжается намереннаго времени. Дай Бог! чтоб вы были здоровы. Ето не мое только желание. Я утешаюсь правосудием божиим, когда вспоминаю, что столько честных и достойных людей, все те, которыя тебя знают, не менее живое имеют желание твоего благополучия. Должен ли я уверять, что я еще имею память нежных твоих чувствований ко мне, что я продолжаю почитать щастием жизни своей упражнение любить тебя? Батюшка, все, слава богу, я здоров. Кроме некоторых выездов по делам своим, батюшка все занимался мною, каким образом должен буду я явиться на экзамене, который на этих днях будет в Школе нашей. Самые нежные попечения обо мне упражняли меня. Ето касается до меня все эти дни, cloué sur des livres de géometrie, je ne voyais que des triangles, societé paisible et muëtte, telle qu'il m'en faut, pour briller[697]. Вчерась была у нас в первый раз Александра Григорьевна Батюшкова, батюшки дома не было, он целой день был у Ф.М. Колокольцева, а я целый день не одевался; не смотря на то я принял весма благопристойно, ибо по щастью

---

[692] Давыдов Иван Иванович (1726-1788) – военный деятель, генерал-поручик; в 1767 г. был назначен командовать Конным лейб-гвардии полком (в звании премьер-майора); 1 марта 1781 г. по собственному прошению был отправлен в отставку.

[693] Михельсон Иван Иванович (1740-1807) – военачальник, участник русско-турецкой войны, подавления Пугачевского восстания; с 1781 г. – премьер-майор и командир лейб-гвардии Конного полка.

[694] Ингельстром Осип Андреевич (1737-1823) – крупный государственный деятель, военачальник и дипломат.

[695] Далее приписка отца.

[696] Возможно, Муравьев имел в виду певицу Бенедетту Бативелли (Bativelli), участницу труппы Маттеи и Оречи; см.: «из Вены через Ригу в СПБ проехала 21 авг. 1779 (Там же, л. 60), в 1780 участвовала в придв. спектакле "Храм общей радости" (либретто, СПб., б. г.), возможно, тогда же перешла в Итальянскую придворную оперную труппу» [Музыкальный Петербург, 2, с. 196]. Далее в письме, по-видимому, приписка Николая Федоровича Муравьева.

[697] Перевод: «Прикованный к книгам по геометрии, я видел только треугольники; тихое и безмолвное общество — как раз такое, какое мне нужно, чтобы блистать».

я был в шубе. Mais, vraiment, c'est très bien plaisanter pour un calculateur frais moulu de classe[698].

Сегодни по утру успел уж я быть у брата Ник.<олая> Федоровича <Муравьева>. Он и Зашинька <Захар Матвеевич Муравьев> достали мне план фортификационной, которой я покажу вместо своего, не смотря на то что я честной человек. Voila des evenements d'eclat que je vous prie vouloir bien me pardoner. Portez-vous bien, mon ange, ecrivez-moi des lettres charmantes, mais ayez surtout de beaux moments, en jouissant de votre coeur. Papa croit bientôt finir ses affaires. Adieu[699].

Матушка-сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Довольно долго отдыхало ваше перышко и пальчик. Пора, сударыня, нас грешных утешить вашим письмецом. А.Е. Лукин пожалован Статским Советником, а В.А. Приклонский, я думаю, Коллежским. Прощайте.

Свидетельствую нижайшее почтение милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам>[700].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 35-36 об).

<140>+
1781. года Марта .18. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>[701]

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Молчание твое кончилось. Сколько я должен благодарить свое состояние, будучи уверяем тобою, что ты имеешь удовольствие в своем! Сколько должно быть нам чувствительным к особам, составляющим щастие твое своим сообществом. Оборот на себя должен быть мне неприятен, когда я вспомню, что я тебя оставил. Но могу ль я тебя оставить сердечно? Мое честолюбие и причина благороднее того, мое дружество, сей священной союз природы, которой делает мое щастие, призывает всегда перед меня <так! – А.И.> твои милое изображение. И вин своих я ожидаю от тебя прощения: ты, которая более чувствуешь красоту добродетели. Прошу засвидетельствовать мою покорнейшую благодарность и почтение, если письмо сие застанет, милостивому Государю Ивану Семеновичу и милостивой государыне сестрице Анне Львовне[702]. Тебе также кланяется Александра Григорьевна и Николай Львович <Батюшковы>. Тоже Пелагея Григорьевна <Муравьева>, которая с батюшкою теперь играет в виск. Я ети два дни препроводил опять дома, либо ничего не делая, либо разбирая геометрию. Батюшка все в добром здоровье, и будущий вторник еще собрание виц-Губернаторов у Генерал-Прокурора <А.А. Вяземского>. Я желаю тебе всякаго благополучия, а себе твоей любви, сей самой, к которой ты меня толь сладостно приучила. Прощай. Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам> нижайшее почтение и благодарность. У тетушки Авдотьи Михайловны прошу поцаловать руку.

---

[698] Перевод: «Но, право, это очень недурно шутите для новоиспечённого вычислителя, только что вышедшего из классов».

[699] Перевод: «Вот какие блестящие события – и я прошу вас великодушно простить мне их. Будьте здоровы, мой ангел, пишите мне прелестные письма, но прежде всего проводите прекрасные минуты, наслаждаясь радостями вашего сердца. Папа думает скоро закончить свои дела. Прощайте».

[700] Далее приписка отца.

[701] Письмо состоит из нескольких частей: письма и записки Муравьевых, в т.ч. Н.А. Муравьева (л. 37 об. – 38 об.), а также письмо Михаила Никитича; об этом свидетельствует приписка Муравьева на л. 37: «И я того же 18 дня», т.е. того же 18 марта, что и послания других родственников.

[702] Караулова Анна Львовна (урожд. Батюшкова; 1758-1819) – дочь Льва Андреевича и Анны Петровны Батюшковых, тетя известного поэта К.Н. Батюшкова.

Матушка-сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Капитан ваш, сударыня, мешает мне писать. Я вам желаю все, что вам добренького в головушку и ах! в сердчишко войдет. Прощайте.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 37-37 об).

<141>+
<б/д>[703]

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Дай бог, чтоб первое письмо, которое от тебя получим, принесло нам лучшие ведомости, нежели вчерашнее. Сие желание составляет все то, что я могу теперь думать. Все твои письма столь явно показывают, сколько ты упражнена нами. Ты не позабудешь, что твое сохранение est un bien à nous. Je ne suis pas digne d'etre exaucé de l'Etre suprême; mais il entend les voeux des méchants pour le bien des vertueux[704]… все сии дни делаю я усилия без успеху выучить все то в Геометрии etc, etc, что позабыл. Но кажется, что невозможно. Теперь спешу итти к своему Николаю Васильевичу <Леонтьеву>, чтоб слушать его наставления в тактике с дватцатью товарищами из наших господ du bas étage[705]. Батюшка едет теперь к Прасковье Федоровне Львовой[706]. Н.<иколай> Алекс.<андрович Львов>, сказывают, скоро отпаравится в Италию. Батюшка должен еще завтре быть у К. <А.А.> Вяземского. И это уж последний вторник. А в нашей школе, может быть, завтре будет экзамен. Мне писать нет времени. Прощай, матушка, будь здорова и нескучна. Ты все исполнишь мои прошения. Матушка-сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Принимаю сердечное участие в вашей печали и прошу Бога, чтоб все кончилось согласно с желаниями всех нас.

Милостивому государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам> свидетельствую усерднейшее почтение.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 39 об.-40 об).

<142>+
1781. года Марта .24. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я пишу к тебе, матушка, из дому Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>, где мы обедали. Что ето зделалось, матинька, с тобою, что ты эту почту не писала? Не уж то нещастие наше столь велико, что ты нездорова? Сегодня виц-Губернаторы представлены были Государыне, чтоб откланяться при их отъезде. Батюшка надеется тебя увидеть около Светлаго воскресенья. Сегодни приезжал к нам Илья Ив. Лопухин[707], которой живет у Толстова. Он сказывал, что Пашпорты большим детушкам, которым дай Бог скорее здоровья, написаны на Сержантския чины и печать приложена; но время не недостает Маиору <Ф.Я. Олсуфьеву?> подписать их. Что я должен еще тебе сказать? Мы все здоровы и довольно веселы, кроме сомнения в твоем здоровье, причиняемаго твоим молчанием.

---

[703] Дата не указана; возможно, письмо было написано тогда же, 18 марта, или, по крайней мере, в промежутке между 18 и 24 марта, когда было отправлено следующее письмо.

[704] Перевод: «Ты не забудешь, что твоё благополучие – благо для нас. Я недостоин быть услышанным Верховным Существом, но оно слышит и желания дурных людей, когда дело идёт о благе добродетельных».

[705] Перевод: «самого низкого сорта».

[706] Львова Прасковья Федоровна (урожд. Хрипунова; 1725-1793) – дочь Федора Ефимовича и Марии Максимовны Хрипуновых, жена Александра Петровича Львова, мать Надежды Александровны Ярцевой.

[707] Лопухин Илья Иванович (1739-1813) – офицер, чиновник, сын Ивана Ивановича и Анны Фоминичны Лопухиных.

Сия остановка есть действие музыки Захара Матвеевича <Муравьева>, которой надо мною пишущим проигрывает несколько фантазий: половина веселых, половина печальных. Все то есть правда, что Миша говорит. Vi prego, cara, di continuarmi l'ancore vostro tenero, voi che sapete amare. Sia questo costume nostre e mia felicita[708].

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! Не оставьте, сударыня, дружбы вашею мою добрую и милую сестру, за что будет Бога благодарить ее недостойной и нечувствительной брат. Николушка <Н.Ф. Муравьев> здесь и в другой горнице в карты играет.

Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульф> свидетельствую мое усерднейшее почтение и желаю здоровья их любезным сержантам. Прошу поцаловать ручку у матушки Авдотьи Михайловны[709].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 41 об.-42 об).

<143>+

1781. года Марта .29. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ето уж будет мое последнее письмо к тебе одной. Батюшка сегодни меня покидает и в ночь едет в Берново. Изчисления верного сделать не можно, поспеет ли батюшка к вам к Светлому воскресенью, затем что он заедет к дядюшке <Матвею Артамоновичу Муравьеву ст.> в Полоса. Захар Матвеевич <Муравьев> предлгает мне весма любопытной и не менее важный вопрос: зачем я не еду с батюшкою? Я принужден был ему признаться, что я сам етой причины не ведаю, что ето происходит от одной безмерной милости и снизхождения батюшкина, которой моим ребяческим затеям противоречить не хочет. Захар Матвеевич <Муравьев> не будет так снизходителен к своим детям. Мы все радуемся, что все наши детушки выздоравливают или уж выздоровели. Федор Матвеевич <Муравьев> не такой человек, чтоб его полку убыло. Что касается до меня, екзамен Школы нашей, который занимал меня целые три недели, сия туча наконец прошла. Я имел удовольствие насмотреться на своего Подполковника <Н.В. Леонтьева>, и я бы был очень щастлив, если бы я ему столько понравился, сколько он мне. Я теперь отдыхаю радуясь, что имею претекст отдыхать. Третьяго дня батюшка обедал у И.И. Шувалова со всеми своими товарищами. Et caetera. Прощай, матушка. Дай Бог, чтоб ты была здорова и весела.

Матушка сестрица Любовь Федоровна <Муравьева>! По вашему письму братец Александр Федорович <Муравьев> поедет в четверг. <нрзб> нот. Ибо будет новая прекрасная музыка, присланная к Государыне от Императора <Иосифа II>, а к Императору от Папы[710]. Прощайте

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 43.-44 об).

<144>+

1781. года Марта .31. дня С.<анкт->Пет.<ербург>

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Сегодни отправляется Савелий с лошадьми. Через десять дней или около того вы изволите получить письмо сие. А между тем сколько беспокойства перенесете по этой распутице и в такой худой повозке! По моему щету сегодни должны вы быть у дядюшки

[708] Перевод: «Прошу вас, дорогая, и впредь не лишать меня вашей нежной привязанности — вас, которая умеет любить. Пусть это станет нашей привычкой и моим счастьем».

[709] Далее приписка отца.

[710] Пий VI (1717-1799) – папа римский с 1775 по 1799 гг.; в миру граф Д.А. Браски.

<М.А. Муравьева ст.>. Дай Бог! чтоб езда сия благополучно окончилась и вашему здоровью не прикончила вреда!

Не надобно иметь особливо чувствительнаго сердца, чтоб быть привязану к вам. Самой охлажденной человек приведен будет к благодарности вашим снизхождением и милостию.

Савелью дал я на дорогу семь рублей и опасаюсь, что етого не станет. Вислоухая перед дорогою было охрамела, но меня уверили, что в путь может пуститься. Я прошу Бога о сохранении мне и сестре милостиваго нашего отца, о утешении его ежели не мною, так ею

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я не сомневаюсь о твоей радости, о твоем щастье, зная тебя вместе с батюшкою. Дай только Бог, чтоб сие свиданье скорее и сколько можно благополучно было. Я многих требований твоих не исполнил. Когда уж вы в Твери, так возьмите пожалуйте у Кондратья Леонтьевича рецепт[711] составу зубного, которой он <…> выписывал, и адрес, где мне его достать. Я конечно по тому исполню. Ету неделю я говею и не выхожу никуда кроме церкви. Если б ты видела, какая погода, какая грязь. Прощай

Милостивому Государю Ивану Петровичу и милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам> приношу усерднейшее почтение. Также и сестрице Любови Федоровне <Муравьевой>.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 17-18 об.)

<145>+
1781. года Апреля .1. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Чуть ли вы еще в Бернове не будете, когда это письмо в Тверь придет. В Твери или Бернове, дай Бог только того, чтоб безпокойства дороги не оставили после себя следствий, чтоб вы были столько довольны, сколько заслуживаете. Сколько бы щастлив я был, если бы и я сам был в числе причин, производящих удовольствие ваше!

Приношу усерднейшее поздравление с Праздником светлаго Христова воскресенья и прошу Бога, чтоб он вас утешил и оставил радостных. Ету неделю я немного благоразумнее, нежели прочия недели поста (свидетельство подозрительное). Завтре положена моя исповедь. Сегодни хотел я слушать славную музыку во дворце и слушал; но за дверем затворенным. Тут же видел я и маленькаго Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>, разряжена в прекрасном кафтане. Кланялся со Львом Александровичем <Нарышкиным>, которой кажется, что вымолвил мне что-то мимоходом. Вчерась, около обеда выехал с лошадьми Савелий. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое усердное почтение милостивым Государям Михайле Ивановичу <Веревкину> и Александру Иринарховичу <Озерову>. Я чрезвычайно виноват перед обоими, а перед первым в неисполнении порученнаго мне дела уведомить о действии здесь в городе его сочинения *О царицынских водах*[712]. Я не нашел себя в силах исполнить сие лестное для меня предписание, будучи

[711] Край листа испорчен печатью.

[712] Веревкин М.И. Описание Екатерининских вод в Астраханской губернии, между города Царицына и селения евангелического братства Сарепты / Собр. на месте, 1780 года, в августе и сентябре месяцах. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1780.

мало разсеян в свете и больших обществах, где только и должно было почерпнуть сии известия. Но сколько мог я видеть, никогда более кстати не могло явиться сие сочинение. Ибо весь двор был занят сими водами некоторое время… Сей самый час, сказывают мне, что присяжный из Твери приехал было сюда от Александра Иринарховича <Озерова> из Рязани; но писем сих отдавать ему не велено, когда вас здесь не застанет. Прося родительскаго благословения, навек пребываю

Милостивой Государь мой батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я поздравляю тебя мысленно сегодни, полагая, что ты приобщалася. Во время, как ты ето читаешь, пора будет поздравлять с Праздником. А я полагаю себе всю жизнь мою на упражнение тебя любить и почитать. Будь здорова. Прощай

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 19-20 об.)

<146>
1781. года Апреля .5. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Разлученный с милостивым моим родителем, с нежною и любви достойною сестрою, я нахожусь в неизвестности о состоянии обоих. От сестрицы не получаю я две почты писем. Я не своего утешения желаю, но чтобы только все были здоровы. Я уверен, что не можно более вкусить удовольствий в семье своей, как я. Первое благодарение Богу приношу я о том, что в ней живу.

Я уже поздравлял вас с наступающим Праздником, а теперь поздравляю усерднейше с наступившим. Дай Бог, чтоб сие христианское торжество препроводили вы с своими, в покорнейшем положении! Что касается до меня, я не выходил никуда в Страшную неделю и в Великую суботу приобщался. Напротив того на Светлое воскресенье я зван обедать в трое гости. От обеду <Д.И.> Хвостова уехал, остался обедать у Ник.<олая> Львовича <Батюшкова>, в чьей карете я ездил, ибо пешком ходить нет способу. После обеда проводил у Ивана Матвеевича большого <Муравьева ст.> и по слову своему ужинал у Хвостовых, куда я зван сегодни опять обедать.

Здесь хвалят поступок Конногвардейских офицеров, которыя внесли в полк сорок тысяч рублей, которыми был должен Маиор их Давыдов[713].

Впрочем, прося бога о сохранении драгоценнаго нам здравия, с ненарушимым повиновением, пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я ограничиваю свои желания тем, чтоб ты мне сохранена была. Сколько бы я щастлив был, если бы сии чувствования природы вкусил я со всею силою радости и добродетели. Христос Воскресе. Здравствуй, матушка Любовь Федоровна, ежели ты в Твери.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 21-22)

[713] Давыдов Иван Иванович (1726-1788) – русский офицер, в 1767-1781 гг. – премьер-майор гвардии и генерал-майор (с 21.04.1773 генерал-поручик). 1 марта 1781 года по собственному прошению был уволен в отставку, с пожизненным оставлением того жалованья, которое он получал на службе.

<147>
1781. года Апреля .5. дня С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитична! Что тебе приключилось, душа моя, что письма твои перестали ходить сюды? Лучшее мое щастье, наиболее основанное, было то, чтоб иметь в тебе сию нежную и любви достойную сестру, которою ты мне себя объявила. Ежели я имею сердце, я должен просить Бога, чтоб каждое его движение устремлялося к тебе. Нещастной! Ежели память моя не представляет мне более милого твоего образа и души, более любви достойной, сей доказанной любви твоей ко мне и сладкаго обхождения. Дай Боже, чтоб сии строки нашли тебя благополучною и были тебе свидетельствами моих усилий быть добрым, верным своему долгу. Но пусть они не оскорбят тебя. Я ожидаю известия о приезде батюшкином и о тебе. Прошу тебя писать ко мне, чтоб я видел тебя, хоть бы и <на> этих изображениях, которыя так далеки от живости настоящего, однако составляют всю отраду отсутствия. Я не поздравлял тебя с Праздником, но я не знаю где ты. Ежели ты в Бернове с батюшкою, так я вам кланяюсь, мысленно ваши руки цалую. Прошу тебя от меня поздравить милостивых Государей Ивана Петровичу, Анну Федоровну <Вульфов>, Любовь Федоровну <Муравьеву>, тетушку Авдотью Михайловну, поцаловать детушек. Будь только здорова. Прощай. Я не знаю, не удержал ли дядюшка батюшки у себя на праздник. Я что то етого опасаюсь.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 45.-46 об).

<148>+
1781. года Апреля .8. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Известие о приезде вашем ко мне еще не приходит и некогда. Все мое желание, чтоб вы здоровы и благополучно приехали. Подумая <так!> о дороге в екипаже, в котором вы изволили отправиться, нет ничего, чтоб меня утешало. Сестрица все продолжает писать к вам. А я недавно, не получаючи ее писем, писал к ней очень печальну жалобу. Очень радуюсь, что мой поступок несправедлив. Дай Бог! чтоб в это время вы уж были вместе с сестрицею, чтоб вы были благополучны. Я теперь еду за маленьким Иваном М.<атвеевичем Муравьевым мл.>, чтоб ехать с ним к большую Ивану М.<атвеевичу Муравьеву ст.>. В Светлое Воскресенье от двора выпущены четыре Камер Пажа в Гвардию и на место их четыре произведено. Неплюева сын пожалован в наш полк офицером. Нижайше прошу засвидетельствовать мое усердное почтение милостивому государям Михаиле Ивановичу <Веревкину> и Александру Иринарховичу <Озерову>. Впрочем прося родительскаго благословения, со всею преданностью есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я посылаю вам мои желания благополучия, где вы ни находитесь. Будьте здоровы, веселы и столько <?> достойны своего щастья. Я мало заслуживаю сии воспоминания, о которых вы пишете ко мне из Бернова. Что я зделал к удовольствию вашему? Но дружба, ежели я ее чувствовать могу и заслуживаю, составляет мои желания. Простите.

Любовь Федоровна, матушка, если вы удостаиваете почитать меня вашим другом, куда выборы ваши не прекрасны! Но вины брата заслужит сестра, вы не в проигрыше.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 23-24 об.)

<149>+
1781. года Апреля .12. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Сегодни письма я не получаю ни из Твери, ни из Торжка. Я не могу дождаться известий о вашем прибытии. Приписываю сие молчание образованию после приезду вашего в Бернове. Дай Бог, чтобы первое письмо, которое получу от вас, подтвердило мои чаяния. Сие письмо пишу я в Школе, где я дежурю. Не смотря на возложенную должность, вымышляю способы быть на сегоднишнем Концерте в Клобе. В суботу был там Маскерад. Река еще не прошла, но дни четыре стоят у нас настоящей весны. У Льва Ал. <Нарышкина> на Святой неделе кушала в вечеру Государыня. Противу дома были качели и сборное место черни всего города. Прося Бога о даровании вам здравия и благополучия, с чувствованиями благодарности и повинности пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Кажется нет сомнения, что вы теперь с батюшкою, что вы столько же обрадованы его присутствием, сколько приятно ему жить опять с вами. Я стараюсь утверждать себя в етой утешительной мысли, чтоб не воображать вас иначе как веселой, один образ существовать, достойный вас. Прошу поцеловать за меня Любовь Федоровну <Муравьеву>: ежели ее нет с тобою, так en idée. Третьягодни обедал я у Г. Карина[714], где также обедал и Николев[715], московский bel esprit, приехавший сюды за тяжбою с новой трагедией и комедией, двумя худыми стряпчими. Более всего будь здорова. Прощай.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 25-26)

<150>+
1781. года Апреля .15. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Вчерась обрадован я вашим милостивым письмом из Твери. Сегодняшний день ровно неделя, что вы уж на месте. Теперь то отдохнуть надобно от безпокойств, которых вы столько перенесли в дороге. По нещастию ваши Палатския дела никогда вам не оставят праздности. Вчерась получил письмо и от дядюшки <М.А. Муравьева ст.>, наполненное всех возможных ласковостей. Но что меня в нем более трогает и в совершенное приводит замешательство есть сообщение ваших родительских похвал. Я не нахожу выражений благодарности и заключаю в сердце моем. Вчерашний день, в пятом часу утра прошла Нева. Говорят, будто Государыня изволит на етих днях отправиться в Сарское село для прививания оспы маленьким великим Князьям <Александру и Константину

[714] Карин Федор Григорьевич (1739–1800) — русский писатель, переводчик; аристократ, покровительствовавший многим писателям.

[715] Николев Николай Петрович (1758–1815) — русский поэт и драматург, член Академии Российской; родственник Е.Р. Дашковой.

Павловичам>[716]. Я всю эту неделю на своем дежурстве. Пожалуйте, батюшка, попросите у Кондратья Леонидовича записочки, где я могу достать зубнаго полосканья для сестрицы, такое, как он выписывает, или название, по чему бы я мог спросить. Я прошу вас нижайше о продолжении ко мне родительской милости и пребываю навсегда

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Il m'est impossible de ne point participer dans cette effusion de sentiments où notre ame <?> se livre à l'arrivée d'un tendre pere jouissons en l'aimant de toutes nos forces. La nature et la vertu vous désignent la préférence. Je n'en consolerai bien pourri que cela vous rendre aussi heureuse, que vous le méritez[717]. Я тебя прошу жизнь моя взять на себя труд засвидетельствовать мое усердное почтение особам, которыя удостаивают меня своей милостию. Прощай. Милостивому Государю Ивану Петровичу, милостивой Государыне Анне Федоровне <Вульфам>, матушке Любови Федоровне <Муравьевой> желаю всякаго благополучия

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 27-28 об.)

<151>+
1781. года Апреля .20. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я вчерась виноват черезвычайно: пропустил почту не писавши. Мнимые нужды мне в том воспрепятствовали. Меня уняли обедать против намерения, оттуда должно было в Клоб идти. Очень великого дня не стало мне для исполнения первейшей моей должности. Но вчерась получил я приятнейшее письмо от вас. Теперь же пойду с письмом к Тимофею Ивановичу <Тутолмину>. Вчерась в ночь отправился в Берново Александр Федорович <Муравьев> и хотел быть у вас. Вы изволите писать ко мне, что лошади похудели, а я боялся чтоб одна из них совсем не охрамела. В дорогу отпустил я скорее нежели было надобно. Вчерась после обеденнаго стола изволила Государыня отправиться в Сарское

[716] Прививку в 1781 г. сделал тот же Т. Димсдейл, который в 1768 г. прививал и Екатерину II; см.: «В 1781 г. он снова приехал в Россию и привил оспу великим князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу. За удачное оспопрививание Димсдаль получил от Екатерины II щедрые награды: он получил звание барона российской империи, чин действительного статского советника, назначен был лейб-медиком императрицы с пожизненной пенсией в 500 фунтов стерлингов, которые должны выплачиваться ему и в Англии; кроме того, даны ему миниатюрные портреты императрицы и великого князя Павла Петровича с тем, чтобы они сохранялись в его семействе в память заслуг, оказанных им империи. Сын Димсдаля, помогавший ему при оспопрививании, произведен в бароны, и ему пожалована великолепная золотая табакерка» [РБС, 6, с. 411].

[717] Перевод: «Я не могу не разделять этого излияния чувств, которому наша душа предаётся при приезде нежного отца. Будем радоваться ему, любя его всеми силами. Природа и добродетель, кажется, прежде всего отдают предпочтение вам. Я вполне этим утешусь, лишь бы это сделало вас такой счастливой, какой вы заслуживаете быть».

село[718]. Дни у нас стоят очень хорошие. Показался было и Ладожской лед малыми отрывками, но морская погода его удержала. Впрочем, прося вашей родительской милости и благословения, пребуду в совершеннейшем повиновении

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Можно ли не хвалиться своей судьбою, когда получаешь такие письма, как твои, от нежной и любви достойной сестры! Пусть только продолжится твое щастье, твое спокойство сердца, уверение, что сие сердце никогда не удалялось добродетели: мои желания исполнены. Тыб могла и должна была иметь лучшаго брата, но я не должен желать лучшей сестры. Должно придаться сему стремлению, все увлекающему к благодарности Бога, за блага немыслимые. Ето навсегда моя философия. Ежели достоин сего имени нрав и мечтания человека, ничего не значащего… На сих днях препровел я некоторое время за Аглинской грамматикой. Я не могу уверить, выйдет ли что нибудь из етого. Поцалуй от меня друзей своих. О чем к тебе пишет Княгиня[719]?

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 29-30 об.)

<152>+
1781. года Апреля .22. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Самыя здравые мои желания, и одни, которыя могут дать мне истинное щастие, суть те кои составляю я о вашем здравии, благополучии. Сестрица имеет теперь попечение, столько ей приятное, составляет вам утехи, служит обществом и обхождением. Сколько я буду щастлив, если всякую минуту вспомню, от какой семьи я завишу, кем я любим столь нежно. Вчерась получил я письмо от сестрицы, которую письмо сие застанет, я думаю, в Твери. Я чувствую с некоторым прискорбием, что не имею сил возвратить ей удовольствие, которое она мне приключила. Я поручаю ее собственной чувствительности изобразить мою благодарность. Или я благодарю ее, когда вас делаю истолкователем моих чувствований.

Адрес Календарь[720] куплен и перешлю во вторник. Я не вижу дней: столь скоро проходят они посещениях моих. Не можно идти мимо Хвостовых, чтоб быть не позвану. Также и собственная суетность моя умножает мои знакомства. Ф.М. и М.И. Колокольцев просили меня вчерась отписать от них усердное почтение. Впрочем с нижайшим моим почтением навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Когда я хочу заставить говорить чувствование, то вы<й>дет охлаждающий комплимент педанта, такой, как теперь я хотел написать. Время меня погоняет, и я уверен, что тяжба моя выиграна, когда перед тобой

---

[718] См. сообщение КФЖ от 19 апреля 1781 г.: «*В Понедѣльник,* то есть в день ВЫСОЧАЙШАГО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Их Императорских Высочеств отсутствия из Санкт-Петербурга в Царское Село» [КФЖ, 1781, с. 195].

[719] Возможно, здесь и далее речь о А.А. Урусовой (урожд. Волковой, вдове Н.Е. Муравьева).

[720] Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781 от Рождества Христова. СПб.: при Императорской Академии наук, 1781. 434 с.

сужусь. В случае нужны Любовь Федоровна <Муравьева> не откажется быть моим стряпчим. И стряпчий и судья, будьте здоровы и веселы, редкое желание в устах челобитника. У вас уж гром был, у нас так нет грому, а теперь только дождь.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 31-32 об.)

<153>

1781. года Апреля .26. дня С.<анкт->Пет.<ербург>

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Либо вчерась, либо сегодни приехала к вам сестрица. Я из Петербурга разделяю сие удовольствие быть собранным вместе особам, чувствующим благополучие свое друг в друге. И желания составляю в лучшем слоге, нежели письмо мое, что все обстоятельства сошлися сделать наиболее радостным сие свидание. Вот неделя, что Алекс.<андр> Фед.<орович> <Муравьев> в Берново поехал. Сегодни прислала ко мне Елисавета Францевна письмо для пересылки к нему. Но я его оставил до завтрего. Ибо завтра посылаю Адрес Календарь по ямской почте. Двадцать первое число пожалованы ленты: Александровския — И. Абр. Ганнибалу и Гр.<афу> Воронцову и Аннинския — Семеновскому Маиору Вас. Вас. К. Долгорукову[721], зять Ланскаго[722], Чернышеву и Орловскому Губернатору Лопухину[723], которой сказывают хотел идти в отставку. На другой день того умерла в городе Ф.И. Самойлова. Ночью на вчерашний день был пожар, который зачался в доме Ал. Ив. Васильева. Все службы и зады домов от Измайловскаго моста. У Васильева тем зачалось, что сгорели две коровы и бык голландские, которые стоили .600. руб. Весь фарфор, хрусталь и пр. в торопях кидан был за окошко. Сказывают, что его самого видели в шлафоре, спасающего бегом бутылку и куклу, почитая их за драгоценности. Но я преобразился не кстати в газетчика. Я заключаю письмо, прося вас, милостивой Государь батюшка, о продолжении ко мне незаслуженных родительских милостей и есмь

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Твой отпуск кончился, советую приняться за службу ревностнее меня. Но прошу для Твери прекрасных дней мая, июня, июля. Желаю всяких благ вохсалу, Трехсвятскому, и да отыйдет в заточение скука. Будь здорова. Прощай. Матушке Любови Федоровне <Муравьевой> и милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу> низкой поклон.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 33-34 об.)

<154>

1781. года Апреля .27. дня С.<анкт->Пет.<ербург>

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

---

[721] Долгоруков Василий Васильевич (1752-1812) – генерал-поручик, действительный тайный советник, младший сын Василия Михайловичча Долгорукова-Крымского.

[722] Ланской Александр Дмитриевич (1758-1784) – генерал-поручик, генерад-адъютант, фаворит Екатерины II.

[723] Лопухин Авраам Степанович (1732-1799) – генерал-поручик, в 1778-1782 гг. – правитель Орловского наместничества.

Я пишу сегодни только для того, что пересылаю адрес-кадендарь и письмо Елисаветы Францовны[724] к Александру Федоровичу <Муравьеву>. Сегодни получил я также приятнейшее письмо от вас и сестрицы, без числа, по ямской почте. Письма разнести еще было некогда, а уповаю в четверг уведомлю о исполнении. Войти в знакомство Федора Матвеевича, думаю я, недовольно моих весьма слабых изданий. Я боюсь, чтоб они не подали читающему более невыгодное обо мне понятие. В Преображенской же полк с моим старшинством перейти иначе невозможно, как с условием быть выпущену при докладе Капитаном. Нынешний год и в нашем полку сулят большую перемену. Я вчерась уведомлял вас о пожаловании Кавалерий, но я не ручаюсь за обстоятельность уведомления. Иныя сказывают, что и здешнему Губернатору Потапову[725] дана лента. Более сего ничего прибавить не могу, для меня важнее, как усерднейшее прошение о продолжении мне родительской милости, а я есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вам известно обыкновенное содержание моих приписок, и я сожалею, что пустая моя головушка не переменяет формы. Однако я не сожалею о том, что всегда мне должно вас благодарить, всегда уверять в моей любви. Ибо ето худо объясненная истина. Вы приехали в Тверь поранее моего чаяния. Дай Бог, чтоб Любовь Федоровна всегда кашляла, когда понадобится причина не выежжать, и никогда бы не кашляла, когда понадобится это кашлю. Я отсюда вас осуж<д>аю, сударыня Любовь Федоровна <Муравьева>, что вы поддаетесь этому проклятому кашлю. Апрельское ли это дело? Май на дворе. Позвольте мне окончать поскорее не из недостатку бумаги, но за неимением остроумия, которое я бессовестным образом истратил. Прекрасной Аттестат быть приняту в дурацкий дом.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 35-36 об.)

<155>
1781. года Апреля .29. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Чтоб не пропустить почты, случая говорить с вами, пишу я строки сии. Прошу бога о здравии вашем, сестрицыном; уверен, что вы бы только благополучны были, а я уж не буду позабыт вами. Мое дело в том, чтоб посещать театры, судить кого и криво о сочинителях. Признаюсь, что едакое упражнение не разнствует от праздности. Может быть и я буду важною особой, полезною государству. Теперь нет. Письмо к Тимофею Ивановичу <Тутолмину> отнесено. Александр Андреевич <Волков> обещал справиться о том, что вы изволите к нему писать. Вчерась у него обедал Князь <А.А.> Вяземский. И его Сиятельство имел я честь видеть вчерась в вольном театре на представлении *Мельника*, очень худой оперы комической[726]. Их разногласие с Неплюевым[727], как Окулина <так!> Ефремовна

[724] Возможно, Ришар Елизавета Францевна (ум. 1814), будущая жена Михаила Александровича Салтыкова.

[725] Потапов Иван Алексеевич (1722-1791) – государственный и военный деятель, в 1775-1791 гг. – правитель Воронежского наместничества.

[726] «Мельник — колдун, обманщик и сват» — комическая опера в трех действиях по пьесе А.О. Облесимова, впервые поставленная в 1779 г.

[727] Вероятно, Неплюев Николай Иванович (1731–1784) — вице-президент Коммерц-коллегии, сенатор.

сегодни мне сказывала, все еще продолжаются. Вчерась была свадьба Шегарова[728]. Николай Федорович <Муравьев> в почетных людях на ней, в шафирах. Впрочем с глубочайшим почтением прошу родительского благословения и есмь

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
М.<ихайло> Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы хотели меня оскорбить, изображая оставление клавесинов, но я скрепляюсь не верить, чтоб вы позабыли музыку. Неужто не сыщется избранника, кто бы хоть чудо настроил? Славной город, где клавесины хоть будь, хоть нет. Прошу Любовь Федоровну <Муравьеву> не предать меня забвению, быть здоровою, веселою и любить Федосью Никитишну. Пусть же за последнее разсердится! Будьте умны, как змии, и здоровы, как Афанасий Матвеевич[729].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 37-38)

<156>[730]
1781. года Маия .6. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Отправляя последнее письмо, я не получал еще вашего. Оно пришло на другой день. Сердечно благодарю Бога, за сохранении в желаемом благополучии вас. Письмо Алексею Ивановичу <Васильеву> отдано. Он приказывает кланяться и благодарит. Я сидел у него целое утро, которое препроводил он разсматривая бумаги, пишучи на них. По причине, что службы сгорели, живет он у К. М. Серг. Урусова[731]. Скоро переедет на мызу или отправится навремя в деревню; ибо я точно не разобрал того, что при мне говорили. Он будет сам ответствовать на письмо ваше. С радостию приказания ваши другие исполню; но что умедлил, прошу прощения. Ни чего не делая, время мое уходит. Третьяго дни представляли комедию *Так и должно* Михайла Ивановича <Веревкина>[732], с великими рукоплесканиями, о чем, ежели угодно, прошу от меня уведомить г. сочинителя. Ко мне мой директор очень милостив. Говорят будто я в седьмых к докладу. Впрочем прося вас милостивой Государь батюшка, продолжать любить меня и без заслуг моих, со удовольствием повторяю обязательства повиновения и покорности и есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший сын и слуга
М. Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! будь щастлива, довольна собою: ето главные условия. Со всем етим тебе невозможно будет меня не любить. У нас теперь все зеленеет, а у вас я думаю давно распустились деревья. Я в безперестанном движении, жаль что без плану у Карина, дяди Хвостова, сбирается обедать несколько мелких Авторов в котором числе я мельчайший. Я познакомился с Николевым, которой очень мил. Надобно знать, что я напишу или написал Комедию в одном действии, без интриги, без комического,

---

[728] Вероятно, Шагаров П.Ф. — переводчик, сержант Семеновского полка.

[729] Вероятно, Брянчанинов Афанасий Матвеевич (?–1786) — вологодский помещик, писатель, служил в Семеновском полку, адресат посланий М.Н. Муравьева.

[730] Адрес: «Милостивому Государю батюшке, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству, в Твери».

[731] Возможно, опечатка: Урусов Михаил Васильевич (1718-1795) – офицер, сын Василия Алексеевича и Прасковьи Петровны Урусовых.

[732] Веревкин М.И. Так и должно. М.: печатана при Императорском Московском университете, 1773. 64 с.

un Roman dramatique. Я тебя заговорил собою. Ангел мой! Какия желания должен я сделать твои ли благополучия! Чем ответствовать милой любви твоей? Живи здорова, будь щастлива любя батюшку, любима им. Прощай.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 3-4 об.).

<157>

1781. года Маия .17. С.<анкт->Петер<бург>

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Сегодни я на дежурстве в Школе только до обеда, затем что после обеда ученье ружьем, и директор к тому меня не принуждает. Я должен хвалиться его благосклонностью. Сказывают; что теперь уже около двенатцати ваканций в полку и меня считают в осмых к офицерству. Бог знает, справедливо ли исчисление. По крайней мере теперь более, нежели когда-либо должно мне стараться зделаться достойным своего надеяния.

О Николае Львовиче <Батюшкове> писал я рано: он еще не определен. Прошедший вторник возвратился Александр Федорович <Муравьев> и просит вашего извинения в том, что не заехал.

Я имею верный случай переслать свои покупки с г. Бехтеевым, которой на сих днях отъезжает и хочет быть у вас в Твери. Впрочем прося Бога о сохранении драгоценнаго вашего здравия, перепоручаю себя родительской милости и есмь с ненарушимою преданностию

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Теперь уж ты не одна. Я полагаю, что Любовь Федоровна <Муравьева> конечно одолжит тебя тем, чтобы с тобой остаться и заменить неблагодарнаго брата. Она доставит тебе приятности, которыя не в моей силе. Все чего я желаю в том состоит, чтобы получать от тебя уведомления, свидетельствующие: *я щастлива*. Помня еще, что есть чувствование, я уверен, что тебе невозможно не любить меня и недостойнаго. Ето есть свойство неразделимое твоего пола. Сколько раз твержу я желания, молитвы о твоем щастии! если бы они были услышаны!… и без моих молений добродетель должна быть щастлива. Я требую подробностей вашей жизни. Что касается до моей, я имею полную свободу разделять ее между своих знакомых. Тот которому я наиболее должен, Ханыков любит меня не пременяяся, и я бы хотел быть все мое время с ним. Хвостов, Карин меня отрывают часто. У сего последняго обедаю почти всякий день, quelques bel ésprits ou soi-disants tels[733]. Комедия, клуб дополняют упражнения мои.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 39-40 об.)

<160>

1781 года мая 20 д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>

Милостивой Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Без особливых стараний нравиться я нахожу с некоторого времени столько людей, ко мне снисходительных, расположенных находить во мне достоинства, которых не имею, что я имею причины остерегать свое самолюбие. Никогда, однако, не был я менее достойным благоприятия людей. Свидетельствует леность моя делать и думать.

[733] Перевод: «некоторые остроумцы, или так называющие себя».

Основательнее есть для меня честолюбие; не подать вам причины оскорбления и оправдать, если можно, любовь родителя. Но к сему требуется некоторое возвышение души.

В начале сей недели пожалованы генерал-адъютантами К. Ник. В. Репнин и Салтыков Н. Иванович. Думают, то есть у нас, будто первый возвратится из наместничества для благодарения Государыни. Говорят о возвращении К. Гр. Гр. Орлова. Абрам Петрович Ганнибал скончался на 97 году жизни. Иван Абрамович <Ганнибал> отправился в свое место прежде получения известия.

У нас во весь май месяц установилася постоянная стужа. За двадцать лет не запомнят весны, так мало на весну похожей. Вчерась получил я письмо от дядюшки Матвея Артамоновича <Мураьвева> большого, весьма милостивое, со владением письма к Васильеву. Жалование его с год как остановилося, и он его просит о приказании его выдать. Может быть, это и не принадлежит до Ал. Ивановича <Васильева>. Прося бога о здравии вашем, поручаю себя родительскогй милости и есмь

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Года два-три назад я бы ответствовал тебе, матушка, слогом сердца и добродетели. Что я говорю? Ты в состоянии возвратить меня к нему и теперь. Informez-moi de grace, de quels superieurs nominément votre cher père a reçu des chagrins, sur quel sujet. Si cela a passé ou non. Mr. Chanikoff <Ханыков>, qui m'est aufoi attaché qu'il fut jamais, me dérobé, a moi, de vos lettres. Soyez aussi heureuse, que vous chez respectable. Adieu. Матушке Любови Федоровне приношу истинное почтение и тысячу добрых желаний. Н.Ф.<Муравьев?> сегодни в чинах. В гимназии смотр и экзамен. Милостивому государю Михаилу Ивановичу <Веревкину>, удостоившему меня лестным напоминанием, прошу объявить искреннейшую мою благодарность и почтение.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 41-42 об.)

<159>
1781 года мая 27 д.<ня> С.<анкт->П<етер>бург
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Вы не полагаете предела милостей: сравниться с ними заслугами и достоинствами, если бы я был и достойный сын, было бы трудно. Я приношу покорнейшие, усерднейшие благодарения за новые знаки родительской милости. Тимофей Ив. Чонжин обещал сказать мне ответ свой после понедельника, дня, в который он будет у князя А.А. <Вяземского>. Виноват чрезвычайно, что не был так давно у Ал. Андр. <Волкова>, был сегодни и два раза, да не застал дома. Хорошо еще, что по причине отъезда Як. Ив. Булгакова он здесь. Итак, завтре по утру я у него буду. Два дни еще у нас майской погоды и для меня два дни движения. С наполненным благодарности сердцем повторяю еще лучшему родителю уверения покорности и глубокого почтения, пребывая

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Мне надобно иметь твое сердце, чтоб чувствованием платить чувствованию. Какое мне надобно красноречие, какую простоту или все вместе, чтоб ответствовать достойно естественной ласке, доброму твоему сердцу. Чтоб лучше сделать, должно повторить дело сие ему же самому. Через две дни суббота, сестрицы сделают тебе дружбу дополнить твой праздник, и дай бог, чтоб ты столь была счастлива, сколько заслуживаешь достоинствами сердца и разума. Милостивому государю

Ивану Петровичу <Вульфу> приношу покорнейшее благодарение за приписку. Алекс. Федоровичу <Муравьеву> вручил я на поле пред ротою, которую он учил. Около 5 <числа> будущего месяца думают в лагерь выступить. Цалую ручки у матушки Анны Федоровны и матушки Любови Федоровны. Наш Ваня со Львом Ал. дни четыре как в Сарском селе, и Ханыков в Сарском.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 43-44 об.)

<160>
1781 года мая 29 д.<ня> С.<анкт->П<етер>бург
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Приношу мое усерднейшее поздравление с сегодняшним праздником и с близкими именинами сестрицы. Желаю и прошу бога сердечно, чтоб соединилися все причины удовольствия, покой, здравие, веселость. Мое счастие дополнится известием, подтверждающим о вас мои желания. Что касается до меня, я в своей стихии. Без попечений, свободен, имеющ все время размышлять и юре делая того. Может быть, и я скучу наконец ничего не значить. Столь приятна надежда быть добрым человеком, полезным гражданином, чувствительным сыном, чувствительным братом! Надежда придает силы… Итак… я помолчу, покуда увещания мои будут надо мной действовать. А во ожидании прошу нижайше родительского благословения и есмь с нерушимым повиновением и преданностью

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Поздравляю тебя, ангел мой, с именинами. Ты меня вспомнишь двадцать девятое. Ты должна быть весела, ежели меня вспомнить хочешь. Увещание бесполезное! письмо приедет после двадцать девятого. Но разве ты будешь без него менее умна, менее любви достойна? Какой я ду<рак?>, вить только глупые и движимые злобою люди не имеют причины радоваться. Моя Фешинька есть добрый человек, добрая дочь, добрая сестра. Сколько причин благодарить бога! Сколько побуждений мне самому стараться быть достойным Фешиньки! Любушка тут, конечно, не прогневается на мою грубость назвать ее Любушкою, затем что я ее тотчас назову милостивой государыней Любовью Федоровною и засвидетельствую мое всепокорнейшее почтение. На сих неделях представлена была в Сарском селе французская комедия *Le Journaliste*, которая будто сочинителем имеет Государыню[734].

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 45-46 об.)

<161>
1781. года Маия .31. д.<ня> С.<анкт->П<етер>бург
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

[734] Действительно, в конце апреля 1781 г. пьеса «Le Journaliste» была поставлена в столице: «Во время высочайшего присутствия в театре представлена была французская комедия «Журналист», которая началась по пополудни с 7-го часа, кончилась балетом на исходе 9-го часа <…>» [КФЖ, 1781, с. 228]. Пьеса с таким названием была опубликована в 1768 г. под псевдонимом Monsieur Sincère (Le Journaliste. Comédie en un acte et en prose, meilleure a lire qu'a être représentée, par Monsieur Sincère. Paris, Chez Jean Furet, 1768. 47 pp.). Ее автором был Ж.Ф. де Бастид (текст произведения, а также краткую информацию о сочинителе см.: [Bastide]).

На другой день отправления последнего письма моего был я у Александра Андреевича <Волкова>, который, для получения обстоятельного ответа, приказал мне приходить к себе в воскресенье. Был вчерась, и он ответствовал, что представления от наместника <Сиверса> нет о Смирнове. Что от Палаты об нем может быть принято представление, и есть примеры других Палат. Но для успеху дела надежнее, если представлять будет Наместник. Затем, что без того должно упрашивать князя Алекс. Ал. <Вяземского>. Я не могу довольно изобразить ласки Александра Андреевича <Волкова> и усердия, которые которое к вас показывает. На сих днях К. Ал. Михайлович Голицын, сказывают, подавал челобитну об отставке, которая не имела своего действия. Государыня изволила слагать с него некоторые должности. Но он оставши<е>ся хотел лучше все исправлять. Прежде получения письма сего вы изволите увидеть Александра Николаевича Львова, которой нарочно ко мне заходил, чтоб иметь обо мне известие. Вчерась видел я Ванюшку с Львом Александровичем <Нарышкиным> в Летнем саду. В Сарском саду будучи, писал он какое-то *письмо к Миледи*… которое изволила читать и хвалить Государыня. Прося родительскаго благословения и наполнен благодарности и глубокого почтения есмь навсегда

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась был я еще в первый раз у Фонвизина, несмотря на то, что давно был знаком ему и имел его позволение ходить к себе. И говорено об эстампах. Между петербургских писателей междуусобная брань. К Фонвизину пишет Ал. Сем. Хвостов послание, в котором его пародирует[735]. Некто Арсеньев, покровительствуемый Княжниным, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где par parenthese и я буду иметь свое место[736]. Но я, en depit d'Arseniev, считаю себя очень счастливым, если буду честный человек, достойный тебе нравиться. Будь здорова, кланяйся сестрицам и люби меня.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 47-48 об.)

<162>+
1781. года Июня .3. д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Время писать, за гуляньем, пропущено. У нас недавно, но сплошь прекрасные дни. Все теперь оживлено, все в сиянии. И я последую толпе. Сегодни Каменский по утру давал в Летнем саду завтрак, на коем и танцовали контрдансы на песку под открытым небом. Я не видал этого. Там же говорил я несколько минут с Катериной Матвеевной Кукариной, которая очень ласкова и свидетельствует вам и сестрице почтение. С восхищением получаю уведомление ваше о некотором вас успокоении в разсуждении палаты и письма Княжева. Сердце мое чувствует все достоинства сего доброго и милого совета не вдаваться

[735] Речь о произведении А.С. Хвостова «Послание к творцу Послания, или Копия к оригиналу» (1781), в котором действительно пародировалось «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина.

[736] Об этой полемике см.: *Степанов В.П.* К истории литературных полемик XVIII в.: («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131–146; *Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204–229.

искушению похвал. Дай Боже, их слышать от вас. Знать, что мною вы не недовольны, есть уже похвала. Сто рублей у меня не початых, но я должен сделать кафтан, который не делаю за ленью. Как должен я благодарить за предупреждающую меня милость! Но ежели позволите, я буду сам писать, когда мне денег недоставать будет. Впрочем, прося усерднейше родительского благословения, есмь с глубоким почтением и благодарностью

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я неблагодарен, не оставил себе довольно времени ответствовать на выражения любви и добраго сердца. Неблагодарен!.. Может быть ето <от> хитрости. Я проиграю соревнование <?> тебе в изъяснении чувствования. Но так, как хотеть быть добродетельным, есть достоинство, приближающее к добродетели, так и твердое намерение любить тебя извиняет недостаток дарований души, делающих сию любовь трогающею. Я завираюсь, умничаю. Довольно любить, нет нужды каким образом. Я удивляюсь, и то ж Ник. Фед. <Муравьев>, что Анны Федоровны и Любови Федоровны <Муравьевых> в Твери не слыхать. Будь здорова, весела и щастлива мой Ангел. Прощай. Вы интересуете Автора, но он преодолевает самолюбие, скромен. Петр Леонтьевич Ермолов[737], сказывают, здесь. Прошу от меня кланяться Диомиду Ивановичу <Карманову> и уведомить об участии, которое я принимаю в его печали.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 49-50 об.)

<163>[738]
1781. года Июня .7. дня. С.<анкт->П.<етер>бург.
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Последнее письмо мое было на почте отказано, однако, несмотря на то, я его отнес на другой день и почтмейстер был довольно учтив, чтоб принять его после сроку: не знаю, будет ли в нем столько правды, чтоб отправить. Елена Афанасьевна остановилась в Новегороде и не прежде будет сюды, как дождавшись посланного человека к наместнику <Сиверсу>. Пристанет в вашем полку у г. Квашнина-Самарина[739]. Вчерась выезжали в Летний сад девицы из монастыря, кадеты и целый вечер прохаживался московский гость, граф Алексей Григорьевич Орлов[740], вчера только приехавший. Сказывают что с ним и Иван Григорьевич[741]. Князь, брат их <Г.Г. Орлов> в Берлине и в июле сюды будет. В полночь вчерась началась серенада на берегу, которых здесь уже давали пяток, с тех пор, как стоит хорошая погода. Часа два продолжалось зрелище толпы господ и госпож, медлительно движущейся взад и вперед, между тем как вся улица загромождена каретами. Я прошу прощения, что описываю такие важные вещи и не вспомня ничего сказать нужнее, с радостию повторяю уверения моего глубокого почтения, благодарности и нижайшия просьбы не лишить меня родительской милости. Есмь навсегда

Милостивой Государь батюшка!

---

[737] Ермолов Петр Леонтьевич (даты жизни неизвестны) – офицер, сын Леонтия Петровича и Анны Логиновны Ермоловых; упоминается в [Письма, с. 285].

[738] Адрес: «Милостивому государю батюшке Никите Артемоновичу Его Превосходительству Муравьеву в Твери».

[739] Вероятно, Квашнин-Самарин Петр Федорович (1743-1815) – государственный леятель, в 1778-1782 гг. -- президент юстиц-коллегии.

[740] Орлов Алексей Григорьевич (1737-1807) – военный и государственный деятель, брат фаворита Г.Г. Орлова.

[741] Орлов Иван Григорьевич (1733-1791) – офицер и помещик, страший из братьев Орловых.

ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Лето еще уменьшит общество ваше которое и без того невелико. Добрая сестра моя живет оставлена в уединении. Что говорю? Ей товариществует любящий ее родитель, не изменяющее воспоминание добродетелей чтение несколько книг, ибо она имеет сердце дополняющее книги, источник очарования и наслаждения. Труд ускоряет ее мгновения. Никакое раскаяние, неприятный оборот на себя не делают их течение несносным. Здоровье, весёлость, общество вот что я могу тебе делать. Подтверди мои желания, обрадуй меня счастливым словом, выражением чувствования, так как ты делаешь всегда.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 7-8 об.).

<164>
1781. года Июня .10. д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я еще раз опаздываю, более виноват, что ничего не сделал, не мыслил удобного быть пересказану нежному родителю. Но это мое утешение, чтоб писать, хотя нет ничего другого, писать недельно уверения моей благодарности, почтения. Граф Орлов едет в чужие края, и публика приписывает ему восприятие на себя миротворство между Франции и Англии… Я прошу усерднейше родительского благословения и пребуду

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Ангел мой Федосья Никитишна, будь в городе или поезжай в деревню, но будь везде всегда здорова, весела, без mauvais humeur, comme sans sujet de l'être[742]. Поцелую Любушку <Л.Ф. Муравьеву> за меня и за ее братцев, которые не забывают веселиться и любить ее. Ханыков в Сарском селе с Ланскими, с Соймоновым, его приятелями. Никто не дает мне чувствовать более прелестной дружбы, как он. Ты, Ангел, знаешь ее чувствовать. Любите для удовольствия любить. Засвидетельствуй мое почтение à l'homme aimable, au Sage de Twer, que les capitales lui envient. Будь Beauharnois[743], будь, Фешинька, Ивана Петровича <Вульфа> и мой Ангел.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 51-52)

<165>[744]
1781. года Июня 1.4. дня. С.<анкт->П.<етер>бург
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Моя исправность письма писать не препровождается ни пользою, ни приятностью. По крайней мере, намерение то более еще, я успеваю всегда или приобретать милостивые ответы. На нынешней почте не получал я еще письма вашего. Мария Ивановна

[742] Перевод: «без дурного расположения духа, тем более что у тебя нет причин ему предаваться».

[743] Перевод: «любезному человеку, тверскому мудрецу, которому завидуют столицы. Будь Богарне, будь, Фешинька, ангелом Ивана Петровича Вульфа и моим ангелом».

[744] Адрес: «Милостивому Государю батюшке, Никите Артемоновичу, Его Превосходительству Муравьеву. В Твери».

<Колокольцева> заказала шелковые канители женщине, которая на нее делает. Елена Афанасьевна прислала ко мне для вложения письма свои к Михайле Ивановичу <Веревкину>, затем что она от него не получает и беспокоится. Двор, сказывают, будет сюда из Сарскаго села к 22 числу и отсюда поедет в Петергоф. Все наши приносят вам нижайшее почтение. Николай Львович <Батюшков> обнадежен наместником Уфимским, Якобием[745], что он представлен будет от него в прокуроры, по окончании объезду губернии. Так он теперь ожидает лошадей чтоб возвратиться в деревню. А будет сюда в сентябре. Впрочем, прося бога о сохранении драгоценнейшаго здравия вашего, препоручаю себя родительской милости и есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я прошу тебя исполнить мои желания, приближаясь сколько можно более к счастию – такому, которое нам позволено. Извинить мои согрешения была бы другая моя просьба, если бы я извинял их сам. Вчерась ходил я вечер в саду с Ханыковым и вчерась же ночью уехал он опять с Сарское село. Прошу поцаловаться с Любовью Фёдоровной, car tel est notre bon plaisir[746]. Вчерась виделся я с Николушкой <Н.Ф. Муравьевым>, а сегодни письмо Ив. Петровича <Вульфа> отправил к Александру Ф. <Муравьеву> На этой неделе выступил он в лагерь. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 5-6 об.).

<166>
1781. года Июня .18. д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Третьего дни, ввечеру, приехал курьер ваш. Побывав у Т.И. Чонжина, поскакал он на дачу к князю <А.А. Вяземскому>. От него получил запечатанный пакет к обер-прокурору К. Куракину[747], с приказанием заставать сенаторов в присутствии. От Куракина приказано ему сегодни приходить с ответом. Уведомление мое бесполезно, ибо вероятно, что курьер возвратится прежде приходу письма сего. Я не имел удовольствия первый вас уведомить о новом наместнике. Итак, в Твери последует Иаков II[748]. Вам известно, что с Брюсом[749] пожалован К. Прозоровский[750] и Каменский[751] наместниками. Последний, думаю, Орловским и Курским, первый — Тамбовским и Рязанским. Учреждение не имеет одному

---

[745] Якоби Иван Варфоломеевич (1726-1803) – военный и государственный деятель, в 1781-1783 гг. – генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств.

[746] Перевод: «ибо такова наша воля».

[747] Куракин Александр Борисович (1752-1818) – государственный деятель, дипломат, в 1778 г. был назначен обер-прокурором Сената, с 1781 г. – предводитель дворянства Санкт-петербургской губернии.

[748] Острота Муравьева: Иаков II – это Яков Брюс, который в 1781 г. сменил на должности генерал-губернатора Тверского и Новгородского наместничеств Якова Сиверса.

[749] Брюс Яков Александрович (1730-1791) – государственный деятель, генерал-аншеф, в 1781-1784 гг. -- генерал-губернатора Тверского и Новгородского наместничеств.

[750] Прозоровский Александр Александрович (1733-1809) – военный и государственный деятель; в 1781-1783 гг. – генерал-губернатор Орловского наместничеств.

[751] Каменский Михаил Федотович (1738-1809) – полководец и государственный деятель; в 1782-1785 гг. – Рязанский и Тамбовский генерал-губернатор.

наместнику более двух наместничеств. От Чонжина слышал я, что третных ведомостей ни от которой палаты не получено еще, и К. А.<лександр> Алекс.<еевич> <Вяземский> говорит, что он доложит Государыне <Екатерине II> о наложении штрафа… я так слышал, будто Чонжину хотелось бы быть вице- губернатором Тверским. Т.Ив. Тутолмин де говаривал, что он тотчас оставит Тверь, как скоро Брюс наместником. В середу будущей недели ожидают в городе Государыню. Прошу нижайшее прощение за мое бесполезное болтание. Мое одно важное дело есть чувствование вашей родительской милости, старания сохранить оную. Дай боже, чтоб удовольствие извне, внутри души вашей было равно стараниям вашим составлять счастие наше, было бы воздаянием полезной добродетели. Я есмь с глубочайшим почтением и благодарностью

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вам и Любови Федоровне <Муравьевой> кланяется Н.<иколай> Ф.<едорович> <Муравьев>. Вчерась хотел он проситься в отпуск. Если отпустят, на будущей неделе отправится. Вы уедете, но уезжайте с условием быть счастливыми. Поцелуй, Фешинька, ручку у батюшки за меня и будь претолкователем мои: ma plus sérieuse étude, c'est de sentir ses bienfaits et je n'ai que de voeux[752]. Прощай.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 53-54 об.)

<167>
1781. года Июня .19. д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Исполнив дело свое курьер ваш отправляется, проворностию своею похвалу заслуживающий, так как и ревностию возположеннаго дела. Промедление, ежели есть, не от него. Князь <Вяземский> вчерашним своим в городе приездом и выговорами в экспедициях, сделал небольшую остановку. Дядюшка Матвей Артемонович <Муравьев> большой пишет ко мне преласковое письмо. В нем вложена ассигнация, из которой .22. рубля возвращает мне за деньги, вами здесь для него употребленные. Сии денги с позволения вашего я себе присваиваю и прошу пожаловать мне в них полную власть, видно, что я стареюся, когда сребролюбие действует в свою очередь. Я было целил также получить с А.А. Ушакова остаток долга .12. рублей, но он уехал в деревню, обещавшись бесперестанно сам прислать сии деньги. Сегодни один брат А.<лександр> Ф.<едорович> <Муравьев> выходит в лагерь, а прошедшую середу пошел другой А.М. Однако етот просится в отпуск и надеется получить желаемое. Без достоинства, признавая то, прошу нижайше о продолжении нежной милости вашей и с радостным чувствованием родительских благодеяний, есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Я посылаю к тебе, маминька, порошок для зубов. Ето не то, я думаю, что Кондратий Матвеевич тебе выписывал, ибо это порошок, а то капли. Однако я зделал по данной записке. Ничего более не успел я искупить, чтобы послать к тебе Ангел мой, ты не недостатку доброй воли припиши мою оплошность; но недостатку проворства, исчисления. Мне еще остается Алена Афанасьевна и брат Николай Федорович <Муравьев>. Поцалуй ручку у батюшки за меня. Скажи своим языком,

[752] Перевод: «Моё самое серьёзное занятие – чувствовать его благодеяния, и у меня есть лишь пожелания».

выражениями доброй и нежной природы, что не имея чувствительного его сердца, будучи им любим, получая его благодеяния, надобно быть извергом, чтоб не любить его, не желать всем сердцем здравия его, благополучия, того, чтоб он был счастлив во всех тех, кого любит. Поцалуй и Любовь Федоровну и будь с нею в запуски щастлива и весела.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 55-56 об.)

<168>

1781 года Июня .22. д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>

Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я столько писал к вам на этих днях пустого, холодного, что вместо удовольствия, которое долг природы обзывает причинять образу божества, начальнику бытия своего, я должен был вас наскучить и утомить. Но благость сердца вашего, не изменяющаяся к детям вашим, делает возвращение чувствительности столь удобным! Любить вас и быть добродетельну, быть собою довольным есть одна мысль, одно выражение. С нетерпеливостию ожидаю строки, которые меня обрадуют, уведомляя об вас, изображая чувствования ваши. Кажется, в мои добрые минуты, не увеличивая за то своих достоинств, что я хотел бы отдать жизнь свою за благополучие ваше и сестрицыно. Но я только говорю — вы делом исполнили. Я есмь навсегда, наполнен благодарностию, чувствованием моих обязанностей

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Наконец я зделаю своими письмами наказание ваше. Я заблуждаюсь. Ето мало знать сердце доброго родителя моего, доброй, прекрасной сестры моей. Что им нужды, что письмо не содержит ни здравого смысла, ни чувствования добродетели. Оно приемлется, будучи от меня. А я думаю тогда только о вас, когда пишу сии письма. Сестрица! Священное милое имя! Ты не позабудешь брата своего, но довольна ли ты образом его любить тебя? Щастлива ли ты? Будь щастлива. Прощай.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №261. Л. 57-58 об.)

<169>

1781 года Июня .25. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитична! В то время, как я пишу, немного ранее, немного позже, может быть, вы собираетесь в дорогу к друзьям вашим, которыя вас так любят. Вы составите труп <?> щастливых. Конечно пир для сродника, пришедшаго из иноплеменников, для етого Николая Федоровича <Муравьева>, которой скоро будет обязанным вас оставить за межевщика и которого я прошу поцеловать за меня, так как я целовал его за вас. Сколько поклонов должно вам сделать от меня милым господам Берновским! Милостивому государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам> и любезным детушкам. Прошу засвидетельствовать мое искреннейшее усердие тетушке <Авдотье Михайловне> и поцеловать ее ручку. Но чтобы не отягчить одну, так я завещание разделяю между Фешиньки и Любови Федоровны <Муравьевой>, ежели она завещание примет. Оно не будет исполнено, ежели вы хоть минуту не будете веселы. Разсудите, к чему вас совесть обязывает. 23. число Государыня

приехала под вечер в город[753], вчерась по утру ездила в Чесму и кушала там[754], оттуда была в монастыре, где И.И. Бецкой[755] праздновал свои именины[756]. Завтре ужинает у Льва Александровича <Нарышкина> и отправится в ночь в Петербург. Вчерась большой Иван Матвеевич <Муравьев> поехал в отпуск и сюда не будет до нового года. Сказывают, что двор намерен дать 10000 рублей Николаю Федоровичу <Муравьеву> с тем, чтобы он употребил их на покупку кабинета живописи.

Я посылаю моей милой сестре сочинения кардинала и архиепископа[757], который другое проповедует, нежели покаяние. И прошу извинения в выборе. Мое важнейшее упражнение в том состоит, чтобы сшить себе кафтан. Ханыков мне руководствует. Прощайте. Великое уважение, матинька, которое ты ко мне оказываешь, тем более меня обязывает, чем менее я его заслуживаю. Я прошу тебя исполнить свое доброе предприятие переводить *Стефанию*. Но должно трудиться, а не отягчать себя. Revenir sur ses pas, consulter le sentiment, l'oreille et jouer en travaillant[758]. Прощай

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 47.-48 об).

<170>[759]
1781 года Июня .25. дня С.<анкт->Петер<бург>
Милостивый Государь батюшка
Никита Артемонович!

---

[753] См. сообщение КФЖ от 23 июня 1781 г.: «В Санкт-Петербург, в старый летний деревянный Дворец ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО прибыть изволила в три четверти 7-го часа. <…> Их Императорския Высочества Государь Цесаревич и Государыня Великая Княгиня из Царского села в Санкт-Петербург изволили ж прибытие иметь в вечеру в исходе 9-го часа» [КФЖ, 1781, с. 347].

[754] См. сообщение КФЖ от 24 июня 1781 г.: «Пред полуднем в 11-м часу, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО обще с Их Императорскими Высочествами соизволила предпринять шествие при свите дежурных фрейлин, знатного Генералитета и придворных кавалеров в Чесменский Дворец, куда по прибытии, вышед из экипажа, шествовать изволили ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Высочества в препровождении вышеописанных в свите обретающихся особь при колокольном звоне, в тамошнюю церковь и у оной при входе встречены преосвященным Гавриилом, Архиепископом Новгородским и Санкт-Петербургским и прочим знатным духовенством <…> по окончании литургии изволили ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Высочества прибыть в покои Дворца, где приняв поздравление от знатнаго Генералитета и прочих знатных особ, потом изволили с оными продолжать разговор; а между тем, в Круглом зале готовился обеденный стол, по пріуготовлении ж онаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Императорския Высочества изволили иметь обеденное кушанье <…>» [КФЖ, 1781, с. 348, 349].

[755] Бецкой Иван Иванович (1704-1795) – государственный деятель, личный секретарь Екатерины II, президент Императорской академии художеств, инициатор создания Смольного института и Воспитательных домов в Москве и Петербурге.

[756] См. сообщение КФЖ от 24 июня 1781 г.: «По полудни ж, в 6 часов, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с Камер-Фрейлиною, с дежурными Фрейлинами и кавалерами соизволила возыметь ВЫСОЧАЙШЕЕ шествие в городовых экипажах в Смольный Дворец <…>» [КФЖ, 1781, с. 351].

[757] Возможно, Муравьев отправил сестре «Мемуары» Жан-Франсуа Поля де Гонди (1613-1679), архиепископа Парижского, кардинала де Реца, выдающегося деятеля Фронды.

[758] Перевод: «Возвращаться по своим следам, советоваться с чувством, со слухом и играть, работая».

[759] Адрес: «Милостивому Государю батюшке Никите Артемоновичу, Его Превосходительству Муравьеву, в Твери.»

Вы уже знать изволите, что курьера удержать было невозможно, потому что мы отзыву не предвидели. Государыня .23. число под вечер в город изволила приехать и .26. в ночь в Петергоф поедет отужинать у Льва Александровича <Нарышкина>. Вчерась изволила кушать в Чесменском дворце. Иван Матвеевич большой <Муравьев ст.> вчерась поехал в отпуск и не возвратится до нового году. Он и Пелагея Григорьевна приносят вам свое нижайшее почтение и просят меня, чтобы я пустил в связь Дмитрия Григорьевича Базанина, ее брата. На сие я ожидаю вашего приказания. На сих днях заказываю себе кафтан и заказал было, да показалось дорого, винюся, что по приказанию вашему Маиору <Ф.Я. Олсуфьеву> о починке не докладывал. На будущей почте извольте увидеть исполнение. Лучшая часть моего благополучия вами основана, от вас зависит. Дай Бог, чтоб я не позабыл никогда, что я должен утешением, долгом неоплатимым нежнейшему родителю! Я есмь в искренности моего сердца

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Здравствуй, мне, право, недостает времени писать.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 16-17 об.)

<171>

1781 года Июня .28. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый Государь батюшка Никита Артемонович!

Сегодня еду я Петергоф с Федором Григорьевичем Кариным в обществе. Я не знаю, сколько времени я проживу там, повинуяся чужому расположению. Так если в будущую после сей почту от меня писма не получите, извольте положить на мое отсутствие. Может быть теперь вы одни. Сердце ваше не дает быть вас в сем уединении, и поверьте, что дети ваши, сколько бы от вас далеки ни были, не потеряют из глаз своих изображения благодеяний. Сестрица более доставит вам удовольствия изображением невинных чувствований своих, но я, чем менее достоин будучи, получал ваши драгоценные милости, тем более благодарностию и непрекословным повиновением обязуюся. Нижайше прошу спросить у Михайлы Ивановича <Веревкина>, что он прикажет мне о покупке книги, о которой он изволил писать ко мне. В городе говорят о путешествии Великого Князя в Вену и оттуда, я думаю, в Италию. Назначают и время, что будто он поедет в сентябре и .9. месяцев проездит. Впрочем прося родительскаго благословения, с глубочайшим почтением есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ты, я думаю, приметила, что я не требую от тебя другой добродетели, как быть щастливой. Я прошу ее для тебя у Бога, как услышит голос мой, затем что я прошу о любви, достойной добродетели. Я надеюсь быть счастлив, зная, что тебе это надобно. Любитесь, друзья мои, чтоб лучше жить, любите людей, не делайте им зла и не отягощайте ненавистью таких шалунов, как я. Еще степень чувствительности, и я бы не был шалун.

Любовь Федоровна, матушка, здравствуй со своими милыми.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 9-10 об.)

<172>
1781 года Июля .6. дня С<анкт->П.<етер>бург
Милостивый Государь батюшка
Никита Артемонович!

Обыкновенно по вторникам имею я счастье получать ваши милостивые письма, но после обеда – я свою почту отправляю до обеда, по благосклонности почтмейстера. Так за малым стало, что я не могу ответствовать на то, что ко мне изволите писать. Маиору <Ф.Я. Олсуфьеву> я докладывал о починке связи, и он приказал через меня Сержанту, которой при строении, осмотреть ветхости, которые полковыми людьми починить можно, затем что нынешний год для починки связей подряду не было, а был для строения некоторых вновь. Сержант еще не рассматривал, но, по моим речам, думает, что потолков, главную худобу, своими людьми перестать невозможно, затем что для переправки сей надобно ломать крышку. Что связь вся стара и всего лучше назначить ее в перестройку вновь на будущую весну. По сей причине и полы перебирать будет излишнее, так как в такой связи, которую должно ломать… Шелковыя канители старанием Марьи Ивановны <Колокольцевой> готовы и у меня. Самою ею уложены в ящичек. И все затруднение мое состоит в выборе отъезжающи: с кем их послать. Федор Михайлович и Марья Ивановна <Колокольцевы> люди самые добрые и честные, их дружба драгоценна своею постоянностию. Вчерась читал я в Гамбургских газетах, что .20. число июня по новому стилю Брюс с Румянцевым сыном приехали в Берлин, .26. отправились к королю в Потсдам и тот же вечер ожидают их назад. Николай Львович <Батюшков> в четверг отправляется. У нас с бурею в Петров день настало пасмурное время с ветром и дождем. 22. число будет, сказывают, в Летнем дворце маскарад. Впрочем, прося продолжения родительской милости, своею преданностию и глубочайшим почтением есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Давно уже не имею я счастия и добродетели писать к тебе что нибудь такое, чтобы удовольствовало мое сердце. Твое не изменяет тебе, оно столько же богато чувствованиями, сколько чуждо пороков. Оно образовало слог твой, орудие, которое ты сама себе доставила. Довольно ли разума и сердца? Я желаю тебе щастия, покоя и друзей. Прощай

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 1-2 об.)

<173>[760]
1781 года Июля .9. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь батюшка Никита Артемонович!

Вчерась получил я письма ваши. Посылку вручил Матвею Дмитриевичу, письмо Тимофею Ивановичу <Тутолмину>. Я бы был очень щастлив, если бы мог ответствовать столь же скоро и с одобрением собственнаго сердца на вопрос, более до меня касающийся, который вы мне делать изволите: каким образом веду я жизнь свою.

Много желаний, несколько покушений трудиться и приобретать более еще неустоек в своем намерении: хорошия планы и худыя исполнения вот почти моя история. Давно хотелося мне зачать учиться по Гречески и по Аглински, я зачал если можно льстить себя успехом, учася без руководителя. В мае месяце написал я маленькую комедию в одном действии. От меня бы зависело дать ее представить, но я не удосужился переписать, чтобы

[760] Адрес: «Милостивому Государю батюшке Никите Артемоновичу, Его Превосходительству Муравьеву, в Твери.»

прочесть на театре. Комедия сия не есть со всем тем нечто прекрасное, по признанию моему. Не ища извинения в обстоятельствах, порицаю я за все то, что мог бы сделать и не сделал: собственныя мои неразумия и слабости. Мне стоило только помнить ваши милости, попечение толь многих лет, чтобы час от часу быть вас и себя достойнее, но я еще осмеливаюсь уверять вас, что для снискания сего одобрения я еще столько сил в себе найду, чтоб превозмочь сию праздность и не жить суетно. Прося о продолжении родительской милости, есмь навсегда с глубочайшим почтением

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

К сестрице пишу я через Старицу[761], не знаю, дойдет ли письмо мое[762].

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 11-12 об.).

<174>

1781 года Июля .9. д.<ня> С<анкт->Петерб<ург>[763]

Матушка сестрица Федосья Никитична! Веселости я требую, живости. Я не воображаю себе, чтоб вы скучным образом и молча рассуждали в Бернове. Мне кажется, но Фешинька моя так чинно, так тихо, нарядившися кротким образом, препровождает утро за шитьем в тамбуре. Мне кажется, что вы бегаете по саду, по зверинцу, переходите вброд тьму рек и завтракаете после движения. Боже мой! Половиною жизни моей хотел бы я купить счастие Фешиньки. Пустые слова! Столь отдаленно, столь невероятно кажется мне исполнение желания. Я приношу нижайшее почтение и благодарность за писание милостивому государю Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульфам>. Я не достойным признаю себя чести, какую вы мне, матушка, делать изволите писать к едакому уроду, к едакому шалуну, как я. Письма ваши вручены Александру Федоровичу <Муравьеву>; что касается до Николая Федоровича <Муравьева>, так я думаю, что вы можете удобнее наши писма отсюда достать, нежели мы ваши. За желание писем моих благодарю усерднейше сестрице Любови Федоровне <Муравьевой>. Но благодарю еще ей более за нежную дружбу моей доброй Фешиньке. Будьте все счастливы и здоровы и простите мое странное послание. Примите его, по крайней мере, за то, что я хотел и не мог лучше изъявить моего усердия.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 49.-50 об).

<175>

1781 года Июля 13 д.<ня> С.<анкт->Петер<бург>

Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Иван Михайлович Хвостов[764] и Вера Григорьевна <Хвостова>[765] позволили мне писать с собою к вам. Я писал прежде и со удовольствием повторяю, что во все время их

---

[761] Т.е. через И.П. Вульфа; см. адрес следующего письма.

[762] См. следующее письмо.

[763] Адрес: Милостивому государю моему Ивану Петровичу, Старицкого дворянства предводителю, Его высокоблагородию Вульфу, в Старице.

[764] Хвостов Иван Михайлович (1732-1809) – офицер, поручик, отце Д.И. Хвостова.

[765] Хвостова Вера Григорьевна (урожд. Карина; 1741 – дата смерти неизвестна) – жена Ивана Михайловича Хвостова, сестра Федора Григорбевича Карина, мать Д.И. Хвостова.

пребывания был я принят в их доме и был каждый день со всеми отличениями милости, каких желать можно. Я чувствую истинную потерю в отсутствии Дмитрия Ивановича <Хвостова>, которого дружба и обхождение составляли одно из приятнейших упражнений моих. В то же почти время отъезжает Федор Григорьевич Карин, братец Веры Григорьевны, и вам уже известно участие, которое он во мне принимает. Сегодня отправлялся Николай Львович <Батюшков> после разных остановок. Александра Григорьевна <?> подарила сестрице шляпку, которую сама убирала, и я надеюсь ее отправить вместе с письмом сим. Наверно, отправлю ящичек с канителями, который у меня столько времени замедлил. Вчерась ужинал я у Ивана Михайловича <Хвостова> с Иваном Никитичем Бартеневым[766]. Несказанно как просит он вас, чтоб человека его, за делом который ходит, вы изволили принять в свое покровительство. Он даже того боится, чтоб неприятели его не сделали чего над стряпчим. Всю надежду свою полагает он на вас и говорит о милости, которую вы ему оказываете, в выражениях сильнейшей благодарности. Покорно прошу изъявить мое нижайшее почтение и благодарность за писание милостивому государю Михайле Ивановичу <Веревкину>: книга, которую изволил ко мне прислать, вручена Алене Афанасьевне. О сестрице я не знаю, долго ли пребудет в Бернове, и желаю ей, молю бога, чтоб она была довольна и здорова. Впрочем, прося родительского благословения, есмь с глубочайшим почтением

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

<176>[767]
1781 года Июля .13. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь батюшка Никита Артемонович!

Вчерась получил я милостивое письмо от вас, письмо от сестрицы. Сегодня пишу с Иваном Михайловичем Хвостовым, который отправляется завтра. С ним хочу отправить канители и, если удастся, шляпку, подаренную сестрице Александрой Григорьевной. Я прошу бога единственно о ниспослании вам и сестрице всякого блага и есмь с глубочайшим почтением
Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 13-13 об.)

<177>[768]
1781 года июля 16 дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь батюшка
Никита Артемонович!

Сказывают, что истинный друг есть блаженство, самое постоянное человеческой жизни. Какое счастие более моего, находя все попечения, все чувствования нежности в

[766] Бартенев Иван Никитич (ум. 1794) – полковник, сын Никиты Андреевича Бартенева.

[767] Адрес: «Милостивому Государю батюшке Никите Артемоновичу, Его Превосходительству Муравьеву, в Твери»

[768] Адрес: «Милостивому государю батюшке Никите Артемоновичу , Его Превосходительству Муравьеву. В Твери».

сердце родителя? Я уже добродетелен, если помню благодеяния ваши. Но вы без труда составляете мое счастие, я могу насилу сохранять его.

В прошедщую середу приехал отсюду Иван Михайлович Хвостов. Он взял на себя доставить вам письмо мое и посылочку, состоящую в ящичке с канителями. Шляпки не удалось мне отправить с ними за неимением коробочки. Здесь Гаврило Петрович Головин, приехал для сыскания себе места. Присылал меня просить, но я не исполнил своего обещания. Более недели стоит здесь постоянная осень, дождь почти не перерывается, улицы непроходимы грязью. Второе надесят число Фед.<ор> Матв.<еевич> Толстой, по получении ордера от к.<нязя> Григория Александровича <Потемкина>, отдал о себе в приказе, что за болезнию уволяется <так! – А.И.> и сдал правление полка другому Маиору К.<нязю> Голицыну. Праздность имеет пространное поле ухищрять свои догадки. Однако истинные причины приключения неизвестны.

Здравие ваше, сестрицыно и то, чтоб быть столько же вами любиму, как был всю мою жизнь, есть верх желаний моих. И счастлив буду, до коих пор не буду желать иного благополучия. От сестрицы всегда я получаю милые письма. Но я сам не ответствую столь часто, не уведомлен о месте пребывания. Другие составляют ее благополучие. Холодная и бесполезная моя дружба требует только возврата, сама не истощая своих стараний! Сколько справедливых упреков!

Я есмь навсегда с глуюочайшим почтением

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 3-4 об.)

<178>
<б/д, б/м>

Матушка сестрица, голубушка, душа моя Федосья Никитична! Ты приказываешь писать к себе, ты вырываешь чувствование из сердца холодного, неблагодарного брата! Я ничего тебе не ответствовал о переводе *Вертера*. Ето вина была моего разсеяния, малого союзу идей моих, когда пишу, а отнюдь не умышленное молчание. Читаючи твое уведомление, я чувствовал почтение, которое внушает к себе разумная и чувствительная особа, умеющая обращать свое уединение и самую скуку в пользу и удовольствие. *Страдания юного Вертера* переведены одною здешнею дамою и напечатаны. Но издание книги не есть никому запрещение переводить ее, если она нравится, еще столько раз, сколько угодно. *Вертер* писан с сею меланхолическою живописью, иногда величественною, сильного и волнующего сердца. Гомера всякой день читают и переводят, все, кои достойны его чувствовать. Размышлять, повторять размышления о сей натуре, пред глазами нашей лежащей, есть удовольствие для каждого, кто имеет сердце. Разговаривать с дарованиями, самой испытывать себя в перенесении красот их на свой язык, своим выражением есть вкушать одно из чистейших удовольствий просвещенного человека – только бы труд, которым оно снискивается, согласовался со вкусом особы. Как красота, разум имеет своих обожателей. Но самолюбие есть побуждение и преткновение в упражнениях разума. К. Катерина Сергеевна[769], я думаю, самолюбива, но со всею разборчивостью пола и сердца. Надобно читать и писать для себя и для тех, которых любишь. Я не должен тебе давать в этом правил, после соблазну своих примеров и той, у которой учиться благопристойности есть моя должность. Михайло Иванович <Веревкин> есть мой старший во всем, без уподобления, полагаю, что он простит мне сие выражение

[769] Урусова Екатерина Сергеевна (1747 – после 1817) — двоюродная сестра М.М. Хераскова, поэтесса.

самолюбия, которым я включаю себя без оговорки в его последователи. Он судья, что касается до вкусу. И, конечно, более добросердечие и дружба, нежели учтивость, будут управлять его советами. Письмена непристойны только глупости и невежеству. Истинно разумной человек, вместо того, чтоб вредить ими своей должности, выводит из них новые побуждения и способы исполнять ее. Письмен нет без нравов и добродетели. Толпа существует презрительных писателей, употребивших дарования на унижение добродетелей. Другие без призвания и способности писали то, что никто не читал. Но сие не опровергает письмен: сие только доказывает, что, как во всем на свете, так и в них есть злоупотребление. Я своими диссертациями служу, может быть, этому также доказательством, хотя и не хочу. Ты знаешь более меня свой город и маленькие его интересы. Но ты будешь писать не для него, и подлое злоречие может столько же тебе сие в худо поставить, сколько запретить здраво мыслить.

(РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. №262. Л. 51-52 об).

<179>

1781 года Июля .20. дня С. Пет.

Милостивый государь батюшка Никита Артамонович!

Я хотел бы быть красноречивым, чтоб быть более благодарну. Каким образом заплатить милостивое обо мне попечение? Но удовольствие одолжать есть для вас самое большее.

Тимофею Ивановичу <Тутолмину> письмо я отдал. Он говорит, что Князь не имеет неудовольствий на Палату, но в деле, по которому вы ему изволите докладываться, вмешан Губернатор. Откупы и подряды остановились по причине намереваемаго им города. Присыланной курьер с планом к Князю и <графу А.А.> Безбородке возвратился и думаю не получив окончательного ответа. А князь, как говорит Тим. И. <Тутолмин>, бережет Губернатора и ему близкой родня. Всякую середу по утру члены експедиций ездят к Князю на дачу с делами. И в будущую повезется ваша с ведомостью о недоимках. Князю самому не нравится образ поведений Губернатора, но оскорбить его не хочет. Показывал мне письмо от Якова Ефимовича <Сиверса> в самом смиренном слоге[770]. Одно утешение, пишет он,

[770] По-видимому, речь идет о конфликте Я.Е. Сиверса с А.А. Вяземским и Г.А. Потемкиным в 1781 г., который закончился его отставкой; см.: «Тревожимый преувеличенными слухами об успехе, каким пользовалась в свете, благодаря своей красоте, его жена. С. осенью 1778 г. потребовал, чтобы она оставила Петербург и переехала в Новгород к нему, но та наотрез отказалась: произошел разрыв С. с женою, причиною которого был камер-юнкер князь Путятин, открыто живший впоследствии с женою С. в Дрездене и выдававший ее за свою супругу. В семейном несчастии С. приняла участие и императрица, но держала сторону его жены, причем в ее письме по поводу самовольного захвата С. своих детей заметен уже тон раздражения против новгородского генерал-губернатора.

Ссора с генерал-прокурором князем А. А. Вяземским и с князем Потемкиным, частые столкновения с Сенатом и другие служебные недоразумения С. мало-помалу окончательно изменили отношение к С. императрицы, и он счел нужным подать прошение об отставке. 13 июня 1781 г. была подписана отставка С. от должности генерал-губернатора, но за ним была оставлена должность генерал-директора водных сообщений, впредь до возвращения графа Брюса. Добившись формального развода с женою, С. поселился в Бауэнгофе и оттуда руководил администрацией водных сообщений, пока указом от 27 октября 1782 г. императрица не передала этого ведомства в управление нового генерал-губернатора. Через месяц после

оставляя службу, что чает оставить в ней несколько истинных друзей, между коими полагает его высокородие, и просит удостоить себя памятованием.

Головин и Настасья Петровна приносят вам свое усердное почтение. Он ищет себе места в здешней таможне, и обещано. Завтра будет в городе Государыня, а .22. число Маскерад и иллюминация в Летнем дворце[771]. Впрочем прося Бога о драгоценном здравии вашем, с глубочайшим почтением навсегда пребуду

Милостивый Государь батюшка

Ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев

Сестрицу благодарю от всего моего сердца за милые письма. Ничего столько не желаю, как ее благополучия, потом ее дружбы и того, чтоб быть ее достойным. Милостивому Государю Ивану Петровичу <Вульфу> и сестрицам Анне Федоровне и Любови Федоровне <Муравьевым> свидетельствую усерднейшее и покорнейшее почтение. Ник.<олаю> Федоровичу <Муравьеву> пишет Ник. Ив. Корсаков, что не пишет

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л.)

<180>
1781 года Июля .22. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый Государь батюшка
Никита Артемонович!

Между тем как вы составляете мое щастие, не истощаемое склонностию оказывать мне новые милости, я чувствую, не с намерением уничижаться, что я не подаю вам ни единого удовольствия. Природа, которая находит в вас столь послушное сердце ее внушениям, заменить мое нерадение и бессилие своими очарованиями. Иметь доброго сына есть награждение, но быть добрым отцом есть достоинство. Я перерываю язык неприличный с вами. Вы имеете право проповедовать мне истины для моего счастия, а я не должен портить нравоучения, делая его защитою моих слабостей.

отставки, С. указом, написанным в лестных для него выражениях, награжден был за службу чином действительного тайного советника. Затем он десять лет провел, в звании местного ландрата, в тиши деревенского уединения в своем лифляндском имении, вдали от государственных дел, занимаясь хозяйством и воспитанием своих детей и лишь изредка обращаясь к государыне с письмами в защиту некоторых лифляндских привилегий или с заметками о водных путях в Империи» [РБС, 18, с. 407-412].

[771] См. сообщение КФЖ от 22 июля 1778 г.: «В половине 7-го часа, открыт был при обыкновенной музыке бал, во время котораго в 8-м часу, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Императорскія Высочества в маскарадном платье изволили иметь выход из внутренних Своих апартаментов и присутствовали в маскараде; потом благоволили в комнате, где пост кавалергардов, играть в карты, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с знатными Российскими особами и с чужестранными Министрами в 4 персонах, а Их Императорския Высочества в 3-хъ персонах. Маскарад продолжался до половины 3-го часа пополуночи; ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Их Высочества отсутствовать изволили из онаго во внутренние покои в вечеру в 10-мъ часу. <…> С вечера ж, до окончания маскарада, как Летний ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА деревянный Дворец, так и и имеющиеся при оном сады и лежащия на Неве реке яхты, были иллюминованы, и в Нижнем саду в разных местах играла музыка» [КФЖ, 1781, с. 438-439].

Государыня вчерась вечером изволила приехать в Летний дворец. Сегодня в нем маскарад с иллюминацией сада. Недавно случилось мне проведывать на дворе Брюсовом о времени его приезда. Мне сказали, что отпущен он по сентябрь будущего года, а о том нет слухов, чтоб приехал ранее. В Преображенский полк, сказывают, что Государыня пожаловала денег .45000. р., и приказано, конечно для сбережения суммы, желающим проситься в отпуск. Теперь бы, думается мне, постараться Ивану Петровичу <Вульфу> о переводе больших детей в другой полк, от опасения, чтоб в перемене этой не произошло чего ко вреду малолетних. Полно и у нас в полку, кажется, что Подполковником запрещен перевод из других полков.

Сестрице желаю всякого благополучия и сам бываю счастлив, когда чувствую ее дружбу. Я хочу принадлежать ей, как брат, и почитать ее, как посторонний. Я есмь навсегда с глуюочайшим почтением

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Милостивому государю Михайле Ивановичу <Веревкину> свидетельствую со удовольствием искреннее участие в почитании, которое имеет к нему общество, и радуюсь, что могу ему изъявить сие

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 5-6 об.)

<181>

1781 года Июля .29. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Сегодняшний день для меня золотое сновидение. Благодарите Бога, благодарите сию Государыню, которая спешит награждать заслуги. Вы тайный советник и сенатор, вчерась пожалованы. Почувствуйте свое собственное достоинство, наше счастие и уважение Государя. Я ото всех сторон получаю поздравления, и одно мое неудовольствие на себя, что не имею слов радоваться, поздравить вас с радостию.

В которой <так! – А.И.> Сенат еще не известно, но из письма Федора Михайловича <Колокольцева>, которое я осмелился распечатать, видно что вам надобно будет сюды приехать для принесения благодарности Государыне. Меня уведомил сегодни по утру Федор Михайлович. Я плакал с радости, так как целой день восхищен, упоен ею. Но вы остерегитесь сей радости. Не умеренность ея болезненна. А вы должны быть совершенно счастливы. Государыня того хочет. Дни через три Федор Михайлович хотел меня уведомить о месте назначения вашего. Сестрица не тверитянка больше. Сколько причин удовольствия!

Будучи сенатором, вы будете тем наслаждаться, что более получите способов нам добро делать. Я не тому радуюсь что я сын сенатора, но тому что добродетельной человек, нежной родитель мой, первой мой благодетель почтен своим государем, поставлен на свое место.

С глубочайшим почтением прошу родительского благословения и есмь

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! вот может быть самая большая радость, которую мы чувствуем все трое. Поздравляю тебя Ангел мой. Благодарения, чистейшие благодарения существу высочайшему, молитва за благо доброй Государыни! Соединимся поздравлять нашего друга, сохранителя, будем счастливы ценою добродетелей его. Ты

поцалуешь сто раз его руки: поцалуй их за меня. Предавайся чувствительности не со вредом своего здоровья. Мы должны наслаждаться сею радостию не минуту; но множество лет. Радуйся.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 9-10 об.).

<182>[772]
1781 года Августа .2. дня С<анкт->пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Сегодни получил я от вас письмо, писанное в это щастливое .28. число, в которое вы пожалованы: по подобию заключаю, что мое известие получите завтре. Все еще не знают, кто в которой департамент: в каждом есть по месту для пятерых, в здешних чуть ли не более. Мария Ивановна <Колокольцева> черезвычайно обрадована и желает, чтоб вы здесь были: *но будет ли, говорит, так же любить меня Никита Артемонович*? Мой Маиор <Николай Васильевич> Леонтьев вас поздравляют. Прошедшую пятницу новой сенатор Пассек[773]: один из вас, который здесь был у присяги и заседал в общем собрании, а вчерась был в церковном ходу. Как быстро быть сюда думаете и надобно ль починивать карету, в которой неисправностей много? Время думать о доме, когда жить здесь; но сами изволите приехать и все расположить лучше. Прося бога о продолжении вам его милостей, есмь навсегда с глубочайшим почтением

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Приезжай по зову счастия наслаждаться трудами доброго родителя, привози с собою наших берновских друзей. Нет более причин жаловаться. Батюшка не имеет нужды кланяться и искать. Государыня облегчает жизнь его. Щастливы мы! ежели своею виною не отяготим ее. Кроме чувствования счастья, не осталось другого. Будь здорова. Прощай. Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение милостивому Государю Михайле Ивановичу <Веревкину>. Я воображаю участие, которое он берет в счастии друзей своих.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 11-12 об.).

<183>
1781 года Августа .5. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь батюшка
Никита Артемонович!

Для меня еще радость: вы петербургские жители. Какие благодарения можно мыслить, выразить милосердому промыслу! Я воображаю обрадование сестрицыно. Чему же радоваться, ежели не такому счастию, которое нам руки открывает? Для чего не отдаться сему чувствованию? Столько лет препроводили вы в оскорблениях. Их воспоминание теперь не горестно. Оно возвышает настоящее счастие. Какое блаженство жить во время

[772] Адрес: «Милостивому государю батюшке Никите Артемоновичу Его Превосходительству Муравьеву в Твери».

[773] Пассек Петр Богданович (1736-1804) – государственный деятель, участник переворота 1762, генерал-аншеф, сенатор, в 1781-1796 гг. – губернатор Белорусских наместничеств.

мудрого Государя! Ежели и достойные люди остаются без награждения, это от того, что Государыня их не знает. Как легко Государю заставить себя любить до восхищения!

Когда же вы изволите назначить свое отправление? Когда увижу я Федосью Никитичну жительницею столицы? Вы мне делали все возможные удовольствия – я не заплатил вашей нежности. Она честь ваша, утешение и попечительница. Теперь ей должно доставить сии увеселения, которых она лишалась без надежды возвращения. Простите мне болтанье – оно появляется само во всем, что я пишу. Я прошу также прощения в нетерпеливости, которая побудила меня распечатать письмо Федора Михайловича <Колокольцева>.

Сейчас получаю письмо от вас, и империал, и полуимпериал. Чем я заслуживаю сие намерение мне делать подарки? Но после щедростей Государыни я не жалею, что вы изволили потратить свои деньги. Спасибо моей матушке-сестрице и приезжайте поскорее.

Теперь только присылал ко мне Федор Яковлевич Олсуфьев сержанта с тем, чтоб я поздравил вас от него, ежели писать буду, со уверением, что он первый будет искать вашей милости и пр.

Приезжайте, батюшка-сударь, и[774] хорошая погода. Август для того сделан, чтоб путешествовать. О Иване Петровиче <Вульфе> вам самим стараться должно, и я немножко усомнился <?> было отдавать письмо Чонжину. Однако отнесу. Сестрица, радуйся, чувствуй все, что имеет благодарность живейшего <?> к Богу, к Государыне и батюшке.

Я есмь нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 7-8 об.).

<184>
1781 года Авг.<уста> 9. д.<ня> С<анкт->пет.<ербург>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Сегодня получил я милостивое письмо ваше от .4. августа с четырьмя вложениями и сегодня же разнесу их, исключая, может быть, к Татищеву, ибо он живет на даче у Алек. Алекс. Нарышкина[775]. Александр Федорович <Муравьев> сидел у меня утро, только и речей, каким образом вы здесь жить будете. Он написал письмо, и я его с этим посылаю. Завтра, по моему счету, получите вы росписание ваше. По словам Федора Михайловича <Колокольцева>, сие самое, что вы написаны во второй департамент, означает благоволение Государыни о вас. Другое дело в четвертый: второй важен. Он также говорит, что, по его мнению, вы хорошо бы сделали, если б изволили отписать к князю Александру Алексеевичу <Вяземскому>, советуяся и прося его наставлений в рассуждении смены вашей, должности в Твери, дожидать вашего преемника или нет. Накануне Преображенья Государыня изволила ужинать в Александровском князя Александра Алексеевича <Вяземского> и пожаловала ему золотую табакерку с портретом в .1200. руб. Третье число августа его рожденье, и он его праздновал у <А.И.> Васильева на даче. Что касается до починки связи и вашего жительства, то мнение Федора Михайловича согласно, что вам неотменно надобно нанять дом, что благопристойность состояния вашего теперь того требует. Особливо, говорит Ф.М. <Колокольцев>, с первой поры. Лучше принять убыток, нежели не повесть себя так, как надобно. И он советует для приезду нанять сперва на месяц, а после вы сами изволите выбрать по удобности. Так ежели вам это не неудобно, я прошу

[774] Далее несколько слов не читаются из-за повреждения бумаги: по линии залома бумаги стерлись чернила.

[775] Нарышкин Александр Александрович (1726 - 1795) – троюродный брат императрицы Елизаветы Петровны, сенатор, действительный тайный советник.

себе позволения к назначенному сроку вашего прибытия, нанять вам дом на месяц. Дело теперь, конечно, нейдет к экономии; но вы уже в таком месте, где не жаль одолжать и где вы можете надеяться на щедрость Государыни. Теперь утруждать ее кажется мне скоро. Сохранение ее милости выше всего и лучше перенести нужду, ежели то можно, нежели повредить себе безвременною просьбой. Простите мне дерзость рассуждений моих. Вам известна кротость Кн. А.А. <Вяземского>, но кто знает каким образом истолкует он просьбу вашу? Когда вы здесь сами будете, тогда можете все исполнить способнее, нежели на письме. Перед этим, сказывают, остановилось течение дел в Сенате, и, между прочими, <Ф.М.> Колокольцев подал рапорт, что некому ни дел слушать, ни класть определения, ни дела подписывать. Генерал-прокурор <А.А. Вяземский> доложил Государыне, а Государыня тотчас наименовала новых сенаторов. Я должен сократить против воли письмо свое и, желая скорее увидеть вас в добром здравии, с глубочайшим почтением есмь

Милостивой государь батюшка!
ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 13-14 об.).

<185>
1781 года Августа .16. дня С.<анкт->Пет<ербург>
Милостивый Государь батюшка
Никита Артемонович!

Сожалею черезвычайно, что не писал на прошедшей неделе, а на этой пустое делаю, что и пишу. Через пять дней от .10. числа изволите вы писать, что вы едете. Так письмо посылаю это в Торжок, прося почтмейстера вручить на дороге. Последние письма ваши немножко меня, было, потревожили. Но слава богу! в тот же день, конечно, вы изволили получить свое расписание. Письмо к Князю <А.А. Вяземскому?>, вами присланное, не нужно. Мы, было, располагались и без вашего приказания то же сделать, что вы приказываете в этом письме. К князю я завтра поеду с письмом на бланкете. Мы очень удивились, было, что вы остались в Твери за Губернатора. Но слава богу! из последнего письма вашего кажется, все переменилось. Вы едете. Вы никакого права теперь не имеете унизить ваш пост и чин отправлением посторонней должности. О карете, о доме я думаю, спрошуся у всех, как приказывать изволите. Ассигнацию сторублевую получил и все, что прежде когда-нибудь посылать изволили. Я ответствовал, мне кажется, и о чулках, и о 15 рублях. Желания в Петербург показывать не должно некоторых причин ради. Ф.М. <Колокольцев> кланяется, он к вам истинно усердствует. Дружба человека доброго и разумного драгоценна. Будьте здоровы и не поскучьте хлопотами переезда – необходимость. Тоже и убыток. Можно надеяться пособить ему со временем стараниями, терпеливостию. Простите мне вранье мое и будьте ко мне всегда тот же милости наполненный родитель, каким я вас знаю во всю жизнь мою. Я есмь

ваш нижайший слуга и сын
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Что ты разумеешь своим состоянием: ехать или нет? Cela me désole. Ты должна ехать и должна быть весела, должна хотеть ехать. Более всего быть здоровою, спокойною, терпеливою. Ничем не скучать: ни Петербургом. Шутка весьма неуместная и отвратительная. Pardon.

Николаю Федоровичу <Муравьеву> свидетельствую мою искреннюю благодарность за милое напоминание, сожаление трудов его в Исакове <?> и мое истинное желание, чтоб он любил меня за то, что я ему двоюродный брат, а за другое, право, не за что.

Матушка Любовь Федоровна <Муравьева>, ты любишь Фешиньку, люби ее. Она без тебя жить не может. А на меня <нрзб>, я человек весьма мизерной.

Матушке Анне Федоровне кланяюсь от всего моего сердца и не могу ее милости к себе заслужить, так как и милостивого государя Ивана Петровича <Вульфов>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 14-15 об.).

<186>++
1785. года Ноября .13. д.<ня> С<анкт->П<етербург>

Батюшка братец Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Столько резонов писать, столько материй и столько препятствий, что вы не поверите. Дела, может быть и безделье тому виною. Батюшка заплатил долг ваш Терскому, заняв в банке по вашему желанию .3000. рублей. Он разсудил лучше удовольствовать того заимодавца[776], которой берет по десяти, нежели банк, где берут только шесть. Тем более что из подобных вам должников никто еще незачинал платить и все льстятся ожиданием, авосли простят: что сказывают и не без вероятности. Сегодни еще едучи к князь Репину Маиор <Ф.Я. Олсуфьев> у меня про вас спрашивал идете ли в отставку или нет. И на мое отрицание, говорит: *непрогневайся, я думаю шалит и посожалеть будет, когда молодшие уйдут бригадирами. А полковников дожидаться долго*. Затем прощайте. Я вас цалую от всего моего сердца мысленно и желаю поскорее обнять действительно[777]. Батюшка изволит играть в виск. Извините наши маленькие неприятности. Ето моя вина, что не писал вчерась. Сегодни у нас гости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 2-3).

[776] Зачеркнуто: «Должника».

[777] Далее приписка отца.

1787

<187>

<23 мая 1787>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Удовольствием писать к вам одолжен я Петру Петровичу, которой сам вызвался доставить вам письмо мое. Я имел честь препроводить почти весь день в его обществе на квартире Ивана Ивановича. Вы изволите знать уже, что мы поехали вчерась часу в третьем после обеда из Царскаго Села. На Ижоре Их Высочества <Александр и Константин Павловичи> изволили выходить во дворец, между тем как переменяли лошадей. В шестом часу приехали сюда в Тосну. Государь <Цесаревич Павел Петрович> и Великая Княгиня <Мария Федоровна>, побыв несколько, изволили возвратиться в Царское Село с графом Валентином Платоновичем[778]. Маленькие князья с гувернерами и дежурными остались во дворце, а мы разобрались по своим квартирам в слободе, которые очень спокойны и хороши. Сегодня целой день отдохновения пробыли в Тосне, а завтра часов в 9 по утру поедем в дорогу, обедать в Любани и ночевать в Чудове. Вчерась ввечеру после нашего отходу был у Великих Князей Н.П. Архаров с губернатором и виц-губернатором новгородскими[779]. Но я их не видал, затем что они тот же вечер назад отправились к их границе. Она отдалена только шестью верстами отсюда. Сегодня был у нас большой обед во дворце и перед ним хороводы, песни и пляски. Множество народа. Так как и у обедни, к которой Великие Князья изволили ездить. Вот почти все наше похождение. Может быть, путешествие наше не будет так долговременно, как думали. Я прошу бога от всего моего сердца о сохранении здравия вашего, поручаю себя в родительскую милости вашу и исполнен вечной благодарности, привязанности и высокопочитания, навсегда пребуду

Милостивой государь батюшка!
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

1787. года
Мая .23. дня
Тосна

Матушка сестрица Федосья Никитишна, братец Сергей Михайлович кланяюсь вам от всего моего сердца. Желаю вам всяческих благ, прошу поцаловать за меня ручку у батюшки. Также кланяюсь братцу Павлу Львовичу <Батюшкову> и, ежели приехал, Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>, Василью Васильевичу <Ханыкову> и всем, кто обо мне вспомнить изволят. Пожалуйте пишите ко мне, ежели бы я и не писал. В такой вине, кажется, я не буду. Здесь чередуется жар, гром и дождь. Я весьма доволен дружбою Михаила Дмитриевича, которой говорит, будто ты сестрица приказала ему искать во мне. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 15-16 об.).

<188>

[778] Мусин-Пушкин Валентин Платонович (1735-1804) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал; участник переворота 1762 г.

[779] Новгородским генерал-губернатором в это время был Н.П. Архаров, правителем наместничества – П.Ф. Квашнин-Самарин; кого из виц-губернаторов имел в виду Муравьев, неясно.

1787. года Маия .26. дня <Новгород>

Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Доношу вам милостивой государь батюшка, что мы доехали до Новагорода здорово и весело, откуда и пишу к вам сие, из дому братца Назара Степановича[780], которого ласкою и одолжением чрезвычайно обязан. Он пожаловал одолжить меня по письму вашему стами рублями. Все ваши здешние знакомые свидетельствуют вам через меня их почтение: Василий Андреевич Приклонской, губернатор <Н.П. Архаров> и наместник <П.Ф. Квашнин-Самарин>. Ничто не может сравниться с их учтивостию ко всем нам. Я не могу описать сияющего приему, какой сделали Великим Князьям Николай Петрович <Архаров>. Наше путешествие похоже более на торжество сплошное, нежели на дорогу. Мне вздумалось ехать к дядюшке Матвею Артемоновичу <Муравьеву мл.> на Полоса. Великие Князья здесь остаются и будут завтре еще обедать, а ночевать в Броннице[781]. Там хочу я их нагнать. Цалую мысленно руки ваши и с глубочайшим почитанием и сыновнею привязанностию навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший слуга и сын
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна и братец Сергей Михайлович приношу вам мое истинное почтение и прошу поклониться всем моим родным и знакомым. Василью Васильевичу <Ханыкову> кланяюсь. Желаю вам здоровья и благополучия.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 17-18 об.).

<189>[782]

1787 года, Валдай, Маия .30. дня
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Доношу вам, что я, слава богу, здоров и весел. Прошу бога, чтоб он сохранил здоровье ваше. Дядюшка <М.А. Муравьев мл.> вам свидетельствует свое усерднейшее почтение. Он был чрезвычайно рад моему посещению. Опасность его миновала удивительнейшим образом. Здоровая нога была объята антоновым огнем[783]. Сделавшаяся вдруг рана его уничтожила. Он в постели, весьма слаб, однако спокоен и весел. Меня угощали, как большого барина. Я пробыл там целые сутки, в самом приятнейшем местоположении, какое желать можно.

К своим возвратился я в Бронницы. Вчера приехали мы сюда в Валдай. Сегодня воскресенье; так мы остановились взять полдень. Наше путешествие – большое и торжественное гулянье. Везде приняты с отверстыми руками. Толпами встречаемы, толпами провожаемы. Отъезжаем при благословениях народа, жадного видеть Великих Князей. Погода самая благополучная. Описав сие, ничего не остается мне более, как прочит вас, милостивой государь батюшка о продолжении вашей милости. Мое сердце наполнено

[780] Муравьев Назарий Степанович (1737-1806) – государственный деятель, помещик, губернатор Архангельской губернии (1798-1799); в конце 1780-х – советник винной и соляной экспедиции Новгородского наместничества.

[781] Село Новогородского уезда Новгородской губернии.

[782] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».

[783] Антонов огонь – гангрена.

вечной благодарности и с истинною и чистейшею любовью и привязанностию, навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший слуга и сын
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна, поздравляю тебя с вчерашними именинами; уверен, что, по-твоему, у тебя за столом вчерась одного человека недоставало. *И я всех гостей видел*… Братец Сергей Михайлович, здравствуй. Кланяюсь от всего моего сердца всем родным моим Павлу Львовичу <Батюшкову>, Алексею Миничу, Александру Федоровичу, Николаю Федоровичу и Варваре Михайловне <Муравьевым>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 19-20).

<190>[784]

1787 года мая 31 дня В. Волочек
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Сегодня сделали мы довольно великой переезд 72 верст в сутки, из Ядрова в Вышний Волочок, куда в семь часов вечера приехали. В Хотилове, где мы обедали, встретил нас Тверской губернатор г. Осипов[785] и губернский предводитель Ф.Л. Карабанов[786]. После обеда Новгородской губернатор <Н.П. Архаров> откланялся и расстался с нами у границ своей губернии, отъехав четыре версты из Хотилова. Он человек весьма милой и чрезвычайно учтивой. На половине дороги к вышнему останавливались чай пить в каком-то сарае, на тот час украшенном красками. У Николая Петровича <Архарова>, которой нас везде упреждает и встречает, в минуту все родится. Здесь приготовленных для спуску в озеро стоит около 200 барок. Завтре Великие Князья будут присутствовать при их выпуске и по утру же отправятся в путь. Ночуем мы завтре в Торжку, послезавтра в Твери, где, может быть, и обедать на другой день останемся. При выходе из дворца получил я чрез одного молодого человека письмо от Анны Федоровны <Вульф>, в котором она пишет с превеликою ласкою, что она в Твери дожидает меня уж три недели назад и просит привести из Торжка Ивана Петровича <Вульф>. Должно думать, что или в воскресенье или накануне мы будем в Москве. Наше путешествие черезвычайно весело и ласкательно для нас. Но, между тем, я не имею счастия слышать о вас. Прошу бога от всего моего сердца, чтоб он сохранил здравие ваше. Поручаю себя в неотменное продолжение вашей родительской милости и с истинною привязанности и любовию навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш покорнейший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Фешинька! Итак опять на Тверской Земле и скоро увижу мельком твоих и моих добрых приятелей. Поцалуй своих детушек Сережу и Сашу. Павлушу погладь

[784] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».
[785] Осипов Григорий Михайлович (1739-1802) – государственный деятель, генерал-поручик, в 1784-1793 гг. – губернатор Тверского наместничества.
[786] Карабанов Федор Леонтьевич (1738-1813) – чиновник, в 1785-1794 гг. – предводитель дворянства Тверской губернии.

по щочке Io vo errando; ma tu chi sa se mai[787]… Мы здесь все кавалеры в одной улице и в каменных палатах и Губернатор с предводителем сделали уж нам честь своего посещения.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 21-22).

<191>

Тверь .4. июня <1787>
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

Нижайше благодарю за милостивое писание ваше и приобщение письма. Мы сейчас едем из Твери. Думаем, что Государыня возвратится в Петер.<бург> к 20 июля. В Москву будет 25 июля. Целую ручки ваши.

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев
Сестрице кланяюсь.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 23).

<192>[788]

1787 года Июня .7. дня Москва
Милостивой государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я пишу из дома брата Алексея Петровича[789], к которому был сегодня первой мой выезд, как к ближнему соседу. Я было с ним сперва разъехался: он ко мне, а я к нему. К счастью, он меня нашел довольно скоро из Коломенского. Вчера в 2 часа пополудни приехали мы благополучно во дворец. В 11 часов прежде выходили завтракать в Всехсвятском, где нашли цепь карет, ожидавших нас и где меня нашел Петр Михайлович[790]. Потом мы объезжали Москву более 20 верст инкогнито, объезжаемы, встречаемы, толпами жадными видеть. Куча зрителей стояла во весь день у дворца и наполняло Коломенское. Дорога наша была сплошное гулянье и увеселение. В Клину или под Клином был наш ночлег у камер-юнкера и предводителя г. Наумова. М.И. Веревкин, его доброй приятель, помогал ему забавлять нас. Мы все без ума от приема и дарований Н.П. Архарова. Анна Федоровна <Вульф> была без ума с радости от меня. Я у них обедал. Великие Князья изволили выехать после обеда в 4 часа из Тверского воксала. Здесь не будет выездов у Великих Князей до прибытия Государыни. Думают, что она изволит быть к 25 числу. В Петербург угадывают к Августу. За все ваши родительские милости благодарю во глубине моего сердца и цалую ручки ваши с истинным высокопочитанием навсегда пребываю

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

---

[787] Перевод: «Я скитаюсь; а ты — кто знает, быть может, когда-нибудь…». Возможно, Муравьев цитировал строки из второй строфы знаменитого стихотворения П. Метастазио «La partenza»: Io vivrò sempre in pene, / io non avrò più bene; / e tu, chi sa se mai / ti sovverrai di me! (цит. по: https://it.wikisource.org/wiki/La_partenza_(Metastasio))

[788] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».

[789] Ижорин Алексей Петрович (1758–1790) — лейб-гвардии прапорщик, родственник Батюшковых.

[790] Лунин Петр Михайлович (ум. 1822) – генерал-лейтенант, брат С.М. Лунина, который женился на Ф.Н. Муравьевой.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Здорова ли ты и твой Сашичка. Люби меня и поцалуй всех моих милых и любезных друзей.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 24-25)

<193>

1787 года Июня[791] .10. дня Коломенск.<ое>
Милостивой Государь батюшка! Никита Артемонович!

За милостивое писание ваше доставленное мне от управителя дому князя Александра Александровича[792] приношу мое нижайшее благодарение. Я слава богу во все сие время здоров и довольно весел. Без зального упражнения весьма занят своею праздностию. Езжу, когда вздумается в город, где я имею или воображаю иметь довольно знакомств. Все меня черезвычайно хорошо приняли, кого только имел случай видеть, все приносят вам свое почтение. Я обедал четвертого дня у Петра Михайловича <Лунина>. Черезвычайно обласкан им и его Авдотью Семеновною[793]. Я езжу в его карете. Нанял себе по его же старанию и милости четверню. Это немножко роскошно. Но мне что-то очень захотелось иметь свой экипаж. Княгиня Анна Андреевна <Урусова> на другой день нашего приезда ко мне присылала человека в Коломенское. Очень ласкова ко мне. То же и князь. Семен Савич[794] и Аграфена Петровна[795] черезвычайно обласкали меня и принимают величайшее участие. Словом, я здесь так как в своей отчизне и вместе будто в чужом государстве. Товарищ наш Хрущов уехал недели на две в отпуск в Тулу: так я на место его отряжен дежурить у Александра Павловича. А как почти всякой день кто-нибудь из московских знатных, одни по одному, приезжают на обед или посещение к великим князьям, тотчас требуют, чтобы поддежурные приходили вверх для принятия их; так это, по малолюдству нашему, немножко нам накладно и, между прочим, пересекает мои намерения ездить в Москву. Сегодня перед обедом были графы Алексей, Федор и Иван Григорьевичи Орловы и Петр Дмитриевич с графом Остерманом обедали. Николай Иванович сегодня получил письма от Государыни из Кременчуга на отъезде в Полтаву, от 5 июня. Сюда приехал из похода придворной конторы советник В.П. Головцын, по которого мнению Государыня изволит прибыть сюда 22 числа сего месяца. Из Полтавы думают, что изволит выехать сегодня. Управитель князя Александра Александровича <Долгорукова> предлагал мне по приказанию князя деньги, ежели мне в них нужда будет. Покорно прошу, милостивый государь батюшка, поблагодарить князя <Долгорукова> за сию учтивость, а мне позволить в случае нужды воспользоваться ею. Вчерась нечаянно встретился я с Иваном Афанасьевичем <Дмитревским>. Завтра буду я дежурным, и Великие Князья поедут в Царицыно. Вот житие мое. Дай бог, чтоб я обрадован был получением милостивых писем ваших. Цалуя мысленно ручки ваши, навсегда пребываю

---

[791] Первоначальный вариант: «мая», но Муравьев зачеркнул и подписал карандашом: «июня».

[792] Долгоруков Александр Александрович (1746-1805) — князь, камергер, сенатор, действительный тайный советник (см. письмо №187).

[793] Лунина Авдотья Семеновна (урожд. Хвостова; 1760 – дата смерти неизвестна) – дочь Семена Ивановича и Дарьи Николаевны Хвостовых, жена Петра Михайловича Лунина.

[794] Муравьев Семен Саввич (1728-1799) – секунд-майор, отец Петра Семеновича Муравьева и Анны Семеновны Докудовской, дальний родственник М.Н. Муравьева.

[795] Муравьева Аграфена Петровна (урожд. Павлова; даты жизни неизвестны) – жена Семена Саввича Муравьева, мать Петра Семеновича Муравьева и Анны Семеновны Докудовской, дальняя родственница М.Н. Муравьева.

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Благодарствую за милое письмо твое. Все твои знакомые через меня тебе и Сергею Михайловичу кланяются, и я за ними. Поклонись моим. Поблагодари Павла Львовича <Батюшкова>, поцалуй Вареньку <Муравьеву> да попроси, чтоб и она приказала мне поклон.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 26-27 об.).

<194>

1787 года Июня .13. дня Коломенск.<ое>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Я обрадован сегодня получением милостивого письма вашего. Хотя я и не заслуживаю выражений благодарности, проистекающих из нежного сердца вашего, однако оне приносят мне не менее чистое и живое наслаждение. Дай бог, чтоб вы были здоровы, чтоб желаемое мною возвращение в Петербург совершило радость мою. Я очень здоров и велел. Теперь еду в воксал. Вчера обедал у Петра Леонтьевича, которой был мне черезвычайно рад и просил засвидетельствовать вам его почтение.

А теперь, то есть по утру на другой день 14 числа иду на свое дежурство. Прибытие Государыни совершенно не известно. Предводителям и депутатам для разбору дворянства велено собраться в Серпухове к 16 числу. Я в первой раз вчерась видел многолюдное и в самом деле сияющее собрание московской публики в воксале. Петр Матвеевич Херасков сыскал меня сам. Он и вся его фамилия особливо меня ласками своими обязывает. Он очень любит нашего Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>. У Кушелева я не брал денег и как я просил уже позволения вашего в прошедшем письме моем, так и чрез сие прошу в случае нужды позволить мне взять у управителя князя Долгорукова. К прибытию Государыни готовят также и Петровский дворец. У Великих Князей каждой день кто-нибудь из здешних бояр обедают. Но для города все еще живут скрытно. Настасья Федоровна <Муравьева> приносит свое почтение вам и сестрице. Впрочем, цалуя руки ваши, с глубочайшим почтением и преданностию есмь навсегда

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! от всего моего сердца благодарю тебя за милые строки твои и уверения. Поцалуй за меня своих любимых Сергея Михайловича и Сашиньку. Вам кланяется Петр Михайлович <Лунин>. Я им так доволен, как больше быть нельзя. Его Авдотья Семеновна и тетушка весьма любезные и почтения достойные женщины. Я ведь позабыл взять с собою инструкцию нашу. Ты бы одолжила меня, переслав ее сюда для Петра Михайловича. Поклонись всем нашим, Ванюшке, ежели приехал. Я его им нахожу здесь весьма знакомым и очень любезным. Он меня почти рекомендует Павлу Львовичу <Батюшков>. Наш братец Ижорин весьма ко мне ласков. Я бы был очень счастлив, если бы был здесь. Сожалею о болезни Сергея Михайловича и благодарю сердечно за его любовь. Василью Васильевичу <Ханыкову> прошу от меня поклониться. Александру Федоровичу, Николаю Федоровичу, Варваре Михайловне и ее маленьким <Муравьевым>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 28-29 об.).

<195>[796]

1787 года июня 17 дня Коломенск.<ое>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Мое здешнее состояние довольно хорошо, и я совершенно счастлив, если бог сохраняет ваше драгоценное здоровье; уверен, что родительское сердце ваше никогда не перестанет любить меня. С нетерпением ожидаю почтового дня, чтоб быть обрадовану получением ваших писем. Я занят своим дежурством через два дни третий. Часы уроков моих уносят также несколько времени, которое употребил бы на рысканье по Москве. Пространство города, многолюдство и красивость местоположений окружных всячески достойны привлекать любопытство. Кроме воксала, был я во вторник в Головинском саду, день положенного гулянья. Климат увеличивает, кажется, красоту места. Тут встретил я Катерину Яковлевну Державину, недавно приехавшую в Москву. Она просила кланяться вам и сестрице. Гаврило Романович[797] должен был скоро приехать. Княгиня Анна Андреевна <Урусова>, у которой я обедал третьего дни, черезвычайно ко мне ласкова. Ездивший к Государыне с известием о прибытии Великих Князей капитан гвардии граф Толстой[798] тот же день сюда возвратился. Он думает, что Государыня изволит прибыть сюда будущую среду, т.е. 23 число. Сегодня полагают ее в Орле. На Полтавском месте сражения Государыня изволила служить молебствие за память Петра Великого и победоносного его войска. Командовавший бывшими там полками князь Юрий Володимирович Долгорукой[799] пожалован в Преображенской полк подполковником, а Александр Матвеевич в тот же премьер-майором[800]. Князю Григорью Александровичу <Потемкину> приложено именование Таврического. Время заставляет меня окончить мои повествования. Я препручаю себя в неотменную вашу родительскую милость и с глубочайшим почтением и истинною любовию и благодарностью навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! цалую тебя мысленно и брата Сергея Михайловича и милого твоего Сашиньку. Сколько комиссий! Ты должна всем моим знакомым по поклону от меня. Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>, ежели приехал, братьям Александру и Николаю Федоровичам <Муравьевым>, Павлу Львовичу <Батюшкову>, Василью Васильевичу <Ханыкову>. На Варвару Михайловну я сердит, что так давно ее не вижу. Петр Михайлович <Лунин> вам кланяется. Какой он дом себе строит! что это за город Москва! Сыщи же матушка и пришли ко мне инструкцию. У меня была Марья Яковлевна Трикина <Трескина?>. Она здесь за своим делом. Сказывают, будто у вас

---

[796] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».

[797] Державин Гавриил Романович (1743-1816) – великий поэт, государственный деятель.

[798] Толстой Федор Матвеевич (1748-1789) – премьер-майор и фактический руководитель лейб-гвардии Преображенского полка (1775-1780 гг.), человек из ближнего круга Екатерины II.

[799] Долгоруков Юрий Владимирович (1740-1830) – генерал-аншеф, участник Семилетней и русско-турецких войн, с 1787 г. – подполковник лейб-гвардии Преображенского полка.

[800] Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758-1803) – генерал-адъютант и генерал-поручик, фаворит Екатерины II, дальний родственник Г.А. Потемкина.

очень хороши хлебы. Не огорчи Вареньку <Муравьеву>; я ей простил и прошу ее. Прощай. Прости.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 30-31).

<196>[801]

1787 года Июня .17. дня Колом.<енское>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Вот целой месяц, что я из Петербурга выехал. На сей почте я не имел счастия получить драгоценных писем ваших. Урок удержал меня сегодня после дежурства здесь. Но тотчас после его, еду в город справляться на почте. Дай бог, чтоб… я был обрадован получением письма. Но более всего, чтоб вы здоровы были. Желание уехать поскорее в Петербург зачинает мною чувствоваться. Сегодня Государыню почитают в Туле. Завтра к вечеру или послезавтра, конечно, изволит прибыть сюда. История дней моих не столько интересна, чтоб поместить ее сюда. Сверх прежних моих визитов, был я день у Михаила Матвеевича <Хераскова>, которой вам свидетельствовал свое почтение. Товарищ наш Г. Хрущов сегодня возвратился из Тулы. Так я перехожу опять в свое место, дежурить у своего Князя. Сколько приятен для меня будет час, в которой я увижу вас после моего отсутствия и ничего не желаю столь усердно. Прося о продолжении ко мне вашей родительской милости, с глубочайшим почитанием и привязанностию навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Давно я не получаю из вашего города любезных для меня известий. У нас все хорошо. Прекрасная погода. Местоположение, город. Но далеко вас: разносишь ли ты мои поклоны? Вот снова. Поцалуй брата Сергея Михайловича <Лунина>. Я желаю ему здоровья и прошу бога, чтоб он всех вас сохранил в мое отсутствие, как он меня хранит. Какое счастие, увидеть опять всех благополучных! Я полагаю наперед что все меня будут рады. Я виноват перед моими знакомыми что не утруждал каждого моими срамотами! Бог отказал мне дарование писать: без чего бы они были завалены посланиями. Иванушка <И.М. Муравьев мл.>! я тебе кланяюсь и желаю всякого благополучия. Кланяюсь также Василью Васильевичу <Ханыкову>, Павлу Львовичу <Батюшкову> и всем.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 32-33).

<197>[802]
1787 года Июня .24. дня Колом.<енское>
Матушка сестрица Федосья Никитишна и батюшка братец Сергей Михайлович!

Желаю вам из глубины сердца моего всякого благополучия. Я пишу к вам одним; потому что батюшка изволит уведомлять меня, что он поедет к брату Ивану Матвеевичу. По чему я его уже и считаю в дороге. Ежели он не изволил выехать; так пожалуйте поцалуйте за меня у него ручку и переймите за себя мой долг уверить его о моей

[801] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».
[802] Адрес: «Милостивому Государю моему, Сергею Михайловичу, лейб-гвардии Измайловского полка Г. Капитану, Его высокоблагородию Лунину, в Санктпетербурге».

искреннейшей преданности и любви. То ж делаю и в рассуждении вас. Я очень интересован найти в вас старую дружбу и милости. Видите, что я чистехонек. Через месяц времени, может быть, мне не будет нужды ласкать вас через письма: будучи в состоянии грубить персонально. вчерась, то есть 23 число Государыня изволила приехать после обедав 7 часу в Коломенское[803]. Я, будучи дежурным, последовал за Великими Князьями навстречу, которая произошла на чистом поле за уездными воротами Московской округи и версты с две переехав на Серпуховскую. Можно вообразить радости свиданья, множество людей, великолепие, скачку экипажей, стечение любопытных и все что при таких случаях бывает. Государыня в совершенном здравии, очень весела и милостива. Сегодня по утру в Коломенское черезвычайной съезд. Сколько пробудут в Москве не известно. Праздники 27, 28, 29 дней возьмутся в Кремле[804]. Скажите Алексею Миничу <Муравьеву>, что граф <И.И.> Шувалов приехал сюда в свите Государыниной, а князь <А.А.> Вяземской живет в деревне. Он был у вод в курс весенний, и возьмет другой осенний. Тысячу поклонов всем моим любезным друзьям Александру Лунину и прочим и прочим.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 34-35).

<198>[805]

1787 года Июня 29 дня Москва

Милостивой государь батюшка! Никита Артемонович!

Я пишу письмо сие на удачу, не знаю, изволили приехать в город из вашей поездки или нет. Пишу на другой день почты. Вчерашний праздник восшествия на престол препроводил я, ездя в Кремль и выезжая из Кремля. Столько карет! Столько людей! Мы оставили Коломенское 27 число. Прямо приехали в Собор Успенский. Государыня изволила потом шествовать во все соборы и в Чудов. Оттуда кушать в наместнический дом, что был Гр. Чернышева[806]. В нем изволит жить Государыня и Великие Князья. Нам также отведены комнаты. Но я, пользуясь позволением брата Алексея Минича <Муравьева> живу теперь у него в доме очень хорошо и спокойно. 26 число препроводил я вместе с братом Захаром Матвеевичем <Муравьевым>, которой в ночь отправился в Петербург. Тоже 26 число, мы были столько счастливы, что удостоились получить от Государыни, каждый кавалер, по табакерке. Тоже утро благодарили Государыню. После праздников вскорости двор переезжает из Москвы в Петровской дворец, версты четыре или пять от города, по Петербургской дороге. А 4 июля Государыня изволит отправляться в Петербург. Великие князья после: может быть 6 число. Вчерась не слыхать никаких пожалований. Манифест, слышал я, издан, которым учтены некоторые перемены в собирании податей. Но я не успел еще ничего основательно слышать. Прошу бога, чтоб он сохранил здравие ваше и поручаю себя в родительскую милость вашу, с глубочайшим почитанием и преданностию навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Кланяюсь тебе от всего моего сердца с любезным братом Сергеем Михайловичем. Желаю вам вечнаго благополучия. Если батюшка еще не возвратился; так я полагаю что письмо мое вы получите. Поклонись

[803] См. подробнее: [КФЖ 1787, 598-601].

[804] См. об этих праздниках подробно: [КФЖ 1787, 614-631].

[805] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».

[806] Чернышев Григорий Иванович (1762-1831) – обер-шенк императорского двора, сочинитель, сын крупного вельможи Ивана Григорьевича Чернышева.

матушка всем моим родным и знакомым. Иванушку <Муравьева мл.> поцалуй. *Прошедший воксал*, сказывала мне К. Анна Андреевна <Урусова>, *вдруг закричали: контрданс Муравьева*. Видишь, Ванюшка, что Москва тебя не забыла. Сегодни в клубе двор дает маскерад. То-то тесноты будет! Вчерась был бал в Грановитой палате. Теснота и духота не описанные. Площадь, Соборы и Иван Великой: все усыпано людьми. В четверг или пятницу на театре будет танцовать <Ш. Ле> Пик. Я заболтался а мне пора одеваться. Павлу Львовичу <Батюшкову> кланяется Алексей Петрович, Иван Семенович Каразлов. А я благодарю за писание. Поцалуйте за меня, кто вам всех дороже. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 38-39 об.).

<199>[807]

1787 года Июня .30. дня Москва
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Приближается время, что и о Петербурге помышлять мы начинаем. Завтра к вечеру Государыня изволит отправляться в Петровской дворец, что на Петербургской дороге. Сегодня будет она на вечер в Кускове Графа П.Б. Шереметева[808]. Великие Князья не поедут. Вчерась был маскерад придворной в доме дворянского клоба. В нем была теснота и жар черезвычайной. Однако Государыни и Великих Князей не было. Вчерась в обедню в Соборе Государыня изволила пожаловать Платона митрополитом[809]. Сын двухлетний Алексея Григорьевича Орлова пожалован капитаном гвардии[810].

Сегодня, т.е. на другой день вчерашнего письма моего и 1 июля, я еду во дворец на свое дежурство. Говорили, чтоб ехать сегодня в Оружейную палату. Сегодня к вечеру в Петровской. Может быть мимоездом заедут в Театр, где играют сегодня пролог на прибытие Государыни соч. М.М. Хераскова. А завтра на том же театре будет танцовать наш петербургский Пик[811] балет свой *Дезертера*[812]. В заключение письма моего, прошу бога о

---

[807] Адрес: «Его Превосходительству Милостивому государю Никите Артемоновичу Муравьеву в Санктпетербурге».

[808] Шереметев Петр Борисович (1713-1788) – граф, генерал-аншеф, обер-камергер Императорского двора, сенатор, с 1780 г. – московский губернсктй предводитель дворянства.

[809] Левшин Петр Георгиевич (1737-1812) – митрополит Платон (с 1787), придворный проповедник, законоучитель наследника престола, член св. Синода.

[810] Орлов-Чесменский Иван Алексеевич (1786-1787) – сын графа А.Г. Орлова и Е.Н. Орловой-Чесменской.

[811] Ле Пик Шарль (1744-1806) – французский танцовщик и хореограф; с 1787 г. – первый танцор, с 1792 г. – главный балтмейстер императорской труппы в Петербурге.

[812] «Дезертир» – балет (по пьесе М.-Ж. Седена), в котором исполнил главную партию Ш. Ле Пик (балетмейстер – Ж. Доберваль; 1784). Балет был популярен в 1770-1780 гг., ср., напр., сообщение «Санктпетербургских ведомостей» от 26 января 1776 г.: «После сего представления играна двумя молодыми Кадетами некоторая комическая забавная Сцена и оная заключена была Балетом называемым *Дезертер*. Нарочно сочиненный для них сей белет, расположен толь приличным военному их учению образом, что восхищенны зрители чаяли видеть в сии минуты вместо забав самые мужественные полевые экзерциции, кои вмещены были в танцы со свойственною к тому музыкою наипристойнейшим образом. Так некогда мудрый Улис испытывал младова Ахиллеса, дая ему чувствовать посреди забав и приятностей, что есть вещи, кои напоследок он забавам предпочесть будет должен, и безтрудно познал кроющегося между приятностьми Защитника Отечества. Виден и в отраслях российских сыновь тот же дух, возбуждающий их боле к полезному нежели приятному предуспеванию. Сим образом предводящее их Российское Божество, наполняя

сохранении драгоценного здравия вашего и, перепоручив себя в родительскую милость, с глубочайшим высокопочитанием навсегда пребуду

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна, братец Сергей Михайлович! Здравствуйте. Я вас очень люблю в дали как в близи и надеюсь, слепо надеюсь, ничего не рискуя, что вы меня ежели не также, так лучше любите. Сашеньку поцелуйте за меня. Отсутствие мое заслужило ли ваши сожаления? Кланяйтесь всем моим милым Муравьевым, Ханыкову, Батюшкову. На меня пусть не сетуют. Я в Москве. Извинение, которое им недостаточно.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 36-37).

<200>
1787 года Июля .5. дня Петровск.<ий дворец>
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Мы сегодня накануне нашего отъезда в Петербург. Я давно не имел счастия получать писем от вас и от сестрицы. Только бы вы были счастливы! Я так зажился было, что мне и полюбилось, очень полюбилось. Вчера, то есть 4 числа в воскресенье, Государыня изволила выехать по утру в 8 часов. Мы будем, так полагается 20 число в Царское. Захарушка <Муравьев>, я думаю, приехал.

Здесь очень хорошо, очень тепло. Я думаю, здесь жить очень здорово. Однако не очень дешево, я занял у управителя К. Долгорукова 50 рублей. В чем нижайше прошу прощения. Впрочем, желаю поскорее сам иметь счастие видеть вас и цаловать родительские руки ваши, с вечною преданностию пребываю

ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Фешинька, Сережинька и Сашинька. Я ваш очень покорной и усердной слуга, что, приехав, персонально вам донести имею. Между тем, никто из вашего почтенного общества ко мне не пишет. У меня сколько персиков! Объеденье! Кувыркаюсь усерднейше перед их сиятельствами Ванюшкой <И.М. Муравьевым мл.>, Павликом <П.Л. Батющковым>, Васинькой <В.В. Ханыковым>, Варинькой <В.М. Муравьевой> и унижаюсь недостойно честного человека. Сожалею смиренно что они не в Москве. Я бы имел еще очень много важного сказать; но время не допускает.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 40-41).

<201>
1787 года Июля .13. дня Валдай
Милостивой Государь батюшка!
Никита Артемонович!

воспитанниками Храм Минервин, препоручает Марсу предводить их в юности изъявляемое к Отечеству усердие. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО при семь зрелище изволила оказать отличное свое удовольствие, взирая на плоды премудрых своих заведений, устроенных к твердому и потомственному блаженству своего народа и к удивлению целого света» (СПб Ведомости, 1776, с. 61).

Скоро я буду иметь счастие быть возвращену вам из нашего похода. Сегодня мы отдыхаем в Валдаях: не для того, чтоб отдохновение было надобно; но затем, что выгодное избрание ночлежных дворцов того требует. Завтре ночуем мы в Крестцах, после завтра в Бронницах, в пятницу приедем обедать в Новгород, где и ночуем. От Новагорода поход наш ускорится вместо двух станций мы возьмём по три и окончим всю дорогу в два дни. А именно, в субботу из Новагорода выехав, будем ночевать в Чудове; а в воскресенье к вечеру приедем в Царское село. Это будет 18 число. Но я думаю не буду иметь удовольствия видеть вас на другой день; потому что это день моего дежурства придет, другой день нашего приезда. Я очень радуюсь моею здешней квартирою. Я стою один и занимаю уездный суд. Незапность проливного дождя, замочившего письмо мое и уездной суд, перервало было писание мое. Все тверские вам кланяются. Мы у них обедали и ночевали. Ввечеру была играна благородными воспитанниками драма, сочиненная для Великих Князей директором училища Игнатьем Антоновичем Тейльсом. В актерах были и дети Анны Федоровны, Федор, Павел и Иван Ивановичи <Вульфы>[813]. Первой играл старого отставного дворянина очень удачно. Я жил в Москве и живу теперь в дороге очень довольно и весело, по дружбе моих товарищей, с которыми очень весело. Мне не остается ничего желать более как вас найти здоровых и веселых, о чем усерднейше прошу бога. Мысленно цалую ручки ваши я с сыновнею любовию и преданностию навсегда пребываю

Милостивой Государь батюшка!
ваш нижайший сын и слуга
Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Здравствуй. Желаю тебе всех благ вышнего, которых ты желать себе хочешь и достоина. Кланяюсь Сергею Михайловичу и благодарю за театральные новости. Мне дома комиссия от К. Анны Андреевны <Урусовой> поцаловать всех вас зачиная с Сашиньки. У вас в Москве новая племянница родилась 4 июля Катерина Петровна Лунина[814]. Родильница приказала вам очень кланяться. Ванюшке, Павлику и всем сватьям мое благоговение.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 52. Л. 42-43 об.).

[813] Вульф Федор Иванович (1774-1820) – офицер, помещик; Вульф Павел Иванович (1775-1858) – поручик лейб-гвардии Семеновского полка; Вульф Иван Иванович (1776-1860) -- поручик лейб-гвардии Семеновского полка.

[814] Риччи Екатерина Петровна (урожд. Лунина; 1787-1886) – дочь Петра Михайловича и Авдотьи Семеновны Луниных, жена итальянского аристократа и литератора графа Людовика Миньято Риччи.

1788

<202>++

1788. года Сентября .25. д.<ня> С<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна!

Желаю от всего моего сердца вам и маленьким вашим здоровья и благополучия. Мы слава богу здоровы и совершенно в том ж состоянии, как вы нас оставили. От вас писем после Тверскаго отъезду вашего не получали: что некоторым образом и возбуждает опасения наши. Мы в неизвестности, где полагать вас, за Москвою ли и как далеко. При сем посылаем полученные от Александра Михайловича писма и вексель надорванной. Коляска сегодни отправлена. Все наши вас благодарят за напоминание ваше и вам кланяются. В коронацию пожалованы Наместниками Волков[815] в Тобольск, Пиль[816] в Иркутск; в Губернаторы в Рязань Кологривов[817], в Псков, Зуев. Большия Кресты Володимирские даны Графу В.Пл. Пушкину, Еропкину[818]. Роман Ив. Габлицль[819] получил четвертаго. Гвардия завтре или послезавтре войдет в город. Мы нетерпеливо желаем слышать о благополучном приезде вашем во своясы. Будьте здоровы, щастливы: будьте терпеливы, великодушны, мог бы я также пожелать человечку, котораго я чрезвычайно почитаю и люблю и которая сбережением своим зделает щастие своих ближних. Прощайте[820].

Были еще к вам писма от старосты об уборе хлеба и о ткаче, я думаю, которых мы не разсудили заблаго посылать. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 8-8 об.).

<203>++

Ноября .7. д.<ня> <1788>[821]

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Мы получили приятное писание ваше от .13. октября. Мы все слава богу здоровы и благополучны и желаем спокойствия по окончании трудов дорожных. Не безпокойтесь неполучением писем наших и будьте довольно великодушны, чтоб простить мне излишество моей лености. Мы однако не были в молчании, не знаю каким нещастием писма наши пущенныя в Рязань, в Кирсанов, к вам не дошли. Писма довольно нужные, где включены были писма Александра Михайловича к вам, в деревню к приказчику и возвращенной с надз<и>ранием вексель. Отдаление и неизвестность случаев причина сему неполучению. Причины лености, я немогу показать. Безперестанное движение, туда, сюда

---

[815] Волков Алексей Андреевич (1738-1796) – государственный деятель, генерал-поручик, в 1788-1794 гг. – генерал-губернатор Иркутского и Колыванского наместничества.

[816] Пиль Иван Алферьевич (1730-1801) -- государственный деятель, генерал-лейтенант, в 1788-1796 гг. – генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничества.

[817] Кологривов Александр Михайлович (1743-1794) – полковник, действительный статский советник, в 178801793 гг. – правитель Рязанского наместничества.

[818] Еропкин Петр Дмитриевич (1724-1805) – военный и государственный деятель, сенатор, в 1786-1790 гг. – московский главнокомандующий.

[819] *Габлиц Роман Иванович (Габлицель, Габлицл*; 1758-1825) -- надворный советник, секретарь конторы Исаакиевской церкви (1783), секретарь по переписке при генерал-губернаторе (1788).

[820] Далее приписка отца.

[821] По-видимому, это письмо написано 7 ноября 1788 г.: в тексте упоминаются сыновья Лунина, но Михаил Лунин родился 18 декабря 1787 (см.: Эйдельман, 1970, с. 13), а 5 апреля 1789 г. в своем письме Муравьев пытался утешить сестру Федосью Никитичну со смертью сына Александра Лунина. Кроме того, Муравьев писал о беременности сестры: очевидно, речь шла о Никите Лунине, который родился в следующем 1789 г.

по пустому, по напрасну, сон, комедия, кофе, вист, глупыя размышления, глупыя извинения. Не стану более говорить о вине и утешимся всеми чувствованиями добраго сердца. Поцалуем мысленно наших сельских дворянина и дворянку, их Алексашу и Мишу[822], пожелаем им здоровья, веселья, теплых харом, мягкой постели, добросердечнаго товарища, наварных щей и полныя житницы. У нас вчера целой день пробесился <В.В.> Ханыков, которой вас любит по прежнему и кланяется; назначенной советником посольства Иванушка Муравьев <мл.>, у котораго зубы болят, тудаже дурачился и учили петь сквернословныя песни нашу девицу Николая Вульфову[823]. Вот наше похвальное препровождение времени. Петр Иванович[824] декламирует громко главу из Сенеки о презрении богатства. У нас зима почти стала, после месяца распутицы. Вчера в ночь Нева стала. Завтре мои имянины и рождение Варвары Михайловны, которая у нас обедает. Она перестала кормить свою Вареньку. Я уверен что за здоровье именинника выпито будет завтре в Никольском. Именинник благодарит всю честную компанию и просит за именинной подарок прощения нерадений его. Батюшка уехал в Сенат; он пишет к вам на каждых газетах: так я не опасаюсь отправить писма моего без его приписаний. Ежели ждать, писму не йти; для того, что сегодни не понедельник, а вторник. Вчерась пробешенося было и кончено одним мысленным намерением. Почтовые дни не довольно длинны для меня. Батюшка изволит знать беременность твою сестрица и просит только, чтоб ты была весела и терпелива.
Аминь.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Ч. 74е. Л. 7-8 об.)

<204>++

1788. года Ноября .13. д.<ня> С<анкт->Пет.<ербург>
Батюшка братец Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна!

Мы зачинаем получать исправно писма ваши: обстоятельство, служащее к обличению моей лености. Покрайней мере должно против ней предостеречься и при первом недостатке писем к ней взять прибежище, а не себя безпокоить безполезною печалью. Мы все слава богу здоровы. Ежедневной круг упражнений наших все тот же: тоже общество. По сему сколько извинений можно придумать. Я полагаю что тех скорее извинишь, кого любишь. Усердно благодарю за поздравление с моими праздниками. У нас все наши обедали. Все вам кланяются. Мы ездим часто к Александру Федоровичу <Муравьеву> на вечера, так как и сегодня едем. Батюшка советует, лучше ехать в Москву для успокоения вашего, если можно. Более всего быть твердою, великодушною: ето должности всякаго добраго человека, еще более матери, супруги. Нам очень приятно быть должно, если воспоминания наши не огорчат вас только, но служить облегчением могут. Наша добрая воля есть все то, что мы можем принести благодеяниям Божиим. Попечения вашей маленькой фамилии, пляски Сашинькины, разговоры и наставления, спокойствие, бант, лакомство сельскаго хозяйства: разве все ето не привязывает, не разсеивает? Вы сами более чувствуете нежели я могу вспомнить. В недостатке советов вы видите желания наши. Ник. И. Вульф исполняет всегда ваши приказания и Надежда Никифоровна вам кланяется. Мария Ивановна <Колокольцева> о вас спрашивала и, кажется, не очень довольна, что вы к ней не пишете. На вашем месте я бы имел случай наслаждаться спокойствием и сном и

[822] Александр (1785-1789) и Михаил (1787-1845) Лунины – сыновья Сергей Михайловичу Лунина и Федосьи Никитичны Луниной (урожд. Муравьевой).

[823] Вульф Николай Иванович (1771-1813) – сын Ивана Петровича и Анны Федоровны Вульф.

[824] Вероятно, Вульф Петр Иванович (1767-1832) – сын Ивана Петровича и Анны Федоровны Вульф.

возвратился бы в город гораздо толще, нежели поехал. Но прекращая вранье мое желаю вам сердечно всякаго благополучия и остаюсь навсегда ваш верной слуга и брат М. Муравьев.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 9-10).

<205>++
1788. года Ноября .17. д.<ня> С.<анкт-> Петерб.<ург>

Батюшка братец Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна, желаю от всего моего сердца всякаго благополучия вам и вашим маленьким Сашиньке, Мишиньке. Мы слава Богу все здоровы. Родные и знакомые вам кланяются. У нас часто бывает Александр Ф.<едорович Муравьев> и Николай Иванович Данилевский, которой очень много служил Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>. Я с Петром Ивановичем три дни в неделю в манеже ездим. Ваш Иван очень прилежно учится и хорошо и ездит школу. Григорьев от него отказался, говорит что его выучил и денег назад половины не отдал, потому де, что рядился за 150, а не за 50. Но вам, глубоко упражняющимся в экономии до наших конных обстоятельств мало нужды. Агличанки здесь Самборской не находит и пишет в Англию. Что касается матушка сестрица до вашей беременности, батюшка передумывает. Может быть езда в Москву будет вам слишком тягостна. Не лучшели познакомиться с Княгинею Голицыною. Впрочем оставляет совершенно на вашу волю[825].

Батюшке надобно было ехать в Сенат и для того и перервал свое писание. Дни мои через чур скоро кончатся и недостают моим суетным желаниям и бездельным упражнениям. Комедии, новые книги, вот мое главное препровождение времени. Руская история меня занимает; бог весть с каким успехом. Проекты быть когда нибудь в хорошем обществе, никогда не исполняются. Не нахожу в себе довольно решительности и разума. Вот мое состояние. Желаю вам всякого благополучия, препоручаю себя в любовь и дружбу вашу,

ваш покорнейший слуга
Михайло Муравьев.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 11-12).

<206>++
1788. года Ноября .27. С<анкт->Пет.<ербург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Vous me voyez penétré de douleur et de repentir de vous avoir affligé par mon silence. C'est ma lâche paresse, mon Egoisme, qui me fait savourer, le plaisir insipide du présent, sans prévoyance, sans refléxion. J'ecris peu, à la longue, j'en perds l'habitude. Est-ce bien? L'aveu du vice, n'en fait point l'Apologie. Mais en vous demandant pardon du fond de mon coeur, je crois perdre quelque chose de la noirceur de mon procédé. Soyer assez généreuse, assez philosophe, que de me passer quelquefois ces oubles de moi-même; mais sur tout ne payer pas mes forts par vos propres souffrances. Il ne nous est rien arrivé, ni en bien, ni en mal; si toute fois une existence tranquille, aisée, n’est point un bien réel. Nous sommes dans ce moment, on ne peut pas mieux, jamais seuls, jamais affaires nous passons des longues journées à ne rien faire absolument. Les lundis on soupe chez Warvara Michailovna, les jeudis chez mon père. On joue beaucoup; on se ruine peu et on s’ennuie sans mot dire. Moi, je commence à m’endormir les soirées régulièrement. Hier j’ai gagné 5 roubles au Pharaon par le secours puissant du cousin Paul <Батюшков>, qui ne rêve au trechose quelle 1er Janvier. Son antagoniste juré Demetrius Semenovitch est souvent de la partie. Vous êtes privée de ces plaisirs délicieux, mais les soins <?>, les plaisirs, les chagrins, le devoir sacré d’une mère de famille vous en tiennent lieu. Les distraction d’un célibataire valent-elles la solitude d’une mère tendre, d’une

[825] Далее приписка посередине страницы рукой Никиты Артамоновича Муравьева, после которой продолжил свое письмо Михаил Никитич.

épouse sage et vertueuse? Car vous l'êtes au tribunal de votre conscience. Ces consolations pures, qu'on tire du mérite de ses actions et que vous savez apprécier, compensent bien la privation d'une société chérie. Dumoins tel a été le raisonnement d'après le quel vous avez agi. Tout hommes a ses devoirs. Plus on sait les remplir, et plus on est vertueux et plus on s'approche du bonheur. Il n y a pas de calamite de situation pénible, d'ou l'on ne puisse sortir avec de la fermeté, de la patience. Il y a un être-suprême, auteur et source d'espérance, qui veille, quand nous nous négligeons. Ques est le bien que nous nous sommes prouvés par nos pleurs, nos chagrins, notre désespoirs. Ingénieux à nous exagérer nos ennuis, nous ne sommes jamais sincères sui la somme des prospérités qui mous sont tombées en partage. N'est-ce rien que la considération meritée, le sentiment de ses vertus, l'attachement de nos proches, de nos amis, le repos, le santé? Et cette tranquilité de l'âme, que ne se reproche rien, qui ne hait, n'envie personne et qui se livre doucement à la conduite de la Providence de combien n'approche-t-elle pas des souverain bonheur? Vous me demandiez des lettres et je vous envoyes des prônes. C'est que je ne sais pas écrire des lettres. Retiré, quoique au sein d'une capitale, désoeuvré, ne conversant qu'avec moi-même, je ne sais ni commencer, ni finir.

De toutes ces Dames, dont vous me parlez je n'ai vu aucun Mr Chitrof est en semestre, il est allé à Moscou[826]. Степан Гр. Мельгунов[827] также едет в Москву с намерением я думаю итти в отставку, все принимаются, по вашему, за деревенскую жизнь и экономию. Не знаю от кого я слышал будто Александр Петрович Ермолов женится на Грушецкой[828]. Наш Иван Матвеевич <Муравьев мл.> поехал к батюшке своему на две недели: после чего надеется пообещанному ехать в посольство, всегда любезен, жив, весел и умен. Алексей Минич переходит в военную службу. По прозьбе Аполлона Андреевича Волкова потребован он по именному указу Валентином Платоновичем <Мусиным-Пушкиным> в Генерал-Квартермистры-Лейтенанты. Вот батюшка братец Сергей Михайлович, видите, что я не

[826] Перевод: «Вы видите меня проникнутым скорбью и раскаянием за то, что я огорчил вас своим молчанием. Это моя постыдная лень, мой эгоизм заставляют меня смаковать пресное удовольствие настоящего – без предусмотрительности, без размышления. Я мало пишу; со временем я теряю эту привычку. Хорошо ли это? Признание порока ещё не служит ему оправданием. Но, прося у вас прощения от всего сердца, я как будто снимаю часть черноты со своего поступка. Будьте настолько великодушны, настолько философичны, чтобы иногда прощать мне эти забвения самого себя; но, главное, не расплачивайтесь за мои проступки собственными страданиями. У нас ничего не случилось – ни хорошего, ни дурного; если только спокойное, обеспеченное существование не есть само по себе действительное благо. В настоящий момент мы живём как нельзя лучше: никогда не бываем одни, никогда не заняты делами; мы проводим длинные дни, решительно ничего не делая. По понедельникам ужинают у Варвары Михайловны, по четвергам – у моего отца. Много играют; мало разоряются и скучают, не говоря ни слова. Что до меня, я начинаю исправно засыпать по вечерам. Вчера я выиграл пять рублей в фараон при могущественной помощи кузена Павла <Батюшкова>, которому не снится ничего, кроме первого января. Его заклятый противник Дмитрий Семёнович часто бывает в партии. Вы лишены этих восхитительных удовольствий; но заботы, радости, огорчения, священный долг матери семейства заменяют вам их. Разве развлечения холостяка стоят уединения нежной матери, мудрой и добродетельной супруги? А вы именно таковы перед судом собственной совести. Эти чистые утешения, которые извлекают из достоинства своих поступков и которые вы умеете ценить, вполне вознаграждают лишение дорогого общества. По крайней мере, таково было рассуждение, согласно которому вы поступили. У каждого человека есть свои обязанности. Чем лучше умеешь их исполнять, тем ты добродетельнее; а чем ты добродетельнее, тем ближе подходишь к счастью. Нет такого бедствия, такого тяжёлого положения, из которого нельзя было бы выйти с твёрдостью и терпением. Есть Верховное Существо, творец и источник надежды, которое бодрствует, когда мы сами о себе забываем. Какую пользу принесли нам наши слёзы, наши огорчения, наше отчаяние? Изобретательные в том, чтобы преувеличивать свои неприятности, мы никогда не бываем искренни в оценке той суммы благополучия, которая выпала на нашу долю. Разве ничего не значат заслуженное уважение, сознание своих добродетелей, привязанность родных, друзей, покой, здоровье? А это спокойствие души, которая ни в чём себя не упрекает, никого не ненавидит, никому не завидует и кротко предаётся водительству Провидения, – насколько же оно приближает нас к высшему счастью? Вы просили у меня писем, а я посылаю вам проповеди. Дело в том, что я не умею писать писем. Уединённый, хотя и в самом сердце столицы, праздный, беседующий только с самим собой, я не умею ни начать, ни закончить. Из всех этих дам, о которых вы мне пишете, я не видел ни одной. Господин Хитров в отпуске; он уехал в Москву».

[827] Мельгунов Степан Григорьевич (1756-1819/23) – бригадир, действительный тайный советник.

[828] Еромолов Александр Петрович (1754-1835) – офицер, адъютант Г.А. Потемкина, фаворит Екатерины II; женился в 1790 г. на Елизавете Михайловне Голицыной (1768-1833), дочери князя Михаила Михайловича Голицына.

скуп писать и писал бы еще более, если бы бумаги достало. В гостиной у нас играют в рокамболь, а кто-то не играет. Мальчик ваш Кузьма Федоров весьма был худо содержан у медника, бит молотом в спину и ничему не учен. Батюшка был принужден отнять его и отдать к другому мастеру…Деньги ваши сто рублей прежде и .50. сегодни получены исправно. Андрей Афанасьевич Самборский[829] болен и давно небывал в город. Он писал в <нрзб>[830].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 13-15).

<207>++
1788. года Декабря .7. дня С.<анкт->Пет.<ербург>
Милостивой Государь мой братец Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна!

От всего моего сердца желаю вам всякого благополучия и прошу поцаловать милых Сашиньку и Мишиньку. Мы все слава богу здоровы. Вчерашнее писмо ваше уведомляет нас, что и вы подобно здоровы. Уединенной ленивец, я препровожу дни свои в праздности, то волею, то неволею. Дежурю через день с Тутолминым, по причине болезни двух товарищей. Морозы заключают нас в домы: столь они велики и постоянны. В городе были большие нарядные балы у посланников и последний у Князя <А.А.> Вяземскаго, премноголюдный, сказывают, по случаю свадьбы дочери его с дюком Серра-Каприолою[831]. Большой боярин московской Граф Петр Борисович Шереметев умер, после длинной и спокойной жизни. Наш новой маиор Ванюшка <Муравьев мл.> не приехал еще от батюшки своего, куда поехал он препроводить недели две празднаго времени. Quant à mes fautes, je les passe prudemment sous silence, car je me crois absous et je compte de n'y retomber plus. Vos reproches me font ressentir toute la tendresse que vous me portez. Vous me garderez ce dépôt de bonheur et de consolation. Qu'il n'y ait ni tort, ni raison d'être heureux que je manque au devoir de l'amitie. C'est la paresse pesante, destructrice de toute pensée bonne et généreuse qui m'énerve et m'assoupit. Point de société, point de liaisons. Je borne mon existence à l'uniformité <?> des places et des personnes, que je vois. Vous voyez que la différence de la ville et de la campagne ne fait rien. On n'est riche que de soi-même. Bonheur, chose indéfinissable habite tous les reduits et ne se laisse claquemurer mille part. Et qu'y-at-il de plus doux, vous le savez mieux que moi, que de consacrer tous ses instants, sa solitude, ses soins et ses ennuis mêmes au bien de sa petite famille. Vous jouissez du bonheur que vous préparez[832].

---

[829] Самборский Андрей Афанасьевич (1732-1815) – протоиерей Русской православной церкви, законучитель и духовник Александра I.

[830] Письмо на этом обрывается.

[831] Серра-де-Каприола Антонио Мареска-д'Оннорсо (1750-1822) – неаполитанский дипломат, полномочный неополитанский министр при русском дворе; в 1788 г. женился на Анне Александровне Вяземской (1770-1840), дочери генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского.

[832] Перевод: «Что касается моих проступков, я благоразумно обхожу их молчанием, ибо считаю себя прощённым и рассчитываю более в них не впадать. Ваши упрёки заставляют меня почувствовать всю нежность, которую вы ко мне питаете. Вы сохраните для меня этот залог счастья и утешения. Пусть не будет ни вины, ни причины быть счастливым, чтобы я нарушил долг дружбы. Это тяжёлая лень, разрушительница всякой доброй и великодушной мысли, расслабляет меня и усыпляет. Никакого общества, никаких связей. Я ограничиваю своё существование однообразием <?> мест и лиц, которые вижу. Вы видите, что различие между городом и деревней ничего не меняет. Человек богат только самим собой. Счастье, вещь

Когда я зачну писать, так незнаю кончить. Ето сказывают признак ленивых. Прощайте. Более всего будьте здоровы и веселитесь. Зима короче нашей и весьма конечно приятнее здешней. Спокойствие, праздность, лишение забот: я незнаю, но мне кажется, что ето должно быть весьма приятно. Я бы хотел только, чтоб Петербург менее отдален был от Никольскаго. Препоручая себя в вашу дружбу, навсегда пребуду

ваш вечной слуга и друг
Михайло Муравьев[833].
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 15-16 об.).

<208>++
1788. года декабря .28[834]

Матушка сестрица Федосья Никитишна, виновнейший из братьев просит твоего великодушнаго прощения. Будь весела, будь здорова. Меня разсеяния, леность, служба совершенно разстроивают. Сердце холодное и самолюбивое не помещает тонких чувствований. Катерина Ивановна С. тебе кланяется. Дело Гавр.<иила> Р.<омановича Державина> не хороший имело успех. Губернатором в Тамбов определен Генерал-Поручик Зверев[835]. Многие защищают Г.Р. <Державина>. Зайцов говорит, что за столом у Александра М. особливо Гарновский[836]. Секретарь Князя Потемкина ревностию брал его сторону. Батюшка Сергей Михайлович, желаю вам всякого благополучия и милым вашим маленьким. Прощайте[837].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 17-17 об.).

неопределимая, обитает во всех укромных уголках и не даёт себя запереть нигде. И что может быть слаще – вы знаете это лучше меня, –чем посвящать все свои мгновения, своё уединение, свои заботы и даже самые скуки благу своей маленькой семьи. Вы наслаждаетесь счастьем, которое готовите».

[833] Далее приписка отца.

[834] Адрес: «Его высокородию господину бригадиру милостивому государю моему Сергею Михайловичу Лунину».

[835] Зверев Василий Степанович (1723-1798) – военачальник, генерал-поручик, в 1789-1794 гг. – правитель Тамбовского наместничества.

[836] Гарновский Михаил Антонович (1764-1810/17) – чиновник, адъютант и доверенное лицо Г.А. Потемкина; остался в истории благодаря своему конфликту с Г.Р. Державиным.

[837] Далее приписка отца Н.А. Муравьева.

<209>
1789. года Генваря .4. дня. С.<анкт->Петерб<ург>[838].

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, желаю вам с любезными детьми от всего моего сердца здоровья и благополучия и поздравляю с новым годом. Приятное письмо ваше от 16 декабря уведомляет нас о всех обстоятельствах жизни вашей, в которых, кажется, нет ничего противного. Желаемое разрешение от бремени и возвращение здоровья сделает их еще более радостными. Терпение и совершенное упование на Бога, кажется, надежнейшие средства, которые в человеческой воле. Что касается до нас мы слава богу здоровы. Новый год обрадовал некоторых друзей наших. Павел Львович <Батюшков>, Дмитрий Семёнович[839] вошли в офицеры. Лев Андреевич <Батюшков> приехал сюда на несколько дней до нового года и проживет еще несколько. Маленькой Муравьев Николай Назарьевич[840] отставлен капитаном. Михаил Львович[841] выпущен в капитаны. О вашем Мишеньке[842] я давно уже просил Николая Ивановича, и он обещал. Я надеюсь скоро прислать к вам паспорт. Наши милые Вульфы сбираются в отпуск, которой им на сих днях обещан. У нас также как и у вас видно, сплошная и чрезвычайная стужа: частехонько по -25 градусов. К великому прискорбию нашему дело Гаврилы Романовича <Державина> взяло совсем иной оборот. Мы понимаем здесь, чего стоит вам лишение его Катерины Яковлевны <Державиной>. Исследование[843] может быть будет благоприятнее. Это последнее утешение достоинства. Батюшка приказывает мне писать о ваших людях. Повар говорит о себе, что он ещё не в состоянии отправлять стола. Берейтер просил оставить Ивана еще до лета, что он ещё ни коновал, ни берейтер исправный. Батюшка ожидает на сие вашего ответа. Впрочем, повторяя мои искренние желания о благополучии вашем с истинною преданностию и любовию навсегда пребуду

ваш верной и покорной слуга и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 2-3).

<210>
1789. года Генваря .11. дня С.<анкт>Петерб.<ург>

---

[838] Адрес: “В Кирсанове что в Тамбовском намест. Милостивому Государю моему, Сергею Михайловичу, Господину Бригадиру, Его высокородию Лунину. В селе Никольском”. Приписки Н.А. Муравьева (отца М.Н. Муравьева) мы в данной публикации не воспроизводим.

[839] Вероятно, кн. Д.С. Львов (1775-1834), участник русско-шведской войны, впоследствии генерал-майор.

[840] Н.Н. Муравьев (1768-1840).

[841] Возможно, М.Л. Трескин (1765-1839), с 1784 г. служивший в л.-гв. Измайловском полку и 1 января 1789 г. выпущенный капитаном в 6-й Оренбургский полевой батальон.

[842] М.С. Лунин (1787-1845) — сын С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой, подполковник лейб-гвардии (1822), декабрист.

[843] Т.е. расследование мнимых злоупотреблений Державина в Тамбове. Подробное изложение фактов, связанных с отставкой Державина, следствием и судом над ним, закончившимся его полным оправданием, см. в его биографии, составленной Я.К. Гротом (Державин 1864-1883: 8, 553-706); о роли С.М. Лунина и М.Н. Муравьева, стремившихся помочь Державину, в его см.: Державин 1864-1883: 8, 559.

Милостивой Государь мой Сергей Михайлович, любезной друг и сестра Федосья Никитична! Дай бог, чтоб скорое получение ожидаемых нами писем ваших обрадовало нас извещением нас о благополучии вашем. Тягость сестрина делает нам чувствительнейшим пропущение и нескольких почт. Величайшая милость Божия, которой мы просим и надеемся состоит в счастливом разрешении от бремени. Что касается до нас, мы слава богу здоровы. Все наши дни совершенно подобны один другому. Батюшка изволит ездить по два раза каждой день в Сенат. Я расточаю праздные мои три дни без всякого размышления. Покупаю много книг, мало читаю. Хожу, брожу, езжу в Комедии, увожу с собою Петра или Николая <Вульфов>. Но они скоро ожидают отпуску. Сегодня начались выборы здешнего дворянства. Иван Афанасьевич перед новым годом приехал и едет назад, потому что ему недосталось и он ещё в семидесятых. Сказывают будто Захар Матвеевич[844] к нам будет и назначен по расписанию в новой бомбардирной батальон, которой здесь. Павел Львович <Батюшков> завтра пойдет в первой раз в сутки. Очень хорош офицером. Вот все наши новости. Будьте здоровы. Прощайте.

В деле Гаврилы Романовича <Державина>вы я думаю довольно известны. Общие сожаления. Особы противно мыслящие ускорили должно думать решение оного. Всякая просьба и старательство после указа[845] бесполезны были бы. Княжеское прибытие[846], ожидаемое с часа на час могло бы придать стороне и справедливости его более силы. Я чувствую, сколь прискорбна должна вам быть сия потеря. Мне собственно то сожалетельно, что я не мог, так как хотел быть исполнителем желания вашего.

Уведомите ради бога о себе. Будьте здоровы и благополучны.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 4-5).

<211>

1789. года Генваря <б/д> <б/м>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, душа моя сестрица Федосья Никитична желаю вам мои милые и вашим маленьким здоровья и благополучия. Слава богу мы получили от вас письмо, не получая несколько почт. Признаюсь, что неприятно лишаться известий таким образом. Будьте здоровы для благополучия нашего. Мы вам даём пример. Лености моей не подражайте. Она только мне принадлежит. Захар Матвеевич <Муравьев>, к которому я не писал, скоро будет. Какой отчёт дать? Николай Михайлович Мордвинов уже приехал, все полны храбрости и радости. Граф Иван Петрович Салтыков[847] на сих днях сюда прибыл. Суворов[848], во ожидании князя <Г.А. Потемкина> остановился сказывают в Порхове. Князь ещё не приехал. Я спешу в Эрмитаж. Вот мои новости. Николай Ник.<олаевич> Муравьев[849] приезжал Курьером из Дании со своей эскадры. Сказывает, что проезжая Пруссию и прочие места был свидетелем удивления иностранных о взятие Очакова. Я заболтался. Прощай.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 6-6 об).

<212>

---

[844] З.М. Муравьев (1759-1832) – артиллерийский офицер, сын М.А. Муравьева мл., двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[845] Об удалении Державина с должности тамбовского губернатора.

[846] Т.е. прибытие кн. Г.А. Потемкина ([1739-1791], русский военный и государственный деятель).

[847] И.П. Салтыков (1730-1805) — генерал-адъютант, глава Владимирского и Костромского наместничеств.

[848] А.В. Суворов (1730-1800) — русский полководец.

[849] По-видимому, Н.Н. Муравьев (1768-1840) — лейтенант (1788), участник сражения при Готланде.

1789 года Генваря .25. дня С.<анкт>Петерб.<ург>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы обрадованы получением вашего милаго писма от 6 сего месяца. Ничего желать более мне бы не осталось, если бы не состояние уверения о благополучии вашем продолжилось. Мы слава богу здоровы. Желаем вам сердечно всякаго благополучия. Должно помогать себе, как-нибудь. Остаток в воле Божией. Исправя, как могу, поручения ваши, обстоятельно ответствовать буду. Алексей Минич <Муравьев> сюда из Москвы приехал на службу. Очень хорошо принят Графом В.П. Мусиным Пушкиным. Петр и Николай Ивановичи <Вульфы> сегодни отъезжают, отпущены по Генварь. Исторической Календарь при сем посылается. Книги и фонари, батюшка Сергей Михайлович, с удовольствием искупить постараюсь. Я сбираюсь сегодни и теперь же в Эрмитаж, где может быть представлять будут новую оперу, музыки Мартиниевой, *Горебогатыря Косометовича*[850]. Образ жизни моей видите, что все таков же. Обыкновения во мне видно очень усилились. Через два дни дежурю. Два дни или может быть и всякой день табалу[851] бью. Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> к нам переходить хочет и будет жить в каменных покоях. Захар Матвеевич <Муравьев> сказывают едет и скоро будет к нам. Князь Г.А. Потемкин ещё не приехал; но ожидают скоро. Впрочем, мысленно цалую вас и ваших милых Сашеньку и Мишеньку[852] и пребываю с истинною любовию навсегда

ваш верной слуга и друг
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 8-8 об.).

<213>
1789 года Февраля .1. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезные и милые друзья мои братец Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Вы знаете сколько от того зависит наше собственное спокойство. Мы слава богу, в сем приятном и обыкновенном положении, которого продолжение столь похоже на счастие. Батюшка иногда изволит выезжать к Александру Федоровичу <Муравьеву>, которой очень часто у нас, так как и теперь. Варенька, милая Варенька[853] придает приятности нашему обществу. Два дни Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> живёт с нами, которой тебя очень любит и часто вспоминает. Он и Николай Федорович <Муравьев> и Павел Львович <Батюшков>, которого батюшка на сих днях назад поехал, все вам обеим кланяется. Я задежурил и нынче очень часто. Отсутствие одного из наших товарищей, случайное нездоровье другого тому причиною. Сие может служить поводом в неисполнении мною приказаний ваших. Кулибин[854] говорит что ныне он не делает фонарей более. Самой большой, десять лет назад, когда материалы и работники менее стояли, продавался за 170 один. Он думает, что надобно вам той меры, которая продастся у него за 25 рублей фонарь и что двенадцати в Ригу с лишком много: по его мнению, довольно двух, поставляя один против другого в длину Риги.

---

[850] *Горебогатырь Косометович* — комическая опера Висенте Мартиа-и-Солера (1754-1806) по либретто императрицы Екатерины II.

[851] Т.е. бездельничаю.

[852] А.С. Лунин (1785-1789) и М.С. Лунин, сыновья С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой.

[853] В.М. Муравьева (в девичестве Мордвинова) (1762-1842) — жена А.Ф. Муравьева. После его смерти вышла замуж за П.М. Полторацкого.

[854] И.П. Кулибин (1735-1818), механик-изобретатель; речь идет, видимо, об изобретенном им фонаре-прожекторе с зеркальным отражателем.

Свет откидываемой фонарями простирается в даль. Итак положим с ним к вам об этом отписать. Два фонаря всегда <?> у него в готовности. Книги конечно и конечно выберу и пришлю.

Кажется, что лень моя и до вас коснулась. Нет, кто может преодолеть себя и принудить к действию, тот счастливее бедного ленивца, которой боится чувствования и труда. Мысленно цалую ваших маленьких и желаю им всякаго добра. Попечения и общество родителей есть уже величайшее. Здесь многие из армии: И.П. Салтыков, <А.В.> Суворов, Князь <Г.А. Потемкин> ожидается каждой день. С сердцем, наполненным любви и усердия, препоручаю себя в вашу дружбу

ваш верной и покорной слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 10-11).

<214>
1789 года Февраля .9. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитична, от всего моего сердца желаю вам благополучия и здоровья. Недавно был у нас некто из ваших краев, Г.<осподин> Савинской[855], имеющей письма Гаврилы Романовича <Державина> к Князю <Г.А. Потемкину>. Прошедшее воскресенье приехал сюда Князь <Г.А. Потемкин>. Множество Генералов от осады Очаковской: многие сказывают и в Москве, так и Петр Михайлович <Лунин>. Ваши труды менее славны, но не менее ли вас приятны. Вы не слышите другого звуку, кроме ударов от цепов. Вы осажаете прилежно Ригу[856]. Покорнейше благодарю за приятное приглашение в деревню. Вы знаете, что обстоятельство, которое одно удержать меня может есть продолжение моих уроков. Ныне нас только трое и недавно было двое. Но я не отчаяваюсь в другое время быть в Никольском. Простите моей мнимой ревности к службе или лучше бедному самолюбию. Признаться, я всякой день более чувствую, сколько я не достоин занимаемого мною звания. Разсеяние каждого дни, леность поглощающая мое утро, сколько минут своенравиях и тщетных сожалений, сколько других беспутной резвости, одеванье, болтанье, комедии и подобные сим безделицы, делают меня совершенно бесполезным ни себе ни другим: сверх сего мои частые дежурства. Я сыскал способ жить никем не знаем в столице и при дворе. Чувствую наперёд, что вы огорчитесь на непослушание моё и извинения. Но это кажется какая-то необходимость, тех более огорчать которые более нас любят. Мы все привязаны к таким маленьким интересам. Счастливы те, которые посвящают время и склонности свои настоящему благу жизни и которые все удовольствия согласуют с добродетелью.

По крайней мере, не будешь иметь раскаяний и все скуки и заботы обратятся в удовольствие. Разделить их с любимыми людьми, конечно прибавление счастия. Сожалительно чрезвычайно, что Надежда Никифоровне не в состоянии вас утешить. При сем прилагаем письмо к ней. Дом Федора Михайловича <Колокольцева> в печали, которая обязывает ее более остаться у них. Все наши вам кланяются. Василий Васильевич <Ханыков> вчера у нас ужинал. Он также в кадрилии[857], которую танцуют у Льва Александровича <Нарышкина>. Т.И. Тутолмин вам кланяется. Желая вам всякого благополучия, навсегда пребуду

ваш верной и покорной слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 12-13).

[855] М.И. Савинской, секретарь Г.Р. Державина (см.: Державин 1864-1883: 5, 420; Державин 2005: 23).

[856] Здесь: хозяйственная постройка.

[857] Кадриль, бальный танец.

<215>
1789 года Февраля .15. д.<ня>С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезныя друзья мои батюшка Сергей Михайлович, душа моя, сестрица Федосья Никитишна! Сегодни обрадованы мы получением вашего милого письма. До сих пор мы столько должны благодарить Бога за великие и не отменные его к нам милости. Хотя отдалены друг от друга; мы знаем о благосостоянии нашем и ничего кроме продолжения его, делать не имеем верх благополучия нашего будет, когда счастливое разрешение от бремени успокоит всех нас ожидания. С нашей стороны, ничего кроме усердных желаний представить мы не можем. Но тем более терпеливости, осторожности, великодушия требуется от вас. Сия твёрдость и предание в волю Божию может быть лучшее средство от болезни. Вчерась у нас была Елисавета Фёдоровна в первой раз после родин, которая вам кланяется. Тоже делают все наши родные. У Варвары Михайловны <Муравьевой> меньшой сын занемог было чрезвычайно: сегодня получше. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> сегодня отдыхает от трудов танцовальных, которые имел вчера в маскераде у Льва Александровича <Нарышкина>, где Государыня быть изволила. Он был в числе кадрильных кавалеров. 16 мужчин и 8 дам ее составляли. Великолепное, блестящее платье, увитое лаврами. Сегодня были мы с ним в аглинской лавке и смотрели ковры. Аршин стоит по два рубли и более; образцов разных множество. Трудность будет настоять в сыскании случая их доставить; затем что Арбенева[858] обоз уехал. О фонарях я писал к вам: покупать ли или нет? Ивана Афанасьевича <Дмитревского> здесь давно нет. Сказывают, что Захар Матвеевич <Муравьев> приехал уже в деревню к батюшке своему. Прасковью Матвеевну <Костливцеву> также ожидают в ее новокупленную деревню. Вот все наши обстоятельства. Цалуя мысленно вас и маленьких ваших Сашеньку и Мишеньку, с истинным усердием навсегда пребуду

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 14-15).

<216>
1789 года Февр.<аля> .22. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Милостивой Государь Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько я вам обязан за все ваши ласки и выражения любви! Вы вменяете мне в достоинство самое предприятие моё писать к вам; хотя письма мои ничего не сказывают любопытного и приятного. Ваши порядочно и постоянно приносят нам несказанное удовольствие. Сколько обрадует нас то, которое возвестит нам прибытие в свет маленького существа и облегчение его виновницы! Сделайте, сударыня, нам это удовольствие, будьте здоровы, сократите нам добрую и любви достойную барыню, дочь, жену, сестру, мать. Мы не пожалеем титулов, которые вы толь хорошо заслуживаете. Свидетельство тому, что мы будучи горожане, отдаём справедливость экономическим трудам помещика. Нам очень нравится, что хлеб ваш, рожь и крупа ездит в Моршу и привозит за собою новые и сияющие рубли. Здесь они не так скоро достаются. Еропкин в отпуску по .1. Апреля. Батюшка просит к себе Вистицкаго[859]. Что касается до письма сестрицына к Марье Ивановне, оно получено и по надписи доставлено. Я проводил масленицу, день и ночь, по Маскарадам, нельзя веселее. Иван Матвеевич <Муравьев мл.>, с которым во всю Ивановскую рыскали может

[858] Возможно, И.И. Арбенев (1742-1808) — генерал от инфантерии.

[859] Возможно, имеется в виду Иван Степанович Вистицкий, в 1789 г. поручик (Месяцослов 1789: 199); в месяцесловах уп. с 1780 г. (Степанов 2003: 121).

отдать мне справедливость. Он сам с середы, когда танцовал в великолепной кадрилии у Льва Александровича <Нарышкина>, и теперь ещк с умом собраться не может. Столько голов и он вскружил и столько вскружена его. Но затем теперь благоговение великаго поста успокаивает воображения наши. Множество знакомых вам кланяются: Измайловские и прочие. Несколько свадеб сыграно. Муханов конногвардейской[860] с Веригиною[861], Похвиснев Ф.И.[862] с Татищевою Рост.<ислава> Ев.<графовича>[863] дочерью. Наш Захар Матвеевич <Муравьев> был уже у батюшки своего[864], как сказывают сегодня приехавший с фамилиею Назар Степанович <Муравьев>. Впрочем, мы все здоровы и благополучны. Препоручая себя в дружбу вашу навсегда пребываю

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 16-17).

<217>
1789 года Марта .1. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Величайшее удовольствие приносит нам ваши милые письма; особливо прекрасное последнее, в котором сердце прекрасной и умной женщины, нежной матери, столь выгодно себя изобразило. Маленькой советник посольства[865] отменно тронут и обращенною к нему речью и тоном письма. Его нет теперь: франтит по городу. Дома бредит Бюффоном[866], Жан-Жаком[867], Робертсоном[868]. Ввечеру учит нас петь трио или слушает повести Очаковской осады нашего доброго витязя Захара Матвеевича <Муравьева>которой приехал к нам в пятницу на первой неделе и вам кланяется усерднейше. Николай Федорович <Муравьев> бывает у нас почти всякой вечер. Из сего описания вы видите что состояние наше не без приятности. Сколько удовольствия к нему прибавится, когда счастливое известие о желаемом разрешении подтвердит благополучие наше! Попечение о делах своих, приятные обстоятельства, здоровье, дружество, воспитание маленьких, это кажется совершеннейший округ благополучия. Будет время что рассеяния и более сияющие забавы последуют сему необходимому времени уединения. Меня сии забавы не имеют таинства привлечь; но совершенная леность и беспечность. Для приятелей моих я все равно, что отсутствен. Великой всадник, придворной неизвестной, я провожу жизнь свою в Тулупе; очень похоже на то, как я был Сержантом в полку, выключая стихотворства. Я помешался теперь на учительстве, на истории, нравоучении и почти философии. Все мои ученичества во франтовстве выходят не успешны и приходят уже по неволе лета постоянства. Но пишучи таким образом, я занимаю вас только самим собою. А я имел благодарить вас за

[860] И.И. Муханов (1753-1833) — в дальнейшем действительный статский советник.

[861] М.А. Веригина.

[862] Ф.И. Похвиснев (1755-1813) — офицер (дослужился до полковника) и чиновник (в 1801 г. вышел в отставку действительным статским советником).

[863] Р.Е. Татищев (1742-1820) — крупный землевладелец, прокурор в Берг-коллегии. Его дочь — А.Р. Татищева, наследница имения Константиново.

[864] М.А. Муравьев мл. — отец З.М. Муравьева и дядя М.Н. Муравьева.

[865] Вероятно, И.М. Муравьев мл.

[866] Ж.-Л. Леклерк, граф де Бюффон (1707-1788) — французский ученый и писатель.

[867] Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) — французский писатель и философ.

[868] У. Роберсон (1721-1793) — шотландский историк.

приятнейшие для меня чувствования и уверять о моих, которых вы знаете истину и усердие. Поцалуйте много раз за меня милых ваших Сашеньку и Мишеньку. Будьте здоровы и любите

вашего верного друга и слугу
Михайлу Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 18-19).

<218>
1789 года Марта <б/д> дня. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна, от всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Мы слава богу здоровы. Батюшка изволит говеть. Я не могу пользоваться сим случаем, будучи через день обязан дежурством: так как и сие пишу не дома. С нетерпением ожидаем известий ваших. Дай бог, чтоб ожидаемое приключение, умножив милое семейство, не расстроило здоровье матери. Дай бог, чтоб она утешалась день ото дня более возвращением своих маленьких. Пожив в деревне и уединении для их добра и своего собственнаго, с большим еще удовольствием приедете в город посмотреть родню и приятелей, которых вы столько любите и которые вас очень любят. Ето кажется сокращение благополучия на Земле. А мы между тем живём в большем обществе и тратим время своё довольно щедро. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> всякий день выезжает, я всякой день сижу дома. Захар Матвеевич <Муравьев>возвратившись из одного похода сбирается в другой. К нам приехали из Кабони[869] Иван Матвеевич <Муравьев ст.> и Палагея Григорьевна <Муравьева>. У нас часто музыка, карты, чтения. Но у вас скорее, и ближе, и лучше весна, которой мы и прихода не предвидим. Вы более и живее чувствуете, нежели я воображаю удовольствие тихой, сельской жизни, в прекрасном климате, под тенью рощи и прочее и прочее. Мечтание одно нас забавляет: что ж самое дело? Но я бы хотел быть лучше огородником, владетелем маленькой полосы, нежели помещиком. Деревня требует попечений и во время страды не можно провести целого дня ничего не делаючи. Поцалуйте за меня милых детишек ваших, будьте здоровы, веселы и не переставайте любить

вашего вернаго друга и слугу
Михайлу Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 20-21).

<219>
1789 года Марта .22. д.<ня> С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Из глубины сердца моего желаю вам всякого благополучия. Ваша собственная нежность может измерить усердие и горячность моих желаний. Сколько щастливыя, ежели благополучное разрешение особы любимой нами для толь многих причин рассеет опасения наши! Все мои мысли заняты и удержаны ею одною. С нетерпением ожидаю воскресенья и хочется надеяться, что оно наградит нам недостаток писем прошедшаго. Что касается до нас, мы слава богу здоровы. Все знакомые ваши вас любят и кланяются вам. На сих днях приехала из Казани Прасковья Матвеевна <Муравьева> для отдачи сына своего в Корпус, которого и повёз в Кронштад Захар Матвеевич <Муравьев>. Наш Очаковской служивой

[869] Возможно, речь о деревне Кобона, которая принадлежала графине Е.А. Мухиной-Пушкиной.

нашёл себе в Приказе Ангальта[870] такова покровителя и друга, которой всем его хвалит, рекомендует и неотменно хочет дать ему свидетельства о его храбрости и службе. Прасковья Матвеевна просит вам засвидетельствовать своё усердие и почтение. Она пристала у Катерины Петровны Чичаговой[871]. Василий Яковлевич[872] в тоже время приехал из Ревеля, откуда он командует целым флотом. Зима у нас продолжается. Петр Семенович Муравьев[873], которой долго жил в Москве, сюда на сих днях приехал. У нас здесь полное собрание фамилии. Часто по вечерам играют в рокамболь. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> проигрывает <нрзб> на роспев или сочиняет музыку прекрасных куплетов. Недавно был большой Иван Матвеевич <Муравьев ст.> с Палагеею Григорьевною <Муравьевой>, которые вам кланяются. Что касается до меня мои два дни отдохновения пролетают как молния, думаю что-нибудь делать, ничего не делаю и стареюся от лености и безделья. Вчерась у нас был Василий Васильевич <Ханыков>, так же добр и весел, как обыкновенно. Цалую мысленно вас и милых детушек ваших. Желаю, чтоб они вам служили всегда новым утешением. Прощайте. От всего моего сердца обнимаю вас моих милых

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 21а-22)

<220>
1789 года Марта .30. д.<ня> С.<анкт>П.<етербург>

Милостивой Государь мой Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Я спешу вас поздравить с общею нашею радостию, с восстановлением здоровья милой родительницы и со умножением семейства маленьким Никитушкою[874]. Я приехал очень поздно с дежурства и сомневался, чтоб письмо моё приняли на вчерашнюю почту. С прошедшею ямскою почтою успели мы уже вас поздравить и послали вам три коврика Аглинских для образцов. Желаю вам моим любезным друзьям и вашим милым крошкам Сашеньке, Мишеньке и Никитушке всякого благополучия. Пребуду навсегда от всего моего сердца

ваш верной слуга и друг
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 23-23 об.)

<221>
1789 года Апреля .5. дня. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Последнее писмо ваше вместе поразило нас совершением воли Божией и порадовало надеждою спасения здоровья милой Федосьи Никитишны[875]. Дай Бог, чтоб надежда сия была не обманчива, чтоб провидение нашло сердце нежной матери уготовано к принятию с терпеливостию определений ее строгих и необходимых. Все защищение, все

[870] Имеется в виду гр. Федор Евстафьевич (Астафьевич) Ангальт (1732-1794), генерал-поручик, в 1789 г. начальник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, шеф егерского корпуса и Ее Имп. Величества генерал-адъютант. “В приказе” — здесь: при дворе.

[871] Вероятно, жена В.Я. Чичагова.

[872] В.Я. Чичагов (1726-1809), адмирал.

[873] Возможно, П.С. Муравьев (1764-1836) — коннозаводчик, в молодости служил в гвардии.

[874] Н.С. Лунин (1789-1805) — сын С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой.

[875] Далее Муравьев пытался утешить сестру, которая лишилась своего сына А.С. Лунина.

убежище человека в повиновении. Все прочие средства безполезны и пагубны. Щедрая воля Божия не отменяется и в самом поражении нашем. Она приводит нас к настоящим благам нашим, которые не заключаются в жизни сей непостоянной и суетной. Зачем отказывать себе лучшее утешение добродетели, твёрдость и непоколебимое упование на Бога? И чем докажем мы Существу вышнему признание долга нашего, как не сими жертвованиями, которые столь болезненны сердцу? Самая печаль, самые слезы могут иметь свою приятность когда оне умеренны разумом и посвящены верою. Ею покровительствуется невинность младенцев, спасенная от опасностей и печалей. Она не забывает страданий и попечений родительницы. Оне суть титлы, заслуживающие ей небесное благоволение. Сколь удобно разум и человеческая добродетель сохраняются со внушениями веры! Даны от рождения вождями человеку, они безперестанно возвращают человека к благополучию. Ежели участие друзей наших и кровных не должно быть отвержено, сколько причин к великодушию! Я знаю чьё оно составляет одно утешение. Столь малонадёжно наслаждение лучших благ наших, что потеря их повсюду кругом нас почти ежедневна. Нет ни одного сердца, которое не чувствовало бы самых болезненных ударов. С месяц назад Варвара Михайловна <Муравьева> лишилась своего второго сына, почти скоропостижно. Она была чрезвычайно тронута. Сколь велико должно быть наше, если чувствительность нашей милой Фешиньки погубит ее здоровье. Прося усерднейше Бога о сохранении оного и утешении вас обоих, с истинною любовию пребываю,

ваш верной брат и друг
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 25-26).

<222>
1789 года Апреля .12. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Печаль наша облегчена сегодня желаемым получением приятного письма вашего. Все наши надежды возвратилися. Тем больше наше обрадование и благодарность вышнему, чем ужасные были страхи наши. Все утешения от того, которой ниспосылает нам огорчения. Ему приписать должно лучшие наши намерения, крепость, великодушие, каждое мгновение жизни. Ему приписываем мы почти возвращение любви достойной нашей Фешиньки. Все знакомые, все посторонние приняли равное с нами участие в сокрушении ее и опасности. Не было человека, которой не желал ей помощи Божией. Ежели любовь и почтение людей делают жизнь нашу приятною; сколько причин сохранить здоровье, нежное само собою! Исключая одно величайшее несчастие, сколько, впрочем, причин благодарности! Домашнее благополучие, заключающее все другия, вы увеличили его взаимною дружбою, укреплением друг друга; способы, которых несчастие преодолеть не может. Человеку не было предоставлено счастие чистое и безмятежное, покуда на земле. Рано или поздно, всем должно уничижить сердце своё перед необходимостию. Но каждой имеет убежище в добродетели своей, сокровище никогда неотъемлемое. Самою чувствительностию должен управлять рассудок. Книги надеюсь сегодниже выбрать и завязав послать на первой тяжёлой почте. Разстояние немножко далеко и посылка моя не так скоро поспеет, как бы хотел я. У нас весна настаёт или настала. Жильцы наши поразъехались восвояси. Захар Матвеевич <Муравьев> к сестре; Иван Матвеевич <Муравьев> к батюшке. Первому надобно бы было здесь быть, потому что рота его, которой капитан Николай Федорович <Муравьев> сегодня или завтра выступает в Выборг. Гвардия так же по одному батальону. Ханыкову хочется ехать в Екатеринославскую армию. Он вам усерднейше кланяется. Я также скоро меняю город на Царское село. Сказывают, что поедут 17 число. Цалуя вас мысленно, навсегда пребываю с усердием

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 27-28).

<223>
1789 года Апреля .19. дня. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Отраднейшее прежних письмо ваше с планом мы получили. Можно легко себе представить все приятности надежды, которое заступило место печали в сердце нашем. Все наши желания в том чтоб утешил вас Бог всеми радостями спокойствия, взаимной любви, великодушия, которые он один вливает в сердце человеческое. Архитектор взял ваше начертание и обещал сделать план согласно с желаниями вашими; но обременен будучи делами не взялся доставить его к сей почте. Будущую я надеюсь вам его доставит. Венецианских окон он не одобряет в доме об одном жилье. Ему кажется необходимо для красоты и здоровья возвысить дом на несколько от земли. В воскресенье 15 числа Государыня изволила раздавать Очаковским ордена Георгиевские и владимирские. Получили 120 человек. Байков[876], Сытин[877] третьяго[878]. Князь Сергий Федорович Голицын[879] брилиантовую шпагу, то же Репнин[880] и Долгорукой[881]. Меллер[882] второй Георгиевской[883] и Андрея[884]. Князь Г.А. <Потемкин> повелительной жезл фельдмаршальской, похвальное письмо и сто тысяч рублей. Николай Михайлович Мордвинов[885] владимирской четвертого класса[886] с бантиком из той же ленты выше креста. Субалтерным офицерам дана будет сказывают медаль золотая на Георгиевской ленте и сокращения положенных лет к заслуге Георгия тремя годами. Наши Захар Матвеевич <Муравьев> и Николай Фёдорович <Муравьев> выступили в Выборг. Александр Фёдорович <Муравьев>пожалован в Подполковники. Генеральская перемена. Вот сколько новостей я мог теперь упомнить. Сегодня у нас прошла река. Погода стоит почти через день, то ясная, то сырая. Двор еще здесь и когда поедут в Царское неизвестно. Вадковской женится на Чернышевой[887]. Пора положить предел моей болтливости и уверить вас в тысячной раз, что я пребуду со всею любовию и усердием

ваш верной брат и друг

---

[876] В.С. Байков (? – 1790), бригадир м секунд-майор Преображенского полка; за участие в штурме награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

[877] П.П. Сытин (?-1790), полковник; за участие в штурме награжден орденом Св. Георгия 3-го класса.

[878] Т.е. орден Св. Георгия третьего класса.

[879] С.Ф. Голицын (1749-1810), князь, генерал от инфантерии; упомянут в оде Державина “Осень во время осады Очакова” (1788).

[880] Н.В. Репнин (1734-1801), генерал-фельдмаршал; при штурме Очакова командовал правым флангом и центром армии.

[881] В.В. Долгоруков (1752-1812), князь, генерал-поручик; при штурме Очакова возглавил третью и четвертую колонны, наступавшие на правом фланге.

[882] И.И. Меллер-Закомельский (1725-1790) — русский военачальник. В 1789 г. — генерал-аншеф артиллерии Екатеринославской армии, по его плану велись осада и штурм Очакова.

[883] Т.е. орден Св. Георгия второго класса.

[884] Т.е. орден Св. Андрея Первозванного.

[885] Н.М. Мордвинов (1768-1844), полковник.

[886] Т.е. орден Св. Владимира 4-й степени.

[887] Ф.Ф. Вадковский (1756-1806) — русский государственный деятель; 2 сентября 1789 г. женился на графине Е.И. Чернышевой (1766-1830), старшей дочери фельдмаршала графа И.Г. Чернышева.

Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 29-30).

<224>
1789 года Маия .2. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца всякого благополучия и удовольствия. Мы давно не были утешены получением ваших писем. Две почты прошли без известий. Здоровы ли вы? Вспомните, что имея попечение о себе, вы делаете удовольствие вашим отдаленным друзьям. Я теперь только из Сарскаго села, куда 28 число прошедшего двор переехал. Помните как я прискакал на рыцарском коне своём прошедший год к дорогой своей племяннице, которую усерднейше поздравляю. Мы посылаем План дома. Михайло Николаевич с особливым удовольствием принял на себя труд сей. Желаю, что бы он согласен был с намерениями вашими. Здесь мы имели уже несколько дней прекрасного времени. Третьего дня утро зноя было последовано вечером громовой погоды. Но вчерась порошил снег и холод не умягчается. К вам климаты весны ближе и ежели не лгут что сельская жизнь делает счастливых, я почитаю вас не далеко от счастия, которое должно быть воздаянием добродетели и дружбы. Пишите к нам, заставьте нас воображать, в недостатке наслаждения, ваши полезные труды, ваше приятное отдохновение. Вы обещали прислать деньги для заплаты долгов. Батюшку беспокоит Чернов[888]. Отдаленность мест и долговременность переписки затруждают ещё более сии сделки. Впрочем, цалуя вас мысленно и препоручая себя в неотменную вашу дружбу и любовь, есмь навсегда

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 33-34).

<225>
1789 года Маия .10. дня. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Я теперь только приехал из Сарскаго села: письмо батюшкино было уже отправлено. Так я вам пишу особливо. Сколько бы я счастлив был, если бы письмо сие застало вас утешенных ожидаемым выздоровлением вашего маленького. Жизнь наша такое смешение удовольствий и прискорбий, что одного от другого никак отделить не можно. Хочешь или нет, надобно повиноваться тому которой и нас самих из небытия вынял. Всякое сопротивление безполезно. Сколько великодушие тех похвально и спокойно, которые без роптания последуют провидения. Вы мне позволили употреблять во зло терпение ваше моими бреднями. Я очень чувствую, что трудно дать совет, которого бы вы не дали сами себе прежде. Наша любовь пусть будет в глазах ваших лучшим увещанием и боязнь оскорбить нас чувствительнейшим образом пусть служит всегдашним увещанием. Рассеяния, ежели не столь шумные, как в городе, по крайней мере не менее приятные деревенской жизни, столь близки к наслаждению счастия. Великолепное, свежее утро, лесок, журчащая речка: я воображаю что все ето лучше у вас, нежели в окрестностях Петербурга. Однако и у нас довольно хорошая весна. Тунеядцы, каков я, могут устать до смерти гуляючи. Другие скачут на войну. С неделю назад поехал в Кременчуг Князь Г.А.

[888] Возможно, И.К. Чернов; в 1789 г. был секунд-майором, исправником нижнего земского суда в Усмани (Тамбовское наместничество) (Месяцослов 1789: 207).

<Потемкин> В Молдавии мы выиграли большую баталию. Пашу в полон взяли[889]. Оказавшийся на сем подвиге Полковник Римской-Корсаков пожалован в майоры в дейб-гвардию[890]. Прежде того Байков пожалован в Маиоры в Преображенской полк[891]. Из Гвардии выпущены в Полковники Гагарин[892], Головин[893], Козлов[894], Митусов[895], Волконской[896], Текутьев[897], Граф Толстой[898],Оболдуев[899],Муханов[900]. Есть также подполковники. Катерина Яковлевна <Державина> здесь давно; и я по глупости своей не удосужился ее видеть. От Зайцева сегодня слышал, будто в Москве его правят и дело к заключению шло; да получено повеление решить в скорости дело Поливанова[901]. Впрочем, прося вас о продолжении драгоценной дружбы вашей навсегда пребуду

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 35-36).

<226>
1789 года Маия .24. дня С.<анкт->Петерб.<ург>

---

[889] Речь идет о сражении 20 апреля 1789 г. при Галаце, в ходе которого турецкие войска были разбиты, а Ибрагим-Паша, командовавший ими попал в плен.

[890] А.М. Римский-Корсаков (1753-1840) — русский военачальник и государственный деятель. В 1789 г. Екатерина II наградила его чином бригадира, орденом Св. Георгия 4-й степени и званием секунд-майора лейб-гвардии Конногвардейского полка.

[891] В.С. Байков (? — 1790) — русский военачальник. В 1789 г. был пожалован в бригадиры и секунд-майоры лейб-гвардии Преображенского полка.

[892] Возможно, Ф.С. Гагарин (1757-1794) — полковник Московского гренадерского полка, участник второй русско-турецкой войны.

[893] Н.Н. Головин (1756-1821) — русский военный и государственный деятель. Во время русско-турецкой войны служил в армии Г.А. Потемкина, участвовал в осаде Килии. В 1789 г. был пожалован в полковники.

[894] Возможно, Ф.Ф. Козлов — в 1789 г. полковник Херсонского пехотного полка.

[895] В.П. Митусов (1754-1821) — русский военный и государственный деятель. До 1789 г. — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, в 1789 г. был переведен в армию полковником.

[896] Вероятно. кн. Н.С. Волконский (1757-1821), в 1790 г. полковник Херсонского гренадерского полка.

[897] Вероятно, Николай Григорьевич Текутьев (Текушьев), бригадир (1790), генерал-майор (1793), на службе с 1761 г.

[898] Вероятно, гр. А.И. Остерман-Толстой (1770 или 1772 - 1857).

[899] Вероятно, Н.А. Оболдуев. В 1789 г. состоял ротмистром конногвардейского полка (Месяцослов 1789: 17); в дальнейшем в месяцесловах не фигурирует (Степанов 2003: 451).

[900] А.И. Муханов (1753-1832) — русский военачальник. Герой русско-турецкой войны 1787-1792 гг.

[901] Речь идет о последствиях доносов на Державина саратовского губернатора И.И. Поливанова (1746-1786), который сам оказался под подозрением, был прощен Екатериной II, но дело его тянулось некоторое время после его смерти; В.А. Зайцев хорошо знал всю подоплеку этих событий и стремился помочь Державину (см., в частности: Державин 1864-1883: 5, 582-584; 7, 708; 8, 559 и др.); основной причиной снятия Державина с должности тамбовского губернатора был его конфликт с И.В. Гудовичем (1741-1820), генерал-губернатором рязанского и тамбовского наместничеств.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Благодарю вас от всего моего сердца за милые ваши писания и еще более за снисхождение и терпеливость, с которою вы принимаете все мои неисправности. Предан настоящей минуте, я беспрестанно ищу удовольствий, приятностей, счастия; может быть не там, где надобно. Разум мой управляется своенравиями воображения. Я иногда сказываю нравоучения — другим. Одно из теперешних моих дурачеств верховая езда; хотя я в ней очень далеко NB! врет; очень хорошо ездит от посредственного искусства. Упражнение мне нравится само собою. Оно служит поводом ничего не делать. Вы, напротив того, отягощены трудами. Обеим нам можно советовать умеренность. Вам сладкой покой, мне немножко более дела. Но более всего умеренности чувствительности, приятные сны надежды, удовольствие добро делать, помогать бедным, покупать себе счастие облегчая судьбу других. И более иметь попечение о здоровье, которое заставляет лучше чувствовать все другие приятности жизни.

Доставлять себе желание пищи здоровой и сладкой движением и утро и вечер, гуляя в тени рощи, на солнце, купаяся, езда на дрожках и для чего не верхом на какой-нибудь земледельческой кляче, более нежели на Аргомаке рыцарском. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> сегодня едет на Полоса, пользоваться всеми прелестями Новгородскаго климата. У нас прекрасные дни. Ожидаем дождя, давно и тщетно. Я теперь только объехал оба лагери Семёновской и Измайловской на их парадных местах. Еще по батальону выведено. Может быть, на галеры. И.И. Кушелев[902] поведет их. Три эскадрона конной Гвардии пойдут с новым их майором Римским-Корсаковым, которой столько отличился в баталии, выигранной генералом Дерфелденом[903] в Молдавии. Павел Львович[904] командирован. Вчерась в комедии видел я Мавру Ивановну[905], которая с неделю и на неделе только приехала сюда. С неописанным участием расспрашивала меня о вас. Просила, заклинала вам кланяться, уверить о своей непременной дружбе. Жалуется, что вы к ней не пишете. Т.И. Тутолмина сын[906] пожалован в офицеры гвардии. Наши Николай Ф.<едорович> <Муравьев> и Захар М.<атвеевич> <Муравьев> в Выборге. Александр Федорович <Муравьев> членом в артилл.<ерийской> канцелярии[907]. Об агличанке я уведомил вас, что Самборской[908] ожидает к себе сие лето четырех, в котором числе одна для вас. Желаю вам всякого благополучия, с истинною любовию пребуду ваш друг и слуга

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 37-38 об.).

<227>

1789 года Маия .31. д. С.<анкт>Пет.<ербург>

---

[902] И.И. Кушелев (1751-1817) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. — бригадир лейб-гвардии Измайловского полка; во время войны со Швецией был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

[903] В.Х. Дерфельден (1735-1819) — русский военачальник. Во время русско-турецкой войны исполнял обязанности командира ‘Украинской’ армии Румянцева.

[904] П.Л. Батюшков (1765-1848) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. — прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка. Участвовал в военных действиях против шведов. Дядя К.Н. Батюшкова.

[905] Возможно, М.И. Приклонская (урожденная Булгакова) (?-1825), сестра дипломата Я.И. Булгакова (1743-1809).

[906] А.Т. Тутолмин (1770-1823), в 1789 г. именным указом пожалован в прапорщики.

[907] Т.е. в Канцелярии главной артиллерии и фортификации.

[908] А.А. Самборский (1732-1815) — церковный деятель, землевладелец. Муравьев через него пытался найти гувернантку англичанку для Ф.Н. Муравьевой. Самборский мог помочь, в частности, потому, что долгое время служил в Англии и был женат на Е. Филдинг

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Благодарю вас и за писания и за подарок, которым милой друг мой препровождает письмо свое. Мне было дарить дорогую именинницу. Но привязан только к своим собственным удовольствиям, я не имею счастливаго искусства возбуждать нежность друзей моих приятными услугами и попечениями. Виниться, все ли равно что исправляться? Надежда на снисхождение ваше и ветреность, которая видно не совсем еще из головы исчезла, делают исправление мое медленным.

Батюшка вчера еще изволил исполнить поручение ваше. Оно было и послано на почту; но почта ушла. Дело отложено до суботы. О хлебе аглинском я буду стараться. Об Агличанке ожидаю ответа от Самборскаго. Вчера препроводил я вечер до полуночи на Галерной пристани. Гвардии три батальона садились на Галеры. В .4. часа утра отвалили они сегодни. Сколько зрителей! сколько плачущих жен, матерей, сестер, зачиная с Маиорши Кушелевой! Наш Павел Львович <Батюшков> приказал засвидетельствовать свое усерднейшее почтение вам. Теперь он несётся по морю.

Я скитаюсь из Царскаго в город, из города в Царское, очень занят своею праздностию. Дни у нас очень хорошие. Батюшка изволил на сих днях ехать в Кабони к Ивану Матвеевичу большему <Муравьеву>. А маленькой ускакал на Полоса. Захар М.<атвеевич> <Муравьев> и Николай Ф.<едорович> <Муравьев> вам кланяются из Выборга, где они муштруют свою роту. Александр Ф.<едорович> <Муравьев>торгует деревню у Князя Мышецкаго[909], которому продает свой дом. Вот наши новости. Я теперь еду в Трагедию Adelaide du Guesclin[910]. Впрочем, цалуя вас мысленно навсегда пребуду

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 39-40).

<228>
1789 года Июня .7. С.<анкт->Петер.<бург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Сколько должен я благодарить вас обеих за приятные ласки ваши! Вы уверены, что я их и чувствую и люблю вас от всего моего сердца. Легкомыслия мои, неисправности все вы приемлете за благо снисхождением вашим. Я часто недовольно согласен сам с собою. Всякому надобно упражнение. Я бываю вместе и празден и очень занят. Веселье кажется большее мое упражнение. Привычка ездить в город, делает что я не могу остепениться в Царском селе, беспрестанно переезжая. Сделался странствующим Рыцарем. Самборской обещает скоро агличанку. Он уговаривает одну. Но он не живет в Царском. Это причина, что я его редко вижу. От Зайцева слышал я что дело Гаврилы Романовича в пользу его решится. Вы знаете отправление галер. Михельсон[911] имел выгодное дело и вступил в Швецию. Вас более трогает теперь дождь и ведро, нежели походы Генералов. Вместо оружий, вам надобны цепы и серпы и косы. Я мало знаю в земледелии, но благорастворением воздуха столько же пользуюся как вы. Но я ожидаю видеть вас обеих с запасом здоровья, с хорошим аппетитом. Разве можно где-нибудь лучше спать, нежели у вас. Вспомните Берново[912]. Ежели я буду иметь село, спальня будет очень спокойна, очень

[909] Возможно, имеется в виду И.С. Мышецкий (1765 – после 1814).

[910] *Аделаида Дюгеклен* — пьеса Вольтера (1734 г.).

[911] И.И. Михельсон (1740-1807) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны 1788-1789 г. Командовал корпусом в армии генерала В.П. Мусина-Пушкина.

[912] Берново — усадьба в Тверской губернии, принадлежало И.П. Вульфу, женатому на А. Ф. Вульф, двоюродной сестре Муравьева. Муравьев описал Берново в *Эмилиевых письмах*.

темна. Но я не позабуду столовой. Желая вам всякого благополучия и прося поцаловать детушек, остаюсь навсегда

ваш верной друг
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 41-42).

<229>
1789 года Июня .13. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна, желаю вам и с любимыми детушками всякого благополучия. Мы слава богу здоровы и имеем удовольствие получать ваши приятные письма. Я сегодня прискакал в обед из Царскаго села и нашел нечаянно за столом у батюшки сестрицу Прасковью Матвеевну <Муравьеву> с детьми и Александра Фёдоровича <Муравьева> с Варварою Михайловною <Муравьевой>. Сии последние купили у Князя Мышецкого деревню возле Исакова, а дом свой ему продали. Прасковья Матвеевна <Муравьева> сбирается к Ивану Матвеевичу <Муравьеву ст.> на канал, и батюшка намеряется вместе ехать дней на пять. Мне так надобно сегодня же назад возвратиться, чтоб быть дежурным завтра. Я веду совершенно казачью жизнь, хотя и не в степях ваших. То же зрелище, как у вас, жатва, которую ветерок клонит. Земля ожидающая дождя. Сегодня опускаться было начал, но не было большого, такова как вы желаете. Мы слышим здесь известия военные. Михельсон со стороны Вильманштранда вышел в Швецию, взял городок Св. Михаила, где были большие магазины пороха и провианта. Наши Николай Ф.<едорович Муравьев> и Захар М.<атвеевич Муравьев> в ту же сторону отправляются. Шведской флот сказывают убегает нашего. Н.А. Татищев[913] поехал в Финляндию сменить Арбенева, а Арбенев сменит Кушелева[914]. Самборской хотел мне дать ответ согласится ли агличанка в деревню ехать. Я с ним говорил о хлебе. Он не знает здесь выписанного, но выписать имеет способы. Впрочем, прося Бога о сохранении здоровья вашего с истинным усердием навсегда пребуду

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 43-44).

<230>
1789 года Июня .26. д.<ня> Сарское Село.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю от всего моего сердца вам всякого благополучия, более всего здоровья. В вашем мнимом уединении, сколько упражнений! Детушки, экономия, теперь сенокос, а скоро жатва, дом, сад: всего этого заключение, что вам некогда скучать. Тому только скучно кому нечего делать. Может быть и земледелец счастлив, которой на себя пашет или делится с добрым и попечительным помещиком. Здоровье, сказывают, живет в деревне; особливо в вашем Тамбовском воздухе. Здесь какое жаркое лето! Что ж у вас? Я угадываю покрой вашего платья, по охоте, которую имею сам носить такое же. Прошедшую неделю я не пудрился живучи в Кабони. Это путешествие причиною, что я пропустил почту писать к вам и сегодня пишу вперед, во вторник для четверга. Мои отсутствия тому виною. Я не

[913] Н.А. Татищев (1739-1823) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны командовал сводным отрядом лейб-гвардейских полков. Совершил поход в Швецию через Финляндию. Был награжден орденом Св. Анны I степени. ч

[914] И.И. Кушелев (1751-1817) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны — бригадир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1789 г. был награжден орденом Св. Георгия III степени.

могу быть в городе так часто, как желал бы. Наше общество весьма умалилось отбытием наших служивых. Один Александр Федорович <Муравьев>остался нам. Варинька <В.М. Муравьева> тяжела. Они дом свой промытарили и нанимают другой. Захарушка <З.М. Муравьев> теперь прикомандирован к Гвардии и разлучен с Николушкою <Н.Ф. Муравьевым>. Между тем как они воюют, я забавляюся выпоражнивать кофейники и ничего не делать. В агличанах мы несчастливы. Самборской не мог уговорить ехать в Тамбов той, которая у него теперь. Он двух ожидает; но будет ли прок, не известно. Вот все что вспомнил, написал. Будьте здоровы и веселы, поцалуйте за меня ваших маленьких и не переставайте любить вашего вернаго друга
Михайлу Муравьева

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 45-46)

<231>
1789 года Июля .4. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам всякого здоровья и благополучия. Батюшка изволит ездить в Сенат. Я делаю побеги из Царскаго села. Лето для меня время самое пустое и рассеянное. Никакого предприятия порядочного и постоянного. Я пользуюся сельскою жизнию по неволе. Вы в ней находите пользу и удовольствие. Завтра, например, я представляю себе, что помещик Никольского празднует весело свое рождение и именины, с которыми усерднейше его поздравляю. Я желаю, чтоб добрая и чувствительная жена его подарила именинника сокровищем самым драгоценным, надеждою счастия, весельем, утешением; чтоб Мишинька мог поздравить батюшку словом или другим и Никитушка рассмеялся. О наших подвигах я мало что знаю. Служивые наши под Давыдовым. Захарушка <З.М. Муравьев> с гвардиею в лагере за 14 верст за городом. Галеры за Фридрихсгамом. Шведские, сказывают, от них ретировались. Из здешних новостей свадьба графа Мамонова с княжною Щербатовою, фрейлиною бывшая[915] .1. Июля. Но я разболтался; а мне пора ехать. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 47-47 об.).

<232>
1789 года Июля .12. д.<ня> Сарское <Село>.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца здоровья и благополучия. Нынешнее лето разве тем перещеголять нас можете, что ближе видите все подробности сельской жизни и что сами вы участвуете в благах и пользе, которые она производит. Кроме того, и у нас щастливейшее благорастворение. Профессор Эпинус[916] из тридцати лет приметил только три отменныя лето и третье в счете его нынешнее.

Имеете ли вы удовольствие купаться так, как я? Это особливое обыкновение южных жителей. Есть острова, в которых купанье составляет не меньше ежедневное и важное упражнение, как обед. Ваша *Ворона,* или как иначе зовут вашу речку, имеет ли прозрачную воду и песчаную постель? Наш страстной купальщик Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> хочет оставить спокойствие сельской и гражданской жизни на опасности и труды военные. Соревнование славы на него напало. Пишет с Полос своих о переводе в армию. Я без

[915] Речь о свадьбе А.М. Дмитриева-Мамонова (1758-1803), одного из фаворитов Екатерины II, с фрейлиной Д.Ф. Щербатовой (1762-1801).

[916] Франц Ульрих Эпинус (1724-1802) — немецкий и русский ученый, действительный член Петербургской Академии наук (с 1756).

всякого размышления последую судьбе своей. Теперь только от обеда, ложусь спать и выпив свой кофе, пойду в театр, ежели пустят, где дают сегодня *Горе Богатырь оперу*[917]. Прощайте, цалую вас мысленно и прошу поцаловать за меня маленьких ваших. Вчера был доклад о Гавриле Романовиче <Державине>, и Государыня изволила выслать к нему Храповицкого[918] с объявлением, что он прав[919]. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 49-50).

<233>

Июля .18. д.<ня> 1789. г. С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам и милым вашим Мишиньке и Никитушке здоровья и благополучия. Мы слава богу здоровы. Я езжу на день, на другой из Царского и в сию минуту туда отправляюсь. От вас мы не получали письма сию неделю затем что вы в гостях. Желаю сердечно, чтоб вы приобрели приятное знакомство. Это еще увеличит наслаждения спокойной сельской жизни. Вот скоро год, что вы оставили Петербург. Часто спрашивают об вас знакомые ваши, которые все, кажется, сохранили их привязанность и усердие. Ваш Иван Коновал на самом отправлении своем. Я не имею счастия или проворства доставить вам агличанку. Самборской ничего решительного мне не сказывает и оттягивает в даль трудность найти заочно добрую, сговорчивую, которая бы согласилась ехать так далеко: вот что говорит он. Меня расстраивает сия принужденная жизнь в Царском селе. Переезжаючи беспрестанно, я не живу нигде и время или бежит очень скоро или заставляет считать свои минуты. Не это: я думаю леность моя причиною сей бесполезной жизни. Я хочу беспрестанного веселья. Оно в обществе добрых людей, которые так как вы, исполняют приятные должности, любят своих приятелей и ими взаимно любимы. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 51-51 об.).

<234>

1789 года Июля .22. дня. С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична, желаю от всего моего сердца здоровья и благополучия. Сегодня отправляется ваш Иван берейтер. Мы потеряли всякую надежду найти агличанку и отправляем его с закупленными вещами. Я чувствую сколько непроворность моя заслуживает пени и прошу прощения в моих неудачах. Мы сегодня получили письмо ваше, писанное по возвращении из Зубриловки. У вас теперь жатва и следовательно время самое веселое в деревне. Вы заработаетесь и загуляетесь, а я только что гуляю и ненавижу всякое дело. Вчерась я праздновал у <В.В.> Ханыкова, которой вам кланяется и сегодня на карауле в Зимнем за капитана. Наш Александр Федорович <Муравьев> болен маленькою горячкою, теперь полегче. Прасковья Матвеевна <Костливцева> почти купила дом на Васильевском острову. Цалую вас мысленно и любезных детушек навсегда пребываю

ваш верной друг и слуга
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 53-53 об.).

---

[917] Имеется в виду комическая опера Висента Мартин-и-Молера по либретто имп. Екатерины II *Горебогатырь Косометович* (премьера 29 января 1789 г. в Эрмитажном театре).

[918] А.В. Храповицкий (1749-1801) — кабинет-секретарь императрицы Екатерины II.

[919] Не вполне точно: согласно записи Храповицкого, сделанной в тот же день, 11 июля, Екатерина II заявила, что не может обвинять автора *Фелицы* (Храповицкий 1874: 296-297).

<235>
1789 г. Июля .26. С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична, желаю вам сердечно благополучия и здоровья. Мы слава богу здоровы. У нас нет ни жатвы, ни сенокосу. Праздность жителей городских всегда одинакова и не знает никаких перемен, окроме перемен погоды. Другой день прекрасное наше благорастворение воздуха от нас скрывается. Ветерок, серенькие дни занимают место прекрасных, которые чуть было нас с жару не поморили. Неосторожность пастухов, я думаю, дала повод пожару окружных лесов, которого унять скоро не могут. Густой дым рассеялся в воздухе и помрачает небо наше. Мы приближаемся к осени. Может быть, она ускорит возвращение двора в город, чтобы мне очень было приятно. У вас экономия, у меня на уме театр, где я сегодня надеюсь *увидеть Pierre le cruel, Tragédie de du Belloy*[920]. Счастливы люди, которых занимают такия бредни, скажет Сергей Михайлович. Я отдаю себе за виноватого. Вы скоро увидите своего берейтера, которой 22 число отсюда отправился. О военных наших подвигах мало я сведом. Галеры наши стоят возле Фридрихсгама и видят Шведския: никакова с обеих сторон движения. Половина гвардии высажена в город. В том числе и Павел Львович <Батюшков>. Александр Федорович <Муравьев>, которой обмогает и Варенька <В.М. Муравьева>, которая родит с часу на час кланяются вам. Василий Гаврилович[921], которой уж перешел в армию, поехал в отпуск и вам кланяется. Цалуя вас мысленно и ваших милых детушек пребываю навсегда с усердием и любовию

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 55-56).

<236>
1789 г. Августа .2. С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна, желаювам сердечно здоровья, веселья и всех удовольствий. Вы имеете их в себе, мне кажется, в ваших милых маленьких. Более ничего желать не надобно. Доброй помещик, доброй супруг, через чур добрая мать, любви достойная женщина, которая украшает всякое состояние и не позабывает никого из друзей своих, вам только должно знать свое благополучие и доставлять его другим. И мы также счастливы своим манером, ничего не делая. Рыская по полям и лесам на аргамаке своем, я вижу также сенокос и жатву; но я ничего не разумею и ничего не желаю столько, как возвращения в город. Сказывают, будто после Преображения можно ожидать этого. Вчерась приходя с дежурства, нахожу у себя в комнате убирающегося Гаврилу Романовича <Державина>, которой вам кланяется и вас очень любит. Это происходило в Царском селе. Государыня приказала ему быть у себя по утру. И был: Государыня очень милостиво говорить изволила. Сказала что определит ему жалованье и место. На сих днях приехал и поедет обратно к Князю <Г.А. Потемкину> Ив. Ив. Меллер. Он пожалован Бароном и дано 25 Гаков без аренды. Князя <А.А.> Вяземского мать умерла[922]. Город теперь занят удивительною переменою происходящею во Франции.

[920] П.-Л. де Беллуа (1727-1775) — французский драматург; его трагедия «Pierre le Cruel» была поставлена в 1772 г.

[921] Возможно, В.Г. Назимов (1759-1839); в 1789 г. майор, переведен в Невский пехотный полк, принимавшем участие в действиях против шведов.

[922] Князь А.А. Вяземский (1727-1793) — русский государственный деятель, один из ближайших сановников Екатерины II. Его мать — П.И. Познякова.

17 Июля там было восстание целого вооружённого мещанства при приближении войск, которыми Король или совет его хотел воспрепятствовать установление вольности. Бастилия срыта. Отрешенной Неккер[923] призывается[924]. Король на ратуше должен был все подписать что требовалось Народным собранием и отворились театры, но наш заперт по причине поста. Это мне не очень по нутру. Что касается до театра войны, А.П. Ададуров[925] вчера возвратился из Фридрисхгама и привез письма от Павла Львовича <Батюшкова>. Никаких важных происшествий не предвидится. Прощайте мои милые и сердечные друзья, будьте здоровы, веселы и любите

вашего вернаго друга и брата
Михайлу Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 57-58).

<237>
1789 года Августа .9. д.<ня> Сарское <село>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Из Сарского пишу я к вам на кануне отъезду. Сие самое обстоятельство причиною, что я не в городе и не имею удовольствия писать к вам вместе с батюшкою. Сегодня в .9. часов Государыня изволила поехать в город петь молебен за одержанную над турками при Фокшанах победу соединенными войсками, нашими и Императорскими, под предводительством Суворова и Принца Кобурскаго[926]. Турок было .35000. под начальством Сераскира разжалованного из визирей. Их лагерь взят от Василья Яковлевича Чичагова накануне сего известия приехал также Курьером наш Матвей Михайлович[927]. Флот наш сошёлся .14. Июля с Шведским и .15. во втором часу пополудни зачалось сражение. Но оно небыло общее; за тем что только одне Ариергардии имели дело, продолжавшееся 6 часов. У них 2 корабля и фрегат из линии принуждены были вытти: у нас один, потеряв форстенгу, уклонился и опять вошёл в бой. Капитан его Муловский[928] убит ядром в левой бок. Темнота кончила сражение. Шведы оставили море и преследованы будучи нашим флотом вошли в пристань свою Карлекрону. Василий Яковлевич <Чичагов> в виду их соединился с эскадрою Козлянинова[929], которая шла из Копенгагена. Перед сим получили мы приятное известие от Захара Матвеевича <Муравьева>, что он за дело, в котором отличился .9. ч.<исла> Июля пожалован от графа капитаном артиллерии. Что касается до нас, завтра Великие Князья обедают в Павловском и отправляется в Петербург. Наше деревенское житьё кончится. Для экономии я мало сделал, надеясь, что вы замените мои недостатки. У нас погода начинает иногда сбиваться на осеннюю; однако ещё очень приятную. Прощайте мои милые. Наслаждайтесь всеми благополучиями возможными, которых достойны добрые сердца и не отмените любви вашей и дружбы к вашему покорному и верному брату и другу
М. Муравьеву
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 59-60).

---

[923] Ж. Неккер (1732-1804) — французский государственный деятель, министр финансов при Людовике XVI.

[924] Речь идет о начале Французской революции.

[925] А.П. Ададуров (1758-1835) — русский государственный деятель. В 1789 г. — прапорщик.

[926] Фридрих Иосия Саксен-Кобург-Заальфельдский (1737-1815) — эрнестинский принц. На рубеже 1780-1790 гг. — командующий войсками Габсбургов.

[927] М.М. Муравьев (1762-1823) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны участвовал в Гогландском, Эландском, Красногорском и Выборгском сражениях. С 1814 г. — вице-адмирал.

[928] Г.И. Муловский (1757-1789) — русский военный, капитан-командор.

[929] Т.Г. Козлянинов (1740-1798) — русский военачальник. С 1789 г. — вице-адмирал.

<238>
1789 года Августа .16. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия. Мы, слава богу, здоровы. У нас в августе жар. Каково ж мне теперь ехать в Инженерный корпус на смотр и после в комедию! Или лучше, каково то было в воскресенье 13 число, принцу Нассау[930] 14ть часов драться со шведами и уничтожить их Галерной флот! Вчера с сим известием приехал Преобр.<аженского> п.<олка> подпорутчик Граф Штакельберг[931] пожалованной в Подполковники и получивший табакерку и 1000 черв.<онцев>. Подробности еще мало известны. Сказывают будто .6. Галер взято, два Генерала, 50. офицеров, .1000. солдат. Остаток ушел в реку Кюмень и в ней заперт. Наш урон состоит в двух Галерах взорванных. На них были Преображенские. Никак три офицера осталось здоровых. Все Преображенские или убиты или ранены. Наш Матвей Дмитриевич в числе несчастливых. Он потерял левую ногу. Таким образом общая радость куплены частными несчастиями. Принцу послан Андреевской орден. О Семеновских ничего не слышно, следовательно о Павле Львовиче <Батюшкове> ничего не знаем. Чтоб кончить военные сказки, скажу, что Варвара М.<ихайловна> <Муравьева> еще не родила. Сокрушает ее маленькая дочь, которая очень больна. Впрочем, препоручая себя в неотменную любовь вашу, навсегда пребуду

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 61-62).

<239>
1789 г. Авг.<уста> 23. С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Мы слава богу здоровы и поживаем по-старому. Только общество наше по меньше. Бывшие наши ежедневные собеседники служат отечеству. Один Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> в деревне и тот единственным благополучием своим полагает быть приняту в обер-провиантмейстеры, чтобы перейти в армию и купить славу ценою члена или жизни. Вот какое бешенство крутит наших молодых людей. Оно не достигает до моей важности, которая день ото дня становится похожее на леность. Катерина Ивановна ездила в деревню и вчера возвратилась. Видите что и городские любят посещать деревню. Наша Варенька <В.М. Муравьева>19 число в воскресенье родила дочь Катерину и просит вас любить и жаловать. От Павла Львовича <Батюшкова>имели мы уже два письма после баталии, продолжавшейся во весь день 13 число[932]. Он не только, что жив и здоров; но никак и рекомендован отменно от Принца Нассау[933] и вчера пожалован в подпорутчики. Все отличившиеся получают чины, кресты, шпаги. Матвей Дм. Олсуфьев[934] жалуется в отставку

[930] К.Г. Нассау-Зиген (1743-1808) — французский, испанский и русский военачальник. С 1788 г. — вице-адмирал, затем адмирал гребного флота. 4 августа 1789 г. гребной флот под его командованием одержал победу над шведами в спасении при Роченсальме.

[931] Г.О. Штакельберг (1766-1850) — русский дипломат. В 1788-1789 гг. служил в Кавалергардским полку и участвовал в русско-шведской войне. С 1789 г. перешел на дипломатическую службу.

[932] Имеется в виду первое роченсальмское сражение.

[933] Принц Карл-Генрих (Николай Отто) Нассау-Зигенский (1743-1808); в роченсальмском сражении командовал русскими морскими силами.

[934] В 1789 г. состоял капитаном в Измайловском полку (Месяцослов 1789: 16); см. также: Степанов 2003: 459.

Маиором Гвардии с жалованьем майора. Семеновской Капитан Болотников[935] почти решил победу, окружив неустрашимо адмиральское судно своими канонерскими шлюпками. Кушелев получил Георгия 3 класса. Турчанинов[936], бывший во все время на галерах[937] и приехавший с подробною реляциею, получил Аннинскую ленту и 6000. Морской генерал-майор Баллей[938] также Аннинскую. Но мы еще не знаем совершенно всех подробностей и всех награждений. Теперь с часу на час ожидают известия об успехе нападения общего с моря и сухого пути. Наши пошли за Кюмень и в одно время нападут на войско Шведское. Принц Нассау со своим десантом, а с земли Левашев[939], Нумсен[940], Рек[941]. Здесь скончалась молоденькая Чоглокова[942]; столько опасности кругом нас рассеяны. Но мое письмо более похоже на журнал военных действий, хотя нет ничего менее похожего на военного человека как я. Будьте здоровы, поцалуйте за меня ваших милых крошек и не позабудьте вашего верного друга и брата М. Муравьева.

<240>
<30.8.1789>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна! Я только имею время пожелать вам от всего сердца всего того, что вы сами себе пожелать можете лучшего. Я опоздал на дежурство. Вчера в вечеру нашли мы у себя приезжего Ивана Матвеевича <Муравьева ст.>. Новостей я не припомню никаких. Шведы бегут. Оставили крепкой пост Гекфорса. Столько действий произвела одна морская победа. Поцалуйте за меня ваших милых крошек. Прощайте.

30 д.<ня> Августа
1789 года
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 63-65 об.).

<241>
1789 года Сентября .6. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица душа моя Федосья Никитишна! Мое письмо должно вас застать здоровых, веселых, довольных всем тем, что вас окружает. Это не гаданье; это мое требованье. Деревня, всякая деревня, кольми паче Тамбовская, лежит на большой дороге к *счастию*. Спросите у меня. У нас на Вознесенской такая же деревня, как в Кирсановском уезде. Разность в том, что вам подают тарелки; а

---

[935] А.У. Болотников (1753-1828) — русский военный и государственный деятель. В 1789 г. во время войны со Швецией он отличился в Роченсальмской битве; был пожалован золотой шпагой с надписью “За храбрость” и орденом св. Георгия 4-й степени.

[936] Турчанинов П.И. (1746 – после 1823). В роченсальмском сражении командовал десантом.

[937] Имеются в виду т.н. ‘сéкретные суда’, парусно-гребные.

[938] И.П. Балле (1741-1811) — русский военачальник. Во время русско-шведской войны служил под началом принца Нассау-Зигена; командовал ‘резервной эскадрой’; 22 августа 1789 г. “за храбрость” был награжден орденом св. Анны 1-й степени.

[939] Ф.И. Левашов (1752 - после 1817) — русский военачальник. В 1789 г. — бригадир; участвовал и был ранен в битве при Фокшанах.

[940] Ф.М. Нумсен (ум. в 1800) — генерал-поручик.

[941] И.Г. фон Рек (1737-1795) — генерал-майор. Командовал войсками, выделенными для обороны Кинбурна (1787).

[942] Возможно, В.Н. Чоглокова (1752-1789) — фрейлина Екатерины II, дочь обер-гофмейстера Н.Н. Чоглокова, жена графа А.С. Миниха.

некоторые подают сами. Я столько ж Камергер, как наш бывший сосед, Долгорукой[943]. Извините хвастовство сие. Я большой человек. У меня есть дочка, разумеется крестная, Катерина Александровна, которую вам рекомендую. И сие достоинство придает важности; но не придает толковитости. Надобны ли вам известия? Вадковской прошедшее воскресенье 2 сент.<ября> женился на Чернышевой. Другая фрейлина Озачевская идет за муж за Спичинского Изм.<айловского> бывшего сержанта пожалованного прапорщиком. Отличившийся в баталии Сержант Сухарев[944] пожалован в подпоручики. Третьего дни сестра Прасковья Матвеевна приехала, стоит в Чичаговой. Как вам кажется, не имеет ли права московской газетчик на меня жаловаться, что я у него перебиваю лавочку? Но о себе что я скажу. Никакой газетчик не отревожен будет повествованием славных дел моих. Равно неизвестен при дворе и в городе, дежурю регулярно через два дни в третий, забираю много аглинских книг без чтения, ходя по улицам, как доброй мещанин, уча тому, чего сам не разумею, я считаю дни, недели, месяцы, ем, сплю и толстею. Иван Матвеевич <Муравьев> привез к вам из деревни новой запас веселости. Точит балясы у нас и танцует у Нарышкиных. Ханыков иногда заезжает. Мы с ним верхом ездим. Он вам кланяется и желает вам всякого добра. Любезная кумушка моя Варенька вам кланяется. Довольно ли поклонов? Нет, я хочу, чтоб вы поцаловали за меня моих племянников, чтоб они скакали, плясали, пели песни, чтоб большой года через два три объезжал доморощенного гнедого коня со звездою на лбу, с таким же искусством как дядюшка, которой препоручает себя и навсегда пребудет

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 66-67).

<242>
1789 года Сент.<ября> .13. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ваши письма доставляют нам всегда новое удовольствие, уведомляя нас о здоровье вашем и доставляя постоянные знаки дружбы и нежности. Возможно ли, чтоб неполучение одного моего в состоянии было лишить спокойствия всегда нежную, всегда любимую сестру? Течение жизни моей одинакое и обыкновенное не подвержено никаким переменам. Дни службы и дни отдохновения: вот круг моего года. Вчерась, наше все общество приглашено было в Эрмитаж. Играли *Горебогатырь* оперу. Там я видел приехавших с Галер Принца Нассау и Н.И. Кушелева, одного в Андрее, другого в Георгии. Батальоны Гвардейские высажены на берег и соединились с теми которые прежде были на сухом пути. Орбенев принял их в сию команду. Новой наш подпоручик Павел Львович <Батюшков> будет стоять в одном лагере с Николаем Федоровичем <Муравьевым> и Захаром Матвеевичем <Муравьевым> под деревнею Ковала при реке Кюмене. Может быть не пойдут ли за нее, в шведские границы. Из Константинополя слышно, что наш Булгаков[945] освобождён из эдикюля. Селим III[946]столь жестокой к визирям своим, довольно милосерд к чужим посланникам. Но в спокойных долинах Никольского, какая нужда до сих приключений посторонних? Разве мало упражнений дает <нрзб>, домостроительство, воспитание двух

[943] Возможно, И.М. Долгоруков (Долгорукий) (1764-1823).

[944] А.Д. Сухарев (1771-1853) — русский военачальник. Участник русско-шведской войны. В 1789 г. отличился в сражении при Свенксзунде и произведен в прапорщики.

[945] Я.И. Булгаков (1743-1809) — русский дипломат. Осенью 1789 г. был освобожден султаном Селимом III из Семибашенного замка, в котором провел более двух лет.

[946] Селим III (1761-1808) — 28-й султан Османской империи (1789-1807), сын султана Мустафы III.

маленьких существ, столь любезных некоторым особам? Будьте счастливы, пишите к нам ваши удовольствия. А мне пора на дежурство. Не позабудьте вашего вернаго друга и брата

Михайлу Муравьева

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 68-68 об.).

<243>

1789. года Сентября .20. ч.<исла> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Мы получаем исправно ваши любезные писания и ничего не желаем столько, как получать беспрестанно известия столь же приятные. Здоровье, успехи во всех начинаниях ваших, благополучия самого приятного состояния в жизни человека, супружества, хозяйства, семейственной жизни. Недостаток увеселений награждает с избытком великодушное намерение и разум в согласии с сердцем. Место не делает благополучия. Скука есть общая участь человеческого рода, от которой ничем избавиться неможно. В моих любимых театрах я часто нахожу, что она садится в одне кресла со мною. Недавно были мы в ложе Варвары Михайловны, в новой опере переведённой с италианскаго музыка славного Мартини, называемой *Дианино дерево*[947]. Много декораций, шутовства. Многие наши Герои приехали с галер Нассау, Кушелев, множество офицеров Гвардии и других. Сегодня большого именинника я думаю в городе не будет. Он изволит жить в Гатчине[948]. Там привита оспа Марии Павловне. У нас осень последовала лету во всей своей угрюмости. Однако она не возвращает нам служивых наших братьев. Может быть, покусятся они посетить Швецию. Иван Матвеевич льстится ехать в чужие краи советовать какому-нибудь посланнику; а между тем бьется бесщадное в рокамболь. Вчерась, например, до 3 часов за полночь. Князь А.А. Вяземской давно уже в худых обстоятельствах здоровья. Нечто похожее на удар подвергает жизнь его опасности. Прощайте мои милые друзья. Я еду на дежурство. Я желаю от всего моего сердца, вы знаете истину сего желания, всего того, что более может составить благополучие ваше. Цалую мысленно маленьких Луниных.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 70-70 об.).

<244>

1789 года Сентября .27. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца всех удовольствий, которыя вы сами себе пожелать можете. Мы слава Богу здоровы. Вчерась у нас был пир навеселе. Праздновали именины Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>. Были у нас Алекс.<андр> Ф.<едорович> <Муравьев> и Варвара М.<ихайловна> <Муравьева>, Прасковья Матвеевна <Костливцева> с детьми, к которой мы сегодня едем. Она нанимает в пятойнадесят линии. Авдотья Федоровна Колокольцова помолвлена 21 числа с.<его> мес.<яца> за Михайлу Сергеевича Хованского, Изм.<айловского> поручика[949]. Это меньшей брат. Третьего дня с

[947] В. Мартин-И-Солер (1754-1806) — испанский композитор. *Дианино дерево* было написано в 1787 г. и поставлено в Петербурге в 1789 г.

[948] Речь о великом князе Павле Петровиче.

[949] Хованская Евдокия Федоровна (урожд. Колокольцева; 1772-1791) – дочь Федора Михайловича и Марии Ивановны Колокольцевых, сестра Екатерины Федоровны Колокольцевой, жены М.Н. Муравьева, жена князя Михаила Сергеевича Хованского.

рассветом от князя Потемкина приехал курьером подполковник Зубов[950] с донесениями о трех или четырех выигранных сражениях. Суворов разбил авангардию визиря, потом соединился с принцем Кобургским, Имперским генералом разбил самого визиря с 80000 человек, взял трех пашей в полон. Князь Репнин с другой стороны разбил бывшего капитана-пашу, которой должен был итти осажать Очаков и осадил самого его в Измаиле. Князь Потемкин сам имел также самое то дело и взята на Черном море какая-то крепость и пристань. Вчера был молебен. Но я, обладаем леностию, предпочел удовольствие ходить по улицам. Вчера был день остаток лета, ясный, жаркой. Я зачинаю новые приобретения или новые дурачества -- учиться по-ишпански. Ездя по полям и лугам, как дон-Кишот, справедливо, чтоб я читал историю моего подлинника на природном языке; ежели, впрочем, не отменю еще своего намерения. Чуть не придет ли второй батальон гвардии назад; следовательно, и герой наш Павлик <Батюшков> прибредет со службы. Все приезжающие оттуда раздобрели и разжирели. Иных узнать на силу можно. Сегодня в Эрмитаже будет, я думаю, новая италианская опера – *Клеопатра*[951]. Мне весьма мало времени на все, что хорошо и похвально. Столько шалости, дурачества, праздность дают мне дела. Вы, напротив, жертвуете сами себя должности, конечно приятной и священной, хозяев, родителей, добрых людей. Дай бог, чтоб вы нашли и находили беспрестанно в исполнении сих должностей все награждения добродетели, спокойствие, почтение самого себя и большую привязанность к тем же самым чувствованиям, которые составляют удовольствия ваши. Прощайте. Поцалуйте ваших милых детушек и продолжайте любить столько же нежно и бескорыстно

вашего вернаго друга и брата
Михайлу Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 73-74).

<245>
1789 года Окт.<ября> 4 д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Мысленно вас обнимаю и цалую. Расстояние не останавливает доброго желания. Все наши вам кланяются, вас любят. Мы слава богу здоровы. Батюшка третьего дня изволил кушать у Колокольцева. Там приготовления к радости. Вы знаете, что это за прелестные дни, которые обещают счастие. Здесь возвращаются герои наши, которые пощипали шведов. Наш Павел <Батюшков> должен быть скоро. Первое октября они вошли в Выборг. Что это за день у нас был, первое не октября, а мая. У нас Италия. Суворов пожалован за последние победы свои графом Рымникским. Я теперь сбираюсь в Эрмитаж. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> сделал новое знакомство с Матюшкиной[952]. Играют *Колонию*[953]. Он учит теперь: *Dès-ce soir l'hymen m'engage*[954]. Общество сказывает самое сияющее. Он хочет сериозно переходить в армию, и Николай Иван.<ович> Салтыков[955]

[950] В.А. Зубов (1771-1804) — русский военачальник. Осенью 1789 г. был послан в Петербург с донесением о взятии Бендер, был пожалован флигель-адъютантом и произведен в полковники.

[951] *Клеопатра* — опера итальянского композитора Д. Чимароза (1749-1801).

[952] Матюшкина А.А. (1722-1804) – фрейлина имп. Елизаветы Петровны, статс-дама двора Екатерины II, обер-гофмейстерина (с 1796.)

[953] По-видимому, речь идет об опере *Колония или новое семейство* итальянского композитора А. Саккини (1730-1786).

[954] Это цитата из оперы Саккини *La colonie* (Sacchini 1775: 3).

[955] Н.И. Салтыков (1736-1816) — русский государственный деятель, официальный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

обещал батюшке сделать его обер-провиантмейстером. Зубов пожалован корнетом кавалергардов. Отец его на место Сухарева обер-прокурором в Сенат. Вы сохраните мне мое место в сердце вашем

вашего вернаго друга и брата
Михайла Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 75-76).

<246>
1789 года Октября .11. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца здоровья и благополучия. Мы, слава богу, здоровы. Между тем как вы заняты хозяйством, домостроительством; мы требуем здесь зрелищ, препровождений времени. Мы убиваем время, рассуждая о драгоценности его. Я запасаю столько книг, сколько теряю благополучия. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> поет в пяти или шести операх в самом лучшем обществе. Для вас бы было невероятно, ежели бы я хвастал о моих успехах в большем свете; и для того, я не хвастаю. Ваш доброй приятель Гаврило Романович <Державин>, которой вам кланяется, написал прекрасное лирическое произведение *Изображение Фелицы,* где воображение его разгорячено благодарностию. Сегодня около полудня входили в город вторые батальоны Гвардии, столько отличившиеся на Галерах. Павел Львович <Батюшков>в том числе. Мы надеемся теперь его увидеть. Сказывают потолстел и почернел: плод военных подвигов. Государыня изволила их дожидаться в карете у Воскресенского мосту. Они все шли мимо Ей. Первые батальоны также дни через четыре возвратятся. Холодки, которые показываются возвещают нам зиму. Осени настоящей у нас не было. Ещё можно прогуливаться а иногда и жарко. Сегодня был у нас ваш живописец, малой прекрасной и очень хорошего поведения! Я вам написал все, что я знал. Чувствований моих изображение оставляю лучше собственным сердцам вашим. Я перервал письмо мое свиданием с братом Павлом Львовичем <Батюшковым>. Прощайте. Цалуя мысленно милых ваших крошечек Мишеньку и Никитушку и с истинною и нежнейшею привязанностию навсегда пребываю

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 77-77 об.).

<247>
1789 года Октября .18. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от всего моего сердца, чтоб письмо мое полномочной посол мой, застало вас в радости и удовольствии и было вами принято со всею подобающею честию. Оно вам скажет, что в нашем государстве все хорошо и здорово. Мы вчерась ужинали у Прасковьи Матвеевны <Костливцевой> и возвратились немножко поздно. Целое собрание Муравьевых там было. И Дмитрий Семенович, пришедший из похода[956]. Затем что теперь все батальоны гвардии, галерные и не галерные пришли восвояси. С Турецкой стороны самые приятные известия. Имперцы взяли на капитуляцию Белград; мы завладели Акерманом на устье Днестра и еще другою крепостию. Бендеры не могут устоять долго. Война прекрасное дело, когда с ней приезжаешь. А я так теперь еду, не на войну, а на дежурство. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> вам кланяется. В субботу будет он играть у Матюшкиной оперу *Колония*. Его занимают репетиции. Ваша девка Машка вчера

[956] Возможно, имеется в виду Д.С. Шишмарев (1768-1830), в 1789 г. лейтенант. Участник морских сражений при Готданде (1788) и Эланде (1789), вплоть до 1793 г. служил на Балтийском море.

занемогла. Батюшка изволил посылать к ней. Это только колика; следовательно дело скоро проходящее. Что-то вы теперь делать будете, когда лето прошло и нет более ни жатвы, ни посеву? Приятное спокойствие, сон и добрый обед и ужин занимать вас будут. Вы станете такими же праздными людьми, как я. Но так же, как я, продолжайте любить ваших друзей и в числе их, я уверен, вы не позабудете

вашего вернаго друга и брата
Михайла Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 79-79 об.).

<248>
1789 года Октября .25. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, милая душа моя сестрица Федосья Никитишна! Именинник желает вам от всего своего сердца здоровья, благополучия, веселья. Он имеет удовольствие праздновать в обществе добрых друзей своих, воспоминающих Никольских. Им есть также место у хозяина. Свидетельницею сия грамотка. Она не пожалеет трудов своего путешествия, если найдет вас веселых и здоровых, у камина, в шубке или по крайней мере за двойными стеклами. Довольно октябрь потешил. Надобно совесть знать. Здесь он у нас возвращает наших воинов. Вчера прискакал из Выборга новый Капитан Захар Матвеевич <Муравьев>. Он повествует нам военною трубою дела Гвардейских Героев, с которыми он мыкал живот свой. Он Измайловских теперь знает, как, бывало, вы. На Шведов они пригляделись. Не страшны. Зима видно страшнее, когда обе стороны восвояси разводит. Здесь она возвещает наступление свое аглинскими балами, театрами. Прошедшую субботу я имел удовольствие видеть <в> *Колонии* Ванюшку <И.М. Муравьев мл.> нашего губернатором, будучи приглашён чрез него к Матюшкиной. У них весь *прекрасной свет*. Зрелище великолепное. Ивану Матвеевичу столько хлопанья! Наш Николай Николаевич Муравьев также приехал, но чрезвычайно болен горячкою. Николай Фёдорович в Выборге и будет сюда, когда на смену к нему возвратится Захар Матвеевич. Вы слышали, конечно, о великих и многих успехах которые против Турок имеем. Наши бьют их везде, где встретят. И имперцы у нас перенимают. Суворов делает дела достойные величайшего предводителя, о которых я вам пересказываю, как последний враль. У нашего Ивана Матвеевича большого <Муравьева ст.> родился сын Платон. Поцалуйте за меня ваших милых Мишиньку и Никитушку. Прощайте.

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 81-82).

<249>
1789 года Ноября .1. дня. С.<анкт>Петерб.<ург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка сестрица Федосья Никитишна!

Теперь у нас совершенная осень, темно, грязно, воздух напоен влажностию, однако тёплой; с другой стороны танцованье, скакуны в театре показывают удальства свои, аглинские Балы. Какие у нас веселия! Эту неделю я два дни плясал до поту лица и более: в свои именины 25 и в именины Прасковьи Матвеевны <Костливцевой> 28. Через субботу надеюсь видеть зрелища, которые играются у Матюшкиной. В Михайлов день новый Бал, которым нам должна Варвара Михайловна <Муравьева>. Но она поджидает выздоровления морского нашего Муравьева, Николая Николаевича, которой обмогается помаленьку. И от Матвея Михайловича <Муравьева> сегодня получили писмо из Кронштата. Таким образом приближение зимы возвращает всех тех домой, которые летом защищали отечество. Прошедшее воскресенье фрейлина Озанчевская вышла за муж за Измайловскаго

Прапорщика Спичинского, вчерась Дмитрий Зубов[957] пожалован в Камер-Юнкеры. Вчерась получили мы известие из Новагорода, которое хотя необыкновенно, тронет вашу чувствительность. Доброй приятель ваш Василий Андреевич Приклонский[958], по девятидневной горячке, скончался. Мавра Ивановна <Приклонская> претерпела много ударов в одно время случившихся. Несчастия, тесно сопряженные с наслаждением лучших благ человеческих: непостоянство, бренность. Но сколько удовольствий в один день, в одну минуту поместиться может! Удовольствие исполнять долг свой, делать добро всем, которые окружают нас. Вы конечно его делаете. Щастливы друг другом, вы не подзабываете и не подзабудете никогда

вашего вернаго друга и брата
Михайлу Муравьева
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 83-84).

<250>
1789 года Ноября .8. дня С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Одно из чувствительнейших удовольствий именинника в том, что он может в праздник свой уверить вас в десятитысячной раз и более, что он вас любит и любить будет, всею возможностию души своей. Ето клятва формальная. Такову при жертвеннике произнесут ваши знакомые, Хованский с своею будущею, нынешнее воскресенье[959]. У нас теперь собраны все наши знакомые, которые вас воспоминают. Николай Иванович Данилевской[960] вспомнил меня. Я только на вас жалуюсь, на вас, которые столько меня любите и на которых я не буду никогда иметь права жаловаться. При сем посылаются к вам письма к векселю, чаятельно бесполезное, в рассуждении Законов и от Зайцева к сестре. Василий В. Ханыков вздумал ехать в Москву на некоторое время. Ивану Матвеевичу Салтыков обещал взять в Обер-Провиантмейстеры. Это почти сделано. Прощайте. Извините мой спех и мою леность. Я цалую мысленно ваших крошечек.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 85-85 об.)

<251>
1789 года Ноября .15. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Поздравляю с зимою. У нас она пришла, прежде, нежели мы одумались. Но ещё есть поважнее с чем поздравлять. Бендеры взяты. Вчера в 9 часов вечера прислан с сим известием от Князя Подполковник Валериан Зубов, пожалованной Полковником и Флигель-Адъютантом. Взяты на капитуляцию: 20000 человек, я думаю, выпущено. Никаких обстоятельств не знаю. Не можно быть Кампании славнее и полезнее. Жестокости войны награждаются <нрзб> приятностями любви. Прошедшее воскресенье 11 ч<исло>. Авдотья Фед.<оровна> Кол.<окольцева> вышла за муж за К.<нязя> Хаванскаго и живет в Зеленом доме, насупротив, где родина Сергея Михайловича[961]. Накануне того, княжна

[957] Д.А. Зубов (1764-1836) — русский военачальник, брат П.А. Зубова, фаворита Екатерины II.

[958] В.А. Приклонский (1746-1789) — переводчик, чиновник, один из организаторов и первый директор Тверского дворянского училища (1779-1781).

[959] См. письма 35 и 42.

[960] В 1789 г. советник правления Государственного ассигнационного банка (Месяцослов 1789: 88); последнее уп. о нем в месяцословах относится к 1792 г. (Степанов 2003: 183).

[961] Очевидно, С.М. Лунина.

Вяземская[962], это третья, сговорена за камер-юнкера Дмитрия Зубова[963]. Она пожалована фрейлиною. Князь А.А. <Вяземский> очень болен и у них никого не принимают нимало. Вы видели, я думаю, что мы развеселились и растанцовались. Теперь река развела нас с Прасковью Матвеевною <Муравьевой>, однако Захар Матвеевич <Муравьев> уж перешел реку и теперь у нас. Наш Иван Матвеевич <Муравьев мл.> занемог. Маленькая горячка наказывает за великую охоту к устерсам[964]. Теперь только выдержал он предлинную конференцию с Пальмом[965] и следствие порошков не долго замедлило ознаменовать его могущество над желудками. Пальм очень о вас расспрашивал. Ханыков вчера уехал в Москву. Вот все мои новости. Что касается до меня; ничего нового. Беспрестанной круг дежурств, часов ученья, довольно бесполезных; посещения французской Комедии. Новая охота танцовать, которая однако не подействовала на бале Великаго Князя; но которая дома меня мучит. Я пускаюсь портить Контрдансы у Матюшкиной по субботам, днями в Комедий. Будет ли то время, что помещик и помещица Никольские повезут меня в Аглицкой Бал? А я между тем выучусь обыгрывать в рокамболь и виск, чтоб удивить мастерством моим некоторого старого мастера. Будьте здоровы, веселитесь, любите нас и прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 86-87).

<252>
1789 года Ноября 21 д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Хотя вы и жалуетеся на беспокойства, неразлучные с деревенскою жизнию; однако я не знаю желания более выгоднаго, как того самого, чтоб всегда сии приятные беспокойства продолжались. Здоровье тела и удовольствие души последуют полезным трудам. Ваши закромы будут ломиться; но тяжёлая скука и своенравие не будут знать порогу вашего господского дома. Будущее благополучие детушек, воспитание, собрание честного имения: все виды достойные добраго владыки дома и нежной матери и жены... вы видите, что я не имею недостатку в мельнице. Я мелю сам довольно исправно, несмотря на строгость зимы, которая так круто последовала самой снисходительной осени. Ночи у нас спорят о красоте с яснейшими днями. Луна бы могла меня восхитить своим величественным сиянием, ежели бы я еще был стихотворец. Но я становлюсь маленьким франтом, под руководством нашего Секунд Маиора, которой скоро надеется быть премьер-майором и выступить под знамена принца Нассау. Но до тех пор И.<ван> М.<атвеевич> <Муравьев мл.> играет одну оперу за другой. Разделяясь между двух театров Матюшкиной и графа Строганова, он соединяет плескания и удовольствия. Служивой наш капитан артиллерии З.<ахар> М.<атвеевич> <Муравьев> поехал сегодня поутру к батюшке своему в деревню. Батюшка просил его уговаривать Татьяну Васильевну с сестрою к вам ехать и он взялся уговаривать; но успех дела ненадежен; затем что оне живут у бедных сирот Антоновых, дочерей покойника Ивана Васильевича[966]. Павел Львович <Батюшков> вам кланяется. Он сегодня в чинах. Семеновские офицеры имели сегодня стол у Государыни. Извините его гордость. Сколько бы приятно было, ежели бы славный мир сделал

[962] П.А. Вяземская (1772-1832).

[963] Граф Д.А. Зубов (1764-1836) женился на П.А. Вяземской 25 февраля 1790 г.

[964] Устрицы.

[965] Имеется в виду Карл Пальм, штаб-лекарь; фиксируется месяцесловами с 1777 г. (Степанов 2003: 470).

[966] Имя И.В. Антонова фигурирует в месяцесловах вплоть до 1789 г. (Степанов 2003: 30); в последнем он указан инженер-полковником, предводителем дворянской опеки в г. Луге С.-Петерб. губ. (Месяцослов 1789: 120).

бесполезными сих героев и послал их или по-вашему сеять гречу и просу в Никольских или бить табалу в Москву!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 88-89).

<253>

1789 года Ноября .29. д.<ня> С.<анкт->П.<етер>б.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Я упадаю под тяжестию поклонов, которыми нагрузили меня вчера барыни, ваши знакомые. Залогом чести моей обязался я им склонять имена их. Марья Ивановна, которая сверх того винится в своем молчании перед вами, обе ее дочери, с которыми я танцовал, Марфа Ивановна, Катерина Петровна Кумарина. Все наведываются о вашем образе жизни, о ваших маленьких и более всего есть ли надежда, когда-нибудь вас увидеть на здешнем Горизонте. Я вас описываю им человеконенавистниками, нелюбящими аглинского бала, живущих в деревне из угодности своему Губернатору, в тесном согласии с Капитаном Исправником. Этот странной тон писма, остаток того, в котором я писал только теперь к Василью Васильевичу <Ханыкову> в Москву может подать вам несправедливые понятия о моей трезвости. Но я вас уверяю, что в сию минуту я пью только кофе, не преступая заповеди Алкорана. Бедные последователи Магомета побиваются везде, где встретятся и русскими и немцами. Северной друг его Густав, укрощен зимою, дает отдых и себе и нам. Один из чиновников его, щастлив пленом своим, г.<осподин> Розенштеин[967], пляшет здесь, как доброй руский, контрабунду, или у Матюшкиной аплодирует усердно нашему Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>, который в крестьянском платье распевает водевили. Я имел удовольствие видеть его играющаго *Rose et Colas*[968] у графа Строганова. Jamais berger plus aimable ne parut dans la lucarne de sa bergere. Le Comte, qui est tout sentiment, en raffolle. Il l'aime bien tendrement. Однако, несмотря на это, пастух хочет быть героем и продеть в петлю Георгия. Прошедший понедельник был стол и бал крестоносцам нашим. Некоторые вновь пожалованы: за 25 л<ет> Иоасаф Иовлевич[969]да за морскую баталию[970] четыре офицера Гвардии, Командиры Каск<уль>[971], Рахманов[972], Соловой[973], Безобразов[974], Волхонской[975], из морских Кутузов[976] и пр. J'ai retardé un peu ma lettre et mon père, qui a promis d'aller passer la soirée chez Alex. F. <А.Ф. Муравьев> veut

---

[967] М. фон Розенштейн (1755-1801) — шведский военачальник, адмирал; был взят в плен 13 августа 1789 г. в битве между островами Аспо, Легма и Леллер.

[968] Комическая опера М.-Ж. Седена (1719-1797); написана в 1764, на русский переведена М. Сушковой (ок. 1783 г.).

[969] И.И. Арбенев (1742-1808), за выслугу лет.

[970] Имеется в виду сражение при Рончесальме 13/24 августа 1789 г.; все перечисленные ниже участники битвы получили за нее орден Св. Георгия 4-го класса.

[971] Возможно, П.О. Каскуль (Коскуль), премьер-майор.

[972] Рахманов А.С. (1755-1827).

[973] Петров-Солововo Ф.Н. (1763-1826).

[974] Безобразов Н.А. (1770-1831) — русский военачальник. В 1789 г. за отличие в сражениях кроме ордена Св. Георгия 4-й степени получил чин прапорщика.

[975] Волхонский (Волконский) Дмитрий Михайлович (1769 или 1770-1835) – русский государственный и военный деятель, князь; участник русско-шведской войны, отличился во время Первого Роченсальмского сражения и Выборгской битвы, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

[976] Голенищев-Кутузов Логгин Иванович (1769-1846) – русский офицер, картограф, переводчик.

absolument que je finisse mon verbiage <?>. Aussi <Ainsi?> frère de paroles. Notre cher père se porte assez bien. Son infirmité continue toujours, mais, je me flatte du moins, l'habitude du mal, en a émoussé la douleur. Son train de vie, toujours le même, est fort tranquille. Adieu. Je vous embrasse tous les deux ou tous le quatre plutôt.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 90-91).

<254>

1789 Дек.<абря> .6. д.<ня>[977]

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Едва я имею одну минуту праздную сказать вам, что я люблю вас от всего моего сердца, что я на дежурстве, что бал вчерашний и Комедия у Матюшкиной задержали меня до четвертого часа за полночь. Судите, как я занят. Дай бог, чтоб вы здоровы были. Мы недавно праздновали именины Варвары Михайловны <Муравьевой>до потеряния разума. Прощайте. J'accompagne partout mon charmin cousin. Je me fais presqu'un mérite aux yeux de ceux qui ne me connaissent que de vue d'avoir un parent aussi aimable, aussi rempli de talens, que l'est notre Janot <И.М. Муравьев мл.>. J'ose brouiller de contredanses. On est tout émerveille de me voir gambadé. Je m'appervoir qu'ons'est accoutumé à me regarder en petit sauvage. Mais pour moi, je m'en trouve à merveille. Je ne sais si j'ai fort. Notre cousin Zachar M. <З.М. Муравьев> a fait une petite tournée chez son père et son frère. Je ne nous reste que peu de jours après quoi il s'en va relever Nicolas <Н.Ф. Муравьев>, qui s'ennuye terriblement dans une bicoque à 40 werstes de Wiborg. Il a parû à mon père, que vous dissimuler un peu avec nous au sujet de votre santé. Puissiez-vous à lettre jamais reduite à cette triche <?> nécessif. Baisez un million de fois votre Serge et ses petits représentans, les seigneur Michel et Nicolas. C'est assez habillé. On ne finit point, des qu'on s'y est embarqué une fois. Adieu, portez-vous bien.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 92-92 об.).

<255>

1789 года Дек.<абря> .13. д.<ня>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам всего того, в чем вы сами поставляете благополучие: благодетельность, удовольствие, взаимное согласие. Это все, я думаю, что может сделать человека счастливым. Хотите ли веселья? Спросите у нас. Я вчерась был на аглинском бале, в лучшем обществе возможном, только что недоставало моей любезной сестры, которая сделала бы удовольствие несравненно приятнее. Сегодня мы обедали в маленьком обществе на Красном Кабачке и, может быть, письмо сие иметь будет некоторой остаток впечатления, которое обед сей произвёл над нами. Мы все очень веселы, очень рассеяны и не можем вообразить, чтоб можно было забавляться в деревне, без оперы, без французской Комедии и контрабунды. Я не танцую сей прекрасной пляски. Однако, несмотря на то, я имею маленькие претензии. Я прошу извинить мое болтанье и не менее верить что я люблю вас, ваших маленьких, все почто вас касается, со всею страстию молодого человека и со всею постоянностию старика. Прощайте мои милые, я вас люблю от всего моего сердца и желаю вам всякого благополучия.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 93-93 об.).

<256>

1789 года Декабря .20. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

[977] Приписка сверху: “Получено декабря 20 дня”.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Год спокойствия и благополучия отложили мы еще, вы в боярских теремах вашего мирного Никольского, возле житниц, которые вы сами наполнили; мы в шуме и движении города, которой жалуется, что вы предпочли ему провинцию. Я поздравляю вас с последователем нынешнего года, которой сделает мне услугу, вручит вам сию грамоту. Может быть принесет он мне новой чин; но новое ли благоразумие, сомневаюсь. Капитан не позабудет своих милых племянников. Это будет вся его рота.

Между тем извините беспечность и легкомыслие молодого человека моих лет, которой в свет вступает, день ездит верхом и приезжает дремать на бал. Я умалчиваю три четверти обстоятельств жизни столь порядочной. У нас здесь только вчера напал снежок. Глубокая осень, не зима. Река почти опасна. Четвертого дни Захар Матвеевич <Муравьев> поехал в Выборг на смену Николаю Федоровичу <Муравьеву>. Варвара Михайловна <Муравьева> с именин своих в великой скуке, по причине тяжёлой болезни ее любимой Вареньки. Родители! ваши забавы куплены тысячью печалей и страданий! Ваша жизнь немножко полезнее жизни военных людей, которые не служат и философов, которые учат Нравоучению, не исполняя его. Я желаю вам от всего моего сердца всякого благополучия цалую вас мысленно и пребываю вечно

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 95-96).

<257>
1789 года Декабря .27. д.<ня>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Еще раз поздравляю вас с новым годом. Продолжайте быть столько же счастливы. За полторы тысячи верст я угадываю ваши желания и удовольствие, которое вы в сердце чувствуете при успехе каждого доброго намерения. Ваши подданые, конечно, вас любят. Скоро будут любить дети и сказывать любовь свою. Сколько родитель, столько недостойной брат вас любит: это вы знаете. Чего же недостает тому, кого все любят? Конечно, очень малого. Аглинских балов, опер, в которых поет Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> с таким обворожительным успехом. На Бале и вчерась заговорили меня об вас Катерина Яковлевна и Марфа Ивановна. Непременное требование писать их поклоны. В самый праздник при дворе были святки превеселые. Теперь только приехали к нам Петр Иванович и Николай Иванович <Вульфы> из Твери на службу. Анна Федоровна и Любовь Федоровна здоровы и кланяются. Иван Иосафич Арбенев взят в генерал-адъютанты к графу Кириле Григорьевичу[978]. Варвара Михайловна <Муравьева> наша в крайней горести. Ея любимая Варенька после долгого страдания скончалась. Я написал все что знал. Прощайте.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 54. Л. 97-98).

[978] Разумовский К.Г. (1728-1803) — русский военный и государственный деятель.

1790

<258>++
Генв.<аря> .3. д.<ня> 1790. г. С.<анкт->Пет.<ербург>

Матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! я полагаю любезнаго нашего Сергея Михайловича в дороге и ближе может быть к Петербургу, нежели к Никольскому. Одной или обеим вместе желаю от всего моего сердца начать и проводить щастливой год. Что касается до меня, я называюсь с перваго дня года капитаном, и изобилие шампанскаго употребленнаго вчерась в нашем семейственном обществе подтверждает мне сие новое достоинство. Что случилось очень кстати. Старое достоинство личное растратил я разными растпутностями, резвостями и глупостями, которыми так хорошо заключается год.

Наши дни впрочем проходят весьма тихо и без отличия одного с другим. Павел Львович <Батюшков> едет в отпуск. Вульфы служить зачинают. Петр Иванович <Вульф> собирается видеть вблизи неприятеля. Нынешний доклад все походные Сержанты, хотя бы младшие были, произведены в Офицеры. В отпусках бывшие, самые офицеры обойдены. Ето заставляет всех думать о походе. Я еду обедать к Графу Строганову, котораго сего дни рождение. В воскресенье будут у него играть L*a folle par amour*[979] *и Devin du village*[980]. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> везде имеет роль влюбленного. Et vous n'etes amoureuse que du repos de vos campagnes, de la santé de vos enfans. Ce n'est pas brillant; mais c'est le bonheure de l'ame. Je ne sais quel vertige il prend à tout le monde d'en vouloir tâter <fâter?>. Voilà encore dernièrement Mr. Dm. Poltoratsky, qui se fiance à Mle Chlebnikof, partis fort riche. Je vous prie de me pardonner mes platitudes, de vous porter bien, de manger pour quattre, à condition de bien digérer, d'embrasser pour moi vos enfans; cette demande vous efelle à charge? de m'aimer moi-même et de me croire pour la vie, malgré ma sottise, l'ami le plus vrai; le plus fidele[981]. Я вам матушка сестрица Федосья Никитишна приношу мое усердное почтение, поздравляю с наступившим Новым годом, желаю оной провести благополучно; я надеюсь еще дождаться здесь вашего Сергея Михайловича!

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 19-20 об.).

<259>++
1790 года Генв.<аря> 10. С.<анкт->Пет.<ербург>

Матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы зачинаем ожидать к себе Сергея Михайловича, полагая, что он выехал в свою дорогу. Зачем Никольское не поближе к нам несколькими сотнями верст? Мы часто бы меняли город и деревню. К нам приехал сюда Николай Федорович <Муравьев> и через несколько дней отправляется в Тверь с Александром Федоровичем и Варварою Михайловною <Муравьевыми>. Теперь бы жили мы очень весело. Затем что с милыми людьми и рыскать по белому свету и дома сидеть весело. Наш Ванюшка <Муравьев мл.> не сидит дома. Его вырывают из рук в руки. В прошедшее воскресенье играл он у Строгонова *Нину*. Нельзя описать выражение, которое производит сие зрелище. Vous la connaissez cette pièce et c'est très bien fait à vous de ne l'avoir pas vû, car vous fondriez en larmes. Et il vous faut plutôt rire, que pleurer. En revanche vous danseriez. Vous le ferez un jour. Des bals, ma soeur, quand vous reviendrez. Vous avez tant de connaissances ici qui vous sont attachées de coeur et d'ame. Vous ne manquerez pas d'enfaire de nouvelles. Et je connais quelqu'un, qui en profiteroit. Ce quelqu'un fait toujours un grand fond sur votre amitié. C'est un imprudent, un prodigue, qui toute sa vie n'a fait que réver <de> bonheur et

[979] «Nina ou la Folle par amour» – опера Н.-М. Далейрака (1753-1809), написанная в 1786 г. О ней см.: [Огаркова, с. 173-184].

[980] «Devin du village» -- одноактная опера Ж.-Ж. Руссо, впервые поставленная на сцене в 1752 г.

[981] Далее приписки Батюшкова и Н.А. Муравьева.

<de> sentiment. Aujourd'hui il se tient au plus sûr. Il vous confie tout son avoir. C'est des consolations, des caresses, qu'il vous demande. Il en a grand besoin. Tâchez d'en dérober quelque brin <?> à vos enfans, pour l'envoyer à votre enfant de frére, qui vous embrasse de tout son coeur[982].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 22-22 об.).

<260>++

1790 года Генв<аря> <без указания числа. – А.И.> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! я было вас разрознил перед етим, полагая Сергея Михайловича в дороге. Но как последняя почта, лишившая нас приятнаго и обыкновеннаго удовольствия получить писмо от вас, поставило нас в состояние неизвестности; так я соединяю вас обеих <так! – А.И.> вместе, прося уведомить нас поскорее, одни ли недосуги отправления или другия более неприятные обстоятельства, чего Боже не дай, причиною вашего молчания. Я бы желал, чтоб ето произошло только от неисправности почты. Но печальныя воображения всегда представляются первыя и вы знаете сами по себе нежность родительскую, чтоб заключить справедливо о безпокойстве батюшкином. Он полагает в некотором человеке много малодушия и мало сил телесных для сопротивления чувствительности. Он боится разлуки сей, которая на некоторое время оставит ее в обществе милых детушек. Но я осмеливаюсь более полагать твердости в душе просвещенной и добродетельной. Разве не всегда мы остаемся в обществе человеков и под властию провидения? Разве все то, что предписывает разум, не есть живое повеление Вышнего Существа и наша должность? Сия любовь самаго себя есть также и благодетельной Закон. Мы делаем добро другим, составляя собственное свое щастие. И в деревне щастие кажется дома.

Можно делать милости, садить, строить, кушать хорошо и лучше спать. Я всегда воспоминаю Берново. Наши Александр Ф.<едорович> и Никол.<ай> Федорович <Муравьевы> туда поехали или в Тверь и также по деревням своим и Вареньку <Муравьеву> мою увезли. Представьте, можно ли жить без знакомой женщины и еще иметь справедливое сердце на Фешиньку, которая не пишет из своего Никольскаго? Чтоб это была первая вина и последняя. Мы ожидаем воскресенья. Етот день бывало нас всегда радовал получением известия от вас. Может быть будущее поправит неисправности прошедшаго. В ожидании прощайте. Я цалую вас мысленно и пребуду навсегда с непременною дружбою.

Ваш усерднейший брат
Михайла Муравьев[983].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 23-24 об.).

<261>++

1790 года Генв.<аря> .31. С.<анкт->Пет.<ербург>

---

[982] Перевод: «Вы её знаете, эту пьесу, и очень хорошо сделали, что не видели её, потому что вы бы залились слезами. А вам нужно, скорее, смеяться, чем плакать. Зато вы бы танцевали. Вы это однажды сделаете. Будут балы, сестра моя, когда вы вернётесь. У вас здесь столько знакомых, привязанных к вам сердцем и душой. Вы не преминете завести новых. И я знаю кое-кого, кто этим воспользовался бы. Этот кое-кто по-прежнему очень рассчитывает на вашу дружбу. Это безрассудный человек, расточитель, который всю жизнь только и делал, что мечтал о счастье и чувстве. Теперь он держится самого надёжного. Он доверяет вам всё своё достояние. Утешений, ласк – вот чего он у вас просит. Он в них очень нуждается. Постарайтесь украсть хоть крошку этого у ваших детей, чтобы послать её вашему брату-ребёнку, который обнимает вас от всего сердца». Далее приписка Н.А. Муравьева.

[983] Далее приписка Н.А. Муравьева.

Любезные и милые друзья мои Сергей Михайлович, Федосья Никитична! От всего моего сердца вам кланяюсь, желаю вам всякаго благополучия, всего прежде здоровья. Я завеселился, и это мне скучно становится. Это чрезвычайной труд. Всегда опаздываю. Сон, столь приятной моему сердцу разстроивает все мои партии веселья и должности. Первая из них к вам писать, с вами разговаривать страждет от стечения сих причин. Мы ожидаем Сергея Михайловича. Я разблаговестил приезд его многим. Гаврило Романович <Державин> вам кланяется. Вы знаете, сколь живое участие он в вас приемлет. Здесь были свадьбы. Зубов Камер Юнкер женился на Вяземской, Бакунин на Кутузовой. Масленица наша зачинается и маскерадами и морозами. Я теперь спешу в Ермитаж. Примете ли вы сие безсовестное извинение за настоящую причину заключить писмо мое тысячью уверений моей истинной дружбы, всех чувствований которыми обязан достойнейшей сестре

верной брат и друг
Михайло Муравьев[984]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 25-26 об.).

<262>++
1790. г. Февр.<аля> .7. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы сегодни разстаемся с Сергеем Михайловичем, которой отъезжает в Полоцк. Оба братцы его Александр Михайлович и Петр Михайлович <Лунины> третьягодни пожалованы в Генерал-порутчики, последний к Статским делам. Мы теперь только от Самборскаго. Сергей Михайлович дал слово Агличанке. Столько попечений он имеет о тебе, что ето одно из важнейших дел его было. Прекрасная, молодая девушка дватцати лет, которая полгода как приехала из Лондона и жила в доме Андрея Афанасьевича <Самборского>. Она выписана была для Самойловой; но не захотела ехать в Яссы. Имя ея Betsy Jefferies, ежели я вспомню. Жалованья .200. рублей вы иметь будете приятное общество только с начала будет трудно привыкать к Аглинскому языку. Она не знает по Французски; а по русски только разумеет. Aurez-vous assez de temps et de patience pour apprendre l'anglais? Point d'impossibilité. Et il faut être aussi bête que moi, pour ne pouvoir le parler comme il faut. Jeannot était le négociateur. Et vous savez, vous le supposez sans doute, qu'il n'y a point de fille, que tienne, contre sa persuasion. Il s'en est allé au grand gallop chez le comte Stroganof, qui l'aime à la folie. Notre beau Colas de Mordvinoff se marie à Mlle Schiraeff[985], fort jeune demoiselle. Pour moi, puisque il n'y a plus de bals, je ne sais que devenir. Je vous embrasse de tout mon coeur. Vous m'offensez si vous doutez de la sincérité de mon amour. Et je suis plus qu'assuré du votre[986].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 27-28 об.).

---

[984] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[985] Речь о Николае Михайловиче Мордвинове (1768-1844), который женился на Екатерине Сергеевне Ширяевой (1770-1816).

[986] Перевод: «Хватит ли у вас времени и терпения, чтобы выучить английский? Ничего невозможного. И надо быть таким же глупым, как я, чтобы не уметь говорить на нём как следует. Жанно был посредником. А вы знаете – вы, без сомнения, предполагаете, – что нет такой девушки, которая устояла бы против его уговоров. Он умчался во весь опор к графу Строганову, который любит его до безумия. Наш красавец Коля Мордвинов женится на барышне Шираевой, очень молодой девице. Что до меня, раз балов больше нет, я не знаю, куда себя деть. Обнимаю вас от всего сердца. Вы меня обижаете, если сомневаетесь в искренности моей любви. А я более чем уверен в вашей».

<263>++
1790. года Февр.<аля> .14. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и сестра, душа моя Федосья Никитична! Мы опять в том же случае, не получения твоих писем. Воскресенье обрадует нас чрезвычайно, объяснив причину твоего молчания. Надежда, неразлучная с человеком, побуждает нас находить ее в чемнибудь другом, нежели в какомнибудь бедственном приключении. Твои разум и твердость предпишут конечно пределы чувствительности. И краткое уединение, в невинном обществе детей, не есть самая величайшая из неприятностей. Столько причин делают тебе Никольское приятным. Священное право хозяйства, другое более священное благотворительности, ибо я знаю заподлинно, что бедность, слабость, немощь, язвы человечества, не имеют столько жертв в Никольском, с тех пор, как добрая и просвещенная сестра моя повелевает жителями его. Она посвятила конечно первую неделю поста благоговениям к вышнему Существу и добрым делам к страждущим своим подобным. Ее Мишинька и Никитичка будут здоровы и перейдут у матери в чувствительности и добродетели. Я вижу всегда причины радости и благодарности к провидению. Скоро милой Сережа приедет на час к своей хозяйке, и кто знает, может быть разсеянный и нечувствительной *придворный* переменит наслаждение пышности на зрелища сельской красоты. Ему будут попрекать его леность, безпечность, непостоянство, легкомыслие; но для него будет облегчение быть побранену, как надобно, и опять приняту в милость. Я сегодни в первой раз видел В.В. Ханыкова, которой приехал восхищен Москвою. Не можно иметь более чувствительности и остроумия вместе. Ванюшка <И.М. Муравьев мл.> рыщет целой и каждой день по городу. Я сижу дома, не столько из набожества, как из презрительной лености и неспособности. Павел Львович <Батюшков> приехал из деревни. Приуготовляются опять в поход. Для меня нет лавров; но много маку. Осуди меня голубушка за сон мой. Прикажи мне писати стихи, ездить в большой свет, читать Гомера и Расина, быть более любительну и более любви достойну. Ты видишь, что я всего от тебя надеюсь. Прощай. Je vous embrasse de tout mon coeur[987].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 30-30 об.).

<264>++
1790. года Февр.<аля> .21. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг мой, сестрица Федосья Никитична! Ничто не может сравниться с приятностию двух последних твоих писем. Оне бы были таковыми и не вмещая сих обольщающих похвал, которых я не могу принять половины. Приятно быть так щастливой, как ты и ето чувствовать. Одиночество твоё приближается к концу. Сегодни мы имели за обедом Полоцкаго гостя[988]. Сергей Михайлович приехал скорее, нежели мы ожидали. Нетерпение его тебя увидеть не оставит его долго у нас. С ним приедет к тебе гостья, прекрасная Miss Jefferies. Только бы разуметь по Аглински, ты бы имела прекраснаго товарища. Ея состояние кажется лучше, нежели то, из котораго надобно быть нянюшке. Не подумай после сего корыстолюбиваго описания чегонибудь злаго обо мне. Мое нечувствительное сердце не подвергается приятной неволе любить. Мое безволосое чело и суровой вид не зделаны для вздыханий, которым подвластен новой Премиер-Маиор Галерной <И.М. Муравьев мл.>, которой сбирается теперь на благородной концерт. Мы, видишь ты, поживаем очень хорошо. Нас занимают безделицы. Ты счастлива и без них: ты

[987] Перевод: «Я обнимаю вас от всего своего сердца». Далее приписка Н.А. Муравьева.

[988] Полоцкий гость – С.М. Лунин; в следующем письме от 28 февраля 1790 г. упоминается письмо Ф.Н. Луниной к мужу в Полоцк.

цалуешь Мишиньку и Никитушку и скоро Сережу. Александр Федорович <Муравьев> приехал и успел принять в команду третий бомбардирской баталион. Я цалую тебя мысленно от всего моего сердца. Прощай[989].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 33-34 об.).

<265>++
1790. года. Февр.<аля> .28. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг мой, милая сестра моя Федосья Никитична! тысячу благодарений за приятнейшее твое писание. Кто умеет чувствовать благополучие свое, так как ты, не имеет чего желать более. Он его заслуживает. Милое семейство твоё скоро возвратит опять свое полное число. Глава дома приготовляется к дороге. Он получил здесь твое писмо, писанное в Полоцк. Мы видим из него, что хозяйка не проводит дней своих в праздности. Я не знаю, полно достанет ли ей времени учиться по Аглински; хотя из посланных мною книг ты увидишь злое мое намерение. *Сказки Мармонтелевы,* столько тебе известные, переведенные слово в слово по Аглински, показались мне орудием весьма удобным для приведения к разумению языка. Что касается до разговора; мисс Жефрис одна может произвести сие волшебство. И я опасаюсь, чтоб Мишинька не стал говорить прежде матушки... и прежде дядюшки, которой довольно косноязычен. После всего сего, кажется, нельзя будет жаловаться на недостаток общества. Я теперь от Ханыкова, которой угощал нас, не знав или узнав после, что он именинник. Он пишет превеселую оперу-буффу в стихах *Именины, или Меркуриев колпак*. В прошедшее воскресенье играл он Любина в Флориановой комедии L*es deux billets*[990] у Катерины Ивановны, которая зделала мне честь пригласить меня. Анна Васильевна – *Аржантину*. Театр прекрасной. Та маленькая Sophie jouait d'assez grands rôles avec tout l'esprit imaginable. Vous ne pouvez pas prétendre à cela: vous n'avez pas de Sophie. Adieu. Votre époux me prend le plume des mains <?>[991]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 36-36 об.).

<266>
1790. года Марта .7. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Милые и сердечные друзья мои, любезной брат Сергей Михайлович, нежная, но добрая сестра Федосья Никитична! Я полагаю вас при получении письма моего вместе, или скоро после свидания, или незадолго до него. Здравствуйте все вообще. После обеда, до обеда, за столом чайным или обеденным, на диване или в гумне, только везде пользуясь неоцененным удовольствием, которое вы имеете и заслуживаете иметь в полном собрании всех Генеральных штатов: письмо мое вам желает здоровья и не знаю, чего желать более. Новые граждане Никольские, Надежда Никифоровна и мисс Жефрис введены я думаю в вашу Республику. Я желаю им отдохновения от длиннаго пути, в котором теперь как я пишу сие спокойно в своей горнице, они тащатся с превеликими трудами. Поехали на полосках: а у нас почти весна. У вас должно быть еще теплее. Воины наши сбираются на поле чести. Наш Ванька <И.М. Муравьев мл.> поехал препроводить неделю сию у батюшки своего, говеть, проститься и ехать к полку своему в Финландию, а оттуду на галеры. Le sabre à la main, en casque, il vole à la guerre, le nom de Nancy à la bouche. Heureux guerrier, il s'engage sous les drapeaux d'un autre Dieu plus humain et plus doux. Il me laisse le nom glorieux de

[989] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[990] «Les deux billets» – одноактная комедия Ж.-П. К. де Флориана, впервые поставленная в 1779 г.

[991] Перевод: «Та маленькая Софи играла довольно большие роли со всей мыслимой живостью ума. Вы не можете претендовать на это: у вас нет Софи. Прощайте. Ваш супруг отнимает у меня перо из рук».

Célibataire. La chevalerie n'aura plus de soutien que moi. *O Tempora! O mores!*[992] Захар Матвеевич <Муравьев> зябнет на батарее и поджидает Шведов, стреляет на воздух. Александр Федорович <Муравьев> учит своей баталион. Варенька тебе кланяется. У нас Николушка Вульф молится. Батюшка изволит говеть. Я всякой день дежурю. Сбираюсь учиться по Аглински, чтоб быть не острамлену нечаянно Никольскою помещицею, от которой ожидаю на первой почте аглинских писем. Поцалуй своих крошек. Прощай[993].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 37-38 об.).

<267>++

1790. года Марта .14. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! От всего моего сердца желаю вам здоровья, благополучия, удовольствия. Мы слава Богу здоровы. Сегодни батюшка изволил ехать ввечеру к Евгению Петровичу Кашкину[994] на обручение Ивана Матвеевича <Муравьева мл.> со внукою его Анною Семеновною Черноевичевой[995], дочери Елисаветы Аристарховны[996], которая вас знает по дому Арбенева. Жених без ума от радости. Любим столько же, как любит. На галеры итти не возможно. Мать друг <?> Нат. Вол. Салтыковой будет стараться о средствах удержания его здесь. Он вам рекомендует невесту и будет писать ежели успеет. Прошедшее воскресение не имели удовольствия получить ваших писем. Ожидаем с нетерпением будущаго. От Сергея Михайловича получили из Твери от .5. марта с приезжим. Беспокойства дороги должны быть превелики, а особливо вразсуждении спутниц его Надежды Никифоровны и мисс Джефрис. Последняя перескажет вам все касающееся до будущей нашей невестки: перескажет, ежели вы будете учиться по Аглински. Третьяго дни Прасковья Матвеевна <Костливцева> поехала в деревню. Захар Матвеевич <Муравьев> каждой день и целой день на Выборгской стороне, где он учит роту свою. Гвардия выступает уже. Николай Федорович <Муравьев> приехал из Твери и отъезжает в армию. Весна столь приятная для сельских жителей и любовников, выгоняет воинов. У нас она показывается. Какого же у вас, которые далее от Севера? вы наслаждаетесь благорастворением воздуха, спокойствием, вольностию, дружбою, семейственным счастием, одобрением вашей совести. Чего вам недостаёт? Красненького яичка, которое я послал бы вам, поздравляя вас с Светлым воскресением, ежели бы был уверен, что писмо вас застанет приехавших от своей Господской церкви, разговеющихся за общим столом с малюточками вашими. Тако да буди[997].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 39-40 об.).

---

[992] Перевод: «С саблей в руке, в шлеме, он летит на войну, с именем Нанси на устах. Счастливый воин, он вступает под знамёна другого бога, более человечного и более нежного. Он оставляет мне славное имя холостяка. У рыцарства не останется иной опоры, кроме меня. О времена! О нравы!».

[993] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[994] Кашкин Евгений Петрович (1737-1796) – генерал-аншеф, в 1788-1793 гг. – ярославский и вологодский генерал-губернатор.

[995] Муравьева Анна Семеновна (урожд. Черноевич; 1770-1810) – дочь Семена Михайловича и Елизаветы Аристарховны Черноевич, жена Ивана Матвеевича Муравьева-мл.

[996] Черноевич Елизавета Аристарховна (урожд. Кашкина; ум. 1795) – дочь Аристарха Петровича и Татьяны Константиновны Кашкиных, мать Анны Семеновны Муравьевой (урожд. Черноевич).

[997] Далее приписка Н.А. Муравьева.

<268>++
1790. года Марта .21. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезные и милые друзья мои Сергей Михайлович, Федосья Никитична! вы видите, что я вас не разлучаю. Благополучны быть друг с другом, вы примите вообще мои поздравления с праздником, с радостным свиданием. Щастие удваивается в супругах, я ето вижу. Под кровлею нашею живет счастливой человек, которого все существо перенесено в другое. Сказывают, что ето настоящий образ наслаждаться жизнию. Главы семейства, родители, супруги, вы каждой день испытываете, что воображал столь сладостно Томсон (Four Seasons, Spring about the end of the first book)[998]. Покрайней мере он был советчиком Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>. Сколько нас ни есть мы все уже имели удовольствие познакомиться с прекрасною его невестою. Все что делает девицу любви достойною отличает нашу милую Анну Семеновну. Что скажет мне Надежда Никифоровна, услышав, что мои меньшие братья меня опережают? Николай Федорович <Муравьев> в печали уехал к своей роте бить шведов. Захар Матвеевич <Муравьев> клянется, что он делает последнюю кампанию и лучше хочет служить прекрасной Новгородке, нежели своенравной славе. И Петр Иванович <Вульф> только для того хочет быть Прапорщиком, чтоб благопристойнее жениться. Жалуйтесь, женщины, после етого. А между тем мы постились с последним. Сегодня мы приобщались. Какая прекрасная погода! Совершенная весна. Я боюсь, чтоб она не выгнала нас скоро в Сарское село. Зрелище поля хорошо, но у вас в Никольском, в етих неограниченных степях, которыя теперь уже, я думаю, одеваются зеленью, и независимость сопровождает щастие. Мой Измайловской огород не может справиться с вашей провинцией. У меня была одна Ульяна Михайловна, а вы можете делать щастливым маленькой народ подданных. Говорю столь много о посторонних вещах, затем не скажу я ни слова о себе самом: что дружба моя, посвященная во глубине сердца моего почтением, нежностию, добродетелию, составляет драгоценнейшее его чувствование? Что ваше щастие входит в составление моего собственнаго? вы все ето знаете: так я не буду утруждать вас повторением. Но мои желания, самыя усерднейшия благополучия вашего, ваших маленьких, позволены

вашему верному другу и брату
Михайле Муравьеву[999].
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 41-42 об.).

<269>++
1790. г.< ода> Апреля .11. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>
Любезной друг и брат Сергей Михайлович, матушка душа моя сестрица Федосья Никитична!

Ваше последнее письмо черезвычайно нас обрадовало приятным известием свидания вашего. Пусть завсегда живут с вами, милые гости, щастие, спокойствие душевное, здоровье, любовь, добродетель: в едаком обществе не можно, кажется, скучать. Я позабыл труд, затем что ленивые его боятся. Вы его не боитесь и скоро будете таскать леность по полям, орать, боронить, сеять. Мы пришлем к вам Аглинския семена. Андрей Афанасьевич <Самборский> вам кланяется, вас очень любит и почитает и обещается исполнить с усердием ваши требования. Дочь его Анна Андреевна посылает присем письмо к своей приятельнице мисс Джефрис. Анна Андреевна – друг Анне Семеновне, которая в середу .17. будет называться Муравьевою <Черноевич>. Ив.<ан> М.<атвеевич> <Муравьев мл.> от нас переехал. Он нанимает етаж каменнаго дома на Катер. Канале. Новая родня его без души его любит. Андр.<ей> Афан.<асьевич> <Самборский> говорит, что он невидал

[998] Муравьев имел в виду знаменитую поэму Д. Томсона «Времена года», созданную в 1726-1730 гг. [Thompson].
[999] Далее приписки Н.Вульфа и Н.А. Муравьева.

человека, которой бы соединял более разума и достоинств. С неделю назад Государыня изволила ездить в Сарское село кушать. Весь стол был об нем разговор с будущей его Бабушкою Татьяною Константиновною Кашкиною[1000]. Лев Александрович <Нарышкин> со всем возможным добродушием проповедывал похвалы его. Наше отправление в Царское село еще неизвестно, тем более, что у нас теперь зима. Снег лежит и так велик, что на санях ездят. Свидетельствую мое искреннее почтение Надежде Никифоровне and pray, be so good, as to pay my compliments to Miss Jefferys[1001]. От всего моего сердца цалую вас и малышей. Прощайте[1002].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 43-43 об.).

<270>++

1790. года Апр<еля> 18. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и милая, добрая сестра моя Федосья Никитична! Я повторяю тысячу раз сказанные вам уверения дружбы, любви, привязанности, которых сокращение есть для меня сокровище. Мы слава Богу здоровы. Ничего важного не происходит в ежедневной жизни нашей. Я поправляюсь, перестал мыкаться. Довольно моя буйная головушка порыскала. Езжу на свои дежурства, где пью, ем и сплю очень хорошо: говорю мало для спокойствия духа, читаю Немецкия книги. Читаются ли Аглинския? Мучат ли вас *th* и стечения согласных, выговаривает ли Мишинька God bless you? Свадьба Ив. М. <Муравьева мл.> отложена до завтрева. Он был несколько дней болен. От всего сердца благодарит вас за участие в его радости. Будет сам писать. У нас весна не имеет ничего приятного. Сказывают будто вверху Нева зачинает расходиться. У вас надобно быть лучшей погоде. Почему знать, может быть, вы теперь бегаете по полям и пригоркам. Я думаю, что мне скоро по неволе таже участь достанется, с тою разностию, что мои шаги по Сарскому селу не полнят житниц его хлебом. Кланяюсь Надежде Никифоровне и прошу поцаловать моих племянников недостойной дядя

ваш верной друг и брат
Михайла Муравьев[1003]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 44-45 об.).

<271>++

1790. года Маия .9. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитишна! Я теперь только прихожу с гулянья в изнеможении усталости. Всю Фонтанку обошли, были на Острову у Варвары Михайловны и в новом доме Николая Михайловича. Хозяин именинник сегодня. День прекрасной, жаркой. Я вчерась из Царскаго села. Там в воскресенье празднована была победа Василия Яковлевича <Чичагова>. Он отразил превосходной флот Шведской, состоявший из .26. линейных кораблей под предводительством герцога Сюдерманландскаго. Василий Яковлевич имел .10. кораблей и один фрегат и сражался на рейде Ревельской на якорях. Мы взяли один корабль шведской. Государыня пожаловала Василию Яковлевичу <Чичагову> голубую ленту, 1400 душ, сына

[1000] Кашкина Татьяна Константиновна (годы жизни неизвестны) – дочь Константина и Матрены Константиновны Скороходовых, жена Аристарха Петровича Кашкина, мать Анны Семеновны Муравьевой (урожд. Черноевич).

[1001] Перевод: «И, прошу вас, будьте так любезны передать мои поклоны мисс Джефферис».

[1002] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1003] Далее приписка Н.А. Муравьева.

приезжавшего с реляциею в Подполковники. Теперь приготовляются наши галерные к отправлению. У вас всякой день порядочное течение приятных и полезных упражнений. Нельзя без сердечного удовольствия видеть и за глаза изображения вашего щастия. Я очень чувствую, что настоящим зрением оно бы для меня увеличилось несравненно. Остановлен должностию в моем тесном округе, я ищу здесь иногда без пользы воображаемых забав. Иногда думаю, что я совершенно счастлив, имея столь легкие должности, более удовольствий нежели оскорблений и столько утешений дружбы и природы. Вчерась ужинали у нас молодые, которые вам кланяются и благодарят за все добро, которое вы об них пишете. Поцалуйте моих племянников дорогих Мишиничку и Никитушку. Прощайте[1004].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 46-47 об.).

<272>++
1790. года Маия .22. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Пусть сии милыя имена, которыя теперь в глазах моих заменяют присутствие любезнейших особ, которых я имею в свете, всегда будут соединены для щастия своего и близких! Пускай другие под их покровительством, принадлежащия маленьким существам, присоединятся к составлению семейства самого добраго и благополучнаго! Мы чувствуем здесь за полторы тысячи верст все добросердечие и благонравие помещиков Никольскаго и не имеем права завидовать выгодам климата и природы, которые столь свойственны спокойствию сельской жизни. Я столько недостоин наслаждаться ею, что убегаю и тени оной, я живу здесь несколько дней, беглецом из Сарскаго села. Погода у нас весьма непостоянна, и более холодна, и ветрена; недавно было грозила она нас совершенным возвращением зимы. I have written you some English nonsense from Sarsko in my last letter. By a blinder, scarce conceivable, I must have puzzled you very strangely in mistaking a word for another and setting *strokes* for *lines*. I must confess it, it was a hard *stroke* for my vanity. But soon a sentiment more endearing followed this moment of humiliation, in recollecting, that I have not to blush before my tender sister

Письмо, вложенное в ваше последнее, отослано Андрею Афанасьевичу <Самборскому>. Наш доброй друг <В.В.> Ханыков отправился в Выборг и я думаю теперь уже на галерах. Их отрядом командует Преображенской Капитан Дриторов, под ним Капитаны порутчики, Семеновскими Бакунин, Измайловскими Дьков. Кронштатской флот наш с неделю уж пошел в море для соединения с Ревельским. Александр Федорович <Муравьев> в другой раз уехал в Кронштат. Он командует тамошнею артиллериею. Варенька <Муравьева> здесь, опечалена болезнию своей Катеньки. Брат ея женился .16. числа. Я теперь еду ночевать в Царское. Доброй вечер и добра ночь. Цалую вас мысленно от всего моего сердца и пребываю навсегда

ваш верной друг и брат
Михайла Муравьев[1005]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 48-49 об.).

<273>++
1790. года Маия .30. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы праздновали вчерась именины помещицы Никольской нас было довольно

[1004] Далее приписки П.И. Вульфа и Н.А. Муравьева.

[1005] Далее приписка Н.А. Муравьева.

много и здоровье было пито двумя Госпожами Муравьевыми. Оне обе сбираются ехать: одна к мужу в Кронштат другая с мужем на Полоса, перепровести по вашему летнее время в забавах всяческих. Из числа вчерашних наших гостей Павел Львович <Батюшков> теперь только приехал прощаться, но на поля Марсовы, а не Церерины. Наши молодые люди только о том печалятся, что их не посылают. Недавно два Семеновских Капитана Измайлов и Свечин получили Георгиевские кресты, офицеры их пережалованы за победу, одержанную под предводительством Генерал Мамора Хрущева. Морския дела наши еще важнее: вы знаете победу <В.Я.> Чичагова под Ревелем. Круз с своей стороны дал несколько сражений и соединился с Чичаговым. Теперь Шведской флот заперт нашим превосходным и владычество морей принадлежит России так как мне владычество сна и чепухи. Со всею сею славою в Петербурге также желают мира, как и в Никольском. Какое удовольствие ездить в Комедию вместе с Захарушкою, Николушкою <Муравьевыми>, Павликом <Батюшковым>! Не трепетать о жизни столь многих любви достойных людей. Ханыкова, котораго болезнь Катерины Ивановны столько печалит. Она родила благополучно сына: и выздоровление ея подвержено опасности. Здесь у нас другой больной, Яков Филиппович Сухотин, которой потерял ногу на баталии. Страдания сих почтенных людей должны быть умягчены знанием, что они терпят за отечество. Вышшее провидение располагать жизнию человеков и каждой имеет свой час назначенной и неизбежной. После этого нравоучения, можноль вообразить себе, что я еду в Комедию терять свое время и оттуду прямо в карету дремать до Царскаго, где я ночую? Прощайте мои милые и сердечные друзья, будьте здоровы и любите вашего верного друга

Михайла Муравьева[1006]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 50-51 об.).

<274>++

1790. г.<ода> Июня .19. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Вы живете в деревне, а я на большой дороге, в безперестанном движении, каково-то лошадям? Из снисхождения ко мне, к моим затеям батюшка никуда не изволит выезжать. Я в одноместной своей колеснице, подобно торжествующему консулу, то въезжаю, то выезжаю из Города. Не знаю для чего достоинство мещанина предпочитаю званию придворного жителя видно там меня не балуют, так как вы балуете: подарки, ласки, еще более дружба истинная и прелестная. Вы не упускаете ни одного способа завоевать меня, если бы я давно и по профессии не был ваш пленник без того. Я думаю что медведь ваш не отдастся так скоро в чужия руки, как моя куница в маскераде. Старой дворянин, которой служил с Минихом, вас очень благодарит. Его фамилия разъехалась. Мамзель в капуцине не вышла замуж, но женился <так! – А.И.>. Другая мамзель продолжает судить о чепчиках и ездить за Брюсом. Болтать вздор верной признак хорошаго сварения желудка. Моя кума Варенька из Кронштата привезла мне макаронов. Ето они меня так настроили. Она я думаю опять уплелась в Кронштат, воюет, или за нее Принц Нассау, которой пошел драться с Королем. Флот Шведской корабельской все еще стоит в Выборгском заливе, заперт нашим. Захар Матвеевич <Муравьев> иногда пишет. Он на Кимене с Иоасафом Иевлевичем. Николай Федорович <Муравьев> я думаю с Денисовым на другом посте. Павел Львович <Батюшков> оправляется или отправился на Кайкаке из Сестербска. Я один не воюю. Присылайте за меня моих племянников. Я очень чувствую вину мою. Порадовать их матушку мой собственной и самой приятной интерес. But you did surprise me very much. Such a correction, currency, native purity of expression. You are <a> perfect master of the language. T<h>is a very valuable acquisition, which will repay your pains with plenty. There is no nation, which does paint herself more at advantage in her writing, as the English. Tis a constant

[1006] Далее приписка Н.А. Муравьева.

character of morality, order, domestic happiness. And I do know very well the value, you do set on such things. A selfish consideration mingles itself <?> in my satisfaction on you learning English: that of accounting it as a token of your tender regard for me. The first time l'll see Mr. Samborsky, I will fulfill your commission[1007]. Мысленно обеих вас или вас четверых цалую, побываю навсегда

ваш верной друг и брат
Михайла Муравьев[1008]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 52-53 об.).

<275>++
1790. г.<ода> Июня .6. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы все слава Богу здоровы. У нас нет вашего южнаго лета. Северные люди стараются быть довольны некоторыми часами жара и терпеть, чтоб небо их сокрывалось тучами. Но мы также пользуемся погодою, гуляем, топчем берег, аллеи Летнего сада. Кто более меня прогуливается? Я живу на большой дороге. Дежурю, прогуливаяся или бегая по Царскосельскому саду. С дежурства качусь в город. Лошадям накладно. Но и читаю обыкновенно Аглинскую книгу в карете и не вижу, как .22. версты утекают. Здесь наше общество весьма умалено. Павел Львович <Батюшков> стоит в гарнизоне в маленькой крепости, .21. верста отсюду по Выборгской дороге, называемой Константиновскою. У них Дм. Льв. Нарышкин командиром. Из газет увидите вы наши морския действия. Василий Яковлевич <Чичагов> содержит в блокаде Шведской флот, ушедший в выборгской залив. Какое благополучие, если не в состоянии уйти оттуда, принуждены они будут просить о мире! Наши служивые приедут веселиться с нами и Офицеры гвардии отличаться будут только в театре и на бале. Александр Федорович <Муравьев> все еще в Кронштате. Недавно изволила быть у них Государыня. Иван Матвеевич с Анною Семеновною <Муравьевы> едут на сих днях на Полоса, они проживут там до осени. Видите, что не вы одни любите деревню. При сем посылается письмо к мисс Жефрис. Я радуюсь очень, что Аглинской язык получил право гражданства в Никольском. Матушке надобно поспешать учиться, затем что детки опередят скоро. Я ласкаюся переслать скоро несколько Аглинских книг. Желаю от всего моего сердца здоровья и благополучия и пребываю

верной друг и брат
Михайло Муравьев[1009].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 54-54 об.).

<276>++
1790. года Июня. 13. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

[1007] Перевод: «Но вы меня чрезвычайно удивили. Такая правильность, такая естественная употребительность, такая природная чистота выражения. Вы в совершенстве владеете языком. Это очень ценное приобретение, которое щедро вознаградит ваши труды. Нет народа, который изображал бы себя в своих сочинениях в более выгодном свете, чем англичане. Это постоянный образ нравственности, порядка, домашнего счастья. И я очень хорошо знаю, какую цену вы придаёте таким вещам. Одно эгоистическое соображение примешивается к моему удовольствию от того, что вы учите английский: я считаю это знаком вашей нежной привязанности ко мне. В первый раз, когда увижу господина Самборского, я исполню ваше поручение».

[1008] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1009] Далее приписка Н.А. Муравьева.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Мы имеем удовольствие постоянно получать приятные ваши письма. Все наши желания исполнены, когда оне уведомляют нас, что вы здоровы и благополучны. Те же известия вы имеет в замену от нас. Мы слава Богу здоровы. Вы видите, что я часто в городе. Я не имею такой справедливой причины любить деревню, как вы. Общество наше весьма умалилось. Варвара Михайловна с Александром Федоровичем <Муравьевы> в Кронштате. Иван Матвеевич на Полосах. Павел Львович <Батюшков> сперва был в <Вестовой?> роще, а теперь садится на кайки в Сестербеке. Шведы все в том же положении. Их корабельной флот заперт нашим в Выборгской губе. С Галернаго флота их были высадки, отраженные нами с успехом, а особливо Буксевиным.

Je vous remercie, ma chere amie, <de> toutes les caresses, que vous me dites. Mais en est-ce une <?>, lorsque vous supposez, que je puis vous aimer moins? Peut-on compter sur des amitiés à venir, lorsqu'on se permettait d'en négliger une aussi ancienne, aussi sacrée? Il n'y a eu personne, il n'y en aura pas, qui sût mieux me pardonner mes travers, me faire resouvenir à moi-même mes propres sentiments. Voila qui ressemble à une déclaration[1010]. Желаю от всего моего сердца благополучия и пребываю навсегда

ваш верной брат и друг
Михайло Муравьев[1011]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 55-55 об.).

<277>++
1790. г. <ода> Авг.<уста> .29. <дня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Как! и у вас знают войну и неприятелей, в деревне, в сельских упражнениях! Однодворцы позволяют себе такую же политику, как бывало Король Шведской! Бывало; затем что мы имеем удовольствие видеть в Театре, в обществе его офицеров Гвардии со всем возможным дружеством. Недостает только того, чтоб ложи наши украшены были присутствием какого нибудь бородача о трех бунчуках. Наши витязи зачинают подъезжать с войны. Василий Васильевич <Ханыков> на сих днях будет. Завтре посвящение новой церкви, перенесение мощей и обед в Монастыре Александро-Невском. С .8. числа буд.<ущего> мес.<яца> зачнут праздники и продолжатся до .23го. Маскерады, фейерверки, иллюминации. Иван Матвеевич и Анна Семеновна <Муравьевы> вам кланяются. Я сегодни был у них в первой раз. Дядюшка Матвей Артемонович <Муравьев ст.> никогда во все время болезни своей не чувствовал себе такова облегчения, как при них. Столько нравственное действует над физическим. Назар Степанович <Муравьев> выдал меньшую дочь свою за ассессора Девятнина в Новегороде. Que puis je vous dire, qu'un tel jour je me marie tout-a-fait[1012]? И в ожидании цалую вас мысленно от всего моего сердца и пребываю

ваш верной друг и брат

[1010] Перевод: «Благодарю вас, дорогая моя подруга, за все ласковые слова, которые вы мне говорите. Но разве это ласка – предполагать, что я могу любить вас меньше? Можно ли рассчитывать на будущие дружбы, когда позволяешь себе пренебрегать дружбой столь давней, столь священной? Не было и не будет никого, кто умел бы лучше прощать мне мои странности, возвращать меня к самому себе, к моим собственным чувствам. Вот это уже похоже на признание».

[1011] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1012] Перевод: «Что я могу вам сказать? Что в назначенный день я женюсь окончательно?»

Михайло Муравьев[1013]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 56-56 об.).

<278>++
1790. г. Сент.<ября> .5. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Ежели бы вы были в середине часа, в моей горнице: сколько бы резвостей, хохотанья, которых и теперь довольно! Может быть и без того у вас довольно весело. Маленькие на подушках или по полу или по Софе. Мишинька что нибудь лепечет: сладкия слова, папиньки и маминьки. Никитушка учится ходить валяясь. У Сережи в голове ищут. Фешинька speaks english. Наши Агличане у Елисаветы Аристарховны. Сегодни ея именины. А мы празднуем именины возвратившагося из похода именинника Захара Матвеевича <Муравьева>. Сколько приезжих! вчерась у нас были Василий Васильевич <Ханыков> и Николай Николаевич из Стокгольма. Ядро проскочило у него между обеих ног. Ножки чувствуют еще сию игрушку. С .8. числа у нас по .2.3 величайшие праздники, произвождения. Может быть и наших знакомых героев не зацепит ли. Зах.<ар> М.<атвеевич Муравьев> великой друг с Иоасафом Иевлевичем, с которым он маячил у Мемеля против Шведов. Прасковья Матвеевна сюда ожидается. Николай Федорович <Муравьев> недели через две будет. Он донкишотствовал с Денисовым. Сюда приехал с комплиментом Шведской Генерал Стединк. Я ожидаю скоро выписанные книги через Фразершу: *Cecile[1014] и Вступление в свет молодой девицы[1015],* известныя вам прекрасные романы госпожи Burney. Прощайте, мои милые друзья. Кушайте ваши яблоки и арбузы и будьте здоровы. Я разположен очень вас любить.

Ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев[1016]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 57-58 об.).

<279>++
1790. года Сент.<ября> .12. д. <ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Ваши письма, наш образ мыслить неисправительной, обыкновенной: все утверждает нас в том мнении, что вы или совершенно щастливы, или недостаток вам к щастию только той частички, которую не можно дополнить в человеческой жизни. Надежды, строение замков в Ишпании, иногда своенравие, иногда скука, иногда лишняя чувствительность наводят легкие облачка на горизонт ваших прекрасных дней. Должно отдавать с умеренностию и терпением сию дань человечества, кушать ваши сладкие яблоки и дыни, покупать игрушки новые Мишиньке и Никитушке и учить их играть, и ходить, и думать, после того спать на оба уха: искуство, которое я разумею в совершенстве. Например ничто не могло побудить меня выехать сегодня на зрелище народного праздника перед дворцом: торжественнаго растерзания двух быков с позлащенными рогами и осушения двух источников вина. Вы знаете, что от .8. числа, все дни, через день отдохновения, по .23. которое заключит их фейерверком, заняты различностию праздников. В первой день Сенат

[1013] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1014] «Cecilia, or Memoirs of an Heiress» – роман английской писательницы Ф. Берни, изданный в 1782 г.

[1015] «Вступление в свет молодой девицы» (Evelina, or the History of a Young Lady's Entrance into the World) – роман Ф. Берни, изданный в 1778 г.

[1016] Далее приписки Н.А. Муравьева, Захара и Варвары Муравьевых, Петра Вульфа.

говорил речь Государыне и раздаваны награждения, ленты, чины, шпаги генералам и офицерам. Галеры выведены были на Неву и звуком своим повторяли военные воспоминания. Сегодни стол Армейским чиновникам, 15. число всем Гвардиям, 17. маскерад. Из множества пожалаванных я упомяну вам о некоторых. Граф И.П. Салтыков Подполковником Конной Гвардии, шпагу и орден брилиантовой; Ник. Ив. Салтыков Графом, Безбородко Действительным Тайным Советником, Игельштром Генерал-Аншефом, Чичагов получает похвальную грамоту, шпагу брил.<лиантовый> и сервиз сер.<ебряный>, Арбенев Владимира второй степени, Татищев, Васильев — по 6000. Многие другие. Николай Федорович <Муравьев> крест Владимирский .4. степени. Со всем возможным усердием Захар Матвеевич <Муравьев> забыт. Сегодня обрадован он приездом Прасковьи Матвеевны. Наш возвратившийся Полковник <полоненник?> Ник. Ник. <Муравьев> обнадежен Принцем Нассау и ничего не получил. Василий Васильевич Хан.<ыков> тоже. Я сражался за отечество одними только желаниями совершенно награжден буду, ежели вы не позабудете

Вашего вернаго друга и брата
Михайла Муравьева[1017]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 59-60 об.).

<280>++
1790. г.<ода> Сент.<ября> .19. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Какое начало для письма признание в своей неисправности! О Г. Волгере я не успел (за многодельем) выправиться. Но на будущей почте тем вернее исполнение. Покрайней мере обещать, у нас при дворе, гораздо легче, нежели делать. У вас в деревне противное. Ваши наслаждения все в деле, а не в надежде. У нас третьягодни маскерад из семи тысяч праздношатающихся. У вас сев, молотьба, продажа хлеба. Мы знаем только употребление и расточение. Писал ли я вам о приезде Прасковьи Матвеевны <Костливцевой>? Досугу ему столько мало, что он уж и командирован в Лифляндию. Он только успеет съездить к своему батюшке в деревню. Командир его Александр Федорович <Муравьев> туда же командирован с Баталионом своим. Ему дал бог дочь Варвару. Вчера наша милая Варичка поутру часу в десятом разрешилась благополучно. Она весьма довольна мужеством своим и слыша в пример Принца Ангальта, от котораго в ужаснейших муках не слыхали голоса жалобы, она удивила бабушку свою терпением. Наша служивая поедет думаю в Дерпт. Николай Федорович <Муравьев> еще в Выборге. Теперь только был у нас пришедший из похода с полком своим Иван Назарьевич Муравьев. Он совершенной Дон Кишот и семь раз говорил, имел честь биться с Шведами. К стати боев, вы не слыхали еще, я думаю, о морской баталии на Черном море, которую выиграл наш Контр Адмирал Ушаков. Капитан Пашинский корабль сожжен, другой взят. Еще несколько побед и доброй мир или лучше и без побед мир. Иной подумает что я трус, по великим моим желаниям мира. Но ето самая лучшая черта моего характера. Кто не может делать добра, недолжен покрайней мере любить худа. Наша Анна Семеновна <Муравьева> беременна. Ея Иван Матвеевич <Муравьев мл.> единственно занят ею и et il n'a pas fort. Изо всех монашествующих никого не остается более ревностного к правилу святых отец, как я смиренный и весьма нещастный, но неменее

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев[1018]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 61-62 об.).

[1017] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1018] Далее приписка Н.А. Муравьева.

<281>++
1790. Сент.<ября> .26. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Мы слава Богу здоровы и веселы и любим вас с тем же постоянным сердцем, которое вы знали в нас. Оно не знает разстояния мест. Мое сегодни немножко навеселе. Я обедал у именинника Ивана Матвеевича <Муравьева мл.> и приезжаю весьма поздно с Васильем Васильевичем <Ханыковым>, которой привез с Галер и сердце, и разум, столькоже здравы, как когда он веселил вас своими куплетами. Батюшка кушал один и радовался что кушает ваши дары. Он просил меня отписать вам, что вы его кормилицы или кормильцы. Поцалуйте за меня своих крошечек. Извините меня перед Miss Jefferys: я имею к ней большой пакет писем. Но я замытарился. Здесь были веселье, фейерверк, гулянье в иллюминованном саду. Столько забав для Шведскаго миру: что будет, когда мы усовестим сии чалмы неверных? Прекращаю вздор мой, цалую мысленно вас обоих, пребывая

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев[1019]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 63-64 об.).

<282>++
1790. Окт.<ября> .3. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! В теплой горнице, так как и мы, вы оставили ваши необъятныя поля. Сад ваш не приманивает вас более. Как мне хочется поравнять вас с нами! все, что вам остается, это ваше ленивое утро, тосты с чаем, большой обед и кофе и сон после обеда и в вечеру екзерциция Мишиньки и Никитиньки на палочке верхом, матушка за Маиора. У нас сегодни обедали большой Иван Матвеевич <Муравьев ст.>, Захар Матвеевич <Муравьев>, которой скоро отправляется в Дерпт с Александром Федоровичем <Муравьевым>, и Николай Федорович <Муравьев> наш Володимерец. Служивые заметали нас своими походами и сражениями и Денисов сюда и Арбенев туда. Миролюбивые люди с Иваном Матвеевичем <Муравьевым мл.> и Павлом Львовичем <Батюшковым>, мы слушали, выпяля глаза, подвиги своих Героев. Мы желали чтоб полной и прочной мир освободил их от такова труда и опасностей. Варвара Михайловна <Муравьева>, я думаю, не поедет в поход, но может быть в Берново. Ея маленькую, с неделю назад, крестил батюшка с Александрою Михайловною. Она сама кормит. Иван Матвеевич меньшой <Муравьев мл.> будет помещен покуда в штат Гр.<аф> Никол.<ай> Ив.<анович> Салтыкова. Наталья Володимировна древняя приятельница Елизавете Аристарховне и разположена делать ему добро. Г. Самборской ему очень благодетельствует. Что касается до меня, в совершенной тишине и безпечности, празден, уединен, я провожу или теряю дни свои без заботы, без намерения, без пользы. Je vous suis obligé pour toutes les amitiés que vous me dites: j'en sens tout les prix. Conservez-moi toujours cette amie si tendre, si indulgente. Je suis bien peu digne de ces avis touchans et sages, que vous me donnez, puisque je ne sais pas les mettre en oeuvre. Les entendre encore, les savourer, les demander, si vous voulez: voilà la seule consolation, qui me reste. Adieu[1020].

[1019] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1020] Перевод: «Я вам благодарен за все дружеские ласки, которые вы мне говорите: я вполне чувствую им цену. Сохраните для меня всегда эту столь нежную, столь снисходительную подругу. Я очень мало достоин этих трогательных и мудрых советов, которые вы мне даёте, потому что не умею применять их на деле. Слышать их снова, наслаждаться ими, просить их, если вы хотите, – вот единственное утешение, которое мне остаётся. Прощайте». Далее приписка Н.А. Муравьева.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 65-66 об.).

<283>++
1790. г.<ода> Окт.<ября> .10. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! в нашей деревне ненарушимая тишина: как у вас? Разность в том, что здесь есть книжныя лавки и мисс Фразер, которая выписала мне книги из Англии, в том числе два романа дев. Бурней назначены в библиотеку Никольскаго. Я надеюсь наперед отправить *Эвелину*, а после *Сесилию*. Усерднейше благодарю за приятныя приглашения. Ето долг мой посетить вас в вашей столице. Моя леность и нерешительность откладывают исполнение. Между тем будьте безперерывно щастливы, пусть подростут ваши маленькие товарищи и приезжайте сюда посвятить их во всех Немецких хитростях и проживать в Петербургских весельях Тамбовския денежки. Более всего будьте здоровы и веселы. С таким основанием наши концерты и трагедии неоцененны. Старушка Мартеньша играла прошедший понедельник *Mepony* à se mettre à genoux devant elle. C'etoit la maternité personifiée. Vous en savez quelque chose, Madame. У нас Гр.<аф> Ив.<ан> Петр.<ович> Салтыков дает маскерад в четверг и стол для дворянства. Александр Федорович <Муравьев> дождется здесь перваго пути. Варвара Михайловна <Муравьева> может быть поедет в деревню. Иван Матвеевич <Муравьев мл.> переезжает в дом Самборскаго. Он причислен к стату Гр.<афа> Ник.<олая> Ив.<ановчиа> Салт.<ыкова> во ожидании лучшаго. Notre brave et loyal chevalier, Николай Федорович <Муравьев>, toujours sage et posé[1021], проживет с нами зиму. Я не надеюсь провести в тех же разсеяниях, в которых я попался было прошедшую случайно и которыя мне столько нравились. Старыя привычки, уединения и лености, сильнее новых завладели мною безпрекословно. Большая часть жизни моей преправодится в тулупе, между гор натасканных книг Немецких, Аглинских. Разрезывать их и бросать есть одно из ласкательнейших для меня удовольствий. Ко всему етому, столькоже интересно прибавить, что у меня есть Аглинская собачка, Минерва, одна которая достойна внушать <?> меня. Прощайте[1022].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 67-68 об.).

<284>++
1790. г. Окт.<ября> .17. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Вы меня зовете к себе, когда я имею все право звать вас к себе на именины, будучи старший именинник. Зная вашу гордость, удовольствуюсь вас поздравить с вашим и с новосельем. У нас в гостиной стоит четыре портрета Г. Суслинак, которые назначены для вашей гостиной в Никольском. Есть ли у вас хороший камин, большой диван и маленькой бодуар? Более всего большая столовая. Ето важная вещь в жизни. Я ничего не говорю о большом кофейнике. Ето разумеется. Что касается до меня, я имею большую, не книгохранительницу, но книгораззорительницу: великое разположение спать, узорочную леность. Однако теперь, сменяясь с дежурства, сбираюсь ехать в Ермитаж, где представляют *Правление Олега*[1023] с великолепными декорациями и оттуда к Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>. Ето не похоже на лентяй-мурзу. У нас часто бывают

[1021] Перевод: «Наш храбрый и верный рыцарь <…> всегда благоразумный и степенный».

[1022] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1023] «Начальное управление Олега (Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил)» – «историческое представление», написанное Екатериной II и впервые поставленное в Эрмитажном театре Петербурга в 1790 г.

Генеральныя собрания фамилии. Александр Федорович <Муравьев>, покуда не ушел в поход принимает вызов на кружку пива. Бароны Вульфы ищут, чтоб им отдали Преображенское старшинство их, которое подвинет к Офицерству. Петр вздыхает: Николай приколывает тюрбаны. Павел Львович <Батюшков> восхищается своим новым Маиором Римским-Корсаковым, которой прижимает их по штабски к ногтю. Ник. Фед. <Муравьев> воздыхает о спокойствии и думает оставить Марса за Фемиду. Зах. Матв. <Муравьев> по неволе дышит геройством. Ваш покорный слуга более изъясняет мысли свои печатью, нежели словесно и сохраняет в обществах глубокое молчание, которое иногда сном кончится. Не осудите малость моих известий. Мой горизонт становится час от часу меньше и меньше и ограничивается моею спальною. По щастию я не имею нужды в извинении и самое скучное писмо, когда принимается дружбою и дружбою отправляется, не имеет нужды в другом защищении. Прощайте и любите меня[1024].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 69-70 об.).

<285>++

1790. г.<ода> Окт.<ября> 24. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Мы все здоровы, сердечно вас любим и желаем вам здоровья, благополучия и сего состояния души, в котором разположен им пользоваться – с умеренностию. Я вам не советую например напустить на бражку, после летних трудов. Но ежели невзначай вы завтра выпьете рюмку на здоровье именинника; я вам благодарю нижайше сим почерком. И признаетесь, что нельзя совестнее исполнять и скорее платить долга учтивости. Что касается до исполнения других должностей моих правда, что добродетель моя терпит некоторое затмение. Напр.<имер> о доме… Но признания себя совершенно виновным, без всяких оправданий: не то ли ето, что полагать безпредельное великодушие? Я не могу прибегнуть к етомуже защищению в ложной нежности, которая налагала мне молчание о судьбе Катерины Ивановны <Ханыкова>. Я думал, что молчание мое несением ясно, но менее прискорбно ответа для той, которая находила столько удовольствия в дружбе ее. <В.В.> Ханыков, котораго удар сей постиг вовремя его кампании, не может кажется истребить впечатлений его разсеяниями. Здесь говорят, но я не слыхал от него, будто сестра его Анна Васильевна выходит за Камер-Юнкера Бибикова. Завтра при дворе свадьба Турчанинова, которой женится на фрейлине Елмтше[1025]. Сегодня бал в Ермитаже: третьягодни представляли там *Правление Олега*, великолепнейшее позорище: 100. актеров, то есть большая часть солдат Преображенских. Я заврался так, как солдатка, и принужден кончить, пребывав от всего моего сердца

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев[1026]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 71-72 об.).

<286>++

1790. Окт.<ября> 31. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Нынешнюю почту мы не имели обыкновеннаго нашего удовольствия получить письма ваши. Приписывать ли распутице и умедлению? Покрайней мере мы етим утешаем себя,

[1024] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1025] Турчанинова София Ивановна (урожд. Эльмпт; даты жизни неизвестны) – дочь Ивана Карловича и Готлибы Доротеи Эльмпт, жена Петра Ивановича Турчанинова.

[1026] Далее приписка Н.А. Муравьева.

прося Бога, чтоб он сохранил вас здоровых и благополучных. У нас развели мосты, очень рано, по первому льду, которой показался. У вас должно быть теплее, когда и у нас сырая погода. Захар Матвеевич <Муравьев> у нас зазимовал. Род горячки возпрепятствовал ему возвратиться за реку к сестрице из Комедии. Александр Федорович <Муравьев> с ним ночевал у нас вчера. Он идет в отставку. Тоже делает и Николай Федорович <Муравьев>. Ему обещано место Советника в Твери. Хворала немножко и Анна Семеновна <Муравьева>. Ей получше. Сегодни день их, затем что они взяли четверги. А я в сию минуту еду в свою детскую. Не имея священнаго характера отца, а также мешаю воспитывать. Отпишите поскорее к нам, что вы здоровы. Вы знаете, что любить вас не может быть и похвалою для нас. Мы не можем жить иначе, как ваши. Любите нас и прощайте[1027].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 73-74 об.).

<287>++
1790. Ноября .1. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Каких мыслей ожидать от благополучнаго человека, которой в тулупе своем нашел убежище от мирских сует и еще на вечере именин своих! Гордое наслаждение самим собою и благородная леность: ето мои преимущества, так, как именинника. Но щастие мое тем не ограничивается: я наслаждаюсь им со всех сторон, как сын, как брат, как друг; не прибавьте как любовник и супруг. Я бы был черезчур щастлив: и вы знаете, что все излишества пагубны. Например я буду завтра щеголять в прекрасном жилете, любезном мне рукою, от которой его имею, но я не буду иметь удовольствия вертеться с Варенькою в лабиринте Аглинскаго контрданса, с ней, которая сама именинница завтра; для того что река заблагоразсудила покрыться льдом очень рано, вспокаяться и вчера опять разойтиться: приключение, разстраивающее мои веселья. Мы теперь в разлуке с островскими. Но у нас живет Николай Федорович <Муравьев>, Петрахан, Николушка <Вульфы>, вся честная компания, мы подымаемся теперь к Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.> на вечер. Ето день его. Анна Семеновна <Муравьева> и он вам усерднейше кланяются. Економия, домашнее благополучие и партии в вист занимаютка жется все их минуты. О суеты мира сего! как легко оставляют вас на маленькие и миленькие подробности семейства! Но ето было не мне говорить... У нас сказывают большая победа в Кубани, по разположениям Графа Балмена, которой скоро после скончался от болезни. Война похитила у нас Генерала, знаменитаго ревности, И.И. Мюллера[1028], на осаде Килии. Государыня пожаловала .25. гаков[1029] жене. Будьте здоровы и благополучны. Ето наши лучшие желания. Прощайте[1030].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 75-76 об.).

<288>++
1790. года Ноября .14. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Сколько благодарений должен я вам за ласки и попечения, которыми вы

[1027] Далее приписки З.М. и Н.А. Муравьевых.

[1028] Имеется в виду И.И. Меллер-Закомельский (1725-1790), барон (с 1789), командующий корпусом, штурмовавшем крепость Килию.

[1029] Гак, гакен – мера земли в Лифляндии и Эстляндии.

[1030] Далее приписка Н.А. Муравьева.

возвышаете мое маленькое существо! Я приношу вам удовольствие своими письмами! Самое ето безтолковое маранье будет разбираемо с трудом и украшено комментарием читательницы. Сколько я желаю ей всевозможных и наиболее ласкательных ей удовольствий! Она сомневается, помнят и ее друзья ея. Ето сомнение их обижает. Они были столько довольны выбором своим и в замену хотят, чтоб и им не отрицали благоразумия. Варенька например всегда заговаривает, когда зачинает хвастовать Фешинькою. Николушка Муравьев, Кавалер, постоянен спокоен и влюблен, уверяет будущею важностию судейского звания, что он хотел бы быть Капитаном Исправником в округе Никольскаго. О Кавалере Михаиле печальнаго вида, что я скажу? Celle que j'aime et que j'amai, ma belle et bonne Aléxandrine, bientôt sans retour, ni délai, ne me sera rien, que Cousine Vous connoissez bien ce marin, plein de feu, de Bonhommie: eh bien! C'est ce même cousin, qui me ravit ma bonne amie[1031]. Ханыков собирается писать к вам. Сегодни обещал было прислать писмо свое и позабыл. Простите стремления света, которое кружит его. Балы Аглинские, у Ванжура, знатная барыни и баре, общества и театры: ето настоящая служба. Вы знаете что Александр Федорович <Муравьев> оставил военную из маленьких неудовольствий на Игельштрома. Нас разлучает с ним река, которая ныне становится очень безпорядочно. У нас каждой день перемена погоды: вчера морозец, сегодни дождь. Вчера праздновано было при дворе взятие крепости *новой Килии*, под которою при первом покушении убит И.И. Меллер. После него оставался Гудович: он пожалован генерал-аншефом. Брат Великой Княгини, Генерал Майор отличился храбростию, молодой человек лет .19. пожалован ГенералПорутчиком и Андреевскою лентою. Недавно случилось мне быть в Ермитаже на бале. После ужина сюрприс. Над дверьми покоя надпись: направо одеваются дамы, налево женщины. Все оттуды вышли в великолепном маскарадном платье и сцена вольнаго маскерада. Помните Марзани Прощайте[1032].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 77-78 об.).

<289>++
1790. года Ноября .28. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Поздравляем вас на новоселье. Новое жилище, новое щастье или старое, ежели тем довольны. Но чур! быть здоровым. Веселье духа и движенье тела. С етим рецептом, лекарств не надобно. Хорошенько тереться льдом, ходить в баню и оставлять всегда место аппетиту, ето предписания шарлатана, которой вас очень любит и не хочет, чтоб болезнь приближалась к спокойному уединению Никольскаго. Здоровье великая, хотя и нечувствуемая часть блаженства. Когда желудок хорошо варит, так легко сносить своенравия людския и управлять свои собственныя. Тогда и староста извиняется и Мишинька и Никитушка могут без препятственно шуметь и погонять кнутиком лошадку. Прощаются другому Мише позабывать обещания свои и лгать каждую почту регулярно. Но ежели бы вы знали недосуги мои, хлопоты. Кто бы терпел чтоб книги его валялись по полу, чтоб комната его походила на кладовую мота, ежели бы оставалась хоть минута праздная от важных упражнений его? Дни такие короткие: предприятия необъятные. Человек неволен в своем времени. С таким оправданием, всегда прав останешься; особливо ежели судейской желудок варит хорошо. Челобитчиков сбирается сегодня быть отпотчиван на

[1031] Муравьев записал в строчку импровизированные шутливые стихи на случай; перевод: «Та, которую я люблю и которую любил, / моя прекрасная и добрая Александрина, / скоро, без возврата и без промедления, / не будет для меня ничем, кроме кузины. / Вы хорошо знаете этого моряка, / полного пыла и добродушия: / так вот! это тот самый кузен, / который похищает у меня мою добрую подругу».

[1032] Далее приписка Н.А. Муравьева.

ужине у Ивана Матвеевича <Муравьева мл.>: потому что он правит четверги. Он оставил сияющую сцену великаго света, живет в своей семье, в штате Графа Н.И. Салтыкова, надеется быть более. Он наполнен благоразумия, дарований и уменья жить. Я вам не сказываю ничего новаго. Мы выезжаем с батюшкою довольно часто, потому что сообщение с Островом возстановлено мостом. Вчера мы ужинали у Николая Михайловича. Александр Федорович и Варвара Михайловна <Муравьевы> недолго здесь останутся. У меня не будет больше Вареньки. Какое самолюбие! разве моя особа так важна, что судьба должна сохранит возле меня одну из сих прекрасных душ, которыя притягивают кого хотят и не хотят? И засим писавший кланяется

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев[1033]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 79-80 об.).

<290>++
1790. г. Декабря .5. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Бумажка сия от одного пустынника помчится к другим: но от пустынника самовольного, которой посреди великого города один, к пустынникам весьма любящим общество, затворившимся из любви должностей своих, из любви невинных и прекрасных кандидатов будущаго общества, от презрительнаго *безженника* к почтенным и добродетельным супругам. На какую высоту должен возводить я взоры свои из низости, в которой я пресмыкаюсь? Вы говорите о климате, что нужды ветер или снег, когда ни один день не оставляет после себя раскаяния: когда каждой день приближает к тому времени, что Мишинька и Никитушка, став друзьями батюшки и матушки, будут чувствовать все лишения, которым для ради их подвергаются родители? Для них опять надобно будет переменить спокойствие деревни на шум столицы. Надобно будет кланяться Маиору. Знаться с профессором и калякать с танцмейстером. Может быть из предместия в котором я сокрою тогда иппохондрию свою, буду я приезжать отведывать ваш портер и критиковать воспитание. Но вы спросите у меня: где твои дети? и мое пятидесятилетнее сердце забьется неудовольствием. И вы будете покашливать в пятьдесят лет; но ваше лекарство всегда готово. Мишиньку будут хвалить барыни: Никитушку бара. Вы знаете, что сегодня еду к Вареньке, которая вчера была именинница: что я ходил с нею в маскераде прошедшее воскресенье в моем кадрильском платье, которое придавало мне некоторой вид знатнаго господина, что я очень чуфарился моим входом, что я имел четвертой нумер за ужином с старшею Княжною Голицыной, которую прозвали в Париже Venus en colere[1034] и которая меня не знает. Все это сделает ли меня любви достойнее в глазах ваших. Покрайней мере ето было желание

вашего вернаго друга и брата
Михайла Муравьева[1035]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 81-82 об.).

<291>++
1790. года Декабря .12. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка душа моя сестрица Федосья Никитична! Когда писмо ето до вас дойдет, время будет, я думаю, поздравить вас с

[1033] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1034] Перевод: «Разгневанная Венера».

[1035] Далее приписка Н.А. Муравьева.

Святками и наступающим годом. Но желать вам добра, ето разумеется само собою, что я, недожидаю для етого ни праздника, ни новаго года. Я вас люблю от всего моего сердца, вас, маленькия ваши подобия: и думаю любить навсегда. Вы имеете мало соперников в сердце моем. Оно по нещастию никого не любит и никем... Ежели бы я солгал! Но я черезчур честен для етого. Кому нужда похитить ненавистное его спокойствие! Сии мрачныя размышления видно еще остаток от сговора Николая Николаевича <Муравьева>, при котором я был почтенным свидетелем, .8го. числа у Саблукова. Какое прелестное зрелище! Александра Михайловна была прекрасна, как Ангел. Но свадеб нет конца. Другая, которую вы знаете, Варвара Михайловна Дубянская .6. число сговорена за Камергера Зиновьева. Вы видите, что я совестно исполняю мою должность возвестителя браков. Ето приятной чин. Хотите ли, чтоб я вам возгласил военною трубою? Наши знамена взвеваются на струях Дунайских. Взяты Исакча и Тулча. Ожидают взятия Измаила. Рибас, предводитель нашей гребной флотилии, сжег и забрал турецкую. Со стороны Пруссии кажется мы останемся спокойны: хоть Николай Михайлович Мордвинов и должен разстаться с своею молодою женою, а Захар Матвеевич <Муравьев>, без разлуки с милою, но из доброго намерения бриться со всеми неприятелями России, потащит свои медные громы. Он подвергается опасности влюбиться в немочку в Дерпте или в Риге. Матвей Михайлович, которой вам кланяется и которой целое лето бил друзей наших Шведов, чувствует сильное искушение от Нептуна убежать к Гимену. В Швецию отправляется послом Игельштром и сказывают что Король пожаловал его Графом и Кавалером Серафимак... вы видите, что для всякого возраста есть игрушки. Каждой имеет свою палочку, на которой верхом ездит. Прощайте…[1036]

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 83-84 об.).

<292>++
1790. Декабря .19. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Поздравляем с новосельем, дай Бог, чтоб хлеб соль велась, чтоб хорошо спалось почивалось. Мы не так скоро переходим и добрыя желания над нами не сбываются. Правда, заложено словцо, сунулись мы с Торсуковым к Его Сиятельству Графу Николаю Ивановичу <Салтыкову>, били челом, чтоб внутреннее наше достоинство облегчено было новым внешним. Большие бара не отказывают. Но может быть я еще прежде женюся, нежели буду полковник. Частехонько радости кончаются надеждою. И ето что нибудь. Je vous suis infiniment obligé dela maniere délicate, dont vous me faites sentir mon devoir. Moi, m’affliger de l’honneur d'une personne aussi chère, aussi estimable! Car vous m'accorderez un peu de discernement. Et je ne suis plus aveuglé par la passion. Je ne sais, si je le fus jamais. Mais elle est faite pour rendre un époux heureux. Je l'ai vue charmante le jour de ses fiançailles. Epouse, vous lui accorderez un jour del’ amitié et del’ estime. Car ce sera une femme raisonnable, douce, bonne. Son promis Nicolas, que vous n'avez pas deviné, est l’aide de camp du Prince Nassau. Et comme celui-ci a été avancé Amiral avant hier, il a aussi fait un pas avec lui et est fait Capitaine-Lieutenant ou Major. La nôce ne se fera qu’au mois de mai. Dans l’interval Николай Николаевич est envoyé par le Prince à Paris pour ses commissions. À propos de commission, j'ai fait aujourd'hui la votre[1037]. В Медицинской коллегии сказали мне и показали, что Г. Воллер прошедший год

[1036] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1037] Перевод: «Я бесконечно вам обязан за деликатный способ, каким вы даёте мне почувствовать мой долг. Я стал бы огорчаться счастливой участью особы столь дорогой, столь достойной! Ведь вы всё же признаете за мной немного проницательности. И я уже не ослеплён страстью. Не знаю даже, был ли я когда-нибудь ею ослеплён. Но она создана для того, чтобы сделать супруга счастливым. Я видел её очаровательной в день её

из службы уволен. В том же году в Марте месяце, будучи еще в службе, пожалован он был штаб-лекарем. Что касается до чину, то так как при отставке он не награжден никаким, может просить Медицинскую коллегию, а она представит в Сенат. Обыкновенно штаб-лекарям жалуют чин Коллежского Ассессора. Мы едем сегодня по обыкновению к Ив.<ану> Матв.<еевичу> <Муравьев мл.> К нам переехал на неделю Александр Федорович <Муравьев>, чтоб от нас отправиться в деревню. Будьте здоровы. Прощайте[1038].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 85-86 об.).

<293>++
1790. г.<ода> Декабря .26. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Праздныя люди обычно имеют недосуги. Вместо кабинета своего я пишу с дежурства. Поздравляю вас с праздником и наступлением новаго года; затем что писмо ето не успеет притти нынешним. Новое, или ежели вам лучше нравится, старое щастие и постоянное, доброй разум, доброе здоровье, пускай неотлучно живет в Никольском. Меланхолия пускай не найдет ниже калитки отпертой в ваш барской двор. Цепами ее хорошенько! Ни Мишинька, ни Никитушка не позволят ей приблизиться к маменьке. Я и в лице ее не знаю. Я скучен иногда от лености, от скуки, от зависти, от оскорбленного самолюбия, никогда из удовольствия скучать. Я бы согласился быть очень весел, ежели бы я имел жену и детей. Ето почти одна моя прихоть и она бы меня исцелила от других. Сегодни Зашинька <З.М. Муравьев> приезжал и уехал к своей роте за сто верст отсюда. Они идут в Дерпт. У нас веселья, святки вчерась, очень часто маскерады и сюрпризы в Ермитаже. Александр Ф. и Варвара Михайловна <Муравьевы> у нас живут и после праздников едут в Исаково. Вульфы давно в Твери. Николушка <Муравьевы> тамже. Прасковьи Матвеевны <Костливцевой> сын на сих днях пожалован мичманом. Сколько стараний у ней учить его. Ты матушка, а ты батюшка; так вам нечего сказывать. Сами умные головушки. Но мне не время болтать. Пора свою должность делать. Прощайте[1039].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 87-88 об.).

помолвки. Как супруга, вы когда-нибудь подарите ей дружбу и уважение. Ведь она будет женщиной разумной, кроткой, доброй. Её жених Николай, которого вы не угадали, – адъютант принца Нассау. И так как тот позавчера был произведён в адмиралы, он тоже продвинулся вместе с ним и сделан капитан-лейтенантом или майором. Свадьба состоится только в мае. Между тем Николай Николаевич послан князем в Париж по его поручениям. Кстати о поручении: ваше я сегодня исполнил».

[1038] Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1039] Далее приписка Н.А. Муравьева.

<294>++
Генв.<аря> .2. дня 1791. года <б/м>[1040]

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична. Поздравляю вас с наступлением новаго года и с Полковником[1041]; хотя и не водится поздравлять с самим собой. Но я ничего такова не знаю, чтоб могло вас обрадовать более, как приятное произшествие, со мною приключившееся. Граф Николай Иванович[1042] представлял о Торсукове[1043] и обо мне и наши чины вышли вместе с докладами и другими переменами, которыя обыкновенно делают новый год радостным. Много Тайных Советников из Камергеров и других, в том числе Алексей Иванович Васильев[1044].Наш Павел Львович[1045] Порутчиком, в Полковники пожалованы еще Чичерин[1046] из Семеновскаго полку, Болотников[1047] из Конной Гвардии, Апраксин[1048] и Ротмистр Салтыков[1049]. Недавно праздновали у нас взятие Измаила, весьма кровопролитное, в приступе около 20000 турок побито. Многие из наших чиновников или убиты или ранены. Рибопиер[1050] убит, Генерал Маиор Кутузов[1051], Подполковник Глебов[1052]. Но обстоятельной реляции мы еще не имеем. Ее ожидают с Поповым[1053], которой везет с собой армейскую перемену. Столько поражений должны бы были принудить Турок к миру. Предводительствовал при Измаиле Суворов. Но на одном ли одре чести умирают. Алексей Петрович Ижорин[1054], в самой молодости, между своих, окончил жизнь свою .22. декабря. Дети дочь Варвара .14., и сын Петр .12. лет прислали нарочнаго к батюшке, полагая на него всю свою надежду и прося принять их в опеку. Батюшку весма затрудняет дочь; однако он не может отказаться от прозбы их, если московская опека на то согласится. Сегодня в Ермитаже маскерад, куда и я сбираюсь шататься. Ваш Ермитаж менее люден, хотя и есть

[1040] Адрес: «В Кирсанове что в Тамбовском намест. Милостивому Государю моему, Сергею Михайловичу, Господину Бригадиру, Его высокородию Лунину. В селе Никольском». Приписки Н.А. Муравьева (отца М.Н. Муравьева) мы в данной публикации не воспроизводим.

[1041] В 1791 г. М.Н. Муравьев получил звание полковника.

[1042] Салтыков Н.И. (1736-1816) — русский государственный деятель, официальный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.

[1043] Торсуков А.А. (1754-1810) — военный и государственный деятель.

[1044] Васильев А.И. (1742-1807) — государственный деятель, финансист и законодатель; с 1791 г. — тайный советник.

[1045] Батюшков П.Л. (1765 – 1848) – родственник М.Н. Муравьева, сенатор, генерал-майор, действительный тайный советник.

[1046] Чичерин В.Н. (1754-1825) — военачальник, с 1791 г. — полковник Семеновского драгунского полка.

[1047] Болотников А.У. (1753-1828) — военачальник, отличился во время русско-шведской войны.

[1048] Апраксин Ф.М. (1765-1796) — военачальник, с января 1791 г. — полковник Конной гвардии.

[1049] Возможно, Салтыков С.В. (1778-1846) — коллекционер и библиофил.

[1050] И.С. Рибопьер (ок. 1750-1791) — французский офицер на русской службе, адъютант Г.А. Потемкина, погиб при штурме Измаила.

[1051] М.И. Кутузов (1745-1813) — военный и государственный деятель.

[1052] Ф.И. Глебов (1734-1799) — военачальник и сенатор

[1053] В.С. Попов (1740-1822) — государственный деятель, доверенное лицо Г.А. Потемкина.

[1054] А.П. Ижорин (1758-1790) — лейб-гвардии прапорщик, родственник Батюшковых.

клоуны. Теперь только Варвара Михайловна[1055] возвратилась от француженки, к которой она ездила за сырцом для вас. Варенька едет завтра в деревню. Она в великих хлопотах и прощанье не без слез.

Свадьба Николая Николаевича и Александры Михайловны после крещенья будет. Маленькой Арбенев[1056] пожалован в офицеры. Иоасаф Иевлевич[1057] был опасно болен. Желаю вам сердечно всякого благополучия, навсегда пребуду

ваш верной брат и слуга
Михайло Муравьев[1058]
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 2-3 об.).

<295>++

1791. года Генв.<аря> .8. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична. ваше милое писмо прошедшаго года было для меня приятнейшею беседою, какую только может доставить нынешний. Благополучие равно принадлежит ко всем годам и неотлучно от сердца добраго и чувствительнаго. Оно мне кажется живет в Никольском и .18. декабря его праздник. Музыка, стихи Аглинские, благотворительность, благоговение, здоровье, воспоминание друзей своих суть разные виды существования и щастия. Полковник, позвольте насладиться мне сим незаслуженным прозвищем, ездил сегодня на своем гнедом коне к Ханыкову[1059], которого старая дружба производит мне всегда новыя наслаждения. Он вам кланяется. Вареньки <В.М. Муравьевой> нет более. Она тащится в Исаково, свою Швейцарию. Иван Матвеевич и Анна Семеновна <Муравьевы> вам кланяются. Он был болен и не выезжает. Она также нездорова, но самым приятным образом, чтоб иметь сладкия печали во всю жизнь свою и кукольную комедию: быть школьною мастерицею какого нибудь Мишеньки или Лизаньки. Вы не знаете что такое кадрильное платье. Ето великолепные маскерады в Ермитаже, очень учащаемые, там знатность, веселье, стечение игр и забав, в своем ли я месте. Худой актер может быть нарочитой зритель. Я писал вам об Измаиле, где наши храбрые офицеры стеною шли на смерть. О мире не слыхать еще. Он бы удвоил веселья и спокойствие фамилий. Наш Захарушка <Муравьев> возвратился бы из Дерпта и все бы Полковники были мои равные. Теперь лучшая моя похвала в том, что я есть и буду

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 4-5 об.).

<296>++

1791. года Генв.<аря> .16. д.<ня>С.<анкт>П<етер>б<ург>

[1055] В.М. Муравьева (в девичестве Мордвинова) (1762-1842) — жена А.Ф. Муравьева. После его смерти вышла замуж за П.М. Полторацкого.

[1056] Иван Иосафович Арбенев (1771-1804) — военачальник, сын И.И. Арбенева.

[1057] Иосаф Иевлевич Арбенев (1742-1808) — генерал от инфантерии.

[1058] Адрес сохранился только в двух письмах: «В Тамбове. Милостивому Государю моему Сергею Михайловичу, Его Высокородию Господину Бригадиру, Лунину» (Л. 70 об.); «В Тамбове. Милостивому Государю моему Сергею Михайловичу, Его Высокородию, Лунину» (Л. 74 об.).

[1059] В.В. Ханыков (1759-1829) — русский военачальник и дипломат, ближайший друг М.Н. Муравьева. В 1788-1790 гг. участвовал в русско-шведской войне.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична. ваши приятныя писма всегда приходят увеличивать удовольствие наше. Дай Бог, чтоб сия приятная переписка никогда не прервана была, как только еще радостнейшим свиданием. Время наше поглощается все или суетами, ничего не значащими или леностью. Я скачу теперь на свое дежурство, в вечеру маскерад в Ермитаже: так я везу с собою и платье мое Египетскаго перваго министра. В России чин мой гораздо меньше. Литература наша, бедная без того, потеряла на сих днях славного писателя, Я. Бор. Княжнина[1060]. Погода самая ветреная, морозов не бывало. В городе не проходит дня, чтоб не было балов, у бар. Есть дворянской клоб, по субботам, на основании Московскаго. Ханыков будет весьма чувствителен к поручению, которое на него налагается. Он очень к вам привязан, очень достоин любви и почтения. Но я отнюдь не так сумасброден, как вы воображаете. Весьма разсеян напротив того, так что мне стыдно. Простите, ничего не могу писать более. Но уверять вас нечего, сколько душою и сердцем есть и буду

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 6-7).

<297>++

1791. года Генв.<аря> .30. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Мы говорили сегодни об вас за столом с Ханыковым, которой поехал в Москву. Мы часто составляем содержание речей в Никольском. Miss Jeffrys mingles undoubtedly in the matter. I am very obliged for her politeness to me; but the more so for tenderness, she bears to my dearest sister[1061]. Англинской язык имеет нечто сходственное с сельскою жизнью. Покрайней мере она трогающа в их Романах. И для чего не терпеть чего нибудь Романическаго в настоящей жизни. Наши надежды, намерения не тот ли же Роман. Может быть я буду иметь маленькую усадьбу в вашем соседстве, за рекою, в маленькой лодочке с женою моею буду я переезжать к вам завтрекать. Первой увидит нас Никитушка и Мишинька побежит уведомить о гостях папиньку, которой на дрожках ездил по полям своим. Я не знаю, какова мнения об этом жена моя. Но вы думаете, что я брежу и не обманываетесь. До сих пор економия моя в худом состоянии и в противность *Вакфильдскаго священника*[1062], и тем доволен, что проповедую женитьбу. Моя Варенька теперь в своем Исакове и занята одними детьми своими. Первое февраля выходит замуж Александра Михайловна[1063]. Ети известия лучше подвигов Суворова[1064], от котораго турки не знают куда укрыться. Князь Потемкин ожидается сюда скоро. Несколько дней назад приехал Попов с ключами и релациею об Измаиле. Брат великой княгини[1065] здесь. Она имеет удовольствие отдаваться всем чувствованиям благородного своего сердца и вкушать радости человека. Он был не здоров. Каждой день ездила она посещать его. Дружба и родство лучше знатности и великолепия. В етом я согласен совершенно с вакефильским священником и чувствую щастье мое вдвое, когда

[1060] Я.Б. Княжнин (1740-1791) — русский писатель, драматург.

[1061] Перевод: «Мисс Джеффрис, несомненно, причастна к этому делу. Я очень обязан ей за её любезность ко мне; но ещё больше – за нежность, которую она питает к моей дорогой сестре».

[1062] «Векфильдский священник» (1766) — роман английского писателя О. Голдсмита (1730-1774).

[1063] Мордвинова А.М. (1770-1809) — с 1791 г. жена Н.Н. Муравьева.

[1064] Суворов А.В. (1730-1800) — русский полководец.

[1065] Карл Фридрих Генрих, герцог Вюртембергский (1770-1791) — младший брат великой княгини Марии Федоровны (о нем см.: [24. с. 312-313].

получаю приятные повторения вашей дружбы и уверяю вас, что моя никогда не кончится. Цалую всех вас мысленно и пребуду навсегда

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 8-9 об.).

<298>

1791. года февр.<аля> .6. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Сколько я должен быть чувствителен к сим известиям, которыми вы увеличиваете мое щастие, ваше прекрасное писмо переселило нас на минуту в Никольское. Я очень благодарен Аве for her remembrance[1066]. Желаю, чтоб маленькое хозяйственное приключение награждено было всеми успехами трудолюбия и чтоб рига, лучше прежней, истребила сожаление старой. Это философия вакефильдского доброго Священника, которой получил право гражданства в Никольском. Поздравляю с новой гражданкой. У нашего Ивана Матвеевича. 31. Генваря родилась дочь Елисавета[1067]. Анна Семеновна[1068] слава Богу здорова и рекомендует вам свою Лизиньку. Батюшка ее весь в чувствовании родительства. Не может быть пожилой человек постояннее благоразумнее его. Совсем противное тому сияющему франту, которого вы знали. Моя милая Варенька пишет из Исакова, что она будто очень довольна своею жизнию. Економия, обращение с крестьянами, вспомоществование, леченье, дети, Варенька, которую она кормит: вот определение прекрасной женщины. Вчера в вечеру удивлен я был приятным образом нечаянным вступлением в горницу Михайла Ивановича Веревкина. Он вам кланяется. Приношу мою покорнейшую благодарность Государыне моей Надежде Никифоровне за приятное ее поздравление. У нас здесь совсем зимы не было. Не можно вообразить, что за непостоянная погода. Извините мое скорое черканье: я опоздал на дежурство. Примите, ежели можно сие извинение и любите всегда, пребывающего с непременною преданностию

вашего вернаго друга и брата
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 10-11).

<299>++

1791. года Февр.<аля> .13. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! ваши писма, приходящие толь исправно, нарушают приятным образом наше глубокое уединение. Оне приближают нас в то время. И вы можете вообразить себе удовольствие батюшки. Он забавлялся черезвычайно маленьким Аглинским Джентельменом, who does challenge the honorable Colonell. I wish heartily to find an advocate in the family for pleading my guilt before him and to soothe his just resentment by a most tender kiss[1069]. В последнее воскресенье .9. ч.<асов> Батюшка крестил дочь Ивана Матвеевича <Муравьева>, Лизиньку, с бабушкою и крестною же матерью Анны Семеновны <Муравьевой> Катериною

[1066] Перевод: «За то, что помнит».
[1067] Муравьева-Апостол Е.И. (1791-1814) — дочь И.М. Муравьева; с 1809 г. — замужем за Ф.П. Ожаровским (1785-1828).
[1068] Черноевич А.С. (1770-1810) — жена И.М. Муравьева.
[1069] Перевод: «который осмеливается вызвать почтенного полковника. Я всем сердцем хотел бы найти в семье защитника, который вступился бы за меня перед ним, признавая мою вину, и смягчил бы его справедливый гнев нежнейшим поцелуем».

Константиновною Скороходовою[1070]. Сегодни возвращаяся с дежурства, нашел я у батюшки Ивана Афанасьевича[1071] с его Варварою Григорьевною приехавших прощаться. Оне сегодни назад едут в Вологду. От них слышал я печальное известие, что Александра Михайловна <Муравьева> занемогла горячкою. Каково должно быть положение Николая Николаевича[1072] накануне свадьбы[1073]! Вчера венчали при дворе Дубянскую[1074] и Зиновьева[1075]. В воскресенье выходит фрейлина Трубецкая[1076] за Камер-Юнкера Барона Строганова[1077]. Етим не кончится. Еще останутся партии до праздника. Но изчисление всех сих фрейлин мало вас трогает, я думаю, в Никольском, где также пастухи и пастушки получают позволение Милостиваго Государя и Милостивой Государыни *соединитися цепями Именея*. Мое писмо проскачет масленицу и найдет вас в спокойствии благочестия. Все сии бредни будут неуместа. Но я пользуюсь великими привилегиями у вас и надеюсь быть прощен наперед: тем более, что дежуря через день, по причине увольнения и болезни двух моих товарищей, я имею извинение многоделия. У нас прекрасное время похожее на весну. После гнилой зимы, маленькие утренники, от которых мы зябнем по отвычке от холоду. Каково вам покажется? Но приближение вечера оставляет мне только время сказать вам что я навсегда пребуду

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 12-13 об.).

<300>++

1791. года Февр.<аля> .27. С.<анкт>П<етер>б<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Мы знаем столько же приятности уединения в столице, как вы в Никольском. Только, что мы не имеем ваших трудов и попечений. Мы съедаем хлеб, которой вы производите. Охотно бы я приехал к вам учиться земледелию, если бы тунеядец имел более досугу и времени. Он безперестанно на службе. Анна Семеновна <Муравьева> вчера загоняла, что давно не был. Воображают, что так легко выезжать. Какое удовольствие провождать жизнь свою в шлафоре и выписывать из Англии книги через Фразершу! Можно ли насладиться всеми благополучиями? Столько их убегает от обладания нашего. Надобно быть довольну тем, что на нашу долю достается. Например, прекрасные наши Ермитажные маскерады кончились. Все говеют. Что ж? более спокойствия. Я не увижу более сих Голицыных, сияющих Парижанок, привлекательных Нарышкиных, множества придворных госпож, во всем ополчении приятностей: но что я имел с ними общаго. Тщеславие бедное наслаждение, когда сердце молчит. Любить человеческой род везде и во всякое время равно легко и усладительно. В запасе я имею всегда удовольствие, несказанное удовольствие, любить лучших и добродетельнейших людей в собственной семье моей. Я не могу возвратить чувствования нежной сестры: но она хочет знать меня щастливым, всегда достойным ее привязанности; я не пойду клеветать самого себя. Я зделаю лучше и буду в самом деле

[1070] Скороходова Е.К. (1728-1796) — камер-юнгфера двора ее величества.

[1071] Возможно, И.А. Дмитревский (1734-1821) — актер, драматург, переводчик.

[1072] Муравьев Н.Н. (1768-1840) — военачальник, участник русско-шведской войны, дальний родственник М.Н. Муравьева.

[1073] Свадьба Муравьева и Мордвиновой состоялась 22 мая 1791 г.

[1074] Дубянская В.М. (1763-1803) — фрейлина Екатерины II, с 1791 г. — жена В.Н. Зиновьева.

[1075] Зиновьев В.Н. (1755-1827) — государственный деятель, сенатор, кузен Г.Г. Орлова, с 1785 г. — камергер.

[1076] Трубецкая А.С. (1765-1824) — фрейлина Екатерины II, с 1791 г. — жена барона Г.А. Строганова.

[1077] Строганов Г.А. (1770-1857) — дипломат.

щастлив из угождения. Одно неисправное выражение, которое вырвалось у меня: *нещастная замужеством* не заслуживает возбуждать любопытство ваше и основано на общенародном слухе о малой нежности мужа. Здесь на днях ожидают Князя[1078]. Гаврило Романович <Державин> написал *Песнь Россу на взятие Измаила*[1079]. А я пребываю навсегда ваш верной друг и брат Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 14-15 об.).

<301>++

Марта. 13. д.<ня> 1791. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Неблагодарной друг ваш вместо того, чтоб лететь по призыву вашему, наслаждаться всеми приятностями сельской жизни и сладостию дружбы, продолжает пресмыкаться при дворе и бродить никем не знаем по шумным улицам столицы. Он не может вырваться из уз привычки и думает, что будто это значит что нибудь в самом деле, ездить по вторникам и пятницам толковать правила вкуса и языка, которых сам не разумеет. В городе каждой вечер почти есть сияющие собрания у знатных. Но не будучи знаком с ними, я только слышу о весельях. Сегодни, потому что дежурной, буду на великолепном бале Князя Потемкина. Прошедшее воскресенье везли церемониально в крепость .480. знамен взятых у Турок. Анна Семеновна <Муравьева> благодарит вас за поздравление and wishes to return it to yourself[1080]. Она зачинает выезжать. Прасковья Матвеевна <Муравьева> на сих днях отправляется в деревню. Она оставляет своего молодаго Мичмана на руках Василья Яковлевича <Чичагова>. Князь Дашкова[1081] здесь еще нет и Василий Васильевич <Ханыков> не возвратился из отпуску своего в Москву. Сюда съезжается множество Генералов наших из Армии во ожидании награждений, которыя чаятельно скоро будут объявлены. Говорят также о большой перемене армейской. Я не знаю, уведомлял ли я вас, что Крестина Матвеевна выдала дочь свою замуж за Ник. Ал. Небольсина[1082]. Когда я выду за муж, это сокрыто в глубочайшем мраке. Дай Бог, чтоб ваше здоровье, счастие, спокойство всегда были нерушимы и доставляли величайшее удовольствие. Я есмь навсегда

ваш верной брат и друг
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 16-17).

<302>++

1791. года Марта .20. д.<ня> С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Дай Бог, чтоб писмо сие нашло вас в таком же здоровье, спокойствии и благосостоянии, как оно здесь нас оставило. Я писал к вам последний раз из дворца перед великолепным балом Князя Потемкина, откуда возвратились мы в третьем часу ночи. И смотреть на подвиги неутомимых танцовщиков довольно, чтоб утрудить лениваго. У него приготовляется Кадриль из .24. пар, которую будут танцовать в Маскераде: день неизвестен. Не проходит вечера, которой бы не был занят балом какого нибудь знатнаго дома. Прошедший

[1078] Князя Г.А. Потемкина.

[1079] Речь об оде Г.Р. Державина «На взятие Измаила» (Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 156-166).

[1080] Перевод: «И желает вам того же».

[1081] Дашков П.М. (1763-1807) — военачальник, с 1790 г. — генерал-майор, сын М.И. Дашкова и Е.Р. Дашковой.

[1082] Небольсин Н.А., в 1791-1801 гг. — предводитель дворянства Жиздринского уезда

понедельник был у Строганова великолепной концерт и бал. Между прочими пели хоры, сочинения Г.Р. Державина. Сегодня Прасковья Матвеевна <Костливцева> поехала от нас после обеда в деревню. Александр Федорович <Муравьев> сказывают будто в Твери. Ник.<олай> Фед.<орович Муравьев> не предвидит, чтобы открылось ему там выгодное место и кажется желал бы сюда возвратиться. Тверитяне наши наслаждаются с домашним благополучием. Вы знаете его цену. Будьте здоровы и благополучны. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 18-18 об.).

<303>++

1791. года Марта .27. С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы исполнили нас радостию, разделив с нами ту, которую вам Бог послал. Поздравляю вас усерднейше с Катинькою[1083]. Батюшка только того желает с нетерпеливостию, чтоб быть уверену о совершенном выздоровлении ее матушки. Он нынешнюю неделю говеет и вы умножили приятнейшим образом содержание его молений. Папинька теперь может принять полную команду над воинами: молодая Мисс захватит все попечения маменьки. Но чур! быть здоровой, мужественной и всегда веселой. Анна Семеновна и все ее семейство поздравляет вас.

Любящий Сергей Михайлович положил все труды свои для призвания здоровья к своей Фешиньке. Економия его потерпит от етого приятнаго недосугу. Но улыбка Катиньки заплотит. Новое упражнение Надежде Никифоровне пестовать Никольскую барышню с голубыми глазами. Отпишите к нам поскорее, что рожаница кушает с аппетитом цыпленочка, а Катинька сосет толстую и здоровую кормилицу. У нас весна кажется приходит. В Благовещенье многие за осаду Измаила получили награждения ордены и чины. Граф Суворов Подполковником Преображенскаго полку[1084]. По армейской перемене многие поступили с Генерал Порутчики и так далее. Соймонов[1085] и Маврин[1086] в Сенаторы, Валериан Ал. Зубов[1087] в Измайловской полк в Маиоры. В заключение поздравляю вас с наступающим праздником Светлова воскресенья и цалуя мысленно вас и милых Мишиньку, Никитушку и Катиньку навсегда пребуду

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 19-20).

<304>++

1791. г. Апреля .3. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Нынешнюю неделю не имели мы несравненнаго удовольствия, принадлежащаго к приятнейшим нашим привычкам, получить писмо от вас. Наступление весны, которое портит дороги и опоздывает почты, составляет во ожидании утешение наше.

[1083] Лунина Е.С. (1791-1868) — дочь С.М. Лунина и Ф.Н. Муравьевой, с 1814 г. — жена камергера Ф.А. Уварова.

[1084] 25 марта 1791 г. А.В. Суворов получил звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

[1085] П.А. Соймонов (1737-1740) — государственный деятель, с 1791 г. — генерал-поручик, правитель канцелярии Императорского совета, статс-секретарь Екатерины II и сенатор.

[1086] С.И. Маврин (1744-1809) — военачальник, с 1791 г. — генерал-поручик и сенатор.

[1087] В.А. Зубов (1771-1804) — военачальник, в 1791 г. — бригадир и капитан-поручик Измайловского лейб-гвардии полка.

С какою радостию получим мы писмо, которое подтвердит наши усерднейшие желания! Мы охотно извиним ваше молчание и леность, только бы оправдало вас желанное известие, что вы здоровы и благополучны. Старайтесь удовольствовать наше требование. Теперь то время, чтоб выздоравливать. В половине Апреля у вас конечно позеленеет поле и Катинька будет улыбаться. Я наперед наслаждаюсь сим дыханием воздуха, которой разносит здоровье и живость. Для сельских жителей ето более праздник, нежели великолепные маскерады городским жителям. У нас на Фоминой готовится сияющий праздник Князя Григорья Александровича <Потемкина>. Дом его в Конной Гвардии убран будет всеми вымыслами роскоши и вкуса. Кадрилия в .24. пары, в том числе молодые Великие Князья и Принц Виртембергской[1088], в богатейшем одеянии, привлечет взоры тысячей.

У вас сказывают другим образом празднуют торжество природы и несколько сотен сох открывают зрелище, более пространное. Мне оно не совсем не знакомо: и оного Царскаго села я видал, изображения того, что у вас происходит. Нынешнее лето прибавит у нас удовольствие Ботаники, которое обещает Паллас[1089], начавший с великими Князьями Курс Истории Натуральной. На сих днях возвратился из отпуску Павел Львович <Батюшков>. Он жил некоторое время в Твери у своей сестрицы[1090], все наши Берновцы здоровы и веселятся по Провинциальному. У них два раза в неделю Клоб и даже благородной Театр по временам. Теска вашей Катиньки сказывают очень хороша и просит матушку другой Катиньки поскорее выздоравливать, быть веселой, доброй: о чем просит также и

верной ваш друг и брат
Михайло Муравьев.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 21-22 об.).

<305>++

1791. г.<ода> Апреля .17. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Не знаю, каким образом почта наша так разстроилась, что мы не имеем удовольствия получать писма ваши в обыкновенные дни. Всегда терпение наше искушается. Но до сих пор мы были столько щастливы, что всегда имели от вас добрые, хотя поздныя известия. Наши надежды, согласны с желаниями, полагают вас и теперь в наслаждении лучших благ жизни, здоровья, любви, благотворительности. Мы в городе чувствовали оживление весны: что ж вы, ближе поставлены к зрелищу полей и в лучшем климате? У нас только прошла река, как вдруг почувствовали совсем другое дыхание воздуха, другое небо открылось, прозрачное и голубое или совсем чистое или еще прекраснее легкими метающими облаками. Весенний дождь большими густыми каплями, молния, тихие громы и показывающаяся зелень. Таковы были наши первые дни Праздника. Я сожалею что должен обнести вам погоду нашу непостоянством, которое другой день уже сделало суровее благорастворения неба. Мы не можем однако долго здесь остаться. Во вторник на Фоминой неделе будет я думаю маскерад у Князя Потемкина, а в середу можно ожидать и путешествия в Сарское.

[1088] Карл Фридрих Генрих.

[1089] П.С. Паллас (1741-1811) — немецкий ученый, по поручению Екатерины II участвовал в составлении «Сравнительного словаря всех языков и наречий», преподавал естественные науки внукам императрицы Александру и Константину Павловичам.

[1090] А.Л. Батюшкова (1758-1819) — сестра П.Л. Батюшкова, жена И.С. Караулова.

На Дунае иначе пользуются приходом весны. Князь Сергей Федорович Голицын[1091] истребил город Мачин на той стороне Дуная, сжег пороховой Магазин, побил .2000. неверных, взял трехбунчужного Пашу. Мы имеем известия и менее жестокие. Лизавета Марковна Полторацкая[1092] зговорена за Подполковника Оленина[1093], весьма достойного человека. Подтверждается также, что Камер Юнкер Бибиков[1094] женится на сестре Василья Васильевича <Ханыкова>, но сие последнее еще не объявлено. Ни Марс, ни Гименей ничего не знают еще о некотором Полковнике, которой право вас всею душею любит, желает вам всякого благополучия, просит поцаловать всю фамилию и пребудет навсегда

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 23-24).

<306>++

1791. года Апр.<еля> .24. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Наконец безпорядок писем наших устанавливается. Удержаны распутицею, оне не доходили во время свое и становилися иногда причиною беспокойства, по щастию неосновательнаго. Продолжение сего состояния есть все, чего желать можно. Вы пользуетеся спокойством в деревне, мы его имеем в городе. Я хотел бы переменить его, иногда хотел бы, на труды военной жизни и сделаться достойным звания моего, защищая отечество; но оно торжествует над Оттоманами вопреки Европы без меня. Оно не боится ни дисциплины Прусаков, ни флегмы Агличан и оставляет меня в незнатном состоянии школьнаго учителя. Скоро, обитатель Царскаго Села, я буду рассматривать природу, не разумея ее. Мы еще не отправились туда, за тем, что праздник Княжеской еще не был произведен в действо. Болезнь графа Ив. Гр. Чернышева немножко разстроила кадрилию, затем что дети его танцовали в ней. Да и время наше совершенно испортилось. После недели райской погоды мы возвратились опять в зиму и теперь снег лежит. Недавно после долгого молчания получили мы писмо от Александра Федоровича <Муравьева>. Варенька[1095] пишет будто привыкает к своей пустыни в Альпийских горах. Мне все кажется, что Тамбов Италия перед Осташковым. Покрайней мере я желал бы чтоб воображение Фешиньки — Сесилии придало ему романтическия прелести. Наши Берновские теперь в деревне. Они поздравляют вас с Катинькою. Иван Матвеевич <Муравьев> и Анна Семеновна <Муравьева> заняты своею Лизинькою. Захар Матвеевич <Муравьев>, немец более нежели когда нибудь и герой по неволе, марширует к Риге. Вот мой подробной раппорт. Будьте здоровы и веселы и не перестаньте любить вашего вернаго друга и брата

Михайла Муравьева.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 25-26).

[1091] С.Ф. Голицын (1749-1810) — военачальник, с 1788 г. — генерал-поручик, отличился при штурме Очакова и Мачинском сражении, в 1791 г. был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса.

[1092] Е.М. Полторацкая (1768-1838) — дочь М.Ф. Полторацкого, с ноября 1791 г. — жена А.Н. Оленина.

[1093] А.Н. Оленин (1763-1843) — государственный деятель, историк, с 1786 г. — член Российской академии, участник русско-шведской войны.

[1094] А.А. Бибиков (1765-1822) — участник русско-шведской войны, с 1795 г. — камергер, с 1800 г. — сенатор.

[1095] В.М. Муравьева.

<307>++

1791. г.<ода> Маия .1. числа. С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ето только для Истории, а отнюд не из хвастовства, что я поставил день, в которой пишу, в заглавии. Мы смиренномудры и не хвастаем, или нечем. *Ето не самой лучший день на свете*. После прекрасной недели в середине Апреля мы впали в глубочайшую осень и не видим еще конца ея. Дежурной Кавалер, я буду иметь удовольствие гулянья часа через два. Кавалкада отменена и спокойная карета подаст качаньями своими более удобности размышлениям моим и варенью желудка. Писмо мое поздно придет в Никольское, чтоб поздравить вовремя с рождением милую его помещицу. Но она не сомневается, что день сей празднован не только в Никольском. Я не умею делать подарков; но я умею принимать их. И прекрасной жилет, убирая меня, занимает меня своею милою хозяйкою. Скоро свои Кавалеры будут требовать жилетов, а мне понадобится маленькой паричок и душегрейка. Я вижу каждой день тех сияющих в Кадрильях и Контрдансах, которых я помню рождение или видел на помочах. Наша славная кадрилья была наконец танцована .28. число. Какой праздник! превосходящий все обыкновенные понятия великолепия и веселья. Комедии, Балеты, Концерты, Иллюминации, тьма людей: все ето в одной картине. Когда мы едем в Царское Село еще не известно. Думают, что еще будут кадрилии. Наша Анна Семеновна <Муравьева> что-то не очень здорова и ето удерживает по большой части Ивана Матвеевича <Муравьева мл.> дома. Ему подают хорошие надежды; но все сие еще только надежды. Прощайте, будьте здоровы, веселы и не позабудьте вашего

вернаго друга и брата
Михайла Муравьева.
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 27-28).

<308>++

1791. г.<ода> Маия .6. д.<ня>Сарское Село.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Тот самой день, в которой, пишучи к вам последний раз, почитал я отъезд в Царское село неизвестным, и может быть через час, Государыня изволила оставить город. Вот уже четвертой день, что я живу безвыездно в Царском селе. Ваше милое писмо нашло меня здесь третьягодни, переслано будучи батюшкою из города. Я разделял отсюду ваши сельския забавы, путешествие в Земляное, обед на Крыльце у почтеннаго Старосты и радостные труды земледелия, которыми забавлялся помещик. Были в писме строки, в которых сердце помещицы предавалося всей своей чувствительности. Оно дышет для любви и доброжелательства. Природа, назначая его матери семейства, вложила в него свои нежнейшия пристрастия, для защищения слабых и покровительства нещастных и для поселения в сердце Катиньки тех же чувствований. Щастливы только те, которые находят величайшее свое удовольствие в исполнении должностей своих. Вы еще более, предпочитая род жизни, столь близской к природе, не имея нужды подслуживаться или раззоряться в угодности другим. Вы поверяете богатство ваше заимодавцу самому верному, земле; которая вспомоществуема вашим климатом насыплет осенью житницы ваши за труды весны и лета. Удивительное сходство между благорастворением воздуха у вас и у нас в те же дни; но я боюсь, чтоб вы не испытали того же обороту, которой привел у нас печальнейшие дни осени и зимы после недели лета. Кажется, что теперь погода зачинает исправляться. Я уже зделал несколько прогулок верхом. И у нас пашут, но вид земли, я думаю, не имеет тех приятностей, к которым вы привыкли. И аллеи сада нашего еще не одеты листьями. Для любопытнаго какой бы случай учиться садовничеству, земледелию! У

нас столько охотников: Андрей Афанасьевич[1096], Паллас, садовник Буш[1097]. Несмотря на то, я не умею посадить гвоздики. Есть ли у вас цветы?

Я оставил здесь писмо по утру, был в ходу на воду: сегодни Преполовенье. И прихожу после обеда переодеться в фрак и сказать вам, что я пребуду навсегда

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 29-30).

<309>++

1791. года Маия .15. д.<ня>С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы видите, что я начал течение летних непостоянств моих: то на пригорках и в рощах Царскаго села, то на посеянной зданиями равнине Петербургской. В Петровки картины мои увеличатся. Я надеюсь сидеть на крутом берегу Петергофском и смотреть глубоко в пространство моря. Ежели одне надежды внушают такие стихотворческие выражения: то я жалею вас наперед оглушаемых моими пухлыми посланиями из Петергофа. Особливо ежели мы там иметь будем, как молва идет, севернаго Александра или Дон Кишота, Густава[1098]. Герои, кажется, обезоруживаются и лавры заглушаются миртами. Сколько мрачен был горизонт с начала весны тучами военными, столько теперь он расчищается. Напрасно Питт[1099] угрожал нас своими тридцатью кораблями; великодушная нация его не хочет разделить тщеславия министра. И Фоксы[1100] и Шериданы[1101] и Бурке[1102] утушают красноречием своим пламень бесполезной войны. Бритты по старому будут вывозить пеньку нашу, а мы пить их портер и носить их сукна. Музульмана будут по старому биты или смирятся перед неверными. Ето правда, что на меня они не будут жаловаться. Я никого не обижаю. Я пью и кофе и портер и сплю. Однако недавно я пил Шампанское. В воскресенье .11. число женился Николай Николаевич <Муравьев>. Батюшка изволил быть на свадьбе. Катерина Андреевна, Катерина Даниловна, Муромцева, Муромцов[1103], Аполлон Андреевич, Контр-Адмирал Мордвинов[1104], Саблуков[1105], Иван Матвеевич <Муравьев мл.> и ваш покорной слуга. Вчерась у батюшки были с визитом новая Муравьева Александра

[1096] А.А. Самборский (1732-1815) — церковный деятель, землевладелец. В 1784 г. он был назначен преподавателем английского языка к великому князю Александру Павловичу. Муравьев через Самборского пытался найти гувернантку англичанку для Ф.Н. Муравьевой. Самборский мог помочь, в частности, потому, что долгое время служил в Англии и был женат на Е. Филдинг.

[1097] Речь идет о Джоне или Джозефе Буше (о них см.: [23].

[1098] Густав III (1746-1792) — король Швеции с 1771 г.

[1099] У. Питт мл. (1759-1806) — премьер-министр Великобритании.

[1100] Ч.Д. Фокс (1749-1806) — английский политик, один из лидеров партии вигов, находился в оппозиции к Георгу III, министр иностранных дел Великобритании.

[1101] Р.Б. Шеридан (1751-1816) — британский общественный деятель и писатель.

[1102] Э. Берк (1729-1797) — английский политик и публицист.

[1103] По-видимому, Н.С. Муромцев (1762-1834) — военачальник, в 1788 г. участвовал в осаде Очакова, в 1789 г. — при взятии Аккермана и Бендер, в 1791 г. отличился в сражении под Мачином и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

[1104] Н.С. Мордвинов (1754-1845) — государственный деятель и военачальник, во время русско-турецкой войны в чине адмирала возглавлял осаду Очакова с моря (1787).

[1105] По-видимому, А.А. Саблуков (1746-1828) — государственный деятель, сенатор.

Михайловна и Николай Николаевич <Муравьев>. Бедная Варенька не была свидетельницею щастия сестры своей.

Здесь еще носятся неприятныя вести о каком то нещастии приключившемся Александру Федоровичу <Муравьеву>. К Павлу Львовичу <Батюшкову> пишет из Твери сестра его, что дом Анны Федоровны[1106] опечален болезнию Александра Федоровича <Муравьева>. Всего сожалетельнее, что эео дикое место лишено, я думаю, всякой лекарственной помощи. Щастлив, кто может без нее обойтиться, исцеляясь трудом и умеренностию. Ето благорастворение воздуха кажется мне оживлением; затем, что у нас возвратилось опять хорошее, хотя и не такое еще, как было, осеннее время. Все деревья одеты листьями. Гуляйте, бегайте по вашим лугам, нивам, сенокосам, кушайте свежие сливки и кислое молоко и почивайте сладко и крепко. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 31-32).

<310>

1791. г.<ода> Маия .22. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ваше прекрасное писмо свидетельствует спокойствие души, которое возвещаете. Останьтесь так щастливы и чувствуйте всю цену положения своего. Господа любимые, супруги любящие, родители нежные, вы пользуетеся честным имением, здоровьем, забавами деревни, трудами, которые сами в числе забав, почтением и благодарностию всех тех, которые вас окружают. Сильной царь не может сыскать удовольствий, более сих. И что нужды в Сцене? В большой ли столице наслаждаюсь я щастием или в неизвестном и приятном уголку земли? Сии чувствовании столь естественны, что предаяся им, не можно быть подозреваему в чистосердечии. Живучи без обязанности, без удовольствия любить, я чувствую однако всю сладость сего союза, сделанного для добродетельных сердец. И если мне быть когда-нибудь счастливым, так ето в состоянии, подобном вашему. Но когда и как? Ето одна из тысячи возможностей, сокрытых в недре будущаго и которой следы еще не постижимы. Если бы все приключения, которые оно предоставляет нам, были все равно приятны. Необходимость повелевает сносить самые болезненныя. Такое может быть мы должны будем услышать о нашем любезном Александре Федоровиче <Муравьеве>. Какое горестное положение Варвары Михайловны <Муравьевой>, ежели он в самом деле стал жертвою злобы! Жизнь, к которой мы столько привязаны, заставляет воображать нам величайшим из зол ее лишение. А она часто успокоение несчастий. И тот, котораго сожалеешь щастливее нас. Таковы сильные утешения веры: от них заимствовал Андрей Афанасьевич <Самборский> твердость, с которою перенес он сначала предвиденную потерю. Безперерывно добрая жизнь неразлучна с сим мужеством духа: и где бы был человек, еслибы он не умел сносить некоторых неприятностей? По етому сухому нравоучению, кто бы подумал, что я вчерась с великолепнаго бала из Царскаго села и тотчас туда же отправляюсь? Мне только времени, чтоб сказать вам, что я от всего моего сердца [1107]

ваш верной друг и брат
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 33-34).

<311>++

1791. года Июня .5. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

[1106] А.Ф. Муравьева (ум. 1810) — двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

[1107] Далее приписка Н.А. Муравьева.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Нет, я ручаюся, ваш прекрасной климат не может произвести дня жарче сегоднишнаго: далеко от вчерашней ночи голубой, спокойной, светлой, которую я всю пробродил на берегу Невы. Я встретился нечаянно с Иваном Матвеевичем и Анною Семеновною <Муравьевыми>. Они сегодни рано хотели ехать в Царское село: так как я сегодня очень поздно. Вы знаете, что он имеет кажется довольно верныя надежды быть Кавалером у нашего прекраснаго *большака*, которого вы не узнаете: так он поспел в большие люди. Я знаю одну особу, которую его увидя, в тайне пожелала бы: *ах! если бы мой Мишинька, мой Никитушка был такой же большой*. Я напротив завидую, видя сию скорость молодых людей, которые гонят меня с позорища и вспоминают, что я под сорок еду. Все чувствование, которое мне осталось внушать есть почтение и как ето преимущество печально для молодаго человека моих лет. Я ищу на берегу, в моих уединенных гуляньях, даже на балах и может быть в Комедии, тех же удовольствий, которые вкушал я в них пятнадцать лет назади едва могу поймать тень воспоминаний. Впрочем какое щастие может сравниться с моим. Я наслаждаюся любовию нежнейшаго родителя, чувствительная сестра ласкает мне в писмах моих, что я не совсем ее недостоин. Полковник без полку, чтец Дон Кишота по Ишпански, ето новое дурачество, без дела, здоров, охотник до холодной бани, ездок на гнедом, пешеход неутомимой: ежели бы сердце мое было более чувствительно, разум немножко деятельнее и приятнее… Но совершенство не дано человечеству. Я щастлив ежели со всеми худобами моими любим вами, сохраняя дружбу вашу. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 35-36).

<312>++

1791. г.<од> Июня .19. д.<ня> С.<анкт>Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Имеетели вы понятие о безпечном Епикурейце, которой по утру купается, бегает, обирает к себе все книжныя лавки, хорошо обедает, спит, к вам пишет и едет в Танкреда? Я вас уверяю, что едакие люди есть. Может быть слава умолчит их имя; но они жили. Мы видим победителей и градобрателей: и они воздыхают по щастливому преимуществу ничего не делать. Елисейския поля Греков были прекрасные сады, в которым Героям их нечего было делать. Разве у вас нет в Никольском какого нибудь Елисия, посвященнаго покою, праздности, глубокому безделью, к которому бы никогда не осмелились приближаться уныние, задумчивость, слезы, окроме радостных? Другия слезы вы проливаете памяти нашего добраго друга Александра Федоровича <Муравьева>. Но доволен дружбой вашею, он сам бы опорочил излишество вашей чувствительности. Похищен безвременно, но безболезненно, он чужд в сие мгновение наших тленных щастий и нещастий. Варвара Михайловна <Муравьева> в Бернове, посреди не менее опечаленных сродников. Николай Федорович <Муравьев> перевез ее из Исакова. Нам долго сие приключение было неизвестно и не вероятно. Смерть его приключилась .25. Апреля и была умыслом трех человек крестьян, старосты с сыновьями, новокупленной у Князя Мышецкого[1108] деревни. Спрятаны в кустарнике, выпалили на него едущего верхом. Испуганная лошадь становилась несколько раз на дыбы, так что покойник спустясь сзади стал на ноги и пошел обратно, выговоря: ето на нас стреляют. Но несколько шагов сделав, был поддержан слугою Михайлом и в его руках скончался. Унтер Офицер посыланный от Саблукова, привез нам вчерась писма от Варвары Михайловны <Муравьевой>. Он сказывает, что она будет сюда по первому пути. Николай Николаевич командует яхтою, на которой думают, что

[1108] И.С. (1765-1820) или В.С. Мышецкий (1745-?).

Государыня поедет из Петергофа смотреть Галерной флот. Будущий четверг .26. ч.<исло> двор отправится в Петергоф. Прощайте мои милые друзья, будьте здоровы и благополучны.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 37-38).

<313>++

1791. года Июня .24. д.<ня>Сарск.<ое Село>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Моя исправность в писании писем привлекает мне заслуженные похвалы. Чтож когда я двумя днями упреждаю почтовой день? Вместо того чтобы писать настоящее письмо на кануне Полтавской баталии, назначенной день отъезда нашего в Петергоф, писать его в Иванов день, не значит ли это превзойти самого себя? Правда, что слава моя не совсем не порочна. Я не успею поздравить во время милого нашего именинника. Письмо мое придет в Никольское после праздника любезного хозяина. Но оно заявит усерднейшее мое желание всех благ, наиболее приятных сердцу его и я надеюсь, возвратясь из Петергофа, обедать с батюшкою в день Сергия Радонежского и пить здоровье дорогого именинника. Помните, как кто-то хаживал в обитель, мимо которой после завтра я поеду. Я нынче выписался из пешеходов и конских ездоков. Все мое утешение было скакать в Петербург. Сегодни остался в Сарском селе из благопристойности. Я не знаю для чего пребывание двора все еще мне кажется заключением; хотя никто более меня не заслуживает быть затворником. Без общества, без друга, без любовницы, без полку, что мне лучше делать, как дежурить? Руссо бы сказал, что я могу добро делать и мыслить и чувствовать. Но надобно иметь Руссово сердце и воображение, прекрасные виды Женевскаго озера и чтоб не шел такой дождь как сегодня. Фешинька моя не имеет нужды в ясной погоде, чтоб быть щастливой свидетельством доброго сердца, попечениями нежного супруга, играми Мишиньки, Никитушки и улыбкою Катиньки. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 39-40).

<314>++

1791. года Июля .16. д.<ня> Сарск.<ое Село>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вместо всех благополучий, я желаю вам здоровья. Все другое готово для вас в сердце вашем и роде жизни. Хозяева, родители, сельские жители, вы знаете все добродетели и имеете случай исполнять их. Хотите ли порадоваться о славе отечества? радуйтесь. Репнин[1109], сей почтенной полководец, разбил визиря .28. числа Июня с .30000. под Мачиным за Дунаем. Ваш сосед Князь Сергей Федорович Голицын был в числе Генералов. Присланной Курьером Полковник Князь Лобанов[1110] получил вчера Георгия третьей степени, так как и Бригадир Поликарпов[1111] присланной из Кубани от Гудовича[1112] с известием о взятье крепости Суджук-Кале. Ведомости напротив того наполнены предсказаниями мира; тем паче, что и цесарцы начинают вновь воевать с Турками. Союзники их Агличане и Прусаки помогали им более приготовлениями, для нас безвредными. Я желаю так мира, будто бы

[1109] Н.В. Репнин (1734-1801) — дипломат и военачальник,

[1110] Д.И. Лобанов-Ростовский (1758-1838) — военачальник, во время русско-турецкой войны отличился при взятии Очакова и Измаила, а также во время сражения при Мачине.

[1111] А.В. Поликарпов (1753-1811) — военачальник.

[1112] А.В. Гудович (1754-1806) — военачальник, отличился при взятии Измаила.

мне должно было в поход выступить. Тогда останется только прохлажаться <так. – А.И.> от утра до вечера, пахать землю и набивать брюшко, вы знаете, как я до этого охотник, хоть пахать и не умею. Но я мог бы у вас научиться. Вы бы сказали мне секрет ваш быть щастливым. Он не состоит в богатстве, ни в великолепии, ни в честолюбии. Однако вы конечно щастливы, когда вы цалуете попеременно Мишиньку, Никитушку и Катиньку. Я буду иметь удовольствие когда нибудь застать вас в етом упражнении.

17. числа, в городе. Я теперь только прискакал из Царскаго села и имею несравненное удовольствие быть угощаем батюшкою, как будто бы я давно у него не был. Он изволил мне показывать ленты, которые купили сестрицы Елизаветы Аристарховны и завтра к вам будут посланы. Ai je tort de me plaire si fort à la maison? Vous souvenez-vous de cesgrandes journées, que j'ai passé à Twer à vous lire des Romans et des comédies au bas de votre métier de broderie? Vous en passez de plus délicieuses au sein <?> d'un Royaume, où tous vos sujets vous adorez. Je vous donne le bonjour. Portez-vous bien et ne m'oubliez pas[1113].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 41-42 об.).

<315>++

1791. года Июля .23. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Возвратились ли вы после вашего далекаго путешествия? Сколько радостей при свиданье! Какое удовольствие рассказывать труды и подвиги и все редкости Ламова! Вы проехали столько полей и жатв и сенокосов. Здесь холодной ключ утолял жажду вашу: там покоились вы под тенью стараго дуба. Сколько бы мне рассказывать, ежели бы я взялся описывать вчерашнее наше плаванье с Павлом Львовичем <Батюшковым> и Никитою Романовичем <Рожешниковым> между островов Крестовскаго, Петровскаго, Каменнаго и Аптекарскаго, в ету прекрасную погоду, в половине лета! Сельские жители, скупые временем своим, не кидают таким образом часов своих на гулянье и праздность. Тунеядец с младенчества, я занимаюсь приятною должностию ничего не делать и гоняться за удовольствием. Такие Сцены, как вчерашняя, воспоминают безпечность молодости. Завтре я буду видеть также деревню, но царскую, прекрасное Павловское. Нет недостатку гуляний в Царском селе. Менее дети, Великие Князья препроводят вечера свои в обществе Государыни. Прошедшее воскресенье было прекрасное гулянье на воде и ужин в Киоске, где был и отъезжающий Аглинской чрезвычайной посланник Г. Факнер. Все сомнения, кажется, кончились к славе России и твердость ея торжествовала над замыслами завистников[1114]. Осталось ожидать, чтоб Порта, лишенная своих союзников, предупредила погибель свою покорностию. Я почитаю вас приятелями мира и для того предпочитаю говорить о надеждах его приближения, нежели о победах Репнина и Гудовича. Во ожидании будьте счастливы сами

[1113] Перевод: «Разве я неправ, что мне так хорошо дома? Помните ли вы те долгие прекрасные дни, которые я провёл в Твери, читая вам романы и комедии у вашего вышивального станка? Вы проводите теперь ещё более восхитительные дни в лоне царства, где все ваши подданные вас обожают. Желаю вам доброго дня. Будьте здоровы и не забывайте меня».

[1114] О цели приезда Фоукнера в Россию см.: «Миссия Фоукнера означала важный поворот событий. Уже 18.VI <1791 г. — А.И.> от имени английского правительства Фоукнер и британский посланник Уитворта вручили ноту, в которой основанием для мира с Портой признавалась граница по р. Днестр. Очаков с буджацкой степью также отходил к России. Пруссия после некоторых колебаний была вынуждена присоединиться к своим союзникам-англичанам» [2: с. 946].

и делайте других счастливыми вашим человеколюбием и добрым сердцем. Я конечно позабыт не буду.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 43-44).

<316>++

1791. года Июля .31. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Мы составляем одно общество, особливо в почтовые дни, хотя разделены расстоянием полутора тысячи верст. Каждое воскресенье мы имеем удовольствие около полудни получать Никольскую почту. Каждой четверг Батюшка изволит напоминать мне с утра, ежели я на лицо, как сегодня, чтоб я не пропустил времени писать. Затем что часто странствования мои по городу, столько полезные, не могут быть ограничены никаким разсуждением. Каждой день новой Романической план поспевает в голове моей. Столько легко позабыты, как зачаты, они последуют быстро, но постоянно друг за другом. Непременное посещение, ето Комедия Французская. Впрочем более разночинец, нежели барин, путешествую я по всем возможным улицам города. Чтец ведомостей в кафейном доме. Обыкновенной посетитель книжных лавок, недавно втерся я в Кадетской корпус, Академию художеств и Ермитаж. Новость и может быть странность имеет для меня неизъяснительную прелесть. Ежели бы я был Ефенди, богатой и бездельной, я бы был равно неверен гречанке и черкешенке. Но по нещастию я только болтливой и скучной Ефенди. Иногда притворяясь в странствующаго рицаря, скачу в шумящей роще или привязываю коня моего у дерева и лежу не дерне в виду пасущагося стада. Блаженны, которых воображение утешает! Мое не имеет уже сей живости, сего скораго перехода к чувствительности, которые украшали прежния Сцены жизни моей. Кто знает, может быть это приближение разума ежели к разуму я способен. Исполнение должностей своих стоит прекрасной Поемы. Равенство духа, твердость, добронравие, благотворительность, сии благие духи, жители Никольского, везде доставляют чистейшие наслаждения. Вы должны быть счастливы: я этого хочу. У вас есть сладкие дыни, у вас маленькой Агличанин с братцом своим весельчаком, которым не с кем воевать будет; затем что мы принудим безпомощнаго Турка мириться. Князь Потемкин поскакал туда. Флот наш имеет поведение войти в гавань. За такие добрые новости я заслуживаю взаимных, что вы здоровы и щастливы и любите меня по прежнему.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 45-46).

<317>++

1791. года Августа .14. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! От всего сердца моего поздравляю вас с миром. Князь Николай Васильевич Репнин, победитель за Дунаем славнаго визиря Юсуфа Паши[1115], имел щастие подписать с ним прелиминарныя статьи мира, подтверждающия прежний при Кучук-Кайнарджи заключенной, уступление Крыма и преносящие пределы России по Днестр. Так что кроме удержания прежних завоеваний, мы приобретаем еще Очаковскую степь, которая конечно скоро преобразится в богатое Наместничество. Обстоятельства недавно угрожавшие

[1115] Коджа Юсуф-паша (1730-1800) — османский государственный деятель, в 1786-1789 гг. — Великий визирь, в 1787-1792 гг. — главнокомандующий армией Османской империи.

России неприятельством сильных народов разрешились сами собою и без принуждения в событие произшествий самых щастливых и славных. Твердость Государыни не восколебалася ни на минуту заговорами завистных держав. Министерство Аглинское, отчаявшись преодолеть всеобщее и явное сопротивление Нации к зачатии войны с Россиею, отреклось от гордых замыслов своих и привело Пруссию к тем же миролюбивым намерениям, полагаяся на великодушие Государыни учредить дела свои с Портою. А между тем щастие оружий Российских столь велико, что Порта еще и не уведомлена будучи о сем неблагоприятном для ней расположении Европейских ее союзников, принуждена просить о мире. Договоры подписаны .31. Июля. Завтра .15. Августа будет пет молебен здесь и в Царском селе. А в воскресенье .17. ч.<исла>, полагают что Государыня изволит приехать в город. Добрые Россияне, вы конечно радуетесь щастию отечества, ежели оно уже упредило писмо мое и в вашей деревенской церкви также усердно преклоните колени ваши, как и мы праздныя обитатели городов. Дай Бог, чтоб етот мир долго нас радовал и покоил. Дай Бог, для нас за сим вы были здоровы и веселы так же, как и ваши маленькие. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 47-48 об.).

<318>++

1791. года Авг.<уста> .21. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Я желаю, чтоб писмо мое застало вас здоровых и обрадованных совершенным выздоровлением от оспы Мишиньки и Никитушки: и чтоб Катинька по возвращении назвала папиньку и маминьку. Возвращение у меня на сердце; затем что мы вчера возвратились из Царскаго Села. Я был вчера еще там дежурным. После обеда Государыня изволит присылать за Великими Князьями, чтоб ехать кататься. Катанье кончится у Ермитажа в городе, где проводят вечер, ужинают и остаются. Теперь я буду более принадлежать сам себе: более порядка в делах моих. Уверьте Г. Волгера, что отпуск Г. Сипягина[1116] не подвержен никакому сомнению и в скобках, что я обещатель очень совестной. Надобно, чтоб граф Николай Иванович Салтыков приехал с дачи. Теперь самое хлопотливое время переездов. К щастию других хлопот не имеем. Разве приготовления к мирном торжеству. Россия имеет кажется все, что желать только можно, славной мир, внутреннее спокойство, изобильные жатвы. Правда, что наши ночи становятся темны и этот прекрасной Август уступит скоро Сентябрю. Но другия времена, другие способы. У вас Клавесины. Надобно чтоб маминька приготовлялась быть учительницею Катиньки и бегло читала Жордани[1117], Колицци[1118], Плейеля[1119]. Етот последний Сочинитель Музыки весма славится между охотниками. Я не знаю понравится ли вам посланной мною на последней почте .36. oeuvre его. Он из новейших. Но мне не принадлежало выбирать, так как невежде. А Spectator[1120] разве не прекрасное препровождение осенних вечеров? Я не знаю, зачем вы не уговариваете мисс Жефрис[1121] остаться у вас несколько времени. Ето мнение Андрея Афанасьевича <Самборского>. Он ей советует, наполнен выгоднейшаго мнения о милых моих жителях Никольскаго. А между тем удобнее было бы достать исподволь маленькаго Агличанина. Царскосельская колония Шотландцев переведена еще прошлаго года. А

[1116] Возможно, П.В. Сипягин (1743-1808) — генерал-майор.

[1117] Джордани Д. (1751-1798) — итальянский композитор.

[1118] Колицци И. (ок. 1742-1808) — голландский композитор.

[1119] Плейель И.Й. (1757-1831) — французский композитор.

[1120] The Spectator — журнал, издававшийся в Лондоне Д. Аддисоном и Р. Стилом в 1711-1714 гг.

[1121] Английская гувернатка, которая жила в семье Луниных.

Лондон немножко далек[1122]. Здесь надобен щастливой случай, которого искать конечно будем. Будьте здоровы и благополучны. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 49-50 об.).

<319>++

1791. года Сент.<ября> .25. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы видите, как можно порицать самую невинность. Мы писали: вольно было вам не получать. Но ето внушает маленькую недоверчивость к почте. Посылки кажется ее отягощают: и вот что стращает меня о жребии последующих наших писем, из которых в каждом вложена была Аглинская книжка, чувствительной Роман, черные Трагедии и холодная Комедия. Не уж-то Тамбовския клячи не хотят быть обременяемы Аглинскою литературою, из национальной гордости? Пускай будут у нас свои Филдинги[1123], Рихардсоны[1124], Стерны[1125] тогда… К имени Стерна, прекрасное и своенравное сочинение его называется *A Sentimental Journey* и следовательно мисс Жефрис потеряла заклад. Помните, как он в Кале, я думаю, качаяся в карете сочиняет предисловие к своему путешествию и разделяет путешественников на разныя статьи: Inquisitive travellars <!>, idle travellars… sentimental travellars. Ежели я буду путешественником, так сей последней статьи. И в Никольском сочиню предисловие свое.

Скоро погода заключит вас в покои. Гулянья, ни работы в полях не будет. У камина владыка дому с своею супругою будет лелеять детушек, между тем как на одной ноге я буду вертеться на Аглинском бале и плескать актерам. И вы етому не завидуете! Прасковья Матвеевна <Костливцева> приехала сюда, недовольна домом своим, которой заключает большую перспективу. Ивану Матвеевичу <Муравьеву>поручено учить по-аглински <Великого Князя> Ал.<ександра> П.<авловича> в болезнь Самборскаго, причиненную падением. Николай Федорович дни через два едет в Тверь, куда он определен Советником. Вчера сестра Василья Васильевича <Ханыкова> вышла за Бибикова. Вот вам наши новости. Помните, что мое большое условие, чтоб вы были здоровы и благополучны. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 51-52 об.).

<320>++

1791. года Октября .2. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Бывало писал я вам о подвигах наших воинств. Теперь Россия не имеет неприятелей и я отлагаю военную трубу; сожалея конечно, что в безславной праздности моей, не имел я случая оправдать похищеннаго преимущества украшаться военным мундиром. Вы этого не сожалеете и думаете, что я все имею способы исполнить долг мой гражданина. Я бы желал, чтоб вы не обманулись; чтоб уступив владычеству разума и добродетели, я осмелился последовать вашему примеру и искать щастья в спокойных удовольствиях семейства. Я ето

[1122] Это предложение пропущено у Черткова. Л. 180

[1123] Филдинг Г. (1707-1754) — английский писатель и драматург.

[1124] Ричардсон С. (1689-1761) — английский писатель, один из родоначальников «чувствительной» литературы.

[1125] Стерн Л. (1713-1768) — английский писатель.

проповедую всем моим знакомым, Николаю Федоровичу <Муравьеву>, Василью Васильевичу <Ханыкову>. Никто меня не слушается: может быть, для того, что я не подкрепляю проповеди примером. Николай Федорович <Муравьев> у нас уже уехал и теперь уже в Бернове[1126] или в Твери. Вы знаете, что он определен Советников в Гражданскую Палату. Через месяц будет сюда милая и несчастная Варвара Михайловна <Муравьева>, в препровождении молодых Вульфов[1127]. Их будет четверо. Наше домашнее общество через то оживится. Вчерась Иван Матвеевич <Муравьев> праздновал свое рождение. Все его семейство принимает в вас величайшее участие. Лизинька его кланяется вашей Катиньке. Медлительное определение его к В.<еликому> К.<нязю> <Александру Павловичу> кажется получает теперь более действительности порученными ему уроками Аглинскаго. It is now Your language of predilection. And well deserves it to engross the attention of an enlightened mind. Wits and Philosophers of a freeborn nation have worked on it continually, uniting the classical graces of antients <!> with the strength of their own conceptions[1128]. Мне стыдно болтать по Аглински перед моею мастерицею. С удовольствием опускаю перед нею флаг мой. Ето называется уметь пользоваться уединением и временем. Такое драгоценнейшее приобретение будет столько же приятно для себя, сколько выгодно для детей или учеников: для того что моя Фешинька соединяет в себе две важные должности матери и учителя. Я бы мог послать сегодня Аглинскую книжку, да пашпорт Сипягина препятствует моему доброму намерению. Прощайте, будьте здоровы и веселы.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 53-54 об.).

<321>++

1791. года Окт.<ября> .8. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы жалуетеся на холод. У нас прекраснейшее время. Морозец для формы; вить теперь Октябрь. Но дни такие светлые, так сухо. Чтоб познакомиться с зимою, я делаю ежедневные свои скитанья по улицам. Рускому человеку стужа в родне. Сказывают будто всякому человеку, какой бы земли он ни был сродственна еще дружба, любовь, добродетели щастливаго. Конечно оне известны под благосклонным небом Никольскаго. Я желаю от всего моего сердца, чтоб оне сопровождаемы были здоровьем, удовольствием, приятною попечительностию или безпечностью: чтоб все то, что совершает желания добрых хозяев, родителей, супругов находилося между вами. Ети желания не так безполезны. Конечно ваши имеют много участия во всем, что со мной случается приятнаго. И мне же должно вас когда нибудь выписать из вашего замка. В Москву еще не так скоро двор поедет, а может быть после того Генваря. Первые мирные торжества здесь происходить будут. К Екатерининy дню может быть придет известие о совершении мирных переговоров. Во дворце строится для празднества огромная Галлерея. Князь <Потемкин> был болен: другой Князь, победитель и миротворец, Репнин в Москве. Ему можно позволить ничего не делать: награждение, которым я пользуюсь, ничего не заслужив. Батюшка был очень занят отысканием книг для учений внука своего. Он закупил все Нормальные и заказал сыскать

[1126] Берново — усадьба в Тверской губернии, принадлежало И.П. Вульфу, женатому на А. Ф. Вульф, двоюродной сестре Муравьева. Муравьев описал Берново в «Эмилиевых письмах».

[1127] Речь идет о Н.И. Вульфе (1771-1813) и его брате Петре (1768-1832), сыновьях И.П. Вульфа (1741-1814), владельца усадьбы Берново, и А.Ф. Муравьевой (ум. 1810), двоюродной сестры М.Н. Муравьева.

[1128] Перевод: «Теперь это ваш любимый язык. И он вполне заслуживает того, чтобы всецело занять внимание просвещённого ума. Остроумцы и философы свободнорождённой нации непрестанно трудились над ним, соединяя классические изящества древних с силой собственных замыслов».

себе Священную историю с естампами. Ежели бы я имел право подавать советы в воспитании, я удержал бы Агличанку на все малолетство детей моих. Учится языку, вы знаете опытом, самое легчайшее средство разговором. Я бы зделал из ней себе друга, привезши с собою в Питер и выдав замуж за честнаго инглишмена. Я бы взял также маленькую француженку… Но по нещастью нечем.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 55-56 об.).

<322>++

1791. года Окт.<ября> .16. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ваше последнее писмо уведомляло нас о намерении вашем привить оспу. Мы разделяем с вами, ежели не попечение, так безпокойство. Батюшка с нетерпением ожидает щастливаго известия, что вам не остается ничего более, как радоваться и благодарить Бога. Он участвовал в унынии, которое наполняет писмо ваше. Последнее явление жизни превышает чувствительность и требует высоких утешений веры и философии. Может быть отходящие не требуют сожалений оставляемых. Ето предел природы. Земледелец оставляет тихую жизнь свою подле плуга, которым управлял он. Едва кто нибудь примечает отсутствие его. Но мы поражены смертию вельможи. Какое великое ощущение сделало здесь известие полученное из Ясс! Болезнь Князя Григорья Александровича <Потемкина> не казалася столько опасною, как в самом деле была. Ето все напоминает нам суету величества, пышности, жизни… Несмотря на сии большие уроки, любовь жизни и веселья увлекает нас без размышления. Переменное зрелище света, слезы возле счастия, надежда, непостоянство безперестанно колеблят разум.

Сегодни, я думаю, отправляется в Яссы Граф <А.А.> Безбородка для заключения мира. Князь Репнин или в Москве, или не доезжая, сказывают, болен. Я сегодня еду к Василью Васильевичу <Ханыкову> обедать. Когда будет время, что вы меня позовете? Я не столько забавной гость, как послушной, только чтобы кружка была поболе. У нас здесь на несколько дней Палагея Григорьевна. Александра Михайловна <Муравьева> уехала с мужем в Москву. Назар Степанович <Муравьев> выдал большую дочь[1129] за Картмазова[1130]. Вот наши новости. Я цалую вас мысленно и прошу бога о сохранении вас здоровых и благополучных. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 57-58 об.).

<323>++

1791. года Окт.<ября> .23. д.<ня>С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Единственное наше желание теперь только в том состоит, чтоб быть обрадованну успехом вашего прививания. Дай Бог, чтоб это письмо застало в сердце вашем одно приятное воспоминание миновавшихся попечений и прибавившуюся вновь причину благодарности. Как будто мы не всякой час в этом положении, получившие все даром, даже до способности чувствовать благополучие. Столько маленьких затей могут наполнять сердце. Новая книжка, новой чин, новой кафтан. На кануне моего тридцать пятаго года я ум усиляюсь

[1129] Муравьева А.Н. (1769-?) — дочь Н.С. Муравьева.

[1130] По-видимому, Г.И. Картмазов.

говорить, как мальчик восемнадцати. Зачем же отнимать у меня ето дурачество, когда нечем заменить другим? Богат одним воображением, я повинуюсь слепо течению, которое меня уносит. Скоро может быть увижу свою печальную Вареньку. Присутствие женщины придает более ясности существованию моему. С нею заодно буду стараться перезвать твою милую Катиньку. En attendant je communiquerai votre lettre à Nicolas. Il y a bien longtems, qu'il n'est plus ici. Il me répugne d'imaginer, que ce vieux libertin de Namestnik puisse jamais porter atteinter <?> à son bonheur. Seroit-on assez aveugle <?> ou cruel pour vouloir la sacrifier? Quant aux faux bruits des malveillans, quelle prudence les préviendrait? Toujours seroit-il infiniment plus <sûr ?> que selon toute apparence les deux frères ainés vont être faits officiérs cette année-ci. Elle paroitroit ici à son grand avantage et des jeunes gens très bien nès croient me faire la cour. C'est naturel, et vous voyez que je ne m'oublie pas moi-même[1131]. О мире нет никакова сомнения. Граф Безбородка теперь уж там конечно и не замедлит прислать к нам праздники и торжества. У нас погода переменяется к зиме и теперь большой снег одевает Землю. Поцалуйте моих милых племянников и племянницу. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 59-60 об.).

<324>++

1791. года Окт.<ября> .30. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ваши маленькие больные составляют теперь все ваши попечения и забавы; затем что я полагаю теперь весь период болезни миновавшимся и родители, которые имеют трех детей никогда неиспытывают наказания скуки. Приятное и важное дело воспитания занимает довольно короткий зимний день. У нас уж недели полтары, как стоит зима. Река дни два, как стала местами, в других открыта. Не имея таких же упражнений, я пособляю течь времени прилежными посещениями Французскаго Театра и всех книгопродавцев-заимодавцев. Каждой понедельник и четверг, ежели череда дежурства не помешает, видит меня во храме Талии и Мельпомены. Такое насыщение близко пересыщения. Но совершенной муж имеет много сходства с ребенком. И вы знаете нравы ребят. Здесь кажется, во ожидании мира, все затихло. Смерть Князя Потемкина произвела и в городских весельях некоторую умеренность. аглинской бал, сказывают, пуст; может быть для того, что меня там нет.

В ету минуту был у нас маленькой именинник Лев Иванович Караулов[1132] просить нас на именины. Он учится в Пенсионе у Профессора Волке[1133]. Павел Львович <Батюшков> был не здоров недели две; но теперь собирается выезжать. Прасковья Матвеевна <Муравьева> огорчена смертию друга своего Катерины Петровны Чичаговой,

[1131] Перевод: «Пока же я передам ваше письмо Николаю. Его уже давно здесь нет. Мне противно вообразить, чтобы этот старый распутник-наместник мог когда-либо посягнуть на её счастье. Неужели можно быть настолько слепым или жестоким, чтобы захотеть принести её в жертву? Что касается ложных слухов недоброжелателей, какая осторожность могла бы их предотвратить? Всё-таки это было бы несравненно безопаснее <?>, тем более что, по всей видимости, два старших брата будут произведены в офицеры в нынешнем году. Здесь она явилась бы в самом выгодном свете, и молодые люди очень хорошего происхождения полагают, что ухаживают за мной. Это естественно, и вы видите, что я не забываю и самого себя».

[1132] Караулов Л.И. (1778-1827) — сын И.С. Караулова и А.Л. Карауловой.

[1133] Вольке К.Г. (1741-1825) — немецкий педагог и соучредитель «Филантропина».

которая с год больна была чахоткой. Огорчения с весельями меняются. Мы не в силах доставлять себе безперестанно щастливыя приключения; но мы можем поправлять твердостию неприятности несчастия. Бремя его еще легче, когда дружба помогает несть его. Вы ето знаете лучше меня и сердце ваше способно поместить многия любви. Я не уступлю моего маленькаго местечка и намерен защищать его до последней капли крови. Я буду очень нещастлив ежели вы меня выгоните оттуда. Будьте здоровы и благополучны. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л.61-62 об.).

<325>++

1791. года Ноября. 13. д.<ня>С.<анкт>Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Мы сегодни обрадованы были писмом вашим не в очередь. Это то, которое ехало с Г. Григорьевым и препровождено гостинцами, свидетелями хозяйства вашего и прилежания. Не надобно сомневаться об успехе препоручения вашего. Польза Г. Григорьева зделалась кажется более делом батюшки, нежели вашим. Теперь только возвратился посланной наш, которой относил чулочки к Елисавете Ивановне Муравьевой[1134]. Она будет просить, сказывают, Екатерину Сергеевну Лунину поцаловать ручку милой чулочницы. Что касается до меня, я сержусь не однажды в день, что не могу сам того же делать. Я вспоминаю красной диван Измайловскаго полку. Может быть воспоминания сии превзойдены будут другими счастливейшими. Мои племянники удивятся когданибудь дурачествами почтенного своего дядюшки и Катинька будет посылать меня нанимать ложу в Театре. Я отдаю себе справедливость и знаю, что в пятьдесят лет буду такой же ребенок, как был в осмьнатцать. По етому вы вздумаете, что я еду в Театр и не ошибетесь. Какое прекрасное прибежище праздности! Я увижу там издали кого нибудь из сих сияющих людей, с которыми бы лучше было быть поближе, может быть Василья Васильевича <Ханыкова>, которой не перестает любить во мне стараго своего друга. Он был у меня на именинах. Какое удовольствие! Мои книги выписыванные из Англии в тот же день пришли ко мне. И к стыду моему неодушевленной их вид может меня порадовать. Зачем раздроблять причины наших чувствований? Безвредная радость всегда минута счастья. Самборских я не вижу; потому что Андрей Афанасьевич <Самборский> живет за Царским селом и по причине долговременной болезни сюда не ездит. Анна Семеновна <Муравьева> обещает отписать.

Сегодни был у нас ваш Рафаель-Суслов и я имел с ним длинную беседу о Рюбенсе[1135] и Вандике[1136]. Он приготовляет кисти свои списывать Никольских амуров, которым я желаю здоровья. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л.63-64 об.).

<326>++

1791. Ноября .27. С.<анкт->Петерб.<ург>

[1134] Муравьева-Апостол Е.И. (1791-1814) — дочь И.М. Муравьева-Апостола и А.С. Муравьевой-Апостол, жена Ф.П. Ожаровского.

[1135] Рубенс П.П. (1577-1640) — фламандский художник.

[1136] А. ван Дейк (1599-1641) — фламандский художник.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Сегодни получили мы писмо ваше, в котором вы поздравляете именинника, недостойнаго, на благодарнаго. Оно обрадовало нас, так как все ваши, извещая нас, что вы не совсем оставлены уединению, что стол Никольскаго украшается иногда достойными посетителями. Едак меньше можно жалеть город. Упражнение, приятное спокойство (я не знаю как сие последнее всегда мне встречается) прекрасные дети: чего ж вам хочется более. Я ничего не нахожу небеснее на земле, как быть человеком во всем пространстве слова и пользоваться всеми правами, неотъемлемыми от человека. Искание честей, которые иногда уничижают, владение сокровищ, которыя уходят или нами владеют, шум веселия, которой оглушает или прискучивает могут ли сравняться с постоянным здоровьем души и тела, с твердостию, которая умеет утешать нас в минуты смущения, с дружбою, с супружескою, родительскою любовию, с сладостным уверением, что я незлой человек, что меня никто не ненавидит?

Скука, но вам некогда скучать между ласками детских и упражнений домашних, скука может быть отгоняема беседою, чтением, благотворительностию. Вы имеете к ней более способов, нежели мы мещане столицы. Мы бродим в Комедию и благотворим управлению зрелищ. Сегодни новой балет Пиков[1137], Дидона[1138]. Особливым украшением ему служат лошади, которые будут парадировать на Театре. Я имел удовольствие видеть победителя Юсуф Паши, Князя Н.В. Репнина. Граф Брюс[1139] весьма опасно болен рожею на ноге.

Все наши вам кланяются. Мы вчерась ужинали у Прасковьи Матвеевны <Муравьевой>, а сегодни чаятельно у Анны Семеновны <Муравьевой>. Я цалую вас и детушек от всего моего сердца. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л.65-66 об.).

<327>++

1791. Ноября .20. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Имея прекрасное право ничего не делать, я употребляю время свое на пешеходство. Ето упражнение мне очень нравится: особливо теперь, что маленькой снежок покрыл улицы, после долгой распутицы, которая похищала у нас удовольствие гулянья. У вас конечно не лучше. Покрайней мере мы приписываем неполучение писма от вас по последней почте сей самой погоде, зделавшей сообщение трудным. Дай Бог! чтоб никогда не было другой причины! Оставьте заботы и скуки обитателям городов. Деревенской воздух должен приносить здоровье. Покрайней мере так думает старший Вульф, которой все еще не едет и должен приехать к .1. декабря вместе с Варварой Михайловною <Муравьевой>. На сих днях ожидают сюда Князя Николая Васильевича Репнина. О заключении мира нет еще известия затем, что Граф Безбородко приехал только .3. числа в Яссы; но оно не может замешкаться. Тогда писма мои наполнены будут повествованием веселий, в которых я могу иметь более участия, нежели в победах. О Г. Григорьеве батюшка писал к Николаю Алексеевичу <Салтыкову> и я ездил с писмом. Он сказал мне, что чин бомбардирскаго Сержанта не существует более, уничтожен Князем Потемкиным. Все что может и обещал

[1137] Ш. ле Пик (1744-1806) — французский танцовщик и хореограф.

[1138] «Дидона покинутая» — балет, поставленный Ш. ле Пиком; музыка — В. Мартин-и-Солера.

[1139] Брюс Я.А. (1732-1791) — военачальник и сенатор, в 1784-1786 — московский главнокомандующий, в 1786-1791 гг. — петербургский генерал-губернатор.

сделать Николай Алексеевич состоит в том, чтоб оставить его Порутчиком, произведя в Каптенармусы, чин, которой приносит с собой порутчество. Вот донесение моего посольства. Впрочем все мои иностранныя переписки состоят в доставлении Аглинских книг через несравненную Фразершу. Торговля, которая меня не обогащает. Ваша прилежность присовокупляет; моя расточает. Но ежели я сам буду когда нибудь членом Економическаго общества: посмотрите. Закромы будут ломиться от хлеба и я пришлю вам штуку полотна, вытканного женою моею. Во ожидании поцелуйте за меня ваших милых детушек и будьте здоровы и благополучны. Прощайте.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л.67-68 об.).

<328>

1791. Декабря .2. д.<ня>

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Теперь отправляюсь в восемь часов утра из дому брата Назара Степановича <Муравьева>. Я не могу описать всей ласки, всех попечений, которыми одолжает меня любезной мой хозяин. Я хотел было пуститься ночью, но во мне не было довольно мужества, чтоб отказаться от спокойнаго и приятнаго ночлега, представляемого с такою дружбою. Целой день вчерась был я засыпан снегом. Приехал в Новгород ровно в сутки в .9. часов вечера и встретился с Назаром Степановичем у ворот. Не знаю, скоро ли я буду ехать, а что весело и приятно, так ето я уже здесь испытывал. Прошу покорнейше сохранять драгоценное нам здоровье ваше и обо мне не безпокоиться. Я боюсь, чтоб Прасковья Матвеевна не прогневалась на побег мой и прошу Ивана Матвеевича <Муравьевых> попечися об учениках моих. Кланяюсь от всего сердца моего Ивану Семеновичу, Анне Львовне и Павлу Львовичам. Цалую мысленно руку вашу, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый государь батюшка

ваш покорнейший сын

Михаил Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 19-20).

<329>

1791 декабря 4 д.<ня>. Тверь

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Целый день благополучия, препровожденный между любящими меня, любви достойными особами. Я не могу изобразить чувствования, которое оставляет в душе моей сие восхитительное свиданье. Даже до удивления, которое произвело неожиданное мое явление, все служило к увеличению моего удовольствия. Мне недоставало только того, чтоб я мог привести Ивану Петровичу и Анне Федоровне <Вульфам> приятные надежды о детях. Выехав почти в то же время с Петром Ивановичем и Николаем Ивановичем <Вульфами>, я с ними разъехался в дороге. Конечно, без просьбы моей вы изволите доставить им всевозможное вспомоществование. Кто лучше вас знает желания и беспокойства родительского сердца. И доставить удовольствие Ивану Петровичу и Анне Федоровне было бы для вас наслаждение. Я приехал сюда очень кстати, к именинам Варвары Михайловны. Она ожидает установления пути, чтоб ехать в Петербург. Я видел здесь большую часть тверского общества. Я подзываю Ивана петровича в Петербург, но когда я вижу его здесь так любима, так счастлива, иногда я переменяю мысли и почитаю то место самым лучшим,

где все наши привязанности. Хорошо иногда путешествовать, но быть у себя, быть с любимыми особами есть верх благополучия. Если бы я мог видеть соединенных вас и сестрицу, я бы отказался от сего путешествия в Москву, которое я боюсь, чтоб не продлилось долго. Уж и то одно, что там, сказывают, женятся, делает ее волшебным пребыванием. Но я счастлив совершенно, ежели, обняв милую сестру в Тамбове, найду в желаемом счастии нежнейшего родителя в Петербурге.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 21-22 об.).

<330>

1791 декабря 7 д.<ня>. Тверь

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

С сердцем, наполненным живейшей дружбы и благодарности, уезжаю в сию самую минуту из Твери. Все, что может тронуть – предупреждения, внимание, ласки – было истощено надо мною. Меня едут провожать. Счастие мое совершенно, ежели Бог сохраняет драгоценное здоровье ваше. Испрашивая родительское благословение ваше, с глубочайшим почтением пребываю

ваш покорнейший сын

Михаил Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 23).

<331>[1140]

1791 дек<абря> 9 д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчерась препроводил я первый день у тетушки Федосьи Алексеевны, которой милости и ласки не могу возблагодарить довольно. Теперь выезжаю с худым намерением замучить четверню, рыская по Москве, и, возвратясь, думаю в ночь пуститься в дорогу и ласкаюсь праздновать рождение любви достойнейшего из принцев в доме моей милой Фешиньки. Сколько я счастлив, ежели здоровье ваше менее обеспокоивается жестокими страданиями; уверен, впрочем, что все наши родные, которые привязаны к вам столь истинно, лучше, нежели я, исполнят драгоценный долг мой доставить вам всевозможные удовольствия. Мое счастье совершенно, когда сохраняе<т> мне родительскую любовь, с милостью изволите принять живейшие чувствования почтения, благодарности и сыновней привязанности, с которыми навсегда пребуду

Ваш покорнейший сын

Михаил Муравьев

(РГАЛИ. Ф. 1765. Оп. №1. Ед. хр. №1. Л. 1-1об.).

<332>++

1791. Дек<абря> .13. д.<ня> Никольск.<ое>

Милостивый Государь мой батюшка! Никита Артемонович!

[1140] Адрес: «Милостивому государю батюшке Никите Артемемоновичу , господину тайному советнику, сенатору и кавалеру, его превосходительству, Муравьеву, в Санкт-Петербург».

Из средины нашей любезнейшей семьи, между Сергеем Михайловичем и Федосьею Никитишною пишу писмо сие к нежнейшему родителю, котораго имя не произносится здесь без слез умиления. Дай Бог, чтоб драгоценное здравие ваше подкреплено было сею любовию, которою вы нас объемлете. Я разбудил теперь милых наших Никольских хозяев и не могу их уложить спать. Столько они заняты страшным упражнением на меня насмотреться и разпроситься. Впрочем с глубочайшим почитанием навсегда пребываю

Милостивый Государь батюшка!

ваш покорнейший слуга

Михаил Муравьев

И я, милостивый государь батюшка Никита Артемонович, целую руки ваши и благодарю сердечно за увольнение к нам дорогаго гостя нашего, котораго приезд обрадовал меня до чрезвычайности, и я от радости вне себя. Дай Боже, чтоб вы были здоровы и чтоб маленькая разлука сия не обезпокоила вас, которую вы терпите для меня. Стократно цалую руки ваши и прося вашего родительского благословения остаюсь

Покорная дочь ваша
Федосья Лунина
(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 141-142).

<323>++

1791. Декабря .25. Рязань

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Я не имею слов изобразить вам чувствований, которые оставила во мне драгоценная любовь, которою вы означили каждую минуту пребывания моего в Никольском. Я спешу и от того мои мысли ищут безполезно выражения. Дорога моя была очень поспешна благодаря проворному и усердному Никите. С моими спящими отроками, я не мог бы проехать по сим сельским дорогам. Вчерась ночевал я в Летниках, окружен своими подаренными, не столь щастливыми, как ваши. Все мое желание, чтоб вы были здоровы и благополучны, помнили одну мою к вам привязанность и позабыли дурачества. Я не довольно пользовался благополучием вас видеть, с вами разговаривать. На что было столько прощаться с вашими горничными, между тем, как девяти дней не стало мне наслаждаться чистым и несравненным чувствованием дружбы. Перецалуйте за меня драгоценных малюточек, Мишиньку, Никитушку и Катиньку. Я спешу привести об них выгодной раппорт грос-папиньке. My compliments to the lovely Miss and the whole Society[1141].
(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л.69-70).

<324>++

1791. года Дек.<абря> .27. д.<ня> Москва

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Ежели вы не скоро получите писмо мое, покрайней мере ето не моя вина, а вина почты. Надобно же было, чтоб я приехал в Москву в субботу, когда тамбовская почта отходит в пятницу. Противные ветры удержали меня. Это без украшения правда. Зрение прелестных окрестностей Московских похищено у меня было ужаснейшею бурею, какую я когда-

[1141] Перевод: «Передайте мои поклоны милой Miss и всей компании».

нибудь видел. Поля снежныя летали по воздуху, а я печально заключен в мою кибитку, старался призывать прекрасные дни Никольскаго. Для меня теперь не существует сие состояние неприятности, которою я чувствовал в дороге. Я в доме Петра Михайловича <Лунина>, где все возможныя внимания истощены на меня. Здесь сегодни одно из выгоднейших собраний Московских. Я успел насытиться зрением Московских улиц: слабость, которою вы знаете во мне. Таким образом когда нибудь я буду угощаем вами вместо Никольскаго в Москве. Сии удовольствия городской жизни, пышности, сияния искусств имеют также свои выгоды, которые извиняют богатство. Будьте очень богаты, чтоб я вам помогал проживаться. Я научу играть в карты Михайлу Сергеевича <Лунина> и влюбляться Никитушку <Н.С. Лунина>.

Кстати Михайла Сергеевича, сказывают, Потемкин сего имени умер нещастным падением, которое приключилось ему с высокого мосту в дороге. Кригс-комиссариат поручен Дурнову[1142]. Приехав в Петербург надеюсь сообщить приятнейшие известия о моих амурах. Вить я слово дал мисс Жефрис поскорее помолвить, чтоб вызвать вас в Петербург и я боюсь чтобы шутка ее не сбылась. Сколько бы мне хотелось знать, что вы теперь делаете! Вспоминают ли меня моею русскою пляскою и подозрительною нечувствительностию к прекрасному полу, которого я весьма пристрастной почитатель. Присоединяет моя добрая сестра ко всем ее драгоценным качествам благородную твердость души, надеяние на небо, веселость нрава? Сергей Михайлович любил бы меня еще вдвое более, ежели бы мои красноречивыя предки могли поселить в сердце моей и его Фешиньки постоянное желание быть великодушною, менее чувствительною к необходимым скукам жизни. Я поспешаю обнять добродетельного родителя и утешить его благополучием отдаленных детей его. Поцалуйте ваших прекрасных.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 71-72 об.).

<325>++

1791. г.<ода> Декабря .29. Тверь.

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитишна! Я не хочу пропустить ни одного случая говорить с вами о том сколько я щастлив так долго и везде; чтоб не напомнить вам, сколько я тронут незабвенным для меня приемом. Послезавтре в Петербурге я буду иметь удовольствие писать к вам вместе с батюшкою и поздравлять вас с новым годом, которой должен быть год благополучия и здоровья, которой вы должны заключить радостным приездом в Петербург. Я имел удовольствие застать здесь милых моих хозяев в добром здоровье и играл в Святочные игры. Любят ли вас здесь, уведомлять мне безполезно. Прощайте. Поцалуйте за меня милую семью вашу.

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 55. Л. 73-74).

[1142] Дурново С.Д. (1732-1816) — военачальник и сенатор, в 1791 г. возглавил главный кригс-комиссариат.

1792

<326>

1792 г. Генв.<аря> 8. д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Давноль я был у вас, а теперь уже тысячи верст между нами. Щастливое путешествие, оно изчезло так как сон, но оставило по себе приятныя, незагладимыя воспоминания. Ети девять дней представляются мне наполненными, ежели не произшествиями, так чувствованиями, которыя суть настоящия деяния души. В месяц запас я себе удовольствий на год, на целые годы. Но можноль быть так любиму? Кто другой бывал принят, отпускаем с сими слезами восхищения?

Менее окружен торжествами Деспот Азии, нежели я был угощен в Никольском. Я бы хотел иметь нежнее сердце, живее воображение, чтоб наслаждаться снова сими Сценами домашняго благополучия и принимать и возвращать ласки братней нежности. Но я совершенно утешен, ежели в отсутствие мое продолжалось ненарушенно тоже состояние благополучия, спокойствия, здоровья, в котором я застал вас. Ежели Мишинька разсказывает так же мастерски his little tales of wolwes[1143] <так! – А.И.>, Никитушка также пляшет и приговаривает Катеньку, которая должна неотменно бегать. Я полагаю, что Гиллис, щастливее Анахарсиса. Я еще ничего не читал: нет времени. Промежуток дежурств занят был переводами, порученными от Графа в первую минуту свиданья. Впрочем занимают меня мои воспоминания и леность. Сегодня или теперь еду в Планкреда. На кануне Крещенья в ночь приехал от графа Безбородки Преображенской маиор Марков и привез подписанной мирной договор, которой с ратификациею Государыни должен быть возвращен обратно. С обеих сторон учинено будет ето в пять недель. Марков пожалован Генерал-Маиором и получил 2000 черв.<онцев>. Доклады вышли в новый год; но они не были очень велики, потому что было приказание не производить на места сверх комплектных. Наш Петр Иванович <Вульф> остался третьим. Андрей Афанасьевич <Самборский> вам кланяется. Анна Андреевна <Вульф> извиняется что она не писала. Она была очень больна и теперь нездорова. Но писать будет. Be so kind as to recall me to the remembrance of miss Jeffrys[1144]. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 1-2 об.).

<327>++

1792 года генв.<аря> .15. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

В последнем писме изображаете вы нежныя опасения обо мне, о приключениях путешествия моего, между тем как спокоен, щастлив и сохранив одни только приятные воспоминания дороги, я предавался здесь с новым усердием своенравиям праздности и разсеяниям города. Вы знаете, что я успел видеть первой разсвет дня нового года. Все предприятия мои щастливо исполнены: ежели сие известие может быть приятно тем, которые отказали мне убежище гостеприимства в спокойнейшем изо всех замков, чтоб возвратить меня строгому владычеству должности. Я полагаю, что трудами моими довольны. Покрайней мере сказывают, что обо мне вчера говорили. Надобно привести в порядок некоторыя Исторические записки о России. Имели снизхождение упомянуть обо мне. Вы видите всю мою важность. Может быть брошен когда нибудь возле Гиллиса и

[1143] Перевод: «Его сказочки о волках».

[1144] Перевод: «Будьте так добры напомнить обо мне мисс Джеффрис».

Анахарсиса, разделю я с ними на полках библиотеки величественную честь забвения. Простите, что я не успел еще отправить мои печатныя безделицы. Вы получите с тяжелою сегодняшнею почтою одну азбуку, между тем, как другая переплетаются и две аглинские книги. Be so good, dear sister, as to assure miss Jeffrys, that I have fulfilled all my engagements, as a true knight errant. I have pleaded her cause before her amiable friend miss Samborsky and I will have the pleasure, one day or other, to communicate a letter from her… They found at my return here, that I spoke the English a great deal better, than I did. I endeavoured, I suppose, afterwards, to make this difference quite imperceptible. Vous parlez, ma bonne amie, d'emprunt. Il n'en est rien, absolument rien, et je n'ai qu'à me vanter de son attachement[1145]. Поцелуйте за меня моего милого esquire of Nichols Мишиньку, которой приметил мое <так. – А.И.> и также прекрасных Никитушку и Катиньку. Прощайте. Я думаю, вы знаете, что еще прежде моего возвращения Гаврило Романович <Державин> пожалован секретарем Государыни. Здешние выборы окончились и их производил Граф Иван Петрович Салтыков.

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 3-4 об.).

<328>++

1792 года генв.<аря> 22 д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Ежели мы не имеем удовольствия друг друга видеть, покрайней мере ето шастие, когда мы получаем писма ваши, когда пишем свои. Теперь только у меня спрашивал К.П., куда я пишу; затем, что я пишу не дома: и я похвастал моею перепискою. Нет, я не имею довольно нежности чувствования и щастья в выражении, чтоб возвратить ласки ваши и не быть побеждену в невинном честолюбии показать мою привязанность и благодарность. Покрайней мере по моему щастию заключите, сколько удовольствие вас видеть имело влияния на нрав мой и сердце. Я думаю, что вы получили все мои писма из Рязани, Москвы и Твери. Я не знаю ничего восхитительнее путешествия. Существовать попеременно в разных точках пространства, быть приняту с сими ласками. Возвратился ли к вам благополучно бдительной мой провожатой, Никита? Я черезвычайно одолжен ему. Но междутем как ужасная буря отнимала у меня вид дороги, между Рязани и Москвы, я думал об вас и боялся, чтоб она не застигла вас в степи, ежели вы поедете к Княгине. Мне должно просить у вас прощения, что я вас более удивил и обезпокоил, нежели принес удовольствия моим посещением. Я успел от вас кланяться новому Секретарю Государыни, вашему доброму другу Гавриле Романовичу <Державину>. Андрей Афанасьевич <Самборский> вытерпел на сих днях операцию с удивительною твердостию. Я не имел случая с ним видеться, чтоб исполнить вашу Коммисию. Но на будущей почте надеюсь доставить полную отповедь. На прошедшей я обманул вас невинно. Книги не были приняты на почте. Подождите. Мои упражнения и гулянье причиною неисправностей. Будьте здоровы и веселы. Прощайте. Целую мысленно маленьких и желаю им здоровья

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 5-6 об.).

[1145] Перевод: «Будьте так добры, дорогая сестра, уверить мисс Джеффрис, что я исполнил все свои обязательства, как истинный странствующий рыцарь. Я защищал её дело перед её любезной подругой мисс Самборской и когда-нибудь буду иметь удовольствие передать письмо от неё… По моём возвращении сюда нашли, что я говорю по-английски гораздо лучше, чем прежде. Потом, полагаю, я постарался сделать эту разницу совершенно незаметной. Вы говорите, моя добрая подруга, о займе. Ничего подобного, решительно ничего; мне остаётся только хвалиться её привязанностью».

<329>++

1792 года генв.<аря> 29 д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Я теперь только приезжаю их дворца, хотя уже и шесть часов вечера. Смене моей так поздней причиною Тутолмин, которой ездил встречать Тимофея Ивановича <Тутолмина>, а нас осталось только двое, один из товарищей наших уехал в Курландию, другой занемог. Надобно желать нам много философии и терпения. Ето уж другое писмо что я пишу к вам сегодня. Одно во дворце, которое потерялось по улицам Петербурга: другое дома, которое боюсь, что не застанет почты. Главное то, что мы слава богу здоровы и веселы и надеемся, что вы тем же щастием похвастаться можете. Ето щастие столькоже нам принадлежит как вам. Мы поручаем вам его в залог. Берегите себя для нас. Будьте веселы, будьте здоровы, ето одно наше требование. У нас на етих днях приехал Захар Матвеевич <Муравьев> из Дерпта, а Матвей Михайлович из Кронштата. Наши милые вульфята отпущены и хотят уезжать. Поклонитесь от меня моему милому спутнику и соплясуну и велите тешить тетушку. Надежде Никифоровне кланяюсь. Miss Jeffrys will agree the best wishes of a good heart. The little gentlemen shall oblige me by kissing the hands of their sweet mamma <так! – А.И.> and their worthy father in my name[1146]

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 7-8).

<330>++

1792 года февр.<аля> 5 д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Я не могу изобразить всего удовольствия, которое приносит мне каждое писмо ваше. Сколько бы желал я, чтоб мои имели сие щастливое дарование заслуживать выгодное предубеждение ваше! Мои дни так заняты, что лень моя ропщет. Непринадлежа сам себе, я откладываю вперед мои удовольствия: как будто есть другое; кроме исполнения своей должности. Я не скажу, // чтобы в моей не было приятностей. Почти все чем может забавляться человек за тритцать лет соединяется для меня в сей епохе. Почти все: вы видите, что я иное выгораживаю. Я отдаю над собою преимущество Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.>. У старшего Ивана Матвеевича <Муравьева ст.> родилась дочь Прасковья, на крещение которой поехала Прасковья Матвеевна с Захаром Матвеевичем <Муравьевыми>. Сей последний описывает Дерпт пребыванием смехов и веселий. Нечувствительные сердца в нем растаивают. Сюда приехал из Кобленца Принц Нассау, из Польши Графиня Александра Васильевна Браницкая, которая сегодня у Государыни кушает. Приехавший с визирскою ратификациею мира А.Н. Самойлов получил Андреевскую ленту и 30000. Он назначается послом в Константинополь. С ратификациею Султанскою будет граф Григ.<орий> И.<ванович> Чернышев. Игельштром переведен Наместником в Смоленск и Псков на место князя Н.В. Репнина, которой думают будет Генерал Губернатором в Риге на место Броуна, которой просит в отставку. Заботитесь ли вы о моих пустых уведомлениях? Ваши новости все происходят в гостиной и детских, иногда Сцена переносится в оранжерею и ригу. Может быть у вас не так холодно, как у нас и весна к вам ближе нежели к нам. Прошу поцеловать

[1146] Перевод: «Пусть мисс Джеффрис примет лучшие пожелания от доброго сердца. А маленькие джентльмены очень меня обяжут, если от моего имени поцелуют ручки своей милой маменьке и своему достойному отцу».

за меня моих милых племянников и племянницу. Мой усерднейший поклон всем моим никольским знакомым. Я вспоминаю с удовольствием участия, которые они во мне принимали. Более всего желаю, чтоб хозяева Никольского были здоровы и благополучны и непозабывали меня

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 9-10 об.).

<331>++

1792 года февр.<аля> .12. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Ежели вы живете в деревне, так ето с пользою. Вы управляете щастливыми земледельцами, их прилежанием и щедростию земли. Вы разпростираете свои економические планы, чтоб накопить с чем послать на службу старшего есквейра (esquire) и ко двору младшаго, с чем выдать мисс Кити и пр. Я живу в деревне, лежащей в Вознесенском уезде без всяких планов, кроме постоянного последования лени. Я скоро зароюсь в книги. С Г. Григорьевым послал я что мне в руки попало. Снизходительная сестра примет их более за усердие, нежели за достоинство. Одно затруднение состоит в пересылке и редкости случаев. Почта не отягощается тяжелыми посылками. Сюда на этих днях приехал молодой граф Чернышев с Султанскою ратификациею мира. Ему пожалована Аннинская лента. Сегодня в Ермитаже Комедия, бал и ужин. Шум карнавала замолкнет в тишине поста, в котором вас застанет писмо сие. Пользуйтесь приближением весны и вашими горшками цветов. Я буду воображать ваши катанья под гору и посещения оранжереи. Я буду мыкаться, по вашей милости, на сером коне и возобновлю мои кавалерские странствования. Мои милые товарищи Петр и Николай Ив.<ановичи Вульфы> отпущены по .1. генв.<аря> и на первой неделе ускачут. Варв.<ара> Алекс.<еевна> Тутолм.<ина> очень больна. На сих днях Лиз. Марк. Полторацкая вышла за Оленина. Поцалуйте за меня милых ваших малюточек

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 11-12).

<332>++

1792 года апр.<еля> 15 д.<ня> С.<анкт->Петерб.<ург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична!

Я было хотел вас поздравить с весною. Ета перемена погоды, ясность неба так похожи на праздник. Вы жалуетесь на свое время. Но ето переменяется, и теперь я уверен, что вы пользуетесь таким же прекрасным днем как мы. Я дежурной сегодня. Простите леность мою, что я не успел вчера на досуге написать писма моего. До обеда мы прогуливались верхами. На вечер Великие Князья приглашены в Ермитаж в Комедию. Мы близки черезвычайно к отъезду в Царское село, хотя и неизвестны в минуте. Ето бывает также неожидаемо и скоро, как черта молнии. Батюшка сегодня изволит отправлять образчики кружев. Я, с своей стороны, посылаю новой роман аглинской *Ethelinde*[1147], первую часть, которую я вчерась прочел. Четыре следующия части будут доставлены одна за другою, читайте с економиею, на две недели часть. Я признаюсь, что я сам в этом интересован. Я читаю, что редко со мною случается. Будьте здоровы и веселы, пишите к нам прекрасныя и приятныя писма. Вот все мои условия. Теперь приходит лето, праздник

[1147] Речь о 5-томном романе Шарлотты Тернер Смит «Ethelinde, or the Recluse of the Lake» (1789)

года помоему. Ездить верхом, кушать молоко, яблоки, купаться, спать под тенью. Вот благополучие лениваго человека. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 14-16).

<333>++
1792. года Февр.<аля> .19. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович и матушка сестрица Федосья Никитична! Великой пост принес к нам спокойствие после разсеяний масленицы. Мы зачинаем только опознаваться после етих маскарадов, которые не хотели кончиться. Весеннее солнце показывается. Равно благосклонно городу и деревне, в последнем месте соединяет оно удовольствие и пользу. Скоро живописная гора ваша обнажится от снегу и покроется ковром зелени. Помолодеют дубы ваши, Ржавка и Ворона не будут окованы льдом. У нас долго еще не будет этой перемены. Наши суеты заменят нам прекрасную природу. Суеты приятныя, ежели оне занимают сердце. Недавно был здесь благородной спектакль, guerre ouverte и soirée orageuse[1148], в котором наш Василий Васильевич <Ханыков> играл сказывают отменно хорошо. Его Анна Васильевна вам кланяется. На маслянице пережалованы Княжеские Адъютанты, из которых в полковники Князь Борис Голицын, Самарин, Коновницын, Закревской. Новые Камер Юнкеры: Граф и Барон Строгановы, Дурнов, Балк-Полев, Растопчин и Козинской. Попову Александровская лента. Меня трогает черезвычайно, но не удивляет нежное участие, которое и во сне занимает мною любезную сестру мою. Я не имею нужды в сиянии, ежели могу оправдать через чур выгодное предубеждение, которым меня удостоивают. Андрею Афанасьевичу <Самборскому>, слава богу, лучше. Счастливая операция, произведенная Блоком и Беком, вывела его из продолжительной болезни. Здесь моя милая Александра Михайловна. Я у ней беру уроки супружескаго щастия: уроки без пользы расточаемые. Захар Матвеевич <Муравьев> уехал в Дерпт. La patrie est aux lieux, ou l'ame est enchainée. Вульфы наши также на отъезде. Скоро уединение наше еще более заключится. Ежели мысль питается в уединении, сколько откровений, глубокомысленных Теорий должно вытьти из головы моей! Покрайней мере вы никогда не выдете из сердца. Цалую мысленно вас и прекрасных детушек и желаю от всего моего сердца здоровья и благополучия. Прощайте[1149].

(ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 53. Л. 31-32 об.).

[1148] Муравьев имел в виду пьесы A.J. Bourlin (Dumaniant) «Guerre ouverte, ou Ruse contre ruse» (1786) [Dumaniant] и Н. Далейрака «La soirée orageuse» (1790) [Dalayrac].

[1149] Далее приписка Н.А. Муравьев.

1793

<334>++

1793 года марта .10. д.<ня> С.<анкт->Пет. <ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Чувствительнейше благодарю за приятнейшия изъявления дружбы, которыми последнее письмо ваше наполнено, и за обстоятельное уведомление об успехах наших милых малюточек. Мишинька доказывает, что он любит папиньку и помнит маминьку исполняя должность свою и стараясь зделаться добрым и способным человеком. Никитушка со временем будет догонять своего большого братца, а Катинька вырастет велика, чтоб иметь в них двух друзей нежных и постоянных. Что касается до меня, прибавление <так! – А.И.> уроков занимает еще более моего времени. Освобожден от дежурства, едва имею две дни в неделю, в которые не выезжаю. Граф Д'Артуа, брат покойнаго Короля Французскаго еще не приехал, но его ожидают через два дни. Наши знакомые, как нарочно сговорились разъезжаться. Вчера уехала в деревню Прасковья Матвеевна, а сегодня поехал Иван Петрович <Вульф>. Етому причиною весна, которая угрожает скорым приходом. Дай Бог, чтоб она принесла вам возвращение здоровья. Я удивляюсь, что Петр Михайлович столько мешкает в доставлении вам посланнаго лекарства. Он давно ответствовал батюшке что получил его и со случаем к вам перешлет. Я спешу заключить писмо мое, чтоб не опоздать на почту. Цалую мысленно вас и моих милых Мишиньку, Никитушку и Катиньку и желаю от всего моего сердца всякаго благополучия. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 19-20).

<335>++

1793 г. марта 17 д.<ня> С.<анкт->Пет <ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Наконец получили вы лекарство, которое так долго было в дороге. Дай Бог чтоб употребление его возвратило вам совершенное здоровье. Мы здесь в благочестивых упражнениях. Батюшка говеет. У нас несколько дней живет Пелагея Григорьевна, которая отдала большого сына своего в Морской корпус. Вот все наше общество. Иван Семенович Караулов сегодня уехал. Следовательно у нас совершенное уединение. Вы так и никуда не выходя имеете беседу англинского Лорда и Никольского весельчака с их сестрицею, которая иногда я думаю мешает согласию музыки слезами своими. А может быть дядюшка и виноват перед Катинькою: может быть она столько умна, что не печалит папиньку слезами и слушается во всем Надежды Никифоровны. Ава <?> не велит плакать. У нас здесь живет приезжий гость, брат покойного Короля французского Граф Д'Артуа. С ним один епископ, его Капитан Гвардии Барон Декар и еще двое чиновных. В прошедшее воскресенье имел он первую Аудиенцию у Государыни и Императорской фамилии. Все возможные чести ему оказываются. Он живет в Морской, в доме Василья Ивановича Левашева. Вся придворная услуга и рота Лейб Гренадеров на карауле. Вы говорите, что у вас весь снег сошел: и у нас его нет, но по утрам прекрасные морозы, которые тотчас уступают солнцу в полдень. Прощайте. Я желаю вам здоровья и благополучия. Поцалуйте малюточек

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 21-22 об.).

<336> ++

1793 г. Марта .24. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Хотя мы и живем в знатном и многолюдном городе, а вы в деревне; однако уединение наше не менее вашего. Вы имеете дела и попечения; мы не имеем никаких. Ежели хотеть выздоравливать, так надобно быть в совершенной праздности или дать себе верное слово принимать с равнодушием легкие и необходимыя неудовольствия, которыя только в то время так чувствительны, а погодя немножко, ничего не будут стоить. Вред, которой приключается слабому здоровью от огорчения, несравненно важнее. А вы имеете столько причин не только для себя самаго желать здоровья. Должно еще вырастить, воспитать, зделать щастливыми и полезными членами общества тех, которые воспоминают вам ежечасно драгоценную память любимой Супруги. Она не имела удовольствия увидеть их большими, быть воспитательницею и другом. Воспитание есть попечение столь трудное, столь важное, что оно требует всего усердия, всего проницания родителей. Привычки младенчества с трудом искореняются. Никакия приказания и наставления не могут быть столько уважаемы, как родительския. Сие самое повиновение есть уже добродетель. Какое утешение приятнее, как доброе поведение детей, когда родитель присовокупляет к благодеянию жизни другое благодеяние, не менее важное, дарование добрых нравов и правил! Сии приятныя упования должны действовать лучше лекарства над вашим здоровьем, и отеческая любовь должна быть приятным упражнением сердца вашего. Я незнал ничем лучше занять вас, как сими приятными мыслями. Будьте здоровы

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 23-24 об.).

<337>++

1793 г. Марта .31. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Я желаю, чтоб писмо мое нашло вас здоровее прежняго и в состоянии пользоваться приближением весны. Затем что в ваших краях весна или наступила или скоро наступит. Мы пользовались два месяца сряду прекрасным временем, и гулянье было бы очень приятно, еслибы улицы были менее грязны. Сказывают, что Двор переедет на будущей неделе в Таврической дворец, преддверие Царскосельскаго пребывания. Живучи там нынешнее лето, я выучусь Земледелию и Економии у Андрея Афанасьевича <Самборского> и постараюсь перещеголять вашего Бурмистра. У меня будет урожай неотменно в дватцать раз. Каково то вам будет с вашими землями, с вашим климатом уступить моему… хвастовству? Я думаю, что то, что я похвастал, вы исполните самым делом. Мне останется читать погречески, учить азбуке и разъезжать верхом. Летом будет у нас какой нибудь Паша трехбунчужный[1150]. Наш посол Г. Кутузов на сих днях отправился. Граф Д'Артуа конечно пробудет еще до праздника. Городские слухи назначают новые браки. Князя Юсупова с Потемкиною, Степ. Степ. Апраксина с княжною Кат. Володим. Голицыною. Сии известия лучше, нежели выигранныя и проигранныя баталии или победы и потери игроков в вист и бостон. Известна ли вам сия последняя игра, которая выгнала здесь вист? Но я остаюсь в старом моем неведении всех игр. Поцалуйте за меня любезных детушек. Будьте здоровы и прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 25-26 об.).

[1150] Трехбунчужный паша – османский паша, имеющий право на ношение трех бунчуков; бунчук – древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее символом власти.

<338>++

1793 г. Апреля .7. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Наша жизнь имеет так мало перемен и различности, что все наши дни похожи, друг на друга. Я выезжаю на свои уроки, кроме середы и пятницы, которыя препровожу в ходьбе по городу и во сне. Сельской житель не может похвалиться передо мною уединением: может быть пользою, которую он приносит своим ближним.

Ежели бы я не был тунеядец, я хотел бы быть земледельцом, помещиком шастливых крестьян, такт как ваши. Я не требую, чтоб их столько было. Большому кораблю, большое плаванье. Но пользоваться благорастворением воздуха, в спокойствие, без принуждения, без великолепия, окружену людьми, которых делаешь щастливыми, которые привязаны благодарностию и дружбою. Довольство без излишества, спокойство без вредной неги, упражнение без изнуряющего труда: мне кажется, етосокращение земнаго блаженства. Но прежде всего надобно здоровье. Не того одного желаем мы вам от всего сердца. Батюшка заботится о сыскании вам учителя, хорошаго человека и женатаго, если нужно, которой остался бы у вас во все время воспитания. Всегда, когда я выхожу бродить по городу Батюшка изволит наказывать мне спрашивать об учителе, которой знал бы по Аглински. Но я еще столько не исправен, что етого поручения неисправил. Случаются такия находки драгоценныя; но ето зависит от щастия. Граф Д'Артуа еще здесь и бывает у некоторых больших бар на праздниках. Поцалуйте за меня наших дорогих малюточек Мишиньку, Никитушку и Катиньку. Будьте здоровы. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 27-28 об.).

<339>++

1793 г. Апреля .14. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы получили только сегодня ваше приятнейшее писмо от .26. Марта, видно дорога задержала почту. Слава Богу, что покрайней мере вы зачинаете хотя понемногу поознакомливаться с воздухом. Я все такой веры, что весна с благорастворением своим, с зелению, с гулянием придадут лекарству всю его действительность и скоро зделают его ненадобным. У нас уж сегодни прекрасной летний день. Снегу нету, улицы сухи, река прошла .8. число. У вас все ето, я думаю давно было, и зелень показывается из за риги вашей. Маленькаго Аглинскаго дворянина прошу покорнейше поцаловать за меня. Я благодарю его черезвычайно за первое писмо его и за то, что он не позабыл своего дяди. Не менее прошу поцаловать милых Никитушку и Катиньку. Желаю // от всего сердца здоровья и благополучия. Прощайте.

Dearest child! You did afford me the greatest pleasure by addressing me some lines in a language, in which you can be by far my master. I will behold it as a token you gave me of a friendship for me and of your constant purpose to correspond perfectly to the views <?> of your beloved father by an implicit obedience, tenderness and application. Your benevolent grandfather

does assure you of his warmest sentiments towards you and your dear brother and sister. I do return my sincerest thanks to miss Jeffrys for her kind remembrance[1151]

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 29-30 об.).

<340>++

1793 г. Апреля .21. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Поздравляю вас, хотя и поздно, с Праздником Светлого Воскресенья и желаю вам от всего моего сердца вопервых здоровья, а потом и всех благ, которые ему последуют и столь удобны в деревне, посреди милой и молодой семьи вашей. Пускай их нежные игры возвратят вам тень удовольствий прежних. У нас несравненно хорошая погода. Были жары летние, дожжик маленькой оживил зелень и сказывают деревья готовы распуститься. Сегодни нет приезду при дворе, затем что Государыня изволит приобщаться в Таврическом дворце. Судя по погоде, надобно скоро ожидать и отбытия в Царское село. С неделю назад Граф Д'Артуа отсюду отправился, и при нем Семеновской Маиор Римской-Корсаков, в Ревеле следует он на фрегате и поедет в Англию. Здесь уж вышел указ, которым присоединены три Губернии от Польши к России, Минская, Изяславская и Браславская. В них Губернаторами Неплюев, Шереметев и Бергман. К нам приехал и живет покуда у нас Захар Матвеевич <Муравьев> с женою. Ему хочется определиться в Греческую гимназию. Теперь их дома нет. Они поехали к Ивану Матвеевичу <Муравьеву мл.> на родины. Я думаю что я вас уведомлял о разрешении Анны Семеновны сыном Матвеем. Есть ли образцы для письма у Михайлы Сергеевича <Лунина> и зачинает ли он писать Русские литеры? Я могу здесь достать и переслать к вам форшрифты. Что касается до Никитушки, я уверен, что он узнает всякую литеру Рускую и французскую, которую подадут ему и более всего что оба будут стараться утешать папиньку своим послушанием. Прошу поцаловать за меня их и милую Катиньку. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 31-32 об.).

<341> ++

1793 г. Апреля .28. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Не можно изъяснить прискорбия, которым наполняют нас известия о продолжающейся болезни вашей. Совершенное повиновение воле Божией одно может влиять терпение, равное болезни, и уменьшить ее жестокость. Надежда, представляя приятнейшие виды будущаго, облегчает настоящее страдание. Будет время, что большие детушки, такие как я теперь вижу Петрушу и Николушку Вульфов, в прекрасных гвардейских мундирах будут летать по балам и театрам, ходить и сменяться с караулу, так

[1151] Перевод: «Дражайшее дитя! Вы доставили мне величайшее удовольствие, обратив ко мне несколько строк на языке, в котором вы можете далеко быть моим учителем. Я буду смотреть на это как на знак вашей привязанности ко мне и вашего постоянного намерения вполне соответствовать ожиданиям вашего любимого отца посредством безусловного послушания, нежности и прилежания. Ваш благожелательный дедушка уверяет вас в своих самых тёплых чувствах к вам и к вашим дорогим брату и сестре. Приношу мои искреннейшие благодарности мисс Джеффрис за её любезную память обо мне».

как прежде папинька и приволачиваться, так как дядюшка: я говорю про себя. Я так часто езжу к Принцессе скучать своими русскими уроками. Сказывают в городе, что .9. число мая назначено быть миропомазанию, а на другой день обручению. Превеликое торжество. Государыня будет кушать под балдахином с фамилиею, другие столы поставлены будут для духовенства и четырех первых классов. Вчерась Батюшка <Н.А. Муравьев> изволил крестить у Ивана Матвеевича <Муравьева мл.> сына Матвея. Тверской Губернатор Осипов пожалован Наместником Псковским и Смоленским, а на место его в губернаторы – бригадир Поликарпов. Я вам рассказал все, что я знал. Мой совет и желание состоит в том, чтоб вы вооружились мужеством и терпением. Нечувствительно время приведет исцеление болезни, старания Г. Волгера и Веиса подадут вам новые силы. Прощайте. Поцалуйте милых детушек

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 33-34).

<342>++

1793. г. Маия .5. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы незнаем, застанет ли вас писмо наше в Никольском. Мы ожидаем вас сюда и я думаю, что движение и разсеяние доставят вам скорее выздоровление. У нас приготовления к праздникам. Миропомазание Принцессы Баденской назначено .9. число, а обручение на другой день. Простите мне, что я опоздал писать к вам более. Будьте здоровы. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 35-35 об.).

<343>++

1793. г. Маия .12. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Сегодни был для нас день общаго празднества. Вместо радости он посвящен теперь прискорбным воспоминаниям. Так было угодно Богу. Разделена от нас бесконечным пространством, достигнув прежде нас общаго предела, она не подвержена нашим суетным радостям и печалям. Усладим печальной день сей воспоминанием любящей души ея, живейшей ея чувствительности ко всему доброму. Заключена безперестанно в пределах должности, она жила и скончалась верною добродетели друзьям своим, родителю, брату, супругу и детям. Вечность есть жизнь добраго человека. Она лишилась непостоянства земных вещей и сохранила конечно все то, что имела здесь лучшаго, чувствования свои и добродетели. Изо всех тех, которые ее знали, кто произнесет имя ея без нежнаго участия сердца? Какой чувствительной человек пройдет без внимания место, освященное прахом ее? // Вот что заменяет нам теперь ее нежныя объятия, вечной разговор о невозвратимой потере, которой напечатление не загладится с сердец наших. Довольна нашею любовию, она не перестает желать нас щастливыми. Безумно хотеть воспротивиться непреложным законам, которыя все управляют. Будем достойны друга нашего, безсмертнаго и блаженнаго, последуя примеру, который она нам оставила. От всего моего сердца целую милых детушек. Желаю вам возвращения здоровья и пребуду во всю жизнь мою ваш верной и

усерднейший друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 37-38 об.).

<344>++

1793. г. Маия .19. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы не знаем, исполнители вы ваше намерение ехать в Петербург или его отменили. Я видел Ивана Леонтьевича Блока. Он говорит, что отсутственному он не может дать никаких советов. Он думает, что излишное спокойствие могло быть причиною болезни. Ежели бы хорошая весенняя погода и небольшое движение могли подать вам отраду, которая приходит со временем, терпеливостию и воздержанием. Что делать против силы болезни? Надобно слушать предписаний лекарских и не подвергать слабаго здоровья опасности. Я теперь только приехал из Царскаго села, где двор уже неделю имеет пребывание. Государыня изволила туда отправиться тотчас по совершении миропомазания и обручения Великой Княжны Елисаветы Алексеевны, которыя происходили .9. и .10. число. Александр Павлович получил особливой двор, и Кавалеры не дежурят при нем более. Они получили по 6000 и пенсию ежегодную 2000. Новые камергеры его, из Семеновскаго полку Граф Толстой, Граф Пушкин, Измайловскаго Граф Феликс Потоцкий, бывшие Кавалеры Ададуров и Тутолмин и Князь Голицын. Кроме того восемь Камер-Юнкеров. Гофмаршалом Граф Ник. Ник. Головнин. Вот наши новости. Поцалуйте за меня милых детушек, которым я от всего моего сердца желаю здоровья. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 39-40 об.).

<345>++

1793. г. Маия .26. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>[1152]

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Я зачал свое еженедельное странствование из Царскаго села в город и из города в Царское село, куда и теперь отправляюсь. У нас третий день установлен жар черезвычайной после целаго месяца холодной погоды. Сегодни отправляются Варвара Михайловна в деревню и Александра Михайловна в Москву. Ее Николай Николаевич пошел на фрегате в поход в Роченсалм, пристань Гребной флотилии. Кроме того и большой флот на рейде. Новыя польския Наместничества потеряли своего Генерал-Губернатора. Кречетов, которой был пожалован Графом, скончался .10. Маия. Иные сказывают, что Тутолмин заступит место его. Батюшка имеет величайшее попечение о приискании вам учителя. Он посылал к г. Ивану Ивановичу[1153] Лепехину в Академию, которой обещал прислать, ежели случится хороший. Но вдруг найти невозможно. Лета еще не ушли и воспитание столькоже полезно, сколько и ученье. Будьте вы только здоровы, ето главное дело, от котораго зависит благополучие детей. Поцалуйте за меня милых наших маленьких. Я желаю им от всего моего сердца желаю здоровья и благополучия

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 41-42).

[1152] Адрес рукой Н.А. Муравьева: «В Тамбове. Милостивому государю моему Сергею Михайловичу! Его Высокородию господину бригадиру Лунину»

[1153] Имя и отчество подписаны Н.А. Муравьевым.

<346>++

1793. г. Июня .2. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы ожидаем от вас приятнейших известий, которыя подавали бы надежды скораго выздоровления. Сперва маленькие выезды в оранжерею или в ригу, а там даст Бог, можно будет и на поле выехать. Одна бережливость и воздержание стоят лекарств. С ними натура сама себя поправит. Что касается до нас, мы поживаем тихохонько <так! – А.И.> по обыкновению. Батюшка <Н.А. Муравьев> не изволит выезжать никуда равзе что к Захару Матвеевичу <Муравьеву> и Елизавете Аристарховне. Захар Матвеевич живет в Литейной, близ Кирхи. Теперь он и Елисавета Карловна у нас и вам кланяются. Он хочет определиться с Греческою гимназиею; но определение сие подвержено медленности. Я живу часть времени в Царском селе и некоторые дни в Городе. От всего моего сердца цалую милых детушек Мишиньку, Никитушку и Катиньку. Нас уверяет дружба Надежды Никифоровны и попечение мисс Жеффрис, что они не имеют недостатка в смотрении. Их здоровье и невинная веселость должны быть отрадою родителя. Впрочем желая вам здоровья и благополучия пребуду ваш верной друг и брат Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 43-44).

<347>++

1793. г. Июня .9. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Батюшка изволил посылать к Алексею Степановичу наведываться о вашем здоровье и он обнадеживает нас, что вы ходите по горницам. Етого мало в такое прекрасное время: прекрасное у нас, чтож в Никольском? Надобно зачинать прохаживаться на воздухе, с позволения конечно. Но ето позволение не откажут вам, когда здоровье ваше в состоянии будет сносить сей труд. Економиею и я не советую заниматься, тою, которая соединена со скукою и заботами, но тою, которая забавляет. Я надеюсь, что Михайло и Никита Сергеевичи и Катерина Сергеевна занимают не последнее место между лекарствами вашими. Их здолровье, успехи, игры и беседа должны подкреплять дух ваш и возвратить здоровье. Я незнаю, писал ли к вам что Кречетников умер. На место его войсками, сказывают, будет командовать Князь Юрий Володимирович Долгорукий, а гражданскими делами по ожидании отправлен Т.И. Тутолмин. Недавно Графу Сергею Петровичу Румянцеву дана голубая Польская лента. Думают, что он поедет Послом в Швецию. Наш Василий Васильевич Ханыков хочет с ним отправиться. Василий Яковлевич Чичагов и Круз пошли в море. Вот сколько вам новостей. Впрочем желая от всего моего сердца здоровья и благополучия навсегда пребуду

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 45-46 об.).

<348>++

1793. г. Июня .15. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

С величайшим прискорбием видели мы из писма вашего, что желаемое облегчение болезни вашей еще не приходит. Но зачем предаваться унынию? Болезни надо противиться крепостию душевною, надеждою на Бога и повиновением к предписаниям. Вы можете себе представить, сколько состояние ваше безпокоит батюшку. Далеко от того, чтоб хотеть приключить вам малейшее оскорбление, он разделяет с живейшею чувствительностию страдания ваши. Мы ожидаем нетерпеливо от времени и от полезных попечений Г. Волгера, что совершенное здоровье к вам опять возвратится. Ето первое благополучие, и все другия за ним последуют. Нечувствительно дети подрастут и будут требовать безперестанно ваших попечений. Сии попечения займут вас самым приятнейшим образом. Сберегите себя к тому времени, что вы будете иметь в детях самых лучших друзей своих и всегдашнее общество. Успехи ученья их и воспитания будут чистейшею утехою. Они возвратят вам драгоценнейшия воспоминания. Их любовь и благодарность будет иметь попечение о доставлении вам всевозможной отрады. Такие справедливые надежды должны услаждать несколько ваши настоящия страдания. Цалуя вас // мысленно так, как и любезных детушек, навсегда пребываю

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 47-48 об.).

<349>++

1793. г. Июня .23. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Я надеюсь, что писмо наше успеет вас поздравить со днем рождения и Ангела вашего. Дай Бог, чтоб с новым годом получили вы возвращение здоровья и сил ваших и чтоб милыя детушки ваши, пользуяся совершенным здоровьем, украсили праздник ваш своею веселостию и приятными ласками. Катерина Сергеевна может теперь я думаю принести папиньке цветов из оранжереи и поздравить с именинами. Я не говорю о Кавалерах, которые теперь уже в состоянии ездить верхом, покрайней мере на тросточке. Агличанин, я думаю, занят экономиею и разговаривает с Бурмистром, а весельчак пляшет с девушками. В каком упражнении ни застанет их писмо мое, я желаю им благополучия и веселья и цалую их мысленно. Что касается до нас, мы постоянно в том же самом положении. Я разъезжаю из Царскаго села в город и живу на большой дороге. Сказывают, будто двор ранее обыкновенного переедет в город. Теперь есть Таврической дворец, которой заменяет некоторым образом Царское село. Прибытие Турецкаго Посла будет поводом к торжествам и праздникам. Впрочем желая вам сердечно здоровья и благополучия, навсегда пребуду

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 49-50 об.).

<350>++

1793. г. Июня .29. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Последнее писмо ваше подает нам приятныя надежды выздоровления вашего. Может быть оне будут последованы приятнейшим свиданием, ежели намерение путешествия вашего произведено будет в действо. Я пишу к вам из Царскаго Села, откуда писмо мое пойдет к батюшке <Н.А. Муравьеву> в город. Нынешние праздники двор препроводит в Царском селе, а в Петербург небыло отъезду. Сегодни сказывают будут пожалованы Аннинския ленты Камергеру Колычеву, виц-Губернатору Новосильцову и Хорвату. Здесь теперь является множество Польских Бояр, которых деревни отошли к России, и выезжих Французских Господ. Лето наше весьма не постоянное и сильныя ветры лишают нас удовольствия гулять. Поцалуйте за меня тысячу раз милых детушек и будьте здоровы. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 51-52).

<351>++

1793. г. Июля .6. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы весьма порадованы давно ожидаемою вестию облегчения вашего. Маленькия путешествия по полям приведут за собою другое поболее, по горам и долам и до Питера, чтоб представить благословенное зрелище отца посреди прекрасных детушек: зрелище, которое найдет во мне завистника и я надеюсь подражателя. Дедушка занимается выискиванием учителя: между тем, как придворной человек, дядюшка изволит прохлаждаться в Царском селе. Важных новостей, кажется, нет теперь никаких. К сентябрю ожидают Турецкаго Посла. Следовательно осень наша будет наполнена празднествами. Поцалуйте от меня милых детушек и скажите Катиньке, что я учусь нарочно играть на клавесинах, чтоб быть после ея учителем. Я думаю и она наслышалась несколько слов Аглинских от мисс Жеффрис и немецких от Авы. Мое почтение Надежде Никифоровне. Впрочем с истинною дружбою и усердием пребуду

ваш верной друг

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 53-54).

<352>++

1793. г. Июля .14. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Последнее писмо ваше подтверждает приятныя надежды выздоровления вашего. Батюшка отнюдь не настоит на то, чтоб вы изнуряя возвращающияся силы, подверглись всем затруднениям путешествия. Он доволен, ежели будет уверен, что вы здоровы и маленькия также. Конечно желательно бы было, чтоб те особы, которыя имели попечение в их младенчестве, могли при них остаться. Но ежели обстоятельства их тому противятся; то мы постараемся здесь сыскать учителя. Ето дело не так легко. Выбор человека, которому поручить учение детей заслуживает внимания. Агличан здесь хоть и много, но совсем других званий, нежели учительскаго. Отдаление места есть также причина затруднения. Надобно я думаю назначить цену жалованья, которую вы намерены дать учителю. Нынче все цены переменились, следовательно и требования должны быть высоки. Впрочем желая

вам от всего моего сердца здоровья и благополучия и цалуя мысленно детушек Мишиньку, Никитушку и Катиньку, пребываю навсегда с истинною братской любовью

ваш верной друг

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 55-56 об.).

<353>++

1793. г. Июля .21. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Каково ваше лето, а нас жар одолевает. Громы, дожди переменяются с жарами. Я должен чувствовать ети перемены по причине странствований моих из Царскаго села в Царское, куда и теперь. Я ожидаю с нетерпением Августа месяца, чтоб быть постоянно в Петербурге. Отделка Таврическаго дворца поспешается и должна определить прибытие двора. Обнародовано, что Сентября .2. будет торжествование мира с Турециею. Подъедет Посол Турецкой. Ожидают также других веселий и торжеств: что должно наполнить весьма приятным образом нашу осень. Батюшка имеет безперестанное попечение о сыскании вам учителя. К нему явился один, кажется человек весьма достойной, женатой, сын одного духовнаго в Берлине. Он приготовлялся к воспитанию и имеет знание в языках Французском, Аглинском, Латинском, Истории, Географии, Математике, свободных науках. Природою немец, называется Реинбек. Он просит на первый год .500. р.<ублей> Впрочем желая от всего моего сердца здоровья и благополучия и цалуя мысленно детушек пребываю с вечною дружбою и усердием

ваш верной друг

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 57-58 об.).

<354>++

1793. г. Авг.<уста> .4. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезный друг и брат Сергей Михайлович!

Виноват черезвычайно, пропустив последнюю почту. Засуетился, зебаглся по городу и должен был спешить в Царское село. Ето отправление было причиною нашей неисправности. Двор все еще не переехал в город, хотя каждой день оижадют переезду. Тогда я буду немножко поспокойнее. А сегодни опять тудаже скачу. Наша осень будет наполнена праздниками: прибытие Посла, торжество мира, торжество брака: все ето должно зделать Петербург стечением забав. Я не помню, уведомлял ли я вас, что Петр Иванович Новосильцов пожалован Генералом Провиантмейстером и в военном списке будет считаться с того времени, с котораго он действительным Статским Советником. Граф П.А. Зубов получил Наместничество Екатеринославское и Таврическое. Наше лето здесь было весьма неравное: величайшие жары и после пасмурная погода и дожди и громы. Однако жатва уж окончена. Я вижу всегда поля, уставленныя снопами. Вы имеете тоже зрелище, и лучше нашего; затем что вы имели участие в изобилии. На полях надобно возвратить здоровье и таких полях, как ваши, где чистой воздух и душистыя травы // оживляют

человека. Вы имеете к тому еще способы в любви маленьких прекрасных детушек, которых я мысленно цалую. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 59-60 об.).

<355>++

1793. г. Авг.<уста> .11. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Я надеялся, что в ето время буду уже постоянный житель города: ничего не бывало. Я еще переезжаю с места на место, как Козак. Пребывание Двора в Царском селе более продолжается, нежели полагали. Прошедшую пятницу отправилась из Царскаго села к матушке своей сестрица Великой Княгини Елизаветы Алексеевны принцесса Фридерика в препровождении Стрекалова. На место виц-Губернатора Новосильцева сказывают определен Иван Алексеевич Алексеев, что был Генералом Адъютантом у Князя Репнина. Вот новости, которыя дошли до моего уединения и которыя я сообщаю вашему. Но от вас требую я приятнейших и важнейших для меня, которыя составляют предмет моих усерднейших желаний: новости о возвращении здоровья вашего, о благополучном состоянии милых детушек ваших. Бегаютли молодцы на гору и под гору, укрепляют ли они силы свои резвостями, движением, воздухом и детскими забавами? Прилежноли занимается девица одеваньем своей куклы, укладывает ли ее почивать и бегает ли с нею взапуски? Впрочем желая от всего моего сердца всякого благополучия, навсегда пребываю с искреннейшею дружбою

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 61-62 об.).

<356>++

1793. г. авг.<уста> .18. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Наконец оставил я деревню и записался в постоянные Городские жители. Вчера будучи дежурным переехал я из Царскаго села. Двор теперь в Таврическом дворце. Какия строения окружают его теперь со всех сторон. Великолепная пристань вдавшаяся далеко в реку, сад, которой безперестанно украшается новыми зданиями и каналами. Я не знаю похожа ли сама Таврида на дворец ея имени; но ето бы не худо было ежели она столько имела плодородия и прохлады, как дворец великолепия. Сказывают что земли Крымские и Очаковския не требуют никакого удобрения, и мед и млеко лиется повсюду. Ето не так как у вас в Тамбове, где надобно в поте снискивать хлеб свой. Еще хорошо, когда однодворцы оставят в покое пахать и косить. Хотя я и люблю правосудие; однако не могу не пожалеть тех, которыя принуждены иметь к нему прибежище. Чего лучше видеть благополучную жатву, женить молодых крестьян и крестьянок и починивать житницы, которыя ломятся от хлеба. Я позабыл счастие, которым вы наслаждаетесь посреди детушек, которых я цалую

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 63-64).

<357>++

1793. г. авг.<уста> .25. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Нельзя более чувствовать доверенности, которую вы на меня полагаете в разсуждении учителя. Истинная любовь к детям делает в глазах ваших маловажными расходы, которых потребует воспитание. Но вы теперь еще имеете мисс. Небудетли ето собрание через чур велико, когда мы пришлем еще учителя женатаго? Не будетли и тогда время, как вы привезете мисс сюда будущею весною? От разрешения сомнений будет зависеть исполнение. Что касается до нас, мы живем потихоньку. Мы на кануне торжества мирнаго. Весь Сентябрь месяц будут кажется сплошные праздники: балы, маскерады, фейерверки. Сегодни приедет сюда Князь Николай Васильевич Репнин, чтоб участвовать в торжествовании заключеннаго им мира. Думают, что он будет Фельдмаршалом, так как и оба Графа Салтыковы. Между тем как шум и разсеяние будут здесь препровождать веселья, вы будете наслаждаться спокойствием и остатком хороших дней в обществе Мишиньки, Никитушки и Катиньки, которых шум приятнее вам наших зрелищ. Дай Бог, чтоб вы были здоровы и спокойны. Я цалую мысленно детушек. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 65-66 об.).

<358>++

1793. г. Сент.<ября> .2. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Вот еще вина. Вчера пропустил почту. За уроками, за Комедиею. Ето мой старой грех, не упоминаю о новых. Я надеюсь однако отпущения грехов моих. Сегодни первый лень мирнаго торжества. Измайловской полк прошел мимо окон. Князь Репнин будет командовать самолично всеми войсками. Небудет ли сегодни с товарищами своими Салтыковыми Фельдмаршалом. Государыня после молебна с Трона будет раздавать знаки милости, и Державин с нижней ступеньки престола провозгласит имена пожалованных. По площадям Генерал Маиор Бон <?> будет возвешать мир и бросать жетоны в народ. Осмое число будут выставлены быки и фонтаны для народа. Балы и маскерады кончатся фейерверком пятое надесят число. Не завидуйте нашим движениям и будьте только здоровы и спокойны. Ето стоит торжества. Кланяюсь от сердца милым малюточкам и цалую их мысленно, желаю им совершенного здоровья. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 67-68).

<359>++

1793. г. Сент.<ября> .8. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Мы имеем удовольствие сегодни праздновать день рождения нашего дражайшаго родителя, с которым вас поздравляю, так как и любезных наших детушек с именинами нежнаго их дедушки. К нам приехала сегодни к обеду из деревни Прасковья Матвеевна с детьми. Здесь продолжаются начатыя празднества мира. В первой день .2. Сентября, был молебен, строй всех полков под командою Князя Репнина. Государыня на престоле принимала благодарения Сената, выдан манифест объявляющий разныя милости. Военная перемена, штатская, раздача орденов. Князь Репнин получил 60000, бриллиантовые знаки

ордена и похвальную грамоту, Князь П.А. Голицын, Пассек, Гудович, Измайлов, Остерман Андреевския ленты. Многие получили Александровские, // Владимирские. Графы Зубов, Салтыков, Безбородка пожалованы деревнями. Коновницын Наместником в Архангельск, Лопухин в Вологду, Каховской в Пензу, Кутузов в Казань, Рылеев в здешние Губернаторы. Державин, Храповицкий, Васильев, Вяземский в Сенаторы. Самойлов в действительные Тайные Советники. Сегодни были для народа выставлены быки и фонтаны. Видите сколько я вам насказал новостей. Теперь позвольте пожелать вам и милым детушкам здоровья и благополучия и прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 69-70 об.).

<360>++

1793. г. Сент.<ября> .16. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Вчера мы праздновали именины Батюшкины. Все наши родные, Прасковья Матвеевна с фамилиею, Иван Матвеевич <Муравьев мл.> со своими и Захар Матвеевич с своею Лизаветою Карловною <Муравьевы>, которая уже в последних днях своей беременности, составляли наше общество. Конечно в тоже время в Никольском об нас вспоминали, и Никитушка благодарил за дедушку. Я очень обязан ему, что он помнит меня и приглашаю его в Петербург, где очень много и кукол и солдат и такихже молоденьких Сержантов, его товаришей, которые прилежно учатся по Аглински, по Французски и Арифметике. Мишиньк конечно знает много хороших Аглинских сказочек и знает какой главной город в отечестве мисс Жеффрис и в какой земле родилась Ава. Что касается до барышни, то ей кланяется здесь Лизавета Ивановна Муравьева, // которая хорошохонько говорит и поет песни. Наши мирныя торжества заключены вчерашний день фейерверком, которой делан под начальством Н.А. Татищева. Теперь пора думать о новых праздниках. Полагают, что .28. число будет бракосочетание. Вы в уединении и тишине своей ничего не потеряете, ежели Бог даст совершенное возвращение здоровья и сохранит милых детушек. С терпением увидите время, в которое // окружены своею фамилиею, вы будете наслаждаться спокойствием и любовию тех, которые стоят вам теперь забот и попечений. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 71-72 об.).

<361>++

1793. г. Сент.<ября> .22. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Глубокая осень прерывает здесь наши гулянья, так как ваши сельския работы. Напротив того праздники и веселья здесь умножаются. Бракосочетание Великого Князя Александра Павловича, которое назначено .28. нынешняго месяца последуется многими обедами и торжествами, народным праздником, маскерадом и заключится фейерверком около половины октября. Сегодня по обыкновению были жалованы Кавалеры Владимирския. Граф Ник. Ив. Салтыков получил за воспитание 100000 рублей единожды и 25000 ежегодной пенсии. Гофмейстер Александра Павловича Протасов пожалован Александровскою лентою. У нас сегодня Прасковья Матвеевна, которая обрадована приездом сына своего из похода с Чичаговым. Наш флот стоял в Зунде, чтоб воспрепятствовать отправлению во Францию товаров и разных потребностей. Далеко от

предприятий военных, дай Бог, чтоб вы наслаждались спокойно всеми благами сельской жизни. Кланяюсь сердечно милому семейству больших воинов Мишиньке и Никитушке. Цалую мысленно барышню. Желаю, чтоб они составляли щастие папиньки и наше здоровьем, успехами в добронравии и в учебе. Впрочем желая здоровья и всякого благополучия навсегда пребываю

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 73-74).

<362>++

1793. г. Сент.<ября> .29. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

В приятнейшем, хотя и печальном писме, которое мы на прошедшей почте получили от вас, живо изображены нежныя чувствования, навсегда посвященныя в сердце вашем похищенной от нас дорогой особе. Она достойна вечной нашей привязанности и сожалений. Но ей не довольно печали и сетований. Она требует от вас попечений о сохранении вашей жизни и здоровья, необходимых благ для оставленных ею детей, которые занимают на свете место ея и занимали прежде все ея попечения.

Вчерась совершилось бракосочетание Великого Князя Александра Павловича. Какая неописанная радость для сердца матери, родителя, бабушки! Я хочу танцовать на свадьбе Катерины Сергеевны и видеть вас утешеннаго важным именем тестя. Все это время при дворе праздники. Какие великолепные покои новобрачных! Черезвычайное богатство возвышено вкусом. Они занимают тот фасад дворца, что на реку. Недавно были представлены Государыне Депутаты двух новых Наместничеств Брацлавскаго и Минскаго, и весь город наполнен вельмож Польских, новых подданных России. Я заключаю писмо мое ревностнейшим желанием вам и детушкам здоровья. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 75-76).

<363>++

1793. г. Окт.<ября> .6. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Так как земледельцы отдыхают осенью, поокончании трудов своих: так я отдыхаю теперь в продолжение брачных празднеств, не от трудов, а от частых выездов. Зато я гуляю по улицам, не проходимым от грязи. Я делаю тоже, что сегодня Посол Турецкой, которой несмотря на дождь и сырость осеннюю воздуха въезжал в город торжественно верхом, в предшествии двух бунчуков своих, знамен и музыки. От Калинкина моста даже до Вяземскаго дому, где он жить будет поставлены были во фронт полки гвардейские и полевые. Аудиенция его будет, как я слышал, .15. числа. Дни три назад у Захара Матвеевича родился сын и назван Артемоном, которой дядюшке и братцам и сестрице рекомендуется. Великое множество Польских Бояр умножают здесь сияние Городских собраний. При дворе никогда не было такова множества праздников. Ето все вас не прельщает и меня бы не прельстило, ежелибы в уединении, окружен любимыми, я мог добро делать и быть спокоен. Я думаю что ето и в городе возможно и весьма приятно в деревне. Дай Бог только, чтоб здоровье ваше совершенно восстановленное, позволяло вам радоваться постепенными

успехами возраста милых детушек, которых мысленно цалую и которым желаю всякаго блага. Препоручая себя в вашу братскую дружбу, навсегда пребываю

ваш верной друг и брат

Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 77-78).

<364>++

1793. г. Окт.<ября> .13. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Извините безпорядок писма моего. Я спешу на дежурство. Сегодни аудиенция Турецкаго Посла. Мы слава Богу здоровы. Вчера Батюшка <Муравьев> изволил крестить сына у Захара Матвеевича <Н.А. Муравьев>, который по имени дедушки наименован Артемоном. Иван Матвеевич <Муравьев мл.>, которой там же был вам кланяется. Он давно // Кавалером при Константине Павловиче. У нас становится похолоднее и воздух очищается маленькими морозами. Поцалуйте моих милых племянников и племянницу. Я желаю им здоровья и веселья и прошу, чтоб они меня любили. Мысленно цалую вас. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 79-79 об.).

<365>++

1793. г. Окт.<ября> .20. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Батюшка был весьма обрадован, так как и я, получением на нынешней почте перваго писма от милаго нашего Михайла Сергеевича, препровожденнаго грамотою от Никитушки. Мы надеемся, что наши любезные корреспонденты не оставят наперед прибавить строчку руки своей к писму батюшкину. Но более всего мы желаем и надеемся быть ими любимы. // Мы просим Бога, чтоб они были здоровы, разумны и добронравны. Нет ничего похвальнее, как желание учиться и слушаться во всем Батюшки. Кажется, что Михайла Сергеевич зачинает исполнять свою должность и подает обещание достойнаго человека. Батюшке было весьма приятно исполнить его коммисию сыскать форшрифты, которые он присем посылает. Чтения Аглинския конечно также продолжаются и я буду иметь удовольствие доставлять Аглинския книги. Как у вас, у нас зима еще не становится. Глубокая осень делает улицы непроходимыми, однако не прекращает веселий. Сегодни новобрачной Великой Князь Александр Павлович дает у себя бал. Всякой день у него обедают приглашенные бояре. Я не знаю писал ли я к вам что Завадовской с двумя братьями пожалован от Императора Графом. Недавно вышел указ о рекрутском наборе, которой однако позволяет вносить деньгами по .400. за человека. Впрочем мысленно цалую вас и желаю здоровья и благополучия вам и милым детушкам. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 81-82 об.).

<366>++

1793. г. Окт.<ября> .27. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Сколь нам чувствительно слышать, что здоровье ваше не совершенно возвращается! Принуждения налагаемыя лекарями неприятны; но что делать? Надобно подвергаться им. Ето гару <?>, которое вы скоро скинули может быть, приучило мокроты собираться в одно место. Хотя и мучительно, но лучше выживать вредное. Строгое воздержание от грубой пищи, движение и более всего спокойство духа суть одни надежныя средства, которыми поправляется здоровье. Вы имеете перед собою предметы надежды и нежнейшей привязанности, милых детушек, которые безперестанно приближаются к возрасту совершенства, когда они будут в состоянии служить обществу, своему любезному родителю. От печалей и огорчений никто не уходит, малые и большие. Сильные государства терпят разорения и бедствия. Должно сообразоваться воле Вышнего. Сказывают, что Королева Французская последовала судьбе супруга своего. Сии мрачныя приключения должны служить утешением тем, которые опечаливаются своею неизвестностию и счастливы без сияния. Менее зависти, более благополучия. Что спокойнее ваших полей и сельских удовольствий? Вы надеетесь на ваше трудолюбие и хозяйство. Надобны вам здешние новости? В артиллерии новой Фельдцеигмейстер Граф Зубов, Безбородка Гофмейстером, Сиверс получил Перваго Владимира и .5000. душ. Впрочем желаю вам здоровья. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 83-84).

<367>++

1793. г. Ноября .3. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

От всего моего сердца желаю вам здоровья и благополучия; а мы слава Богу здоровы. Короткие и темные дни глубокой осени проходят у нас без различия. Веселья придворные перерваны трауром по Королеве Французской, о насильственной смерти которой я вас уведомлял. На етих днях приехал сюда Принц Нассау, свидетель военных движений, происходящих на Рейне. Сколь // несравненно приятнее быть зрителем спокойных сельских работ на бороне и на морше! Без честолюбивых намерений, без суетных забот, с детьми, с друзьями, с добрыми соседами, чего остается желать более? Меня трогает черезвычайно нетерпеливое желание дружбы вашей слышать о благоприятных для меня происшествиях. Но я невижу и возможности, чтоб они скоро сбылись со мною. Надобно искать и нравиться, чтоб получить что нибудь. Я нигде небываю, кроме по должности. Я ни в ком не искал, следовательно и не могу ничего требовать. Самая малейшая милость снискивается уменьем, предстательством и терпением. Достоинства мои не так ясны и велики, чтоб могли мне доставить что-нибудь сами собою. Следовательно удовольствие самим собою есть награждение, которое мне остается желать. Я уверен, что друзья мои столькоже будут любить меня в почестях, как и без них. Наш старой однополчанин П.М. Козлов Обер-Полицмейстером в Москву. Цалую мысленно любезных детушек

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 85-86).

<368>++

1793. г. Ноября .10. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Наконец осень наша переменяется нечувствительным образом в начало легкой зимы. Два или три мороза зделали улицы наши гладкими и проходимыми. Ваш прошедший

именинник поздравляет с такимже прошедшим, тескою своим, котораго просит поцаловать, так как и милаго Никитушку и прекрасную Катиньку, с именинами которой поздравляем. Извините, что пишу так скоро. Я поспешаю к должности своей. Мои уроки у молодой Великой Княгини опять зачались. Всякое начало весьма исправно. А теперь ревности мои еще в самой силе. Будьте здоровы: ето одно желание, которое я могу поместить, зная, что все другое вы имеете в своей власти, когда здоровы, вы и детушки. Ко мне Михайла Сергеевич <Лунин> давно не пишет по Аглински, а я боюсь сам зачати, затем что я не в силах бороться с ним в знании Аглинского языка. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 87-88).

<369>++

1793. г. Ноября .17. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

Я теперь только приезжаю от молодой Великой Княгини, с которой я по Русски толкую, и боюсь пропустить почту своим замедлением. Вчерась я был дежурной и до четвертого часа ночи на бале у Графа Безбородки. Это меня немножко расстроило, потому что против моего обыкновения. Большие Бары дают теперь праздник один после другаго в честь свадьбы новобрачных. Завтра будет у Самойлова, потом у Строганова, у Нарышкина и так далее. Все танцует и пляшет. Я смотрю на ету щастливую молодость. Веселья и перемены жизни произвели перемены и в ученье Великих Князей. Вот почему я пошел опять в число дежурствующих. Исключение мое временное послужило претекстом для помещения Ивана Матвеевича в Кавалеры. Его же болезнь и отсутствие другаго кавалера потребовали моего вступления на то время. А как мне разсудилось остаться дежурить; так в доброй воле моей никто со мной и не поспорил. Вот вся моя история. Мой жребий не имеет ничего ни очень хорошаго, ни очень худаго. Это состояние посредственности, сказывают, самое лучшее для человека, и я хотел бы ничего не желать, кроме щастия и здоровья моим ближним и друзьям. Прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 89-90).

<370>

1793. г. Ноября .24. д.<ня> С.<анкт->Пет.<ербург>

Любезной друг и брат Сергей Михайлович!

От всего моего сердца поздравляю вас с дорогою нашею именинницею Катериною Сергеевною, которой желаю здоровья и веселья. Мы отнюдь не виноваты в неполучении писем. Мы всякую почту писали и пишем. Не отдавайтесь так скоро несправедливой печали. Надобно иметь больше надежды на наше доброе щастие. У нас здесь безперестанные балы у знатных Бар и нас древних Кавалеров зовут в свите молодых. В городе делаются знатные свадьбы. Графиня Брюсова вышла за Графа Пушкина. Наше маленькое общество потерпит скоро отъездом в отпуск наших милых Петра и Николая Ивановичев <Вульфов>, которые на сих днях едут в Берново. Поцалуйте от меня милых детушек и прощайте

(ОПИ ГИМ. Ф. 241. Ед. хр. 35. Л. 91-92).

<371>
<22.11.1794>[1154]

Ma bonne, ma douce amie ! Pardonnez la lenteur de ma rêponse. Je ne suis pas maitre de mon tems. Nous revenons de chez le Grand Duc Aléxandre, apres une longue lecture, qui a rempli tout l'après-midi et dans l'instant nous allons à l'Hermitage où l'on donne aujourd'hui Tancrède. Je profite de l'intervalle pour vous protester, ma chère, ma tendre amie ! que jamais cœur n'aressenti plus de délices, qu'en ressent le mien à vous aimer, à se retracer votre image cherie et ces larmes, qui me poursuivent toujours. Votre charmante lettre aproche de moi davantage cette douce illusion. La soirée me prive du plaisir de vous voir. Que ce peu de paroles sans ordre soit en attendant l'interprête de mes sentiments. Cette lettre plus heureuse, que moi, pourra-t-elle obtenir de ma douce, quelle supporte sans murmure une absence de quelques heures ? Ces douces journées fortunées borneront-elles l'enchantement, où nous etions plongés ? Ah ! cette absence n'est venue, que pour nous faire sentir plus vivement le besoin que nous avons l'un de l'autre. Pardonnez à l'impuissance des traits et de paroles la foiblesse de mes expressions. On nous appelle[1155]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 104-105).

[1154] Основание датировки – упоминание в письме постановки знаменитой трагедии Вольтера «Танкред»; согласно данным современного исследователя, пьеса была представлена 22 ноября 1794 г. [Evstratov, p. 319].

[1155] Перевод: «Моя добрая, моя нежная подруга! Простите медленность моего ответа. Я не хозяин своего времени. Мы возвращаемся от великого князя Александра после долгого чтения, которое заняло весь послеобеденный час, и сейчас мы едем в Эрмитаж, где сегодня дают «Танкреда». Я пользуюсь промежутком, чтобы уверить вас, моя дорогая, моя нежная подруга, что никогда сердце не испытывало больше наслаждений, чем испытывает моё, любя вас, вновь представляя себе ваш дорогой образ и эти слёзы, которые всё ещё преследуют меня. Ваше очаровательное письмо ещё более приближает ко мне эту сладкую иллюзию. Вечер лишает меня удовольствия видеть вас. Пусть эти немногие беспорядочные слова пока будут истолкователем моих чувств. Сможет ли это письмо, более счастливое, чем я, добиться от моей нежной подруги, чтобы она без ропота перенесла отсутствие в несколько часов? Неужели эти сладкие счастливые дни поставят предел очарованию, в которое мы были погружены? Ах, это отсутствие пришло лишь для того, чтобы мы живее почувствовали, как нуждаемся друг в друге. Простите слабость моих выражений бессилию строк и слов. Нас зовут».

<372>

<после 15 января 1795>[1157]

Ma bonne amie n’est pas trop contente de moi pour ce zèle de service, qui me possède. Que voulez-vous? Nous ne sommes, que trois et il faut bien passer par là. Je passe presque toute ma journée en solitaire. Voilà à quoi se reduit à present notre prétendu service. Mon Prince <Константин Павлович> est continuellement chez son frère <Александр Павлович>, apparemment pour se consoler mutuellement. Ce soir à dix heures on transporte le corps de la petite Princesse <Ольги Павловны>[1158] au couvent. C’est Madame du <A.N.> Narishkin[1159], la femme du Grand Échanson <А.А. Нарышкин?>, qui est chargée de cette triste fonction. Des demoiselles de la cour, des chambellans, etc. y monteront <?> et se relèveront tour à tour. Graces à Dieu Madame la Grande Duchesse mère <Мария Федоровна> se porte aussi bien, que son état le permit. Elle a trop de Sagesse et trop de resignation pour ne savoir supporter un de ces accidents désagréables, dont rien ne peut exempter les hommes, quelques puissants, qu’ils soyent. Eh! que fait la puissance au bonheur? Il y a quelques Grands: touts les hommes ont droit d’etre heureux, tous le pauvres <?>, tous sont obliges d’y parvenir. Je le suis infiniment, puis que Vous voulez m’aimer. J’ose me flatter, que vous ne vous supposez pas malheurese. Pleins d’esperance, de courage, et surtout d’amour le plus constant, allons affronter touts les coups du hazard. Votre tendre ami sera toujours votre consolateur, votre conseil, votre appui. Les maux même perdront quelque chose de leur rigueur, en nous assaillant en commun. Et le bonheur! Il doublera. Bon soir, ma chère amie[1160]

[1156] Письма хранятся в конверте, на котором Е.Ф. Муравьева написала: «Письма моего друга ко мне с дежурства».

[1157] Основание датировки – упоминаемая в письме смерть великой княжны Ольги Павловны (см. ниже).

[1158] Великая Княжна Ольга Павловна – дочь Павла Петровича и Марии Федоровны, родилась 11 июля 1792 г. и умерла 15 января 1795 г., похоронена в Александро-Невской лавре. См. сообщения КФЖ от 15, 16 и 20 января 1795 г.: «15. В вечеру скончалась Ея Императорское Высочество Благоверная ГосударыняВеликая Княжна Ольга Павловна. 16. В вечеру был из покоев вынос тела Великой Княжны Ольги Павловны в Александроневской монастырь, и сего же числа по утру посланы повестки о трауре по кончине Великой Княжны Ольги Павловны, впредь на четыре недели. 20. День погребения тела Ея Императорского Высочества Благоверной Государыни Великой Княжны Ольги Павловны, в Троицком Александроневском монастыре» [КФЖ, 1795, с. 4].

[1159] Нарышкина Анна Никитична (1730-1820) – гофмейстерина, жена обер-шенка Александра Александровича Нарышкина, сестра П.А. Румянцева, подруга Екатерины II.

[1160] Перевод: «Моя добрая подруга не слишком довольна мной из-за этого служебного рвения, которое мною овладело. Что вы хотите? Нас всего трое, и через это надо пройти. Я провожу почти весь день в одиночестве. Вот к чему теперь сводится наша так называемая служба. Мой Князь <Константин Павлович> постоянно у своего брата <Александра Павловича>, вероятно, чтобы они взаимно утешались. Сегодня вечером в десять часов тело маленькой княгини <Ольги Павловны> перевозят в монастырь. Мадам Нарышкина, жена обер-шенка, поручена этой печальной обязанности. Придворные девицы, камергеры и прочие будут там дежурить <?> и сменяться по очереди. Слава Богу, мадам Великая княгиня-мать <Мария Федоровна> чувствует себя настолько хорошо, насколько позволяет её состояние. У неё слишком много мудрости и слишком много покорности, чтобы не суметь перенести одно из тех неприятных происшествий, от которых ничто не может избавить людей, как бы могущественны они ни были. Ах! что значит могущество для счастья? Есть некоторые

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 28-29 об.)

<373>

1795 года le .22. de Janvier à .10. heure du matin

Vous vous joignez donc aussi, ma bonne amie, à achever ma journée d'hier. N'ai-je point assez souffert d'ennui, de contrainte et de gêne ? Je ne vous ai point ecrit : mais j'etois presque sûr de passer la soirée avec vous. C'est de l'appartement del'Impératrice que j'ai envoyé un laquais pour faire partir ma voiture à la maison. Le moyen d'ecrire là, où j'etois… C'etoit un concours des circonstances, arrangé exprès pour me faire enrager. Ah il n'y eut jamais de tems, où j'eusse désiré plus ardemment un gouvernement, que toute cette journée d'hier. Un gouvernement, ou une retraite agréable, loin de ce palais, fait pour endormir, où je ne suis utile à rien, où je ne fais rien et où il faut que je reste cependant. Vous étiez pendant la journée entière presente à mes yeux et la seule, qui me tint compagnie, pendant ma solitude. Je ne pouvois pas lire, je refléchissois. Le Grand Duc a passé la journée chez son frère et ne paraissait par intervalles, que pour un moment. Je n'avois besoin ni d'ame, ni de parole. J'etois au milieu de la Cour l'ermite le plus fanatique, réduit au silence absolu, pour faire pénitence de ses pêches. Tout en venant, j'avois formé le dessein de venir diner avec vous. J'avois déjà fait chercher un miserable carosse nommé *de jour*, qui sert pour faire rouler les valets de chambre. Une maudite incertitude : si le Grand Duc ne reviendroit point diner chez lui, a fait échouer ce projet. Et puis l'espérance de pouvoir aller le soir m'a fait negliger d'autant plus patienment ce délai. C'est ainsi, que ma journée ne fut, qu'un tissu des contre-tems et d'ennui. Et vous avez le cœur de me gronder ! Ah ma bonne ! Croyez que c'est mon plus grand plaisir de Vous voir, de Vous entretenir de bouche ou par ecrit. N'ajoutez foi à qui que ce soit, qui vous auroit avancé le contraire. Il est impossible que je ne soye pas le même toujours, autant que ma vie durera. Soyez toujours ma partie. J'en seroi moins malheureux et moins coupable. Rien ne me retient, ne me flatte ici. Je désire impatienment le moment d'etre auprès de vous, de me consoler de tout ce tems perdu, de cette existance si dificile. Il me faut du courage et de la fermeté pour pouvoir durer un instant ici. Et vous savez comme je suis heureux, quand je passe les journées à vous voir, à vous parler, à vous assurer d'une amitié, d'une tendresse qui ne finira jamais. Au revoir[1161]

великие; все люди имеют право быть счастливыми, все бедные <?>, все обязаны к нему прийти. Я бесконечно счастлив, поскольку вы хотите меня любить. Осмеливаюсь надеяться, что вы не считаете себя несчастной. Полные надежды, мужества и, главное, самой постоянной любви, пойдём навстречу всем ударам судьбы. Ваш нежный друг всегда будет вашим утешителем, вашим советчиком, вашей опорой. Даже беды потеряют часть своей суровости, нападая на нас вместе. А счастье! Оно удвоится. Добрый вечер, моя дорогая подруга».

[1161] Перевод: «Вы, значит, тоже присоединяетесь, моя добрая подруга, чтобы довершить мой вчерашний день? Разве я недостаточно страдал от скуки, стеснения и тяготы? Я вам не писал, но был почти уверен, что проведу вечер с вами. Это из апартамента императрицы я послал лакея, чтобы отправить мой экипаж домой. Как было писать там, где я находился?.. Это было стечение обстоятельств, нарочно устроенное, чтобы привести меня в бешенство. Ах, никогда ещё я так пылко не желал губернаторства, как в течение всего вчерашнего дня. Губернаторства или приятного уединения, вдали от этого дворца, созданного, чтобы усыплять, где я ни к чему не полезен, где я ничего не делаю и где, однако, должен оставаться. Вы весь день стояли у меня перед глазами и единственная составляли мне компанию в моём одиночестве. Я не мог читать, я размышлял. Великий князь провёл день у своего брата и появлялся только время от времени, на мгновение. Мне не нужны были ни душа, ни речь. Среди двора я был самым фанатическим отшельником, приведённым к полному молчанию, чтобы каяться в своих грехах.

Ещё по дороге я решил приехать обедать с вами. Я уже велел искать жалкий экипаж, называемый дневным, который служит для развозки камердинеров. Проклятая неизвестность – не вернётся ли великий

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 61-62 об.).

<374>

le .23. de janvier a .6. heures du soir

Bonjour mon amie ! Vous êtes tranquillement assise, sans vous douter, que dans ce moment-ci on vous apostrophe, on est en pleine conversation avec vous. Ce sera votre tour à neuf heures du soir, j'espère. Ma Cateau, ma tendre amie, songera à me donner de la joye, au moment de mon reveil, demain matin. Elle voudra bien oublier touts les torts de son ami et ne se ressouvenir, que de cequ'il a dit ou fait demoins repréhensible. Soyez compatissante pour ce pauvre garçon, qui n'est pas toujours bien avec soi-même et qui auroit de la peine à se souffrir, en sachant, qu'il eut le malheur de vous déplaire. Vite, pardonnez-lui : donnez-lui la satisfaction de vous convaincre, qu'il sait même etre raisonable, pour vous prouver, qu'il Vous aime de toute son ame. Ma journée n'a pas été aussi monotone, qu'a l'ordinaire. En arrivant j'ai été chez la Grande Duchesse <Марии Федоровны>, diné avec Monseigneur <Константином Павловичем> et puis un tour immense de promenade en traineau. Nous avons parcourû les Isles et le Continent jusqu'au Golphe de Finlande. Après quoi, lecture Russe. Le voilà chez le Grand Duc père <Павел Петрович> et dans un instant je vais le rejoindre, pour l'accompagner chez l'Imperatrice à l'appartement des Diamants, appartement aussi riche, que peu amusant pour moi, parce qu'on y jouera et que j'y jouerai, moi, un personage fort inutile. Je ne sais pas trop pourquoi mon fidèle et brave <?> valet de chambre tarde à venir, dont l'arrivée ne m'est pas autrement nécessaire, que pour lui remettre ce billet. Mon occupation de ce soir sera de rêver à vous, de précipiter les instants, pour me trouver le plus tôt possible à demain midi. Il y aura à la cour une messe, dans la quelle les membres du Synode officieront. Je crains, que cela ne me retienne. Pourvû que Mr. Christoffsky[1162] fasse son apparition je le laisse avec les Prelats et je m'en fuis auprès de ma chère amie. Malheureusement ce n'est pas pour longtems et Vous qui avez été chez la Cousine, vous savez sans doute plus que moi, si le cousin est disposé, ou non, de sortir. Vous savez aussi, si ma petite femme se porte bien, si elle a songé à moi, si elle m'a pardonné touts mes torts, si elle m'aime, tout vaurien, que je suis. Ah ! Vous me le direz, ma bonne amie, vous direz ce soir : c'est sa place, il songe à moi, il est bien malheureux, de n'y etre pas[1163]

князь обедать к себе – погубила этот план. А затем надежда, что я смогу поехать вечером, заставила меня тем терпеливее перенести эту отсрочку. Так мой день оказался сплошной цепью помех и скуки. И у вас хватает сердца меня бранить! Ах, моя добрая! Поверьте, что моё самое большое удовольствие – видеть вас, беседовать с вами устно или письменно. Не верьте никому, кто утверждал бы вам обратное. Невозможно, чтобы я не оставался всегда тем же, пока будет длиться моя жизнь. Будьте всегда моей стороной. От этого я буду менее несчастен и менее виноват. Ничто меня здесь не удерживает, ничто меня здесь не прельщает. Я с нетерпением желаю минуты быть возле вас, чтобы утешиться за всё это потерянное время, за это столь трудное существование. Мне нужны мужество и твёрдость, чтобы выдержать здесь хоть мгновение. А вы знаете, как я счастлив, когда провожу дни, видя вас, говоря с вами, уверяя вас в дружбе, в нежности, которая никогда не кончится. До свидания».

[1162] Крестовский – подполковник, состоявший при великом князе Константине Павловиче; см.: «Состоявшим при великом князе Константине Павловиче генерал-майорам Ламсдорфу и Кошелеву, полковнику Муравьеву и подполковникам Будбергу, Муравьеву и Крестовскому — по смерть пенсии по 2000 рублей в год» [Карнович, с. 35].

[1163] Перевод: «23 января, 6 часов вечера

Доброе утро, моя подруга! Вы спокойно сидите, не подозревая, что в эту самую минуту к вам обращаются, что с вами идёт оживлённая беседа. В девять часов вечера, надеюсь, будет ваша очередь. Моя Като, моя нежная подруга, подумает о том, чтобы дать мне радость в минуту моего пробуждения завтра утром.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 100-101 об.).

<375>

1795 года le .24. de Janvier à .10. heures du matin

Je Vous demande bien pardon, ma chère amie, pour ma sotte tristesse d'hier. Ce m'etoit un chagrin de plus d'etre auprès de vous et de me pouvoir me livrer au plaisir de jouir de votre présence. C'est cette contrainte, cette vieille habitude, dont je ne puis pas me défaire, de me croire lié par honneur à ce poste ennuyeux, où je suis tout a fait inutile et que je n'ai pas droit de quitter cependant. Je ne souhaite rien tant, que d'en etre débarassé. Etre confiné à une place, où l'on sent, qu'on n'est d'aucune utilité, est un sentiment si humiliant, si désagréable, qu'il laisse toutes les forces de l'ame en inaction. Une parfaite oisiveté vaut bien mieux, que ce désœuvrement pénible. Se gêner pour rien n'est pas aussi fort agréable à un paresseux, comme moi. Je suis revenu hier justement quand le retour des Grands Duc de chez leur père. Ils sont restés un moment ensemble et puis on est allé au bain. Je n'ai revû le mien qu'après onze heures. Tout ce tems je l'ai tué à rêver, à sommeiller, à ne rien faire. Des .7. heures nous sommes sur pied et il est aprésent dans une salle immense, froide comme une cave, à exercer ses huit chasseurs. Moi, je vous ecris et je m'en dédommage, en vous contant mes ennuis. Non, je ne suis nulle part aussi heureux, que chez moi. C'est auprès de Vous que je retrouverai le calme, les douces consolations et moi-même tout entier. Qu'ai-je affaire de tout ce bruit, qui m'étourdit, de ce tourbillon, qui emporte des ames vuides ? Pourvû que ma tendre amie veuille me passer mes caprices d'un moment, qu'elle appaise les orages, qui s'élèvent en mon cœur : je ne donne pas de vains regrets au monde inconstant, inquiet et je suis heureux, puisque Vous m'aimez[1164]

Она соблаговолит забыть все проступки своего друга и помнить только то, что он сказал или сделал наименее предосудительного. Будьте сострадательны к этому бедному малому, который не всегда в ладу с самим собой и которому было бы трудно выносить самого себя, если бы он знал, что имел несчастье вам не понравиться. Скорее простите его: дайте ему удовлетворение убедить вас, что он умеет даже быть разумным, чтобы доказать вам, что любит вас всей душой.

Мой день был не так однообразен, как обычно. По приезде я был у великой княгини <Марии Федоровны>, обедал с Монсеньором <Константином Павловичем>, а затем совершил огромный круг прогулки на санях. Мы объехали острова и материк до Финского залива. После этого – русское чтение. Вот он у великого князя-отца <Павла Петровича>, и через минуту я пойду к нему, чтобы сопровождать его к императрице в Алмазный покой, покой столь же богатый, сколь мало для меня занимательный, потому что там будут играть, и я сам буду играть там роль совершенно бесполезного персонажа. Не очень понимаю, почему мой верный и храбрый <?> камердинер медлит прийти; его приход нужен мне только затем, чтобы передать ему эту записку.

Моим занятием сегодня вечером будет мечтать о вас, торопить мгновения, чтобы как можно скорее очутиться в завтрашнем полудне. Завтра при дворе будет месса, на которой будут служить члены Синода. Боюсь, что это меня задержит. Лишь бы господин Христовский явился: я оставлю его с прелатами и сбегу к моей дорогой подруге. К сожалению, это будет ненадолго; а вы, бывшая у кузины, вероятно, знаете лучше меня, расположен ли кузен выходить или нет. Вы знаете также, здорова ли моя маленькая жена, думала ли она обо мне, простила ли мне все мои проступки, любит ли она меня, каким бы никудышным человеком я ни был. Ах! Вы мне это скажете, моя добрая подруга; вы скажете сегодня вечером: это его место, он думает обо мне, он очень несчастен, что его здесь нет».

[1164] Перевод: «Я очень прошу у вас прощения, моя дорогая подруга, за мою глупую вчерашнюю грусть. Для меня это было лишним огорчением – быть возле вас и не иметь возможности отдаться удовольствию

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 85-86 об.).

<376>

<после 18 января 1795>[1165]

Pardon, ma bonne amie, que je n'ai que le tems de Vous dire bon jour. Je ne suis pas maitre de moi, il faut que je suive le torrent. Peut etre vous reverrai-je aujourd'hui de meilleure heure. La cérémonie du baptême commence vers les .11. heures et alors je suis peu nécéssaire. Je cours me jetter alors au pieds de ma souveraine. Alors je suis parfaitement heureux, pour vû que vous vous portiez bien[1166]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 89).

<377>

<первая половина 1795 г., январь-февраль>[1167]

Pendant que j'ecris ceci, ma bonne amie, incommodée, souffrante supporte avec courage les douleurs et la fatigue. Peut être quelque chose lui rappele dans ce moment, que son ami songe à elle, qu'il ne désire d'autre bonheur, que de la savoir contente, autant que les circonstances le permettent. Ah ! la patience est un supplément de bien-être et l'avenir nous amène les beaux jours. Nécèssaires l'un à l'autre, nous trouverons tout dans notre union sincère et douce. Je compterai mes jours par vos bienfaits : vous ne voudrez point effacer pas un seul des votres. Telle est mon éspérance, mon ambition. Aujourd'hui madame la Grande Duchesse mère <Мария Федоровна> m'a fait l'honneur d'adresser la parole. Elle m'a félicité sur mon mariage et m'a interrogé sur les

---

наслаждаться вашим присутствием. Это всё та скованность, та старая привычка, от которой я не могу отделаться: считать себя связанным честью с этим скучным постом, где я совершенно бесполезен и который, однако, не имею права покинуть. Я ничего так не желаю, как избавиться от него. Быть прикованным к месту, где чувствуешь, что не приносишь никакой пользы, – чувство столь унизительное, столь неприятное, что оно оставляет все силы души в бездействии. Совершенная праздность гораздо лучше этого мучительного безделья. Стеснять себя ни для чего не так уж приятно такому ленивцу, как я. Вчера я вернулся как раз при возвращении великих князей от их отца. Они пробыли вместе некоторое время, а потом пошли в баню. Моего я снова увидел только после одиннадцати часов. Всё это время я убивал мечтаниями, дремотой, ничегонеделанием. С семи часов мы на ногах, и теперь он в огромной зале, холодной как погреб, упражняет своих восьмерых егерей. А я пишу вам и вознаграждаю себя тем, что рассказываю вам мои скуки. Нет, нигде я не счастлив так, как дома. Именно возле вас я вновь найду спокойствие, сладкие утешения и самого себя целиком. Какое мне дело до всего этого шума, который оглушает меня, до этого вихря, который уносит пустые души? Лишь бы моя нежная подруга захотела простить мне минутные капризы, лишь бы она успокоила бури, поднимающиеся в моём сердце: я не трачу пустых сожалений на непостоянный, тревожный мир и счастлив, потому что вы меня любите».

[1165] Основание датировки – упоминание церемонии крещения: 18 января родилась Анна Павловна (1795-1865), дочь великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны, младшая сестра Александра и Константина; впоследствии – королева Нидерландов.

[1166] Перевод: «Простите, моя добрая подруга, что у меня есть время только пожелать вам доброго утра. Я не хозяин себе, надо следовать потоку. Может быть, я увижу вас сегодня пораньше. Церемония крещения начинается около одиннадцати часов, и тогда я мало нужен. Тогда я бегу броситься к ногам моей повелительницы. Тогда я совершенно счастлив, лишь бы вы были здоровы».

[1167] Основание датировки: великая княгиня Мария Федоровна поздравила Муравьева с женитьбой, следовательно, это было еще новостью при дворе, можно предположить, что разговор состоялся в январе-феврале 1795 г.

progrès de la jeune Grand Duchesse. Il n'y a rien de plus sage, de plus intéressant, que tout ce que lui inspire son cœur maternel dans les discours qu'elle tint à son fils. Crouez-moi, il n'est pas de plus grand bonheur, que celui d'etre mere. Je n'en aurai point, si vous ne prenez touts les soins imaginables de vous porter bien, de dormir bien, d'etre fort tranquille et de m'aimer un peu[1168]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 110-110 об.).

<378>

<первая половина 1795 г., январь-февраль>[1169]

Ma chère amie, mon ange ! Salut. Il est huit heures et je ne Vous ai point ecrit encore ! Mais j'ai pensé, je pense à Vous toute la journée. Je descends aprèsent de chez le Comte Saltikoff. J'ai vû la Comtesse[1170], qui m'a felicité de mon mariage et à laquelle j'ai demandé la permission de Vous mener. De tout mon cœur m'a-t-elle repondu, porvû que ce soit sans odeurs. Vous n'en portez point Vous-même. Elle n'a fait que passer d'un apartement à un autre. Le Comte joue au Boston avec Messieurs Protasoff[1171], Wolkonsky[1172], Pashkoff[1173] etc. j'y ai jasé, babillé et me voila dans la chambre à coucher du Grand Duc absent à vous ecrire à Vous dire bon soir et bonne nuit. D'abord après diner Nous avons fait avec lui une bonne tournée en traineau. On m'a demande

---

[1168] Перевод: «Пока я пишу это, моя добрая подруга, нездоровая, страдающая, мужественно переносит боли и усталость. Может быть, что-нибудь в эту минуту напоминает ей, что её друг думает о ней, что он не желает иного счастья, кроме как знать её довольной – насколько позволяют обстоятельства. Ах, терпение – это добавка к благополучию, а будущее принесёт нам прекрасные дни. Необходимые друг другу, мы найдём всё в нашем искреннем и нежном союзе. Я буду считать мои дни по вашим благодеяниям; вы ведь не захотите изгладить ни одного из ваших даров. Такова моя надежда, моё честолюбие. Сегодня госпожа великая княгиня-мать <Мария Федоровна> оказала мне честь обратиться ко мне. Она поздравила меня с браком и расспрашивала об успехах молодой великой княгини <Елизаветы Алексеевны>. Нет ничего более мудрого, более трогательного, чем всё, что внушает ей её материнское сердце в речах, которые она обращала к своему сыну. Поверьте мне, нет большего счастья, чем быть матерью. У меня не будет этого счастья, если вы не примете всех мыслимых забот, чтобы быть здоровой, хорошо спать, быть совершенно спокойной и немного меня любить».

[1169] Основание датировки – упоминание о том, что графиня Салтыкова поздравила Муравьева с женитьбой, следовательно, их брак обсуждался в придворном кругу как недавнее событие; в то же время у Муравьева спрашивали о здоровье Е.Ф., возможно, новости о ее беременности уже были известны.

[1170] Салтыков Николай Иванович (1736-1816) – граф, генерал-фельдмаршал, с 1784 г. – воспитатель великих князей; графиня – Наталья Владимировна Салтыкова (1736-1812; урожд. Долгорукова), жена Николая Ивановича Салтыкова, статс-дама.

[1171] Протасов Александр Яковлевич (1742-1799) – русский государственный деятель, сенатор; с 1783 г. – помощник Николая Ивановича Салтыкова, кавалер-воспитатель великого князя Александра Павловича.

[1172] Возможно, Волконский Николай Сергеевич (1753-1821) – генерал-майор, был в свите Екатерины II во время ее встречи с Иосифом II в Могилеве и во время поездки императрицы в Крым.

[1173] Пашков Василий Александрович (1764-1838) – русский государственный и военный деятель; в 1792 г. был назначен генерал-адъютантом к Николаю Ивановичу Салтыкову.

des nouvelles de Votre santé. Le Prince Youssoupoff[1174] et Koucheleff[1175] dans le salon de compagnie de l'Imperatrice. Moi a deux genoux je Vous supplie d'avoir coucher bien chaudement, de dormir profondement, de m'embrasser demain bien tendrement[1176]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 78-78 об.).

<379>

Ma chère amie se porte-elle bien? Songez <?>, que c'est mon bien, mon unique soin. Le moindre <?> tort, que vous ferez à votre santé par inadvertance <?> amie est une entreprise contre mon bien être. Vous en êtes incapable: vous aurez le plus grand soin de Vous, parceque vous m'aimez. Vous serez gaye, satisfaite, sans soucis, sans chagrins, j'en suis sûr, s'il m'est permis de Vous prendre au mot et ne vous point supposer malheureuse avec moi. Je suis seul, je pense à Vous: il me tarde <?> de me trouver demain à midi, pour Vous embrasser mille et mille fois. J'ai parlé à Mr. Christoffsky et il a promis de faire mon service de lundi jusqu'à 8 heures du soir. Mon histoire jusqu'ici est une heure de bavardage dans la chambre de la Gr. Duchesse, qui a une fluxion <?> et un mouchoir passé autour de ses joues. Elle est plus docile, que Vous. Puis de diner. A présent je viens de faire une lecture avec le Grand Duc Constantin, très sèrieuse: c'est celle des Ukases de 1763. Il m'a quitté pour aller chez son frère et voilà du thé qui m'arrive. Je suis solitaire. Mon imagination me fera tout doucement asseoir auprès de Vous, sur le premier siege vacant et toutes les fois, que Vous sentirez un lèger chatouillement sur votre main, ne doutez point, c'est moi, qui y applique un baiser invisible. Mais en revanche, ce moment même, c'est à moi que Vous pensez. Je connois votre foible et je devine, n'est ce pas? Je n'en serai jamais plus suffisant, ni moins soigneux de Vous plaire. C'est ma seule étude, et malheureux, si je n'y réussis pas. Adieu[1177].

[1174] Юсупов Николай Борисович (1750-1831) – русский государственный деятель, дипломат, меценат, владелец Архангельского; в 1781-1782 гг. вошел в свиту и сопровождал великого князя Павла Петровича и великую княгиню Марию Федоровну во время их путешествия по Европе.

[1175] Кушелев Иван Иванович (1751-1817) – генерал-майор, сенатор; был женат на Елизавете Дмитриевне Ланской (1755-1822), любимой фрейлине Екатерине II, благодаря чему был близок ко двору и ежедневно обедал у императрицы.

[1176] Перевод: «Моя дорогая подруга, мой ангел! Привет. Уже восемь часов, а я ещё вам не писал! Но я думал, я думаю о вас весь день. Я сейчас спускаюсь от графа Салтыкова. Я видел графиню, которая поздравила меня с браком и у которой я попросил позволения привести вас. «От всего сердца, – ответила она мне, – лишь бы без духов». Вы и сами их не носите. Она только прошла из одной комнаты в другую. Граф играет в бостон с господами Протасовым, Волконским, Пашковым и прочими; я там поболтал, побалагурил – и вот я в спальне отсутствующего великого князя <Константина Павловича>, пишу вам, чтобы сказать добрый вечер и доброй ночи. Сразу после обеда мы совершили с ним хороший круг на санях. У меня спрашивали новости о вашем здоровье; князь Юсупов и Кушелев – в салоне общества императрицы. А я на коленях умоляю вас лечь тепло, спать крепко и завтра обнять меня очень нежно».

[1177] Перевод: «Здорова ли моя дорогая подруга? Помните, что это моё благо, моя единственная забота. Малейший вред, который вы причините своему здоровью по неосторожности, есть покушение на моё благополучие. Вы на это неспособны: вы будете самым тщательным образом беречь себя, потому что любите меня. Вы будете весела, довольна, без забот, без огорчений, я уверен, если мне позволено принять вас на слове и не предполагать, что вы несчастны из-за меня. Я один, я думаю о вас; мне не терпится оказаться завтра в полдень у вас, чтобы обнять вас тысячу и тысячу раз. Я говорил с господином Христофским, и он обещал нести за меня службу с понедельника до восьми часов вечера. Моя история до сих пор – это час болтовни в

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 26-27 об.)

<380>

Comment se porte ma bonne amie? Un doux sommeil vient-il s'appesantir sur ses paupières? Ses songes legèrs s'entretiennent-ils de son époux, bien triste d'être emprisonné loin d'elle? Une chambre à coucher, qui n'est pas la mienne, me sert de retraite et me fait songer sans cesse à un appartement plus petit et infiniment plus agréable. Je ne suis pas tout-a-fait seul. Mes souvenirs, mes espérances, mes calculs d'un avenir riant <?> me tiennent une compagnie fidèle. Je vois Cateau dans milles instants intéréssants, tantôt m'assurant, que les larmes, qu'elle repandoit, étois <étoient?> les dernières; tantôt me pardonnant mes folies et fesant elle-même mon avocat. Je la vois, pleine de partialité, épouser mes interêts, me defender envers et contre touts, me dépeindre aux autres avec le pinceau de la passion. J'ai beau avoir des caprices, des inégalités, commetre des injustices: elle sait me pardoner mes torts et pallier mes défauts. Ah friponne! vous gâtez votre enfant, vous s'aveuglez ainsi, pour le dominer plus aisément. Votre ouvrage est fait: le mien durera autant, que vie <?>. C'est de vous rendre soins pour soins et amour pour amour. Un jour plus tranquilles, livrés l'un à l'autre et ayant tout notre tems pour nous, nous emploierons nos journées à nous aimer, à jaser, à nous caresser, à rappeller nos premiers jours. Vous direz peut être que si votre mari a joui de bonheur, il ne l'a pas ignoré, il ne s'en est pas rendu indigné[1178]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 30-30 об.)

<381>

комнате великой княгини, у которой флюс и платок, обвязанный вокруг щёк. Она послушнее вас. Потом обед. Теперь я только что провёл с великим князем Константином очень серьёзное чтение: это были указы 1763 года. Он оставил меня, чтобы пойти к своему брату, и вот мне приносят чай. Я одинок. Моё воображение тихонько усадит меня рядом с вами, на первое свободное место, и всякий раз, когда вы почувствуете лёгкое щекотание на своей руке, не сомневайтесь: это я прикладываю к ней невидимый поцелуй. Но зато в эту самую минуту вы думаете обо мне. Я знаю вашу слабость и угадываю, не правда ли? От этого я никогда не стану более самодовольным и менее заботливым о том, чтобы вам нравиться. Это моё единственное занятие, и я несчастен, если мне это не удаётся. Прощайте».

[1178] Перевод: «Как поживает моя добрая подруга? Нисходит ли сладкий сон, чтобы отяжелить её веки? Беседуют ли её лёгкие сны о её супруге, очень печальном оттого, что он заключён вдали от неё? Спальня, которая не моя, служит мне убежищем и заставляет меня беспрестанно думать о комнате меньшей и бесконечно более приятной. Я не совсем один. Мои воспоминания, мои надежды, мои расчёты на светлое будущее составляют мне верную компанию. Я вижу Като в тысяче трогательных мгновений: то она уверяет меня, что слёзы, которые она проливала, были последними; то прощает мне мои безумства и сама становится моим адвокатом. Я вижу её, полную пристрастия, принимающей мои интересы, защищающей меня против всех и вся, изображающей меня другим кистью страсти. Пусть у меня бывают капризы, неровности, пусть я совершаю несправедливости: она умеет прощать мне мои проступки и смягчать мои недостатки. Ах, плутовка! Вы балуете своё дитя, вы так ослепляете себя, чтобы легче им господствовать. Ваше дело сделано: моё будет длиться столько же, сколько моя жизнь. Оно состоит в том, чтобы воздавать вам заботами за заботы и любовью за любовь. Однажды, более спокойные, отданные друг другу и имея всё наше время для себя, мы будем проводить наши дни в том, чтобы любить друг друга, болтать, ласкать друг друга, вспоминать наши первые дни. Вы, может быть, скажете, что если ваш муж наслаждался счастьем, то он не был к нему слеп и не сделал себя его недостойным».

Ma bonne amie! un mot au lieu d'une grande épitre. Je vous salue, je vous embrasse mille et mille fois, portez-vous bien, soyez tranquille, aimable patiente, comme Vous etes toujours aimante, vous ne pouvez pas autrement. Jusqu'à demain[1179]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 31)

<382>

Bonjour ma bonne amie! Ce n'est pas à sept heures du matin, que je vous le dis de bouche: je vous l'ecris a neuf heures passées. Je Vous l'ai bien dit en idée de meilleure heure. L'avez-Vous entendu? Avez-vous songé d'etre bien gaie, bien satisfaite, de Vous porter bien surtout? Il faut egayer les soucis du ménage par des dissipations, par les doux repos. Vous reconnoitrez le paresseux, le fainéant, qui Vous embrasse mille fois. Adieu ma bonne amie[1180]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 32-32 об.).

<383>

Depuis <que?> vous m'aimez, maman, adieu ma modestie. Je risque sur mes vieux jours de devenir un petit suffisant. Plus de timides desirs de plaire, plus de defiance. J'ai plû à la seule personne, qui existoit au monde pour faire mon bonheur. Vous ne saurez imaginer combien mon bonheur se devine aisément sur mes traits, à tout mon maintien. Ce n'est plus cette contrainte, cette triste reserve, qui me separoit du reste du monde. On dit que mon front s'est éclairci <?>, et je sens moi-même que je ne me décourage plus aussi facilement à l'aspect de ces gens du monde, qui m'imposoient; que je ne sais quoi m'embellit à leurs yeux et m'elève aux miens propres. Vous m'avez dit, et je m'en souviens, que mon exterieur n'avait rien de difforme. Un petit balafre <?>, que je me suis fait, en donnant du nez contre le bord d'une commode hier au soir n'est pas fort propre pour rehausser <?> mes attraits; mais cela me donne des prétentions à l'étourderie du jeune age et puis c'est un trait de ressemblance avec tant de guerriers celèbres, que j'en suis tout console, pourvû que Maman ne refuse point d'appliquer un tendre baiser à ce nez balafré. Un peu d'instants et la balafré est aux pieds de sa maman, qu'il desire de retrouver aussi bonne, aussi indulgente pour lui, qu'il l'avait laisse à son depart. Il viendra bientôt saluer ses dieux pénates, si favorables, si bienfaisans pour lui: cette cloison, ce canapé, dont on lui fait peur quelque fois. Il y a ici de même une *chaise longue* – quelle différance! C'est bien elle, qui peut servir d'epouvantait. Il n'y a pas de chambre verte. J'en reviens toujours aux éloges de la médiocrité et de la campagne. Quand viendra ce temps, où livrés l'un à l'autre, nous respirerons l'air pur de la campagne, nous vivrons la journée entière pour nous-même? Oubliés du monde, nous oublierons gaiement le monde et ses chagrins et ses plaisirs. Vous verrez alors, que mon coeur est inaccessible à l'ambition et à l'avarice <?> et qu'il est tout à vous. Adieu[1181]

[1179] Перевод: «Моя добрая подруга! Одно слово вместо большой эпистолы. Приветствую вас, обнимаю тысячу и тысячу раз; будьте здоровы, будьте спокойны, милы, терпеливы, как вы всегда любящи: вы не можете иначе. До завтра».

[1180] Перевод: «Доброе утро, моя добрая подруга! Не в семь часов утра я говорю вам это устно: я пишу вам это уже после девяти. Но я ведь сказал вам это мысленно раньше. Вы это услышали? Подумали ли вы о том, чтобы быть очень весёлой, очень довольной и, главное, хорошо себя чувствовать? Надо скрашивать заботы хозяйства развлечениями и сладкими передышками. Вы узнаете ленивца, бездельника, который обнимает вас тысячу раз. Прощайте, моя добрая подруга».

[1181] Перевод: «С тех пор как вы меня любите, маминька, прощай, моя скромность. Я рискую на старости лет стать маленьким самодовольным человеком. Больше никаких робких желаний понравиться, никакой неуверенности. Я понравился единственному существу, которое существовало на свете, чтобы составить моё счастье. Вы не можете себе представить, как легко моё счастье угадывается на моих чертах, во всей моей осанке. Нет больше той скованности, той печальной сдержанности, которая отделяла меня от остального

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 33-34 об.).

<384>

Ma charmante amie! ah! quelle lettre! Puissai-je <puissé-je?> mériter la millième partie de tout ce que votre tendresse prodigue pour moi de flatteur! J'ose ecrire après vous: que mes <?> expressions paraissent inanimées auprès de celles, que Vous prenez dans votre coeur. Mais vous les redirez, vous leur prêterez <?> le charme, qui m'est refusé <?>. Votre coeur si tendre, si délicat, devinera le mieux <?>, comme vos yeux savent déchiffrer dans mes traits les pensées les plus rapides. Moi, je lirai, je relirai votre lettre charmante, je croirai vous parler, vous embrasser, vous assurer encore de ce qui fera les délices de ma vie, du seul sentiment qui me tiendra lieu de tout. Moi, avoir des désagréments! Le seul, que je connois, c'est d'etre loin de Vous. J'y remédie autant, que je puis, en songeant à Vous, en vous écrivant. Mr. de Sacken[1182], avec qui je viens de souper me laisse exprès, pour ecrire à mon épouse. Le Grand Duc <Константин Павлович> passe la soirée chez son frère <Александра Павловича>. J'ai profité de ce tems pour passer une heure chez la Comtesse Schouvaloff[1183] qui est indisposée et ne sort pas. Voilà le précis de ma journée. J'attends celle de demain, pour vous embrasser mille fois. Adieu maman, bon soir, bonne nuit. Lisez-moi un peu à Votre toilette de nuit, puisque je n'aurai pas le bonheur d'être embrassé par vous: ce papier vous porte mes baisers. Portez-vous bien. J'ai peur de retenir un peu trop la poste et je finis[1184]

мира. Говорят, что моё лицо прояснилось, и я сам чувствую, что уже не так легко теряюсь при виде этих светских людей, которые прежде меня подавляли; что нечто украшает меня в их глазах и возвышает в моих собственных. Вы мне сказали, и я это помню, что в моей наружности нет ничего безобразного. Небольшая царапина, которую я получил, ударившись вчера вечером носом о край комода, не слишком годится для того, чтобы усилить мои прелести; зато это даёт мне притязания на ветреность юного возраста, а кроме того, это черта сходства со столькими знаменитыми воинами, что я этим вполне утешен, лишь бы маминька не отказалась приложить нежный поцелуй к этому израненному носу. Ещё несколько мгновений – и шрамоносец будет у ног своей маминьки, желая найти её такой же доброй, такой же снисходительной к нему, какой он оставил её при своём отъезде. Он скоро придёт приветствовать своих богов-пенатов, столь благосклонных, столь благодетельных к нему: эту перегородку, этот диван, которыми его иногда пугают. Здесь тоже есть шезлонг – какая разница! Вот он-то действительно может служить пугалом. Здесь нет зелёной комнаты. Я всё возвращаюсь к похвалам умеренности и деревни. Когда придёт то время, когда, предоставленные друг другу, мы будем дышать чистым деревенским воздухом и жить целый день только для самих себя? Забытые миром, мы весело забудем мир, его огорчения и его удовольствия. Тогда вы увидите, что моё сердце недоступно честолюбию и алчности и что оно всё принадлежит вам. Прощайте».

[1182] Остен-Сакен Карл Иванович (1733-1808) – русский дипломат, приближенный Павла I, в 1784-1797 гг. – воспитатель великого князя Константина Павловича.

[1183] Вероятно, Шувалова Екатерина Петровна (1743-1818) – дочь фельдмаршала П.С. Салтыкова, жена Андрея Петровича Шувалова, с 1792 г. – статс-дама императрицы Екатерины II, гофмейстерина двора великой княгини Елизаветы Алексеевны.

[1184] Перевод: «Моя очаровательная подруга! Ах, какое письмо! Если бы я мог заслужить хотя бы тысячную часть всего лестного, что ваша нежность расточает для меня! Я осмеливаюсь писать после вас: мои выражения кажутся безжизненными рядом с теми, которые вы берёте из своего сердца. Но вы повторите их, вы придадите им очарование, которого мне самому не дано. Ваше столь нежное, столь деликатное сердце лучше всего угадает, как ваши глаза умеют читать в моих чертах самые быстрые мысли. Я же буду читать, перечитывать ваше очаровательное письмо; мне будет казаться, что я говорю с вами, обнимаю вас, снова уверяю вас в том,

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 35-36 об.).

<385>
<весна 1795>[1185]

Ma bonne, ma douce amie ! Nous revenons d'une promenade en traineau très gaie, très agréable. Je mange pour quattre, je digère, je dors. Pour un Epicurien quel doux train de vie ! Mais tout cela n'est rien, si je ne suis persuadé, que Vous n'etes pas tout à fait mal, que ma paresse trouve encore une aide auprès de Vous malgré les médisances, des malveillants, que tout vaurien que je suis je trouve ma grâce chez vous. Ce sont des conditions, aux quelles je veux etre hereux. Vos maux de cœur, vos maux de dents, font une diversion à ma béatitude, mais j'ose les attribuer à une cause flatteuse pour moi et point indifferente pour Vous. Voilà pour quoi j'en fais mon afaire de Vous recommander Votre santé à Vous-même, par une vüe d'interèt, par un peu d'Egoisme de ma part. Je sais que Vous desirez en tout mon bonheur : pourquoi me refuseriez vous cette attention de me tranquilliser sur le point le plus intéressant, le plus grave ? Tout en ménageant, en prenant soin de Votre personne, Vous songerez que Vous le faites pour moi. Si Vous etes heureuse par moi, quel chagrin seroit en droit de détruire une si douce illusion. Auriez vous remarqué les vices du cœur dans notre ami, la fausseté, la dureté, le cruel Egoisme ? Je ne le crois pas. Il n'a jamais oublié ses amis. Il sait tout ce qu'il vous doit et il respecte dans le fond de son cœur le saint noued, qui nous lie. Il n'espère etre heureux, que pour Vous, qu'avec Vous[1186]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 63-64 об.).

что составит усладу моей жизни, в единственном чувстве, которое заменит мне всё. Я – иметь неприятности! Единственная, какую я знаю, – быть вдали от вас. Я исцеляю её, насколько могу, думая о вас, пиша вам. Господин де Сакен, с которым я только что ужинал, нарочно оставляет меня, чтобы я писал моей супруге. Великий князь проводит вечер у своего брата. Я воспользовался этим временем, чтобы провести час у графини Шуваловой, которая нездорова и не выезжает. Вот краткое содержание моего дня. Я жду завтрашнего дня, чтобы обнять вас тысячу раз. Прощайте, маминька, добрый вечер, доброй ночи. Почитайте меня немного за вашим ночным туалетом, раз уж у меня не будет счастья быть обнятым вами: эта бумага несёт вам мои поцелуи. Будьте здоровы. Я боюсь немного слишком задержать почту и заканчиваю».

[1185] Основание датировки: Муравьев пишет о предположительной причине дурноты жены, «лестной для меня и вовсе не безразличной для вас», имея в виду беременность Е.Ф. Муравьевой.

[1186] Перевод: «Моя добрая, моя нежная подруга! Мы возвращаемся с очень весёлой, очень приятной прогулки на санях. Я ем за четверых, перевариваю, сплю. Для эпикурейца – какой сладкий образ жизни! Но всё это ничто, если я не убеждён, что вам не слишком плохо, что моя лень всё ещё находит у вас поддержку, несмотря на злословие недоброжелателей, что, каким бы никудышным человеком я ни был, я нахожу у вас милость. Вот условия, на которых я хочу быть счастливым. Ваша дурнота, ваши зубные боли вносят помеху в моё блаженство, но я осмеливаюсь приписывать их причине, лестной для меня и вовсе не безразличной для вас. Вот почему я делаю своим делом поручать вам ваше здоровье – ради вас самой, из соображения интереса, из некоторого эгоизма с моей стороны. Я знаю, что вы во всём желаете моего счастья: почему же вы отказали бы мне в этой любезности – успокоить меня относительно самого важного, самого серьёзного пункта? Щадя себя, заботясь о себе, вы будете помнить, что делаете это для меня. Если вы счастливы благодаря мне, какое огорчение имело бы право разрушить столь сладкую иллюзию? Заметили ли вы пороки сердца в нашем друге: фальшь, жестокость, жестокий эгоизм? Я этому не верю. Он никогда не забывал своих друзей. Он знает всё, чем обязан вам, и в глубине сердца уважает священный узел, который нас связывает. Он надеется быть счастливым только ради вас, только с вами».

<386>
<до мая 1795 г.> [1187]

Il ne fait pas encore trop clair au moment, où je vous ecris, ma chère amie, mais il faisait bien autrement obscur, quand je m'occupois de votre chere idée. Votre billet du soir est venu pour me rassurer sur mon bonheur. Puissiez-vous ne me voir jamais, qu'avec les yeux del'amour, qui vous font appercevoir des perfections, où il n'y en a point! Je vous souhaite toujours cette prevention, cette heureuse partialité, que je voudrois entretenir toujours, au défaut de mérite, par l'attachement le plus vrai, le plus tendre. Telle est mon intention au moins.

J'ai été oblige de quitter la plume pour prendre le caffé avec le Grand Duc <Константином Павловичем> et l'arrivée du Mr. de l'Harpe[1188] vient de me rendre ma liberté. Celui-ci me soupçonne d'attendre avec impatience le moment, où je serai rélévé. Heureusement pour moi, il éxiste une personne, qui ne le souhaite pas moins ardemment. Que ferons nous aujourd'hui? Ma paresse peut-elle se flatter de respirer de ses longs travaux et de son absence dans tête à tête desire? Faudra-t-il être inexorable à cette enchanteresse? Me voilà prêt à tout. Vous n'avez qu'à prononcer. Quant à ma santé, soyez parfaitement tranquille. Elle n'a pas du tout souffert de mon expedition secrette. Je Vous embrasse mille fois. Jusqu'au revoir[1189]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 44-45 об.).

<388>
<до мая 1795, Москва>

Ma bonne amie ! mon exil va bientôt finir, exil d'autant plus ennuyeux, qu'il n'est bon à rien et que ma présence ici ne produit absolument aucun effet. Et cependant, quand j'y pense, il est très utile pour nous, il nous présente au moins un lointain consolant, l'éspérance d'une rente viagère que ma paresse dévore d'ici. Une pension modique, mais sûre, sans peine, sans sollicitations me paroit un trésor inépuisable. Mr. del' Harpe, qui est àpresent avec le Grand Duc, m'a fait rever aujourd'hui, en me détaillant la nouvelle maniere d'exister qu'il prétend commencer de retour en Suisse. Il espère y trouver en arrivant une maison de compagnie charmante, achetée pour lui à .6. verstes de Genève, sur le bord du lac, tout auprès de ce célèbre Ferney, où Voltaire a passé sa vie. Des bosquets des Salles de verdure, force arbres fruitiers, la vue du mont Blanc qui sépare la Suisse del'Italie. Que sait-on ? Ce sera peut etre aussi notre sort à nous deux de passer nos jours dans une petite compagnie obscure sur les bords du Wolga ou de l'Oca dans un cercle

---

[1187] Муравьев пересказал разговор с Лагарпом, который уехал из России в мае 1795 г.

[1188] Лагарп Фредерик Сезар (1754-1838) – швейцарский государственный деятель, юрист, педагог; с 1783 г. – учитель великих князей Александра и Константина Павловичей.

[1189] Перевод: «Ещё не слишком светло в ту минуту, когда я вам пишу, моя дорогая подруга; но было куда темнее, когда я был занят вашим дорогим образом. Ваша вечерняя записка пришла, чтобы успокоить меня насчёт моего счастья. О, если бы вы всегда смотрели на меня только глазами любви, которые заставляют вас видеть совершенства там, где их вовсе нет! Я всегда желаю вам этого благосклонного предубеждения, этой счастливой пристрастности, которую хотел бы поддерживать постоянно – за неимением достоинств – самой истинной, самой нежной привязанностью. Таково, по крайней мере, моё намерение. Я был вынужден оставить перо, чтобы пить кофе с великим князем <Константином Павловичем>, и приход господина де Лагарпа только что вернул мне свободу. Он подозревает меня в том, что я с нетерпением жду минуты, когда меня сменят. К счастью для меня, существует одна особа, которая желает этого не менее горячо. Что мы будем делать сегодня? Может ли моя лень надеяться отдохнуть от своих долгих трудов и своей разлуки в желанном тет-а-тет? Нужно ли быть неумолимым к этой чаровнице? Вот я готов на всё. Вам стоит только произнести слово. Что касается моего здоровья, будьте совершенно спокойны. Оно вовсе не пострадало от моей тайной вылазки. Обнимаю вас тысячу раз. До встречи».

étroit des connoissances, aussi obscures, que nous-mêmes. Ah pour vû, que Vous vous portiez bien et que nous ayons à caresser une demi-douzaine d'enfants, gentils et pleins de gaité : que nous importe le faste, le bruit et l'étalage ? Nous nous suffirons l'un à l'autre, nous ferons un peu de bien et nous n'aurons rien, à nous reprocher. Pour parvenir à cet état de bonheur il faut donc se resoudre à passer à la cour des journées ennuyeuses. C'est pour n'y revenir jamais. Il est beau de servir sa patrie ; mais malheureusement il faut quelques fois servir les Grands. Et il vaut mieux etre Roi dans sa terre, que valet dans l'antichambre d'un seigneur. J'ai raisonné à perte de vue et j'ai oublié, qu'en ecrivant à ma douce amie, je n'avois autre chose à dire, sinon que je l'aime de tout mon cœur et que je l'embrasse mille fois[1190]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 72-73 об.).

<389>

<начало мая 1795 г.>[1191]

Epitre

Je Vous ecris à la dérobée, puisque vous l'avez voulû, mon unique amie. Si en traçant quelques lignes, je suplée en quelque façon aux petits soins, que ma présence peut vous rendre, ces lignes me deviennent précieuses à moi-même. Elles vous diront mieux que je ne puis, que vous etes toujours présente à ma pensée, que mon vœu unique, c'est de Vous savoir toujours tranquille, toujours heureuse. Il fait le plus mauvais tems du monde ; mais je comte sur demain. Près de vous, la journée aura beau etre orageuse, je ne la verrai, que belle. Il y aura bientôt six mois, que le même miracle se renouvelle pour moi touts les jours. Je Vous prends à témoin. Bientôt ces jours si beaux gagneront encore en délices. Un rival ne m'éffaura point dans votre cœur. Vous m'aimerez

---

[1190] Перевод: «Моя добрая подруга! Моё изгнание скоро кончится – изгнание тем более скучное, что оно ни к чему не годится и моё присутствие здесь не производит решительно никакого действия. И, однако, когда я об этом думаю, оно очень полезно для нас: оно открывает нам по крайней мере утешительную дальнюю перспективу – надежду на пожизненную ренту, которую моя лень уже отсюда пожирает. Небольшая, но надёжная пенсия, без труда, без хлопот, кажется мне неисчерпаемым сокровищем. Господин де Лагарп, который теперь находится с великим князем, заставил меня сегодня мечтать, подробно рассказывая о новом образе существования, который он намерен начать по возвращении в Швейцарию. Он надеется по приезде найти там очаровательный дом для приятного общества, купленный для него в шести верстах от Женевы, на берегу озера, совсем рядом со знаменитым Фернеем, где Вольтер провёл свою жизнь. Рощицы, зелёные залы, множество плодовых деревьев, вид на Монблан, отделяющий Швейцарию от Италии. Кто знает? Может быть, и нашей с вами участью будет провести дни в маленьком незаметном обществе на берегах Волги или Оки, в узком кругу знакомых, столь же незаметных, как мы сами. Ах, лишь бы вы были здоровы и чтобы у нас была полдюжина детей – милых и полных веселья: какое нам дело до пышности, шума и выставления напоказ? Мы будем достаточны друг другу, сделаем немного добра, и нам нечего будет себе упрекнуть. Чтобы прийти к этому состоянию счастья, нужно, значит, решиться проводить при дворе скучные дни. Это для того, чтобы уже никогда туда не возвращаться. Прекрасно служить отечеству; но, к несчастью, иногда приходится служить вельможам. А лучше быть королём в своём имении, чем лакеем в передней у сеньора. Я рассуждал без конца и забыл, что, пиша моей нежной подруге, не имел ничего другого сказать, кроме того, что люблю её всем сердцем и обнимаю тысячу раз».

[1191] Мотивировка датировки: Муравьев писал, что «скоро будет шесть месяцев, как одно и то же чудо возобновляется для меня каждый день» («Il y aura bientôt six mois, que le même miracle se renouvelle pour moi touts les jours»), «чудо» – это, очевидно, брак, поженились Муравьевы 10 ноября 1794 г., следовательно, начало мая (возможно, конец апреля).

davantage, quand ce ne sera pas moi seul que Vous aimerez. La Comtesse Schouvaloff m'a demandé aujourd'hui de vos nouvelles, en faisant si que de la main, combien Votre taille a perdu de sa finesse. Jugez, si j'etois fâché, qu'on blessat ma modestie. À demain. Adieu. Songez de Vous porter bien, je l'ordonne[1192]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 96-97).

<390>

Amie charmante et généreuse! Vous voilà consolée de touts les désagréments que vous attirent les caprices d'un mari peu délicat. Vous vous vengez par des bienfaits, par des attentions touchantes, que vous inspire l'humanité. Dans ce moment ici vous songez à moi: peut etre vous m'ecrivez à la dérobée quelques lignes où vos sentiments se reproduisent avec toute la vivacité, avec laquelle ils sont conçus. Que seroit-ce si ma presence inattendue alloit vous surprendre au milieu de Votre rêverie. C'est ce qui n'est pas impossible. Inutile et solitaire ici, je n'ai qu'à faire quelques pas pour vous dire de plus près tout ce que je voudrois exprimer bien mieux, si une plume rebelle, digne de mon esprit, ne contrecarroit ma volonté. Soyez sage, c'est à dire, soyez gaye, portez vous bien et bien d'indulgence pour moi. Jusqu'au revoir[1193]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 39-40 об.).

<391>

Mille remerciments pour votre jolie petite lettre, pour tout ce qu'elle porte d'obligeant et surtout pour les Nouvelles de votre santé, si elles sont exactes. Puissai-je les entendre continuellement! C'est tout ce que je desire. Jouir de vrais biens réservés à l'homme, essentiels à son bonheur, compter le reste pour peu de chose, ou plutôt pour rien: tel seroit le plan de ma conduite, si l'on pouvoit s'en prescrire un. Tout ce qui tient à l'opinion est changeant, fugitive <fugitif ?>, n'est point du tout en notre pouvoir. Les honneurs, la renommée, le credit, les

---

[1192] Перевод: «Послание

Я пишу вам украдкой, раз вы этого пожелали, моя единственная подруга. Если, чертя несколько строк, я хоть каким-то образом восполняю мелкие заботы, которые могло бы оказать вам моё присутствие, эти строки становятся драгоценными для меня самого. Они скажут вам лучше, чем я могу, что вы всегда присутствуете в моей мысли, что моё единственное желание – знать, что вы всегда спокойны, всегда счастливы. Погода самая дурная на свете, но я рассчитываю на завтра. Рядом с вами день, как бы он ни был ненастен, я увижу только прекрасным. Скоро будет шесть месяцев, как одно и то же чудо возобновляется для меня каждый день. Беру вас в свидетели. Скоро эти столь прекрасные дни приобретут ещё больше сладости. Соперник в вашем сердце меня вовсе не испугает. Вы будете любить меня ещё больше, когда будете любить уже не одного меня. Графиня <Е.П.> Шувалова сегодня спрашивала о вас и знаком руки показала, насколько ваша талия потеряла свою тонкость. Судите сами, был ли я огорчён тем, что задели мою скромность. До завтра. Прощайте. Помните, что вы должны быть здоровы: я это приказываю».

[1193] Перевод: «Очаровательная и великодушная подруга! Вот вы и утешены во всех неприятностях, которые навлекают на вас капризы недостаточно деликатного мужа. Вы мстите благодеяниями, трогательными заботами, которые внушает вам человечность. В эту самую минуту вы думаете обо мне: может быть, вы украдкой пишете мне несколько строк, где ваши чувства воспроизводятся со всей живостью, с какой они рождаются в душе. Что было бы, если бы моё неожиданное появление вдруг застало вас посреди вашей мечтательности? А это не невозможно. Бесполезный и одинокий здесь, я должен только сделать несколько шагов, чтобы сказать вам ближе всё то, что хотел бы выразить гораздо лучше, если бы непокорное перо, достойное моего ума, не противодействовало моей воле. Будьте мудры, то есть будьте веселы, будьте здоровы и имейте побольше снисходительности ко мне. До встречи».

richesses, le luxe, les plaisirs bruyants ne sont que des distractions d'un moment: le calme de l'ame, la conscience du bien, qu'on a fait, l'amitié, l'humanité, la résignation, un esprit lumineux sont des trésors, qu'on porte avec soi. Ma chère amie, ma tendre amie! Qui nous empêche de jouir à touts les moments des biens, que le ciel nous envoye, de le bénir à chaque instant, de devenir de plus en plus digne de son regard favorable! Adieu[1194]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 41-41 об.).

<392>

Ma charmante amie! si loin de Vous, c'est pour la première fois, que je suis privé toute une journée du plaisir de Vous voir. Vous etiez venue dit-on au Palais d'hiver: c'etoit tard. Nous avions déjà fait l'escapade. Pourvû que vous vous portiez bien – c'est ma seule condition. L'absence n'est pas durable. Elle punit un peu un importun indiscret, qui est sage aujourd'hui malgré lui. Comment la journée a été passée? C'est ce que je seroi très curieux de savoir et ce que je ne saurai, que demain midi passé. Ma bonne amie, mon unique amie, soyez courageuse estimez-vous vous-même. La vertu doit posséder la conscience d'elle-même. Opposez un sang froid dédaigneux à l'indélicatesse de ces personnes malicieuses, qui jouissent du mal, qu'elles font. Dois-je demander mes devoirs autre part, qu'à moi-même. Quel besoin a-t-on d'une amitié force, qu'on n'a pas eu soin de gagner. Il ne faut pas offenser personne: mais se lier particulierement, c'est le choix capricieux d'un coeur et il a toujours raison. Songez continuellement, que Vous avez à veiller sur Vous même, que Vous avez un depot sacré, qui vous appartient, qui m'appartient à moi, qui nous appartient à touts les deux tout entier et sans partage. Souvenez Vous, que Vous me vouliez ainsi *sans partage*. Je n'ai pas manqué à ma parole jusqu'ici: j'espere ne manquer jamais. Si Vous m'aimez, portez Vous bien. Qu'aurois-je a Vous dire d'avantage? Il est bien tard. Monseigneur est dans son lit: je suis entouré de mon paravent et je griffonne ces lignes, que je ne sais pas trop bien si elus Vous parviennez ou non. Adieu, bonne nuit. Je suis impatient d'etre chez Vous[1195]

[1194] Перевод: «Тысяча благодарностей за ваше милое маленькое письмо, за всё любезное, что оно несёт, и особенно за известия о вашем здоровье, если они точны. О, если бы я мог слышать их непрестанно! Это всё, чего я желаю. Наслаждаться истинными благами, предназначенными человеку и существенными для его счастья, считать всё остальное малостью или, лучше сказать, ничем: таков был бы план моего поведения, если бы можно было предписать себе такой план. Всё, что зависит от мнения, изменчиво, мимолётно и вовсе не находится в нашей власти. Почести, слава, влияние, богатства, роскошь, шумные удовольствия – всё это лишь минутные развлечения; спокойствие души, сознание сделанного добра, дружба, человечность, покорность судьбе, светлый ум – вот сокровища, которые человек носит с собой. Моя дорогая подруга, моя нежная подруга! Что мешает нам в каждое мгновение наслаждаться благами, которые небо нам посылает, благословлять его каждую минуту и становиться всё более достойными его благосклонного взора! Прощайте».

[1195] Перевод: «Моя очаровательная подруга! Так далеко от вас, я впервые лишён на целый день удовольствия видеть вас. Вы, говорят, приезжали в Зимний дворец: было поздно. Мы уже совершили нашу вылазку. Лишь бы вы были здоровы – это моё единственное условие. Отсутствие недолговечно. Оно немного наказывает несносного назойливца, который сегодня благоразумен поневоле. Как прошёл день? Вот что мне было бы очень любопытно узнать и чего я не узнаю раньше завтрашнего полудня. Моя добрая подруга, моя единственная подруга, будьте мужественны, цените себя сами. Добродетель должна обладать сознанием самой себя. Противопоставьте презрительное хладнокровие неделикатности этих злых людей, которые наслаждаются злом, которое причиняют. Разве должен я спрашивать о своих обязанностях где-либо, кроме как у самого себя? К чему нужна вынужденная дружба, которую не позаботились заслужить? Не надо никого оскорблять; но особенно сближаться с кем-то – это капризный выбор сердца, и оно всегда право. Постоянно

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 42-43 об.).

<393>

Ma bonne amie est entierement à la devotion aujourd'hui et je me hate de lui dire le bon jour seulement. Faites, comme j'ai parlé hier, ma bonne amie, envoyez-moi mes bottes et je vais sur le champ vous trouvez à l'eglise ou à la maison. Ce sera pour moi une promenade en même tems. Priez Dieu pour moi: j'ai tort de Vous en faire souvenir. Adie[1196]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 46).

<394>

Bon jour, ma bonne amie! vous ne me boudez pas pour ma désobéissance d'hier? Le malheureux! Je Vous tins en voiture pendant un si mauvais tems une demi-heure entière. Mais j'avois beau souhaiter de souper avec Vous: j'étois condamné de passer la soirée loin de Vous. J'espère, en revanche, d'etre toute la journée d'aujourd'hui avec Vous. Nous songerons un peu à nos affaires les plus graves, à Votre santé. On m'a promis du vin de Rhin, mais je ne sais, si nous ferons bien de prendre quelquechose sans l'avis du medecin. Il falloit le voir. Peut etre ferons nous la proménade. Notre cousine y va <?> si souvent. Et un pélèrinage chez un medecin vaut mieux qu'une collation.

Je ne sais quelle fatalité m'empêche aujourd'hui de vous ecrire toute de suite. Le Grand Duc <Константин Павлович> est continuellement chez lui et passe et repasse sans cesse. C'est ce qui me fait interrompre à chaque instant mon ecriture. Je crois, que je le <?> suivrai de bien près et que mon ambassadeur ne fera, que me prevenir et m'annoncer. Pardon, ma bonne amie, pour le galimathias, dont je farcis ma lettre. Pour son veritable et unique sujet, vous en êtes pleinement persuade. Vous savez combien je Vous aime, combien il importe à mon bonheur d'etre aimé de Vous, comme Vous m'avez accoufumé de l'etre[1197].

помните, что вы должны следить за собой, что у вас есть священный залог, который принадлежит вам, принадлежит мне, принадлежит нам обоим целиком и без раздела. Вспомните, что вы хотели меня именно таким – безраздельно. До сих пор я не нарушил своего слова; надеюсь, не нарушу никогда. Если вы меня любите, будьте здоровы. Что ещё мог бы я вам сказать? Уже очень поздно. Монсеньор в постели; я за своей ширмой и черкаю эти строки, не очень зная, дойдут ли они до вас или нет. Прощайте, доброй ночи. Мне не терпится быть у вас».

[1196] Перевод: «Моя добрая подруга сегодня целиком предана благочестию, и я спешу только пожелать ей доброго утра. Сделайте, как я говорил вчера, моя добрая подруга: пришлите мне мои сапоги, и я тотчас отправлюсь искать вас в церкви или дома. Для меня это вместе с тем будет прогулкой. Молитесь Богу за меня: я неправ, что напоминаю вам об этом. Прощайте».

[1197] Перевод: «Доброе утро, моя добрая подруга! Вы не дуетесь на меня за моё вчерашнее непослушание? Несчастный! Я продержал вас в экипаже в такую дурную погоду целых полчаса. Но как бы я ни желал ужинать с вами, я был осуждён провести вечер вдали от вас. Зато я надеюсь провести с вами весь сегодняшний день. Мы немного подумаем о наших самых серьёзных делах – о вашем здоровье. Мне обещали рейнского вина, но я не знаю, хорошо ли мы сделаем, если примем что-нибудь без совета врача. Надо бы его увидеть. Может быть, мы совершим прогулку. Наша кузина так часто туда ходит. А паломничество к врачу лучше, чем лёгкое угощение.

Не знаю, какая роковая сила мешает мне сегодня сразу написать вам. Великий князь <Константин Павлович> всё время у себя и беспрестанно ходит туда и обратно. Поэтому я каждую минуту прерываю письмо. Думаю, что я последую за ним совсем скоро и что мой посланник только предупредит вас и объявит

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 48-49).

<395>

<после 5 июня 1795>[1198]

Mille graces, ma chère amie, pour votre charmante lettre. On ne peut pas etre plus touché, que je le suis de preuves multipliés, que Votre amour me donne. Je suis bien fâché de Vous avoir fait attendre inutilement hier au soir. Mais en remontant, je trouverais les Grands Ducs, qui alloient chez l'Emperatrice. Un moment apres on ouvre la porte de l'appartement des Diamants, et me voilà pris. Pourvu que cela n'ait <pas> nui à Votre santé, je suis sur du pardon. Je Vous connois cette volonté de me gâter. Vous etes sans politique, sans defiance et vous ne voulez pas dominer sur un mari vaurien. Soyez toujours comme Vous etes: continuez de faire mon bonheur par ce caractère egal et doux, par cette vertu facile et naturelle. Mais surtout soyez heureuse: c'est ma grande condition. Il faut que ce soit une jouissance pour Vous de faire mon bonheur, de m'aimer. Il faut se porter bien, il faut avoir le plus grand soin de sa santé. J'ai envoyé pour avoir le vin de Rhin. Je ne sais si l'on m'en procurera. Je voudrois vous prier de me faire acheter dans la boutique du libraire Глазунов vis-avis le Gostinoi Dwor le livre *Аглая*, часть вторая 1. 10 к. Vous voyez, que la fureur du Maitre d'Ecole me tient encore, malgré touts mes beaux projets de parvenir à un gouvernement. Surtout j'aime les ecolières et dans ma province, ne Vous en deplaise, c'est Vous, qui serez mon ecolière. Je suis votre disciple, très docile, en tout ce qui est bon et coupable <?>. Il faut bien que Vous apreniez de moi à votre tour un peu de mal. Je ne réussirai jamais à vous pervertir: voilà pour quoi ma société n'est pas à craindre pour vous. Au revoir[1199]

обо мне. Простите, моя добрая подруга, за галиматью, которой я набиваю моё письмо. Что касается его настоящего и единственного предмета, вы в нём вполне убеждены. Вы знаете, как я вас люблю, как важно для моего счастья быть любимым вами так, как вы приучили меня быть любимым».

[1198] Основание датировки – упоминание второй части альманаха Н.М. Карамзина «Аглая», которую Муравьев просил купить; объявление о продаже книги появилось в №45 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 5 июня 1795 г.: «По Невской перспективе против Милютиных лавок в доме Католической церкви в книжном магазине под No 5 вступили в

продажу вновь вошедшия книги: <…> 2 части Агла<и>, соч. Карамзина в бум. 2 р. 20 к » [СПб Ведомости, 1795, с. 976].

[1199] Перевод: «Тысяча благодарностей, моя дорогая подруга, за ваше очаровательное письмо. Невозможно быть более тронутым, чем я, многочисленными доказательствами, которые даёт мне ваша любовь. Мне очень досадно, что вчера вечером я заставил вас напрасно ждать. Но, поднимаясь обратно, я встретил великих князей, которые шли к императрице. Мгновение спустя открывают дверь Алмазного покоя – и вот я пойман. Лишь бы это не повредило вашему здоровью, и я уверен в прощении. Я знаю за вами эту волю баловать меня. Вы без расчёта, без недоверия и не хотите властвовать над никудышным мужем. Оставайтесь всегда такой, как вы есть: продолжайте составлять моё счастье этим ровным и мягким характером, этой лёгкой и естественной добродетелью. Но главное – будьте счастливы: это моё главное условие. Нужно, чтобы для вас было наслаждением делать моё счастье, любить меня. Надо быть здоровой, надо самым тщательным образом беречь своё здоровье. Я послал за рейнским вином. Не знаю, достанут ли мне его. Я хотел бы просить вас велеть купить мне в лавке книгопродавца Глазунова, напротив Гостиного двора, книгу: «Аглая», часть вторая, 1 рубль 10 копеек.

Вы видите, что страсть школьного учителя всё ещё держит меня, несмотря на все мои прекрасные планы добиться губернаторства. Особенно я люблю учениц, и в моей провинции, с вашего позволения, именно вы будете моей ученицей. Я ваш ученик, очень послушный во всём хорошем и предосудительном <?>.

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 50-51 об.).

<396>

Ma chere amie, je Vous embrasse mille et mille fois. C'est à la dérobée, que je Vous ecris. Je n'ai pas un moment à moi. Je me fais jeter un peu de poudre sur les cheveux par Jean et je barbouille ces lignes. On se prepare d'aller chez l'Imperatrice. Je ne sais si nous y serons reçus. Adieu[1200]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 52).

<397>

<август-сентябрь 1795 г.>[1201]

Ma tendre, ma cruelle amie! Quelle est votre situation àpresent? Aurez Vous le talent de passer une nuit assez tranquille? Songez qu'au défaut de la santé le courage de l'ame nous fait supporter les infirmités indispensables et dont la cause nous doit etre chère. Faites coucher une des filles au toutes les deux auprès de Votre lit, je vous en prie et dès que Vous vous sentez incommodée, éveillez-en une ou toutes les deux et faites vous soigner par elles. Ce n'est pas du tout mollesse ou caprice : c'est une nécèssité dans Votre situation. Et la femme, que Vous savez, l'invitez-vous aujourd'hui ? ce ne seroit pas mal. Par là vous vous pourriez procurer une bonne nuit, vous donneriez de la fraicheur à vos nerfs. Nous irons bientôt à l'appartement des diamants. Je ne sais pas, si j'aurai le bonheur de Vous embrasser : je Vous salue donc par ecrit. Je Vous embrasse en idée tres tendrement. Soyez heureuse, portez-Vous bien, aimez-moi. N'osez jamais avoir le moindre doute sur l'amour le plus vif, le plus vrai que votre époux Vous porte. Adieu[1202]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 54-55).

<398>

<до 9 сентября 1795>[1203]

Надо же, чтобы вы, в свою очередь, научились от меня немного злу. Мне никогда не удастся вас испортить: вот почему моё общество для вас не опасно. До свидания».

[1200] Перевод: «Моя дорогая подруга, обнимаю вас тысячу и тысячу раз. Я пишу вам украдкой. У меня нет ни минуты для себя. Я велю Жану немного напудрить мне волосы и черкаю эти строки. Готовятся идти к императрице. Не знаю, будем ли мы там приняты. Прощайте».

[1201] Основание датировки – упоминание «положения», в котором находилась Е.Ф. Муравьева: Муравьев просил жену пригласить «женщину, о которой вы знаете», а также позвать служанок, чтобы они дежурили у ее кровати; 9 сентября 1795 г. родился старший сын Муравьевых Никита Михайлович.

[1202] Перевод: «Моя нежная, моя жестокая подруга! Каково ваше положение теперь? Сумеете ли вы провести ночь достаточно спокойно? Помните, что при недостатке здоровья мужество души помогает нам переносить неизбежные недомогания, причина которых должна быть нам дорога. Велите, прошу вас, одной из девушек или обеим лечь возле вашей постели, и как только почувствуете себя нехорошо, разбудите одну из них или обеих и велите им ухаживать за вами. Это вовсе не изнеженность и не прихоть: это необходимость в вашем положении. А ту женщину, о которой вы знаете, пригласите ли вы сегодня? Это было бы неплохо. Так вы могли бы обеспечить себе хорошую ночь, освежили бы ваши нервы. Мы скоро пойдём в Алмазный покой. Не знаю, будет ли у меня счастье обнять вас; поэтому приветствую вас письменно. Мысленно обнимаю вас очень нежно. Будьте счастливы, будьте здоровы, любите меня. Не смейте никогда иметь малейшего сомнения в самой живой, самой истинной любви, которую питает к вам ваш супруг. Прощайте».

[1203] Письмо, очевидно, написано во время беременности Е.Ф. Муравьевой, об этом свидетельствуют фраза Муравьева: «L'amitié, la tendresse, l'espérance d'un avenir heureux, peuvent-ils soulager un peu ces maux et lui

Peut-être verrai-je encore aujourd'hui ma bonne amie, qui me gâte de toutes les façons. Mais je veux toujours l'entretenir par ecrit. Aussi-tôt, que je suis à moi, je suis à Vous. Vous m'avez voulu tout entier, sans partage. Vous vous étes donnée à moi, vous vous étes emparée de moi. Notre société ne sauroit devenir plus intime : elle peut etre agrandie, et ce sont touts mes vœux. Puisse ce fardeau si doux peser le moins possible à la santé délicate de mon amie ? il est bien tems de s'y accoutumer et de parvenir à un etat moins pénible. L'amitié, la tendresse, l'espérance d'un avenir heureux, peuvent-ils soulager un peu ces maux et lui donner les forces nécèssaires, pour supporter avec patience ces langueurs et ces peines, qui sont éffacées par la joye d'etre mère ? Nul sentiment isolé, interessé, qui n'a de rapport qu'à soi-même, ne doit profaner[1204] la douce société, qui tient nos ames confondues. C'est une réciprocité de peines et des plaisirs, ce sont les délices del'amour et del'amitié. Vous me donnez mes titres <?> les plus chers, les plus glorieux. Vous voulez bien en recevoir de moi des pareils. Il n'est plus pour nous du jouissances particulières. Vous épousez tous mes interêts : vous voulez vous égarer avec moi. Je n'aurai jamais de quoi payer cet attachement si délicat, si généreux. Mais touts les jours je trouverai mon bonheur auprès de Vous. Votre ami, rajeuni touts les jours, vous rappelera des souvenirs bien doux. Les circonstances étrangères peuvent varier à l'infini ; mais les cœurs aimants et courageux resteront toujours les mêmes[1205]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 56-57 об.).

<399>

<до 9 сентября 1795>

Votre charmant billet, ma chère amie, m'a fait passer un si beau moment à ma toilette ! Que ne puis-je Vous rendre la pareille et vous faire oublier pour un instant ces angoisses, ces incommodités, que Vous souffrez pour l'amour de moi et d'un etre, qui s'empresse de Vous connoitre un jour et de Vous aimer à l'envi avec moi-même. S'il Vous est agréable d'entendre les protestations de l'amour le plus vrai, le plus constant : recevez-en les plus solennelles. A tout moment je me penètre de cette douce idée, que je suis à Vous, que j'ai à remplir des nouveaux devoirs bien agréables, que j'ai pris les engagements les plus saints, les plus doux, qu'il n'y a plus rien à desirer pour moi, que la continuation constante de ce bonheur. Epouse, mère de famille,

---

donner les forces nécèssaires, pour supporter avec patience ces langueurs et ces peines, qui sont éffacées par la joye d'etre mère ?»

[1204] Первоначальный вариант: «point».

[1205] Перевод: «Может быть, я ещё сегодня увижу мою добрую подругу, которая балует меня всеми способами. Но я всё равно хочу беседовать с ней письменно. Как только я принадлежу себе, я принадлежу вам. Вы хотели меня целиком, безраздельно. Вы отдали себя мне, вы овладели мной. Наш союз не может стать более тесным; он может быть только расширен, и в этом все мои желания. Пусть эта столь сладкая ноша как можно меньше тяготит хрупкое здоровье моей подруги. Уже пора привыкнуть к ней и прийти в состояние менее мучительное. Может ли дружба, нежность, надежда на счастливое будущее хоть немного облегчить эти недомогания и дать ей силы, необходимые, чтобы терпеливо переносить эти слабости и страдания, которые изглаживаются радостью быть матерью? Никакое обособленное, эгоистическое чувство, имеющее отношение только к самому себе, не должно осквернять сладкий союз, в котором наши души слиты. Это взаимность страданий и радостей, это наслаждения любви и дружбы. Вы даёте мне самые дорогие, самые славные имена <?> и благоволите принимать от меня такие же. Для нас больше нет отдельных наслаждений. Вы принимаете все мои интересы как свои; вы хотите заблуждаться вместе со мной. Мне никогда не будет чем отплатить за такую деликатную, такую великодушную привязанность. Но каждый день я буду находить моё счастье возле вас. Ваш друг, молодеющий каждый день, будет напоминать вам очень сладкие воспоминания. Внешние обстоятельства могут бесконечно меняться; но любящие и мужественные сердца всегда останутся теми же».

vous jouirez de la conscience de faire journellement le bonheur de l'homme, que Vous aimez le plus, d'etre cherie, respectée de tout ce qui vous environne. Votre santé délicate troublera quelque fois votre repos, mais Vous pardonnerez en faveur de la cause. Adieu ma bonne amie, au revoir[1206]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 58-58 об.).

<400>

<до 9 сентября 1795>

Ma charmante amie! Vous m'avez confessé hier au soir un pêché bien agréable pour moi. Jugez si je Vous en absous. Non, ma douce amie, soyez toujours d'etre inséparable avec moi. Je desire la même chose. Je désire, que cela dure éternellement. Qu'un devoir ennuyeux m'enlève pour une journée : c'est un devoir. Je suis très inutile ici ; mais comment faire ? il faut se soumettre à la nécèssité. Une journée est bientôt passée. Nous nous écrivons. J'ai la délicieuse puissance de vous entendre regretter mon absence. Et voilà que nous nous revoyont. Nos embrassements, la joye que Vous faites paraitre et qui me transporte, la confirmation de mon bonheur : tout cela récompense nos ennuis passés. Viendra un tems et cela ne peut pas tarder, où ces absances de journée finiront. Il est toujours agréable d'avoir quelque chose en perspective. Alors je ne m'habillerai pas le moindre du monde, pendant toute la journée. Je dormirai à plusieurs reprises : je prendrai le caffée, à ne pas finir. Ne suis-je pas un garçon aimable ? bien délicat, bien sentimental ? Hélas ! Vous aurez tout le tems de gourmander ma paresse, et mes gouts sensuels. Que sais-je ? je pourrais être meilleur, que je ne prèsume. Je voudrois faire tout au monde pour vous plaire, pour répondre à votre bonne opinion de[1207] moi, et que je desirerois transformer en verité indubitable sur le champ : cette opinion précieuse, par laquelle vous me supposez, auteur de votre bonheur. Je ne serai pas autrement heureux, moi-même. Et je sais très bien, que Vous ferez tout, pour me savoir heureux. Je vous embrasse de tout mon cœur. Au revoir[1208]

[1206] Перевод: «Ваша очаровательная записка, моя дорогая подруга, доставила мне такой прекрасный миг за моим туалетом! Ах, если бы я мог отплатить вам тем же и заставить вас хоть на мгновение забыть эти тревоги, эти недомогания, которые вы терпите из любви ко мне и к существу, которое спешит однажды узнать вас и любить вас наперебой со мной самим. Если вам приятно слышать уверения самой истинной, самой постоянной любви, примите самые торжественные из них. Всякую минуту я проникаюсь этой сладкой мыслью: что я принадлежу вам, что мне предстоит исполнять новые, очень приятные обязанности, что я принял на себя самые святые, самые сладкие обязательства, что для меня больше нечего желать, кроме постоянного продолжения этого счастья. Супруга, мать семейства, вы будете наслаждаться сознанием того, что ежедневно составляете счастье человека, которого любите больше всего, что вас любит и уважает всё, что вас окружает. Ваше хрупкое здоровье иногда будет тревожить ваш покой, но вы простите это ради причины. Прощайте, моя добрая подруга, до свидания».

[1207] Первоначальный вариант: «pour».

[1208] Перевод: «Моя очаровательная подруга! Вчера вечером вы исповедали мне грех, очень приятный для меня. Судите сами, отпускаю ли я вам его. Нет, моя нежная подруга, желайте всегда быть неразлучной со мной. Я желаю того же. Я желаю, чтобы это длилось вечно. Пусть скучная обязанность отнимает меня на один день: это обязанность. Я здесь совершенно бесполезен; но что делать? Надо подчиняться необходимости. Один день скоро проходит. Мы пишем друг другу. У меня есть восхитительная возможность слышать, как вы сожалеете о моём отсутствии. И вот мы снова видимся. Наши объятия, радость, которую вы показываете и которая приводит меня в восторг, подтверждение моего счастья – всё это вознаграждает наши прошедшие скуки. Придёт время, и оно не может замедлить, когда эти дневные отсутствия кончатся. Всегда приятно иметь что-нибудь впереди. Тогда я весь день нисколько не буду одеваться. Я буду спать несколько раз; я буду пить кофе без конца. Разве я не любезный малый? очень деликатный, очень сентиментальный? Увы! У вас

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 59-60 об.).

<401>
<до 9 сентября 1795 г.>

On ne peut etre pénètré davantage, que je le suis, ma bonne amie, à la lecture de votre charmant billet. Vous n'avez pû vous coucher tranquillement, sans m'avoir répété les touchantes assurances de Votre amour. C'est un besoin pour moi : j'en commence mieux mes journées, senties par Vous <?>, me plaisent infiniment. Ce n'est pas vanité, jouissances de l'amour propre : c'est bien plutôt votre approbation, l'histoire de vos sentiments, la voix de Votre cœur. Elle me trace mes devoirs, elle retentit dans mon ame. Cette communication des pensés les plus secrètes, de ce que sentent deux etres unis, les rapproche chaque jour davantage, sans les séparer pour cela du reste du monde. L'amitié des cœurs bien nés nous sera toujours précieuse. L'amour que nous nous portons ne fera le moindre tort à l'amour de l'humanité entière. Ah bien plutôt : il nous en fera sentir davantage la nécèssité et les charmes. Nous ne sacrifierons point au crédit, à l'orgueil : nous ne prostituerons point les hommages d'un cœur libre et vertueux à l'Idole de la Fortune. Mais respectant nous-mêmes, nous consacrerons touts les égards possibles, toute la vénération à la vertu, à la misère, au malheur, à l'age aux hommes généreux, élevés, sensibles, particulièrement. Notre union nous fournira des moyens de plus de servir nos amis, d'etre utile aux hommes. Elle sera notre consolation, si les cœurs envieux, malfaisants seront blessés du notre félicité. Aimons nous bien : ils seront bien punis[1209]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 65-66 об.).

<402>
<до 9 сентября 1795 г.>

Je Vous remercie de tout mon cœur, ma chère amie, pour ce billet, si agréable, dans le quel Vous me promettez de Vous porter bien, d'avoir soin de Vous. Avez vous rempli votre promesse ?

будет всё время журить мою лень и мои чувственные вкусы. Кто знает? Я мог бы оказаться лучше, чем сам предполагаю. Я хотел бы сделать всё на свете, чтобы нравиться вам, чтобы соответствовать вашему хорошему мнению обо мне, – и я желал бы немедленно превратить в несомненную истину это драгоценное мнение, по которому вы считаете меня создателем вашего счастья. Иначе я и сам не буду счастлив. И я очень хорошо знаю, что вы сделаете всё, чтобы знать меня счастливым. Обнимаю вас от всего сердца. До свидания».

[1209] Перевод: «Невозможно быть более растроганным, чем я, моя добрая подруга, при чтении вашего очаровательного билета. Вы не могли спокойно лечь спать, не повторив мне трогательные уверения вашей любви. Для меня это потребность: с ними я лучше начинаю свои дни; всё, что исходит из вашего чувства, бесконечно мне дорого. Это не тщеславие, не наслаждения самолюбия: это скорее ваше одобрение, история ваших чувств, голос вашего сердца. Он указывает мне мои обязанности, он отзывается в моей душе. Это сообщение самых тайных мыслей, того, что чувствуют два соединённых существа, с каждым днём всё более сближает их, не отделяя, однако, от остального мира. Дружба благородных сердец всегда будет нам драгоценна. Любовь, которую мы питаем друг к другу, не нанесёт ни малейшего вреда любви ко всему человечеству. Ах, напротив: она ещё сильнее заставит нас почувствовать её необходимость и её прелести. Мы не станем приносить жертвы влиянию и гордости; мы не унизим почтения свободного и добродетельного сердца перед идолом Фортуны. Но, уважая самих себя, мы посвятим все возможные знаки внимания, всё почитание добродетели, нужде, несчастью, старости, особенно людям великодушным, возвышенным, чувствительным. Наш союз даст нам ещё больше средств служить нашим друзьям, быть полезными людям. Он будет нашим утешением, если завистливые и злобные сердца будут ранены нашим счастьем. Будем же крепко любить друг друга: они будут хорошо наказаны».

Songez que je ne Vous ferai grâce de rien. Oh ! il faut tenir exactement votre parole. Dormir, comme moi, tout d'un trait mangez gras et bien, comme un Saint Chanoine. La Santé est la compagne de la gaieté, d'un aimable insouciance. Il faut chasser touts les ennuis, touts les chagrins. La vie est si courte : y-a-t-il un instant à perdre pour se rompre la tête à propos de quelques vétilles ? Aimons-nous bien : c'est là le principal et laissons faire Dieu. Sa sagesse, sa bonté fera mieux que la prétendue providence de nous autres pauvres mortels. Je vous ecris inutilement je crois, puisque dans un moment je viendrai moi-même Vous embrasser et mille et mille fois. Adieu[1210]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 67-68 об.).

<403>

Bon jour, mon amie ! je vous suppose revenue de l'eglise, ou sur le point de revenir au moment, où j'écris. Je sais très bien, que je n'ai pas été oublié. Pendant que notre ame s'élèvoit vers le ciel, notre cœur sentoit, qu'il est attaché ici bas, sans faire tort à la piété. Bien au contraire c'est le ciel que nous avons pris à témoin touts les deux, sous ces mêmes voûtes, dans nos serments de nous aimer à jamais. Je le remercie touts les jours de ma vie, o ciel pleins de bonté, pour le don, qu'il m'a fait de votre main. Je ne lui demande qu'une chose : c'est que vous soyez heureuse, autant, que je le suis. Je finis par là, mon amie. Qu'ai-je besoin d'écrire, quand je compte bientôt vous embrasser. Adieu[1211]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 69-69 об.).

<404>

Un moment après que Vous etiez partie hier au soir, j'avois deserté de la Chambre de l'Impératrice, j'etois descendu jusqu'au bas del'escalier : c'étoit trop tard. Soyez sure, ma bonne amie, qu'on ne peut pas etre plus reconnoissant que je suis, que je sens parfaitement le bonheur, que le ciel m'a destiné en Votre personne. Le sentiment ne sauroit paroitre sous des formes plus vives, plus délicates, que celles qu'il prend dans votre cœur et dans votre bouche. C'est à moi de le mériter, de le savoir fixer sans retour. S'il me manque quelque chose <en> délicatesse, vous savez bien que j'ai tout en bonhommie, en candeur. Ma paresse un peu trop forte me fait preferer mes aises et mes commodités à la convenance du moment. Mais grondez-moi bien. Faites moi sentir, que c'est faillir à sa dignité d'homme, que d'avoir peur de toute entreprise un peu difficile, un peu hazardeuse. Faites moi bien concevoir, qu'il ne suffit pas d'exister de quelque manière, que

---

[1210] Перевод: «Благодарю вас от всего сердца, моя дорогая подруга, за этот столь приятный билет, в котором вы обещаете мне быть здоровой, заботиться о себе. Исполнили ли вы своё обещание? Помните, что я вам ничего не спущу. О! нужно точно держать своё слово. Спать, как я, одним духом; есть жирно и хорошо, как святой каноник. Здоровье – спутница весёлости, милой беззаботности. Нужно прогнать все скуки, все огорчения. Жизнь так коротка: разве есть хоть одно мгновение, которое можно терять, ломая себе голову из-за каких-то пустяков? Будем крепко любить друг друга: вот главное, и предоставим действовать Богу. Его мудрость, его доброта сделают лучше, чем мнимая предусмотрительность нас, бедных смертных. Я, кажется, пишу вам напрасно, потому что через минуту сам приду обнять вас – тысячу и тысячу раз. Прощайте».

[1211] Перевод: «Доброе утро, моя подруга! Я предполагаю, что вы уже вернулись из церкви или вот-вот вернётесь в ту минуту, когда я пишу. Я очень хорошо знаю, что я не был забыт. Пока наша душа возносилась к небу, наше сердце чувствовало, что оно привязано здесь, внизу, не нанося этим ущерба благочестию. Напротив: именно небо мы оба взяли в свидетели под этими же сводами, когда клялись любить друг друга вечно. Я благодарю его во все дни моей жизни – о небо, полное благости! – за дар, который оно сделало мне, даровав вашу руку. Я прошу у него только одного: чтобы вы были счастливы так же, как счастлив я. На этом я заканчиваю, моя подруга. К чему мне писать, когда я рассчитываю скоро обнять вас? Прощайте».

ce soit ; mais qu'il faut marquer son existance par la plus grande activité par les efforts de toute espèce. La vertu, dit-on, ne consiste qu'en sacrifices. Il faut bien souvent renoncer au repos au bien etre personnel pour agir en homme, pour s'exposer au ressentiment des hommes intéréssés. Mais où prendre cette force d'ame si la Nature ne met en notre sein, que des affections molles de la complaisance de la timidité. C'est un pli, que j'ai pris, malheureusement. Et je n'ai de fermeté, que pour me consoler des caprices de la Fortune, quand par ma maladresse je laissai échapper ses bonnes gracces. Me consoler ! j'ai bien tort. Depuis que j'ai une Epouse vertueuse et sensible, je n'ai rien à démeler avec la Fortune. Je suis heureux, si Vous m'aimez[1212]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 70-71 об.).

<405>

Bonjour mon amie, ma chère Cateau. Le matin dure trop longtems pour moi, et mon Cousin <И.М. Муравьев мл.> et le midi sont trop lents pour satisfaire mes plus ardents souhaits. Je suis très peu intéréssant ici et partout ailleurs. Et malheureusement il y a encore un traînage pour demain, un diner à Tschesme et un bal et souper à la Tauride. Je figure très mal dans toutes ces parties de plaisir des Grands et de la Cour et cependant la Vanité exigera ce pénible sacrifice. On n'est pas Courtisan pour rien. On est bien nourri : il faut bien s'ennuyer dans les plaisirs. Aussi c'est ma faute. On ne sauroit mettre plus de liberté et de gaité. Mais je veux me <moquer de mes ?> gaucheries et mes bêtises. Je suis trop heureux, pour avoir le courage de me quereller. Tout cela me rappelle plus puissamment le séjour où je suis parfaitement content. Pourvû que ma Catau jouisse d'une santé désirable, qu'elle continue de m'aimer, qu'elle me donne ces embrassements, qui me transportent ; je ne demande rien au Ciel[1213]

[1212] Перевод: «Через мгновение после того, как вы вчера вечером уехали, я дезертировал из комнаты императрицы, спустился до самого низа лестницы: было слишком поздно. Будьте уверены, моя добрая подруга, что невозможно быть более признательным, чем я, что я вполне чувствую счастье, которое небо предназначило мне в вашем лице. Чувство не может являться в более живых, более деликатных формах, чем те, какие оно принимает в вашем сердце и в ваших устах. Моё дело – заслужить его, уметь закрепить его навсегда. Если мне чего-то недостаёт в деликатности, вы хорошо знаете, что у меня всё есть в добродушии и прямоте. Моя слишком сильная лень заставляет меня предпочитать удобства и покой требованиям минуты. Но хорошенько браните меня. Дайте мне почувствовать, что бояться всякого немного трудного, немного рискованного предприятия – значит изменять человеческому достоинству. Дайте мне хорошо понять, что недостаточно просто существовать каким бы то ни было образом; нужно отметить своё существование величайшей деятельностью, усилиями всякого рода. Добродетель, говорят, состоит только в жертвах. Часто приходится отказываться от покоя, от личного благополучия, чтобы действовать как человек, чтобы подвергаться негодованию корыстных людей. Но где взять эту силу души, если природа вложила в нашу грудь только мягкие склонности, уступчивость и робость? Это складка характера, которую я, к несчастью, приобрёл. И твёрдость у меня есть только для того, чтобы утешать себя капризами Фортуны, когда по собственной неловкости я упускаю её милости. Утешать себя! Я очень неправ. С тех пор как у меня есть добродетельная и чувствительная супруга, мне нечего иметь дело с Фортуной. Я счастлив, если вы меня любите».

[1213] Перевод: «Доброе утро, моя подруга, моя дорогая Като. Утро тянется для меня слишком долго, а мой Кузен и полдень слишком медлительны, чтобы удовлетворить мои самые горячие желания. Я здесь, да и повсюду, очень мало интересен. И, к несчастью, завтра предстоит ещё тягомотина: обед в Чесме, бал и ужин в Таврическом. Я очень плохо выгляжу во всех этих увеселениях вельмож и двора, а между тем тщеславие потребует этой мучительной жертвы. Не даром же человек бывает придворным. Нас хорошо кормят: надо же скучать среди удовольствий. Впрочем, это моя вина. Нельзя было бы дать больше свободы и весёлости. Но я

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 74-75).

<406>

<до 9 сентября 1795 г.>

Absent, comme je suis, je ne puis pas, ma bonne amie, m'occuper de mille soins agréables auprès de Votre personne ; mais je Vous prie, je Vous demande en grace d'etre toujours cette Catau si douce, si patiente, si calme, qui a commencé mon bonheur et de qui j'attends l'heureux succès de touts mes vœux < ?>. Songez que tout le bien, que Vous ferez à Votre santé, Vous le ferez dirèctement à moi. Prenez garde à touts vos pas, à votre repos, a votre exercice, surtout au calmeheureux de vos passions. Heureux , qui n'en connoit que celles, qui nous disposent favorablement envers les autres, qui ne font, que nous émouvoir agréablement, sans bouleverser tout notre etre. Vous m'avez dit tant de fois, que mon bonheur ne Vous affligeoit pas. Vos sentiments, vos actions, bien mieux, que les paroles, m'ont confirmé mille fois, ce que votre bouche assuroit. L'ennui, la médiocrité, la Solitude, la misère même ne vous auroient point parû effrayantes auprès de moi. De combien doit etre plus douce notre situation présente, lorsque détachés de toutes ces illusions inutiles, qui font l'unique bonheur des autres, nous jouissons tranquillement d'une aisance honnête, auprès d'un père chèri, qui nous aime tendrement, environnés des parens et d'amis sensibles ! Pour jouir parfaitement de son bonheur, il faut quelque fois le retracer à ses propres yeux et s'attendrir au fond de son cœur sur la bonté del'Etre suprême, qui nous donna de la Sensibilité et des sujets si agréables pour l'exercer. Je Vous envoie ma confession de foi, et mon Histoire, si vous voulez. Elle est fort et bien édifiante. J'ai bien diné, puis un tour de promenade en traineau. Le Grand Duc est allé chez sa Maman, moi je suis à écrire ici à la mienne. Bonsoir, je Vous embrasse bien tendrement[1214]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 76-77 об.).

хочу смеяться над моими неловкостями и глупостями. Я слишком счастлив, чтобы иметь охоту ссориться. Всё это только сильнее напоминает мне место, где я совершенно доволен. Лишь бы моя Като наслаждалась желанным здоровьем, продолжала любить меня и дарила мне эти объятия, которые приводят меня в восторг, – я больше ничего не прошу у Неба».

[1214] Перевод: «Будучи в отсутствии, моя добрая подруга, я не могу заниматься тысячей приятных забот возле вашей особы; но я прошу вас, прошу как милости: будьте всегда этой Като, столь мягкой, столь терпеливой, столь спокойной, которая положила начало моему счастью и от которой я жду счастливого исполнения всех моих желаний. Помните, что всякое добро, которое вы сделаете вашему здоровью, вы сделаете прямо мне. Берегитесь во всех ваших шагах, в вашем отдыхе, в вашем движении, а особенно в счастливом спокойствии ваших чувств. Счастлив тот, кто знает только такие чувства, которые благоприятно располагают нас к другим, которые лишь приятно нас волнуют, не потрясая всего нашего существа. Вы столько раз говорили мне, что моё счастье вас не огорчает. Ваши чувства, ваши поступки, гораздо лучше слов, тысячу раз подтвердили мне то, что уверяли ваши уста. Скука, скромный удел, одиночество, даже бедность не показались бы вам страшными рядом со мной. Насколько же должна быть слаще наша нынешняя участь, когда, отрешённые от всех этих бесполезных иллюзий, составляющих единственное счастье других, мы спокойно наслаждаемся честным достатком возле любимого отца, который нежно нас любит, окружённые родными и чувствительными друзьями! Чтобы вполне наслаждаться своим счастьем, нужно иногда вновь представить его собственным глазам и умилиться в глубине сердца благости Верховного Существа, которое дало нам чувствительность и столь приятные предметы для её упражнения. Я посылаю вам моё исповедание веры и мою историю, если хотите. Она весьма и даже весьма назидательна. Я хорошо пообедал, потом совершил прогулку на санях. Великий князь пошёл к своей маман, а я здесь пишу моей. Добрый вечер, обнимаю вас очень нежно».

<407>
<1795 г., до 9 сентября>[1215]

Eh bien ! nos doutes, nos esperances, en est-il quelque chose de decidé ? Pourvû que vous vous portiez bien, que vous ne soyez point malheureuse : je suis tout a fait content. Ma bonne amie, ma situation est digne d'envie. Vous savez à quel point je suis heureux. Croyez moi que j'ai un cœur pour le sentir, que j'ai des yeux, pour vous apprècier. Pardon, que je vous ecris si tard. Il n'y a qu'un moment, que Mr. del'Harpe est venu chez le Grand Duc et je profite de ce moment de loisir pour friffoner <?> ces mots. Il est vrai, que je ne suis ici bon à rien : mais c'est que je suis tout entier chez moi. Je pense au moment qui me ramenera au sein de ma famille, de gouter ma félicité. Envoyez-moi je Vous prie un autre carosse, que celui dans le quel nous allons ordinairement , pour qu'il puisse servir à vous mèner et ramener. Une paire de chevaux vous suffira de même qu'à moi et nous pourrons aller et venir sans nous arrêter mutuellement. Ma chère paresse se flatte de diner auprès de vous dans votre ménage, de vous contempler, de vous caresser à l'aise, d'etre le plus heureux des hommes, puisque Vous le voulez. Adieu, ma bonne[1216]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 79-80 об.).

<408>

Ma bonne amie veille a minuit et ne sent pas le besoin du sommeil, parcequ'elle épanche son cœur et qu'après avoir épuisé sa tendresse, elle croit encore avoir peu fait. Injuste envers elle-même, elle se dépouille de mérite, pour en revêtir l'heureux ami, qui voudroit en effet réunir en soi toutes les qualités aimables, pour prolonger, s'il se peut, l'illusion de son amie. Ah ! mon amie confondons nos interêts en un seul, qui soit inséparable à jamais. Pourquoi vouloir établir une distinction entre nos deux personnes, quand l'union la plus douce et la plus sainte n'en fait qu'une seule et même personne ? De tout ce mérite prétendu, c'est ne supposer rien, que de me croire capable d'une injuste indifference, d'une inconstance, plus coupable, d'une noire ingratitude. Mon cœur et ma raison conspirent ensemble, de trouver mon bonheur dans la douce persuasion de vous plaire, dans l'unique occupation de vous aimer, dans la communication intime de nos plaisirs, de nos chagrins et de nos sentiments. Tout dans la vie nous doit paraitre légèr à present, puisque le fardeau de chacun est partagé, puisque la consolation est toute trouvée et qu'un cœur ne soupire pas, qu'il ne soit entendu par l'autre. Nos passions, nos sentiments rendus communs à nous deux, en doivent recevoir plus de générosité, plus de grandeur, que s'ils n'etoient resterés, que dans un seul. L'amour permis, autorisé, consacré aux yeux des hommes et plus saint dans nos cœurs, repoussera loin de nous l'ennui, les soucis, les chagrins, toutes les passions tristes et malfaisantes et ne souffrira l'approche et le mêlange, que de ces affections douces et consolantes, qui nous réunissent à toute l'humanité. L'amitié, la compassion, la bienfaisance, cette politesse du cœur,

---

[1215] Датируется приблизительно по упоминанию в тексте Лагарпа, который уехал из России в мае 1795 г.

[1216] Перевод: «Ну что? Наши сомнения, наши надежды – решилось ли что-нибудь? Лишь бы вы были здоровы, лишь бы не были несчастны: я совершенно доволен. Моя добрая подруга, моё положение достойно зависти. Вы знаете, до какой степени я счастлив. Поверьте мне, у меня есть сердце, чтобы это чувствовать, и глаза, чтобы вас оценить. Простите, что я пишу вам так поздно. Только минуту назад господин де Лагарп пришёл к великому князю, и я пользуюсь этой минутой досуга, чтобы нацарапать эти слова. Правда, здесь я ни на что не годен; но это потому, что я целиком у себя дома. Я думаю о минуте, которая вернёт меня в лоно моей семьи, чтобы вкусить моё блаженство. Пришлите мне, прошу вас, другой экипаж, не тот, в котором мы обыкновенно ездим, чтобы он мог служить для того, чтобы отвезти вас и привезти обратно. Пары лошадей будет достаточно и вам, и мне, и мы сможем ездить туда и обратно, не задерживая друг друга.

Моя дорогая лень льстит себя надеждой обедать возле вас в вашем домашнем кругу, созерцать вас, ласкать вас вволю, быть счастливейшим из людей, раз вы этого хотите. Прощайте, моя добрая».

qui ne vous quitte jamais, ces égards, ces attentions flatteuses, qui vous attachent touts les cœurs, feront les charmes et les délices de notre vie. Vous savez excuser et ma paresse et mes inégalités : vous ne trouverez jamais mon cœur en faute et je desire ne pas voir le moment, où il cessera d'etre lui-même[1217]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 81-82 об.).

<409>

L'injustice peut-elle trouver place dans le cœur de ma tendre amie ? une petitte bouderie, direz-vous, passe avec le moment, qui l'a vû naitre. Si vous le dites, je ne veux pas m'en souvenir. Mais vous etes injuste, si un moment vous avez crû, ce que le caprice vous a inspiré. Non, ma chère amie, mon unique amie, ma libératrice, c'est Vous qui j'aime, c'est votre bonté inaltérable, votre douceur, votre générosité delicate, que j'adore, que j'adorerai toute ma vie. Je serais indigne d'etre votre epoux, si je n'avois, que des sens. Dès le moment, où je n'aurai point de cœur à vous offrir, oubliez-moi, chassez-moi de votre presence. Le jeune homme coupable ne voit qu'une femme dans sa maitresse ; l'homme mûr et raisonnable ne voit que l'obligation d'etre sage et vertueux, dans les liens aussi délicieux que nécèssaires, qu'il forma par refléxion, qui l'honorent à ses propres yeux et à ceux du public. Son existance physique et morale se transporte toute entière et se fond avec celle de son épouse. On n'a qu'un nom, qu'un bien, que la même famille, comme le même toit, qu'un cœur, qu'une ame. Tout ce qu'un homme a de précieux sur la terre, nous le possédons en commun. Je chéris vos vertus, parceque je me les approprie : vous m'en inspirerez des nouvelles, des que Vous le voudrez. Mon honneur surtout, ma réputation, mes principes sont un trésor sous votre garde. Le moindre égarement est un tort, que je vous fais. Puissai-je ne vous offenser jamais de cette manière. Puissez-vous ne jamais etre contrainte de rougir du nom de ma femme ! Voilà mes vœux les plus ardents, les plus sincères. Et je sais très bien, qu'ils sont les

[1217] Перевод: «Моя добрая подруга бодрствует в полночь и не чувствует потребности сна, потому что изливает своё сердце и, исчерпав свою нежность, всё ещё думает, что сделала мало. Несправедливая к самой себе, она снимает с себя заслугу, чтобы облечь ею счастливого друга, который и в самом деле хотел бы соединить в себе все любезные качества, чтобы, если возможно, продлить иллюзию своей подруги. Ах, моя подруга, сольём наши интересы в один, нераздельный навсегда. Зачем хотеть устанавливать различие между нашими двумя лицами, когда самый сладкий и самый святой союз делает из них одно и то же лицо? Во всей этой предполагаемой заслуге нет почти ничего: это значит считать меня способным к несправедливому равнодушию, к ещё более виновному непостоянству, к чёрной неблагодарности. Моё сердце и мой разум вместе стремятся находить моё счастье в сладкой уверенности, что я вам нравлюсь, в единственном занятии – любить вас, в интимном сообщении наших радостей, наших огорчений и наших чувств. Всё в жизни теперь должно казаться нам лёгким, потому что ноша каждого разделена, потому что утешение уже найдено и ни одно сердце не вздыхает так, чтобы другое его не услышало. Наши страсти, наши чувства, став общими для нас обоих, должны получить от этого больше великодушия, больше величия, чем если бы они оставались только в одном. Любовь дозволенная, узаконенная, освящённая в глазах людей и ещё более святая в наших сердцах отгонит от нас скуку, заботы, огорчения, все печальные и злотворные страсти и допустит к себе приближение и смешение только тех мягких и утешительных чувств, которые соединяют нас со всем человечеством. Дружба, сострадание, благотворительность, эта вежливость сердца, которая никогда вас не покидает, эти знаки уважения, эти лестные внимания, которые привязывают к вам все сердца, составят прелесть и наслаждение нашей жизни. Вы умеете извинять и мою лень, и мои неровности; но вы никогда не найдёте моё сердце виновным, и я желаю не увидеть того мгновения, когда оно перестанет быть самим собой».

mêmes pour vous et pour moi. A me juger d'après cela, je ne me declarerais pas tout a fait innocent ; mais la bonne volonté y est. Sachez, que cela soit[1218]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 83-84 об.).

<410>

Chère épouse, coeur sensible et généreux! Vous parlez de pitié, d'indifférance : ah ! je mériterois bien le premier sentiment, si j'eusse été jamais capable du second. Supposé, que je fusse ce monstre, ce rebut des hommes, vous ne laisseriez pas encore en ma puissance de garder une insensibilité revoltante. Vous me reprochez quelque fois ma modéstie : que dirois-je, moi, de ce soin opiniatre de vous abaisser, de vous méconnoitre vous-même, qui ne vous réussira jamais, quelque peine que vous preniez. Mais je redoute également les justifications et les compliments. Votre délicatesse paroit me déffendre l'une et l'autre. Que les actions <prouvent ?> de mes sentiments, bien mieux les paroles. Pour justifier quelques moments, j'en appelle à ma vie entière. Elle se passera toute à vous chérir du fond de mon cœur, à vous respecter, à vous servir. J'envisage le mensonge, comme la chose, la plus lâche, la plus criminelle, la plus méprisable. Je Vous ai juré l'amour : je ne connois de plaisir, plus grand, plus vivement senti, que de vous répéter touts les jours mes serments. Jamais je ne connus des jours plus hereux, que ceux que j'ai passé auprès de vous. Le souvenir en est inéffacable. Touts mes desirs, toute mon esperance est la continuation de ce bonheur. Il sera parfait, si j'obtiens le sacrifice de toutes les petites défiances, que je me flatte de n'avoir point méritées. Si je suis traitre, abandonnez-moi à mon mauvais sort, n'ayez aucune compassion de l'insensé, qui méconnait son bonheur, livrez-le à l'éxécration des hommes, à ses remords. Si je ne suis pas, soyez tranquille, soyez heureuse, aimez-moi[1219]

[1218] Перевод: «Может ли несправедливость найти место в сердце моей нежной подруги? Маленькая обида, скажете вы, проходит вместе с мгновением, которое её породило. Если вы так говорите, я не хочу о ней помнить. Но вы несправедливы, если хоть на мгновение поверили тому, что внушил вам каприз. Нет, моя дорогая подруга, моя единственная подруга, моя освободительница, это вас я люблю, это вашу неизменную доброту, вашу мягкость, вашу деликатную великодушность я обожаю и буду обожать всю мою жизнь. Я был бы недостоин быть вашим супругом, если бы у меня были только чувства. С той минуты, когда у меня не будет сердца, чтобы предложить его вам, забудьте меня, изгоните меня из вашего присутствия. Виновный юноша видит в своей возлюбленной только женщину; зрелый и разумный человек видит в узах, столь же сладостных, сколь необходимых, которые он образовал сознательным выбором и которые чтят его в собственных глазах и в глазах общества, только обязанность быть мудрым и добродетельным. Его физическое и нравственное существование целиком переносится и сливается с существованием его супруги. У них одно имя, одно достояние, одна семья, как и один кров, одно сердце, одна душа. Всё драгоценное, что человек имеет на земле, мы владеем этим сообща. Я люблю ваши добродетели, потому что присваиваю их себе; вы внушите мне новые, как только захотите. Моя честь прежде всего, моя репутация, мои принципы – это сокровище под вашей охраной. Малейшее отклонение – это вина, которую я совершаю перед вами. О, если бы мне никогда не оскорбить вас таким образом. Пусть вам никогда не придётся краснеть от имени моей жены! Вот мои самые горячие, самые искренние желания. И я очень хорошо знаю, что они одни и те же для вас и для меня. Если судить меня по этому, я не объявил бы себя совершенно невиновным; но добрая воля есть. Знайте, что это так».

[1219] Перевод: «Дорогая супруга, чувствительное и великодушное сердце! Вы говорите о жалости, о равнодушии: ах, я вполне заслуживал бы первого чувства, если бы когда-либо был способен на второе. Предположим, что я был бы этим чудовищем, этим отбросом людей: вы всё равно не оставили бы в моей власти сохранить возмутительную бесчувственность. Вы иногда упрекаете меня в скромности; что же сказал

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 87-88 об.).

<411>

<после 19 августа 1795>[1220]

Mille grâces, ma bonne amie, pour cette lettre, qui me rassure. Mais il faut tenir sa parole scrupuleusement. Il faut se porter bien et ne point faire repentir votre fidèle ami pour son audacieuse absence. Il faut faire bonne mine à mauvais jeu et souffrir avec résignation touts les ennuis, que notre petit ingrât Vous donne. Pour moi, je serois on ne peut pas mieux, si je ne savois pas une autre place, où je voudrois me trouver. Il y a eu aujourd'hui à la cour distribution des terres aux seigneurs, qui avoient plus ou moins de part aux affaires de Pologne. Les maréchaux ont eu 1000 paysans. <Князь А.А.> Bezborodka 5000 et cetera. Je Vous souhaite le bonjour. Je Vous embrasse mille fois. Adieu[1221]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 90-90 об.).

<412>

Ame généreuse et sensible, cœur aimant ! ton ami ne craint rien, que l'excès de ta sensibilité. Souviens-toi, que mon bonheur est endépot chez toi, que tu dois me répondre de ta santé. Le sommeil a-t-il descendu sur tes paupières ? Ton cœur est-il reconcilié avec son ami, avec son calme ? Je suis loin de toi : tout me rappele la difference de ce jour si long, si inutile, avec ces instants de bonheur, que j'ai gouté auprès de toi. Mais n'es tu pas pleinement convaincue, que près de toi, loin de toi, c'est pour toi que je vis, que je ne vivrai autrement, que pour mêler nos deux ames d'une manière inséparable. C'est au dessus de mes forces, que de vous exprimer d'un seul

---

бы я сам об этой упорной заботе принизить себя, не узнать саму себя, что вам никогда не удастся, каких бы усилий вы ни прилагали. Но я одинаково боюсь и оправданий, и комплиментов. Ваша деликатность, кажется, запрещает мне и то и другое. Пусть поступки докажут мои чувства гораздо лучше слов. Чтобы оправдать несколько мгновений, я взываю ко всей моей жизни. Она вся пройдёт в том, чтобы любить вас из глубины моего сердца, уважать вас, служить вам. Я смотрю на ложь как на самую трусливую, самую преступную, самую презренную вещь. Я поклялся вам в любви: я не знаю удовольствия большего, более живо ощущаемого, чем повторять вам каждый день мои клятвы.

Никогда я не знал дней более счастливых, чем те, которые провёл возле вас. Воспоминание о них неизгладимо. Все мои желания, вся моя надежда – продолжение этого счастья. Оно будет совершенным, если я добьюсь жертвы всех маленьких недоверий, которых, смею надеяться, я не заслужил. Если я предатель, оставьте меня моей злой участи, не имейте никакого сострадания к безумцу, который не знает своего счастья; предайте его проклятию людей и его угрызениям совести. Если же я не таков, будьте спокойны, будьте счастливы, любите меня».

[1220] Основание датировки – указание на награждение за труды при заключении мира с Турциею в 1793 г. А.А. Безбородки, которое произошло 19 августа 1795 г.: он получил староство Хмельницкое в Брацлавской губернии с 4981 душ крестьян [Григорович, 2, с. 664].

[1221] Перевод: «Тысяча благодарностей, моя добрая подруга, за это письмо, которое меня успокаивает. Но нужно держать своё слово самым строгим образом. Нужно быть здоровой и не заставлять вашего верного друга раскаиваться в его дерзком отсутствии. Нужно делать хорошую мину при плохой игре и с покорностью переносить все неприятности, которые причиняет вам наш маленький неблагодарный. Что до меня, я был бы как нельзя лучше, если бы не знал другого места, где хотел бы находиться. Сегодня при дворе была раздача земель вельможам, которые имели большее или меньшее участие в польских делах. Маршалы получили по 1000 крестьян. Безбородко – 5000 и так далее. Желаю вам доброго утра. Обнимаю вас тысячу раз. Прощайте».

mot l'effet que produit sur moi cette intéressante tendresse, que votre ame respire. Je ne demande au ciel qu'une ame aussi pure ou moins indigne de repondre à ce que ressent la tienne. Pardonne-moi ce fatras. Je sens encore une fois combien le sentiment perd, quand il est confié au papier. Voilà que l'instant arrive, où ma bouche collée sur sa main, je te dirai meiux par mon silence ce que mes paroles n'ont tenté qu'en vain de vous rendre. Je vous embrasse mille et mille fois[1222]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 92-93).

<413>

Ma bonne amie ! je prends la plume pour vous parler un moment à votre coucher, pour vous souhaiter du repos de la santé, un sommeil profond et agréable. J'ai à vous rendre mille grâces pour votre petite visite del'après midi. Me voilà tout seul. Mon malade[1223], malgré son rhume, s'est laissé entrainer par son frère[1224] et sa belle sœur[1225], qui avoient passé chez lui. Les moments s'écouleroient plus agréablement ailleurs, qu'ici. Mais on n'est pas le maitre des circonstances. On l'est de soi-même. Rien ne sauroit m'enlever votre aimable idée, ce sentiment, que je vous ai voué pour toujours, que je vous savez l'empreint dans mon cœur en caractères inéffacables. Vous êtes trop vraie, trop noble pour en douter un moment, pour ne pas me rendre une pleine justice. Vous avez paru douter quelque fois de ma délicatesse aussi je m'humilie devant une ame angêlique, moi, qui tiens un peu trop aux foiblesses de mon sèxe. Mais je ne suis pas aussi tout-à-fait grossier. Je crois savoir aimer, aimer de cœur, indépendamment des sens. Je sens toute la dignité, toute la sainteté de notre union. Je ne fais que rendre grâces à l'Être Suprême touts les jours de ma vie pour le bonheur d'etre à vous, de vous chérir, d'etre cheri de Vous. J'ai respiré jusqu'ici : je ne commence de vivre, que depuis, que je vis pour vous. Je me flatte de revivre dans un autre être qui nous mêlera touts les deux et qui resserrera encore davantage ces liens si doux, si jamais ils le peuvent l'etre, plus qu'ils ne le sont. Après cela allez vous coucher et revoyez en songe[1226] toutes mes espérances[1227]

[1222] Перевод: «Великодушная и чувствительная душа, любящее сердце! Твой друг не боится ничего, кроме избытка твоей чувствительности. Помни, что моё счастье отдано тебе на хранение, что ты должна отвечать передо мной за своё здоровье. Сошёл ли сон на твои веки? Примирилось ли твоё сердце со своим другом, со своим спокойствием? Я вдали от тебя: всё напоминает мне разницу между этим столь долгим, столь бесполезным днём и теми мгновениями счастья, которые я вкусил возле тебя. Но разве ты не вполне убеждена, что возле тебя или вдали от тебя – я живу для тебя, что я не буду жить иначе, как для того, чтобы слить наши две души нераздельно? Выше моих сил выразить тебе одним словом действие, которое производит на меня эта трогательная нежность, которой дышит твоя душа. Я прошу у неба только души столь же чистой или хотя бы менее недостойной отвечать тому, что чувствует твоя. Прости мне эту писанину. Я ещё раз чувствую, как много теряет чувство, когда его доверяют бумаге. Вот уже приближается мгновение, когда, прижав уста к твоей руке, я лучше скажу тебе своим молчанием то, что мои слова тщетно пытались тебе передать. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз».

[1223] Вероятно, великий князь Константин Павлович.

[1224] Вероятно, великий князь Александр Павлович.

[1225] Елизавета Алексеевна (1779-1826) – жена великого князя Александра Павловича.

[1226] Далее край листа надорван, как минимум одно слово пропущено.

[1227] Перевод: «Моя добрая подруга! Я беру перо, чтобы поговорить с вами на минуту перед вашим сном, чтобы пожелать вам покоя, здоровья, глубокого и приятного сна. Я должен воздать вам тысячу благодарностей за вашу маленькую послеобеденную прогулку ко мне. Вот я совсем один. Мой больной, несмотря на простуду, позволил увлечь себя своему брату и своей невестке, которые заходили к нему. Мгновения проходили бы приятнее в другом месте, чем здесь. Но человек не хозяин обстоятельств; он хозяин самого себя. Ничто не

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 94-95 об.).

<414>

Mon unique amie ! je Vous salue. Vous avez déjà tant pensé à moi aujourd'hui : eh bien ! c'est mon histoire : je vous ai lue, je vous ai parlé, mes paroles ne sont pas parvenues jusqu'à vous. Mais bientôt plus heureux je baiserai mille fois vos yeux, votre petit doigt < ?>. Adieu. Je n'ai pas le tems d'ecrire. Il faut que je suive mon prince, qui s'en va boitant < ?> chez son frère. C'est la suite de la soirée d'hier : une chûte, qu'il fit en courant. Me voilà ! revenu, après l'avoir accompagné. Je ne desire rien tant que de revenir tout-à-fait chez moi, chez Vous. Quant à la visite, je n'en sais pas plus que Vous. Ne pas bouger de chez soi seroit bien le parti le plus agréable pour ma paresse. Mais comment concilier tout cela avec la nécéssité impérieuse, qui nous entrainé bon gré, mal gré ? que ce soit aujourd'hui ou un autre jour : il faudra bien y aller. La Comtesse Shouvaloff en revenant a demandé des nouvelles de votre santé. Je lui ai dit, que nous ne l'avions pas trouvée chez elle. Mon Dieu, repondit-elle, c'etoit à moi de vous rendre la visite ; mais je n'en ai pas eu le tems jusqu'ici. Je vous plains seulement, ma chère amie, d'etre condamnée à cette fatigue du travestissement. Aviez-vous consulté vos cousins là-dessus ? on peut charger l'ingénieux *Maxime*[1228] de la plûpart des visites, qu'il pourra faire à pied, ou sur un *Isvoschiek*. Nos affaires d'état nous prennent trop de tems, que nous pourrions employer infiniment mieux dans la chambre de toilette. Je vous embrasse de tout mon cœur. Au revoir[1229]

может отнять у меня ваш милый образ, это чувство, которое я навсегда посвятил вам и которое, как вы знаете, запечатлено в моём сердце неизгладимыми знаками. Вы слишком правдива, слишком благородна, чтобы хоть мгновение в этом сомневаться, чтобы не воздать мне полной справедливости. Вы, казалось, иногда сомневались в моей деликатности; поэтому я смиряюсь перед ангельской душой – я, который слишком привязан к слабостям моего пола. Но я всё же не совсем груб. Я думаю, что умею любить – любить сердцем, независимо от чувств. Я чувствую всё достоинство, всю святость нашего союза. Я только и делаю, что во все дни моей жизни благодарю Верховное Существо за счастье принадлежать вам, любить вас, быть любимым вами. До сих пор я только дышал; жить я начинаю лишь с тех пор, как живу для вас. Я льщу себя надеждой снова жить в другом существе, которое смешает нас обоих и ещё теснее скрепит эти столь сладкие узы, если только они вообще могут быть теснее, чем уже есть. После этого ложитесь спать и увидьте во сне все мои надежды».

[1228] Неустановленное лицо.

[1229] Перевод: «Моя единственная подруга! Приветствую вас. Вы уже столько думали обо мне сегодня: ну что ж, вот и моя история – я читал вас, говорил с вами, но мои слова до вас не дошли. Зато скоро, более счастливый, я тысячу раз поцелую ваши глаза, ваш маленький пальчик <…>. Прощайте. У меня нет времени писать. Нужно следовать за моим принцем, который хромая идёт к своему брату. Это последствия вчерашнего вечера: падения, которое он совершил, когда бежал. Вот я и вернулся, проводив его. Я ничего так не желаю, как окончательно вернуться домой, к вам. Что касается визита, я знаю об этом не больше вас. Не двигаться с места было бы, конечно, самым приятным решением для моей лени. Но как согласовать всё это с властной необходимостью, которая увлекает нас волей-неволей? Сегодня или в другой день – всё равно придётся ехать. Графиня Шувалова, возвращаясь, спрашивала о вашем здоровье. Я сказал ей, что мы не застали её дома. «Боже мой, – ответила она, – это мне следовало нанести вам визит; но до сих пор у меня не было времени. Я только жалею вас, моя дорогая, что вы обречены на эту утомительность переодевания». Советовались ли вы об этом с вашими кузенами? Можно поручить изобретательному Максиму большую часть визитов, которые он сможет сделать пешком или на извозчике. Наши государственные дела отнимают у нас слишком много

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 98-99 об.).

<415>

Ma vie m'est devenue bien précieuse, depuis que Vous y prenez un intérêt si vif et si touchant. Vous ne respirez qu'en moi, dites-vous, ma tendre amie : mais vous avez ennobli en moi cet être grossier, qui souvent pour moi n'etoit, qu'un sentiment lourd et sans attrait. Si je vis, c'est pour vous, c'est par vous-même. Ce n'est pas le présent seul, que vous embelissez ; vous avez étendu votre bienfaisance jusque sur le passé, vous me retablissez à mes propres yeux, vous n'ouvrez mon ame qu'à la joye pure de vous nommer mon amie, de compter ma vie au nombre de vos bienfaits. Que faire d'une existance, qui n'interesse personne, à la quelle personne n'a daigné d'unir la sienne ? Quelle différance d'une vie pareille à celle, dont vous me faites jouir ? Pour la vertu la plus pure, il n'existe pas de recompense plus douce, que le bonheur ; que je tiens de vous, qui regne du vous, c'est la vertu. Ce n'est pas l'empire des sens grossiers, impuissant, qui ne remplit le cœur, qu'un moment : c'est l'union des ames, qui s'est etablie en nous, pour ne jamais cesser. L'absence ne peut nous éloigner l'un de l'autre. Je vous vois <en> mémoire, dans mon cœur. Une soirée est bientôt passée : notre sentiment durera, autant que l'existance. Soyons bien vertueux, bien bons, bien courageux, pour nous aimer davantage, s'il est possible. Je vous demande que Vous preniez bien garde à Vous, que Vous ménagiez votre santé pour moi. C'est mon bien. Soyez en bien avare. Embrassez pour moi mon père, notre père commun, qui m'aima par-dessus tout, qui fait respecter votre ame, votre douce sensibilité. Que j'aime mon beau frère[1230], pour la justice qu'il sait vous rendre ! Adieu[1231]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 102-103 об.).

<416>

времени, которое мы могли бы бесконечно лучше употребить в туалетной комнате. Обнимаю вас от всего сердца. До свидания».

[1230] Вероятно, Василий Федорович Колокольцев (1765 – дата смерти неизвестна) – брат Екатерины Фёдоровны Муравьёвой, урожд. Колокольцевой, и, соответственно, шурин Муравьёва. Два других сына Ф.М. Колокольцева – Иван и Михаил – умерли во младенчестве.

[1231] Перевод: «Моя жизнь стала мне очень дорога с тех пор, как вы принимаете в ней такое живое и трогательное участие. Вы дышите только во мне, говорите вы, моя нежная подруга; но вы облагородили во мне это грубое существо, которое часто для меня самого было лишь тяжёлым и лишённым прелести ощущением. Если я живу, то для вас, то благодаря вам самой. Вы украшаете не одно только настоящее; вы распространили ваше благодеяние даже на прошлое, вы восстанавливаете меня в моих собственных глазах, вы открываете мою душу лишь чистой радости называть вас моей подругой, считать мою жизнь одним из ваших благодеяний. Что делать с существованием, которое никого не интересует, с которым никто не соизволил соединить своё? Как отличается такая жизнь от той, которой вы даёте мне наслаждаться! Для самой чистой добродетели нет более сладкой награды, чем счастье; счастье, которым я обязан вам, – это добродетель, царящая в вас. Это не власть грубых чувств, бессильная и наполняющая сердце лишь на мгновение; это союз душ, который установился в нас, чтобы никогда не прекратиться. Отсутствие не может отдалить нас друг от друга. Я вижу вас в памяти, в моём сердце. Один вечер скоро пройдёт; наше чувство продлится столько же, сколько существование. Будем очень добродетельны, очень добры, очень мужественны, чтобы любить друг друга ещё больше, если это возможно. Я прошу вас: берегите себя, щадите ваше здоровье ради меня. Это моё благо. Будьте очень бережливы с ним. Обнимите за меня моего отца, нашего общего отца, который так любит меня, который умеет уважать вашу душу, вашу мягкую чувствительность. Как я люблю моего шурина за справедливость, которую он умеет вам воздавать! Прощайте».

Bonjour, ma bonne amie ! vous m'avez attendu, je gage, hier au soir. Mais j'etois dans les grandeurs. Je m'ennuyois d'une manière sublime. En revanche je m'en vais jouir aujourd'hui *incognito* et à petit bruit chez moi, avec ma petite femme. Ma matinée sera abregée aujourd'hui. Mme la Grand Duchesse <Мария Федоровна> me fit l'honneur de dire hier, qu'elle devoit donner une séance à la peinture. Le Grand Duc <Константин Павлович> se propose d'aller faire une promenade à pied : c'es pourquoi il fit inviter mon cousin <И.М. Муравьева мл.> vers les dix heures, croyant apparement vous faire sa cour parlà. A çà, adieu. Je suis dans un moment pour vous dire bon jour de bouche[1232]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 106-106 об.).

<417>

J'écrirai donc d'un coté inusité. J'ai été dans <la> félicité aujourd'hui. La Grande Duchesse, Son Epoux <Елизавета Алексеевна и Александр Павлович> se sont informé de notre santé. La Comtesse Schouvaloff s'excuse de n'etre pas venu jusqu'ici. Craignant de Vous incommoder. Baissez le main de Papa <Ф.М. Колокольцева>. Mes compliments à Madame <М.И. Колокольцевой>. Adieu. Mille remerciments ma chère amie pour votre charmant billet. Vous connoissez ma crédulité : je croirai à la lettre, ce que Vous m'ecrivez. Je supposerai, que Vous Vous portez assez bien. Tachez ma bonne amie de faire rèaliser mon esperance. Je n'ai pas un brin de sable[1233]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 108-109).

<418>

<не ранее сентября 1795 г.> [1234]

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Еще прозьба: чем ближе к отъезду, тем более видим разныя неудобства. Мы сбираемся привести с собой кормилицу. Следовательно, место занято будет в карете, а кое-что будет еще перевозить. Так покорнейше просим прислать к нам завтра повозку на лошади одной с человеком, да кроме того форейтера с седлом. Нам кажется, будто надежнее ехать по городскому, нежели четверкою в ряд. Мы намерены, как скоро я сменюсь с

[1232] Перевод: «Доброе утро, моя добрая подруга! Вы, держу пари, ждали меня вчера вечером. Но я был среди великих. Я скучал возвышенным образом. Зато сегодня я собираюсь наслаждаться инкогнито и без шума у себя дома, с моей маленькой женой. Моё утро сегодня будет сокращено. Госпожа великая княгиня <Мария Федоровна> оказала мне честь сказать вчера, что должна дать сеанс живописи. Великий князь <Константин Павлович> намерен пойти гулять пешком; поэтому он велел пригласить моего кузена <И.М. Муравьева мл.> к десяти часам, думая, по-видимому, тем самым сделать вам приятное. Ну, прощайте. Через минуту я буду у вас, чтобы пожелать вам доброго утра устно».

[1233] Перевод: «Итак, я буду писать с необычной стороны. Сегодня я был в блаженстве. Великая княгиня и её супруг <Елизавета Алексеевна и Александр Павлович> справлялись о нашем здоровье. Графиня <Е.П.> Шувалова извиняется, что до сих пор не приехала, опасаясь вас обеспокоить. Поцелуйте руку папа <Ф.М. Колокольцева>. Мои поклоны мадам <М.И. Колокольцевой>. Прощайте. Тысяча благодарностей, моя дорогая подруга, за ваш очаровательный билет. Вы знаете мою доверчивость: я поверю буквально тому, что вы мне пишете. Я буду предполагать, что вы чувствуете себя довольно хорошо. Постарайтесь, моя добрая подруга, осуществить мою надежду. У меня нет ни крупинки песку».

[1234] Письмо написано не ранее сентября 1795: Муравьев упомянул кормилицу, очевидно, необходимую его сыну Никите.

дежурства, тотчас ехать в город. Впрочем, целуя мысленно ручку вашу, с глубочайшим почтением пребуду

Милостивый Государь батюшка!
Ваш покорнейший сын
Михайло Муравьев

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 18-18 об.).

1797

<419>

<февраль -начало марта 1797 г.>[1235]

Le treize… c'est un nombre mystérieux, qui me comblera de joye, ou en rabattra beaucoup, en reprimant ma suffisance. C'est au nom de treize que je Vous prie, ma chère amie, mon unique amie, de gouverner votre excessive sensibilité. Au lieu de vous ménager par une prudence necessaire, je donne mille occasions pendant la journée à l'exercer cette faculté de votre ame, aussi intérésante, qu'inquiéte. Le mois du bonheur, n'est pas encore écoule tout-à-fait, que me laissant maitriser par les caprices de la mauvaise humeur, je vous ai déjà attristé, je vous ai fait compatir aux accès de ma folie. Pardon, mille fois pardon, ma chère amie, je me dis mille fois le jour de me corriger de ces enfantillages de vanité, des petitesses de l'ame. Il y a tant de chagrins ridicules, tant de frayeurs vaines et bisarres, qu'il ne vaut pas la peine d'y penser. Croyez seulement un seul fait constant et indubitable: c'est que notre union intime, durera autant que la vie, qu'elle n'est pas susceptible d'aucune altération, que mon unique felicité, c'est de vous chérir, plus que ma vie, c'est d'etre aimé de vous, de vous plaire, de chercher en tout, ce qui vous peut etre agréable. Posé cela, ne vous alarmez de quoi que ce soit. Qu'une vapeur vaine obscurcisse ma cervelle un instant, dissipez-la par un regard, par un baiser. Soyez persuadée, que mon affection ne souffre, ne peut souffrir <de?> diminution. Votre bonheur, votre repos de touts les instants est mon bonheur à moi. Songez-y et ne me volez pas. C'est ma propriété. Je vous crois assez généreuse, pour m'accorder sur tout ce que je vous dis une pleine croyance. C'est m'offenser griévement, que de nourrir le moindre doute.

Baisez pour moi la main paternelle.

J'ai fait ressouvenir aujourd'hui le Comte. Il m'a remercié très poliment et différé notre visite jusqu'à son arrivée en ville.

Зачем вам трудиться так далеко?

Adieu[1236]

[1235] Датировка основывается на содержании письма: Муравьев упоминает 13 число как судьбоносную дату, которую он ждет и которой одновременно боится – вероятно, речь о 13 марта 1797 г., когда он уехал из Петербурга в Москву на коронацию Павла I, надеясь на продвижение по службе и опасаясь неудачи [об этом подробнее см.: Зорин]. В этом же письме он упомянул, что «месяц счастья ещё не совсем истёк», т.е. месяц жизни с семьей до отъезда в Москву, следовательно, его можно отнести к февралю или началу марта 1797 г.

[1236] Перевод: «Тринадцатое… это таинственное число, которое или преисполнит меня радостью, или сильно её убавит, укротив мою самоуверенность. Именем тринадцатого я прошу вас, моя дорогая подруга, моя единственная подруга, управлять вашей чрезмерной чувствительностью. Вместо того чтобы щадить вас необходимой осторожностью, я в течение дня даю тысячу поводов упражнять эту способность вашей души, столь трогательную и столь тревожную. Месяц счастья ещё не совсем истёк, а я, позволяя капризам дурного настроения овладевать собой, уже огорчил вас, уже заставил вас сострадать приступам моего безумия. Простите, тысячу раз простите, моя дорогая подруга; я тысячу раз в день говорю себе, что должен исправиться от этих ребячеств тщеславия, от мелочностей души. Есть столько смешных огорчений, столько пустых и странных страхов, что не стоит о них думать. Верьте только одному постоянному и несомненному факту: наш тесный союз будет длиться столько же, сколько жизнь; он не способен ни к какому изменению; моё единственное блаженство – любить вас больше жизни, быть любимым вами, нравиться вам, искать во всём то, что может быть вам приятно. Раз это установлено, не тревожьтесь ничем. Если пустой туман на мгновение затемнит мои мозги, рассевайте его взглядом, поцелуем. Будьте убеждены, что моя привязанность не терпит и не может потерпеть уменьшения. Ваше счастье, ваш покой во всякую минуту – это моё собственное счастье. Подумайте об этом и не обкрадывайте меня. Это моя собственность. Я считаю вас достаточно великодушной,

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 37-38 об.).

<420>

Ч.<ас> 7, Тосна, в час по полудни <?>

<7 марта 1797 г.>[1237]

Мой милый друг, в полночь или, лучше сказать, за полночь пишу я к тебе из покоя, довольно худо убранного, что я, слава богу, здоров и в <пять? семь?> часов времени приехал в Тосну, и все мое желание, чтоб ты была здорова и имела над собою довольно власти, чтобы снести благоразумно нашу первую разлуку. Поцалуй за меня руку у батюшки, перецалуй наших милых ангелов. Со мной здесь Алексей Васильевич Чичагов. Я весьма уверен, чтобы письмо сие пришло верно по своему адресу, несмотря на то я поручаю письмо честности извозчика, которому обещал рубль, чтоб приохотить быть более честным. Мое печаль не описана, ежели ты будешь иметь довольно великодушия и подвергнешь опасности более, нежели мою одну участь. Ты знаешь, мой ангел, сама, сколь много супружеств имеет права на жизнь. Я цалую тебя, жизнь моя, тысячу раз. Попечением твоим я спокоен теперь и был бы совершенно благополучен, ежели бы или с тобою был бы или был бы уверен, что разлука наша не повредит здоровью милой моей *Катиньки*. Прости мне беспорядок письма моего. Я пишу на твоем прекрасном ларчике худо очиненным пером. Читаючи письмо мое, ты вложишь в него красоты вместо недостатков. Прощай. Будь здорова, будь умна.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2)

<421>

1797 г. Марта .8. д.<ня> Новгород[1238]

Милостивый Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Сколько я чувствую удовольствие, что могу писать к вам с верною надеждою, что письмо мое получится. Я писал вчера из Тосны, но я не надеюсь, чтобы ямщик сдержал слово и доставил его моей любезной Катерине Федоровне. Я черезвычайно беспокоюсь о ее теперешнем положении. Мне воображается, что я из одного своенравия лишился несравненного удовольствия жить с почтенным и дорогим родителем, любезною женою и детьми. Но как этого поворотить уже не можно, то я прошу усерднейшее Вышнего сохранить ваше здоровье нерушимо. Я уверен, что вы мою милую Катерину Федоровну утешите, сколько возможно о моем отсутствии. Ma bonne, mon unique amie ! Je me porte, on ne peut pas mieux. Je suis à Novgorod en moins de vingt quattre heures. Il n'y a qu'une image qui me persécute <?> : c'est de m'être séparé de Vous, d'être l'auteur de Vos pleurs, de Vos chagrins. Je ne sais quelle illusion d'étourdi m'a fait rechercher ce voyage. Je n'ai senti que loin de vous,

---

чтобы вы оказали мне полную веру во всём, что я вам говорю. Питать малейшее сомнение – значит тяжко меня оскорблять. Поцелуйте за меня отеческую руку. Я сегодня напомнил графу. Он очень вежливо поблагодарил меня и отложил наш визит до своего приезда в город. Зачем вам трудиться так далеко? Прощайте».

[1237] Мотивировка датировки: в письме от 8 марта Муравьев писал: «Я писал вчера из Тосны» (см. следующее письмо).

[1238] Пометка Н.А. Муравьева: «Получено 18 число, в среду, в 5 по пол.<удни> ч.».

tout ce que j'ai perdu. Au nom du ciel, écrivez-moi, détruisez les fantômes, que je me forme, mes craintes sur votre santé. Au plus tôt ressouvenez-vous de m'avoir donné votre parole de vous conserver de veiller soigneusement sur mes intérêts les plus chers. Je ne m'occupe <que> de vous : dans touts les instants de ma route. Je prie le Ciel, qu'ils m'accorde cette grâces les plus grandes, c'est de Vous revoir le plus tôt possible dans le meilleur état de santé et que ce soit pour ne plus vous quitter. Saluez de ma part mon cousin Nicolai <Н.Ф. Муравьев>. Je lui sais bien bon gré de m'avoir fait prendre un traineau et une pelisse. Ces deux objets touts les deux m'ont été infinement utile. Embrassez mille fois nos petits bijoux: le frère, comme la sœur. Mon représentant <Никита Муравьев> se conduit-il bien, mais n'eveille-t-il point Maman de meilleure heure qu'il ne faut pour sa santé. Pardon, ma bonne amie, le désordre de ma lettre. J'écris en présence du <нрзб> et ce n'est pas la façon la plus favorable d'écrire. Je baise vos petites mains un million de fois. Portez-vous bien. Adieu[1239].

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 67-68).

<422>[1240]

Тверь. Марта .11. в середу,

Милый друг мой Катерина Федоровна с любезными детушками, здравствуй. Ты знаешь, что это все мое желание. Я, слава богу, здоров, сегодня в десять часов утра в Твери обласкан Иваном Петровичем <Вульфом>, сестрою Анною Федоровною <Вульф>, всем их милым семейством. Любовь Федоровна <Муравьева> прогнала меня с моим ларчиком в прекрасный диванчик писать к тебе, душа моя. Катерина Ивановна при мне получила письмо твое и посылку и чрезвычайно благодарна за попечение твое о платьях <?>. Меня уверяют здесь, и дай бог, чтоб это была правда, что ты бережешь для меня дорогую жизнь свою и не предаешься сей чувствительности, которой причина для меня столь лестна и исполнение ужасно <?>. Я увижу из первого письма твоего, как ты помнишь просьбу мужа. Его существование будет жалостно, если он не будет иметь радостного уверения, что слезы твои не имели вредного следствия. Между тем как он гоняется за тенью, расстраивает он верное благополучие, которым наслаждался. Не дай боже! Сохрани для меня драгоценную возможность быть столько же счастливу, как я был. Имей попечение о своем здоровье. Ты должна им мне, Никитеньке, Машиньке и ты знаешь еще кому. Отпиши ко мне подробно

[1239] Перевод: «Моя добрая, моя единственная подруга! Я чувствую себя как нельзя лучше. Я в Новгороде меньше чем за двадцать четыре часа. Меня преследует только один образ: что я расстался с вами, что я стал причиной ваших слёз, ваших огорчений. Не знаю, какое ослепление, какое помрачение заставило меня добиваться этой поездки. Только вдали от вас я почувствовал всё, что потерял. Ради неба, пишите мне, уничтожьте призраки, которые я себе создаю, мои страхи за ваше здоровье. Как можно скорее вспомните, что вы дали мне слово беречь себя, тщательно заботиться о моих самых дорогих интересах. В каждое мгновение моего пути я думаю только о вас. Я молю Небо, чтобы оно даровало мне величайшую милость: как можно скорее снова увидеть вас в наилучшем состоянии здоровья – и уже больше не покидать вас.

Передайте от меня привет моему кузену Николаю <Н. Ф. Муравьёву>. Я ему очень благодарен за то, что он заставил меня взять сани и шубу. Обе эти вещи оказались мне чрезвычайно полезны. Обнимите тысячу раз наши маленькие драгоценности: брата, как и сестру. Хорошо ли ведёт себя мой представитель <Никита Муравьёв>? Только не будит ли он Maman раньше, чем нужно для её здоровья? Простите, моя добрая подруга, беспорядочность моего письма. Я пишу в присутствии <…>, а это не самый благоприятный способ писать. Целую ваши маленькие руки миллион раз. Будьте здоровы. Прощайте». Далее приписка Н.А. Муравьева.

[1240] Пометка Е.Ф. Муравьевой: «Получила 19 ч. в четверг по утру».

все, что ты делала, думала. Я старался отгадывать в воображении положение твое, упражнения. Иногда играючи с сыном, лелея дочь, иногда вышивая повойник кормилице или читая Мармонтелевы *Сказки*. Потом думал я, что вы говеете с милым моим батюшкою, ездите вместе к обедне, молите бога о своем отсутственном, избалованном любимце. Дай бог, чтоб мои догадки не были одни мечтания. Будьте вы утешением друг друга и соедините все, что я имею милого на земле. Мои дети – драгоценная надежда будущей жизни. Будьте здоровы, составляйте счастие, общество, утешение вашей милой маменьки, напоминайте ей, что она должна иметь самое строжайшее наблюдение за своим здоровьем, никогда не скучать, не задумываться, не плакать. Все излишества страстей – все равно что отрава. Я буду между тем наслаждаться надеждой, что любовь столько же, как благоразумие, укрепит мою усильнейшею просьбу. Скоро буду иметь удовольствие писать к тебе, ангел мой, из Москвы, так как пишу из Твери. Нечувствительно подоспело время, что без помощи переписчика <?> я скажу тебе тысячу раз, что я люблю тебя нежнейшим образом. Прощай.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3-4 об.)

<423>

1797 г. Марта .16. Москва

Милостивый Государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчера был я столько щастлив, что получил милостивое письмо ваше и письмо любезной моей Катерины Федоровны. Я не разлучаю в сердце моем тех, которые составляют все его привязанности. Мой милый Никитенька, прекрасная Катенька, ваши внуки столько же близки к сердцу вашему, как был я во все продолжение жизни моей. Пускай они будут столько щастливы, чтобы испытать вашу родительскую любовь тогда, когда они в состоянии будут понимать ее. Вы изволили говеть прошедшую неделю, имею честь поздравить, приобщась Святых тайн. Дай бог, чтобы вы здоровы были, чтобы я имел счастье, возвратясь, найти всех моих сердечных и милых в желаемом благополучии. Я боюсь, чтоб слезы и скука моей Катеньки не повредили ее здоровью, и так слабого, особливо в ее положении. Ваша родительская милость может утешить ее и подкрепить малодушие. Федосья Алексеевна приносит вам свое почтение, так как и Алексей Минич <Муравьевы>, который уж успел и у меня быть. Кланяются также Семен Саввич <Муравьев> и Тимофей Иванович <Тутолмин>, которого я нашел больного. Наша Елизавета Карловна, о которой приезде я не знал, умела сыскать меня на Мясницкой, в доме Протасова, у которого, хотя и отсутственного, я расположился. Она грустит о Захаре Матвеевиче <Муравьеве>, которому я свидетельствую почтение. Чрезвычайно благодарен брату Николаю Федоровичу <Муравьеву>, что он составляет ваше общество. Христина Матвеевна здесь, но я еще не видал ее. Алексей Минич говорил уж о Межевом деле и надеется, что оно примет теперь совсем другой вид. Я зван сегодня обедать к Петру Алексеевичу. Впрочем, прося родительского благословения вашего, с глубочайшим почитанием навсегда пребываю Милостивый Государь батюшка

ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 37-38).

<424>[1241]

Lundi, le 16 de Mars à 10 h. du matin <Москва>

Ah! mon amie! ma douce amie! avec quel transport j'ai reçu ta lettre. Comme je pleurai de joye! que je fus heureux ! Puissai-je rester, jusqu' à mon retour dans cette douce persuasion, que ma sensible amie sait, par pitié pour moi, modérér la force de son amour, qu'elle veille sur sa santé, qu'elle en sent tout le prix. Et puisse le ciel accorder l'accomplissement de vos voeux. Toujours active pour moi, ton imagination me suivoit dans ma route, en grossisait les fatigues, s'epouvantoit de ce froid, si grand. Et bien je n'y etois pas exposé du tout. Grâce à vos soins, à votre prévoyance, j'etois pourvû de tout, je voyageois en homme indolent, veritable enfant gâté, mollement bercé dans mon chariot. Je me suis porté parfaitement bien dans mon voyage. Je ne fais que voyager ici: et je me porte, on ne peut pas mieux. Vous savez ce qui me manque. C'est votre chère presence, c'est le bonheur de jouir de notre existence ensemble. Mais ce bonheur n'est que differé. Ah! si je vous aime, ma douce amie, je m'enorgueillies du sentiment, que <je> vous inspire, je ne suis heureux que parce que. Vous m'aimez. Continnuez de m'embeller dans Votre imagination afin que ce charme ne s'évanouisse jamais. Ah! ecrivez-moi des lettres charmantes, où le coeur conduit la plume, ou vous enchantez le mieu. Je vous sais bien gré, ma bonne amie, de votre façon de penser, noble et génereuse, lorsque vous m'ordennez d'être heureux, independamment des circonstances c'est mettre le comble à votre amour. Je desirerois bien qu'il tombe quelque chose de mon partage. Mais que cela arrive ou non, je sais, que mon pardon m'attend à la bouche et dans le coeur de mon amie. Tout le monde me demande ici de vous, la Princesse <Анна Андреевна> Ouroussoff, Mme Racmanoff, Monsieur <M.M.> Cheraskoff, Mme Lounin[1242] hier au chateau de *Petrovsky*, où nous etions assemblés (c'est a dire les trois premières classes) pour attendre l'arrivée de sa Majesté. Cela eut lieu à 4 heures apres midi. Le Prince <H.B.> Repine, le Cte <A.A.> Bezborodka, Mr de Rastopchine[1243], Mle de Protassoff[1244] etoient assis avec leur Majesté. Les deux Metropolitains, Gabriel et Platon, haranguèrent sa Majesté à la tête de Clergé, puis les Dammes furent presentées, puis les hommes. Enfin leur Majesté se firent voir sur un balcon au peuple assemblé au loin, qui eleva des cris de joye. Votre pere <Ф.М. Колокольцев> y etoit venu avec Mr. Moucanoff. Il m'a accueille fort bien et s'est informé de votre santé. Je lui ai dit, que vous faites bien de ne pas venir à Moscou. Mais Mme Vietinghoff, mais notre cousine, me grondent bien de ne pas vous avoir amenée. Je suis aujourd'hui invite à diner chez Mr. *Igeorine*. Je vous embrasse bien tendrement mille et mille fois, de même que nos petits Anges[1245].

[1241] Пометка Е.Ф. Муравьевой: «Reçu le 22 Dimanche».

[1242] Вероятно, Авдотья Семеновна Лунина (1760-1843) – дочь Семена Ивановича Хвостова, внучка сподвижника Петра I Г.П. Чернышева, жена Петра Михайловича Лунина (1746-1822), генерала-поручика, брата Сергея Михайловича Лунина, мужа пФедосьи Никитичны Муравьевой.

[1243] Ростопчин Федор Васильевич (1763-1826) – государственный деятель, фаворит Павла I, позднее московский генерал-губернатор.

[1244] Протасова Анна Степановна (1745-1826) – доверенная фрейлина Екатерины II, двоюродная сестра Орловых.

[1245] Перевод: «Ах, моя подруга, моя нежная подруга! С каким восторгом я получил твоё письмо. Как я плакал от радости! Как я был счастлив! О, если бы я мог до самого моего возвращения оставаться в этой сладкой уверенности, что моя чувствительная подруга умеет, из жалости ко мне, умерять силу своей любви, что она следит за своим здоровьем, что она знает всю его цену. И да дарует небо исполнение ваших желаний. Всегда деятельное ради меня, твоё воображение следовало за мной в дороге, преувеличивало её тяготы, пугалось такого сильного холода. Так вот: я вовсе не был ему подвержен. Благодаря вашим заботам, вашей предусмотрительности, я был снабжён всем; я путешествовал как ленивец, настоящий избалованный ребёнок,

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5-6 об.)

<425>

1797 г. Марта .19. Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Приношу мою чувствительную благодарность за милостивое писание ваше. Я, слава богу, здоров и в великом движении ничего не делаю. Прогуливаюсь в карете верст по десяти в один край. Квартирою своею я очень доволен и даже до того, что мне совестно во зло употреблять дружество добрых людей. Нельзя бы лучше искать, и я отнюдь не каюсь, что переменил первое мое намерение стоять под Донским. Это край света. Правду сказать, и отсюду я ехал сегодня целый час в Петровский дворец. Зато ближе будет от меня, когда государь изволит перейти в Немецкую слободу. Сказывают, что 25 число будет торжественное шествие Государя в городе. Сегодня происходило освещение знамен Измайловских, а вчера – Семеновских. Оба полка сии уже в городе: первый на Пресне, а другой под Новинским. Сказывают, что сегодня войдет Конная гвардия, а в субботу – Преображенский полк. Павел Львович <Батюшков>, о котором я сегодня спрашивал полковника Родичева, здоров, но его еще не видал. Карл Иванович Сакен, сказывают, что в проезде у Великого князя Константина Павловича. У него обедали Иван Петрович, Анна Федоровна, Екатерина Ивановна <Вульфы>. По всем улицам, где будет шествие, построено по бокам несколько рядов лавок для зрителей. Сколько здесь приметно многолюдства – несравненно больше петербургского. Несчетное множество народа собирается видеть Государя, когда он изволит ездить верхом по городу. Церемония должна была отменено великолепна. Все употребленные чиновники будут в шитых бегать кафтанах. При экипажах должно идти, по крайней мере, по четыре ливрейных лакея, позволяет до десяти. Будут

мягко укачиваемый в моей карете. Я чувствовал себя совершенно хорошо во время дороги. Здесь я только и делаю, что разъезжаю, и чувствую себя как нельзя лучше. Вы знаете, чего мне не хватает: вашего дорогого присутствия, счастья наслаждаться нашим совместным существованием. Но это счастье только отложено.

Ах, если я люблю вас, моя нежная подруга, то я горжусь чувством, которое внушаю вам; я счастлив только потому, что вы меня любите. Продолжайте украшать меня в вашем воображении, чтобы это очарование никогда не исчезло. Ах, пишите мне очаровательные письма, где сердце водит пером, где вы очаровываете лучше всего. Я очень благодарен вам, моя добрая подруга, за ваш благородный и великодушный образ мыслей, когда вы велите мне быть счастливым независимо от обстоятельств: это верх вашей любви. Я очень хотел бы, чтобы что-нибудь из этого выпало и на мою долю. Но случится это или нет, я знаю, что прощение ждёт меня в устах и в сердце моей подруги.

Все здесь спрашивают о вас: княгиня Урусова, госпожа Рахманова, господин Херасков, госпожа Лунина. Вчера в Петровском дворце мы были собраны – то есть первые три класса, – чтобы ожидать прибытия Её Величества. Это произошло около четырёх часов пополудни. Князь Репнин, граф Безбородко, господин Ростопчин, мадемуазель Протасова сидели при Её Величестве. Два митрополита, Гавриил и Платон, приветствовали Её Величество во главе духовенства; потом были представлены дамы, потом мужчины. Наконец Её Величество показалась на балконе народу, собравшемуся вдали, и тот поднял крики радости. Ваш отец пришёл туда с господином Мукановым. Он принял меня очень хорошо и осведомился о вашем здоровье. Я сказал ему, что вы хорошо делаете, что не едете в Москву. Но госпожа Фитингоф и наша кузина хорошенько бранят меня за то, что я вас не привёз. Сегодня я приглашён обедать к господину Ижорину. Обнимаю вас очень нежно, тысячу и тысячу раз, равно как и наших маленьких ангелов».

также берейторы, гайдуки,скороходы. Второгонадесят числа апреля опять перейдут из Кремлевского дворца в Немецкую слободу. Для Константина Павловича назначен старый сенат, что в Немецкой слободе. Я ничего так не желаю, как дождаться мая месяца, чтобы иметь несравненное счастье увидеть вас, Катеньку и детей в добром здравии. Дай бог, чтобы желание мое исполнилось! Свидетельствую усерднейшее почтение моим любезным братьям Николай Федоровичу и Захару Матвеевичу <Муравьевым>. Впрочем, прося родительского благословения с глубочайшим почтением и сыновнею любовью, навсегда пребуду

Милостивый государь батюшка

ваш покорнейший сын и слуга

Михаил Муравьев.

Сергей Михайлович <Лунин> приехал и прошу засвидетельствовать ему мое почтение и поцеловать детушек.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 39-40 об.)

<426>[1246]

Jeudi, le .19. Mars à deux h.< eures> ap.< rès> midi

Puisse ma lettre posseder touts ces charmes, qui adoucissent les maux des absents qui accompagnent vos moindres expressions, ma douce amie! Combien de fois je relis votre charmante lettre, vos deux lettres! Je suis plus riche que Vous. J'ai bonheur de savoir, au moins quelques choses de Vous, de Vos premiers jours de solitude, pendant qu'à present même Vous ne conversez avec moi, que comme avec un voyageur. Vous desireriez d'avoir quelques details sur mon voyage: ils sont bien pauvres pour la curiosité. Je passois rapidement sur cette scene changeante de campagnes, de villages, couvert et recouvert de pelisses. Au froid, pas le moindre accès, je dormais parfaitement bien et parfois le jour. Je reviens à Vous, au bonheur que j'ai quitté pour une vaine ambition. Je lisois avant d'arriver à Novgorod, j'avois acheté deux comédies Anglois: ainsi du reste c'est <à> Tver j'ai passé une journée fort agreable, fêté par toute une famille d'aimables personnes. Notre jeune philosophe, un peu amoureux alors d'un cousine, qui ne faisoit que passer, me penetra de reconnaissance par toute les attentions d'une amitié affectueuse pour dever avoir depuis longtemps la lettre que je vous ecrivis de-là. Mais voila a peu pres touts mes souvenirs de voyage. Je ne sais autre chose, si non que je n'ai manqué de rien et que c'etoit par Vos soin <?>. Vous avez songé à tout, tout prévû. Vous n'avez d'autre plaisir qu'à m'en faire, et moi je Vous fais souffrir. Au nom du ciel, supportez cette absence avec courage. Ce sera la dernière. Mon desir, mon espoir, c'est d'ecouler mes jours auprès de Vous. On vous a <?> fait entre voir la possibilité de venir ici. Mais vous vous en rapportez à moi bien! c'est encore un sacrifice, qu'il faut, que Vous me fassiez. Ne soyez pas raisonnable <?> à demi. Nous, qui vous vantiez naguères d'être raisonnable. Vous vous plaindrez de moi. Imaginez les fatigues du voyage vous, toute seule, succombant à l'inpatience de me voir, mere de famille qui ne sait que d'être femme. Et que diroit votre père <Ф.М. Колокольцев>? Il ne suffit pas de vivre pour soi, il faut vivre pour les autres. Il faut avoir un certaine consistence. Je parle contre mes interêts, mais je dis ce qui me paroit etre la prudence. Combien je vous suis gré, ma chere amie, d'etre assidue aupres de Maman <М.И. Колокольцева>, d'avoir cette regularites d'aller chez elle avec exactitude! Je suis trop heureux, si je pouvais jamais supposer une familiarité plus douce. Vous, faite pour aimer, qui êtes l'humanité meme je me plais de Vous imaginer, soignant <?> la cousine malade, mais c'est Vous même que

[1246] Пометка Е.Ф. Муравьевой: «Mercredi le 25 mars».

je vous recommende en montant ces escaliers, en descendant de voiture. Point de passions violentes, point de mauvais humeur. Commandez par la douceur, par la bienfaisance. Mais surtout jouissez de la societé de nos enfants, de ces gages mutuels d'un amour sans fin. Crayez Vous avez dans votre mari, l'ami le plus vrai, le plus constant, le plus tendre. Jouissez du bonheur, que Vous me procurez. Ayez le courage de supporter un mois d'absence et je revolerai <?> à Vos pieds, pour ne vous quitter <?> jamais. Je Vous embrasse, Vous et enfants[1247].

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7-8 об.)

<427>

[1247] Перевод: «Четверг, 19 марта, два часа пополудни Пусть моё письмо обладает всеми теми чарами, которые смягчают страдания отсутствующих и сопровождают малейшие ваши выражения, моя нежная подруга! Сколько раз я перечитываю ваше очаровательное письмо, ваши два письма! Я богаче вас. У меня есть счастье знать по крайней мере кое-что о вас, о ваших первых днях одиночества, тогда как даже теперь вы беседуете со мной только как с путешественником. Вы желали бы получить какие-нибудь подробности о моём путешествии: они очень бедны для любопытства. Я быстро проезжал по этой меняющейся сцене полей и деревень, укрытый и переукрытый шубами. Холод не имел ко мне ни малейшего доступа; я спал совершенно хорошо, иногда даже днём. Я возвращаюсь к вам, к счастью, которое покинул ради пустого честолюбия. До приезда в Новгород я читал; я купил две английские комедии; впрочем, именно в Твери я провёл очень приятный день, обласканный целой семьёй любезных людей. Наш молодой философ, тогда немного влюблённый в кузину, которая только проезжала, глубоко растрогал меня всеми знаками нежной дружбы. Вы, должно быть, уже давно получили письмо, которое я написал вам оттуда. Но вот почти все мои дорожные воспоминания. Я не знаю ничего другого, кроме того, что я ни в чём не нуждался, и это было благодаря вашим заботам. Вы обо всём подумали, всё предусмотрели. У вас нет другого удовольствия, кроме как доставлять его мне, а я заставляю вас страдать. Ради неба, переносите эту разлуку с мужеством. Она будет последней. Моё желание, моя надежда – провести мои дни возле вас.

Вам дали увидеть возможность приехать сюда. Но вы полагаетесь на меня. Хорошо! Это ещё одна жертва, которую вы должны мне принести. Не будьте разумной наполовину, вы, которая недавно хвалились, что умеете быть разумной. Вы будете жаловаться на меня. Представьте себе тяготы дороги: вы одна, изнемогающая от нетерпения меня увидеть, мать семейства, которая умеет быть только женой. И что сказал бы ваш отец <Ф. М. Колокольцов>? Недостаточно жить для себя, нужно жить для других. Нужно иметь некоторую устойчивость. Я говорю против собственных интересов, но говорю то, что кажется мне благоразумием. Как я вам благодарен, моя дорогая подруга, за то, что вы так усердны возле маман <М. И. Колокольцовой>, за эту регулярность, с которой вы точно ходите к ней! Я слишком счастлив, если только мог когда-либо предположить более сладкую близость. Вы, созданная для любви, вы, сама человечность, – мне приятно воображать вас ухаживающей за больной кузиной; но я поручаю вам прежде всего вас саму, когда вы поднимаетесь по этим лестницам, когда выходите из кареты. Никаких бурных страстей, никакого дурного настроения. Повелевайте мягкостью, благодеянием. Но особенно наслаждайтесь обществом наших детей, этих взаимных залогов бесконечной любви. Поверьте: в вашем муже вы имеете самого истинного, самого постоянного, самого нежного друга. Наслаждайтесь счастьем, которое вы мне доставляете. Имейте мужество перенести месяц разлуки, и я вновь прилечу к вашим ногам, чтобы уже никогда вас не покидать. Обнимаю вас и детей».

1797 г. Марта .23. Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Поздравляю вас с новым знакомством милых и прекрасных внуков и внуки, которые некоторым образом воскрешают нам незабвеннаго друга нашего, вечно любезную Федосью Никитичну. Дай бог, чтобы посреди внучат своих вы долго пользовались спокойную радостью, награждением добродетели. Как я желаю занять поскорее прежнее мое место в вашей благословенной семье подле милый моей Катеньки, которая бесперестанно мною занимается, окружен Никитинькой и Машенькой. Я боюсь, чтобы слабость здоровья Никитинькина не огорчала чересчур матушку. Дай бог, чтобы он поскорее начал ходить и сам мог меня искать по покоям. Умная <?> девица занимается прядением. И теперь только приехал от <нрзб>, где я обедал. Он был болен. Елисавета Карловна в великом беспокойстве о Захаре Матвеевиче <Муравьеве>, что от него писем нет. Мы воображаем, что он худо надписал адрес писем своих. По крайней мере, Христина Матвеевна думает, что он ошибается в <нрзб> м вместо *Богоявления* надписывал *Преображение*. Сделайте милость, дайте знать ему, что Елизавета Карловна сокрушается о его молчании. Сказывают, что Антону Ивановичу назначено место, только Христина Матвеевна не знает куда. Шествие государева в город будет, сказывают, в субботу 28 числа, а не 25, а не 29, как я писал прежде. Думают, что мая третьего Государь изволит оттуда отправиться в путешествие свое Впрочем, прося бога о сохранении драгоценного здоровья вашего, с глубочайшим почтением пребуду

Милостивый Государь батюшка!

Ваш покорнейшей сына слуга

Михаил Муравьев.

Любезный друг и брат Сергей Михайлович, поздравляю вас с приездом в город с милыми дедушками, которых мысленно целую и прошу любить моих малюточек. Позвольте благодарить вас за ласку и милости братца вашего Александра Михайловича, которого я имел честь вчера видеть в Петровском дворце на куртаге. Он здесь один живет у Петра Михайловича.

Батюшка братец Николай Федорович, свидетельствую вам мое усерднейшее почтение. Вам кланяются все наши здешние родные знакомые. Алексей Минич, Федосья Алексеевна, княгиня Анна Андреевна.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. 41-42 об.)

<428>

Lundi, le .23. Mars à 10 h.< eures> du mat.<in>

Ma bonne amie, mon unique amie, c’est pour la troisième fois, que vous me rendez heureux par Vos cheres lettres. Puissiez-vous recevoir les miennes aussi exactement! Mille graces, mille remerciments pour vos tendre soins. Je me porte parfaitement bien! Si je puis compter sur les assurances, que Vous me donnez par rapport à Votre santé, je ne demande rien d’avantage. Les voeux, les plus ardents, que j’adresse au Ciel, c’est qu’il veuille conserver les chers objets de touts mes affections, qu’il me ramène dans le sein de ma famille. Peut être mon tems se perd-il ici, sans aucune utilité, peut-être seriez-vous fondée. Je me reproche mon insouciance, mon ineptie. Je m’en fais des reproches moi-même. Mais je n’en suis pas plus avancé. Hier au soir Votre père, qui paroit m’accueillir d’une manière obligeante, s’informoit de la manière, dont mon depart s’est decidé. Il l’approuve. Je sais fort> bien, que c’est à vos depends; je n’ettends rien de fort avantageux: mais

je crois <?> ou je me trompe, que c'etoit encore le parti le plus tolérable. Je ne sais comment des apparances flatteuse ne viennent que pour me faire illusion. Il faut beaucoup de résignation, quand on n'est pas doué de cette témérité, qui emporte tout. Cependant je suis proméne dans les rues de Moscou, comme si c'etoit mon affaire principale. Familier à la cour, on ne s'y étonne pas de ma presence et je passe sans être remarqué. Je me mèle dans la foule de ces Seigneurs retirés ou employer à Moscou, décorés, chamarrés. Je suis très bien logé. Je pourrois fréquenter quantité des maisons; mais un reste de paresse, d' indifférence ou de timidité glace mes projets de la veille et me laisse, où je suis. C'est que le souvenir récent d'un tems, où j'etois si bien auprès de ma Cateau, efface les avantages passagers d'une connaissance froide ou frivole? Je ne suis ici, que pour attendre la terme de mon éloiquement, pour paraitre quelque fois, pour ne rien faire probablement. Beaucoup d'argeant perdu: c'est le tort que ma bonne amie me passera le plus difficilement: j'en suis sur Mais pourquoi imaginez-vous, ma chère amie, que je puisse avoir besoin d'argent? Malgré toute ma prodigalité, je n'en ai que trop et cette nouvelle inquitude par rapport à mon equipage de retour! Suis-je donc si délicat, que je ne puisse supporter le cahotement d'un *kibitka*? C'est une preuve de votre amour, toujours inquiet pour moi a imaginer quel plaisir ce sera pour moi de voyager les premiers beaux jours du moi de Mai, voyager pour venir chez Vous, pour embrasser ma bonne amie, mes charmants enfants. Je reviendrai toujours précepteur, toujours Brigadier, mais toujours votre ami, votre amant et je ne vous quitterai plus. Embrassez bien mes enfants. Dites à Nikitinka <Никита Муравьев>, que je le remercie bien pour son souvenir. Mes respects à notre cousine. Je félicite mon Beaufrère <В.Ф. Колокольцев> sur son arrivée, j'embrasse mes neveaux et ma niece. Rappelez moi au souvenir de la charmante Princesse. Soyez mon Avocat auprès de tout le monde, mais sur tout-auprès de Vous-même. Je vous embrasse mille fois[1248].

[1248] Перевод: «Понедельник, 23 марта, 10 часов утра

Моя добрая подруга, моя единственная подруга, вот уже в третий раз вы делаете меня счастливым вашими дорогими письмами. О, если бы и вы получали мои так же исправно! Тысяча благодарностей, тысяча благодарений за ваши нежные заботы. Я совершенно здоров! Если я могу полагаться на уверения, которые вы даёте мне относительно вашего здоровья, я больше ничего не желаю. Самые горячие желания, которые я обращаю к небу, — чтобы оно сохранило дорогие предметы всех моих привязанностей, чтобы оно вернуло меня в лоно моей семьи.

Может быть, моё время здесь теряется без всякой пользы; может быть, вы были бы правы. Я упрекаю себя в беспечности, в моей неспособности. Я сам себя в этом упрекаю. Но от этого я не продвигаюсь дальше. Вчера вечером ваш отец, который, кажется, принимает меня очень любезно, расспрашивал, каким образом решился мой отъезд. Он его одобряет. Я очень хорошо знаю, что это за ваш счёт; я не ожидаю ничего особенно выгодного, но думаю, если не ошибаюсь, что это был всё же самый терпимый выход. Не знаю, почему благоприятные видимости приходят только затем, чтобы обманывать меня. Нужно много покорности, когда человек не наделён той дерзостью, которая всё преодолевает.

Между тем я гуляю по московским улицам, как будто это моё главное дело. Привычный ко двору, я не удивляю там своим присутствием и прохожу незамеченным. Я смешиваюсь с толпой этих отставных или служащих в Москве вельмож, украшенных орденами и шитьём. Я очень хорошо помещён. Я мог бы посещать множество домов; но остаток лени, равнодушия или робости замораживает мои вчерашние планы и оставляет меня там, где я есть. Не потому ли, что недавнее воспоминание о времени, когда мне было так хорошо возле моей Като, стирает преходящие выгоды холодного или пустого знакомства? Я здесь только затем, чтобы ждать конца моего удаления, чтобы иногда показываться, вероятно — чтобы ничего не делать.

Много потерянных денег – вот проступок, который моя добрая подруга простит мне труднее всего, я в этом уверен. Но почему вы воображаете, моя дорогая подруга, что я могу нуждаться в деньгах? При всей

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9-10 об.)

<429>

1797 г. Марта .26. Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Сколько я чувствую родительскую милость вашу в знакомых выражениях ласки и нежности, которыми вы всегда составляли счастье мое. Дай бог, чтоб здоровье ваше сохранилось ненарушимо. Я, слава богу, здоров. Мне вздумалось переменить свою квартиру. Василий Васильевич Ханыков меня переманил к себе, я живу теперь на Большой Тверской улице, так близко от Куретных ворот. Мимо нас проходить будет в субботу торжественное шествие Государево. Все наши знакомые приносят вам свое почтение. Алексей Минича <Муравьева> как-то я не видал на сих днях. Каждый день собираюсь видеть, по повелению вашему, буду говорить в Летниках с ним и с Поповым. Мне с самого приезду случилось видеть одного недоросля *Черезова*, живущего 12 верст от Летников. Он не хвалит Чулкова, говорит, что он болен и безвыходен. Наших крестьян <?> очень хвалит, называет их зажиточными и лучшими во всем селе. Покорнейше прошу отослать вложенную записочку н Николаю Ивановичу и уведомляю его о получении писем через нарочного и по почте. Павел Львович <Батюшков> был у меня сегодняшнее утро. Брату Сергею Михайловичу <Лунину> приношу мое усерднейшее почтение и благодарности за обещание доставлять письма мои скорее к милой и нетерпеливой Катеньке, которая знает, что я всей душой люблю ее, и хочет, однако, слышать сызнова то же. Любезных детушек Михайла Сергеевича Никиту Сергеевича и Катерину Сергеевну мысленно цалую и желаю им здоровья. Благополучия нечего желать, потому что они благополучные своею непорочностью, добросердечием, благонравием и иными добродетелями. Вас, милостивый государь батюшка, поздравляю с праздником Светлого Христова Воскресения. Здесь будет в тот же день коронация. Здесь сказывают, что третье мая Государь изволит вступить в свое путешествие по государству. Я желаю мая нетерпеливо. Желаю увидеть всех здоровых и мне благосклонных, хотя и ни с чем приеду, вас, любезную Катеньку, милых детушек. И, спрашивая родительского благословения, навсегда прибуду

моей расточительности у меня их даже слишком много. И эта новая тревога насчёт моего обратного экипажа! Неужели я так нежен, что не могу вынести тряски кибитки? Это доказательство вашей любви, всегда тревожной обо мне. Вообразите, какое удовольствие будет для меня путешествовать в первые прекрасные дни мая, путешествовать, чтобы приехать к вам, чтобы обнять мою добрую подругу, моих очаровательных детей. Я вернусь всё тем же наставником, всё тем же бригадиром, но всегда вашим другом, вашим возлюбленным, и больше вас не покину.

Хорошенько обнимите моих детей. Скажите Никитиньке <Никите Муравьёву>, что я очень благодарю его за память обо мне. Мои почтения нашей кузине. Поздравляю моего шурина <В. Ф. Колокольцова> с приездом, обнимаю моих племянников и мою племянницу. Напомните обо мне очаровательной княгине. Будьте моим адвокатом перед всеми, но особенно перед самой собой. Обнимаю вас тысячу раз». Запись Муравьева на полях: «Mille remerciments, ma bonne amie, pour votre attentions de m'envoyer la lettre de S. <?>». Перевод: «Тысяча благодарностей, моя добрая подруга, за вашу любезность прислать мне письмо от С.».

ваш покорнейший сын и слуга

Михаил Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1 Л. 43-44 об.)

<430>

Jeudi, le .26. Mars à 7 h. du mat.<in>

Enfin, ma bonne amie, mes lettres commencent à Vous parvenir. Comment! Jusqu'à Tver, jusqu'à cette lettre, pour laquelle j'aurois gagé volontiers, qu'elle vous sera remise excactement, etant en de si bonnes mains: tout a essuyé des retards. Et ma charmante amie pleine d'impatience, envoyant sans cesse à la poste et m'accusant peut-être de peu d'excactitude. Mon Beaufrère m'obligera infiniment en dégageant mes lettres des mains des postillons. Vous avez à present une grande societé d'enfants. Puissent les notres atteindre heureusement à cet age intéréssant, ou ils pourront jouir de cette société des cousins. Puissent-ils suffire à present pour charmer la solitude de leur maman! Quand pourrois-je les presser contre mon sein l'un après l'autre, à commencer par Maman. Quand viendront-ils, les beaux jours du mois de Mai, où mon cœur dévance la vitesse de ma course? En attendant généreuse amie, ma tendre, ma douce amie redoublez de courage, veillez sur votre santé, sachez qu'il existe un homme, tout à vous. La distance ne fait rien, si Vous confié le trésor de sa vie, c'est Vous-même, Vous êtes responsable du repos, du calme, ce compagnon del'innocence, que rien ne doit vous enlever. Vous êtes sûre de Vos ami, Vois connoissez sa tendresse, sa constance. Quelque peu de jours: et il est à ses pièds. Je sais parfaitement bien ici, si je le puis être quelque part sans Vous. Votre père me paroit vouloir du bien. Je ne sais comment cette idée s'est fourrée dans ma tête. Mais je ne puis pas être indifferent à ce qui vous touche de si près <?>… Je fus tout-à-coup distrait au milie de ma lettre par l'apparition inopinée de Mr. Woulf l'ainé <И.П. Вульф>, qui tombe des cieux. Plus étranger que moi dans cette ville emmense <?> il me cherchoit depuis .5. heures du matin. Mr. <B.B.> Chanykoff nous retient, moi et lui pour diner. Pour me faire plaisir il envoye une invitation à Mr. <H.M.> Karamzin. Toujours je me propose d'aller à la cour, chez les hommes en place. Les événements ou plutôt ma paresse invineible en disposent autrement. Cependant il ne vous est pas échapé sûrement dans la lecture de mon journal, que je ne sais pas sans toute activité. Peut-être est-elle mal placée. Le plan de mes visites n'est pas bien tracé. Mais c'est que le Caprice y donne quelque fois des coups de crayons. Le tems, l'humeur <?> du moment me rejettent d'un bout de la ville à un autre, ou me ramènent tout-à-coup chez moi, pour m'approcher de Vous. Je m'amusois ces jours-ci à lire le recit du Voyage de Mr. Karamzin, ouvrage charmant. Mais je désire ardémment, que mon voyage puisse bientôt finir. Il ne m'est pas bon d'être transplanté, quand on a formé des liens si chers. Quelle différence! du sejour que je fesois, comme garçon, à Moscou, de celui-ci! Je pouvois perdre mes journées à traverser les rues et les carrefours innombres de Moscou et me rejouir du premier accueil. Gâté par les délices de la pleine et tendre union, je crois n'être plus à ma place. Mais je crois avoir fait mon devoir. Peut-être c'est prudence: il faut voir. Je vous embrasse bien tendrement, ma douce amie, et je vous félicite sur les fêtes, qui vont venir. Embrassez de ma part mille fois chers enfants. Portez-bien[1249].

[1249] Перевод: «Четверг, 26 марта, 7 часов утра Наконец, моя добрая подруга, мои письма начинают до вас доходить. Как же так! До Твери, до того самого письма, за которое я охотно поручился бы, что оно будет доставлено вам исправно, потому что было в таких хороших руках, – всё подверглось задержкам. А моя очаровательная подруга, полная нетерпения, беспрестанно посылает на почту и, может быть, обвиняет меня в малой исправности. Мой шурин <В.Ф. Колокольцев> чрезвычайно меня обяжет, если вызволит мои письма из рук почтовых людей.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11-12 об.).

<431>

1797 г. Марта .30. Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

У вас теперь большое детское общество. Да достигнут наши дети счастливо того интересного возраста, когда смогут наслаждаться обществом кузенов! Да будут они теперь достаточно сильны, чтобы очаровать одиночество своей маман <М.И. Колокольцева>! Когда смогу я прижать их к моей груди одного за другим, начиная с маман? Когда же придут прекрасные майские дни, когда моё сердце будет опережать скорость моего пути? А пока, великодушная подруга, моя нежная, моя сладкая подруга, удвойте мужество, следите за своим здоровьем, знайте, что существует человек, целиком вам принадлежащий. Расстояние ничего не значит, если сокровище его жизни доверено вам: это вы сами. Вы ответственны за покой, за спокойствие, этого спутника невинности, которого ничто не должно у вас отнять. Вы уверены в вашем друге, вы знаете его нежность, его постоянство. Ещё несколько дней – и он будет у ваших ног.

Мне здесь вполне хорошо, если только мне вообще может быть где-нибудь хорошо без вас. Ваш отец, кажется, расположен ко мне. Не знаю, каким образом эта мысль забралась мне в голову, но я не могу быть равнодушен к тому, что так близко касается вас… Я был вдруг отвлечён посреди письма неожиданным появлением старшего господина <И.П.> Вульфа, который словно свалился с небес. Ещё более чужой, чем я, в этом огромном городе, он искал меня с пяти часов утра. Господин Ханыков удерживает нас, меня и его, к обеду. Чтобы доставить мне удовольствие, он посылает приглашение господину Карамзину.

Я всё собираюсь идти ко двору, к людям, занимающим должности. События – или, скорее, моя непобедимая лень – распоряжаются иначе. Однако при чтении моего журнала от вас, конечно, не ускользнуло, что я всё-таки не совсем бездеятелен. Может быть, эта деятельность плохо направлена. План моих визитов плохо начертан. Дело в том, что каприз иногда наносит в нём свои карандашные штрихи. Время, настроение минуты бросают меня из одного конца города в другой или вдруг возвращают меня домой, чтобы приблизить меня к вам.

На днях я забавлялся чтением рассказа о путешествии господина Карамзина – очаровательное произведение. Но я страстно желаю, чтобы моё путешествие скоро кончилось. Мне нехорошо быть пересаженным, когда завязаны столь дорогие узы. Какая разница между тем пребыванием, которое я, холостой человек, проводил в Москве, и этим! Тогда я мог терять дни, пересекая бесчисленные улицы и перекрёстки Москвы, и радоваться первому приёму. Теперь, избалованный наслаждениями полного и нежного союза, я чувствую, что больше не на своём месте. Но я думаю, что исполнил свой долг. Может быть, это благоразумие: надо посмотреть. Я обнимаю вас очень нежно, моя сладкая подруга, и поздравляю вас с приближающимися праздниками. Обнимите за меня тысячу раз дорогих детей. Будьте здоровы».

Запись Муравьева на полях: «Mes respects à notre Cousine. Je suis allé <?> m’informer au sujet de Mr. Batourin et à la premiere poste j’espere en donner des Nouvelles. Qu’est ce qu’ecris mon cousin?». И на следующем листе: «Si vous êtes <?> en besoin de faire charité, je vous recommande une famille des pauvres et votre cœur deviendra <?>». Перевод: «Мои почтения нашей кузине. Я сходил справиться о господине Батурине и с первой почтой надеюсь сообщить об этом новости. Что пишет мой кузен? <…> Если вы испытываете потребность сотворить милостыню / благотворительность, я рекомендую вам одну бедную семью, и ваше сердце станет…»

От всего моего сердца имею честь поздравить с праздником Светлого Христова Воскресенья. Хотя отсутствен, я знаю, что не буду позабыт между особами, которые составляют все мои привязанности в свете. Дай бог, чтоб вы были здоровы. Это единственное желание детей ваших. Я, слава богу, здоров. Каждый день какие-нибудь бесполезные выезд, какое-нибудь непредвиденное упражнения занимает меня на безделье. Иные ездят для дел, а я – для гуляния. Мне кажется, что я улицы две-три выучил. Недавно, возвращаясь от Петра Михайловича, нарочно велел проехать Леонтьевым переулком, где стоит наш старый дом. Он выкрашен теперь желтой краской и принадлежит какому-то надворному советнику Наумову. Вчерась был в первый раз во Дворце, что в Немецкой слободе. Не можно ничего прибавить к великолепию и вкусу <?> внутреннего расположения. После обеда был куртаг. Но мне быть не удалось. Многие, сказывают, не успели доехать. На сих днях Государь изволит переехать для говенья в Кремль. Какое множество зрителей будет в день коронования, то есть в Светлое воскресенье. Кругом Ивана Великого построены галереи, куда пускать будут по нумерам, где, я думаю, надо будет ночь препроводить. Как человек придворный, я надеюсь как-нибудь войти в Собор. У нас стоят дни светлые, однако довольно холодно по утрам и по вечерам морозы. У вас в Петербурге, сказывает мне графиню Шувалова, будто совершенная весна. Так мы живем в севере. Сергею Михайловичу <Лунину> приношу мое усерднейшее почтение и поздравляю с праздником. Мысленно целую милых детушек Михаила Сергеевича, Никиту Сергеевича, Екатерину Сергеевну <Луниных>. Прошу поздравить от меня любезных братьев Николая Федоровича и Захара Матвеевича <Муравьевых>. Я часто воображаю их у вас, батюшка, разделяющих уединение и скуку. Впрочем, прося родительского благословения вашего с глубоким почтением и сыновнею любовью пребуду

Милостивый Государь батюшка!

Ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 45-46 об.)

<432>

Lundi, le 30 Mars à 7 h. du mat.<in>

Bon jour, charmante amie! C’est ma lettre, qui vous le dira cette fois-ci, qui vous souhaitera la bonne fête. Mais imaginez toujours, qu’au moment, où vous ouvrez la lettre, votre ami à Moscou songe à vous, vous parle et vous embrasse. Il transmêt ses pleins pouvoirs à son representant, à son ainé de Vous embrasser pour lui. Et pourquoi priverois-je la soeur du même plaisir? c’est une jeune personne si sage <?>. Réunis toute trois, puissiez-vous être en bonne santé et ne point vous ennuyer bien fort d’absence de papa, qui n’a pas longtemps à durer. Le printemps finira son exil. Il est impatient de revenir, pour être heureux chez lui pour savourer à longs traits le bonheur domestique, le plaisir d’aimer d’être aimé ! Ah ! comme je le suis ! que je suis heureux del’être! Comme j’aime ma petite femme ! J’avois commencé ma lettre de grand matin. Je me lève toujours de bonne heure. Je ne sais comment cela vient. Je ne dors pas les après midis; mais il est vrai qu’avant onze heures, je suis dans mon lit. J’avois donc commencé et d’une page à l’autre, j’ai fait des visites. J’ai eu l’honneur de saluer l’Empereur, qui passoit à cheval dans la rue *Basmannoy*. J’ai été chez le compte Bezborodka, que j’ai vu enfin. Je lui ai parlé tant bien, que mal. Il m’a paroit promettre. Mais telle est l’influence de mon étoile, que je n’ose pas me fier <?>[1250] à ces foibles lueurs d’espérance : et je vous prie, ma tendre amie, ne point forger des chateaux en

[1250] Край листа не виден.

Espagne. Sauffrez moi, comme je suis. Je vous suppose cette générosité. Laissons au Ciel secourable, le soin de veiller pour nous. Il fera tout pour les mieux… Mon aimable hôte est aux petits soins avec moi. Il me loge, il me déffraie <?>, il me traite en Prince. À mon lever on m'apporte un déjeuné en argent bien propre. Il a un ménage complet. Table excellente… Au sortir de chez le Compte, comme sa maison est à deux pas de Mr. < Vietinghoff>, j'y ai passé. Lui, toujours au lit: ma cousine se porte fort bien. Elle vous fait bien de compliments, tout comme à mon père. J'y ai entendu, que Madam de Lieven a reçu des terres en Courlande, dont les revenus montent à dix mille roubles. Le Compte Bezborodka a eu 10000 paysans Il me paroit toujours, que Votre père <Ф.М. Колокольцев> a des bontés pour moi : je crains de ne pouvoir les meriter assez. Êtes-vous assez souvent chez votre mêre, ma bonne amie? Mais comment vous portez-vous, vous-même ? Vous ne me marquez rien sur les changements de votre état. N'est-il pas temps de penser à une saignée ? Il fault consulter là-dessus absolument un médecin. Vous vous souvenez de ce qu'en disoit Block. Il ne faut se faire saigner, que lorsque les circonstances l'exigent. Mille graces pour les bonnes nouvelles sur vous me donnez au sujet de Nikitinka. S'il marche, il ne faut pas s'effrayer des chutes qu'il pourra faire. On n'apprend pas à marcher autrement. Le Prince Youssoupoff <?> Vous fait faire du compliment. Comment ferez vous avec le petit billet-doux, qui est <нрзб> dans mon bureau ? Ne mangez pas d'oeufs rouges, je vous en prie; mais sougez à celui qui vous aime par dessus tout[1251]

[1251] Перевод: «Понедельник, 30 марта, 7 часов утра Доброе утро, очаровательная подруга! На этот раз это моё письмо скажет вам его, оно пожелает вам доброго праздника. Но всегда воображайте, что в минуту, когда вы открываете письмо, ваш друг в Москве думает о вас, говорит с вами и обнимает вас. Он передаёт свои полные полномочия своему представителю, своему старшему, чтобы тот обнял вас за него. И зачем лишать сестру того же удовольствия? Это такая послушная юная особа. Соединившись втроём, будьте, дай Бог, здоровы и не слишком скучайте из-за отсутствия папа, которому недолго ещё длиться. Весна окончит его изгнание. Он нетерпелив вернуться, чтобы быть счастливым у себя, чтобы большими глотками вкушать домашнее счастье, удовольствие любить и быть любимым! Ах, как я любим! Как я счастлив быть любимым! Как я люблю мою маленькую жену!

Я начал моё письмо ранним утром. Я всегда встаю рано. Не знаю, отчего это происходит. После обеда я не сплю, но правда, что до одиннадцати часов я уже в постели. Итак, я начал, а от одной страницы к другой успел сделать визиты. Я имел честь приветствовать императора, который проезжал верхом по Басманной улице. Я был у графа Безбородко, которого наконец увидел. Я говорил с ним как мог. Он, кажется, подал мне надежду. Но таково влияние моей звезды, что я не смею доверяться этим слабым проблескам надежды; и прошу вас, моя нежная подруга, не строить воздушных замков. Терпите меня таким, каков я есть. Я предполагаю в вас это великодушие. Оставим милосердному небу заботу бодрствовать над нами. Оно всё устроит к лучшему…

Мой любезный хозяин окружает меня мелкими заботами. Он даёт мне жильё, содержит меня, обращается со мной как с принцем. Когда я встаю, мне приносят очень приличный завтрак на серебре. У него полное хозяйство. Отличный стол… Выйдя от графа, так как его дом в двух шагах от господина Фитингофа <?>, я зашёл туда. Он, как всегда, в постели; моя кузина чувствует себя очень хорошо. Она передаёт вам много поклонов, так же как и моему отцу. Там я услышал, что госпожа де Ливен получила земли в Курляндии, доходы с которых доходят до десяти тысяч рублей. Граф Безбородко получил 10 000 крестьян.

Мне всё кажется, что ваш отец <Ф. М. Колокольцев> благоволит ко мне; я боюсь, что не смогу достаточно этого заслужить. Достаточно ли часто вы бываете у вашей матери, моя добрая подруга? Но как чувствуете себя вы сами? Вы ничего не пишете мне о переменах вашего состояния. Не пора ли подумать о

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 13-14 об.)

<433>

1797 г. Апреля .2. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Приношу мою нежнейшую благодарность за милостивое писание ваше. Письмо Сергея Михайловича и при нем деньги .2150. рублей получил я сегодня в полдень, потому что, последуя обряду своему, почтовые экспедиторы отправляют наперед объявления о полученных деньгах, а без этой церемонии не отдают, чему я повиновался. Теперь же, отвезя письмо сие на почту, поеду с письмом Сергея Михайловича к Рахманову и на будущей почте уведомлю об успехе. Я на сих днях был у протопопа Петра Алексеевича, который просил меня засвидетельствовать вам свое почтение и сказать вам что <нрзб> вам кланяется. Сегодня Государь слушал у него в Соборе обедню. Как я ехал с почты, попался мне навстречу Алексей Минич, взял меня с собою в карету, чтобы ехать вместе к Попову, говорить о Летницком деле, но мы его не застали ни дома, ни в экспедиции его в Кремле, которая куда-то переведена. Все мы желания состоят в том, чтобы вы, Катенька и дети были здоровы. Мое путешествие может быть бесполезно, но мое утешение найти в вас ту же милость. Сергею Михайловичу приношу мое усерднейшее почтение и благодарность. Комиссию с охотою исполнить постараюсь. По письму о болезни матушки Марьи Ивановны я нарочно ездил к Рахманову. Там совершенно спокойны. Конечно <?>, батюшка на нынешней почте получил письма, которые его уверили о здоровье матушки. Я думаю мы и не замечали сами отсюда. Прошу поцеловать за меня любезный детушек Михаила Сергеевича, Николая Сергеевича, Екатерину Сергеевну. Я воображаю себе наперед удовольствие, которое буду иметь познакомиться с ними по моем приезде. Я боюсь, чтоб мой Никитенька не позабыл меня. Кто виноват? Кланяйтесь братцу Николаю Федоровичу и Захару Матвеевичу, также Сергею Михайловичу и нашим лейб-гренадерцам. Впрочем, прося родительского благословения, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый Государь батюшка!

ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 47-48)

<434>

Jeudi, le 2 Avril à 9 h. du mat.<in>

кровопускании? Об этом обязательно надо посоветоваться с врачом. Вы помните, что говорил об этом Блок. Нужно делать кровопускание только тогда, когда обстоятельства этого требуют. Тысяча благодарностей за добрые новости, которые вы сообщаете мне о Никитиньке. Если он ходит, не надо пугаться падений, которые он может совершить. Иначе ходить не учатся. Князь Юсупов <?> велит передать вам поклоны. Как вы поступите с маленькой любовной запиской, которая <…> в моём бюро? Не ешьте красных яиц, прошу вас; но думайте о том, кто любит вас превыше всего».

Ah! comme je vous plains, ma bonne amie, dans cette situation, où la maladie de Maman vous jette! Et vous avez encore la délicatesse de me la cacher. Je vous imagine abbatue, fatiguée de vos courses. Vous êtes-vous souvenu de mes interets? Avez-vous eu des ménagements par votre santé? Vous parlez de précautions, que j'ai à prendre dans la foule en courant les rues de Moscou. C'est bien autre chose pour vous-même. Encore un mois ! et je serai parfaitement heureux, si je vous trouve en parfaite santé, si toutes mes craintes se dissipent et si j'entre en possession de ma félicité première. Moscou est une ville superbe, mais pour un voyageur libre, désoccuppé, qui n'a pas ailleurs des liens, si chers. Je brule d'impatience de revoir Catau, mes enfants et mon père. Je vous remercie bien tendrement, mon cœur, pour les bonnes nouvelles, que vous me donnez des progrès de Nikitinka et de ceux de Marion. Il me paroit que vous êtes toujours contente de la bonne et cela me fait le plus grand plaisir. Mais vous ne me dites rien en détail de votre santé, des malaises, inséparables de votre état. Vous ne me marquez pas ces évenements si intéressants pour un époux. Encore une fois, ma chère amie, redoublez de soin et de vigilance pour vous même. Ne vous oubliez pas, soyez bien circonspecte <?>. Vous avez mon plus grand tresor en depôt… j'etois sorti, je fus à la poste pour prendre la lettre de mon beau-frère et je dinai chez Mr. Rachmanoff. Je rentra à l'instant pour achever ma lettre. Ce n'est qu'à present, que je suis informé, combien vous devez avoir souffert de l'accident survenu à Maman. Je prie Dieu, qu ce soit passé. Degrâce, ma bonne amie, prennez du repos, dissippez cet ennui par les caresses innocents de votre joli Nicault, par le sourire et les cris inarticules de la petite Marion, enfin par l'imagination de ce jour, qui approche, où nous n'aurons plus besoin d'ecrire, pour nous dire tout ce que nous sentons. Votre père se porte parfaitement bien, il est tranquille. Je m'attendois à être questionné. Mais il paroit être dans une parfaite sécurité. Apparemment il a reçu des lettres, de Maman qui le tranquillisent sur sa santé. Ma bonne amie, sans doute aujourd'hui vous avez communié. Moi pauvre pécheur, je suis bien loin d'une aussi sainte occupation. Je vous en félicité de tout mon cœur. Mais, carême passé, vous prendrez votre revanche sur les oeufs de Pâques. Au nom du Ciel, ayez soin de votre pauvre estomac. Je vous rends ce que vous me dites. Mon estomac est irréprochable. Je n'ai pas eu de migrains par une seule fois. Songez vous, ma chère amie, de n'avoir point de colique. J'ai entendu aujourd'hui M. la Comtesse Schouvaloff <dire> comme si la cour alloit faire un pélèrinage au Couvent de la Trinité .60. verstes de Moscou. On croit quel'Empereur part pour son voyage le .2. Mai et l'Imperatrice revient le .3. Hier au soir j'ai reçu de votre charmante lettre par le domestique d'Igeorine? vous en remercie bien. Je vous embrasse mille fois[1252].

[1252] Перевод: «Четверг, 2 апреля, 9 часов утра

Ах, как я жалею вас, моя добрая подруга, в том положении, в которое бросает вас болезнь маман! И у вас ещё хватает деликатности скрывать это от меня. Я представляю вас подавленной, утомлённой вашими разъездами. Вспоминали ли вы о моих интересах? Щадили ли вы ваше здоровье? Вы говорите о предосторожностях, которые я должен принимать в толпе, бегая по московским улицам. Для вас самой это совсем другое дело. Ещё месяц! И я буду совершенно счастлив, если найду вас в полном здоровье, если все мои опасения рассеются и если я снова вступлю во владение моим прежним счастьем. Москва – великолепный город, но для свободного, праздного путешественника, у которого нет в другом месте столь дорогих уз. Я горю нетерпением снова увидеть Като, моих детей и моего отца.

Я очень нежно благодарю вас, моё сердце, за хорошие новости, которые вы сообщаете мне об успехах Никитиньки и Марион. Мне кажется, что вы всё ещё довольны няней, и это доставляет мне величайшее удовольствие. Но вы ничего подробно не говорите мне о вашем здоровье, о недомоганиях, неотделимых от вашего состояния. Вы не сообщаете мне этих событий, столь интересных для супруга. Ещё раз, моя дорогая подруга, удвойте заботу и бдительность относительно самой себя. Не забывайте себя, будьте очень осмотрительны. У вас на хранении моё величайшее сокровище…

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 15-16).

<435>

1797 г. Апреля .6. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Розно с вами препровожу и нынешний праздник: сам захотел. Это мне будет служить уроком, когда буду столько счастлив опять быть среди драгоценной семьи моей, ни на что не менять удовольствие быть с вами. Ежели бы мое здесь житие препровождено было приобретением какой-нибудь выгоды, еще можно бы было согласиться на дорогие мои лишения. Но я не столько счастлив участвовать в милостях, столь щедро оказанных, не могу достать этого трогающего удовольствие <о>собам, любящим меня столь нежно. Вчера после коронации вышли милости, которые я слышал только некоторые малые отрывки: Безбородко пожалован Светлейшим князем Российской империи, так как и его пожалованное Римское графство приравнено с российским, 6000 душ, у Кантемира купленных, 30000 аршин земли в Воронежском <?> наместничестве. Князя Н.В. Репнину 4000 душ. Фельдмаршалами пожалованы граф Валентин Платонович <Мусин->Пушкин, Каменский, и при том в графы <нрзб>. Князь Алексей Борисович Куракин в Действительные тайные советники. Ему с братом 9000 душ. Николаю Петровичу Архарову – 2000 душ. Ивану Петровичу – 800 душ и Александровская лента. Алексею Ивановичу <нрзб> – баронское достоинство, землю или деревню. Аракчеев – в бароны и Александровская лента. Те же ленты Растопчину, а большой Плещееву, Пастухов – в действительные тайные советники и 800 душ. Множество других, которых не слыхал или не помню. Брату Сергею Михайловичу кланяюсь и доношу, что завтра узнаю я

Я выходил: был на почте, чтобы взять письмо моего шурина, и обедал у господина Рахманова. Я вернулся сейчас же, чтобы окончить моё письмо. Только теперь я узнал, сколько вы, должно быть, страдали из-за несчастья, случившегося с маман. Молю Бога, чтобы это прошло. Ради Бога, моя добрая подруга, отдохните; рассейте эту тоску невинными ласками вашего милого Нико, улыбкой и нечленораздельными криками маленькой Марион, наконец – воображением того приближающегося дня, когда нам уже не нужно будет писать, чтобы сказать друг другу всё, что мы чувствуем.

Ваш отец совершенно здоров, он спокоен. Я ожидал, что он будет меня расспрашивать. Но он, кажется, пребывает в полной уверенности. По-видимому, он получил письма от маман, которые успокаивают его относительно её здоровья. Моя добрая подруга, без сомнения, сегодня вы причащались. Я, бедный грешник, очень далёк от такого святого занятия. Поздравляю вас с этим от всего сердца. Но, когда пост пройдёт, вы возьмёте реванш над пасхальными яйцами. Во имя неба, берегите ваш бедный желудок. Я возвращаю вам то, что вы говорите мне: мой желудок безупречен. У меня ни разу не было мигрени. А вы, моя дорогая подруга, позаботьтесь не иметь колик.

Сегодня я слышал от графини Шуваловой, будто двор собирается совершить паломничество в Троицкий монастырь, в 60 верстах от Москвы. Полагают, что император отправится в своё путешествие 2 мая, а императрица вернётся 3-го. Вчера вечером я получил ваше очаровательное письмо через слугу Ижорина; очень благодарю вас за него. Обнимаю вас тысячу раз».

Приписка Муравьева: «Bien de compliments au cousin Nicolas et au cousin Zacharides». Перевод: «Кланяйтесь кузену Николаю <Федоровичу Муравьеву> и кузену Захару <Матвеевичу Муравьеву>».

решительный ответ Рахманова, деньги я ему отдал, и он мне писал над векселем уплаченные деньги, а новый вексель еще у меня. Я надеюсь, что он возьмет на будущей почте уведомить об отдвании <?>. Брату Николаю Федоровичу кланяюсь, также и Захару Матвеевичу. Впрочем, прося родительского благословения, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый государь батюшка!

ваш покорнейший сын

Михаил Муравьев

Кланяюсь любезным друзьям Михаиле Сергеевичу, Никите Сергеевичу и Катерине Сергеевне.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49-50 об.)

<436>

Lundi, le 6 Avril à 6 h. du m.<atin>

Je m'empresse de vous communiquer une bonne nouvelle, ma bonne amie. Votre père a reçu hier le cordon de Sainte Anne. J'ai passé la soirée chez lui. Je me flatte toujours d'être dans ses bonnes graces. Ça me console un peu de l'oubli, ce qui ne laisse point de mortifier un peu mon amour propre. J'ai beau en rapporter la faute aux caprices de la Fortune: il en rejaillit assez sur moi-même. Une crainte plus delicate se mèle à ce déplaisir d'être délaissé: c'est de paraitre moins aimable à vos yeux, de vous causer des chagrins. On jouit doublement des dons de la Fortune, des advantages de la distinction, quand on en est embelli aux yeux de celle, qui nous aime uniquement. Un pareil bonheur ne m'est pas destiné. Le jour de couronnement s'est passé avec la plus grande pompe possible. Au sortir de l'eglise avant de se mettre à table, l'Empereur s'est assis sur le throne et c'est alors, qu'on a lû la liste des graces, qui est très grande. Je ne sais pourquoi je me suis imaginé, que j'y devois être nommé. C'est une de ces chimères, que notre vanité enfante, une espérance frivole, qui n'avoit pas le moindre fondement. Je reviendrai donc, comme je suis parti! Puis-je espèrer de Votre générosité que Vous ne m'en voudrez point, c'est ma seule espérance. Je suis parfaitement heureux, si vous vous portez bien, si vous m'aimez, malgré tout mes torts, si vous me pardonnez mon insouciance, mes gaucheries, mon étoile. Imaginez, que je n'ai pas encore reçu votre lettre d'hier. La poste n'etoit pas arrivée, et les clercs ont été dispensés de venir par rapport à la fête. J'y vais àpresent. Puissai-je être assez heureux de recevoir une lettre, qui me confirme votre santé, votre amour et votre tranquillité. Mon hôte généreux a beaucoup d'attechement pour moi, beaucoup de soins. Il a été plus heureux cette fois-ci. Il a été fait général-mayor. Je voudrois vous marquer les principales graces; mais le nombre en est si grand. Le Comte Bezborodka a reçu le titre de Prince Serenissime, six mille paysans, quantité de terres. Trois feld-maréchal: le comte Pouschkin, Kamenskoy, Elmt, Mouiers, Rastopschin, Plescheieff, Obolianinoff etc ont eu le cordon de St. Alexandre. Plusieurs Dames ont eu le portrait et le cordon. Enfin il faut avoir la liste complete et il est assez difficile encore del'avoir dans ce moment… Je reviens de la poste. Les chemins sont si mauvais, que les lettres ne sont point encore arrivées. Il faut donc, que je ferme ma lettre sans que je sache rien de Vous, sans que je puisse repondre à tout ce que vous avez eu d'amitié pour moi. Car certainement vous m'avez caressé, vous m'avez dit, combien vous m'aimez, combien souhaitez, que je revienne au plutot. <нрзб> ma chere amie, ne Vous chagrinez pas pour ces faveurs, qui m'ont manqué. Vous etes ma seule consolation. Ne vous fâchez point. Je

vous embrasse tendrement. Je prie Dieu de conserver votre santé et celle de mon cher Nicault, de ma chère Marion. Aimez-moi[1253]

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 17-18).

<437>

le .8. d'Avril, mercredi, matin

Par quel hazard est-il arrive, que ma lettre du .23. Mars se soit perdue? C'est très difficile à concevoir à moins qu'on ne soit à la poste d'une négligeance inpardonnable. Bien loin de manquer une occasion de vous ecrire, ma bonne, mon unique amie, c'est la jouissance la plus vive, la plus pure, que je puisse goûter ici. Je vais moi-même à la poste remettre et prendre mes lettres: jamais je n'ai retardé, comme on est ici fort strict <?> sur ce point. Passé huit heures du soir, on

[1253] Перевод: «Понедельник, 6 апреля, 6 часов утра Спешу сообщить вам добрую новость, моя добрая подруга. Ваш отец вчера получил ленту Святой Анны. Вечер я провёл у него. Я всё ещё льщу себя надеждой быть в его добром расположении. Это немного утешает меня в забвении, которое всё же немного задевает моё самолюбие. Напрасно я отношу вину за это к капризам Фортуны: от этого достаточно падает и на меня самого. Более деликатный страх примешивается к этой досаде – быть оставленным: это страх показаться менее любезным в ваших глазах, причинить вам огорчения. Дарами Фортуны, преимуществами отличия наслаждаются вдвойне, когда они украшают нас в глазах той, которая любит нас исключительно. Такое счастье мне не предназначено.

День коронации прошёл с величайшей возможной пышностью. По выходе из церкви, перед тем как сесть за стол, император сел на трон, и тогда был прочитан список милостей, очень большой. Не знаю, почему я вообразил себе, что должен быть в нём назван. Это одна из тех химер, которые рождает наше тщеславие, пустая надежда, не имевшая ни малейшего основания. Итак, я вернусь таким же, каким уехал! Могу ли я надеяться на ваше великодушие, что вы не будете на меня за это сердиться? Это моя единственная надежда. Я совершенно счастлив, если вы здоровы, если вы меня любите, несмотря на все мои проступки, если вы прощаете мне мою беспечность, мои неловкости, мою звезду.

Представьте себе, я ещё не получил вашего вчерашнего письма. Почта не пришла, а клерки были освобождены от прихода из-за праздника. Сейчас я туда иду. О, если бы мне выпало счастье получить письмо, которое подтвердит мне ваше здоровье, вашу любовь и ваше спокойствие.

Мой великодушный хозяин очень привязан ко мне, очень обо мне заботится. На этот раз он был счастливее: его произвели в генерал-майоры. Я хотел бы отметить вам главные пожалования, но число их так велико. Граф Безбородко получил титул светлейшего князя, шесть тысяч крестьян и множество земель. Три фельдмаршала: граф Пушкин, Каменской, Эльмпт; Мойерс <?>, Ростопчин, Плещеев, Обольянинов и др. получили ленту Святого Александра. Несколько дам получили портрет и ленту. Впрочем, нужно иметь полный список, а его сейчас ещё довольно трудно получить…

Я возвращаюсь с почты. Дороги так плохи, что письма ещё не пришли. Значит, мне приходится закрывать моё письмо, ничего не зная о вас, не имея возможности ответить на всё, что вы имели дружеского для меня. Ведь, конечно, вы меня обласкали, сказали мне, как вы меня любите, как желаете, чтобы я вернулся поскорее. <…> моя дорогая подруга, не огорчайтесь из-за этих милостей, которых мне недостало. Вы моё единственное утешение. Не сердитесь. Я нежно обнимаю вас. Молю Бога сохранить ваше здоровье и здоровье моего дорогого Нико, моей дорогой Марион. Любите меня».

ne reçoit plus. Et malgré tout cela mes lettres ne parviennent pas. Le jour de paque je n'ai pas eu la consolation de reçevoir votre chère lettre. La poste a retardé deux jours. Ce n'est qu'hier au soir, que je l'ai eu.

Entre la dernière phrase et celle que j'ecrit j'ai fait un tour à l'hôtel de poste, où l'on m'a voit promis de déterrer deux lettres pour Votre père: je me suis donc informé sur ma lettre infortunnée. On m'a montré les registres de toutes lettres expediées le 23 de Mars. Ma lettre y est enregistrée, comme il suit: №1030 *Никите Муравьеву*. Vous m'obligerez, ma bonne amie, d'envoyer à la poste quelqu'un qui pût parvenir au même expedient de demander à voir ce qu'on appelle la Car<te?> de la poste de Moscou du 23 de Mars. Mais en voilà assez…

Comme j'ai dormi délicieusement aujourd'hui! J'ai vû mes chers enfants en songe…

C'est vous, maman, qui m'avez procuré cette illusion charmante, qui n'en eu pas moins un bonheur réél, en les dépeignant <?> si jolis et si aimables. Quand viendra cet heureux moment que je serai rendu à ma famille? Mr. Chanykoff ne me laisse manquer de rien. Mais un père de famille n'est bien que chez lui. Qu'est ce qui peut supplier à la tendresse de mon amie, qui me connoit si bien, qui sait touts mes travers, toute mes défauts et me les pardonne ! Qui peut me consoler plus efficacement de l'oubli des grands et del'ambition trompée ! Ma bonne amie est trop généreuse pour être du côté de la Fortune.

La Cour a été très brillante touts ces jours-ci. Trois jours consécutifs de sollennités et de félicitations. Un peuple innombrable remplissoit la place continuelement. Aujourd'hui, il y a bal pour les cinq classes. Je crois, que c'est samedi que la Cour passe de nouveau du *Kremlin* à la *Slobode allemande*. Quelqu'uns prétendent, que c'est le 28 de ce mois-ci, que Sa Majesté Empereur part pour l'intérieur del'Empire et l'Impératrice le 4 de Mai pour Peterbourg. Elle a eu la grâce de ne pas oublier notre cousin Zacharie <Захар Матвеевич Муравьев>, qui est nommé Conseiller d'État. Hier c'etoit un mois révolû, depuis que je suis parti. Vous avez passé ce temps bien désagréablement par rapport à la maladie de Maman. Mais je ne puis que donner des éloges à votre piété. Puissent ces devoirs vous rendre plus chères l'une à l'autre ! je crains seulement que votre santé n'en puisse souffrir. J'agis bien autrement. J'abandonne mon vénérable père aux longueurs de la veille pour ne rien faire ici. Et quel père ! qui n'est occupé que de moi, qui n'a d'autre joie que de me voire heureux. Je le suis parfaitement graces à ma Cateau, pourvû qu'elle se porte bien, qu'elle m'aime bien, toute indigne, que je suis <?> et que je puisse revoir bientôt elle, Nicault et Marion[1254]

[1254] Перевод: «8 апреля, среда, утро

По какой случайности могло случиться, что моё письмо от 23 марта потерялось? Это очень трудно понять, если только на почте не было непростительной небрежности. Я не только не упускаю случая писать вам, моя добрая, моя единственная подруга, – это самое живое, самое чистое наслаждение, какое я могу здесь вкусить. Я сам хожу на почту сдавать и получать мои письма; я никогда их не задерживал, тем более что здесь в этом отношении очень строги: после восьми часов вечера уже не принимают. И несмотря на всё это, мои письма не доходят. В день Пасхи я не имел утешения получить ваше дорогое письмо. Почта задержалась на два дня. Только вчера вечером я его получил.

Между последней фразой и той, которую я пишу сейчас, я успел сходить на почтамт, где мне обещали отыскать два письма для вашего отца; я справился также о моём несчастном письме. Мне показали реестры всех писем, отправленных 23 марта. Моё письмо там зарегистрировано следующим образом: № 1030, Никите Муравьёву. Вы очень меня обяжете, моя добрая подруга, если пошлёте на почту кого-нибудь, кто мог бы прибегнуть к тому же средству: попросить показать так называемую карту Московской почты от 23 марта. Но довольно об этом…

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19-20)

<438>

1797 г. Апреля .9. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Приношу мою чувствительную благодарность за милостивое писание ваши. Неполучение письма моего <нрзб> меня чрезвычайно. Я писал каждую почту. Потеряться письмо не может, потому что отправляется <?> в карте. Неполученное письмо от 23 марта отправлено здесь под №1030. Это будет стыдно для петербургского почтальона <?>, ежели он дело свое исполняет с таким небрежением. Покорнейше прошу послать от меня сказать Николаю. Львовичу <Батюшкову>, что он пожалован в коллежские советники. Наш Захар Матвеевич <Муравьев> пожалован также в коллежские советники. Что касается до меня, я ничего не желаю столько, как возвратиться поскорее домой и увидеть вас, жену и детей здоровых. Любезному другу Сергею Михайловичу кланяюсь. Вчера на бале виделся я с Алексеем Степановичем Рахмановым, который мне сказывал, что он говорил с тем человеком, чьи деньги, и что он хотел дать ответ дни через четыре. Что он охотно согласится на принятие нового векселя, когда сыщет, чем сделать оборот <?>. Я боюсь, чтоб все это не были сказки. От сердца кланяюсь милым дедушкам Михайле Сергеевичу, Никите Сергеевичу, Катерине Сергеевне и желаю, чтобы они делали утешение дедушки своего. Я сегодня зван обедать под Донской. Все это очень хорошо. Но желал бы тысячу раз быть лучше отозвану к Вознесению, где будет хорошая ветчина, где папочка и <нрзб>. Свидетельствую мое усерднейшее почтение брату Николаю Федоровичу <Муравьева> и

Как восхитительно я сегодня спал! Я видел во сне моих дорогих детей… Это вы, maman, доставили мне эту очаровательную иллюзию, которая от этого не была менее реальным счастьем: вы изобразили их такими милыми и такими любезными. Когда же придёт этот счастливый миг, когда я буду возвращён моей семье? Господин Ханыков не даёт мне ни в чём нуждаться. Но отец семейства хорошо чувствует себя только дома. Что может заменить нежность моей подруги, которая так хорошо меня знает, знает все мои странности, все мои недостатки и прощает их мне! Что может действеннее утешить меня в забвении великих и в обманутом честолюбии! Моя добрая подруга слишком великодушна, чтобы быть на стороне Фортуны.

Двор все эти дни был очень блестящ. Три дня подряд торжества и поздравления. Несметный народ беспрерывно наполнял площадь. Сегодня бал для пяти классов. Кажется, в субботу двор снова переходит из Кремля в Немецкую слободу. Некоторые утверждают, что 28-го числа этого месяца Его Величество император отправляется во внутренние области империи, а императрица 4 мая – в Петербург. Она имела милость не забыть нашего кузена Захарию <Захара Матвеевича Муравьёва>, который назначен статским советником. Вчера исполнился ровно месяц с моего отъезда. Вы провели это время очень неприятно из-за болезни маман. Но я могу только хвалить вашу дочернюю преданность. Пусть эти обязанности сделают вас ещё дороже друг другу! Я боюсь только, чтобы ваше здоровье от этого не пострадало.

Я поступаю совсем иначе: я оставляю моего почтенного отца долгим часам ожидания, чтобы ничего не делать здесь. И какого отца! занятого только мною, не имеющего иной радости, кроме как видеть меня счастливым. Я совершенно счастлив благодаря моей Като, лишь бы она была здорова, крепко меня любила, каким бы недостойным я ни был, и лишь бы я мог скоро снова увидеть её, Нико и Марион».

сердечно поздравляю брата Захара Матвеевича <Муравьева> с чином. Впрочем, препоручая себя родительской милости, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый государь батюшка!

ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 51-52 об.).

<439>

1797 г. Апреля .13. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Без упражнения, без ожидания, живу я здесь далеко от вас, не имея других желаний, кроме несравненного удовольствия вас видеть, найти здоровье и спокойствие посреди любезной семьи моей. Что касается до меня, я здоров. В беспрестанном, хотя и бесполезном движении, я пользуюсь гостеприимством московских жителей. Все заняты теперь торжествами. Придворные, городские, народ наполняет Кремль. Сегодня в Успенском соборе читают статуты орденов. Думают, что Государь около месяца изволит препроводить в путешествии отсюда в Казань, через Владимир и Нижний Новгород, оттуда через Рязань и Тулу в Смоленск и, наконец, через Порхов и Лугу <?> в город Гатчина. Наш Иван Петрович <Вульф> пожалован Статским советником, с чем усерднейшее поздравляю брата Николая Федоровича и Павла и Ивана Ивановичей <Вульфов>. Почта все это время чрезвычайно опаздывает. Я делаю часто путешествие на Почтовый двор, как и теперь. Должно думать, дороги очень худы. Приношу мое усерднейшее почтение любезному другу и брату Сергею Михайловичу <Лунину> и прошу извинения, что за праздниками и за визитами не привез еще совершенного окончания дела его. Целую мысленно милых дедушек Михайлу Сергеевича, Никиту Сергеевича и Екатерину Сергеевну. Многие генералы на сих днях пожалованы: князь Сергей Федорович Голицын, В.И. Левашев, Ламб – в полные генералы, князь в. Долгорукий – в действительные тайные советники. Иосафу Ивлевичу <Арбеневу> дана Аннинская лента. Вот новости, которые до меня дошли или которые мог припомнить. Я хотел бы сказать что-нибудь приятного о таком человеке, которого счастья вы столько желаете, но, не имея этого удовольствия, могу только заявить его живейшие чувствования привязанности, почтения и благодарности, с которыми навеки пребывает, прося вашего родительского благословения

Милостивый Государь батюшка!

ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 53-54 об.).

<440>

Lundi le .13. Avril à .4. heures après midi

Puisse ma lettre vous trouver heureuse et contente, puisse-t-elle ajouter quelque chose à cette situation desirable, un tendre souvenir, une caresse pour moi, un souhait de me revoir bien

vite, mais cependant modéré par cette prudence que la nécèssité impose. Ma charmante amie, que ne puis-je vous exprimer combien de fois et avec quels delices je songe à vous, à tout ce bonheur, dont je vous suis redevable. Je réalise bien souvent en imagination ces instants, les plus doux de ma vie, où je n'existois qu'avec vous et par vous. Me voilà séparé. Je ne sais point si ma bonne amie se porte en effet aussi bien, qu'elle me le persuade, cette généreuse amie, qui m'aime, jusque dans mes torts, qui me pardonne le peu d'éclat le peu de fortune et qui prefère mon amour à tout. Que je crains, que l'indisposition <ne soit> de peine et de fatigue pour vous. Votre fardeau augmentant toujours vous n'aurez plus assez d'agilité pour monter ces escaliers sans moi. Vous savez que je suis votre aide. Nous sommes presque à la moitié d'Avril. J'attends avec impatience certaine nouvelle interessante, que Maman daignera peut être confier au papier. Peut-être aussi serois-je alors sur mon retour et ce sera un secret, communiqué à l'oreille. Vous souvenez-vous du 9 d'avril pres des cuisines des Palais Taurique? Maman me poursuivoit partout, maman m'aimoit. Elle m'aime plus que jamais, j'en suis sûr, car elle veut mon bonheur. Elle m'attendra patiemment. Combien est-ce qu'il reste jusqu'à cet heureux jour? Trois semaines et voilà tout. Mais elle prendra bien de soin d'elle-même pour l'amour de moi. Dans un moment où l'ennui voudra s'approcher d'elle, elle s'environnera de nos enfants, elle me donnera des caresses, en les embrassants. C'est *Papa* (папочка) dans son enfant. Je viens apresent de cher Mr. *Lounin*. Ils ont été touts les deux à la cour, où on a lû les statuts des Ordres de *St. André, St. Alexandre, St. Anne et Ste. Caterine*. À chaqun de ces ordres Sa Majesté a nommé un maître de cérémonies, qui portera le Cordon del'ordre en sautoir. C'est Mr. *Valouyeff*, pour celui de St. André, Mr. *Goloffkin* pour celui de St. Alexandre, Mr. *Obolensky* pour St. Anne et Boriatinsky pour St. Cathérine. Ce soir il y aura bal et souper par billets. Moi, je cours à la poste pour remettre ma lettre et pour en rapporter de vous, si je suis assez heureux. Embrassez bien *Nacault* et *Marion* et mon Papa et mes neveux et mes respects à Maman. Bonjour[1255]

[1255] Перевод: «Понедельник, 13 апреля, 4 часа пополудни

Пусть моё письмо застанет вас счастливой и довольной; пусть оно прибавит что-нибудь к этому желанному состоянию: нежное воспоминание, ласку для меня, желание увидеть меня очень скоро, но всё же умеренное той осторожностью, которую налагает необходимость. Моя очаровательная подруга, как бы я хотел выразить вам, сколько раз и с какими наслаждениями я думаю о вас, обо всём том счастье, которым обязан вам. Я очень часто воображением снова делаю реальными те мгновения, самые сладкие в моей жизни, когда я существовал только с вами и благодаря вам. Вот я разлучён. Я не знаю, чувствует ли себя моя добрая подруга в самом деле так хорошо, как она меня в этом убеждает, эта великодушная подруга, которая любит меня даже в моих проступках, которая прощает мне малый блеск, малую удачу и предпочитает мою любовь всему. Как я боюсь, что недомогание причиняет вам страдание и усталость. Ваше бремя всё увеличивается; скоро у вас уже не будет достаточно лёгкости, чтобы подниматься по этим лестницам без меня. Вы знаете, что я ваш помощник.

Мы почти в середине апреля. Я с нетерпением жду одной интересной новости, которую маман, быть может, соблаговолит доверить бумаге. А может быть, тогда я уже буду на обратном пути, и это будет тайна, сообщённая на ухо. Помните ли вы 9 апреля возле кухонь Таврического дворца? Маман преследовала меня повсюду, маман любила меня. Она любит меня больше, чем когда-либо, я в этом уверен, потому что она хочет моего счастья. Она будет ждать меня терпеливо. Сколько остаётся до этого счастливого дня? Три недели – вот и всё. Но она будет очень заботиться о себе из любви ко мне. В минуту, когда скука захочет приблизиться к ней, она окружит себя нашими детьми; она даст мне ласки, обнимая их. Это папа, папочка, в своём ребёнке.

Я сейчас от господина Лунина. Они оба были при дворе, где читали статуты орденов Святого Андрея, Святого Александра, Святой Анны и Святой Екатерины. К каждому из этих орденов Его Величество назначил церемониймейстера, который будет носить ленту ордена через плечо. Для ордена Святого Андрея это

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21-22).

<441>

1797 г. Апреля .16. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Приношу мою нижайшее благодарение за милостивое писание ваше. Я, слава богу, здоров и прошу Бога о том только, чтоб вы были здоровы, чтобы я имел скоро несравненное счастье вас увидеть и наслаждаться всем возможным счастьем посреди моего семейства. Сожалею чрезвычайно, что Катенька моя вынуждена каждый день несколько раз выезжать и боюсь, чтобы это не обеспокоило ее в рассуждении ее положения. Я живу здесь в совершенной праздности и так, как ездят в Лондон и Париж праздные путешественники веселиться и приживаться. Для степенного человека упражнения не самое похвальное. Любезному другу и брату Сергею Михайловичу <Лунину> усерднейшей кланяюсь. Не могу довольно возблагодарить за милость и ласку Александра Михайловича <Лунина>. Сожалею, что комиссию свою исполнил не совсем желаемым успехом. Алексей Степанович обещал сам писать на нынешней почте. Этот человек для меня все бы сделал, говорит он, если бы можно было (я поверю). Займите вы, говорит он ему, так я с охотою пересрочу вексель. Итак этот человек дает вам сроку до 15 мая прислать остальные 3600 рублей. Здесь занять не имею я никакой надежды и не имею таких надежных людей. Князь Урусов в постели болен, и надобно знать еще, захочет ли меня одолжить. Ижорин зависит от опеки и не думаю, чтоб имел таковой капитал. При том время пребывания моего неизвестно. Так в рассуждении этого в рассуждении этого я ожидаю ответа. Любезных детушек Михайлу Сергеевичу, Никиту Сергеевича, Екатерину Сергеевну <Луниных> мысленно целую и желаю им здоровья и благополучия. Не терпелюсь <?> их увидеть и возобновить мое знакомство. Теперь поеду к Елизавете Карловне отдать ей письмо от Захара Матвеевича <Муравьева>, которое я подхватил на почте. Братцу Николаю Федоровичу <Муравьеву> приношу мою благодарность и почтение. Впрочем, прося родительского благословения, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый Государь батюшка!

ваш покорный сын из слуга

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 55-56)

<442>

Jeudi le .16. Avril à midi et demi

господин Валуев, для Святого Александра – господин Головкин, для Святой Анны – господин Оболенский, для Святой Екатерины – Барятинский. Сегодня вечером будет бал и ужин по билетам. А я бегу на почту, чтобы отдать моё письмо и, если буду достаточно счастлив, принести оттуда ваше. Хорошенько обнимите Нико и Марион, и моего папа, и моих племянников; мои почтения маман. Добрый день».

Enfin, ma chère amie, votre lettre est arrivée avant que la mienne soit partie. Nous avons souffert de la même cause. Mes lettres vous parviennent aussi tard, que les votres. Grâce au Ciel, les chemins vont devenir plus praticables. Puisse ce tems d'épreuve, cette separation inutile s'écouler au plus vite. Au moins suis-je si heureux de recevoir vos lettres. Votre père n'en a pas reçu aujourd'hui. Je commence moi-même à supposer cette maladie plus grave, que je ne croyois. Mr. *Crouse* a recommandé à papa deux médecins : l'un est *Simson*, et l'autre un *Chirurgien*. Major, dont j'ai oublié le nom (je m'en souviens, c'est Freygang, je crois). Mais papa dit que tout le monde n'est pas d'accord sur le mérité du dernièr. Mais que fait-il davantage, quand vous est adressée à Simson ? Celui-ci peut être introduit dans la maison, comme quelqu'un qui a reçu les instructions de Crouse, puis que maman a tant de confiance en lui. Je suis bien aise de ce que Mr. Clemens vous agrée et je vous remercie bien tendrement, ma bonne amie, d'avoir eu la prévoyance de le consulter pour vous. Je suis bien frivole < ?> pour un père de famille, d'aller me fourrer dans ce Moscou, où je ne fais rien et de quitter ma femme et mes enfants. On ne sait rien de positif sur le terme du retour. On designoit toujours le 2 et le 3 de Mai. Il y a tant d'événements imprévus qui peut différer le terme. Je n'ai pas besoin de vous dire, combien ça me donneroit de peine, d'autant plus qui je me figurerois tout le déplaisir, que vous en auriez. Mais il faut toujours espérer en bien. Hier, c'etoit la clôture des Sollenités. Sa Majesté a passé du Palais de Kremlin à celui de la Slobode. J'y etois aujourd'hui à neuf heures. Je me flattois de profiter du premier moment de loisir. Cependant mes leçons sont différées, je crois, à un tem indéfini, puisque on a promis de m'avertir. Je vous remercie bien, ma bonne amie, pour les soins que vous avez pris de faire teindre mon manteu, mais je n'en ai pas besoin ici. Je prends toujours mon surtout, puisque le printemps n'a fait que se montrer ici et qu'il souffle un vent de Nord assez désagréable. On parloit d'un voyage, que la cour feroit au monastère de la Trinité à .60. versts d'ici. On ira vendredi, on reviendra dimanche. Je sens tout le prix de votre générosité, toutes la force de votre amour, lorsque vous renoncez pour moi à toutes ces illusions, qui sont si agréables à la vanité et qui ne me sont pas tomber en partage. Ce seroit pour moi une jouissance délicieuse d'y participer : vous en connoissez le motif. Mais puisque le Ciel ne l'a pas voulu, ma seule consolation c'est votre amour, votre amitié inalterable, et j'ose y compter. Embrassez de ma part bien tendrement mon cher Nicault et ma chère Marion. Portez- vous bien, attendez moi courageusement et gaiement. Mes compliments à ma Cousine, à mes neveux et nièces, à tout le monde. Je vous embrasse mille fois[1256]

[1256] Перевод: «Четверг, 16 апреля, половина первого пополудни Наконец, моя дорогая подруга, ваше письмо пришло прежде, чем моё успело уйти. Мы страдали от одной и той же причины. Мои письма доходят до вас так же поздно, как ваши до меня. Слава небу, дороги скоро станут более проезжими. Пусть это время испытания, эта бесполезная разлука пройдёт как можно скорее. По крайней мере, я настолько счастлив, что получаю ваши письма. Ваш отец сегодня письма не получил. Я сам начинаю предполагать, что эта болезнь серьёзнее, чем думал.

Господин Круз рекомендовал рара двух врачей: один – Симсон, другой – хирург-майор, имя которого я забыл; теперь вспоминаю: кажется, Фрейганг. Но папа говорит, что не все согласны насчёт достоинств последнего. Но что ещё делать, раз вы обратились к Симсону? Его можно ввести в дом как человека, получившего инструкции от Круза, поскольку маман так ему доверяет. Я очень рад, что господин Клеменс вам подходит, и очень нежно благодарю вас, моя добрая подруга, за то, что вы имели предусмотрительность посоветоваться с ним о себе.

Я очень легкомыслен <?> для отца семейства – забраться в эту Москву, где я ничего не делаю, и оставить жену и детей. Ничего положительного о сроке возвращения неизвестно. Всё ещё называли 2 и 3 мая. Но столько непредвиденных обстоятельств может отдалить срок. Мне не нужно говорить вам, сколько это

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 23-24).

<443>

1797 г. Апреля .20. д.<ня> Москва

Милостивый Государь батюшка!

Никита Артемонович!

Приношу мою нижайшее благодарение за милостивое писание ваше. Я, слава богу, здоров. Каждый день прогуливаюсь по Москве. Дома читаю кое-что или мараю стихи. Дома, правду сказать, мне скучно, потому что я вспоминаю, какая разность быть дома в Москве или в Петербурге. Неизвестно настоящим образом, когда будет отъезд. Боюсь, чтобы не продлилось долее, нежели сначала полагали. Ежели батальоны будут выходить через день, с 3 числа начиная, так это может продлиться до пятогонадесят. Погода у нас стоит холодная и на весну не похожая. Государь изволит еще ехать в Троицкий монастырь и на дороге изволит остановиться в деревне князь Гавриила Петровича Гагарина. Вчера на куртаге было, сказывают, бесчисленное множество дам. Не только в робах, но и в русском платье позволено приезжать. На этих днях будет собрание в благородном клубе, которое удостоит Государь своим присутствием. Он изволит посещать окрестности московские. Сегодня, сказывают, в Царицыне и в Коломенском, а завтра будет на Воробьевых горах. Любезному другу и брату Сергею Михайловичу <Лунину> свидетельствую мое усерднейшее почтение. Любезных детушек мысленно целую. Приношу мое почтение брату Николаю Федоровичу <Муравьеву> и брату Захару Матвеевичу <Муравьеву>. Впрочем, прося бога о сохранении здоровья вашего, препоручаю себя в родительскую милость и пребываю с нежнейшею любовию и высокопочитанием

Милостивый Государь батюшка!

причинило бы мне огорчения, тем более что я представлял бы себе всё неудовольствие, которое это вызвало бы у вас. Но всегда надо надеяться на лучшее.

Вчера было завершение торжеств. Его Величество перешёл из Кремлёвского дворца во дворец в Слободе. Я был там сегодня в девять часов. Я льстил себя надеждой воспользоваться первым свободным моментом. Однако мои уроки, кажется, отложены на неопределённое время, поскольку мне обещали сообщить. Я очень благодарю вас, моя добрая подруга, за заботы, которые вы приняли, чтобы покрасить мой плащ, но он мне здесь не нужен. Я всё время беру мой сюртук, потому что весна здесь только показалась и дует довольно неприятный северный ветер.

Говорили о поездке, которую двор совершит в Троицкий монастырь, в 60 верстах отсюда. Поедут в пятницу, вернутся в воскресенье. Я чувствую всю цену вашего великодушия, всю силу вашей любви, когда вы ради меня отказываетесь от всех этих иллюзий, столь приятных тщеславию и не выпавших мне на долю. Для меня было бы восхитительным наслаждением участвовать в них: вы знаете причину. Но раз небо этого не пожелало, моё единственное утешение – ваша любовь, ваша неизменная дружба, и я осмеливаюсь на неё рассчитывать.

Обнимите за меня очень нежно моего дорогого Нико и мою дорогую Марион. Будьте здоровы, ждите меня мужественно и весело. Мои поклоны моей кузине, моим племянникам и племянницам, всем. Обнимаю вас тысячу раз».

ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 57-58)

<444>

Lundi le .20. Avril à midi et demi

Pardon, ma douce amie, si j' osois vous supposer un moment susceptible d'autres considérations, que celle de mon amour. Mais plutôt, que de grâce j'ai à vous rendre pour votre consolante lettre ! Elle me fit goûter une félicité parfaite. Elle me releveroit, si j'etois même abattu, en voyant mes illusion s'évanouir. Je ne doute nullement de votre générosité. Je ne fais des vœux, que pour revenir, que pour entendre touts les jours de votre bouche la confirmation de mon bonheur, cette douce assurance, que vous m'aimez, comme je suis, sans rang, sans fortune. Peut-être avec le temps je puis avoir une place tranquille et peu enviée, où je ne serai heureux que par vous et ces chers enfans, que vous me depeignez si joli. Je ne souhaite rien, que de vous savoir en bonne santé : que nos enfants se portent bien, que je puisse honorer et soigner la vieillese de mon père. Loin de lui, c'est à vous, ma douce amie, que je remets ce devoir sacré. Il ne m'en <dit> dernièrement, que peu de mots. Se porte-t-il bien ?

Je reviens à l'instant de chez Mr. Rachmanoff. J'y ai diné avec votre père. Il avoit encore un seigneur polonois, comte Potozky, grand voyageur et grand savant. On dit que jeudi on donne en ville l'opéra de Didon, c'est à qui aura des billets. J'ai vû chez Mr. Rachmanoff des billets, non d'opéra, mais de fiancailles de Mr. Mouchanoff avec un princesse Troubetzkoy (Варвара Николаевна). L'empereur est allé voir aujourd'hui les maisons de campagnes Impérial de Zarizin et de Kolomenskoy. Le 26 il reviendra de la Slobode <?> au Cremlin pour la fête du Grand-Duc Constantin. Ce n'est que le 3 de Mai, dit-on, que le premier bataillon des Garde (chasseurs) se mettra en marche pour Petersbourg. Il se passera du temps, avant que tous les bataillons sortiront de Moscou. Que je désirois, que le temps accélérat sa course pour abréger cette absence, que nous sépare ! Après mes courses à Petersbourg, c'etois vous, qui alliez à ma rencontre qui m'a attendu à la porte. C'etoit près de vous que j'avais ma place à table. Qui est-ce qui peut s'intéresser à moi de la sorte, si mon l'amour le plus tendre, la plus généreuse, si ce n'etes vous ? Je devois être à présent auprès de ma femme, pour veiller sur sa santé, pour la servir, et je dissippe mon tems à ne rien faire. Notre petit Nicault entend, dites vous, un peut d'allemand. Est-ce que vous ne pouvez pas vous charger de lui enseign <?> le François? J'ai vu ici le petit Bibikoff entendre éyalement trois langues et les confondre un peu, comme un enfant de deux ans et demi. Embrassez bien pour moi Nicault et Marion. Je tâcherai de parler à Mr. Rastopchin à propos de notre cousin. Mais il si obsédé, si occupé que je ne m'en promets pas grande chose. Je vous embrasse mille et mille fois[1257]

[1257] Перевод: «Понедельник, 20 апреля, половина первого пополудни Простите, моя нежная подруга, если я осмелился хоть на мгновение предположить, что вы способны руководствоваться какими-либо иными соображениями, кроме моей любви. Но скорее – сколько благодарности должен я воздать вам за ваше утешительное письмо! Оно дало мне вкусить совершенное блаженство. Оно подняло бы меня, даже если бы я был подавлен, видя, как исчезают мои иллюзии. Я нисколько не сомневаюсь в вашем великодушии. Я желаю только вернуться, только ежедневно слышать из ваших уст подтверждение моего счастья, это сладкое уверение, что вы любите меня таким, каков я есть, без ранга, без состояния. Может быть, со временем я смогу получить спокойное и мало завидное место, где буду счастлив только вами и этими дорогими детьми, которых вы изображаете мне такими милыми. Я не желаю

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25-26).

<445>

1797 г. Апреля .23. д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка!

Никита Артемонович!

Тронут милостию вашею., никогда не изменяющеюся ко мне, приношу чувствительную благодарность за приятнейшие писание. Счастье мое было бы чрезвычайно велико, ежели бы здешнее мое пребывание обрадовало вас моею какою-нибудь выгодою. Но Богу было то неугодно. Обнадеживания пустые ничем не кончились. Я уж и боюсь теперь утверждать что-нибудь. Однако я постараюсь увидеть князя Куракина. Великого Князя не смею более утруждать. К радости моей, слышу я, будто опять зачинают поговаривать о третьем мае. Теперь все мои желания поскорее возвратиться. Думаю, что государь изволит ехать не в Казань, а в Смоленск. Сегодня здесь дают представление оперы *Дидона*. Вчера пришел ко мне староста из Летников с другим крестьянином. Они требуют, чтобы я запросил об их обидах. Это, я думаю, невозможно. Однако хочу теперь съездить в Межевую. Но чтоб не отпустить их совсем беспокойно, хочу написать письмо к губернатору: я не знаю, хорошо ли я это сделаю. Они недовольны, кажется, защищением Каменева, который теперь и вовсе отказался. Какой-то приказной Шарапов, говорят они, лучше мог бы исполнять их письменные дела по губернии. Но, может быть, они не знают. Гаврилы Ивановича Колокольцева в Казани нет и нескоро будет. Любезному другу и брату

ничего, кроме как знать, что вы здоровы, что наши дети здоровы, что я могу чтить и заботиться о старости моего отца. Вдали от него, моя нежная подруга, я передаю вам этот священный долг. Последнее время он говорит мне о себе только несколько слов. Здоров ли он?

Я сейчас вернулся от господина Рахманова. Я обедал там с вашим отцом. У него был ещё один польский вельможа, граф Потоцкий, великий путешественник и большой учёный. Говорят, что в четверг в городе дают оперу «Дидона»: все стараются достать билеты. У господина Рахманова я видел билеты – не на оперу, а на помолвку господина Муханова с княжной Трубецкой, Варварой Николаевной. Император сегодня ездил смотреть императорские загородные дома Царицыно и Коломенское. 26-го он вернётся из Слободы в Кремль на праздник великого князя Константина. Только 3 мая, говорят, первый батальон гвардии, егеря, выступит в Петербург. Пройдёт ещё время, прежде чем все батальоны выйдут из Москвы.

Как бы я хотел, чтобы время ускорило свой бег и сократило эту разлуку, которая нас разделяет! После моих разъездов по Петербургу это вы выходили мне навстречу, вы ждали меня у двери. Это возле вас было моё место за столом. Кто может так интересоваться мной, если не самая нежная, самая великодушная любовь, если не вы? Я должен был бы теперь быть возле моей жены, чтобы следить за её здоровьем, чтобы ей служить, а я растрачиваю время, ничего не делая.

Наш маленький Нико, говорите вы, понимает немного по-немецки. Не можете ли вы взять на себя учить его французскому? Я видел здесь маленького Бибикова: он одинаково понимает три языка и немного смешивает их, как ребёнок двух с половиной лет. Хорошенько обнимите за меня Нико и Марион. Я постараюсь поговорить с господином Ростопчиным о нашем кузене. Но он так окружён людьми, так занят, что я не обещаю себе от этого многого. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз».

Сергея Михайловичу <Лунину> приношу мое усерднейшее почтение. Нетерпеливо желаю увидеть милых дедушек, которых мысленно целую. Кланяюсь братцам Николаю Федоровичу и Захару Матвеевичу <Муравьевым>. Впрочем, прося родительского благословения вашего, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый Государь батюшка!

Михайлов Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 59-60).

<446>

Jeudi, le .23. d'Avril à sept heur du matin

J'ai reçu hier la plus belle des lettres, la plus généreuse, la plus caressante. Elle m'auroit inspiré le désir de voler vers vous, si sans cela même, je n'en avois point toutes les envies du monde. C'est une triste vie, que d'être transplanté loin de ces foyers, fût-ce dans le séjour le plus beau. Jamais, nulle part, je n'ai été si heureux, qu'auprès de ma bonne amie. J'espère de l'être de nouveau dans peu de jours. On ne sait rien de positif sur le jour du départ. Si c'étoit le trois, comme je seroi heureux ! Ma bonne amie m'assure et je l'en crois, que toute son ambition se réduit à faire mon bonheur. Tous les sentiments à mon pourvoir, d'amour, de reconnaissance, de respect lui sont voués à jamais. Ce n'est pas dès aujourd'hui, qu'elle a entrepris mon bonheur. Bientôt s'écouleront trois ans qu'elle embellit mon existence. Des gages de notre amour croissent sous ses yeux. Leur éducation fera nos soins <?> et notre plaisir. Une sage économie ménagera nos revenus. Le calme, le repos, la santé, l'amitié : voilà les vrais biens de la vie. Pardon, ma bonne amie, si je m'égare dans les vues romanesque de l'avenir. Quand on est oublié en cour <?> ou se réfugie dans la Pastorale. Et pourquoi un Plan si simple seroit-il impraticable ? Nous ne disposons point des biens de la Fortune ; les sollicitations les plus assidues peuvent échouer. Mais un bonheur obscur et tranquille ne dépend que de nous-mêmes. C'est avec la plus grande joye, que j'apprends la convalescence de Maman. Je suppose qu'elle va mieux. Cela vous donnera quelques moments de relâche, que vous passerez au milieu de vos enfants. J'ai dîné hier chez Papa, c'etoit, comme vous le dites, son jour de nom. Le soir je l'ai revu encore au bal de la cour pour lui porter la lettre de maman, que j'ai été prendre à la poste. À la porte del'Hôtel de poste je trouvai notre cousine avec Madame de Vietinhoff, qui est si bonne et qui vous fait bien des compléments. Je n'ai qu'a me louer des bontés à Papa. Il ne me paroit pas du tout mécontent de moi. Mon bonheur seroit parfait si

On ne peut être touché davantage que je le suis, quand je vois Catau si fidele < ?> à l'exercice de la Piété filiale. C'est après le culte divin, le devoir le plus sacré. Puissent les tendres caresses de Nicault, de Marion vous faire oublier vos ennuis et toujours prier <?> pour *Papochka* ! Faites bien mes compléments à notre cousine <Annette?> et qu'elle ecrive un mot de moi à *Lubin*. Embrassez bien mes enfants. Portez-vous bien, aimez-moi. Je vous embrasse mille et mille fois[1258]

[1258] Перевод: «Четверг, 23 апреля, семь часов утра
Вчера я получил прекраснейшее из писем, самое великодушное, самое ласковое. Оно внушило бы мне желание лететь к вам, если бы и без того я не имел к этому всего желания на свете. Печальна жизнь – быть пересаженным вдали от этих очагов, пусть даже в самом прекрасном месте. Никогда и нигде я не был так счастлив, как возле моей доброй подруги. Надеюсь снова быть таковым через несколько дней. Ничего определённого о дне отъезда не известно. Если бы это было третьего, как я был бы счастлив!

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 27-28)

<447>

1797 г. апреля 27 д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я сегодня только получил милостивое письмо ваше, утверждающее меня в вашей непременной родительской любви. Скоро надеюсь быть столько счастлив, что буду испытывать ее каждый день, не прибегая к посредству переписки. Говорят, будто Государь изволит выехать будущее воскресенье, 3 число мая. Он изволит вместе выехать с Государынею, но потом поедет по Смоленской дороге. Между тем, как Государыни отправится по Петербургской. Государь будет в Смоленске, Минске и Гродно и возвратится к 28 числу мая. Может быть, я слышал неосновательно, но вот что до меня дошло. На станциях будет по 100 лошадей. Не знаю, будем ли мы подвержены остановке по малости лошадей и скоро ли нам дадут подорожные. Я просил от вашего имени Матвея Васильевича Мамонова о вынесении справок из Вотчинного архива, и вчера увидел меня во дворце, сказал мне, что, согласно с волею вашею, он дал повеление поспешить справкою <?>. Государь изволил вчера переехать в Кремль, где сегодня бал для рождения Великого Князя Константина Павловича, а в середу будет для переполовления[1259] большой парад с водосвящением. Сегодня во дворце пронеслось известие весьма приятное, что Император Римский заключил выгодный мир. У нас дни три, как установилась погода самая летняя, и это после сильных холодов. Может быть, около половины мая и я прикачу в Петербург,

---

Моя добрая подруга уверяет меня, и я ей в этом верю, что всё её честолюбие сводится к тому, чтобы составлять моё счастье. Все чувства, на какие я способен, – любовь, благодарность, уважение – навсегда ей посвящены. Не с сегодняшнего дня она предприняла моё счастье. Скоро исполнится три года, как она украшает моё существование. Залоги нашей любви растут у неё на глазах. Их воспитание составит наши заботы и наше удовольствие. Разумная экономия сбережёт наши доходы. Спокойствие, покой, здоровье, дружба – вот истинные блага жизни. Простите, моя добрая подруга, если я уклоняюсь в романические виды будущего. Когда человека забывают при дворе, он укрывается в пасторали. И почему столь простой план был бы неисполним? Мы не распоряжаемся благами Фортуны; самые усердные просьбы могут потерпеть неудачу. Но скромное и спокойное счастье зависит только от нас самих.

С величайшей радостью я узнаю о выздоровлении маман. Предполагаю, что ей лучше. Это даст вам несколько минут передышки, которые вы проведёте среди ваших детей. Вчера я обедал у папа; это был, как вы пишете, день его именин. Вечером я снова видел его на придворном балу, чтобы принести ему письмо от маман, которое я ходил получать на почту. У дверей почтамта я встретил нашу кузину с госпожой де Фитингоф, такой доброй, которая передаёт вам много поклонов. Я могу только хвалить доброту папа. Он, кажется, совсем не недоволен мной. Моё счастье было бы совершенным, если бы…

Нельзя быть тронутым больше, чем тронут я, когда вижу Като такой верной исполнению дочернего благочестия. После богопочитания это самый священный долг. Пусть нежные ласки Нико и Марион заставят вас забыть ваши тревоги и всегда молиться за папочка <?>. Передайте мои поклоны нашей кузине Аннетт <?> и пусть она напишет от меня словечко Любину. Хорошенько обнимите моих детей. Будьте здоровы, любите меня. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз».

[1259] Преполовение — христианский праздник, отмечаемый на 25-й день по Пасхе.

ежели обстоятельства не переменяться. Дай бог, чтобы сбылось. Мне скучилось жить бобылем. Любезному другу и брату Сергею Михайловичу <Лунину> приношу мое усерднейшее почтение и целую мысленно милых детушек. Приехавши, буду учиться говорить по-аглински у Михаила Сергеевича <Лунина>, с Никитинкой в барабан бить и с Катенькою в куклы играть. Захар Матвеевич <Муравьев> искренне печалит Елизавету Карловну своими упреками: она бы хотела тоже, как я, улететь, да невозможно. Она представляет себе, как обрадуется мне моя Катерина Федоровна <Муравьева>. Брату Николаю Федоровичу <Муравьеву> усердно кланяюсь. Петр Иванович <Вульф> в великих авантажах и не может выехать. Впрочем, прося родительского благословения, с глубочайшим почтением пребываю

Милостивый Государь батюшка!

ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 61-62)

<448>

Lundi le 27 Avril à 6 heures et demi du matin

Ma charmante amie ! Bonjour. Vous êtes encore au lit aprésent, bien endormie. Vous me voyez peut-être en songe et vous me croyez entendre. Ce n'est pas un songe. Je vous parle, mais je ne suis pas entendu. Que je voudrois me transporter ce moment dans cette heureuse chambre à coucher, vous donner mille baisers, pendant que vous dormez, et mille encore après que vous vous fussiez réveillée. Le petit Nicault dort-il toujours auprès de vous. Il faut bien, qu'il cède sa place à Papa. Mais quand viendra cet heureux jour ? On recommence à parler du 3 de Mai. Encore est-ce peu sûr. Mais d'abord après le départ de la cour pourra-t-on avoir des chevaux, un passeport ? Ce sont des circonstances inquiétantes pour quelqu'un qui <?> trouve la poste trop lente. Je demande de ma bonne amie beaucoup de patience, de sang-froid < ?> de raison : ne point compter les moments calculer ma paresse, mon indolence, mon peu d'adresse de faire hâter les postillons. Vous savez, ma chère amie, que dans votre état toutes les émotions fortes sont nuisibles <?>, fussent-elles produites par la joye. Block, que j'ai vû hier, m'a demandé vos nouvelles et je lui ai dit, que vous vous êtes saigner par Mr. Clemens. Mais vous, ma bonne amie, m'avez vous dit la vérité ? cette saignée n'a-t-elle point été occasionné par quelque indisposition ? N'est-ce pas la suite de ces fatigués continuelles, de quelque désagrément ? Mon absence seroit alors tout-à-fait malheureuse. Cette fois-ci je n'ai point encore eû de vos lettres. La dernière etoit si belle, si indulgente ! La fortune m'a traité de manière, qu'il n'y a qu'une belle ame, qui me puisse pardonner son oubli. Pour être heureux, dites-vous, vous n'avaez qu'à me revoir. Qu'ai-je gagné en m' absentant ? des humiliations. Mais je ne m'en souviendrai point, si votre bonté constante me tiendra parole.

J'espère qu'aprésent Maman va mieux. Songez à vous, ma chère amie, donnez-vous du repos, du mouvement à propos, avec mesure ; beaucoup de modération en tout : c'est ce que je Vous prescris. Formez des plans romanesques, transplantons nous en Arcadie, jouissons d'un beau ciel, embellissons < ?> notre obscurité. Il y a cependant une circonstance précieuse, dont vous ne faites pas mention. J'ai beau vous faire ressouvenir du Palais Taurique ; le nombre de 9 avril ne me parvient pas[1260]. Et < ?> votre père m'a demandé, si nous n'avions pas besoin de gens pour notre service. Il vient en faire venir de nos terres. J'ai dit que pour le moment un garçon cuisinier nous

[1260] Сноска Муравьева: «Il faut: elle est parvenue». Перевод: « Нужно: elle est parvenue».

viendroit à propos, que je prendrois la liberté de l'en faire souvenir à Peterbourg ; après avoir eu votre avis. Je voudrois hâter ce moment delicieux, mais non pas pour consulter. En attendant je Vous embrasse mille fois bien tendrement Mr. Nicault et Marion[1261]

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 29-30).

<449>

1797 г. апреля 30 д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Теперь, кажется, наверно можно положить, что отсутствие наше недолго продлится. Государь изволит и выехать в воскресенье, тертье число мая. Прежде него ехать, кажется,

[1261] Перевод: «Понедельник, 27 апреля, половина седьмого утра
Моя очаровательная подруга! Доброе утро. Вы сейчас ещё в постели, крепко спите. Быть может, вы видите меня во сне и думаете, что слышите меня. Это не сон. Я говорю с вами, но меня не слышат. Как я хотел бы в эту минуту перенестись в эту счастливую спальню, дать вам тысячу поцелуев, пока вы спите, и ещё тысячу после того, как вы проснулись бы. Маленький Нико всё ещё спит рядом с вами? Нужно же, чтобы он уступил своё место папа. Но когда придёт этот счастливый день? Снова начинают говорить о 3 мая. Но и это ещё мало надёжно. А сразу после отъезда двора можно ли будет достать лошадей, паспорт? Это обстоятельства тревожные для того, кто и почту находит слишком медленной. Я прошу у моей доброй подруги много терпения, хладнокровия, рассудка: не считать мгновения, принимать в расчёт мою леность, мою неподвижность, мою малую ловкость в том, чтобы торопить почтовых ямщиков. Вы знаете, моя дорогая подруга, что в вашем состоянии все сильные волнения вредны, даже если они вызваны радостью.

Блок, которого я видел вчера, спрашивал о вас, и я сказал ему, что вы сделали кровопускание у господина Клеменса. Но вы, моя добрая подруга, сказали ли мне правду? Не было ли это кровопускание вызвано каким-нибудь недомоганием? Не следствие ли это постоянных усталостей, какого-нибудь огорчения? Тогда моё отсутствие было бы совсем несчастным. На этот раз я ещё не получил ваших писем. Последнее было таким прекрасным, таким снисходительным! Фортуна так обошлась со мной, что только прекрасная душа может простить мне её забвение. Чтобы быть счастливой, говорите вы, вам нужно только снова увидеть меня. Что выиграл я, отсутствуя? Унижения. Но я не буду помнить о них, если ваша постоянная доброта сдержит мне слово.

Надеюсь, что маман теперь лучше. Думайте о себе, моя дорогая подруга, давайте себе отдых, движение – когда нужно и в меру; много умеренности во всём: вот что я вам предписываю. Стройте романические планы, переселимся в Аркадию, будем наслаждаться прекрасным небом, украсим нашу скромную безвестность. Есть, однако, одно драгоценное обстоятельство, о котором вы не упоминаете. Я всё напоминаю вам о Таврическом дворце; эта подробность, связанная с 9 апреля, кажется, была вам понятна.

И <…> ваш отец спросил меня, не нужны ли нам люди для нашей службы. Он только что велел привезти их из наших имений. Я сказал, что на данный момент нам очень пригодился бы мальчик-повар, что я возьму на себя смелость напомнить ему об этом в Петербурге, получив прежде ваше мнение. Я хотел бы ускорить эту восхитительную минуту, но не ради совещаний. А пока я тысячу раз очень нежно обнимаю вас, господин Нико и Марион».

непристойно. Тотчас после я буду стараться выходить себе подорожную, ежели так же, как в Петербурге, не будут ее откладывать в рассуждении разгона лошадей. Прожил я здесь бесполезно, с ложными надеждами, но помочь нечем, надобно подвергнуть себя во всем расположению, которое выше нас. Елизавета Карловна едет завтра. Катерина Андреевна Фитингофша имеет уже подорожную. Муж ее поедет с Великою Княгинею. Я сначала положил поехать после государя. День другой расстановки не такие важные вещи. Брату Сергею Михайловичу <Лунину> благодарю покорнейше за приятные писания. Семену Саввичу <Муравьеву>, когда прощаться поеду, скажу его желание. Матушке Анне Семеновне благодарю покорнейше за письмо и стану стараться исполнить ее приказания. Кланяюсь брату Николаю Федоровичу и брату Захару Матвеевичу <Муравьевым>. Скоро придет время, что лично буду иметь удовольствие благодарить их за дружбу к моей Катеньке. Впрочем, препоручая себя в родительскую милость, с глубочайшим почтением пребываю навсегда

Милостивый Государь батюшка!

Ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 63-64)

<450>

Jeudi le .30. Avril à quatre heures après midi

Dans ce moment-ci, ma bonne amie, on pourroit dire avec assurance, que l'instant, qui nous réunit, n’est pas loin. Il paroît constant, que Sa Majesté part dimanche, les Grandes Duchesses lundi ou mardi. Je Vous écrirai peut-être encore une fois. Je voudrois même que ce fut superflu. Mais en tout cas, j'espère que ma charmante amie, par égard pour moi, ne se livrera point ces excès de joye ou d'inquiétude, qui sont souverainement dangereux pour une personne dans votre situation. Je reviens dans ce moment-ci de Mr. et Madame de Vietinghoff. On lui a apporté son passeport. Elle se propose d'aller demain. Si elle arrive avant moi, ne vous chagrinez point, ma chère amie, ne vous fâchez point contre moi. Les dames peuvent disposer de leur liberté bien autrement, que les hommes. Je ne tarderai point de la suivre un jour ou deux de différence n'est pas un délai aussi grave. Je n'ose point sortir avant l’Empereur. C'est prudence ou timidité. Et puis on ne donne plus de passeports ces jour-ci. Mais d'abord que la cour est partie, je ne bougerai point del’Antichambre du Prince Dolgorouky, gouverneur, avant qu'il me donne un passeport, bien conditionné d'aller me jeter aux pieds de ma tendre, bonne amie, que je confie en attendant à la grâce du ciel. N'enviez pas ce bonheur de Zacharie Matveitch <Муравьев>, qui va voir son ami plutôt. Je prendrois des ailes pour la dévancer. Mais comme ce sont des chevaux de poste, qu’il m'est permit de prendre, ne demandez rien de surnaturel. Attendez un jour ou deux avec patience. Voilà que le bien aimé arrive. Les deux battants s’ouvrent. Il n'y a plus une distance de 700 verstes entre deux époux heureux. Votre mari vous rapporte un cœur plein de vous, l'amour le plus vrai, l'amitié la plus tendre, tous les sentiments les plus délicats d’estime < ?> de reconnaissance, que vous lui avec inspiré par trois ans de bonheur. Il s’est porté ici parfaitement bien. Il n’a pas la jouissance flatteuse de vous apporter des nouvelles distinctions, des faveurs de la Cour. Mais son courage n’est pas abattu. Cela lui a procuré même une jouissance d’un genre différent, bien délicieuse : c'est d’avoir senti, que l'attachement et l’estime de sa femme est à l’epreuve de la Fortune. Je suis aimé, j'en suis persuadé, autant que si j’avois été decoré, avancé, gratifié. Une seule condition. C'est de prendre garde à votre santé de m'attendre sans impatience, sans inquitude,

de me recevoir sans cette joye tumultueuse <?>, qui est autant à craindre, que le chagrin. Embrassez de ma part Nicault et Marion[1262]

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 31-32)

<451>

1797 г. мая 4 д.<ня> Москва

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Положение мое здесь начинает быть мне досадным. Я зачал вчера прощаться, сегодня думал выехать. Князь Юрий Владимирович обещал мне сегодня дать подорожную. Я приезжаю из-под Донского. Ничего не бывало. Приказывает сказать, что все подорожные вышли. Это меня сердит чрезвычайно. С какой радостью сегодня поутру делал я свои проекты спать сегодня в кибитке, и дни через четыре или пять надеюсь иметь удовольствие

[1262] Перевод: «Четверг, 30 апреля, четыре часа пополудни
В эту минуту, моя добрая подруга, можно с уверенностью сказать, что миг, который нас соединит, уже недалёк. Кажется установленным, что Его Величество уезжает в воскресенье, великие княжны – в понедельник или вторник. Быть может, я напишу вам ещё раз. Я даже хотел бы, чтобы это оказалось лишним. Но во всяком случае надеюсь, что моя очаровательная подруга, из уважения ко мне, не предастся этим избыткам радости или тревоги, которые чрезвычайно опасны для женщины в вашем положении.

Я сейчас возвращаюсь от господина и госпожи де Фитингоф. Ей принесли паспорт. Она собирается ехать завтра. Если она приедет раньше меня, не огорчайтесь, моя дорогая подруга, не сердитесь на меня. Дамы могут распоряжаться своей свободой совсем иначе, чем мужчины. Я не замедлю последовать за ней; разница в день или два — не такая уж тяжёлая отсрочка. Я не осмеливаюсь выехать прежде императора. Это благоразумие или робость. К тому же в эти дни уже не дают паспортов. Но как только двор уедет, я не сдвинусь с места из передней князя Долгорукого, губернатора, пока он не даст мне паспорт, должным образом устроенный для того, чтобы я мог броситься к ногам моей нежной, доброй подруги, которую до тех пор вверяю милости неба.

Не завидуйте счастью Захария Матвеевича <Муравьёва>, который раньше увидит своего друга. Я взял бы крылья, чтобы опередить её. Но так как мне позволено брать только почтовых лошадей, не требуйте ничего сверхъестественного. Подождите день или два с терпением. Вот любимый приезжает. Обе створки дверей распахиваются. Больше нет расстояния в 700 вёрст между двумя счастливыми супругами. Ваш муж привозит вам сердце, полное вами, самую истинную любовь, самую нежную дружбу, все самые тонкие чувства уважения и признательности, которые вы внушили ему тремя годами счастья.

Здесь он был совершенно здоров. Он не имеет лестного наслаждения привезти вам новые отличия, милости двора. Но его мужество не сломлено. Это даже доставило ему наслаждение иного рода, очень сладкое: он почувствовал, что привязанность и уважение его жены выдерживают испытание Фортуной. Я любим, я в этом убеждён, так же, как если бы был награждён, повышен, пожалован.

Одно-единственное условие: берегите ваше здоровье, ждите меня без нетерпения, без тревоги, встречайте меня без этой бурной радости, которая столь же опасна, как и печаль. Обнимите за меня Нико и Марион».

вас увидеть и зачать опять счастливый круг моей обыкновенной жизни. Однако и теперь опять поеду к Долгорукову, опять поеду прощаться. Авось-либо счастливая минута придет. Анна Семеновна, который усерднейше кланяюсь, выходила свое дело. У меня копия с указа, данного в кабинет о выдаче ей десяти тысяч рублей. Но я не посылаю теперь копии, затем что сам ей привезу. Любезному другой брату Сергею Михайловичу <Лунину>, свидетельствую усерднейше почтении и кланяюсь милым детушкам. Благодарю сердечно Николая Федоровича <Муравьева>, что он желает моего приезда и поздравляю его на новоселье. Теперь надобно завести хозяйку. К брату Захару Матвеевичу <Муравьеву> едет теперь или приехала Елизавета Карловна. Она будет меня очень бранить, что я так долго замешкался. Впрочем, свидетельствую мое глубочайшее почтение, прошу родительского благословения и навсегда пребуду

Милостивый Государь батюшка!

Ваш покорнейший сын

Михайло Муравьев

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 65-66).

<452>

Lundi le .4. Mai à 7 heures du matin

Enfin la cour partie, ma seule idée, c’est de me procurer mon passeport. Que sais-je ? peut-être, arriverois-je en même tems avec ma lettre. Elle sera éclipsée par ma personne. Si elle me dévance, ce ne sera, que de bien peu de tems. Alors elle me rendra ce service important de vous conseiller de la modération, de vous réjouir tout doucement, sans ces éclats impétueux, qui prennent trop sur la santé, de m’attendre avec une tranquillité raisonnable. Sera-t-elle aussi mon avocat ? glissera-t-elle un mot, ou deux en faveur du courtisan humilié < ?>, qui arrive avec un pied de nez. Mais pourquoi recommencer c'est une vieille quereille ? Douter de la générosité d'une bel âme, ce n'est pas la mériter. Songez à avoir des beaux chevaux, à trotter par monts < ?> et par vaux. Il y a des fous, dit-on, qui cherchent le bonheur au bout de l’univers : et il ne bougeoit pas de chez eux. Le bonheur m'attend dans les bras de mon épouse, dans les caresses de mes enfants, auprès de mon respectable père. Apprenons à vivre obscurs et heureux < ?>. Mais quelles faveurs du Ciel m’attendent à Pétersbourg ! La joye ravissante de retrouver en bonne santé des personnes qui me sont si chères ! La douce satisfaction de leur en causer par mon retour. Je repousserai de moi ce genre de vie isolé, étranger, ne tenant à rien, au quel je suis condamné ici. Je serai rendu à ma société. Je partagerai les soins de ma femme, les plus agréables seront ceux, que je lui donnerai. Je serai caressé. On me contera les ennuis, qui ne seront plus. S'il en vient, nous les enverrons promener. Qu'est-ce qu'il pourra arriver ? des petits désagréments, des privations : nous n’aurons rien à nous reprocher et la raison viendra bientôt nous consoler. Et l'amour ! Que ne fait-on pas que ne souffre-t-on pas pour l'amour ? Nos aimables enfants, l'objet de notre sollicitude, sont en même temps les gages de notre bonheur. Nicault marchera, parlera, pensera, sentira, aimera, servira et Marion se mariera. Et papa beaucoup d'argent depensera et point n’en procurera. Tout en raisonnant ma lettre déraisonne. Comme dernière lettre, elle abuse de son privilège. Mais elle remercie bien maman pour son exactitude de correspondance. Elle est chargeé de compliments pour Madame Vietinghoff, mais elle ne lui apporte pas la copie de l'ordre de l'Empereur, puisque Mr. le Brigadier s’est ménagé à lui-même le plaisir de le communiquer. Adieu ou bonjour, mon

amie <?>. J'espère que ce sera plutôt le dernier. Je le souhaite. Je ne vous embrasserais plus en idée. Ce sera moi-même[1263]

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 33-34)

<453>

<б/д, б/м>

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сколько можно быть благополучным в отдалении от всего того, что я имею дорогого в свете, столько я могу почесться в теперешнем положении моем, будучи, слава богу, здоров не имея ни в чем недостатку, принят родными моими со всеми возможными ласками, и надеюсь скоро достигнуть конца путешествия моего. Дорога наполнена приезжающими. Ямщики не могут найти довольно лошадей, оттого безперестанные сетования и прошения о прибавке прогонов. Дорога сама собой очень хороша, как нельзя лучше требовать в середине зимы. Мне попался за Вышним Волочком обоз Сергея Михайловича <Лунина>, который уж три недели как в дороге. Зная вас со времени жизни моей, не могу сомневаться,

[1263] Перевод: «Понедельник, 4 мая, 7 часов утра Наконец, двор уехал, и моя единственная мысль – добыть себе паспорт. Кто знает? Быть может, я приеду одновременно с моим письмом. Оно будет заменено моей особой. Если оно меня опередит, то совсем ненамного. Тогда оно окажет мне важную услугу: посоветует вам умеренность, велит радоваться тихо, без этих бурных порывов, которые слишком действуют на здоровье, и ждать меня с разумным спокойствием. Будет ли оно также моим адвокатом? Замолвит ли оно словечко-другое в пользу униженного придворного, который возвращается с носом? Но зачем начинать снова? Это старая ссора. Сомневаться в великодушии прекрасной души – значит не заслуживать её.

Позаботьтесь о хороших лошадях, чтобы мчаться по горам и долам. Есть, говорят, безумцы, которые ищут счастье на краю вселенной, а оно и не выходило из их дома. Счастье ждёт меня в объятиях моей супруги, в ласках моих детей, возле моего почтенного отца. Научимся жить безвестными и счастливыми. Но какие милости неба ждут меня в Петербурге! Восхитительная радость вновь найти здоровыми людей, которые мне так дороги! Сладкое удовлетворение доставить им эту радость своим возвращением. Я оттолкну от себя этот род одинокой, чужой, ни к чему не привязанной жизни, к которой я здесь приговорён. Я буду возвращён моему обществу. Я буду разделять заботы моей жены; самыми приятными будут те, которые я буду оказывать ей. Меня будут ласкать. Мне расскажут о скуках, которых уже не будет. Если появятся новые, мы отправим их прочь. Что может случиться? Небольшие неприятности, лишения: нам не в чем будет себя упрекнуть, и разум скоро придёт нас утешить. А любовь! Чего не делают, чего не терпят ради любви?

Наши милые дети, предмет нашей заботы, вместе с тем залоги нашего счастья. Нико будет ходить, говорить, думать, чувствовать, любить, служить, а Марион выйдет замуж. А папа много денег потратит и нисколько не добудет. Рассуждая, моё письмо безрассудствует. Как последнее письмо, оно злоупотребляет своей привилегией. Но оно очень благодарит маман за её исправность в переписке. Ему поручено передать поклоны Мадам Фитингофф, но оно не приносит ей копии приказа императора, потому что господин бригадир оставил самому себе удовольствие сообщить его ей.

Прощайте или добрый день, мой друг. Надеюсь, скорее второе. Я этого желаю. Я больше не буду обнимать вас мысленно. Это буду я сам».

чтоб те же милости, которыми продолжение ее сделали мне столь приятным, не перенесли теперь в той же мере на мою оставшуюся часть – жену и детей, которых, препоручая вам, прошу родительского благословения и пребуду навсегда с глубочайшим почитанием и сыновней любовью

Милостивый Государь батюшка

ваш покорнейший сын из слуга

Михаила Муравьев

Мое усерднейшее почтение милостивому государю братцу Николаю Федоровичу <Муравьеву>. От его великодушия надеюсь всех попечении отсутственного друга. Также свидетельствую мое покорнейшие почтение Захару Матвеевичу <Муравьеву>. Христина Матвеевна вчера только отсюда поехала.

(ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 1. 35-36 об.)

<454>[1264]
Ce 20 juillet 1801. Peterhoff

Ma douce, ma chère amie! Comment ça va-t-il? Que faites-vous en mon absence? J'ai eu la fantaisie d'envoyer mon courrier avec un papier pour la Chancellerie: cela me procure le bonheur de Vous parler. Je m'en promets encore celui d'avoir votre réponse. Hier je suis arrivé dans deux heures de tems et certainement Nicot se seroit rejoui plusieurs fois de la manière dont nous allions. Je me suis rendu directement à mon devoir et puis je me suis plû à la promenade solitaire dans les allées touffues du jardin du d'en haut. La soirée étoit fort belle, le ciel couvert, mais l'air fort doux. Vous êtes-vous promenée de même ? Qu'allez vous faire aujourd'hui ? Que ferez-vous demain ? Voilà bien de questions. La seule condition, que je Vous impose, c'est de Vous porter bien pour l'amour de moi, de vous amuser, pour l'amour de moi, et de m'aimer beaucoup pour l'amour de moi encore. C'est la fête de St. Élie aujourd'hui. On prétend comment qu'il tonne aujourd'hui tous les ans. Ça ne paroit pas le cas justement. Votre poltronnerie ne sera donc point exercée aujourd'hui. La voiture sera arrivée hier fort tard. Je l'ai confiée aux soin du voiturier: je ne sais comment il l'aura soignée. Pour mon retour, je n'en sais rien. Si je reste jusqu'à mardi, vous viendrez lundi pour me prendre; mais je n'en sais rien. Je Vous embrasse, ma chère amie, mille et mille et de tout mon cœur. Ne m'oubliez pas auprès de Nicot. P.S. envoyez-moi, ma chère, la clef de la montre, je ne puis pas la monter sans cela[1265]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 20-21).

<455>

Ma chère amie! Écrivez-moi un seul mot, qui me rassure, qui me dise que vous vous portez bien. Faites payer pour cet homme, que j'envoye chez Vous. Je lui ai ordonné de prendre un Izvotschik. Je m'endormirai heureux, si je Vous sais en bonne santé. Je suis impatient d'etre à demain midi. Bon soir, dormez bien[1266]

[1264] На обороте письма: «Ее превосходительству Милостивой государыне Катерине Федоровне Муравьевой».

[1265] Перевод: «Моя нежная, моя дорогая подруга! Как дела? Что вы делаете в моё отсутствие? Мне пришла фантазия отправить моего курьера с бумагой в канцелярию: это доставляет мне счастье поговорить с вами. Я обещаю себе ещё и другое счастье –получить ваш ответ. Вчера я добрался за два часа, и, конечно, Нико несколько раз порадовался бы тому, как мы ехали. Я отправился прямо к моему долгу, а потом получил удовольствие от одинокой прогулки по густым аллеям верхнего сада. Вечер был очень хорош: небо пасмурное, но воздух очень мягкий. А вы тоже гуляли? Что вы собираетесь делать сегодня? Что будете делать завтра? Вот сколько вопросов. Единственное условие, которое я вам ставлю, – это быть здоровой из любви ко мне, развлекаться из любви ко мне и очень меня любить – опять-таки из любви ко мне.

Сегодня праздник святого Илии. Говорят, что в этот день каждый год бывает гром. Но, кажется, как раз сейчас это не тот случай. Значит, ваша трусость сегодня не будет упражняться. Экипаж, должно быть, прибыл вчера очень поздно. Я доверил его заботам возчика; не знаю, как он о нём позаботился. О моём возвращении я ничего не знаю. Если я останусь до вторника, вы приедете в понедельник, чтобы забрать меня; но я ничего не знаю. Обнимаю вас, моя дорогая подруга, тысячу и тысячу раз и от всего сердца. Не забудьте обо мне возле Нико.

P.S. Пришлите мне, моя дорогая, ключик от часов: без него я не могу их завести».

[1266] Перевод: «Моя дорогая подруга! Напишите мне одно только слово, которое меня успокоит, которое скажет мне, что вы здоровы. Заплатите за этого человека, которого я посылаю к вам. Я велел ему взять извозчика. Я

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 27).

<456>

Mille grâces, ma tendre amie, pour ta charmante lettre d'aujourd'hui. Je Vous embrasse mille et mille fois. Portez-vous bien, jouissez de ce beau temps. Moi, j'ai rempli ma commission d'hier matin très agréablement. Invité par le Comte Roumanzoff[1267], j'ai dîné chez lui avec le Comte Potocky[1268]. Le soir je me suis promené dans la grande Allée[1269]. Voilà mon histoire. À présent je me hâte d'aller à Kamennoy Ostrov[1270]. Je vous salue du tout mon cœur[1271]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 12).

<457>

Ma bonne et tendre amie! Mille remerciments pour Vos soins touchants et Vos aimables caresses. Embrassez de ma part nos chers enfans. La journée étoit assez belle: en avez-vous joui? J'ai rencontré Maman <М.И. Колокольцева> sur la route: vous le savez. Arrivé en ville, j'ai été prendre ma place au Sénat[1272]. Je me porte parfaitement bien. Je suis au millieu de mes affaires. Mon beau-frère[1273] a été un moment assister à mon diner. Mr. Nik. Naz[1274]. m'a remis l'argent de table. Je l'ai charhé de la commission de changer cent roubles en petits papièrs: c'est ce qui se fera demain. Marquez-moi comment je pourrai Vous passer cet argent. J'envoye à Nicot un livre, qui m'est tombé sous la main, où l'on parlé beaucoup de Rome et de Cicéron. Comme il ne tombe plus, je le crois assez grand garçon pour s'amuser à feuilleter quelquefois <?> deux volumes d'Antiquité. Je Vous embrasse, ma douce amie, bien tendrement. Portez-Vous bien[1275]

засну счастливым, если буду знать, что вы здоровы. Я с нетерпением жду завтрашнего полудня. Добрый вечер, спите хорошо».

[1267] Румянцев Н.П. (1754-1826) – русский государственный деятель; с 1802 г. – министр юстиции.

[1268] Потоцкий С.О. (1762-1829) – близкий друг императора Александра I; в 1802 г. – глава училищной комисии (ПРОВЕРИТЬ)

[1269] Большая аллея перед Адмиралтейством.

[1270] На Каменном острове Екатерина II устроила загородную резиденцию Павла Петровича. Каменностровский дворец был построен в 1784 г.

[1271] Перевод: «Тысяча благодарностей, моя нежная подруга, за ваше очаровательное сегодняшнее письмо. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз. Будьте здоровы, наслаждайтесь этой прекрасной погодой. Что до меня, я очень приятно исполнил моё вчерашнее утреннее поручение. Приглашённый графом Румянцевым, я обедал у него вместе с графом Потоцким. Вечером я гулял по Большой аллее. Вот вся моя история. А теперь я спешу ехать на Каменный остров. Приветствую вас от всего сердца».

[1272] С 8 сентября 1802 г. Муравьев – товарищ министра народного образования.

[1273] Лунин Сергей Михайлович, муж Федосьи Никитичны Муравьевой.

[1274] Вероятно, Николай Назарьевич Муравьев (1775-1845) – сын Назария Степановича Муравьева, родственника М.Н. Муравьева.

[1275] Перевод: «Моя добрая и нежная подруга! Тысяча благодарностей за ваши трогательные заботы и ваши милые ласки. Обнимите за меня наших дорогих детей. День был довольно хорош: насладились ли вы им? Я встретил маман <М. И. Колокольцеву> по дороге: вы это знаете. Приехав в город, я отправился занять моё место в Сенате. Я чувствую себя совершенно хорошо. Я в самой середине моих дел. Мой шурин на минуту зашёл к моему обеду. Господин Ник.<олай> Наз.<арьевич> <Муравьев> передал мне столовые деньги. Я

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 9-9 об.).

<458>

Ma bonne, chère et charmante amie! Bien des graces pour ton billet, pour tes attentions. J'ai eû un festin brilliant. Demandez la bonne. J'ai bien de regrêt de ne pouvoir partir avec elle. C'est trop tard. Demain revenir de nouveau. Ca derange ma paresse. Comment vous portez-vous? À demain. J'espère Vous embrasser à 8 heures du soir ou à peu pres. Bon jour, bon soir. Embrassez mon cher Nicôt. Bien de baisers pour Alexandre. Ne vous fâchez pas, mon ange, de ce que je ne suis pas venu. On a demandé trop cher. Mes chevaux seront fatigués demain. Bien de compliments à ma chère et bonne cousine. Ne Vous risquez point à l'air. On pretend que le barometer monte. Prenez courage. J'ai été aujourd'hui chez Monnier[1276]. Mon portrait étoit sur le chevalet; mais j'avois retardé. J'ai promis de donner une séance mercredi. Il n'y a point de comité aujourd'hui. L'Empereur dine à Pavloffsky. Je Vous embrasse mille fois. Que fait Mr. Zamiatine? S'il est toujours malade, est-ce qu'il ne faut pas le transporter en ville? Faute de soins, la maladie peut empirer. Bon soir, ma chère amie[1277]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 28-29).

<459>[1278]

Ayant vû par hazard M. Lambinais <?>, que je ne savois en ville, je m'empresse, ma bonne amie, de Vous ecrire une ligne. Je Vous embrasse de tout mon cœur et vous souhaite le bon jour. J'ai passé ma journée d'hier fort doucement. Jusqu'à deux heures je fus <?> à Kamennoy Ostroff, S.M. etant partée pour Pavloffsky, je reviens chez moi et trouve un excellent diner. Je dors à mon ordinnaire, après quoi je vais chez Maman, qui desire fort de venir chez Vous. Sa toux

---

поручил ему разменять сто рублей мелкими бумажками; это будет сделано завтра. Напишите мне, как я смогу передать вам эти деньги. Я посылаю Нико книгу, которая попалась мне под руку и где много говорится о Риме и Цицероне. Так как дождь больше не идёт <?>, я считаю его уже достаточно большим мальчиком, чтобы забавляться листанием каких-нибудь двух томов об античности. Обнимаю вас, моя нежная подруга, очень ласково. Будьте здоровы».

[1276] Монье Ж.-Л. (1743-1808) – французский художник-портретист, придворный живописец Людовика XVI, эмигрировал из франции после начала революции, с 1800 г. жил в России, написал портреты Александра I, Нарышкиных, Муравьевых.

[1277] Перевод: «Моя добрая, дорогая и очаровательная подруга! Премного благодарностей за твою записку, за твои заботы. У меня был блестящий пир. Спросите у служанки. Я очень жалею, что не могу уехать вместе с ней. Слишком поздно. Завтра снова возвращаться – это расстраивает мою лень. Как вы себя чувствуете? До завтра. Надеюсь обнять вас в восемь часов вечера или около того. Добрый день, добрый вечер. Обнимите моего дорогого Нико. Много поцелуев Александру. Не сердитесь, мой ангел, что я не приехал. Запросили слишком дорого. Мои лошади завтра будут усталы. Много поклонов моей дорогой и доброй кузине. Не рискуйте выходить на воздух. Говорят, барометр поднимается. Мужайтесь.

Я был сегодня у Монье. Мой портрет стоял на мольберте, но я задержался. Я обещал дать сеанс в среду. Комитета сегодня нет. Император обедает в Павловске. Обнимаю вас тысячу раз. Что делает господин Замятин? Если он всё ещё болен, не нужно ли перевезти его в город? Без ухода болезнь может ухудшиться. Добрый вечер, моя дорогая подруга».

[1278] На обороте письма: «À ma bonne amie».

l’incommode. C’est bien dommage que je Vous aie retenue hier, Nicolas Fedorovitch <Муравьев> est parti hier à .11. heures du matin. Je Vous salue de tout mon cœur[1279]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л.30).

<460>[1280]

Mardi au soir.

Comment Vous portez-Vous, ma tendre amie? Pour moi, graces au Ciel, je me porte bien. Enfin nous avons eû une belle soirée et la promenade n’a certainement pas été oublié chez vous. Maman n’est pas venue aujourd'hui, mais elle viendra demain. Je Vous expédie à cet effet le dolent Jeremie, afin que Vous n’ayez point de fantaisie par hazard de venir ici. C’est une précaution de ma part, apparenement, inutile, mais j’y trouve mes intérets et par pur égoïsme je fais trotter <?> mon fidèle écuyer. Je vous salue mes chers enfans, Maman, à la fête. Je suppose que notre cousine Lisbeth viendra avec Maman. Au moins elle a été, dit-on, aujourd’hui habillée depuis huit heures du matin à la fenêtre, pour attendre l’equipage de Maman. Mais les chevaux ont été retardés à Kamennoy Ostrow il n’y a eut point voyage. Il a été différer jusqu’àu lendemain. En revenant de la cour l’après diné, j’ai arreté aujourd’hui ma voiture auprès du jardin d’été et j’y a fait un tour de promenade. Je n'ai été accosté, que par trois ci-devant solliciteurs. Voilà ma commission remplie. Je vais me coucher. Bon soir, bonne nuit. Je Vous embrasse de tout mon cœur[1281]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 34-35).

<461>

Ma bonne amie! En m’éveillant, je viens de recevoir votre billet je Vous en remercie tendrement. Je me porte bien. Voilà deux soirs que je passe à me promener. La Grande Allée de l'Amirauté est

---

[1279] Перевод: «Случайно увидев господина Ламбинэ <Ламбина?>, о котором я не знал, что он в городе, я спешу, моя добрая подруга, написать вам строчку. Обнимаю вас от всего сердца и желаю вам доброго дня. Вчерашний день я провёл очень спокойно. До двух часов я провел <?> на Каменном острове; когда Его Величество уехало в Павловск, я возвращаюсь домой и нахожу отличный обед. Сплю по своему обыкновению, после чего иду к маман, которая очень хочет приехать к вам. Её беспокоит кашель. Очень жаль, что я задержал вас вчера: Николай Фёдорович <Муравьев> уехал вчера в 11 часов утра. Приветствую вас от всего сердца».

[1280] Приписка: «À ma bonne amie»

[1281] Перевод: «Вторник вечером

Как вы себя чувствуете, моя нежная подруга? Что до меня, слава небу, я здоров. Наконец у нас был прекрасный вечер, и прогулку у вас, конечно, не забыли. Маман сегодня не приехала, но приедет завтра. Для этого я посылаю к вам унылого Иеремию, чтобы вам случайно не пришла фантазия самой ехать сюда. Это предосторожность с моей стороны, по-видимому, бесполезная, но я нахожу в ней свой интерес и из чистого эгоизма заставляю рысью ехать моего верного оруженосца.

Передаю привет вам, моим дорогим детям, маман – с праздником <?>. Полагаю, что наша кузина Лизбет приедет вместе с маман. По крайней мере, говорят, она сегодня с восьми часов утра была одета у окна, ожидая экипаж маман. Но лошади задержались на Каменном острове, поездки не было; она отложена до завтра.

Возвращаясь после обеда от двора, я сегодня остановил мою карету у Летнего сада и немного там прогулялся. Ко мне пристали только три бывших просителя. Вот моё поручение исполнено. Я иду спать. Добрый вечер, доброй ночи. Обнимаю вас от всего сердца».

très belle, les soirées sont charmantes. Il se promène beaucoup de monde. Mes occupations, vous les connoissez. Des visites, des solliciteurs, le Sénat, mes courses ordinaires et le sommeil. Vous êtes vous promené ces jours? Pour le tems, il n'y a rien à desirer. Portez-vous bien, ma chère amie, embrassez nos chers enfans, prenez soin de votre santé. Hier notre bonne cousine a été me voir au Sénat pour remplir votre commission, et elle me procura l'occasion de Vous écrire. Pendant que j'ai été promener le soir, Евпраксия Аристарховна[1282] avoit passé chez moi. Je vous prie, ma bonne amie, de l'en remercier bien vivement pour moi. Je crains de retenir le porteur de la lettre, qui l'attend. Je vous embrasse de tout mon cœur[1283]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 7-7 об.).

<462>

Ce .25. Mai Pavlovsk

<25 мая 1801 г.>[1284]

Voilà ma bonne amie, un courier, que je Vous expedie. On ne porte point de deuil ici. J'ai eû la fantaisie de Vous demander mon habit à boutons pour demain. Veuillez me l'envoyer demain de grand matin avec bas blancs etc. J'habite moi seul une maison. Je Vous ai privé d'equipage. Est-ce que Vous ne pouvez pas vous procurer un cocher, celui de Serge Mich. <Лунин> par exemple. Je Vous salue mille et mille fois. Et mon cher Nicot! Son nez commence-t-il à prendre la figure d'un nez comme il faut? Vous ne seriez pas fâchée, je crois, d'etre ici avec moi. Cela me rappelle tres fort notre séjour à Sarsko[1285]. Que faites-vous cependant? Avez-vous quelqu'un chez vous, qui par miséricorde veuille Vous conduire quelque part, au jardin ou à la bourse, pour jouir de ce beau tems? Je me propose de passer ma soirée en barbouillant du papier. Je ne sais si je me tiendrai parole. En attendant demain au soir, je Vous donne le bonjour. Je Vous embrasse, ma chère amie, de tout mon coeur mille et mille fois. Embrassez bien de ma part nos petits. Bonsoir.

Une chemise à dentelles, je Vous prie Vous n'avez qu'à donner tout cela au soir à quelqu'un qui le remette au chasseur Mr. Popoff et Vous n'avez pas besoin de Vous lever de grand matin. Car il pourra partir à six heures de matin[1286]

[1282] Евпраксия Аристарховна – Вульф (урожд. Кашкина; 1765-1826) – жена Николая Ивановича Вульфа, сына Ивана Петровича Вульфа; позднее жена Никифора Изотовича Пушкина.

[1283] Перевод: «Моя добрая подруга! Проснувшись, я только что получил вашу записку и нежно благодарю вас за неё. Я здоров. Вот уже два вечера я провожу, гуляя. Большая аллея Адмиралтейства очень красива, вечера очаровательны. Гуляет много народу. Мои занятия вам известны: визиты, просители, Сенат, мои обычные разъезды и сон. Гуляли ли вы в эти дни? Что касается погоды, желать нечего. Будьте здоровы, моя дорогая подруга, обнимите наших дорогих детей, берегите ваше здоровье.

Вчера наша добрая кузина приходила ко мне в Сенат, чтобы исполнить ваше поручение, и доставила мне случай написать вам. Пока я вечером ходил гулять, Евпраксия Аристарховна заходила ко мне. Прошу вас, моя добрая подруга, очень живо поблагодарить её за меня. Боюсь задерживать подателя письма, который его ждёт. Обнимаю вас от всего сердца».

[1284] Мотивировка датировки: упоминание траура, очевидно, по Павлу I.

[1285] Царское село.

[1286] Перевод: «25 мая, Павловск

Вот, моя добрая подруга, курьер, которого я к вам посылаю. Здесь траура не носят. Мне пришла фантазия попросить у вас мой фрак с пуговицами на завтра. Пожалуйста, пришлите его мне завтра рано утром с белыми чулками и проч. Я один занимаю целый дом. Я лишил вас экипажа. Не можете ли вы достать себе кучера,

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 5-6).

<463>[1287]

Ce 24 Octobre

Je n'ai que le temps de Vous mander, ma chère et tendre amie, que je suis arrivé fort heureusement en parfaite santé chez votre bon et respectable père. Dans le moment nous partons pour le bal masqué. Je Vous embrasse mille fois pour demain, qui ne sera qu'aujourd'hui pour Vous. Mille baisers pour l'ainé et les cadets. Soyez sage, c'est tout ce que je Vous demande[1288]…

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 37)

<464>[1289]

Ce .26. Oct<obre>

Me voilà grand menteur. Je Vous fais attendre, ma douce amie. Vous m'avez promis du courage, de la patience. J'y compte. Après-demain, j'aurai le bonheur de Vous embrasser. Pardon, ma chère amie, de la désertion, dont je me suis rendu coupables. Vous me l'avez permis. Et puis hier, on m'a dit qu'on a apporté de Hambourg, quelque chose à me remettre. On me donne rendez-vous aujourd'hui. Enfin j'ai reçu un grand paquet qui contient je ne sais quoi, car je[1290] en attendant <нрзб> du spectacle. Embrassez pour moi nos chers et bons enfans. J'aurais bien de reprimandes à essuyer de la part de Nicot. Je Vous embrasse de tout mon cœur. Portez-vous bien[1291]

например кучера Сергея Мих. <Лунина>? Приветствую вас тысячу и тысячу раз. А мой дорогой Нико! Его нос начинает приобретать вид приличного носа? Вы, думаю, не были бы недовольны быть здесь со мной. Это очень напоминает мне наше пребывание в Царском.

А что вы между тем делаете? Есть ли у вас кто-нибудь дома, кто из милосердия захотел бы отвезти вас куда-нибудь – в сад или на биржу, чтобы насладиться этой прекрасной погодой? Я намерен провести вечер, марая бумагу. Не знаю, сдержу ли я слово. В ожидании завтрашнего вечера желаю вам доброго дня. Обнимаю вас, моя дорогая подруга, от всего сердца, тысячу и тысячу раз. Хорошенько обнимите за меня наших малышей. Добрый вечер.

Кружевную рубашку, прошу вас. Вам нужно только отдать всё это вечером кому-нибудь, кто передаст служителю господину Попову, и вам не нужно вставать рано утром. Потому что он сможет выехать в шесть часов утра».

[1287] Адрес: «Милостивой государыне моей Катерине Федоровне, Ее превосходительству Муравьевой. На Вознесенской, третий дом от Измайловского мосту. В. С.Петербург».

[1288] Перевод: «У меня есть только время сообщить вам, моя дорогая и нежная подруга, что я благополучно прибыл, в полном здоровье, к вашему доброму и почтенному отцу. Сейчас мы отправляемся на маскарадный бал. Обнимаю вас тысячу раз к завтрашнему дню, который для вас будет уже сегодняшним. Тысяча поцелуев старшему и младшим. Будьте благоразумны – вот всё, о чём я вас прошу».

[1289] Адрес: «В. Санктпетербург Ее превосходительству Катерине Федоровне Муравьевой. На Вознесенской, третий дом от Измайловского».

[1290] Лист надорван.

[1291] Перевод: «Вот я и великий лжец. Я заставляю вас ждать, моя нежная подруга. Вы обещали мне мужество и терпение. Я на это рассчитываю. Послезавтра я буду иметь счастье обнять вас. Простите, моя дорогая подруга, за дезертирство, в котором я оказался виновен. Вы мне его позволили. А потом вчера мне сказали, что из Гамбурга привезли что-то, что должны мне передать. Мне назначили встречу на сегодня. Наконец я

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 39-40).

<465>

Je Vous prie, Madame la Comtesse, d'avoir la bonté de me faire dire, si Sa Majesté l'Impératrice-Mère reçoit demain les prèsentations. Je profite de la permission que Vous m'en avez donnée et suis avec la plus haute considération

Madame la Comtesse,
de Votre Excellence
la très humble et très obéissante, servante[1292]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 36)

<466>[1293]

Bonjour, ma bonne et tendre amie. Comment avez vous fait Votre voyage? Bien tard arrivée, sans doute. Moi, je me suis d'abord jeté au lit et dormi tout d'un trait, jusqu'à sept heures du matin. Je me suis baigné, je lis mes chères requêtes, je suis occupé, je vais m'habiller et je pars. Embrassez pour moi mille fois nos chers enfans, portez vous bien, promenez Vous[1294]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 41).

<467>

Au lieu de Vous répondre, ma bonne et tendre amie, je serois tenté de Vous envoyer la fable de La Fontaine, *Les Deux Amis*, si je l'avois sous ma main. *Qu'un veritable ami est une douce chose*! etc. Mais quelle idée d'imaginer que j'aye été malade, pâle et je ne sais quoi! Mais rien de tout cela. Je me suis porté parfaitement bien. Vous aurez renvoyé tous vos medecins, si vous fessiez de même. Mais c'est qu'un rien, un songe nous inquité, lorsqus'il s'agit de ce qu'on aime. Mille grace, ma chère amie, pour vos tendres inquietude, n'en ayez aucune. Je Vous souhaite une bonne nuit de tout mon cœur. Jouissez du beau temps. Soyez gaye. Embrassez nos chers enfans. Mes compliments à vos aimables convives. Samedi l'Empereur va diner, dit-on, à Peterhof. C'est un jour de Fête. Je Vous remercie pour le raisin. Jusq'au revoir[1295]

получил большой пакет, в котором не знаю что, потому что я в ожидании <…> спектакля. Обнимите за меня наших дорогих и добрых детей. Мне придётся выслушать немало упрёков от Нико. Обнимаю вас от всего сердца. Будьте здоровы».

[1292] Приписка на обороте: «Dites-le, je vous prie».

[1293] На обороте письма: «Катерине Федоровне».

[1294] Перевод: «Доброе утро, моя добрая и нежная подруга. Как прошла ваша поездка? Вы, должно быть, приехали очень поздно. Что до меня, я сперва бросился в постель и проспал без перерыва до семи часов утра. Я выкупался, читаю мои дорогие прошения, занят, сейчас оденусь и уезжаю. Обнимите за меня тысячу раз наших дорогих детей, будьте здоровы, гуляйте».

[1295] Перевод: «Вместо того чтобы отвечать вам, моя добрая и нежная подруга, я был бы склонен послать вам басню Лафонтена «Два друга», если бы она была у меня под рукой: «Как сладостен истинный друг!» и так далее. Но что за мысль – вообразить, будто я был болен, бледен и не знаю что ещё! Ничего подобного. Я чувствовал себя совершенно хорошо. Вы бы отослали всех ваших врачей, если бы чувствовали себя так же. Но дело в том, что пустяк, сон тревожит нас, когда речь идёт о том, кого любишь. Тысяча благодарностей, моя дорогая подруга, за ваши нежные тревоги; не тревожьтесь вовсе. Желаю вам доброй ночи от всего сердца. Наслаждайтесь хорошей погодой. Будьте веселы. Обнимите наших дорогих детей. Мои поклоны вашим

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 17-18).

<468>

Милостивой Государыне Катерине Федоровне Муравьевой

Bon soir, ma chère et tendre amie! Quel jour! comme il fait beau! Je reviens à l'instant de Kamennoy Ostrof. L'Empereur va demain matin à Peterhof et je crois même à Cronstat. Je ne sais comment je ferai samedi. J'ai vû aujourd'hui Mr. Oubrit[1296], qui vient d'arriver en quinze jours de Paris. Il fait bien de compliments de la part d'A.S.[1297] Il donne bien d'Eloges à ses soins auprès de ses enfans qui touts se portent bien et grandissent fort. Avant que de sortir de chez moi j'ai reçu de Mr. Roll une lettre de change de Anne Semenovna <Муравьева-Апостол>. C'est celle, dont elle fait mention dans sa dernière lettre. Elle est de quelque deux mille roubles et son payement echoit au mois de Septembre. Je me porte parfaitement bien et suis bien docile aux prescriptions de la medicine. Je Vous embrasse de tout mon coeur, embrassez pour moi nos enfans[1298]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 3-3 об.).

<469>

Ma bonne amie! Bien de grâces pour ta chère lettre. Je me porte parfaitement bien. Je ne sais si vous êtes exactement dans ce cas. Cet pèlerinage à l'Abbaye de Serge, dans un tems si froid, me donne quelque soupçon inquiétant. L'Empereur est parti aujourd'hui pour Pavloffsk. Il m'a marqué de venir demain à une heure. Comment ferai-je avec le diner de Madame Pouchkine? La bonne dit qu'elle a été demandé de l'argent chez mon beau-frère: il n'en a pas. Il a promis de faire tout son possible pour eu avoir demain. Mon cousin <К.Н.> Batiouchkoff prêtera, dit qu'il en pourra avoir. Peut-être demain. J'ai diné aujourd'hui chez papa. Il est revenu du Sénat fort tard. À demain, ma chère amie. Je vous attends jusqu'a midi. Mais midi passé, je m'en vais à Kamennoy Ostrow. Songez y, ma bonne amie, si vous voulez contempler ma face rond et Joyeux <?>. Bien de compliments à ma bonne cousine. Je lui ai envoyé une lettre de Jacha Matveevitch par Mr. le Secrétaire de Mouravieff. Je ne sais s'il est chez vous. J'embrasse Nicot, le grand Alexandre et leur maman de tout mon cœur[1299]

милым гостям. В субботу император, говорят, едет обедать в Петергоф. Это праздничный день. Благодарю вас за виноград. До свидания».

[1296] Убри П.Я. (1775-1847) – секретарь русской миссии в Берлине.

[1297] А.С. Мураьвева-Апостол (ум. 1810) – жена И.М. Муравьева-Апостола, мать декабристов С.И. и М.И. Муравьева-Апостола.

[1298] Перевод: «Добрый вечер, моя дорогая и нежная подруга! Какой день! Как прекрасно! Я сейчас вернулся с Каменного острова. Император завтра утром едет в Петергоф и, кажется, даже в Кронштадт. Я не знаю, как мне устроиться в субботу.

Сегодня я видел господина Убри, который только что прибыл из Парижа за пятнадцать дней. Он передаёт множество поклонов от А. С. Он много хвалит её заботы о детях: все они здоровы и очень выросли.

Перед тем как выйти из дому, я получил от господина Ролль переводной вексель Анны Семёновны <Муравьёвой-Апостол>. Это тот самый, о котором она упоминает в своём последнем письме. Он приблизительно на две тысячи рублей, и срок платежа по нему наступает в сентябре.

Я чувствую себя совершенно хорошо и очень послушен предписаниям медицины. Обнимаю вас от всего сердца; обнимите за меня наших детей».

[1299] Перевод: «Моя добрая подруга! Большое спасибо за твоё дорогое письмо. Я чувствую себя совершенно хорошо. Не знаю, находитесь ли вы точно в таком же положении. Это паломничество в Сергиеву лавру в

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 25-26).

<470>

Bonjour, ma chére amie. Je croins de me lever à l'instant et on m'annonce qu'il y un courrier extraordinaire, qui arrive de chez Vous et qui repart. Je prends la plume aussi tôt pour vous souhaiter le bon jour. Nous avons passé, moi et mon cousin[1300], la journée d'hier très agréablement. Il range ses livres espagnols et m'en fait la lecture. Mr. Nicolas Woulf <Н.И. Вульф> et sa femme <Евпраксия Александровна Вульф> ont soupé chez nous au sortir le spectacle. Je vous attends demain. Aussi ai-je invité chez Mr. Klauber, le graveur[1301], à diner chez nous et peut-être mes nouveaux débarques de Moscou. Maîtres-ès arts de l'Université messieurs <Х.А.> Czebotareff et <Н.Ф.> Koschansky en seront-ils. Mon cousin dinne aujourd'hui chez Mme Pouschkine, J'y etois invite aussi. Le soir, je me propose de passer, si je puis, chez Mr. l'Amiral Chichekoff pour nos affaires del'Academie Russe. Je vous envoye une lettre qui Vous est addressee je crois de Weréja. Embrassez de ma part nos chers enfans. Portez-vous bien. Je salue toute votre aimable société. Je Vous embrasse mille et mille fois[1302]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 32-33).

<471>[1303]

такую холодную погоду внушает мне некоторую тревогу. Император сегодня уехал в Павловск. Он назначил мне прийти завтра в час. Как же мне быть с обедом у мадам Пушкиной?

Няня говорит, что ходила просить денег у моего шурина: у него их нет. Он обещал сделать всё возможное, чтобы достать их завтра. Мой кузен Батюшков одолжит, как только сможет достать. Может быть, завтра. Сегодня я обедал у папа. Он вернулся из Сената очень поздно.

До завтра, моя дорогая подруга. Я жду вас до полудня. Но после полудня уезжаю на Каменный остров. Подумайте об этом, моя добрая подруга, если хотите созерцать мою круглую и радостную физиономию. Много поклонов моей доброй кузине. Я послал ей письмо от Яши Матвеевича <?> через господина секретаря Муравьёва. Не знаю, у вас ли он. Обнимаю Нико, большого Александра и их маман от всего сердца». Далее лист надорван.

[1300] Муравьев-Апостол И.М.

[1301] Клаубер И.С. – профессор Академии художеств (с 1796)

[1302] Перевод: «Доброе утро, моя дорогая подруга. Я только что встал, и мне сообщают, что прибыл чрезвычайный курьер от вас и сейчас отправляется обратно. Я тотчас беру перо, чтобы пожелать вам доброго дня. Вчера мы с моим кузеном провели день очень приятно. Он разбирает свои испанские книги и читает мне из них вслух. Господин Николай Вульф с женой ужинали у нас после спектакля.

Я жду вас завтра. Поэтому я пригласил к нам обедать господина Клаубера, гравёра; и, может быть, будут также мои новоприбывшие из Москвы, магистры искусств университета, господа Чеботарёв и Кошанский. Мой кузен сегодня обедает у мадам Пушкиной; я тоже был туда приглашён. Вечером я намерен, если смогу, заехать к господину адмиралу Шишкову по нашим делам Российской академии.

Посылаю вам письмо, адресованное вам, кажется, из Вереи. Обнимите за меня наших дорогих детей. Будьте здоровы. Приветствую всё ваше милое общество. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз».

[1303] Письмо не датировано; бумага с филигранью «1803».

Ma tendre amie! Constantin[1304] est plus hereux. Il soupera avec Vous. Quoique il n'est point de Comité <?>; mais Vous m'avez engagé de rester cette fois-ci en ville: je Vous obéis. J'attendrai la soirée de demain pour me rendre auprès de Vous. Portez-Vous bien, reposez-Vous. Embrassez pour moi nos chers enfans. Je Vous salue de tout mon cœur[1305]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 2).

<472>

À ma bonne amie à Strelna

Ma bonne amie! je profite du départ de Mr. Batiouchkoff pour vous saluer de loin de tout mon cœur. J'ai été hier <?> au Sénat, baptisé et diné chez M.M[1306]. Aujourd'hui, je me propose de remplir le cerele ordinaire de mes occupations. Il fait si beau. Il faut que Vous profitez du beau tems. On a apporté du beurre et de la toile de la compagne d'Anna Semenovna. Embrassez nos chers enfans. Portez-vous bien. Moi, je ne sois pas comme le temps passe. Les visites se succèdent < ?> et je suis toujours en grande société. Je vous embrasse mille fois[1307]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 10).

<473>

Mille graces, ma bonnne amie, pour votre chère lettre. Je me porte bien. Hier au soir on m'a tenu compagne Mr. Nicolas Voulf, Матвей Михайлович и Mr. Rost. Aujourd'hui j'ai couru toute la journée, j'ai diné à la Tauride. En revenant de chez vous, j'ai trouvé un domestique de Sergei Mich. <Лунин> avec un billet, par lequel il vous prioit de lui faire avoir trois cents roubles. Je l'ai effectué en empruntant 300 roubles à Матвей Михайлович. Mon beau-frère <Лунин> se propose d'accompagner les enfans jusqu'à Louga. Ils se portent bien. Vous promenez-vous? Profitez-vous du retour du beau tems? si c'en est un en verité. Je Vous embrasse de tout mon coeur, ma chère amie. Au revoir[1308]

[1304] Батюшков Константин Николаевич

[1305] Перевод: «Моя нежная подруга! Константин счастливее меня: он будет ужинать с вами. Хотя комитета нет, но вы убедили меня на этот раз остаться в городе, и я вам повинуюсь. Я дождусь завтрашнего вечера, чтобы отправиться к вам. Будьте здоровы, отдыхайте. Обнимите за меня наших дорогих детей. Приветствую вас от всего сердца».

[1306] М.М. – Матвей Михайлович (инициалы раскрываются в следующем письме): возможно, М.М. Муравьев (1762-1823) – военный деятель, адмирал, его дочь Татьяна родилась 11 марта 1802 г.; другая версия – М.М. Сонцов (1779-1847) – офицер, помещик, в 1803 г. женился на Е.Л. Пушкиной, сестре С.Л. и В.Л. Пушкиных, тете А.С. Пушкина.

[1307] Перевод: «Моей доброй подруге в Стрельну
Моя добрая подруга! Пользуюсь отъездом господина Батюшкова, чтобы издали приветствовать вас от всего сердца. Я был <вчера?> в Сенате, <…> и обедал у М. М. Сегодня я намерен исполнить обычный круг моих занятий. Погода такая прекрасная. Вам непременно нужно воспользоваться хорошей погодой. Привезли масло и полотно из деревни Анны Семёновны. Обнимите наших дорогих детей. Будьте здоровы. Что до меня, я не замечаю, как проходит время. Визиты следуют один за другим, и я всё время в большом обществе. Обнимаю вас тысячу раз».

[1308] Перевод: «Тысяча благодарностей, моя добрая подруга, за ваше дорогое письмо. Я здоров. Вчера вечером мне составляли компанию господин Николай Вульф, Матвей Михайлович и господин Рост. Сегодня я весь день разъезжал по делам, обедал в Таврическом. Возвращаясь от вас, я нашёл слугу Сергея Михайловича с

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 14-14 об.).

<474>

À ma bonne et tendre amie À Strelna

Ma tendre amie! Comment Vous portez-vous ? Il paroit que le temps veut changer, et le mois d'août s'annonce d'une manière un peu sombre. Mr. Socoloff s'est proposé de venir chez nous. Je ne sais pas trop bien comment cela pourra s'arranger avec votre dessein d'aller à Oranienbaum. Je profite de cette occasion pour envoyer des sangsues pour le pauvre M. Mayer. Écrivez-moi comment ça va-t-il avec lui. J'ai rencontré hier Sa Majesté tout près de Strelna, et ça m'a fait songer à notre projet de jeudi. Est-ce qu'il ne vaudroit pas mieux que nous allions vendredi à Kamennoy Ostrow? Embrassez pour moi nos chers enfans. Portez-vous bien. J'aurai le plaisir de venir chez vous mercredi. Je vous embrasse mille et mille fois. Au revoir[1309]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 23-23 об.).

<475>

Ma bonne amie! J'ai rempli vos commissions autant que je l'ai pu. Mr. Derzhavin Vous remercie et fait dire que ça va mieux et qu'il alloit justement se promener en voiture. La bonne vous dira la négociation infructueuse, qu'elle a conduite. Pour la lettre à Svechnikoff, me voilà tout prêt pour l'écrire. Portez-vous bien, mon amie, ayez soin de votre santé, ne mangez que ce qu'il faut, point de souci dormez bien, reprenez vos forces, amusez-vous avec nos chers enfans. Après demain j'aurai le plaisir de vous embrasser. En attendant embrassez mon grand garçon et le cavalier Alexandre[1310]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 13-13 об.).

запиской, в которой он просил вас достать ему триста рублей. Я это исполнил, заняв 300 рублей у Матвея Михайловича. Мой шурин собирается сопровождать детей до Луги. Они здоровы. Гуляете ли вы? Пользуетесь ли возвращением хорошей погоды, если это действительно она? Обнимаю вас от всего сердца, моя дорогая подруга. До свидания».

[1309] Перевод: «Моей доброй и нежной подруге в Стрельну
Моя нежная подруга! Как вы себя чувствуете? Кажется, погода хочет перемениться, и август начинается несколько мрачно. Господин Соколов намеревался приехать к нам. Я не очень понимаю, как это можно будет устроить с вашим планом ехать в Ораниенбаум. Пользуюсь этим случаем, чтобы послать пиявок для бедного господина Майера. Напишите мне, как у него дела. Вчера я встретил Его Величество совсем близко от Стрельны, и это заставило меня подумать о нашем четверговом проекте. Не лучше ли было бы нам поехать в пятницу на Каменный остров? Обнимите за меня наших дорогих детей. Будьте здоровы. В среду я буду иметь удовольствие приехать к вам. Обнимаю вас тысячу и тысячу раз. До свидания».

[1310] Перевод: «Моя добрая подруга! Я исполнил ваши поручения, насколько смог. Господин Державин благодарит вас и велит сказать, что ему лучше и что он как раз собирался прогуляться в экипаже. Няня расскажет вам о безуспешных переговорах, которые она вела. Что касается письма к Свечникову, я совершенно готов его написать.

Будьте здоровы, моя подруга, берегите ваше здоровье, ешьте только то, что нужно, никаких тревог, спите хорошо, восстанавливайте силы, развлекайтесь с нашими дорогими детьми. Послезавтра я буду иметь удовольствие обнять вас. А пока обнимите моего большого мальчика и кавалера Александра».

<476>

Je Vous embrasse de tout mon cœur, ma bonne amie, en Vous félicitant sur le jour de naissance de Maman et sur l'acquisition d'un neveu de plus. C'est hier, je crois, que notre cousine Anne est accouchée. Portez-vous bien. Au revoir[1311]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 22).

<477>

Моему милому другу Екатерине Федоровне

Благодарю чрезвычайно, милой ангел мой, за приятную записочку, которой нечаянно меня обрадовала. Я не могу сегодня к вам приехать. В сию самую минуту еду на Каменный Остров. Завтра ввечеру надеюсь к Вам приехать. Какая прелестная погода. Ходите хорошенько, пользуйтесь воздухом. У Кочерова был Петр Иванович. Обещался завтра или послезавтра заплатить. Мысленно Вас обнимаю. Поцелуйте за меня девушек.

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 15-15 об.)

<478>

Ma bonne amie! Me voilà à Peterhoff, bien établi dans nos anciennes chambres. Je n'ai vu personne, hors un Istopnic, qui m'a ouvert la porte. Je suis encore le premier, qui suis entré en possession du logis. On pretend, qu'il n'y a qu'une heure et demie, que Sa Majesté l'Empereur est arrivé. Dans le moment, je m'en vais m'habiller pour sortir. Auroi-je le bonheur de Vous voir ce soir? Prenez garde aux chevaux. Pour le chemin, il est fort bon. Il paroit même, quelle ciel s'éclaircit. Promenez-Vous, ma bonne amie, marchez, portez-vous bien. Moi, je me propose d'écrire, de dormir et de faire quelques tours de jardin. Je Vous embrasse de tout mon cœur. Embrassez les enfans pour moi[1312]

(ОРФ ГЛМ. Ф. 254. Л. 19-19 об.).

<479>[1313]

Le 23 à 9 heures

Ma tendre amie, j'essaye d'ecrire au sortit de <нрзб> en courrant la poste. Votre santé m'inquiete <нрзб>. Si je pouvois voir ce qui je passe ma vie < ???> <нрзб>, si je pouvois vous voir <нрзб> que je serois heureux ! Chose impossible. Mon esperance est en ma cousine, en vos bonnes amies, peut etre en cette parole d'honneur que Vous m'avez donné. Ah charmante et sensible amie ! Pardon que je <нрзб> <нрзб><нрзб>. C'est cette <нрзб> qui me tormente, c'est cette ambition

[1311] Перевод: «Обнимаю вас от всего сердца, моя добрая подруга, поздравляя вас с днём рождения маман и с приобретением ещё одного племянника. Вчера, кажется, наша кузина Анна родила. Будьте здоровы. До свидания».

[1312] Перевод: «Моя добрая подруга! Вот я в Петергофе, хорошо устроился в наших прежних комнатах. Я не видел никого, кроме истопника, который открыл мне дверь. Я пока первый, кто вступил во владение жильём. Говорят, что Его Величество император прибыл всего полтора часа назад. Сейчас я иду одеваться, чтобы выйти. Буду ли я иметь счастье увидеть вас сегодня вечером? Берегитесь лошадей. Что касается дороги, она очень хороша. Кажется даже, что небо проясняется. Гуляйте, моя добрая подруга, ходите пешком, будьте здоровы. А я намерен писать, спать и сделать несколько прогулок по саду. Обнимаю вас от всего сердца. Обнимите детей за меня».

[1313] Письмо написано карандашом, в крайней спешке, текст читается с трудом.

qui me <нрзб> du bonheur de Vous voir. J'ai promis un rout < ?> au parteur < ?>. Il sera bien <нрзб> s'il <нрзб> <нрзб>[1314]

<480>
1803 ce 24 Mai
Pomoran à .90. Werst. d. Pet.

Bon jour, mon amie, ma douce amie ! Dieu Vous conserve-t-il en bonne santé pour mes miserables prières. Que je crains votre sensibilité, votre foiblesse, vos nerfs irrités ! je serais parfaitement heureux, si j'etois persuadé que la scene d'hier n'a point attaqué vos jours précieux. Vous m'ecrivez aujourd'hui, vous me l'avez promis : une ligne, une seule ligne pour ne pas fatiguer vos pauvres yeux. Mais cette ligne, je ne la recevrai qu'à Moscou. Comme je me depeche d'y venir ! Hier la fantasie me prit de vous ecrire une lettre dans le calèche même en courant. J'ai formé des traits illisibles, indechifrables et je les ai remis au postillon que me conduisoit Mr. Парфен. Il m'a promis de nous remettre ce grimoire. Dieu sait s'il tiendra la parole, si vous pourrez lire le crayon à demi effacé et dont les caractères offrent une leçon d'Arabe. Je cours très bien, très commodément la poste dans la plus jolie calèche, sans le moindre accident dormant et veillant tour à tour. Il fait aujourd'hui fort beau. Puissez vous jouir del'air. Que je suis heureux si Vous etes avec notre aimable cousine chez notre bonne amie Mme Pouschkin. Leur amitié, celle de Mme Boutourline est ma grande espérance. Je Vous charge de bien des choses pour mon bon ami Nicot. C'est lui qui est le consolateur de Maman. J'espère que toute sa conduite ne sera dirigée, que par le desir de plaire à Maman. Mille baisers pour son cadet. Bon jour ma bonne amie. Soyez sage, cela Vous donnera de la santé. Deux semaines s'en vont si vite et je reviens d'un saut aux pieds de ma bonne amie. A huit heures matin[1315]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 4-5 об.).

<481>
Ce .25. Mai 1803.
Krestzy à .8. h. matin

[1314] Карандаш практически стерся, лист в углу надорван

[1315] Перевод: «Доброе утро, моя подруга, моя нежная подруга! Хранит ли вас Бог в добром здоровье по моим жалким молитвам? Как я боюсь вашей чувствительности, вашей слабости, ваших раздражённых нервов! Я был бы совершенно счастлив, если бы был уверен, что вчерашняя сцена не повредила вашей драгоценной жизни. Вы пишете мне сегодня, вы мне это обещали: одну строку, одну-единственную строку, чтобы не утомлять ваши бедные глаза. Но эту строку я получу только в Москве. Как я спешу туда приехать!

Вчера мне пришла фантазия написать вам письмо прямо в коляске, на ходу. Я вывел какие-то неразборчивые, нечитаемые черты и передал их ямщику, который меня вёз, господину Парфёну. Он обещал передать вам эту каракулю. Бог знает, сдержит ли он слово и сможете ли вы прочитать наполовину стёртый карандаш, буквы которого предлагают настоящий урок арабского языка.

Я очень хорошо, очень удобно еду почтой, в прелестнейшей коляске, без малейшего происшествия, попеременно спя и бодрствуя. Сегодня очень хорошая погода. Дай Бог, чтобы вы наслаждались воздухом. Как я счастлив, если вы вместе с нашей милой кузиной у нашей доброй подруги мадам Пушкиной. Их дружба, как и дружба мадам Бутурлиной, – моя большая надежда.

Поручаю вам много всего передать моему доброму другу Нико. Это он утешитель Maman. Надеюсь, всё его поведение будет направлено только желанием нравиться Maman. Тысяча поцелуев его младшему брату. Доброе утро, моя добрая подруга. Будьте благоразумны: это даст вам здоровье. Две недели проходят так быстро, и я одним прыжком возвращусь к ногам моей доброй подруги. В восемь часов утра».

Ma douce amie, suis je assez heureux, pour pouvoir compter sur votre santé ? vous m'avez promis d'en prendre soin. C'est le seul souci, qui m'accompagne pendant tout mon voyage. Mes prieres les plus ardentes, c'est que le Ciel vous conserve. Eh quoi ! ma bonne amie douze jours quinze jours ce terme est-il si grand, si prodigieux ? Si je n'arrive pas justement le .3., ce sera le quattre, le cinq. J'espère qu'au moins dans ceci Vous ne me ferez point de difficulté. Voulez-Vous que je vous repète mille fois combien je Vous aime, combien je sens Vos peines et Votre tendresse et toutes vos bontés ? Mais Vous n'en pouvez point douter. Vous connoissez l'unique vœu de mon cœur » c'est que Vous vous portiez bien. Aujourd'hui Vous vous proposiez d'aller à Kamennoy-Ostrov : demain chez Serge Mich. <Лунин> et à Strelna. Vous m'avez promis d'ecrire tous les matins, tous les soirs une ligne, deux lignes. Quand recevrai je cette lettre désirée ? Voulez vous savoir les détails de mon voyage ? j'ai passé la soirée hier chez Mr. Deviatkine. Lui, sa femme, sa belle sœur et le mari de sa belle sœur Vous font mille et mille compliments. Mon compagnon prend de soins inimaginables. Je ne me soucie de rien, absolument rien. C'est lui qui fait tout, arrange tout. Je ne fais qu'aller et dormir. La caléche est parfaitement bien faite. Je vais avec le vitesse du vent. Je me plais d'avance sur l'apparition momentanée, que je ferai à Moscou. C'est vraiment eclairer, passer comme un éclair et disparoitre. A mon cher Nicot bien de choses. Je fais fond sur sa parole et je Vous embrasse tout de mon cœur[1316]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 5а-6 об.).

<482>

1803. ce .26. Mai.

Wyshey Wolotzock à .9. h.<eures> mat.<in>

Mon aimable amie! c'est le jour que vous vous etiez proposé d'aller à la campagne. Puissez-vous y recouvrer vos forces et la santé. Moi je cours bravement la poste. Tout à fait hereux, si Vous etiez avec moi, ou si je pouvois etre sûr que Vous n'etes pas plus mal. C'est Vous seule qui pouvez exécuter cette magie, en prenant garde à Vous continuellement, en Vous créant des distractions dans la société de notre bonne, de notre aimable cousine. La promenade, l'absence de toute sorte d'émotion et de passion, parfaite tranquillité : voilà ce qu'il vous faut. Mon cher Nicot vous amusera par son habit. Le petit Alexandre par les poigns et ces grimaces. Demain vers la nuit

[1316] Перевод: «25 мая 1803. Крестцы, 8 часов утра.

Моя нежная подруга, достаточно ли я счастлив, чтобы иметь возможность рассчитывать на ваше здоровье? Вы обещали мне беречь его. Это единственная забота, которая сопровождает меня во всё время моего путешествия. Мои самые горячие молитвы – о том, чтобы Небо сохранило вас. Ну что же, моя добрая подруга, двенадцать дней, пятнадцать дней – разве этот срок так велик, так чудовищен? Если я не приеду точно 3-го, то это будет 4-го или 5-го. Надеюсь, по крайней мере в этом вы не станете мне противиться. Хотите ли, чтобы я тысячу раз повторил вам, как я вас люблю, как чувствую ваши страдания, вашу нежность и все ваши доброты? Но вы не можете в этом сомневаться. Вы знаете единственное желание моего сердца: чтобы вы были здоровы.

Сегодня вы собирались ехать на Каменный остров, завтра – к Сергею Михайловичу <Лунину> и в Стрельну. Вы обещали писать каждое утро, каждый вечер – одну строку, две строки. Когда же я получу это желанное письмо? Хотите знать подробности моего путешествия? Вчера я провёл вечер у господина Девяткина. Он, его жена, его свояченица и муж его свояченицы передают вам тысячу и тысячу поклонов.

Мой спутник проявляет невообразимую заботливость. Я ни о чём не забочусь, совершенно ни о чём. Это он всё делает, всё устраивает. Я только еду и сплю. Коляска устроена превосходно. Я мчусь со скоростью ветра. Я заранее наслаждаюсь мыслью о том мгновенном появлении, которое совершу в Москве: это значит поистине сверкнуть, промелькнуть как молния и исчезнуть. Моему дорогому Нико передайте много всего. Я полагаюсь на его слово и обнимаю вас от всего сердца».

j'espère etre à Moscou. Ne m'attendez pas le trois : attendez moi plutôt le cinq. D'ailleurs je Vous ecrirai de Moscou. Bien du compliments de ma part à tout ce qui Vous aime, à notre bonne cousine, à Mme Pouschkine, à Mme Boutourline. Si vous voulez que je ne me désole point à Moscou, ne Vous chagrinez point à Strelna. Et pourquoi ? parceque Votre ami s'absente pour trois jours. Car voilà mon sejour à Moscou. Le reste je suis en voyage. Et comme je désirerois de raccourcir cet intervalle. Mais que voulez vous? pour aller jusqu'à Strelna il faut une heure et demi. Je désire que le tems soit beau chez Vous. J'ai rencotré hier une petite pluie et cela nous vient de Moscou. Aujourd'hui il fait beau. La campagne offre un aspect ravissant. Je compte sur une lettre de Nicot de sa composition. En attendant je Vous prie del'embrasser de ma part bien tendrement. Mr. Simson viendra chez sa femme. Il passera sans doute chez Vous et il Vous grondera bien fort si Vous negligez Votre santé pour Votre voyageur de mari. Je vous embrasse de tout mon cœur[1317]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 7-8 об.).

<483>
1803. ce .26. Mai.
Tver à .4. h.<eures> mat.<in>

Ma bonne amie! Me voilà à 160 versts de Moscou, à peuprès sur la fin de ma course, esperant à la nuit vers <?> d'entrer dans cette ville antique. Je suis à l'auberge avec Messieurs Ouvaroff, Tchicherin et Mr. Gettouchin <?>, qui font le voyage du Caucase. Cette auberge a été autre fois mon habitation. J'y rimaillois < ?> des grands poemes, qui n'ont pas vû le jour. A present c'est Mr. Galiani, italien de sa profession, qui reçoit très bien son monde. Voilà donc quattre jours d'écoulés. Du courage, ma bonne, ma chère amie ! consercez votre précieuse santé. Si vous etes à Strelna, jouissez modérement de la promenade aubord de la mer. Entendez babiller Madame Krautwedel et envoyez Mr. Zamiatin faire vos commissions. Il n'y a pas de quoi s'attrister, si votre mari coureur va faire repeter aux garçons de village leur leçon d'ABC. Vous etiez tantôt si sage que de m'en courager moi-même et de m'expedier bien vite parce que je ferois mon devoir.

[1317] Перевод: «1803. 26 мая. Вышний Волочёк, 9 часов утра.

Моя милая подруга! Это тот день, когда вы собирались ехать в деревню / на дачу. Дай Бог, чтобы вы там восстановили силы и здоровье. Что до меня, я бодро мчусь почтой. Я был бы совершенно счастлив, если бы вы были со мной или если бы я мог быть уверен, что вам не хуже. Только вы одна можете совершить это волшебство – постоянно беречь себя, создавать себе развлечения в обществе нашей доброй, нашей милой кузины. Прогулка, отсутствие всякого волнения и всякой страсти, совершенное спокойствие – вот что вам нужно. Мой дорогой Нико будет забавлять вас своим костюмом, маленький Александр – своими кулачками и гримасами. Завтра к ночи я надеюсь быть в Москве. Не ждите меня третьего: ждите скорее пятого. Впрочем, я напишу вам из Москвы.

Много поклонов от меня всем, кто вас любит: нашей доброй кузине, мадам Пушкиной, мадам Бутурлиной. Если вы хотите, чтобы я не предавался унынию в Москве, не огорчайтесь в Стрельне. Да и почему огорчаться? Потому что ваш друг отсутствует на три дня. Ведь вот и всё моё пребывание в Москве. Остальное время я в дороге. И как бы я хотел сократить этот промежуток! Но что вы хотите? Даже до Стрельны ехать полтора часа.

Я желаю, чтобы у вас была хорошая погода. Вчера я встретил небольшой дождь, и он шёл к нам со стороны Москвы. Сегодня погода хорошая. Деревня имеет восхитительный вид. Я рассчитываю на письмо от Нико, его собственного сочинения. А пока прошу вас нежно обнять его от моего имени. Господин Симсон приедет к своей жене. Он, без сомнения, заедет к вам и хорошенько выбранит вас, если вы пренебрежёте вашим здоровьем ради вашего путешествующего мужа. Обнимаю вас от всего сердца».

Ressouvenez Vous de cela, ma chère amie. Point d'impatience, qui puisse mure à Votre santé. Occuppez Vous uniquement d'elle. Bon bouillon, exercice salutaire point de reverie. Riez, amusez-vous, jouez avec vos enfans. Voilà mon instruction pour Vous. Je ne sais, si vous recevez mes lettres ; mais j'ecris presque chaque jour. A Moscou je m'occuppe uniquement de mon Université. Delà je Vous rendrai compte de mes exploits savants. Dès qu'ils sont finis je pars et je Vous rejoins à Strelna. Bien des respects à ma Cousine, à toute Votre aimable société. Mon cher Nicot demande, j'espère, de mes nouvelles : dites lui que je l'aime beaucoup, surtout s'il amusoit Maman par ses caresses et son obeissance. Je Vous embrasse, ma tendre amie, mille et mille fois. Aimez moi et prenez soin de Votre santé[1318]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 9-10 об.).

<484>

Ce .27. Mai Moscou

Enfin ma bonne amie me voilà à Moscou après le voyage le plus heureux reçu avec transport par la famille si chère pour moi. Je passe ici deux ou trois jours : c'est selon et je pars. Jugeant par ressemblance dans cinq jours je suis chez Vous. Dieu donne seulement que Votre santé, affectée <?> par mon départ, ne souffrit que le moins, qu'il fût possible. Vous faut-il peindre les vœux les plus ardents que je fais pour votre santé, les pensées qui remplissent toute mon ame, qui ne roulent que sur vous vous, qui m'aimez tant, vous savez davance, combien je Vous rends de justice, combien je Vous aime. Embrassez pour moi mon cher Nicot. Dites lui que j'attends de lui toutes vos consolations : que j'espère qu'il mettra touts ses soins à donner à sa Maman des preuves toujours nouvelles d'attachement et de reconnoisance. Bien des compliments à ma chere cousine, à Madame Pouschkine. Je me hâte d'aller à l'Université. Pardonnez, si je griffonne de

[1318] Перевод: «1803. 26 мая. Тверь, 4 часа утра.

Моя добрая подруга! Вот я в ста шестидесяти верстах от Москвы, почти на исходе моего пути, надеясь к ночи въехать в этот древний город. Я в гостинице вместе с господами Уваровым, Чичериным и господином Гетучин <?>, которые едут на Кавказ. Эта гостиница некогда была моим жилищем. Я здесь когда-то кропал великие поэмы, которые не увидели света. Теперь это господин Галиани, итальянец по профессии, очень хорошо принимает своих постояльцев.

Итак, прошло уже четыре дня. Мужества, моя добрая, моя дорогая подруга! Берегите ваше драгоценное здоровье. Если вы в Стрельне, наслаждайтесь умеренно прогулкой у моря. Слушайте болтовню мадам Краутведель и посылайте господина Замятина исполнять ваши поручения. Нет причин печалиться из-за того, что ваш муж-бегун едет заставлять деревенских мальчиков повторять урок азбуки. Вы недавно были так благоразумны, что сами меня ободрили и быстро отправили, потому что я буду исполнять мой долг. Вспомните это, моя дорогая подруга. Никакого нетерпения, которое могло бы повредить вашему здоровью. Занимайтесь только им. Хороший бульон, полезное движение, никакой мечтательности. Смейтесь, развлекайтесь, играйте с вашими детьми. Вот моё наставление для вас.

Я не знаю, получаете ли вы мои письма, но я пишу почти каждый день. В Москве я буду заниматься исключительно моим Университетом. Оттуда я дам вам отчёт о моих учёных подвигах. Как только они будут окончены, я уеду и присоединюсь к вам в Стрельне. Мои почтения моей кузине, всему вашему милому обществу. Мой дорогой Нико, надеюсь, спрашивает обо мне; скажите ему, что я его очень люблю, особенно если он развлекает маму своими ласками и послушанием. Обнимаю вас, моя нежная подруга, тысячу и тысячу раз. Любите меня и берегите ваше здоровье».

cette manière. Je vous embrasse ma chère amie mille et mille fois. Portez vous bien, promennez vous, prenez de bon bouillon. Ne Vous affliger point. Bon soir[1319]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 11-12 об.)

<485>

1803 ce .1. Juin, à 10 h.<eures> du mat.<in>. Klin

Me voilà sur mon retour ma chère amie. J'ai été hier assez heureux pour recevoir vos chères lettres, etant à la Messe à l'Église de l'Université. Vous n'avez pas point au juste peut-être l'état de votre santé. Vous ne mandez rien sur votre déménagement j'irai cependant passer à Strelna pour voir si vous y êtes. Mes hôtes ont donné tant de soins à me rendre le sejour de Moscou agréable, que je ne puis pas trop reconnoitre leurs bontés. J'ai été forcé de raccourcir la liste de mes visites. Tant j'ai été occuppé à l'Université. Peut être ce ci viendra plutôt que mon arrivée, il se peut aussi que je la prévienne. Tout est bien pourvû que Vous vous portiez bien. J'embrasse Nicot et sa Maman de tout mon cœur[1320]

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 288. Л. 13-13 об.).

[1319] Перевод: «27 мая, Москва

Наконец, моя добрая подруга, вот я в Москве после самого благополучного путешествия, встреченный с восторгом семьёй, столь дорогой для меня. Я пробуду здесь два или три дня – смотря по обстоятельствам — и уеду. Судя по тому, как прошла дорога, через пять дней я буду у вас. Дай только Бог, чтобы ваше здоровье, потрясённое моим отъездом, пострадало как можно меньше.

Нужно ли изображать вам самые горячие желания, которые я питаю о вашем здоровье, мысли, наполняющие всю мою душу и вращающиеся только вокруг вас? Вы, которая так меня любите, заранее знаете, насколько я отдаю вам должное, насколько я вас люблю.

Обнимите за меня моего дорогого Нико. Скажите ему, что я ожидаю от него всех ваших утешений: надеюсь, что он приложит все старания, чтобы давать своей маме всё новые доказательства привязанности и признательности. Много поклонов моей дорогой кузине, мадам Пушкиной. Я спешу идти в Университет. Простите, если я так строчу. Обнимаю вас, моя дорогая подруга, тысячу и тысячу раз. Будьте здоровы, гуляйте, принимайте хороший бульон. Не огорчайтесь. Добрый вечер».

[1320] Перевод: «1803, 1 июня, 10 часов утра. Клин.

Вот я уже на обратном пути, моя дорогая подруга. Вчера я имел счастье получить ваши дорогие письма, находясь на мессе в университетской церкви. Вы, может быть, не вполне точно описали состояние вашего здоровья. Вы ничего не сообщаете о вашем переезде; однако я заеду в Стрельну, чтобы посмотреть, там ли вы.

Мои хозяева приложили столько забот, чтобы сделать моё пребывание в Москве приятным, что я не могу достаточно отблагодарить их за доброту. Я был вынужден сократить список моих визитов, так был занят в Университете. Может быть, это письмо придёт раньше моего приезда; может случиться и так, что я сам его опережу. Всё хорошо, лишь бы вы были здоровы. Обнимаю Нико и его маму от всего сердца».

Приложение 2. Письма Ф.Н. Муравьевой к родным

<1>
1791. Декабря 13. Село Никольское
Милостивый Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Приношу мою чувствительную благодарность за милостивое писание ваше. Прошу Создателя, чтоб вы были здоровы и благополучны, о себе вам скажу, мы по благости его все здоровы, также и Никитинька мой, который немного было занемог, совершенно теперь здоров. Завтра едем мы посетить княгиню Варвару Васильевну, у которой пробудем до середы. У нас насилу наконец зима, по которой Сергей Михайлович мой отправил сегодня обоз в Моршу <?>, что не бог даст, а деньги очень нужны нам для пересылки к вам, но они, видно, так же редки у нас, как и у вас. Целуя мысленно руки ваши, испрашиваю себе ваше родительское благословение и остаюсь

Покорная дочь ваша
Федосья Муравьева

Милостивый друг и брат Михайло Никитич! Нет ничего для меня приятнее, как последнее письмо твое, в котором так трогательно и притом справедливо описал ты мне самой мое собственное положение, ты заставляешь меня любить мое уединение, однако ж завтра *приятное спокойство* наше прервано будет выездом к знатной барыне, как то ни мало согласуется ни с спокойством, ниже нравом моим, который по природе и по привычке любит простоту и откровенность. Но надобно любить все. С некоторых пор я недовольна своим аглинским языком, которого совершенство достигнуть так мудрено. Без того я, конечно, бы перевела письмо твое мисс Жеффрис, которая с величайшим удовольствием оные слушает. К слову перевода, я пробовала переводить несколько слов из прекрасного аглинского романа Клара и Эммилейна <?>, но нашла сие испытание столь трудно и прекрасно, что совершить этого никак не в состоянии. Не знаешь ли ты, душа моя, какого-нибудь сочинения французского или аглинского, который бы был для меня легче перевесть. Я очень бы желала попробовать сей род упражнения. Между тем, прощай. Мысленно я желаю всякого благополучия

(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 137-137 об.).

<2>
1791. Декабря .20. дня. Село Никольское
Милостивый Государь батюшка!
Никита Артемонович!

Мы уже целую неделю пользуемся несравненным удовольствием иметь в гостях у себя дорогого нашего гостя Михайла Никитича, сколько мы его <так! – А.И.> обрадованы, это изъяснить не можно, и все сие время прошло, как один день, и прежде, нежели мы насмотрелись на него, должны уже с ним расстаться. Во вторник, то есть 23 число, он намеряется от нас ехать. Все ближние соседи наши разделяли с нами нашу радость. Мы успели в сие время быть у княгини Голицыной с братцем, она его приняла с отменною ласкою, и ему весьма показалась это знакомство. Милостивое письмо ваше и к брату приписка получено нами во время обыкновенное, за которое приношу мою чувствительнейшею благодарность. Мы все, слава богу, здоровы, прошу усерднейше Бога о сохранении здоровья вашего. Целуя мысленно руки ваши и прося вашего родительского благословения, остаюсь

Покорная дочь ваша

Федосья Муравьева

Милостивый государь батюшка!
Никита Артемонович!

Писав столько раз в Никольское, имею в свою очередь удовольствие писать к вам из Никольскаго и присоединиться к его любезным хозяевам в принесении вам живейших чувствований благодарного и преданного вам сердца. Сестра жертвует мне своим собственным удовольствием, высылая меня к должности моей. А Сергей Михайлович принял на себя все мои заботы, прежде нежели мог я вздумать. Какое удовлольствие было бы для вас принимать ласки прекрасных детушек, если бы вы изволили их видеть так, как я! Прося бога о даровании мне счастия увидеть вас в желаемом здравии, с глубочайшим почитанием пребываю

Милостивый Государь батюшка!
Ваш покорнейший сын
Михайло Муравьев
(ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 287. Л. 139-140).

Приложение 3. Письма Муравьева к Д.И. Хвостову

<1>
<б/д и б/м>

Мне давно хотелось исполнить мое обещание прислать вам четвертую часть трудов нашего собрания; наконец я его исполняю. Если мне позволено говорить за то, что тут помещено моего, то я прошу вашего внимания только для IV и VI пьесы. Я еще не знаю, одобрите ли вы мое предубеждение для последней. Я избрал в ней малоупотребительное стихосложение, но которое в языке нашем имеет право гражданства, по присуждению начальников искусства, Ломоносова и Тредиаковского. Сей последний обесславил его, написав им «Тилемахиду». Но сей ученый человек — достопамятное доказательство, что дарования разделяются природою, обезображивал всякой род стихотворства, к которому он ни прикасался. Я, может быть, употребил его без пользы. Бесспорно, можно поверить чувствия прекрасной природы таким стихам, какими писали Ломоносов и Сумароков. Это, что называется, своенравие художника, если только мне позволено иметь свое… Вчерась, думая о Эпитафии, которую вы мне сказывали в Театре, сделал я следующее, не знаю что, перевод или пародию:

Двоих любившихся остатки здесь смесились,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар,
Заблудшись, на себя их руки покусились;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает;
Слезами чувство чтит, и разум умолкает.

Я все сделал, если стишки сии вам понравятся. Но сколько я ни желаю, чтоб они вам понравились, я еще более желаю, чтоб вы предпочли вкус прекрасного тому, что может вам внушить снисхождение ко мне.

Я пребываю навсегда с истинным почтением

Милостивой Государь мой
Ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 40-40 об.)

<2>
<б/д и б/м>

Милостивый государь мой! Дмитрий Иванович!

Сколько обязан я вам за попечения ваши обо мне, когда я наименее оных достоин. Ничто не может меня извинить в собственных глазах моих. Но поверьте, что не причиною тому какое-нибудь охлаждение. Малейшее против вас было бы во мне виновно. Я не знаю, что несчастливое, и чему я не могу дать причины, владеет мною, против меня более двух месяцев; как будто отрекшись от всех моих знакомств, которые столько должны быть мне ласкательны, трачу время свое и не употребляю его. Ограничив все свои выходы домом больного дяди, скучаю, сердясь на себя. Мрачность письма сего доказательством. Но вы умели дать мне вкусить удовольствие и в средине моего сумасбродства, которое, если я всклепал на себя, то это un ridicule de plus qui m'achevera[1321]. Я прошу вас именем, которое вас столько же приятно, сколько мне священно, именем того, которой в жизни своей столько любил своих приятелей, не отмените для меня ваших предубеждений, несмотря на все, чем я стараюсь сделаться оных недостойным. Недели три назад, как я обещался

[1321] Перевод: «ещё одна смешная нелепость, которая меня окончательно погубит в ваших глазах».

Ив.<ану> Аф.<анасьевичу> Дмитревскому сказать от него вам, что он желает вас видеть. Я не знал тогда, что вы были больны. Может быть, завтра постараюсь я иметь удовольствие сам извиниться перед вами, ou plutôt me faire plus de fort dans votre esprit[1322]. С искренним почтением имею честь навсегда быть

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 41-41 об.)

<3>
<11.07.1779>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Письмо, которым вы меня удостоили, произвело во мне особливую радость. Уверяю вас, что все сии чувствования, которые препровождают воспоминания дружбы, которые делают свидания друзей столь трогающим зрелищем, поспешили овладеть мною. Я признаюсь без затруднения, что любовь письмен, которую я имею общую с вами, участвовала сделать сии чувствования столь живыми. Упражнение в искусствах есть что-то, сходствующее с упражнением в добродетели. И, конечно, дружество долженствует быть драгоценно для тех, кои льстятся лучше чувствовать, нежели другие.

Мольер, который вам столько известен, был в искреннейшем союзе со всеми знатоками письмен, достойных сего имени. Он награждал опыты начинающего Расина. Буало, Шаппель и множество других писателей были для него лучшее общество, нежели все сии придворные Людовика XIV, с которыми общался он для изучения их шалостей.

Чтоб исполнить приказание ваше, ходил я нарочно вчерась к Ивану Афанасьевичу <Дмитревскому>, но, по несчастию, не застал его дома. С будущей почтой буду иметь честь сообщить вам ответ его. Два дня прежде получения письма вашего говорил я с ним о вашей комедии. Он отозвался, что она уже отдана им для представления, но что череда ее будет по осени. Русский театр принимает новую жизнь и вот уже два вторника, что дают новые комедии: в прошедшую неделю играли комедию Михаила Матвеевича <Хераскова> *Злонравный*. Меня еще не было тогда в Петербурге, затем что дней восемь, как я приехал из Твери. Впечатление от сей комедии было столь сильно, что едакий характер, слышал я от одного зрителя, конечно, должен существовать. Злые ненавидят стихотворцев, и вы видите, сударь, что они имеют причину. Их узнают. На нынешней неделе дана была комедия *Святочная шутка*, переложенная из Монт-Флертевой комедии La Fille Capitaine[1323], пьеса, которой предмет смешит как бы нибудь. Вы не представите себе, сколько рукоплесканий при всякой неблагопристойности. Надобно признаться, что множество шуток в ней истинно смешных. Говорят, будто Дмитревский ее переделывал.

Денис Иванович <Фонвизин> пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич <Дмитревский>, но я не знаю еще ее содержания. Здесь вышли из печати басни Г. <И.И.> Хемницера, который взял в образец Геллерта[1324]: публика их удостаивает хорошего приятия.

Я прекращаю письмо мое за краткостью времени, ласкаясь, что переписка наша будет иметь продолжение, о чем вас покорнейше прошу. Вы имели учтивость польстить меня, что Михайло Матвеевич <Херасков> изволит иногда меня вспоминать. Я вас прошу

[1322] Перевод: «или, вернее, ещё больше повредить себе в вашем мнении».

[1323] Монфлери-мл. А.-Ж. (1639-1685) — французский актер и драматург. Пьеса La fille de Capitaine была напечатана в 1672 г., потом многократно переиздавалась.

[1324] Геллерт Х.Ф. (1715-1769) — немецкий писатель и философ; прославился баснями (изданы на русском языке в двух частях в 1775 г.)

покорно донести его Превосходительству мое нижайшее почтение. Тысячи почитают его, при достоинстве которых я ничто, но в ревности моего почтения я не уступаю никому из них.

Уверяю вас о моей преданности, навсегда пребываю

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
1779 года Июля .11. дня
С.<анкт->П<етер>бург
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 44-45)

<4>
<16.7.1779>

1779. года Июля .16. дня С.<анкт->Петерб.<ург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Радуюсь, что могу возвестить вам первый о скором представлении *Легковерного*. Иван Афанасьевич <Дмитревский> поручил мне вас уведомить, что они зачали выписывать из него роли, и положено его дать в августе. Вы изволите знать, сколько времени надобно, чтоб выучить наизусть, расположить представление и сыграться. Василий Васильевич <Ханыков> и Александр Александрович <Микулин> свидетельствуют вам свое почтение. Мы воображаем вас, попеременно рассеянного в забавах московских и упражненного в кабинете вашем, затем что забавы, конечно, не имеют над вами полной власти, а упражнения литературные, которым вы предались, требуют столько знания света, сколько и правил. Что касается до нас, я теряю более уединением, нежели выигрываю, а Василий Васильевич <Ханыков> не столько имеет его, сколько надобно. Ему удалось написать несколько сказок и басен с великой легкостью. Но я уже преступаю пределы письма моего. Имею честь пребывать с искренним почтениеим

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 46)

<5>
<23.07.1779>
1779 года Июля .23. дня Санктпетерб.<ург>
Милостивый Государь мой Дмитрий Иванович!

Вторничное письмо ваше доставлено мне верно, и я ответствен со вручителем. Я не сомневаюсь, чтоб мои два прежних письма к вам не дошли, но для предосторожности повторяю здесь слова Ивана Афанасьевича <Дмитревского>. *Отпишите*, сказал он мне, *Дмитрию Ивановичу, что мы заключили представить Легковерного в августе и уже зачали выписывать роли*. Он произнес сие с таким уверением, с таким истинным участием, которое ему свойственно. Должно признаться, что молодые писатели и люди чувствительные найдут в нем человека, знающего их цену. Вас.<илий> Васильевич <Ханыков>[1325] на сих днях едет курьером в Константинополь. А.А. Микулин переходит в адъютанты к Апол.<лону> Андр.<еевичу> Волкову[1326]. Оба приносят вам свое истинное почтение. А я

[1325] В.В. Ханыков (1759—1839) — друг Муравьева, поэт (см. о нем подробнее: [5, с. 140-145]).

[1326] А.А. Волков (1739-1806) — военный и государственный деятель; с 1779 г. — генерал-поручик, состоял в войсках под командованием П.А. Румянцева.

прошу вас, милостивый государь мой, о продолжении сих знаков дружбы и преданности, которые вы оказать мне изволили. Вы найдете во мне преданность, послушание, чувствование вашего достоинства. Я есмь навсегда

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 47).

<6>
<13.08.1779>
1779 года Августа .13. дня Санктпетерб.<ург>
Милостивый Государь мой Дмитрий Иванович!

Вчерась имел я честь получить ваше последнее письмо, в которое вложено другое к И.А. <Дмитревскому>. Я надеялся, что буду ответствовать после вручения оного, но человек вашего дядюшки предупредил меня своим приходом в самое то время, как я хотел идти к Дм.<итревскому>. Теперь десять часов по утру, так я его еще застану. Мне не хотелось пропустить случая к вам писать: удовольствие, которое я хочу сделать одной из приятностей моей жизни. Мало способен чувствовать ее сам собой, я стараюсь радоваться зрелищем, как наслаждаются другие.

Je regarde le champ, assis sur la[1327]. Дружба В.В. Хан.<ыкова> дает мне несколько рассеяний, несколько минут настоящего существования. Вы прибавили мне еще степень оного, предложив вашу приятную переписку. В продолжение оной буду я сообщать вам и мои опыты в письменах, по мере их произведения. Таким образом чувство соревнования будет взаимно оживляемо, если я только способен производить оное.

Здесь зрелища были оставлены по причине поста и зачнутся опять 16 ч.<исла>. В.В. <Ханыков> и Ал.Ал. Мик<улин> недели две тому назад, зашедши нечаянно в Театральную контору, видели, как списывали роли вашего *Легковерного*.

Сегодня после обеда будет идти публичное собрание в Акад.<емии> Художеств, по окончании которого их высочества будут смотреть строй сухопутн.<ых> кадетов… Здесь вышел перевод VI книги *Енеиды* Г. <В.П.> Петрова. И мне кажется, может быть, не основательно, что он употребил не все тщание, которого он способен. Впрочем, с совершенным почтением навсегда пребываю

ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

P.S. Я хочу вас отягчить просьбами. Некоторое общество молодых людей соглашается издать здесь une très petite brochure под названием своих сочинений. Если бы вы намерзлись сделать честь ему сообщением ваших мелких пьес нравоучительного содержания et de legere satire, prineipalement sur des tableaux de societé des esquisses, des portraits, des scenes, вы бы сделали ему истинное одолжение, уверен, что ваши сочинения в руках моих будут иметь всю безопасность и уважение, как в ваших собственных.
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 48-48 об.)

<7>
<16.09.1779>
1779 года сентября 16 дня С<анкт->Петерб.<ург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

[1327] Лист надорван.

Сколько времени прошло, что я не имел удовольствия ни к вам писать, ни от вас получить ответа! Может ли статься, что вы исключили меня из числа ваших приятелей? По крайней мере, я сочту за счастие всякий случай сделаться достойнее вашей дружбы.

Я к вам писал о маленьком сочинении общества, которого, было, я сделал расположение. Но оно, кажется, уничтожилось. Люди, на которых помощь я надеялся, разъехались. Василий Васильевич <Ханыков> недели две, как в деревне и проживет там еще столько же. Алекс. Александрович <Микулин> на сих днях отправляется в Полоцк. Сии две траты составляют почти все то, что я могу здесь потерять. Будущее русское зрелище, назначено <нрзб> *Злояда*, комедию Михаила Матвеевича <Хераскова>. Следующее за тем составит ваш *Легковерный*. 27 августа представлена была Дидона[1328], и после ней мы не имели ничего на Русском театре, кроме *Доверительного грубияна*. Г. Попов[1329], который представлял главное лицо, играл, по-моему, с такой свободностью и благородством, которое заставляет почитать искусство действователя.

Я вас уверяю, что Ив. Аф. <Дмитревский>, или, лучше сказать, Василий Ильич[1330], самых выгоднейших мыслей о вашей комедии, что я слышал от людей посторонних. Первый вас просит через меня продолжать труды ваши и сообщать их ему по мере, как их оканчивать будете, твердо уверены, что они с радостью будут приняты.

Я прошу вас принесть мое нижайшее почтение его превосходительству Михаилу Матвеевичу <Хераскову> и милостивой государыне Елизавете Васильевне <Херасковой>. Желание самое ревностнейшее моего сердца есть в том, чтобы наслаждаться их милостью.

Вы исполните другое мое желание, когда сохраните мне место между вашими знакомствами. Если усердие может считаться достоинством, так я заслуживаю требовать вашего дружества.ю

Я имею честь с совершенным почтением навсегда пребывать

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 49-50)

<8>
<8.10.1779>
1779 года октября 8 дня С<анкт->Петерб.<ург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Имею честь вас от всего моего сердца поздравить с представлением и успехом «Легковерного». Прошедшую пятницу, то есть 4 число, был он дан публике. Множество любопытных съехалось по разнесшемуся слуху новой комедии. Собрание как знатных, так и любителей театра было из многочисленнейших. Вы поймете наперед мое старание достать себе выгодное место. Государыня изволила прибыть с маленьким князем Александром Павловичем. Их высочества были на охоте в Сарском селе с князем Виртембергским. В лице государыни видно было особливое внимание. С первого явления некоторые черты из характера Легковерного извлекли ее удовольствие и улыбку. Простосердов, которого играл Попов, принес с выступлением своим на сцену беспрестанный смех. Вы можете ласкаться, что в начертании его вы попали на истинный образ Мольеров. Перед представлением вашей комедии была дана французская драма «Les deux Amis», где чувствования, эпизоды и великодушие было исчерпано. Сия пьеса не

[1328] Пьеса Я.Б. Княжнина «Дидона» была поставлена в 1769 г.

[1329] М.И. Попов (1742-1781 или 1790) — поэт, драматург, актер; прославился сочинением комической оперы «Анюта» (1772).

[1330] Речь идет о В.И. Бибикове (1740-1787) — драматурге, цензоре театральных пьес и актере-любителе.

заставила нас ни плакать, ни смеяться. Но я уверяю, что ваша заставила хохотать от доброго сердца ваших зрителей. И некоторые, возле меня бывшие, не замедлили заключить, что вы имеете дар комический, que vous avez du genie. Я всегда думал, что дружба позволяет рассказывать похвалы слышанные. Ежели я их рассказываю без вкуса, так это вина разума, а не сердца, которое я стараюсь иметь сколько можно лучше. Сплетена играл Соколов и был апплодирован. Старинное платье, лицемерный голос и ужимки, некоторый вид провинциальный во всей особе и вертлявость составляют игру его. Шумский представлял стряпчего d'après nature. Русский серо-немецкий кафтан, как носят в старинных домах лучшие служители: длинные виски, волосы более приглажены, нежели убраны, без пудры. Поступь приказная, с рабской смешанная. Наконец, разговор, который вы ему дали, употреблен с совершенным искусством. Все прочие актеры играли удачно. Государыня не переставала ни на малое время заниматься пьесой и разговаривать об ней с Василием Ильичем <Бибиковым> с изъявлением удовольствия. Другие знатные, окружавшие Государыню, вмешивали свои примечания. Князь Григ.<орий> Александрович <Потемкин> был тут. Что касается до меня, я радовался сердечно и вам завидовал. После пьесы вашей следовал балет «*Фламандский праздник»* и комедия в одном действии, которая называется, я думаю, «Взаимный опыт». Ежели я услышу какие-нибудь рассуждения знатоков, достойные примечания, о «Легковерном», я сообщу их вам, ежели вы потребуете. Публика, которая вас знает, захочет теперь более вас знать. Вы ее должник. Ежели ободрения приятелей ваших вам надобны, примите мои и старайтесь меня любить из благородности, а я вас, право, люблю и почитаю à double titre de talents et d'amitié. Я имею честь пребывать навсегда

ваш покорный слуга
М. Муравьев

Исполните долг мой, когда будете в Москве, и донесите мое нижайшее почтение Его Превосходительству Михаилу Матвеевичу <Хераскову>. Чувствования, которые я к нему имею, для меня священны.

(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 51-52 об.)

<9>
<8.10.1779>[1331]
1779 года Октября .8. дня С<анкт->Петерб.<ург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович[1332]!

Ко удовольствию моему служитель вашего дядюшки пришел ко мне за письмом сегодня. Я уведомлял вас вчерась о представлении вашей комедии, по немецкой почте. Но я не знаю, дойдет ли оно до вас, особливо потому, что вы в деревне. Так я усугубляю вам свои поздравления. Прошедшую пятницу играна ваша пьеса со всем успехом, которого желать можно. Государыня изволила быть вашим судьей и зрителем. Вы имели счастье ей нравиться, сколько можно было мне приметить из лица ее. Яков Борисович <Княжнин> хвалит ревностно «Легковерного». Я слышал от посторонних людей лучшего вкуса, что Василий Ильич <Бибиков> приписывает ему все достоинства.

Я желаю вам здоровья и веселости, чтобы лучше наслаждаться литературной честью. Прошу продолжить мне чувствования дружбы, которыми я ласкаюсь пребывать с искренним почтением

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

[1331] Видимо, описка, должно быть: «9 октября».

[1332] Запись на полях: «Актер Соколов сочинил или подражал комедию в V действиях «Сибиряк».

Наш друг, полный достоинств, Ханыков не имел удовльствия видеть представление *Легковернаго*, отсутствуя более месяца в деревне. Ал. Алек. Микулин едет в Полоцк.

(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 53-53 об.)

<10>
<19.11.1779>
1779 года ноября 19 дня С<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович![1333]

Со удовольствием вижу из последнего письма вашего, что вы ставите мне в достоинство малейшие наблюдения моей должности: будто бы я мало был заплачен за них, приобретая права на ваше дружество. Сей раз не успел я еще исполнить обязанностей, мне весьма приятных, принуждением моих обстоятельств. Письма вручены мне были в нашем училище, где я был целую неделю на дежурстве. Но в будущий четверг надеюсь донести вам все, что мне удастся сделать по вашим приказаниям. Мне <встало?> примомнить вам, не способнее вам будет печатать «Легковерного» в Московской типографии. Содержатель ее — один из лучших наших писателей и страстный любитель письмен Н.И. Новиков, и, здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении. Как мы паче теперь? Мы забавляемся здесь русской оперой комической, заведением ревностного директора Театра. Какие актеры! Вы не можете представить, с какою общею радостию принято у нас сие рождение нового зрелища: второго числа сего месяца дана была в первый раз оп.<ера> ком.<ическая> «Счастье от кареты»[1334], сочинение Якова Борисовича <Княжнина>. Г.<осподин> Пашкевич, сочинитель музыки, был сам действующим лицом на театре. Молодая девушка, певица дебютировала в роли Анюты. Ее любовник Лукьян был этот Черников, который всегда лучше игрывал Шумского[1335], а теперь себя превосходит. Кажется, что теперь недостаток разве в писателях, а не в старании о театре. Недавно, сказывают, составилось Литературное общество у кн.<язя> Куракина. Впрочем, с истинным почтением пребываю

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 54-54 об.)

<11>
<28.11.1779>
1779 года ноября 28 дня С<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Нынешний раз не успел я употребить той же самой точности, которую удалось наблюдать мне до этих пор в ваших услугах. Рассеяния, которыми увлекаешься не зная как, время, которое отнимает должность, тысячи других препятствий останавливали мое усердие. Одиножды пришел я на берег Невы, чтобы быть с письмом вашим у Сергея Герасимовича <Домашнева>, нашел мост сорван, реку, покрытую льдом. Наконец уж в нынешний понедельник успел я вручить письмо ваше его превосходительству. Он принял его с сею учтивостию, которая особливо отличает его поступки. Просил, по ожидании, изъявить вам

[1333] Адрес: Милостивому государю мой Дмитрию Ивановичу Его Благородию Лейб-Гвардии Преображенского полку Г. Сержанту Хвостову в селе Слободка».

[1334] Название комической оперы Я.Б. Княжнина – «Несчастье от кареты» (1779).

[1335] Я.Д. Шумский (1732-1812) — актер и певец.

его благодарность. Она бы давно сам писал, говорит он, будучи особливо знаком батюшкою вашим и вами, но ему неизвестно было, куда адресовать. Ваши упражнения были потом причиною разговора его. Он изъяснялся с Государыню во время представления вашей пьесы о творце ее и что она через него доставлена театру. Спрашивал, над чем вы теперь трудитесь. Зачав в такой молодости и с таким успехом, продолжал он, надобно надеяться, что дарования его послужат чести русской сцены. Просил меня вам напомнить о плане комедии, который предложен был вам от Василия Ильича <Бибикова>, чтобы представить смеха достойную суету путешествий в чужие края без намерения почерпнуть полезные знания и просветиться в нравах и правлении народов; но затем только, чтобы приобресть телодвижения, обычаи и образ обхождения, которые столь естественны в своей земле, как в нашей — странны и не должны переселяться из своего отечества. Сие содержание, присовокупил он, уже произвело несколько комедий, но много черт оставлено без употребления. И повторение оного не может быть бесполезно в нашем обществе, где, кажется, ощутительно царствуют две стороны: одна, остающаяся в грубости невежества, которая сохраняет из века в век рассуждения старины; другая, которая обожает все новое и чужеземное, почитая, что просвещения достоинства суть такие плоды, которые в России не поспевают. Должно отмщать комедии за малое число благоразумных людей, которые почитают иностранные добрые изобретения, затем что они любят свое отечество, и которые отвергают всякое просвещение, которое бесполезно. Вы простите мне тщеславие рассуждать, которое есть вообще моя слабость. Уведомьте меня, когда я буду иметь удовольствие видеть вас в Петербурге? Здешний театр имеет своих ревнителей в публике. Прибавляется помалу число молодых актеров. Всякую субботу составленное из них общество играет какую-нибудь пьесу на немецком театре, куда с позволения директора вход свободен охотникам. Таким образом давали уже «Семиру» и «Синава»[1336]. Упражнение сие, конечно, откроет их дарования. Что касается до сочинений, мне известны в сие время только три пьесы Вас. Петр. Колычева, из которых одну я читал. Это, что называется мещанская трагедия, Салвиний и Аделсон[1337], которой содержание почерпнуто из известной повести г.<осподина> Арнолда. Две другие суть комедии, и мне обещано их чтение. Впрочем, с искренней преданностью пребываю

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 55-56)

<12>
<24.12.1779>
1779 года декабря 24 дня С<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Я ответствую вам на другой день получения письма вашего, не успев еще видеться с Иваном Афанасьевичем <Дмитревским>. Но последний раз, как я был у него, говорил он, что для пересылки «Легковерного» должно переписать его. Также поручил он мне напомнить вам о плане комедии, который вы хотели предприять по примеру г.<осподина> Кальява — *«Московское житье»*. Вы видите, что я сделался орудием ваших знакомых, которые друг перед другом ободряют вас в пути вашем. Сколько жребий мой не сравнителен с вашим! Ваш становится исполнять совет ваших приятелей. А я своею леностию теряю доверенность моих. Очень счастлив еще, ежели сохраню столько

[1336] Речь о трагедиях А.П. Сумарокова «Семира» (1751) и «Синав и Трувор» (1750).

[1337] Имеется в виду пьеса В.П. Колычева (ум. 1797) «Бедство произведенное страстью или Сальвиний и Адельсон», изданная в 1781.

достоинств, чтоб заслужить сожаления моих благодетелей. Извольте быть уверены, что ваше дружество находит во мне сердце, знающее ценить его. Сделайте милость, не перерывайте переписки, подающей столько приятностей сердцу моему и разуму. Как я вам обязан за сообщение новостей! Еще более за сие обещание напомнить меня Михайле Матвеевичу <Хераскову>, хотя б только для того, чтоб услышать от него осуждение мое. Я сам еще не знаю, буду ль я иметь удовольствие быть в Москве нынешнею зимою. Но когда будете писать ко мне, извольте подписывать в Измайловский полк, в Гренадерской роте, подле пристройки капитана Хотяинцова[1338], в собственной <нрзб> моей. Я имею теперь удовольствие жить в ней вместе с моей фамилией, приехавшей на несколько дней из Твери. А Вас.<илий> Вас.<ильевич> Ханыков поехал на прошедшей неделе в Ревель, чтоб возвратиться на нынешней.

Прошедшее воскресенье дебютировали здесь воспитанники Сиропитательного дома, приехавшие из Москвы, комедиею *Игрок* на немецком театре. Сие общество актеров подает много надежд.

На будущей почте надеюсь иметь более инверсного писать вам. Впрочем, с искренним почтением и преданностию пребываю навсегда

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 57-58)

<13>
<10.08.1781>
1781 года августа 10 д.<ня> С<анкт->Пет<ербург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Сколько благодарений должны вы от меня услышать за ваше постоянное намерение помнить меня издалека, и ведь отстояние места увеличивает цену памятования. Дружество, сие благородное согласие разумов, если теряет свои наслаждения обстоятельствами, заменяет их другими. Перепискою вы еще столько же ко мне близки в подмосковной, в Переславле или где бы то ни было, как в то время, когда вы стояли на Вознесенской. Сколь усердно желаю я всякого благополучия двум особам, составляющим всякий день ваше счастье, которым вы принадлежите и коих милости вечно останутся в моем сердце. С радостию приемлю случай возвестить вам счастье, которое имел мой батюшка участвовать в милости Государской. Июля 28 число пожалован он тайным советником и сенатором. Никакого искания, ниже чаяний. Приключение, заявляющее, что она себе присваивает награждать службу и без защищенной.

Я бы уверился в милости Михайла Матвеевича <Хераскова> затем, что уверяете вы, если бы не то внутреннее свидетельство моего недостоинства не разгорало сего упования. Письмо к Княжне Катерине Сергеевне отослал я к секретарю А.И., с которым вчерась я виделся. И.А. Дмитревский теперь еще не поехал, но на отъезде. С Арсеньевой слышал я <о> пятой Сатире и о том, что он теперь ссорится не с Парнасом, а с Ложей. *Почтеннейший* принял его в пятую степень, а он уже работал в седьмой. *Почтеннейший* прогневан дерзостию челобитен его на французском языке и требует к Экзамену. Это не Аполлон… Меня удивляет, что Федор Григорьевич <Орлов?> 27 числа в Москву еще не бывал. И вы мне сделаете милость сообщать какие-нибудь известия о нем. Скоро после вас давали в другой раз «*Надмена*»[1339]. Также видели мы «Приезжего из Ост-Индии», переводу г. Мальтица. В Дмитревском чаял я видеть Гаррика. Но он сам не любит сей комедии. Здесь покудова *Хвостов* и *Нелединский*. Последний, сказывают, писал пьесу в стихах на послание

[1338] С.А. Хотяинцев — капитан-поручик Измайловского полка.

[1339] Видимо, речь о комедии Н.П. Николева «Самолюбивый стихотворец» (1775).

первого. Порицает род письма, хваля остроумие. Зачем, говорит ему, не поешь ты славы русской, *как били турок мы… рей*. Придумайте гемистиш по-русски, по-военному и по-Неледински, эпитет Турок и который бы кончился на *«рей»,* <продолжение на полях:> в родительном множественного числа, а мне написать нельзя. Простите сию неблагопристойность и верьте, что я с искренним почтением и преданностию пребываю навсегда

Милостивый Государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев
(РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 59-60)

Приложение 4. Неопубликованные оды и «Перечень рассуждения об оде»[1340]

<1>

Ода третья.

На торжествование мира 1775 г.

Как Этны пламенной заклепы,
Когда покоились давно,
И только зелия свирепы
Ея снедали мрачно дно.
Внезапу сера воспалится,
Потухша паки искра тлится,
В пещерах слышен рев и стон,
Громады движутся, биются,
И вихри огненны виются,
И с шумом мчатся реки вон.
Так грудь, восторгом встороплена,
Кипит и хощет бунтовать,
И духа праздностию тленна[1341],
<По>зорны ризы разорвать:
<Тол>кает, яростью теснится,
<Я> трепещу и Лира мнится,
<Др>ожит и произносит стон;
<О,> Феб! уж я не препираюсь,
<Пре>стань: я к Лире простираюсь,
<Как>ой, какой взыграть мне тон?
Кругом меня восстали горы?
Почто зрю в Фракии себя?
Гремят военные раздоры,
Я там, Румянцов, зрю тебя,
Румянцов, россов предводитель,

[1340] Эти материалы были напечатаны нами в [Ивинский, 2024].

[1341] Далее лист надорван с левого края, поэтому начала следующих семи строк — результат реконструкции.

Иль то Тифея победитель?
Одеян молнией, как он;
Речет: и движется громада,
Речет: и вержет Энцелада,
Хотевша сдвинуть Пелион.
О как сей взор меня прельщает[1342]
,
Пребудем… буйный мчится бог,
Меня с собою похищает,
И мчит, где я не зрю дорог.
Нам громка путь являет слава,
Куда летит, везде забава,
От смертных гонит скорбну тень;
Граждан я зрю веселы лики,
Селян усердны слышу клики;
Какой здесь торжествуют день?
Румянцов, праздник сей прекрасный,
Румянцов дал нам сей покой;
Один промчался вопль согласной
Над славной Ингерской рекой.
Взвились полки и в строи стали,
И в громах молньи заблистали,
Перебегая по главам;
Приял Петрополь ощущенье
И уклонялся в восхищенье
Победоносным знаменам.
Се[1343] Финской Понт в утехах тонет,
Любуясь сим прекрасным днем,
К Петрополю спешит и стонет,
Что нет Екатерины в нем.
Однако, чувствуя отраду,

[1342] Первоначально: «О как мя взор сей насыщает».
[1343] Первоначально: «А».

Усердный вал стремит ко граду,
Которым он прославлен стал,
Биет в брега, гордясь тем флагом,
Которого с Архипелагом
Средьземный Понт вострепетал.

Монархиня! к тебе взываем,
Внемли: мы молимся судьбе,
Мы верны длани воздеваем,
Мы к богу плачем о тебе.
Так мать скорбит, желая сына,
Которого делит пучина,
На том брегу с ней целый год;
На брег она сейчас всходит[1344],
И с плачем смутным слез не сводит,
С ужасных ей и милых вод.
Но слов твоих закон священный
От сердца мы стремимся чтить
И жалобы не просвещенной
Своей любови воспретить.
Готовы наши слезы литься,
Мы души нудим веселиться,
За тем, что хочешь ты того;
Но в час, когда пред богом станешь,
Иль ты, иль нас ты не воспомянешь[1345]
Лишенных взора твоего?[1346]

<2>

Ода седьмая. К Н. А. Львову

Львов! Узнаешь ли ты лиру,

[1344] Первоначально: «Она всяк час на пристань всходит».
[1345] Первоначально: « Иль ты, иль ты не воспомянешь»
[1346] РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 3–4.

Кою часто ты слыхал?
Вспоминаешь ли ее, зря сиру,
Что на ней я воздыхал,
Что в ней часто глас мятежной
Услаждался трелью смежной,
С стоном тихим чередясь?
Феб меня отчаявает:
Ах! во мне не познавает
Он питомца рассердясь.

Ах! а я еще ласкался,
Не привычен на волне,
Что я, коим увлекался
Ветр послужит в пристань мне!
Как тогда я огорчился,
Как впервые помрачился
Вал, далече от брегов?
Я желал себя обратно
И оплакивал стократно
Пременившихся богов.

Облак темной вдруг развился,
Посреде стал Аполлон,
Раз еще мне, раз явился,
Грозен, яр, явился он,
Я пал ниц и ужаснулся[1347]
Ах! Не будет уязвенно,
Лаврами чело мое
И мгновенье мной сплетенно,
Не получит бытие,

[1347] На этом строфа обрывается. Далее в рукописи находим несколько вариантов еще одной строфы, предположительно имеющей отношение к данной оде. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что почерк этой последней строфы совпадает с почерком следующей оды VIII. Возможно, они писались в одно и то же время.

Что мои ах! песни чтущей

Девы юности цветущей

Умилилися глаза

И чтоб сладко похищенна

Со ланит ее священна

Уронилася слеза[1348].

<3>

Перечень рассуждения об оде

Что есть ода? Сколько родов оныя? Что есть восторг? Единство намерения в чем состоит? Как должно согласовать единством намерения отступления которые особливо украшают <?> лирическое стихотворство? Должно удивить воображение: а не разуму доказывать. Восхищение предполагаемое отменяет ее от всех прочих родов стихотворений. В эпопее только спокойно лицезрение <?>: здесь восторг furor. Должны быть заблуждения воображения; но <прелест>ного и где чувствие бывает судия его. Воображения богатство не во множестве прерванных картин, но в удобном и живом представлении, чтобы чтец сам помогал себя обманывать. Чтобы ему ничего не стоило то ж вообразить, чтоб ему сладостно было воображение сего. Чтоб всякое слово возбуждало за собою ряд воображений, неотменно долженствующих восстать в человеке. Наконец чтоб чтец принужден был еще более вообразить, нежели читает, т. е. чтобы сам объят был тем же восторгом, который обладал творцом, и захотел бы по следам стихотворца сам быть создателем новых картин. Мы подражаем всему тому, что нам нравится. Просто философической оды нет, а философическая только в том, когда великие истины мечтали величественного и прельщающего с восторгом изъявляются. Механисм <так!> лирического стихосложения так же совокупляется с существом стихотворения, в важном ходе его должен быть измерен, важен, постоянен. Беспорядочен, когда вкушает вспыльчивость воображения. В неравных стихах должно быть наблюдение отношение. Разность отношения целого к половине и целого к двум третям должно быть чувствительно на слуху. Но и здесь также тот случай, что искусство бывает худо, когда чересчур видно. Ухо привыкает к возвращению стоп и рифм в каком бы то порядке ни было и помнит череду всякого: таким же образом, как привыкает оно ожидать рифмы по прошествии нескольких времен. Есть чтецы, которые тому причины не знают, но чувствуют лишнюю стопу или недостаток. Важной оде принадлежит симметрия стоп. Строфы необходимы, чтоб скорее были переходы из картины в другую. Comparaison de Pindare et d’Horace. Blondel. Essai sur Pindare avec une analyse raisonné des odes de ce Poète. 1772[1349].

[1348] РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 5 об.–6.
[1349] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 40.

Приложение 5. Стихи из «Записной книги»[1350]

Источник текста – «Записная книга» Муравьева, которая хранится в ОР РГБ (ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1). Курсивом передаются подчеркивания, зачеркнутое Муравьевым печатается в прямых скобках, все, принадлежащее публикатору, – в угловых. Пунктуация и орфография источника сохраняются, за вычетом неупотребительных ныне букв.

<1>

Поема

Первое число Августа 1771

Настало первое днесь Августа число,
И перемен собор с собою принесло;
Заря багряная, ночь мрачную прогнала
И дремлющим очам земной шар показала,
Звезда полдневная, уж оставила Понт,
И следуя заре, взошла на горизонт,
Оттоль на целый мир, возвед горящи взоры,
Луч бросила в поля, в леса и между горы,
И возвестила уж трудов и утра час
Тут птички на древах воздвигли сладкий глас,
Спокойство что дотоль безперерывно было,
Сим гласом сладостным прервано уходило,
И Ехо вспомнивши Нарцисса своего
Оплакивала там судьбину злу его.
Крестьянин утром что, сон рано покидает,
К трудам с косулею, на нивы поспешает,
И в лавках уж то купец, во щеты погружен
Различным около, товаром окружен.
Там знатно господин на пухе почивает,
Что день за ломбером во сне день провождает,
В приказ в пыли идет подьячий с кабака,
С ним встретится буян, встречает всех в бока,
Там щоголь в зеркале, смотрясь спит за убором,

[1350] Часть этих материалов была опубликована нами в [Ивинский, 2019a; Ивинский, 2019b; Ивинский, 2022].

Льстец мыслит подойдёт с каким он разговором,
Пиита и во сне все бредит на стихах,
Тартюф там каится перед Попом в грехах,
И так как солнце уж десятой час явило
Тогда сиянием от сна нас пробудило,
И на парнасс мы встав в путь устремилися,
Мы сели на Пегаз и с рифмой понеслися <?>,
В полях в лесах, меж гор в долинах он носился,
От бурных ног столпом под небеса прах вился
Что вихрем возходя мрачил свет полдневный,
[Потом он на парнасс, бег быстрой устремляет,]
Хорев, Оснельда, Кий, Осколд, Олег возвед,
Коню ещё сильняй стремленье придавали
Ни горы ни леса бежать не возвещали,
Но как к подошвы он, горы уж прискакал,
В пыхах весь, потовы струи тут проливал,
И так, как агнец уж, безсильный в воле был,
Покорствуя узде всюда уже возил,
Взошед на Гелликон, узрел я там Гомера,
Отца пиитов всех, пиитов всех примера,
На троне он седит, алмазном где война
Троянска с греками вся изображена,
В низу надписано: Пою гнев Ахиллесов
Что был причиною, стонанья, плача Греков,
Сей гнев, что вверг во ад, преславных столь мужей,
И дал вранам и псам, тела тех витязей.
Златыми буквами, слова изображенны,
Повсюда яхонтом горящим уложенны,
В втором поместе сем, златый воздвигнут трон,
И кроткий то лицом седит на нем Марон,
Прельщен соперником, он глаз с него несводит,
И злато чистое из рук все происходит;
На троне же его, в искуснейшей резбе,

Изображен Еней, покорствуя судьбе,
Дидона на костре, поверженна зажженом,
Сожжена пламенем в крови произведенном
Латинския войны, Турн умирающий
В негодовании дух испускающий.
В средине ж: Пою брань и мужа что с фригийских
Брегов судьбой бежав, в Италью на Лавинских,
Пристал сперва брегах, написано сребром
И все усыпано то светлым жемчугом.
На сребряном по нем седит, Овидий троне,
Шелом на голове, в кольчуге и в короне
Что на Цитерских[1351] он достал себе играх,
Престол исписан весь в различных образах,
Хаос, что Прометей, порядочно уставил,
И землю, воду, огнь и небеса составил,
Четыре стихия, златый Сатурнов век,
Как стал сотворен из смеси человек,
Гигантов злых война, Проступок Лихаонов
Зевесов смертным гнев, потоп девкалионов,
И Дафне Аполлон, Епаф и Фаетонт,
За гордость сверженный безмерну с неба в Понт,
Дианной Актеон, в оленя превращенный
И от собак своих в невинности съеденный,
Безщастно Ехов глас, в прекрасной цвет Нарцисс,
Пирам, Тизбе, Ино, Сцитон, Смилак, Дафнис,
Медузина глава, священны в птицы Музы,
Любовь Алфеева, и Нимфы Аретузы,
Нимф слезы и Сатир в ручей превращенны,
Бавкида, Филемон в древа временены,
Цейкс и Альциона, Троянски похожденья
И инны многия Енея приключенья
И Нумова в ручей жена Егерия

[1351] В рукописи: Цитерийских.

И Ромула в боги, в комету Юлия
Внизу багряныя слова изображенны:
Стремится дух возпеть, тела преобращенны,
В другия образа, [но вами премененны],
Внушите ж боги [мя и безпрерывно] стих,
Их века до времян, вы доведите сих,
В не досягаемой [там] стране там смертным оком,
Парит вверх на столпе Гораций превысоком,
Превыше царскаго, строенья Пирамид
Что могут строить впредь, хоть сто Семирамид,
Его ни бурный ветр ниже веков стремленье,
Ни гром ни молний огнь, ни сильно вод теченье
Во веки не сотрут. Но возле онаго
Стоит воздвигнут столп строенья новаго,
Что прельщает тот на нем Гораций россов,
Взлетает к небесам великий Ломоносов,
Превыше туч в Ефир свой правит он полет,
И сильно крылам Олимпа достает
На блещущем Его великий Петр престоле
Разит своих врагов и низлагает в поле,
Встать покушается еще Швед фаетонт
Но что? се свержен уж, в волнующийся понт,
Там пользы многия стекла изображенны,
Давидовы мольбы, пред богом пролиенны,
Сие все вкруг столпа, сего изрезано,
На Педестале же вверху надписано:
Пою премудраго российскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет, со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну.
По сем я жертвенник, священных Муз увидел,
Их пребывание и вечная обитель,
Не увядаемым листом он покровен,

Что никогда иметь не может перемен,
На камни утвержден там четвероугольном,
Чтобы в движении, не был своеизвольном.
Дерзай о Юноша вскричал мне Аполлон,
И к жертвеннику Муз, дерзай без всех препон,
Но на Парнассе знай, кто не в чину вышайшем
Тот должен пребывать<?>в чину самонижайшем
Посредственнаго нет. Он рек и день кончал
Я возвратясь домой, что видел написал.
Меж тем уж близка нощь, объяв вечерним мразом
Покрыла шар земный другий раз покрывалом
Я на постелю лег и место Аполлон
Свое уж уступил которо занял сон.
Конец

[Л. 5-6].

<2>

Жертвоприношение
перваго языческаго Короля Прусскаго Видевута за благо отечества.
Поема.

Пою того Царя к отчеству любовь
Что за него пролить, неусомнелся кровь.
Стихи сии я днесь Тирсису посвещаю,
Сугубо заплачен за труд что принимаю,
Коль удостоит он стихи сии прочесть,
Не меньшаб моего, была предмета честь.
Народы храбры есть, что Пруссами зовут.
Их первый Государь был славный Видевут,
Между Германскими премногими градами,
Что окружаются варяжскими волнами,
По всяко время он был царства умножитель
И простирая меч и правды был блюдитель

Среди кровавыя, он внешния войны,
Внутри был милосерд, любовь своей страны,
И словом был таков как должно быть царю,
Не честолюбием, вступал с врагами в прю,
И при не отрицал коль должно было биться
Всегда не попускал безвинной крови литься
Щадил и миловал низверженных врагов
Пример он был царей, Наместник был богов,
Не токмо что Царя раби Его в нем чтили,
Не страх в них действовал раби Его любили,
О коль блажен тот Царь, кто так как сей любовь,
Был подданных своих, что им родятся вновь
Второй отец, они всю жизнь свою подвергнуть,
И дух не постоят последней пренебрегнуть,
Сей Царь усердья их все меры превзошел
И на костер за их щастие пошел.
Скажи, о Муза мне Его что побудило,
К сей жертве приступить, и что покой смутило
Цветуща царства там средь недра тишины?
Не от Народной то произошло вины,
И не был мудрый Царь виновен в том ни мало,
Но умаленье сил врагам сей повод дало,
Чтоб в Видевутовы пределы им напасть,
Как нам и ни страшна в днях старых львова пасть,
Делами храбрыми враги его разженны,
Отмстить то в старости, бывают поощренны:
Подобно так Литва, толь крат побежденна
На мщенье свое была воружена,
И уж носился слух по Прусскому Народу,
Что Польша за свою к границам шла свободу
Чтоб падшую мечем свою возставить честь,
И шумной разговор в потомках произвесть.
Где небеса вокруг всю землю окружают,

Се там на облаках безсмертны обитают,
И там чертоги их, блестящий златом труд,
Есть путь на небесах, что млечным все зовут
Сей путь есть проложен к Зевесову чертогу.
Он Видевутову судьбину зря толь строгу,
Собраться в храмину богам всем приказал
Все внять его рачат, Зевес им там сказал.

[Л. 20-20 об.].

<3>

Епистола к В.Г. Назимову

Не тот, Назимов, есть свободный человек,
Которой все свои желанья исполняет,
И препроводит свой по воле целой век,
Как только страсть его, за благо разсуждает:
Поверь мне, что сия свобода не полезна,
Природой человек, ко злу поползновен,
Свобода такова, бывает часто слезна,
Когда отдается он страстям своим во плен.
Подобно как корабль в волнах обуреваем,
Противу ставит бурь, упор своих ветрил,
Подобно мы родясь, разсудок получаем,
Все супротивления, страстей противных сил
Разсудок нами так, как кормчий управляет
Предписывая путь между седых валов,
Пучина кораблю в далеке уступает,
И пресекается страстей подобно ков.
Но коль против того, плачевною судьбиной,
Корабль лишится вдруг кормила своего,
Приближится к концу колеблемый пучиной,
И сгибнет, жеритвой быв урона лишь сего.
Вовек не может быть наш путь без преткновенья,

Повсюда видим мы нещастья и беды,
А все, от одного родится заблужденья,
Отсюда бедства, стон, несносныя труды,
Вещай мне, может ли свободным тот назваться,
Кто страсти есть своей , невольник на всегда?
И может ли своей, свободой тот ласкаться
Которой прямо ей, не ведал никогда?
Я таковыми всех тех быти нарицаю,
Которы мнят что вся свобода делать зло,
По истинне к чему, свободным быть желаю,
Иль чтоб все то меня, в порок лишь привело?
На добрые дела, довольно нам свободы,
Бежать коню в пути никто не возпятит,
И естьли делать, что мне долг велит природы
Меня моей никто свободы не лишит.
Законы не затем, чтоб зделать нас рабами,
Законы к вольности, хотят явить нам путь;
Наставить нас свой век, согласовать с судьбами
Свободу разуметь, исполчати грудь.
Они-то с наших рук те узы разрешают,
Которыми страстям мы отдаемся в плен,
Они являют нам, чем страсти согрешают,
Они сует мирских показывают плен.
Поверь Нахимов, мне, что страсти нас прельщают,
Что паче недель мнишь, нам чувства господа,
Они тиранствуют, когда по нас вещают,
Одну минуту льстят, и мучат нас всегда.
Таких ли мы владык, низвергнуть не потщимся,
И не услышим ли, что совесть нам гласит?
Доколь мы пагубой своей возвеселимся.
Доколь врагам своим в преки наставим щит?
Кто раз страстям стал раб, раб будет им он в веки:
Затем Тиранов сих заране должно знать;

Ко исправленью путь имеют человеки,
Коль тщиться будут их, из сердца вон изгнать.
В тот час, как я сия пишу, Назимов! строки;
Мне мнится самому превыше быть себя;
А естьли разсужду: легко хулить пороки,
Да только чтож? сперва в себе их изтребя.

(Л. 30).

<4>

Соннет

Откудаб то, скажи, Пл...ъ[1352], произошло,
Что все мы мним, что мы одни ум заключаем,
И где бы то свое начало приняло
Что все соседов мы к безумным посылаем?

Какое право нам ту вольность подало,
Что все мы о чужих пороках разсуждаем,
Почтоже у других оно то отняло
Что над другими мы всегда употребляем,

Зачем же вольности такой другим не дать
И ровным ровное за чем не отмерять.
Ругать и руган быть в том вся наша судьбина.

И для чего, когда б ты стал меня бранить
И ровным мне тебя подобно ж не платить
И не сказать что ты великой дурачина?

(Л. 12).

<5>

Соннет к господину Е...

[1352] Ер в конце имени адресата указывает на то, оно должно было оканчиваться на согласный. Алехина полагала, что данное слово должно читаться, как «Плохов» (Указ. соч. С. 54). Нам эта гипотеза представляется мало правдоподобной: условные имена обычно не сокращают и не заменяют криптонимами.

Природа некогда имея спор с наукой,
В том кто из них что может произвесть,
Собравши купно вдруг все силы что ни есть,
Тебя произвело, с большей в последок мукой.

А чтоб решительняй, сей кончить спор упругой,
И пред соперницей себя тем превознесть,
В прекрасно тело ум прекрасной, душу честь,
Вложив, науку тем, в предел включила тугой.

Пред спорницей своей, сей выгодой взгордясь
Печалию ея тем паче веселясь,
Чтоб совершити все, единое забыла

Не вспомнивши того, в тогдашния часы,
Что все тебе дала возможные красы,
Чувствительна в тебе сердца не вложила.

(Л. 13).

<6>

Соннет к Господину Р...

О ты премудрой муж, о истинной Протей
Тобою в истинно, баснь дело пременена,
И ложь на истинну, тобой преображенна,
Каких же за то достоин почестей.

Отечество ликуй что ты в земле своей
Героя такова имеешь днесь рожденна
Как древня Греция столь ими вознесена
Ты в нем имеешь то, что был Алкид, Тезей.

Не храбры лишь дела и не одно Геройство
Иль мужество, Его все составляет свойство
Он утром инаков и вечером инак

Что в древности Протей, был в переменах прежде,
Так пременяется днесь Р... в одежде,
Но та лишь разность в них что он всегда дурак.

(Л. 13).

<7>

Епистола

Уж Флора при конце, Помоне уступая
Из наших нынь садов, со времянем бежит,
Дыханьем бурным, ветр, вселенну наполняя,
Уже траву в полях и в нивах плод сушит.
Светило дневное, трепещущим уж светом,
Днесь освещает луг, поля, леса и град
И утренния заря поздее нежель летом
Является изшед из Олимпийских врат.
Колин, Ликант, Алень, весельем возхищенны,
Богату жатву уж приносят с наших нив.
Покоят члены нынь, толь летом удрученны,
Все попечение и труд весь отложив,
Блаженны те стократ, сует мирских не зная,
И принуждением свой ум не бременя
Веселостьми себя, простыми забавляя,
Вспевают песенки, сидя вкруг у огня,
Хотя в простых словах, но Бога прославляют.
Велик господь наш Бог, что милость в нас излил
Воздевши длани в верх, в усердьи возглашают
И что нас за грехи еще не погубил,
Для пищи дневной он трудится своеручно,

Но прибыль не его единый лишь предмет
Не тщится он себе снискати имя звучно,
Кроме того что нам лишь чесность подает,
Спокойны мыслями, не много помышляют
Желудок пищу их порядочно варит
Труд, трезвость в здравье их поруками бывает
И доктор никогда у них не уморит.
Крестьянин николи не будет в тщи трудится
Стоит ли солнце там, на месте лишь одном
Или то всякой день вокруг оси вертится
В чем нужды нет ему, не мыслит в век о том.
Коль смертной тот блажен кого никто не знает
Доволен сам собой, в углу каком живет,
Тщетою никогда его не напояет,
Почтенно всем ничто, что честью свет зовет.
В чертогах царских лесть жилище основала,
За ней последуют коварство и обман
Оттоле истинна на веки убежала
И предков нрав простой на веки с ней изгнан
В крестьянских хижинах не знают хитрой лести,
Все равенство одно, свой век из них большой
Нет сребролюбья в них, в них нет жестокой мести,
И ненависти нет, ни зависти какой.

(Л. 18 об.).

<8>[1353]

Сегодни праздник Ханыкова
Мне должно бы для дни такова
Пегаса потрудить, чтоб повозил меня.
Но расковалася подкова у стихотворскаго коня.
Итак простехонько, скажу, без иступленья

[1353] Пометка Муравьева: «1781. Ф.<евраля> 28».

Я слова два три поздравленья
Прося на том не осудить
Я чувствую как должно ету радость
Что к зрелости спешит твоя цветуща младость
Что было небесам угодно наградить
Своими благами без меры.
Желаю чтобы свой в тебе свершило дар
Чтоб ты желаем был у бар
И барынь. Чтоб с тобой все ладили шалберы
Торговки мод, писатели, актеры
Чтоб денег ты имел амбар
Чтоб в Маие месяце увидел булевар
Парижски обежал и ложи, и партеры
А в новой год вошел бы в офицеры.

(Л. 20 об.).

<9>

Ода

1.
Сопутница покоя нощь,
Небес покрыла половину,
Тогда явил свою огнь мощь,
Ведя плачевную судьбину,
По домам и по всем местам,
Свой гнев показывая там.
2.
Еще не сонный смертных глаз,
К покою не сомкнул зеницы,
Се колокольный острый глас,
Привлек к себе всех слух и лицы
Изпужанный узрел вдруг зрак
Багрово зарево чрез мрак.
3.

Каков продерзской Енцелад
Как вздвигнув Етну раменами
Он мещет пламень, пепел, смрад
Горящи камни меж горами,
Поля сгарает и леса.
4.
Подобной возгорел пожар
Пуская пламень свой багровой,
Чрез тени уж сгущенной пар,
Велением судьбы суровой
Судьбой той вечной знать оно,
От века [так] определено.
5.
И се по улицам толпы,
бегут народа испужанна,
Предъидут пыли им столпы,
Земля ногами их попранна.
Звук ног давала от зыбей
И Ехо соглашало ей.
6.
Уже в злой ярости вулкан,
взошед на верх домов по кровлям,
И гнев казал свой со всех стран
Дал знать себя, сребру, торговлям
всему тому что человек
Сбирать крушится весь свой век.
7.
Иной седой старик кричит,
Не дайте умереть насильно
Другой младой судьбу винит
Отец жил, говорит, обильно;
Мне ль жить в поносной нищете
Но на слова не зрит те огнь.

(Л. 7).

<10>

Мир

Пропадай война жестока!
Мир любезной прилетай,
Пощади кровава тока,
И здесь паки процветай.
Мы тебя всечасно ждали,
Как врагов мы побеждали,
И гремела наша рать;
Побеждати нам приятно,
Но любезней мир стократно,
Поживем чтоб умирать.
*
Седмь мы лет в полях стояли,
С обнаженными мечьми,
Как срацины обуяли,
Прясь с Российскими людьми.
Но почувствовав удары,
Пали грозны янычары,
Росс по их телам ступал;
Скройся, скройся грозно время,
Торжествуй Российско племя
Брань прошла и мир настал.

(Л. 16 об.).

<11>

Мысли о времяни

Вы в времяни живя, не знаете что время,
Откуда и в чем днесь, о земнородных племя,
Известно вам что вы во време рождены,

И в время будете, в ничто обращены,
Но время чтож тако что во свет вас производит
И будет что тако, что из него изводит,
Вы время скажете есть нечто и ничто,
Вы ж сомневаетесь, что значит само то.

(Л. 17).

<12>

Правила жизни[1354]

Верь в Бога и молись, брегися согрешать,
Будь краток, мир люби, тщеты тщись убегать,
Внемли ты многое, и мало говори,
Слабейшаго щади, брань с сильным не твори,
Будь скромен, равен всем и [собственное] и что свое делай,
И не откладывай, ты дело рук твое,
Будь нищим щедрый друг, приход свой знай и числи
Терпению учись: о смертном часе мысли.

(Л. 11).

<13>

Сатира

Не лучше ль Муза днесь слог дерзкий отложить,
И коли нрав людской нельзя переменить,
Почто, почто меня <?>, к тому не побуждает,
На то ль чтоб наконец обруган, убежден,
Признаться в слабости сил был я принужден,
На то ль чтоб в сети пал которы сам устроил,
И на себя б другим оружье приготовил,
Как буду я других пороки обличать,
Не зная сам страстей я силы удержать?
Нет я не так рожден чтоб был так дерзок,
Кто злобой стал Катон, тот прямо свету мерзок.

[1354] Отчеркнуто и написано на полях: «Не писать», т.е. не переписывать.

Я лучше б убежал Атлантских дале гор,
Чем слушать едаких о нравах разговор
Служа во обществе, развратом образцами,
Злословием своим, быть стали мудрецами.
Брегитесь верить их нахмуренным челам,
Не по притворству их судите по делам,
Не всяк вить набожен, кто носит длинны чотки,
И можно, как и здесь грешить из за решетки,
Патрал ругает всех, *безбожники*! кричит
Доколь, небесной гнев вас в ад незаключит.
Святой сей муж не ест и рыбы в понедельник
Он честен ханжеством, и склонностью бездельник.
Кому придёт на ум, чтоб стал он плутоват,
Кто плутни святостью умеет прикрывать?
Народ по внешности привык поступки мерить,
Плутуй, злодействуй, грабь да знай лишь лицемерить,
В пороках сам тони, да только их ругай,
И не страшися быть в Морали попугай.
Не выпускай из рта ты честь и добродетель,
Вить речи слышит всяк, а мыслей кто свидетель?
То правда, говорят, что совесть нам судья;
Однако совесть уж не к стати для тебяй
Пускай ее брюжжит: да коль сказать без лести,
Так у тебя она и не в великой чести,
Коль много чтишь ее, вить так ты говоришь,
А на деле мой друг?.. другое ты творишь,
Не так ли? на пример ты вопишь громогласно:
Любите ближняго и тщитесь жить согласно.
Ты ето пробрюжжишь раз со сто в день: вить так.
А чтоб и верить в то: нет; ты вить не простак.
Болванов, кои шли такою чередою
Тогда разве искать, как клялись бородою.
Чтоб в свете честным слыть кажися таковым,

И скажут тут огонь, а видят только дым.
Как люди их умов ещё не изострили,
Что было за душей, так то и говорили;
Теперь как удалось ученье тьму прогнать,
Так тот и лучше всех, кого нельзя узнать.
Точи балясы знай: *какия ето души!*
Нет сентиментов в них; ах! ето колит уши!
Ни человечества, ни сраму, ни стыда,
Возможно ль поступить безсовестней когда?
А сам из подтишка лови тех, кто зевает,
Ладь сбрить с них, да кричи, они честь забывают
Живи и богатись дурачеством людей,
Притворствуй, вот и все. Довольно… Прочь, злодей!
Довольно я своим виновным разсхожденьем,
Беседовал с твоим безбожным разсужденьем.
Иль нет, постой: дай мне личину снять с тебя;
Не мни обманов скрыть, честь, правду погубя
В игралище вменив, ты злобы добродетель,
Стал сам свой клеветник, судья свой и свидетель.
Теперя клевещи, свидетельствуй, суди,
Но не других, себя: себе ты казнь клади,
Ну! что ж? безспорно тот виновным обличится,
Кто в преступлении, законов прилучится:
То так. А коль судья сам будет виноват,
Так будет уж ему мне мнится шах и мат.
По сем изволь решить. Иной впадал в пороки,
А ты их проклинал и в бездны пал глубоки:
Иной хоть делал зло, но добродетель чтил,
Ты в добродетели пороки посвятил.
Я не дивлюсь уже чистосердечну Проку:
Разпутности его я причитаю року,
Гуляка, мот и все: он признается в том,
Та поступь, то лице, укажет всяк перстом.

И пусть он и срамец: да тот все стыд имеет.
Что добродетелью, он хвастаться не смеет,
Не проклинает он и нас и етот свет,
И жалостной еще собой пример дает.
Пускай кто был лицом, смеется над Арапом,
Кто станом прям, порок находит в косолапом.
Ну! кто же бы из нас теперь то мог внимать,
Когда бы бунты стал Емелька унимать?
Лжедмитрий предикой небесно царство прочит,
А Стенька Разин бы разбойников порочить?
Ты негодуешь сам: но ето твой портрет;
Сенека и Зенон стрегут твой кабинет,
Пустыннической дух в твоем несется доме,
Твой стал о трех ногах, а ложе на соломе.
В три пуда книги вкруг налой бременят,
Присмертныя свещи, уныние чинят:
Священны хартии лежат столбцами свиты,
А чтоб то видел свет и стекла все разбиты.
Взор смутной, уперт в низ, как смотришь в гроб,
Склоченые власы и весь в морщинах лоб.
Вот образ твой: всяк час во помышленье благом,
Грядешь медлительным и таинственным шагом.
По правилам молчишь, а разверзаешь рот,
Чтоб грешников ругать и научать народ.
Постой же: я тебе напомню действа славны,
Которыми твои доброты будут явны;
Доносом своего ты брата погубил,
Рцы: паче брата я свет правды возлюбил;
Сирот его, себе имение присвоил:
За тем, что их своей опекой удостоил.
А из писания так много толковал,
Что свадьбы две три ты в неделю разорвал.
Затем что не принять себе соблазн из чужа,

С благоговением с женой, развел ты мужа.
Соседке насказал ты кое-что на дочь,
И сына, для тебя, сосед твой выгнал прочь.
В угодность старику духовную составил,
В которой, мимо всех, себя ты не оставил.
Для дружбы ты склевал с приятеля заклад,
А у родни своей изволил стибрить клад.
Двух ябедников свел теперь ты ко благому,
Ты стряпчим одному, наушником другому;
И выдет дело так, что оба дураки.
И что поболе всех, ты ты сам себе с руки.
Холя в законе век, ссор братних не навидищь,
И как их разделить, ты первой ето видишь,
Что ссор таких виной, скоряй изторгни то,
Чтоб не было вперед им ссориться за что.
Тут мелочь уж пойдет: задержаны товары,
Размолвки между друзей, и приключенны свары,
О ком нибудь злой толк и вынесеной сор
Подложные дела, пасквили под забор,
И прочее… но я, быв в сердце заблуждаю,
И повестью чтецам дел злобных досаждаю.
Простите. Вот к чему совет твой послужил,
О Муза! что чтецов своих я раздражил.
А ты, вон, вон Тартюф! дай, видеть мне судьба!
На площади сего злодея у столба
Что в том, что Ювенал кричит как проповедник,
Гораций нравен нам: он милой собеседник.

(Л. 35 об. - 36).

<14>

Отрывок

Богиням красоты я жертву приношу;
Из Лафонтеня здесь я нечто запишу.
Ах! еслиб гордыя мои надежды сталисъ

Чтоб сладостны его писанья тихо чтя
И чувство красоты сим чтеньем просветя
Все прелести его в душе моей остались.
Чтоб взявши в образец природы красоту
Не на поверхности глаза остановлялись
За ней во всех ея обратах устремлялись
И чтоб я мог ея назначить наготу
Все лишнее отсечь и слабое отринуть
Потом на все сие одежды их накинуть,
Одежды тонкия и нежныя черты
Которых требует одна благопристойность,
Такия наконец, чтоб самая нестройность
Казалась хитростью незлобной красоты.

(Л. 3 об.).

<15>[1355]

Стихи мои! прошел уж срок десятилетней.
Вас должно, чин гласит, ко храму вкуса влечь.
И кучу стихотворных сплетней
На светлом огоньке, благоговейно сжечь.
Как первой учинил премудро Сумароков.
В огонь. Ступайте басни, ну
Урод трагедия, вы оды на войну...
Зачнем о муза вновь: вить нету более уж сроков.

(Л. 10 об.).

<16>

Стихосложение еще не стихотворство
Но только механисм и разума проворство
Предвидеть рифмы, смысл в стопы заключить
И к некоему слух согласью приучить.

[1355] Пометка Муравьева: «В 1781».

Великоль, малоль то; но не приходит само
Приобретается трудом упрямо
И есть побочныя изящества черты
Без коих все стихов не полны красоты.
Искусство понимать и искусство выраженья:
Коль нет грамматики, так нет стихосложенья.
Но мало правильну, прелестну должно быть,
Что хочешь нравиться, того не позабыть.
Удачны части к слову должны быть помещенья
И не сочтенья, но искусны <?> обращенья
Слог мысли, вещи цвет неутолимой ум
Означивать всегда разумных <?> дум
Иметь присутственну Риторику разумных,
Не с тем, чтобы собрать тьму восклицаний шумных,
Но шествие страстей во раздробленье зреть
Природу языка в движенье разсмотреть.
Коль сильная душа рожденнаго Пиита
Художеством стиха во все страны извита
Приемлет кисть свою воображает, зрит
И то что в естестве увидел он, творит
Тогда сей механисм, что малостию зрится
Природу обоймет и с нею соравнится.
Ф.<евраля> 19. 1781

(Л. 10 об. - 11).

<17>

Искусства скучнее и безполезней нет
Как то чтоб рифмою упрямою томиться
Непостоянство зря Ея как положиться
Чтоб клалася туда, где ей не виден след.

(Л. 9 об.).

<18>

О вы несмысленны слагатели стихов
Престаньте согрублять Музыкой вашей слуху
Не зная правильных вы стоп и мер слогов
Немните нежному, когда быть нравны, уху
На рифму лишь слова едины подобрав
Без смыслу всякаго зовете их стихами,
Различей стихотворств вы ни каких не знав,
Ни правил свойственных, хотите быть творцами.

(Л. 9 об.).

<19>

Признания

Я начал было вдруг два разныя пути
Со разстоянии идущия далеком.
Хотел способности себе я запасти,
Чтоб стихотворцем быть и светским человеком.
И удержать в согласье немом
Со философией разсеяния вкус.
Обоими забрел в непроходимы степи.
Порядки общества суть муслящему цепи.
А тот, кто в обществе свой выдержал искус
Зевает в обхожденье Мус.
В науке нравиться учуя основанья
И старой ученик не знал ни аза
И не задремлется со мной лоза
Которой общество чинит увещеванья.
Меж тем умедлены успехи дарованья
Которо льстился я в Поэзии иметь.
Умедлены? я выражаю мало,
Их уничтожено в душе моей начало.
Прелестна лень поставила мне сеть
Из коей я не выду.
Не быв Анкальдом я нашёл свою Армиду.

И в лени изнемог: забыл искусство петь.

(Л. 11 об.).

<20>[1356]

Пииту ль мало упражненья
Пусть он свой праздной взор лениво возведет
На существующи, в сем роде, сочиненья:
Какую б тех предметов тьму найдет!
Пути представлены и средства и препятства
Степени всех достоинств сочтены,
И страсти в глубине сердечной зажжены.
Ты видишь разума разсыпаны богатства
Когда не жаждешь их, не для тебя они
И провождай в другом искустве дни.
Не будь Дорат не чувствуя Дората
Херасковым не будь
Коль зависти твоя не ощущает грудь
При взоре скрытаго во Россиаде злата
Но ты желаешь быть конечно стихотворцом
Се путь ристалища открыт
И ждут тебя своим единотворцом
Гомер и Лафонтен, Расин и Феокрит.

(Л. 18).

<21>

Для стихотворства не надобен ум[1357]

Я думаю, что я стихи мои мараю
С таким же знанием, как в вист играю.
И должно полагать,
Что удовольствовать и слух и разсужденье
И страсти воздвигать,

[1356] Пометка Муравьева: «1781. Ф.<евраля> 27».

[1357] Вид рукописи не позволяет уверенно утверждать, что перед нами именно заголовок, а не эпиграф.

Труднее, чем узнать товарища хожденье
И кралей не ходить, когда не вышел туз
А диакона себя беру я етот груз
И нет *товарища* меня бы кто уверил,
Что силы я свои неправильно измерил,
Когда наморщил я чело,
За стихотворное взялся я ремесло.
Не уж-то хороша в Орфеевой науке
И самая степенна голова?
Пиши к своей и прочих скуке;
Но долго; так тебе и дастся булава,
венец терновой:
И грамота, что Фебов ты дворовой
Но диссертацию, в которой так ворчу,
Нечаянной страной теперь оборочу.
Я знаю, признаю сие чистосердечно
Что по Виргильеву не писывать мне вечно,
Что от Расина я, как от Олимпа ад,
Что лишь не попадать на Лафонтеньев лад.
Однако вот мое намеренье какое:
Без честолюбия, со всех сторон в покое,
Безсилие ума — и сердца призная
Стихи, иль рифмы тож, писати стану я.

(Л. 19).

<22>[1358]

Своим разбросанным и неуклюжим складом
Попишем что нибудь к Миколушке, имеющему грудь
Способную пораненой быть взглядом
Прекрасным, мышлю я: сей норов есть за ним.
Он в совершенстве разумеет

[1358] Пометка Муравьева: «М.<арта> 5» (или, естественно, «М.<ая> 5»).

Искуство нравиться приятелям своим.
И знание того, что он любим
Его чувствительность лелеет.
С Филисой прожил бы в долине тихой он
Лениво посохом ея гонял бы стадо.
(Меж тем бы за него дневал у Греков кладо)
Ненарушаемой вкушал под тенью сон
Свирелью воспевал Венеры резво чадо.
Не удалось ли мне линеечек пять, шесть иль <?> семь <?> изобрести
Которы с правдою в сношенье очень близком.
Филиса, тихость, сон и песни, все тут есть;
Но научи меня, что зделаю я с виском?

(Л. 15 об.).

<23>

Повесть

Уже схватили мы морозца два иль три,
Варили в деревнях, в Михайловщине пиво
И люди добрые не ставили то в диво,
И кутали свои окошки из нутри.
На третий день Кузмы Демьяны,
Когда по улицам бурлаки бродят пьяны,
Шли трое разные кафтаны,
Всех шел на переди, укутанной пушкарь
И нес подобно так, как будто Капиармус
Разтреснутой фонарь
По нем последовал, последнейшая тварь,
Безсмысленной Рифмач, не стройной Каптенармус
Имея для красы,
От Грешников еще, засалены усы
Измайловец то был, зашитые карманы,
А третий был Шалун
Украйнской Драгун.

Служивые мои хоть не были и пьяны,
Любили пошалить,
По лужам побродить
Чрез лес и по пенькам от гавани Галерной,
В их шалости безмерной,
Молодчики брели
Фонарь с собой несли,
И шпаги по пятам большие волочили,
Чрез сколько молодцы колод перескочили,
И в лужах сапоги свои перемочили.
Иной разъехался в замерзшу лужу лбом,
Тот в волчью яму бух, тот навзничь покатился,
Везде содом.
К нещастию ж тому, огарок погасился,
Пушкарь остановился,
Драгун возсуетился,
Он к ногтю раздувать, и так и сяк взмудрился,
И каблуками он стучит,
И шпорами брянчит,
Пушкарь пред ним ворчит,
Измайловец вищит.
Огонь горит,
Карету мчит,
Прохожие бегут: Драгун горазд кататься,
Измайловцу нельзя от свата отвязаться,
А с ними и Пушкарь.
А в старь
Пушкарь бояться,
Измайловец валяться
Конногвардеец же над ними насмехаться!
Весьма поучены.
Головуши умны
А кости их спины

По передрягам отданы.

(Л. 25).

<24>

Епиграммы.

На П…

<I.>

Великой ты Поет, и я теперь то вижу,
Затем, что все ты лжешь, что от тебя ни слышу.

II.

Ты говоришь: ни в чем тебе не откажу
За тем что ни об чем тебя я не прошу.

III.

Еней с одра возстал как лишь заря взошла[1359]
Но Лиза б рано так ему встать не дала.

IV.

Я прежней милости, твоей не позабыла[1360],
Коринна жениху за мужня говорила.

V.

Все жаждут по твоим ты говоришь стихам,
То правда, что они наводят жажду нам.

VI. Превращение.

В други петь виды тел спешит дух превращенных
И женами мужей в Оленей премененных.

VII.

Ты по Овидию в стихах свой строишь тон

[1359] Виргилий; книг.<а> 8. Примечание М.Н. Муравьева.

[1360] Виргилий; книг.<а> 4. Примечание М.Н. Муравьева.

Нос долог у тебя за тем ты и Назон.

VIII.

Что в гости, ни куда не ездит наш Дамон,
И для чего всегда живет лишь дома он,
В уединении он вкуса не имеет,
Но в гости ходючи, позвать к себе жалеет.

(Л. 17 об.).

<25>

Стихи заданные на одни рифмы

Фортуна есть слепа, глаз у фортуны... нет
[Фортуны] Слепота сея, конечно нам... полезна
За тем что ей судить без страсти вольно... свет
Онаже самая бывает нам и... слезна.

Нам бедства с радостью она всегда... дает
Противоборющих какия мнений... бездна
Но истинны всегда нам не известен... след
Вселилася меж нас средь века ложь... железна.

Довольно что Ея игралище мы в... век
Довольно знать для нас что меньше среди рек
Играет буйной ветр как их... обуревает
(Л. 9 об.).

<26>

Дороже ничего, нам в свете щастья нет,
И в свете нет добра, другаго толь полезна,
И по всяко время Его высоко чтил [весь] свет,
И в нем то состоит веселье века слезна.

Но также щастье и гордость нам дает,
Пороков и потом ужасных бедствий бездна
И коей повсегда плачевен был нам след
От ней коварство, злость, раздор война железна.

Блажен стократно тот, кто средь спокоиных дум
К пустому щастию не устремляет ум,
Доволен сам собой судьбине уступает

Блажен кто, без тщеты, мог препровесть свой век
В сем свете суетном так как пловец средь рек
Спокоен он не зрит что так обуревает.

(Л. 9 об.).

<27>

Соннет

С сельским жителем, тебя зрю ныне я,
Покоин мыслями ты в маленькой деревне,
Невинность веселит одна тебя твоя,
И словом всем таков, как жили в время древне.

Не мни чтоб я в стихах сих жизнь твою поя,
Хотел тебе бы льстить иль говорить издевне
Известно мне уже все в жизни твоея
Я добродетели твои зрю повседневне.

Лицем прекрасен ты, прекрасен ты умом
Все что добро, в тебе соделало свой дом
И естьли б я хотел не мог тяб ненавидеть
Когда бы кто хотел, пример узреть во всем
И естьли бы спросил о мнении моем,

Сказал бы что тебя он должен был увидеть.

Правила мудраго человека
Знай вышняго творца себя самого знай,
Чти добродетели, пороков убегай,
Не делай ближнему себе что не желаешь,
Учися знать всегда что ничего не знаешь.

(Л. 9.).

<28>[1361]

Весь снег в полях истлел: [и солнцо] вступил Феб в знак овна,
И на <?> землю опять вступила с ним весна,
Сошла с ней и любовь, и всюда здесь таилась,
С хрустальной сей волной она в долине вилась,
Она на розе сей, под сим терном цвела,
На мшистом бережку, она в травах была,
Пылинка малая, ее тогда являла,
Как к солнечным лучам полет свой устремляла.
С Минором Полерон, младые пастухи,
Свирельки на лугу, играли их стихи,
И видеть было льзя, что души их пленялись,
Когда в устах у них их речи запинались.
В кустарнике внимал их речи Апполон <!>,
И песни их гласить велел мне паки он.
Зелиду Полерон, Минор любил Роднею,
Но я их всех речей гласити не умею.

(Л. 15 об.).

[1361] Пометка Муравьева: «1774 год. Март: 29».

Приложение 6

ЖИЗНЬ ЭРНЕСТА, ПО ПРОЗВАНИЮ БЛАГОЧЕСТИВОГО, ГЕРЦОГА САКСОНСКОГО[1362].

Рассуждение авторово

Когда самые примеры над человеческими сердцами действуют сильнее, нежели увещевания и наставления, то и общество имеет в том великую нужду, чтобы сообщать потомкам повести о славных действиях великих Государей, дабы те, которые воспитываются к сему высокому достоинству, поощрялись им подражать. В таком рассуждении я вознамерился писать жизнь Эрнеста, герцога Саксонского, такого государя, которого и довольно выхвалить не можно, потому что *он* был равно славен как своим разумом, остроумием, так и мужеством, щедростию, а что всего более — своим благочестием, которое ему заслужило имя *Благочестивого*.

Эрнестово рождение

Эрнест, девятый из своих братьев, родился в Альтенбурге 25 дня декабря 1601 году. Он был сын Иоанна IV Герцога Саксонского, ландграфа Турингского, маркграфа Миснийского1363, и Доротеи Марии, Принцессы Ангальтской1364. Дед его с родительской стороны был Иоанн Вильгельм1365. Прадед его оной Иоанн Фридрих1366, которой курфиршскаго достоинства лишен был Императором Карлом Пятым1367, затем что он с ревностию и силою защищал дело протестантов в Германии. И опять восстановлен в оном.

Эрнест в своих нежных летах показывал столь превосходной нрав и столь благородные склонности, что можно было рассудить уже и тогда, что он будет разумнейшим и добродетельнейшим Государем в свете. В своем владычестве он понял совершенно все правила закона своего и, не удовольствовавшись тем, чтоб только оные в своей памяти удержать и повторять слова от слова своего Катихисиса, понял еще и весь оного разум и знал всю силу всех выражений, которые служили к изъяснению науки Закона.

[1362] Текст печатается по рукописи, которая хранится в ОПИ ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83–127.). Она испещрена правкой Муравьева, здесь мы ее – кроме нескольких оговоренных случаев – не воспроизводим. Орфография и пунктуация приближены к современным: так, мы отказались от передачи некоторых букв (еръ, ерь, фита и др.); форм множественного числа на -ыя, -ия; устаревших написаний вроде: «естьли», «есть ли», «сево дни», «щастье» и т. п.; приставок, оканчивающихся на «з» в позиции перед глухим согласным и др. При этом в целях упрощения восприятия текста мы ставим пробелы между словами и частицами «ли» или «ж»; «е» заменили на «э» (например, вместо «ето» печатаем «это» и вместо «Ернест» -- «Эрнест»); «не» с глаголами пишем раздельно. Кроме того, мы сочли необходимым упростить и привести к современным принципам пунктуацию Муравьева, которая подчас настолько непоследовательна, что чрезвычайно затрудняет чтение: так, мы выделяем запятыми обращения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, а также ставим запятые в сложных предложениях; убираем лишние запятые, особенно те, которые отделяют подлежащее и сказуемое; прямую речь выделяем курсивом. В угловые скобки заключены предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов.

1363 Иоганн III (1570–1605) – герцог Саксен-Веймарский. «Миснийский» — от нем. «Markgrafschaft Meißen».
1364 София Доротея Мария Ангальтская (1574–1617) – ангальтская принцесса, в замужестве – герцогиня Саксен-Веймарская.
1365 Иоганн Вильгельм I Мария Саксен-Веймарский (1530–1573) – герцог Саксонский, второй сын курфюрста Саксонии Иоганна Фридриха Великодушного.
1366 Иоганн Фридрих Великодушный (1503-1554) – курфюрст Саксонии (1532–1547).
1367 Карл V Габсбург (1500–1558) – король Испании (1516–1519), Германии (1519–1556), император Священной Римской империи (1519–1558). Иоганн Фридрих Великодушный враждовал со своим двоюродным братом Морицем Саксонским. Карл V открыто поддержал последнего, пообещал ему звание курфюрста и решил наказать Иоганна Фридриха, приговорив его к казни, но в итоге помиловав его.

Но как он знал, что оных недовольно, чтоб тем только истины и учения вкоренить в свой разум, естьли он оные и в самом деле исполнять не будет, то он просил Бога, чтоб установил он, своею божественною благостию, все действия его жизни по учениям Евангельским.

Он был утвержден в сих похвальных мыслях увещеваниями княгини, своей родительницы1368, ничего такого, чтоб служило ему к внушению истинного твердого благочестия не пренебрегший, он ещё был четырех лет и трех месяцев, как его Родитель скончался, и <нрзб> Родительница его заменила свою печаль воспитанием сего любезного сына и исполнила с прилежанием и успехом все должности, к коим обязывала ее любовь к нему.

Его воспитание

Но как потом сия принцесса преставилась 18 дня июля, то воспитание Его поручено было брату Его Иоанну, который сие с весьма похвальным исправлял успехом.

Он выбрал к нему учителей не так, как делают обыкновенно при многих дворах таких людей, которые могли ему внушить любовь к веселиям и суетностям земным, как то при многих дворах, но людей разумных и благочестивых, которые старались в нем сделать сильное отвращение от пороков и внушить любовь к добродетели.

Первый, которому поручили сие, был *Варфоломей Винтер*[1369], человек ученый и добродетельный, и он-то преподавал молодому сему Государю добрые наставления для вкоренения омерзения к гордости, пороку, от которого весьма малое число Знатных свободны бывают, представлял ему чрезвычайное повреждение, бедность и слабости естества человеческого и вливал в него христианскую нищету православную.

Как Эрнест в самой юности показал чрезвычайные успехи в священной науке и во всем своём поведении, он давал знаки искреннего благочестия, то почли за долг удовольствоваться горящее Его желание сообщиться святых тайн, хотя ему только еще 11 лет минуло, и он был допущен к жертвеннику Божию месяца ноября 1612 году.

Та любовь, которую он имел к Священному Писанию и к божественным книгам, не препятствовала ему учиться наукам, тем, которые могут его сделать способным управлять благополучно своими областями. Но нерачением тех, которые были приставлены к его воспитанию, так сделалось, что подано было Ему совершенное знание латинского языка, которой был ему необходим для удовольствования желания, которое он имел учиться наукам, достойным великого Государя.

Однако, как он стал немного постарее, то исправил оную погрешность его учителей своим прилежанием. Ибо, несмотря на те упражнения, которые ему управление его областей подавало, он прилепился к учению с таким прилежанием, что он сделал себя довольно искусным для разумения сего языка.

Действительно, он читал с попечением писания латинские, в коих он мог научиться делам своей Земли и двора Саксонского. Таким образом, сообразил он в своём уме и своей памяти все то содержащееся в их действиях, а особливо то, что касалось до прав государей его фамилии, преимущества до их доходов и дел их, которые они имели с другими государями, имея стоположение его провинции; и он толь хорошо знал все сии вещи, что во всех случаях всегда говорил прилично.

В то время как Эрнест исправлял свой разум, учился он также телесным движениям. Он учился также математике, к которой присоединил он все знания, какие могли его сделать искусным в воинской науке и в науке правления, и в оных столь великие оказал успехи, что превзошел весьма далеко своим разумом многих принцев и способностию, которые хотя были ученее его в свободных науках.

1368 Очевидно, имеется в виду София Доротея Мария Ангальстская.

[1369] Barthelemy Winter [Teissier, 1707, p. 5].

Ибо хотя науки и весьма полезны государю, но и это, однако, весьма верно, что государи, которые в оных превосходны, не всегда сделали своих подданных счастливыми, потому что большая часть не знают хорошего употреблен<ия> их знания.

Альфонз, король Гишпанской1370, был весьма учен, а наипаче в астрономии, как это и показывают <«>Табели о движении небесном<»>, которые называются <«>Альфонзинами<»>1371. Однако его знание не много помогло счастью его народа: ибо его наука не в том состояла, чтобы успокаивать те внутренние возмущения, которые колебали во время его государствования области его, и он находился в великом смущении, а особливо в последние года жизни своей.

Иаков Первый, король Великобританской1372, не подавал знаков великого своего искусства в управлении своего государства, и он не почтен за такого Государя, которой бы был просвещен в политике.

Сии примеры показывают, что ученнейшие Государи не всегда бывают такими, которые бы исполняли с наивеликим успехом должности самодержавства, и что поэтому науки для сочинения великого Государя не всегда необходимо нужны, да также примечается, что незнание наук бывает часто могущее поощрение к побуждению принцев прилежать с большею любовию их к делам и что силою их природного разума, опытами своими они сделались гораздо способнее к правлению, как те, которые старались учиться наукам.

Да когда бы оно и так было, то не можно осуждать еще, что не старался он о знакомстве с музами, затем что не он был тому виною. Напротив того, был он весьма достоин похвалы, что исправил сей недостаток старанием, которое он приложил.

Чтоб Эрнест был не знающ в науках, того совсем не кажется, когда он выбирал своих советников и министров, когда он оказывал правосудие своим подданным, когда он учреждал пасторов и профессоров и когда он приказывал, чтоб выдавать книги к наставлению общества.

В 1629 году он дал указ записать, которым он повелел употребить 27000 ефимков на приведение в лучшее состояние церкви и школы своей страны, и из оного числа определил он 537 на удовольствование книгами учеников.

А как Эрнест был одарен искренним благочестием, то и великое отвращение к войне имел он, которую он почитал так, как наказание, которым Бог наказывает людей. И так думал он, что должно успокоить отечество своим правом, чтоб удержать хороший мир; будучи уверен, что оный преимущественнее войны, как бы она справедлива ни была.

Его военные действия

Однако он рассуждал, что когда Государство окружено своими неприятелями, то те, которые имеют участие в ее <его. – А.И.> сохранении, обязаны взять оружия для защищения оной <оного. – А.И.>. Что он самое и делал, как Германия была колеблема междуусобной войной и Имперские области угрожаемы были потерять свою вольность во время сей войны[1373]. Эрнест показал себя в многих атаковании крепких мест, а именно при

1370 Альфонсо X Кастильский (1221–1284) – король Кастилии и Леона (1252–1284), помимо прочего, известен тем, что при нем был издан сборник законов и составлены астрономические таблицы, которые получили название «Альфонсовых».

1371 Примечание Муравьева: «На сочинение сих табелей Альфонс, как сообщает Тихо-Брак, издержал 100000 ефимков». Очевидно, имелся в виду Тихо Браге (1546–1601), известный астроном эпохи Возрождения. Речь идет об «Альфонсовых таблицах» – астрономических таблицах, созданных между 1252 и 1270 гг. в Толедо под патронажем кастильского короля Альфонсо X.

1372 Яков I Английский (1566–1625) – король Шотландии (1567–1625) и первый король Англии из династии Стюартов.

[1373] Муравьев имел в виду Тридцатилетнюю войну.

Кенигсфоре[1374], Швейнфурта[1375] и замке Фиесса на границах Тирольских[1376], и на сражении, происходившем близ Лехи[1377] против Тилли1378, сего храброго и искусного предводителя.

В сем сражении Эрнест переправился через сию реку и, по выдержании великого огня, бывшего от неприятеля на другой стороне, сбил его с поля, порубя великое число неприятелей.

Он оказал также знаки своего мужества в сражении Лиценском1379, в коем не только прежде как Король Густав Адольф1380 был убит, но и после смерти сего героя, делал славные дела и приводил в смятение немалое войско неприятелей. Как Папенгейм1381 с лучшими солдатами сражение возобновил, но и тут уничтожил он их усилия с невероятной неустрашимостью и отогнал сего Генерала, убив многое число. Папенгейм, сам будучи ранен в вертлугу[1382] пулей, велел себя повесть в Лейпциг, где он в следующий день от раны и умер. Сии хорошие действия суть достойны, конечно, многих похвал, но Эрнест заслуживает еще и таких похвал, которые гораздо более были, за то, что сохранил истинное благочестие среди орудий и опасностей воинских, в которых весьма то редко, чтоб поступать по законам сей божественной добродетели.

Известно свидетельством многих достойных особ, что Эрнест в шуме воинских боев имел учрежденные часы для моления, и что его шатер походил на храм, где призывали на помощь имя бога воинств и коей отдавали ему должное почтение.

Но сии святые упражнения не препятствовали ему исполнять с рачением всех воинских должностей, оказывать которые его обязывал сан всех добродетелей великого Предводителя, которые ему приобрели дружество и почтение Густава Адольфа.

Сей пример Эрнеста показывает сколь несправедливо и худо мнение тех, которые подтверждают, что будто бы храбрость не может быть соединена с благочестием: ибо, по согласи<ю> всех тех, которые его знали, почитался он за такого государя, которой как благочестив, так и храбр был.

Ибо как он всегда прежде, нежели впуститься в воинские опасности, воссылал свои молитвы к Богу о счастливом успехе его предприятии, то и получал он в различных случаях чрезвычайные знаки его покровительства, которые его сберегали от многих опасностей, а особливо оказывается то, как он некогда был на одном холме, с которого он в зрительную трубку глядел и осматривал положение неприятельского войска. Ибо они поставили против его две пушки: то Эрнест, как скоро приложили фитили, отступил несколько шагов в сторону и не был поврежден ядрами, которые, ударившись по земле, посыпали платье Эрнестово.

Однако потому, что мятежная жизнь, препровождаемая в войске, была противна склонностям, вознамерился он оставить орудия, но прежде, нежели исполнить сие намерение, видя, что закон был вне опасности и упрощена уже была ярость неприятелей его, то он всеми силами старался восстановить в отечестве своем спокойствие, толь милое душе его. Он рассуждал, что польза Германии состоит в совершенном согласии областей

[1374] Кенигсдорф – город в Баварии.
[1375] Швейнфурт – город в Баварии.
[1376] Видимо, имелся в виду замок Фюссен, расположенный над одноименным городом в Баварии.
[1377] Лех – река в Австрии и Германии.
1378 Иоганн Церклас, граф фон Тилли (1559–1632) – имперский фельдмаршал, знаменитый полководец времен Тридцатилетней войны.
1379 Битва при Лютцене (16 ноября 1632) – одно из крупнейших сражений Тридцатилетней войны, между шведскими войсками под командованием Густава II Адольфа и гамбургскими войсками во главе с Альбрехтом Валленштейном.
1380 Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции (1611–1632), убит в битве при Лютцене 6 ноября 1632 г.
1381 Готфрид-Генрих цу Паппенгейм (1594–1632) – главнокомандующий войсками Католической лиги во время Тридцатилетней войны.

[1382] Вертлуг и вертлюг – тазобедренный сустав (https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com)

имперских между собою и их главою и в взаимной любви, которых бы принуждала их всех соединить силы против хотящих нарушить их покой и утеснить их вольность.

И для того то самого бывал он часто в стану шведском императорском для приведения их к миру: но он употреблял тщетно свои услуги для приведения в жизнь сего хорошего дела, потому что обе стороны не хотели и слушать мирных предложений, что было причиною, что после печального дня Нордлинского1383 отказался он совсем от войны и возвратился в свои земли для излечения бедствий своих подданных и исправлений убытков, ими претерпенных в то время, как казна сия разоряла немецкую землю.

Его любовь к отечеству

Как скоро увидел он себя в покое, то, не удовольствовавшись тем, чтоб видеть народ свой в безопасности, старался он также согласить различные области имперские. И его миротворством ссора гессенских князей окончена была, в рассуждении Марбурского наследства1384, и мир был подтвержден Вестфальским мирным договором1385.

Он старался и сего более, чтоб не ссорились между собой князи дома его. Как смерть двух князей рода его, произошедшая в 1605 и в 1606 году, подала случай двум тяжбам между братьями его, и он употребил все свои силы и старания, чтоб согласить их: и с благословением Всевышнего, он их склонил к сделанию Трактата, заключенного в Эйзенберге в 1634, которой окончил все их ссоры.

Женитьба его

На тридцать пятом году женился он на Елизавете Софии1386, дочери Иоанна Филиппа, Герцога Саксон-Алтенбургского1387, княжны редкого благочестия, с которой имел он 18 детей, из которых семь сыновей осталось по нем.

Старшей из князей сих был Фридрих, глава двора Саксонготеского, родившегося 1646 года и скончавшегося 16911388, которой оставил земли свои одному своему сыну именем также Фридрих, которой ими управлял с великою мудростью, разумом и благочестием по примеру своего славного деда.

Попечения его о детей своих воспитании

1383 Речь о битве при Нердлинге (6 сентября 1634 г.) – одном из ключевых сражений т.н. шведского (1630–1635) периода Тридцатилетней войны, которое привело к поражению Швеции в Германии и вступлению в войну Франции.

1384 Мориц Гессен-Кассельский, ландграф Гессен-Кессельский (1592–1627), долгие годы боролся с ландграфами Гессен-Дармштадта за т.н. «Марбургское наследство», т.е. за графство Гессен-Марбург.

1385 Вестфальским миром (точнее, двумя мирными соглашениями – Мюнстерским и Оснабрюкским, которые были подписаны 15 мая и 24 октября 1648 г.) завершилась Тридцатилетняя война.

1386 Елизавета София Саксен-Альтенбургская (1619–1680) – принцесса Саксен-Альтенбургская из эрнестинской линии Веттинов, дочь Иоганна Филиппа, герцога Саксен-Альтенбургского, и Елизаветы Брауншвейг-Вольфенбюттельской.

1387 Иоганн Филиппа Саксен-Альтенбургский (1597–1639) – первый представитель старшей ветви герцогов Саксен-Альтенбургских.

1388 Фридрих I (1646–1691) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Гота-Альтенбургский.

Прочие сыновья были Альберт1389, Бернард1390, Генрих1391, Христиан1392, Эрнест1393 и Иоанн Эрнест1394. Родитель их воспитал всех с великим попечением и успехом. Он им выбрал разумных и добродетельных наставников и весьма искусных учителей. Один из оных был Генрих Секендорф, брат славного сочинителя лютеранской истории1395.

Иоанн Бальтазар, из весьма знатный фамилии Габельковых, уроженец Остирийский, человек весьма похвальный для своей кротости, честности и всех добродетелей, был приставлен к воспитанию старших сыновей Эрнестовых.

Иоахим Варфоломей Майер, библиотекарь Герцога Саксонготского, учил сих государей в их нежных летах. Самуил Рейберг, бывший потом профессором в Иенской академии, учил гражданскому и народному праву Фридриха и старшего брата. Иероним Брюкнер, бывший после того советником, учил той же науке его братьев: также и тот, и другой провождали их в их путешествиях.

Кунолд, придворный Советник, и Иоанн Розенберг, который был после сделан Ректором Бауценской гимназии, им показывал математику. Сей последний купно с Майером украшал их разум различными науками.

Эрнест, не удовольствовавшись тем только, чтоб дать им учителей известного искусства и знания, хотел еще, чтоб как гражданские, так и духовные советники рассматривали по времени знания князей сих для сведения, имеют ли они успех в науках, и чтоб они между собою рассуждали о способах, каким образом исправлять их разум и нравы. Однако Эрнест примечал с прилежанием их поведение и не преставал поощрять их к добродетели и благочестию сильными увещеваниями и разумными наставлениями.

А дабы предупредить излишество в столе, то он им предписал умеренность и приказал их слугам наблюдать исправно правила, которые он им дал. Ибо он знал, что юность естественно склонна к невоздержанию и что оное обыкновенно вдается в излишество пития и яствы, естли не станешь стараться искоренить склонность к пороку сему.

Он хотел, чтоб они, кроме невинных, забав никаких не имели и чтоб искали своего веселья в благочестивых рассуждениях, книгах и в упражнениях, учительми их назначенных. А наконец чтобы наука Закона напечаталась крепко в уме их, он повелел им записать краткое содержание проповедей, которые сказывали пред ними проповедники, и спрашивал у них истолкование оных.

Как Князи сии стали немного постарее и когда уже они получили довольно понятия к знанию государственных и духовных дел, то Эрнест повелел присутствовать в советах, в коих бы рассуждали о сих происшествиях, и чтоб они довольно искусны были сказывать об оных мнения свои.

Он дал также всякому из них какой-либо чин; так что старшего сделав Канцлером, второго – надзирателем над строениями, так и других по их склонностям, словом, Эрнест не пренебрег ни единой должностью хорошего отца и все то сделал, что только от него зависело, для сделания сыновей своих добродетельными, разумными и искусными.

И действительно, не только любовь отеческая, но также и достоинство сих молодых Государей обязывали его исполнять с попечением все должности хорошего отца. И оное исполнял он с тем большею охотою, чем более примечал в них превосходной нрав и

1389 Альбрехт (1648–1699) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Кобургский.

1390 Бернгард I (1649–1706) – сын Эрнеста, принц Саксе-Готский.

1391 Генрих (1680–1710) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Гота-Альтенбурга, правитель Саксен-Ремгильда.

1392 Кристиан (1653–1707) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Эйзенбергский.

1393 Эрнст (1655–1715) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Гильдбурггаузенский.

1394 Иоганн Эрнст (1658–1729) – сын Эрнеста, герцог Саксен-Заальфельдский, а впоследствии – Саксен-Кобург-Заальфельдский.

1395 Фейт Людвиг Зекендорф (1626–1692) – немецкий историк. Его главный труд – «Commentarius historicus et apologeticus de Lutheranismo seu de reformatione religionis» (1688).

хорошие склонности, что их нравы были наполнены честностию и что они имели семена всех добродетелей.

Итак, не опасаясь, чтоб они повредились в иностранных землях примерами тех пороков, которые там царствуют, послал их путешествовать в Италию, во Францию, в Гишпанию, в Венецию, в Швецию и в прочие места, и он имел удовольствие слышать, что сыновья приобрели себе любовь и почитание всех Государей, которых он видел.

Что же касается до княжон, дочерей его, то он их учил также благочестию и всем тем наукам, которые служат как к украшению их пола и их достоинства, так и для приобретения любви их будущих супругов, всего же более старался, чтоб они не препровождали роскошной и праздной жизни и чтоб они не исполнили своего сердца суетностию и любовию к забавам светским.

Домашние попечения сии не препятствовали ему делать того, что от него зависело, дабы сделать счастливыми своих подданных и отправлять с прилежностию дела государственные. Что не преисполнит его похвалами, когда сравняет те бедствия, которые опечаливали немецкую землю, а особливо Туринг, происходящие в то время, как он начал государствовать, с тем благоденствием, которым сия земля пользовалась в последующие годы. Кто не удивится сему великому Государю, естьли когда рассудит, с какою неутомимою прилежностию изгнал он из своего государства ужасное варварство, которое повсюду распространяло неистовую тьму и что в малое время изгнал он оную небесною свещею истины.

Не можно было довольно оплакать чрезвычайную бедность, под которою страдал сей народ, и те чрезвычайные бедствия, которыми они обременены были, купно также с незнанием о божественных вещах.

Их несчастное состояние причи<ни>ло Эрнесту столь живое терзание, что оно побудило его стараться всеми силами сделать ее лучшею. Он рассуждал тогда, что прежде, нежели думать о приращении их временного добра, должно их обогатить небесными сокровищами и в цветущее привесть состояние в своем государстве добродетель и благочестие.

И для того-то, помыслив основательно о состоянии церквей и училищ его провинций и приметив плача достойное невежество, которое там царствовало, старался как возможно лекарством сильного и полезного сему бывать.

Он начал просить Бога в помощь горячими молитвами, дабы он соблаговолил сделать милость, чтоб счастливо окончилось сие верное и благочестивое намерение. Потом советовался с самыми набожными и знатными богословами его времени.

После чего, собрав в Синод, бывший в 1645 году, всех духовных и представив им все неисправности церквей, изыскивал с ними способов к избавлению от оных. Он выбрал людей, похвалы достойных за их благочестие и за их знание, которых он наименовал надзирателями, и, обязав их беречь единодушно имение церковное и училищное, посещать их часто и прилагать старание ко всему тому, что бы служило к ускорению царства благочестия, он разговаривал часто с ними о сем, и их советами он отправлял все духовные дела.

А как он видел, что сие великое и нужное дело иным образом в совершенство приведено быть не может, как только таким образом, чтоб учредить ученых, благочестивых и к должности чина прилежных священников, то он определил к исполнению святой службы таких людей, которые бы были чистого и непорочного жития, и которые бы имели необходимое знание к учению народа с успехом, и которые были бы способны отправлять достохвально всю должность сего трудного чина.

Тем только было позволено сказывать проповеди, которых главные надзиратели церквей экзаменовали с попечением и которых нашло довольно искусными учить свое стадо святым истинам Всевышнего. Он предпочитал всегда сынов своих, подданных чужестранным, когда их довольно было, чтоб снабдить <нрзб>, рассуждая, что сим выбором он учинит взаимную любовь и поверенность между его гражданами.

В раздаче сих чинов он на знатных людей не более взирал, как и на людей нижнего состояния, естьли первые не превзойдут последних премудростию, знанием и благочестием. Я могу доказать сию истину многими примерами, если подданные Эрнеста не имеют об оном совершенного знания. Итак, я приведу одно только из свидетельств.

Один старый студент, будучи обойден во многих происхождениях, просил в Консистории, чтоб ему дали некоторый чин, учинившийся праздным. Духовные, которые составляли собрание сие, ответствовали ему, что уже сей чин обещан брату некоторого Советника. Эрнест, встретившись с этим студентом, как он домой шел после сего отказа, спрашивал его, какое он имеет дело к Консистории? Тот рассказал, что происходило. Государь повел его с собою в собрание, где подтвердили то, что сказал студент.

Тогда Эрнест изведал, кто из кандидатов к священной службе искуснейший и способнейший есть из обоих отправлять оную, ответствовали ему, что оный есть сей молодой человек. «Так я и хочу, – присоединил Эрнест, – чтоб ему то место дали, которое он просит».

Эрнест наблюдал такое же правосудие и притом, когда кто получал какое-нибудь достоинство по происках. Ибо когда он бывал об этом уведомлен, то отнимал у него чин сей.

Он старался также исправить невежество в небесной науке, закон, в коем находились многие застарелые из его подданных, их привесть к познанию божественных истин.

Его повеления, касающиеся до правления духовного

В сем рассуждении приказал он священникам, чтоб они в народных действиях спрашивали их слушателей о главных членах Символа веры, чтоб известиться, какую они пользу из проповедей да катехизисов получили.

Итак, расположил он в три отделения, долженствовавших быть в церковных собраниях. В первом отделении включены были много перед прочими известнейшие в главных правилах закона и ведшие жизнь, свойственную чистоте евангельской; в другом были многие, успех в науке спасительной имевшие, а в третьем содержались имена, только еще научавшихся основаниям веры.

Всякий священник, а особливо в деревне, где-либо находящийся, имел нарочное приказание примечать в книгу, каково есть состояние и способность составляющих стадо его и какие успехи имеют они, как в благочестии, так и в Законе.

Книга сия всякий год или всякие полгода представляема была верховным надзирателем и начальником духовным, во время ими отправляемых торжественных посещений. А если когда увидят, что оглашенный кто-либо пользовался поданными ему наставлениями, то переходил он во второе отделение. Но сей образ учения, для грубейших невеж сделанный, хотя и был основан на важных рассуждениях, однако не был от всех принят. И одни говорили, что не можно ввести оной без согласия всех протестантских областей империи. Другие, в суеверии своем, думали, что сим учреждением повредили преподанное им исстари распоряжение, умалчивая многие, сим подобные, мнения.

Но Эрнест не заблагорассудил дожидаться совету других протестантских государей, опасаясь не опоздать исполнением его хороших намерений или чтоб они более препятствия не сделали, нежели вспомоществовали бы ему в оном.

Впрочем, рассуждал он, что не должно взирать на рассуждение хулящих таковое похвальное упражнение, и он противополагал злословию врагов своих свидетельство своей совести и плод, которой его подданные приобрели из учения, им подаваемого.

Между тем, чтобы священники наблюдали исправно порядок, им предписанный, Эрнест избрал между ими несколько ученых, благочестивых и искусных людей, которым и приказал он иметь особливое попечение о проповедях и прочих должностях их чина, и велел всякому на лошади проезжать уезды, им назначенные, а особливо по воскресеньям и праздничным дням, чтоб, разъезжая по церквам, когда идет служба, слушали они

священников, когда народу причину сотворения их и когда исповедание их толкующих, чтоб примечали число составляющих собрание, успехи их в христианском законе и чтоб примечали они наконец, все ли идет по установлениям духовным.

Надзиратели предавали все то писанию, что, мнили они, поправлено быть должно. Они увещевали их исправлять маловажные погрешности, и они доносили духовному судилищу их примечания, касающиеся до важных недостатков, собранием сим исцелить долженствовавших.

Посредством частых осмотров сих всякий удерживался в границах должности своей, и принуждены были священники и народ исполнять дело свое с прилежностью и исправностью.

Чтоб лучше знать, какое Государь сей имел попечение о своих церквах и с какою ревностию старался исправить он пороки народа своего, то должно обратить свой взор на установления духовные, им обнародованные.

Я представлю из них только три, до исправления нравов касающиеся. Первая содержала в себе сильное запрещение не вдаваться в роскоши; вторая касалась до пьянства и до худого употребления даров созидательных, приказывая, чтоб оные впредь на хорошее употребляли, чтоб воздерживались от подобных тому невоздержаний, тело и душу повреждающие. Третьим повелевает Эрнест, чтобы в воскресенье и праздники не танцевали, не играли в карты, чтобы посвящали дни сии на богопочтение и благочестие.

Эрнест не только имел попечение о церквах своей области, он старался также с великим усердием расширить царство благочестия и в областях у прочих государей протестантских.

Узнав, что саксонские и гельмштатские богословы были противных мнений о некоторых вещах Закона, то он послал в 1671 году Ферпотена и Менцера в Саксонию и в Брауншвейг для окончания сего раздора.

Сии посланные, приехав в Дрезден, говорили с Гейером, славным богословом, и прочими знатными особами для рассуждения о способах приведения в согласие обеих сторон, и они поднесли посольные свои грамоты Ку<р>фи<р>сту Саксонскому. И возвратились потом в Готию 5 дня июня следующего года, и уверили государя своего, что они надеются его властию прекратить спор сей. Потом Эрнест, желая оказать хотение свое на преображение мира Церкви, приказал Соломону Глассиусу1396, некоторому из своих главных надзирателей, написать на немецком языке сокращение сего спора. В то же время советовался он о сем со многими богословами и, узнав их мнение, уговаривал многими письмами Курфирста Саксонского и герцогов Брауншвейгских, чтоб приказать молчать учителям своим, обеспокоивающим церковь раздорами своими.

Эрнест не менее имел попечение о училищах, как о церквях, потому что училища суть сады добродетели, хороших нравов, благочестия и наук. И выбрав искусных и благочестивых учителей, и учредив их во всяком месте своих областей, приказал он, чтобы всякий простой человек туды отсылал детей своих, как им пять лет минет, и чтоб не отговаривались они незнанием главных правил Закона или бы не умели читать и писать, знать числа и несколько музыки, если они были к тому способны.

Сие повеление было столь хорошо наблюдаемо, а особливо в рассуждении музыки, так что и в самых малых деревнях пели псалмы с столь изрядным согласием, что оное уподоблялось также и самым многолюднейшим городам. Но как обыкновенно и самые лучшие вещи в зло употреблены бывают, то Эрнест опасался, чтобы того и с музыкой не случилось. И для того запретил он, чтоб в вольных домах и между пьянственных стекляниц и рюмок, а особливо по воскресеньям, не пели непотребные песни.

Бог благосклонствовал тогда видимо печениям, Эрнестом учреждаемым, о наставлении подданных, что мужики его области были гораздо знающие, нежели как и дворяне других областей. Между народов в городах и деревнях находилось много таких

1396 Соломон Глассиус (1593–1656) – немецкий богослов и филолог. Одна из главных его работ – «Philologia sacra» (1623).

людей, которые знали столько арифметики, геометрии, статики и математики, сколько было им потребно к общему употреблению жизни.

Везде учили безденежно и давали бедным книги, которые были им потребны.

Когда государь примечал в оных училищах ребенка, имеющего превосходный разум, то приказывал учителям иметь об оном особое попечение и ничего не пренебрегать, чтоб служить к исправлению нрава и к большему успеху в свободных науках. И когда он ответствовал надежде, об нем имевшейся, то давал он награждение, чтобы поощрялся показывать новые успехи в науках.

Впрочем же, Эрнест приказал ученым людям сочинять книги, чтение которых могло бы как облегчить учение юношеству, так и внушить оному благочестие. Итак, по его приказаниям, обнародовали великое число сочинений к употреблению учащихся, как то: «Гуттерово сокращение с новыми примечаниями»1397, «Школа латинская», «Логика» и «Грамматика», которая долго была употребляема с великою пользою.

Я бы мог здесь привесть множество других сочинений, созданных попечением Эрнестовым; но я хочу здесь говорить об одном только, называемом «Духовная история Готийская»1398, заслужившая похвалу всех ученых людей, удивлявшихся как красноречию, так и короткому слогу, в немногих стихах много смысла содержащему. Сочинители сей книги суть Беклер1399, Секендорф1400 и Артопей1401. Эрнест пожаловал великий подарок первому в награждение за труд сей.

Общество также должно благодарить Эрнеста за преизрядную «Историю лютеранскую», сочиненную тем же Секендорфом1402, ибо оную предприял он писать по совету государя сего, который и дал ему со сто книг рукописных, им собранных и по большей части охранявшихся в письмохранительницах его прародителей, как и сам сей ученый говорит в предисловии на свою историю.

Эрнест подавал также великую помощь Гортледеру, советнику Веймарскому, чтоб ободрить его писать «Историю о смалькальдской войне»1403, так как Секендорф нас уведомляет в том же самом месте. И творец, сочинивший на латинском языке жизнь сего государя, уверяет, что его повелениями многие полезные книги на свет изданы как для церкви, так и для священников, между числом которых находится 18, писанных на немецком языке.

Можно также включить в сие число исправную Библию, известную под именем Веймарской Библии1404, которых много напечатано в издании в лист. Намерение Эрнестово было то, чтобы получили все трудом сим хорошее понятие о Священном Писании, а особливо люди неученые, истолкованиями с оригиналом соединенные. Он определил для сего предприятия некоторую сумму денег по просьбе Эвениуса, своего советника в делах, касающихся до училищ. Но его брат Вильгельм, герцог Веймарский1405, ее также напечатал, и для того-то Библия сия названа Библией Веймарской. Она была также

1397 Леонард Гуттер (1563–1616) – немецкий лютеранский богослов; один из главных его трудов – «Compendium locorum theologicorum ex scriptis sacris et libro concordiae collectum» (1610).

1398 Seckendorf V.L. von, Artopoeus J.C., Boecler J.H. Historiæ Ecclesiasticæ, 1723.

1399 Иоганн Генрих Беклер (1611-1672) – немецкий историк, юрист, филолог, профессор Уппсальского и Страсбургского университетов.

1400 См. примечание 74.

1401 Иоганн Кристоф Артопеус (1626–1702) – немецкий историк и филолог, директор страсбургской гимназии.

1402 См. примечание 47.

1403 Фридрих Хортледер (1579–1640) – немецкий историк и политик; воспитатель Иоганна Эрнеста Саксен-Веймарского (1594–1624), выдающегося полководца во время Тридцатилетней войны; главный труд Хортледера – «Handlungen und Ausschreiben von den Ursachen des deutschen Krieges König Karls V wider die Schmalkaldischen Bundes-orbiste» (1646).

1404 Веймарская Библия (Kurfürstenbibel) — перевод Мартина Лютера Библии (Ветхого и Нового Заветов). Это один из ключевых проектов Эрнеста. Этот текст печатался в Нюрнберге с 1641 по 1758 гг.

1405 Вильгельм (1598–1662) — герцог Саксен-Веймарский.

именована Библиею Нюренбергскою, по месту печатания, но ее называют иначе Библиею Эрнестинскою.

Главный директор сего труда был Иоанн Герхард1406, и он сделал примечания на книги Бытия, на книгу пророка Даниила и Апокалипсис. Но как Герхард умер в 1637 году, то заступил его место Соломон Глассиус и сочинил ноты на Псалмы, на книги Соломоновы и на Евангелие святого Иоанна. Прочие же ученые люди, которые также трудились в оном, были Иоанн Гиммел1407, Иоанн Майер1408, Иоанн Михаэль Диллерр1409 и Пауль Слевогт1410, но Герхард и Глассиус были приставлены присматривать труды прочих.

Первое издание вышло в Нюрнберге в 1641 году. Вследствие же оного также и многие вышли на свет, из коих самое новое вышло в 1736 году повелением Фридриха III, герцога Саксен-Готского1411, снабженное предисловием господина Киприана1412.

Эрнест имел всегда у себя роспись священников и учителей, в его области находившихся в каком путешествии, то спрашивал часто произведенных в чины ли, чтоб уведомить от них, каким образом исправляют они свои должности и не имеют ли какой жалобы на своих начальников, слушателей и учеников их. Если они хотят подать свое рассуждение, служащее к исправлению нравов или к какому-нибудь новому установлению, то принимал все то с охотою от них. Он слушал их ответы с терпением и с милостью, и те, которые говорили с ним большою вольностию, были ему приятнейшими. Он исполнял их прошения, если бывали они справедливы, и пользовался их доказательствами и их советами, не отказывая им никогда в своей помощи.

Был некогда Эрнест в доме некоторого деревенского священника и, пересматривая библиотеку его, приметил, что Библия его была вся покрыта пылью, что в нем произвело подозрение, что сей человек ее не читал. А чтоб узнать, основательно ли его подозрение, то не в присутствии священника положил в Апокалипсис червонец. Год спустя возвратился он опять в сию деревню и, вошед в кабинет пасторов, открыл Библию. Между прочим разговаривая о различных материях, касающихся до чтения сей священной книги, сказывая также, что некоторые люди читают ее, пробегая ее только, и что другие привязываются с великим рачением то к одному месту библии, то к другому, спрашивал у священника, какое он средство содержит, читая оную?

Священник ответствовал, что он читает порядком все книги Библии, не взвешивая с попечением силу слов и что он оканчивает сие чтение в три или четыре месяца. Что, однако, все те дни он употреблял некоторые часы на старание, чтобы проникнуть разум<ом> выражении <так>, которые употреблены были священными творцами, а чтобы достигнуть совершенства в оном, то он искал то в лучших комментариях.

Наконец князь спрашивал, читает ли он Апокалипсис и каким образом он читает? Ответ священников был, что он его только проходит и что он еще не осмелился изыскивать значения труднейших мест сего откровения. Как скоро он перестал говорить, Эрнест открыл Библию в самом том месте, в которое он положил червонец, и, там его нашед, весьма крепко уговаривал священника, дабы он более не презирал чтение сей божественной книги, как он прежде сего делал, а чтобы еще более <нрзб>.

Между тем, был он столь благосклонен к церковным учителям и к верным священникам, что не мог никогда терпеть, чтоб им хотя малейшая несправедливость учинена была, и тех отгонял от двора своего, презирающих оных, кажущихся быть их неприятелями.

1406 Иоанн Герхард (1582–1637) — немецкий лютеранский теолог, суперинтендент, с 1616 г. профессор в Иенском университете.

1407 Иоганн Химмель (1581–1642) — немецкий теолог.

1408 Иоганн Майер (1533–1600) — немецкий теолог, гумманист и поэт.

1409 Иоганн Михель Диллер (1604–1669) — немецкий протестантский теолог и филолог, преподавал в университетах Йены и Атльдорфа.

1410 Пауль Слевогт (1596–1655) — немецкий филолог и философ.

1411 Фридрих III (1699-1772) — герцог Саксен-Гота-Альтенбургский (с 1732 г.).

1412 Эрнст Саломон Киприан (1673-1745) — немецкий лютеранский теолог и библиотекарь.

Эрнест не удовольствовался иметь только попечение о церквах и школах своей области, его ревность к Закону протестантскому пространилась также до земель иностранных, он употреблял все свои силы к побуждению королей, курфистров, князей имперских городов учредить во всей чистоте своей божественную службу в землях и в оной в цветущее привесть состояние благочестие и добродетель.

Он писал об этом царю российскому Алексею Михайловичу, родителю Петра Великого, которые были истинного закона, и его прошением сей Государь позволил всенародное отправление службы тем, которые оной были в его государстве. Потом отправил к нему послов, которые засвидетельствовали ему то почтение, кое он к нему за его добродетель имеет, которые говорили с ним о делах, касающихся до Закона.

Эрнест имел переписку через своих послов также с Патриархом Александрийским о вещах, касающихся до выгод Христианской веры, он послал в 1663 Иоанна Михаэля Ванслебена1413 в Египет с приказанием побывать в Эфиопии, чтоб уведомить о состоянии христианского закона в столь отдаленной стране, но Ванлебен по своем возвращении сел на корабль и поехал в Ливорну, проклял орден доминиканский и не отдал отчету своему государю о своей комиссии.

Сей князь удержал у себя долгое время Григория Абиссина1414 и с ним разговаривал; посредством его он имел письменную переписку с королем эфиопским. Можно видеть, что Людольф1415 пишет о сей причине в своем подношении его превосходной Истории сего королевства1416.

Можно ясно видеть из сего повествования, которое я теперь делаю, что Эрнест не для восстановления своей власти, ниже для тем легчайшего подтверждения своих подданных своему господствованию употреблял веру. Он делал то единственно побуждением в нем твердого благочестия и горящей любовию к богу, приписывая все его славе, презирая все правила светской политики и не употребляя их в действие.

Как он весьма о распространении царства благочестия и о исправлении пороков старался, к которому духовная наука великим вспомоществованием служит, то он взял справедливые меры к наблюдению оной в своих областях.

Хотя он и дал необходимые к научению своих подданных закону повеления, но он с великим соболезнованием видел, что жизнь их не соответствовала святости сей божественной науки, как он об том объявляет в одном писании, которое он издал для увещания христиан к благочестию, говоря слова сии: «Много есть говорящих “Господи, Господи” и хвалящих учение его, не хотящих следовать воли его и склоняющихся дивиноваться воле его».

Так жалуется Эрнест о том, что попечения, которые он имел многие лета, на показанье грешникам святости, не возымели такого успеху, какой надеялся он видеть, но что враг человеческого роду рассеял плевела и семена всех пороков и различных развращений.

Князь приписывал сему бедствию две причины. Одна была — худое детей воспитание, не только крестьянских и разночинских, но также и дворянских, да и самого первого достоинства. Другая была — нерадение к исправлению и к удовлетворению

1413 Примечание в тексте: «Ванслебен был сын некоторого лютеранского Эрфуртского священника, который и определил его на богословие, хотя сын, который к тому никакой склонности не имел. Он лучше любил входить в дела политические, нежели учить классы. Он имел там общую склонность и пространное знание языков восточных. И, побыв один год в Египте, прислал он в Готу описание сей земли. Ему предписаны были некоторые правила, как ему поступать, под которыми он должен был подписаться, в образ клятвы. Сказывают, что двор французский, а особливо Г. Колберт, Папа и флорентийский двор его великими подарками одарили. Хотя бы это и так было, то и тут трудно познать истинные причины, которые его побудили к перемещению закона. Эрнест ему делал добро и по его перемене [Л. 97-97 об.].

1414 Абба Григорий, патриарх абиссинский, который, когда иезуиты были выгнаны из сей земли, следовал за ними даже до Гоа и прибыл в Рим в 1649 г.

1415 Иов Лудольф (1624–1704) — немецкий историк-востоковед.

1416 Видимо, речь идет о книге И. Лудольфа «Historia aethiopica» (Frankfort, 1681).

удаляющихся от правого пути добродетели и ведущих жизнь свою распутным образом; словом сказать, малое попечение к приведению к почтению Закона.

Когда здесь уже говорено выше о первом из сих случаев, то должно ныне и о другом рассудить нам и объявить содержание некоторых главных повелений, для чего Эрнестом изданных.

Первая им приводимая причина для побуждения христиан к обвинению пороков ближнего взята из Заповеди Божьей, повелевавшей нам любить всех людей и, следовательно, изыскивать их добро и их пользу всякими образы, а особливо уведомлениями, увещеваниями и исправлениями.

Для сего взяты некоторые места из Священного писания, которые суть следующие: «обличением да обличиши ближнего твоего и не приимиши ради его греха» (Лев: XIX, 17); «аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единым» (Матф: XVIII, 15); «вразумляйте бесчинные, утешайте малодушные, заступайте немощные» (Солун: V, 14); «смотрящие да некий корень выспрь прозябаяй, какость сотворит, а тем осквернязи мнози, аще же душа согрешит, и услышит глас клятвы, и сей свидетель или виде, или сведа, аще не возвестит, приимет грех. Еще же клятву слышавши и не возвестят, убояшася и постыдевшеся человеков, приткнуться».

Что касается до второго, то подтверждено то примерами Иосифа, который уведомлял своего отца о худых поступках своих братьев; Моисея, который говорил двум израильтянам: «Вы, братия, по что друг на друга злобитесь?»; Авигаила, которая обличала Давида; Иосафата, который осуждал кротким образом царя израильского; покаявшегося разбойника, распятого с Иисусом Христом. Князь присоединил к сим примерам слова сии из *Луки*: «И ты твори такое же».

Третье рассуждение касалось до плода от сего, исправления происходящего. Ибо глас друга должен быть внемлен аки глас Божий. И действительно, сильными доказательствами многие заблужденные на правой путь наставлены были, колеблющиеся — утверждены. Расточители своего богатства отказались от своих роскошей. Словом сказать, великое число душ избавлено от пасти адской.

Причина сия была утверждена божественными словами, которые святой дух сказывал святым людям, которые он употребил на научение нас нашей должности. Оные состоят в следующем: «братие, аще и впадет человек в некое прегрешение, и вы, духовные, направляйте такого духом кротости». *Гал. VI. 1*. «Аще кто в нас заблудит от пути истинны и обратит кто его, давесть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов». *Иаков V, 19*. «Обличающие же лучше явяться, на ня же приидет благословение благо». *XXIV, 25. Притчи Соломона*.

Это правда, что сии обличения обыкновенно худо приемлются и что оные производят в злых людях отвращение к добрым, хулящим их излишества, но Эрнест увещевает верных не смотреть на таковое опасение, потому что за старание извещения грешников из заблуждений их такое же получается награждение, как бы за то, что насытил не имеющего хлеба, принял в дом свой странника, одел нагих и посещевал болящих. К чему прилагает отнести слова, взятые из Священного Писания: «Обличаяй человечьи пути, благодать имать паче языком ласкающего». *XXVIII, 23, Притчи Соломона*.

Четвертая причина есть вред, причиняемый ближнему от не радящего должности сей, неисправлением подает повод к вящшим преступлениям, подается случай хитрым сетям нечистого духа, и многие души погубятся, могущие бы иначе обличением таковым спасены быть.

Не дерзающий обличить ближнего своего виновные есть видящего человека, упавшего в колодезь и извлекшего отколе его или никого на учинение таковые услуги не созвавшего.

В день последний многие осужденные воззовут гласом плачевным: «Сей был всегда со мною, он видел все мои поступки, он знал, что я был клятвопреступник, охульник,

пьяница. Он был свидетель всех моих роскошей, прелюбодеяний и всех прочих пороков. Он не исправил меня обучением своим».

Ответ Каинов не закрыл его от гнева Божия. Пусть будут оправдаться: «Да страж брату моему аз?» Бог не примет сего худого извинения: если враг жестокий смертных старается толико утвердить царство свое, то почто же мы менее стараемся умножить подданных истинного бога?

«Коль стыдно, — говорит он после того, как христиане, имеющие рукою Всевышнего начертанные священнейшие законы, — толиким и толь многим под иго покоряемся порокам».

Наконец видно то будет, как велика была ревность его к исправлению общества христианского, когда со вниманием рассудишь о сих последних словах его установления.

«Когда великим числом преступников имя создавшего мир похулено бывает у неверных и когда большая часть оных, погруженных в тьме невежества, не имеют ни единой искры божественного огня, кою Закон христианский в сердцах их возжечь долженствовал бы, то зачем весь свет не предприимет возжен божественным восторгом, сие дело так полезное, предупреждая гнев Господень, опасаясь, что не сказал он в ревности своей: «Видите вы, что я поставил Завет с вами? Для чего хвалитесь вы, что наставлены вы в таинствах Закона христианского, ненавидя учение мое, отметая повеления мои? И поистине, — продолжает он, — в толиком закоснении грехов несправедливо есть ласкать в оных содевающим их, ниже упущать им оные. Паче же, по увещеванию святого Павла, киижду же в вас ближнему да угождает во благое ко созиданию. Что ж, если кто не способен будучи исправлять пороки других или каковою ли влеком человеческою слабостию, не смеет исполнить, к чему обязывается он выше сего сказанными причинами или наконец когда думает, что так же предприятие для него весьма трудно то, должен он по побуждению совести своей стараться, чтоб особы, имеющие важность и силу, потщились недуг, которого к исцелению сам он приступить не смеет».

Когда уже довольно можно видеть, что я привожу теперь, намерение Государя сего в издании таковых повелений, то думаю я, не нужно было бы предлагать подробно содержание второй части.

Довольно сказать, что в оном находятся должные предосторожности и средства к исправлению ближнего своего, к наблюдению потребные, а именно чтоб производилось то с рассмотрением, основательностию, кротостию и тихостию. Смотрели бы на возраст, достоинство и важности обличаемых. Чтоб погрешности исправляемые знаемы и доказаны были, чтоб засвидетельствовал он вспомоществование свыше, дабы увещевания те были сильны. Если ж впадет и сам кто-либо в такие ж прегрешения, как и обличаемые, признался в оном и сетовал в свою чреду. Чтоб употребляли слова снисходительнейшие, как возможно, чтоб благоприятные те советы подаваны были в месте и времени пристойном; как то, когда оной, коего хочешь исправить, будет искать твоего дружества и когда он имеет нужду в твоем вспомоществовании. Что если первое увещание останется бесполезно или также побудило к гневу, увещается то князь, советует, призвав другую особу сделать новый опыт. Если же и тем ничего не превозможешь, то просить вышней власти. Государь присоединяет, что должность христианская есть просить бога о исправлении пороков, примечаемых в других людях.

Оными повелениями Эрнестовыми доказывается, что все его подданные имели приказание обличать злых, а дабы было легче воздержать оных, то учредил он во всяких городах и во всех деревнях смотрителей, которые тайно от жителей обязаны были присягою открывать священникам и судиям все злодеяния и роскоши, им известные. И они должны были стараться приводить порочных к должности их и наказывать злодеев, дабы они не повредили других своим примером и их бы не ввергнули в бездну погибели.

Чин смотрителя давался людям честного рода, хорошо воспитанным и честности известной. Они должны были уведомляться с попечением о поведении других и не слушать ложных доношений и вымыслов, нароком на кого-либо разглашаемых. Когда узнавали, что

кто-либо сделает неразумностию или слабостию какую погрешность, о которой сам сожалеет он, то князь повелевал не объявлять оное, но исправлять его с кротостию и милостию, увещевать его вести себя разумнее впредь и судиям доносить те только действия, которые от своенравной и недозволенной злости происходили.

Эрнест приказал, чтобы смотрители сохраняли молчание и не подавали бы худых примеров. Он утешал их, когда злые испускали наружу свою на них злобу, обнадеживал, что если они верно исправлять будут должность свою, то заслужат его к себе благосклонность и приидет на них благословение божие, не упоминая удовольствия, от спокойной совести происходящего.

Их должность была иметь роспись тем людям, к которым они были приставлены наблюдать нравы их. Они должны были вписывать в оную все то, что слух давал им знать о них. А как переменяли смотрителей, то роспись сия оставалась некоторому судье, который должен был ее хранить.

Они наслаждались многими преимуществами. В некоторых местах были они свободны от различных должностей, жалованы были великими чинами, когда ее с успехом исполняли, как то можно видеть в Наказе, данном духовным, созданном в Фриденстейне 21 дня Октября 1664 году.

Многие, узнавая смотрителей сих, ненавидевших всеми силами, старались убегать их разговора и сообщества. Но сей разумный князь взял их под свое покровительство, чтоб полезное сие учреждение не рушилось по наветам злых людей.

Наконец Эрнест учредил судейское собрание, которое собиралось четыре раза в год и которым смотрители доносили пороки, соблазны, грехи и злодеяния, об которых она имела известие. Оное составлено было из шести членов в великих городах, а в малых — из четырех. Не только одни смотрители, но также и граждане обязаны были доносить сему собранию развращения, им известные.

Чин сей жалуем был людям, похвалы достойным, ради их ревности в законе, непорочности их жизни и поведения добропорядочного, которые ни в каком важном грехе обличены быть не могли, как то в скупости, лихоимстве, роскоши, пьянстве и невоздержности, которым бы были равны людская милость и отвращение и которые бы стремились только к исполнению того, чем должны они богу, и исправлять с усердием должности своего чина, людей кротких, разумных и которые наконец имели дарование хранить тайну скрытно. Их должность была дописывать только то, что им доносят, в роспись, не означая имени доносителя, изыскивать тщательно истину доношений, не уведомляться ни о какой ссоре, все делать без ненависти, зависти, гневу и гордости и наблюдать беспрерывно ценный порядок в делах своих.

Они должны были отсылать в церковные или гражданские суды все, до разбирательства их принадлежащее; различать истину с ложью; не смотреть на доношения, по рассказам других сочиненные; рассматривать, не по недоброжелательности ли писали доносители; уничтожать обвинения, бывшие действием оного. Словом сказать, все, что они делали в качестве судии, должно было относиться к исправлению братьев их. Что если обличение было не полезно, то предпочитали бы они славу божью и благо общественное особенному между их дружеству и называли бы по необходимости, несмотря на все виды человеческих вещей, злодейство и соблазн.

Эрнест дал власть судиям сим налагать наказания ввержением в темницу и взысканием денег, но чтоб не превосходило двух ефимков. Другие наказания определены были обыкновенно начальниками, но не более как на четыре дня, смотря по великости преступления.

Судии сии имели обыкновение требовать пред себя по времени всех граждан, включая женщин; и пришедших спрашивали порознь, не знают ли соблазна, чем-либо учиненного.

Намерение сего наказания было привесть распутных на правый путь добродетели, взысканные деньги употребить на благочестивые учреждения, как то к содержанию

учителей бедных и прочих неимущих, судьи же не могли оными пользоваться. Всякие годы определены были комиссары, коим давали они счет в сих деньгах.

Однако должен я здесь сказать, что по причине неразумия судей сих Эрнест не получил уповаемого им плода от сего святого учреждения.

Начальники, как вышние, так и другие нижние чины, не были довольно просвещены в божественной науке. Многие из них вдались в корыстолюбие, суесловие, излишество пития и яствы, мешали в разговоры свои многие мерзости, семьи их были подвержены различным порокам. Они презирали и забывали повеления княжеские, не имели ни ревности к славе божие, ниже к пользе народа, часто под видом благочестия старались они удовольствовать мщение свое и гнев. Итак, по причине их святое сие учреждение отставлено было. Во многих местах осталась тень оного только, но отправления сего уже не находится нигде.

Напоследок, когда известно стало чье-либо великое преступление, то отлучали его от сообщения святых тайн. И сие обыкновение до сих пор во употреблении. Естьли же дает он истинные знания своего искреннего раскаяния, то допускаем бывал он до причастия, чтоб, иначе будучи недостоин, не навлек он на себя суд Божий. Его принуждали исповедать публично преступление свое и просить прощения в злодействе, которую он соблазнил Церковь. Потом был принят он в число верных священником, который его увещевал не впадать больше в таковое преступление.

Обряд сей походит большею частию на примеры первоначальной церкви, где оной весьма справедливо введен был. Ибо наказания всенародные, естьли их будут почитать не наказаниями, но полезными лекарствами к исцелению душевных немощей, и когда оные без всякого пристрастия священниками исполняемы будут, то, конечно, преполезны христианам они суть.

Священники деревенские должны были отмечать в книгу число, возраст, нрав всех и во всяком доме селения находящихся и успехи, ими в познании Закона приобретенные. Они же имели всегда способ учить и наставлять их, будучи послушны во всем повелениям княжеским.

Естьли кто, например, имел нужду дитя крестить или хотел предприять путешествие, купить дом или деревню, приняту быть в число сограждан или жениться, учиться художеству или какому мастерству, то прежде должен был священником в его способности и совести быть испытану, и если сей человек не выразумел точно то, что хочет предприять, то должен был священник ему подать к сему новые наставления.

Совсем же не знающие в Законе Божием наижесточайше наказуемы были либо телесным, либо денежным наказанием, потому что князь осуждал их весьма виновными за неразумие его Божеских Законов.

Он издал также некоторые касающиеся до закона христианского главные повеления общие как крестьянам, мещанам, так и благородным. Они составляли в себе важные повеления быть послушну церковному обряду и также священникам, дабы собирали они в их схождениях всех родов людей, несмотря ни на чин, ни на достоинство, чтоб можно было стараться о вечном их спасении.

Если же кто-нибудь упорно уклонился повиноваться увещеваниям священническим, то должно было об нем донесть в главную консисторию, в которую он должен был явиться. Князь же предписывал священникам, как должно поступать в сих случаях с теми, которые в упрямстве обвинены бывают, представляя в то же самое время вежливость злодейства в непослушании к требованиям, к суду состоящемся, князь, находившийся сам часто в сих собраниях, налагал на оных наказания и всегда подтверждал власть духовных и правления их.

Наконец находилось множество случаев, в которых священники увещевали тех в особенности, которые смотрению их поручены были. Ибо то было внесено также в повелениях Эрнестовых, что желающие сообщиться святых таинств должны за восемь дней

объявить свое намерение духовному отцу, который был должен записать имя их в особливую книгу, чтобы тем всякой был известен о важности сего великого таинства.

После в пятницу должны были они присутствовать у службы, происходящей в церкви, а наконец исповедаться. Духовник имел повеление уведомляться о жизни и нравах исповедующихся; если оные открывают свои погрешности с знаками искреннего раскаяния, то священник должен был подавать свое мнение, просить с ними милости Божией и вручить их его милосердию.

Эрнест на конце синодального своего повеления, выданного в 1645 году, показывал священникам, каким образом могут они исполнять свою должность, сохранять чистую весть и приводить людей на правой путь спасения.

Князь хотел, чтобы поступали с христианскою мудростию с укрывающими грехи свои. Ибо он приказал, чтоб, описывая сии грехи те, не входили они в самую подробность, которых бы могла дать знать виновного, дабы не причинить тем ему вечного ожесточения, чтоб не почувствовал он гнева на священника и затем наконец чтоб не нарушить естественного права, повелевающего нам того не делать ближнему, чего себе не желаем.

Эрнест повелевал еще, чтоб священник, когда ему донесут, что кто-либо, смотрению перепорученный, сделал какое-либо неизвестное обществу преступление, рассуждал то, с одной стороны, добродетелен ли доноситель этого и известна ли всем его честность и чтоб рассказал он ему, каким наказаниям подвержены поносители и для удовольствия страстей их гнева ложно свидетельствующие братиев своих.

В рассуждении обвиненного священник должен знать, хорошей ли жизни человек сей, испытать его совесть, уговаривать его, чтоб он познал свое преступление, увеличивать тяжкость греха того, сказать ему все то, что бы было способно к приведению его к раскаянию; словом сказать, ничего не пренебречь к спасению его.

Когда же кто самовольно открывал священнику грехи свои с знаками искренней печали, то князь приказывал священнику оные скрысть в вечном забвении. Он хотел также, чтоб священники как возможно старались оканчивать тяжбы, и если не могут согласись обоих сторон, то должны были увещевать их, укрепить права их без жестокости и, негодуя друг на друга, исключить от причастия тяжебников упорных и хотящих тяжбиться.

Потом увещевал князь священиков подумать о следующих словах Силлнецера1417, благочестивого феолога, и следовать его советам: «Да будут, — говорит он, — духовные кротки, да извлекают добрые совещания от чистого сердца. Если же тем не получают никакого успеха, да не пощадят никого, дабы они гремели громом закона с мужеством, да удивят совесть неблагочестивых и да уведут их от заблуждений». Чтобы исправлять чин сей, надобно, чтобы священники были искусны, верны и благочестивы, призывая беспрестанно святое имя Божие, да управляет он сердцем и языком их и да все, что они думают, говорят и учат было бы приятно Господу и полезно собранию верных. Исправляющие точно должности таковые, заслуживают сан священнический прямо, что если невежи грубые пойдут против учения его и исправлены, то сан толь благородный — свидетельство доброй его совести, утешат его, и он может так сам себе говорить: «Я ничего такого не предпринимал, чтобы недостойно было верного священника, ничего против Божией воли не сделал, ничего не зачинал без прошения его присутствия. Я проповедовал Его слова моим слушателям, в намерении исходатайствовать им вечное спасение, как сам себе желаю. Все те, кои находятся в сем святом состоянии, проводят всегда справедливую и благополучную жизнь, хотя они ненавидимы бывают по причине учения, проповедуемого ими. Ибо нет причины их хулить, потому что учат они заповедям всевышнего».

Наконец князь относится на совет Поликарпа Лизера1418, который говорит так: «Христос учит верных проповедников своего слова подражать искусным врачам, которые, исцеляя какую-нибудь болезнь, не употребляют сперва сильных лекарств, но стараются прежде вспомоществовать больному такими составами, кои не могут вредить природе. Если

1417 Видимо, речь идет о Николае Силлнецере, немецком теологе.

1418 Поликарп Лейзер (1552–1610) — немецкий теолог, профессор Лейпцигского университета.

же тем успеху никакого не возымеется, то тогда уже употребляют сильнейшие противоположные. Следовательно, и священники в коллегии Гунниевой также должны поступать».

Попечение, которое Эрнест имел о учреждении Гунниева сообщества1419, есть сильное доказательство, что князь сей много старался о распространении благочестия. Общество сие было предложено Михаилом Гуннием, надзирателем либекским, которые представлял оную протестантским князьям в некоторой книге, поднесённой в 1623 году Густаву Адольфу, королю шведскому, и Иоанну Георгию, курфюрсту Саксонскому1420.

Богослов сей говорит им, что если в жизни человеческой случится каковое-либо важное дело, то выбираются искусные люди для рассуждения их об оном. Что цари советуются с их деловодцами и начальниками. Что судии мирские знают причины гражданские, консистории же — духовные; что ни одной нет такой ссоры, которая бы не была уничтожена некоторым числом судей. Но что, однако, протестанты не имеют никакого учрежденного начальства для окончания ссор законных и что показывает презрение к важнейшим пользам, которые люди на земле иметь могут.

Чтоб исцелить недуг сей, то Гунний рассуждает, что должно соорудить целое здание и в оном содержать несколько благочестивых и ученых богословов, которые бы, не имея никакого попечения о житейских вещах, получали жалование и могли б жить достаточно за все их попечения, которыми они обременены.

Гунний говорит, что должно назначить каждому по тысяче ефимков жалования и снабдить их хорошею библиотекою. Общество бы сие было составлено из двенадцати или, по крайней мере, из десяти славных, набожных, трудолюбивых, кроткого нрава и тщательных к священной богословии мужей и ко всякому из них должно дать одного студента или ученика, к наукам склонного, искусного, постоянного, одаренного всеми добродетелями и удаленного от всех пороков юности.

И сей бы студент знал совершенно по-латински, по-гречески, по-еврейски, философию, богословие, духовной истории, свободных наук, имел опыт в опровержениях и доказательствах, чтоб каждую неделю один из них говорил на кафедре речь, до духовной какой-либо причины касающуюся, в присутствии докторов, которые бы в сказании его делали примечания. Чтобы всякой месяц был установлен спор, в коем должен студент ответствовать, а доктор — председательствовать или бы иногда и сам студент лицо первенствующего и чтоб все делающееся в сообществе было рассуждению и решению студентов подвержено, а потом под словами поправлено, кои должны стараться быть искусными в делах, в которых они рассуждать в общество допущены будут. Оные должны были особливо прилежать к чтению Библии, преданий святых отцов и ученых богословов, чтоб они делали общие места об разных вещах и где бы они полагали некоторые причины споров, отпадения, духовную историю, церковное правление, определения соборов, нравоучение, приключающиеся случаи до совести и прочее.

Сим образом общество сие будет плодоносный сад людей весьма ученых, которыми можно наполнить достаточно труднейшие и нужнейшие чины церковные и академические. Ибо сей славный доктор, видя, что в его время в немецкой земле между протестантами росло невежество, затем, что богатые ставили себе в стыд прилежать к святому Писанию, отдав в оном попечение бедным.

Гунний надеялся, что богословы сего собрания снабдят церковь многими превосходными изданиями, ибо примечено до сего, сколь полезно обществу собрание ученых и сколько учебных сочинений выдали они в свет, соединив свои знания. Например,

1419 Видимо, речь идет о Гунние (ум. в 1603 г.), немецком теологе, профессоре Марбургского университета.
1420 Иоганн Георг I (1585–1656) — курфюрст Саксонии (с 1611 г.).

сотни магдебургские1421, Записки академии наук, журналы ученых1422, печатающиеся в Лейпциге и инде многих местах, не заслуживают ли они похвалы всех, читающих оных.

Впрочем, он надеялся, что такое сообщество уничтожит многие церковные ссоры, которые раздирают протестантские церкви и что оное утишит многие худые происшествия.

Итак, долженствую я здесь представить то попечение, которое Эрнест имел о показании доброты сего учреждения. Главное намерение сего принца было защищать верных, кои составляют истинную церковь, против их явных неприятелей ее, оканчивать ссоры и смятения домашние и чтобы с согласия князей протестантских дана была сему сообществу правление и надзирание над церквами <нрзб>, с правом осматривать богословские писания.

Итак, для сей причины Эрнест отправил к северным областям в 1670 году сына своего князя Альберта в провождении Ферпортена, весьма превосходного богослова Иоанна Балтазар де Габельков и Иеронима Брикнера, штатского секретаря.

Альберт прибыл 7 числа того же месяца в Волфенбиттель и представил дело сие герцогам. Князья с советниками похвалили намерение Эрнестово. Но потому, что в сие время восставали в немецкой земле смущения и что герцоги имели некоторую ссору с домом Бранденбургским, то не можно было тогда ничего заключить о том.

Из Волфенбиттеля Альберт отправился в Готторп, где и говорил он о деле с князем Христианом Альбертом1423, который почел дело сие весьма полезным для распространения веры христианской и для содержания согласия. Но должно наперед знать, какое будет мнение северных владетелей.

В мае месяце Альберт прибыл в Копенгаген, где много хвалила благочестие Эрнестово и намерение его учредить собрание сие, но как вече сие требует великого распорядка и точного рассуждения, король хотел оную сообщить прочим князьям имперским, а особливо королю шведскому и что по узнании их на том мнение, скажет тогда и свое.

Альберт был принят в Стокгольме с великою честию. Его предложение, будучи рассмотрено в совете короля Карла, было единогласно похвалено. Король приписывал великие похвалы усердию Эрнестову, им в сем случае оказанное. И к нему писал письмо, в коем король обещает всеми силами вспомоществовать благочестивым намерениям князя сего.

Бальтазар Менцер1424 и гиссенские богословы в том же году, попечением Эрнестовым, подали их мнения, касающиеся до сего собрания, и в сем сочинении изъяснили они с великим искусством причины защитительные и противоположные сему учреждению.

В то время как князь бдел с толькою горячностию о делах, до закона касающихся, не презирал он тогда и дел гражданских. Многие государи стараются более о их собственных прибытках и утверждения своей власти, нежели о имении своих подданных. Но Эрнест в правлении своими областями положил себе благороднейший и достойнейший великой души конец.

Он следовал в своем правлении правилам Закона Божия и учениям христианской политики.

Ясно видно повелениями его, что он совершенно знал должности государя и показал всеми своими поступками, что он исполнял с попечением все оного должности.

1421 Очевидно, речь идет о «Магдебургских центуриях» (Centuriæ Magdeburgienses) — первом протестантском сочинении по истории христианства, которое было издано в 1559–1574 гг.

1422 Видимо, имеется в виду «Journal des sçavans» — старейший научно-литературный журнал в Европе, который начал выходить в Париже в 1665 г.

1423 Кристиан Альбрехт (1641–1695) — герцог Гольштейн-Готторпский и князь-епископ Любекский.

1424 Бальтазар Менцер Старший (1565–1627) — немецкий теолог, один из авторов «Disputationum theologicarum de praecipuis coelestis doctrina capitibus: imprimis horum temprum controversiis theologicis in restaurata Academia Gissensi publicè habitarum» (Гиссен, 1655).

«Как начальник семейства, — говорит он в одном из своих повелений, — только должен снабдить детей своих в нуждах временной жизни, но наставить еще их в науке, до спасения нашего принадлежащей; так и государь должен не только стараться о исходатайствовании безопасности и счастия временного своего народа, но и вспомоществовании, как возможно, в успехе их благочестия и в познании небесной науки, для распространения славы Божией». И для сего-то самого в священном писании должность государей так изъяснена: они должны судить свой народ в справедливости, защищать обиженного, помогать бедному и избавлять оных от рук нечестивого, награждать добрых людей и наказывать злых. И как зеленые древеса довольствуют скотов тению своею и снабжают их пищею, так и государь должен помогать в пропитании и нуждах своему народу, а что всего более снабжать его своим наставлением и исправлением. И так чтобы не только начальство служило Богу с должным страхом и хранило бы все, написанное в Законе Божием, но также и между своими подданными старался бы воцарить благочестие и добрые нравы. В церквах и училищах определял бы искусных и благочестивых людей. И по примеру царя Дария приказывал бы всем почитать и бояться бога. Для уменьшения пороков и преступлений делал бы все, от него зависящее: ожесточенных наказывал бы строго и учреждал бы спокойство и безопасность своего государства. Ибо бог дарововал начальству власть самодержавную, как о том говорит некто церковный учитель, для того, чтоб благосклонствовать добрым намерением подданных своих, открывал бы им путь к спасению и царства земные да последуют к получению царства небесного.

Как Иисус Навин старался о наставлении старцев народа израильского и как Давид научал своих подданных, аки учил их и наставлял: «Приидите, чада, — говорит он, — послушайте мене, страху Господню научу вас». Самуил <нрзб> был судья израильский, однако говорил им также о вещах божественных. Царь ниневейский учредил день поста и день раскаяния, встал с престола своего, оставил диадему, облекся в рубище, сеял на пепле и побудил своим примером подданных своих подражать его раскаянию. Езекия всенародным писанием увещевал народ израильский: «Вы, дети израильские, обратитесь к богу, богу Авраамлю, Исаакову и Яковлю и прочая». Аза собирал всю Иудею и род Вениамин и приказанием своим возобновил завет с богом, постановленный отцами их, обязуясь бояться бога всем сердцем; и не взыскующих его умерщвлять без пощады и малых и больших жен. Иосия сделал то же самое. Он собрал всех жителей иерусалимских и всех людей иудейских, священников, левитов и весь народ, с самого большого до самого меньшего, и внимающим им чли все слова книги Завета, и царь заклинился перед всевышним последовать ему и сохранять заповеди его от всего их сердца и от всей души их. Также и после плена Вавилонского народ собрался, и клятвы <нрзб >.

Благочестие Эрнестово не в подаваемых им государям наставления<х> токмо оказывалось, но также и во всем его поведении. Он выбирал в советники свои превосходных мужей, верностью их и искусством в правлении дел государственных, и давал чины сии управляющим все действия свои по закону божию, и когда не находил он таковых в своих областях, призывал он от нужды мужей сих. Эрнест подавал им знаки действительные своей к ним благосклонности, и они к службе его полагали горячность и усердие, прилагая к тому должное почтение. Они за забаву ставили себе оказывать услуги свои государю столь милостивому, толь благочестивому и толь заслуги их награждающему.

С сими-то советниками принимал он справедливые меры для приобретения благоденственного состояния народу своему и полагал законы, по советам их поданным его полезные.

Он оказывал великое отвращение к людям хитрым, обманщикам, шутам, а особливо к людям, не имеющим ни закона, ни жизни. Когда доносили что-либо, на честь другого клонящееся, повелевал он доносителя, в присутствии обвиняемого, доказать истину доноса. А если он не мог доказать того, было ему повелено оставить двор.

Хотя любил он и почитал весьма советников своих, однако не позволял он, чтобы прежде знания его о том, распечатывали они к нему присыланные письма. Он хотел их сам открывать, чтоб быть первому известну о содержащемся в них.

Главные его советники были Георгий Францк, уроженец шлезвигский, славный юриспрудент, которого жизнь можно видеть в Готской истории, сочиненной Саггинтарием1425. После смерти Францка, приключившейся в 1659 году, вступил на его место Вильгельм Шредер Сальцунг, ученый, также юриспрудент. Он был послом герцогов саксонских в собрании, бывшем в Франкфурте 1658 года. После смерти его, приключившейся в 1663 году, последователем его был Людвиг Секендорф, весьма славный как для своей знатности, так и знания, разума и великих услуг, оказанных церкви, Готскому, Цейцкому, Дрезденскому и Брандербургскому дворам. Беклер сочинил ему похвалу в своей книге, именуемой Музеум. А что же касается до прочих министров Эрнестовых, то исчисление и характеры оных находится в законах Константина Герменя, в коих он им приличные похвалы приписывает.

В правлении первое попечение Эрнестово было исправлять нравы своих подданных и стараться, чтоб они жили по законам природы и правосудия или, лучше сказать, дабы привить их к тому, чтобы показывали они своими делами, что они истинные христиане и веруют в заповедания Всевечного.

Не можно размышлять о святых узаконениях, Эрнестом обнародованных, и о тех благочестивых областях, им в оных начертанных, иначе, чтоб не быть сильно уверену, что они были написаны сердцем, горящим любовию к богу и к ближнему. И потомство по справедливости назовет его всегдашним поспешествователем честности и добродетели, когда рассудит о законах, им сделанных на заклинания <нрзб> имени Божия: невоздержности, пьянства, роскоши, ссор, поединков, обманов, своевольства и всякие излишества и о наказаниях на злодеев, им определенных для отвращения других от того.

То правда, что по причине чрезвычайного повреждения рода, не можно было ему искоренить всех пороков своих подданных, однако он употреблял все свои силы остановить течение оных и сделать свой народ разумным и добродетельным. Иоанн Эрнест Шадий, ректор училища Шлезинского, в своей надгробной Эрнеста речи говорит о его узаконениях следующими словами: «Та отеческая любовь, которую Государь сей имел к своим подданным, оказывается, во-первых, в законах, им сделанных для установления порядка, наблюдаемого в службе божией, в отправлении правосудия, в рассуждении тяжб; потом же в обнародованных им для содержания в должности священников, правителей гражданских, отцов, матерей, детей, военных людей, художников, слуг и прочая. Он наложил законы, запрещающие все роскоши; приказывал, чтоб никто не обманывал своего ближнего; чтоб не расточали напрасно денег своих, чтоб не вывозили оных из его земель и чтоб всякий жил кротко, умеренно, трезво и добродетельно. И одним узаконением, касающимся до нищих, хотел он, чтобы снабжали пропитанием бедных и препятствовали бы тем жить в праздности, кои в состоянии работать».

Он присутствовал весьма часто в Советах, где производились гражданские или духовные дела и где советовали о делах, полезных его подданным. И прежде, нежели судьи к решению приступали какого-либо важного дела, он требовал известия об оном и сам его рассматривал.

Не слушай также он тех прельстителей государей, кои говорят, что государь должен положиться в правлении своем на разумных и искусных советников, об оном ответствовать долженствующих, а что касается до него, то это еще не можно почесть в вину ему, когда он препроводит свое время в увеселениях, оставив другим беспокойство и бремя дел.

1425 Caspar Sagittarii «Historia Gothana Plenior Ex optimis quibusque editis Scriptoribus... Concinnata. Opvs Mvltorvm Votis Expetitvm Ab Ipso Avctore Magna Ex Parte Confectvm... Reliqua ex ejusdem schedis congessit et svpplemento indiceqve» (1713).

Эрнест был уверен, что бог его возвысил на сие возвышенное пред прочими место для того, чтобы править самому своими подданными, и что некогда он должен будет отдать ему ответ в его правлении.

Иногда, желая уведать состояние градов своих, проезжал он часто один, не будучи знаем, разговаривал он с людьми самого низкого состояния, выспрашивая их, каким образом начальники их исполняют свою должность? Какие их добрые или худые качества?

Всяк подданный его мог сам к нему идти для испрошения его справедливости. И всякому беспрепятственно дозволяли вход к нему. И он внимал их просьбы с отеческою милостию. Сам принимал их прошения, и когда они справедливы были или когда мог он их удовольствовать, то приказывал исполнить пожелания их немедленно.

Он хотел, чтобы никто не имел причины жаловаться на него, но любого принял он все предосторожности к воспрепятствованию худых следствий невинным под видом права или, не зная дела, приключиться могущих. Он рассуждал, что если и должно будет налагать наказания, то должно всегда склоняться к кротчайшему совету затем, что воздержания и слезы наказывающих невинно привлекают на судей проклятие и наказание божие.

И для того хотел он, чтоб от его ведомства зависели дела уголовные и гражданские, и не полагался он в них на мысли другого кого-либо. Итак, никто не мог задобрить судей, чтоб могли они оправить несправедливо сторону сами вельможи, привлеченные на сторону сего, но дарами не находили способа вспомоществовать несправедливым просьбам.

Если случалось, что судьи пристрастно и несправедливо решили какое-либо дело, то за оное наказывал он их жестоко.

Он не мог терпеть ябеды, и отрешал он от должности употребляющих се, оказывал, напротив того, свою благосклонность стряпчим и судьям, исправляющим должность свою верно и честно. Когда просил кто-либо у него умедления для совету испрошенная у право знающих или у какого-либо училища о некотором до законов касающемся вопросе, давал им оное. Но ненавидел он долгое нерешение дел, почитая оное злоупотреблением, кое должно исправить, и что скорее должно давать удовольствие спорящим.

Каждую неделю назначил он один день, в который с провожанием одного своего сына посещал он суды, будучи же в оных, читал он просьбы своих подданных, рассматривал оные и призывал их вносить в расписание и подписывал сделанные на их решения, он был столь неумолим в оказании справедливости, что часто бывало, когда он выйдет из совета ужинать или обедать, опять назад возвращался, когда ему представляли новое прошение.

Все оное показывает нам, что Эрнест был не из числа государей, полезным полагающих законы и оставляющих себе право преступать их. Он служил истинным примером своим подданным и им показывал путь к добродетели и благочестию порядочными своими поступками и невинностью нрава. Все свои намерения полагал он к славе божией и распространению богопочтения.

Он понимал весьма много, что говорит Кониер <?>, что Государи, будучи поставлены на толь высоком месте, подвержены зрению бесчисленного множества людей, все их поступки примечающие и действия их хвалящих и хулящих. И для того-то, говаривал глава красноречия римского: «Каковы государи суть, таковы и подданные их». «Если примечено, — продолжает Кониер <?> — еще, что чертоги великого Константина были похожи на Храм, то оное же самое и об Эрнестовом дворе сказать можно».

Как скоро встанет по утру, употреблял он несколько часов на молитву и на чтение Библии. Потом маливался он публично в собрании верных. И никакое дело, сколь бы оно важно ни было, никакое необходимое путешествие, никакое увеселение, ниже какая корысть, не могли его отвратить от сих святых должностей.

Он хотел, чтоб советники его и придворные воздавали богу такое же почтение, как он, и препровождали непорочную и добропорядочную жизнь, исполняли все то, что они обязаны богу и людям, и поощряли к тому своими увещеваниями и примерами.

Суеты, недозволенные увеселения, игры, расточительные роскоши, ласкательство, клевета, злословие, жадность, ссоры и обиды были изгнаны из двора его, и все, вдавшиеся в излишества и злодейственные увеселения, имели повеление отлучиться от его присутствия.

Но самые редкие и превосходные добродетели, как то: благочестие, честность, непорочность, трезвость, умеренность, взаимная любовь, искреннее дружество, желание оказать ближнему своему услуги, учредили твердое пребывание в его чертогах.

Он мыслил, что шуты и притворствующие порокам суть бесчестие двора в государстве, и утверждал, что забавляющиеся их шутками, дурачествами, сквернostями их, наглыми разговорами, обыкновенные им подобным, не достойны носить имя христианских государей. Он знал, что всякий должен отдать ответ во всех словах своих и о времени, теряемом в слушании безумия сих глупцов.

Светские придворные думают, что государи могут, не преступая должности, забавляться сим образом для отдохновения от их важных упражнений. Но Эрнест был весьма разумен и весьма благочестив, чтоб не слушать тому подобных советов и не забавляться тем, чем бог мерзит.

Когда какая печаль обладала сердцем его, то один только дух божественный мог оную уладить. И он чувствителен был только к таким увеселениям, кои разливают в душе чистое и твердое благочестие с свидетельствованием доброй совести.

Главное его развлечение было разговаривать с постоянными учеными, разумными и набожными людьми, и разговоры таковые были ему равно приятны и полезны. Когда он имел несколько праздных часов, то препровождал он их с ними, чтобы с тем большим мужеством мог он упражняться в правлении, которыми он никогда не был отягощен, хотя и прилежал к тому со всею привязанности, к каковой он способен был.

Дворы государей обыкновенно наполнены злыми людьми и своевольными; однако в Эрнестова дворе не находилось людей сего свойства. Славный Беклер в книге «Музеум» уверяет, что хорошие нравы и честность в оном владычествовали, и он бы подумал, что Ксенофонтов «Кир» есть описание вымышленное для начертания похвальных качеств, кои государь кто-либо должен иметь и что Плиниево Похвальное слово более витийственно, нежели сходно с исторической правдой. Если б не видал он в особе Эрнестовой всех тех добродетелей, кои представлены сими двумя превосходными писателями.

Эрнест не принимал в число своих домашних слуги, который бы не знал читать или писать или который не имел бы никакого знания о архитектуре или геометрии, и он их жаловал большими чинами, испытав их дарования и их способности. Он имел отеческое попечение о своих пажах. В первый день, как их к нему приведут, он их спрашивал, охотят ли учиться наукам или служить, узнав их намерение, примечал, исполняют ли с прилежностью их обещания.

Он не противился их воле и не желал, чтобы услуги, ему от них оказываемые, не отвращали их от учения и упражнений их. Он повелевал, чтобы те, которые захотели учиться наукам, были в школе, и чтобы его уведомляли учители оных об их успехах.

Щедро даваны им были книги, в которых они имели нужду, а когда окончат академическое свое учение, то снабжали их деньгами для путешествия в чужие края. Наконец ничего не отметали, что бы служило к вспомоществованию в их успехе.

Сенекдорф, украшение дворянства немецкого, обязан был сему князю всем знанием, им приобретенным, и Гербенстейн, тайный советник короля польского, был учен при дворе Эрнестовом всем свободным наукам.

Он не весьма почитал таких дворян, кои не прилежали к учению, и более почитал искусных художников и тех, кои в какой-нибудь науке превосходят. И для того-то сказал он некогда своему придворному, который, без сомнения, был не очень искусен: «К чему на свете годен ты, невежа?»

Он не возвышал до первых достоинств самых могущих дворян самой древней фамилии, но тех, кои превзошли других знанием, искусностью и достоинством, рассуждая,

что добродетель происходит из душевных качеств, а не от роду, от которого происходят. Он говаривал, что всякий день родятся благородные, изо которых меньшая часть благородна дарованиями. Но когда видал он дворян, кои к благородству крови соединяли благородство сердца, то он им оказывал знаки своей чрезвычайной благосклонности, дая им знать при том, что он не за породу, но за добродетель их почитает. Ибо он думал, что, если благородный человек обременен великим чином, но недостаточен в искусстве, разуме, знании и честности, обществу гораздо вреднее, нежели полезен.

Один дворянин сего характера просил у него о правлении одного воеводства, об чем просил совета Эрнест у другого воеводы, равно изрядного своим благочестием, верностию и знатностию. Итак, тот ответствовал ему двумя немецкими стихами, которых разум был следующий: когда жалуют дворянина правлением воеводства, то князь получает от оного одни яйца или цыплята.

Эрнест, удивленный сим ответом, ответствовал ему: «Я удивляюсь, что вы, будучи дворянин, мне таким образом ответствуете». На что сказал он Эрнесту: «Не все дворяне моего нраву и не имеют заглавное основание пользу их государя и его подданных». По окончании сего разговора Эрнест объявил тому дворянину, который требовал воеводство, что он не может ему дать правление оного.

Спросят меня, может быть, как он мог сохранить согласие между советами, кои имели знание о делах общенародных, ибо известно, что составляющие собрания таковые редко согласны бывают. На что ответствую я, что, как Эрнест присутствовал во всех сих советах, где он и председательствовал, как все там учреждалось властию его, то он препятствовал всякой зависти и ссоры.

Напоследок он берег свои доходы осторожно и его экономия обращалась в пользу его подданных. Для того-то Вильгельм Шредер называет его «совершенный образец всех экономий государевых».

Двор его был весьма порядочен. Он был поистине мал, но довольно многочислен к деланию добра общенародного и к наполнению чинов своего государства. Никто там не жил в праздности, никто в оном не был содержан только для одного великолепия и виду. Принц определил всякому своему придворному дело по приличеству и сам никогда не был он в праздности.

Он уничтожил все неполезные чины, наполнил свой совет искренними и к исправлению их должности рачительными особами. В его богатство <не> находили никаких несправедливо собранных денег, могущих заставить стонать подающих. Он приказал платить всякую треть жалования своим офицерам и считать с того дня, как они зачали исполнять их чины и должны им деньги были все в готовности, дабы все получили оные в один день.

Хотя он и старался умножать свои доходы, однако главное его попечение было сделать своих подданных счастливыми, зная, что счастье государя основано на благополучии народном. И того-то ради в самое бедственное время вдавался он во всякие труды и опасности даже до того, что подвергал себя смерти, как велит должность доброго государя.

Он ходил к предводителям неприятельских войск и давал им великие деньги, чтобы не делали они никакого зла подданным его, и для поставления безопасности, кою он предпочитал всем богатствам света.

После заключения мира давал он им все нужные на покупки скота, лошадей и орудий, потребных для пахания поля, ибо прежде они взяться за соху не хотели.

Он знал напоследок положения, свойства и качества всех земель, городов, полей и руд своей страны. Он знал, какие плоды всякая землица может приносить, а места неплодородные старался он исправить своим искусством.

Он прилежал также к распространению рукомеслов и в цветущее состояние привесть торговлю во всех своих областях. Он обнародовал новые узаконения художникам, следуя узаконениям земли, где они работают.

Вместо того чтобы уменьшать права граждан своих и уничтожать их преимущество, умножал он их часто, а особливо жаловал крестьян. Одним словом сказать, он правил своими подданными весьма кротко, почитая то весьма худо, что прочие государи обходятся весьма грубо с им подверженным, не рассуждая того, что как те, так и другие искуплены кровию Христовою.

Он говаривал со своим министром Секендорфом, что граждане несут невольно и что Государь не есть всемогущий владетель живота и имени, но что они рождены вольными.

Он не налагал никакой новой подати на свой народ и не слушал представляющих новые способы брать деньги у своих подданных. Напротив того, он их освобождал от многих податей, кои они платили его предкам, собирая с них только умеренные вспомогательные деньги, кои они могли без всякого беспокойствия бережливому государю. Ибо как он был неприятель роскоши, то и не имел он излишних расходов, хотя он и давал щедро все то, что от него благопристойность требовала.

Впрочем, деньги, получаемые от подданных его, употребялял он к их пользе; и подати, кои он с них брал, были определены на употребление обществу.

Он упражнялся почти во всю жизнь свою украшать свои области великолепными зданиями, чтобы деньги, которые его подданные ему дают, обратились в их руки. Он был отцом отечества и пользовался своим имением только для того, чтобы сделать участником народ свой. Как многие из его крестьян работали для него и что воеводы часто сие право во зло употребляли, пользуясь оным для своей особенной пользы, переменил он те услуги, которые они должны ему оказывать в умеренную дань, и их избавил сим образом от работ воеводских.

Попечение, которое он имел о крестьянах, принудило его удержаться от всенародной охоты, довольствуясь только дичиной, кою его охотники могут достать, употребляя сие право для своего употребления, а не для своего увеселения. Ибо он знал, что охоты весьма вредны сельским людям, кои часто принуждены будут в оное употреблять определенное время на сеяние и на собирание.

Итак, Эрнест гораздо более пользовался своими рощами, нежели другие своими дорогими охотами, потому что без расходу охотники уменьшали излишнее число зверей, в оных находившихся, дабы не портили полей и чтоб дичина недоставала ни его двору, ни его придворным и еще доставалась гражданам, кои захотят оную покупать.

Эрнестовы подданные жили в спокойствии и безопасности, будучи довольные своей судьбою, затем же они имели все нужное к препровождению их дней, потому что он их так счастливыми сделал, что и ныне крестьяне сей земли гораздо богатее крестьян других князей.

Знак чрезвычайной Эрнестовой милости оказывается особливо в том, что он обыкновенно говаривал, что он охотно бы хотел освободить своих подданных от всех податей, кои они платят ему, и многие знают, что он старался найти способ их от оных освободить.

Он собрал своею разумною бережливостию такое богатство, которое не было расточено во время долгой войны, разоряющей немецкую землю, хотя он и не умножал оное никаким несправедливым средством.

Он вверял благочестивым людям управление своих воеводств. Те, коим он давал сию должность, должны были наперед знать качество его земель. Потом он их посылал в чужие краи для научения в домостроительном обхождении с теми, кои в оном превосходили, которые, побывав несколько лет в странах тех, куда они ездили и там приметив все, служить могущее к умножению приходов государственных и своего отечества, они возвращались к себе дать опыт в своем искусстве, которое они приобрели, путешествуя.

Всякий год воеводы отдавали отчет о их приходе и расходе в присутствии Эрнестовом, который их увещевал всегда иметь за основание общенародное благо. Итак, они были освобождены от обвинений, быть могущих от доносителей, кои часто обвиняют честных людей и защищают злых.

Когда князь усомневался о честности какого-либо воеводы, то после рассмотрения его счетов советниками, он приказывал не рассматривать другим, которые никакого сообщества ни с считаемым, ни с сими советниками не имели. Сим образом он узнавал, служат ли ему верно.

Он не глядел на дела посторонними глазами, ибо он был неутомим в трудах; а впрочем, он получил от неба все потребные знания рассуждать и сам обо всем.

Он примечал рачительно употребление, кое граждане из своего имения делали, и не терпел, чтоб кто возвышался выше своего состояния. Некогда будучи скрытно в вольном доме, увидел он одного человека, едущего на лошади дорогой цены. Он спросил, дворянин ли он и имеет ли какой большой чин? Ответствовали ему, что это секретарь. Эрнест записал тогда имя его в свою памятную книжку и потом хотел знать, большое жалованье получает он и богат ли он. По данному ему ответу просил он от своих советников, может ли такой человек жить в таком великом изобилии, не обижая своего ближнего и не обременяя народ? Эрнест, получив в ответ, что тому нельзя статься, призвал сего человека и приказал ему отдать счет в его делах. А как нашлось, что он худо наблюдал чин свой, то он его и лишил оного. Он употреблял часто сию строгость, однако он знал дела, различие между малыми и большими погрешностями. Один его министр сделал своею простотою такое дело, которое достойно бы было великого наказания, но он его простил по причине многих оказанных им услуг.

Будучи уведомлен о неверности одного своего советника, послал он к нему 101 псалом, чтоб он читал его и чтобы как в зеркале увидел свою погрешность. Когда потом придворные знали какого-нибудь воеводу или министра, который худо исполнял свой чин, то обыкли говорить: «Его высочество даст ему тотчас читать псалом князей».

Эрнест думал, что предосудительно было бы обществу отдавать с народного торгу на откуп свои управительства, поля и собирание ржи. Он лучше любил управлять оные верными людьми. Ибо, хотя откупщики его доходы умножали, платеж денег, коими они должны были, он рассуждал, однако, что и сверх разных несправедливостей, к коим подается через <нрзб> повод и принуждение наложить лишнюю цену на хлеб, князь сам приводится в бессилие вспомоществовать своему народу в голодное время.

В сем общенародном бедствии не презирал он ничего такого, что б к отвращению бедствия сего служило, дабы иметь изобилие в голоде. И так, заслужил он по справедливости имя Отца Отечества, и так он приобрел сердца народные, что они всегда были в готовности отдать ему все свое имение и пролить всю свою кровь, чтоб его избавить от опасностей, в которых он может находиться.

Что же скажу я теперь о его щедрости и о хорошем употреблении его денег? Он употреблял оные для славы Божией и для сооружения народного добра. Он щедро жаловал училища, церкви и священников. Как во многих местах священники имели самое малое жалованье и насилу могли иметь пропитание, что было причиною, что они упражнялись в прочем чем-либо более, нежели в учении, для пропитания семьи своей. Учителя исправляли разные мастерства и служили наемниками, не радея сим образом об учении юношества. Он умножил их жалованье, дав им столько денег, сколько им было нужно жить честно, не вмешиваясь в дела, неприличные их чину.

Он присоединил пять надзирателей и десять помощников к обретающимся в чинах сих и учредил пять новых приходов и двадцать новых училищ. Он сделал сиротский дом с доходами, на которых бы содержались вдовы священнические и учительские, определя первым по две тысячи ефимков, а вторым — по пяти сотен гульденов.

Наместники и управители земель его, вспомоществованные Эрнестом, сделали такое учреждение и для своих вдов.

Он определил разные суммы денег для упражняющихся в свободных науках, на прокормление их в училищах и академиях. Он сделал также многие другие милости свои подданным, кои я здесь умолчу.

Он употреблял великие думы на тиснение многих богословских писаний, как выше упомянуто, и давал сии книги церквам, людям, коих почитал он за их отменное благочестие и достоинство, и детям, кои имели успех в учении. Великие суммы употреблял он также на исправление церквей, училищ, городов и деревень, пожарами поврежденных, и для содержания изгнанных из отечества и по причине закону их. Известно, что он употребил на всякие благочестивые употребления более пятисот тысяч ефимков, как об том свидетельствует Генний в Кобургском летописце.

Эрнест поступал с великой осторожностью при раздаче жалованья, как то оное сим единым примером назначается. Некоторый богословский студент, пришедший из одной ближней Академии, предстал князю, богато одет, и с великой гордостью просил у него годового оклада, который у немцев называется Stipendium. Эрнест рассудил, что человек сей имеет разум и сердца порочное не имеет, ответствовал ему: «Я не могу в том увериться, чтоб ты имел нужду в моем вспоможении, затем что по наружному виду ты кажешься быть в состоянии помогать бедным. Я тебе советую лучше возвратиться назад и не думать, чтоб я на худое употреблял деньги мои и давал их такому моту, как ты. Если же ты придешь с знаками христианской простоты и истинного благочестия и когда принесешь хорошее засвидетельствование от академических профессоров, то ты меня найдешь в готовности помогать тебе в твоих учениях».

Он чувствовал чрезвычайную радость, когда он узнавал, что его средства и его увещания привели какого порочного на путь добродетели и весьма щедро с таковым поступал он для ободрения его к деланию всегда успехов к благочестию.

Он умножал охотно жалование советников своих, имеющих многочисленную семью. Когда кто из его домашних худо исполнял свою должность, то он поощрял его своею щедростию исправнее и прилежнее служить себе. И всегда, как слуги его крестили детей своих, он им оказывал знаки своей щедрости. Много денег употребил он на управление городов и настроение новых зданий, также на картины и книги, из которых он сделал хорошую библиотеку.

Все сии расходы, как они ни велики были, не истощили, однако, его богатства. Ему еще оного осталось довольно на ссуждение многих государей, кои отдавали ему во заклад управительства свои. Как некто удивлялся, что он так много может снабжать, сказал он: «Бог мне сделал участие в своих имениях и так я их моею пощадою сохраняю».

Он снабжал с чрезвычайным попечением пропитание своих подданных, продая хлеб низкою ценою во время дороговизны, ибо в плодородные годы он наполнял житницы свои хлебом, чтобы в бесхлебие им оный разделять.

Бедствие сие во время Эрнестовой жизни опечаливало два или три раза его области, но своей щедростию избавил он народ свой от оного, так как и соседственные области.

В 1645 году пожар опустошил большую часть города Готы, и он не хотел, чтобы новые домы строили опять деревянные, но пожаловал гражданам денег на построение каменных; они бы были изрядной высоты и чтобы всякими тремя домами сделана была стена высотою с кровлю, дабы пожар впредь не мог сделать столь опустошений великих в Готе. Итак, из деревянного города сделал он каменный, как то Август о Риме говаривал, что из кирпичного города сделал мраморный.

Не должно предать забвению другое Эрнестово намерение, им предприемлемое, но не исполненное за приключившейся ему смертию. Чтобы деревенские священники и учителя не упражнялись в земледельстве и в работах сего рода, он вознамерился им давать потребные им деньги и хлеб к содержанию честно своей фамилии и на куплю потребных книг.

Он не вознамерился еще, равно ль отделять им должно будет доходы, дабы препятствовать зависти между ними, или должно будет определять большие доходы некоторым приходам, дабы в оных учредить превосходнейших в знании, в благочестии и чтоб тем побудить сделаться достойным своего чина.

Прежде, нежели приступим к прочим Эрнестовым добродетелям, представляю я здесь другой пример его щедрости. Прогуливаючись, он некогда на площади услышал, что мать бранила своих детей и увещевала их весть жизнь, свойственную благочестию; спросил он, кто была женщина сия? А как ему ответствовали, что то была жена одного из его служителей в… <так!> то дал он ей сто гульденов на уплату долга, за которой дом ее был в заклад. Причиной же, побудившей государя дать сей подарок, было то, что она имела попечение воспитывать детей своих в страхе Божием.

Напоследок Эрнест знал, что Государи не должны щадить ничего для содержания своего достоинства; итак, хотя роскошь была изгнана из его двора, однако не жалел он ничего, когда должно было показаться с сиянием.

Когда Фридрих, сын его, женился на дочери Августа, правителя Аугсбургского1426, и когда привели супругу сию к сожителю, то Эрнест ничего не пожалел, чтобы торжество сие сделать великолепным. Княжна сия и братья ее были славно приняты. Столы были многие дни с удивительным множеством и приятностью учреждены и на празднество сие многое число граждан приглашена, также и играны <нрзб> концерты со забавными позорищами.

Эрнест не только в увеселениях народных оказывал великолепие, то также в погребальных торжествах, как оное видно при погребении братьев, сыновей и дочерей и некоторых его сродственников.

В 1643 году во время жестокости войны и как Баннер, шведский военачальник1427, разорял эрнестовы земли, употребил он двести тысяч ефимков, большую часть которых занял он на строение великолепного замка, названного Фриденштейн, не пощадив ничего для сделания его спокойный и способным для жилища великого государя.

В 1655 году он окружил замок сей стенами, рвами, бастионами не для тщеславия и суеты, но чтобы иметь верное убежище, в коем он мог защищаться против нападений неприятельских. Но как был тот государь удивительного благочестия, то более вверялся он помощи Неба, нежели своим собственным силам, будучи уверен, что покровительство Божие сохранит его от всех бедствий. Стихи, на воротах замка сего написанные, суть доказательство истин сих, как следует

Hierhey errinnert euch, daß wegen eurer Sünden
Ihr Gott Frieden macht, so wird fuh Friede sinden:
Und die Ihr kommt nach uns, was bös begangen, flieht,
Damit dem Untergang ihr euch hierdurch entzieht1428.

Надежда его на бога ясно оказывается в разговоре, который он имел с своими советниками, когда он хотел начать сие здание. Как его фамилия прирастала всякий день и чтоб жить покойно, потребен уже был новый дом, то спрашивал он их, присоветуют ли они ему строить замок по сделанному им плану?

Они ему ответствовали, что в сие свирепое время не может он его состроить, не налагая новых податей на своих подданных и не вшед в новые долги. На что государь ответствовал им: «Я знаю, что вы люди честные и что, говоря подобным образом, вы следовали совести вашей, имея за основание свое мою и моего народа пользу. Однако я взял сие намерение, просив уже благословения Божия на то, а как мне необходимо надобно предприять здание сие и не для одного моего увеселения вхожу в сей расход, то уповаю, что господь подает мне способы к довольствованию моему и чтобы не только умножать

1426 Магдалена Сибилла (1648–1681) — принцесса Саксен-Вейсенфельская и Кверфуртская, старшая дочь герцога Августа Саксен-Вейсенфельского, в замужестве герцогиня Саксен-Гота-Альтенбургская.

1427 Иоганн Банер (1596–1641) — шведский военачальник во время Тридцатилетней войны.

1428 Далее перевод Муравьева: «Вспоминайте делать мир ваш с Богом, разгневанным на вас за ваши грехи, тогда вы будете наслаждаться истинным миром. Вы, что после нас придете, убегайте зла, дабы тем вечного раззорения миновать» (Л. 118). Однако он перечеркнут и пометка на полях: «Смотр. на конце».

оных, но еще учреждение сие приведет меня в состояние уменьшать их подати. А в противном случае не вы будете виною и погрешность останется мне одному. Потом приказал, чтобы вложили в Архив его объявление для ведома, что он предпринял строить сие здание не по присоветованию его советников и что касается до сего, то в том их ни малейше обвинить нельзя, потому что они старались его отвратить от того.

Окончав строение сего замка, призвал он тех же советников и, показав им сей великолепный дворец, сказал, что он благодарит бога за то, что он чрезвычайно ему вспомоществовал в сем предприятии.

Как для исполнения оного он не собирал новых податей, то носился слух, что, будто копая основание и вычищая бут, нашли великое множество золота и серебра, что, однако, не свойственно с правдой. И то верно, что сие единственно только благословением Неба благополучно совершилось.

Он пользовался редко тем правом, которое он имел, — делать деньги, опасаясь, дабы не подумали, что он хочет пользоваться тем, что ему казалось недостойным доброго государя.

Когда он приказывал делать медали, то хотел он, чтобы на оных надписи, в коротких состоящие словах, могли внушить благочестие читающим и возжечь любовь к богу в сердцах. Многие люди собрали из оных самые лучшие. Но как в сем веке очень жадны к барышу, то большая часть из оных слита на получение прибытку.

Торжествуя 11 и 12 число августа 1650 года, по причине Оснабрюкского мира, приказывал он сделать медаль, которую он всем сообщил, не позабыв также и учеников всех училищ его герцогства. На сей медали написаны были следующие слова:

Gott den Herren loht und ehrt
Der den Frieden hat bescheert.
Fördert seine Furcht und Ehr,
Sonst besteht er nimmermehr1429.

В 1661 году 2 числа сентября велел он учинить себе присягу в Вавунгене, что в Генненберге, и на сие приказал также сделать медаль. С одной стороны видны Генненбергский герб с венцом и с сими словами: «Fried in Gemeinschaft ernerht», то есть «Мир общество питает». А с другой: «Unfried durchaus verzehrt», то есть «Но брань все разоряет».

В 1668 году приказал он также изрядную сделать медаль, которой описание есть следующее: с одной стороны изображено увенчанное сердце и около венца написано «венец правды», в высотах видно солнце с именем Иисуса Христа, в круге следующая надпись:

Und wenn mir gleich das Herz zubricht
So bist du doch mein Zuversicht.

то есть:

Хоть мне б и сердце изменило,
Мое б ты упование было.

1429 Далее зачеркнутый перевод Муравьева:

Хвалите господа навсегда
Которой нам дарует мир
Посвящайтесь вы Ему
Дабы он вашею подпорою был (Л. 119).

Наследие написано: Гота. 1668 год. А на другой стороне находятся следующие слова:

Nun bin ich Frey von Sünd und Pein
Gesund mein Leib, die Seele mein.
Nun sehau ich Gott von Angesicht
In seinem Hauß mit vollem Licht.
Nun feyr ich mit der Heilgen Schaar
Das ewge seelge Jubeljahr1430.

Построив Гельдбургский храм, расположенный на горе, желал он, чтобы священник сего места сказал проповедь о взятии Еноха на небо, ибо говорит он: «Наше горячайшее желание есть достигнуть до сего счастливого пребывания. К чему бы мне служили мои области, мои подданные и все богатства света, если б я не получил вечного благополучия».

Он воздыхал всегда по небесном благе и увещевал беспрестанно своих придворных и домашних презирать землю, все суетности оной, все ее роскоши и искать своего увеселения в одном благочестии.

Некогда, возвратившись с охоты, сказал он: «Какую пользу можем приобресть из сих увеселений, в коих весь свет с толикою горячностию обращается? Они производят только усталость, омерзение и скуку, благодать одна может только сделать истинную радость».

Он помнил всегда, что он сотворен из земли, и сия-то мысль ограждала его от гордости и препятствовала ему употреблять во зло свое достоинство.

Когда он сочинял какую-нибудь книгу, то имел обыкновение надписывать над оными следующие слова:

Regenten sind gemacht auf Erden,
Regieren auf Erden,
Und müssen zur Erden werden.

То есть: Государи сотворены из земли. Повелевают они на земле и должны наконец возвратиться в землю.

Как сие рассуждение содержало его в христианской кротости, то не думал он умалить могущество государское, посещая своих подданных во время их болезней и делая сию честь не только людям первого достоинства и своим министрам, оказавшим ему великие услуги, но также и людям благочестивым, хотя бы оные и среднего состояния были. Когда они были бедны, то помогал он их бедности, утешал их святыми своими увещеваниями.

Он сносил с удивительною непоколебимостию несчастные случаи, приключающиеся ему, зная, что бог повелевает всеми случаями и что печали, коими он посещает детей своих, обращаются всегда к их пользе.

По мере лет его всегда делал он новые успехи в святости. И старость, потушив огонь его страсти, умножила горячность его в благочестии. Он приготовлялся к отшествию с сего света богомыслием и частыми молитвами и для усугубления своей ревности приказывал он своим служителям читать пред ним беспрестанно Священное Писание.

Хотя и ослабевал слух его, однако не преставал он присутствовать в народных церковных собраниях. А дабы слышать слово божие, то священник, по приказанию его,

1430 Далее зачеркнутый перевод Муравьева: «Ничто не может более обеспокоить ни тела, ни души моей. И теперь-то я рассматриваю бога лицом к лицу в доме, самим им основанном и освященном светом вечности. Теперь-то торжествую с освященными духами юбилеум, наполненный прелестями и приятностями бесконечными» (Л. 119 об.). Пометка на полях: «См. на конце».

присылал к ему наперед содержание его проповеди или, по крайней мере, рассказывал он ему, об чем он будет говорить.

Как благочестие подает не только благо будущее, но также и настоящее, и Эрнест награжден был в жизни сей множеством земных имений, кои знатно умножили как области, так и доход его.

В первых летах владения его были не велики, и он имел только Готу и несколько управительств, но благословением Неба он наследил многие другие области. Ибо после кончины Альберта, брата его, приключившейся в 1644 году, вступил он в наследство половины герцогства Ейзенахского. Как в 1672 году умер Фридрих Вильгельм и Альтенбургский двор им кончился, то он вступил также в наследство всех земель князей сего имени и герцогов кобургских, выключая некоторых управительств, которые он уступил веймарским герцогам для сохранения их дружества. На что Гаспар Сагиттари сочинил хорошую поэму на немецком языке под названием «Награжденное благочестие».

Здесь видны были до сего во всем поведении Эрнестовом убеждающие знаки о его твердом благочестии, которое ему заслужило имя Благочестивого. Сия божественная добродетель окажется яснее еще, если мы рассмотрим ту духовную, которую государь сей сделал в 1654 году.

Он увещевает в ней сыновей своих бояться бога, воздать ему должное почтение, наблюдать крепко истинный Закон и оный защищать, стараться всеми силами ввесть оный в те страны, в коих не принимается, защищать церкви и училища своих областей. Повелевать им, иметь страх и любовь к богу, прилежность и горячность в молитве. Увещевает их поступать всегда с разумом и с советом, оказывать всем точную справедливость, предпочитать попечение о своих областях и должности правления всем увеселениям и забавам, управлять своим народом разумно и кротко, содержать оный в его правах и преимуществах, не налагать на них никакой новой подати, наблюдать точно учрежденные законы.

Он приказывает почитать императора, любить и искать спокойствие в миру, охранять истинное дружество между собою и между государями их дому, смотреть более на благо общественное, нежели на свое собственное; вверяться только истинным друзьям; не соединяться никогда с неприятелями империи; возвышаться только законными способами; не поручаться ни за кого, не взявши прежде верных предосторожностей; восстановлять, сколько возможно, докучную жизнь бедных, а особливо старых; сносить постоянно печали и быть уверенну в благополучии.

Он им предписывает иметь благочестивых советников, кои бы были искусны в отправлении дел и кои бы были испытаны несчастием; не слушаться ложных обвинений, кои против оных оказывающихся; не отпускать никогда без награждения достоинство; платить исправного их жалования и управлять власть их.

Он желал, что, когда должно будет учреждать профессоров в Иенской академии, чтоб не полагались на одобрение других университетов, но и давали чины сии мужам благочестивым и ученым, требующим оного; чтобы восстановляли бы в оной порядок, давали оклады и пенсионы, определенные ученикам, и в общественных столах приемлемы были только молодые разумные и добродетельные люди.

Эрнест приказывает также своим сыновьям иметь попечение о справедливой цене денег, чтобы великое число для охоты употребленных скотов не причинило вреду их подданным. Он им подает также многие повеления, касающиеся до распространения славы Божией и пользы их народа, что редко, однако, находится в духовных многих государей.

Он желал, чтобы сыновья его сохраняли, как некоторое сокровище, письмохранительницы Виттенбергскую, Генненбергскую, Веймарскую, Альтенбургскую и прочих городов и чтобы они научались в оном находиться.

Потом он им советует владеть и управлять общо своими областями, но, однако, так, чтобы старший имел главное управление, а прочие бы братья ему помогали в части его попечений и научались убегать праздности.

Он их увещевает также не жениться на княжнах иностранных, а на одноземных, единый Закон исправляющих, для блага веры их и собственного их спасения.

Наконец советует им учредить расход свой так, чтоб не превосходил он доходу; не держать весьма великого числа домашних, собак и лошадей и прочее; убегать роскоши в платье; воздерживаться от карточной игры, а когда случится забавляться оною, то употреблять ее с умеренностию; и не играть для денег, но только для препровождения приятно некоторых свободных от трудов часов.

Он желал, чтоб они не вникали ни в какую запрещенную науку, а особливо в те, кои научают предсказывать предбудущее или до других <нрзб> либо волхов и их касающихся учений. Убегали бы невоздержности, а особливо пьянства, если не хотят навлечь на себя гневу божия и вдаться в опасность потерять его милость.

Он наименовал в опекуны своих сыновей Елисавету Софию, свою супругу, Иоанна, принца Антгальтского, или Фридриха, герцога Виртембергского. Он определил сей государыне для опекунства две тысячи гульденов жалования и умножил оклады своих советников, дав им вдвое против прежнего.

Он приказал, чтоб давали дочерям его двести пятьдесят гульденов, пока они будут 16 лет всякой год сверх съестных припасов и пятьсот, когда вступят в восемнадцатый год.

Как после сочинения таковой духовной досталось ему в наследство герцогство Альтенбургское в 1679 году, то сделал он другое установление, которым положил он образ правления областей его после кончины своей и сделал некоторую перемену против содержавшегося в духовной. В 1675 году сыновья его объявили манифестом, подписанном их руками, что они соглашаются на таковое установление, в котором, между прочим, увещевает он князей сих, а особливо старшего, которого он наименовал правителем областей своих, исполнять, как истинные христиане, их должности государствования, к которым бог возвысил их, воспоминая себе, что они должны некогда дать в оном ответ и показать своими поступками, что они не только имеют одно имя государя, но и все оного качества.

К сему присоединил он, чтобы правили они народом своим разумно и имели попечение, дабы все дела исполнены были по правилам правосудия и справедливости, чтобы учреждали с мудростью доходы их и всегда б старались о добре церковном и государственном.

Он их увещевает также жить в святом согласии, припомня, что царство разделенное стоять не может и что бог обещает милость и благословение свое любящим мир и согласие. Он приказывает не завидовать друг другу в превосходных дарованиях, им богом дарованных, и сносить взаимно их погрешности с любовию и кротостию.

Он хотел, чтобы всякой из них старался о благе братьев своих с толикою горячностию, как о своем собственном, изгоняя все несправедливые подозрения, все жестокие упреки и напрасные гневы, в обхождении случиться могущие, и не слушал он льстецов и наушителей.

Что если хитростями врага рода человеческого родится какой раздор между ими, советует им просить помощи Святого Духа, который есть Дух мира и любви, чтобы миновать такого разделения прежде, нежели может дух противный в сердце их влить злобу и ненависть друг против друга, а чтоб решить такое дело, подвергались бы они решению и приговору их общих друзей, им не подозрительных, и повиновались их решению.

Он им запрещает отнюдь не тяготиться друг с другом и преследовать право оружиями грозы им гневом Божиим, если они преступят сие повеление.

Он запрещает также всякому из них выбирать особливых советников для того, что могут произойти от того бедственные следствия. Он желает, чтобы сыновья его, будучи в возрасте шестнадцати лет, получали всякий год две тысячи ефимков, после семнадцати лет — 2500, после 18 лет — 3000, после 19 лет — 3500, по 20 лет — 4000, когда же достигнут до 21 году, то получали бы 6000, вступив же на 25 год — 8000 и так далее умножать суммы,

как время позволит. Когда же пойдут они в академии, то прибавлять к их окладам 2000, таким же образом умножать их, когда они женятся.

Он увещевает их к домостроительству, чтобы, когда имели они деньги и хлеб, к изобилию также иметь нужные запасы для делания своих подданных счастливыми и дать им способ защищать их и содержать достойно двора.

Он определил княжне, дочери своей, сверх содержания, коей должно будет давать из общей казны до тех пор, пока она замуж не выйдет, три тысячи ефимков жалованья. Он ей отказал еще три тысячи и дал ей 20 тысяч гульденов в приданое и 6 тысяч на платье и уборы.

В 1672 году присоединил он к сему установлению письмо, которым он увещевает своих детей наблюдать исправно совет, оным данный, — пребывать в истинном почтении Божием, воздавать богу всю должную любовь, любить всех, прилежать к чтению книг, в которых всевышний начертал <нрзб>, исполнять государственные и церковные законы.

Можно было видеть из сего повествования, какое было свойство Эрнествово и какими добродетелями бы был он украшен. Теперь должны приступить к последнему действию его жизни и описать болезнь, которая оную окончила, и благочестивые его мнения, которые имел он, оставляя свет сей. В 68 году от рождения его тело стало ослабевать, а как достиг до 73 года в феврале и марте месяце, почувствовал он различные болезни, кои, казалось, предвещали конец его жизни. Он был поражен параличом с правой стороны, беспрестанным обмороком и частою рвотою.

Но посреди сих болезней, как только немного приходил в силы, приказывал снесть себя в храм и в совет справить должности истинного христианина и доброго государя, до тех пор пока оживлять будет душа слабое его тело.

8 числа февраля он присутствовал в собрании верных, в церкви С<вятого> Августина, в день рождения, которым он вступал в 74 год, он благодарил о том бога в храме замка своего, но с сего уже времени не мог он ему воздать всенародно должного почтения.

22 и 23 числа того же месяца почувствовал он предвещание смерти, к которой он был готов во все течение своей жизни и которую он всегда почитал предвестником благ особенных. Во время всей его болезни показывал он, что сердце его было исполнено чрезвычайной радости в рассуждении вечной жизни и славы вечной, в которую он в кратчайших днях наслаждаться надеялся.

Он часто говаривал о сей столь благополучной жизни, которая была единственный предмет его желаний, и часто спрашивал у окружающих одр его: «Не причиняет ли в их душе столь же великого увеселения мысль сия о толь величайшем счастии?»

Несколько минут прежде кончины произнес он сии слова: «Ах! Если бы мы любили совершенно Господа, сколь бы великую радость сердце наше ощущало?» А как ему ответствовали, что наш Господь доволен, когда соответствуем нашу любовь его любви, то Эрнест, заплакав, ответствовал: «Я тебя люблю, тебя, Боже мой, от всего моего сердца прошу тебя, не лиши меня твоей милости и не отдали меня от лица твоего, дай мне, чтобы и все мое упование на тебя полагал до самых тех пор, пока отымешь у меня язык, и чтобы твои раны, твои болезни, твоя кровь и твоя смерть были мое утешение до самого до последнего часа моей жизни».

Хотя он был и великой слабости, однако несмотря на то хотел он сообщиться святых тайн в собрании христиан и сообщиться с такою ревностию и набожностию, что все, видевшие его, были принуждены подражать его примеру.

Исповедуясь в грехах своих, засвидетельствовал он весьма живое соболезнование, что он прогневлял бога всякими образами и сетовал на повреждение природы своей, биючи себя по груди с рыданиями, значившими искренность его раскаяния, и говоря: «Тамо живет сей ветхий Адам, приключающий все мои беспокойствия, о, сколько беден я, кто избавляет меня от бренного сего тела».

Часто жаловался он на неверность веры своей и печалился, когда не чувствовал всегдашней радости, кою святой дух производит в блаженной душе, но когда по утрам

увеселялся он обещаниями, в слове Божием написанным, утешался сим местом в Священном Писании: «Бог возлюбил толико мир и пр.» — «Я не отдам, — говорил он, — сии слова ни за тысячу миров, потому что они суть основание моей веры, кои не могут быть опровержены диаволом.

Когда он подумал о сих словах: «Кровь Иисуса Христа нас очистила от наших грехов», — то лились у него ручьями слезы, значившие его веру и любовь, которую он имел к своему спасителю. Некогда был он так восхищен сей притчей С<вятого> Иоанна: Се агнец божий вземляй грехи мира, — что, встав с постели, ходил к своей дражайшей супруге и уверял ее, что сими словами он как снова перерождался, потому что он был уверен, что Христос его избавил от всех грехов.

С самого первого дня его болезни до самого последнего, хотел он, чтоб во время обеда и ужина пели ему погребальные песни, чтобы всегда иметь смерть в своей памяти и его разум был занят благом небесным, коего он желал от всего сердца.

Потеряв же совсем все свои силы, сообщившись святых тайн и получив отпущение в грехах своих, хотя и был в чрезвычайной слабости, однако всеми силами старался встать и, преклонив колена, он поклонился и благодарил бога за ему оказанные милости.

Потом, потеряв язык, ежечасно обращал губы до последнего воздыхания и подтвердил словом «аминь», которое он громким голосом произнес, теплые молитвы, пролитые к Творцу всех благ при его смерти1431.

Он скончался 26 марта 1675 года в два часа после полудню, в то время как читали сии последние слова Господней молитвы: «Яко твое есть царство, сила и слава во веки веков, аминь».

Он испустил дух свой в присутствии супруги своей, детей, многих из его советников и священников, будучи 73 лет трех месяцев и одного дня. 4 июня того же года был он погребен с погребальным великолепием в Готе в храме св<ятой> Марии. Его пословица была: «In domino confido» и «in silentio et spe».

Повествование сие окончу я приложением похвальной речи Г. Спенера, сей толь ученого и славного богослова1432: «Во всех немецких областях, — говорит он, — и во всех евангелических церквах никто не может не знать, что Эрнест всеми силами старался исполнить Закон Божий с совершенным послушанием и что он воздавал ему как всенародно, так и особенно с горячею ревностию и глубокой преданностью должное почтение. Известно также и то, что принудил он подданных своих жить столь порядочно, что с трудом бы можно повторить было, когда б Государь чей-либо мог оное ввесть в двор свой.

Он управлял областями своими с строгим правосудием и во всех его предприятиях всегда имел он намерении благоденствие и благополучие подданных своих. Итак, мудрым своим поведением сделал он их счастливейшим в свете народом. Он так старался о вечном их спасении, что не думал он, как многие великие особы, ставящие заслуги своему достоинству иметь попечение о юношестве и о училищах, кои суть сады церковные, и он не присылал к своим священникам духовные дела. Он отправлял оные сам со удовольствием, как то в его повелениях оказывается, кои обнародовал он для сего, и он до того дошел, что не находилось ни одного из его подданных, который бы, по крайней мере, не знал читать и писать. Во время всей его жизни упражнялся он в исправлении нравов своих подданных по знаниям, которым бог украсил его превосходный нрав и по совету своих министров, не презирая ничего для наблюдения своих повелений; в чем он был столь счастлив, что мало находилось таких христианских собраний, где бы было примечено столь много добродетели и благочестия, как в собраниях его государства. И не должно сомневаться, чтоб не было то действие милости Божии, благословившего праведно святые старания князя сего. Он снабжал щедро пропитанием священников и учителей, и он не только изыскивал пользу церквей своих начальств, но также и прочих областей

1431 Запись на полях: «Его смерть».
1432 Филипп Якоб Шпенер (1635–1705) — лютеранский богослов, основатель пиетизма.

евангелических. Он старался окончить прения их учителей и сохранять небесные истины, коим учатся у протестантов.
Suspeptum et finitum est hoc opusculum Mosquae 1769.

Приложение 7. Трагедия М.Н. Муравьева «Федра» (сохранившийся фрагмент)[1433]

Источник текста – ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 53. Л. 1–11.

Федра. Трагедия

Действие первое. Явление первое

Ипполит, Терамен

Ипполит

Уж то предпринято[1434], любезной Терамен,
Я еду из страны, Трезенских милых стен,
В злой неизвестности, в которой погружаюсь[1435]
Сам праздности своей, я в тайне устыжаюсь,
Шесть месяцов уж как отшел родитель мой,
Не знаю я судьбы толь жизни мне драгой,
Не знаю мест его, что могут нынь скрывати.

Терамен

Но где ж, о Государь, ты стал его б искати?
Для спокоенья уж твой справедливой страх
В двух разлученных был Коринфом я морях
Тех жителей брегов я спрашивал Тезея,
Где к мертвым Ахеронт, теряется чернея,
В Елиде был, и там оставивши Тенар,

[1433] Впервые опубликовано нами; см.: [Ивинский, 2024].
[1434] Первоначально: «Намерение взято».
[1435] Первоначально: «Колебаюсь».

Прошел я до моря, в которо пал Икар,

Какой надеждой льстясь, в каких странах блаженных

Ты мнишь найти следы его стоп удаленных,

Кто знает, чтоб не царь, кто знает, может быть

Отец твой не хотел свое отсутство скрыть,

Чтоб, как о днях его трепещем мы с тобою,

Спокоен и вспален любовию иною,

Не ждал обманутой любовницы Герой.

Иппол.<ит>

Тезея почитай, любезный друг, постой,

От младости его пришед пороков ныне

В толь подлой для него не удержан причине

И устремив свои желания в одно

Уж Федры не страшна совместница давно

Идя его искать, я долг свой исполняю

И убегу тех мест зреть коих не дерзаю.

Терам.<ен>

И с давно ль, Государь! страшисся ты мест сих

Спокойных, твоему младенчеству драгих

И коих зрел тебя чтить боле пребыванье

Как нежели Афин и все двора сиянье?

Опасность гонит тя ль иль твой прискорбен дух?

Иппол.<ит>

Не стало тех уж дней, все пременилось вдруг

С тех пор как на сей брег нам боги гибель роя

Дщерь Пазифаи уж послали и Миноя.

Терам.<ен>

Проник я. Скорби сей вина известна мне,

Наносит скорбь тебе днесь Федра в сей стране

Опасна мачеха, едва тебя узрела,

Как ссылкою твоей ея власть загремела,

Но ненависть ея, что так тебя гнала,

Днесь умягчилась, коль не совсем прошла,

Каки опасности, ты можешь возымети

От умирающей и ищущей умрети?

В болезни Федра, что упрямится сказать

И скучивши собой и уж на свет взирать,

Возможет ли иметь намеренья зловредна?

Иппол.<ит>

Не вражества я опасаюсь тщетна,

Врагини Ипполит бежит теперь другой,

Я, признаюсь, бегу Арисья сей младой,

Сей роду отрасли на нас вооруженна.

Терам.<ен>

Как, государь! она тобой врагом почтенна?

Любезная сестра жестоких Паллантид,

Вступала ль в братний ков вам сделанных обид?

Что ненавидишь ты, ея красы безвинны!

Иппол.<ит>

Коль ненавидел бы, в страны б бежал ли инны?

Терам.<ен>

Вольно ль мне, мог язык побег твой изъяснить

Иль ты не боле Князь сей гордой Ипполит

Законов твердой сей любовных неприятель,

И ига ношенна Тезеем презиратель?

Твоею гордостью любви презренна мать,

Иль хочет наконец Тезея оправдать?

И принудив тебя, в чреды всех смертных быти,

Заставила ль тебя ей жертву приносити?

Не любишь ли, мой Князь?

Иппол.<ит>

Мой друг, что ты сказал?

Ты сердце что мое с младенских дней познал,

Та гордость, коей я доселя величался,

Иль хочешь, чтоб я ей постыдно отрицался?

То мало что с млеком уж Амазонка мать

Ту гордость дивную тебе могла влиять,

Я сам, когда уж в зрелейших летах был,

Познавши сам себя[1436], собою похвалялся,

Ко мне быв прилеплен чистосердечием,

Мне повесть сказывал ты об отце моем[1437].

Ты знаешь, с каковым душа моя вниманьем

Воспламенялась, дел его повествованьем.

Когда ты мне сего Героя воображал,

Что об отсутстве мир Алкида утешал,

Избиты чудищи, злодеи низложенны,

Прокруст, Церцвон, Синнис и Скиррон умерщвленны,

И Епидаврской там им исполин убит,

И Минотавровой дымящей кровью Крит,

Но как мне сказывал дела ты меньше славны,

Всем клятвы данны, приемлемы и нравны,

Как от родителей Елену он увез

Свидетель Саламин, там Перибеи слез,

И инны, чьи самим им имена забвенны,

Толь слабые умы, огнем его прельщенны,

Там Ариадну злость, гласящую его,

И Федрой в лучшей час пленясь в конец всего,

Ты знаешь то, как я, то слушал похожденье,

Коль часто сократить просил я продолженье.

Блажен когда бы я от памяти мог скрасть

Прекрасной повести толь недостойну часть.

И сам я в очередь уж стану воспаляться,

[1436] Первоначально: «О себе».

[1437] Другой вариант: «С усердием любя младенчество мое / Ты мне повествовал дел отчих бытие».

И боги до того возмогут мной ругаться,

Тем более в любви презрителен своей,

Чем долгой извинит Тезея сонм вестей <?>

Как никакое мной чудище не сраженно,

И право согрешать, как им, не полученно.

И если б гордость та унизиться могла,

Арисью ли душа моя бы избрала,

И не припомнили ль бы чувства заблужденны

Препятство, коим мы на век с ней разлученны.

Тезей ея отторг и строго заказал,

Чтоб братьям кто ея племянников не знал

Страшится отрасли виновного он роду

И хощет погрести сестрою их породу,

И чтоб подвержена его опеке в век,

Никто Имена огнь для ней бы не зажег.

Пойду ль против отца для ней я раздраженна?

Поступка ль дам пример толь дерзка и отменна?

И в глупую любовь вверг юный возраст мой…

Терам.<ен>

Ах, Князь! как естли час, когда назначен твой,

То небо уж об нас быть сведомо не знает;

Тезей, закрыв глаза, тебе их разверзает

И ненависть его мятежну вздвигнув страсть

Врагини над тобой своей дает большу власть

И целомудренной любви почто страшиться?

Коль сладость есть, почто не сметь в ней искуситься?

Иль будешь гордому сомненью верить ты?

Страшатся ль заблуждать в Алкидовы следы,

Каких Героев мать любви не укротила,

Ты сам, где был бы ты, с кем стерта сила,

Коль Антиопа бы противна правам тем,

Любовью скромною не жглась твоим отцем?

Но что надменну речь напрасно лишь сплетать?

Все пременяется, признайся. Не видати

Так часто уж тебя кичлива дика днесь,

То мчится берегом на колеснице здесь,

То смышлен знания, Нептуном обретенна,

К ярму приобучать коня не укрощенна,

Уж меньше наши лес[1438] разносит голоса,

И бдений тайный огнь тягчит твои глаза,

Нельзя сомниться в том, ты любишь, ты сгораешь,

Ты гиблешь скорбию, которую скрываешь[1439].

Прекрасна ль знала тя Арисья оковать?

Иппол.<ит>

Я еду, Терамен, родителя искать.

Терам.<ен>

Но к Федре пойдешь ли в последнее проститься,

[1438] Первоначально: «Глас».
[1439] Первоначально: «Ты гиблешь скорбию, которую скрываешь / Нельзя сомниться в том, ты любишь, ты сгораешь».

Мой Князь?

Иппол.<ит>

Пойду, тобой в том может известиться,

Узрим ее, когда мне долг мой повелит,

Но что еще ее Енону днесь крушит?

Явление второе.

Ипполит, Енона, Терамен.

Енон:<а>

Ах Князь! с смущеньем, что моим сравнится ныне?[1440]

Приближилась к своей Царица днесь кончине,

Напрасно день и ночь я тщусь ее стеречи,

Стлевает злом, что ах! не хочет изречи,

И ум жилищем стал смешения нестройна,

Срывает с ложа днесь ее скорбь беспокойна,

Зреть хочет дневный свет, жестокая печаль

Велит ей всех, кто есть, отсель отгнати вдаль,

И се идет.

Иппол.<ит>

Пойду и здесь одну оставлю,

И ненавистного лица ей не представлю.

[1440] Первоначально: «с смущеньем, что сравнится моим ныне».

Явление третье.

Федра и Енона.

Фед:<ра>

Не пойдем далее. Постой, Енона, здесь[1441],

Я не могу стоять, нет боле силы днесь.

И очи светом, вновь узретом, помрачены,

Вспять падают под мя дрожащие колены.

Енона.

Всемощный бог! зри, плачь и укратись!

Фед:<ра>

Что тщетные сии прикрасы налеглись?

Докучной кто рукой узлы сии слагая,

Собрал их на челе, власы мои свивая?

Все оскорбляет мя, вредит и мнит вредить.

Енона.

О как ты хочешь мысль другою раззорить?

Сама жестокость днесь свою ты обвиняла,

И наши убирать тя руки побуждала,

Сама взводя на ум ты силу прежних лет

Хотела выйти вон и вновь узрети свет.

Ты зрела днесь его и скрыться предприяла,

[1441] Первоначально: «Енона здесь постой».

Возненавидев свет, что прежде ты искала.

Фед:<ра>

Сияющий творец, отколь наш род стал быть,

Чьей смела мать моя хвалиться дщерью слыть!

Что может быть меня стыдишься зря смущенну,

О солнце, я тя зрю в последни и вселенну!

Енон:<а>

Еще ль жестокая мечта в уме живет!

Всегда ль тя буду зреть кидающу сей свет,

Кончины исчитать, приготовленья слезны?

Фед:<ра>

Что боги! тени мя не кроют днесь древесны!

Когда я возмогу последовать сквозь прах,

За колесницею, бегущей на полях?

Енон:<а>

Ах! что…

Фед:<ра>

Бессмысленна! где я и что сказала!

Куды обетам я днесь заблудить давала?

Погиб он. Боги, чес<т>ь отъяли у меня,

Енона, стыд покрыл лице, не зрю я дня.

Я много знать даю постыдну скорбь словами,

И очи сами днесь наполнились слезами.

Енон:<а>

Коль есть, об чем краснеть, об тайне ты красней,

Усугубляющей злу скорбь души твоей,

Упорна к тщаниям, упорна нас внимати,

Иль хочешь дни свои без жалости скончати?

Какое бешенство твой сокращает век,

Кой чародейный яд, источник сей пресек?

Трикраты небеса уж тени помрачали

С времен тех, как твои сна очи не вкушали,

И три раза уж день ночь мрачную прогнав,

Как <?>без пищи слабой томится твой состав.

Каким намереньем[1442] ты хочешь покуситься

Кто право на себя тебе дал ополчиться,

Ты тем богов гневишь, родителей своих,

Супругу изменишь, с кем ты соположена

И чадам наконец своим ты изменяешь,

Которых под ярем жестокий повергаешь,

Помысль, что день един, что их отымет мать,

Дает рабыни сыну надежду обладать,

Кичливу твоему врагу, твоей всей крови,

От Амазонкиной родившейся любови,

Сей Ипполит…

[1442] Муравьев начал, но не закончил правку этих двух слов.

Фед:<ра>

Увы!

Енон:<а>

От слов подвиглась сих?

Фед:<ра>

Чье имя изо уст извергнулось твоих?

Енон:<а>

По праву ты свой гнев, по праву простираешь,

Мне мило, что при сем ты имени стонаешь,

Живи. Пусть долг, любовь послужат для причин,

Живи, не попусти, чтобы Скифянкин сын,

Твоих обременив, несносных чад веленьем,

Прекраснейшим богов ругался поколеньем,

Но ты не отлагай, всяк час тебе вредит,

Потщись свою скорей ты силу возвратить,

Поколе дней твоих, готовых пресечися,

Свеща днесь тлит еще и может возжещися.

Фед:<ра>

Я много медленность виновну длила их.

Енон:<а>

Что? иль ты от угрыз подвигнута каких?

Каким злодействием толико ты смутилась?

Рука твоя в крови еще не обагрилась.

Федра

Благодарю судьбу, чиста рука[1443] моя,

Коль сердце было б так безвинно у меня[1444]!

Енон:<а>

И кое страшное ты дело предприяла,

От коего душа твоя вострепетала?

Федра

Довольно знаешь ты, не спрашивай меня,

Умру, чтоб не открыть злой скорби моея.

Енона

Умри ж, жестокое молчанье собрегая[1445],

Но очи пусть не я, сомкнет тебе другая.

Хоть слабой луч едва, они уже хранят,

Но снидет пред тобой душа моя во ад.

Там тысячи путей всегда нам откровены,

И права скорбь возьмет кратчайшие премены.

Жестокая, когда была неверна я?

[1443] Первоначально: «Рука чиста моя».
[1444] Первоначально: «Коль сердце было бы безвинно, как она!».
[1445] Первоначально: «Сохраняя».

С рожденья приняла тебя рука моя.

Чад, отчество, все то я для тебя презрела,

Того ль мне уповать в награду повелела?

Федра

Какой быть чаешь, плод усилья такова,

Застонешь с ужасу, услышав те слова.

Енона

И что ужаснее возможешь мне сказати,

Как то, чтоб на тебя кончающусь взирати?

Федра

Как будешь знать мою вину и злобный рок,

Умру ж, но повлеку во гроб с собой порок.

Енона

Царица, хоть для слез, которы проливаю,

Для слабых тех колен, которы объимаю,

Избавь плачевного сомнения меня.

Федра

Ты хочешь. Встань.

Енона

Скажи, я слушаю тебя.

Федра

О небо! Что скажу? И чем мне то начати?

Енона

Напрасным ужасом престань меня смущати.

Федра

Венерин гнев! о гнев плачевен вспоминать!

Во что любовь мою, во что повергла мать?

Енона

Забудем все сие. Пусть вечное молчанье

То скроет от времен грядущих вспоминанье.

Федра

Сестра моя! к кому любовь тебя зажгла,

Скончалась на брегах, где кинута была.

Енона

Какая днесь тебя досада заражает[1446],

И так на все твой род тебя вооружает?

Федра

Когда венерин гнев имеет свой успех,

[1446] Первоначально: «Какая днесь тобой досада обладает».

Той крови, гибну я по всех и горше всех.

Енона

Ты любишь?

Федра

Я любви всю ярость ощущаю.

Енона

К кому?

Федра

Ты вскоре всех коснешься бедствий края

Люблю… я трепещу сим именем смутясь,

Люблю…

Енона

Кого?

Федра

Тебе знаком сей юный Князь,

Сей Амазонкин сын, мной долго удрученный.

Енона

О небо! Ипполит?

Федра

Тобою нареченный.

Енона

О боги! в жилах кровь замерзла у меня!

О срам! О люта скорбь! О бедственна семья!

О бедоносный путь! О берег пренесчастный!

Почто бы приставать в страны твои опасны?

Федра

Не здесь, но далее моя родилась страсть,

Едва лишь брак меня Тезею дал во власть,

Покой мой с счастием, казалось, процветали

Афины с гордым мне врагом моим предстали[1447].

Увидела его, уже стыдилась зря

И ах! бледнела вдруг, стыдом его горя.

Восстал мятеж в моей душе оторопленной,

Не стали очи зреть, язык в устах был пленной.

Почувствовала жар и вкупе трепет я,

Познала мать любви, познала зной ея.

Неизбежимый ков, семье, котору гонит.

Я мнила, что мольба ее ко мне преклонит.

Поставила ей храм и тщилась украшать.

Сама его всяк час зря кровью орошать,

В утробах жертв свой ум искала отчужденной,

[1447] Первоначально: «Афины гордого врага мне показали».

Бессильно врачество любви неисцельной!

Вотще я фимиам на жертвеннике жгла,

Язык богиню звал, душа — лишь князя зла.

И зря его всяк час, у жертвенников млела,

Полна лишь богом тем, кого назвать не смела.

Я стала убегать: ах[1448]! что есть зляй сего?

Мой взор его нашел в чертах отца его,

Бессильна наконец против себя восстала[1449]

И душу гнать его неволей возбуждала.

[1448] Первоначальный вариант: «Скрывалась от».
[1449] Вариант на полях: «Себя я побеждала».

Приложение 8. Трагедия М.Н. Муравьева «Дидона» (полный текст)[1450]

Текст трагедии печатается по рукописи, которая хранится в Российской национальной библиотеке: ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 2-20 об. Мы приблизили пунктуацию источника к современным нормам, потому что в значительной части случаев Муравьев расставлял знаки препинания непоследовательно, что привело к усложнению восприятия смысла текста. Орфография также исправлялась только в тех случаях, когда перед нами были очевидные описки (мы указали это в угловых скобках или примечаниях), когда она затемняла смысл текста, когда в тексте прослеживалась непоследовательность и когда замена не влияла на ритм. Так, мы оставили формы вроде «нещастной» или «сопостат», однако заменили прописные на строчные в словах «герой» или «трояне», а также дали по современным правилам слитные, раздельные и дефисные написания различных частей речи. В примечаниях же мы указали отвергнутые или первоначальные варианты отдельных строк.

Дидона. Трагедия Михаила Муравьева. 1771[1451]

Повесть страсти Дидоновой, столь прекрасно описанной и может быть вымышленной Виргилием, подала повод к сочинению Трагедии, сколько мне известно Господам Скюдери, Буа-Роберту, Аббату Метастазию, Маркизу Ле Фран де Помпиньян, Шлегелю, Як. Б. Княжнину. Всякой имеющий чувствительное сердце должен сожалеть, что не предприял ее писать Расин, один которой бы мог в след идти Виргилию или с ним бороться. Нравственно не возможно, чтоб великому Корнелию пришло когда нибудь в ум посвятить бдения свои на начертанье сей повести в Трагедии. Его соперник и товарищ на Трагическом поприще творец Аталии, многие красоты Виргилиевы оживил чувствиями своей души и прелестями стихосложения разделил так сказать между Андромахи и Федры стыдливость, сражения любови и ее неистовства. Я не хочу видеть Дидоны в убранстве, данном ей в займы Ле Франом, после того, как я видел ее в одеяниях прекрасных и естественных, в которые облек ее Виргилий или лучше природа.

Действующие лица:

<3>

Дидона, царица Карфагенская[1452]

[1450] Впервые опубликовано нами; см.: [Ивинский, 2025].

[1451] Запись рядом с заглавием, на полях справа: «Кто эту написал Дидону, / Не должен попрекать погрешности Прадону». Ниже под этим двустишием еще запись: «1757 Октября 25 родился автор». Запись на полях слева: «Нельзя научиться писать стихи иначе как пиша их беспрестанно». Под заглавием запись на французском: «On apprend à écrire avant qu'a raissoner. / A… / Avant donc que d'écrire apprenne à penser / думать и… думать… B…».

[1452] Первоначальный вариант списка действующих лиц: «Дидона, сестра Пигмалионова, царица Карфагенская / Анна, сестра ее. / Эней, Анхизов сын, Троянский князь. / Ахат, наперсник Энеев. / Клеона, женщина из свиты Дидониной. / Вестник. /Действие в Карфагене, в Царицыных чертогах» (Л. 2 об.). Поздняя пометка на полях: «Произведения отроческих лет Вольтера, Попа, Метастазия (<нрзб>) отмечаются чертами разума выше возраста, и их издавать позволено. Моя «Дидона» показывает, что я натурально не из числа сих умов и мне хвалиться ею не можно. Надобно приметить, что я не имел того учиться способов, какие имели Вольтер и Поп» (Л. 3).

Анна, сестра ее.

Эней, Князь Троянский.

Ахат, наперсник Энеев.

Клеона, наперсница, женщина Дидонина.

Действие в Карфагене. в.ч.к.

Действие I.

Явление 1.

Дидона и Клеона

Нет силы уж терпеть, нещастная Дидона,

Молчанье рвет мой дух. Поди к сестре, Клеона

Скажи ей от меня, чтобы ко мне пришла

И иго б тяжкое с груди моей сняла,

Скажи, в коликое низвергнута мученье,

Противных меж собой терплю страстей я пренье.

Клеона

Со скоростью приказ потщусь исполнить твой

И возвратить скорей нарушенной покой.

Дид.<она>

Нет их! постой, мне стыд, мне стыд то запрещает,

Коль страсть мучительна ни рвет и ни смущает,

Пусть прежде предо мной разверзется земля,

Померкнет свет очей, наступит мрачна мгла,

Как нежель нарушу твои священны правы.

О, стыд… но уж нет, не те уж мои нравы,

Любовь…ах, стыд… куда влечете вы меня?

Поди, исполнь уже[1453].

Клеона

[1453] Первоначальный вариант: «Поди, исполнь приказ».

Иду, но ах! стеня,

Царицыну печаль вы, боги, прекратите.

Явл.<ение> II

Дидона одна.

Иль паче жизнь мою несчастную возьмите,

На то ль послали к нам на сей Энея брег,

Чтоб хладную опять, увы, он кровь зажег[1454],

Но кое, ах! из уст днесь слово улетело,

При имени его все сердце обомлело

И всколебало[1455] вдруг все мужество мое.

Довольно, рок, излил свирепство ты свое,

Довольно мучил мя и надо мной играл,

Играл и для судьбы довольно дух терзал[1456],

<3 об.>

Иль должно, что еще он снова трепетал,

Иль рок так положил, чтоб вечно он страдал.

Сбери остаток сил и бодрствуй, как Дидона.

Явление III.

Дидона, Анна, Клеона.

Анна.

Что ты[1457] зовешь меня, сказала мне Клеона,

Хотенье я твое, приявши за приказ

С споспешностью, но, друг, о чем те слез из глаз[1458]

Лиются, ты плачешь, ах, но что тому причина[1459].

[1454] Первоначальный вариант: «Чтоб кровь хладную».
[1455] Первоначальный вариант: «И встрепещется».
[1456] Далее зачеркнуты четыре строки, оставшиеся недоработанными: «Но что я говорю, опомнися, Дидона / И жить уж мне / Како осталося, нам пренье се возьму / Как влас».
[1457] Вариант начала стиха, оставшийся не законченным: «Как во».
[1458] Первоначальный вариант: «С споспешностью к тебе, но токи слез из глаз».
[1459] Первоначальный вариант: «Лиешь, плачешь ты о чем?».

Дидона

Повсюда, знать, меня хотела гнать судьбина[1460].

Анна.

Или на ум взвела Сихея своего?

Престань уж слезы лить, спокойна тень его,

В жилищах темных там блаженство он вкушает,

Колико и по смерть ты любишь его, знает.

Дидона.

Но я уже не та, что иногда была,

О смерть, почто меня еще оставила?

Анна.

Я таинства души твоей не понимаю —

Тем боле темно мне, чем боле рассуждаю,

Но долго ль так меня лишь пуще колебать.

Дидона.

Престань мя спрашивать, что стыд велит молчать.

Анна.

Неужели любовь…

Дидона.

Отселе пред тобою,

Откроется мой дух, лишенной век покою.

Кто новой сей пришлец, что брошен на наш брег?[1461]

Анна.

Эней.

Дидона.

Эней, увы, всю в жилах кровь зажег[1462],

[1460] Первоначальный вариант: «Повсюда, знать, меня намерилась судьбина».
[1461] Первоначальный вариант: «Что зыблешься, моя душа?»
[1462] Первоначальный вариант: «Эней, увы! Всю кровб мою».

Пристойно ль бедной мне вступать в любовны узы

Иль вновь учиться мне супружьи плесть союзы[1463].

<4>

Но признаюсь тебе, коль твердо б не держала[1464],

Что я в замужество вступать не предприяла,

Как первой брак[1465] уже был смертью преткновен,

Естьли бы не тем он был мне омерзен[1466],

Кака осанка в нем величественная

И гордость на лице изображенная

В каких он бедствиях, увы! не находился…

Из бедствий храбростию своей он изводился.

Бесстрашные дела, гласит его весь свет,

Как у троянских стен чрез десять целых лет

Оружиев судьба победу колебала,

Но как и к Грекам уж весы свои склоняла,

Побегом подлым он тут жизни не спасал,

По самой крайности он Трою защищал,

И в нощь, в котору град огнем уж пожирался,

Среди врагов в огне с мечем он обращался,

И ужасенной вдруг народ он ободрял,

Доколь возможность есть, победу тем поздал,

Но видя, что уж рок троянский погибает,

Народа сильного остатки избавляет

Путь чрез враги творить ни златом, ни сребром

[1463] Край листа надорван.
[1464] Первоначальный вариант: «Но признаюсь тебе, в уме б коль не держала».
[1465] Первоначальный вариант: «Как перва уж любовь».
[1466] Далее зачеркнуты семь строк, из которых приблизительно реконструируются первая и вторая: «<нрзб> бы сей привесть к вторичному мог браку, / И прежде я хощу во адском быти мраку»; третья, четвертая и пятая не читаются; шестая: «<нрзб> отродие он по всему признаку»; седьмая не читается.

Обременяется, но дряхлым лишь отцом

Домашних с ним богов из пламя исхищает

И Симоентский брег слезами орошает

Потом уже[1467] морей пространство он прошел,

И бури многие на море претерпел.

Разбит и разметан он бурей таковою,

Пришел в пристанище, неведомой судьбою,

Един доселе он меня мог наклонить

И зыблющийся дух любовью заразить.

Потухшего огня я следы признаваю,

Но верь, княжна, мне верь, что прежде я желаю,

Чтоб громом Юпитер поверг мя в адский мрак,

Как верность нарушив в сей поступаю в брак.

Анна.

По что, царица, так себя ты заклинаешь

Иль препровесть младой, в вдовстве век скучном чаешь,

Презрев искательства толиких ты князей,

К себе взор Африки не привлекла ль тем всей?

И не грозится ль Ярб к нам с воинством премногим?

Судьбам как будешь там противится толь строгим? [1468]

<4 об.>

Благоволением, я думаю, богов

Троянски корабли достигли сих брегов

И предводительством пекущиясь Юноны,

Эней перенесен во град сей без препоны,

Рождающийся, чтоб возвысить Карфаген,

[1467] Первоначальный вариант: «Великое морей пространство он прошел».

[1468] Далее идут в рукописи идут три строки, зачеркнутые автором: «К чему ж так мучить страсть? К чему так принуждать / Чтоб токмо в горестях всю младость провождать, / Для блага общего ты <нрзб> беспорочно».

Соседов ужасать среди покойных стен

Союза, в какову воздвигнешь сим державу?

И кою получат народы твои славу,

Свое оружие с троянским съединя?

Дидона.

К чему, княжна, ах! днесь склоняешь ты меня,

С кем[1469] прежде я была сопряжена судьбою,

Тот всю мою любовь унес во гроб с собою,

Пусть будет с ним она пусть он ее хранит.

Анна.

Иль чтешь, что о любви тень в адском мраке мнит?

Дидона.

Я верность соблюсти по смерть ему желаю,

И хоть любовию <к> Энею я сгораю,

Но ону всячески я угасить потщусь[1470],

Коль ни страдает дух и коль, увы! ни рвусь.

Анна.

Царица, коль сестры советы презираешь[1471]

И пользу общества упрямством сим теряешь,

Помысли наконец, в каких живешь странах,

Отсюда странную тя окружает страх

Гетульски грады там войной непобедимы

Там Нумидийские полки неустрашимы,

Пустыни страшны там баркейский ярый род,

Угрозы братние пучины страшных вод.

Дидона.

[1469] Первоначальный вариант: «Кому».
[1470] Первоначальный вариант: «Однако повелю ему любовь поугасить».
[1471] Первоначальный вариант: «Советы, Царица, коль мои презираешь».

О как колеблешь ты, сестра, мой дух смущенный,

Престань, и так мой ум смятенный[1472],

И так довольно он рассеян, помрачен[1473],

Во тьму различных мук на веки погружен.

Я прежней твердости в себе не ощущаю

И собственным словам сама же изменяю.

Пойдем во храм и вопросим богов,

А ты вели собрать для жертв скорей жрецов,

Чтобы готовились к обрядам те<м> священным,

Умилостивить их по просьбам промененным.

Анна.

Но се троянский князь во храмину идет,

Отъезд его отсель к тебе сюда ведет.

<5>

Явление IV.

Дидона, Эней, Анна.

Эней.

Стремительными днесь куда бежишь стопами,

Царица, иль мой зрак пред несколькими днями

Тебе противен стал?

Дидона.

Далеко от того,

Мне зраку нет милей, Князь, зраку твоего.

Эней.

Впоследни пред твой взор предстати милосердой,

Пришёл несчастный Князь, что рок жестокосердый

[1472] Первоначальный вариант: «Смущаешь более, более и так мой ум смятенный».
[1473] Первоначальный вариант: «И так рассудок мой рассен, помрачен».

Повсюда гнать хотел, пришел благодарить,

Что восприняла труд судьбу его смягчить.

Нашедшися одна лишь из земного круга,

Что в жалость ввесть могла моя судьба упруга.

Дидона.

Бедна быв, помогать как можно бедным тщусь,

И оным милости оказывать учусь,

Но естьли я скажу, что путь предпринимая,

О, князь, во время, как нас мучит буря злая,

Послушаешься ль ты теперь моим словам

На время отложить к Авзонским плыть брегам.

Эней.

Иль мнишь, что для тебя мне есть что невозможно,

Остался бы я здесь, остался бы неложно,

Чтобы послушным лишь тебе, царица, быть,

И тем хоть несколько тебе бы услужить,

Когда б я не имел другой, Царица, цели,

Мне боги весть туда Троянский род велели,

Откуда впервые начало он приял,

Чтоб тамо из своих развалин он восстал,

И Грекам отомстил своей остаток славы,

И Отческих богов нарушенны правы,

И так как скоро свет покроет мрачна нощь,

Анхиза вышедша зрю из священных рощ,

Анхиза пред собой, Анхиза покровенна,

Печалью по лицу: «Иль для того врученна, –

Он говорит, – тебе над сим народом власть,

Мой сын, чтобы ему в чужей стране пропасть?

Чтоб славы не иметь, ему от век сужденной,

И, как рекла судьба, всей не владеть вселенной».

Он духу смутному спокойства не дает

И в путь намеренной без отступу влечет,

Но пуще нудит, ах! к тому меня причина,

И боле, нежели отец мой и судьбина,

Она то мне велит и быть здесь, и не быть,

Но удаление мне должно предпочтить,

Не инак гордый конь, взнося чело кичливо,

Не терпит удело узды толь щекотливо

Горячности своей, спешит вослед скакать,

Но всадник, удержав ей, не дает бежать.

<5 об>

Дидона.

Но кая б то была толь важная причина?

Эней.

Позволь мне следовать, куда влечет судьбина.

Дидона.

Побудь еще, о, Князь, о, Князь, останься здесь.

Эней.

К чему, Царица, ах, меня ты нудишь днесь.

Дидона.

Иль сделала тебе какую я противность?

Эней.

Царица, ты мою отъемлешь терпеливность,

Тебе мне должно лишь то таинство открыть,

Но может то в тебе мне ненависть родить,

Мне ненависть твоя смерть причинит, конечно,

Тебя любить влечет мя чувствие сердечно.

Дидона.

Ах, Князь! почто…

Эней.

Постой, я знаю, коль велик

Проступок мой, когда не мог уж скрыть язык,

Но не предписывай, Царица, мне закона,

Я знаю, как отмстить тебя теперь, Дидона.

(Вынимает шпагу).

Анна.

Опомнися, Эней.

Эней.

Мне долг мой не забвен, се мзда груди моей,

Почто осмелилась сгорать виновным жаром,

Уж ведая пронзить ее мечным ударом.

Дидона.

Ах! что твоя, ах! что дерзнула нынь рука.

(Вырывает шпагу).

Эней.

Услышьте, боги, днесь мой глас чрез облака,

И что последней мя лишили уж отрады,

Я смерть от вас просил вместо всей награды,

А вы, бессмертные, я, коих трепетал

И коих правыми досель я почитал,

Вы мне в последней уж утехе отказали,

И мне последнюю надежду вы отъяли

Снискать когда-либо желанной мой покой,

Которого на век лишился я тобой.

Дидона.

Судьба его и мя почто нас собрала,

И я тебя люблю, но что я, ах! сказала…

Какой во гневе бог слова сии вложил

И таинства души моей, увы, открыл.

<6>

Эней.

Как! любишь ты меня, мой дух возвеселися,

Печаль и скорбь моя на радость пременися.

Дидона.

Свирепой, торжествуй ты над моим стыдом,

Хотя бы ты уж был доволен тем одним,

Что я, презревши стыд, тебе так изменилась,

Что хочешь ты, чтоб я того всегда стыдилась?

Сугубо мучима, покоя не нашла,

Что знай ты, свой стыд теперь пренебрегла,

Того ли ты желал, исчезнь скорей из виду.

Эней.

Какую делаешь, Царица, мне обиду?

Пронзить не давши грудь, ты мне отъемлешь свет,

Отъемля то, чего милей нигде мне нет,

Почто ты от пути удерживать мня тщилась,

Иль чтоб моя любовь виновною открылась,

Иль чтоб я мучился, терзался и страдал

И то бы опроверг, весь день что созидал?

Трояне, от того ль от ярых волн спасенны,

На сем вы берегу узрели дни блаженны,

Чтобы Анхизов сын любовью слабой тлел

И более об вас раденья не имел,

Что, Ксанфские брега, на вас я не остался,

И, храбрый Диомид, как я с тобой сражался,

Зачем пред Троей ты меня не поразил,

Я славен бы мой дух ликующ испустил,

Где Ахиллесовой убит Гектор стрелою,

Я там бы, храброй муж, я там бы был с тобою,

Трояньски бы по мне воздвигли девы стон,

Весь град достойно бы оплакал мой урон,

Везде б, во всех устах, всечасно я твердился

И в песнях бы стократ Эней превозносился.

Анна.

Престаньте сетовать, блаженная чета,

Вас съединяет вдруг и младость, красота,

Богатства, пышности, любовь и добродетель,

Иль смертной бедств своих быть должен сам содетель,

Зачем несчастия самим вам вымышлять

И мысленные вам препятства обретать,

Энея любишь ты, Дидоною он страстен,

Как ты в себе властна, Эней себе подвластен,

Кто может нарушить сей крепкой толь союз,

Нет на обеих вас супружних ныне уз,

Кто может подданный царей судити действа

И воспрепятствовать кто лишь имеет средство.

Дидона.

В какой все мысли, ах! ужасной днесь борьбе

<6 об>

Эней.

Всегда ль, Княжна, всегда ль Цари властны в себе?

Хоть властелины мы, народу небом данны,

Но в самом деле что? невольники венчанны.

Для польз его себя мы должны принуждать

И прихотям самим народным угождать,

Тот должен раб быть всем, кто всем повелевает,

Кто многогладно то чудище обуздает?

Ни земна власть Царей и, коль дерзну сказать,

Небесна власть богов не может удержать.

Толь в дерзости своей народ далеко всходит!

И часто многое в стремленьи производит.

Анна.

Но в буйности своей, коль хочет что народ,

Возможно ли то дать, хоть горек будет плод.

Эней.

С народом поступать потребна осторожность,

Чтоб предприятья их представить невозможность,

Вот то, Княжна, вот то, что знаю токмо лишь.

Дидона.

Стыжусь тебя, мой Князь! что ты мя смутной зришь,

Но ах! все мысли днесь, все мысли, ах! смущенны,

Коль милости мои хоть мало не забвенны,

Забудь, что видел ты.

Эней.

Царица, верь по смерть,

Что-либо милостей твоих не может стерть.

Явление V.

Дидона, Эней, Анна, Клеона.

Клеона.

Царица уж в одежды облеченны[1474],

Наполнили весь храм и капища священны,

Со всех отсюда стран волов во храм влекут

И лишь к начатью жертв тебя, Царица, ждут.

Дидона.

Прости, мой Князь, что я тебя теперь оставлю,

Иль погублю себя, или себя избавлю,

Вы удостойте мне, о боги, отвечать,

В чем стану, бедная, вас ныне вопрошать,

Помедли здесь, Эней, помедли в Карфагене

И будь свидетелем в моей здесь перемене.

Княжна, в отсутствие мое побудь ты с ним.

Эней.

Я повелениям послушен всем твоим.

(Дидона и Клеона уходят).

<7>

Явление VI.

Эней, Анна.

Эней.

Княжна, я знаю, то Царица не скрывает

От званья твоего все, что ни намеряет,

Хранительница ты сердечных тайн ея;

Скажи, возможно ль то просить, что стану я?

Анна.

[1474] Первоначальный вариант: «Жрецы в одежды уж облеченны».

К чему бы разговор такой, мой Князь, клонился?

Эней.

К чему б! твой никогда еще дух не пленился,

Не знаешь мук еще влюбленных ты сердец,

Не знаешь ты, любовь — мучений злых творец,

И мой иногда дух при стенах Иллиона,

Гордился и не знал еще любви закона,

Доколь не увидал, Княжна, сестры твоей,

Всколебан, унывал в груди дух гордой сей.

Скажи, или тебе Дидона не открылась,

И хоть малейша страсть тебе в ней не явилась,

Не бойся мне сказать, и хоть ей изменишь,

Но в пользу то ея, не мни, чтоб, знав то лишь,

Воспользовался б тем, Княжна, отъезд мой знаешь.

Анна.

Иль так мою, мой Князь! ты совесть искушаешь

Иль хочешь, чтоб сестру я в стыд бы облекла,

И нареканье б ей в тебе же нанесла.

Эней.

Как ошибаешься, Княжна, во мне ты в многом,

Скажи: и слово то мне будет в век залогом,

Что ту оставил я любовницей себе,

Котору так люблю.

Анна.

Что ж мне сказать тебе,

Когда уже она тебе сама призналась,

Ты зрел, как мучилась и как она терзалась,

Довольно ли тебе?

Эней.

Довольно.

Анна.

Так чего

Ты просишь от меня?

Эней.

Довольно мне сего.

Анна.

Останься, Государь, ты на брегах Ливийских,

Чего тебе искать в безвестных Италийских?

Воздвигни Трою здесь, Пергамски стены вновь,

Послушествуй тому, что повелит любовь.

Под кровом Карфаген, Паллады будет взоров,

Здесь будет Ксанфский брег, сей град родит Гекторов.

<7 об.>

Продерзский Греков род наш не смутит покой,

Мы будем счастливы и мирны все тобой,

Теперя, на кого Дидону ты оставишь

И прежде коль ее от Ярба не избавишь,

Как может быть она не вредна от него?

Послушайся, мой Князь, совету моего:

А ты Анхизу здесь восставишь снова племя,

Пора спокоиться, сложить тяжело бремя,

Седмижды солнце уж вступало в дверной круг,

Седмижды по морям средь множества недуг,

Тяжелостей, трудов, уронов и печалей,

Чем боле ближился, тем отходил ты далей,

Се нынь в покойное пристанище пришед,

Кто нудит вновь тебе в пучину вдаться бед,

Ты любишь, говоришь, а хочешь расставаться,

Жестокой! иль ты так, иль хочешь так играться?

Подкрасться, обольстить, уехать, обмануть,

Или Энеевы такие мысли суть?

Эней.

Жестоким не зови меня ты и бездушным,

Пусть сгибну, но к богам быть не хочу преслушным,

Вини ты не меня, богов, Княжна, вини,

Здесь более пребыть мне не велят они.

Анна.

Или жестоки так, когда быть могут боги?

И трудные ль ведут к спокойству нас дороги,

Покойны ль мы тогда, когда чего хотим,

Ища спокойствия, покой мы погубим,

На что искать его, когда его имеем,

И что другое мы спокойством разумеем,

Как чтоб печали нам не было ни об чем,

Се здесь тебе весь град – престол, скипетр царской дал

Покоище твоим усталым уж троянам,

Здесь исцеление дадут дымящим ранам,

Скажи, почто, скажи, от нас уходишь ты,

Коль сестрины тебя не зринут красоты,

Ты благо зри троян, зри внешне неустройство,

Зри будущее их, в странах сих, Князь, спокойство.

Эней.

Что хочешь, чтоб тебе, Княжна, я отвечал,

Не сам в Италию я ехать предприял,

Но боги мне туда стремиться указали,

И боже мой! они меня чем угрожали,

Угроз их я не зря, повиновался им,

И по приказу их судьбам подвергся злым,

Бессмертных трепетать, с дней юных навыкался,

И беспрестанно я сим страхом величался,

Богов боялся я, не трясся сопостат.

Анна.

Прости, мой Князь, се зрю, к тебе идет Ахат.

<8>

Дидона Умирающая

Трагедия

Действие второе.

Явление 1.

Эней, Ахат.

Ахат.

По повеленью все я твоему исправил,

Ходил на брег морской, где флот ты свой поставил,

Прилежным корабли все оком обозрел

И все к отшествию исправными обрел,

Нептун и сам Эол нам днесь споспешествуют,

Уже способные в Италию ветры дуют.

Еней.

Ужели свой Эол от нас гнев отвратил,

Который прежде к нам толико жесток был?

Ахат.

Уже.

Эней.

Ужель другой ветр Понт обуревает?

Ахат.

Уже.

Эней.

Увы!

Ахат.

Но что, ужель Эней стонает?

Или прешедшие воспомнивши беды

Судьбины лютыя, находишь здесь следы,

Желанный час пришел, а ты ли воздыхаешь?

Где основания ты Трои полагаешь,

Разбит среди пучин, ты мужество являл

И воинов своим примером ободрял,

А нынь, как рок свое уж пременил упорство…

Эней.

Нет уж возможности мне продолжать притворство,

Познай, хоть я и муж, но я вить человек,

Кого наполнен есть весь слабостями век,

Хоть духом мы равны с бессмертными богами,

Но слабыми от них одарены сердцами,

Я Гектору лишь мнил на брани подражать

И стены отчески от сопостат спасать,

Народы праздности моей, увеселенья[1475]

Испытывали близ конечна истребленья,

Потом, последуя влекущим мя судьбам,

Преплыв уже моря к Авзонским берегам,

[1475] Напротив этого слова Муравьев сделал пометку на полях: «Racine Iphig. A. I. Sc. II: Ne sont d’Achille oisif que les amusements».

Приближился, чтоб там восставить падшу Трою,

Но у пристанища лишился я покою,

Погода сильная покрыла небеса,

И потеряли вдруг Италию глаза,

Там волны, собранны противными ветрами,

Стремяся с ревом вверх, равнялись с облаками,

Гром, ударяя в гром, удары повторял,

Треск громов, молний блеск, в сердцах всех страх вперял,

<8 об.>

Хоть бури сильныя потом прошло волненье,

И обратил Нептун на наше слух паденье,

Сам в страхе таковом, сопутников лишен,

Пристал на брег пустой, лежащий вкруг сих стен,

В несчастье помощь сем нашел неожиданну,

К несчастью ль моему иль к счастью несказанну,

Дидона бедным нам пристанище дала:

И в покровительство свое нас приняла,

Так в бедствиях всегда, где угнетает бедство,

Находим мы к тому ко избежанью средство,

Но ах! чего мой друг не делает любовь,

Предстал и мне час, в кой вспылала во мне кровь,

Довольно ль, я люблю.

Ахат.

Из уст ли се Энея,

Исшедшу внемлю речь, в сомненьи цепенея,

Не знаю, мыслить что?

Эней.

Дидонины красы!

Нептун за тем ли спас меня в сии часы,

Чтоб, ах! они меня пленили, взбунтовали,

Всечасно мучили, покою не давали.

Ахат.

Богинин сын! тебе ль прилично воздыхать?

Попомни, ты рожден сражаться, побеждать,

Оставь другим, мой Князь, в любви иметь успехи

И презирать учись душ слабых ты утехи,

В геройских ты играх веселье полагай

И огнь любовной, Князья, в рожденьи угасай,

Любовь ль не знаешь ты? Любовью Троя пала,

Любовь чрез десять лет Фригию разоряла,

Иль может и по сем любовь тебя пленить,

Иль хочешь ты троян остаток погубить?

Хоть для младых судьбин ты юного Асканья,

Исполнься прежнего к любови презиранья,

Для отческих богов, для бедных сих Троян,

Для жен и для детей, своих лишенных стран,

Для сирых стариков, чьих многими годами

Главы покрылися снежными сединами.

Лаомедонтовых еще попомни чад,

Спасенных от меча жестоких сопостат,

Иль, Князь, забыл ты гнев злопамятной Юноны?

Не знаешь ли, ее тут царствуют законы?

Кто знает, не она ль ту бурю подняла,

Которая тебя на брег сей привела,

Чтобы в владычестве своем тебя пленити

И вместе и с тобой твоих всех погубити?

И коль не может все то тронуть уж тебя,

Попомни ты не нас, попомни лишь себя,

Что скажут будущи потомки об Энее,

Когда на сем брегу он, сделавшись слабее,

<9>

Презрит все божески заветы что ни есть,

И узы греческих царей не могши несть,

Под игом будет он и сила вся Троянска,

Лишенной отчества сестры Царя Тирянска.

Беги сих мест, беги скорее, Государь,

И прежней славы ты не измени, мой Царь!

Эней.

О как, мой друг! меня смущаешь и тревожишь

И разговором сим мои сомненья множишь,

Мечта, приятной сон, коль зрю тебя во сне,

Любовь, почто, почто предстала днесь ты мне?

И ах! о, строгий долг! коль то лишь сонно зренье,

Почто отъемлешь ты толь лестно сновиденье,

Я знаю, всуе мне, любовь, манишь собой,

Но как приятно быть обмануту тобой!

Со дней ребяческих ты другом мне познался,

Ахат, и после уж вернейшим всех казался,

Виждь слабости мои, виждь, мой любезной друг,

Как будет против стать и победить мой дух,

Виждь, в кой бедности меня ты днесь ввергаешь

И супротив меня меня же воружаешь,

В какой несчастной день я в свет произведен

И после на врагов во брани ополчен,

Зачем остался я для бедностей толиких,

Зачем я не рожден в пустынях тамо диких?

О стены отчески, Приамов Иллион!

Вы мой не внемлите теперя жалкий стон.

Что сталось с вами, ах! все для меня сгубилось,

Где ваше нынь уже сияние сокрылось,

Се там в развалинах дым облаком встает,

Где был Минервин храм, там былие растет,

Там камней груды лишь, травою покровенны,

Куда мне, ах! бежать, в который край вселенны?

Ахат.

Иль быть уж так, Эней, отчаянну тебе?

В несчастиях будь тверд, послушествуй судьбе,

Надежда никогда тебя не оставляла,

И Троя для тебя еще совсем не пала,

Оставь сии места, что время проводить

И кои выгоды здесь можешь получить?

Эней.

Услышь, здесь все хотят, чтоб я у них остался,

Хотят, чтобы я их Царем именовался,

И с ними всех в одно Троян соединил,

Царицу бы от них в супруги получил,

Се зри обширность мест, Дидонино владенье,

И сих повсюда стран приятно положенье,

Се здесь во время мы, Ахат, немногих лет

Состроим Иллион.

Ахат.

Коль пагубный совет!

<9 об.>

Эней.

Се были таковы мне совещанья Анны.

Ахат.

Сердца жен могут ли когда быть постоянны?

Их часть быть слабыми, оружия их — стон,

Сихея жадной как убил Пигмалион,

Дидона с верными из Тира убежала

И на Ливийский брег с немногими пристала,

Обманом овладев легко землею сей,

Как не страшитесь вы впредь ей здешних всех царей,

Как можешь быть царем? ты здесь быть безопасен,

Для отвращения того весь труд напрасен,

Хоть силою твоя и превзойдет страна,

Но правда где лишь есть и без всего сильна.

Всем смертным истинна едина оборона,

И гнев попомни ты еще Пигмалиона,

Не вовсе он еще не вовсе утушен,

Но как горящий угль под пеплом покровен,

Скрывает огнь внутри, но искру так питает,

Чтоб снова воспылать, коль случай лишь бывает,

Не инак злобится Дидонин гордый брат

Иль хочешь навлещи толиких сопостат?

Эней.

Кто Тевкров есть глава, тому кого страшиться?[1476]

Ахат.

[1476] Первоначальный вариант: «Кто Тевкров есть глава, кого тому страшиться?»

Хоть сильны Тевкры суть, но могут истощиться,

И ими для того ль ты дан повелевать,

Чтоб варварами лишь в сражения вступать,

И не за тем идут они, чтобы сражаться,

Спешат в пути своем покоем наслаждаться,

Но пусть, положим так, не будет их врагов,

И будет мирны сих властители брегов,

Ты будешь царствовать и будешь нам отрада,

Посмешищем потом останемся тирян,

К тому ли хочешь ты, Эней, привесть троян?

Эней.

Из мысли в мысль, увы! впадаю я в другую,

Не так колеблет ветр пучину всю морскую,

Как мой колеблется теперь смятенной ум,

Но внидем в мой чертог для спокоенья дум.

Конец первого действия.

1772 Мар<та> 12[1477]

<10>

Действие II.

Явление I.

Дидона, Анна.

Анна.

Всегда ль тебя в слезах зреть буду погруженну,

Стенящу, жалобну, сумняшусь, ужасенну?

[1477] Поздний комментарий Муравьева: «Трагедия Як.<ова> Борисовича есть картина, в которой действие выведено: все шествует, друг другу следует. Я ничего не говорю о выражении картины. Моя трагедия, естьли можно назвать так гордо декламацию ребенка, есть кусок картины, где едва одна ситуация изъяснена, на крепко колорированной. Краски не приятны без виду и дики. Но зачин ее грубости свой обещал более, нежели что я».

Иль от сестры своей, Царица, можешь скрыть,

Что плача твоего причиной может быть?

Дидона.

Княжна, сестра моя, немилосерды боги,

Колики нам они несчастья сулят многи?

Едва трепещуща, оставила чертог

И изменяющих заемля помощь ног,

Я благосклонныя спешила в храм Юноны,

Толпой шли сзадь меня, толпой впреди Пеноны.

Спирался сонм людей, спирался воздух там,

Угрюма тишина настала тут по входе,

Как море в тишину, прешедши по погоде,

Колеблется еще, и стонет, и шумит,

И волн, пенистых волн ужасный кажет вид,

Так колебалася толпа людей стесненна,

Сожменна часто вдруг и часто расширенна.

Священные древа на жертвенниках там,

Зажглися, и везде курился фимиам,

Се нож уже блеснул там в жреческой деснице,

И бедственной удар он дал в главу телице,

Телице, с гласом что свой испустила дух,

Но кое зрелище явилось тамо вдруг?

Утробу скотскую уже жрецы открыли,

Но сердца, тамо зря, они не находили,

Утробозрителям печальный знак подан,

Юнонин вдруг три раз потрясся истукан.

И шум глухой оттоль пронзил слух ужасенных,

Мы пали ниц: се глас исшел из уст священных:

«Что больше любишь ты, смерть причинит твоя,

Но чтобы предварить тебе беду сию,

Старайся удержать Энея в сей стране».

Как слез не лить по сем, сестра любезна, мне?

Правдиво плачу я, правдиво и грущуся,

И предвещания сего, злых бедств страшуся.

Зри, как мою любовь ты тщишься оправдать,

Как боги оную хотят опровергать!

Но в смерти коль моей Энеем угрожали,

Почто удерживать его здесь приказали?

Анна.

Что хочешь всуе ты смысл изъяснять сих слов?

Пусть время протечет и оправдит богов.

Что любопытствовать? Эдип сим погубился,

Когда он миновать сужденной части тщился.

<10 об>

Старайся божеский приказ лишь исполнять

И князя в граде сем Троянска удержать,

По воле божеской всему дай устрояться,

Судьбина смертных есть богам повиноваться,

Они от бедствий нас избавят и спасут,

Во всем бессмертных есть наполнен правдой суд,

Богам ли позабыть, когда свое творенье

И вечно ль нам они дают терпеть мученье,

Как север, застонав, развьется к небесам,

Он вихри в круг вертит, бугры рвет на буграх,

Колеблет воздух весь пернатыми крылами

И тучи щупает иссохшимись перстами,

С клокоченных кудрей дождь, и град, и снег летит,

Белеет пеной зыбь и вдалеке свищит,

Пловец уж, коего искусство оставляет,

Зрит в всякой смерть волне, его что окружает,

Внезапно север тут оковы ощутит,

И вдруг откроется веселый солнца вид.

Воззри на свой пример, в бедах мы погружались,

Но те беды уже, Царица, миновались,

Подобно и сии минуются беды,

И вспомянешь сии ликующа годы.

Дидона.

Ах! нет, княжна моя, предчувствие сердечно,

Мне говорит, что то последни дни, конечно,

Потоки сами слез катятся из очей,

И вздохи, ах! в груди спираются моей,

Чем более я их удерживать стараюсь,

Тем боле мучусь я, тем более терзаюсь,

Ужасны вздоры вкруг летают предо мной,

И очи, ах! мои густой объяты тьмой,

Хладнеет сердце днесь, и я всю цепенею,

Никак себя, никак утешить не умею.

Анна.

К чему, Дидона, свой терзаешь дух ты так?

Иль хочешь лишь скорей во адский снити мрак?

Почто так бедную ты душу изнуряешь?

Отри ты слезной ток. Ты плачь усугубляешь!

Дидона.

Легко о бедствиях чужих нам рассуждать!

Но самим делом то нам трудно испытать,

Однако сколько сил потщуся удержаться,

Потщуся твердой быть, не стану колебаться.

Анна.

Утешься, ободрись и слезы ты отри,

И весело хоть раз на град сей днесь воззри.

Дидона.

Слабеет мысль моя, и дух изнемогает.

Анна.

Какая нова скорбь опять тебя терзает?

<11>

Болит, болит, Княжна, но ах! не знаю что!

Анна.

Любовь тебя мятет.

Дидона.

Ах! знать, конечно, то,

В кой час, несчастной час она меня вспалила

И, воспалив меня, мой слабый дух смутила?

Еще мечтается то время предо мной,

Когда, подвигнута лишь жалостью одной,

Энея я из волн на берег сей приняла,

Еще душа моя спокойна пребывала,

Он очи жалостно ко мне там обращал,

И здесь пристанища народу испрошал,

Но ах! теперь…

Анна.

Куда твой дух нынь заблуждает?

Он только что тебя лишь более терзает,

Троянский Князь идет.

Явление Второе.

Дидона, Эней, Анна.

Эней.

Еще перед тобой

Являюся, ведом жестокою судьбой,

Царица, хоть тебя забыть и заклинался,

Без пользы сим мой дух презором величался,

Без пользы сам себя хотел я победить

И на Авзонский брег предпринимался плыть,

Все предприятия мои уничтожились,

И все беды, что есть, на мя вооружились:

Любовь влечет в страну, влечет в другую честь,

Стократ на корабли я покушался сесть,

И вдруг стократ другим я мненьем колебался,

Терзаем, мучился, страдал и волновался,

Смущала честь любовь, мялась любовью честь,

Но можно ль мысли все мои борющись счесть?

Не столько перемен стихие в гневных в споре,

Когда шумящий свист они поднимут в море,

Бушуя по валам, воздвигнут буйный ток,

И в влаге усталой мглу стелют и песок.

Как сколько мысльми я противными смущался

И более в своих злосчастьях погружался.

Любовь и честь, сложась в злой ярости своей,

Покою не дают, увы! души моей,

Не инак два ветра с высоких Гор Идейских

Или из-за снежных хребтов Иперборейских,

Взвиваются, падут, ревут неистым ртом,

Смущают тихий дол и прах крутят столбом,

Подобно так сии два лютые тираны

Мои на всякой час возобновляют раны,

О ты, в чьей власти днесь и жизнь, и смерть моя,

Скажи, иль умереть, иль должен жить я?

Дидона.

Ах! Князь, какая речь из уст твоих исходит?

<11 об>

Она во ужас мя единая приводит,

Живи, мой князь, живи, отторгни мыслей тьму,

Живи ты для себя и к счастью моему,

К тебе мою, Эней, жизнь боги привязали,

Тебя удерживать они так приказали.

Эней.

Что слышу я?

Дидона.

Таков бессмертных был ответ,

Ты пременяешься!.. Что так тебя мятет?

Эней.

Иль гнать меня еще, Юнона, хочешь боле?

Анна.

Послушен будь, мой князь! бессмертных сильной воле.

Эней.

Послушен!.. Отчество! О Боги! Ах! Увы!

В какие бедствия ввергаете мя вы?

Опять трепещет дух и сердце унывает,

Где мужество твое злодейска мысль терзает.

Дидона.

Что может быть твоих пременнее речей?

Жестокой! здешних всех презрившая князей,

Сама я до тебя сойти не устыдилась,

Но как же в страсти я несчастной сей презрилась?

На то ль пристанище, ах! князь, ты здесь имел,

Чтоб ты меня прельстил и после бы ушел?

Спеши к желанному в Италью Иллиону,

Спеши, но ах! и там страшись найти Дидону.

Эней.

Царица! мог ли я когда изменник быть?

И мог ли я когда тебя, ах! позабыть?

Однако день прости души моей волненье,

Оставь теперешне мое ты мне смущенье,

Как ты нечаянно сказала то мне вдруг,

Внезапно, признаюсь, смутился тем мой дух,

Но дай мне времени душе установиться[1478],

Вспокоенна, она возможет возвратиться

К устройству мысленну, к желанной тишине,

Не инак человек слабее в томном сне,

Ужасным поражен видением бывает,

От услажденных чувств, воспрянув, заблуждает.

Знай боле почитать во мне природы глас,

Не станем обвинять в упрямствах рока нас,

И коль непрямо им я отдан чувствам томным,

Не называй меня, Дидона, вероломным

И не ругайся хоть толь бедственной судьбе,

[1478] Первоначальный вариант: «Но дай мне времени ты днесь установиться».

Я славы враг моей, любви и сам себе,

Довольно ль? И не зришь вины сего упорства?

Дидона.

Не принуждай себя: я зрю твои притворства,

К чему они теперь? я не держу тебя.

Ступай в Италию, Дидону погубя,

Затем что мог ли б ты скорбеть с холодной кровью

И на разлуку зреть и впрямь вспален любовью.

<12>

Чувствительней тебя я в слабостях моих,

Но мужи, может быть, в достоинствах таких

Хотят заслугу их и славу положити,

Их преимущество — нечувственными быти,

Величия их знак терзать и мучить всех,

Невинных слезы им вместо всех утех,

Быть двигнут жалостью, женам то оставляет,

И нежных склонности сердец она не знает,

Прославься, будь велик нечувственностью сей

И потуши мою любовь в крови моей,

Страсть нежну победить слаба тебе утеха,

Ты дале поступи, что может быть помеха?

И поздны племена прочтут то в повестях,

Что было наяву со мною в наших днях.

Неблагодарность вся причтется лишь в геройство,

И в пущу честь тебе мое все беспокойство.

И скажут, что Эней любил и презрил страсть,

Отдаться не хотев любви в поносну власть.

Эней.

Иль мнишь ты, что герой любови неподвластен?

Он так же, что другой, и сам подобно страстен,

Но тем льзя различить простого от героя,

Что тот лишь в сам себе и не лишен покоя,

Другой, как гибка трость, что клонит ветр с собой,

Не в силах удержать стремления…

Дидона.

Постой,

Ни коей разности в любови я не знаю,

Герой ли иль простой — все равно понимаю,

Природы в нас закон и жребий всех един,

Толь принужденных мне не приводи причин,

Еще ли хочешь ты, еще ли мной ругаться

И долго ль будешь ты со мной так притворяться?

Я вижу всех твоих намерение в цель,

Спеши в Италию, спеши скорей отсель,

Коль хочешь, чтоб моей ток крови проливался,

Кто хочет быть велик, льзя ль, чтоб он унижался,

Спеши к великим ты и громким лишь делам,

Сражайся и воюй и побеждай ты там,

Что делать здесь тебе, в спокойстве без сраженья,

Привыкнув в Трое ты иметь всегдашни пренья,

Не можешь ты без битв пробыть единый час,

Дай литься ты слезам из огорченных глаз,

К чему притворством ты обман сей прикрываешь,

Когда ни искры ты любви не ощущаешь.

Эней.

Не ощущая я! Дидона, можно ль быть

И можешь ли меня в неверности винить?

Доколь источники в пределах будут литься,

И вновь весной луга цветами богатиться,

Я буду без премен любить тебя всегда,

И рок в упрямости позволит иногда,

Чтоб верный дух сгорал к тебе в любви безмерной.

Дидона.

Коль так, останься здесь.

Эней.

Не нудь меня.

Дидона.

Неверной!

Эней.

Узришь, когда-нибудь, как я тебя люблю,

И страстью уязвлен, здесь сам себя гублю.

<12 об>

Явление третье

Дидона, Анна.

Дидона.

Жесткой! он бежит, бежит, не озираясь,

И страхом одолен, себе сам изменяясь,

Взор смутной потупя, спокойства отлучен,

Свирепствует в своем злодействе убежден,

Дидона! Ах! почто злодея полюбила…

Но кая льется вдруг не знаема внутрь сила?

Нет, ах! Я чувствую, что мною он любим,

Я с ним готова жить и умерети с ним,

Пленилася я им и век хочу быть пленна,

И с ним одним по гроб хочу быть съединенна,

И чтоб и хладный прах с Энеевым смешен,

Во тленности еще пребыл не разлучен,

Но что я говорю? Дидона, заблуждаешь

И в кои пропасти себя ты не ввергаешь?

Ах! легковерная, престань себя ласкать,

Тебе уж помощи не можно ожидать.

Навек, навек уж ты оставлена терзаться,

Готовься к жалостям, готовься волноваться,

Исчезни из ума меня толь льстивша мысль,

И утешаться ты в любви уже не числь.

Анна.

Ах! что, драгая, ты дух скорбной изнуряешь?

И так, и так уж ты слабеешь, увядаешь.

Знак слабыя души — крушиться и стонать,

Когда возможно нам себя из бедств спасать.

Попомни, можешь, что потоком сделать слезным,

И вместо время длить стонаньем бесполезным

К советам прибеги.

Дидона.

Уже в том нужды нет,

Какой теперь, какой остался мне совет?

Анна.

Какой! Или уж нет невинности спасенья

Или уже Эней не знает сожаленья?

Ты первым рвениям дай времени пройти,

Не от другого то могло произойти,

Как от единого геройска волнованья,

Но вскоре кончатся и прейдут колебанья,

Любовь сильней всего, любовь все победит

И все сомнения из сердца истребит.

Не раз уже она героев усмиряла

И им уже не раз законы налагала.

И можно ль, чтоб герой любовь мог победить,

И тот, которой все войной привык решить,

То и против стать, кой вся жестокость неприлична,

И коя к прелестям единым лишь привычна?

Которой служит плач защитой одной

И коя нежностью влечет всех за собой,

На безоружного кто может воружиться?

Престань, любезная сестра, престань крушиться.

<13>

То попечение оставь любови ты,

Оставь, она свои не разорит труды,

И что уж начала, сама то окончает,

Верь мне, Эней, как ты подобно, сам вздыхает,

Но честь, сей злой тиран, его тревожит грудь,

И как бы не могла она его тронуть?

Героям всем, что есть, она мила бывает,

Надеждой верной льстит, в успехах заражает,

Сей благочестный князь приказ богов хранит,

Что весть ему троян в Италию велит.

Дидона.

О боги, коли так, что нам повелевают

То самое, что нам другие запрещают,

Могли ли столько к нам вы лютости иметь?

Несчастна смертных жизнь наука зло терпеть.

Анна.

Нам божеских судеб след исповесть не можно,

И боги, что рекли, то свято и не ложно,

Где ум теряется и ги<б>нет смертных взор,

И кажется, в вещах врожденный быть раздор,

Там боги разобрать и все связать умеют,

И кои таинства пред ними уцелеют!

Прошедшего у них и будущего нет,

Что будет, было что – для них един предмет,

Хоть разным все путем к единому стремится,

И всех сомнений узл впоследок разрешится.

Дидона.

Ах! Нет, тому не быть, не льсти меня уж тем,

Навек уж мне, навек остаться в горе сем,

А ты еще его флот, море, не поглотишь,

И упований злых его не поворотишь!

И ветры что его на сей прибили брег,

Его, чтоб не сгубить, свой остановят бег!

И ты, что все то зришь, громовым, Зевс, ударом

Не поразишь еще его во гневе гром,

А он на кораблях, гордяся, по вол<н>ам

Пойдет, напрягши снасти, к Авзонским берегам,

И парус к высоте дымится непомерной,

И весла там шумят… остановись, неверной!

Кого оставил здесь? Возьми меня с собой.

Анна.

Что так мятешься ты? твой отлучен покой!

Но что как если ты Энеем так плененна,

Похочешь ли ты с ним быть браком съединенна

И п<р>еменится плач в смех, на радость – скорбь твоя,

Скажи, похочешь ли, скажу Энею я?

Дидона.

Ах! что, княжна, ты мне еще то повторяешь,

И бедства все мои уму изображаешь?

Что мне сказала ты, мне то ль тебе сказать?

Почто ты не дала себя лишь тем терзать

<13 об>

Терзала б я себя и тем бы утешалась,

Что лишь любовию одною я терзалась,

Но я б тогда вины не помнила своей,

Не помнила б того, любезной мой Сихей,

Что я с тобой навек я сочеталась

И что любовь моя с тобою погребалась.

Что сталося со мной, изменницею я!

Карай меня и здесь, виновница твоя!

Что скажешь, мой супруг, коль весть сия плачевна

Сразит когда твой дух и что тогда тень гневна

Предпримет?.. Ах! Я зрю и наяву, и в сне,

Пеняти явится казаться будет[1479] мне,

А я!..

Анна.

Жестокая! Коль тя любовь не тронет,

Хоть будь чувствительна к сестре твоей, что стонет,

Чей глас, стенящий глас тобою внемлем был,

[1479] В оригинале возможна описка: «Будешь». Первая половина стиха читается предположительно.

Но боле всех в тебе тобою внемлем был,

Ты сжалься надо мной, жалей моей печали,

Ты плачешь! что ко мне те милости уж стали,

Которыми я, ах! хвалилась иногда?

Исчезли уж оне, исчезли, ах! беда!

Дидона.

Нет, ах! княжна, прими власть прежню надо мною,

Прими; душа моя отверзта пред тобою.

Анна.

О коль блаженна я! коли то точно так,

Но благосклонностей своих подай мне знак,

Оставь на сей мне раз, позволь на дерзновенье,

Позволь…

Дидона.

Ах боги!

Анна

Что? или души волненье,

Царица, сестриным пред идет уж словам?

Дидона.

Несчастная!

Анна.

Промолвль.

Дидона.

Увы! О, стыд! о, страм!

Промолвлю: но… какой проклятой ты наукой

Признанье извлекла? С моей, ах! так ли мукой

Должна бы ты, княжна, днесь поступать?

Ах! Лучше слабость ту по мне бы должно чтить!

Что растравлять еще не затворенну рану,

Иль мучити меня согласна ты тирану?

Зачем бы таинство тогда мне открывать,

Ах! Пусть бы знала, то устал им мя терзать?

Но как души мо<е>й все таинства открылись.

Дай, чтоб сии мольбы напрасны не явились,

Не говори об сей плачевной тайне мне,

Чтобы сокрылись ввек в безмолвной тишине

И чтоб и я могла, когда усомневаться

Имела ли об сей ты тайне догадаться,

<14>

Не знала б я еще! Но ах! О, время грозно!

К чему уже все то притворство, все нынь поздно:

И для чего теперь стараться обмануть…

И так, и так уже обманутую грудь?

Но что ж? Коль лютости судьба дотоль имела,

Попустимся на все: скажи, что ты хотела?

Анна.

Чего страшишься ты? Свою мне вверив страсть,

И может ли твое на мя сомненье пасть,

Чтоб мучить тя, была согласна я с тираном?

Была ль моя душа заражена обманом?

Всегда мои уста вещали то тебе

И нынь вещает то ж в подобной сей судьбе,

Почто супружества с Энеем убегати?

И коль…

Дидона

Несчастная! Что знала ты сказати?

Вотще, вотще мою скорбь хочешь обмануть,

Уж не исцелишь моб плененну грудь.

Вот для чего тебе послушна быть старалась,

Чтоб в пущих бедствиях еще я погружалась,

А ты в погибели, днесь зря сестру свою,

Не прекратишь еще плачевну страсть сию.

Изми неволею, изми мя из мученья,

Я гибели ищу, ты мне ищи спасенья,

Немилостива будь для целости моей

И милосердой дух яви к сестре своей.

Ты пресели меня отсель в места далеки,

Я там скончаю жизнь, я буду там навеки,

А ты напомнишь мне там долг мой, прежни дни

И бедственную страсть навеки изгони,

Там буду я богам куренья приносити

И буду как всегда Сихея там любити.

Ты чаще мне его рассказывай напасть

И более мою воспламеняй тем страсть,

Как он меня любил, как я его любила,

И как незапно смерть ударом поразила,

Ты все напоминай то памяти моей,

Да не иначе мне предстанет пусть Сихей,

Как жалобными, ах! весь окроплен слезами,

Тоскуешь, жалуясь, глухими пред богами,

Таков, любезная, и станом, и лицем,

Как зрели мы его пред брачным алтарем.

Свирепо умерщвлен как был Пигмалионом,

Подвигнь мою любовь, увы! вдруг с гор<ь>ким стоном

Позволю я и то: Энея вспоминай,

Но не любовником, героем представляй[1480].

Скажи, так суждено впредь было небесами,

Чтоб мы под разными родились с ним звездами,

И что ни искры в нем ко мне любови нет,

Ах, нет, ах нет и впрямь! Другой его предмет,

Не я его, его другая уж пленила,

А я его почто ж, почто же полюбила?

И, полюбивши, ах! крушусь, лью токи слез,

Когда злодейство то, злодейство то небес

Я чувствую сама, душа в том непричастна,

И естьли страстна я, сама ли в том я властна?

Господствует любовь, и нет других господ,

А ты, о слабой ум, кой нам приносишь плод?

<14 об>

О небо, естьли сим тебя не прогневляю,

Прости, как естли я в твой суд вникать дерзаю,

Как можно, чтоб, вспалив ты в нас виновну страсть,

Могло ты осудить и ввергнуть нас в напасть,

Или природа есть в себе несовершенна,

Нам вливши склонность, что законом осужденна,

Или закон в себе жесткой есть закон,

Коль склонность данную винит природой он.

Еще бодрится дух, хоть сердце унывает,

Но, ах! не всуе ли надежда ободряет,

Однако ж что? пойдем еще в последний раз

[1480] Здесь на полях Муравьев поставил знак сноски; на л. 12 об. читаем: «Польсти меня хоть тем и обмани меня, / Чтобы люблю ль, еще не знала я, стеня».

Неверного сразить потоком слез из глаз,

Того, кто мя губит, и я, ах! обожаю,

Любовь, к которой я впервые прибегаю,

Тронь, тронь, косни его нечувственную грудь

И к сердцу отвори его свободной путь.

Явление четвертое

Анна.

В собранье бедств, что нас внезапно удивили

И разом наше все спокойство погубили,

От страха не могу еще я отдохнуть,

И ах! установить биющусь сильно грудь.

Не тщетно мыслей той, одною я пугалась,

Как прежде мне она в уме изображалась,

Не тщетно скорбь ее подозревала я,

Ах! для чего была не лжива мысль моя?

Печален вид всегда, потупленные очи,

И в плаче, безо сна препровожденны ночи,

Грозимых бедствий всех признаки лишь и тень,

Которы злобный рок на сей оставил день.

Как мы не знали днесь Энеева прихода,

Цела была еще Дидонина свобода,

И как Энея уж на брег сей принесла,

Дарила милостьми, свободна, весела,

Но с неких пор они как вместе быть случались,

Вздыхала, мучилась, и щеки зардевались,

И говорила с ним и запиналась вдруг,

Колеблем замирал в устах дрожащий дух.

И слабый гласа стон, краснеяся, пускала,

Я и тогда уж в ней любовь подозревала,

Но поздно, поздно уж ее днесь исцелять,

Чтоб затворить ее, не должно растравлять.

Рождает час любовь, и время умножает,

И что одно зачнет, другое совершает,

Ах! может быть, теперь то время уж нашло,

Которое любовь уж в силу привело?

Конец второго действия

1772 Июл<я> 26[1481]

<15>

Действие III.

Явление I.

Дидона, Эней, Анна.

Дидона

Когда тебя ничто, жесткой, не тронуло,

И сердце при слезах моих не воздохнуло.

Впоследни с тобой Дидона говорит,

Не вероломность, знай, меня твоя крушит,

Крушит меня одна моя лишь легковерность,

Не чаяла таких злодейств я непомерность,

Не чаяла, и кто б мог чаять, быть тому?

Но ах! сбылось все то к мученью моему.

Вот на поверхности как можно утверждаться,

На добродетелях людских как полагаться?

На раменах отца из пламя кто унес,

[1481] Поздний комментарий Муравьева: «Лучше ли моя трагедия «Траяна и Лиды» или ей равна? «Дидона» – ученичество тринадцатилетнего ребенка и мне стыда не приносит».

Нещастливых того не тронут токи слез!

Вот милостей моих достойная заплата!

Чего я требую? Сребра ль, богатства, злата.

Ах нет! Не надобно того мне ничего.

Что ж требую за все? Лишь сердца твоего,

А ты мне врал и в том не устыдился!

Но что я говорю, весь стыд мой изменился,

Умеренность прошла, к чему дошла днесь я?

Но знай любовницу по бешенствам ея.

Постой, я чувствую, что я тебя люблю,

К чему теперь я все то усугублю.

Познай ее, познай ее, любовник недостойной!

Вот милостей моих любви конец пристойной!

Что всуе мне лишь то еще напоминати,

Ах! может быть, меня возможет то прельщати,

К чему способно все, как гнев мой усмирить?

Нет, более мой гнев то может воспалить,

Напомним все себе терзанья и смущенья,

Но что или хочу, чтоб, зря мои мученья,

Смеялся, веселясь, неблагодарный, мне?

В каких превратах я, все вижу, как во сне,

Нет, много уж того, чтоб мною ты ругался.

Пойдем, чтоб вид его пред мной не представлялся.

Эней

Могла ль ты только вдруг жесткостей иметь!

Постой, жестокая, дай лучше умереть.

Но ты бежишь, бежишь и гласу не внимаешь,

Ах! как нещастную ты душу днесь терзаешь.

Дидона

Не я терзаю, ты терзаешь сам себя,

Твои неверности падут все на тебя.

(отходит)

Явление II.

Эней

Беды, беды на мя ужасные напали,

Довольно ли и так вы дух мой уж терзали?

<15 об>

Или хотите вы меня еще терзать,

И, бедной дух томя, терпенье искушать?

Пусть так: стремитесь все вы на меня напасти,

Терзайте члены врозь моей злощастной части,

Влеките наконец из тела томный дух,

Тираньте, злобствуйте, свирепствуйте все вдруг,

Что есть ужасного, в природе соберите,

И все то на меня с размаху обратите,

Приказы Божески, любовь, трояне, честь,

Вы все то для меня, что страшного ни есть,

Простите имена, и милы, и священны,

Не ныне мучите меня ожесточенны,

Простите, естли я, сим бедствием сражен,

Слагаю днесь на вас вину их перемен,

В сомненьи бедственном гиблюсь, изумеваюсь,

И сам себе еще я в нем не доверяюсь,

О вы, властители небес, вселенной всей,

Предусмотрите гром иль гряньте поскорей.

Явление третие

Эней, Ахат

Ахат

Мой князь! Готово все, а ты здесь пребываешь?

Так, так ли искры ты любовны погасаешь?

Уже с кормы судов раздался трубный глас,

И отвалить един твой надобен приказ.

Эней

Легко ли с тем, легко ль, что мило, расставаться

И разом ото всей утехи отказаться?

Еще теперя лишь царица вся в слезах,

Предстала плачущи, мой друг, в моих глазах.

Печаль, отчаянье красы ей придавало.

Ах! как все то меня, любезной друг, терзало!

Сильняе билося там сердце у меня,

Мрачился свет в очах, в очах не зрел я дня,

Раз много говорить я с нею покушался

И безответен вдруг пред нею оставался.

Что мне тебе сказать, поверишь ли, какой

Жестокой мучуся теперя я тоской?

Я многожды на час премен воображаю,

Чему последовать, что делать, сам не знаю.

А все то для тебя я, отчество, терплю!

О долг мучительной – покинуть, что люблю!

В безвестную страну, на рок один пуститься,

Чего же стоит то? На веки с той проститься,

Которой лишь, кроме одной, подвластен дух!

Потребовати все, от одного и вдруг,

Какие лютости природа собразила,

Когда-то так в своем уставе положила!

Ахат

Не лютости ея, щедроты то тебе,

Чтоб вольность приобресть, оковы дай себе.

Гони любовну страсть ты страстию другою,

Повелевает долг, повелевай собою.

<16>

Эней

Ах! что мне страсть на страсть другую пременять,

Тиранов пременим, нельзя их истребить,

Под всякой бедному все равно воздыхати,

Везде смущаться нам, везде себя терзати.

Ахат

Но разна похвала, трудов различен суд,

За благо отчества похвален всякой труд,

И благородно пасть в начатке благородном,

То первой долг людей в сложении природном.

Любовь, краса, что есть, все должно уступить,

И где отечество, тут должно все забыть.

Эней

Забыть! О слово, что способнее сказати,

Как нежели самим то дело исполняти!

Откуда я могу принять такую власть,

Чтоб мог я истребить из сердца нежну страсть?

Что в том, народом сим что я повелеваю,

Меж тем ослушаться любви я не дерзаю.

Родиться князем мне, богиня, повелев,

При том свой от меня не отвратила гнев.

Что в том, Гектору брат, Приаму я племянник,

Скитаюсь как другой нещастной чужестранник.

Жестокия судьбы терплю превраты я,

Подобно как других любовь терзает мя.

А ты то хощешь, чтоб я духом ополчился,

Презрил, и в бедствия другия погрузился,

Затем что просишь ты другое от меня,

Как чтоб горчай еще была судьба моя.

Нет, тем испытывай щастливейшие души,

А, ах! мои еще все полны бедствий уши.

Попомни пагубно ты тех нестройство дней,

Как двадцать греческих пред Троею царей,

Атридов гордых все, в тяжбе совокуплены,

За похищение сражалися Елены,

Как гордой Ахиллес стремился по толкам,

И вожждми <так> ударял по быстрым он коням,

Те стрелы, что метал, сгустясь под облаками,

Вкруг троян падали несчетными толпами.

Айякс <так> и Диомид, Уликс, Агамемнон –

Каких противников имел ты, Иллион!

Божественный Гектор, в тебе надежда пала,

Ты пал – и Троя вдруг впоследни застенала.

Блажен и треблажен, за отчество ты пал

И раззорения Пергам ты не видал.

А я!..

Ахат

А ты себе приобрети тут славу,

Потщися заглушить ты в сердце злу отраву,

И защититель быв, днесь князем нашим будь.

Эней

Что ж должен делать я с любовию?

Ахат

Забудь

<16 об>

Эней

Великое уже потребно принужденье,

Чтоб скоро получить мне льзя было забвенье

Той страсти, кою я толь долго уж питал,

Я признаюсь тебе, коль крат ни рассуждал

Об бедственной любви и вображал разлуку,

Предвидел я, но ах! не толь велику муку.

Над меры есть души прискорбие моей,

Смущается мой дух красой ея очей,

Волнуется мой ум, представив пред собою,

Клянущую свой рок покрыту смрадом Трою

И грудь жалением по троянах кипит

Всяк раз, как сей народ, мой томный глаз узрит,

Какие стрелы мя, мой друг, тогда пронзали,

Как грозные валы нас по морю бросали,

Ах! кой же пущщий яд мое там сердце рвал,

Как в пагубну я сеть, робеющ, упадал,

Как шел, как темныя вступал сии дороги!

Я шел неволею, полн ужаса, тревоги,

А выттить как и сам еще не знаю я

Всех бедств соборище теперь душа моя.

На суше, в сих стенах, в чертогах пребываю,

И мне, что я в валах пенистых утопаю,

Мне мнится, всякой шаг – мне должен страшен быть,

И рухлая <так> земля мя может поглотить.

Люблю, и что люблю, запрещено сказати,

Кто есть властитель сей сердцам повелевати?

Стеню, однако стон скрывать сей должно мне,

Иль рок мой в жребий дал лишь муки мне одне?

Сколь блаженны вы, спокойны, поселяне!

Не ищете вы бед в пространном океане,

И в ваших серп руках, железо лишь одно,

У вас среди лугов любить позволено.

Ахат

Какая подла мысль Энея унижает?

И что ко зависти тебя днесь понуждает?

Иль горделивой дух сойти дотоле мог,

Чтобы он испустил толь недостойной вздох?

Эней

Прости, мой друг, всегда ль дух напряжен бывает,

Коль бедственна судьба нас в ярости терзает?

Любовь, ах! долг, к чему меня вы привели?

Ахат

Не жалуйся, и что судьбины нарекли,

С покорством исполняй.

Эней

Любезной друг!

Ахат

Бледнеешь.

Эней

Увы!

Ахат

Вздыхаешь!

Эней

Ах! коль жалость ты имеешь,

<16>

Над страстию моей ругатися престань,

И так душа творит уж с сердцем брань.

Ахат

Кинь мненья таковы, другое мыслить время,

Мой князь, воспомни ты воинско тяжко бремя,

Я все распорядил, как ты мне повелел,

И вал под тяжкими кормами заревел,

Как с берегов они с рахмаху побежали,

И волны, закрутясь, удары повторяли.

Все споспешествует, един лишь в сердце страх

Еще наносит нам опасность в сих странах,

Всего ты должен днесь бояться от Дидоны,

Познает коль она намерения оны,

Коль не предупредишь от бедствий сих себя,

Какой опасности подвержешь ты тебя!

Спеши – един лишь сей совет тебе остался,

Поколь о бегствии никто не догадался.

Пойдем, и сим шагом взойдем на корабли,

Дорогу кажет Понт, далеко от земли

Лишь ветр, лишь Понт, лишь мы, своя лишь токмо воля,

И больше ничего.

Эней

О ты, свирепа доля!

Ах! друг, ах! долг, любовь, вы все свирепы мне!

Что собрались на мя в любезной сей стране?

Что было надобно, чтоб мысли потемнились

И слабости мои внезапно все открылись?

Оставь, не отвлекай меня в последний раз

И света не лиши моих впоследни глаз.

Дай, чем бы я хоть мог в разлуке утешаться,

Ах! дай в последний раз, впоследние терзаться.

Ахат

Попомни, рассуди.

Эней

Я все уж рассудил

Ахат

Троянской князь!

Эней

Терпеть мучения нет сил

Ахат

Ужели, государь, на флот я возвращаюсь?

Эней

Поди.

Явление четвертое

Эней

Пойдем за ним, почто напрасно рвуся?

Пойдем, но что хочу, и ах! нейду зачем?

Пойдем, но все ли то в могуществе моем?

Колеблюсь, трепещу, чего не знал я прежде,

Но все то для чего, зачем, в какой надежде?

Что пользы в том? Мне жизнь любезна в сих странах,

Иль чтоб бесславны дни в Ливийских длить полях?

И жизнь неприбыльну с боязней сберегати?

Нет, я ее навык с младых дней презирати.

<17 об>

Не недостаток то тщеславия во мне,

Так что ж, так что ж меня в сей держит днесь стране?

Содетельница бед, любовь, ты в том причиной,

С моею согласясь жестокою судьбиной,

Хотя покрыла уж повсюда <так> небо тень,

Но громы есть еще, и не скончался день,

Чем нынешня луна еще мне угрожает?

Но что еще, но что днесь Анну поражает?

Она идет.

Явление пятое

Эней и Анна

Анна

Ах князь! Что сделал ныне ты?

И кой ты нанес Дидоне тесноты,

Она в слезах, об грудь нещастну ударяет

И к скрытым небесам стон жалкий воссылает,

Тоскует, мучится, метается везде,

Но не находит, ах! отрады лишь нигде,

Мятется, рвет власы, а ты тому виною,

Отшествие твое.

Эней

Судьба, играйся мною

И сделай чести мя и бедности пример,

Играйся, рушь, низринь моих успех ты мер

И в сени смертной ров своди мой дух смятенной,

Я буду раб тебе, не твой все подчиненной,

Еще вышайша власть есть днесь в душе моей,

Что в состоянии торжествовать над ней.

Еще не отняли величья бурны страсти,

Смесь слабостей, смесь бедств еще в своей я власти.

Анна

Внезапная беда! Отколе взять совет?

Но что? царица, ах! сама сюда идет!

Явление шестое

Дидона, Эней, Анна, Клеона

Дидона

Все вымыслы твои открылись предо мною,

Таку скрыть от меня неверность лестью злою

И в тайне отойти хотел отселя ты?

Эней

Хотел.

Дидона

Злодей, мучь, мучь, бедами множь беды,

Терзай, забудь, кто я, забудь, и я спокойна,

Виновница я мук, и мук всех я достойна,

Лишь смилуйся и казнь скорейшу приготовь,

Ни милости мои, ни ранняя любовь,

Ни все то, чем могла тебе я быть любезна,

Ни плачь, ни вопль, ни страх, ни смерть Дидоны слезна,

Ни все то, чем бы я тебя могла тронуть,

Извергни из себя и вход запри ты в грудь,

Иль станешь и сему желанию противу?

<18>

Эней

Нет, мало ведаешь ты душу справедливу,

Я должен всем тебе, то признает мой глас

И будет признавать еще то всякой час,

Везде, где буду я ни приведен судьбою,

Щедроты все твои я понесу с собою,

И естли хощешь ты…

Дидона

Нет, нет, я не хочу,

И так за лесть твою довольно я плачу.

Довольно мне и тех. Толь хитрой ков сплетати!

Без наказания ругаться надо мной,

К таким ли подлостям мог снисходить герой?

Что трачу время я, смеется мой мучитель,

Не сын богинь ты, не дардан прародитель,

Зловерной! Кавказ тя из камней породил,

В Ирканских ты степях млеко злых тигров пил,

Ты впервы свет узрел в пустынях непроходных,

Но что и тамо нет, нет, нет тебе подобных.

Нет, лютостей таких нельзя изобразить,

К которым не могла б тебя я применить,

Затем что будет мне в притворе бесполезном?

Когда он возрыдал со мной в потоке слезном?

Ах! что сравню я с чем, на что я что сменю?

С прибытья самого до нынешнего дня,

Когда он снисходил, терзающусь зря душу?

Я флот, я флот спасла, доставила на сушу

Томившихся семь лет Троянских я людей

И странника, тебя взяла в земли моей,

Извержена на брег, бедна и неимуща,

Ах! для чего тебя спасла в волнах я суща?

Ах! что как вал тебя на берег извергал,

Не погружала я тебя в шумящий вал?

Ах! что я говорю? тебя мне погубить,

И ах! рука б моя могла то сотворить!

Не ужасаючись, не сдрогнув, не боясь!

Возможно ль, до того чтобы я довелася?

Мой дух, иль ты так слаб, <нрзб>

Приди, любезной князь, весь гнев мой отступил,

Владей, как обладал, по-прежнему ты мною,

Ты навсегда мой князь, так велено судьбой <так>.

Анна

Ах, естли б дал нам бог…

Эней

Рассыпан весь мой ум

Анна

Мой князь! Не допускай к себе толь мрачных дум.

Эней

Смущаюсь.

Дидона

До того ль злой мною рок игрался,

Чтоб просьбою моей изменник мой ругался!

А я! О люта скорбь! видал ли кто сие

<18 об>

Благодеяние, чтоб вместе с горестию злою <?>,

С болезнью вспоминать и пасть своей рукою,

Достать себе врага, покрытаго волною,

В пустынях изыскать, кто мог бы умертвить?

И милостью своей беду и смерть купить?

А ты мя привела, любовь, к сей злой напасти,

Любовь в беду нам посылает люты страсти[1482].

Пусть, пусть бы ехал ты, чтоб нужды мне держать,

Когда б еще, когда б ты мог куда бежать,

Не пал бы Иллион протявничей <так> рукою,

И мог бы ты еще надежно ехать в Трою,

Изменник для чего, зачем и почему,

Как упование все спорит твоему,

На ветры, на валы, пуститься на пучины,

И грозны захотел опять терпеть судьбины?

Меня ль бежишь? Тебя я сим вот током слез,

Коль боле ничего мне бедной нет их днесь,

Коль снисхожденье есть, тебе колико сродно,

И естьли что мое тебе было угодно,

Над бедной сжалься ты томящейся душей,

И место просьбе коль останется моей,

Оставь нещастну мысль, останься здесь ты жити,

Чем тую ненависть могла я заслужити?

[1482] Данный стих, кроме первого и двух последних слов, читается предположительно.

Иль что твоим бедам я сделала конец?

Ах, для чего?.. постой меня бежать, пришлец!

Я инако тебя назвати не умею,

Но естли[1483] неку власть в душе твоей имею,

Я всем тебя кляну что нежного ни есть,

Престань себе и мне такую гибель плесть,

Но что? твой вид смущен, глаза ожесточены,

Я зрю в них все беды, беды изображенны,

Жестокой, что молчишь, скажи, реши судьбину…

Явление седмое

Те же и вестник

Вестник

Царица, корабли средьземную пучину

Покрыли вдалеке, чернеючись вокруг,

И с суши, и с валов на град ударит вдруг

С великим воинством Иарб, царь Нумидийский

Тьмой бурных сил покрыл шумящий край понтийский.

И морем, и землей несется зла напасть,

Суди предускорить иль приготовься пасть!

Дидона

Паду, скончаю тем, страсть, рок, любовь, смущенье,

Паду, но повлеку в своем тебя паденье,

Жестокой, изувер, злодей, изменник мой…

Но кои бездны днесь открылись под ногой?

Паду – падет, падет чертог, и град, и двор,

И что предсталося пред ужасенный взор?

[1483] Первоначальный вариант: «коли».

И здесь, и здесь тебя еще я зрю, жестокой!

Во бездне, в пропасти, во пропасти глубокой.

Анна

Увы.

Дидона

Беги из глаз, исчезнь, исчезнь, злодей!

<19>

Иль крови ты еще не напился моей?

Эней

Постой, любезная, опомнися, Дидона!

Дидона

Тиран, злодей, рушитель трона!

Увы… я падаю…

Эней

Любезная!

Явление осьмое

Прежние, Ахат

Ахат

Эней!

Или бесчувствен ты средь пагубы своей?

Спеши, или, иль флот в един час погубится,

Исчезнет, и твой слух бесславен ввек промчится.

Эней

Восстань, любезная, взгляни… о боги!

Ахат

Тлей,

Не тронут славою, во страсти ты своей!

Тлей, князь нещастливой! Слабей и погружайся,

Но ввек с троянами и с другом ты прощайся.

Эней

Ах, друг.

Дидона

Увы!

Ахат

Се что? я внемлю трубный глас!

И топот слышится мне коней между нас!

Мятутся все! О срам! Стенами окруженны,

Велики воины, во граде побежденны!

Пойдем и победим, а естли же не так,

Довольно есть смертей.

Эней

Объемлет очи мрак!

Куда влечешь меня?

Явление девятое

Дидона, Анна и Клеона

Дидона

Какое здесь смущенье?

Что сталося со мной? Где я? Где рассужденье?

Погибло – смутен дух, биется сердце днесь.

Любезная сестра! Что сделалося здесь?

Скажи.

Анна

Все рушилось, и все уже свершилось,

Сноси последний раз, все, все для нас сгубилось.

Дидона

Что слышу я?

Анна

Иарб под градскою стеной,

<19 об>

Теперя, может быть, ведет кровавой бой.

Эней, нещастной князь, терпя судьбины люты,

Стократно пред тобой рвался в сии минуты.

Терзаньми многими, страдал геройский дух,

Томился и стенал и порывался вдруг,

Он тщетно от тебя ответу дожидался,

И хладный твой язык безгласен оставался.

Он мнил тя мертвой зреть, он чтит тя мертвой быть,

Он любит тя, а ты могла его винить.

Дидона

Увы!

Анна

Несилен был уже и глас Ахатов,

Спасти троянский флот, бежать от сопостатов,

Напрасно силился Ахат его отвлечь,

И дружеска уже была невнятна речь.

Лишь сердце в оной час терзала страсть презлая,

«Промолви, – говорил, – промолви, дорогая»!

Дидона

О боги!

Анна

Случай злой!

Дидона

О небо! Лютый рок!

Примите слабых слез, очей нещастных ток.

Довольно я жила – довольно зла терпела,

Убийства, ков, презор – я все то в мире зрела,

Я все, чем можно лишь дух смертных всколебать,

Встревожить бедну грудь, злощастных ум терзать,

Нещастная! Все то стремилось на меня!

Что исчисляю я, беды свои стеня?

Бессмысленна! Теперь я оны исчетаю,

А настоящую беду позабываю!

Ах! знаю ль, может быть, падет уже мой трон,

И град врагам отверст стоит без оборон.

И изувер Иарб во крови убиенных,

Во крови плавает пенонов покоренных.

На стены вы бежать, к сражению, к полкам

Велите.

Анна

С вестию идет се воин к нам.

Явление последнее.

Прежние и вестник

Дидона

Увы! Что скажет он?

Вестник

Уж градские громады

<20>

Подвигнулись против Нумидския осады,

Эней там воинство Тирийско учреждал,

И наше воинство с своим он съединял,

Он шел – за ним полки, и ужас шел с полками,

И войско с воинством ударилось полями.

Мечами сшиблися, щитами налегли,

Сразились копьями, смерть всюда понесли[1484].

Луна, что слабый блеск на землю устремляла,

Их тени по земли велики начертала,

И солнце, что в волнах свет дневной погребло,

Огнями горизонт багровыми зажгло.

Эней, великость сил презревши сопостатов,

Повел отборный полк далече от раскатов,

И в тыл бия врагов, он силу их сломил,

Ахата с воинством на стан их устремил,

Как вихри, что сложа к погибели пловущих,

Друг другу вопреки свистят меж волн ревущих,

В сомнении пловец покинул руль и снасть

И зрит со всех сторон разверсту ветров пасть,

Внезапу Аквилон средь буйного потока

Преодолеет мощь и юга, и востока,

Волною корабли на север понесет,

И ветры западны в пещеры поженет,

Так[1485] от меча вражеска дрожали,

Когда по берегам понтийским побежали.

Прервался меж полков порядок их и строй,

Дымящаясь их кровь свилась с волной морской.

Как львы рыкающи, они от ран ревели

[1484] Первоначальный вариант: «Сразились копьями, повсюда смерть несли».
[1485] Первоначальный вариант: «Подобно».

И заглушили глас военныя свирели.

Дотоле между тем полки их гнал Ахат,

Покуда сей предел стал пуст от сопостат.

Эней, немногих с ним имея токмо ратных,

Со мною ждал, скорбя, полков своих обратных,

«И естли, – рек он мне, – узришь Дидону ты,

Скажи ей брань сию, повеждь мои труды,

Вещай, что так уже благоволили боги,

Чтоб невозвратен путь мне был в ея чертоги,

Чтоб жизнь моя была несносней смерти мне».

Вещал и, обратясь он взором к сей стране,

Лил слезы, тосковал, грустил и утомлялся,

Слабел и одолеть себя приготовлялся,

И, скорбно преклонясь, воздел он длани вверх:

«В какие бедства, – рек, – меня злой рок поверг!

Я должен убегать того, что мне любезно,

И всюда <так> бытие влачити бесполезно,

А может быть, уж рок скончал Дидонин век,

Не рок тому виной, я дни ее пресек».

И, паки поглубясь в печаль неизреченну,

Оставил речь свою, стонаньем пресеченну,

А между тем Ахат полки привел назад,

Колико ни хотел Эней печаль скрывать,

Печаль была видна на мужественном взоре,

Когда повелевал он плавающим в море.

Дидона

Что слышу я? Эней…

Вестник

С троянами поплыл.

Дидона

Так все уже в сей день ты, злобный рок, свершил!

<20 об>

Напрасно льстилась я, любовью заражалась,

Питалась той мечтой, котора вображалась,

Уж жаждет ад, своей добычи быв лишен,

Впоследни для меня луч солнца помрачен,

И век пребудет мрак над смутными очами,

Пусть вьется тень моя над теми кораблями,

На коих от меня изменник убежал,

А ты, моим драгим оставленный кинжал,

Тебя Эней мне дал, ушедши чрез пучины,

Ты будь орудием моей теперь кончины.

Анна

Любезная сестра!

Вестник

О пренещастной день!

Клеона

Увы! Нещастий всех последняя степень.

Конец

1774 года 2 мая[1486]

[1486] Поздний комментарий Муравьева: «Я бы почел бы за великое искусство, если бы я разобрал критически все грубые места сей дикой трагедии, ученичества в искусстве благородном чувствительности и сотворения. Если бы я заменил, исправил все полые места разговора (если разговор в ней есть), развернул шествие страсти, нарисовал интригу, которой нет и пр. По крайней мере, я бы увидел, приобрел ли я в десять лет несколько знания сердца, языка, драматического искусства. 1781 ф.<евраля> 26».

Приложение 9. Комедия М.Н. Муравьева «Выигранная тяжба»

Источник текста: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 232. Ч. 483б. Л. 105–120 об.

Выигранная тяжба

Действующия лицы:

Обиралов, Судья, отец Новосветова.

Новосветов, сын Обиралова.

Ябедников, мещанин.

Нравовида, дочь его.

Криводелов, Секретарь Обиралова.

Действие в том городе, где Обиралов судьей.

Явление первое.

Новосветов, Криводелов.

Нов.

Любезной Криводелов как ты служишь моему отцу не можешь ли и мне ты услужить: а дело то не великой важности.

Кривод.

Рад служить вашему высокородию, но да бы оное не против совести моей гласило, тогоради покорно прошу, соблаговолите, ваше высокородие, мне униженному, подробно изъясниться, к чему я вашей милости способен быть?

Нов.

Полно пожалыста, какая совесть у нашей братей секретарей, а нуждица-то ни в полы против твоего искусства, вить ты знаешь, я думаю да и как тебе не знать етого толстого, лысистого и короткого мещанина, его имя гремит по всем приказам.

Кривод.

Не тот ли в.в. которой бил челом на своего повара, якобы оной, его милости повар, не наварны щи зделал, и дабы соблаговолено было исследовать по какой точно причине он выше помянутой то учинил.

Нов.

Может быть. Его зо...

Кривод.

Он же подавал челобитну на башмашника, что он башмашник зделал ему один башмак узко что и засвидетельствовано, тогда прилучившимися у него свидетелями, и утверждено, им истцом присягою, чего ради приказано бы было заплатить ему башмашнику иск

простирающийся, по верной выкладки, на 11 копеек 3/4 денги и 18/29 доль полушки. Суд говорен по форме, и продолжался два года не вступно. Четырёх стряпчих переменяв, он, что всему рублев в двести стало дватцать с лишком челобитен подавано было с его стороны, не упоминая других разходов все дело стало ему в пятсот, доехало бы и до тысячи если б мы хотели прижилить его.

Новос.

Его зовут, Ябедников.

Кривод.

Честной-сте, ваше высокородие, человек; он и на правителтствующий Сенат подавал челобитну и высидел месяца с два в крепости. Благословен и препрославлен-ста будет он в.в. в приказах во веки веков и совсею честною фамилию.

Новос.

Нет право, Крив. обещайся мне услужить; ты не будешь оставлен.

Крив.

Аз ниже имянной, Провинциальной Секретарь Криводелов, клянусь по

присяжной должности, что хощу быть всегда ныне и присно, верен вашему высокородию.

Новос.

Знайте, что я люблю дочь его. А она у него всегда взаперти, и не видит более, никого, как подъячих, секретарей, канцелярских сторожей так надобно искусненько вкрасться и вручить ей сие письмо.

Кривод.

О так за ето , к столбу ещё не привяжут; а к столбу привязать ето значит, усовестить нашего брата приказного, того ради возможно мне без повреждения совести то зделать.

Нов.

Не все ещё ты услышал, однако то на другой раз оставим.

Крив.

Слышим-ста в. высокородие; да вот и батюшка ваш идёт.

Явление второе.

Обиралов, Новосветова, Криводелов.

Новос.

Здравствуйте, батюшка сударь

Обир.

Здорова ста сын, здорова; ба да и ты Криводелов здесь.

Кривод.

Здесь, выше высокородие.

Обир.

А зачем не в приказе?

Крив.

Да там никого не имеется в. высокородие.

Обир.

О безбожники! о бусурмане! о времена! о нравы! Какие нынче веки, уж скоро пришествие Антихристово, так ли в силу Регламента повелено сбираться в канцелярии, вот уж по семь часов било в соборе, а их беззаконников нет ещё, как засажу я их под караул, так они выучатся, как приходить в приказ. Побеги, брат Криводелов или пошли кого нибудь к Ябедникову чтобы он ко мне пришёл.

Кривод.

Тот час, ваше высокородие.

Явление третие.

Обиралов, Новосветова.

Обир.

Ты сын, поедешь ли куда нынче?

Нов.

Я, сударь батюшка.

Обир.

Ты сынок.

Новос.

А и сам не знаю, батюшка меня звали в двое гости, только мне ни туда, ни сюда не хочется.

Обир.

А кто тебя звал?

Новос.

Сперва звал меня дворянин здешней, Верхоглядов, а в другие то гости здешней же фабрикант Вестолюбов; а я ежели поеду нынче, так поеду к Графу Криворукову.

Обир.

Что тебе у етого враля делать?

Новос.

Ето правда, что Граф любит поговорить, но чтож делать батюшка, всяк свой порок имеет.

Обир.

Лучше б ты сын сидел дома, ещё все дни в переди налыгаться сможешь.

Новос.

Да что ж мне батюшка и дома то делать, читать книги, я их и читаю да надобно и в обществе быть полезно, общество всесветная школа.

Обир.

Вот тебе раз! ек он наветренился; Капитан Государев, а ума ни на полушку! уж пора думать о себе, как бы пристроиться к месту, скопить домов, вить в отставку так ты и Маиор. Можешь быть в приписном городу воеводой. Теперь бы ты к делам навыкал, благо отец то у тебя сам деловец, начитывался бы уложения, Регламента, приказов.

Новос.

Ещё годы мои не ушли батюшка, может быть и то время будет что я сам к делам захочу; а теперь я человек молодой, тем потеряю у себя очень много, естли в нынечнее военное время пойду в отставку; етаковых случаев очень мало да и не дай Бог чтоб их много было. Извольте посмотреть вы знаете Храбросердова, он пошёл в поход Капитаном а теперь дослужился до Полковников.

Обир.

С вами не сговоришь; ето уж я наперёд знал, все честь да честь. А что нужды, как наш брат малочиновной хоть и сержант да деревень то побольше и многочиновного имеет, да тысяч пяток другой в процентах ходит.

Нов.

Одного веселит то, другого другое. И всякая вещь имеет свои выгоды.

Обир.

Ан ких <?> напрасно, именье, богатства имеют свои выгоды, а в чести то я бы хотел спросить какие? титулы, ну так ето все вздор, пожалуй наставь себе имен сколько хочешь. Власть так я ей больше имею, нежели иной, фельдмаршал без команды. Пожалуй пленена честь и на того то то ее и ищет. Послушайся нас стариков, добро прощай на час, а как Ябедников придёт, прикажи меня дождаться. Я тотчас приду, схожу на часок в приказ.

Новос.

Прощайте, батюшка, а изволите ли нынче куды поехать?

Обир.

Меня на вечер звал полковник Винолюбов, он живёт тут при выезде из города близехонько. Ежели никуда не выедешь так приезжай к нему.

Новос.

Хорошо батюшка посмотрю.

Явление четвёртое.

Новосветов один.

Вот куда, батюшка меня зовёт, я слышал етот полковник великой пьяница, он секретарской какой то сын да попался к графу Пышнолюбову и был у него шутом, да после как то Граф вывел его в Полковники, теперь живёт себе в деревнях, которых покойной, блаженной памяти его батюшка, понаворовал душ пять сто. Такая беда! неужели никогда правда и честность не могут торжествовать над обманом и хищением. Я, пусть буду беден, но беден будучи, буду добродетелен, чтоб заслужил наконец любовь прекрасной Нравовиды. Что же

не идет мой Криводелов? Я начинаю и безпокоиться, каков был успех моего посла... но вот идёт Ябедников, Криводелова нет с ним.

Явление пятое.

Новосветов, Ябедников.

Ябед.

Здорова-ста ваше высокородие.

Новос.

Добро пожаловать, Сава Онуфрич!

Ябед.

А, его высокородие, высокопочтенной ваш родитель, дома ли обретается ныне?

Новос.

Он, сударь, пошёл на часок в приказ. Попросить вас велел он чтоб вы немного подождали.

Ябед.

Ин мы-сте и подождём его высокородие; а в чем соблагоизволите препровождать скуку? В чтении книг Священного писания?

Новос.

Нет батюшка, какой я чтец, я кабы вы знали, великой ленивец.

Ябед.

И ето-сте изволите напрасно поклепывать на вас.

Новос.

Нет ето сущая истина; а откуда вы теперь?

Ябед.

Из храма Божиего, раннюю сте обедню слушал.

Новос.

Хотел бы я знать что вы дома делаете? мне кажется вам скушно одному — дочку вы одну имеете, а по гостям не слыхал чтоб вы часто ездили.

Ябед.

Я многогрешный, как скоро встану от ложа моего, пойду к заутрене, стоя на молитве, читаю Библию и Новый Завет. Потом пойду на обедню, прочее время употребляю на дела житейские, схожу к вечерне, и так то весь день проходит.

Новос.

Благоугодное дело всегда быть на молитве.

Ябед.

А какая ето книжица ваше высокородие?

Новос.

Я думаю не Ломоносовы ль ето сочинения.

Ябед.

Ето великий-сте муж был.

Новос.

То конечно правда; чем более будет отдаляться от нас то время в которое он жил, тем громчае будет его слава.

Ябед.

Он-сте прославился, в.в. сочинением книжицы о челобитных, да и в своё время был он первой деловец.

Новос.

Вот ето я не знаю, какое б ето было сочинение. (В сторону) какой же он вздор несёт. (Ябед:) он сочинял стихи а не челобитны.

Ябед.

Стихи-сте: я и сам многогрешный стихи делаю. Я преложил на стихи Сираха, и зделал Сатирию на фармазонов.

Новос. Тихо.

Екой <нрзб>, и тот стихи делает конечно будут стихотворствовать и мужики. (К Ябед.) Я думаю ето прекрасное сочинение.

Ябед.

Так-сте в.в. красной бумаге переплетено; в недавном-сте времени зделал я Кант, я его отдам положить на ноты, пономарю моего прихода, а он в том великой искусник, парень доброй.

Новос.

Да вот и батюшка скорёхонько пришёл.

Ябед.

Господь да помошник.

Явление шестое.

Обиралов, Новосветов, Ябедников.

Ябед.

Ваше высокородие. (Кланяется) вашему высокородию всепокорнейший раб и служитель, по приказанию вашего высокородия, приял дерзновение притти к вашему высокородию.

Новос. Тихо.

Ваше безделничество, от вашего безделничества, к вашему безделничеству.

Обир.

Здорова-ста господин Ябедников, я имею нуждицу до тебя.

Ябед.

А какую именно, ваше высокородие.

Обир.

А вот какую, сын выди вон.

Явление седьмое.

Обиралов, Ябедников.

Обир.

У меня здесь есть деревнишка, Г. Ябедников, хлеба родится, благодарю Бога довольно и черезчур; не согласился ли по своей ко мне дружбе, Сава Онуфрич мы станем курить вино и я его стану ставить в город на своих подводах, а ты лишь будешь его продавать, твоё место, твой труд, твой сидельник, за хорошство его беруся я, что уж конечно будет оно лучше кабацкого, и потому охотнее будут покупать наше, прибыль и убыток пополам, итак мы и сравняем, на твоей стороне будет больше прибыли, а на моей меньше убытку, так ли Г. Ябедников?

Ябед.

С охотою-сте, ваше высокородие, согласился бы я на вышеупомянутое предложение.

Обир.

Так что ж нам мешает? Зделаем Контракт да и полно, я на вас во всем надеюсь. Не так ли? дело то все в шляпе.

Ябед.

Сущая правда... но, ах! мы пропали, секретарь ваш идёт, ну ежели он подслушал-сте вв?

Обир.

Не бойся ничего, понеже он мой Креатура. С ним и так мы возили вино из деревни; он к стати пришёл. Криводелов!

Явление осмое.

Обираловка, Ябедников, Криводелов.

Кривод.

Чего соблаговолит в.в. от меня нижайшаго?

Обир.

Подитка брат к нам сюда. Милость со мною соглашается продавать деревенское винишко; оного ради дабы в противном случае, паче чаяния, не произошло не устроек, с обеих, сиречь, Ево милости и нашей стороны, в силу дескать чего посудебно зделать контракт, разумеешь ли?

Кривод.

Слышим-сте ваше высокородие.

Обир.

Ты будешь у нас держать шнуровые книги, розход и приход, так ли Г. Ябедников?

Ябед.

Да, так-сте, так-сте ваше высокородие, прежде речённому и я последствую.

Обир.

Так работай же брат, поскорее делай контракт, Боже да помоги. А ты брат уж его подпишешь. И контракт то будет у Криводелова. Не правду ли я говорю господин Ябедников?

Ябед.

Како-сте не тако.

Обир. (Криводелову)

Мы тебе определим годовое жалованье вином хоть опейся, на кабак ходить не будет потребы.

Кривод.

Всепокорственнейше благодарствую.

Обир.

Чтож? Сава Онуфрич, выпьем по чарке вина, пойдём к жене.

Ябед.

Соблаговолите.

Обир.

Ты гость братец ступай на перед.

Ябед.

Мне-сте недостоит ваше высокородие итти на переди вашего высокородия.

Обир.

Да и мне же не пристойно больно; пойдём вместе.

Явление девятое.

Криводелов.

Вот парочка плутов, ей Криводелову пора прочь от приказу быть и тебе у столба, ежели чего, боже помилуй, и боле не зделается, и так я в губернии написан был в копеисты на месяц, а оттуда уж по прозбе Обиралова попал в секретари сюда, а теперь навязали на меня контракт, да и с ним тебя свяжут, они будут плутовать, а я в чужом пиру похмелье принимай. Что мне делать? и сам не знаю. Контракт писать, ето значит быть причастником

в их плутовстве! досадить Обиралову не делать контракту.... но что ж? Честность моя больше Обиралова. Я ему должен и буду не благодарен, ежели то позабуду, но я и копеистом мог бы быть честен, а секретарём бесчестен, сам себе должен я более всего.... Нет, пусть в благодарность, попросить справедливой услуги, а не такой воли его. Да что я не вижу Новосветова, не выехал ли он куда, ето честной детина, да жаль, что батюшка-то плут. Не очень ему здесь весело, батюшка ему приказал в отпуск сюда проситься, он приехал, да видно что он хочет из него зделать такова же плута. Бог знает удастся ли ему... <К>то то идёт, не Обиралов ли, нет ето сын его.

Явление десятое.

Новосветов, Криводелов.

Кривод.

Где были вы сударь?

Новос.

Прогуливался по берегу. Чтож зделал ли ты, об чем я тебя просил? а?

Кривод.

Мнель, да и не зделать? ето уж и всего смешнее; как батюшка ваш помните, послал меня к Ябедникову, так я позвавши его то милость и остался тут у него, якобы для приему припасу там, которой он мне посулил за дельцо, да и вручил письмецо то вашего высокородия дочери его; она было сперва позамешалась, как я к ней подступил с бумашкою, однако, как сказал я ей про вас, то она приняла его и прочетши, написала к вам в ответ следующее письмо. Извольте взять.

Новос.

Ах! Любезной Криводелов, чем я тебе обязан? всей жизнью своей, и все чем бы я тебя ни наградил за ето не может ни малым чем отдарить за твою услугу, однако во ожидании другого, прими от меня хоть ето в знак благодарности.

Новос. даёт ему кошелёк с деньгами.

Кривод.

Вы, сударь, уж и через чур наградили меня, несравненно больше моих услуг.

Новос.

Развертывает письмо и читает.

"Любезной Новосветов!

Не осудительно ль иметь переписку, девице с мущиной, и не подвергаюсь ли я опасности когда тебе пишу сие письмо? не прочитавши разодрать письмо, вот долг мой; но что? Я делаю совсем противное тому и делаю все то для тебя! рассуждать и догадываться вольно всем, но я думаю, и думать всегда так стану, что не льзя статься, чтоб мои прелести, у вас что стоить могли. Прощай" (цалует письмо).

Ах любезная Нравовида, зачем ты обо мне таких мыслей, чтоб я тебя не любил? Нет, покуда будет дух в теле моем, всегда пребуду тебе верен, и красы твои не исчезнут из ума моего. Но что ты так задумался Криводелов?

Кривод.

Есть об чем подумать в.в.

Новос.

Что за новость?

Кривод.

Не знаю как и быть; но что я мешкаю? одно либо другое. Между нами будь сказано, батюшка ваш корыствовать хочет.

Новос.

Что ты говоришь?

Кривод.

Мне и контракт велел написать.

Новос.

Контракт! А зачем?

Кривод.

Он в ето не очинь вступает, а товарищем принимает отца вашей Нравовиды.

Новос.

Ах! что я слышу? так за тем то и звал он его.

Кривод.

Сами ведаете, да пожалуйте не шумите; притворитесь, будто ничего не знаете, а то мне некуды и деться будет, как он узнает, что я вам про то сказал.

Новос.

Тебе братец, нет ничего, ты посторонней человек, а я ето не очень охотно слышу, всякому своё больно.

Кривод.

Да не худо и мне то, как примутся Боже сохрани то контракт писал, дами знал а не доносил!

Новос.

Постой, что мне встало на ум?.. нельзяль написать векселька задним числом на господина Ябедникова на какую нибудь большую сумму

(114 об)

да и дать ему подписать его, вместо контракту то, он я думаю очень скуп, так как мы его протестуем, не может ли по моему предложению выдать за меня Нравовиду?

Кривод.

То правда, что он очень скуп, но вить не уж то он слеп будет, когда он начнёт читать, так увидит он не контракт а вексель?

Новос.

А ты ему сам прочти.

Кривод.

Хорошо, как он не привяжется, а ну как и за чтецом то, попересмотрит вить етакого плута поискать, он везде повыкопает.

Новос.

И, какой ты трус! как нет ничего, на все надо отважиться, ин ты зделай, для предосторожности и контрактец, а как подписывать станет, так ты вексель то и подложишь, разве вот что беда то нам как батюшка то возьмёт его к себе.

Кривод.

О, етого не бойтесь! они меня учинили своим бухгалтером, и контракт то у меня останется.

Новос.

И в правду?

Кривод.

Конечно правда.

Новос.

Так что ж? по етому и препятства то нам нет никакого. Подумай-ка? а?

Кривод.

подумавши.

.... добро. Извольте, что делать? быть так, хоть ето и на плутню походит но делаю то для вас и не в обиду никому, когда лишь только так щастлив буду, что сим средством получите вы Нравовиду. (Садится за стол берет перо в руку и пишет).

Новос.

Нет, не думай, Кривод., чтоб я денгами пользоваться хотел, я б великой был плут.

Кривод.

Я того и не думаю. Да какую ж сумму написать то его?

Новос.

На какую нибудь; хоть на десять тысяч.

Кривод.

Хорошо, сударь.

Новос.

А ты, Криводелов, будь уверен, что не напрасно трудиться будешь, и сколько силён буду отплатить тебе за все то, что ты предпринимал для меня ни для денег или для какой либо корысти а из одного ко мне усердия. Так постараюся наградить тебя за все, для меня предприемлемые опасности. Признайся что лучше служить любовникам нежели в приказе; здесь можешь ты набогатиться без повреждения совести, и без ежечасного

опасения столба, только правда нехудая и столб удержание лихоимства; но скоро вы позабываете ето и все привыкнется, не может ничто выкоренить из нас порока, как разве одно хотение в себе самом не быть порочным. Вам ето не много колко но я правду говорю.

Кривод.

Вот сударь, вашему высокородию, и вексель готов.

Новос.

Читай-ка.

Кривод.

"1771 года, 16 марта, на 10000 рублёв. В год от сего 16 марта 1771 году по сему одинакому векселю, повинен я заплатить Г. Новосветову десять тысяч рублев ходячею серебряною монетою ".

Новос.

Покорно благодарствую, сим надеюсь получить Нравовиду.

Кривод.

Дай Бог. Но вот идёт наш мещанин; побегите поскорее чтоб он вас не увидал.

Явление первое надесят.

Криводелов, Ябедников.

Ябед.

Что, ваше высокоблагоутробие, соблаговолили совершить контрактец и нижайший раб ваш готов для рукоприкладства.

Кривод.

Вот он сударь, прикажите прочитать.

Ябед.

А вот посмотрим (ищет очков) да где они засунулись, добро я так подпишуся (подписывает).

Кривод. (Тихо).

Слава богу.

Ябедник.

Чего соблагоизволите.

Кривод.

Нет: я так говорю, слава де Богу, что сподобил Господь зделать такое обязательство, дай Бог, чтобы вы держать его сподобились твёрдо и не нарушимо.

Ябед.

Авослибо Царь небесной и услышит мольбу мою, вот как скоро домой приду отслужу молебен и поставлю пятикопеечную свещу, и обещанье на себя положил десятую часть того, что Бог пошлёт из етого промыслу употребить на богатую ризу Николаю чудотворцу. Да что ж за труды?

Кривод.

И без того, обойдётся.

Ябедник.

Нет: никако-сте, больно потребно прошу принять.

Кривод.

На что ето: я не для интересу...

Ябед.

Соблаговолите в. высокоблагоутробие.

Кривод.

Покорно благодарствую.

Явление второенадесять.

Криводелов.

Что ето в бумашке завёрнуто: конечно рубли два,... ах! да ето пятикопеешник, то права изубытил я господина Ябедникова; да от етакого скупца и ожидать более нечего.

Явление третьенадесять.

Новосветов. Криводелов.

Новос.

С чем поздравить нас?

Кривод.

С медным пятикопеешником.

Новос.

Что ето значит?

Кривод.

Хорошой вопрос, что ето значит? неуж ли не можете догадаться, что ето щедрое награждение Г. Ябедникова, за мои труды что я ему контракт писал. Нет, не потачь, сударь, вексель то подписан а пять копеек то выманено. Вот и вексель с его рукою. Под тот час, слава Богу, и очков то не мог сыскать, да и подписался.

Новос.

Поетому мы старого обманщика обманули, да чтож нам с ним делать? Послать протестовать в Магистрат?

Кривод.

Здесь нет, сударь, магистрата, а протестовать то, так в Канцелярии.

Новос.

В Канцелярии! как же батюшка его и увидит?

Кривод.

И нет, сударь. Я ему искусненько подсуну, положитесь на меня, не в первой раз учуся я судей обманывать, а особливо для такова честнаго человека, как вы. Какой секретаришка, когда судью своего за нос не водит! в секретари удостаиваются люди искусные, а судей жалуют для подписки дел. Они у нас всегда у безспорных дел сидят.

Новос.

Так для чегож и судьям быть, когда они ничего не делают? Государь их для того жалует что б он наблюдали во всем закон его и были так сказать орудиями государскими.

Кривод.

И сударь, простите, мне вы еще молодчик молоденькой, вы не знаете, что ето за зверь судья; послушайте меня старика, которой взрос в приказе и вскормлен в протоколе, судьи для того на свет произведены, чтоб им сидеть на стуле, зажмуривши, и брать полными руками с челобитчика и ответчика, и ко всему, что ему ни подаст наш брат секретарь подписываться. Вот прямое дело судейское.

Новос.

Очень хорошо, если они более для утеснения, нежели для облегчения народного зделаны.

Кривод.

Да уж положитесь на меня, сударь, ваш вексель будет иметь действие своё.

Новос.

Ну, Криводелов, смотри же я во всем на тебя положился, чтоб не было противнаго действия, вместо чаяннаго успеху.

Кривод.

Как вам не стыдно сударь и говорить то то, когда уж вы поручили дело своё Оракулу здешняго приказа, так можетель опасаться чего нибудь? вот мы наставим понеже на понеже и принудим конечно Г. Ябедникова, делать то что захотим.

Новос.

Добро, добро; посмотрим.

Кривод.

Теперяж побегу в приказ.

Явление четвёртое надесят.

Новосветов, Ябедников, Нравовида.

Новос. (Тихо)

Что вижу я? Нравовида к нам идёт. Не одноль то приятное мечтание представляется мне? Нет, я не обманываюсь. (Вслух) Сударыня, какое щастие позволяет мне вас видеть?

Ябедников.

Прошу-сте не прогневиться, я привёл сюда дочь свою. Просим-сте в.в. любить да жаловать.

Новос.

Ета прозба не надобна; сударыня, позвольте провесть себя в покой к матушке моей, она будет очень рада такой дорогой гостейки.

Нравов.

Вы изволите принимать на себя через чур великой труд.

Новос.

Такой труд не инаков мне, как весьма приятен.

Нравов.

Вам угодно сударь так говорить.

Явление пятое надесят.

Ябедников.

Вот самое то молодоумье-сте, живёт в праздности и ничего не делает, как он может быть полезен обществу? Я не понимаю, как ети люди живут на свете и какая приятность в жизни их, когда они ни с кем не тягаются, ни на кого не бьют челом? Чемже мы рознимся и от безловесных скотов, когда и в приказ не ходим? То то развращенные нравы! Дадут те Праведному Судие, Господеви Боги отчёт на Страшном и не лицемернем его судилище, которые талант свой зарыли в земле. И совесть едаких людей так заглушена, что они не чувствуют ни малого угрызения; в том что они идут против узаконений Господних. Для чегож и люди сотворены на свет? ты думаешь, есть да пить, да спать, куды больно нежен! Нет, сам работай в поте лица твоего снеси хлеб твой, пиши челобитны, справки, доношенья, выписки, кланяйся в пояс судье, проси секретаря, задобривай повытчика, приноси свою униженность копеисту, своди знакомство с сторожем, три кафтаном приказную пыль, тогда ты не праздной будешь человек. Благодарю моего Бога, с юности моей воспитан был я блаженной памяти покойным моим родителем в страсе Божием и судейском. Я и молод ветреником отнюдь не бывал, посещал Канпании честныя, ходил к секретарям, Архивариусам, регистраторам, протоколистам, канцеляристам, копеистам, сторожам и... Почасту ходил я к его высокородию покойному советнику Крючкотворову, к ассесору Прицепову, то то были, помяни их Господь в Царствии небесном, искусные люди, каких мало людей, все к нам простофиль присылают.

Явление шестоенадесят.

Криводелов, Ябедников.

Кривод.

Вексель на вам протестован, Г. Ябедников в десять тысячах.

Ябедник.

На меня!

Кривод.

На вас.

Ябед.

А кому б я был должен Г. Секретарь?

Кривод.

Г. Новосветову. Вот он. Вашаль рука?

Ябедник.

Кой чорт! Рука то моя, да векселя то я не знаю.

Кривод.

Полноте, сударь, отрицаться, вас к платежу требуют.

Ябедник.

Что за беда! вся наука моя отступает от меня. Скажи братец не волшебство ль тут какое есть?

Кривод.

Нет никакого, сударь; довольно вы признались, что то ваша рука; да вот идёт и сам Г. Новосветов.

Явление седьмоенадесят.

Теж, Новосветов, Нравовида.

Новос.

Простите мне, сударыня, то дерзновение которое приял я открыть вам страсть мою, я долго боролся сам собою однако она одолела все препятствия.

Нрав.

Пресеките разговор етот: я вижу батюшку здесь.

Ябед.

Ваше высокородие, всепокорнейше прошу выслушать речь мою терпеливно: вы на меня вексель протестовали в десяти тысячах!

Новос.

Так сударь.

Ябед.

Токмо я не имею сведения об нем.

Новос.

Имеете ль сведение или нет, довольно мне того что ето ваша рука и что вы изволите мне по нем заплатить 10000 рублев нежели не то принужу вас к платежу приказным порядком. Вот в двух словах все что я с вами намерен зделать или десять тысяч рублев или в острог.

Ябед.

Милостивой Государь, всепокорнейше прошу не льзя ли на меньшей сумме помириться.

Новос.

Не худой вымысел, я теряю свои деньги.

Ябед.

Я у вашей милости никогда не занимал.

Новос.

Ето правда ты у меня никогда не занимал, только я имею вексель на тебя.

Ябед.

Я имею просить в вышшем месте.

Новос.

Да, проси, лишь только в то время в тюрьме посидишь. Вот, послушай, чтоб тебе показать, что я человек сговорчивой, выдай дочь свою за меня, с таким условием, может быть и прощу тебя.

Ябед.

О! с охотою в.в.; токмо я человек бедной и не имущей, какое приданое могу дать за ней?

Новос.

Я приданного и не требую, ежели вы выдадите дочь свою за меня.

Явление осмоенадесят.

Обиралов, Новос., Нравов., Кривод., Ябедников.

Обир.

Что здесь за шум?

Новос.

Батюшка, сударь, я думаю вы не отнимете щастья моего и позволите мне жениться на Г. Нравовиде.

Обир.

Я согласен с моей стороны.

Новос.

А вы сударь?

Ябед.

И я, также в.в.

Новос.

А вы, сударыня, не ужели презрите любовь мою?

Нравов.

Я во всем послушна батюшке.

Новос.

Пойдём к матушке, и не уж то она не изволит согласиться на моё щастье.

Конец.